ЛУЧЪ.

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

СБОРНИКЪ.

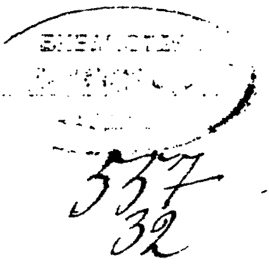
Ук 402

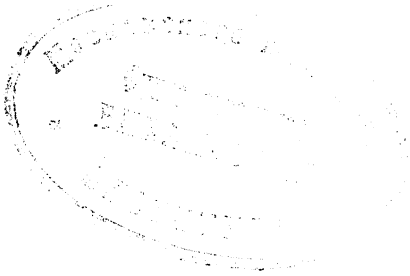
ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ РЮМИНА И КОМП., (ВЪ БОРОВОЙ УЛ., Д. ВОРОНИНА № 7.)

1866.


337
32



КЕЛЕЙНАЯ ТЮРЬМА.

I.

Отрицательное направленіе въ умственномъ движеніи Европы, явившееся съ половины прошлаго вѣка, оказало человѣчеству огромную услугу тѣмъ, что скептически отнеслось къ такимъ явленіямъ общественной жизни, которыя, казалось, могли бы выдержать пробу самой строгой критики. Никто не думалъ, чтобы сомнѣніе коснулось такихъ традицій и предразсудковъ, которые цѣлыя тысячи лѣтъ признавались неопровержимыми истинами. Особенно не думали этого юристы, вооруженные неизчерпаемымъ арсеналомъ всевозможныхъ софизмовъ, наслѣдованныхъ отъ самой почтенной старины и утвержденныхъ послѣдующими вѣками. Но лучъ сомнѣнія запалъ и въ ихъ непроницаемый омутъ. Общественное положеніе преступника обратило на себя вниманіе мыслящихъ людей и сдѣлалось предметомъ критики. Этого было достаточно для того, чтобы раскрыть множество нелѣпостей и преднамѣренной лжи, которыя въ области уголовнаго права считались идеаломъ справедливости. Но дѣло критики тѣмъ и оканчивалось, чтобы указать на старыя заблужденія, а дѣломъ практики было уничтоженіе ихъ въ самой жизни. И такъ какъ рѣшительныя мѣры, основанныя на строгихъ логическихъ выводахъ, почти всегда оказывались безсильными передъ всемогущей рутиной, то на помощь практическаго разрѣшенія уголовныхъ вопросовъ явилась несчастная филантропія, съ ея безтолковыми полумѣрами и самыми жалкими результатами. Филантропія, какъ плодъ реакціи противъ XVIII вѣка, взяла на себя непосильный трудъ рѣшать общественные вопросы, которые всего менѣе напрашивались на ея сантиментальный либерализмъ. Она *чувствомъ* хотѣла помочь злу, когда оно требовало холоднаго *разсудка*,

и вмѣсто неумолимыхъ фактовъ науки выставляла на показъ свои вздохи и слезы, отъ которыхъ никому не было легче. Одиночное заключеніе было продуктомъ этого филантропическаго настроенія, и по результатамъ своимъ можетъ служить лучшимъ доказательствомъ фальшивости этого настроенія. Теперь ясно, какъ день, что вопросъ объ одиночномъ заключеніи можетъ быть разрѣшенъ только съ помощію безпристрастной критики и смѣлой практической реформы, а не филантропическихъ вздоховъ. Въ этомъ отношеніи, повидимому, всего лучше могутъ быть употреблены точныя числовыя данныя. И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ и какъ убѣждать огромную массу тупыхъ людей, которая предпочитаетъ одиночное заключеніе всѣмъ другимъ только потому, что оно самое мучительное? Людямъ этого сорта, когда они для пораженія своихъ противниковъ отправляются за оружіемъ въ область научныхъ изслѣдованій, особенно нравятся нынѣшнія неточныя и разнорѣчивыя статистическія данныя, по которымъ оказывается, что одиночное заключеніе есть благодѣяніе, изобрѣтенное филантропами для спасенія кошельковъ мирныхъ гражданъ и для исправленія всѣхъ воровъ и разбойниковъ. Если противники этого сорта находятъ въ статистическомъ арсеналѣ оружіе для нихъ невыгодное, они обходятъ его съ великой осторожностію и снимаютъ со стѣны какъ разъ то, что приноситъ наибольшій стыдъ современной филантропіи и уголовной практикѣ. Конечно, споръ былъ бы невозможенъ, если бы статистика, съ точностію таблицы умноженія, представляла данныя, недопускающія возраженія и доказывающія, что доведеніемъ заключенныхъ до идіотизма, окончательнымъ разстройствомъ ихъ нервовъ и медленнымъ, но вѣрнымъ, сокращеніемъ ихъ жизни нельзя способствовать ни усовершенствованію человѣческой породы, ни создать матеріальное благосостояніе, ни измѣнить или устранить соціальные недостатки настоящаго общественнаго быта. Но съ одной стороны безспорныхъ цифръ добыть совершенно невозможно, потому что для этого пришлось бы передержать въ одиночныхъ тюрьмахъ огромную массу людей и такими искуственными экспериментами филантропическаго характера превратить половину европейскаго населенія въ кретиновъ и идіотовъ; а съ другой,—благодаря самой сущности человѣческой природы, на свѣтѣ бывало всегда довольно разсудительныхъ людей для того, чтобы не давать торжествовать человѣческому тупоумію. Въ этомъ и причина, почему одиночное заключеніе проиграетъ свое дѣло даже и безъ статистическихъ доказательствъ его непригодности. Разсудительные люди черпаютъ

свое пониманіе общественныхъ вопросовъ не изъ статистикъ и не изъ печатныхъ книжекъ, а въ собственномъ умѣньи наблюдать и понимать самую жизнь. Поэтому не можетъ быть болѣе грубой ошибки, какъ злоупотребленіе научными изслѣдованіями и статистическими данными, если хотятъ ими пользоваться для оправданія человѣческихъ заблужденій и общественныхъ золъ и какъ доказательствомъ мудрости и непогрѣшимости традиціонныхъ соціальныхъ порядковъ. Есть много вопросовъ, которыхъ не можетъ разрѣшить никакая статистика, и, можетъ быть, не разрѣшитъ ихъ она сто, двѣсти, триста лѣтъ; но неужели изъ этого слѣдуетъ, что нужно поклоняться рутинѣ, когда она возмущаетъ чувство и разсудокъ? Напримѣръ, изъ судебныхъ отчетовъ Англіи, представленныхъ въ послѣднюю сессію въ палату общинъ, оказывается, что ребенокъ 6 лѣтъ, за кражу перочиннаго ножика, былъ приговоренъ къ 12 ударамъ плети и къ семидневной работѣ; 12-лѣтній мальчикъ, за кражу трехъ хлѣбовъ, былъ приговоренъ къ такому же числу ударовъ и къ 14-ти дневной работѣ. Положимъ, что дѣти поступили глупо—хотя это должно быть еще подтверждено,—но неужели взрослые не дѣйствовали въ этомъ случаѣ, какъ настоящіе сумасшедшіе? Или, въ той же самой Англіи, изъ тюремныхъ отчетовъ за 1860 годъ оказывается, что были приговорены къ тюремному заключенію пятнадцать дѣтей; изъ нихъ трое на 3 года, трое на 4 года, одинъ на 5 лѣтъ, одинъ на 6 лѣтъ и одинъ на *всю жизнь!* А между тѣмъ, исходя изъ ложныхъ традиціонныхъ теорій, можно пріискать множество самыхъ блистательныхъ софизмовъ для доказательства того, что 6-лѣтняго ребенка слѣдовало высѣчь плетьми, а другого ребенка заключить въ тюрьму на всю жизнь, и этихъ теорій конечно и держались присяжные, судьи, коронные адвокаты и всѣ обвинители. Но если бы для доказательства юридической правильности этихъ приговоровъ собрались и сказали бы самыя блистательныя рѣчи десять милліоновъ Миттермайеровъ, неужели приговоры эти и тѣ, кто ихъ изрекъ, оказались бы умнѣе того, чѣмъ они оказываются въ дѣйствительности, и неужели хоть одинъ разсудительный человѣкъ повѣрилъ бы, что какъ судьи, такъ и десять милліоновъ ихъ защитниковъ владѣютъ вполнѣ своими умственными способностями? Поэтому будетъ лучше всего оставить совершенно въ покоѣ и уголовную статистику, и уголовную юридическую теорію, если они защищаютъ необходимость наказанія дѣтей плетьми и заключенія ихъ на вѣки въ тюрьму и отъ мертвыхъ недостаточныхъ цифръ и безчеловѣчныхъ теорій обратиться къ фактамъ живой дѣйствитель-

ности и въ нихъ искать руководящаго принципа. Въ вопросѣ объ одиночномъ заключеніи наибольшую услугу могутъ оказать не Миттермайеръ, а кому вопросъ этотъ извѣстенъ покороче, т. е. сами заключенные и тѣ, кто знаетъ хорошо тюремный бытъ, кто лично наблюдалъ его и умѣлъ читать въ немъ правду, которую ученые юристы не въ состояніи въ немъ увидѣть сквозь свои зеленые очки. Къ сожалѣнію, заключенныхъ никто никогда не спрашивалъ о вліяніи на нихъ одиночнаго заключенія и характерѣ его исправительности; ученымъ людямъ, теоретикамъ и бюрократамъ, всегда казалось, что простой человѣкъ глупъ, и потому онъ не въ состояніи понять, холодно ли ему или тепло, сытъ онъ или голоденъ, приноситъ ли ему тюрьма пользу или вредъ, т. е. ставитъ ли его въ болѣе выгодное противъ прежняго экономическое и соціальное положеніе или нѣтъ. Что же касается тѣхъ, кто имѣлъ возможность наблюдать тюремный бытъ, находясь въ близкихъ и постоянныхъ сношеніяхъ съ заключенными, то мѣста эти доставались всегда людямъ наименѣе способнымъ что нибудь видѣть и наблюдать: вѣдь не министерское же въ самомъ дѣлѣ мѣсто должность тюремнаго смотрителя, и человѣкъ, мечтающій о министерскомъ портфелѣ или о службѣ въ гвардіи или такъ, мирно сидящій съ сложенными руками на мѣшкахъ съ золотомъ, не пойдетъ, изъ одной любви къ человѣчеству, возиться съ арестантами за полтораста рублей годового жалованья. Поэтому изъ тысячи смотрителей можетъ быть одинъ былъ способенъ видѣть въ заключенномъ не только человѣка, съ которымъ слѣдуетъ и обращаться по-человѣчески, но человѣка несчастнаго, страдающаго, служащаго экспериментальнымъ субъектомъ для филантроповъ, моралистовъ и юристовъ. А какъ и этотъ единственный наблюдатель изъ тысячи, можетъ быть, не отличался литературнымъ талантомъ, и что онъ зналъ и наблюдалъ оставалось его личнымъ пріобрѣтеніемъ, то понятно, что тюремный вопросъ могъ существовать цѣлыя тысячелѣтія въ своемъ первобытномъ видѣ: одни мучились и страдали, не смѣя говорить объ этомъ ни слова; другіе мучили, не понимая, что они дѣлаютъ, и тоже молчали. Кому же оставалось говорить? Только съ XIX вѣка тюремный вопросъ двинулся впередъ; но и тутъ цивилизованная Европа занимается больше разговорами, чѣмъ дѣломъ, и до сихъ поръ продолжаются споры о томъ, хорошая или дурная вещь пытки и истязаніе, производимое въ бархатныхъ перчаткахъ. Защитники одиночнаго заключенія увѣряютъ, что пытка вещь хорошая, и добродушно полагаютъ, что человѣку,

приговоренному къ смертной казни, гораздо пріятнѣе быть повѣшеннымъ на шелковомъ снуркѣ, чѣмъ на пеньковой веревкѣ. Противники же доказываютъ, что шелковый, бумажный, пеньковый или какой хотите снурокъ—все снурокъ, и нѣтъ существенной разницы въ томъ—отрубить ли человѣку голову на гильотинѣ или простымъ топоромъ, мучить его голыми руками или въ бархатныхъ перчаткахъ. Если бы этотъ вопросъ порѣшался простыми, разсудительными людьми, и на совѣтъ были бы приглашены заключенные, то конечно онъ былъ бы давно покончень; къ сожалѣнію, въ дѣло вмѣшались ученые юристы, филантропы, моралисты, доминиканы, бернардины и т. д., въ видѣ ученыхъ пособій взяты пандекты Юстиніана, неточныя статистическія данныя, метафизическія умозрѣнія, и изъ смѣшенія всего этого образовалось нѣчто въ родѣ вавилонскаго столпотворенія, въ которомъ самую печальную роль играютъ старыя заблужденія и упрямство, опирающіяся на невѣрныя наблюденія. Покончить весь этотъ шумъ теперь нельзя, убѣдить упрямыхъ людей цифрами невозможно, потому что этихъ цифръ нѣтъ, и потому остается только знакомить разсудительныхъ людей съ дѣйствительными фактами тюремнаго быта, разсчитывая на то, что если разсудительные люди узнаютъ наконецъ то, чего они не знаютъ, то филантропамъ, доминиканамъ и т. д. придется замолчать, и дѣло устроятъ одни разсудительные люди, а этого только и нужно.

Какъ было уже сказано выше, факты изъ тюремнаго быта до сихъ поръ почти не обнародывались. Я говорю не о тѣхъ фактахъ, которые въ видѣ сухихъ перечней и голыхъ цифръ помѣщаются въ годовыхъ отчетахъ тюремныхъ управленій, и до которыхъ не только обыкновенной, но даже и болѣе развитой публикѣ нѣтъ никакого дѣла,—а о фактахъ живой дѣйствительности, рисующихъ человѣка какъ живое, чувствующее и страдающее существо. Если тюремныя управленія Европы скажутъ, что въ такомъ-то году находилось столько-то человѣкъ, изъ нихъ умерло столько-то, выпущено на свободу столько-то и затѣмъ подобныя же свѣдѣнія опубликуютъ въ слѣдующемъ году, то изъ этого ряда цифръ можно извлечь почти исключительно одни архитектурныя и хозяйственныя заключенія, т. е. можно узнать тѣсно или широко приходилось сидѣть заключеннымъ, достаточно или недостаточно тюремныхъ помѣщеній и много или мало стало содержаніе заключенныхъ. Что же касается до психологическихъ процессовъ, то ихъ изъ статистическихъ отчетовъ никакъ не узнаешь, и одно хорошее литератур-

ное описаніе тюремной жизни познакомитъ съ тюремнымъ вопросомъ лучше всѣхъ оффиціальныхъ отчетовъ, взятыхъ съ сотворенія міра. Оффиціальные отчеты составляются уже давно; но хотя бы у насъ: развѣ мы знали что нибудь о жизни арестантовъ до «Записокъ изъ мертваго дома?» Только съ этихъ поръ мы поняли, что тюрьма—особый міръ, міръ самыхъ мучительныхъ страданій и самаго глубокаго нравственнаго паденія человѣка—и тюремный вопросъ выступилъ у насъ на очередь общественныхъ вопросовъ. Въ Западной Европѣ, гдѣ развитыхъ людей гораздо больше, можно бы ожидать и болѣе благопріятныхъ условій для гласности тюремнаго быта, а между тѣмъ и тамошняя литература очень бѣдна сочиненіями этого рода и особенно описаніями жизни одиночныхъ узниковъ. Лучшія сочиненія имѣются у англичанъ, и однимъ изъ нихъ я буду пользоваться въ настоящей статьѣ.

Сочиненіе это написано смотрительницей женской тюрьмы и потому-то оно имѣетъ особую цѣну. Въ мужчинахъ развита больше стадность и управлять массами ихъ гораздо легче. Женщины не то. У нихъ интеллектъ дѣйствуетъ слабѣе; но за то страстность доходитъ до своего высшаго развитія и рѣзче проявляется индивидуальность. Отъ этого ихъ чувствующій организмъ, потрясенный одиночнымъ заключеніемъ, обнаруживаетъ ярче всего всѣ тѣ особенности, которыя придаютъ спеціальный характеръ селюлярной системѣ и дѣлаютъ келейную тюрьму чѣмъ-то особеннымъ, изъ ряду вонъ выходящимъ наказаніемъ, справедливо названнымъ филантропическимъ варварствомъ.

II.

Когда осужденная доставлена въ тюрьму и соблюдены всѣ формальности ея пріема, ее отводятъ въ особую комнату, гдѣ и обстригаютъ волосы. Спросите зачѣмъ? Такъ велятъ правила, отвѣтятъ вамъ. А зачѣмъ это правило, кто составилъ его и какое моральное значеніе имѣетъ оно? На этотъ вопросъ вамъ никто ничего не отвѣтитъ.

Общее правило, что ни одна женщина не позволяетъ стричь себѣ волосъ и не подчиняется этой операціи безъ сопротивленія. Женщины, совершенно спокойно убивавшія своихъ дѣтей и отравлявшія мужей, ломаютъ руки съ отчаяніемъ, плачутъ, просятъ, мо-

лятся, какъ только увидятъ ножницы или почувствуютъ ихъ прикосновеніе къ своимъ волосамъ. Но какъ ни мольбы, ни слезы не помогаютъ, то несчастныя, доведенныя до отчаянія, рѣшаются на послѣднее средство—они сопротивляются открытой силой, и тогда призываются сторожа и упрямыхъ связываютъ или держатъ за руки и обстригаютъ.

Во время стрижки волосъ обнаруживается лучше всего индивидуальный характеръ каждой заключенной, такъ что для надзирательницы въ это время удобнѣе всего знакомиться съ особенностями каждой личности. Одни изъ женщинъ, сосредоточенной натуры, подчиняются молча своей судьбѣ, и съ сократовскимъ стоицизмомъ, сжавши губы, молча наклоняютъ голову, подставляютъ ее подъ ножницы и затѣмъ обычнымъ порядкомъ отправляются въ ванну. Другихъ поражаетъ ужасъ, третьи плачутъ страстно, слезами отчаянія; четвертыя умоляютъ спасти ихъ отъ стыда, бросаются на колѣни и просятъ вымолить у главной начальницы, разрѣшенія ихъ не стричь. Женщины съ дипломатическими способностями думаютъ смягчить сердце надзирательницы болѣе или менѣе тонкой лестью. Есть и такіе, которыя при иныхъ условіяхъ могли бы выдти ученными юристами. Эти опять ищутъ защиты въ правѣ и думаютъ убѣждать юридическими доводами. Такъ разъ привезли шестидесятилѣтнюю старуху, старую тюремную птицу, проведшую двѣ трети своей жизни въ заключеніи. Когда ее посадили на стулъ для стрижки, то она сказала: «нѣтъ, миссъ, на этотъ разъ, если вамъ угодно, это невозможно». Миссъ, къ которой относилось замѣчаніе, отвѣтила, что того, что слѣдуетъ, избѣгнуть нельзя т. е. нельзя оставить пріемную комнату съ нестриженными волосами. «Съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣлись въ послѣдній разъ, сказала заключенная, положеніе вещей измѣнилось; право, миссъ, вы не имѣете никакого права тронуть даже хотя одинъ волосъ на моей головѣ». — Какъ такъ? — «Если вамъ угодно, миссъ, — я замужемъ! и старуха взглянула на смотрительницу съ выраженіемъ полнаго торжества.» — Что вы хотите этимъ сказать? Садитесь. — «Какъ что я хочу сказать этимъ! Очень просто, что мои волоса принадлежатъ моему мужу, и по закону вы не смѣете къ нимъ прикоснуться; они принадлежатъ моему мужу, а не мнѣ; даже сама королева не смѣетъ наложить на нихъ руку». Противъ ванны заключенная не протестовала, потому что законъ не говоритъ объ этомъ ни слова; но волоса дѣло другое, здѣсь она была убѣждена вполнѣ въ своемъ правѣ. Когда же она увидѣла,

что ея протестъ не дѣйствуетъ, она потребовала директора, какъ человѣка лучше знакомаго съ законодательствомъ Англіи; а когда за директоромъ никто не отправился и ей все-таки обрѣзали волосы, то она поклялась при первомъ посѣщеніи директора объяснить ему все, потому что во всю свою жизнь она не бывала свидѣтелемъ болѣе позорнаго оскорбленія закона.

Все это можетъ быть очень смѣшно или глупо, какъ кто находитъ, но сущность все-таки въ томъ, что стрижка волосъ составляетъ въ глазахъ женщинъ глубокое оскорбленіе ихъ человѣческаго достоинства, и для спасенія его онѣ, какъ утопающіе, хватаются за всякое средство. Подобная юридическая ссылка на мужнія права и вообще желаніе выдать себя за честную, замужнюю женщину, или наконецъ упорное сопротивленіе всякой внѣшней силѣ не заключаютъ въ себѣ конечно много драматизма. Но операція стрижки волосъ кончается иногда и печальнѣе. Такъ одна дѣвушка послѣ стрижки впала въ совершенное помѣшательство, въ которомъ оставалась цѣлыя сутки. Это была молоденькая и хорошенькая шотландка. Во время пароксизма она кричала постоянно голосомъ отчаянія и почти не переставая: «ахъ, не стригите мнѣ волосъ, ахъ, не стригите мнѣ волосъ!» Замѣчено, что послѣ стрижки женщины, смотря по темпераменту, становятся бранчивѣе, сварливѣе, скрытнѣе, дичѣе. И причина этого лежитъ въ томъ, что женщина, вступающая въ тюрьму, вовсе не оставляетъ за ея стѣнами своихъ природныхъ свойствъ и привычекъ. Волоса въ жизни женщины играютъ дѣйствительно важную роль, это ея природное украшеніе, которымъ она очень дорожитъ и тщеславится, и потому лишать ее подобной дорогой для нея вещи и особенно безъ нужды, разумѣется, жестоко. Философы-филантропы могутъ возразить, что это мелочь, которая не огорчитъ ни одного мыслящаго человѣка, что волоса стригутъ для чистоплотности и т. д. Все это можетъ быть справедливо, и безъ сомнѣнія филантропы не огорчились бы, если бы имъ, ради чистоплотности, даже обрили головы. Тѣмъ не менѣе все-таки несправедливо требовать отъ всѣхъ такой титанической разсудочности, какой владѣютъ филантропы, и факты жизни говорятъ, что женщины ею не владѣютъ и считаютъ великимъ для себя позоромъ лишиться волосъ. Думаю, что это такая причина, которую стоитъ уважить и конечно, когда тюремное дѣло перейдетъ изъ рукъ филантроповъ и моралистовъ въ руки разсудительныхъ людей, стрижка волосъ прекратится.

Послѣ стрижки приговоренную къ заключенію отводятъ въ

ванну и затѣмъ облачаютъ въ тюремное платье. Тюремный костюмъ состоитъ изъ коричневаго шерстянаго платья, синяго полотнянаго передника и бѣлаго кисейнаго чепчика. Что-же? думаетъ читатель: тепло, опрятно и красиво; такое вниманіе дѣлаетъ честь англійской филантропіи. И читатель былъ бы безъ сомнѣнія правъ, если бы платья были пошире, лифы покрасивѣе и чепчики поизящнѣе. Никто не станетъ отрицать справедливости и мудрости извѣстнаго аффоризма Соломона о суетѣ. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что заключенныхъ нужно одѣвать чучелами и не щадить невинной наклонности женщинъ къ красивой одеждѣ. Заключенные мужчины въ этомъ отношеніи гораздо разсудительнѣе женщинъ. Мужчинамъ можно наклеивать на спины бубновые тузы, имъ можно надѣвать штаны на половину красные и желтые, имъ можно надѣвать дурацкіе колпаки и даже суконныя маски, и они не только не огорчаются ничѣмъ этимъ, но даже смѣются надъ своимъ маскерадомъ. Женщины въ этомъ отношеніи гораздо чувствительнѣе; смѣшное для мужчинъ—имъ вовсе не смѣшно, и въ какомъ бы положеніи женщина ни находилась, она не забываетъ ни на минуту о своей наружности. Творцы тюремной дисциплины упустили это обстоятельство совсѣмъ изъ виду. Чѣмъ они руководствовались—неизвѣстно; хотѣли ли они преподать женщинамъ на практикѣ мудрый аффоризмъ Соломона, или просто, по своей мужской грубости, ставили ни во что красоту одежды и женскихъ формъ, или наконецъ имъ хотѣлось помучить безъ нужды бѣдныхъ заключенныхъ,—только въ окончательномъ результатѣ явилась ненужная строгость дисциплины и мелочной педантизмъ, дѣлающіе положеніе женщинъ сравнительно болѣе тяжкимъ, чѣмъ положеніе мужчинъ, и ведущіе къ провинностямъ и наказаніямъ, которыя безъ этого бы не существовали. Потому что тюремное положеніе для женщинъ составляли мужчины вышло то, что кромѣ заключенныхъ страдаютъ еще и ихъ смотрительницы, и постоянная борьба между тѣми и другими, ради ненужнаго исполненія пустой, педантической, смѣшной формальности, составляетъ отличительную черту всякой женской тюрьмы. Заключенныя изыскиваютъ всевозможныя средства, чтобы удовлетворить своему тщеславію и успокоить свою страсть къ украшенію; смотрительницы же, съ своей стороны, стараются всѣми мѣрами подавить это стремленіе, проявленіе котораго строго запрещено тюремнымъ уставомъ. Въ этой борьбѣ двухъ началъ, борьбѣ, созданной искуственнымъ образомъ, торжество побѣды достается не всегда на долю юридической силы. Большин-

ство женщинъ подчиняется мучительной для нихъ строгости, но есть и такіе неукротимые характеры, которыхъ сломить нельзя ничѣмъ, которые рѣшительно неспособны согнуться ни предъ какою строгостію и которыхъ всякое физическое принужденіе доводитъ до бѣшенства, уподобляющаго ихъ дикимъ животнымъ. И до сихъ поръ въ Мильбанкѣ и Брикстонѣ сидятъ женщины, съ которыми передѣлали все, что только въ состояніи выдумать озлобленное человѣческое насиліе, если оно страстно стремится къ достиженію своей цѣли, и ничто не сломило ихъ. Онѣ бѣснуются, придумываютъ всевозможныя непріятности своимъ мучителямъ въ озлобленіи страшны какъ дикіе звѣри, мучатся и болѣютъ и дѣлаютъ по своему, не смотря ни на какія наказанія. Соблюдать съ такими неукротимыми существами въ строгости правила тюремной моды значитъ довести ихъ до полнаго нервнаго разстройства и убить медленнымъ образомъ, потому что сломить ихъ можетъ только смерть. А потому человѣколюбивое тюремное начальство, нежелающее навлекать на себя упрека въ смертоубійствѣ своихъ заключенныхъ, по необходимости смотритъ сквозь пальцы на мелочныя отступленія въ костюмѣ, дозволяемыя себѣ неукротимыми. Такая снисходительность дѣлаетъ конечно честь тюремной власти, имѣющей полное право убивать медленной пыткой своихъ заключенныхъ и не смотря на то ихъ неубивающей. Но съ другой стороны и отступленія отъ моды такъ ничтожны, что похвала тюремному человѣколюбію можетъ и не доходить до особенно поразительнаго размѣра.

Кромѣ замѣчательной силы характера стремленіе къ самоукрашенію обнаруживаетъ весьма тонкую и остроумную изобрѣтательность арестантокъ. Такъ одна изъ заключенныхъ обратила разъ общее вниманіе начальства на необычайно яркій цвѣтъ своихъ щекъ. Что она была нарумянена, въ этомъ никто не сомнѣвался; но при полномъ отсутствіи всѣхъ красильныхъ матеріаловъ вопросъ о томъ—какъ и чѣмъ могъ быть произведенъ необычайный румянецъ—получалъ особенный интересъ. Нарумянившаяся сохраняла свой секретъ въ глубочайшей тайнѣ и только послѣ тщательныхъ разслѣдованій удалось начальству достигнуть своей цѣли. Оказалось вотъ что. Заключенныя женщины обязаны шить рубашки для арестантовъ. Рубашки эти шьются изъ синей бумажной матеріи съ красными полосками. Изъ этихъ-то красныхъ полосокъ нарумянившаяся повыдергала, незамѣтнымъ образомъ во время шитья, столько ниточекъ, что намочивъ ихъ такимъ же секретнымъ образомъ въ водѣ, она добыла красную краску, сообщавшую ея щекамъ поразі-

тельно красный цвѣтъ. Такъ какъ всякій талантъ находитъ всегда цѣлую массу подражателей, то по мѣрѣ того, какъ извѣстіе о новомъ изобрѣтеніи доходило до заключенныхъ, всѣ онѣ принимались за выщипываніе красныхъ нитокъ, и потребовался особенно строгій надзоръ за работой. И до сихъ поръ румяны и бѣлилы составляютъ главнѣйшую слабость англійскихъ заключенныхъ, и каждая красная нитка, гдѣ бы она ни встрѣтилась, постоянно выдергивается для этой цѣли. Что же касается до бѣлилъ, то ихъ замѣняетъ простая известка, выколупываемая изъ стѣнъ.

Подобную же поразительную изобрѣтательность обнаруживаютъ женщины и въ другихъ отдѣлахъ моды. Такъ авторъ, которымъ я пользуюсь, указываетъ на одну заключенную, Марію Бэлль, выказавшую въ этомъ отношеніи особенную геніальность. Когда Бэлль заключили въ первый разъ, ей было около двадцати лѣтъ. Это была красивая дѣвушка, очень хорошо знавшая, что она хороша. Ловкость, съ какой она производила преобразованія своего костюма, приводила всѣхъ въ изумленіе. Особенно поразительно было искусство, съ какимъ она сообщала новую физіономію своему платью и превращала простыни въ юбки. Не менѣе замѣчательна была и быстрота, съ какой она въ первое же утро, по вступленіи въ тюрьму, давала модный оттѣнокъ своему платью. Тюремное начальство ставило ей это въ вину, но не ставило себѣ въ вину того, что, не будь его форменныя платья верхомъ безобразія, Бэлль не стала бы заниматься ихъ преобразованіемъ. Главный недостатокъ тюремнаго платья въ томъ, что у него чрезвычайно коротка талія и слѣдовательно формы тѣла не обрисовываются. Бэлль знала это очень хорошо и употребляла всѣ усилія, чтобы поправить ошибку англійскаго правительства, упустившаго это обстоятельство изъ виду. Получивъ въ первый разъ, по вступленіи въ тюрьму, обыкновенное платье, она на слѣдующее утро явилась въ платьи широкомъ, съ длинной таліей, возбудившемъ общее вниманіе всего отдѣленія. Особенно поразило всѣхъ искусство заключенной, умѣвшей безъ всякихъ вспомогательныхъ средствъ, какъ напримѣръ китоваго уса, сообщить корсету необычайно изящную форму. Этотъ замѣчательный швейный талантъ не только не былъ оцѣненъ по достоинству, но еще возбудилъ преслѣдованіе. Выговоры и замѣчанія посыпались на Бэлль со всѣхъ сторонъ, но она была не изъ тѣхъ натуръ, которымъ можно противорѣчить: въ ней сидѣлъ злой духъ и кромѣ того она обладала львиной силой, такъ что раздраженная властями, она пускала въ ходъ всѣ свои физическія

и нравственныя силы и тогда поднималась вся тюрьма. Если начальству удавалось убѣдить ее сообщить своему платью казенный фасонъ, въ такомъ случаѣ она дѣлала какія нибудь преобразованія въ чепчикѣ или придумывала новую прическу, лишь бы хотя чѣмъ нибудь измѣнитъ монотонную одноформенность костюма. Этой Бэлль, между прочимъ, принадлежитъ честь изобрѣтенія особенной помады изъ сальныхъ свѣчей. Вообще ея изобрѣтательный духъ находилъ себѣ пищу во всемъ. Засадятъ ли ее въ штрафное отдѣленіе, она тотчасъ же распорядится проволочной рѣшеткой у окна, вытащитъ мѣстами проволоку, такъ что ни смотрительницы, ни сторожа ничего не замѣтятъ, и воспользуется ею какъ китовымъ усомъ для сообщенія своему корсету большаго изящества. О подобномъ нарушеніи тюремной дисциплины, вѣроятно, никто бы никогда не догадался, если бы не особенный случай. Увлекшись излишне желаніемъ нравиться, Бэлль такъ перетянула свой проволочный корсетъ, что упала во время обхода въ обморокъ.

Эта замѣчательно-энергическая личность, какъ и всѣ сильныя натуры, положила основаніе многимъ тюремнымъ обычаямъ, и примѣръ ея не погибъ. Стремленія безталанныхъ людей не достигаютъ своего осуществленія, но сильный человѣкъ, идущій упорно къ своей цѣли, всегда достигаетъ того, что ему нужно и прокладываетъ еще и путь другимъ. Такъ было и съ Бэлль. Ея остроумныя изобрѣтенія до сихъ поръ переходятъ по наслѣдству отъ одной заключенной къ другой и какъ установившійся обычай, конечно, сохранятся до тѣхъ поръ, пока не измѣнится вызывающая ихъ дисциплина англійскихъ тюрьмъ.

Приведу еще одинъ довольно любопытный фактъ хитро придуманнаго плана, вызваннаго тѣмъ же тщеславнымъ чувствомъ. Одна изъ смотрительницъ Мильбанкской тюрьмы, проходя вечеромъ, съ свѣчой въ рукѣ, по корридору, была остановлена одной изъ заключенныхъ, стоявшей у дверей своей кельи. «Благослови васъ Богъ, прошептала затворница. Я такъ рада васъ увидѣть нынѣшнюю ночь; у меня есть кое-что на душѣ, чтобы я хотѣла вамъ открыть.»—Вы не должны говорить, отвѣтила смотрительница; вы мѣшаете другимъ.—Я буду говорить шопотомъ, если вы согласитесь выслушать хотя одно слово.—И смотрительница придвинулась къ самой рѣшеткѣ двери. Заключенная, заговоривъ тихимъ слезливымъ голосомъ что-то, внезапно просунула руку сквозь рѣшетку и оторвала кусокъ растопившагося сала отъ свѣчки. «Мнѣ какъ разъ нужно было немного сала для волосъ, сказала она, растирая

его обѣими руками. Я вамъ очень благодарна; Богъ благословитъ васъ; мои волоса слишкомъ жестки безъ помады,» и заключенная, разразившись хохотомъ, быстро отскочила отъ двери и легла на кровать.

Тюремное начальство требуетъ, чтобы заключенныя были одѣты прилично и опрятно, и въ то же время не позволяетъ имъ помадиться, имѣть гребни, головныя шпильки, зеркала. Поэтому не удивительно, что помимо личнаго стремленія каждой заключенной сообщать своей наружности извѣстную степень благообразія, онѣ должны еще заботиться о своемъ туалетѣ и по обязанности. Но какъ же заботиться, когда всѣ вспомогательныя для того средства запрещены тюремнымъ положеніемъ. Спросите почему? Почему напримѣръ заключеннымъ не позволяютъ имѣть шпилекъ, иголокъ, писать стальными перьями, имѣть перочинные ножи? Для того, чтобы металлическими предметамй они не могли бы лишать себя жизни? Но это вздоръ. Кто захочетъ лишить себя жизни, тотъ всегда достигнетъ этого и безъ всякихъ шпилекъ и ножей. Можно повѣситься на полотенцѣ у своей собственной кровати, можно разбить себѣ голову металлической кружкой для воды, можно заморить себя голодомъ, можно открыть себѣ жилу гусинымъ перомъ. Однимъ словомъ была бы только охота, а умереть въ тюрьмѣ легко. Но съ какой стати человѣкъ покусится на самоубійство, когда онъ знаетъ, что послѣ извѣстнаго срока его выпустятъ на свободу? Еще можно бы ожидать подобной вещи отъ того, кому предстоитъ смертная казнь. Но и этого рода осужденные не лишаютъ себя сами жизни: ужь такова натура человѣка. Что же касается до тѣхъ, кто желаетъ переселиться къ праотцамъ собственноручно, то, какъ показываетъ опытъ, такихъ господъ не удержитъ никакая тюремная дисциплина и самый строжайшій надзоръ не бывалъ и не будетъ въ состояніи предупредить подобныхъ случаевъ. Педантическая строгость тюремныхъ правилъ, не предупреждая самоубійствъ, ведетъ только къ тому, что смотрительницы должны смотрѣть сквозь пальцы на то, чего предупредить онѣ не въ состояніи. Поэтому у каждой заключенной водятся непремѣнно шпилька, гребенка и даже зеркальцо, тогда какъ по тюремнымъ правиламъ для поддержанія волосъ въ порядкѣ полагается только [illegible]. Особенно драгоцѣнный предметъ изъ всего этого составляетъ зеркало. Каждая заключенная, чтобы пріобрѣсть кусочекъ стекла, изъ котораго домашними средствами должно быть приготовлено зеркало, не задумываясь разби-

ваетъ стекло въ своей кельи. Такое ужасное нарушеніе тюремной дисциплины приводитъ, разумѣется, въ содроганіе всѣхъ смотрительницъ и сторожей, и преступница подвергается самому строгому обыску. Болѣе хитрыя изъ заключенныхъ, принявъ огорченный видъ, сваливаютъ свою вину на какой нибудь неожиданный случай. Но тюремное начальство съ свойственною ему проницательностію очень хорошо понимаетъ, что никакого неожиданнаго случая тутъ нѣтъ и что заключенная хитритъ, но сохраняя свое достоинство, оно дѣлаетъ видъ, что вѣритъ и все-таки строго обшариваетъ всю келью и подбираетъ всѣ осколки битаго стекла. Не смотря однако на проницательность начальства, дѣйствующаго съ гордымъ величіемъ сознающей себя силы, заключенныя, вооружившись оружіемъ слабаго т. е. хитростію, обыкновенно одолѣваютъ гордую силу; это значитъ, что, не смотря на тщательность обыска, начальству не удается отыскать всѣхъ кусочковъ битаго стекла и въ распоряженіи заключенной остается, что ей нужно. При посредствѣ кусочка черной матеріи, украденнаго во время работы или копотью газа или свѣчи драгоцѣнный кусочекъ стекла превращается въ зеркало, которое и хранится съ неменьшею тщательностью, чѣмъ алмазъ великаго Могола. Нестѣсняемое владѣніе такими мелочами, какъ головная шпилька или кусочекъ копченаго стекла, дѣлаетъ счастливыми и слѣдовательно кроткими самыхъ необузданныхъ и неукротимыхъ затворницъ, тогда какъ отнятіе ведетъ къ взрывамъ самой дикой страсти.

Особенно рѣзкимъ преобразованіямъ подвергаются шляпы, потому что изъ всего тюремнаго костюма онѣ составляютъ принадлежность наиболѣе безобразную. Это попросту мѣшки, лишенные всякаго украшенія, и способные возбудить отвращеніе даже въ любой нищей старухѣ. Поэтому понятно, что главное вниманіе заключенныхъ обращено на то, чтобы облагообразить шляпы и сообщить имъ физіономію менѣе возмутительную. Но какъ подобный либерализмъ, оскорбительный для достоинства тюремной дисциплины и изобрѣтательности тюремнаго начальства, терпимъ ни въ какомъ случаѣ быть не можетъ, то власть, по преимуществу мужского пола, какъ менѣе способная понимать потребности женщинъ, съ свойственною ей грубостію вооружается постоянно противъ подобныхъ преступныхъ покушеній прекраснаго пола. Разъ директоръ, возмущенный частью непослушаніемъ узницъ, а частію изяществомъ новаго фасона шляпъ, вздумалъ угрожать, что если эта новая мода не будетъ оставлена и шляпы не будутъ приве-

дены по прежнему въ мѣшки, то онъ вмѣсто кисейныхъ чепчиковъ, пользующихся всеобщею любовью заключенныхъ, введетъ гладкіе, ночные чепчики. Эта угроза возмутила всѣхъ до того, что если бы директоръ отважился привести свою угрозу въ исполненіе, то въ тюрьмѣ вспыхнуло бы страшное возмущеніе. Къ счастію у директора достало настолько разсудительности, чтобы не доводить людей до отчаянія.

Все изложенное имѣетъ конечно анекдотическій характеръ. Но разсудительный читатель сдѣлаетъ великую ошибку, если отнесется къ этимъ фактамъ не съ той серьезностію, какой они заслуживаютъ. Дурацкій фасонъ шляпы, положимъ, мелочь, точно также какъ старушечій фасонъ платья. Но это мелочь только для тѣхъ, кому она кажется мелочью, для другихъ же мелочь превращается въ серьезную вещь, въ вопросъ жизни и опытъ показываетъ, что этихъ другихъ легіонъ. Ненужная педантическая строгость въ соблюденіи одноформенности безобразящаго одѣянія составляетъ нравственную пытку для заключенныхъ, доводящую ихъ до отчаянія и безумія. Зачѣмъ эта пытка? Развѣ теоретическая сущность одиночнаго заключенія въ томъ, чтобы мучить человѣка? Филантропы-моралисты говорятъ — нѣтъ, они хотятъ одиночнымъ заключеніемъ только возстановлять нравственнаго человѣка. Въ такомъ случаѣ зачѣмъ вы говорите одно, а дѣлаете другое. Зачѣмъ вы пытаете несчастныхъ, страдающихъ и безъ того уже разстройствомъ нервовъ? Зачѣмъ, отнимая отъ нихъ самую дорогую для человѣка вещь—свободу, вы налагаете руку еще и на ихъ смыслъ? Вашъ однообразный тюремный режимъ такъ ужасенъ, что если бы вы позволили своимъ заключеннымъ носить платья послѣдняго парижскаго фасона, то и въ этомъ случаѣ никакая пытка не сравнилась бы съ одиночнымъ заключеніемъ.

III.

Режимъ одиночнаго заключенія очень простъ, и принципъ, на которомъ онъ основанъ, заключается въ томъ, чтобы мертвящей одноформенностію подавить въ человѣкѣ всю дѣятельность мысли и нравственную силу. Для достиженія такой филантропической цѣли, жизнь заключенныхъ организована такимъ образомъ, что если бы ихъ помѣщалось въ одномъ домѣ десять милльярдовъ человѣкъ,

и если бы у каждой единицы этого милльярда были бы свои спеціальныя особенности, привычки, желанія, стремленія, то не смотря на то, они всѣ должны жить такой однообразной и методически-устроенной жизнью, какъ будто бы господь Богъ создалъ ихъ похожими какъ два яйца, и какъ будто бы у нихъ нѣтъ ни глазъ, ни ушей, ни языка, ни головы. Въ подобномъ странномъ и противорѣчащемъ природѣ человѣка требованіи, филантропы не находятъ ничего особеннаго, вѣроятно въ томъ научномъ соображеніи, что во многихъ случаяхъ и для многихъ людей голова служитъ безполезнымъ бременемъ. Но если филантропы считаютъ свои соображенія правильными и не на шутку думаютъ измѣнить природу человѣка, за то тѣ, надъ кѣмъ производятся подобные эксперименты, стараются доказать, всѣми зависящими отъ нихъ средствами, что филантропы дѣлаютъ великую научную ошибку. Способы и средства, которыми заключенные заявляютъ свое несогласіе съ своими филантропическими противниками выказываютъ самымъ очевиднымъ образомъ коренную сущность заблужденія авторовъ системы одиночнаго заключенія. Чтобы лучше убѣдить въ этомъ читателя, конечно бы можно привести сначала физіологическія доказательства того, что ротъ, глаза, носъ, уши и голова, какъ проводники мысли, существуютъ у человѣка не какъ праздные и безполезные предметы, а какъ основные органы, обусловливающіе всю сущность человѣческой жизни; и слѣдовательно, если лишить человѣка возможности слушать и говорить, видѣть и обонять, если изолировать его отъ всего внѣшняго міра, то это значитъ покуситься на его жизнь; а какъ для человѣка нѣтъ ничего дороже жизни, то очевидно, что со стороны страдающаго должна возникнуть борьба за существованіе,—борьба тѣмъ болѣе отчаянная, чѣмъ сильнѣе гнетъ. Но приводить, въ настоящей статьѣ, физіологическія доказательства я считаю во-первыхъ неумѣстнымъ, а во-вторыхъ полагаю, что совершенно достаточно указать только на тѣ формы и внѣшнія проявленія, которыми обнаруживается эта борьба т. е. указать на страданія заключенныхъ.

Я уже говорилъ, что въ дѣлахъ тюремнаго быта лучшее мнѣніе т. е. самое умное и основанное на точномъ знаніи вліянія одиночнаго заключенія на организмъ можно услышать только отъ заключенныхъ и отъ тѣхъ, кто находился въ ближайшихъ къ нимъ отношеніяхъ. Вотъ одинъ изъ фактовъ въ подтвержденіе этой мысли. Одна изъ заключенныхъ сказала разъ своей надзирательницѣ: «во мнѣ происходитъ что-то такое странное, всякія мысли лѣзутъ мнѣ

въ голову и мучатъ меня, и все меня что-то подмываетъ перебить оконныя стекла или разорвать швейную работу. Пожалуйста, назначьте мнѣ какое-нибудь занятіе, чтобы дать моимъ мыслямъ другое направленіе, а иначе я не буду въ состояніи противиться «взрыву». Этими немногими словами заключенная объяснила вліяніе системы одиночнаго заключенія на человѣческій организмъ такъ хорошо, какъ, разумѣется, не понимаютъ того защитники этой системы. Другая заключенная объяснила то же самое душевное состояніе такимъ образомъ: «Я привыкла къ другой жизни и могу васъ увѣрить, миссъ, что когда я слышу звонъ разбитаго стекла или крики женщинъ, въ вискахъ у меня начинаетъ стучать, глаза мои горятъ, и я чувствую потребность что нибудь сломать,—ахъ это ужасно!» И дѣйствительно ужасное состояніе, т. е. не то, что бьются виски и хочется что нибудь сломать, а то положеніе, которое вызываетъ подобное душевное состояніе. Этими «взрывами» и потребностью что нибудь разрушить организмъ однимъ разомъ хочетъ пополнить недостатокъ дѣятельности и ощущеній и вымѣстить въ бѣшеномъ порывѣ разрушенія одолѣвающую человѣка злобу.

Процессъ этого «взрыва» заключается въ томъ, что одна изъ заключенныхъ, обыкновенно наиболѣе энергическаго и неукротимаго характера, въ которой отсутствіе нервныхъ впечатлѣній довело организмъ до высшей степени раздраженія, обрушиваетъ всю накопившуюся въ ней силу на разрушеніе окружающихъ ее предметовъ. Въ пароксизмѣ этого дикаго взрыва ломается, рвется и бьется все, что только можно сломать, разорвать и разбить. Какъ только подобная революція началась въ одной кельи и какъ только звонъ разбитыхъ стеколъ долетѣлъ до другихъ затворницъ, ими овладѣваетъ заразительность примѣра, и по всѣмъ кельямъ поднимается вой, стукъ и ломъ, точно это не тюрьма, не мѣсто заключенія кающихся и исправляющихся, а мѣсто жительства одержимыхъ или бѣшеныхъ. И въ этотъ моментъ заключенныя находятся дѣйствительно въ припадкѣ полнаго бѣшенства, вызваннаго монотонностію и однообразіемъ тюремной жизни и злобой на заключеніе. «Я хочу имъ досадить, что они меня здѣсь заперли»—обыкновенное выраженіе, сопровождающее «взрывы». Въ Милльбанкской тюрьмѣ въ одинъ годъ случилось 154 случая бѣшенаго взрыва.

Прежде женщины удовлетворяли свою наклонность къ разрушенію, разрывая одѣяла на узкія полоски. Но какъ эти обрывки шли на разное употребленіе, то заключенные приняли правиломъ рвать одѣяла такъ, чтобы обрывки не могли приносить казнѣ рѣшитель-

но никакой пользы. Рванье одѣялъ достигло наконецъ такого размѣра, что расходы тюремнаго управленія дошли до весьма значительной цифры. Наконецъ начальство ухитрилось дѣлать одѣяла изъ толстого, мѣшечнаго холста, который разрывать пальцами если и не совсѣмъ невозможно, то, покрайней мѣрѣ, очень трудно. Но и тутъ заключенные нашлись. Одной изъ нихъ пришла мысль употребить рѣжущимъ орудіемъ обломокъ оловянной кружки, и когда объ этомъ узнали всѣ остальныя заключенныя, то побѣда склонилась окончательно на сторону страдающихъ, и мѣшечнымъ одѣяламъ пришлось также плохо, какъ прежнимъ бумажнымъ.

Наиболѣе смѣлыя и рѣшительныя изъ заключенныхъ поджигаютъ даже свои кельи и иногда такъ далеко достигаютъ своей цѣли, что прежде чѣмъ сбѣжится стража, онѣ рискуютъ сгорѣть. Крикъ поджигательницы о помощи производитъ обыкновенно сильное возбужденіе во всѣхъ заключенныхъ, что конечно и понятно, ибо въ каждой является боязнь быть изжаренной за-живо.

Сила, являющаяся у женщинъ во время пароксизма разрушенія, доходитъ до поразительнаго размѣра. Въ рукахъ заключенной, находящейся въ моментѣ взрыва, столъ, кровать ломаются какъ лучина. Одной женщинѣ удалось даже сорвать съ петель запертую дверь ея кельи.

Противъ взрывовъ этой дикой силы нѣтъ никакихъ средствъ, особенно если впадетъ въ пароксизмъ такое существо, какъ нѣкая Марія Купъ. Купъ была совершенный гигантъ, съ широкими плечами и мускулистыми руками, которыя бы сдѣлали честь любому боксеру по профессіи. Это была женщина, лишенная всякой чувствительности даже къ собственнымъ страданіямъ. Темная келья, наручники, штрафная куртка не наводили на нее никакого страха. При такихъ качествахъ и особенно при необычайной силѣ, Купъ принадлежала къ числу тѣхъ, которыхъ не такъ-то легко привести въ послушаніе. Случалось, что ей не захочется почему-то идти гулять и, когда приходили за нею, она отвѣчала: «я не понимаю, зачѣмъ мнѣ нужно идти гулять; какую пользу принесетъ мнѣ прогулка? Убирайтесь прочь, оставьте меня одну, пока я еще спокойна». Если ее не оставляли тотчасъ же въ покоѣ, она ворчала какъ гіена и, бросившись на дверь кельи, такъ трясла ее, что иногда срывала съ петель. Переломать посуду, перебить окна, изорвать одѣяло или простыню было для нея мелочью. Столъ ломала она въ одно мгновеніе въ щепки, отрывала газовую трубу, сжимала безъ труда оловянную кружку въ блинъ и, чтобы отвести ее въ

штрафную келью, требовалась огромная масса мужчинъ. Когда ее заключали въ темную, она вырывала половыя доски и стучала ими въ дверь, такъ что дрожала вся тюрьма. Пароксизмы взрыва продолжались у нея иногда по нѣскольку дней, и тогда не было на землѣ силы, которая бы могла ее укротить. Она разрывала наручники, штрафная куртка лопалась на ней какъ гнилая нитка, наконецъ нужно было бояться каждую минуту, что она разобьетъ себѣ голову о стѣну. Оставалось только одно средство запирать ее въ комнату для сумасшедшихъ. Но и здѣсь она вела себя своеобразнымъ образомъ; она лазила по стѣнамъ какъ кошка, вытаскивала зубами изъ стѣны гвозди и обрывала со стѣнъ всю обойку. И все это продѣлывало вовсе не безумное существо; доктора, свидѣтельствовавшіе ее, рѣшили, что она владѣетъ вполнѣ здоровымъ умомъ и что въ ея эксцентричности обнаруживается рѣзвая натура. Откуда же это безуміе въ поступкахъ, эти дикіе порывы, превращающіе разумнаго человѣка въ бѣшенаго звѣря? Что причиной всего этого? Филантропы конечно дадутъ отвѣтъ. Но вѣдь они солгутъ.

Относительно вліянія одиночнаго заключенія на разстройство умственныхъ способностей люди, считающіе себя компетентными судьями, разнаго мнѣнія. Одни говорятъ, что осужденные являются въ тюрьму уже съ зародышомъ умственнаго разстройства, въ которомъ они видятъ и причину преступленія; другіе же увѣряютъ, что сумасшествіе порождается исключительно тюремнымъ заключеніемъ. Послѣднее мнѣніе принадлежитъ, очевидно, самымъ крайнимъ противникамъ одиночнаго заключенія. Но только они напрасно думаютъ доказывать непригодность этой системы усиленными средствами. И того, что есть, достаточно вполнѣ, чтобы смотрѣть на одиночную тюрьму, какъ на утонченную пытку, какъ на средство, возбуждающее до послѣдней степени дѣятельность нервной системы, слѣдовательно доводящее человѣка до такого состоянія, въ которомъ нельзя провести черты между безуміемъ и не безуміемъ. Въ этомъ случаѣ рѣшительно все равно, явился ли человѣкъ въ тюрьму съ расположеніемъ къ сумасшествію или тюрьма сдѣлала безумцемъ здороваго, потому что если тюрьма не дѣлаетъ всѣхъ неизлечимо больными и не изображаетъ собой настоящаго сумасшедшаго дома, то во всякомъ случаѣ это филантропическое заведеніе дѣлаетъ всѣхъ заключенныхъ въ немъ временно безумными; факты чего и были приведены выше. Не смотря на то, доктора при тюрьмахъ съ большой осторожностію даютъ заключеннымъ аттестатъ

на сумасшествіе, боясь, чтобы подъ видомъ безумной не выскочила изъ тюрьмы какая нибудь притворщица. Отъ этого одиночная тюрьма получаетъ еще большее сходство съ сумасшедшимъ домомъ, и возникаютъ замѣшательства, которыя были бы невозможны, если бы доктора не отличались филантропическимъ упрямствомъ. Замѣшательства эти усиливаютъ и затрудняютъ только надзоръ за заключенными и создаютъ иногда факты весьма печальнаго свойства. Такъ брикстонскіе доктора упорно отказывались признать одну заключенную безумной, и изъ этого произошло вотъ что. Женщина эта ненавидѣла свою надзирательницу за то, что та будто бы дала ей платье и чепчикъ другого фасона, чѣмъ другимъ. Неизвѣстно, какимъ образомъ она добыла ножикъ и хранила его у себя въ самой глубочайшей тайнѣ. Однимъ утромъ она заявила прислугѣ, что, найдя въ библіи превосходный текстъ, не совсѣмъ для нея понятный, она желала бы, чтобы надзирательница объяснила его ей. Надзирательница явилась и, взявъ отъ заключенной библію, хотѣла уже начать читать, но заключенная удержала ее, сказавъ вкрадчивымъ голосомъ и съ видомъ тонкаго вниманія, что ей будетъ свѣтлѣе у окна. Какъ только надзирательница подошла къ окну, заключенная въ одно мгновеніе захлопнула дверь своей кельи и накинулась на своего врага съ ножемъ. На крики отчаянія надзирательницы сбѣжались сторожа, раскрыли дверь и съ трудомъ спасли бѣднягу, получившую нѣсколько ранъ въ лицо и въ грудь. Только послѣ такого сильнаго доказательства доктора убѣдились, что заключенная не притворяется, и отправили ее въ сумасшедшій домъ. Подобное полицейское крючкотворство тѣмъ болѣе непонятно со стороны докторовъ, что имъ лучше чѣмъ юристамъ и тюремнымъ сторожамъ извѣстно, что кромѣ воспалительныхъ и разныхъ наружныхъ болѣзней существуютъ страданія нервныя, внутреннія, поражающія чувствующій организмъ. Доктора позволяютъ заключенному имѣть головную боль, ревматизмъ, раны на рукахъ и на ногахъ, но когда дѣло коснется нервныхъ, душевныхъ страданій, то они впадаютъ тотчасъ же въ сомнѣніе и являются отрицателями того, что они признаютъ въ своихъ книжкахъ и въ свободныхъ людяхъ, точно у заключенныхъ вмѣсто нервовъ мѣдная проволока. Причина такихъ ошибочныхъ отношеній докторовъ къ арестантамъ заключается въ томъ, что они изображаютъ собой не теоретическое начало, а административную исполнительную власть, и потому впадаютъ въ ту суровость, которая составляетъ отличительный признакъ всякой исполнительной власти, дѣйствующей въ предѣлахъ

установленной для нея формальности. При другихъ условіяхъ доктора понимали бы лучше, что если у человѣка можетъ болѣть голова, то могутъ болѣть и нервы, когда у него тянутъ жилы, и смотрѣли бы другими глазами на самолеченіе заключенныхъ, къ которому прибѣгаютъ они по необходимости, такъ какъ никто не хочетъ знать ихъ нравственныхъ страданій и лечить ихъ нервныхъ болей.

Обыкновенное средство, къ которому прибѣгаютъ заключенные, состоитъ въ томъ, что какимъ бы то ни было образомъ прекратить хотя на время томительное однообразіе тюремной жизни. Всякая перемѣна, всякая новизна дѣйствуютъ на нервы самымъ цѣлительнымъ образомъ, совершенно такъ же, какъ носталгія излечивается возвращеніемъ на родину. Къ сожалѣнію репертуаръ разнообразій тюремной жизни слишкомъ скуденъ, и при всей изобрѣтательности заключенныхъ выдумать имъ что нибудь по этой части новаго совершенно невозможно. Самое пріятное и наиболѣе доступное разнообразіе есть совѣщаніе съ врачемъ. Всѣ рѣшительно заключенныя, дѣйствительно больныя и здоровыя, мечтаютъ съ особеннымъ наслажденіемъ о возможности переговорить съ докторомъ и о благополучіи попасть въ больницу, гдѣ порядокъ жизни проще и лучше и гдѣ дисциплина менѣе строга. Чтобы достигнуть этой цѣли, заключенныя обращаются къ доктору нерѣдко съ самыми странными и смѣшными предложеніями. «Докторъ, у меня болитъ», говоритъ напримѣръ заключенная.—Ну, гдѣ и что, отвѣчаетъ докторъ—«Ахъ, вездѣ; я думаю, что это отъ шитья солдатскихъ штановъ.—Все это глупости: вы совсѣмъ здоровы.—«Я слягу, докторъ; смотрительница говоритъ, что замѣтила во мнѣ перемѣну. Мнѣ бы хотѣлось идти въ больницу.» — Еще бы! я въ этомъ не сомнѣваюсь, отвѣчаетъ докторъ.—«Или получить болѣе легкую работу.» Не удовлетворившись причинами мнимо-больной, докторъ объявляетъ притязанія ея неисполнимыми, и заключенная съ неудовольствіемъ и воркотней удаляется въ свою келью. Затѣмъ вызывается слѣдующая изъ желавшихъ совѣтоваться съ докторомъ: «Ахъ, говоритъ она, у меня такъ болятъ зубы, такъ мучитъ меня боль, что, кажется, лопнетъ голова.» Докторъ осматриваетъ зубы, находитъ можетъ быть нѣкоторые признаки болѣзни и прописываетъ лекарство. Но больная этимъ недовольна, потому что не устранена основная причина болѣзни, и минутное облегченье не обезпечиваетъ ей нисколько будущихъ страданій. «Я знаю причину, докторъ, начинаетъ снова, больная.»—Какая же? спрашиваетъ докторъ.—Отъ какао. Онъ те-

перь не такъ хорошъ, какъ былъ прежде. Совершенно вѣрно, что отъ какао; мнѣ бы хотѣлось получать другой.— Докторъ смотритъ съ недоумѣніемъ на больную, не понимая, какимъ образомъ отъ какао могутъ болѣть зубы, и высказываетъ свое сомнѣніе. Больная сердится, что ей не вѣрятъ и, еще болѣе убѣжденная въ вѣрности своихъ соображеній, удаляется. Очень часто мнимо-больныя обращаются къ доктору съ такими рѣчами: «не можете ли вы прописать мнѣ что нибудь, чтобы у меня не такъ лезли волоса? Они теперь вполовину рѣже, чѣмъ были прежде. Я наконецъ сдѣлаюсь плѣшивой, если вы не дадите мнѣ лекарства.» Или: «Ахъ, ужасъ, нынѣшнюю ночь я нашла на своей головѣ нѣсколько сѣдыхъ волосъ! Этого никогда не бывало прежде. Отвратительная тюрьма сдѣлаетъ меня совсѣмъ сѣдой.»—Я не въ состояніи вамъ помочь, отвѣчаетъ докторъ. — «Нѣтъ, вы можете мнѣ назначить что нибудь, чтобы сѣдыхъ волосъ у меня не прибавлялось; меня дурно содержатъ— это противъ правилъ.» Такимъ образомъ одна заключенная смѣняетъ другую, и докторъ долженъ употреблять битыхъ два часа каждый день на выслушиваніе подобныхъ заявленій. Одна намажетъ языкъ известкой, другая расковыряетъ десны иглой, третья придумаетъ еще что нибудь, и всѣ эти невинныя хитрости употребляются для того, чтобы поговорить нѣсколько минутъ съ докторомъ и въ крайнемъ случаѣ попасть въ больницу, блаженнѣе чего заключенная не можетъ ничего себѣ представить.

Другимъ предметомъ развлеченія служитъ директоръ. Въ лицѣ директора тюрьмы, англійское правительство проявляетъ свою заботливость о заключенныхъ, которыя имѣютъ право заявлять ему свои неудовольствія на ближайшее тюремное начальство. Поэтому каждая заключенная можетъ видѣть директора въ извѣстный день недѣли. Кромѣ директора посѣщаетъ заключенныхъ начальница тюрьмы, но это чинъ по отношенію къ директору низшій и потому невозбуждающій особенно благоговѣйнаго страха и непроизводящій такого высокаго наслажденія своей бесѣдой. Къ директору обращаются по преимуществу женщины смѣлыя и энергическія, къ начальницѣ идутъ почти всѣ и многія изъ одного любопытства увидѣть свое ближайшее начальство. Отношенія къ высшей власти очерчены иными предѣлами. За два дня до посѣщенія директора начальница тюрьмы отбираетъ отъ желающихъ видѣть директора показаніе причинъ, по которымъ онѣ желаютъ съ нимъ говорить. Заключенныя очень хорошо знаютъ, что если онѣ явятся къ директору съ претензіями неуважительными, то начальство увидитъ

въ этомъ оскорбленіе власти, и претендентка будетъ наказана и, не смотря на то, потребность перемѣны заставляетъ болѣе рѣшительныхъ нарушать установленную дисциплину. При спросѣ начальницы тюрьмы онѣ приводятъ причины уважительныя, но директору объявляютъ внезапно совсѣмъ не то. Въ такихъ случаяхъ виновная подвергается наказанію и изгоняется со стыдомъ изъ присутствія директора. Наказаніе въ этомъ случаѣ не пугаетъ—его знали и ожидали; а имъ все-таки куплено три четверти часа или часъ иной жизни и новыхъ впечатлѣній и хотя на короткое время прервана монотонность и убійственное однообразіе. Разговоры съ директоромъ бываютъ обыкновенно такого рода.—Ну, Дженни, что вы мнѣ скажете? спроситъ директоръ. «Если позволите, сэръ, отвѣчаетъ заключенная, дѣлая книксъ, я бы не хотѣла въ Фельгамъ; мнѣ слѣдуетъ въ «Азиль», но мнѣ бы хотѣлось остаться здѣсь.»— А почему бы? спрашиваетъ директоръ. — «Здѣсь я не была ни въ чемъ ни разу замѣчена, знаю и люблю свою надзирательницу и чувствую себя довольной. Но вы, сэръ, знаете, что я вспыльчиваго характера и если я въ новомъ мѣстѣ почувствую себя чуждой или недовольной, я непремѣнно сдѣлаю «взрывъ» и опять попаду въ Мильбанкъ. Будьте такъ добры, оставьте меня здѣсь». Директоръ старается выставить заключенной выгоды Фельгама, но заключенная стоитъ на своемъ, и тогда слѣдуетъ совѣщаніе между директоромъ и начальницей тюрьмы. Въ подобныхъ случаяхъ успѣхъ сомнителенъ, хотя иногда просьба и уважается; но если въ Брикстонѣ полно, а въ Фельгамѣ пусто, заключенная должна подчиниться установленному порядку переселенія. Въ подобномъ непріятномъ положеніи заключенная немедленно разбиваетъ стекла въ своей кельи, и въ такомъ случаѣ переводъ ея въ Фельгамъ становится невозможнымъ. Напротивъ другія съ такимъ же нетерпѣніемъ желаютъ услышать отъ директора, почему ихъ не посылаютъ въ Фельгамъ, и онъ опять долженъ пускаться въ многосложныя объясненія. Почти двѣ трети женщинъ, допускаемыхъ къ директору, предлагаютъ ему одинъ и тотъ же вопросъ,—все равно, заключены ли онѣ на шесть, на восемь, на десять лѣтъ—когда онѣ будутъ выпущены? самымъ точнымъ образомъ, въ какой день и въ какой часъ? Хотя онѣ и сами знаютъ это очень хорошо, но развѣ не могутъ быть какія нибудь особенныя обстоятельства или исключенія изъ общаго правила? Одни напримѣръ не навлекали на себя ни разу неудовольствія начальства, тогда какъ другія дѣлали «взрывы»; другая оказала услугу тѣмъ, что нѣсколько разъ пре-

дупреждала «взрывы»; третья наконецъ предупредила нападеніе на смотрительницу, неужели за подобныя заслуги не будетъ сокращено время заключенія? Если же директоръ не обратитъ вниманія на просьбу или забудетъ какую нибудь мелочь, вовсе некажущуюся таковой самой заключенной, въ такомъ случаѣ за каждую забывчивость или невниманіе директора отвѣчаютъ стекла и рамы тюрьмы и казенная посуда.

Потребность живого сношенія съ людьми и обмѣна мыслей въ заключенныхъ въ милліонъ разъ сильнѣе, чѣмъ у людей, пользующихся свободой, и потому неудивительно, что при всей строгости надзора заключенныя все-таки пытаются устроить обоюдныя сношенія посредствомъ взглядовъ, знаковъ и даже писемъ. Главнымъ письменнымъ матеріаломъ служитъ бумага, выдаваемая заключеннымъ для зажиганія газа; на недѣлю выдается каждой заключенной по семи кусочковъ. Вечеромъ, проходя по корридору, смотрительница выкликаетъ: «газовая бумага», и у наблюдательнаго окошечка двери каждой кельи она подставлаетъ свѣчку. Заключенная зажигаетъ свою бумажку и затѣмъ газъ, а надзирательница открываетъ въ это время кранъ. Для употребленія бумаги сверхкомплектной употребляются весьма разнообразныя хитрости: «бумага погасла, миссъ, въ трубкѣ дуетъ и газъ не зажигается»; «бумага вся вышла» и т. д. говорятъ обыкновенно заключенныя, а такъ какъ нельзя терять время на разговоры, въ то время какъ кранъ открытъ и газъ вылетаетъ, то и дается бумага extra. На этой-то бумагѣ и пишутся письма, которыми сообщаются другъ другу новости, составляются заговоры на «взрывы», посылаются брань, угрозы и т. д. однимъ словомъ поддерживается внутренняя жизнь, и заключенныя сплачиваются въ одинъ тюремный міръ, преслѣдующій одни общіе интересы и цѣли. Эти письма пересылаются очень часто изъ одного конца тюрьмы въ другой и нерѣдко производятъ сильныя ссоры и возбуждаютъ до того страсти, что начальство думало уже не разъ вывести совсѣмъ изъ употребленія газовую бумагу. Это конечно было бы возможно, но англійскій геній встрѣтилъ непреоборимое препятствіе въ томъ, какъ устроить систему освѣщенія, чтобы газъ не зажигать изнутри.

Остальные письменные матеріалы добываются не менѣе простымъ способомъ—въ школѣ. Наиболѣе предусмотрительныя стараются спрятать во время работы наперстокъ и въ него, въ классѣ, наливаютъ чернила. Вся трудность въ томъ, чтобы каплями на полу не обнаружить похищенія и затѣмъ сберечь чернильницу до обѣда.

Какъ только это удалось благополучно, дальнѣйшее препровожденіе наперстка въ хлѣбѣ, который позволяется уносить съ собой въ келью къ чаю, уже не представляетъ никакого затрудненія. «Я сегодня совершенно не голодна», обыкновенное извиненіе въ такомъ случаѣ, «можетъ быть аппетитъ явится у меня къ чаю», и затѣмъ наперстокъ дома. Въ передачѣ писемъ и даже цѣлыхъ циркуляровъ не встрѣчается уже затѣмъ никакихъ затрудненій: во время общихъ работъ, въ школѣ, въ церкви.

Къ числу средствъ, которыми заключенныя стараются убить тюремную монотонность, принадлежитъ еще попытка добыть себѣ товарища. По тюремнымъ правиламъ каждая изъ заключенныхъ, въ которой обнаружились симптомы сумасшествія, не можетъ быть оставлена въ своей кельи одна. Къ такой больной, для надзора за нею, помѣщаютъ одну изъ болѣе надежныхъ заключенныхъ. Арестантки знаютъ это очень хорошо и, чтобы добыть товарища, рѣшаются на самыя отчаянныя продѣлки. Въ Миллбанкѣ была одна замѣчательная въ этомъ отношеніи заключенная, находившая особенное удовольствіе вредить себѣ. Она лежала цѣлыми днями на постели, не принимая никакой пищи, и богохульство и пѣніе были въ такихъ случаяхъ ея главнымъ занятіемъ. Если ей давали шитье—она рвала матерію на лоскутки и, чтобы пугать надзирательницу, пыталась даже глотать иголки. Въ штрафной комнатѣ ее было совершенно невозможно оставлять, потому что она увѣчила себя. Средства, которыми она наносила себѣ вредъ, отличались большой изобрѣтательностію. Напримѣръ она, не возбуждая ничьего подозрѣнія и самымъ таинственнымъ образомъ, добудетъ себѣ стекло и откроетъ жилы. Если бы обморокъ, въ который она падала отъ потери крови, не возбуждалъ вниманія стражи, то она безъ всякаго сомнѣнія умерла бы. И это повторялось не разъ и не два, а случалось очень часто. Никакимъ самымъ строгимъ надзоромъ нельзя было предупредить ея самоистязанія, если только она на него рѣшилась. Оставалось одно средство помѣщать съ нею въ одной комнатѣ еще двухъ женщинъ. Но и при этихъ мѣрахъ ей удавалось припрятать себѣ въ постель осколки стекла и острые кремешки, такъ что было необходимо уводить ее изъ кельи внезапно и дѣлать самый строгій обыскъ. Совершенно необъяснимымъ образомъ она всегда однако умѣла добыть средства, чтобы наносить себѣ вредъ, такъ что если ей захочется уйдти въ больницу, то никакимъ надзоромъ нельзя предупредить, чтобы она не сдѣлала надъ собою чего нибудь. Даже

въ больницѣ она ухитрялась повторять подобныя же продѣлки. Для разнообразія она иногда толкла стекло въ порошокъ и выпивала его. Другой способъ, которымъ заключенныя добиваются товарищей или достигаютъ больницы, есть самоубійство. Читателю это средство покажется нѣсколько крайнимъ и рискованнымъ, но вѣдь что же дѣлать, если ни доктора, ни начальство не вѣруютъ въ нервное и нравственное страданіе и ихъ можно убѣждать только наружными кровавыми ранами, вскрываніемъ жилъ и примѣрнымъ самоубійствомъ, оканчивающимся однако иногда печальнымъ образомъ. Если заключенная только рѣшилась идти въ больницу, то ее ничто не удержитъ навредить себѣ, иногда самымъ опаснымъ образомъ: выпиваніе толченаго стекла не рѣдкость. Раны на ногахъ или на рукахъ дѣлаются ножницами, наперстками и растравляются привязываніемъ какой нибудь монеты. Многія представляются сумасшедшими или перевязываютъ себѣ горло тесемкой такъ туго, что прекращаютъ дыханіе. Болѣе же отчаянныя и дошедшія до высшей степени экзальтаціи—вѣшаются, въ надеждѣ, что ихъ спасутъ во время и отправятъ въ больницу. Процессъ такого вѣшанія, какъ бы ни отзывались о немъ моралисты, доказываетъ прежде всего тонкую изобрѣтательность филантроповъ, придумавшихъ одиночное заключеніе. Для вѣшанія служитъ задвижка наблюдательнаго окна или желѣзная отдѣлка вентилатора; послѣднимъ пользуются по преимуществу женщины съ сильными нервами, чтобы произвести болѣе шуму и скандалу, когда онѣ повиснутъ. Вмѣсто веревки служитъ полоса матеріи, снурокъ съ тюфяка, край отъ простыни и т. д. вообще въ предметахъ, замѣняющихъ веревку, недостатка не бываетъ. Заключенная становится на стулъ, завязываетъ петлю за вентилаторъ, вкладываетъ голову и отталкиваетъ стулъ ногой. Еще эффектнѣе производится эта операція при помощи ведра съ водой, замѣняющаго въ такомъ случаѣ стулъ: когда оттолкнуто ведро, вода разливается по полу и вытекаетъ въ корридоръ. Такое чрезвычайное обстоятельство обращаетъ на себя немедленно вниманіе дежурныхъ, всѣ бросаются къ двери залитой водой, повѣсившуюся срѣзываютъ и посылаютъ за докторомъ. Для приведенія ея въ чувство употребляются всѣ средства, и конечнымъ результатомъ продѣлки бываетъ то, что заключенная достигаетъ своей цѣли: ей или даютъ товарища или отправляютъ ее въ больницу. Но бывали случаи, когда обстоятельства, которыхъ не предвидѣла заключенная, кончали по-

пытку ея такъ, что уже никакая медицинская помощь не была въ состояніи ей помочь.

Очень можетъ быть, что филантропы, придумавшіе одиночное заключеніе, не предвидѣли всѣхъ тѣхъ тонкихъ ухищреній, на которыя будутъ подниматься заключенные, чтобы хотя чѣмъ нибудь сдѣлать сноснѣе свою тюремную жизнь; но не подлежитъ сомнѣнію, что, не смотря на свой невинный видъ, филантропы знали очень хорошо, что ихъ изящная и опрятная тюрьма, съ ея какао и кофе, будетъ такимъ тяжелымъ испытаніемъ, что всякую минуту можно ожидать не того примѣрнаго самоубійства, на которое рѣшаются заключенныя, чтобы попасть въ больницу, а самоубійства настоящаго, вызваннаго полной безвыходностію положенія и нервнымъ страданіемъ, создающимъ сумасшествіе. По тюремнымъ правиламъ дежурная смотрительница обязана заглядывать каждый часъ въ темную, чтобы удостовѣряться, что заключенная здорова и не наложила на себя рукъ. Тюремныя власти въ объясненіе этой мѣры говорятъ, что обитательницы темной бываютъ всегда такого неровнаго и стремительнаго характера, что одинъ часъ ихъ поведенія никакъ не можетъ служить порукой другого. Но давая такое правильное объясненіе послѣдствій, они умалчиваютъ о причинахъ, дѣлающихъ характеръ человѣка неровнымъ и заставляющихъ бояться за его жизнь. Только одиночная тюрьма и темная по преимуществу создаютъ подобныя послѣдствія, и со стороны филантроповъ весьма неосторожно говорить о мягкосердечіи и гуманности, запирая въ то же время нервно-разстроенныхъ людей въ темную и заставляя ихъ прибѣгать къ самоубійству. Заключенныя очень хорошо понимаютъ, что не одно моральное стремленіе руководило тѣми, кто обрекаетъ ихъ на заключеніе, одиночество и молчаніе; въ числѣ причинъ, создающихъ ихъ страданіе, онѣ видятъ значительную долю человѣческой неразсудительности и злобы, а потому и сами впадаютъ такъ легко въ враждебность ко всему ихъ окружающему, ко всему принадлежащему тюрьмѣ. Это озлобленіе, получающее такимъ образомъ личный характеръ, конечно не справедливо, въ особенности если оно обрушивается на оловянныя кружки и на окна; но довольно странно требовать правильныхъ соображеній отъ людей, попадающихъ въ одиночныя тюрьмы, когда ими не отличаются даже и тѣ, кто заключаетъ. Сообразительный читатель, и въ особенности знакомый съ римскимъ правомъ, усмотритъ въ подобныхъ поступкахъ заключенныхъ продерзость окончательно погибшихъ и не-

исправимыхъ людей; а въ филантропическомъ изобрѣтеніи одиночной тюрьмы вовсе не такую ужасную вещь, какъ это обнаруживается изъ приведенныхъ фактовъ. Въ доказательство правильности своихъ заключеній сообразительный читатель приведетъ тотъ неопровержимый доводъ, что самоубійство и сумасшествіе нѣкоторыхъ изъ заключенныхъ вовсе не доказываетъ того, что лишаютъ себя жизни и сходятъ съ ума всѣ; а въ такомъ случаѣ, какое же основаніе обвинять одиночное заключеніе, когда тоже самое дѣлаютъ люди и на свободѣ? Доводъ сильный, и чтобы дать сообразительному читателю еще болѣе сильное оружіе на защиту его собственной сообразительности, я представлю ему факты того, что дѣйствительно не всѣ заключенныя сходятъ съ ума и вѣшаются и что есть такія безчувственныя существа, которыя не только не обнаруживаютъ никакихъ страданій, но даже идутъ нарочно и слѣдовательно съ удовольствіемъ въ одиночную тюрьму. Такъ въ Мильбанкскую тюрьму были заключены разъ мать и дочь за то, что онѣ заморили голодомъ маленькую дочь старшей заключенной. То были исхудавшія, слабыя женщины, повидимому едва способныя выдержать срокъ заключенія, хотя онѣ были приговорены всего къ четыремъ годамъ. Съ перваго до послѣдняго дня онѣ были холодны и равнодушны и имѣли мало расположенія быть въ обществѣ съ другими. Больше взглядами, чѣмъ словами, выражали онѣ свое удивленіе при знакомствѣ съ тюремнымъ порядкомъ. Вѣжливыя относительно надзирательницъ, онѣ обнаруживали какую-то боязнь къ разговорамъ. Тюремное содержаніе, гораздо лучшее чѣмъ то, какое онѣ имѣли ранѣе, скоро подѣйствовало на нихъ хорошо: голодное, острое выраженіе глазъ скоро исчезло совсѣмъ.—Не хотите ли вы знать, какъ живетъ ваша дочь? спросили разъ мать.—«Я думаю, что хорошо; она тихая дѣвушка и, разумѣется, причиняетъ вамъ мало безпокойствъ, отвѣтила спрошенная.» А когда подобный же вопросъ сдѣлали дочери, она подняла голову отъ работы, взглянула холодно и равнодушно на спросившую и опять опустила глаза. Ни малѣйшаго слѣда любви или обоюдной склонности не обнаружила ни мать, ни дочь; еще со стороны матери было пожалуй болѣе чувства.—Въ тюрьмѣ существуетъ обыкновеніе, что болѣе благонадежные отряжаютси для помощи на кухню. При подобномъ случаѣ мать и дочь встрѣтились въ первый разъ. Никто не имѣлъ намѣренія устроить это свиданіе или допустить ихъ до разговора, но покрайней мѣрѣ, думали, что и молчаливая встрѣча доставитъ имъ удо-

вольствіе. Но этого не случилось. Мать и дочь перекинулись холоднымъ, равнодушнымъ взглядомъ и принялись прилежно за работу. Ни попытокъ къ разговору, ни обмѣна взглядовъ во весь день не было. Чрезъ два года заключенія мать и дочь были помѣщены вмѣстѣ. При первой встрѣчѣ тѣмъ же равнодушнымъ тономъ онѣ привѣтствовали другъ друга:

« Ну, Лиза! »

« Ну, мать! »

И двѣ минуты спустя онѣ сидѣли молча, одна противъ другой, за работой.

Чрезъ недѣлю надзирательница спросила дочь, довольна ли она тѣмъ, что помѣщена вмѣстѣ съ матерью. «Да, отвѣтила спокойно спрошенная, но, прибавила она, мать дѣлаетъ слишкомъ большой безпорядокъ и валитъ все въ кучу.»

Или попала разъ въ ту же тюрьму старуха семидесяти лѣтъ. Скоро освоилась она со всѣмъ порядкомъ и оказалась тихой, вѣжливой, спокойной, работящей. На всѣхъ остальныхъ заключенныхъ она смотрѣла, какъ на дѣтей. «Безпокойное дитя въ сосѣдней кельѣ не дало мнѣ совсѣмъ спать всю ночь,» или «бѣдное дитя Смитъ опять попало въ темную, ахъ бѣдное, милое дитя, меня это ужасно огорчаетъ!» Эта добродушная общая бабушка, называвшая комнатой даже свою тюрьму, сказала разъ своей надзирательницѣ: «Я рѣшительно не знаю, что мнѣ начать, когда кончится срокъ моего заключенія; никто не будетъ тогда обо мнѣ заботиться, а въ рабочемъ домѣ, я боюсь, что со мной будутъ обращаться очень дурно. Теперь мнѣ нужно подумать, какъ бы мнѣ устроиться.»

Вотъ единственные два факта, обобщеніемъ которыхъ сторонники одиночнаго заключенія могутъ поражать своихъ противниковъ. Но первымъ фактомъ доказывается только то, что между людьми есть такія странныя существа, которыя могутъ жить одиночками, какъ старыя зубры, или спать на острыхъ гвоздяхъ, какъ одинъ индійскій мудрецъ; а вторымъ, что какъ ни ужасно одиночное заключеніе, но есть свободные люди, положеніе которыхъ хуже гораздо, чѣмъ заключенныхъ. Неужели однако подобными фактами можно серьезно доказывать превосходство одиночнаго заключенія?

IV.

Изобрѣтатели одиночнаго заключенія торжественно отрекаются отъ взводимаго на нихъ обвиненія въ желаніи сдѣлать изъ тюрьмы пытку. Если это и такъ, если ими руководило совершенно другое чувство, тѣмъ не менѣе факты изъ жизни заключенныхъ и наблюденіе надъ вліяніемъ келейной тюрьмы на ея обитателей убѣждаютъ въ томъ, что единственное приличное названіе этому наказанію есть филантропическое варварство. Допустимъ, что филантропы неповинны въ взводимомъ на нихъ преступленіи, что ими руководило одно христіанское чувство сдѣлать людей чистыми, какъ ангелы на небесахъ, и что одиночное заключеніе только та форма, способъ, средство, которыми они полагали вѣрнѣе достигнуть своей цѣли. Намѣреніе въ теоріи превосходное, но какими фактами подтверждаетъ его практика?

Если спрашивать заключенныхъ о причинахъ, по которымъ онѣ попали въ тюрьму, то всегда оказывается, что въ этомъ виноватъ или театръ или концертъ или ложный другъ, дурные совѣты, грязный отецъ, жестокая мать или кто нибудь другой, по милости которыхъ онѣ сдѣлали преступленіе. Воровки же по профессіи, получившія воспитаніе въ извѣстной школѣ, обвиняютъ или нечаянный, несчастный случай или собственную неловкость. И въ этомъ воровки конечно правы. Въ Англіи существуетъ нѣсколько школъ, въ которыхъ преподается теорія и практика самаго ловкаго воровства: Дженкинсона школа, школы Ватсона, Смита и другихъ. Когда пойманныя воровки встрѣчаются въ тюрьмѣ, то первый ихъ вопросъ: «къ какой школѣ вы принадлежите?» Теперешнее воровство имѣетъ свою теорію, строго изучаемую воспитанниками школы; въ этой теоріи существуетъ спеціальный отдѣлъ, посвященный изложенію мѣръ предосторожности. Говорятъ, что на одного повѣшеннаго вора приходится двадцать, избѣгающихъ наказанія. Поэтому понятно, что попавшіеся не имѣютъ никакого основанія обвинять систему, которая даетъ имъ всѣ средства исполнять свое дѣло съ полной безопасностію, а если случится иначе, кого же слѣдуетъ обвинять, какъ не свою собственную неосторожность?

Далѣе замѣчено, что заключенныя нисколько не мучатся сдѣланными ими преступленіями. Женщины, обвиненныя въ смертоубійствѣ и по преимуществу своихъ дѣтей, держатъ себя наиболѣе

спокойно и принадлежатъ къ самымъ легкомысленнымъ и увлекающимся существамъ. Вообще преступленіе для заключенныхъ не составляетъ вопроса и если онѣ жалуются на что, такъ исключительно на судебный приговоръ, который обыкновенно признается или слишкомъ строгимъ или несправедливымъ. Читатель отнесетъ это къ деревянности натуры; но деревянности тутъ нѣтъ никакой; напротивъ преступницы отличаются пожалуй не меньшей чувствительностію, какъ и чувствительныя свѣтскія дамы. Напримѣръ въ Милльбанкской тюрьмѣ плѣняла одно время заключенныхъ «Хижина дяди Тома». Одна изъ заключенныхъ, знавшая это сочиненіе на-изустъ, находила особенное удовольствіе разсказывать его тѣмъ, кто не могъ самъ читать. Разсказы эти производили обыкновенно сильное возбужденіе и въ особенности возмущала всѣхъ жестокость Легре: «какой, должно быть, это былъ ужасный человѣкъ», замѣтила разъ одна осужденная на легкій срокъ, за непреднамѣренное убійство своего ребенка. И это было сказано съ полнѣйшей искренностію человѣка невиннаго, доведеннаго до преступленія цѣлымъ рядомъ несчастныхъ обстоятельствъ, которыя отъ него не зависѣли. Такъ каждый преступникъ смотритъ на свою вину, и потому ни одинъ изъ нихъ не считаетъ себя виновнымъ. И въ Англіи, какъ у насъ, преступленіе и въ особенности смертоубійство считаются «несчастіемъ», и такимъ образомъ обозначаютъ его даже преступницы развитыя и образованныя. Если читатель возьметъ на себя трудъ поискать въ своей жизни поступокъ, въ которомъ страстность составляла основной элементъ, и обсудитъ его, то онъ увидитъ, что онъ стоялъ отъ преступленія на волосокъ. Вотъ посмотрите на мать,—я говорю о фактѣ, повторяющемся предо мною каждый день, — повидимому весьма разсудительную, порядочную и далеко выше по умственному развитію людей того же общественнаго положенія, но пылкую и страстную, и только поэтому она рискуетъ каждый день попасть въ тюрьму «по несчастію». Положимъ, что дочь ея существо препротивное, глупое, уродливое и вялое до гнилости, такъ что способно разбѣсить человѣка самаго спокойнаго; но все-таки толчки и тумаки расточаются матерью уже съ ненужною щедростію. Я помню случай, когда дочь за то, что разорвала снурокъ отъ стараго платья, нестоившій копѣйки, получила такую тукманку, что слетѣла кубаремъ со стула и съ размаху ударилась о косякъ окна. Будь косякъ поострѣе, тукманка немного посильнѣе, а черепъ дѣвочки слабѣе, и никто не можетъ ручаться, чтобы населеніе мѣстнаго острога не увеличилось бы еще однимъ жителемъ. Въ

подобныхъ стремительныхъ дѣйствіяхъ все зависитъ отъ случая, котораго никто предвидѣть не можетъ. Что же касается до самой стремительности и страстности, то это былъ основной элементъ, руководившій почти всѣми частными и общественными отношеніями, потому что гдѣ же тѣ люди,—много ли ихъ,—у которыхъ интеллектъ преобладаетъ постоянно надъ чувствомъ? Вотъ еще мать, осужденная на вѣчное заключеніе за убійство своего сына, которому она въ пароксизмѣ злости разшибла голову о камень. Хотѣла-ли она сдѣлать это убійство? Нѣтъ, потому что было доказано, что за часъ до убійства она купила своему ребенку трехкопѣечный пирогъ. Это смягчающее обстоятельство избавило ее между прочимъ отъ смертной казни. Спросите даже такихъ людей, какъ Пальмеръ, прославившійся отравленіемъ стрихниномъ и надъ которымъ висѣло обвиненіе, впрочемъ недоказанное, въ отравленіи жены, брата и своего пріятеля, и онъ вамъ перечислитъ всѣ обстоятельства, отъ которыхъ зависѣли и которыми обусловливались его преступленія.

Но можетъ быть филантропы и моралисты знали очень хорошо закоренѣлость злодѣевъ и неспособность всего человѣчества сознавать свою вину и для пробужденія подобнаго сознанія придумали особенную систему нравственнаго воспитанія, которое и преподаютъ въ своихъ пенитенціаріяхъ? Да, дѣйствительно въ пенитенціаріяхъ производится усердное чтеніе библіи, производятся усердныя наставленія въ нравственности, наконецъ усердное обученіе заключенныхъ въ школѣ. Начну со школы.

Англійское правительство очень усердно занимается образованіемъ своихъ заключенныхъ, желая людямъ, воспитаннымъ въ грѣхѣ и въ ложныхъ правилахъ жизни, преподать правду и настоящія, хорошія житейскія правила. Преподаваніе это производится безразлично и малымъ и старымъ въ тюремныхъ школахъ, устроиваемыхъ по общему школьному образцу. Если вы читатель человѣкъ почтенныхъ лѣтъ, то можете представить себѣ безъ затрудненія, какъ должно нравиться заключеннымъ ученье, только вообразите, что васъ принуждаютъ силой идти каждый день въ школу и тамъ битыхъ два часа толкуютъ о томъ, чего вы не хотите слушать.

Женщины, особенно неумѣющія ни читать, ни писать и съ молоду незнакомыя со школой, смотрятъ на тюремное образованіе съ полнымъ отвращеніемъ. Въ нихъ нѣтъ ровно никакого желанія учиться, и въ школѣ онѣ принимаютъ такой недовольный, мрачный видъ, съ какимъ онѣ никогда не сидятъ за работой. «Зачѣмъ

я стану такъ поздно начинать учиться», говорила одна заключенная своей надзирательницѣ, а другая той же самой надзирательницѣ повторяла нѣсколько разъ: «я бы согласилась охотно быть осужденной на шесть или на девять мѣсяцевъ долѣе, чѣмъ заниматься такимъ дѣломъ. Ужасно трудная работа».

Заключенныя садятся за свои скамейки, точно толпа необузданныхъ школьниковъ, самыхъ незнающихъ, безтолковыхъ и лѣнивыхъ, съ ворчаніемъ и недовольными лицами. Надъ такими отвратительными ученицами учительницы не имѣютъ почти никакой власти.

Въ Брикстонской тюрьмѣ прежде былъ такой порядокъ. Въ каждомъ отдѣленіи на школу полагалось по полтора часа. На отдѣленіе назначалось четыре учительницы, а какъ въ отдѣленіи среднее число заключенныхъ составляетъ 28, слѣдовательно на каждую учительницу приходится семь ученицъ, а на каждую ученицу тринадцать минутъ. Обученіе производилось по-одиночкѣ, въ кельяхъ заключенныхъ. Въ началѣ урока ученицы должны были писать, а учительницы, переходя по порядку изъ кельи въ келью, поправляли ошибки. Какъ только учительница выйдетъ, заключенная тотчасъ же прекращала свое занятіе, или же, если она почти окончила свой урокъ при учительницѣ, что не принималась за заданный ей вновь. Учительницы, имѣя извѣстное число ученицъ, употребляли каждый разъ на занятіе полдня. Въ классный день заключенныя оставляли свои занятія и должны были приготовляться къ уроку. Но, за немногими исключеніями, никто никогда уроковъ не приготовлялъ, и заключенныя занимались, обыкновенно, только пока учительница стояла подлѣ. Новое улучшеніе заключается въ томъ, что всѣ учительницы соединяются въ каждомъ отдѣленіи въ одно время, вмѣсто того, чтобы раздѣляться, какъ это было прежде, и что данъ большій надзоръ духовнымъ, которые экзаменуютъ ученицъ, ободряютъ ихъ къ труду и возбуждаютъ прилежаніе. Такъ, покрайней мѣрѣ, предполагалось по проэкту.

Для школы въ Брикстонской тюрьмѣ отведено особое помѣщеніе въ части зданія, извѣстнаго подъ названіемъ «старой тюрьмы». Заключенныя раздѣлены на классы по 15 въ каждомъ и учатся разъ въ недѣлю. Всѣ заключенныя должны учиться обязательно. Отъ этого случается нерѣдко, что заключенныя изъ высшихъ сословій, владѣющія, можетъ быть, большими познаніями, чѣмъ тюремныя учительницы, должны сидѣть рядомъ съ незнающими даже азбуки. Ученицы не выказываютъ ровно никакого уваженія къ

своимъ наставницамъ; какъ только надзирательница отвернется, сейчасъ же начинается шептанье и дурачества, и никакими угрозами и приказаніями учительницы не въ состояніи водворить порядка. Однимъ словомъ, англійскія заключенныя обнаруживаютъ къ своимъ учительницамъ такое же уваженіе, какое въ былыя времена проявляли русскіе кадеты къ учителямъ чистописанія и французскаго языка. Ну, а при такихъ отношеніяхъ учениковъ къ своимъ наставникамъ очевидно, что время на ученье тратится совершенно даромъ, и классъ уподобляется скорѣе рынку. Видя свое полное безсиліе, учительницы обращаются для возстановленія порядка къ надзирательницамъ, и торжище прекращается. Съ тѣми изъ ученицъ, которыя владѣютъ достаточными познаніями въ азбукѣ и въ складахъ, производится чтеніе библіи. Грамотный міръ можетъ придти при этомъ въ великое изумленіе отъ неслыханныхъ имъ звуковъ и удивительнаго произношенія. Казалось бы, что именно это обстоятельство и должно бы возбуждать въ ученицахъ желаніе доставлять себѣ удовольствіе изумленіемъ грамотнаго міра; но, не отличаясь ученымъ тщеславіемъ, ученицы обнаруживаютъ напротивъ великое отвращеніе къ громкому чтенію, и смотрительницамъ нужно употреблять всю силу своего авторитета, чтобы принудить большую часть ученицъ читать въ-слухъ.

Но не съ читающими ученицами главное затрудненіе; труднѣе всего съ незнающими азбуки, съ которыми приходится преодолѣвать первыя и самыя главныя затрудненія. «Женщинъ болѣе глупыхъ и невѣжественныхъ, какъ эти ученицы, говоритъ авторъ, которымъ я пользуюсь, и представить себѣ невозможно; научить ихъ—безнадежная задача; небольшой успѣхъ, который онѣ сдѣлаютъ въ одну недѣлю, совершенно забывается въ слѣдующую, и съ тѣми же трудностями нужно начинать снова.» Въ такомъ видѣ тюремное ученье становится насмѣшкой надъ образованіемъ.

Чтеніе библіи и письмо составляютъ высшій предѣлъ знанія, къ которому позволяютъ стремиться тюремнымъ профессорамъ способности ихъ ученицъ. Прежде заключеннымъ давали для письма тетрадки, но это вело только къ тому, что листы тетрадей изчезали на тайную корреспонденцію. Потомъ каждой женщинѣ начали выдавать по одному листочку, который и отбирается въ концѣ урока. Для поощренія ученицъ въ дальнѣйшемъ преуспѣяніи написавшихъ хорошо—хвалятъ, написавшихъ дурно—бранятъ; но мѣра эта не обнаруживаетъ той поощрительной силы, какую ожидаетъ отъ нея ученое начальство.

Раньше этого былъ сдѣланъ опытъ съ математикой, такъ какъ она больше всего способствуетъ развитію мыслительной способности. Но арифметика, съ которой начали тюремные наставники, оказалась для заключенныхъ такой египетской работой, что онѣ рѣшительно отказались напрягать такимъ необычайнымъ образомъ свои способности. Справедливость однако велитъ сказать, что ученики обнаружили при этомъ довольно доброй воли, но встрѣтилось одно непредвидѣнное обстоятельство, заключавшееся въ томъ, что ошибки и неудачные отвѣты вызывали обыкновенно взрывы общаго хохота, что и нарушало порядокъ и отбивало охоту учиться. Обыкновенно повторялись такого рода сцены:

«Будьте внимательны, провозглашаетъ учительница; два—жды—два сколько?»

— Четыре, — отвѣчаетъ большинство.

«Два—жды три?»

Дѣло становится уже труднѣе, и изъ пятнадцати ученицъ развѣ три рѣшаются отвѣтить—шесть!

«Два—жды четыре?»

Мертвое молчаніе, или иногда только одна осмѣлится прервать его неудачнымъ отвѣтомъ—девять.—Зачѣмъ слѣдуетъ взрывъ хохота цѣлаго класса.

— Ну чего вы хохочете, дуры? крикнула разъ въ отвѣтъ на подобный смѣхъ смертельно обиженная заключенная, такъ неудачно выказавшая свои математическія познанія—если вы не кончите свое хрюканье, я раздѣлаюсь со всѣми вами.

«Джаксонъ, я васъ замѣчу,» произноситъ строго дежурная надзирательница.

— Я пришла сюда совсѣмъ не для того, чтобы позволять надъ собой смѣяться.

Надзирательница съ тактомъ старается успокоить взволнованную Джаксонъ, порядокъ возстановляется, но продолжать урокъ изъ арифметики оказывается уже невозможнымъ, и потому переходятъ къ чтенію библіи и къ писанью. Чтобы дѣло кончалось всегда такимъ мирнымъ образомъ, нужно, чтобы надзирательница умѣла успокоить обиженную; если это не удастся и дѣло дойдетъ до полнаго взрыва страстей, то надзирательница и учительницы должны будутъ съ позоромъ бѣжать, потому что съ пятнадцатью разсвирѣпѣвшими женщинами сдѣлать ничего невозможно.

Случается, что ученица засядетъ въ уголъ и ни за что не хочетъ изъ него выйдти, пока не кончится классъ. «Я не въ состоя-

ніи выносить этого, у меня идетъ кругомъ голова,» былъ разъ отвѣтъ заключенной надзирательницѣ, приказывавшей ей выйдти изъ угла. «Я буду сидѣть здѣсь совсѣмъ смирно, читать сегодня не стану, и вы меня ничѣмъ не заставите заниматься.» Или же одна изъ ученицъ вдругъ вскакиваетъ и начинаетъ перелѣзать черезъ скамейку. «Миссъ, мнѣ бы хотѣлось воротиться въ свою келью.»—Подождите, когда кончится урокъ.—Заключенная въ отвѣтъ трясетъ дико головою. «Я уже сыта по-горло отъ сегодняшняго урока. Лучше отпустите меня въ мою келью. Здѣсь я буду дѣлать только шумъ и безпорядокъ; не говорите потомъ, что я васъ не предупреждала.» Если заключенная настаиваетъ крѣпко, то, чтобы сохранить миръ и спокойствіе, надзирательница соглашается отвести ее въ келью, гдѣ ее и запираютъ. По возвращеніи въ классъ надзирательница находитъ въ немъ настоящій рынокъ пьяныхъ бабъ, шумъ, крикъ и ругань; никто не обращаетъ никакого вниманья на учительницъ; одна грозитъ кулакомъ, другая обѣщаетъ выцарапать глаза, третья разбить голову, и чтобы успокоить такое расходившееся море, нужно много нравственной силы и умѣнья дѣйствовать на заключенныхъ.

Самая трудная задача для надзирательницъ держать классъ въ повиновеніи. Случается нерѣдко, что упрямая ученица разнуздывается окончательно и выходитъ изъ всякаго повиновенія; обиженная смѣхомъ какой нибудь скалозубки она пускаетъ ей въ голову книгой, и тогда весь классъ приходитъ въ возбужденное состояніе, и малѣйшаго обстоятельства достаточно, чтобы вызвать общую революцію. Чтобы этого не случилось, нужно много такту и ума со стороны надзирательницы, особенно въ послѣдніе полчаса, когда ученицы бываютъ особенно возбуждены и легко воспламеняются. Случается, что въ концѣ урока является начальница или священникъ. Въ этомъ случаѣ весь классъ долженъ встать; но обыкновенно наиболѣе недовольныя дѣлаютъ видъ, что не замѣчаютъ прихода начальства, и, чтобы заставить ихъ встать, надзирательница должна имъ напомнить, что онѣ оскорбляютъ правила вѣжливости.

Въ концѣ урока надзирательница стучитъ въ доску, и классъ встаетъ и поетъ короткую молитву. Прежде же пѣлся стихъ изъ одного гимна, но начальство принуждено было прекратить это пѣніе, потому что однѣ, довольныя тѣмъ, что могутъ выказать во всемъ блескѣ свой талантъ, пользовались случаемъ, чтобы выводить

чудовищныя рулады и производитъ невозможные звуки, другія же позволяли себѣ постыдныя измѣненія текста.

Послѣ молитвы весь классъ бросается стремглавъ, какъ толпа деревенскихъ мальчишекъ, толкая другъ друга, такъ что надзирательницѣ стоитъ великаго труда дать этому бѣгущему стаду хотя самый слабый видъ порядка.

Въ такомъ видѣ происходитъ образованіе заключенныхъ. Но оно не кончается школой. Для умственнаго и нравственнаго развитія арестантокъ имѣется при тюрьмѣ библіотека. При поступленіи книгъ отъ заключенныхъ обратно въ библіотеку каждая книжка осматривается съ большою тщательностію, потому что всѣмъ чистымъ страницамъ грозитъ опасность превратиться въ матеріялъ для секретной корреспонденціи. За такое нарушеніе цѣлости книгъ виновную постигаетъ строгое наказаніе. У одной заключенной нашли разъ 21 гравюру, которыя она вырвала изъ книгъ и прятала тщательно, чтобы при случаѣ украсить ими свою келью. Когда начальство открыло сокровище заключенной, она съ обиженнымъ видомъ отвѣчала: «я совсѣмъ не знала, что картинки изъ книги тюремной библіотеки; мнѣ дала ихъ Дженни, и я думала украсить ими свою келью. Право странно, что я не могу имѣть никакой картинки безъ того, чтобы меня не бранили. Вы всегда ищете случая обвинить меня въ чемъ нибудь.»

Выборъ книгъ для библіотеки предоставленъ духовнымъ, и потому понятно, что въ сочиненіяхъ, назначаемыхъ для заключенныхъ, преобладаетъ серьозный элементъ. Многимъ заключеннымъ это очень не нравится, и одна изъ нихъ, спрошенная, не хочетъ ли она читать, отвѣтила: «Ни одной изъ вашихъ книгъ». Такъ какъ заключенныя не отличаются блистательными умственными способностями и не имѣютъ ни малѣйшей привычки къ умственному труду, то понятно, что книги серьезнаго или духовнаго содержанія не могутъ возбуждать въ нихъ особенной къ себѣ любви. Единственно доступное для нихъ чтеніе— разные легкіе разсказы, преимущественно скандалезнаго содержанія, и въ рѣдкихъ случаяхъ романы; что же касается до библіи, составляющей настольную книгу каждой заключенной, то она читается обыкновенно на-показъ, когда чтеніе ея можетъ принести выгоду. Въ этихъ случаяхъ библія служитъ скорѣе орудіемъ нравственной порчи, потому что заключенныя прикрываются священнымъ писаніемъ, чтобы обмануть своихъ приставниковъ и наставниковъ. Этимъ способомъ дѣйствуютъ по преимуществу менѣе страстныя и

увлекающіяся, но за то болѣе разсчетливыя натуры, замѣтившія, что строгимъ исполненіемъ тюремныхъ правилъ, прилежаніемъ и внѣшнимъ благочестіемъ можно улучшить свое положеніе. Заключенныя дѣйствуютъ тутъ по общему закону, существующему и внѣ тюрьмы. Каждый стремится къ лучшему, каждый ищетъ того, что доставляетъ ему пріятное, и употребляетъ доступныя ему средства для обезпеченія себѣ этой пріятности. Заключенныя—тѣ же люди; онѣ знаютъ очень хорошо, что наружная скромность, постный видъ и солдатское послушаніе могутъ доставить имъ лишнюю минуту сообщества съ своими товарищами и улучшитъ ихъ матеріальное положеніе. И онѣ поступаютъ такъ, чтобы всѣ эти выгоды имъ достались. Не ихъ вина, что сподручныя средства такого рода, что онѣ служатъ внѣшнимъ признакомъ и правды и лжи; не ихъ вина, что дѣйствительное и ложное благочестіе имѣютъ одинъ внѣшній видъ, тѣмъ болѣе, что болѣе проницательныя изъ заключенныхъ видятъ очень хорошо, что многіе изъ ихъ наставниковъ больше ничего, какъ волки въ овечьихъ кожахъ. Почему же не маскироваться въ этотъ костюмъ и заключеннымъ, когда выгоды такъ очевидны? Было бы гораздо справедливѣе, не обвиняя заключенныхъ, устроить имъ такой гардеробъ, въ которомъ этого костюма совсѣмъ бы не было. Теперь же заключенныя, не отличающіяся гордымъ непреклоннымъ характеромъ, увѣряютъ духовника въ своемъ искреннемъ раскаяніи, клянутся ему со слезами на глазахъ въ своемъ непремѣнномъ намѣреніи идти путемъ добродѣтели; но какъ только пасторъ отъ нихъ отвернется, онѣ показываютъ ему языкъ и дѣлаютъ гримасы. Впрочемъ знаки такой непочтительности относятся не лично къ священнику, а такимъ школьнымъ образомъ выражается удовольствіе, что удалось обмануть почтеннаго отца, повѣрившаго искренности. Есть и такія, которыя дѣйствительно считаютъ себя великими грѣшницами и испускаютъ чистосердечные тяжкіе вздохи. Но и этой искренности не слѣдуетъ придавать хàрактера той нравственной прочности, какой хотятъ въ ней видѣть тюремные филантропы, больше всего ошибающіеся въ своемъ нравственно-религіозномъ воспитаніи заключенныхъ. Разсудительные священники не скрываютъ того, что вопросъ этотъ составляетъ неразрѣшимую задачу, и все желаніе ихъ возстановить нравственность заключенныхъ, всѣ ихъ усилія разбиваются обыкновенно о тѣ неопреодолимыя препятствія, которыя заключаются въ личныхъ свойствахъ исправляемыхъ и въ обстоятельствахъ ихъ предшество-

вавшей жизни. Иногда священникъ, искренно преданный своему дѣлу и приступающій къ дѣлу исправленія со всѣмъ пыломъ и настойчивостію миссіонера, открывъ искорку того чувства, которое онъ ищетъ, принимается изъ всѣхъ силъ раздувать его въ пламя, и кончается это всегда тѣмъ, что пламя никакое не явится, а раздуватель, измученный напраснымъ трудомъ, бросаетъ дѣло, на которое онъ потратилъ столько силъ и энергіи... И это будетъ совершенно ясно, если обратить вниманіе на характеръ заключенныхъ. Женщины, особенно неразвитыя, отличаются сильнымъ перевѣсомъ страстности надъ интеллектомъ; а попадающія въ тюрьмы и остроги кромѣ того еще значительною долею легкомыслія. Подобныя женщины отдаются легко первому впечатлѣнію, которое впрочемъ никогда не бываетъ у нихъ прочно и продолжительно. Человѣкъ даровитый, владѣющій сильной, убѣдительной рѣчью легко дѣйствуетъ на ихъ воображеніе и чувство и можетъ довести огромную массу слушательницъ этого сорта до самыхъ горькихъ, порывистыхъ слезъ. Проповѣдникъ Мильбанкской тюрьмы, воспользовавшись разъ смертью одной изъ заключенныхъ, сказалъ по этому случаю рѣчь. Темой служила умершая, обстоятельства ея жизни и заключенія. Рѣчь подѣйствовала такъ сильно на заключенныхъ, что онѣ заливались горючими слезами, точно самыя нервныя чувствительныя и нѣжныя женщины. Зрѣлище было дѣйствительно поразительное. Наиболѣе повидимому жестокія и нечувствительныя, сидѣвшія за убійство своихъ мужей или дѣтей, обливались слезами при напоминаніи имъ естественной смерти человѣка, несопровождавшейся никакими обстоятельствами, способными возбудить особенную чувствительность, и подобные случаи повторялись не разъ. Конечно рѣчи, возбуждающія хорошія чувства и мысли, дѣйствуютъ возстановительно на моральную сторону человѣка. Но тѣмъ не менѣе, въ цѣломъ тюремныя проповѣди, сколько показало наблюденіе, не возвышаютъ нисколько общей нравственности заключенныхъ, потому что, дѣйствуя только на одну сторону душевной дѣятельности человѣка, онѣ не въ состояніи пополнить того, что или вовсе исключено или недоразвито или неправильно развито въ человѣкѣ, очутившемся на убыточномъ для общества пути жизни. Большинство заключенныхъ состоитъ изъ самыхъ невѣжественныхъ женщинъ, болѣе или менѣе разстроеннаго здоровья, испорченнаго характера, раздражительныхъ, фальшивыхъ и лживыхъ, отличающихся своеобразнымъ взглядомъ на жизнь и общественныя отношенія вслѣдствіе той печальной практики, которая привела ихъ

къ тюрьмѣ. Между женщинами попадаются такіе удивительные субъекты, какихъ невозможно найдти ни въ одной мужской тюрьмѣ. Есть женщины, приводящія духовниковъ и тюремное начальство въ совершенное отчаяніе,-женщины, на которыхъ не дѣйствуютъ ни увѣщанія, ни угрозы, ни наказаніе, которыхъ нельзя укротить ничѣмъ и которыхъ тюрьма сводитъ на край могилы, не принося имъ ни малѣйшей пользы и служа только доказательствомъ полнаго своего безсилія измѣнить человѣка, испорченнаго жизнію. Разъ въ Мильбанкскую тюрьму привезли дѣвочку: это было красивенькое, кудрявое существо, не болѣе десяти лѣтъ. Когда ее увидѣли въ первый разъ другія заключенныя—вся тюрьма пришла въ волненіе. «Господи, посмотри, что здѣсь дѣлается», раздалось невольное восклицаніе одной изъ заключенныхъ, и со всѣхъ сторонъ послышались глубокіе конвульсивные вздохи. «Стыдъ и позоръ! она не должна быть здѣсь», говорили болѣе смѣлыя и менѣе религіозныя, и, чтобы успокоить общее волненіе, нужно было дѣвочку увести и запереть въ ея келью. Совершенно подобное же впечатлѣніе произвело появленіе этого ребенка и въ Брикстонской тюрьмѣ. Въ настоящемъ случаѣ было совершенно очевидна невозможность обвиненія дитяти и вмѣненія преступленія. Въ взрослом, говорятъ обвинители, есть воля, разсудокъ, характеръ, слѣдовательно взрослый обязанъ слѣдить за собой и не допускать себя до преступленія, а если онъ себя до этого допустилъ, то очевидно, что онъ виноватъ и долженъ быть наказанъ. Въ ребенкѣ, по той же теоріи, нѣтъ качествъ взрослаго человѣка, въ немъ нѣтъ ни знаній, ни нравственной силы, ни вполнѣ развитаго интеллекта; ребенокъ не живетъ самостоятельной жизнью, какъ членъ общества, и поступки его зависятъ вполнѣ отъ окружающихъ лицъ и обстоятельствъ. Слѣдовательно очевидно, что ребенокъ, какъ существо зависимое, несвободное, невладѣющее полными нравственными и умственными силами, виноватъ быть не можетъ, въ его преступленіи виноватъ кто нибудь—или родители и родственники или общественныя условія, заставившія его сдѣлать преступленіе, если ребенокъ сирота. Вотъ соображенія, являвшіяся въ каждомъ при видѣ этой дѣвочки—соображенія, заставившія волноваться и заключенныхъ.

Между тѣмъ Лидія Кембинъ (имя этой дѣвочки) едва ли заслуживала подобной симпатіи. По хладнокровію, присутствію духа и лукавству, она не уступала сорокалѣтнимъ опытнымъ заключеннымъ. Въ ней не было почти ни малѣйшей сердечной теплоты, и укротить ее составляло великій трудъ. Надзирательницы слыша-

ли отъ нея такія позорныя выраженія и безстыдныя слова, какія только позволяютъ себѣ въ тюрьмахъ самыя испорченныя женщины, въ моменты сильнѣйшаго раздраженія. И Лидія Кембинъ не одна. Въ каждой женской тюрьмѣ можно встрѣтить нѣсколько дѣтей, возбуждающихъ самыя печальныя мысли на счетъ обстоятельствъ, создающихъ подобныя явленія. Года полтора тому назадъ въ Лондонѣ происходилъ конгрессъ мошенниковъ. «Я бы много далъ, говорилъ нѣкто Лекенъ, чтобы присутствовать на митингѣ, но не имѣлъ необходимыхъ для того правъ. Чтобы быть допущеннымъ на митингъ, нужно было доказать, что я, покрайней мѣрѣ, бродяга; поэтому я долженъ былъ довольствоваться присутствіемъ при входѣ и выходѣ изъ залы членовъ конгресса. Зрѣлище это было не безъинтересно. Толпа была многочисленная; за нѣсколько дней были прибиты въ кварталахъ, обитаемыхъ разными членами корпораціи мошенниковъ, объявленія о предстоящемъ конгрессѣ. Цѣль конгресса, задуманнаго и предсѣдательствуемаго почтенными филантропами, заключалась въ полученіи свѣдѣній о нравственныхъ и физическихъ условіяхъ лондонскихъ мошенниковъ, о причинахъ, побуждающихъ ихъ къ такой жизни, и о средствахъ избавить ихъ отъ нея. Очевидцы разсказывали, что съ самаго начала конгресса, положеніе было весьма мало успокоительное. Трудно было водворить тишину. Но англійскіе филантропы обладаютъ значительной долей терпѣнія. Они стали поочередно предлагать каждому изъ присутствующихъ рядъ вопросовъ объ ихъ возрастѣ, семействѣ, образованіи, полученномъ ими, числѣ вынесенныхъ ими наказаній. Послѣдній вопросъ вызвалъ совершенно неожиданное послѣдствіе. Первыхъ, объявившихъ, что они были подвергнуты заключенію семь или восемь разъ, присутствовавшіе привѣтствовали восторженными криками; когда же двадцатилѣтній юноша объявилъ, что онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ 29 разъ, то восторгъ достигъ крайнихъ предѣловъ. Послѣдовалъ цѣлый взрывъ рукоплесканій и криковъ.»

Ребенокъ, воспитанный въ такой школѣ, заключаетъ въ себѣ всѣ данныя, чтобы быть совершенно нечувствительнымъ къ попыткамъ нравственнаго исправленія, которымъ его подвергаютъ въ тюрьмѣ и особенно къ тѣмъ назидательнымъ рѣчамъ, которыми по преимуществу усиливаются дѣйствовать на подобнаго человѣка. Не существуетъ въ мірѣ средствъ, способныхъ уяснить ему его личную виновность, потому что никто лучше его не знаетъ, что не въ его волѣ и силѣ было устранить неблагопріятныя обстоятельства,

въ которыхъ онъ развивался. Слѣдовательно очевидно, что безъ пробужденія раскаянія невозможно достигнуть того, чего думаютъ достигнуть филантропы. Образованіе, которымъ они думаютъ развить въ заключенной сознаніе, ведетъ тоже къ результатамъ противоположнымъ, потому что только бѣситъ заключенныхъ и портитъ имъ еще больше характеръ. Удивительное право дѣло, какъ тюремные воспитатели не возьмутъ до сихъ поръ въ толкъ, что знаніе азбуки или—высшій предѣлъ тюремной учености—таблица умноженія не заключаютъ въ себѣ никакой магической силы, способной привести деревянные мозги въ нормальное, общечеловѣческое положеніе и сообщить человѣку не только такую силу мышленія, чтобы онъ понялъ внезапно всѣ недостатки окружающей его общественной жизни, но и чтобы устранилъ отъ себя всѣ неблагопріятныя условія, приводящія его въ тюрьму или на висѣлицу. Филантропы, кажется, весьма серьезно убѣждены въ томъ, что есть на свѣтѣ особая порода людей, которая никакъ не хочетъ жить, какъ всѣ, а на подобіе миноги лѣзетъ какъ разъ туда, гдѣ всего тѣснѣе или изъ всѣхъ силъ стремится ущемить себѣ непремѣнно голову. При такой странной логикѣ не удивительно, что находятся люди, подобные Францу Гольцендорфу, удостоившемуся русскаго перевода, которые высказываютъ даже подобныя мысли: «нигдѣ такъ не воспріимчива душа, какъ въ одиночномъ заключеніи, гдѣ ничто не можетъ заглушить голоса совѣсти, и гдѣ сопротивленіе физическою силою совершенно обезоруживается стѣнами тюрьмы, гдѣ наконецъ бѣдствіе не обязано стыдиться послѣдняго тлѣннаго остатка религіозныхъ чувствъ, какъ въ заключеніи общемъ.» Наболтать столько пустяковъ въ пяти строчкахъ можетъ только профессоръ. И откуда этотъ тонъ, недопускающій возраженія? Сидѣлъ господинъ профессоръ въ одиночной тюрьмѣ? нѣтъ; ну такъ, можетъ быть, онъ сидѣлъ въ душѣ какого нибудь заключеннаго, потому что нельзя же говорить такъ увѣренно о чужой душѣ, какъ о своемъ кабинетѣ, не заглядывая въ нее никогда? Смѣю увѣрить господина профессора, что въ одиночномъ заключеніи душа воспріимчива только къ злости и къ раздраженію, а у людей хитрыхъ и разсчетливыхъ—къ обману и надувательству; что касается до совѣсти, то, какъ видно, господинъ профессоръ вовсе не знаетъ, что это за штука, а иначе онъ бы понялъ, что говорить о совѣсти, какъ о силѣ, способной напомнить человѣку то, чего онъ никогда не видѣлъ и не слышалъ, значитъ заниматься толченіемъ воды; что касается *сопротивленія физическою силою*, то тутъ навралъ

или русскій переводчикъ господина Гольцендорфа, а господинъ Н. Ламанскій, подъ редакціею котораго вышелъ переводъ, не досмотрѣлъ, или же самъ господинъ Гольцендорфъ сказалъ непостижимую чепуху. Стѣны тюрьмы дѣйствительно обезоруживаютъ физическую силу, потому что заключенный не пушка и голова его не ядро; но отъ этого обезоруживанія душа не становится мягче. Наконецъ относительно тлѣннаго остатка религіознаго чувства можно сказать то же, что и о совѣсти. То религіозное чувство, о которомъ думаетъ г. профессоръ, вовсе не составляетъ врожденной принадлежности всякаго человѣка; а иначе жители Маркизскихъ острововъ имѣли бы одинаковое міровоззрѣніе съ г. Гольцендорфомъ, и конечно самъ г. Гольцендорфъ согласится, что въ душѣ того двадцати-лѣтняго юноши, который привелъ въ восторгъ всѣхъ лондонскихъ мошенниковъ, или въ душѣ Лидіи Кембинъ «тлѣнный остатокъ» нисколько не похожъ на превосходное древо познанія добра, прозябающее въ его собственной душѣ. Тюремный вопросъ уяснился бы давно, если бы не вмѣшались въ дѣло профессора и юристы, распространяющіе о немъ, подъ прикрытіемъ своего авторитета, ошибочныя понятія, принимаемыя на вѣру людьми, неспособными мыслить самостоятельно.

Я знаю очень хорошо, чѣмъ будетъ возражать мнѣ *основательный* читатель, особенно если онъ имѣетъ еще юридическое образованіе. Пользуясь тѣмъ же самымъ источникомъ, онъ представитъ мнѣ факты горькаго раскаянія заключенныхъ. «Я думаю о своей старухѣ-матери, миссъ, — сказала въ одно воскресенье заключенная своей надзирательницѣ, — она идетъ теперь вѣроятно черезъ поле въ церковь, и думаетъ вѣрно о томъ, что я бы должна идти съ нею рядомъ. Я провожала ее прежде всякое воскресенье.» «Сегодня десять лѣтъ тому назадъ, — сказала другая, — я сидѣла въ воскресной школѣ. Ахъ, тогда было все иначе! Я никогда не думала и не воображала попасть сюда!» И подобныя замѣчанія дѣлаются очень часто. Но только что же онѣ доказываютъ? Что есть люди, которыхъ прошедшее лучше ихъ настоящаго и что имъ о немъ пріятно вспомнить. Да развѣ кто-нибудь и когда-нибудь отрицалъ это? Точно также никто и никогда не отрицалъ, что уединеніе способствуетъ самоуглубленію и познанію самого себя. Отъ этого люди легкихъ способностей раскидываются обыкновенно на пустыя удовольствія и не любятъ одиночества, въ которомъ имъ дѣлать нечего; а люди умные любятъ уединеніе, потому что они чувствуютъ потребность мыслить и анализировать самихъ себя.

Если филантропы думаютъ одиночнымъ заключеніемъ возбудить въ человѣкѣ искуственнымъ образомъ самоуглубленіе, къ которому онъ на свободѣ неспособенъ, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что самоуглубленіе породитъ въ заключенномъ именно тѣ мысли, какія нравятся филантропамъ. Что каждый изъ заключенныхъ подумаетъ о себѣ и вспомнитъ свое прошлое — несомнѣнно; но какой планъ дѣйствій предположитъ онъ себѣ въ будущемъ, это вопросъ, на который не отвѣтитъ даже и г. Гольцендорфъ, не смотря на то, что онъ сидѣлъ въ преступной душѣ. Изъ фактовъ тюремной жизни, приведенныхъ въ настоящей статьѣ, читатель видитъ, что одиночное заключеніе дѣйствуетъ какъ пытка; а какъ пытка не доставляетъ никакого удовольствія, то разумѣется, что заключенный, осмотрѣвшись сначала въ своемъ новомъ положеніи, займется затѣмъ разными полезными размышленіями. Самымъ важнымъ будетъ вопросъ о томъ, почему человѣкъ очутился въ тюрьмѣ. Вопросъ этотъ будетъ обсужденъ со всѣхъ сторонъ и, по приведеніи въ ясность всѣхъ обстоятельствъ, заключенному сдѣлается очевиднымъ, что если бы не существовало этихъ обстоятельствъ, то онъ не сидѣлъ бы въ тюрьмѣ. Затѣмъ заключенный подумаетъ, что одиночное заключеніе вещь скверная и что гораздо пріятнѣе жить на свободѣ, не попадая никогда въ тюрьму. Очень можетъ быть, что люди болѣе чувствительные прольютъ нѣсколько потоковъ слезъ, вспомнятъ, какъ они ходили съ своими маменьками къ обѣдни или учились читать въ школѣ, какъ они сидѣли по вечерамъ съ нянюшками и бабушками и слушали страшныя сказки, и какъ все это было несравненно пріятнѣе настоящаго сидѣнья въ тюрьмѣ. Однимъ словомъ, результатъ всѣхъ соображеній будетъ тотъ, что въ тюрьмѣ хуже, а на свободѣ лучше, и что какъ бы было пріятно вмѣсто сидѣнья въ кельи быть вольнымъ казакомъ. Затѣмъ послѣдуютъ соображенія — нельзя ли какимъ нибудь способомъ разстаться съ тюрьмой поскорѣе, а если срокъ дологъ, то улучшить какъ нибудь свое матеріальное положеніе. Смотря по характеру и личнымъ средствамъ, каждый употребитъ для достиженія своей цѣли мѣры наиболѣе ему доступныя. Лукавый станетъ хитрить и обманывать, твердый и сосредоточенный уйдетъ въ себя и сохранитъ свое достоинство. Что произойдетъ съ этими людьми потомъ на свободѣ, попадутъ ли они снова въ тюрьму или нѣтъ, не зависитъ ни отъ Гольцендорфа, ни отъ Миттермайера, а отъ тѣхъ условій, въ какихъ придется имъ жить и дѣйствовать. Конечно филантропическія общества приносятъ извѣстную долю поль-

зы, какъ приносится польза тѣмъ, что умирающему съ голоду дается кусокъ хлѣба. Но филантропы далеко не производятъ тѣхъ чудесъ, которыми они похваляются. Напримѣръ одно англійское филантропическое общество, взявъ подъ свое покровительство выпускаемыхъ изъ тюрьмы, чтобы ставить ихъ на путь истины и не допускать ихъ до порока, сообщаетъ слѣдующій отчетъ: изъ 24 женщинъ, выпущенныхъ изъ Фельгама въ 1859 г., погибла невозвратно только одна, а изъ остальныхъ:

переселилось въ Австралію	1
исправленныя возвратились въ свои семейства . .	4
пропали изъ виду, но хорошаго характера. . . .	1
хорошаго характера, но безъ занятій	1
ожидаетъ служебнаго мѣста.	1
находятся въ услуженіи и ведутъ себя хорошо . .	11
прокармливаютъ себя сами честнымъ трудомъ . .	2
подъ защитой и присмотромъ общества.	2
Всего . .	23.

И находятся такіе добродушные люди, которые умиляются подобными цифрами, видя въ нихъ какъ разъ доказательство того, что ими вовсе не доказывается. Ну стоитъ ли говорить о 24 человѣкахъ, когда въ Соединенномъ королевствѣ является ихъ въ годъ около 100,000 человѣкъ? Вѣдь это все равно, какъ если бы кто нибудь, укротивъ одного мустанга, сталъ бы увѣрять, что онъ сдѣлалъ ручными всѣхъ мустанговъ Америки. Да и укротилъ ли еще онъ мустанга? Мустангъ былъ, можетъ быть, отъ природы кроткій, да и обстоятельства не заставляли его бить задомъ и передомъ? Филантропы, можетъ быть, достигли бы того же самаго результата, если бы эти 24 особы они совсѣмъ не подвергали тюремному заключенію, а вслѣдъ за приговоромъ суда одну отправили бы въ Австралію, 11 достали бы мѣста, 4 возвратили въ ихъ семейства и т. д. Пока не сдѣлано подобное сравненіе, филантропамъ гордиться нечѣмъ; а пока есть рецидивисты, имъ не слѣдуетъ увѣрять, что одиночное заключеніе кого нибудь исправляетъ, упираясь на то, что человѣкъ, воровавшій до тюрьмы, пересталъ воровать послѣ. Да можетъ быть онъ пересталъ бы воровать и такъ. Вѣдь рецидивистъ и послѣ тюрьмы сталъ заниматься тѣмъ же, слѣдовательно тюрьма не дѣйствуетъ. Или, можетъ быть, послѣдняго выпустили раньше срока, и судья не могъ угадать, сколько часовъ и минутъ онъ долженъ былъ просидѣть въ тюрьмѣ, чтобы дерево

нравственности, посаженное въ его сердцѣ, принесло плоды? Конечно при недогадливости судей другому придется сидѣть пять шесть разъ въ жизни, пока его не исправитъ могила. Въ такомъ случаѣ неисправимымъ уже не лучше ли прописывать прямо могилу? Теперь читателю будетъ понятно также, почему я указывалъ только на факты печальнаго свойства: только они и доказываютъ что нибудь. Если бы изъ ста заключенныхъ 99 въ дѣйствительности превращались въ новыхъ людей, и только одинъ оставался прежнимъ человѣкомъ, то и этого достаточно, чтобы признать одиночное заключеніе безсильнымъ предъ задачею, какую оно беретъ на себя. Но и этого нѣтъ въ дѣйствительности, такъ что людское жестокосердіе, маскирующееся юридическими софизмами, напрасно усиливается для своего мнимаго торжества опираться на статистическія данныя, которымъ не вѣритъ ни одинъ знающій человѣкъ. Не думайте, чтобы господа, доказывающіе исправительность одиночной тюрьмы, основывали свое убѣжденіе на несомнѣнныхъ фактахъ, напротивъ они искажаютъ ихъ, пользуясь невѣрными цифрами для подкрѣпленія своей предвзятой идеи.

Фактъ, о которомъ я буду говорить, весьма поучителенъ, потому что показываетъ, какъ предвзятыя идеи, подкрѣпленныя невѣрными доказательствами, могутъ быть осуществлены въ дѣйствительности и сколько затѣмъ нужно труда и усилій, чтобы сдвинуть людей съ ошибочнаго пути, къ которому они привыкли. Такъ защищая одиночное заключеніе, Моро-Кристофъ говоритъ, что въ тюрьмѣ Рокетъ, назначенной для малолѣтнихъ преступниковъ, число рецидивистовъ въ 1833 г. было 77%; черезъ 3 года, когда было введено самое строгое заключеніе, соединенное съ молчаніемъ, это число уменьшилось на 19%, съ введеніемъ уединенія днемъ и ночью, число это понизилось до 11%, а наконецъ до 9%. Что можетъ быть повидимому убѣдительнѣе такихъ цифръ, а между тѣмъ всѣ онѣ съ первой до послѣдней ложь. Вотъ новыя цифры, собранныя въ тюрьмѣ Рокетъ и въ исправительной колоніи Метре, въ которой заключеніе общее.

	1859 г. (трехлѣтіе съ 1857—1859 г.)	1860 г. (трехлѣтіе 1858—1860)	1861 г. (трехлѣтіе 1859—1861)	1862 г. (трехлѣтіе 1860—1862)	1863 г. (трехлѣтіе 1861—1863)
Рокетъ .	6,98%	12,30%	12,25%	9,03%	11,85%
Метре .	4,23	3,08	6,60	7,24	5,00.

И эти замѣчательно невыгодныя цифры для одиночнаго заключенія получились, не смотря даже на то, что въ Метре находились въ заключеніи дѣти низшаго общественнаго положенія и кажущейся большей преступности.

Заключалось дѣтей:	въ Метре	въ Рокетъ
родителей достаточныхъ . . .	3	4
живущихъ своимъ трудомъ . . .	404	336
нищихъ, бродягъ, публичныхъ женщинъ .	98	79
неизвѣстныхъ, изчезнувшихъ, умершихъ .	81	29
преступниковъ	64	5
Дѣти эти содержались за слѣдующія преступленія	въ Метре	въ Рокетъ
за предумышленное убійство и отравленіе.	2	»
за убійство простое	23	1
— преступленіе противъ женской чести и нравовъ.	27	6
за удары и раны.	6	11
— кражи, воровство и плутовство . .	393	199
— кражи квалифицированныя, подлоги,		
— поддѣлку монеты	51	19
— прошеніе милостыни . . .	75	21
— бродяжничество	59	149
— неповиновеніе родительской власти .	—	47

Изъ этихъ цифръ видно, что всѣ невыгоды достались колоніи Метре и, не смотря на то, одиночная тюрьма Рокетъ оказалась какъ разъ хуже для той цѣли, которую съ такимъ жаромъ защищали Моро-Кристофъ и извѣстный у насъ графъ Алексисъ Токвиль.

Другое возраженіе основательнаго читателя будетъ заключаться въ томъ, что изъ одиночнаго заключенія ученые юристы вовсе и не желаютъ дѣлать исключительно исправительной школы, что непремѣнный элементъ, который они вводятъ въ свою систему, есть устрашеніе, т. е. устрашеніе и исправленіе составляютъ какъ бы двѣ половины общей юридической мѣры, называемой наказаніемъ. Поэтому въ передовыхъ государствахъ (предполагается Англія; во Франціи же общественное мнѣніе и правительство противъ одиночнаго заключенія) сначала устрашаютъ преступника одиночнымъ заключеніемъ, а потомъ исправляютъ его общими каторжными работами. Чтобы подкрѣпить свое мнѣніе доказательствомъ несо-

крушимаго свойства, основательный читатель приводитъ слова Гольцендорфа, который говоритъ: въ уединеніи и одиночествѣ преступникъ долженъ оцѣнять значеніе сожитія, онъ сознаетъ наказаніе свое самымъ тягчайшимъ образомъ въ ту минуту, когда разлучается надолго съ обществомъ и свободною жизнью; слѣдовательно разсчитываютъ на то, что воспоминаніе объ одиночномъ заключеніи устрашитъ и принудитъ его по возможности противостать соблазнамъ и прельщеніямъ общаго заключенія. Въ замѣнъ внѣшняго разъединенія тюремными стѣнами правительство разсчитываетъ теперь на изолированіе *внутреннее* волею каждаго преступника...» Но приводя такое доказательство, читатель долженъ сдѣлать видъ, что ему совсѣмъ неизвѣстны статистическія данныя о рецидивистахъ, которыхъ и устрашали и исправляли, которые во время исправленія раздѣлялись отъ своихъ сосѣдей *внутренними* стѣнами, однимъ словомъ прошли всю тюремную школу и, не смотря на то, снова вошли въ нее. Очевидно, что ни устрашеніе, ни исправленіе, ни внутреннія стѣны, воздвигнутыя въ сердцахъ преступниковъ одиночнымъ заключеніемъ, не повели ни къ чему.

Третье возраженіе можетъ быть такого рода: что вездѣ сознана уже недостаточность одного одиночнаго заключенія, и потому явилась ирландская система, считаемая передовыми юристами лучшимъ изъ всего, что было придумано до сихъ поръ и дальше чего геній цивилизованнаго человѣчества въ настоящее время возвыситься не можетъ. Но если недостаточность одиночнаго заключенія сознана дѣйствительно вездѣ, то почему же передовая Англія мучитъ своихъ женщинъ въ одиночныхъ тюрьмахъ? почему цивилизованная Пруссія поступаетъ точно также и относительно мужчинъ? Почему въ государствахъ, гдѣ существуютъ старыя тюремныя системы, нельзя быть увѣреннымъ, что при тюремныхъ преобразованіяхъ одиночное заключеніе будетъ обойдено? Тюремныя преобразованія еще такая повсюду новость, что, не смотря на пятидесятилѣтнее разсужденіе, даже въ Великобританіи, ирландская система существуетъ въ одной Ирландіи, а въ другихъ государствахъ существующія у нихъ тюрьмы вовсе не дѣлаютъ чести ихъ гуманному чувству и претензіи на цивилизацію. Поэтому говорить о сознанной будто бы повсюду недостаточности одиночнаго заключенія очень неосторожно, тѣмъ болѣе что выработанная новая ирландская система вовсе и не думаетъ разставаться съ одиночнымъ заключеніемъ, считая его необходимымъ архитектурнымъ пособіемъ при созиданіи въ преступныхъ сердцахъ *внутреннихъ* стѣнъ. Что

же касается до тюремнаго идеала, изображаемаго ирландской системой, то изобрѣтателю ея, капитану Крофтону, очень далеко до капитана Колумба.

Разница ирландской системы отъ англійской заключается собственно въ томъ, что тюремная дисциплина приведена въ лучшій порядокъ и что то, что англичане только говорятъ, ирландцы желаютъ осуществить на практикѣ. Это осуществленіе на практикѣ заключается въ лучшей системѣ образованія и воспитанія арестантовъ. Англичане выпускаютъ своихъ арестантовъ прямо на свободу, а ирландцы подготовляютъ ихъ къ предстоящей имъ свободной дѣятельности содержаніемъ въ полусвободномъ заключеніи, которое, по мнѣнію капитана Крофтона, выработываетъ личность каждаго отдѣльнаго арестанта, на основаніи хорошихъ началъ, вызванныхъ предшествовавшею строгою дисциплиною. Однимъ словомъ, капитанъ Крофтонъ исходитъ какъ разъ изъ недоказаннаго еще никѣмъ вліянія одиночнаго заключенія на возбужденіе въ человѣкѣ непремѣннаго желанія изобразить изъ себя героя добродѣтели и, не смотря ни на какія препятствія, свершать подвиги высокой морали, ниспровергая рѣшительно всѣ препятствія, которыя могутъ представить обстоятельства жизни при осуществленіи такого отчаяннаго намѣренія.

Но если капитанъ Крофтонъ ошибается въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ пускается въ психологическія соображенія, за то несомнѣнна польза отъ предположенныхъ имъ ежедневныхъ лекцій арестантамъ. Обыкновенные воспитатели полагаютъ, что развитіе понятій и пріобрѣтеніе знаній невозможно безъ грамоты и письма. Поэтому они, какъ читатель уже видѣлъ изъ приведеннаго выше описанія классныхъ занятій въ женскихъ тюрьмахъ, изнемогаютъ надъ обученіемъ взрослыхъ людей, чуть ли не имѣющихъ внуковъ, складамъ, чтенію, письму и ариѳметикѣ. Такая египетская работа производитъ въ ученикахъ рѣшительное мозговое истощеніе, доводящее ихъ до отчаянія и возбуждающее на рѣзкое проявленіе своего неудовольствія, ведущее къ штрафной куркѣ, къ *темной* и т. п. Спрашивается, зачѣмъ грамота и таблица умноженія человѣку, который прожилъ пятьдесятъ лѣтъ безъ нихъ? Или расширится отъ нихъ его кругозоръ? Любопытно бы знать, въ чемъ будетъ состоять такое расширеніе у человѣка, который на старости лѣтъ узнаетъ, что буки-азъ—ба? Какая ему отъ этого польза или выгода? Читать онъ конечно никогда не выучится; а если и выучится, то все-таки читать ничего не станетъ, и всѣ необходимыя ему по-

знанія будетъ пріобрѣтать прежнимъ устнымъ путемъ. Поэтому практическая метода, введенная Крофтономъ, много выше той нелѣпости, въ которую упражняются обыкновенные любители душеспасительнаго образованія. Изъ этого однако вовсе не слѣдуетъ, чтобы ирландская система была чужда этой нелѣпости. Пусть читатель не забываетъ, что ирландская система вовсе не новый свѣтъ; это таже старая англійская система, но лучше организованная, разсчитанная на высшія умственныя и нравственныя качества лицъ, приставленныхъ для надзора за заключенными, и имѣющая маленькое дополненіе, недостающее у англичанъ, о которомъ я уже говорилъ. Ирландская система по отношенію къ англійской тоже самое, что мальчикъ, превратившійся изъ восьмилѣтняго въ десятилѣтняго. Это все тотъ же мальчикъ, больше глупый, чѣмъ умный, но котораго два года новаго опыта научили лучше надѣвать на себя панталоны, чѣмъ онъ дѣлалъ это прежде. Ирландская система вовсе не отказывается учить азбукѣ и складамъ большихъ болвановъ, вѣкъ свой ворочавшихъ бревна и тесавшихъ камни. Но для нихъ это новое дѣло, не смотря на то, что для него не нужно ни малѣйшаго напряженія мускуловъ рукъ и ногъ, кажется страшно тяжелой работой; такъ что мужичище, безъ труда поднимавшій девятипудовыя гири, обливается потомъ, выводя каракули, долженствующія изобразить его имя. Такое потѣшье капитанъ Крофтонъ называетъ хорошимъ началомъ, располагающимъ къ индивидуализаціи. Выбившись изъ силъ надъ азбукой, сколько то кажется необходимымъ тюремному начальству, арестантъ поступаетъ въ переходный разрядъ, за которымъ слѣдуетъ уже свобода. Въ переходномъ разрядѣ арестантамъ читаются каждый вечеръ лекціи. Главнымъ предметомъ лекцій служитъ политическая экономія, практическая мораль и географія. Читателю можетъ быть покажется страннымъ такой выборъ предметовъ, но именно этотъ выборъ и доказываетъ, что ирландская система, приводящая и до сихъ поръ въ восторгъ людей, способныхъ умиляться геніальностію десятилѣтняго мальчика, надѣвающаго собственноручно панталоны, хотя мучитъ людей и менѣе, но не дѣлаетъ нисколько добродѣтельнымъ того, кому сдѣлаться добродѣтельнымъ очень трудно.

О характерѣ политической экономіи, преподаваемой заключеннымъ, распространяться не стоитъ. Это та самая политическая экономія, принципы которой англійскій буржуа хотѣлъ бы внушать своему собрату пролетарію. Практическая мораль отличается тѣми

же достоинствами, какъ и тюремная политическая экономія; въ основѣ этой новой науки, придуманной собственно для заключенныхъ, лежитъ ученіе о свободной дѣятельности человѣка, и арестантамъ объясняютъ разными примѣрами, извлеченными изъ дѣйствительной жизни и повседневной практики, что стоитъ только человѣку захотѣть идти направо и онъ пойдетъ направо, стоитъ захотѣть идти налѣво и онъ пойдетъ налѣво. Арестанты слушаютъ, но что они думаютъ, тюремные профессора конечно не знаютъ. Географія— другое дѣло. Предметъ этотъ явился въ тюремной школѣ потому, что тюремное начальство, неувѣренное, чтобы его политическая экономія и практическая мораль искоренили бы въ Великобританіи преступленія и проступки, задумало сбывать съ рукъ своихъ заключенныхъ. Извѣстно, что если отрубить человѣку голову, то ужь онъ никакихъ преступленій дѣлать больше не станетъ: но какъ рубить головы вовсе не филантропично, да по дѣйствующимъ въ Англіи уголовнымъ законамъ производить подобную операцію со всѣми преступниками и нельзя, то изобрѣтатели ирландской системы хотѣли придумать такую мѣру, которая, представляя всѣ выгоды смертной казни, вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣла бы ея неудобствъ. Мѣрой этой показалось имъ выселеніе освобождаемыхъ изъ тюрьмы преступниковъ въ другія части свѣта. Убійца или разбойникъ, выселившійся въ Австралію, для Англіи какъ бы уже не существуетъ, а между тѣмъ кровь не пролита. И филантропично, и главное собственными устами творцовъ ирландской системы заявляется ихъ безсиліе разрѣшить задачу, за которую они взялись. Если ирландская система исправляетъ — зачѣмъ же выселеніе; а если вводится выселеніе — о чемъ же весь этотъ шумъ, хвалебные гимны и поздравительные букеты, приподносимые капитану Крофтону, когда они принадлежатъ капитану Колумбу. Не открой Колумбъ Америки, ирландская система была бы невозможна; теперь же, когда Ирландія, выпустивъ изъ тюремъ своихъ преступниковъ, уговоритъ ихъ переселиться въ Новый Свѣтъ, конечно рецидивистовъ быть не можетъ; не пріѣзжать же имъ въ самомъ дѣлѣ для этого изъ Америки или изъ Австраліи. Географія, преподаваемая заключеннымъ, имѣетъ въ виду плѣнить воображеніе людей картинами новой жизни и природы и возбудить желаніе къ переселенію. Поэтому арестантамъ читается не географія Россіи или Франціи, а преимущественно та часть ея, въ которой описываются Англійскія колоніи — Канада, Австралія, мысъ Доброй Надежды. На лекціяхъ сообщаются не только естественно-историческія и

экономическія свѣдѣнія объ этихъ странахъ, но и все то, что можетъ интересовать переселенца и что ему необходимо знать для прочнаго и выгоднаго водворенія на новомъ мѣстѣ. Противъ подобныхъ лекцій сказать, разумѣется, нечего, и въ нихъ лучшая сторона ирландской системы, потому что обыкновенные переселенцы, изъ которыхъ большинству остается только одинъ шагъ, чтобы попасть въ команду капитана Крофтона, кидаются въ колоніи, очертя голову, не имѣя ни малѣйшаго понятія ни о характерѣ страны, въ которую они направляются, ни о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя могутъ обезпечить успѣхъ ихъ предпріятія. Но если бы подобныя лекціи и не имѣли спеціальной цѣли превращенія заключенныхъ въ переселенцевъ, онѣ все-таки останутся полезнымъ и умнымъ дѣломъ, потому что сообщаютъ людямъ незнающимъ свѣдѣнія дѣйствительно для нихъ полезныя. Обученіе старпковъ и старухъ грамотѣ и таблицѣ умноженія, по сравненію съ подобнымъ ознакомленіемъ съ природой и людьми, является выдумкой такого непостижимаго тупоумія и умственнымъ лилипутствомъ, что остается только недоумѣвать, до какой степени люди, берущіеся за воспитаніе народа, могутъ дѣлаться дѣтьми. Взрослому, прожившему уже весь свой вѣкъ безъ печатныхъ книгъ, грамота рѣшительно не нужна и упражнять его въ тюрьмѣ въ элементарныхъ школьныхъ знаніяхъ, значитъ усиливать и безъ того уже тяжелую пытку одиночнаго заключенія новымъ ненужнымъ истязаніемъ. Между тѣмъ простые разсказы о природѣ и ея явленіяхъ, объ общественной и экономической жизни того народа, къ которому принадлежитъ заключенный или взрослый ученикъ, не утомляя слушателей, доставятъ имъ большую пользу не только расширеніемъ ихъ познаній, но и ознакомленіемъ ихъ съ наслажденіемъ умственнаго удовольствія. Не смотря однако на эту единственно свѣтлую сторону ирландской системы, она, какъ я уже объяснилъ, не приноситъ ожидаемыхъ отъ нея результатовъ, да и принести не можетъ, потому что построена на томъ же ошибочномъ основаніи, которое служитъ базисомъ и для всѣхъ другихъ карательно-исправительныхъ системъ. Ирландская система прежде всего стремится къ тому, чтобы устрашеніемъ уничтожить въ человѣкѣ преступную волю, и когда цѣль эта достигнется и преступная воля изчезнетъ,— что достигается одиночнымъ заключеніемъ и общими каторжными работами—то переводомъ въ переходную тюрьму, на половинную свободу, создаютъ въ бывшемъ преступникѣ новую, хорошую волю,

неспособную вести человѣка ни къ чему дурному. Изъ этого читатель видитъ, что къ ирландской системѣ примѣнено старое ученіе моралистовъ о причинахъ человѣческихъ проступковъ и преступленій; а какъ это старое ученіе ровно никуда не годится, то очевидно, что не приведутъ ни къ чему полезному и всѣ исправительныя системы, на немъ построенныя.

Наконецъ послѣднее возраженіе, которымъ поразитъ меня основательный читатель, будетъ заключаться въ томъ, что я не сказалъ ровно ничего новаго; и что если я позволяю себѣ дерзость отвергать полезность того, надъ изобрѣтеніемъ чего трудились многіе генералы, государственные люди, филантропы и разные другіе болѣе или менѣе извѣстные и почтенные господа, то не угодно ли будетъ мнѣ предложить что нибудь свое болѣе умное, полезное и практическое. Какъ ни сильно подобное возраженіе, но оно меня не смутитъ. Въ замѣчаніи основательнаго читателя, что я не сказалъ ровно ничего новаго, я вижу просто злое желаніе задѣть мое авторское самолюбіе; этого ему конечно не достигнуть, потому что я попрошу у него доказательствъ. Вы говорите, что я не сказалъ ровно ничего новаго; но для кого? Для Миттермайера, Гольцендорфа, Бонвиля, для профессоровъ уголовнаго права—что ли? Не угодно ли вамъ сосчитать по пальцамъ всѣхъ тѣхъ, кому это не ново, а я вамъ сосчитаю тоже по пальцамъ всѣхъ тѣхъ, кому это ново. Для этого я не послѣдую вашей уловкѣ и не отправлюсь считать знающихъ людей въ Германіи, Франціи, Англіи; я начну считать незнающихъ людей въ своемъ любезномъ отечествѣ; я начну съ *образованныхъ* людей, населяющихъ наши уѣздныя и губернскія захолустья, и тогда вы увидите, что на моей сторонѣ легіонъ, а на вашей только Миттермайеръ съ своими учениками. Я вамъ представлю и другіе факты. Все новое приходитъ къ намъ изъ за-границы только тогда, когда оно успѣетъ сдѣлаться тамъ старымъ. Даже зажигательныя спички, изобрѣтенныя въ 1807 г., пришли къ намъ только въ 1835 г.; а если для зажигательныхъ спичекъ, предмета не только невиннаго, но и несомнѣнной хозяйственной полезности, требовалось идти въ Россію 28 лѣтъ, то понятна медленность путешествія идей, казавшихся болѣе зажигательными, чѣмъ спички. Есть за границей книги, напечатанныя сто лѣтъ тому назадъ, которыхъ мы не знаемъ даже заглавія. У насъ есть только одинъ сортъ людей, слѣдящихъ за движеніемъ западно-европейской мысли и знакомящихся съ тамошними новостями по мѣрѣ ихъ появленія. Этотъ сортъ людей—наши ученые,

литераторы, публицисты, и въ послѣднее время издатели и переводчики иностранныхъ сочиненій. Все же остальное *образованное* общество, за немногими отдѣльными исключеніями, пробавляется только тою умственною пищею, какую находитъ въ журналахъ и газетахъ. Теперь сосчитайте по пальцамъ, сколько у насъ передовыхъ журналовъ и газетъ, а у нихъ читателей, и тогда вы увидите, что *образованная* русская публика или ровно ничего не читаетъ и не интересуется ничѣмъ, кромѣ повседневныхъ домашнихъ дѣлъ и событій своей провинціальной жизни, или читаетъ только отдѣлъ о наградахъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ и казенную корреспонденцію въ своемъ присутственномъ мѣстѣ или — и это уже высшій провинціальный сортъ—подписывается на петербургскіе газеты и журналы. Въ этомъ высшемъ сортѣ заключается два рода читателей. Одинъ — читатели *основательные*, обыкновенно нечитающіе выписываемыхъ журналовъ, а въ газетахъ проглядывающіе только отдѣлъ оффиціальный или полуоффиціальный. Считая себя начальствомъ и въ извѣстной степени даже правительствомъ, они смотрятъ на литературу и публицистику сверху внизъ и заимствуютъ свои сужденія большею частію изъ передовыхъ статей «Московскихъ Вѣдомостей»... Невыгода подобной умственной изолированности заключается въ томъ, что всѣ новыя идеи и знанія приходятъ къ изолированнымъ людямъ еще медленнѣе, чѣмъ шли нѣкогда спички въ Россію, и что когда въ Европѣ явилась уже ирландская система, они едва услыхали о давно забытыхъ знающими людьми чудесахъ системы пенсильванской и утвердились на той мысли, что это самое умное, что только въ состояніи выдумать человѣчество, а все остальное, явившееся послѣ, больше ничего какъ мальчишество и затѣи слишкомъ забѣгающихъ впередъ людей. По поводу высоты юридическаго уровня *основательныхъ* представителей нашей провинціи можно написать очень толстую книгу; кому же ждать этой будущей книги вовсе не желательно, тѣ могутъ найдти интересующіе ихъ свѣдѣнія въ «Матеріалахъ по вопросу о преобразованіи тюремной части въ Россіи», заключающихъ разныя любопытныя соображенія нашихъ провинціальныхъ юристовъ. Что же касается до того, что будто бы я долженъ выдумать непремѣнно что нибудь болѣе умное, чѣмъ изобрѣтеніе заграничныхъ генераловъ, то на это я отвѣчу тѣмъ, что я благодарю судьбу и обстоятельства своей жизни за то, что мнѣ не приходится заключать никого въ тюрьму ни по пенсильванской, ни по англійской, ни по ирландской системамъ. Желаю, читатель, и вамъ того-же.

Н. Шелгуновъ.

СПЕКТАКЛЬ СЪ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ЦѢЛЬЮ.

(ПРОВИНЦІАЛЬНЫЯ СЦЕНЫ.)

АКТЪ I-й.

ЛИЦА:

Егоръ Никитичъ Пустобаевъ, занимаетъ довольно видное мѣсто.

Марья Васильевна, жена его, 42 лѣтъ, попечительница комитета о бѣдныхъ.

Кирилъ Савичъ Рѣповъ, секретарь комитета, 48 лѣтъ, изъ хохловъ,—наивенъ, хлопотунъ.

Лукерья Ивановна, вдова-чиновница.

Monsieur **Поль**, дальній родственникъ Пустобаевыхъ.

Колокольцова, **Мошкина**, губернскія барыни.

Мордашевъ, поручикъ инвалидной команды.

Кукушечкинъ, прапорщикъ той же команды.

Анна Павловна Иванова, жена бѣднаго чиновника.

1-й, 2-й и 3-й писцы земскаго суда.

Слуга.

(Дѣйствіе происходитъ въ домѣ Пустобаевыхъ).

ЯВЛЕНІЕ I-е.

(Гостиная въ домѣ Пустобаевыхъ, богато меблированная. Пустобаева сидитъ на диванѣ съ модной картинкой въ рукахъ; Пустобаевъ ходитъ изъ угла въ уголъ).

Пустобаевъ. Да ты пойми меня, Марья Васильевна, я нисколько не противъ спектаклей, отчего и не развлечься; ну и

живыя картины тоже вещь хорошая, пріятное для глазъ зрѣлище.

Пустобаева. Я знаю, что вы охотникъ до живыхъ картинъ.

Пустобаевъ. Почему же, — пріятное зрѣлище. Все это хорошо, да затѣваешь ты слишкомъ на широкую ногу. Шутка сказать: десять спектаклей; да вы прежде одинъ-то устройте.

Пустобаева. Не вмѣшивайся не въ свое дѣло. Кирилъ Савичъ взялся распоряжаться, значитъ я могу быть покойна.

Пустобаевъ. Положимъ, онъ хлопотунъ; притомъ ему приличнѣе, чѣмъ кому другому, орудовать этимъ дѣломъ. Спектакль въ пользу бѣдныхъ, а онъ секретарь комитета. Да вѣдь суть-то въ томъ, душа моя, какъ бы эти спектакли намъ на шею не сѣли. Шуточное дѣло—ваши репетиціи! Прошу покорно, накормить человѣкъ двадцать при нынѣшней дороговизнѣ. Это, Марья Васильевна, чего нибудь да стоитъ...

Пустобаева. Не хлопочи, пожалуйста. Повѣрь, что безъ тебя все раньше обдумано. Всѣ расходы отнесутся на сборъ; мы ужь такъ рѣшили съ Кирилъ Савичемъ. Поэтому-то и необходимо дать десять спектаклей. Первые только что покроютъ издержки, а надобно вѣдь позаботиться и о бѣдныхъ. Общество выбрало меня въ попечительницы, такъ не сидѣть же мнѣ сложа руки. А главное, я тебя прошу объ одномъ: не вмѣшивайся не въ свое дѣло!

Пустобаевъ. Нельзя, матушка, не вмѣшиваться, когда съ вашими спектаклями у меня всѣ дѣла остановились. Твой Кирилъ Савичъ чуть не всю канцелярію разогналъ. Сама посуди, на чтожь это похоже: прихожу вчера въ присутствіе — на половину служащихъ нѣтъ. Спрашиваю: гдѣ? Отвѣчаютъ, что по домамъ роли учатъ: Кирилъ Савичъ приказалъ. На что же это похоже?

Пустобаева. Это я распорядилась. Кирилъ Савичъ тутъ ни въ чемъ не виноватъ. Завтра у насъ первая репетиція безъ тетрадокъ, я и приказала; а ваша канцелярія, надѣюсь, не сгоритъ отъ того, что какихъ-нибудь дня два въ ней не будутъ писать глупыхъ бумагъ.

Пустобаевъ *(махнувъ рукой)*. Тебѣ не втолкуешь, матушка!

Пустобаева. Да и напрасный трудъ; въ вашихъ совѣтахъ не нуждаются. Вы о насъ, женщинахъ, привыкли думать, что мы все дѣлаемъ очертя голову, безъ всякой цѣли, для одного удовольствія, — ошибаетесь! Вотъ вы умный, дѣловой человѣкъ, а и не подозрѣваете, зачѣмъ я затѣваю эти спектакли. Вѣдь не съ вѣтру я ихъ затѣяла. Я не говорю уже о бѣдныхъ, — главное, ихъ желаетъ Поль. Онъ пріѣхалъ изъ деревни на какой-нибудь мѣсяцъ; надобно же доставить ему развлеченія. Ты, надѣюсь, не забылъ, что если бы не Поль, тебѣ не занимать бы настоящаго мѣста, и намъ не жить такъ хорошо. Онъ и впослѣдствіи можетъ быть намъ очень полезенъ. Старикъ князь души въ немъ не чаетъ; каждое слово Поля для него законъ. А какую роль играетъ князь въ Петербургѣ,—это тебѣ хорошо извѣстно.

Пустобаевъ. Да, человѣкъ въ силѣ. Съ большимъ вѣсомъ! Только боюсь, какъ бы этотъ Поль чего не накуралесилъ; баловень онъ, сорви-голова!

Пустобаева. Это не ваша забота; я его беру подъ свое покровительство. Потомъ-съ... эти спектакли будутъ полезны для Наташи. Быть можетъ они сколько нибудь развяжутъ ее; а то съ нею стыдно право и въ общество показаться, — чурбанъ-чурбаномъ, отъ всякаго слова краснѣетъ, точно крестьянская дѣвка. Пускай была бы ребенокъ, а то вѣдь скоро двадцать-первый минетъ. Пора и съ рукъ долой. Чего она намъ стоитъ въ эти три года, и все безъ пользы. Ей хорошо живется на всемъ чужомъ; да вѣдь деньги-то у насъ не съ неба. Что она племянница наша, — это еще не обязываетъ насъ раззоряться на нее.

Пустобаевъ. Такъ ты думаешь, что... того...

Пустобаева. Это ужь мое дѣло, не безпокойтесь!

ЯВЛЕНІЕ II-е.

Тѣ же и Рѣповъ *(входитъ едва переводя духъ; лицо его замѣтно озабочено)*.

Рѣповъ. Уфъ! Усталъ! *(Оглядывая комнату)*. Еще не со-

собрались? Экой народецъ! Пойду подгонять *(идетъ къ выходной двери)*.

Пустобаева. Ха-ха-ха! Кирилъ Савичъ! куда вы! Это очень любезно, пришелъ, не поздоровался и бѣжитъ! хорошъ!

Рѣповъ *(спохватясь)*. Ахъ, извините. Честь имѣю кланяться. Мое почтеніе, Егоръ Никитичъ! Позвольте; голова кругомъ идетъ. Ну ужь народецъ, эти любители — никого не соберешь. Кстати, Егоръ Никитичъ, прикажите Савченкову играть; онъ, кажется, у васъ служитъ; артачится человѣкъ. Я его Христомъ-Богомъ просилъ, а онъ и руками и ногами. Вѣдь это гадость; человѣку не хочется на общественное дѣло потрудиться.

Пустобаевъ. Конечно, я начальникъ, но согласитесь... неловко. Это не служба... притомъ старику подъ семьдесятъ... Да онъ, кажется, никогда не видалъ, какъ и играютъ... На что онъ вамъ можетъ пригодиться.

Рѣповъ. Какъ не пригодится, помилуйте! Да безъ него и піэсу нельзя ставить; необходимый персонажъ! Вѣдь на его рыло смотрѣть нельзя безъ смѣху. Онъ такъ у меня и пойдетъ на роли комическихъ стариковъ. А что сцены не знаетъ — это пустяки, подучить можно. Можетъ первый разъ и проврется; грѣхъ не великъ,—дѣло общественное. Обойдется послѣ, а мнѣ безъ комическаго старика невозможно.

Пустобаева. Егоръ Никитичъ, прикажи!

Пустобаевъ. Но... признаюсь... право... какъ-то...

Рѣповъ. Да, изъ головы было вонъ. Хотѣлъ предупредить васъ. Вы не сердитесь. Я отъ имени ея превосходительства поручилъ правителю канцеляріи, чтобы дѣловыя бумаги на эти дни оставили, а занялись бы расписываніемъ ролей.

Пустобаевъ *(горячась)*. Но послушайте, батинька, вы меня по рукамъ и ногамъ вяжете.

Рѣповъ *(проводя пальцемъ по горлу)*. Хоть зарѣжьте, невозможно иначе! Легко сказать — тридцать-двѣ піэсы расписать. Вѣдь у меня не сорокъ рукъ; и безъ того хлопотъ по горло. По сту разъ въ поясъ накланяешься, чтобъ получить согласіе. Еще съ мущинами туда-сюда, а барыни просто отъ рукъ отбились, капризовъ не оберешься. Другая ступить не умѣетъ; а тоже носъ деретъ; все хочетъ графиню играть. Толкуешь ей: ного-

дите, сыграйте напередъ маленькую рольку, пообтритесь на сценѣ, тогда мы васъ, пожалуй, не то что графиней, королевой выпустимъ; — такъ нѣтъ вѣдь, не втолкуешь, такія взбалмошныя!

Пустобаева. Однако, Кирплъ Савичъ, если ваши отзывы дойдутъ до нихъ...

Рѣповъ. Это ничего. У меня охотниковъ и охотницъ таки довольно понаклевалось. Это я только на первыхъ порахъ деликатничаю съ нашими аристократками, а то, пожалуй, если закапризничаютъ, и въ трубу спущу; кланяться не стану. У меня есть на примѣтѣ купчихи и мѣщаночки прехорошенькія. Я ихъ всѣхъ завербую на сцену. (*Замѣтивъ кого-то въ окно, стучитъ*). Погодите!

Пустобаева. Кого это вы?

Рѣповъ (*не обращая вниманія, продолжаетъ стучать*). Постойте! Эхъ, не слышитъ; ну да я догоню на лошади, не уйдетъ. Я сейчасъ (*быстро уходитъ*).

Пустобаева. Куда же вы?

Рѣповъ (*уходя*). На минуточку!

Пустобаева. Ха-ха-ха. Какой чудакъ, уморительный. Кого онъ тамъ увидѣлъ.

Пустобаевъ (*смотря въ окно*). Краюшкина остановилъ. Какую-то бумагу суетъ ему въ руку, а тотъ отнѣкивается. И безъ шапки выскочилъ въ такой морозъ; сумасшедшій.

Пустобаева. Ахъ, это онъ вѣрно роль предлагаетъ. Егоръ Никитичъ, позаботься, пожалуйста, чтобъ его представили къ празднику къ наградѣ; я тоже съ своей стороны попрошу.

Пустобаевъ. Хмъ... однако я оставлю васъ... надо заниматься (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III-е.

Пустобаева и Рѣповъ (*входитъ съ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ*).

Рѣповъ. Слава Богу, заручился согласіемъ. Вонъ ихъ еще сколько осталось раздать. (*Вынимаетъ изъ кармана огромные свертки бумагъ*).

Пустобаева. Послушайте, способенъ ли Краюшкинъ? Вѣдь онъ, кажется, такой...

Рѣповъ. Способенъ; ролька по немъ, какъ есть. Я ему далъ не то, чтобы совсѣмъ ужь дурака, а простячка... сыграетъ. Помилуйте, какъ ему не сыграть; вѣдь вы отъ него путнаго слова въ цѣлый день не добьетесь. Сыграетъ отчетливо. Однако до свиданья (*идетъ къ дверямъ*).

Пустобаева. Куда вы?

Рѣповъ. Хлопотать объ аллегри, да кстати по дорогѣ буду сгонять къ вамъ актеровъ и актерокъ. Надо же наконецъ порѣшить о первомъ спектаклѣ. Я мигомъ!

Пустобаева. Ахъ да, аллегри, аллегри. Постойте минутку. Кто у насъ будетъ у рулетокъ?

Рѣповъ. Въ этомъ-то и вся суть. Изъ нашихъ некому; всѣ, кто помиловиднѣе — играютъ. А я теперь къ городскому головѣ: авось заручусь согласіемъ. Давно запримѣтилъ я у него на всякій случай двухъ племянницъ. Очень молоденькія, хорошенькія и сложены прекрасно, лучше намъ и не надо.

Пустобаева. Но онѣ не знакомы съ нашимъ обществомъ, и не выѣзжаютъ.

Рѣповъ. Это пустяки. Можно познакомить, поприласкать: Онѣ еще намъ пригодятся; мы ихъ въ живыя картины поставимъ, да и по театру въ ходъ пустимъ. Для «Русской Свадьбы»—мы днемъ съ огнемъ не найдемъ сѣнныхъ дѣвушекъ—кровь съ молокомъ. До свиданья! (*Идетъ къ дверямъ и вдругъ возвращается.*) Изъ головы было вонъ! Павелъ Петровичъ у себя?

Пустобаева. Кажется уѣхалъ съ визитами...

Рѣповъ. Попросите его пожалуйста отъ себя взять одну ролькy: хорошая ролька и какъ разъ по немъ. Молодой человѣкъ, свѣтскій, образованный и негодяй. (*Быстро уходитъ*).

Пустобаева (*одна*). Пренапивный хохолъ, и сердиться нельзя на него, а какой хлопотунъ. Это Богъ намъ кладъ послалъ для спектаклей. Безъ него какъ безъ рукъ.

(*За сценой голосъ* Лукерьи Ивановны: «Ахъ, вы проказникъ, батюшка Кирилъ Савичъ. Дайте хоть съ ея превосходительствомъ, Марьей Васильевной, поздороваться»).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Пустобаева, Лукерья Ивановна и Рѣповъ (*входятъ вмѣстѣ.*)

Пустобаева. А, Лукерья Ивановна! садитесь, что такое?

Лукерья Ивановна. Да вотъ Кирилъ Савичъ проказничаетъ. Заставляетъ меня старуху на театрѣ представлять.

Рѣповъ. Пожалуйста безъ отговорокъ. Вотъ вамъ и ролька (*суетъ ей въ руки роль*). Подучите хорошенько!

Лукерья Ивановна. Да что вы и вправду что-ли? Господи помилуй! Да я на театрѣ никогда не представляла! Да и сиротское-ли это дѣло!..

Рѣповъ. Обойдетесь, пустяки, вышлифуемъ. А мнѣ старуху до зарѣзу нужно для «Не въ свои сани не садись.» Однако прощайте. (*идетъ и вновь возвращается.*) Изъ головы вонъ! Нѣтъ-ли у васъ пары ребятишекъ?

Лукерья Ивановна (*крестится*). Что вы батюшка? Статочное-ли дѣло? у вдовы-то безмужней ребятишекъ захотѣлъ?.. На смѣхъ, что-ли поднимаете?

Рѣповъ. Такъ у другихъ поищите. Вѣдь вамъ весь городъ знакомъ. Мнѣ нужно парныхъ подъ масть, такъ годочковъ по девяти, для «Карьеры». Однако я заговорился, а хлопотъ не оберешься (*уходитъ*).

Пустобаева (*нетерпѣливо*). Разсказывайте, Лукерья Ивановна, что хорошенькаго? были у Ивановой?

Лукерья Ивановна. Какъ же, ваше пр-ство, была. Да что я за неблагодарная такая, чтобы для своей благодѣтельницы не порадѣть. Да и передъ Павломъ Петровичемъ грѣхъ былъ бы; не оставляетъ своими милостями. Была. Наканунѣ всю ночь продумала, какъ-бы ладкомъ рѣчь повести, а рано утромъ первое дѣло—къ ней. Мужъ только что за калиточку—на службу, а я ужь птахой въ горенкѣ снижу! Нарочно спозаранку забралась, чтобы не вернулся молъ рано. Безъ него-то повадньѣе дѣло вести, да и душа-то у меня не лежитъ къ нему—сумнительный человѣкъ какой-то. Голь перекатная; изъ жалованья, что рыба объ

ледъ бьется, а гордости на сто хорошихъ господъ хватитъ. Все у него смѣшки да стишки на вдовъ и сиротъ убогихъ, что благостыней отъ добрыхъ людей пользуются. Своимъ, говоритъ, трудомъ живи. Нечего сказать, хорошо самъ-то живетъ. Кофей-то только по праздникамъ распиваютъ, а чтобъ пирожное когда подали,— этого у нихъ и въ заводѣ нѣтъ. Да чего, салопишкото у жены такой, что писарша другая не надѣнетъ; а тоже чиновникомъ зовется!

Пустобаева (*нетерпѣливо*). Вы поскорѣе, Лукерья Ивановна, а то пожалуй кто пріѣдетъ... помѣшаютъ...

Лукерья Ивановна. Виновата, ваше пр-ство, привычка старушечья, все заговариваюсь... ну да и все промежь людей... деньденьской тары-бары ведешь... и... (*замѣтивъ нетерпѣніе Пустобаевой*). Виновата, виновата, по скорости доложу. Вотъ-съ, сидимъ мы съ ней на диваньчикѣ... немудрящій такой, только слава, что диванъ, а вы и въ дѣвичью-то вашу, полагаю, такой не допустили бы...

Пустобаева (*нетерпѣливо*). Ну что-же? Согласна-ли она?

Лукерья Ивановна. Виновата. Вотъ и говорю я, что желаетъ молъ ея пр-ство, Марья Васильевна, чтобы вы на театрѣ благородномъ представляли. Какъ сказала я, такъ у ней глазенки и запрыгали. Охоча она до нихъ смертельно, до театровъ-то. Въ дѣвицахъ она еще отличалась. Бывало, какъ выйдетъ, такъ въ театрѣ ровно гроза поднимется; грохотъ такой, что не приведи Боже. Всѣ-то ей хлопаютъ стулья трещатъ; саблями гремятъ. Разъ такой случай вышелъ, что ремонтеръ тутъ наѣзжалъ, и подвыпимши былъ. Такъ до того онъ, матушка моя ваше пр-ство, окрысился, что и стулъ-то изломалъ, стучамши, и саблю-то, что у него вписѣла, переломилъ, а потомъ какъ схватилъ за волосы музыканта, что за перегородкой сидѣлъ, а волосы-то у музыканта большущіе такіе, ровно копна какая—да и началъ головенкой-то его постукивать о перегородку, а самъ благимъ матомъ оретъ «браво!» Голосище-то у него такой зычный, что не приведи Господи. Сказывали послѣ извощики, на площади было слышно.

Пустобаева. Ну такъ что-же Иванова?

Лукерья Ивановна. Виновата, ваше пр-ство! говоритъ, что она съ великой радостью, да какъ мужъ захочетъ!

Пустобаева. Гмъ!.. А хорошо онъ живетъ съ ней? Не строгъ?..

Лукерья Ивановна. Строгъ-нестрогъ; живутъ они ладно. Онъ-то души въ ней не чаетъ, да человѣкъ онъ какой-то сумнительный. Опять и ей перечить ему какъ будто не приходится. Съ повинной головой замужъ за него шла. Хоть и простилъ онъ ей грѣхъ-то, а все-таки ей какъ будто и неловко передъ нимъ.

Пустобаева. Какъ это вы могли узнать?

Лукерья Ивановна. А говорила она это по секрету подругѣ своей, все едино, что сестры родныя, душа въ душу жили, Марьѣ Петровнѣ Казанчиковой, а та по секрету Настѣ Морошкиной передала. Настя проболталась Катенькѣ Дибаловой; а ужь та все досконально въ точности мнѣ доложила.

Пустобаева. Такъ вы думаете, что Ивановъ не согласится?

Лукерья Ивановна (*съ торжествующимъ взглядомъ*). Чего не согласится, согласье свое ужь далъ,—благословилъ! да-съ! Вотъ какъ и дѣло было. Заболталась я съ нею, и время не замѣтила, а онъ и шасть въ дверь. Я, грѣшная, по правдѣ сказать, стрекача хотѣла дать. Не люблю я съ нимъ разговоровъ водить. Все надъ моимъ убожествомъ сиротскимъ смѣется; все совѣтуетъ чулки вязать, да этимъ дѣломъ и кормиться, а не принимать пожертвованій отъ благодѣтелей моихъ. Да что я за неблагодарная такая. Развѣ я не чувствую, что отказомъ обидишь благородныхъ людей. Отъ избытка вѣдь даютъ...

Пустобаева. Такъ согласилась;—очень рада?

Лукерья Ивановна. Какъ же, пришелъ развеселый такой, даже со мной за руку поздоровался. Разсказала она ему. Поморщился было немного; но ничего. Играй, говоритъ, коли это для тебя удовольствіе. Вотъ тебѣ и на наряды — и подаетъ ей патьдесятъ рублей и говоритъ, что отъ дяди наслѣдства семьсотъ рублей получилъ. Тутъ-то я и смекнула, отчего онъ такой веселый. А я и говорю, какъ вы наказывали, что молъ расходовъ никакихъ не будетъ, все сдѣлаютъ на казенный счетъ. Такъ онъ такъ весь и побагровѣлъ. Если намъ, говоритъ, хотятъ милостыню подать, такъ передайте генеральшѣ, что мы ни отъ кого ее не принимаемъ,

и Анюта не будетъ играть. Какая, говоритъ, это казна у нихъ нашлась на забавы? Я испужалась глядя на него. Да вы, сказываю, Александръ Александровичъ, не поняли, въ чемъ дѣло-то, и объяснила тутъ ему, что платья-то будутъ всѣмъ шиться на сборныя деньги. Засмѣялся онъ,—и не хорошо такъ засмѣялся; даже губы у него на сторону покосило. Поблагодарите, говоритъ; жена будетъ одѣваться на свой счетъ, а у бѣдныхъ послѣдній грошъ я отнимать не намѣренъ.

Пустобаева. Дерзкій какой! Э! да онъ видно изъ нынѣшнихъ фантазеровъ.

Лукерья Ивановна. Истинно такъ. Сумнительный человѣкъ, ваше пр-ство!

Пустобаева. Скажите пожалуйста! Всякая дрянь носъ деретъ. Признаюсь, если-бы не прихоть Поля, — я бы ни за что не просила ихъ.

Лукерья Ивановна. Ахъ, да,—вотъ вы изволили помянуть Павла Петровича. Я и забыла доложить. Вотъ я и о немъ-то успѣла слово закинуть. Вами, говорю, Анна Павловна, одинъ молодой человѣкъ очень интересуется: красота ваша очень его удивляетъ. Кто такой? спрашиваетъ. Тутъ я и почала расписывать Павла Петровича. Безъ лести скажу, другой живописецъ такой портретъ не нарисуетъ, какъ я его передъ нею аттестовала. Смѣется. Знаю я: въ дѣвкахъ-то она охоча была шурымуры водить. Что до теперешняго времени, не возьму грѣха на душу, въ вѣрности мужу пребываетъ. Да вѣдь врагъ человѣческаго рода силенъ. Какъ почнетъ про старое нашептывать, память о пріятствахъ и возродится. Охо-хо-хо. Такъ вотъ я расхваливаю это ей Павла-то Петровича, говорю ей про его любовь и разныя пріятства, а она такъ и слушаетъ, глазъ съ меня не спускаетъ: даже зардѣлась вся. Сами видите, ваше пр-ство, что могла, все сдѣлала по силѣ и разуму, а теперь пусть ужь они сами стараніе приложатъ — любовь ихъ заслужить. Это ихъ дѣло. Человѣкъ молодой. Чай имъ не безъизвѣстно, какихъ для такого дѣла манеръ надо взять. Авось, Господь милостивъ, и наградитъ она его своими ласками.

Пустобаева. Благодарю, Лукерья Ивановна; не забуду вашей услуги.

Лукерья Ивановна *(помолчавъ)*. У Никольской, Марьи Осиповны, сегодня была, кофеекъ распивала; радость у нихъ въ домѣ; двухъ дочерей однимъ разомъ вчера просватала. Старшую за Ермолаева, да за Казанцева другую — Глашу. Эту-то, что все голову на бокъ, ровно пристяжная, держитъ.

Пустобаева. Женихи незавидные... впрочемъ для нихъ...

Лукерья Ивановна. Чего завидные? Такъ, —шлынды какіе-то, прости Господи! Ну да для нихъ и такіе благословеніе Господне! — Окромя росту, да дородства, хоть шаромъ покати! Остолопы какіе-то, прости Господи! Въ головѣ-то непутный вѣтеръ бродитъ; поди чай тѣлесами одними и взяли. Случалось видывать, какъ въ клубъ онѣ собираются,—нашей сестрѣ смотрѣть зазорно. Въ такія декольтеи нарядятся, что плюнуть хочется. Тьфу! *(плюетъ)* срамницы! Словно какъ у Егоръ Никитича на картинкѣ, что въ кабинетѣ виситъ. И ходятъ срамницы по комнатѣ, ровно слоны, али истуканы какіе. А молодежи поди это и по сердцу. Этимъ-то онѣ и заполонили ихъ.

Пустобаева. Ну какая же молодежь Ермолаевъ и Казанцевъ? только что не старики...

Лукерья Ивановна. Какъ же не молодежь; холостые люди извѣстно молодежь. Будь вдовый человѣкъ, можетъ и поудержался бы отъ бѣсовскаго навожденія молитвой, али другимъ чѣмъ поборолъ бы страсти; а холостой—извѣстно, что мотылекъ на огонь летитъ; особливо какъ лѣта-то преклонныя подступаютъ; тутъ человѣкъ еще пуще до сластей охочъ бываетъ.

Пустобаева. Этого не говорите; не всѣ старики такіе,—да вотъ хоть бы Никандръ Петровичъ, ему ли не жениться! Первый богачъ въ губерніи; человѣкъ умный, образованный... и довольно бодръ еще; а онъ бѣгаетъ женщинъ, какъ чумы.

Лукерья Ивановна. Охъ, не говорите этого ваше пр-ство; знаю я его не первый десятокъ. По бородѣ-то онъ апостолъ, а на дѣлѣ кобель пестрый, прости Господи! Знаю я его утробу ненасытную. Ужь такая сластена, что и не приведи Богъ! Твердости только мужской ему Богъ не далъ; вотъ его горе. На рѣчи слабъ. Передъ образованной дѣвицей сейчасъ въ конфузъ... сидитъ себѣ словно песъ ошпаренный, да глазищами хлопаетъ; А женихъ первый сортъ; изъ жениховъ женихъ! Возьмись

только кто съ толкомъ за него, всякая оженитъ; да сбрось я сама десятка два съ плечъ,—не миновать ему моихъ рукъ, заполонила бы, ей-ей, заполонила бы!

Пустобаева. Будто онъ, въ самомъ дѣлѣ, такой?

Лукерья Ивановна. Образъ со стѣны сниму. Не задаромъ я тары-бары распускаю; я къ самому центру веду. Ужь простите меня за откровенность. Вотъ кабы Господь сподобилъ Наталью Алексѣевну... Ахъ я дура, и не спрошу, какъ здоровьето ихъ?

Пустобаева. Благодарю! Ахъ, да, Лукерья Ивановна, хорошо бы; да вѣдь вы знаете, она дѣвушка бѣдная; я за ней ничего не могу дать.

Лукерья Ивановна. Что вы, что вы ваше п-ство, да что онъ за волъ такой рогатый; дай ему сливки, да дай и пѣночку! Приручить только надо лаской, да пріятнымъ обхожденіемъ, чтобъ къ дому поваденъ былъ; дикъ онъ, что боровъ. А время-то богатое, самъ Богъ посылаетъ. Благое бы дѣло было, кабы Наталью Алексѣевну въ живую картинку поставить, въ манерѣ какой пріятной; дѣйствуетъ это на него, а я своимъ чередомъ всѣ старанія приложу;—хвалить станете!

Пустобаева (*въ раздумьи*). Хмъ...да... хорошо... я не забуду васъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

тѣже и Поль.

Поль (*разфраченъ и надушенъ до нельзя*). Bon jour! (*цѣлуетъ руку у Пустобаевой. Лукерьѣ Ивановнѣ*) Здравствуйте!

Пустобаева. Гдѣ это Богъ носилъ васъ, monsieur Поль?

Поль. Отъ Куропаткиной. Забѣжалъ на минутку повидать васъ и бѣгу къ Корсунской!

Пустобаева. Ахъ, шалунъ! Какое непостоянство!

Поль (*развалясь на диванѣ, закуриваетъ сигару*). Меня же бранятъ! Мило! Я, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку, на симпа-

тіи отвѣчаю симпатіями, и виноватъ! О, люди! въ этомъ случаѣ вините не меня, а деликатность моей натуры... ха, ха, ха!

Пустобаева. Шалунъ неисправимъ! Онъ всегда найдетъ оправданіе, а бѣдныя женщины страдаютъ. (*Грозя пальцемъ.*) Вотъ вамъ достанется еще отъ Колокольцовой; стыдно, цѣлую недѣлю не былъ. Развѣ не грѣшно друзей забывать?

Поль. Чортъ съ ней, надоѣла. Корчитъ изъ себя свѣтскую барыню, а говорятъ, мать на базарѣ молокомъ торговала. Тонируетъ, ломается, даже спитъ въ перчаткахъ... Какой-то шутникъ увѣрилъ ее, что такъ принято въ высшемъ свѣтѣ. По цѣлой коробкѣ пудры высыпаетъ каждый день на лицо и плечи.

Пустобаева. У, злой насмѣшникъ! а давно ли самъ интересовался ею?

Поль. Кушанье казалось хорошо приготовлено, а попробовалъ—кисло. Не люблю я такихъ барынь. На мой вкусъ цѣльное вино лучше всевозможныхъ пряностей. A propos, что Иванова?

Пустобаева. Играетъ. Вотъ вамъ еще жертва, сердцеѣдъ. А слѣдовало бы наказать васъ, за вашу вѣтренность и не хлопотать; да жаль стало бѣднаго; вижу безъ памяти влюбленъ; упросила.

Поль. Mercі. А вѣдь серьезно влюбленъ, изъ головы она у меня нейдетъ, такая душка. Съ огонькомъ должно быть барынька. Вотъ сюрпризъ, а вѣдь до того доходило, что хоть визитъ мужу дѣлай, а не хотѣлось очень. Еще чего добраго заподозритъ. Говорятъ страшный ревнивецъ.

Лукерья Ивановна. И не приведи Господи какой. Да чего, собачку она у себя завела, такъ онъ и къ собачкѣ приревновалъ,—такое зелье.

Поль. Пускай его ревнуетъ на здоровье. (*Пустобаевой.*) За сюрпризъ сюрпризъ. Дядя благодаритъ васъ за ласки къ блудному племяннику и сообщаетъ, что грудь вашего благовѣрнаго къ праздникамъ украсится приличной регаліей. Воображаю, какъ это будетъ идти къ нему.

Пустобаева (*покраснѣвъ отъ удовольствія*). Насмѣшникъ? Ну, что князь?

Поль. Ничего, что съ нимъ сдѣлается, живучъ, чортъ его

побери. Обзавелся какой-то новой страстишкой: Миной, Фриной, Лизой, не помню.

Пустобаева. Весь въ племянника...

Поль. Родственное. Однако пора (*беретъся за шляпу*).

Пустобаева. Подождите минуту, Поль. Сейчасъ у меня собираются гости для совѣщанія о спектаклѣ; принимайте ихъ, а я пойду... (*Звонокъ.*) Слышите колокольчикъ! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Поль и Колокольцова; за ней Мошкина и Кирьяновъ.

Колокольцова (*входя*). Ахъ, я первая. (*Полю*) Bon jour! а Марья Васильевна?

Поль. Просила извинить; сейчасъ выйдетъ.

Мошкина (*входя вмѣстѣ съ Кирьяновымъ, ему*). Настаивайте, непремѣнно настаивайте. Прелесть, что за піэса. Помните этотъ дуэтъ: «Пѣвецъ-герой, спѣша на поле чести...» Прелесть! Я еще институткой играла. Ахъ, какъ мы споемъ его съ вами!.. (*Колокольцовой.*) Анна Ѳедоровна! А Марья Васильевна?

Колокольцова (*ѣдко*). Вѣроятно серьезныя дѣла мѣшаютъ принимать гостей. Мы съ вами первыя, а назначенно въ 3 часа.

Мошкина (*не слушая ее, Полю*). Павелъ Петровичъ, а вы играете? а? Непремѣнно играйте. Это такъ весело. Знаете-ли, сыграемте вмѣстѣ: «Хороша и умна, и глупа и дурна», а? сыграемте? Помните этотъ дуэтъ: «Пѣвецъ-герой, спѣша»...

Кирьяновъ. Я не уступлю; вы со мной обѣщались!

Мошкина. Ахъ, да, pardon! Такъ, знаете, мы «Взаимное обученіе», прелесть, прелесть!.. Помните этотъ куплетъ «Какъ весела и счастлива Флоретта...» Я еще институткой...

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣже и Пустобаева.

Пустобаева. Bon jour, mesdames! Какъ неисправны, до сихъ поръ никого.

Колокольцова *(Кирьянову)*. Она кажется и за людей насъ не считаетъ!

Мошкина. Марья Васильевна, я предлагаю поставить «Хороша и умна». Прелесть, прелесть! Помните, тутъ есть дуэтъ: «Пѣвецъ-герой спѣша на поле...»

Колокольцова. Ахъ, не говорите этого, Лизавета Дмитріевна: для перваго дебюта надо что нибудь современное, серьезное... «Колодники» напримѣръ; помните роль этой... какъ ее... дивная, божественная роль! Да и вся піэса чудная вещь... Эта сцена, помните, сидятъ они въ кандалахъ... лѣсъ, огонь, луна томно смотритъ, а тутъ костры... Кандалы гремятъ... упоеніе! А то еще это мѣсто, помните? *(Звонокъ.)*

Поль. Еще кто-то! *(заглядывая въ переднюю)* Элефантъ какой-то!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣже и Мордашевъ,

Мордашевъ *(неловко раскланиваясь)*. Не имѣю чести быть знакомымъ. Мордашевъ по фамиліи-съ. На купца Иголкина наряженъ. Барышнямъ мое почтеніе!

Пустобаева *(кусая губы)*. Очень рада; садитесь. Вы очень любезны, что не отказались.

Мордашевъ. Помилуйте-съ; воля начальства; командиръ нарядилъ, ослушаться не смѣю. Притомъ, отъ себя скажу: лестно! Геройская роль.. *(Молчаніе)*... Я и штыкъ фальшивый заказалъ; жидъ у меня есть въ ротѣ; все смастеритъ, что прикажете; только въ ежовыхъ рукавицахъ надо держать, — плутъ. А безъ фальшиваго штыка нельзя-съ. Четырехъ шведовъ колоть нужно, такъ какъ-бы въ азартѣ-то людей не попортить,—оборони Боже; чего добраго—подъ судъ угодишь.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣже и Кукушечкинъ *(разфранченъ)*.

Кукушечкинъ. Марья Васильевна, Анна Ѳедровна, Елена

Карловна, имѣю честь кланяться! Я свою ролю всю знаю. Еще вчера въ караулѣ выучилъ *(къ Мошкиной)*. Не спутаюсь. Кирилъ Савичъ говоритъ, съ вами буду имѣть удовольствіе играть. Будьте спокойны. Постараюсь удовлетворить васъ.

Колокольцова *(все время разговаривающая съ Полемъ)*. У!. злой.

Поль. Снаружи такъ кажется.

Пустобаева. Ахъ, Боже мой, три часа и не собрались!

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣже и Рѣповъ *(весь въ поту; разстроенъ)*.

Рѣповъ *(входя, отчаяннымъ голосомъ)*. Въ интересномъ положеніи.

Всѣ. Что такое?.. кто?

Рѣповъ. Митродора Васильевна въ интересномъ положеніи. Этакое горе. Еще на прошлой недѣлѣ была готова играть, а теперь отказывается, акушерка запретила. А персонажъ необходимый; безъ нея, какъ безъ рукъ и безъ ногъ. Съ «Любовнымъ напиткомъ» ничего не подѣлаешь. Голосенокъ хорошенькій, гдѣ другой такой сыщешь.

Пустобаева. Я васъ выручу; Иванова будетъ играть. У ней говорятъ хорошій голосъ.

Рѣповъ. Плоха надежда, мужъ не позволитъ, — ревнивъ. Прослышалъ я, что есть здѣсь еще какая-то Новосельцева: поетъ, какъ соловей; побѣгу къ ней авось заручусь согласіемъ *(уходитъ)*.

Поль. Уморительный!

Колокольцова *(Киръянову)*. Я не намѣрена играть съ какой нибудь Ивановой. Фи!

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣже и Слуга, потомъ Писцы.

Слуга. Писцы земскаго суда. Прикажете принять?

Пустобаева. Это къ Егоръ Никитичу вѣрно...

Слуга. Никакъ нѣтъ-съ; просятся сюда.

Пустобаева. Что-бы это значило? Впусти! *(слуга уходитъ)*.

Поль. Вѣрно Кирилъ Савичъ въ актеры завербовалъ. Съ него станется. *(1-й 2 и 3-й писецъ входятъ вмѣстѣ)*.

Первый писецъ *(вытягиваясь)*. Для театральнаго представленія присланы!

Пустобаева. Ахъ, это вѣрно Кирилъ Савичъ! — Садитесь, господа.

Второй писецъ. Ничего-съ, и такъ постоимъ.

Третій писецъ. Ноги вѣдь не отвалятся.

Второй писецъ. Не хрустальные.

Первый писецъ. Еще, сказываютъ, выростешь отъ этого. *(Второй писецъ фыркаетъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣже и Рѣповъ.

Рѣповъ *(съ отчаяніемъ)*. И эта негодится! Чего? выползла, словно каракатица. Со дня на день ждетъ. Какъ нарочно; другого времени выбрать не могла. *(Увидѣвъ писцовъ)*. Вы зачѣмъ здѣсь? Пошли вонъ!

Второй Писецъ. Елизаръ Гавриловичъ прислали,

Рѣповъ. Ошибка. Вы у меня статистами, для народа. Здѣсь дѣлать вамъ нечего; отправляйтесь съ богомъ, а передъ самымъ спектаклемъ пошлемъ за вами. Понятно? Да бороды-то обрѣйте, а то ишь какими чушками. *(Писцы уходятъ.)*

Слуга *(входя)*. Г-жа Иванова!

Пустобаева. Проси! *(Рѣпову весело)*. Что? выручила?

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Прежніе и Иванова.

Рѣповъ *(бросаясь передъ ней на колѣни)*. Божественная Анна Павловна, позвольте старику ваши ручки расцаловать! выручили. *(Поднимаясь и пришелкивая пальцами)*. Спектакль значитъ идетъ.

Поль *(про себя, значительно)*. Да, комедія начинается.

(Занавѣсъ падаетъ.)

ДѢЙСТВІЕ II.

Лица:

Пустобаева.
Рѣповъ.
Лукерья Ивановна.
Monsieur **Поль.**
Колокольцова.
Мошкина.
Иванова.
Наташа, племянница Пустобаевой.
1-я, 2-я и 3-я барышни Козадаевы.
Агафья, служанка ихъ.
Ивановъ, чиновникъ 26 лѣтъ.
Анусовъ, сослуживецъ Иванова 56 лѣтъ
Филькинъ, отставной гусаръ.
Зотовъ, буфетчикъ.
Карповъ, парикмахеръ.
Иванъ, слуга Филькина.
Декораторъ.
Частный приставъ.
Лиза, горничная Колокольцовой.
Колючкинъ, бѣдный чиновникъ.
Никандръ Петровичъ Жмутовъ, богатый откупщикъ, 62 л.

Театръ представляетъ сцену. Двое рабочихъ спускаютъ задній занавѣсъ. Декораторъ, на высокихъ подмосткахъ, устраиваетъ луну. Рѣповъ хлопочетъ и мечется изъ угла въ уголъ. Безпорядокъ страшный.

ЯВЛЕНІЕ I.

Рѣповъ, Декораторъ, потомъ Зотовъ и Карповъ.

Рѣповъ (*совершенно измученный*). Живѣй поворачивайтесь, братцы! живѣй! правую кулису ставь... тише! осторожнѣй! (*декоратору*) Э-эхъ! лѣсъ надо было бы подмалевать немножко; да и луна поизносилась; а въ облакахъ-то дырья какія понадѣлались,—о Господи! Живѣй, живѣй! Зотовъ! (*Входитъ Зотовъ*). Ты, голубчикъ, поприсмотри за буфетомъ. Самоваръ кипитъ-ли? Не сплошай, какъ намедни, — барынь безъ чаю было оставилъ. Да закуску для мущинъ приготовь; сейчасъ репетиція! (*смотритъ на часы*). Похлопочи, голубчикъ!

Зотовъ. Будьте покойны, ваше высокородіе; только, осмѣлюсь доложить, надо водки взять...

Рѣповъ. Что ты, Господь съ тобой; да вѣдь только что вчера взяли.

Зотовъ. Все господа выкушали.

Рѣповъ (*всплеснувъ руками*). Экой народецъ прожорливый!... А ты, братецъ, все-таки поприберегай, отказывай, говори, что дескать вся вышла; на нихъ не напасешься. И безъ того у насъ одинъ только дефицитъ, а шутка сказать—шестой спектакль идетъ.

Зотовъ. Не смѣю-съ отказывать, очень изволятъ сердиться. Намедни Кармашкинъ только что къ рылу не лезутъ:—подай, да подай; а чего, безъ малаго въ часъ цѣлый графинъ вылопали: роля, говорятъ, такая, что пьянаго нужно представлять.

Рѣповъ. То-то онъ черезъ-чуръ натурально и представлялъ: только что въ оркестръ не свалился; экой народецъ; обрадовался, что на даровщинку.

Зотовъ. Опять господинъ Сивкинъ, не братецъ ихъ, а тѣ-съ, что жестокія роли играютъ.... тоже очень къ этой водкѣ пристрастны.

Рѣповъ. Ну, этому не отказывай; преталантливый персонажъ и для насъ необходимый.

Зотовъ. Очень ихъ всѣ господа одобряютъ.

Рѣповъ. Ступай съ Богомъ! (*Зотовъ уходитъ*) Карповъ! (*входитъ Карповъ*) Парики готовы?

Карповъ. Всѣ въ исправности. Только я вамъ доложу, ваше высокородіе, что нынѣшній спектакль, что тамъ ни будь, а въ послѣдній разъ приготовлю. Я хоть и мѣщанинъ, но тоже, значитъ, имѣю свою амбицію и каждому себя полировать не позволю. Не эрихонецъ я какой, чтобы меня какъ лягавую собаку трактовать.

Рѣповъ. Да что такое случилось?

Карповъ. Помилуйте-съ, отъ господина Мурашкина, окромя обидныхъ словъ, никакой пріятности никогда не услышишь. Въ той претензіи находятся, что парики ихъ мало молодятъ. Да развѣ это моя вина? Сами изволите знать: въ преклонныхъ лѣтахъ находятся и съ младенчества оспой повреждены... А я за себя постою; вотъ что-съ.

Рѣповъ. Ну, что за бѣда, не сердись. Старайся поугодить ему. Необходимый персонажъ.

Карповъ. Опять барышни Тарарыкины постоянно лаятся, что румяна и бѣлила будто не хороши. Помилуйте-съ, изъ Москвы выписаны. Я ужь и не знаю, какимъ естествомъ угодить на нихъ.

Рѣповъ. Дурятъ дѣвки, а ты не обращай вниманія; я тебѣ прибавлю жалованья.

Карповъ. Осмѣлюсь доложить, не соблаговолите-ли разрѣшить на полученіе изъ кассы за будущій спектакль... Потому что, какъ вамъ не безъизвѣстно, ваше высокородіе... что... будучи, такъ сказать, подверженъ съизмалолѣтства... не то что по слабости человѣческой... а по болѣзни... грудь натружена... и опять каменная болѣзнь...

Рѣповъ. Хорошо, хорошо. Ступай, голубчикъ, готовь парики.

Карповъ. Очень признательны, ваше высокородіе, и очень чувствую все это... (*уходитъ*).

Рѣповъ (*смотря на часы*). Господи, восемь часовъ,—а назначено въ семь. И до сихъ поръ никого. Народецъ!.. Карповъ! (*Карповъ входитъ*). Есть кто въ мужской уборной?

Карповъ. Господинъ Перегалинъ ролю свою подучиваютъ. Потому, сказываютъ, такъ какъ они на службѣ состоятъ, то по недостаточности времени... дѣловъ много...

Рѣповъ. Хорошо, хорошо! а еще кто?

Карповъ. Господинъ Филькинъ... Тѣ не въ уборной, а за кулисами .. хе-хе. (*смѣется въ кулакъ*).

Рѣповъ. Чему смѣешься?

Карповъ. Съ горничной Лизаветой играми занимаются.

Голосъ Мошкиной. Кирилъ Савичъ!... гдѣ онъ?

Рѣповъ. Иду, иду! А, хоть эту принесло; водевизьчикъ можно репетировать (*уходитъ. За кулисами слышны шумъ и смѣхъ; черезъ сцену перебѣгаетъ Лиза, за ней Филькинъ*).

Филькинъ (*догоняя Лизу*). Куда же вы, душонокъ?

Лиза (*кокетливо*). Оставьте, не про васъ! (*убѣгаетъ, за ней Филькинъ*).

Карповъ. Ату, а-тту ее! Вонъ оно,—какіе театры у насъ завелись!...

Декораторъ (*прикалачивая луну*). Садомцы!

ЯВЛЕНІЕ II.

Прежніе и Иванъ.

Иванъ (*Карпову*). Дядинька, нѣтъ ли у васъ жилета? одолжите!

Карповъ. А на что онъ вамъ?

Иванъ. Для моего; представлять ему нужно, а жилета нѣтъ.

Карповъ. Такъ чтобы вамъ раньше-то сказать; не отсохъ-бы языкъ-то.

Иванъ. Извѣстно не отсохъ, да вѣдь у него завсегда такъ. Пріѣдетъ въ своей формѣ, а тутъ и пори горячку: у кого фракъ, у кого жилетъ, у кого штаны занимаемъ. Нѣтъ того, чтобъ запрежде приказать: найди, молъ, Иванъ, мнѣ то и то. Да чего, намедни ивановскаго барина изъ-за него совсѣмъ обнажили. Такъ за кулисами и просидѣлъ ничего не видамши.

Карповъ. А Иванихѣ, поди, чай и на руку?

Иванъ. А еще бы; ей тотъ подлипало маху-то не далъ. Ровно вьюнъ возлѣ нея. Ну ужь провѣдаетъ мужъ—жутко ему будетъ. Строптивъ очень во гнѣвѣ. И въ ту-то пору смотрѣть на него страшно было. Сидитъ это въ одной рубашонкѣ, а глаза-то какъ у волка ходятъ. Въ-домекъ вѣрно ему, что дѣло-то не ладно. Охъ-хо-хо! А что настоящій-то когда?

Карповъ. Послѣ завтра, сказывали.

Иванъ. Пронеси ты его Господи поскорѣй. Скоро-ли этимъ театрамъ конецъ будетъ; шибко надоѣли; кажинный божій день до часу дежурь.

Декораторъ. Садомцы! Кіятры-то настоящія трехъ-пробные не тута, а тамотка! (*указываетъ на кулисы; за кулисами слышенъ шумъ и хохотъ*).

Карповъ. Ишь ты, какъ ихъ тамъ разбираетъ. (*Вздыхаетъ*),

ЯВЛЕНІЕ III.

Прежніе и Агафья (*навьюченная узелками, коробками и разной разностью*).

Агафья (*едва переводя духъ*). Уфъ, ты Господи, какъ взопрѣла. Здѣсь што-ли актерки одѣваются? (*увидѣвъ Ивана*) А, Иванушка,—старый знакомый!

Иванъ. Здоровъ! Тебя-то какой лѣшій сюда занесъ; развѣ ваши тоже играютъ?

Агафья (*съ ироніей*). Еще бы; безъ насъ дѣло не обойдется. Завербовали что добрую тройку. Въ картину, слышь, какую-то ставить хотятъ, лѣшій ихъ бери. И то вечоръ умучили въ банѣ, ужь мылила, мылила я ихъ.... сказываютъ, требуется, чтобъ тѣло блестѣло!

Иванъ. Да что въ нихъ проку-то! Вѣдь рыло рыломъ, что твой Гаврило.

Агафья. Слышь, здобныя больно, а такихъ тутъ и надо. Да гдѣ-жъ одѣваются-то? Поди, чай ждутъ...

Иванъ. Не здѣсь; пойдемъ—покажу.

Голоса за кулисами. Агафья! Агафья!

Агафья. Иду, иду! Ишь ихъ разносило; не въ терпежъ... Иду, провалъ васъ возьми (*уходитъ съ Иваномъ; Карповъ за ними*).

Декораторъ (*одинъ, спускается съ лѣстницы, отходитъ въ сторону и смотритъ съ боку на луну*). Ну чего она ему не по нраву. Луна, какъ есть луна. Извѣстно, супротиву небесной не въ примѣръ хуже; такъ вѣдь то, одно слово—планида божія! Пойдти еще фанталъ поправить (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Поль и Иванова (*входятъ вмѣстѣ*).

Иванова. Перестаньте, Павелъ Петровичъ. Все, что вы говорите, такъ старо!

Поль. Для васъ—не спорю. Я убѣжденъ, что вамъ не разъ случалось слышать подобныя рѣчи, но что касается до меня, то мой языкъ въ первый разъ поворачивается на нихъ...

Иванова (*улыбаясь*). Полноте, вы обижаете меня, считая такой глупенькой, а говорите, что любите. Какъ помирить эти противорѣчія?

Поль. Богъ съ вами! (*молчаніе*). Я знаю, что дало вамъ поводъ, такъ дурно думать обо мнѣ... Это наивные разсказы здѣшнихъ барынь о моихъ сердечныхъ успѣхахъ. Чтожь, это правда, но вѣдь все это было не болѣе какъ ухаживанье. Сознаюсь, что это не дѣлаетъ мнѣ большой чести, оно даже ставитъ меня фатомъ въ вашихъ глазахъ; но что же дѣлать. Жизнь была такъ пуста, надо было наполнить ее чѣмъ нибудь.... а теперь, когда....

Иванова (*пристально смотря на него*). И вы не краснѣете, говоря это? Удивляюсь. Ну, скажите, положа руку на сердце, что ухаживая за женщинами, не то-ли-же самое вы говорили каждой изъ нихъ.... или почти тоже?

Поль. Да; но у меня не дрожалъ голосъ, не было слезъ на глазахъ.

Иванова. Вы сегодня много пили шампанскаго.

Поль. Это ужь слишкомъ; но Богъ съ вами...

Колокольцова (*показываясь между кулисъ*). Ахъ, я кажется помѣшала; pardon (*скрывается*).

Поль. Нисколько (*про себя*). Гадкая женщина! (*холодно*) однако пора и одѣваться (*хочетъ идти*).

Иванова. Но .. Павелъ Петровичъ... послушайте. Положимъ, что я повѣрила-бы вамъ, сказала-бы, что съ моей стороны есть симпатія; но куда это поведетъ? Измѣнить своему долгу я не рѣшусь, хотя бы любила васъ до безумія...

Поль. Боже мой, какъ вы дурно обо мнѣ думаете. Да, одинъ вашъ взглядъ, одно пожатіе руки и я счастливъ. Я прошу дружбы и больше ничего. (*Иванова протягиваетъ ему руку; онъ цалуетъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Прежніе и Ивановъ (*входитъ въ то время, когда Поль цалуетъ руку*).

Ивановъ (*останавливается въ дверяхъ; пауза*). Анюта! тебя ждутъ одѣваться (*Иванова сконфуженная уходитъ*). Этой сцены, которую я засталъ, кажется нѣтъ въ вашей роли?

Поль (*нахально*). Къ несчастью, нѣтъ. Это награда, которой удостоила меня Анна Павловна за то, что я въ первый разъ выучилъ свою роль, и не стану ее спутывать.

Ивановъ. Да, вижу. Вы, дѣйствительно, свою роль хорошо знаете. Талантливый актеръ! Попробовать бы вамъ съиграть Донъ-Жуана.

Поль. Не понимаю намека. Не ревность-ли? ха ха ха! Не даромъ мнѣ говорили, что вы Рауль-Синяя-борода.

Ивановъ. А вамъ говорили? Вы конечно повѣрили?

Поль. Нѣтъ, не повѣрилъ. Я знаю, что въ провинціи страшно сплетничаютъ. Однако, pardon, надо завиваться (*уходитъ быстро*).

Ивановъ (*одинъ*). Фатъ (*задумывается*). Ахъ, Анюта, Анюта! Чувствуетъ мое сердце, что не къ добру поведетъ эта интимность!.. если уже не повела... Ужасно! И что имъ нравится въ этой завитой, раздушенной куклѣ!.. Можетъ это только кокетство съ ея стороны... но это было бы слишкомъ жестоко. Она знаетъ меня, знаетъ всю силу моей привязанности, знаетъ, что одинъ ласковый взглядъ, брошенный ею другому, приводитъ меня въ бѣшенство!.. Тяжело! (*задумывается*). Но если это серьезное, тогда! о! (*вдругъ опуская голову*). Что-жъ тогда? И тогда ничего! Дать пощечину, вызвать на дуэль—что пользы? (*задумывается*). Эхъ, оставьте меня скверныя мысли! Можетъ быть это все такъ... грезится... подозрительность моя.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Ивановъ и Анусовъ (*въ медвѣжей шкурѣ, въ рукахъ у него голова медвѣдя; онъ подкрадывается и пугаетъ Иванова*).

Анусовъ. Уфъ!

Ивановъ (*вздрогнувъ*). Что такое? (*пристально всматриваясь*). Григорій Ивановичъ, вы ли это? Что за маскарадъ?

Анусовъ. Медвѣдя, батинька, представлять будемъ!

Ивановъ. Какого медвѣдя? Что за медвѣдя?

Анусовъ. Піэса такая, господина Островскаго, что медвѣдя нужно, вотъ мы и пародируемъ.

Ивановъ. И охота вамъ, въ ваши лѣта, шута изъ себя корчить?

Анусовъ (*тяжело вздохнувъ*). Охъ, батинька, Александръ Александровичъ. Развѣ не больно оно сердцу-то моему; да вѣдь жить надо... семью кормить... Желудокъ-то хлѣбца проситъ, такъ-то-съ, батинька ты мой!

Ивановъ. Я васъ не понимаю!

Анусовъ. А то, что Егоръ Никитичъ наказалъ безпремѣнно играть. А своей охотой развѣ пошелъ бы? Ты думаешь, мнѣ не стыдно людямъ въ глаза глядѣть... Жена поѣдомъ ѣстъ... Намедни домой прихожу, а ребятишки кричатъ «мама, медвѣдь пришолъ?» Плоть моя, значитъ, надо мной издѣвается. Вотъ оно, каково ролю-то эту представлять!

Ивановъ. Да развѣ не могли они лакея нарядить?

Анусовъ. Нельзя, говорятъ. Благородный театръ, такъ всѣ должны быть благородные. Колючкину козу велѣно представлять; вотъ оно, до чего дожили. Уфъ! пойдемъ, Александръ Александровичъ, въ буфетъ; пропустимъ съ горя. Спасибо, что хоть даромъ поятъ. Знаю, и у тебя вѣдь не легко на сердцѣ; чай, кошки скребутъ, тоже?

Ивановъ. У меня? Но по какому случаю?

Анусовъ. Полно, Александръ Александрычъ, будто со стороны и не видно. Охъ, какъ видно-то еще! Всякій, кто знаетъ тебя, жалѣетъ, да что тутъ подѣлаешь? Нашему брату противу рестократіи идти неповадно... Пойдемъ, выпьемъ съ горя!

Ивановъ. А! такъ вотъ что! Ужь поговариваютъ! Значитъ, скоро пальцемъ станутъ указывать. Пойдемте, не пью я, а попробовать развѣ! Можетъ и дѣйствительно веселѣй станетъ. Пойдемте (*уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Пустобаева, Наташа и Лукерья Ивановна (*входятъ вмѣстѣ*)

Пустобаева. Пожалуйста, чтобъ я не видала этихъ слезъ и гримасъ (*Наташа плачетъ*). Пора образумиться; не дѣвочка, славу Богу. Извольте идти въ уборную!

Наташа. (*умоляющимъ голосомъ*). Тетушка!

Лукерья Ивановна (*Наташѣ*). Послушайтесь тетеньку; онѣ добра вамъ желаютъ.

Наташа. Оставьте меня! Вы-то что тутъ? вашихъ совѣтовъ не просятъ. Не хотите ли занять мое мѣсто въ живой картинѣ,—оно вамъ къ лицу будетъ.

Пустобаева (*строго*). Наташа! Ты дерзка! Не извольте глупить, а ступайте одѣваться. Скажите пожалуйста: забрала себѣ въ голову, что ей не прилично быть вакханкой.

Наташа (*сквозь слезы*). Конечно не прилично... Это вамъ всякій скажетъ. И такъ довольно смѣялись прошлый разъ, что вы заставили меня быть Гебой.

Лукерья Ивановна. На всякое чиханье не наздравствуетесь, Наталья Петровна! А я слышала отъ многихъ почтенныхъ людей, не вертопраховъ какихъ, что вы большую пріятность имъ доставили.

Наташа. Ужь вы, вы!.. знаю я васъ!.. (*Плача*). И неужели опять этотъ скверный костюмъ?

Пустобаева. Что-жь тутъ сквернаго, я не понимаю. Пожалуй легонькій тюль сверху накинешь...

Наташа (*ломая руки*). Нѣтъ, ни за что! Я умру со стыда...

Пустобаева (*внушительно*). Ты не маленькая, чтобы не понимать, что ты третій годъ ѣшь чужую хлѣбъ-соль; пора подумать и своимъ домомъ зажить; не вѣкъ же на чужой шеѣ висѣть. Мой домъ не богадѣльня.

Наташа. А!.. такъ это выставка!.. Такъ вы меня хотите пристроить такимъ путемъ! (*съ ироніей*). Это дѣлаетъ вамъ честь, благодѣтельница моя!

Пустобаева (*выходя изъ себя*). Молчать! А то вѣдь я и скандалъ сдѣлаю!.. Ты знаешь меня!

Наташа. Никого не удивите; кто васъ не знаетъ?

Голосъ горничной. Наталья Петровна, пожалуйте одѣваться! (*Наташа, съ презрѣніемъ взглянувъ на Пустобаеву, уходитъ.*)

Пустобаева. Этакое зелье! (*Лукерьѣ Ивановнѣ*). Ну что Никандръ Петровичъ?

Лукерья Ивановна. Таетъ, сердешный; будьте покойны; только предоставьте мнѣ это дѣло: я все состряпаю.

Пустобаева. Пожалуйста; я не забуду васъ. Однако пойду за ней, а то пожалуй и тамъ затѣетъ штуки (*уходитъ*).

Лукерья Ивановна. Именно зелье. Дура, отъ своего счастія бѣгаетъ... а вотъ кажется и самъ Никандръ Петровичъ! Надо ему жучка подпустить! Иди, иди, старче! Не оглянешься, какъ перепела изловимъ!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Лукерья Ивановна и Жмутовъ.

Лукерья Ивановна. А, Никандръ Петровичъ! На репетичку, батюшка, пришли?

Жмутовъ. Да-съ, (*нюхая табакъ*). Дома-то одному скучно безъ дѣла; меланхолія одолѣваетъ.

Лукерья Ивановна. Какъ ей не одолѣть; по себѣ знаю.

Тяжелю одинокому человѣку; въ ину пору тоска подъ самое сердце подступитъ. А кто виноватъ? Сами себѣ врагъ; жениться надо!

Жмутовъ. Гмъ... А что, скоро они представленіе начнутъ?

Лукерья Ивановна. А вамъ не терпится. Охъ, грѣховодникъ! Видѣла я прошлый разъ, какъ вы на живыя картины зарились! Охъ, грѣховодникъ.

Жмутовъ. Что-же тутъ особеннаго. Для того и пришелъ, чтобъ смотрѣть.

Лукерья Ивановна. Такъ-такъ! А кто въ щелку подглядывалъ, когда Наталья Петровна одѣвалась? а?

Жмутовъ (*сконфуженный*). Что вы-съ!.. это можетъ я... нечаянно.

Лукерья Ивановна. Вы-то нечаянно, а на благородную дѣвицу поклепъ. Слухи по городу ходятъ нехорошіе. Кошкѣ игрушки, а мышкѣ слезки, вотъ что-съ. Вечоръ Марья Васильевна грызла, грызла Наташеньку, вчужѣ сердце болѣло. У васъ, говоритъ, сударыня, шуры-муры съ Никандромъ Петровичемъ завелись; смотрите у меня!

Жмутовъ (*испуганный*). Что вы-съ? Неужели? Но по какому поводу столь неблагопріятное мнѣніе о благородной дѣвицѣ?

Лукерья Ивановна. Дѣло яйца выѣденнаго не стоитъ. Какъ-то тутъ молодежь стала въ вашъ огородъ камушки бросать, на счетъ вашего безбрачія, и будто бы преклонныхъ лѣтъ. Ну Наташа и вступись! Вамъ, говоритъ, стыдно, господа, издѣваться надъ человѣкомъ, достойнымъ всякаго уваженія, и пошла и пошла, щечки такъ и разгорѣлись. Ну а Марьѣ Васильевнѣ, Богъ знаетъ, что показалось? Да чего вамъ разсказывать; довольно вы ее знаете.

Жмутовъ. Такъ... Наталья Петровна... хорошо обо мнѣ думаетъ?

Лукерья Ивановна (*оглядываясь кругомъ*). Да чего! Не знаю, какъ вамъ и сказать про это. Съ языка вы у ней нейдете, право слово! Любовь это, али лѣта подходятъ для чувства — и сказать не знаю, а такъ вотъ ее и тянетъ къ вамъ! (*Въ продолженіи слѣдующей сцены они тихо разговариваютъ въ-полголоса*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Прежніе, потомъ Молодой человѣкъ; потомъ Колокольцова и Рѣповъ, за ними Мошкина; затѣмъ Филькинъ.

Молодой человѣкъ (*входя съ ролью въ рукахъ, начинаетъ ходить изъ угла въ уголъ, безпрестанно повторяя*). «Я помню ту счастливую минуту».

(Колокольцова, почти вбѣгая, за нею Рѣповъ.)

Колокольцова. Ни за что, ни за что въ мірѣ! лучше и не просите.

Рѣповъ (*умоляющимъ голосомъ*). Да полноте капризничать, Анна Федоровна, вѣдь сами-же охотились на эту ролку.

Колокольцова. Да, но я не знала, что главную роль дадутъ Ивановой;—очень весело Богъ знаетъ съ кѣмъ играть.

Мошкина (*вбѣгаетъ, напѣвая*). «Какъ весела и счастлива Флоретта» (*Подбѣгая къ молодому человѣку и выбивая у него изъ рукъ роль*). Будетъ вамъ учить роль, противный! давайте полькировать.

Молодой человѣкъ Avec plaisir, madame! (*танцуютъ*).

Мошкина. Довольно, уфъ устала! (*подходитъ къ Колокольцовой, напѣвая*). «Какъ весела и счастлива Флоретта!» О чемъ у васъ споръ?

Рѣповъ. Да вотъ уломайте пожалуйста Анну Федоровну играть: и афиши разосланы, и роль подъучила, а капризничаетъ.

Колокольцова. Эта роль вовсе не по мнѣ... И со всякой дрянью я играть не намѣрена.

Мошкина. А мнѣ, по мнѣ, все равно, только бы играть (*убѣгаетъ напѣвая*). «Какъ весела и счастлива Флоретта.»

Рѣповъ (*Колокольцовой*). Какъ не по васъ роль, помилуйте, роль хорошая, благородная.

Филькинъ (*быстро подходя къ Рѣпову*). Прикажите дать настоящаго шампанскаго, а то я не стану репетировать. По піэсѣ я пью шампанское.

Рѣповъ (*съ отчаяннымъ жестомъ*). Послушайте, вѣдь вы въ раззоръ-раззоряете. Ну положимъ въ спектакль, а на репетицію зачѣмъ же. Подумайте о томъ, что у насъ однѣ только затраты. Ограничьтесь пожалуйста очищенной.

Филькинъ. Кушайте сами, а я не играю.

Рѣповъ. Ахъ ты, Господи! Зубовъ! (*входитъ буфетчикъ*). Приготовь бутылку шампанскаго.

Филькинъ. Вотъ такъ-то лучше (*уходитъ*).

Рѣповъ (*со вздохомъ*). Персонажъ необходимый. Анна Федоровна, я на колѣни передъ вами стану.

ЯВЛЕНІЕ X.

Прежніе и Кукушечкинъ, а потомъ Колючкинъ.

Кукушечкинъ (*подбѣгая къ Рѣпову*). Кирилъ Савичъ, блѣдное у меня лицо? а? блѣдное?

Рѣповъ. Хорошо; блѣдное.

Кукушечкинъ. Но не черезъ-чуръ, а? Анна Федоровна, скажите пожалуйста, хорошо?.. интересная блѣдность?

Рѣповъ. очень! очень! (*Колокольцовой*). Анна Федоровна, не ломайтесь пожалуйста.

Кукушечкинъ (*подбѣгая къ Жмутову, который съ Лукерьей Ивановной находится на лѣвой сторонѣ сцены*). Никандръ Петровичъ извините; я помѣшалъ вашему разговору. Блѣдный я? очень?

Жмутовъ. Нѣтъ ничего; такъ себѣ!

Кукушечкинъ (*съ отчаяніемъ*). Ахъ Боже мой, неужели! А у меня такая роль: я разстроенъ, влюбленъ... Побѣгу еще пудриться (*уходитъ*).

Колокольцова (*Рѣпову*). Хорошо, я, такъ и быть, согласна, но съ условіемъ, чтобы въ слѣдующій разъ непремѣнно цло «окно во 2 этажѣ,» я играю графиню, а капитана—monsieur Поль. Слышите!

Рѣповъ. Устроимъ!

Колючкинъ (*входитъ замѣтно сконфуженный и робко подходитъ къ Рѣпову*). Кирилъ Савичъ—вы извините, а я козу представлять не могу-съ.

Рѣповъ (*вспыхнувъ*). Это еще что за новости?

Колючкинъ (*сквозь слезы*). Помилуйте-съ; ото всѣхъ проходу нѣтъ: Такъ-съ козынькой и кличутъ... А свои канцелярскіе сегодня въ столъ съ бумагами сѣна положили.

Рѣповъ. Глупы они. Спектакль благородный; всякая роль прилична.

Колючкинъ. Они-съ говорятъ... Пущай бы, говорятъ, благороднаго звѣря представлять... льва, али орла... а то...

Рѣповъ. Нечего сказать, похожъ ты на льва! Тебѣ и козуто изъ милости далъ; за усердіе по службѣ хотѣлъ съ хорошимъ обществомъ познакомить.

Колючкинъ. Да все же какъ-то-съ?...

Рѣповъ. Ну, пожалуйста, безъ разсужденій; не люблю я ихъ! (*За сценой раздается визгъ, шумъ и крикъ*).

Всѣ. Что такое.

Рѣповъ (*хладнокровно*). Это вѣрно Кукушечкинъ съ барышнями Казадаевыми заигрываетъ, а можетъ и Филькинъ. (*Крики усиливаются*).

Колокольцова. Охота вамъ Богъ знаетъ кого приглашать (*крики сильнѣе*). Помилуйте, да тамъ дерутся.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Прежніе и барышни Казадаевы (*вбѣгаютъ вмѣстѣ*).

Первая барышня Казадаева. Низачто, низачто не уступлю.

Вторая } (*вмѣстѣ*). Вотъ новость, не смѣешь. Маman скажу.
Третья }

Рѣповъ. Что такое, барышни? Что такое случилось?

Первая (*горячась, Рѣпову*). Послушайте, вѣдь роль Лизы вы мнѣ отдали?

Вторая. Нѣтъ мнѣ?

Третья. Нѣтъ мнѣ. Еще сами же и упрашивали!

Рѣповъ. Позвольте, позвольте, сейчасъ объясню. Виноватъ, я дѣйствительно погорячился и въ хлопотахъ, одну и ту же роль отдалъ всѣмъ вамъ. Но согласитесь сами, вѣдь это невозможно. Вы всѣ трое на одну и ту же роль охотитесь. Бросьте жребій.

Первая. Я не уступлю, я буду играть.

Вторая. И я.

Третья. И я.

Первая. Вздоръ, пустяки, я играю (*уходитъ*).

Вторая и Третья (*вмѣстѣ*). И мы... и мы играемъ (*убѣгаютъ*).

Колокольцова (*насмѣшливо*). Кирилъ Савичъ, это тоже необходимый персонажъ.

Рѣповъ. Да вѣдь Господь ихъ зналъ. Снаружи посмотрѣть, кажись пригодны были.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Прежніе и Частный Приставъ.

Рѣповъ. А! васъ-то и нужно, Егоръ Егорычъ; пожалуйте сюда! (*вынимая изъ кармана билеты*). Вотъ вамъ билеты, передайте отъ имени ея превосходительства господину полицмейстеру и скажите, чтобы всѣ непремѣнно были розданы. Вотъ вамъ ложи, это для богатаго купечества, а вотъ кресла и мѣста въ партерѣ; ну это конечно раздадите тѣмъ, кто побѣднѣе: лавочникамъ, прикащикамъ, разночинцамъ. Пожалуйста поаккуратнѣе, а то въ прошлый разъ и половины не раздали. Передъ пустыми креслами играли.

Частный Приставъ. Тяжелое дѣло-съ. Никто не желаетъ. Только тогда маленько и разбираютъ, какъ ихъ высокоблагородіе стращать начнутъ.

Рѣповъ. Ну конечно, это ваше дѣло. Для кого увѣщаніемъ, а для кого и мѣры строгости. На то вы и полиція. Дѣло общественное.

Частный Приставъ. Недовольны очень. Хотятъ жаловаться губернатору; это, говорятъ, новый налогъ. Я слышалъ, что голова съ представленіемъ въ губернское правленіе входилъ, о томъ, сколько нужно внести денегъ, чтобъ откупиться отъ благородныхъ театровъ.

Всѣ. Что такое? что такое? (*прислушиваются*).

Рѣповъ. Экое дурачье! Не хотятъ понять, что о нихъ же заботятся.

Частный Приставъ. Народъ такой-съ. Тѣ, что поимѣнитѣе, сказываютъ, что это имъ не диковинка, что въ Москвѣ и Петербургѣ почище видали. А насчетъ мелкаго купечества и мѣщанства, такъ тѣ сказывали, что кабы собачья комедія, али на лошадяхъ, такъ это для нихъ повадняе было бы.

Рѣповъ. Ну, скажите имъ, что въ этотъ спектакль будетъ и медвѣдь и коза. Хорошо будутъ играть. Такъ ужъ потрудитесь раздать.

Частный Приставъ. Тяжелое дѣло-съ. Развѣ припугнуть?...

Рѣповъ. Конечно, и припугнуть можно;—дѣло общественное. Пожалуйста. Ну а вы, господа, помогите разобрать остальные билеты. (*Всѣ окружаютъ его*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Прежніе и Ивановъ и Анусовъ (*показываются между кулисами, на лѣвой сторонѣ сцены.*)

Ивановъ. Вы говорите, что сами видѣли.

Анусовъ. Ахъ, Александръ Александрычъ, да неужто я тебя обманывать стану? Самъ знаешь; люблю что сына родного. Самъ своими глазами видѣлъ, какъ хотѣлъ онъ ее обнять, а она оттолкнула его, а сама вся что осиновый листъ задрожала. Такъ за что же ты ее винишь, голубчикъ!

Ивановъ. Она сама дала поводъ.

Анусовъ. Какой же поводъ, голубчикъ ты мой. Что пококетничала-то? эхе, хе, хе... Великъ грѣхъ—нечего сказать. Дѣло женское. Видитъ—человѣкъ молодой, знатный; всѣ аристократки наши за нимъ гоняются; а онъ отъ нихъ, все передъ ней лебезитъ. Женщина молоденькая—лестно ей. И любитъ тебя она, знаю что любитъ, а все заполонить кого чужого хочется. Это ужь отъ Бога, у нихъ натура такая, а не то чтобы съ грѣшной мыслью какою (*съ азартомъ*). А вотъ онъ-то, онъ-то! Подлецъ онъ, я тебѣ скажу.

Ивановъ. Но почему она мнѣ не сказала.

Анусовъ. Ахъ ты, голубчикъ ты мой, да развѣ легко про такія дѣла разсказывать. Можетъ еще въ сомнѣніи... какъ тебѣ покажется... особенно знамши-то тебя. Вѣдь въ ину пору ты образъ человѣческій теряешь; звѣрь-звѣремъ, право-слово!

Ивановъ (*глухо*). Ну, а съ нимъ я раздѣлаюсь.

Анусовъ. Что ты, Господь съ тобой!

Ивановъ. Если онъ откажется...

Анусовъ. Что ты, дуэль? И не смѣй думать. Какая польза, да онъ и не станетъ драться съ тобой; а ты лучше вотъ что сдѣлай: подкарауль его одинъ на одинъ, да и возьми, какъ поросеночка въ руки; помни маленько, да и отпусти душу на покаяніе. Это будетъ дѣло божеское, а то зачѣмъ грѣхъ на душу брать.

Ивановъ. Это будетъ драка.

Анусовъ. Зачѣмъ драка, оборони Боже. А такъ взять его въ ручки, какъ поросеночка... онъ же такой худенькій. Помять маленечко, помять—да и ступай на всѣ четыре стороны. Пожалуй волосеночковъ малую толику повыдрать, чтобъ красоты поубавить. Впередъ и наука къ чужимъ женамъ не подсосѣживайся!

(*За кулисами крики барышенъ Казадаевыхъ. Дура! сама дура! тятя скажу...*).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Прежніе и Карповъ (*вбѣгаетъ испуганный*).

Карповъ. Барышни Казадаевы разодрались!

Рѣповъ (*съ отчаяніемъ*). Господи Боже мой, когда же мы начнемъ репетицію. Пойдемте ихъ разнимать, господа! (*всѣ бѣгутъ, кромѣ Иванова и Анусова, которые остаются между кулисъ. Крики усиливаются*).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Иванова и за ней Поль.

Иванова (*сильно разстроена, блѣдна*). Вы наглы! Оставьте меня!

Поль (*хватая ее за руку*). Только одинъ поцалуй.

Иванова. Павелъ Петровичъ, я закричу!...

Поль. Тѣмъ хуже для васъ, при всѣхъ себя скомпрометируете. Только одинъ поцѣлуй. (*хочетъ обнять ее, она бросается къ лѣвой сторонѣ сцены и сталкивается съ мужемъ*).

Иванова Ахъ!

Ивановъ. Не хочешь ли ты меня поцѣловать, бездѣльникъ! (*взбѣшенный подходитъ къ Полю, съ поднятымъ кулакомъ, подставляя его прямо къ лицу*). Цалуй! цалуй! (*Поль пятится, Ивановъ съ нимъ, оба скрываются за боковой кулисой съ правой стороны. Слышенъ визгъ Поля и бѣшенный крикъ Иванова*). Вотъ тебѣ поцалуй!.. вотъ тебѣ поцалуй!

Анусовъ (*смотря между кулисъ, подпрыгивая и хлопая въ ладоши*). Такъ его душеночка! Такъ его поросеночка. Чики-чики, чокъ-чокъ! Еще маленечко. Еще разочикъ!...

Иванова (*сильно разстроенная*). Боже, онъ убьетъ его.

Анусовъ (*въ экстазѣ*). Не бойтесь... Онъ только маленько помнетъ его. Браво, браво, волосенки-то, волосеночки-то расправь!

Фильдекинъ (*вбѣгая*). Что здѣсь такое? (*Бѣжитъ къ лѣвой кулисѣ и начинаетъ пристально вглядываться*). Гмъ... понимаю. Дуэль холоднымъ оружіемъ. А бьетъ съ тактомъ! Груди не касается; только лицо портитъ. Съ тактомъ. Полагаю, что надолго красоту утратитъ.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ПРЕЖНІЕ И ОСТАЛЬНЫЕ ЛИЦА ВТОРОГО АКТА (*входятъ вмѣстѣ*).

Рѣповъ. Что за крикъ? Только что тамъ розняли, здѣсь что-то случилось. Экой народецъ!

Всѣ (*обращаясь къ Филькину*). Что такое?

Филькинъ (*крутя усы медленно*). Битва русскихъ съ кабардинцами или прекрасная магометанка, умирающая на гробѣ своего....

(*Входитъ* Ивановъ *блѣдный и сильно разстроенный*).

Пустобаева. Что такое случилось?

Ивановъ (*хладнокровно*). Павелъ Петровичъ нечаянно оступился и ушибся.

Пустобаева. Какъ?

Всѣ. Гдѣ?

Ивановъ. Здѣсь; за кулисой. Не безпокойтесь, не опасно. Я довелъ его до кареты; онъ уѣхалъ домой.

Пустобаева. Ахъ, какое несчастье. (*Иванову*) Благодарю васъ за вашу любезность.

Филькинъ (*крутя усы, про себя*). Не стоитъ благодарности.

Рѣповъ (*съ отчаяніемъ*). Такъ значитъ репетиціи опять не будетъ?

Пустобаева. Какая тутъ репетиція; отложите до завтра!

Рѣповъ. Экая досада, и не нашелъ вѣдь другого времени упасть. До завтра, такъ до завтра!

Мошкина. Значитъ, по домамъ!

Рѣповъ. По домамъ. Зотовъ, туши свѣчи, закрой буфетъ, опусти занавѣсъ. Экая досада! (*Уходитъ, остальные одинъ за другимъ слѣдуютъ за нимъ*).

Ивановъ (*подавая руку женѣ, тихо*). Будь покойна, мой другъ, только проучилъ (*уходятъ*).

Филькинъ (*уходя, Анусову*). Какой благородный человѣкъ этотъ Ивановъ.

Анусовъ Да, сокрушилъ главу змія. (*Уходитъ*).

Зотовъ (*декоратору*). Пойдемъ въ буфетъ; нынче господа не все успѣли выпить. Эхъ-хе-хе! Ужь именно тутъ только и лафа нашему брату, какъ господа подерутся!

Декораторъ (*мрачно*). Садомъ...

(*Занавѣсъ падаетъ*).

ЭПИЛОГЪ.

ЛИЦА:

Пустобаева.
Рѣповъ.
Колокольцова.
Мошкина.
Филькинъ.
Молодой человѣкъ.
Анусовъ.
Колючкинъ.
1-й } чиновники.
2-й }
Старушка-чиновница.
Слуга.

Сцена представляетъ залъ, въ домѣ дворянскаго собранія; по срединѣ огромный столъ, покрытый краснымъ сукномъ; за столомъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ Пустобаева; за ея кресломъ стоитъ Рѣповъ, со сверткомъ бумаги въ рукахъ; по правую и лѣвую сторону сидятъ въ креслахъ Колокольцова, Мошкина и проч. Нѣсколько чиновниковъ толпой стоятъ у стола.

ЯВЛЕНІЕ I.

Всѣ лица эпилога.

Пустобаева (*обращаясь ко всѣмъ*). Господа, я пригласила васъ, чтобъ выразить вамъ мою искреннюю благодарность, за ваше участіе въ благородныхъ спектакляхъ. (Рѣповъ *одобрительно киваетъ головой; между присутствующими пробѣгаетъ какое-то неопредѣленное мычаніе*).

Мошкина. Марья Васильевна, да развѣ мы больше не будемъ играть. Ахъ какъ досадно! Какую я піесу отыскала, прелесть,

прелесть! «Беззаботная». Вообразите... тамъ представлена институтка...

Колокольцова. Кирилъ Савичъ, а «Окно во 2-мъ этажѣ». Вы дали слово... Я уже выучила больше половины роль графини.

Филькинъ. А Сюливана-то хотѣли. Отмахали бы лихо!

Рѣповъ. Послѣ, послѣ, спектакли еще будутъ, а теперь выслушайте, господа! (*Пустобаевой, вызывающимъ тономъ*), Марья Васильевна!

Пустобаева. Да... я пригласила васъ, чтобы поблагодарить... за...

Рѣповъ (*подсказывая ей*). И прослушать...

Пустобаева. И прослушать для... для вѣдомостей отчетъ.

Рѣповъ. Статью... статью для губернск...

Пустобаева (*теряясь*). Статью для... (*Рѣпову*). Для какой газеты вы говорите?..

Рѣповъ (*возвышая голосъ*). Для губернскихъ вѣдомостей, которая войдетъ и въ протоколъ комитетскихъ засѣданій!

Пустобаева (*съ важностью*). Да! комитетскихъ засѣданій... (*Взглядами ищетъ поддержки въ Рѣповѣ*), а потому... я просила бы... я желала бы... (*Смотритъ на Рѣпова*).

Филькинъ (*сидѣвшему съ нимъ рядомъ Анусову*). Косноязычна!

Рѣповъ (*про себя*). Экая тупоголовая баба; сколько вѣдь училъ ее... (*Вслухъ, внушительнымъ тономъ*). А потому Марья Васильевна пригласила васъ прослушать и одобрить отчетъ за первые десять спектаклей, такъ какъ протоколъ долженъ быть подписанъ всѣми любителями. А это необходимо, потому что по городу зловредные люди всякіе гадкіе слухи распускаютъ; а именно: будто бы мы не соблюдали интересовъ бѣдныхъ, а играли единственно для собственнаго удовольствія, ну и другія пакости!

Молодой человѣкъ. Собака лаетъ—вѣтеръ носитъ.

Рѣповъ (*внушительно*). Не относитесь такъ легкомысленно; языкъ, говорятъ, до Кіева доведетъ. А мы лучше воспользуемся благодѣтельной гласностью. Когда мы сами лично отъ себя заявимъ о результатѣ, тогда поневолѣ языки прикусятъ.

Филькинъ. Только надобно пообстоятельнѣе дѣло изложить, а то пожалуй еще пуще загалдятъ.

Рѣповъ. А вотъ поэтому-то Марья Васильевна и просила васъ, какъ людей заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ, чтобъ сообща прослушать статью, и если потребуются измѣненія, то составить другую редакцію.

Филькинъ. Резонъ. А позвольте узнать, кто авторъ статьи?

Рѣповъ (*указывая на молодого человѣка*). А вотъ они-съ. Они кстати знакомы и съ редакторомъ губернскихъ вѣдомостей; и опять руку уже понабили. Вѣдь о водопроводахъ вы писали?

Молодой человѣкъ (*краснѣя отъ удовольствія*). Я-съ! Также и о перестройкѣ семинаріи...

Рѣповъ. Ну, вотъ видите; оно и кстати. Такъ читайте-же сами! (*передаетъ ему бумаги*). Прикажете, Марья Васильевна?

Пустобаева. Читайте!

Филькинъ. Катайте, мы слушаемъ.

Молодой человѣкъ (*читаетъ, захлебываясь отъ удовольствія*). «Нынѣшній зимній сезонъ ознаменовался въ нашемъ городѣ пріятнымъ и вмѣстѣ благодѣтельнымъ явленіемъ общественной жизни».

Мошкина. Ахъ, какъ мило, прелесть!

Молодой человѣкъ (*продолжая читать*). «Наша попечительница бѣдныхъ, Марья Васильевна Пустобаева, влекомая чувствомъ христіанской любви, тѣмъ чувствомъ, которое такъ свойственно образованной женщинѣ ея сословія, стоящаго во главѣ движенія Россіи по новому ея пути...

Пустобаева. Mercі!

Молодой человѣкъ (*съ пафосомъ*). «первая предложила мысль о благотворительныхъ спектакляхъ въ пользу бѣдныхъ»!

Колокольцова (*колко*). Я еще ранѣе о нихъ думала, да добрые люди помѣшали... (*Взглядываетъ на Пустобаеву*).

Молодой человѣкъ (*какъ будто не слыша, читаетъ*). «Кому не извѣстно глубокое значеніе театра въ исторіи цивилизаціи народовъ. Еще греки»...

Рѣповъ. Ну это вы теперь пропустите грековъ-то. (*Обращаясь ко всѣмъ*). Здѣсь они развиваютъ...

Молодой человѣкъ. Я здѣсь провожу идею о развитіи дра-

матическаго искусства въ Россіи, Франціи и Англіи и о вліяніи его на главныя, если можно такъ выразиться, на главныя пружины общественной жизни.

Филькинъ. Ну, эту пружину можно бы и по боку; къ дѣлу нейдетъ.

Молодой человѣкъ (*обидясь*). Позвольте васъ спросить, почему къ дѣлу нейдетъ? Это взглядъ на драматическое искусство.

Филькинъ (*хладнокровно*). Нейдетъ.

Молодой человѣкъ (*запальчиво*). Но почему же?

Филькинъ. Нейдетъ да и все.

Мошкина. Ахъ нѣтъ! а я такъ люблю всякую критику на театрѣ. Я всегда репертуаръ читаю. Будьте любезны, дайте мнѣ послѣ прочитать вашу статью.

Молодой человѣкъ. Съ удовольствіемъ!

Рѣповъ (*молодому человѣку*). Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ пока оставьте объ этихъ, о грекахъ-то. Время тянется; прямо къ дѣлу переходите. Хотя и безподобно написано, ну да послѣ можно прочитать: время уходитъ.

Молодой человѣкъ. Хорошо-съ. Такъ я вотъ откуда буду продолжать (*читаетъ*). «Что же удивительнаго, что при такомъ страстномъ желаніи жертвовать лучшими минутами своей жизни на благо общее, при тѣхъ высоко-художественныхъ талантахъ, каковы... (*обращаясь ко всѣмъ*). Здѣсь, господа, я перечислилъ любителей, всѣхъ, кто только игралъ!

Голоса. Merci, благодарю, благодаримъ покорно. Знай нашихъ.

Анусовъ (*толкая сосѣда*). Огуломъ значитъ похвалилъ; паинька, мальчикъ!

Молодой человѣкъ (*читаетъ*). «Результатъ оказался весьма благопріятный, чтобъ не сказать изъ скромности — блистательный».

Филькинъ. Пересолилъ малый! Жука пустилъ!

Молодой человѣкъ (*продолжая читать*). «Не говоря уже о нѣкоторыхъ піэсахъ, исполненіе которыхъ превзошло самое искусство.

Филькинъ. Фю-фю-фью! (*свиститъ; всѣ обращаютъ на него*

вниманіе). Ну, батинька, вы немножко того... Комси-комса! компрене?

Рѣповъ (*стараясь замять, молодому человѣку*). Вы это мѣсто тоже пока оставьте (*ко всѣмъ*). Здѣсь, господа, о художественности; безподобно написано, да время тянется... А вотъ къ цифрамъ-то поскорѣе.

Филькинъ. Суть-то, суть намъ давайте.

Молодой человѣкъ (*читаетъ*). «Результатъ превзошелъ всякія ожиданія. Доходы съ десяти спектаклей составляютъ сумму въ 3019 рублей 27 $^1/_2$ коп.

Голоса. Ого-го! лихо! славно!

1-й чиновникъ (*толкая другого*). Вотъ намъ бы братъ съ тобой.

2-й чиновникъ. Молода—въ Саксоніи не была.

1-й чиновникъ. Можно бы въ Лондонъ закатиться!

Молодой человѣкъ (*читаетъ*). «Изъ оныхъ расходы производительные 1979 р. 46 $^3/_4$ коп. и непроизводительные 800 руб.; а чистый остатокъ 238 руб. 96 коп.

Пустобаева (*удивленная*). Только 238, а остальные гдѣ?

Голосъ въ толпѣ. Собаки съѣли!

Филькинъ (*Рѣпову*). А позвольте васъ спросить, что вы называете производительными и что не производительными расходами?

1-й чиновникъ (*толкая сосѣда*). Закорючка?

Рѣповъ. Господа, производительные, по взгляду политической экономіи, напримѣръ: декораціи, мебель и вообще предметы, которые мы пріобрѣли и которые пригодятся для слѣдующихъ спектаклей.

Мошкина. Ахъ, какъ я рада! значитъ мы будемъ еще играть?...

Филькинъ (*про себя*). Ну, разносыло ее! (*Рѣпову.*) Ну-съ, дальше.

Рѣповъ. Однимъ словомъ, все, что въ своемъ родѣ составляетъ тотъ-же театральный капиталъ.

Филькинъ (*насмѣшливо*). Такъ-съ. Ну-съ, а что же вы называете непроизводительнымъ расходомъ?

Рѣповъ (*горячась*). А напримѣръ буфетъ. Мало развѣ было

выпито и съѣдено. По совѣсти сказать, поубавилъ еще цифру; стыдно показать было; да-съ!

1-й чиновникъ. Это точно,—пили, отказу не было. Покорно благодаримъ!

Филькинъ. Гмъ. Такъ по вашему буфетъ непроизводительный расходъ; а я вамъ докажу, что производительный.

Рѣповъ. Да какой-же производительный.

Филькинъ (*хладнокровно*). Производительный.

Рѣповъ. Нѣтъ, непроизводительный.

Филькинъ. Производительный!

Рѣповъ (*горячась*). Непроизводительный, говорятъ вамъ.

Филькинъ. А вамъ говорятъ, производительный.

1-й чиновникъ (*второму*). У! зубастъ этотъ Филькинъ!

Пустобаева (*тихо Рѣпову*). Оставьте его, онъ кажется...

Рѣповъ (*тоже*). Безъ этого онъ никогда не бываетъ. (*Филькину.*) Такъ докажите-же, почему производительный!

Филькинъ. А вотъ почему, благородный джентльменъ! Согласитесь, что если бы у васъ не было буфета, значитъ не было бы водки, вина и разныхъ закусокъ. Не было бъ вина и закусокъ—нечего было бъ пить и ѣсть. Нечего было-бы пить и ѣсть—никто не сталъ бы играть. Не было бы и сбору—ничего не досталось бы и бѣднымъ. Значитъ и буфетъ тоже производителенъ.

Рѣповъ. Да, относительно, пожалуй, вы и правы. Мы, въ самомъ дѣлѣ, лучше такъ и покажемъ, что расходъ весь былъ производительный. Оно, пожалуй, въ глазахъ публики, еще рекомендательнѣе для насъ. Ну-съ, а теперь господа, приступимъ къ главному. Марья Васильевна полагала бы вырученные деньги 238 р. распредѣлить такъ: двѣсти рублей выдать женѣ покойнаго коллежскаго секретаря Лукерьѣ Ивановнѣ Безпальцовой, въ тѣхъ соображеніяхъ, что она уже восьмой годъ вдовствуетъ и послѣ мужа осталась совершенно одинокою. При томъ же она принята въ хорошихъ домахъ и значитъ болѣе другихъ бѣдныхъ нуждается въ средствахъ къ жизни, ибо должна быть порядочно одѣта, а иногда и у себя принимать гостей. Согласны ли, господа?

Мошкина. Я согласна! Лукерья Ивановна такая милая, такая веселая, съ нею не соскучишься.

Колокольцова (*со вздохомъ*). Набожная старушка.

Рѣповъ. Такъ, значитъ, согласны? Очень радъ. (*Филькину.*) Ну, а вы что скажете? Вѣдь вы всегда спорите.

Филькинъ. А по мнѣ чортъ съ ней. Хоть дьяволу эти деньги отдайте, мнѣ все равно.

Рѣповъ. А остальные 42 р. 72½ копѣйки раздѣлить между бѣднѣйшими семействами въ городѣ, преимущественно изъ пострадавшихъ въ послѣднемъ пожарѣ.

Филькинъ. Резонъ. Но почемъ-же имъ придется?

Рѣповъ. Конечно, понемногу, но при нынѣшней дороговизнѣ и копѣйка рубля стоитъ.

Старушка-чиновница. Охъ, чего не стоитъ.

Филькинъ (*налю*). Такъ-съ. Ну-съ, что еще скажете, благодѣтельный Андроникъ?

Рѣповъ (*какъ-бы не разслышавъ Филькина*). Господа! выручка отъ аллегри такъ ничтожна, что я и не показалъ ее въ отчетѣ, а заказалъ приличный завтракъ, за которымъ и помянемъ наши спектакли.

Филькинъ. Резонъ. Во все засѣданіе—въ первый разъ слышу умное слово.

Пустобаева. Итакъ, господа, засѣданіе кончено.

Рѣповъ. Подписывайте протоколъ, господа! (*Начинаютъ подписывать.*)

Мошкина (*подписывая*). Ахъ, Боже мой, когда-же опять спектакль?

Рѣповъ. Погодите, надобно маленькій роздыхъ. И то Егоръ Никитичъ сердится, что всѣ дѣла запущены. За ролями, чиновникамъ некогда было бумагами заниматься, такъ пусть въ порядокъ поприведутъ.

Мошкина. Ахъ, какъ досадно!... Эти глупыя бумаги!..

ЯВЛЕНІЕ XI.

Прежніе и Слуга.

Слуга. Завтракъ поданъ!

Пустобаева (*обращаясь ко всѣмъ*). Прошу!.. Кстати за завтракомъ можете поздравить m-lle Натали: она выходитъ замужъ за Никандръ Петровича.

Голоса. Поздравляемъ... Пошли ей Господь... Клюнула. (*Начинаются поздравленія.*)

Рѣповъ (*въ умиленіи, разводя руками*). А все театръ.

Пустобаева. Ну да, они тутъ познакомились, сблизились. Онъ успѣлъ узнать ея характеръ, образъ мыслей.

Филькинъ (*крутя усы, Анусову*). Кой чортъ; просто тѣлосложеніе разсмотрѣлъ. Скрутили старца.

Старушка-чиновница. Позравляю васъ, Марья Васильевна. Да на радостяхъ-то и своего счастья не скрою. Вѣдь я матушкуто свою тоже просватала за Белендрясова, того самаго, съ которымъ она любовную связь представляла.

Рѣповъ. А все театръ.

Старушка-чиновница. Именно, всѣхъ-то осчастливили эти театры.

Филькинъ (*значительно*). Н-ну, положимъ не всѣхъ; барышни Казадаевы таки помяли другъ у друга прическу.

Пустобаева (*Рѣпову*). Какой дерзкій!

Рѣповъ (*внушительно*). А необходимый персонажъ: преталантливый трагикъ.

Филькинъ. Ну, да это что Казадаевы. А вотъ поговариваютъ, что съ другими барышнями кое-что и похуже приключилось... А позвольте узнать, отчего я не вижу господина Иванова, сего громовержца и рыцаря чести?

Рѣповъ (*съ неудовольствіемъ*). Некогда ему, въ дорогу собирается. Получилъ частное мѣсто на горныхъ заводахъ.

Старушка-чиновница. Какже, истинно такъ; развѣ не слышали, батюшка: выгнали его изъ коронной службы. Слышь, въ театрѣ накуралесилъ что-то!

Филькинъ. Гмъ! Понимаемъ. Око за око, зубъ за зубъ! А что же Павелъ Петровичъ?

Колокольцова (*Пустобаевой*). Ахъ да, какъ здоровье monsieur Поля?

Пустобаева (*кусая губы*). Поправляется отъ ушиба; только флюсъ все еще мучитъ.

Филькинъ (*къ публикѣ, меланхолически*). Полагаю, Ивановъ основательно съ нимъ раздѣлался! Третью недѣлю флюсъ непроходитъ.

Рѣповъ (*собирая на столъ бумаги*). Господа, завтракъ стынетъ, давайте руки дамамъ.

Филькинъ. Живетъ! (*Подаетъ руку Мошкиной.*)

(*Всѣ идутъ попарно; впереди Пустобаева съ Рѣповымъ*).

Мошкина (*кокетливо глядя на Филькина, напѣваетъ*). Я шучу, я кричу, никого знать не хочу!

Филькинъ (*занятый какою-то мыслью, меланхолически.*)

Мертвый въ гробѣ мирно спи;
Жизнью пользуйся живущій!
(*Всѣ уходятъ въ дверь направо.*)

(Занавѣсъ падаетъ.)

С. Н. Федоровъ.

СОВѢТЪ.

Забудемъ тѣ фразы, которымъ насъ съ дѣтства
Друзья и враги научили;
Забудемъ тотъ лживый языкъ, на которомъ
Такъ бойко они говорили!

Какое намъ дѣло, что прежде насъ люди,
Условясь въ житейскомъ уставѣ,
Смотрѣли вотъ именно такъ-то на вещи?..
Мы думать по своему вправѣ!

Положимъ, умы ихъ намъ дали законы,
И мудрые даже, положимъ...
Но развѣ нашъ собственный умъ не такой же,
И мы развѣ дать ихъ не можемъ?

У нихъ было счастье, у насъ есть другое,
Печали ихъ—тоже не наши:
На пирѣ великомъ мѣняются вина,
А льютъ ихъ въ однѣ же вѣдь чаши...

Кто видитъ глазами, кто уши имѣетъ,
Кто разуму вѣдаетъ мѣру,—
Тому непростительно было бы стыдно
Принять все отъ предковъ—на вѣру!

Пускай, коли ложь переполнила чашу,
Порвется былая основа;
Вѣдь если начнетъ человѣчество падать—
Оно укрѣпитъ ее снова...

Чего жъ мы боимся? иль это не трусость,
А жаль намъ сойдти съ пьедестала,
Откуда на небо, земли не узнавши,
Людская природа взирала?

Но если жалѣть, то не лучше-ль жалѣть намъ
О силахъ потраченныхъ [illegible]
На памятникъ этотъ, который [illegible] сдѣлалъ
Нашъ родъ ни людямъ, ни [illegible]?..

Забудемъ же фразы, которы[illegible] насъ съ дѣтства
Друзья и враги научили,
Забудемъ тотъ лживый языкъ, на которомъ
Такъ бойко они говорили!..

Омулевскій.

УѢЗДНЫЙ ГОРОДЪ.

(ИЗЪ СЕМЕЙНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ)

I.

Въ двухъ верстахъ отъ широкой рѣки К... на высокомъ, мѣстами поросшемъ деревьями, берегу, омываемомъ рѣчкой Поймой, стоитъ уѣздный городъ. На первомъ планѣ видѣнъ пятиглавый соборъ, мутно-голубого цвѣта, за нимъ и около него лѣпятся дома жителей; направо виднѣются еще двѣ церкви, въ значительномъ разстояніи одна отъ другой. Дома, стоящіе между церквами, чѣмъ далѣе уходятъ вправо, тѣмъ болѣе мельчаютъ и наконецъ совершенно переходятъ въ кривые и косые избушки сосѣдней деревеньки прилѣпившейся къ городу.

Внутри городка есть гостиный дворъ, есть вѣчная, никогда непросыхающая грязь по улицамъ, есть большіе каменные дома купцовъ, разбогатѣвшихъ отъ оптовой торговли, есть маленькіе домики мѣщанъ, перебивающихся мелкимъ торгомъ на базарѣ, есть магистратъ и больница, уѣздный судъ и тюремный замокъ, кабаки и базарная площадь,—словомъ, все то же, что можно встрѣтить во всякомъ русскомъ уѣздномъ городѣ. Описываемый уѣздный городъ имѣлъ только ту особенность, что обладалъ чрезвычайно красивымъ веселымъ и привлекательнымъ видомъ съ берега многоводной рѣки К... Простоватый проѣзжій нерѣдко думалъ, любуясь издали на городъ: «вотъ гдѣ благодать-то Божія!» Но наружность иногда обманчива бываетъ: деревья

городского сада хороши только издали; желавшій вблизи полюбоваться ими совершенно разочаровывался при видѣ громадныхъ кучь всевозможнаго навоза, наваленнаго кругомъ на необозримое пространство. Небольшая рѣчка Пойма не допускала любопытнаго близко къ себѣ, потому что страшная вонь отъ свозимой къ ея берегамъ падали — коней, коровъ, собакъ — обдавала подходившаго нестерпимой вонью и вмѣсто того, чтобъ подышать одной жизнію съ природой, прохожій закрывалъ носъ рукой и бѣжалъ, насколько хватало силы, прочь отъ этой несчастной рѣчки.

Имѣлъ уѣздный городъ единственное порядочное вблизи себя мѣсто—березовую рощу. Въ этой-то рощѣ, именуемой «Козьей Горкой», часто собираются жители уѣзднаго города отдохнуть въ жаркій лѣтній день отъ городской пыли и вони. Часто подростающія дѣти выпрашиваются у *тятеньки погулять на Козью горку,* посидѣть на скамьѣ около разваливающагося стараго домика, представляющаго собою воксалъ и поглазѣть въ щелки забитыхъ лубьями оконъ во внутренность этого домика.

Въ прошедшіе годы моей невеселой юности, нерѣдко и я бывалъ въ этой рощѣ, нерѣдко задумывался, смотря на разрушающійся домикъ: какой это веселый человѣкъ тебя строилъ, и какую цѣль онъ имѣлъ при постройкѣ; служилъ-ли ты потѣхой прежнему отживающему теперь барству, или просто самодуръ купецъ, заполучивъ большіе барыши, построилъ тебя, чтобы наливаться до отвалу чаемъ *на вольномъ воздухѣ?* Бывалъ ли ты свидѣтелемъ веселыхъ юношескихъ радостей, билось ли въ стѣнахъ твоихъ молодое горячее сердце влюбленной дѣвушки, или не видали и не видятъ твои дряхлыя стѣны ничего подобнаго, кромѣ самодурства, деспотизма да приниженія человѣческой личности?

Вотъ сидятъ на твоихъ разрушающихся скамейкахъ три подростающіе купеческіе сынка. Грустны ихъ лица и не веселый разговоръ они ведутъ между собою.

— Вчера тятинька, говорилъ одинъ, вырвалъ у меня книгу, и хорошая такая, занимательная книжка. Вся изъ пѣсней, сочинителя Кольцова... Вырвалъ, да и бросилъ въ печку. Зачѣмъ, говоритъ, ты такую похабщину читаешь?

— А мой тятинька, разсказывалъ другой, каждое утро приходитъ къ намъ въ горницу и обшариваетъ всѣ углы, и подъ подушками и вездѣ,—«потерялъ я, говоритъ, ребята одну бумажку — не завалялась ли она какъ у васъ тутъ?»... А мы ужь давно знаемъ, что онъ не бумажку ищетъ, а книги... Да какія у насъ книги? Все однѣ церковныя. Тятинька самъ все читаетъ вечерами и насъ съ братомъ часа по два заставляетъ слушать. Скучно-то какъ, Господи!.. И все твердитъ: да-да-да.

— Эхъ, вы ребятушки счастливые,—все это ничего, началъ третій, экая важность, что книги ищутъ да жгутъ, пусть ихъ жгутъ, за то хоть не дерутся...

— Что и говорить — не дерутся! сказалъ первый. У насъ тоже въ худой часъ подвернешься, такую затрещину съѣшь, что искры изъ глазъ посыплются.

— А у насъ-то что дѣлается! Дымъ коромысломъ стоитъ. Третьяго дня отецъ мою сестру за волосы поймалъ, да по двору такъ и тащилъ въ горницу: она въ огородѣ была, а сосѣдъ черезъ заплотъ разговаривалъ съ ней...

Вздохнулъ мальчикъ, вспомнивъ, какъ отецъ волочилъ его сестру по всему двору за волосы. Вздохнули и товарищи, вспоминая вѣроятно нѣчто похожее, бывавшее и съ ними.

Молчаніе прервалъ первый.

— Ты слышалъ, вчера у барина Шарыгина вечеромъ барышни плясали?

— Слышалъ, только не видѣлъ. А ты видѣлъ, что-ли?

— Нѣтъ, мы было проснлись съ братомъ мимо пройдти посмотрѣть, да тятинька не пустилъ: соблазъ, говоритъ, дьявольское, говоритъ, навожденіе.

— А я посмотрѣлъ, сказалъ грустно третій, да лучше-бъ и не смотрѣть...

— Что, побили развѣ?

— Побили. Стряпка, подлая, сказала! Тятинька легъ спать, а мы съ прикащикомъ Ефимомъ и пошли тихонько... Сегодня меня тятинька ужь таскалъ, таскалъ за волосы, даже и теперь еще голова-то болитъ. Мамонька было вступилась, такъ онъ и ее треснулъ, — она такъ и завизжала...

— А Ефима что, билъ тоже?

— Ефима было прогналъ изъ дому. Тотъ сколько въ ногахъ у него валялся, плакалъ, прощенія просилъ... Тятинька еле уломался, а потомъ привелъ его къ образу, да перекреститься велѣлъ, чтобъ былъ завсегда въ покорности и послушаніи.

Вотъ какіе разговоры велись объ отцахъ между подростающимъ поколѣніемъ. Вотъ что слышали нѣмыя стѣны разрушающагося домика. Эти будущіе купцы, конечно, не понимали и не могли себѣ представить всю неизмѣримую глубину невѣжества ихъ почтенныхъ родителей. Они только чувствовали боль и нравственную тяжесть, высказывали ее между собой, въ безъискуственной дѣтской жалобѣ и съ бараньей покорностью, всосанной съ молокомъ матери, несли свой тяжелый крестъ тяжелаго, гнетущаго, подавляющаго рабства. И шла ихъ жизнь своей томительной дорогой; вмѣсто сыновней любви былъ только страхъ и опасеніе за потасовку, вмѣсто откровенности и искренности были только скрытность да обманы. Потребность свободы давилась при первомъ своемъ проявленіи, и такимъ образомъ въ душной атмосферѣ деспотизма и самодурства выростали будущіе торговые дѣятели—«могучее среднее сословіе». Любознательность не удовлетворялась и вмѣсто нравственнаго и интеллектуальнаго развитія дѣтей угощали одними проповѣдями, которыхъ и сами отцы не понимали, думая въ простотѣ души, что даже одинъ процессъ чтенія «Богу пріятенъ и для души спасенья полезенъ». Поколѣніе, перешедшее за 18—20 лѣтъ, уже думало и не печалилось о томъ, что тятинька книгу сжегъ.

Это поколѣніе сжилось уже съ своею жизнію, примирилось съ окружающей средой и развлекается себѣ, «запершн тятинькину лавку», преферансикомъ, трыночкой до истощенія послѣднихъ силъ, въ шашки на орѣхи, а пожалуй, которые побогаче, и на сулейку-шипучку.

Уѣдетъ тятинька на ярмарку или въ Москву, и развернутъ дѣтушки по отъѣздѣ его всѣ свои силы, тѣшутся, какъ умѣютъ, на свободѣ. Одинъ покупаетъ рысака и тѣшится имъ въ отсутствіе тятиньки, другой гуляетъ съ утра до вечера гдѣ-нибудь въ слободкѣ, являясь домой съ обрюзглой рожей и пустыми карманами; третій изощряетъ всѣ свои способности въ кулачномъ бою и тасканіи двухъ-пудовыхъ гирь на ногахъ къ вя-

щему изумленію товарищей, или оретъ во все горло многолѣтіе, подражая соборному дьякону.

— И что это, матушка, Дарья Романовна, сынокъ-то вашъ все куралеситъ да дебоширничаетъ? плаксиво спрашиваетъ сосѣдка.

— Какое, матушка, дебоширство? Пареньку-то только двадцатый годъ — пусть погуляетъ, боюсь только какъ бы *самъ* не узналъ... Такой-то онъ у меня грозный да суровый.

А двадцатилѣтній паренекъ урѣзалъ въ слободкѣ полштофа, и расходилась его *купеческая натура*, зачесались молодецкія руки и разлетѣлись въ дребезги оконныя рамы.

— Што это вы, батюшка, Михайло Алексѣевичъ? Перестаньте! упрашиваютъ его оробѣвшіе хозяева.

— Молчать! Рожи сворочу на сторону... Ты знаешь, кто я? говоритъ паренекъ, дико поводя пьяными глазами.

— Знаемъ, слышится оробѣвшій голосъ.

— Зубы вышибу!

— Помилуйте! Вы наши отцы-кормилицы.

— То-то! Вотъ двадцать-пять рублевъ на стекла, — бери!..

Заслышатъ дѣтушки о скоромъ пріѣздѣ *самого*, начинаютъ смекать свое опасное положеніе, вытрезвляютъ пьяныя головы и придумываютъ всевозможную ложь, которой бы можно отдѣлаться отъ неизбѣжныхъ встрепокъ и потасовокъ.

Къ чему приготовлялись эти люди, какъ они должны были представлять себѣ свою будущую дѣятельность, что такое богатство и зачѣмъ стремятся къ нему ихъ отцы всякими грѣшными и безгрѣшными средствами — эти вопросы оставались и остаются до сей поры нетронутыми и нерѣшенными, какъ для самихъ отцовъ, такъ и для дѣтей ихъ. Живутъ ихъ отцы въ своемъ тѣсномъ міркѣ, вздыхая о своихъ грѣхахъ вольныхъ и невольныхъ, представляютъ себѣ порой смертный часъ и философствуютъ о загробной жизни. «Міръ сей, — говоритъ какой-нибудь уѣздный искатель истины, — есть юдоль грѣха, порока и скверны... Не пецытеся, сказано, а непрестанно молитеся, дабы Господь сподобилъ принять христіанскую кончину и далъ время покаянію...»

Имъ и въ головы никогда не приходило, что грѣшно и стыд-

но опираться на одно только покаяніе, жить только надеждой на прощеніе. Никогда не западала въ нихъ мысль о человѣческихъ обязанностяхъ, о благѣ общемъ, о несовершенствѣ ихъ общественной и частной жизни, о средствахъ къ ея улучшенію. Дѣти подростутъ, будутъ торговать, если только семейный гнетъ не свихнетъ ихъ натуру и, по смерти отца, сынъ не сдѣлается пьяницей или мотыгой. Будутъ и они воспитывать своихъ дѣтей по образцу своего воспитанія. Торгуя, будутъ они сколачивать свои гроши тѣмъ же порядкомъ, какъ и почтенный ихъ тятинька сколачивалъ, оставаясь глухи и нѣмы къ остальному міру, какъ будто весь онъ въ одномъ ихъ городѣ только и заключается. Выберутъ его на общественную службу, какъ богатаго и потому достойнаго человѣка, придетъ онъ въ магистратъ, слѣпой и нѣмой человѣкъ, подписываетъ бумаги, подкладываемыя *дѣльной*-секретаремъ, получающимъ отъ купцовъ тысячами.

— Ты ужь только, значитъ, Маркелъ Маркычъ, все, какъ есть, по закону, въ порядкѣ, чтобы,—понимаешь,—одно слово! . А ужь мы, выходитъ, на счетъ, то-есть, благодарности завсегда готовы и, примѣрно, тово, съ почтеніемъ чаю и сахару во всякое время сколько хошь... одно слово! говоритъ купецъ секретарю.

Секретарь Маркелъ Маркычъ съ сладенькой улыбкой жметъ здоровенную руку купца. Перышко у него за ухомъ торчитъ.

— Все будетъ сдѣлано на точномъ основаніи свода законовъ, только вы подписывайте... Вотъ еще тутъ отступите немножко отъ этой строки... почтительно докладываетъ онъ.

— Кое мѣсто? спрашиваетъ купецъ.

— А вотъ тутъ, гдѣ сказано тридцать-перваго дня... тыкая своимъ тощимъ пальцемъ, объясняетъ Маркелъ Маркычъ: — тутъ и пишите: «бурмистръ такой-то».

— Ну, и ладно. Дѣло выходитъ покончено... А «руку приложилъ» не надо, что ли?

— Нѣтъ, нѣтъ, спѣшитъ перебить рѣчь купца заботливый секретарь.

— То-то; а я какъ-то прошеніе подавалъ на ербовомъ листѣ,

такъ говорили, что завсегда, значитъ, такой-то, примѣрно, и руку приложилъ.

— Ну то, изволите видѣть, было прошеніе, а это приговоръ, объясняетъ Маркелъ Маркычъ.

— Вотъ онъ што! глубокомысленно говоритъ купецъ.

Толкаясь между людьми, другой, одаренный отъ природы болѣе здоровой головой и незабитый на повалъ въ дѣтствѣ, мало по малу начинаетъ вдумываться въ прежнюю свою жизнь и, уясняя всю нелѣпость своего воспитанія, старается о развитіи своихъ дѣтей; но, къ крайнему сожалѣнію, это—рѣдкіе, очень рѣдкіе случаи.

Проходятъ теперь въ моей памяти изломанныя, задавленныя натуры, жертвы самодурства. Грустно мнѣ припоминать ихъ; грустно потому, что эти люди могли бы быть хорошими общественными дѣятелями, вліяли бы, можетъ быть, на перемѣну къ лучшему въ ихъ средѣ; но все это затоптано, сломано, забито...

Вотъ сынъ посѣдѣвшаго и украшеннаго медалями и орденомъ слѣпого старика-купца, единственный наслѣдникъ его громаднаго капитала,—допившійся до идіотизма. Ослѣпшій отецъ положилъ на его имя въ банкъ часть капитала и воображаетъ, что сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать для сына. Ему и въ голову не приходитъ мысль, что сынъ уже испорченъ въ конецъ его родительскими заботами.

Вотъ другой, съ желѣзной волей, направленной въ дурную сторону, родной племянникъ богачей Бутаковыхъ, сиднемъ сидитъ десять лѣтъ въ опустѣвшемъ, послѣ смерти отца, домѣ, безъ средствъ, пробиваясь изо дня въ день. Представляю себѣ, что могло бы быть изъ этого желѣзнаго человѣка, еслибъ жизнь подарила его хотя какимъ нибудь маленькимъ вліяніемъ, могущимъ открыть ему прямую дорогу. Но, сначала забытый отцомъ, потомъ, по раззореніи его, поступившій на службу къ дядямъ, гдѣ снова униженіе и оскорбленіе человѣческихъ правъ выпали ему на долю, не желая и не считая нужнымъ выносить ихъ, онъ ударился въ пьянство и разгулъ. Явилась бѣдность безъ поддержки нравственной и матеріальной и наконецъ полное ожесточеніе противъ всего міра и затворническая жизнь.

Поднимаются въ моей головѣ родные, близкіе моему сердцу, образы. Вижу я тебя, безхитростный, простодушный Володя, вижу твои горячія слезы, ручьемъ текущія изъ кроткихъ, покорныхъ глазъ твоихъ въ отвѣтъ на отчаянные удары, щедро отпускаемые рукой заботливаго родителя; вижу, какъ забиваются твои невеликія послѣднія способности, и ты рѣшительно берешься за злодѣйку-водку.

— Не пей! говаривалъ я тебѣ, держись крѣпче. Сила соломку ломитъ.

— Я—солома, съ отчаяніемъ говорилъ ты, и невольные слезы падали изъ твоихъ глазъ.

Вижу тебя, прокутившійся и раззорившійся Саша, вижу твою бѣдную, плачущую семью и грустно становится на сердцѣ и больно мнѣ за васъ, мои близкіе, хотя и упавшіе въ людскомъ мнѣніи, но дорогіе моему сердцу люди. Шлю вамъ мой глубокій, искренній привѣтъ, задавленные и униженные братья, — выражаю мое полное сочувствіе къ вашему положенію.

— Вотъ бы поддержали, поставили бы на ноги вашихъ родственниковъ, говорилъ я вашимъ дядямъ и отцамъ.

— Покорности въ нихъ нѣтъ, духа смиренія и послушанія не имѣютъ, отвѣчали отцы.

— Да вы сначала улучшите ихъ положеніе.

— Какое имъ положеніе? Они пятой заповѣди не помнятъ.

Много такихъ субъектовъ въ уѣздномъ городѣ, много бы можно поразсказать поучительнаго изъ этихъ живыхъ фактовъ, но заключимъ лучше словами Некрасова:

Дураковъ не убавишь въ Россіи,
А на умныхъ тоску наведешь.

II.

Прекрасный полъ уѣзднаго города, невидимый постороннимъ взглядомъ, подростаетъ въ своихъ свѣтелкахъ, обучаясь большею частію у приходящей старицы грамотѣ по часослову. Чис-

тописаніе, какъ вещь совершенно лишняя въ хозяйствѣ, оставляется въ сторонѣ.

— Да и на што имъ эта грамота? говоритъ отецъ,— почитали бы онѣ только мужа, да молились Богу. Состояніемъ мы, благодаря Создателя, не обижены, женихи пороги обиваютъ— выберемъ что ни на есть лучшаго.

— А и правду ты говоришь, Степанъ Кузьмичъ, поддакиваетъ ему супруга,—чего дѣвку понапрасну ученьемъ томить; знала бы только молитвы. Вотъ и мы съ тобой тоже, благодаря Бога, живемъ не первый десятокъ и отъ Бога не обижены, и отъ людей въ почетѣ; а тоже грамотѣ-то не больно учены.

— Это точно, заключаетъ мужъ и порѣшаетъ воспитаніе дочки окончить часословомъ...

Видѣть прекрасный полъ можно только въ церкви въ воскресный день, или въ большой праздникъ, который означенъ въ святцахъ крестомъ въ кругѣ. Иногда какой-нибудь ближайшій родственникъ случайно встрѣтитъ дѣвицу въ прихожей и скажетъ «здравствуйте-съ!» а дѣвица, ничего не отвѣчая, сейчасъ убѣжитъ въ свою свѣтелку. «Застыдилась», скажетъ сердобольная мать,—«дѣло дѣвичье.»

— Скромная дѣвица, скромная—нечего сказать, и водой не замутитъ. Похвально, оченно т. е. пріятно видѣть даже такихъ скромницъ и стыдливицъ, — скажетъ родственникъ въ утѣху матушкѣ.

А у матушки и ушки на макушкѣ, и улыбка расползлась по всему широкому откормленному лицу. Единственнымъ мѣстомъ собранія, пожалуй отчасти развлеченія, можно считать церковь. Купеческая семья одѣвается въ самое лучшее платье; запрягаются здоровые и сильные кони въ экипажъ, цѣлую недѣлю сохраняемый подъ замкомъ, и купецъ парадно катитъ въ церковь.

— Ахъ, маменька, пожалуйста встанемъ впередъ, къ столбуто бѣлому (къ колоннѣ), а то право ничего не видно: заговоритъ дочка, разодѣтая въ яркіе наряды, при входѣ въ церковь.

— Фу ты Господи, царь небесный, какая гордая стала Фекла Семеновна-то... и не кланяется, на-поди! А мнѣ очень нужно... Настасья-то Ивановна въ новой шляпкѣ — раздобрился видно муженекъ-то, купилъ... Въ Казанѣ чай купили-то... А

Петръ Петровичъ-отъ какимъ соколомъ, какимъ соколомъ!.. Шапочка это въ рукѣ и ногу эдакъ на сторону — чудо какъ хорошо, пречудесно!.. Вотъ женихъ-отъ! И не бѣдный... разсуждаетъ семья послѣ обѣдни, кушая мягкую просфору, которую имъ поднесъ дьяконъ на серебряномъ блюдѣ по приказанію батюшки, отца Якова.

Большущій и блестящій самоваръ кипитъ и пыхтитъ на столѣ, бросая на всю комнату паръ. Въ кухнѣ въ это время кормятъ нищую братію—обычай, соблюдаемый во всѣхъ богатыхъ купеческихъ домахъ въ память объ умершихъ родственникахъ. Придетъ какая-нибудь бѣдная родственница въ темномъ коленкоровомъ платьѣ; старки (монахини) иногда пріѣдутъ на своей сѣрой кобылѣ въ длинныхъ дрогахъ, съ сидящей на козлахъ вмѣсто кучера послушницей; просфирня зайдетъ изъ приходской церкви. Посидятъ, попьютъ чайку, потолкуютъ о знакомыхъ, вспомнятъ о смертномъ часѣ, вздохнутъ о грѣхахъ... хозяйка дастъ имъ «на дорожку» орѣшковъ или сахарку и отправитъ съ миромъ.

Но стоитъ только придти хотя самому ближайшему родственнику — онъ уже не будетъ пить чай за общимъ столомъ: хозяинъ уведетъ его въ другую комнату, и дѣвушка въ синемъ холщевомъ сарафанѣ будетъ перебѣгать изъ комнаты въ комнату то съ пустыми, то съ наполненными стаканами, наблюдая въ замочную скважину за ихъ опустошеніемъ.

Обѣдать родственники оставляются рѣдко; въ такихъ случаяхъ мужчины обѣдаютъ особо отъ женщинъ. Послѣ жирной кулебяки, щей, гусей и неизмѣннаго сладкаго пирога съ ягодами, семья заснетъ до вечеренъ. Звонъ большого соборнаго колокола разбудитъ ее, снова запрягаются жирные кони, и всѣ ѣдутъ «къ акаѳисту.»

Протяжно и долго носится надъ городомъ звонъ большого колокола каждое воскресенье. За рѣкой, широко несущей вдали отъ города свои воды, слышится его густой сердитый гулъ, глухимъ эхомъ раздающійся въ дальнихъ селахъ. Остановится иногда у пристани пароходъ захватить дровъ, принять какого-нибудь купца, ѣдущаго на пристань, и удивленные пассажиры спрашиваютъ носильщиковъ: «какой завтра праздникъ?»

— Акаѳистъ, лаконически отвѣчаютъ мужики, шагая по сходнямъ съ дровами.

— По какому же случаю?

— Да такъ, значитъ, примѣрно молятся купцы.

Захватитъ пароходъ дрова, свистнетъ, запыхтитъ, обдастъ своимъ густымъ дымомъ пристань, носильщиковъ, берегъ и быстро исчезнетъ изъ виду, догоняемый только звономъ неумолкающаго колокола.

А въ городѣ къ церковной паперти начинаютъ понемногу пробираться нищіе, отдохнувшіе послѣ сытнаго обѣда гдѣ нибудь подъ сѣнію кабачка, и останавливаются они около паперти въ два длинные правильные ряда. Потомъ старки ѣдутъ на той же кобылѣ, съ послушницей на козлахъ. Прикащики, задвигаютъ желѣзные запоры хозяйскихъ лавокъ и, исполняя хозяйское приказаніе, тоже тянутся толпами въ церковь. Вотъ и купцы съ семьями подъѣхали на пыхтящихъ лошадяхъ къ церковной паперти и одѣляютъ грошиками нищую братію.

Духовенство всѣмъ соборомъ служитъ вечерню и потомъ читаетъ акафистъ Спасителю съ колѣнопреклоненіемъ. Протоіерей съ громадной бородой тихо шагаетъ съ кадиломъ, стараясь подражать въ манерахъ архіерею. Служба вообще торжественна. Зажженныя свѣчи отражаются на серебрянныхъ ризахъ иконъ, въ алтарѣ видѣнъ блестящій серебрянный престолъ. Акаѳистъ читаютъ поочередно всѣ священники, а по окончаніи его парами подходятъ къ образу Спасителя, кладутъ по три земныхъ поклона и цалуютъ образъ. Потомъ подходитъ къ образу народъ.

Служба кончилась. Дома ожидаетъ опять чай. Лѣтомъ публика гуляетъ пѣшкомъ на Козью Горку: посидѣть, потолковать, посмотрѣть на отдаленную широкую рѣку, на пробѣгающіе мимо пароходы. Молодежь тихонько пробирается къ кому-нибудь изъ знакомыхъ опять-таки попить ради праздника въ десятый разъ чайку, да поиграть отъ скуки въ картишки. А старички посиживаютъ себѣ на Козьей Горкѣ, переливая изъ пустого въ порожнее. Вдали передъ ними рисуется высокая гора, а на ней видна полуразрушенная отъ времени башня— остатокъ монасты-

ря, построеннаго, послѣ покоренія Казани, повелѣніемъ царя Ивана Грознаго.

— Да вотъ оно-бы хорошо, очень хорошо поддержать этотъ историческій памятникъ, говоритъ одинъ почтенный старичекъ, поглядывая на башню.

— Напрасно, Иванъ Васильевичъ, право напрасно, это значитъ — даромъ деньги... На что она годится? возражаетъ кто-нибудь изъ купцовъ.

— Нѣтъ, господа, какъ ни говорите — это не напрасно: памятникъ историческій.

— Оно пожалуй, что историческій, да для насъ-то оно, Иванъ Васильевичъ, дѣло совсѣмъ неподходящее, потому — даромъ деньги бросишь. Другое дѣло, примѣрно часовня или что нибудь такое...

— Ну, ну ладно. Часовню и стройте, а я памятникъ... желчно говоритъ Иванъ Васильевичъ и сердито стучитъ своей суковатой палкой по ветхому полу балкона, придѣланнаго къ бесѣдкѣ.

— Вотъ вамъ теперь, продолжаетъ онъ нѣсколько успокоившись: это вотъ теперь—взвозы у насъ худы и круты: грязь стоитъ по колѣно, подняться съ бочкой у лошади силы не хватаетъ. Фанталы въ городѣ спорчены, воды хорошей нѣтъ, — вотъ это дѣло подходящее; какъ вы объ этомъ думаете?

— Поправить бы точно что надо, говоритъ одинъ.

— А примѣрно сказать, на какія суммы? спрашиваетъ торопливо другой.

— Полагать надо на городскіе.

— Конечно на городскіе, а то на свои што-ли? говорятъ нѣсколько человѣкъ вдругъ.

Иванъ Васильевичъ грустно усмѣхается.—Ну на городскіе, говоритъ онъ, а велики-ли онѣ?

— Все же, должно, есть таки...

— Какъ не быть, все-же городъ...

— Какъ не быть, передразниваетъ Иванъ Васильевичъ; а много-ли ихъ есть-то? Три гривны съ пятакомъ! Вонъ говорили, что нужно съ хлѣбныхъ анбаровъ сборъ сдѣлать въ пользу города, ну что-же вышло? Сами говорили, а какъ пришло дѣло

къ тому, что деньги давай, такъ и стали отговариваться; послѣ да послѣ...

— Не наше это дѣло, Иванъ Васильевичъ, какъ обчество, какъ будетъ угодно обчеству...

— Мы во всяко время, какъ только обчество...

— Ну обчество... а мы-то что-же, развѣ мы-то не обчество?.. Всякій такъ-то станетъ говорить, чего-же хорошаго? Потому у насъ все и идетъ, прости Господи, хуже татарскаго...

— Что-же у насъ хуже татарскаго? Чѣмъ мы, примѣрно сказать, худо живемъ? Посмотрите у другихъ-то лучше, что-ли? У насъ еще можно сказать благоденственное и мирное житіе... Вонъ и губернаторъ, когда пріѣзжалъ, говорилъ: первѣющій, говоритъ, можно сказать, подъ моимъ начальствомъ городъ; а его преосвященство такъ не нахвалится просто,—рыбная, говоритъ, сторона, благодатная... Вотъ оно какъ! А фанталы поправимъ какъ нибудь; были вѣдь хороши, да Бутаковъ Захаръ Захарычъ испортилъ, когда головой служилъ.

— Ну такъ и надо у него просить на поправку.

— Подитка, сунься.

Приближается еще человѣкъ пять, шесть. Идутъ, палочками постукиваютъ, руками размахиваютъ.

— Чего, господа, тутъ толкуете.

— Да вотъ теперя про фанталы...

— Ну!

— Вотъ важность! говоритъ другой, — пойдемте лучше чай пить. Вонъ Никита бесѣдку у дома построилъ, — важно тамъ, вѣтерокъ ходитъ.

— Что-жь, господа, пойдемъ.

— А Семена Иваныча тамъ нѣту?

— Нѣту, нѣту. Чего боишься? Чаю не достанетъ, что-ли? Ничего, нужды нѣтъ! Хоша бы и пришелъ, такъ Никита велитъ ему особый самоваръ поставить.

— И здоровъ-же, господа, онъ чай этотъ пить — бѣда! Этта какъ-то зашелъ ко мнѣ, я нарочно сосчиталъ — 18 стакановъ выпилъ, только фулярчикомъ утирается.

— Да, — здоровъ!

— А слышали, господа, у Першина хозяйка кончилась.

— Ой-ли?

— Право; сейчасъ стряпка прибѣгала, сказывала.

— Эка бѣдняга! Жалко парня-то!

— Какого-же чорта жалѣть! Самъ онъ виноватъ: по веснѣ-то она на сносяхъ ходила, а онъ ее раза два съ собой въ Челябу возилъ, да еще полно не на перекладныхъ-ли? Жалко! Да такихъ собакъ, какъ Першинъ, вѣшать надо, чтобы не женились — вотъ что!

— Да что ты, парень, больно раскричался? Извѣстное дѣло: безъ божьей воли волосъ съ головы не свалится.

— Такъ-то такъ, задумчиво сказалъ кричавшій, да все по человѣчеству-то... быдто и не того.

— Божья воля, братцы, Божья воля! Всѣ умремъ, только не въ одно время.

— Истинно такъ.

Разговоръ перешелъ въ грустный тонъ, наконецъ прекратился.

Публика посидѣла, помолчала. Кое-кто постукивалъ палочками объ полъ, кое-кто вздыхалъ, приговаривая: «Господи помилуй! Грѣхи великіе!»...

— Да вотъ, господа, началъ одинъ, оживляясь,—про Семената Иваныча давича заговорили, — вчера онъ Карпъ Петровичу продалъ сало, и немного продалъ-то, такъ пудовъ десятокъ; сталъ тотъ принимать, а подъ саломъ-то кишки навалены... Ну ужь Карпъ Петровичъ Семена-то и мылилъ: ты, говоритъ, чего парень, а? Сираха-то, говоритъ, читаешь, плачешь, а это, говоритъ, парень како дѣло? Да такъ ево это все Сирахомъ-то, да Сирахомъ его...

— Ну чтожь Семенъ-отъ?

— А что онъ? Не причастенъ, говоритъ, грѣху, не причастенъ: ребята, говоритъ, вѣрно какъ нибудь...

— Потѣха!

— Такъ какъ онъ его, — Сираха, говоритъ, читаешь?

— Какъ?

— Сираха, говоритъ, читаешь, плачешъ, а это, говоритъ, како дѣло?

— А вчера, братецъ ты мой, уморилъ насъ Андрей Митричъ—пьянаго разыгрывалъ. Ну вотъ ни дать, ни взять, какъ

эти самые актеры... И рожу этакъ своротитъ въ сторону, и слюна у него идетъ. — Умора!

Публика смѣялась, только одинъ Иванъ Васильевичъ молча сидѣлъ, постукивая палочкой, и смотрѣлъ вдаль на рѣку.

— Чему вы это смѣетесь? спросилъ онъ.

— Про Андрей Митрича разсказываютъ, пьянаго разыгрывалъ.

— Мошенникъ онъ, вотъ что! Въ Рыбинскѣ съ хлѣбомъ какія онъ дѣла выдѣлываетъ! У него и прикащики горлодеры подобраны. Чуть пріемщикъ зазѣвается, глядишь кулей 5, 10 и присчитали лишнихъ. Въ другой разъ зазѣвался — опять. Рублевъ на и 500 набѣжитъ.

— Что говорить — гдѣ безъ грѣха-то?

— Такъ ужь споконъ вѣка ведется.

— Грѣхъ по міру ходитъ, заключилъ вставая одинъ изъ купцовъ.

Вслѣдъ за поднявшимся встали и другіе и пошли всѣ изъ рощи.

По улицѣ въ легкихъ дрожкахъ шагомъ купецъ ѣдетъ, кнутикомъ по землѣ щелкаетъ. Лошадь рвется, пуская изо-рта пѣну, а купецъ ее сдерживаетъ, приговаривая: Тсъ, тсъ—шалишь! И снова опять щелкаетъ по землѣ кнутомъ.

— Чего ты лошадь-то пугаешь? спрашиваетъ его публика.

— Къ кнуту пріучаю: не боялась чтобъ.

— Боится развѣ?

— Не привыкла еще, молода больно.

Купецъ остановился. Лошадь нетерпѣливо била ногой землю и фыркала.

— Тсъ, шалишь?...

— А что, шибко бѣжитъ?

— Стрѣла.

— Какъ ты ее прозвалъ?

— Алмазъ!

— Ну?

— Вѣрно слово.

— Ну-ка, ну-ка, пусти, мы посмотримъ.

— Ловки больно,—и то устала, къ кузницамъ ѣздилъ.

— Эка даль, подумашь!

— Даль не даль, а ладно... Во всю рысь махалъ.

— Ну пускай што-ли!..

Купецъ пустилъ лошадь во всю рысь, публика посмотрѣ л вслѣдъ ему, оцѣнивая бѣгъ лошади, и пошла къ Никитѣ въ бесѣдку.

Попили опять чайку на вольномъ воздухѣ, о Спрахѣ еще раза два спросили, поговорили объ Андрей Дмитрiевичѣ, искусно представляющемъ пьянаго...

Мало по малу публика расходится. Смеркается. Пользуясь сумерками, купеческія дочки и матушки оставили свои вязанья и вышиванья; собравшись въ залѣ онѣ ѣдятъ пряники и щелкаютъ орѣшки. Въ углу у дверей при входѣ въ комнату сгорбившись сидитъ проѣзжая монахиня, приглашенная хозяйкой на квартиру.

— Ты бы, мать Анфиса, подвинулась къ намъ поближе, приглашаетъ хозяйка.

— Спаси васъ Господи и помилуй! смиренно говоритъ монахиня, кланяясь въ поясъ.

— Ну хоть бы спѣла, что-ли...

Монахиня помолчала нѣсколько времени, посмотрѣла набожно въ передній уголъ на неугасимыя лампады, теплящіяся передъ иконами, и затянула тоненькимъ голоскомъ: *Раю мой раю, прекрасный раю...*

Хозяйка съ умиленіемъ смотрѣла, на поющую монахиню, дочки урывками взглядывали въ окна и щелкали орѣшки.

Пусто становится на улицахъ. У забора одного дома сидятъ пять, шесть человѣкъ и толкуютъ:

— Вотъ теперь я помню, былъ въ городѣ Арзамасѣ дьяконъ—батюшки мои свѣты! Какъ начнетъ это онъ хрипоткомъ «во время оно», да какъ пойдетъ, да какъ пойдетъ, да все выше да шибче — страсть голосище!

— Нѣтъ, вотъ въ Лысковѣ былъ дьяконъ, перебиваетъ другой.

— Въ Лысковѣ, чево въ Лысковѣ! Онъ сюда въ городъ пріѣзжалъ по-запрошлу зиму. Барыня тутъ есть, помѣщица старая—такъ она чуть не умерла изъ за него. Она, значитъ, это идетъ свѣчку ставить къ образу, а онъ какъ рявкнетъ: «во-

станите, говоритъ, Господи благослови». Она такъ и присѣла и свѣчку на полъ уронила — вотъ такъ голосина!

— Не знаю, ребята, про какова-то дьякона, али протодьякона разсказывали, онъ при архіереѣ былъ. Только пилъ здорово. Разъ какъ-то владыка сидитъ у себя въ комнатѣ и слышитъ, на той сторонѣ рѣки этотъ самый дьяконъ оретъ. Подите, говоритъ владыко-то своимъ служкамъ,—подите, загоните его во дворъ — наше-то добро со двора ушло... Ну и загнали.

— Да, бываетъ...

Стемнѣло. По улицамъ болѣе и болѣе пустѣетъ. Идутъ только два пріятеля и толкуютъ. Одинъ изъ нихъ объясняетъ другому.

— Человѣка нельзя лучше сдѣлать, никакъ нельзя. Вотъ теперь, напримѣръ, хотя—рука, ну чево можно лучше выдумать? Ни въ жизнь! Три руки тоже нельзя — ну куда ты ее привѣсишь? Одной опять тоже мало...

— Премудрость!

— Да братъ.

— Ну а какъ же, перебилъ товарищъ, какъ же теперь тамъ въ брюхѣ?

— Чево въ брюхѣ?

— Какое, напримѣръ, устройство должно быть?

— Брюхо, такъ брюхо и есть, въ брюхѣ кишки...

— Отчего-же, братецъ мой, кровь наша такая теплая и завсегда значитъ мы теплоту въ себѣ содержимъ?

— Одно слово: по образу божію и по подобію, объяснилъ первый докторальнымъ тономъ...

Пріятели повернули за уголъ дома въ переулокъ.

Луна медленно выплываетъ изъ-за темнаго сосноваго лѣса. Опустѣли улицы, какъ будто вымеръ весь городъ. Изрѣдка слышно, какъ караульный у воротъ постукиваетъ въ доску, да опоздавшая корова реветъ у калитки дома, стараясь разбудить заснувшую стряпуху.

— Иди ты, блажная, што-бъ тебя, нишь полуночница! раздается сердитый голосъ изъ-за калитки.

Впустила стряпуха корову, брякнула запорка калитки и снова все стихло.

— Слу-ша-а-й? несется голосъ часового отъ казначейства.

Луна высоко поднялась надъ городомъ и бросила свой блѣдный свѣтъ на громадные каменные дома богатыхъ купцовъ. Мрачно смотрѣли большія зданія на улицу, мрачно было и внутри ихъ...

— Слуша-а-а-й! пронеслось отвѣтное хриплымъ отрывающимся голосомъ изъ другой части города, отъ тюремнаго замка.

Опять все смолкло и слышно только какъ у гостиннаго двора гремитъ цѣпью собака, да изрѣдка, съ просонка, постукиваетъ караульный по доскѣ, не раскрывая слипшихся глазъ.

III.

Совершитъ свой обычный путь наша планета, именуемая землей, и снова изъ-за густого темнаго лѣса разсыплются яркіе лучи солнца. Какъ будто выплываетъ оно, ясное и свѣтлое, по необозримому пространству голубого неба и, озаряя весь божій міръ, кидаетъ также свои лучи на дома и церкви уѣзднаго города.

Зазвонятъ на колокольняхъ къ заутренѣ. Первые поднимутся *старки* и поплетутся опять на своей сѣрой кобылкѣ, съ послушницей на козлахъ. Выйдутъ торговки-калашницы на базаръ, а за ними слѣдомъ зашагаютъ прикащики отпирать хозяйскія лавки и пойдетъ жизнь по вчерашнему своимъ обычнымъ путемъ.

Проѣдетъ какой-нибудь экономный проѣзжій чрезъ этотъ городъ, избѣгая вольной почты. Офенство, разбросанное по всему свѣту земли русской, притащится на своихъ владимірскихъ телѣгахъ за товарами, заплатитъ оно старый долгъ, возьметъ вновь товару и снова уѣдетъ торговать по селамъ и деревнямъ. Татары въ своихъ высокихъ, не смотря на лѣто, мѣховыхъ шапкахъ, пріѣдутъ за тѣмъ же, и вдоволь наливши у купцовъ чаемъ въ прикуску, полѣзутъ опять на свои воза, чтобы снова потянуться съ товарами въ родное село съ высокой мечетью. Монахи и монахини, искрещивающіе во всѣ концы Россію съ своими книжками для сбора съ доброхотныхъ дателей, пріѣдутъ въ уѣздный городъ и тоже поживутъ здѣсь недѣльку-

другую. Странники божіи, блаженные, юродивые тоже забредутъ въ уѣздный городъ за хлѣбомъ и тоже уйдутъ не съ пустыми руками.

Такъ пройдетъ незамѣтно цѣлое лѣто...

Наступитъ холодная зима, захруститъ снѣгъ, закуетъ морозъ воды и повезутъ мужички въ городъ на базаръ сбывать свое трудовое добро.

— Прибавьте, батюшки, по двѣ копѣечки на пудъ, мука добрящая, хорошая мука, будутъ упрашивать мужички купцовъ.

— Богъ цѣну строитъ, надменно скажутъ торгаши, поглаживая свои бороды: — хочешь берешь, хочешь нѣтъ, — вольному воля!

— Воля-то воля, да достатки-то наши плохи; въ нихъ-то мы не вольны...

Будутъ ломиться купеческіе амбары отъ наваливаемыхъ въ нихъ тысячей кулей хлѣба, будутъ отговариваться купцы отъ платы въ доходъ города съ хлѣбныхъ амбаровъ.

Наступитъ весна, разольется широкая рѣка по всей низменной площади, унесетъ она отъ города накопившуюся въ теченіи года грязь и падаль, поплывутъ внизъ по рѣкѣ нагруженныя до верху барки и будутъ ожидать купцы будущихъ барышей отъ выгодной продажи хлѣба.

— Если будетъ Господу угодно и мнѣ полезно, думаетъ купецъ:—и получу я на хлѣбъ тысячь десятокъ, то непремѣнно пожертвую для духовенства золоченыя ризы.

— Если бы нонеча хлѣбъ мы продали въ городѣ копѣечки по двѣ дороже, раздумываетъ свои думы крестьянинъ, посматривая съ берега на плывущую мимо деревни коноводную машину съ пятнадцатью барками:—еслибъ только двѣ копѣечки на пудъ, то можно было бы другова коня купить, все бы повальготнѣе было въ хозяйствѣ... Совраска-то ужь совсѣмъ старикъ. Да видно ужь, значитъ, судьба наша такая....

Д. Стахѣевъ.

***

(съ итальянскаго.)

Душитъ жизнь безъ состраданья
Много свѣжихъ силъ.
Всѣхъ бойцовъ въ краю изгнанья
Свѣтъ похоронилъ.
Битвы темныя сломали
Подвигъ роковой,
И бойцовъ уста сковали
Страхомъ и враждой,
Въ душныхъ тюрьмахъ стоны братій
Раздаются вновь,
И подъ гулъ глухихъ проклятій
Снова льется кровь...
Тучей темной на просторѣ
Свѣтъ заволокло,
И, широкое, какъ море,—
Торжествуетъ зло.

Н. Д.

РЕАЛИЗМЪ

ВЪ ПРИМѢНЕНІИ КЪ НАРОДНОЙ ЭКОНОМІИ.

По естественному ходу нашей умственной исторіи, реальное образованіе является у насъ въ настоящее время самою насущною, самою настоятельною потребностью и должно быть усилено съ особенною энергіею. Въ результатѣ нашей исторіи, вездѣ чувствуется у насъ крайній недостатокъ въ людяхъ, основательно знающихъ естественныя науки и въ частности естественную экономію русской земли, которою мы живемъ и движемся, и умѣющихъ реализировать естественно-научныя знанія, прилагать ихъ къ улучшенію народной жизни. Въ теоріи, а вслѣдствіе того и на практикѣ естествознанія мы далеко отстали отъ западно-европейскихъ обществъ. Всякое теоретическое естественно-научное открытіе или обобщеніе, всякое практическое нововведеніе, изобрѣтеніе, усовершенствованіе идетъ къ намъ съ запада. Мы, какъ обезьяны, только рабски перенимаемъ ихъ, и то большею частію тупо, нескоро, вяло, или не вполнѣ и не совсѣмъ раціонально. Доселѣ еще у насъ не было ни одного такого великаго естествоиспытателя, который бы заявилъ себя какимъ-нибудь громаднымъ, міровымъ открытіемъ, производящимъ переворотъ въ исторіи, въ мірѣ идей и жизни передового, европейскаго человѣчества,—не было своихъ Дарвиновъ, Лавуазье, Либиховъ, Фирховыхъ, Уаттовъ и т. п.

Поэтому намъ на первой порѣ насущно-необходимъ усиленный естество-познавательный трудъ, и отъ всякаго идеалистическаго, метафизическаго, спиритуальнаго, классическаго, эстетическаго и т. п. направленія мы должны безъ всякихъ оговорокъ и отсрочекъ обратиться къ изученію окружающей насъ природы, и въ немъ должны искать новыхъ сферъ труда, сначала теоретическаго, самообразовательнаго, подготовительнаго къ практикѣ, а потомъ и реальнаго, практическаго. Съ той поры, какъ въ литературѣ нашей

произнесенъ былъ вопросъ: *чему учиться?* всѣ мы и особенно всѣ молодыя поколѣнія должны единогласно откликнуться:—*реальнымъ, естественнымъ наукамъ*. Отчасти, кое-гдѣ въ крошечномъ меньшинствѣ, этотъ откликъ уже слышится, потому что не только мыслящіе люди, такъ и само общество настоятельно чувствуетъ необходимость оставить тѣ хищническія отношенія къ окружающей насъ природѣ, которыми мы живемъ болѣе тысячи лѣтъ. Чтобы не расхищать задаромъ данныхъ намъ натуральныхъ богатствъ, чтобы не пользоваться ими безсознательно и безрасчетно, чтобы избѣжать гибельныхъ послѣдствій повсемѣстнаго опустошенія почвъ, лѣсовъ, рѣкъ и т. п. источниковъ нашего будущаго существованія, намъ необходимо знать наши наличныя средства и обладать умѣньемъ располагать ими не на авось, а на основаніи раціональнаго и строго-экономическаго плана. Отсюда вытекаетъ главнѣйшая потребность образованія народныхъ массъ, для которыхъ знаніе природы не только сила, но и первое условіе разумной дѣятельности. Безъ этого знанія нѣтъ выхода изъ хищническаго, полудикаго и самоистребляющаго положенія, въ какомъ мы находились по сю пору. Но при настоящемъ экономическомъ и умственномъ состояніи народа высшее и всестороннее образованіе его составляетъ самую смѣлую мечту. Народъ нашъ, въ большинствѣ, бѣденъ, особенно бѣдны массы крестьянства и мѣщанства—самыя многочисленныя и рабочія народныя массы, тѣ массы, застоемъ которыхъ собственно и задерживается и отсрочивается давно искомый, новый интеллектуальный и соціальный прогрессъ человѣческихъ обществъ. Если бѣдность массъ, въ корнѣ, положительно зависитъ отъ отсутствія въ нихъ естественно-научнаго просвѣщенія, — то, съ другой стороны, оно же всего болѣе и препятствуетъ массамъ развиваться, заставляя ихъ ежедневно хлопотать только о первыхъ потребностяхъ жизни—о пищѣ, одеждѣ и жилищѣ. И по закону природы, вѣдь запросы желудка неотразимѣе запросовъ мозга и всегда предшествуютъ имъ и даже обусловливаютъ ихъ. Развитіе мозга и его потребностей, какъ всякій знаетъ, невозможно безъ утовлетворенія требованій желудка и вообще растительной природы человѣческаго организма. Далѣе, бѣдность, вслѣдствіе обусловливаемаго ею антигигіеническаго образа жизни, питанія, дыханія и всего физіологическаго быта, порождаетъ въ массахъ разныя болѣзни и недостатки физическіе и умственные. А при такихъ условіяхъ конечно невозможно живое и здоровое умственное развитіе: mens sana in corpore sano. Если же бѣдность массъ положительно мѣшаетъ ихъ умствен-

ному развитію, то, съ другой стороны, только естественно-научное просвѣщеніе есть самое вѣрное и раціональное средство къ избавленію отъ бѣдности. Слѣдовательно, чтобы начать образовывать, просвѣщать бѣдныя рабочія и промышленныя массы, надобно давать имъ такое образованіе и развитіе, которое бы прежде всего прямо вело ихъ къ насущнѣйшей ихъ потребности — къ избавленію отъ бѣдности, которое бы сначала обезпечивало ихъ желудочные запросы жизни, давало имъ вѣрныя и наиболѣе производительныя средства жизни, разливало между ними матеріальное довольство или обезпеченіе, чтобы онѣ потомъ уже, не томясь голодомъ, нуждой, не горюя о кускѣ хлѣба, объ одеждѣ и жилищѣ, могли сами собою, свободно, спокойно, энергично идти далѣе по пути самообразованія, ощутивши на самыхъ первыхъ шагахъ его прямую и жизненную пользу. Насколько рабочій народъ познаетъ на опытѣ реальную пользу отъ ученья,—настолько образованіе и распространяется въ немъ. Насколько ученье его дѣтей служитъ ему прямымъ и полезнымъ пособіемъ въ бѣдномъ хозяйственномъ быту, настолько онъ и требуетъ ученья для дѣтей. Бѣдность и постоянная, безотлагательная вынужденность завоевывать кусокъ хлѣба всегда мѣшала рабочимъ и промышленнымъ классамъ нашего народа учиться и учить дѣтей. Когда Петръ Великій сталъ учреждать первыя школы по губерніямъ и провинціямъ, то посадскіе всѣ единогласно вошли въ сенатъ съ просьбою, что они бѣдны и дѣти ихъ занимаются торговлею и промыслами и имъ-де не до школъ. Сознавши, однакожъ, по опыту, какъ полезно и даже нужно въ промышленномъ быту умѣть читать, писать и считать, и не видя въ своей практикѣ дальнѣйшей пользы отъ высшаго образованія,—нашъ бѣдный простой народъ утвердился въ убѣжденіи, что нужно только учиться читать, писать и считать, — и простонародное образованіе доселѣ большею частію ограничивается этими знаніями. Когда въ началѣ XIX столѣтія главное правленіе училищъ учреждало по губерніямъ гимназіи и народныя училища, и отъ директоровъ и учителей гимназій потребовались отчеты объ успѣхахъ народнаго ученья, — то едва ли не изъ всѣхъ губерній представлены были такія донесенія: что родители—купцы, ремесленники, вообще всѣ рабочіе и промышленные люди, а также бѣдные и матери сиротъ тотчасъ отбираютъ дѣтей своихъ изъ гимназій, какъ скоро они научатся читать, писать и считать, «съ тѣмъ чтобы снискать себѣ пособіе въ хозяйствѣ, а иногда и самое пропитаніе,» или «для пособія въ производимой промышленности,» по-

ставляя высшую степень образованности только въ знаніи первыхъ правилъ арифметики да въ умѣньи читать и писать. (Журн. мин. нар. просв. 1865. № 10, стр. 126—127). Этотъ взглядъ на ученье высказывается, въ особенности мѣщанами, и нынѣ, по поводу учрежденія классическихъ гимназій. Непосредственно утилитарный взглядъ на просвѣщеніе составляетъ, можно сказать, характеристическую особенность умственнаго настроенія нашихъ рабочихъ и промышленныхъ классовъ. Они требуютъ знаній хлѣбныхъ, прямо необходимыхъ или полезныхъ въ ихъ промышленномъ быту, въ ихъ пропитаніи и домохозяйствѣ. Когда, въ 1864 году, осматривали народныя училища и изслѣдовали народное образованіе въ черниговской губерніи, то черниговскіе крестьяне, объясняя свое равнодушіе къ школамъ, отъ ученья прямо отговаривались тѣмъ, что оно „*хлібомъ не годуе*“ (Жур. мин. народ. просв. 1864, ч. CXXI, отд. III, стр. 75). Практически-полезнаго, прямо приложимаго къ жизни, промышленнаго образованія начинаютъ теперь требовать даже такія темныя простонародныя массы, какъ раскольничьи общества. Такъ раскольники, жители богатаго посада Клинцы, черниговской губерніи, владѣющіе многочисленными фабриками, заводами и мастерскими (всего до 150 и въ томъ числѣ до 13 суконныхъ фабрикъ), не довольствуясь первоначальнымъ обученіемъ, заявляютъ потребность болѣе серьезнаго, утилитарнаго, промышленнаго образованія для своихъ дѣтей. Общество выразило желаніе открыть училище, необходимое въ торгово-промышленномъ и фабрично-заводскомъ быту, не называя это училище ни уѣзднымъ, ни приходскимъ. Желаніе общества, въ лицѣ нѣкоторыхъ членовъ, формулировано въ оффиціальномъ представленіи такимъ образомъ, чтобы устроить трехклассное училище, въ которомъ преподавались бы: русскій языкъ, арифметика, географія, исторія и, сверхъ того, въ первомъ классѣ: краткія физико-химическія понятія, необходимыя въ примѣненіи къ ремесламъ и производствамъ, а во-второмъ и третьемъ классахъ совмѣстно: краткій обзоръ механическихъ производствъ: суконнаго, чулочнаго и т. д., и механическихъ фабрикацій: мыловаренной, свеклосахарной, стеклянной и другихъ. (Журн. мин. нар. просв. 1864, ч. CXXI, отд. III, стр. 87). Такимъ образомъ самъ народъ, выражая потребность утилитарнаго, естественно-научнаго образованія, открываетъ намъ тѣ стороны своихъ умственно-практическихъ потребностей, съ которыхъ нужно подходить къ нему съ просвѣщеніемъ, чтобы потомъ мало помалу ввести его въ область высшихъ естественно-научныхъ знаній.

Нужно начинать народное образованіе съ того, въ чемъ онъ самъ нуждается. Нужно сначала удовлетворить тотъ его умственный голодъ, который онъ самъ прежде всего чувствуетъ вслѣдствіе своей матеріальной бѣдности и промышленныхъ потребностей. Слѣдовательно, нужно начинать съ устройства школъ естественно-экономическихъ, промышленно-образовательныхъ, техническихъ.

Во-первыхъ, по крайней бѣдности большей части нашихъ рабочихъ классовъ и по неразвитости ремеслъ, у насъ крайне-необходимы первоначально-образовательныя ремесленныя школы для дѣтей отъ 6 до 10—12 лѣтъ, такъ какъ большая часть родителей, по бѣдности, не могутъ дать дѣтямъ и даже выждать полнаго курса научнаго образованія, а обыкновенно рано отбираютъ ихъ изъ школъ для домашнихъ работъ или для собственнаго пропитанія. Школы эти нужны какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ, только, разумѣется, съ такимъ распредѣленіемъ ремесленнаго обученія, какое наиболѣе сообразно съ будущими занятіями тѣхъ и другихъ и съ мѣстными потребностями. Въ этихъ училищахъ могли бы быть преподаваемы дѣтямъ, кромѣ русскаго языка и арифметики, во-первыхъ, точныя элементарныя понятія о природѣ, человѣкѣ и общежитіи, о самыхъ простыхъ, наглядныхъ предметахъ и явленіяхъ природы и обыденной жизни, хоть, примѣрно, въ предѣлахъ хорошей космографіи, только разумѣется, составленной какъ можно полнѣе, раціональнѣе и обдуманнѣе; во-вторыхъ, самыя нужныя въ общежитіи ремесла — портное мастерство, столярное, слесарство, сапожничество, пряденье и ткачество и т. п. Напримѣръ, въ частности, въ центральныхъ мануфактурно-промышленныхъ великорусскихъ губерніяхъ — ярославской, владимірской, костромской и другихъ, необходимы школы для ручного пряденья, особенно пока тамъ не распространено машинное льнопряденье. Въ Германіи, и при успѣхахъ машиннаго пряденья, учреждены также школы и для пряденья ручного. Доказано, что пряха, выучившаяся въ хорошо устроенной школѣ, прядетъ и скорѣе и лучше, нежели простая пряха, и можетъ потомъ заработывать гораздо болѣе послѣдней. При ремесленныхъ школахъ, разумѣется, должны быть и хорошія мастерскія. Необходимость такихъ первоначально-образовательныхъ, ремесленныхъ школъ видна уже изъ того, что въ олонецкой, напримѣръ, губерніи, при уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ уже заводятся подобныя ремесленныя школы. И дѣйствительно, множество отцовъ и матерей

изъ крестьянскаго и мѣщанскаго сословія, по своему экономическому состоянію, только и могутъ, а по своему крайнему разумѣнію только и желаютъ или находятъ нужнымъ дать своимъ дѣтямъ такое первоначальное ремесленное обученіе. Имъ нужно, чтобы дѣти ихъ прежде всего знали какое нибудь ремесло и могли бы потомъ сами собою честно трудиться, промышлять необходимыя средства жизни и жить обезпеченно, а во-вторыхъ, нужно, чтобъ дѣти ихъ умѣли хорошо писать, читать и умно вести хозяйственное счетоводство, а также здраво, разумно, понимать и объяснять самые обычные, всѣмъ бросающіеся въ глаза предметы и явленія природы и общежитія. На первой порѣ и это все же лучше, чѣмъ ничего. Талантливыя дѣти, возбужденныя такимъ элементарнымъ образованіемъ, могутъ пойти и дальше. Необходимость такихъ элементарно-ремесленныхъ школъ теперь, кажется, ужь понимаетъ все наше рабочее простонародье. Большинство его даже предпочитаетъ такія школы гимназіямъ, въ особенности классическимъ. Одна умная и рабочая казачка въ Иркутскѣ, какъ мы лично слышали, весьма резонно критиковала нынѣшнюю иркутскую классическую гимназію, гдѣ учится ея сынъ, и прямо говорила, что латинь и греческій языкъ по-пустому убиваютъ время и силы у дѣтей, что еще французскій или нѣмецкій языкъ можетъ быть для нихъ полезенъ, такъ какъ, зная эти языки, они могли бы потомъ читать на нихъ нужныя книги, и что дѣтей ихъ — казачьихъ и мѣщанскихъ—полезнѣе бы было учить, сверхъ математики, естественной исторіи, физики и географіи и нужнымъ въ жизни ремесламъ. Такимъ образомъ, и по простонародному здравому смыслу, въ первоначальныхъ училищахъ не нужно отдѣлять общеобразовательное отъ спеціально-образовательнаго, ремесленнаго обученія.

Далѣе параллельно съ общеобразовательными гимназіями, намъ кажется, не лишни и даже необходимы у насъ, по всѣмъ губернскимъ городамъ, гимназіи или среднія учебныя заведенія съ чисто-реальнымъ направленіемъ; потому что ужь надоѣли жалобы, что у насъ нѣтъ своихъ, нерѣдко даже посредственныхъ или сколько-нибудь порядочныхъ технологовъ, машинистовъ, агрономовъ, скотоводовъ, рисовальщиковъ и управляющихъ для фабрикъ и заводовъ, мастеровъ и учителей мастеровыхъ и проч. Особенно ощутителенъ въ нихъ недостатокъ въ отдаленныхъ годахъ, — о селахъ ужь нечего и говорить. Вмѣсто того, у насъ есть только на фабрикахъ и заводахъ жалкіе самоучки, пропс-

ходящіе изъ фабричнаго и заводскаго рабочаго простонародья, такъ называемые кустарники — мелкіе заводчики, домостроевскіе бародачи-фабриканты, до-петровскіе кожемяки, скорняки и т. п. Рабочіе на фабрикахъ и заводахъ большею частію не умѣютъ даже обращаться съ машинами. Между тѣмъ, и въ промышленномъ простонародьи нерѣдко являлись и являются замѣчательно-способные самоучки — химики, механики, техники и проч., въ родѣ механика Кулибина, химика Власова, механика Соболева, техника Кукина и др. И они являются вслѣдствіе крайней необходимости, неотложно требующей образованныхъ дѣятелей. И эти самоучки постигали въ нашей промышленности недостатокъ раціональныхъ операцій. Напримѣръ, самоучка-изобрѣтатель, петербургскій мѣщанинъ Кукинъ, для изученія кожевеннаго производства осматривавшій заводы въ Петербургѣ, Казани и Иркутскѣ, остался недоволенъ отдѣлкою кожи русскими мастерами и рѣшился самъ усовершенствовать русское кожевенное производство, въ чемъ, сколько могъ безъ раціональной технологіи, и успѣлъ послѣ разныхъ опытовъ. Вотъ потому-то и нужны среднія техническія или промышленныя учебныя заведенія, параллельныя съ общеобразовательными гимназіями. Изъ нихъ могли бы выходить технологи, машинисты, агрономы, скотоводы, фабрично-заводскіе мастера, управляющіе, колористы, землемѣры и чертежники, и проч., и были бы все же посмышленѣе и поразвитѣе, чѣмъ наши доморощенные самоучки—кустарники. Они могли бы распространять по провинціямъ фабрично-заводскія и ремесленныя производства, на первой порѣ, хоть средней цѣны и доброкачественности, и такимъ образомъ, расширяя производство необходимыхъ домашнихъ предметовъ и издѣлій, увеличивая ихъ количество на народныхъ ярмаркахъ, базарахъ и торгахъ, могли бы улучшать и увеличивать удобства народной домашней жизни. Во-вторыхъ, при крайней бѣдности нашихъ рабочихъ классовъ, большинство ихъ дѣтей, особенно въ отдаленныхъ провинціяхъ, не имѣютъ возможности получать высшее экономическое или техническое образованіе въ какомъ нибудь спеціальномъ техническомъ заведеніи, напримѣръ въ агрономической академіи, въ технологическомъ институтѣ и т. п. Между тѣмъ, весьма многіе вполнѣ способны получить хоть какое нибудь естественно-научное техническое образованіе, чтобы потомъ дополнять и увеличивать свои знанія путемъ практическихъ занятій, въ собственномъ раціональномъ хозяйствѣ, или на фабрикахъ и заводахъ. Почему же не дать имъ возможность

пойдти хоть средней дорогой полезнаго промышленнаго самообразованія и самообезпеченія. И судя по теперешнему экономическому состоянію нашего рабочаго народонаселенія, судя по его наибольшей расположенности къ такъ называемому хлѣбному ученью,— навѣрное можно сказать, что бѣдное рабочее простонародье, на первыхъ порахъ, скорѣе стало бы отдавать своихъ дѣтей въ реальныя, техническія, промышленно-образовательныя гимназіи или училища, чѣмъ въ нынѣшнія общеобразовательныя, гдѣ покуда скорѣе могутъ находить мѣсто дѣти людей зажиточныхъ и богатыхъ. Вотъ по всѣмъ этимъ соображеніямъ и оказываются у насъ необходимыми среднія техническія или промышленно-образовательныя, учебныя заведенія, параллельныя съ общеобразовательными гимназіями, такъ чтобы вполнѣ возможенъ былъ въ то же время свободный переходъ изъ однихъ въ другія. Гимназіи эти, кажется, удобнѣе могли бы быть раздѣлены не на классы, которые должно было бы проходить всѣ по порядку, какъ теперь въ гимназіяхъ, но на различные отдѣлы или факультеты промышленные, только съ нѣсколькими, общими для всѣхъ отдѣловъ или факультетовъ, общеобразовательными предметами. Въ каждый изъ этихъ факультетовъ воспитанники могли бы поступать по собственному выбору и кончать курсъ безъ опредѣленнаго срока, а свободно, смотря по своимъ успѣхамъ или по достаточномъ и основательномъ усвоеніи всѣхъ предметовъ избраннаго отдѣла или факультета. Общая идея организаціи такихъ техническихъ или промышленныхъ учебныхъ заведеній, приблизительно, можетъ быть такая. Во всѣхъ этихъ заведеніяхъ, общіе, для всѣхъ отдѣловъ или факультетовъ обязательныя: математика, физика, главныя основанія химіи, космографія въ связи съ геологіей, географіей и краткой исторіей, физіологія съ краткой анатоміей, гигіена съ краткой медицинской географіей и статистикой, и т. п. Предметы эти могли бы слушать или воспитанники каждаго факультета отдѣльно, если это возможно по мѣстному составу естественнонаучно-экономической гимназіи, по числу факультетовъ и учителей въ ней, или воспитанники всѣхъ факультетовъ вмѣстѣ, если это будетъ возможно по мѣстной организаціи гимназіи, по ограниченному составу факультетовъ и по числу учителей. Наконецъ, воспитанники, не успѣвшіе усвоить вполнѣ общихъ наукъ въ одинъ курсъ, могутъ слушать эти предметы вновь до окончательнаго и полнаго усвоенія ихъ и до поступленія въ тотъ или другой спеціальный технической отдѣлъ или факультетъ. Число и предметы естественно-экономическихъ факуль-

тетовъ въ разныхъ провинціальныхъ гимназіяхъ могутъ и даже должны быть, на первой порѣ, различныя, смотря по мѣстнымъ экономическимъ условіямъ и потребностямъ. Въ нѣкоторыхъ, напримѣръ, среднихъ промышленно-образовательныхъ заведеніяхъ или гимназіяхъ могутъ быть такіе отдѣлы или факультеты: I. Факультетъ земледѣльческій; въ немъ могутъ быть преподаваемы, при вышеупомянутыхъ общеобразовательныхъ наукахъ, спеціальные предметы: земледѣльческая химія, геогнозія, климатологія и метеорологія, физіологія и географія растеній, преимущественно культурныхъ, и практическое упражненіе или руководство въ приложеніи этихъ наукъ къ агрономіи, къ акклиматизаціи новыхъ полезныхъ видовъ растеній, къ искуственному разведенію растеній питательныхъ, фабричныхъ, медицинскихъ и т. п. II. Факультетъ или отдѣлъ скотоводческій; въ немъ спеціальные предметы всѣ зоологическія и ветеринарныя науки, въ частности—анатомія, физіологія, гигіена и географія животныхъ и практическое руководство къ раціональному разведенію скота, къ акклиматизаціи новыхъ полезныхъ видовъ, къ ветеринаріи и т. п. Общеобразовательные предметы тѣ же. III. Отдѣлъ или факультетъ фабрично-заводскій. Въ немъ, при тѣхъ же общеобразовательныхъ предметахъ, спеціальные: техническая химія, ученіе о промышленныхъ или фабрично-заводскихъ продуктахъ трехъ царствъ природы, — и практическое примѣненіе этихъ знаній къ различнымъ или только къ нѣкоторымъ фабрично-заводскимъ производствамъ, смотря въ особенности по мѣстнымъ промышленнымъ условіямъ. IV. Факультетъ механическій; въ немъ, кромѣ указанныхъ общеобразовательныхъ предметовъ, спеціально излагались бы: математика и механика, и практически показывалось бы устройство машинъ, начиная съ простыхъ ручныхъ инструментовъ и орудій до болѣе сложныхъ машинъ, въ особенности необходимыхъ въ мѣстной промышленности, и т. д. Мы указали только примѣрно на эти четыре отдѣла или факультета среднихъ техническихъ или промышленно-образовательныхъ заведеній. Въ различныхъ мѣстныхъ, провинціальныхъ, естественно-экономическихъ гимназіяхъ число и составъ факультетовъ, какъ мы сказали уже, могутъ и должны быть различные, смотря по мѣстнымъ промышленнымъ потребностямъ. Напримѣръ, отдѣлъ фабрично-заводскій или мануфактурный, на первой порѣ, наиболѣе умѣстенъ былъ бы, съ особенными мѣстными примѣненіями и варіаціями, въ центральной мануфактурно-промышленной полосѣ, сосредоточенной между Волгою или Окою, а также въ столицахъ и другихъ фабрич-

но-заводскихъ городахъ; отдѣлъ скотоводческій—въ южной Россіи и Сибири, и т. п. Потомъ, въ различныхъ мѣстностяхъ могутъ быть свои мѣстные или новые факультеты, смотря по преобладающимъ мѣстнымъ промышленнымъ запросамъ. Напримѣръ, особый отдѣлъ или факультетъ металлургическій въ мѣстностяхъ, характеризующихся спеціальнымъ производствомъ издѣлій металлическихъ, кузнечныхъ и т. п., какъ напримѣръ въ селѣ Павловѣ, если бы тамъ устроилась техническая гимназія, въ Екатеринбургѣ, на Алтаѣ; отдѣлъ или факультетъ животно-фабричный, растительно-фабричный или химико-фабричный, смотря потому, преобладаетъ ли въ извѣстной мѣстности фабрикація животныхъ, или растительныхъ, или химическихъ продуктовъ; отдѣлъ льняно-промышленный, напримѣръ, въ ярославской, костромской и другихъ губерніяхъ, и т. д. Такъ какъ изъ 20 или болѣе нашихъ главныхъ отраслей промышленности, каждая, по мѣрѣ развитія и въ силу раздѣленія труда, можетъ распадаться на много вѣтвей, подобно тому, какъ напримѣръ въ Парижѣ изъ 325 отраслей промышленности до 17 занимаются пищей, 21 домоустройствомъ, 32 мебелью, 21 одеждой, 36 пряденьемъ и ткачествомъ, 33 химическими и гончарными работами, 35 благородными металлами и ювелирствомъ, 27 книгопечатаньемъ и гравированьемъ и т. д.,—то понятно, что для наибольшей успѣшности и производительности промышленнаго труда и развитія, во всѣхъ вмѣстѣ техническихъ заведеніяхъ, можетъ быть столько же промышленно-образовательныхъ факультетовъ или отдѣловъ, сколько можетъ быть промышленныхъ отраслей, только въ мѣстныхъ техническихъ гимназіяхъ факультеты или отдѣлы эти могутъ быть различные, и по предметамъ и по числу, смотря по мѣстнымъ экономическимъ условіямъ и потребностямъ. Наконецъ надобно, чтобы во всѣхъ другихъ естественно-научно-экономическихъ или техническихъ заведеніяхъ обращаемо было особенное вниманіе на практическое изученіе той или другой отрасли промышленности, наприм. посредствомъ фермъ, мастерскихъ, зоологическихъ и ботаническихъ садовъ и рощей, посредствомъ командировки съ учителями на фабрики и заводы, на ярмарки и рынки, на промышленныя выставки и т. п.

Наконецъ параллельно съ высшими общеобразовательными заведеніями—университетами и академіями—особенно необходимы и высшія спеціально-экономическія, промышленно-образовательныя заведенія.

Въ нихъ могли бы поступать желающіе изъ среднихъ промыш-

ленно-образовательныхъ, техническихъ училищъ или гимназій. Но если бы и не было этихъ среднихъ экономическихъ училищъ,—то все-таки въ высшія раціонально-экономическія учебныя заведенія могли бы поступать воспитанники общеобразовательныхъ гимназій и университетовъ, для того, чтобы здѣсь научиться хлѣбному промыслу и, на основаніи высшаго экономическаго естествознанія, сдѣлать что нибудь полезное или даже новое въ промышленной сферѣ соціальнаго развитія. Надо же, и пора же вызывать намъ своихъ Либиховъ для земледѣлія, своихъ Бакуеллей и Коллинсовъ для скотоводства, своихъ Уаттовъ, Аркрайтовъ и Брёнфо для промышленной механики, своихъ Ашаровъ въ технологической культурѣ, и т. д. Разнообразныя техническія академіи могли бы служить лучшими разсадниками такихъ дѣятелей. Эти высшія промышленно-образовательныя заведенія, а равно и факультеты ихъ, могутъ быть такъ же разнообразны, какъ разнообразны различныя области экономіи природы, или какъ многоразличны главныя, основныя сферы и потребности народнаго труда. Могутъ быть и необходимы, напримѣръ, академіи агрономическія, скотоводческія, технологическія или фабрично-заводскія, механическія, лѣсныя, морскія, горныя, архитектурныя, или въ частности зоолого-экономическія, минерально-промышленныя, и т. п. Каждая академія, смотря по составу или объему своихъ спеціально-промышленныхъ предметовъ, можетъ состоять изъ нѣсколькихъ факультетовъ, такъ какъ по принципу раздѣленія труда и по возрастающей многосложности промышленныхъ отраслей, операцій и производствъ, одинъ человѣкъ не можетъ взяться за все, напримѣръ, въ области агрономіи и акклиматизаціи, въ области машиннаго производства, въ области скотоводства, въ сферѣ горной экономіи и т. д. При томъ же и возможность наибольшей производительности, наибольшаго совершенствованія и прогресса промышленныхъ работъ, операцій и производствъ требуетъ раздѣленія умственнаго труда, спеціализаціи умственныхъ силъ и работъ. Равнымъ образомъ каждый факультетъ можетъ состоять изъ нѣсколькихъ курсовъ, смотря по объему его предметовъ. Въ различныхъ мѣстностяхъ, смотря по мѣстнымъ экономическимъ условіямъ и потребностямъ, промышленно-образовательныя академіи могутъ и даже должны быть различныя, особенно на первой порѣ. Наконецъ при всѣхъ академіяхъ не лишни и даже необходимы факультеты или классы общеприготовительные, такъ какъ много можетъ быть такихъ слушателей, которые не получили предварительно надлежащей подготовки въ среднихъ про-

мышленно-образовательныхъ училищахъ или въ общеобразовательныхъ гимназіяхъ и университетахъ. Такимъ образомъ, напримѣръ, могутъ и должны быть устроены по провинціямъ, во-первыхъ, земскія *агрономическія академіи*. Въ нихъ прежде всего можетъ быть факультетъ обще-приготовительный, общій для всѣхъ вступающихъ, или въ частности для неприготовившихся достаточно въ среднихъ техническихъ или въ обще-образовательныхъ заведеніяхъ. Общими предметами въ агрономическихъ академіяхъ, примѣрно, могутъ быть: математика, механика, физика, космографія, химія органическая и неорганическая, геологія и геогнозія, климатологія и физическая географія, ботаническая физіологія, анатомія, географія и геологическая и естественная исторія растеній, въ особенности культурныхъ, въ связи съ краткой исторіей земледѣлія, общая гигіена въ связи съ медицинской географіей и статистикой, и другіе предметы, необходимые для развитія образованныхъ общественныхъ дѣятелей-агрономовъ. Прослушавши весь этотъ курсъ наукъ, или кому какія особенно нужны для избираемой агрономической спеціальности,—воспитанники могутъ затѣмъ избирать спеціальные факультеты агрономическихъ академій, смотря по подготовкѣ, способностямъ и склонностямъ. Факультеты въ агрономическихъ академіяхъ могутъ быть организованы или по главнымъ отраслямъ агрономіи—хлѣбопашеству, травосѣянью, огородничеству, садоводству, луговодству и проч., или же такимъ образомъ: 1) Факультетъ собственно земледѣльческій: въ немъ предметы: химія, въ приложеніи къ земледѣлію и физіологіи растеній, геогнозія, климатологія или метеорологія, въ особенности въ отношеніи культурныхъ растеній, физіологія и географія земледѣльческихъ растеній, и потомъ спеціально—хлѣбопашество, травосѣяніе, луговодство, огородничество, садоводство, разведеніе растеній питательныхъ или кормовыхъ, медицинскихъ, фабричныхъ и т. п. 2) Факультетъ ботанико-акклиматизаціонный; въ немъ, между прочимъ, спеціальными предметами могутъ быть: физическая географія и климатологія, геогнозія и химія—въ приложеніи къ раціональному, искуственному растеніеводству, физіологія, анатомія и географія новыхъ, подлежащихъ акклиматизаціи, видовъ растеній, и практическое занятіе въ ботаническихъ и акклиматизаціонныхъ садахъ и фермахъ акклиматизаціонныхъ растеній, разведеніемъ новыхъ видовъ растеній питательныхъ, лекарственныхъ, фабричныхъ и проч. 3) Факультетъ агрономо-механическій, гдѣ предметы: математика, механика, физика, ученіе о механическихъ способахъ осушенія болотъ, осушенія и

орошенія полей и луговъ, дренажа, ирригаціи и проч., и въ частности ученіе объ устройствѣ и употребленіи земледѣльческихъ машинъ, орудій и проч. При первыхъ двухъ факультетахъ должны быть земледѣльческія фермы, поля, огороды, зоологическія и ботаническія сады и рощи; при третьемъ — механическія заведенія, мастерскія или машинныя фабрики, кузницы и т. п. Студенты могутъ оставаться въ каждомъ курсѣ избраннаго ими факультета столько лѣтъ, сколько нужно для основательнаго ознакомленія ихъ съ избранными ими предметами агрономической спеціальности. Подобнымъ же образомъ могутъ быть организованы *академіи скотоводческія*.

Далѣе точно также могутъ быть устроены *академіи технологическія или фабрично-заводскія*. Въ нихъ общія предметы: математика, механика, физика, космографія, геогнозія, технологическая химія, минералогія, ботаника, зоологія, гигіена въ связи съ медицинской географіей и статистикой и въ частности примѣнительно къ быту фабрично-заводскихъ рабочихъ. Изъ этихъ академій студенты должны быть командированы для практическихъ упражненій и наблюденій на фабрики и заводы, на промышленныя выставки и проч. При нихъ должны быть химическія лабораторіи и всѣ необходимыя техническія заведенія.

Спѣшимъ предупредить читателя, что мы, вовсе не обладая проэкторскими способностями, набросали этотъ планъ промышленно-образовательныхъ училищъ вовсе не съ тою цѣлью, чтобы представить для подобныхъ учебныхъ заведеній именно такой, а не другой планъ. Дѣло, какъ всякій знаетъ, вовсе не въ проэктахъ и планахъ, а въ самой сущности. Ужь скроилось бы, только было бы изъ чего кроить. Планъ выработаетъ жизнь, лишь бы созрѣла общественная энергія и раскошелились общественные карманы на великое дѣло учрежденія такихъ учебныхъ заведеній. Мы и проэктъ-то свой чертимъ собственно изъ-за того и для того, чтобы только нагляднѣе развить и выразить предъ обществомъ идею о настоятельнѣйшей необходимости, у насъ покрайней мѣрѣ, однихъ низшихъ и высшихъ экономически-образовательныхъ заведеній, идею, еще далеко несозрѣвшую и нераспространившуюся достаточно въ обществѣ. Доселѣ мы ни въ одной отрасли промышленности не внесли въ европейскую или въ обще-человѣческую экономію ни одного замѣчательнаго изобрѣтенія или открытія. Мы, по выраженію Уатта, «хищники въ наукахъ и искусствахъ». Соціально-экономическая интеллигенція наша до того не развита, что Уаттъ же, когда

его правительство наше приглашало въ Россію приложить свое всемірное открытіе, убоялся нашей темени и дичи и назвалъ наше любимое отечество «страной медвѣдей». Тамъ, на западѣ, великія механическія изобрѣтенія давно уже заставили физическія силы работать на фабрикахъ и заводахъ, въ городахъ и деревняхъ, въ арсеналахъ и мануфактурахъ, въ рудникахъ, въ подземныхъ работахъ и на поверхности земли, на рѣкахъ, каналахъ и моряхъ, и такимъ образомъ громаднымъ образомъ увеличили власть человѣка надъ вещественнымъ міромъ, производительность человѣческаго труда и экономію рабочихъ силъ человѣческихъ. Благодаря вертящимъ цилиндрамъ престонскаго цирюльника Аркрайта, тамъ въ одномъ ланкастерскомъ графствѣ, на мануфактурахъ миткаля, употребляютъ ежегодно такое количество нитокъ, какого не могутъ напрясть 21 или даже 25 милліоновъ нашихъ ярославскихъ пряхъ. На однихъ механическихъ прядильняхъ, Уаттъ и Аркрайтъ, вмѣсто прежнихъ 50 тысячъ ручныхъ прядильщиковъ, дали работу и хлѣбъ полутора милліонамъ работниковъ. Тамъ Добантоны, Уатты, Бакуелли и др. давно уже дали скотоводству въ подборѣ родичей тотъ «магическій жезлъ», которымъ создаются новыя формы и новыя породы домашнихъ животныхъ, а Булен, Мана развиваютъ его на прочныхъ, раціональныхъ началахъ естествознанія. Тамъ Юнги, Маршаллы, Мидлетоны, Диксоны, Синклеры, вмѣстѣ съ Бакуеллями и Коллинсами, вопреки Мальтусовой теоріи, съ возрастаніемъ народонаселенія, увеличиваютъ и запасъ питательныхъ матеріаловъ, такъ что, напримѣръ, гектаръ, дававшій прежде въ годъ мяса среднимъ числомъ около 88 фунтовъ, теперь при разведеніи на немъ кормовыхъ растеній производитъ до 400 фунтовъ, и вѣсъ простого мяса, съ 1710 до 1845 года, вслѣдствіе плодоперемѣнной системы, искуственнаго травосѣянія и раціональнаго скотоводства, возвысился у быка съ 370 ф. до 800 фунтовъ, у теленка съ 50 до 140 фун., у овцы съ 28 до 89 фунтовъ. Тамъ давно уже химически создаютъ плодородіе почвы и обиліе пищи, камни превращаютъ въ хлѣбородную почву и 1 десятину земли заставляютъ давать пищу болѣе чѣмъ на 100 человѣкъ. Благодаря естествоиспытательному генію, уже при нынѣшнемъ развитіи земледѣльческаго искусства есть такіе сѣвообороты, которые даютъ продуктовъ въ 10 и болѣе разъ противъ нашего рутиннаго трехпольнаго хозяйства, 100 десятинъ даютъ пищу для 1160 человѣкъ, или каждая квадратная миля, какъ напримѣръ въ Бельгіи, дастъ питательныхъ средствъ среднимъ числомъ на 7345 человѣкъ, тогда какъ у насъ

много что на 2000 челов., и урожай тамъ, напримѣръ въ Англіи, доходитъ до самъ — 11, а у насъ только самъ — 2 или самъ — 3. Однимъ словомъ, естественныя знанія составляютъ уже на западѣ могучую творческую, преобразовательную и династически-двигательную силу въ сельскомъ хозяйствѣ, на фабрикахъ и заводахъ и во всѣхъ отрасляхъ промышленности. Остается только ждать, когда естествознаніе проникнетъ въ европейскія рабочія ассоціаціи, земледѣльческія и промышленныя, соединитъ ихъ прочнымъ, неразрывнымъ цементомъ въ одно мощное соціальное тѣло.

И вѣроятно это скоро совершится на западѣ; рабочія, земледѣльческія и промышленныя ассоціаціи облекутся во всеоружіе естествознанія, подъ руководствомъ своихъ геніальныхъ представителей, и возьмутъ въ свои руки естественно-научныя ключи отъ богатыхъ кладовыхъ и мастерскихъ экономіи природы, и тогда, по выраженію Арго, геній, увеличивающій наши силы, творящій новые предметы, низведетъ удобства жизни отъ богачей въ массу народа. Какъ бы то ни было, а ужь и теперь задатки этого всемірнаго переворота тамъ уже существуютъ, а у насъ что есть? Когда явятся у насъ свои Уатты, Аркрайты, Бренфо? Когда явятся у насъ такіе могучіе вызыватели силъ природы, которые бы, подобно Лавуазье, Буненго, Либиху, химически создавали изобильные урожаи на каменистыхъ глыбахъ земли, или, напримѣръ, гектаръ земли, дающій въ естественномъ состояніи только 115,0 килограммовъ ржаного зерна, заставляли производить до 654,2 килограммовъ того же зерна, удобривши его, напримѣръ, 525 килограмами фосфорита? Когда явятся и распространятся въ нашемъ народѣ подобные естествоиспытатели, творцы и производители? Навѣрное можно сказать, что такихъ производителей, такихъ дѣятелей въ экономіи природы русской земли мы не дождемся, пока у насъ не будетъ, по провинціямъ, среднихъ и высшихъ естественно-научно-промышленныхъ училищъ и академій.

А такіе люди между тѣмъ у насъ въ настоящее время нужны до крайности. Высокіе идеалы понятны и питательны только для развитаго, мыслящаго меньшинства, гдѣ нибудь въ Питерѣ, въ средоточіи самой лучшей мыслящей молодежи. А огромнымъ массамъ рабочаго населенія, этимъ, такъ сказать, твердокожимъ, грубымъ, закалившимся въ черныхъ страдныхъ работахъ, на жару и на морозѣ, по дорогамъ и въ поляхъ, на фабрикахъ и заводахъ, въ болотѣ и тундрѣ, въ питерскихъ и московскихъ подвалахъ, въ ходебщинѣ и бурлачествѣ,—массамъ, полнымъ грубаго скептицизма

и невѣрія въ идеальное будущее,—имъ нужно другое, реальнѣйшее, наиболѣе ощутительное, *вещественное* поученіе и убѣжденіе. И онѣ ждутъ своихъ просвѣтителей, которые должны указать имъ на болѣе благодарный трудъ, облегчить ихъ страданія и приготовить будущимъ поколѣніямъ болѣе сносное будущее.

И поле дѣятельности, самой живой и полезной, для этихъ новыхъ миссіонеровъ реальнаго знанія—самое обширное. Вотъ горюютъ, напримѣръ, мужики, вымираютъ и бѣдствуютъ ихъ семейства отъ неурожаевъ, происшедшихъ вслѣдствіе истощенія почвы и неразумной системы полеводства. Идите, молодые люди, сотворите передъ ними реальное чудо естествознанія; откройте и докажите имъ на пашнѣ и жатвѣ крестьянской ту великую истину, или ту творческую силу земледѣльческой химіи и агрономіи, по которой 1 десятина земли даетъ пшеничнаго хлѣба больше чѣмъ на 100 человѣкъ, урожай возвышается съ самъ—2 или съ самъ—3 до самъ—11 и болѣе, или гектаръ земли, вмѣсто 115,0 даетъ 654,2 килограм. ржаного зерна, и т. п. Вы на самомъ опытѣ убѣдите мужиковъ и заставите ихъ—отдать всѣхъ дѣтей въ науку химіи и агрономіи. Мучатся мужики на пашнѣ, сквозь слезы припѣвая: «ну, тащися, сивка, пашней десятиной,» а клячи не везутъ, не орутъ; горюютъ мужики и бабы, что скотъ у нихъ измелчалъ, выродился, и тотъ весной наповалъ валится; нѣтъ ни молока, ни мяса даже въ мясоѣдъ; не несутся даже и жалкіе курицы; около 15 рабочихъ дней въ году мужикъ теряетъ въ болѣзняхъ и разслабленіяхъ, отъ того, что онъ питается однимъ ржанымъ хлѣбомъ съ квасомъ, да какими-нибудь постными щами, капустой, рѣдькой, картофелемъ, вообще растительной пищей. Вотъ идите, молодые натуралисты, и коллективнымъ естественно-научнымъ трудомъ сотворите передъ крестьянами чудо естественно-научнаго творчества питательныхъ жизненныхъ средствъ; практически покажите имъ, напримѣръ, въ началѣ подбора родичей, по выраженію знаменитаго англійскаго знатока сельско-хозяйственной науки о животныхъ, Іоуетта, «тотъ магическій жезлъ, посредствомъ котораго хозяинъ можетъ вызвать къ жизни всякую форму, какую захочетъ», можетъ передѣлать все свое стадо такъ, какъ ему нужно; обратите въ глазахъ мужиковъ тощее животное въ жиръ, на подобіе лейчестерскаго борова, или совершенно въ кости и мускулы, какъ дургамскаго быка, обратите барана въ мясо вѣсомъ до 250 ф., или выродившуюся породу русскихъ клячъ преобразите въ бакуеллевыхъ елефантовидныхъ скакуновъ и т. п.; раскройте, покажите мужикамъ на дѣлѣ ту, напри-

мѣръ, простую естественную истину, давно уже дознанную во Франціи и Англіи, что фуражъ съ 1 гектара даетъ среднимъ числомъ въ годъ на естественныхъ пастбищахъ только 88 фунтовъ мяса, а, при разведеніи на томъ же гектарѣ кормовыхъ растеній, производитъ до 400 фунтовъ мяса, что при плодоперемѣнной системѣ вѣсъ быка съ 370 фунтовъ возвышается до 800 фунтовъ, вѣсъ теленка съ 50 до 140 ф., вѣсъ овцы съ 28 до 80 фунтовъ. Покажите, сотворите подобныя естественно-научныя чудеса увеличенія питательныхъ средствъ. Вы научите, магически убѣдите мужиковъ,—и они скоро увѣруютъ въ такія науки, какъ, напримѣръ, физіологія, зоологія, и вообще раціональное скотоводство, и захотятъ, чтобы дѣти ихъ изучали эти науки и другія, необходимыя для раціональнаго скотоводства. Прибавивши такимъ образомъ мяса, прибавивши пшеничнаго хлѣба въ народномъ потребленіи, и раскрывши передъ глазами и ушами мужиковъ убѣдительнѣйшимъ опытомъ весь естественно-научный секретъ этой прибавки самыхъ существенныхъ матеріаловъ,—вы уже прибавите рабочему народу не только мускульныхъ, но и мозговыхъ силъ, и въ то же время начертаете и практически передадите ему хоть альфу естественно-научнаго ученья, особенно если при этомъ мало по малу объясните если не отцамъ, то дѣтямъ, въ сельскихъ школахъ, и ученіе о пищеваренІи и физіологическомъ значеніи пищи и ея различныхъ типовъ. Потомъ, идите дальше; практически показывайте такое же естественно-научное творчество въ гигіеническомъ и техническомъ устройствѣ и преобразованіи жилищъ, въ естественно-научно-гигіеническомъ производствѣ ихъ отопленія, освѣщенія и вентиляціи, въ разведеніи садовъ и рощей съ гигіеническими и педагогическими цѣлями, и т. п. Пройдетъ немного времени, и крестьяне или вообще рабочіе классы, видя пользу вашихъ улучшеній и нововведеній на опытѣ, навѣрное скорѣе всякихъ книжныхъ наставленій послѣдуютъ вашему практическому ассоціаціонному примѣру. А дѣтямъ ихъ вы ужь въ школахъ объяснили бы, почему вы жилыя комнаты строите, напримѣръ, не ниже 9 футовъ, по объему воздуха не менѣе напримѣръ 200 футовъ, а спальни для двухъ кроватей не менѣе 120—150 кв. фут., а также что̀ за секретъ процесса отопленія, освѣщенія и вентиляціи жилищъ, и т. д. Такимъ образомъ еще былъ бы шагъ впередъ и въ гигіеническомъ и умственномъ развитіи огромнаго населенія, въ предрасположеніи его къ естественно-научному образованію. И такъ далѣе можно идти съ практической пропагандой естественно-научнаго реализма, по всѣмъ

сферамъ домашняго и промышленнаго быта народа. Такъ да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣками, и увидятъ ваши добрыя дѣла, и познаютъ святую истину естествознанія. А дѣла въ самомъ дѣлѣ кругомъ бездна. Жатва многа, только дѣлателей мало, даже нѣтъ. Проѣзжайте по провинціямъ Россіи и посмотрите. Вся естественная экономія русской земли такъ нестройно, грязно, нераціонально завалена, загромождена этими 678 острожно-казарменными, гильдейско-цеховыми городами и городишками, этими безхарактерными, грязными, темными 1312 мѣстечками, этими улусообразными, грязными, полуразвалившимися, косыми, кривыми, соломенными, курными, березовыми, дерновыми и всякими 305,439 селами, деревнями и деревнюшками. И это, вѣдь, суть, главное содержаніе Россіи, ради котораго существуетъ и самый Питеръ. Тутъ живутъ тѣ 40 милліоновъ, которые кормятъ насъ хлѣбомъ, охраняютъ солдатами, обстраиваютъ домами и проч., которые имѣютъ своихъ представителей и въ Питерѣ, въ числѣ до 300,000, въ качествѣ питерщиковъ—плотниковъ, каменщиковъ, хлѣбниковъ, трактирщиковъ и проч., и ради которыхъ разнаго рода «пишущіе только лукавство пишутъ». Какой это обширный міръ сырья, нетронутаго чернозема, какая это полоса непаханая, необороненая! Какою описывалъ Мордвиновъ Россію за 40 лѣтъ, такою же она, какъ тихое, невозмутимое болото, стоитъ неподвижно и доселѣ. «Россія,— писалъ онъ, далеко еще отстоитъ отъ той высшей степени, на которую вступленіе сама природа ей указываетъ, и безъ достиженія коей благоденствіе многочисленныхъ народовъ ея не можетъ быть сочтено совершеннымъ. Земля ея, по роскошеству добротъ своихъ, готова порождать много, и ко всему способна, но плодородіемъ своимъ пользуетъ мало; въ нѣдрахъ ея скрываются богатства многія, но оныя остаются неиспытанными, и ожидаютъ еще попеченія и труда къ извлеченію ихъ изъ глубины земли на общую пользу; тучныя, но непроходимыя болота, цвѣтущія, но безплодныя степи, покрываютъ пространныя области, изведеніемъ коихъ изъ дикости и безобразнаго состоянія имперія получила бы новое и значительное приращеніе въ различныхъ имуществахъ многоцѣнныхъ. Великія протекаютъ въ Россіи рѣки, но отъ береговъ, простирающихся тысячами верстъ, несутъ онѣ къ исходамъ своимъ самую ограниченную часть произведеній, да и сія малая часть идетъ въ обмѣнъ чуждаго, во множествѣ привозимаго къ намъ издѣлія, которое, по превосходству цѣны, увлекаетъ отъ насъ денежные капиталы, и для собственнаго еще рукодѣлья и промышленности не-

достаточные. Рукодѣлья вездѣ еще въ младенческомъ состояніи; ремесла и художества занимаютъ малую только часть народа, желающаго трудиться, но лишеннаго полезныхъ для себя и для общества упражненій. Науки не обогатили еще всѣхъ сословій народа въ достаточной мѣрѣ тѣми знаніями, которыя къ земледѣлію, ремесламъ, художествамъ и къ торговлѣ относятся и даютъ произведеніямъ рукъ человѣческихъ совершенство. Въ городахъ обитаетъ скудость и скука; собственность въ зданіи ихъ не обезпечена, казенными постоями притѣснена, и страждущая часть жителей въ тюрьмахъ и одержимые болѣзнями не призрѣны въ той мѣрѣ, какой бы человѣколюбіе требовало. Сообщенія на сушѣ и на водахъ еще изрѣдка только устроены, мѣстами трудны и медленны; мѣстами преграждены и невозможны; обстоятъ трудъ и промышленность препинанія многія и останавливаютъ ихъ на путяхъ обогащенія. Народъ россійскій, способный ко всему, ревнующій отличить себя во всѣхъ родахъ издѣлій преодолѣваетъ многое, но многаго преодолѣть не можетъ. Что принадлежитъ въ особенности до казенныхъ поселянъ, то великая площадь, занимаемая въ россійскомъ государствѣ 12 милліоны сихъ мужскаго и женскаго пола людей, при настоящемъ положеніи у насъ сельскаго хозяйства, не можетъ не оставаться долго въ дикомъ и скудномъ состояніи. Тамъ, гдѣ сохою скребутъ землю не глубже, какъ на 4 пальца, гдѣ работаетъ скотъ малосильный,—всегда тощій, гдѣ паренина существуетъ, гдѣ урожаи даютъ отъ 3 до 4 зеренъ, гдѣ и на десятинѣ накашиваютъ 30 или много 50 пудовъ сѣна, гдѣ коровы питаются соломою, люди ѣдятъ хлѣбъ мякинной, конечно владыкѣ сихъ 12 милліоновъ душъ достаточнаго стяжанія отъ нихъ ожидать не можно. Нѣтъ на семъ великомъ удѣлѣ, составляющемъ 4-ю почти часть пространнаго россійскаго государства и могущемъ вмѣстить нѣсколько европейскихъ королевствъ, нѣтъ ни благоустроенныхъ усадьбъ, ни богатыхъ на нивахъ урожаевъ, ни добрыхъ коней, ни удобныхъ къ обработкѣ земли орудій, ни рукодѣльныхъ заведеній, ни обогащающихъ народъ промысловъ, ни сословія иного, кромѣ крестьянскаго, ни лицъ, могущихъ управлять, *ни лицъ могущихъ просвѣщать*, нѣтъ и начальныхъ даже учрежденій къ возрожденію впредь благоустройства. *Какое нелѣпообразное великой части имперіи состояніе!* Но въ сей дикости она и на вѣки остаться должна будетъ, если населяющіе ее 12 милліоновъ пахателей и пастуховъ, живя среди мховъ и дебрей, въ грубыхъ деревенскихъ хижинахъ, оставляемы будутъ безъ всякаго урядства и про-

свѣщенія ихъ во всемъ томъ, что потребно къ благоденствію народному», (Чтен. общ. ист. 1859 кн. I, отд. V, стр. 6—7, и 1860 кн. I, отд. V, стр. 31). Вотъ сколько дѣла представляетъ провинціальная Россія новымъ поколѣніямъ, работающимъ на поприщѣ естествознанія. Каждая провинція съ ея естественными данными или богатствами, каждая область естественной экономіи русской земли требуетъ людей съ обширными, глубокими и основательными знаніями, способныхъ изслѣдывать и открывать силы, законы и продукты мѣстной естественной экономіи, и требуетъ естественно-научно-развитыхъ дѣятелей, способныхъ изобрѣтать средства къ экономическому или промышленному осуществленію и приложенію мѣстныхъ естественно-научныхъ изслѣдованій и открытій. Каждая отрасль народной промышленности требуетъ глубокихъ и основательныхъ естественно-научныхъ знаній и искусныхъ дѣловыхъ рукъ. Однимъ словомъ, дѣла столько и оно такъ разнообразно, что отдѣльнымъ личностямъ большею частью даже не подъ силу. Нужны совокупныя, кооперативныя общественныя силы и труды. Слѣдовательно, нужны реально-образовательныя ассоціаціи, которыя должны бы были естественно организоваться изъ тѣхъ молодыхъ поколѣній, которыя выходили бы изъ среднихъ и высшихъ естественно-экономическихъ училищъ и академій, а также изъ общеобразовательныхъ гимназій и университетовъ. Да, только энергической и дѣятельной иниціативой такихъ ассоціацій можно начинать новый, раціональный и впередъ подвигающійся строй общества. Отсутствіе или недостатокъ капитала въ рукахъ молодого естественно-научно-развитого поколѣнія, намъ кажется, не можетъ быть непреодолимымъ препятствіемъ, или возраженіемъ и отговоркой. Въ Англіи зачинались же рабочія ассоціаціи съ самыхъ скромныхъ сбереженій двухъ-трехъ бѣдныхъ работниковъ, и потомъ, единственно силой внутренняго развитія, онѣ разростались въ обширныя ассоціаціи или учрежденія. Такова, напримѣръ, дѣятельность знаменитаго рочдэльскаго общества, такъ называемыхъ «Складовъ», кооперативныхъ мануфактуръ и т. д., уже имѣющихъ въ настоящую минуту обширную филіацію въ промышленныхъ округахъ Англіи. На первыхъ порахъ, вся задача ассоціацій—внести естественно-научный элементъ, положить прочный фундаментъ въ основу нормальнаго и здороваго развитія и разумнаго и справедливаго удовлетворенія каждой естественной потребности человѣческаго организма—индивидуальнаго и соціальнаго. Съ другой стороны, вся задача ассоціацій—установлять совокупными, кооперативными

силами раціональное, естественно-научное отношеніе интеллектуальныхъ и физическихъ рабочихъ силъ человѣка къ производительнымъ силамъ природы, установлять развитіе, гармонію между потребностями человѣка и производительностью естественной экономіи. Слѣдовательно, исходя изъ естественныхъ потребностей человѣка, естественно-экономическія ассоціаціи повсюду, во всѣхъ областяхъ естественной экономіи, могутъ находить для себя неограниченную естественно-научную работу и приложеніе. Для наиболѣе нагляднаго представленія идеи естественно-научно-экономическихъ ассоціацій, мы укажемъ нѣсколько промышленныхъ сферъ, гдѣ могли бы быть основаны такія ассоціаціи.

Возьмемъ, напримѣръ, первую потребность человѣка потребность пищи и жилища. Въ особой статьѣ мы будемъ говорить подробно о соціально-гигіеническомъ значеніи пищи, одежды и жилища и о вліяніи ихъ на физико-интеллектуальное развитіе народа. Здѣсь выскажемъ только мысль о полезныхъ въ этомъ отношеніи естественно-научно-производительныхъ ассоціаціяхъ. Ассоціаціямъ этимъ предстоитъ обширная дѣятельность не только съ цѣлію раціонализированія и усовершенствованія народнаго продовольственнаго и домохозяйственнаго быта, но и съ цѣлями соціально-гигіеническими. Имъ предстоитъ святая и великая обязанность обратить особенное вниманіе на народную домохозяйственную гигіену, распространять въ массахъ гигіенической элементъ, какъ такую же жизненную необходимость въ общественной физикѣ, какъ самое пропитаніе и все матеріальное обезпеченіе, пропагандировать идею соціальной экономіи рабочихъ силъ, идею гигіеническаго сохраненія здоровья и развитія здоровыхъ производительныхъ силъ. И вотъ, во-первыхъ, имъ предстоитъ много дѣла относительно гигіены народнаго продовольствія. Съ этою цѣлью могли бы основываться, напримѣръ, мужскія и женскія ассоціаціи раціональнаго приготовленія свѣжихъ и здоровыхъ жизненныхъ припасовъ, на подобіе англійскихъ и нѣмецкихъ потребительныхъ ассоціацій. Учредителями и членами ихъ могли бы быть преимущественно медики, химики, технологи, а также раціональные агрономы и скотоводы. Эти ассоціаціи могли бы вырабатывать и пропагандировать раціональныя, естественно-научныя правила приготовленія и сохраненія разныхъ съѣстныхъ припасовъ—животныхъ и растительныхъ, развивать и распространять въ народѣ гигіену питанія и пищи, технологію и химію кухни и т. п., изобрѣтать и распространять новые роды или типы питательной и здоровой пищи, изъ

непознанной еще естественной экономіи растительныхъ и животныхъ пищевыхъ веществъ, а также новые роды кушаній, въ родѣ либиховскаго супа для дѣтей, и т. д. Естественно-научное изысканіе въ экономіи природы новыхъ питательныхъ матеріаловъ и чрезъ то увеличеніе жизненныхъ средствъ народа необходимо, во-первыхъ, потому, что существованіе другихъ пищевыхъ веществъ, кромѣ хлѣба и мяса, могло бы гарантировать и обезпечивать народное продовольствіе, въ случаѣ неурожаевъ, недостатка хлѣба и мяса, а во-вторыхъ потому, что самъ народъ нашъ, по своему крайнему разумѣнію, инстинктивно изыскиваетъ въ экономіи природы новыя питательныя вещества. Такъ въ Забайкальи, буряты, тунгусы и русскіе, по примѣру инородцевъ, выходятъ цѣлыми семействами для собиранія въ горахъ луковицъ сараны (Lilium tenuifolium, Fisch) и запасаютъ ихъ на зиму въ довольно большомъ количествѣ, что при безхлѣбьи сильно поддерживаетъ ихъ существованіе. Инородцы изъ луковицъ сараны дѣлаютъ кашу; а отваренная въ водѣ и приложенная къ мясу, сарана, по словамъ Сельскаго, лучше каштановъ, нѣжнѣе и слаще, однимъ словомъ, луковицы сараны составляютъ отличное питательное растеніе, дознанное народомъ и вполнѣ достойное всеобщей извѣстности. Точно также татарскія племена на Алтаѣ собираютъ на запасъ нѣкоторыя коренья и употребляютъ ихъ въ пищу и вмѣсто чаю. Такимъ образомъ, и народная естественная, инстинктивная потребность вызывала бы желаніе молодыхъ дѣятелей изыскивать въ растительной и животной экономіи природы новые питательные матеріалы, и такъ какъ простой народъ, по отсутствію естественно-научнаго анализа и знанія, можетъ ошибиться въ выборѣ, распознаваніи и употребленіи дикихъ пищевыхъ веществъ, во вредъ своему здоровью,—то естественно-научныя ассоціаціи могли бы устранять это зло, химически изслѣдовать новыя пищевыя вещества, и питательныя и здоровыя изъ нихъ вводить въ народное потребленіе. Въ частности, гигіено-продовольственныя ассоціаціи могли бы значительно содѣйствовать между прочимъ распространенію и увеличенію въ нашихъ рабочихъ классахъ потребленія мяса — пищи, существенно необходимой для здороваго и мощнаго развитія народныхъ рабочихъ силъ. Извѣстно, что русскій народъ, не смотря на изобиліе пастбищъ и скотоводства, меньше всѣхъ европейцевъ потребляетъ мяса: у насъ приходится только 23 и самое большое 25 фунтовъ мяса на человѣка, тогда какъ въ Англіи, напримѣръ,

около $160^{3}/_{4}$ рус. ф., во Франціи около 48 ф., въ Пруссіи около $42^{2}/_{7}$, въ Баденѣ около $61^{9}/_{10}$ рус. ф., въ г. Берлинѣ 114 ф., въ Кобленцѣ 140, во Франкфуртѣ 152, въ Вѣнѣ 151, въ Парижѣ 118, и проч. Отъ такого сравнительно малаго потребленія мяса рабочій народъ нашъ, разумѣется, не мало лишается рабочихъ силъ и энергіи, частію вслѣдствіе недостаточнаго развитія мускулатуры, частію вслѣдствіе болѣзней. Потому что извѣстно по опыту, что рабочіе, въ продолженіе долгаго времени питавшіеся одною растительною пищею, круглымъ числомъ теряли въ году 15 дней, лечась отъ язвъ и другихъ болѣзней, тогда какъ, при мясной пищѣ, здоровье ихъ потомъ до такой степени поправлялось и укрѣплялось, что только три дня въ году приходилось на болѣзни. У насъ народъ мало потребляетъ мяса, между прочимъ отъ того, что многія мѣстности, вслѣдствіе недостатка пастбищъ, отсутствія плодоперемѣнной системы, разведенія кормовыхъ растеній и раціональнаго скотоводства, скудны скотомъ, особенно мѣстности, отдаленныя отъ южныхъ и юго-восточныхъ скотоводческихъ областей; а во-вторыхъ, не развито раціональное искусство соленія и копченія мясъ и не развита торговля соленымъ мясомъ, даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ все благопріятствуетъ ей. «Насъ всегда удивляло то,—замѣчаетъ Тенгоборскій,—что доселѣ нѣтъ ни отечественныхъ, ни иностранныхъ спекуляторовъ, ни промышленныхъ компаній, которыя предприняли бы оптовую торговлю солониною, учредивъ большія бойни и солильни или по близости портовъ Чернаго моря, или внутри Новороссіи. Повидимому, все должно благопріятствовать подобнымъ предпріятіямъ, ибо соль и мясо въ тѣхъ мѣстахъ дешевы. Еще удобнѣе былъ бы сбытъ произведеній скотоводства въ видѣ мясныхъ сухарей». (Тенгобор. 121). Въ образованныхъ и промышленныхъ государствахъ искусство соленія и копченія мясъ весьма усовершенствовано, и мясо говяжье и свиное, приготовляемое въ прокъ (соленое и копченое) съ давняго времени составляетъ значительную статью потребленія и отпуска. Сѣверо-американцы составили и обнародывали подробныя раціональныя правила, какъ мясо должно приготовлять, разрѣзывать, солить, сортировать, укладывать, беречь, закупоривать и отправлять. Нашъ народъ не знаетъ раціональнаго искусства соленія и копченія мясъ, и оттого большею частію не имѣетъ достаточнаго запаса мяса, питается больше растительною пищею, или ѣстъ мясо худое, протухлое, гнилое, вонючее, нерѣдко даже съ червями, въ особенности лѣтомъ. Поэтому ассоціаціи потребительныя или продоволь-

ственныя, ассоціаціи раціональнаго заготовленія здоровыхъ и питательныхъ средствъ жизни могли бы, между прочимъ, съ большою пользою заняться приготовленіемъ и распространеніемъ соленаго мяса, соленаго масла и т. п., хоть по такимъ же раціональнымъ правиламъ, какія относительно этого предмета выработаны сѣверо-американцами, и такимъ образомъ не только усовершать, но и распространять раціональное искусство соленія и копченія мясъ, приготовленія мясныхъ сухарей, соленаго масла и проч. Такія ассоціаціи особенно возможны на югѣ Россіи, при Алтаѣ и въ забайкальи. Далѣе, покуда не устроились и не распространились бы спеціальныя скотоводческія ассоціаціи,—ассоціаціи продовольственныя могли бы сами, по современнымъ раціональнымъ правиламъ Бакуеллей, Коллинсовъ и другихъ знаменитыхъ скотоводовъ, разводить и вскармливать скотъ спеціально для мяса, молока и другихъ питательныхъ продуктовъ. А также онѣ могли бы заниматься раціональнымъ огородничествомъ и садоводствомъ съ цѣлію приращенія необходимыхъ и здоровыхъ питательныхъ матеріаловъ, особенно легуминозныхъ, стручковыхъ растеній, мало разводимыхъ народомъ, и проч. Наконецъ при этихъ ассоціаціяхъ могли бы быть школы, гдѣ бы подробно преподавалось ученикамъ и рабочимъ химико-физіологическое ученіе о пищѣ и ея различныхъ типахъ, физіологія и гигіена питанія, кухонная химія и т. п., съ цѣлью распространенія въ рабочихъ массахъ здравыхъ гигіеническихъ, физіологическихъ и химическихъ понятій, а также раціональное огородничество и плодоводство съ соприкосновенными съ ними естественными науками, относительно питанія и пищи. Точно также могли бы быть устроены ассоціаціи строительныя, или изъ союза однихъ архитекторовъ, медиковъ и другихъ естественно-научно-образованныхъ друзей народа, или, если можно, въ связи съ крестьянскими плотничьими артелями. Эти ассоціаціи могли бы постепенно преобразовывать народное домоустройство, улучшать народныя жилища, на естественно-хозяйственныхъ и гигіеническихъ началахъ. Потребность въ такихъ строительныхъ ассоціаціяхъ у насъ большая и мы раскроемъ ее подробно въ статьѣ о жилищахъ нашего рабочаго народа. Здѣсь замѣтимъ только, что строительныя или гигіено-архитектурныя ассоціаціи у насъ необходимы, во-первыхъ, для устройства въ большихъ городахъ здоровыхъ и удобныхъ жилищъ или квартиръ для бѣдныхъ рабочихъ классовъ народа, во-вторыхъ, нужны для раціональнаго вспомоществованія крестьянамъ въ здоровой и удобной сельской обстройкѣ ихъ, вслѣд-

ствіе безпрерывно продолжающейся крестьянской колонизаціи внутри Россіи и въ Сибири и, вмѣстѣ съ тѣмъ, для постепеннаго распространенія, путемъ такой раціональной крестьянской колонизаціи и такого новаго сельскаго домоустройства, новой системы устройства селъ, деревень и сельскихъ домовъ, системы, наиболѣе раціональной, гигіенической и хозяйственной. Наконецъ, строительныя ассоціаціи необходимы вообще для постепенной реформы народныхъ жилищъ, народнаго домоустройства какъ въ городахъ, такъ въ особенности въ деревняхъ, не только съ гигіеническими цѣлями, но и съ цѣлью устраненія разрушительныхъ дѣйствій пожаровъ. Гакстгаузенъ и Тенгоборгскій проэктировали же, для сельскохозяйственныхъ цѣлей, произвести раздробленіе большихъ селеній, путемъ постепенной перестройки ихъ, послѣ пожаровъ, въ теченіи 30 лѣтъ. При дѣятельности же строительныхъ ассоціацій нѣтъ нужды ждать пожаровъ, чтобъ потомъ на пепелищѣ строить новыя жилища и деревни. Но и для фабрикъ и заводовъ, а также для большихъ городовъ, какъ наприм. нашъ Петербургъ, гдѣ нужно постоянное осѣдлое поселеніе рабочихъ, выгодна и даже необходима дѣятельность строительныхъ ассоціацій. Доставляя рабочимъ возможность имѣть хорошую недорогую квартиру и вообще содѣйствуя имъ въ домоустройствѣ, производители способствуютъ и своимъ личнымъ выгодамъ. Постоянно возвышающаяся плата за работу зависитъ большею частію отъ возвышенія цѣнъ на всѣ жизненныя потребности и преимущественно на квартиры, которыя поглощаютъ у мастеровыхъ несоразмѣрную часть выручаемыхъ работою денегъ. Можно не безосновательно думать, что устройство дешевыхъ, удобныхъ и здоровыхъ квартиръ удержало бы на мѣстѣ многихъ и притомъ самыхъ лучшихъ работниковъ. А что для большихъ предпріятій постоянное осѣдлое населеніе рабочихъ столь же важно, какъ хорошіе машины и усовершенствованная техника, въ этомъ фабриканты конечно согласятся съ нами, имѣя въ виду новѣйшіе опыты, не говоря уже о томъ, что такіе работники легче переносятъ разныя случайные неудачи. Вотъ по всѣмъ этимъ соображеніямъ весьма полезны и даже необходимы и у насъ строительныя ассоціаціи. И въ устройствѣ ихъ нѣтъ ничего несбыточнаго и непрактичнаго. За границей уже довольно давно существуютъ подобныя строительныя общества, и важная, глубокая соціальная необходимость ихъ сознается все больше и больше. Мы приведемъ здѣсь нѣсколько словъ изъ прекрасной статьи Круммеля über Arbeiterwohnungen und Baugesellschaften, сообщенной

г. Калачевымъ въ архивѣ. «Не останавливаясь,—говоритъ онъ,—на Англіи и Франціи, гдѣ бѣдственное положеніе рабочаго класса нуждается въ самой безотлагательной помощи, мы должны замѣтить, что вопросъ о жилищахъ для рабочихъ имѣетъ такое глубокое, такое важное значеніе для всякаго народа, что онъ вполнѣ заслуживаетъ самаго обстоятельнаго разъясненія. До сихъ поръ составленію обществъ, которыя соединяли бы для такого предпріятія значительныя суммы, всего болѣе препятствуетъ убѣжденіе, что чрезвычайно трудно и непріятно завѣдывать и управлять домами, гдѣ живутъ рабочіе и т. п. люди. Но почему здѣсь болѣе труда, чѣмъ при другихъ предпріятіяхъ? Развѣ неизвѣстно, что, дѣлаясь хозяиномъ, человѣкъ становится основательнѣе? Не доказываетъ ли напротивъ незнаніе потребности простого народа и какую-то боязнь къ предпріятіямъ, имѣющимъ соціальный характеръ, что не рѣшаются употребить деньги на такія постройки, которыя обѣщаютъ вѣрные проценты, между тѣмъ какъ охотно отдаютъ большіе суммы на другіе обороты, представляющіе несравненно болѣе риска. Послѣдніе конгрессы по дѣлу благотворительности въ Брюсселѣ и Франкфуртѣ достаточно доказали, что капиталы, употребленные на постройки такого рода, доставляютъ вообще выгодную ренту. Лондонское строительное общество получаетъ отъ $4^1/_2$ до $5^3/_4$ процентовъ, слѣдов. въ сложности 5; Берлинское 6 процентовъ, хотя правда третья часть ихъ идетъ на погашеніе долга. На Брюссельскомъ конгрессѣ было сообщено Вардомъ, что въ образцовыхъ домахъ, построенныхъ въ Лондонѣ, квартиры всегда заняты, что за нихъ хорошо платятъ, и что между прочимъ одно отдѣленіе изъ 40 домовъ, въ которыхъ передѣлки съ предполагаемой цѣлью стоили 200 фунт. стерл., приносятъ въ настоящее время ежегодно 120 ф. ст. болѣе, чѣмъ прежде, а съ другой стороны и жильцы совершенно довольны новыми квартирами. Такъ какъ потребность въ удобныхъ и дешевыхъ жилищахъ есть общая для всѣхъ классовъ, то и передѣлку квартиръ должно предпринять въ обширномъ объемѣ. Не только рабочему, но и лавочнику, купцу, ремесленнику, чиновнику и т. п. необходимо болѣе удобное помѣщеніе. Поэтому прежде всего должно заняться устройствомъ болѣе удобныхъ и здоровыхъ квартиръ съ распредѣленіемъ ихъ по всѣмъ правиламъ архитектуры. Настоятельная потребность реформы въ отношеніи къ жилищамъ можетъ, думаемъ мы, удовлетвориться *единственно учрежденіемъ обществъ*, которыя, получая вознагражденіе за свои капиталы и труды, вмѣстѣ съ тѣмъ окажутъ всѣмъ чрезвычайно важную услугу. До сихъ поръ пер-

вые опыты преобразованія городскихъ жилищъ или строеній производились компаніями. «Labourers friends society», съ капиталомъ въ 60,000 ф. стерл., построило съ 1844 — 56 года около 40 домовъ, съ квартирами для нѣсколькихъ сотъ семействъ, и около 500 отдѣльныхъ помѣщеній, и получаетъ съ этого капитала въ сложности болѣе 5 процентовъ. Точно тоже должно сказать о «Metropolitain society for improving the dwellings of the industrial classes», которое основано въ 1848 году съ капиталомъ въ 80,000 фунт. стерл. Подобныя компаніи, какъ побочныя отрасли другихъ, находятся въ Англіи почти во всѣхъ значительныхъ провинціальныхъ городахъ; упомянутое выше «общество друзей работниковъ» распространило въ самое скорое время свои дѣйствія по всему государству, во Франціи также положено начало реформѣ жилищъ, и притомъ въ значительныхъ размѣрахъ, хотя на иномъ основаніи. Подъ покровительствомъ правительства образовались строительныя общества въ Парижѣ (въ числѣ 5), Мюльгаузенѣ, Марселѣ и Лилѣ. Въ Парижѣ существуетъ теперь отдѣльный кварталъ для рабочихъ—cité Napolèon—гдѣ около 200 домовъ, имѣющихъ до 500 жильцовъ; правительство даетъ на это въ пособіе 200,000 франковъ; чистый же доходъ простирается до 27,000 франковъ. Въ Мюльгаузенѣ общество фабрикантовъ предприняло постройку квартала для рабочихъ, съ количествомъ до 300 маленькихъ домовъ, такъ что каждые четыре дома подведены подъ одну крышу, но имѣютъ отдѣльные входы и палисадники; при каждомъ изъ нихъ находится садъ, доходъ съ котораго равняется трехмѣсячной наемной платѣ. Капиталъ, употребленный на это предпріятіе, долженъ приносить 7 процентовъ, при чемъ жилецъ, за ежемѣсячную плату отъ 24 до 30 франк., пріобрѣтаетъ современемъ занимаемый имъ домъ въ собственность. Жилища эти охотно занимаются рабочими, да и самому обществу даютъ хорошій доходъ. Подобное же учрежденіе существуетъ въ Лилѣ, гдѣ работникъ, платя 10 фр. въ мѣсяцъ, имѣетъ помѣщеніе, состоящее изъ 4 комнатъ, и садъ. Что касается до Германіи, то лишь въ 1858 году крайній недостатокъ въ жилищахъ вызвалъ строительныя общества для рабочихъ въ Леррахѣ (близъ Базеля) и въ Пфорцгеймѣ, гдѣ выстроено теперь въ превосходномъ видѣ большое количество отдѣльныхъ семейныхъ домовъ, сверхъ того, по примѣру Англіи, близъ самаго Берлина, явилось поселеніе, состоящее изъ 40 семействъ, въ которомъ дома устроены по котажной-системѣ, такъ что при каждомъ находится участокъ земли, отданный наемщику

для обработки. Также у самаго Гамбурга построено нѣсколько семейныхъ домовъ, гдѣ бѣдному дается, за 20—30 талеровъ въ годъ, хотя небольшое, но надежное помѣщеніе. Въ послѣднее же время два кредитныя учрежденія въ Берлинѣ рѣшились употребить часть фондовъ, находящихся въ ихъ распоряженіи, на покупку большихъ удобныхъ мѣстъ для постройки домовъ». Устроенныя у насъ на подобныхъ основаніяхъ, строительныя ассоціаціи также могли бы принести много пользы бѣднымъ робочимъ классамъ. Доставляя здоровыя жилища, съ садами и другими гигіеническими потребностями и условіями, онѣ бы сберегали физіологическія, рабочія силы производительныхъ классовъ. Удешевляя квартиры, онѣ бы сберегли излишекъ заработныхъ денегъ рабочаго населенія на увеличеніе его матеріальныхъ потребностей и на умственное образованіе. Кромѣ того, онѣ постепенно измѣняли бы и преобразовывали наши «домостроевскія» правила, относящіяся къ постройкамъ, столь уже устарѣвшія и ограничивающія какъ возведеніе новыхъ зданій, такъ и внутреннее ихъ устройство и усовершенствованія, выбирали ли бы сами или указывали, съ гигіенической точки зрѣнія, удобныя мѣстности для устройства здоровыхъ жилищъ, установляли бы необходимые по законамъ гигіены и вентиляціи размѣры и планы домовъ и комнатъ, а также расположеніе улицъ, вредныхъ для здоровья фабричныхъ и заводскихъ помѣщеній и т. п., развивали бы городское и сельское общественное садоводство, столь необходимое въ соціально-гигіеническомъ отношеніи и проч. Наконецъ, основанныя при нихъ строительныя ремесленныя школы и мастерскія и высшія заведенія для образованія дѣльныхъ подрядчиковъ и мастеровъ могутъ содѣйствовать развитію и распространенію въ народѣ высшаго техническаго образованія и соприкосновенныхъ съ нимъ естественныхъ и математическихъ наукъ, а также раціональнаго, естественно-научно-гигіеническаго домоустройства.

Взглянемъ ли, далѣе, на разныя формы и степени нашего народнаго хозяйства, — вездѣ увидимъ широкое поле для раціональной кооперативной дѣятельности, для естественно-научныхъ экономическихъ ассоціацій. Начнемъ съ низшихъ степеней промышленности. Вотъ напримѣръ, на сѣверовостокѣ Великороссіи и въ Сибири распространены звѣропромышленныя поселенія и даже пребываютъ цѣлыя охотничьи племена. Будь устроены тамъ охотничьи артели изъ просвѣщенныхъ зоологовъ, и будь эти зоологи проникнуты столько же любовью къ зоологическимъ изслѣдованіямъ, сколько и любовью къ низшимъ племенамъ, къ звѣроловческимъ массамъ на-

селенія, и исполнены дѣятельнымъ желаніемъ по возможности просвѣщать, развивать эти массы народа,—они могли бы, вопервыхъ, практическимъ употребленіемъ, среди охотничьяго народонаселенія, лучшихъ, раціональныхъ пріемовъ и способовъ охоты, лучшей, раціональной организаціей ея, во-вторыхъ, зоологическими и вообще естественно-научными школами и миссіями, мало по малу распространять въ охотничьихъ массахъ и кое-какія знанія и возможное увеличеніе ихъ благосостоянія посредствомъ наиболѣе выгоднаго улучшенія и облегченія способовъ охоты. Какъ возможно и полезно это дѣло не только посредствомъ школъ и практическаго указанія раціональнаго производства охоты, а даже при помощи однихъ хорошихъ зоологическихъ руководствъ, — можно отчасти судить по слѣдующему отзыву г. Бекетова о книгѣ г. Сѣверцова: «Періодическія явленія въ жизни птицъ, звѣрей и гадовъ воронежской губерніи». «Наблюденіе нашего автора,—говоритъ г. Бекетовъ,— до того многочисленны, что нерѣдко онъ зналъ наперечетъ гнѣзда той или другой птицы на пространствѣ многихъ квадратныхъ верстъ. Время отлетовъ, прилетовъ, несенія яицъ, суточныхъ перелетовъ и т. д. до того ему извѣстны, что, имѣя въ рукахъ книгу г. Сѣверцова, охотникъ, не только воронежскій, но и другихъ краевъ, сходныхъ съ воронежскимъ по климату и мѣстности, можетъ легко предвидѣть пребываніе той или другой дичи, въ извѣстное время года или дня, на извѣстномъ пунктѣ. Этого мало: всякій просвѣщенный деревенскій житель—особенно если онъ охотникъ, можетъ научиться изъ этой книги, на что должно обращать вниманіе при охотѣ, кромѣ собаки и ружья. Какая необыкновенная законность и правильность замѣчается даже въ тѣхъ явленіяхъ, которыя съ перваго взгляда кажутся совершенно случайными. Однимъ словомъ, трудъ русскаго зоолога указываетъ на *разумное* въ томъ, что считалось и считается только любопытнымъ; онъ заставляетъ предполагать, что явленія, повидимому отрывочныя, исходятъ прямо отъ одного и того же общаго закона природы, что это суть звуки одного великаго и согласнаго хора, управляемаго единою силою—вѣчною и неизбѣжною.» (Атеней, ч. II, 1858 г. стр. 310). Вотъ раскрыть, объяснить одну эту законность, правильность въ жизни птицъ и звѣрей, вытекающую изъ взаимодѣйствія общефизическихъ и анатомофизіологическихъ законовъ, раскрыть въ одномъ данномъ охотничьемъ животномъ мірѣ законъ естественнаго подбора, борьбу за существованіе, законы измѣнчивости, сохраненія и совершенствованія животныхъ видовъ и т. д.,

сдѣлать это—значитъ ужь начать реальное, естественно-научное развитіе охотничьихъ, или звѣропромышленныхъ массъ народа. А при этомъ указать имъ на практически-раціональное производство охоты, — значитъ въ то же время содѣйствовать улучшенію быта, увеличенію выгодности промысловъ и слѣдовательно, благосостоянія охотничьяго народонаселенія. Сверхъ того, путемъ такихъ естественно-научныхъ, зоологическихъ ассоціацій охоты не могли ли бы и у насъ скорѣе выходить свои Одюбоны, свои Бремы. Самъ Бремъ говоритъ въ предисловіи къ своей «Жизни животныхъ»: «мы должны были и заимствовали наши свѣдѣнія о жизни животныхъ отъ путешественниковъ и *охотящихся и кочующихъ изслѣдователей.* На ихъ долю выпадаетъ задача—очертить намъ живущее животное, тогда какъ научное изслѣдованіе мертваго требуетъ уже другихъ силъ и знаній; потому-что и для успѣшнаго изученія животнаго царства раздѣленіе труда есть одно изъ необходимыхъ условій». Зоологическія, охотничьи ассоціаціи могли бы въ то же время устроить для дѣтей охотничьяго населенія зоологическія и вообще естественно-научныя школы, гдѣ бы между прочимъ преподавались опытныя наставленія, какъ приручать дикихъ животныхъ и птицъ. Потомъ они могли бы отправлять къ инородцамъ естественно-научныя миссіи, командировать своихъ зоологовъ и другихъ естественниковъ для естественно-научныхъ изслѣдованій въ разныя малоизвѣстныя зоологическія области, въ родѣ Барабинской или Киргизской степи, или разныхъ мѣстностей Урала, Алтая, Саянскаго и Яблоноваго хребта и т. п., устроивать зоологическіе сады или звѣринцы, музеи, анатомическіе театры и кабинеты, издавать зоологическіе и охотничьи вѣстники или журналы, а также—зоологическія книги и изслѣдованія, въ родѣ изслѣдованій Радде и т. д. Наконецъ раціональныя ассоціаціи охотниковъ-зоологовъ, порабощая и приручая дикихъ животныхъ—бобровъ, соболей, лосей, сайгъ, антилопъ, тетеревовъ, куропатокъ и проч., могли бы доставлять ихъ акклиматизаціоннымъ обществамъ или ассоціаціямъ для одомашненія.

Или вотъ скотоводческія поселенія. Правительство, говорятъ, нынѣ принимаетъ мѣры къ улучшенію быта киргизовъ, бурятъ и проч. Какъ вы улучшите ихъ бытъ? Обратите къ земледѣлію? Да развѣ какой-нибудь киргизъ, у котораго до 10,000 лошадей, до 4,000 рогатаго скота, до 20,000 овецъ, больше 1,000 козъ, до 300 верблюдовъ, развѣ такой киргизъ предпочтетъ земледѣліе скотоводству? Скотъ—готовая для него экономія, нетребующая особен-

наго ухода; онъ самъ собой нарождается и самъ собой пасется круглый годъ въ раздольныхъ степяхъ киргизъ-кайсацкихъ; а хлѣбопашество требуетъ особенныхъ трудовъ и заботъ. Да къ тому же для киргиза—извѣковѣчнаго степняка-пастуха, степь, стада и табуны, кочевая, привольная пастушеская жизнь и степное раздолье—почти физіологическая потребность, стихія. Онъ ни за что не промѣняетъ своего кочевого простора, раздолья на осѣдлость и земледѣліе. Это первое. А второе, да есть ли еще настоятельная необходимость стѣснять свободную волю этихъ счастливыхъ по-своему и довольныхъ своимъ бытомъ инородцевъ? Нужно ли, выгодно ли для общей экономіи русскаго народа — уничтожать или ограничивать эти спеціальныя скотоводческія населенія? Намъ кажется, вовсе нѣтъ нужды. Они никому не мѣшаютъ, никого не стѣсняютъ, не лишаютъ русскаго народа мѣста, земли. Напротивъ они все-таки производительно занимаютъ такія огромныя пространства, которыя безъ нихъ можетъ быть были бы совершенными пустынями. Отъ большого излишка огромныхъ пустынныхъ пространствъ русскій народъ даже страдаетъ и безъ того. Скотоводческія же поселенія все-таки хоть сколько-нибудь да дѣлаютъ производительными занимаемыя имъ безплодныя, солончаковыя, песчаныя и почти безводныя степи. Изъ киргизскихъ степей идетъ на внутреннее потребленіе Россіи скота болѣе, чѣмъ на милліонъ р. с.; однихъ овецъ и барановъ, въ каждую ярмарку, вымѣнивается отъ 250,000 до 350,000 штукъ; есть казаки, которые вымѣниваютъ у киргизовъ на хлѣбъ отъ 30,000 до 40,000 барановъ. Слѣдовательно существованіе такихъ скотоводческихъ поселеній весьма не безполезно для Россіи. И по принципу раздѣленія народнаго труда, рядомъ съ спеціально-земледѣльческими поселеніями или рабочими массами, производящими хлѣбъ и другія растительные матеріалы, не лишни и спеціально-скотоводческія поселенія, производящія мясо и другіе животные матеріалы. Наконецъ солончаковыя степи, богатыя растительностью изъ породы salsolaceae, самой природой назначены попреимуществу для скотоводства. Потому на нихъ естественно и распространялись всегда скотоводческія поселенія. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, не лучше ли улучшать, раціонально культивировать самый скотоводческій бытъ такихъ пастушескихъ народовъ, какъ наприм. киргизы, многіе бурятскія племена, якуты, калмыки; не лучше ли раціонализировать самое ихъ скотоводство, скотоводческія, зоологическія и вообще естественныя понятія, если они не хотятъ или находятъ невыгоднымъ перехо-

дить къ земледѣлію,—и такимъ образомъ даже помаленьку развивать, просвѣщать ихъ. Этого опять можно достигать двоякимъ путемъ: во-первыхъ, устройствомъ естественно-научныхъ зоолого-экономическихъ или скотоводческихъ ассоціацій изъ просвѣщенныхъ, вполнѣ знающихъ и опытныхъ зоологовъ и скотоводовъ, во-вторыхъ—устройствомъ зоолого-экономическихъ или скотоводческихъ школъ съ образцовыми фермами скотоводства. Ассоціаціи могли бы, на основаніи физическихъ, физико-географическихъ, анатомическихъ, физіологическихъ и зоогигіеническихъ знаній, подъ руководствомъ опытовъ западно-европейскаго, напримѣръ, англійскаго раціональнаго сководства, по примѣру Добантона, Іоуетта, братьевъ Коллинсовъ, Бакуелля, Гро и другихъ знаменитыхъ скотоводовъ, и по примѣру зоологическихъ обществъ акклиматизаціи — улучшать, усовершать старыя породы киргизскаго, калмыцкаго, бурятскаго или крестьянскаго скота и создавать, воспитывать и усовершать новыя формы или типы домашнихъ животныхъ, смотря по потребностямъ (для мяса и сала, для работы, ѣзды, упряжи, и проч.) а также приручать новые виды изъ царства дикихъ животныхъ, въ родѣ соболей, лосей, сайгъ, антилопъ и т. д. и такимъ образомъ наглядными образцами лучшихъ породъ домашнихъ животныхъ мало по малу пріохочивать и кочевниковъ-пастуховъ или русскихъ крестьянъ — изучать и прилагать къ своему скотоводству естественно-научныя правила раціональнаго воспитанія и разведенія новыхъ или лучшихъ породъ домашнихъ животныхъ. Тутъ всѣ эти скотоводческія массы могли бы мало по малу увлекаться явной выгодой разведенія такихъ новыхъ или лучшихъ породъ скота, видя на опытѣ и возможность разведенія ихъ, и самые способы ихъ воспитанія, и наибольшую пользу ихъ въ хозяйствѣ, и наибольшую цѣнность ихъ въ продажѣ. Кромѣ того, они могли бы такимъ образомъ хоть сколько нибудь знакомиться и съ понятіями тѣхъ естественныхъ наукъ, какія нужны при раціональной зоологической или скотоводческой культурѣ. Да и независимо отъ этого, тѣ же скотоводческія ассоціаціи могли бы устроить при своихъ образцовыхъ фермахъ и заводахъ скотоводческія училища, гдѣ бы дѣти пастуховъ -кочевниковъ, а также дѣти и русскихъ крестьянъ могли бы обучаться, кромѣ чтенія, письма и счета, главнымъ основаніямъ или правиламъ раціональнаго скотоводства и соприкосновеннымъ съ нимъ естественнымъ наукамъ.

Все это теперь конечно мечта, надъ которой, быть можетъ, мно-

гіе посмѣются. Но кто видѣлъ, кто знаетъ экономическое и умственное состояніе этихъ бѣдныхъ меньшихъ братій нашей расы—многочисленныхъ племенъ охотничьихъ и пастушескихъ, которыхъ естественный антропологическій подборъ еще не обрекъ на вымираніе, въ тяжкой борьбѣ за существованіе, а, подобно массѣ европейскихъ пролетаріевъ, упорно сохраняетъ для воспринятія лучшихъ началъ человѣческой жизни,—тотъ только сквозь мечту эту и можетъ провидѣть возможность для нихъ ближайшаго, лучшаго будущаго, возможность дѣйствительнаго облагодѣтельствованія ихъ благами естественно-научнаго реализма. Такъ только можно утилизировать естественно-научный реализмъ во всѣхъ разнородныхъ массахъ русскаго народонаселенія, во всѣхъ пестрыхъ, разнообразныхъ экономическихъ оазисахъ широкой русской земли. Инородческія племена, эти дикія, естественныя, некультированныя народныя массы степей, горъ и лѣсовъ, этихъ дѣтей природы, намъ кажется, даже легче можно расположить къ естествознанію, чѣмъ наши православныя массы крестьянства, мѣщанства и купечества; потому что онѣ, по самому воспитанію и быту промышленному, ближе къ природѣ и даже вѣруютъ въ естественныя силы, въ солнце и громъ, поклоняются горамъ, лѣсамъ, рѣкамъ и т. п. Нужно только раціонализировать эту ихъ естественную вѣру въ природу, объяснять имъ естественное значеніе солнца, грома, рѣкъ, лѣсовъ, горъ и т. п., словомъ открывать имъ естественныя истины, силы и законы природы. Буряты съ пытливою любознательностью слушали учителя Болдонова, ихъ же происхожденца, когда онъ имъ читалъ и объяснялъ что-то изъ геологіи. Да и вообще, чтобы привлечь, расположить къ естественной истинѣ и наукѣ разныя дикія, грубыя массы провинціальныя, вездѣ нужно начинать съ естественно-научнаго разъясненія, раціонализированія и развитія того, что гдѣ есть, чѣмъ туземный народъ живетъ, промышляетъ, что выгодно для него; вездѣ нужно начинать естественно-научную пропаганду съ того, что гдѣ полезно, выгодно и жизненно-нужно для народа. Разумѣется, въ настоящее время скажутъ, и скажутъ, пожалуй, справедливо: кому же охота, кто же рѣшится поѣхать наприм. въ какую-нибудь дикую киргизскую степь, чтобы тамъ проповѣдывать естественно-научный реализмъ и практически водворять новыя идеи, начала и операціи скотоводческой культуры. И какая выгода заниматься тамъ хоть, положимъ, разведеніемъ новыхъ или лучшихъ породъ скота? Кто же рѣшится? Это конечно вопросъ нерѣшенный, потому что у

насъ вовсе нѣтъ еще и не было своихъ Добантоновъ, Коллинсовъ, Іоуеттовъ и т. п. У насъ неразвита еще и вовсе не развивается въ молодежи университетской или хоть Горы-горецкой такая энергическая любовь къ раціональному скотоводству, какъ къ одной изъ нужнѣйшихъ наукъ, неразвита энергія къ настойчивому, долготерпѣливому, упорному труду безъ скуки и усталости, на подобныхъ практическихъ естественно-научныхъ миссіяхъ и поприщахъ, неразвита вовсе и самая способность Добантоновъ, Бакуеллей, Іоуеттовъ и Коллинсовъ — чтобы и въ животномъ мірѣ, съ жизненной общественной пользой, проявлять владычество разума и естествознанія, чтобы подборомъ родичей, какъ магическимъ жезломъ, создавать какія угодно формы и породы скота. Это возможно будетъ развѣ только тогда, когда будутъ устроены высшія агрономическія или даже спеціально-скотоводческія академіи, оттуда будутъ выходить цѣлыя поколѣнія дѣловыхъ людей — натуралистовъ, исполненныхъ энергіи къ дѣлу, умѣющихъ мастерски взяться за дѣло, въ области естествознанія и народной экономіи, гдѣ бы оно ни требовалось и какого бы труда ни стоило. Между тѣмъ, если бы только у насъ было много основательно-развитыхъ и опытныхъ зоологовъ, анатомовъ и физіологовъ, скотоводовъ, проникнутыхъ глубокою и сознательною любовью къ скотоводству, какъ къ естественной и нужнѣйшей наукѣ,—то они могли бы, съ большой выгодой и для самихъ себя, устроить скотоводческія ассоціаціи не только на югѣ Россіи, въ Бессарабіи или Новороссіи, и т. п., а хоть бы даже и въ восточномъ степномъ краѣ, въ Оренбургской и Киргизской степи и т. д. Тутъ просторъ степей и пастбищъ чрезвычайно благопріятствуетъ развитію скотоводства, торговля скотомъ и теперь усиливается. Напримѣръ въ 1822—26 г. киргизы пригоняли скота на Оренбургскую и Сибирскую линіи на 416,630 руб., а въ 1842—46 г. уже на 1,019,140 руб. Въ одномъ Оренбургѣ, на мѣновомъ дворѣ, въ иной день, русскіе вымѣниваютъ у киргизовъ до 1000 барановъ и больше; есть казаки, которые вымѣниваютъ у киргизовъ на хлѣбъ отъ 30 до 40 тысячъ барановъ. Если такимъ образомъ даже киргизы каждогодно гоняютъ и сбываютъ въ Россію и въ Сибирь огромнѣйшія массы своего теперешняго, грубаго скота, то понятно, какой запросъ былъ бы на новыя, улучшенныя породы скота, если бы скотоводческія ассоціаціи занялись ихъ разведеніемъ, подобно Бакуеллямъ, Коллинсамъ и Гро. Выгода и энергическая преданность скотоводству, какъ наукѣ — вотъ что устраняло бы или много облегчало бы и самую скуку и всѣ первоначальныя

неудобства жизни въ какой нибудь дикой степи киргизской, или оренбургской, или забайкальской. Если и теперь глубоко-любящіе науку натуралисты, въ родѣ Миддендорфа, Радде, Ливингстона Одюбона, Брема и другихъ, будучи воодушевлены великой идеей и энергіей испытанія и изученія природы, не только не скучаютъ гдѣ нибудь въ ледяныхъ тундрахъ полярнаго сѣвера, въ песчаныхъ пустыняхъ центральной Африки, въ дикихъ лѣсахъ и степяхъ Америки, но съ воодушевленною вѣрою въ науку, съ любовью и энергіей къ естественно-научному труду, неутомимо странствуютъ, подвергаются разнообразнымъ страданіямъ ради безкорыстнаго и святого дѣла естественно-научнаго просвѣщенія и умственнаго совершенствованія человѣчества,—то могутъ ли и должны ли и наши мыслящіе и энергическіе реалисты, безкорыстно преданные естественнымъ наукамъ и естественно-научному дѣлу, будущіе пропагандисты реальныхъ, естественно-научныхъ улучшеній, нововведеній и знаній, могутъ ли и должны ли они отчаяваться и страшиться скуки и, на первой порѣ, неудачь и лишеній, если бы святая любовь къ естественно-научнымъ изслѣдованіямъ и труду побудила ихъ дѣйствовать хоть гдѣ-нибудь въ киргизской, оренбургской или забайкальской степи, а тѣмъ болѣе гдѣ-нибудь въ южно-русскихъ степяхъ! Если бы они глубоко любили скотоводство, какъ естественную науку, какъ важнѣйшую жизненную отрасль народной экономіи, и энергично взялись раціонализировать его, производить, вмѣстѣ съ тѣмъ, новыя наблюденія, опыты и изслѣдованія, и такимъ практическимъ путемъ пропагандировать естественно-научныя улучшенія—то, навѣрное, имъ не такъ тяжела была бы ихъ естественно-научная дѣятельность и жизнь не только гдѣ-нибудь въ глуши сельской, но и въ степи киргизской или оренбургской, какъ можетъ казаться съ перваго взгляду. Они пріобрѣтали бы хорошія прибыли и капиталы, путемъ своихъ же улучшеній въ скотоводствѣ, посредствомъ воспитанія и продажи высоко-цѣнныхъ типовъ домашнихъ животныхъ, на подобіе англійскихъ быковъ, стоющихъ до 700 фунт. стерл., или коровъ, стоющихъ отъ 600 до 700 фунт. стер. и т. п. Пріобрѣтали бы такимъ образомъ и средства къ облегченію своей жизни въ глуши провинцій, къ временнымъ экскурсіямъ по окрестнымъ мѣстностямъ, къ временнымъ выѣздамъ и путешествіямъ въ столицы и за-границу. Притомъ же, ассоціаціонная жизнь и дѣятельность могла бы и сама въ себѣ заключать источники развлеченій, удовольствій и наслажденій въ часы отдыха отъ работы.

А. Щаповъ.

УЗНИКИ.

(съ итальянскаго).

Въ душномъ казематѣ — глушь да темнота
Скованные люди, скованы уста...

И среди молчанья только стонъ больной
Съ сдавленною силой прозвучитъ порой.

Прозвучитъ и смолкнетъ... а въ окно глядитъ
День весенній яркій; солнышко горитъ.

Сквозь бойницы смотритъ тополь и росой
По листамъ зеленымъ — загоритъ порой.

И принарядившись въ листья да цвѣты
День весенній полонъ вольной красоты.

За рѣшоткой — воля! Пѣсенка слышна,
Узники собрались тихо у окна...

Слушаютъ... и лица полныя тоской
Словно озарились свѣтлой полосой.

Слушаютъ... И кто жѣ за стѣной пойметъ
Сколько здѣсь народу безъ конца гніетъ.

Въ этихъ темныхъ лицахъ сколько вольныхъ силъ,
Сколько рукъ рабочихъ міръ похоронилъ.

Прозвучала пѣсня... Смолкнула она,
Узникъ не отходитъ долго отъ окна...

Еслибъ не былъ слышенъ громкій звонъ оковъ,
Сколько бы запѣло вольныхъ голосовъ!..

П. Д.

ПЕРЕПУТЬЕ.

(лѣтнія сцены.)

Городъ О. все болѣе скучивался и словно осѣдалъ, по мѣрѣ того, какъ широкая лента шоссе спустилась на другую сторону пригороднаго холма. Исчезли два каменные старинной архитектуры столба, съ необыкновенно широкими основаніями, и острыми вершинами, увѣнчанными мѣстнымъ гербомъ; по бокамъ шоссе тянулись еще загородные дворишки, лачуги, землянки... Близь дороги стояли маленькія столики, за которыми старыя, оборванныя солдатки торговали квасомъ, калачами; съ пискомъ гнались эти бабы за проѣзжающими, вытягивая впередъ руку съ калачемъ, — но тройки и перекладныя пары стремглавъ проносились мимо ихъ и городскіе, проникнутые достаточнымъ ухорствомъ, ямщики, залихватски гуляя кнутомъ по ободраннымъ спинамъ и бокамъ почтовыхъ клячъ, не упускали случая полыснуть мимоходомъ и бабу съ калачомъ.

Исчезла наконецъ послѣдняя подгородная хибара. Отъ города видѣнъ только кончикъ соборнаго шпица, и цѣлое море пыли повисло недвижимо въ раскаленномъ полуденномъ воздухѣ. Исчезъ и шпицъ. И пыль, висѣвшая надъ городомъ, исчезла... Дорога. Идутъ богомольцы. Шоссе круто поворачиваетъ налѣво, и тутъ-же, отъ самаго изгиба его, бѣжитъ старая столбовая дорога, съ ветлами въ два ряда и съ необыкновенно извилистымъ и узенькимъ проселкомъ, извивающимся по всей ширинѣ столбовой дороги. Проселокъ перебѣгаетъ съ одного бока дороги на другой, и чаще всего

вьется подъ густыми вѣтвями ивъ; одинокія ивы тѣ разрослись и опустили чуть не до земли свои тревожно треплющіяся по вѣтру вѣтки; проѣзжій мужиченко нарочно прилегъ въ телѣгѣ, чтобъ не хлестнуло его; вѣтка не хлестнула, но тихо прошумѣла, пропуская между своими листьями и тощую клячу и тощую телѣгу и мужика. Кое-гдѣ густая сплошная масса зелени прорывается; видны попытки возстановить эти спасительныя для пѣшеходовъ аллеи, но тощіе и тоненькіе сучки, втиснутые въ землю по приказанію начальства, въ изнеможеніи попадали на землю, не имѣя возможности исполнить возложенной на нихъ обязанности—давать путнику тѣнь и прохладу. Кое-гдѣ валяется ветла, разбитая и опаленная молніей.

Въ полутора верстахъ отъ шоссейнаго поворота, по старой столбовой дорогѣ, при началѣ довольно длиннаго лѣса, расположился маленькій поселокъ, состоящій изъ нѣсколькихъ постоялыхъ дворовъ, изъ которыхъ иные очень зажиточны. Повидимому въ этой глуши, на позабытой уже дорогѣ, не было никакихъ резоновъ существовать этому поселку,—и при томъ еще существовать довольно весело, (о чемъ свидѣтельствуютъ три кабака между шестью домами). Но оказывается, что резоны есть,—и именно два: шлагбаумъ или застава на шоссе, и непроходимый оврагъ, на старой столбовой дорогѣ. Шлагбаумъ тѣмъ содѣйствовалъ процвѣтанію поселка, что, пугая обозниковъ разными взысканіями и пошлинами съ лошади, съ версты и пр., заставлялъ ихъ объѣзжать лѣсомъ и старой дорогой; подгородные постоялые дворы поселка, переломившіе той цивилизованной цѣны за овесъ, сѣно и харчи, которую ломилъ городъ, привлекали сюда извощиковъ,—тѣмъ болѣе, что лошади легко тащущія тяжелые возы по шоссе,—смертельно уставали на мягкой дорогѣ. Кромѣ обозниковъ часто изъ прилѣска, ухоремъ выносилась почтовая тройка съ офицеромъ, тоже бѣжавшимъ узаконенной платы,—и въ такихъ случаяхъ все-таки поселку выпадала прибыль: празднуя свое избавленіе отъ шлагбаума,—офицеръ и ямщикъ останавливались у кабака и подкрѣплялись. Такую же услугу оказывалъ поселку и оврагъ. Онъ пролегалъ по самой границѣ двухъ губерній, перерѣзывая собою большую столбовую дорогу, но моста черезъ этотъ оврагъ, сколько запомнятъ столѣтніе старики, — не было ни-

когда. Происходило это отъ того, что мостъ нужно было строить натурою двумъ смежнымъ деревнямъ разныхъ губерній. Дѣло всегда шло такимъ путёмъ. Прежде нежели въ чьей нибудь головѣ рождалась мысль о необходимости моста, нужно было нѣсколькимъ десяткамъ человѣкъ сломать себѣ шею, и даже отдать Богу душу и проч. Результаты этихъ происшествій, путемъ разныхъ инстанцій, наконецъ доходили до центра той или другой губерніи; центръ убѣждался въ необходимости моста, и сносился поэтому съ другимъ губернскимъ городомъ. Другой, смежный губернскій городъ, не торопясь дѣлалъ дознаніе въ мѣстномъ волостномъ правленіи «дѣйствительно-ли?» Мѣстное волостное правленіе докладывало другому центру, что «дѣйствительно». Тогда оба губернскіе центры списывались и соглашались, что дѣйствительно мостъ необходимъ. Послѣ множества понуканій начиналось устройство моста натурою; но при этомъ случалось такъ, что одна губернія выводила свою половину тогда, когда первая этого не дѣлала. Проваливались еще нѣсколько человѣкъ и повозокъ, и первый центръ торопливо приступалъ къ работамъ своей половины. Но въ это время вторая уже сгнила и провалилась... Люди летѣли въ бездну, слѣдствія шли судебнымъ порядкомъ и т. д. Роковое мѣсто это было извѣстно далеко, и скромныя помѣщицы, деревенскіе люди, проѣзжавшіе въ городъ по столбовой дорогѣ, должны были дѣлать большой конецъ, чтобы въѣхать на шоссе, и потомъ другой конецъ, чтобы избѣжать шлагбаума. Такимъ образомъ поселокъ процвѣталъ и обыватели постоялыхъ дворовъ его могли на досугѣ поддерживаться при существованіи тамъ кабака. Жизнь шла тихо, кое-какъ, и не изобиловала ничѣмъ, выходящимъ изъ ряда вонъ. Такого же сорта будутъ и наши лѣтнія замѣтки объ этомъ поселкѣ.

Посреди поселка стоитъ домъ русскаго мужика-барина, съ такими признаками барства: желѣзная крыша, а дыра въ крышѣ заткнута соломой; комнаты большія, съ диванами краснаго дерева, но безъ подушекъ, съ огромнымъ барскимъ

зеркаломъ, въ которомъ осталась только половина стекла, тутъ же сляпанная деревенскимъ мужикомъ лавка, тутъ же и корыто съ проросшимъ картофелемъ и съ пескомъ. На стѣнѣ съ лоскутками шпалеръ торчатъ лубочныя картинки. Такое опустошеніе комнаты и вообще разстройство всего жилища, т. е. раскрытые сараи, полное отсутствіе замковъ тамъ, гдѣ они необходимы, расколотыя на дрова двери, сгнившія въ двѣ зимы рамы и проч., все это опустошеніе было произведено въ самое короткое время «арендателемъ», которому настоящій хозяинъ сдалъ постоялый дворъ на два года. Хозяинъ, находившійся въ это время въ Петербургѣ въ наѣздникахъ, былъ несказанно изумленъ, увидавъ такое раззореніе...

Но онъ скоро успокоился, ибо столичная жизнь выучила его понимать всю силу выраженія «обвязался подпиской». Онъ былъ твердо увѣренъ въ законности и неизбѣжности сдиранія шкуры съ деревенскаго мужика. Но мужикъ, не понимавшій всей силы слова «кондракъ», недоумѣвалъ надъ словами хозяина.

— Я съ тебя, говорилъ хозяинъ, послѣднюю порошинку получу! Будь покоенъ.

— Ну? спрашивалъ мужикъ.

— Я тебѣ говорю... Крыша была въ цѣлости.

— Я не помню. Сейчасъ околѣть, третеводни вѣтромъ, кэ—эхъ...

— Вѣтромъ? Я и съ вѣтра взыщу.

— Н-но-о?

— Будь увѣренъ! Потому—знаешь кто вѣтеръ-то?

— Вѣтеръ?

— Ты же все; и вѣтеръ ты.

— Удивленіе! говорилъ мужикъ... Я?

— Ты! Погоди, братъ,—потянутъ, узнаешь.

Мужикъ долго раздумывалъ.

— Ахъ, въ ротъ-тѣ... Вѣтеръ! а? Комиссія!.. Сейчасъ околѣть!..

Будучи убѣжденъ въ силѣ такихъ выраженій, какъ, напр., «тоже у граха, Петра Петровича въ Санкпитенбурхѣ довольно хорошо извѣстны» и пр. пр. хозяинъ былъ вполнѣ увѣ-

ренъ въ возможности ободрать «арендателя», и поэтому, былъ совершенно спокоенъ, предоставляя себѣ право, доказывать всему поселку, что петербургскій человѣкъ цѣлый день пьетъ и все-таки пьянъ не бываетъ; кромѣ этой способности, вынесенной изъ петербургской жизни, онъ въ два года совершенно переродилъ свою внѣшность: клиновидная борода была тщательно подстрижена, почти подъ гребенку; лицо, обрюзгшее и отекшее отъ множества всякаго рода чаевъ и питій, проглоченныхъ имъ въ столицѣ, почернѣло, но сохраняло достоинство и гордость. На родинѣ онъ не стѣснялся костюмомъ: на головѣ былъ кожанный картузъ, на плечахъ халатъ, ноги босикомъ. Глухая, подъ самое горло, жилетка, и синіе со складками штаны—составляли весь его костюмъ. Не мало также измѣнился онъ къ женѣ. Пухлая баба въ нѣмецкомъ платьѣ не привлекала его взоровъ, послѣ столичныхъ удовольствій; онъ даже былъ совершенно равнодушенъ къ ея двухъ-годовому одиночеству, хотя и слышалъ, что *что-то* произошло *этакое*...

— Плевать! говорилъ наѣздникъ.

Полдень. Жара и духота. Наѣздникъ стоитъ въ сѣняхъ, держа на ладони мѣдныя деньги и глубокомысленно выкраивая изъ этихъ пятаковъ и семитокъ, провонявшихъ въ мужицкихъ кошеляхъ,—полштофъ. Арендатель, оставленный въ качествѣ дворника и полнаго хозяина, впредь до ободранія шкуры, выкачиваетъ какую-то разсохшуюся бочку изъ кухни. Въ бочкѣ горячая вода.

— Ишь! говоритъ онъ, какъ расперло, ничего не сдѣлаешь.

— Я тебѣ, харя татарская, сколько твердила, говорила хозяйка. А?

— Марья,—холодно произнесъ мужъ,—еще трешникъ.

— Будетъ тебѣ.

— Ну, давай, давай... некогда! видишь время-то... Давай! Разсохлась, говоришь?

— Какъ есть!

— Ну, погоди! авось ссохнется... Это, братъ Ипатьичъ,—ты все на своей спинѣ пиши: вѣтеръ, бочка... все ты.

— Околѣешь! Истинно околѣешь? Бочка разсохлась—я? а?

— Ты, будь покоенъ. Марья! давай же .. Эка баба!

— На, на ужь пятакъ серебромъ... доволенъ, что-ль.

— Погоди! сколько же это?... да, дда, да... Аль полштофъ? давако-сь ещо семитку... Живо!.. тороплюсь... Разсохлась!.. Нѣтъ, ты братъ, погоди, засохнешь.

— Да и такъ засохнешь!.. истинно... Ай, ай, ай!.. Ну, время.

— А ты думалъ какъ?.. Марья!

Въ это время къ крыльцу подъѣхали два экипажа. Одинъ изъ нихъ былъ огромная троечная старая телѣга, съ истрепавшимся узкимъ задомъ, широкимъ и высокимъ передомъ, запряженная тощей клячей, съ разспертой въ стороны дугой, выгибъ которой лежалъ на холкѣ у клячи. Въ такомъ экипажѣ пріѣхала къ наѣзднику мать, старуха съ безтолковыми глазами, лишившими лицо ея той неумолимой строгости, которую она хотѣла придать себѣ. Маленькая старушка была въ лохмотьяхъ, съ какою-то тряпкой на головѣ. На бѣговыхъ дрожкахъ, съ крѣпкимъ дюжимъ мериномъ въ то же время подкатили два мѣщанина, въ длинныхъ сюртукахъ и сапогахъ по колѣно.

— А! Филипъ Іонычъ! Добраго здоровья! Марья,—гости, давай еще! Ахъ, маменька!... Давай гривенникъ... Сколько лѣтъ, сколько зимъ...

— Истинная правда... Не чаяли признаться увидать.

— Прошу покорно въ горницу.

Мѣщане пошли въ комнату.

— Ты что же это со мной-то не здороваешься? заговорила мать, останавливаясь противъ сына.

— Сію минуту... Иванъ, бѣги:—полштофъ... Живо!.. Ахъ, маннька!

Слѣдуетъ цѣлованіе.

— Какъ живете? Хотѣлъ все, собирался вамъ гостинцу, да, признаться, забылъ.

— Мать-то забылъ?

— Помилуйте, какъ можно забыть... Марья, огурчиковъ!

— Ты что же это у матери руки не поцѣловалъ? а?

— Руки-то?.. Да, признаться... Неси, неси сюда, давай!

Хозяинъ принялъ полштофъ изъ рукъ Ивана и, отправляясь къ двери, бормоталъ:

— Руки-то?.. Это я собственно потому... Вы маннька погодите, тутъ я сейчасъ...

Хозяинъ вошелъ въ комнату. Начался веселый разговоръ.

— Марья! рюмочку... Иванъ, торопись .. Ну, Филипъ Іонычъ, бачука, ну-те-ко-сь, чокнемтесь.

— Истинно. Надолго-ли къ намъ?

— Да, признаться, не знаю... Ну, какъ ваши дѣла?

— Благодареніе Богу.

— Слава Богу... Ну-ко рюмочку.

— Федька! закричала старуха. Ты такъ-то мать почитаешь!

— Ахъ, маннька! Вы не натруждайте себя... Я, видитъ Богъ! Собственно за хлопотами.

— Я къ тебѣ, подлецу, съ молитвой собиралась... такъ-то ты меня помиловалъ?

— Господи! миловать мы можемъ... Не безпокойтесь. Филипъ Іонычъ, ну-ко, сдѣлай милость.

— Дьяволъ! вѣдь сестринъ-то мужъ ушолъ... Пятый годъ нѣту. Намъ трескать нечего.

— Ушолъ? ай, ай, ай! Филипъ Іонычъ, сдѣлай милость! ай ужь все? Иванъ! то бишь...

Старуха плюнула и ушла.

— Маннька! Я сію минуту... Ушолъ? Гм... Марья, тебѣ я говорю! оглохла? двугривенный.

— Да это ты, что же?

— Давай! О, баба, то-ись, ежели знаете, Филипъ Іонычъ, съ петербургской-то приравнять...

— На, подавись...

Хозяинъ взялъ деньги и продолжалъ:

— Иванъ! Живо.

— Я,—духомъ...

— Ахъ, Филипъ Іонычъ, ну что же салотопня-то его, какъ? Андреева-то?

— Да салотопня эта прикончена...

— Сссс... А сынъ.

— Утопъ! Комедія!.. Нѣтъ, какая исторія.

Началось разсказываніе исторіи... Хозяинъ весь впился

въ разскащика. Филипъ Іонычъ размахивалъ руками и говорилъ:

— На углу-то мы маненечко и попридержи. Я шепчу: Что? Не видать?.. Иванъ Егоровъ съ дубиной... Только, братцы мои, вижу я—онъ его какъ чесанетъ... да потомъ въ сани... То есть, тутъ смѣху... «Держи, держи, держи»... Такъ мы и покатываемся,—въ полсекунды допорхали...

Хозяинъ выразилъ на лицѣ полное удовольствіе...

— Ну, а баба что?

— Баба? Та совсѣмъ растаращилась,—визжитъ.

Общій, дружный пріятельскій смѣхъ. Является мать наѣзднка въ слезахъ...

— Демонъ! говоритъ она сыну. Слышь, о чемъ я тебя молила-то.

— Какже, маннька, я слышу все явственно... Не безпокойтесь, сдѣлайте милость.

— Жрать нечего... Слышь: побираться сестра-то пойдетъ.

— А мужъ-то?

— Дьяволъ этакой... Про что жъ я тебѣ говорю—ушолъ!

— Да, да, да!.. ушолъ... Филипъ Іонычъ, черкани еще рюмочку... Ушолъ?..

Старуха молча плакала.

— Не безпокойтесь, маннька, говорилъ наѣздникъ, наливая Филипу Іонычу: все Богъ, сами знаете... Марь!..

— Ты сестру-то, сказала старуха, къ себѣ безпремѣнно возьми.

— Къ себѣ-съ? Марь!.. Иванъ!.. Ахъ черти! Давай еще на косушку. Иванъ!

— Слышишь что ли, что я говорю?

— Слышу, слышу все какъ есть... Иванъ! Что у тебя ноги-то отсохли? Живо! Вы маменька говорите, я слышу.

— Сестру возьми.

— А мужъ?

Старуха плюнула съ ожесточеніемъ и вышла изъ комнаты. Въ окно было видно, какъ она торопливо отвязывала свою лошадь.

— Погодите, друзья, надо маменьку проводить, сказалъ наѣздникъ

На крыльцо вышли отъ скуки всѣ, и гости даже. Старуха сѣла въ телѣгу, стоявшую задомъ къ публикѣ, и долго не рѣшалась ѣхать, вяло дергая возжами.

— Маменька, говорилъ наѣздникъ, что же мало изволили погостить?

— Возьми сестру-то, Иродъ! сказала старуха поворачиваясь.

— Господи! кабы моя воля... А то сами знаете...

— Будь ты проклятъ!

— Ахъ, помилуйте...

Старуха разсерженно хлестнула лошадь и двинулась.

— Издохну на дорогѣ! закричала она.

— Помилуйте! сказалъ наѣздникъ.

— Аспиды, черти, изверги! оборачиваясь кричала мать.

— Тамъ, маменька, на поворотѣ-то поосторожнѣй, тоже кричалъ ей вслѣдъ цѣловальникъ... Тамъ калдобинка! Жалуйте еще какъ нибудь.

— Готово, сказалъ Иванъ, запыхавшись вбѣгая на крыльцо съ полштофомъ.

— Давай! Филипъ Іонычъ, пойдемъ: ахъ, братецъ ты мой! сколько лѣтъ, сколько зимъ, а?

— Давно!

Черезъ нѣсколько времени, на столѣ въ большой комнатѣ кипѣлъ самоваръ, стоялъ полштофъ; хозяинъ, хозяйка и гости чинно пили чай. Раскраснѣвшіеся отъ водки гости, осовѣлыми глазами смотрѣли на хозяина, слушая его разсказы.

— У граха Холбина тоже полгода выжилъ. Гнядова жеребца выѣзжалъ, потомъ того, онъ меня при себѣ:—оставайся, говоритъ, Федоръ при мнѣ. Я, говоритъ, доволенъ. Слушаю, говорю...

Въ горницу вошелъ Иванъ.

— Федоръ Кузьмичъ, сказалъ онъ почесывая въ головѣ. Вотъ ты говоришь, все я... И вѣтеръ напримѣръ съ меня взыщется, и разсохлась,—все я же.

— Н-ну?

— Ну, вотъ теперича это дѣло. Ночевали по веснѣ гуртовщики, скоту полонъ дворъ; быки, обнаковенно,—муской олъ, самъ знаешь... Одинъ вотъ этакъ-то и вывернись, да

прямо лапами въ дверь, въ анбаръ т. е., и выломалъ ее туды внутро... дверь-то. Это съ кого? Быкъ-то?

— Все ты же.

— Ей богу околѣешь!... Я?

— Да ты!.. Отстань, надоѣлъ... Я тебѣ скажу одно... На-ко рюмо́чку выпей...

Иванъ держалъ рюмку и слушалъ, что скажетъ хозяинъ.

— Я тебѣ скажу одно: законовъ теперича, эва сколько! Ежели я суда въ одной книгѣ не сыщу, я въ другую вдарюсь,— такъ?

— Это вѣрно.

— Ужь гдѣ же нибудь да сыщу, что приказано мнѣ будетъ и движимое и недвижимое съ тебя получить...

— Это братъ, вѣрно.

— Слѣдова́тельно ты, Иванъ, мнѣ за самую малость отвѣтишь...

— Что же! Стало быть я всего рѣшусь?

— Тамъ какъ по счетамъ... Надо быть всего!.. Пей!

Иванъ покачалъ головой и, поднося стаканъ къ губамъ, сказалъ:

— Ну, будьте здоровы!

— На здоровье.

Иванъ поставилъ на столъ выпитую рюмку, покачалъ головою и вышелъ въ сѣнцы, потомъ на крыльцо. Облокотившись на перила онъ думалъ:

— Околѣешь!.. а? Медвѣжимовое... Все до чиста! околѣешь!

Въ это время ко крыльцу подошли два прохожихъ: одинъ длинный, сухощавый съ какимъ-то ящикомъ за спиною, въ одной жилеткѣ, широкихъ панталонахъ и калошахъ набосу ногу; лѣтъ ему было подъ сорокъ. Другой плотный, средняго роста, рябой, съ длинными черными волосами, загибавшимися изъ-за уха кольцомъ. На головѣ ветхая фуражка, на плечахъ пальто изъ чернаго солдатскаго сукна, боскомъ. Съ виду онъ не моложе своего спутника.

— Нѣтъ-ли гдѣ уголочка, другъ,—заговорилъ сухощавый, обращаясь къ Ивану, намъ бы самое это полымя-то—жару передышать...

— Счаво-жь, заходитя.

— Въ холодокъ бы гдѣ...

— Я васъ въ анбаръ поселю.

— И пречудесно.

Иванъ неторопливо слѣзъ съ крыльца и, шлепая сапожными опорками, повелъ ихъ улицей въ ворота.

— Вы откуда-жь это идете-то?

— Я-то, говорилъ сухощавый, я не далеко... всего двадцать верстъ... У помѣщика, у господина Чекмарева, ежели слыхалъ...

— Чакмаря? знаю. Это въ Багывленскомъ?

— Ну во... онъ самый. Ну я у него, въ церкви тамъ по живописной части маленько потрудился.

— Стало быть живописцы?

— Н-да-съ... художники.

Иванъ привелъ прохожихъ въ анбаръ, гдѣ было дѣйствительно свѣжо, хоть воздухъ былъ нѣсколько непріятенъ.

— Ну вотъ, художники,—вотъ бы вы тутъ какъ-нибудь.

— Мы, съ удовольствіемъ. Мы подстелемъ что нибудь... А ящикъ-то подъ голову.

— Это ящикъ что такое? живопись?

— Да, предметы къ этому-тоись...

— Ну, предметы подъ голову.

— Ладно, ладно. Спасибо, другъ... Мы разберемся.

Прохожіе начали укладываться. Иванъ постоялъ и неторопливо пошелъ къ двери. Живописецъ и спутникъ его, разостлавъ по полу свои одежи, растянулись.—Фу, батюшки, благодать какая... Ужь и жара; бормоталъ живописецъ.

— Паритъ! сказалъ спутникъ.

— Смерть... Уфъ, Боже мой... Разуться... Ну, батюшка, что же вы мнѣ не договорили, какъ вы это грѣшить винцомъ-то начали.

— Да такъ и началъ-съ, серьезнымъ и нѣсколько грустнымъ басомъ заговорилъ его спутникъ... Изъ-за пустяковъ, дальше да больше... Наконецъ того доходитъ въ замѣту самому. Подъ Тихоновъ день, какъ теперь помню, призываетъ онъ меня, и строго выговариваетъ за мое поведеніе. Я же признаться изучился тщательно во лжи и отвѣчалъ ему: «В. п!.. простите меня. Семь лѣтъ съ зятемъ и сестрой не видался.

Проѣзжая изъ Москвы, поподчивали они меня. Какъ владыку прошу простить меня или наказать...» На это они сказали: Прощаю... Я же ползъ на колѣняхъ, говоря: — Накажите!— Прощаю!—Изувѣчьте!—Вонъ! Ухожу...

Иванъ высунулъ голову въ дверь и произнесъ:

— Художники, господа! Вы будьте столь добры не курить!

— Нѣтъ, небойся, заговорилъ живописецъ...

— Ужь сдѣлайте милость. Время сами знаете какое. Чего Боже избави—искра и шабашъ.

— На этомъ будьте покойны. Я тыщи рублей не возьму, чтобъ его коснуться... Тьфу.

— Тото-съ... Сушь! порохъ! Да опять-же въ случаѣ чего, у насъ за это первое дѣло безъ церемоніи въ темную.

— Боже избави!

— Ужь будьте такъ добры! Время опасное, да опять и въ темную запремъ.

Иванъ ушолъ бормоча:

— Чего добраго, еще за полымя взыщутъ. Загорись—и въ отвѣтѣ. Удивленье!

Жара и тишина между тѣмъ все болѣе и болѣе налегала отовсюду; протянувшійся на высокомъ холмѣ лѣсъ засинѣлъ подъ косыми солнечными лучами; вѣтеръ вяло дышалъ въ разгорѣвшееся лицо. Насѣдка съ цыплятами чуть слышно ворчала подъ крыльцомъ. По дорогѣ въ холодкѣ пробирались богомолки, надвинувъ на лицо головныя платки и нагнувъ голову. Навстрѣчу имъ шелъ пьяный мужикъ, въ разстегнутомъ свитѣ.

— Оттуда? проговорилъ онъ.

— Кіевскія, батюшка, кіевскія.

— К-еивскія! а-а за меня чай забыли помолиться?

— Какъ забыть. Мы про тебя всю дорогу вспоминали.

— То-то! шкуры этакіе. На васъ не закричи, вы и рады...

Мужикъ спотыкнулся и безъ шума повалился на бокъ; онъ приподнялся было на одной рукѣ, подумалъ и легъ опять, проговоривъ:

— Ещо маленько сосну.

Посреди постоялаго двора на солнцѣ стояла телѣга съ какимъ-то продуктомъ, тщательно закрытымъ кожами и увя-

заннымъ веревками. На телѣгѣ спалъ хозяинъ ничкомъ, отпряженная лошадь ѣла овесъ изъ мѣшка, привязаннаго между оглоблями. По временамъ она валялась на землю, звякая бубенцами.

— Дья-валъ! поднимая лохматую голову, кричалъ на нее мѣщанинъ.

Лошадь становилась на ноги, вся усѣянная сухимъ навозомъ. Мѣщанинъ со сна звѣрски вытягивалъ ее кнутомъ, снова подгоняя къ овсу.

Тишина стоитъ мертвая. Только въ анбарѣ слышенъ басъ прохожаго.

— Терпѣлъ я четыре съ половиною года, женясь,—разсказывалъ спутникъ живописца,—и въ это время тысячекратно утруждалъ его о рукоположеніи меня. Но получалъ въ отвѣтъ: «подумаю». Я являюсь на четвертой недѣлѣ предъ благовѣщеніемъ: «Я, Егоръ Смягинъ, подаю прошеніе: довольно я терпѣлъ четыре съ половиною года, прошу всенижайше разрѣшить меня къ рукоположенію». Но онъ опять отвѣчаетъ мнѣ: посмотрю. Горько мнѣ признаться стало; повалился я въ ноги, сталъ просить... говорю: ежели достоинъ, то разрѣшите, ежели нѣтъ, — изгоните.—Вонъ! говоритъ...

— Погодикося другъ,—семъ-ко я испить чего нибудь поищу, сказалъ живописецъ.

— Холодненькаго! добавилъ спутникъ.

— Да, кваску-бы.

Живописецъ всталъ, тихо отворилъ дверь и тотчасъ же закрылъ глаза отъ нестерпимаго солнечнаго блеска. Онъ нашелъ Ивана спящимъ.

— Другъ, осторожно касаясь его плеча, шепталъ онъ... Милый человѣкъ!

— Помило сердуй! забормоталъ Иванъ въ просонкахъ. Хоть за быка-то не вычитай. Фед... Ахъ! Ахъ, братецъ ты мой... А мнѣ тутъ приснилось... Кваску?.. Это я тебѣ съ удовольствіемъ.

Иванъ отправился въ горницу, взялъ у хозяйки ключъ отъ чулана, находившагося тутъ-же, и нацѣдилъ квасу. Живописецъ перекрестился, выпилъ и крякнулъ.

— Ахъ, хорошо. Ужь сдѣлайте милость и товарищу. Смо-рились.

Иванъ снова полѣзъ въ чуланъ и, вынося кружку, говорилъ.

— И товарищъ твой тоже насчетъ... эти самые предметы... то бишь, какъ ихъ...

— Нѣтъ-съ; они духовные. Да такъ какъ-то, въ разстрой-ствѣ. Вдовые,—и всего лишены.

— Ну неси ему.

Спустя нѣсколько времени Иванъ снова завалился спать на крыльцѣ, а товарищъ живописца, опомнясь отъ восторга послѣ выпитаго квасу, опять разсказывалъ. Рѣчь его зву-чала какъ-то однообразно; онъ разсказывалъ словно выгвер-женную наизусть исторію, или же какъ будто репетировалъ прошеніе кому-то, гдѣ излагалъ формальнымъ слогомъ свои бѣды.

— ...Черезъ два года былъ я рукоположенъ. Но несча-стія мои не оставляли меня. Въ 1849 году 6 марта, какъ теперь помню, пріѣзжаетъ къ намъ въ К. Генералъ-лейте-нантъ Лампасовъ. Приходитъ къ намъ въ церковь. Я стоялъ на хорахъ, владыки не было. Феофанъ, казначей, отлучился къ Софьѣ Осиповнѣ Труницыной. (Бывало... ну я вамъ послѣ пораз-скажу.) Начинаю я пѣть обѣдню. Спрашиваетъ меня тенори-стый, какъ вы, Егоръ Прохорычъ, прикажете стихиры пѣть или читать? Отвѣчаю: на 9-й гласъ пойте. Все шло хорошо. Только забывшись, я вдругъ и запѣлъ: *Свѣте тихій.* Нашъ же попъ, который теперь разстриженъ, изъ южныхъ дверей кричитъ: «дуракъ! замолчи!» Разогорченъ былъ этимъ генералъ Лампа-совъ, и тотчасъ пообѣщался довести до свѣденія. И вдругъ я внезапно узнаю: въ консисторію спущена резолюція: «уда-лить Егора Смягина по нестерпимому его поведенію, лишивъ ношенія рясы.»

— Вотъ-тѣ на! протянулъ живописецъ...

Спутникъ его на это только крякнулъ и помолчавъ про-должалъ.

— Поѣхалъ я на дьячковскую вакансію въ село Голенищи. Живу полгода, ограничилъ себя во всѣхъ похотствованіяхъ своихъ, а потомъ являюсь въ К. съ просьбою къ самому: «разрѣшить меня, оставляя на дьячковской вакансіи, по дохо-

дамъ.» Спущаетъ резолюцію: «Узнать, какъ онъ себя велъ...» Но такъ какъ благочинный Зерцаловъ не рожденъ для добра, то и отвѣчаетъ: «по дошедшимъ до меня слухамъ, — несовершенно добропорядочно...» Спущаетъ резолюцію: «воротить въ Голенищи!» Падаю я въ ноги и молю: «не терзайте меня или же уничтожьте».—Вонъ! говоритъ...

Настало небольшое молчаніе. Спутникъ живописца поправился на своемъ ложѣ, и снова, смотря въ потолокъ, ровнымъ форменнымъ слогомъ продолжалъ:

— Сидя въ Голенищахъ, по возвращеніи, за столомъ у крестьянина Никифора Степанова, не сталъ я водки пить... Тутъ же благочинный Зерцаловъ сидѣлъ, праздникъ какой-то былъ.—Что же, сказалъ Зерцаловъ съ ироническою улыбкою въ лицѣ... или вы не хотите теперь водки пить? намекая тѣмъ, какъ меня поперли подъ его начало на смиреніе...

— Меня взорвало. Беру стаканъ и говорю хозяину: налей! Взявши стаканъ въ руки, говорю мучителю моему... Неужели же ты думаешь, что я боюсь тебя? но твое безуміе побудило меня, чтобы я пилъ! Выпивши, говорю: «ты кончилъ курсъ, а забылъ, что не всякому слуху вѣрь!» На это отвѣчалъ онъ. «По нашему гнуть такъ гнуть.» Я же отвѣчалъ: «Ваше благочиніе! вѣдь я знаю, какъ дуги гнутъ. Ихъ нужно распарить, а не вдругъ... а не то вѣдь соскочитъ, да въ рожу...» Съ тѣхъ поръ началась у насъ вражда, доколѣ меня не порѣшили...

Тянулось долгое молчаніе. Живописецъ часто вздыхалъ, прибавляя «Боже, Боже...» Спутникъ его тоже вздыхалъ, но рѣдко и глубоко.

— Ну, что же, спросилъ наконецъ живописецъ. Какъ это васъ всего-то порѣшили!

— Черезъ клевету... Оклеветали меня въ убійствѣ жены.

— А-а-а!

— Да-съ. Точно что, не запираюсь, въ унынiи и горести моей, бывало, бивалъ я ее жестоко. Не утаю ни отъ кого, колачивалъ. Но на сей разъ, т. е. на счетъ убійства, передъ Богомъ и передъ людьми покаюсь — чистъ. Случилось дѣло черезъ это подлое вино. Надо по совѣсти сказать—оба мы съ женой при-

держивались его. Она даже жесточе меня... Черезъ это и случилось. Видите ли, былъ я у помѣщика, у г-на Басова, и испросилъ у него десять рублей серебромъ, намѣреваясь купить якобы срубъ. По дорогѣ, проѣзжая мимо знакомаго кабака, купилъ я винца полведра для рабочихъ плотниковъ; штофъ-же отдѣльно для семейства,—для себя и супруги моей. Дорогою я, признаться, изъ штофа примѣрно перстовъ на двѣнадцать отпилъ, да близь деревни еще немножечко глотнулъ, такъ что собственно штофъ я выпилъ весь, ведро же доставилъ въ цѣлости. Время было осеннее, въ избѣ холодъ и темно; подъ вечеръ жена моя лежитъ на постели и охаетъ. Тѣлосложеніе она имѣла тщедушное... Я съ любовью подхожу къ ней и вдругъ чувствую спиртный запахъ.—Что съ тобой? Въ отвѣтъ на это спрашиваетъ она меня: «Это что?»—Вино! »Дай, Христа ради!..» Далъ я ей чайную чашечку и повелъ лошадь къ дьячку. Возвращаюсь домой не болѣе какъ черезъ нѣсколько минутъ и вижу: жена лежитъ безъ чувствъ на полу, чашка около нее валяется, и ведро это самое откупорено... Ужасъ объялъ меня! Сталъ я на нее со свѣчкой смотрѣть: ротъ раскрыла, губы черныя, такъ и пышетъ виномъ, ровно бы пламенемъ... Съ жалостію перенесъ я ее безъ чувствъ на кровать. Спрашиваю у работницы: что съ ней?.. «Они, говоритъ, десять чашекъ выпили.» Тутъ я съ горя, не утаю, пилъ цѣлую ночь до бѣла свѣта. На утро открываетъ жена глаза, никакъ не можетъ открыть. Боль. — Что ты? Только рукой чуть-чуть. Сожалѣя о ней, послалъ я полштофъ и поднесъ ей чашечку... Съ жадностью выпила она.—Еще. Я еще. —Еще... Я еще; да никакъ штукъ семь!.. Упала она и посинѣла вся. Какъ теперь помню, тоже былъ полдень—ни въ деревнѣ, ни въ избѣ ни души не было, жара стояла нестерпимая. Сижу я у окна и думаю: Господи! что же это я всю жизнь мою страдаю! Ни кола у меня, ни двора, ни хозяйства, только буйство одно и пьянство. Съ горя подзываю я мальчика маленькаго и прошу его добѣжать въ кабакъ; онъ приноситъ; къ этому времени очнулась жена. Посадилъ я ее къ окну; на столѣ промежду насъ—полштофъ. Дай! говоритъ. Я далъ. Отпила она каплю, толкаетъ—не надо. Черезъ минуту опять: дай... Потомъ вдругъ: ахъ, ахъ, ахъ!.. жжотъ,

ахъ, жжотъ, и тутъ она чашки четыре полныхъ выпила; у самой глаза, какъ угли. Начала пятую, да какъ вскрикнетъ,— кровь горломъ... Брякъ со стула и духъ вонъ...

— Боже, Господи, Владыко! въ ужасѣ произнесъ живописецъ. А?.. Умерла?

— Умерла...

— Царь небесный!

— Ну, а потомъ все обвиненіе черезъ родственниковъ... Обидно было имъ, какъ ее потрошили?

— Потрошили?

— Какже, рѣзали... Увидали кой-какіе напримѣръ ушибы. вывихи,—убилъ. Я говорилъ судьямъ,—ваше высокоблагородіе, всѣ эти синяки и увѣчья получены ею въ теченіи десятилѣтняго замужества, во время ея жизни, а не въ день преставленія... Но не вѣрили мнѣ и судили. Присудили — лишить всего и сослать въ монастырь на покаяніе...

— Были?

— Былъ въ трехъ. Но по чистой совѣсти сказать — изгоняли меня.

— За что же?

— За нетрезвое поведеніе. Вѣдь я запоемъ-съ...

— А-а-а!

— Д-да. Вотъ теперь мѣсяца два воздерживался, и ужь чувствую—сосетъ. Какъ бы Господь далъ до города добраться, — все подымутъ на улицѣ гдѣ... А то боюсь, нуко-сь гдѣ нибудь посередь дороги схватитъ,—сгніешь въ канавѣ...

Спутникъ живописца помолчавъ прибавилъ:

— Да, признаться, чуетъ мое сердце, что околѣть мнѣ скоро... Разслабѣлъ... Съ двухъ рюмокъ остервеняюсь. Околѣю...

Тягостное молчаніе.

— Боже, Господи! защити меня! съ чувствомъ произнесъ разскащикъ.

Молчаніе воцарилось снова. У самыхъ дверей анбара, долго пищали цыплята, слонявшіеся толпою за насѣдкой. Слышался звукъ бубеньчика; гдѣ-то вдали звенѣлъ колокольчикъ.

— Дья-ввалъ! оралъ мѣщанинъ на лошадь и хлесталъ ее кнутомъ.

— Вотъ вы, заговорилъ живописецъ, про родственниковъ-то упомянули; то есть про родню.

— Да.

— Я тоже наглядѣлся на нее. То есть, на вашу духовную-то. Боже, какое ослѣпленіе.

— Наглядѣлись?

— Наглядѣлся; стрась! Вотъ я вамъ разскажу эту исторію...

— Милыя! раздался голосъ у дверей, что жь щецъ-то похлебаете?

— Надо-бы, голубушка, отвѣчали прохожіе.

— Ну, ступайте. Иванъ! гдѣ этотъ дьяволъ, Иванъ?

Ивану въ это время грезилось, какъ съ него идетъ взысканіе за вѣтеръ, за быка и проч. Судьи рѣшаютъ его освободить; Иванъ хочетъ поклониться въ ноги, въ это время раздается толчокъ въ плечо,

— Аль ты оглохъ? говоритъ хозяинъ. Бѣги живѣй,—полштофъ, да проворнѣй.

— Ссію минуту!

Иванъ пускается въ кабакъ.

II.

«Одно время, разсказывалъ живописецъ послѣ обѣда, по прежнему лежа въ анбарѣ; одно время былъ я въ большой тягости: работы никакой, супруга померла, на рукахъ малый ребенокъ да теща старуха: сами судите куда дѣться? Питьѣсть надо; сталъ я въ эту пору всяческія работы принимать, какъ ни горько было унизить свое художество. Случалось чиновникъ забѣжитъ съ разбитымъ глазомъ, ну за гривенничекъ ему синякъ-то и загрунтуешь, потому опасается къ начальству идти,—съ увѣчьемъ топись; а иной,—вотъ тебѣ, скажетъ, Гаврилычъ, четвертачекъ, поднови ты мнѣ канурусобачью по византійскому рисунку. Ну и разцвѣтишь ее. Просто горе было неописанное. Жилъ я въ эту пору въ глуши,—у одной мѣщанки уголокъ бралъ, и тутъ-же полонъ домъ семинаристовъ напущенъ. Гамъ, шумъ—сами знаете чай. Старшой пер-

вое удовольствіе въ трактиръ; мелкота—въ драку. Боже избави! Опять эти возрастные, окромя трактиру, безпремѣнно съ мѣщанками любовь заведутъ, тѣ жаловаться къ начальству, — комедія. Тутъ я и призналъ одного человѣчка—богослова; тихій красивый, бѣлый, высокій, волоса черные, курчавые... Очень добродушный былъ юноша. Бывало придетъ: ахъ говоритъ, Викторъ Гаврилычъ, какую я книгу читалъ! Какую-же-съ, спросишь.—Дивную, говоритъ... И потомъ.—Голубчикъ Викторъ Гаврилычъ, нарисуйте мнѣ этакую картинку: вода, ракита... да лучше я вамъ прочту. И начнетъ. Я, признаться, толкомъ-то не понималъ, въ чемъ тутъ сила, однако-же бывало до слезъ разстрогивался, на него глядя. Вижу я, началъ онъ черезъ тоску свою—въ кабачекъ. Замѣчаю ему: «что же это, говорю, Коля,—такъ неловко. Теперь, говоритъ, не буду... Вчера былъ въ театрѣ и теперь не буду.» И дѣйствительно, пересталъ; но замѣсто того каждый день въ театръ, каждый день въ театръ. Кажется, только одинъ тулупъ на плечахъ остался—все спустилъ. Дяденька у него былъ, въ палатѣ служилъ въ одной, узналъ онъ про это, явился и препорядочно таки его распатронилъ. Шло такъ долго. Все онъ въ театрѣ, бывало, какъ нищій какой, мѣстечка вымаливаетъ постоять и каждый день домой часу въ первомъ приходилъ. Что это говорю, Коля, ты этакъ-то шатаешься по ночамъ? Тутъ онъ маленько въ конфузъ вошелъ, однако-же разсказалъ мнѣ, что втемяшилась ему въ башку одна ахтерка. И что-же, другъ ты мой, онъ дѣлалъ? Сейчасъ эту ахтерку отъ самаго тіатру до дому провожаетъ. Сначала, говоритъ, гнала его прочь, потомъ сжалилась, только, говоритъ, у фонаря не становись, чтобы публика не видала твоего авчиннаго безобразія. «Я, говоритъ Николай-то, стану въ сторонкѣ, на углу,—дожидаюсь... Подъѣдетъ, остановится: «садись»... Ну, онъ обыкновенно сейчасъ на козлы, и всю дорогу разговоры... «Иной разъ, разсказывалъ, сколько выѣздимъ по городу-то...» Ну, что же, спрашиваю, къ себѣ-то припущаетъ-ли? — Нѣтъ не подпущаетъ; только что ручку даетъ поцаловать. Тутъ ахтерка эта стала ему давать билетъ въ раекъ. И ужь какъ-же рнъ радъ бывалъ, коли она глазкомъ туды въ рай-то къ нему замахнетъ! Вижу колѣетъ мой малый,—похудѣлъ. Въ тую-жь пору одинъ изъ

братьевъ его женился, взялъ благородную, дворянку. Тутъ на радостяхъ-то его, Николая-то, кой-какъ обшили, видъ ему дали какой нинаесть, и съ первоначала—не очень-то лаяли на него. Однова прибѣжалъ онъ ко мнѣ,—«хватай говоритъ краски,—пойдемъ.» Собрались мы духомъ; притащилъ онъ меня къ братнину тестю въ сарай, сейчасъ эти сани, дрожки, которыя были, прочь,—«грунтуй, говоритъ; театръ строится; рисуй дерево, хижину, воду.» Принялся я за работу, расписалъ ему стѣну въ лучшемъ видѣ, даже такъ, что самъ удивился. Декораціи какія надобились тоже пріуготовилъ; на занавѣси по его приказанію голубой краской пустилъ и золотомъ звѣзды разбросалъ дивно! Подходитъ этотъ самый день, надо ужь представленью начинаться: суетъ мнѣ Николай въ руку записку,—бѣги, говоритъ, отдай этой камедіянкѣ-то самой и скажи, чтобъ безпремѣнно приходила: ей пропускъ будетъ; отдалъ я. Что же ты думаешь, другъ, — пришла вѣдь! Тоесь какъ онъ обрадовался! Совершенно какъ сумасшедшій сталъ...

— Хорошо. Сыграли это, и онъ игралъ; преотлично, надо сказать, сыграли. Народу навалило тьма тьмущая: семинаристы это, бабы разныя, чиновники, то есть вся улица какъ есть привалила. Христа ради просятъ: позвольте въ щелочку заглянуть. Ужь и надорвали животики! Этакого смѣху, кажется, въ жизнь свою никто не видалъ. И любезная его тоже хохочетъ и въ ладоши бьетъ. Много что-то они тутъ представляли,—ужь я теперь и не упомню. Опослѣ того представленія — къ тестю, пить. Нашъ Коля пообглядѣлся маленько, видитъ компанія зачумѣла, сейчасъ за шапку ды къ ней... ды цѣлую ночь и не бывалъ... Тутъ малый къ этой бабѣ совсѣмъ присосался, и все ученье навыворотъ пошло.

— Дальше да больше, дальше да больше,—анъ и подошло ему время семинарію кончать... Тогда стали ему родные говорить, «ты молъ, Коля, теперича понапри въ науку-то; старайся какъ можно...» Братъ женатый говоритъ ему, окромя того: «ты знай, что быть тебѣ въ монашескомъ званіи, ибо за прежніе успѣхи выхлопочемъ тебя въ академію. Дослужишься, Богъ дастъ, у начальства, получишь мнѣніе и въ архимандриты выйдешь.»

— Братецъ! говоритъ Николай-то, я совсѣмъ по этому зва-

нію идти не могу, потому противъ души моей будетъ. Я желаю въ ахтера.

— А мы желаемъ въ монахи!

Тутъ малый и сѣлъ! Сами посудите, какое же это соотвѣтствіе? Стали его на двѣ части рвать,—сталъ малый убиваться и винцомъ маленько того... Подходитъ это самое послѣднее время, — «ахъ говоритъ, брошу я всѣ эти книжки, авось, говоритъ, выгонятъ въ шею... Совсѣмъ бросилъ учиться, махнулъ рукой, и въ той надеждѣ былъ, что исключатъ его, или по третьему разряду выпустятъ; но однакоже такого онъ ума обширнаго былъ, что все же и при нерадѣніи въ первыхъ вышелъ... Весьма его это убило! Запивалъ онъ въ ту пору ужь препорядочно. А отъ бабы этой, любимицы-то, и не оторвешь его. Часто я туда ходилъ за нимъ и бывало видишь, какъ она хлопочетъ,—напримѣръ сейчасъ его на кровать, окно завѣситъ, на цыпочкахъ ходитъ... цссс... «почиваютъ»... Бывало станетъ мнѣ говорить: «я, говоритъ, на своемъ вѣку видѣла муской полъ, не утаю; ну, только Колю мнѣ пуще всѣхъ жаль—простъ онъ и окромя того душу въ себѣ имѣетъ высокую. Да ужь и любитъ же онъ меня! Куда ему въ монахи!» Оно такъ по настоящему и выходило. Между прочимъ съѣзжаются изъ деревень родственники за дѣтьми, что бы то есть на вакацію домой взять. Помню я одинъ денекъ. Даже теперь страшно вспомнить, какую человѣкъ лютость въ себѣ имѣть можетъ...

Собрались, помню, родственники Николая у женатаго брата въ комнатѣ: страсть народу. Все это въ куражѣ,—бурлитъ... Собралась вся эта компанія провожать Колю въ Москву, въ академію. Все это оретъ, кричитъ; пѣсни, ругательства, водка. Коля цѣлый день какъ шальной ходилъ. Поблѣднѣлъ, похудѣлъ, словно годъ въ лазаретѣ вылежалъ. Назначено было ему ѣхать съ капитаномъ Звѣревымъ. Помню: капитанъ этотъ молодой, плотный, приземистый, рожа красная, усы черные и лысинка небольшая Ходилъ на распашку; понталоны широкіе со складками и манишки черныя носилъ. Сейчасъ пришелъ, шапку бросилъ въ уголъ, подошелъ подъ благословеніе, честь честью, потомъ водки дернулъ, и началъ разсказывать; поднялся хохотъ, опять закипѣли самовары, водка, пѣсни,

пошелъ въ домѣ содомъ еще пуще... Жена Колинова брата проситъ мужа: Ѳедоръ Лукичъ, побойся Бога, когда все это кончится! «Поди прочь, не твое дѣло!» Который, говоритъ день пьянство идетъ, Господи! А мужъ ей: «дай ты мнѣ, ради самого Бога, хоть разъ вздохнуть свободно!» Сидимъ мы съ Колей. Ну, прощай, говорю ему.—Я не поѣду. Какъ? — Да такъ и не поѣду совсѣмъ; — я убѣгу. Нѣтъ ты, говорю, этого не смѣй: потому отъ родныхъ да бродягой въ острогъ попадешь,—хуже того.—Нѣтъ, все же, я не поѣду; что хотятъ, то пусть и дѣлаютъ. А гости пируютъ по прежнему. Тары да бары, хохотъ да водочка,—настегались ребята въ лучшемъ вкусѣ... У каждаго въ головѣ засѣяно было здорово. А ямщикъ капитанскій ждалъ, ждалъ—«что-же, говоритъ, господа, надо ѣхать; этакъ до ночи въ Марьино не попадемъ.» Дадутъ ему водочки—ждетъ. Наконецъ даже и капитанъ вспомнилъ-пора, говоритъ, теперь помолиться съ теплотою Богу, и въ путь! Гдѣ мой попутчикъ? Отыскали Николая, привели въ горницу. Стали молиться; иной поклонится въ землю, потомъ вдругъ и на-бокъ, и лежитъ, встать не можетъ. Удивленіе!.. Начали прощаться; «ну, Николай, говоритъ старшій братъ, цалуй мою руку, потому я тебѣ второй отецъ. Ты меня долженъ въ благодѣтеляхъ считать. Цалуй!»—Я, говоритъ Николай, не поѣду!..—Ка-акъ??. Такъ всѣ и заржали...— Вотъ мило! говоритъ капитанъ...Я, быть можетъ, ста попутчикамъ отказалъ. Нѣтъ-съ я не позволю... Да какъ-же ты это смѣлъ подумать? Обступили малаго со всѣхъ сторонъ, ругать всячески начали... Вижу позеленѣлъ, мой пріятель, да какъ гаркнетъ.

— Не хочу! Изверги!—и вонъ изъ комнаты...

Всѣ за нимъ шарахнули, этакое ополченіе! «Ка-акъ, орутъ, нѣтъ ты, братъ, погоди!...» Забился бѣдняга отъ нихъ въ кухню: вижу я въ дверь, бѣгаетъ онъ около стола, кружитъ, а старшій братъ за нимъ съ голикомъ, да такъ-таки въ лицо-то ему этими корешками и тычетъ. Задохнулся малый, прижался въ уголъ, лицо блѣдное, изцарапанное. «Убью!» говоритъ. А братъ пуще того, по головѣ, по груди, по чемъ ни попадя... Хотѣлъ было я за него вступиться, потому, истинно скажу тебѣ, другъ, сердце на части обливалось; но чиновникъ,

братъ Николаевъ, прикрикнулъ на меня, и строгомъ погрозился. Къ старшему брату подоспѣла еще роденька, начали малаго полыскать! Наконецъ онъ вырвался отъ нихъ, въ окно, да опрометью въ садъ, въ баню, подъ полокъ забился. Опять же всѣ за нимъ, съ дубинами съ метлами, съ кочергами...

— Стоимъ мы на крыльцѣ: женщины, которыя были, плачутъ; особливо, помню, тужила тетка его, жена брата чиновника, очень убивалась. Но капитанъ Звѣревъ ее утѣшалъ и говорилъ: —Вы, сударыня, не извольте безпокоиться Это дѣло совсѣмъ пустое. Въ банѣ-же, между прочимъ, только стонъ стоитъ... И слышу я, взвизгнулъ Николай. Ахъ, думаю, добили!..

— И дѣйствительно, вижу—ведутъ его подъ руки; совсѣмъ малый безъ чувствъ. «Извощикъ, кричатъ, подавай!» Подкатила телѣга, стали они его словно куль съ мукой туда валить О-охъ стонетъ, а глазъ открыть не можетъ. Посмотрѣлъ я на него: — Боже мой! все лицо въ синякахъ, изъ носу кровь... Сѣлъ потомъ капитанъ.—«Съ Богомъ!» Уѣхали. Ну слава Богу, заговорили родственники, по крайности выпроводили! И стали опять винцо попивать.

— Пошелъ я домой; иду по двору и все-то капли кровяныя на камняхъ. И, кажется, сколько лѣтъ прошло, а я каждый камушекъ и теперича помню!..

— Это что! сказалъ спутникъ живописца такимъ тономъ, въ которомъ слышалось: «такія ли еще дѣла дѣлаются!» Ну, что же потомъ съ нею-то?..

— А съ нею, другъ ты мой, видишь ли что... Какъ уѣхалъ Николай-то въ Москву, стала она объ немъ тосковать. Письма онъ ей писалъ все грустныя: утоплюсь, удавлюсь,—эдакое все. Слухи прошли, бытто совсѣмъ потерялся онъ; иной разъ сумасшествіе на него находило. Въ Сухареву башню топиться ходилъ, все этакія печали да горести до ей доходили. А тутъ, между прочимъ, ѣсть нечего... робенокъ... хлопоты, стѣсненія. За болѣзнею за своею, тіатры эти она оставила, да признаться ее и не требовали больше туды, изъ лица она спала, обрюзгла, и игры той ужь не было... Стала она, другъ мой, горе мыкать. Прошолъ годъ, прошолъ другой, дѣла въ Мо-

сквѣ все хуже да хуже; прошли потомъ слухи, быдто тамъ какая-то посадская дѣвчонка его яблокомъ заговореннымъ къ себѣ приманила, и сталъ быдто онъ еще горче запивать. Даже родные про него слуховъ въ то время не имѣли, не знали, живъ ли?..

— Тутъ у ее такія тяжкія дѣла подошли,—да опять же и то горе, что покинулъ онъ; такія, говорю, трудности, что сама она мнѣ въ ту пору говорила:—«Право, говоритъ, я теперь на все готова, я, говоритъ, ей-Богу ни въ одномъ мѣстѣ не жалѣю себя. А тутъ къ ней и подластился одинъ человѣчекъ.

— Былъ онъ какой-то совѣтникъ, старичекъ; человѣкъ богатый, вдовый. Остался у него послѣ смерти жены сынъ. Отецъ, кажется, всю жизнь свою положилъ въ него, по вышелъ, за мѣсто того, изъ этого сына какъ есть болванъ. Росту длиннаго, худой, шея журавлиная, языкъ заплетается... До двадцатаго году достигъ онъ отъ роду, и только что умѣлъ домики рисовать... Какъ есть, въ полномъ комплектѣ олухъ. Отецъ же около него все стараніе прилагалъ, какъ бы люди на смѣхъ не подымали. Бывало—смѣхъ ей-Богу—идутъ они по улицѣ: сынокъ шею вытянетъ, руки какъ у мельницы ходятъ,—умора; а отецъ глазъ не спускаетъ съ этакой красоты. Идутъ-идутъ: — «Стой!» Что такое? Пухъ на шляпѣ прилипъ... Сейчасъ обчищать. Или, случится, гуляютъ они по бульвару, народу видимо-невидимо; вдругъ опять—«Стой!»—Начнетъ галстухъ сынку любезному перевязывать. Самъ-то онъ росту маленькаго, а сынъ эва дылда; по этому случаю отецъ на цыпочки становится, а сынъ на колѣнки: уморушка да и только. «По сторонамъ не глазѣть, шепчетъ ему отецъ. Ты теперь въ полномъ соку юноша; ты теперь долженъ стараться заслужить чью-нибудь любовь, т. е. у женскаго пола, — это, говоритъ, даже и по медицинѣ не грѣхъ, въ твои года.»—Слушаю-съ, папенька; это сынокъ-то. — Я въ твои года, продолжаетъ отецъ, былъ словно пѣтушокъ... Такъ и слѣдуетъ! Только старайся отыскать къ себѣ любовь истинную»—Слушаю-съ...

— Сталъ этотъ олухъ промежду женскаго полу увиваться, только хохотъ надъ нимъ раздается,—никто на него и вниманія обратить не хочетъ. Танцовать проситъ—никто не идетъ,

потому одну барыню онъ такъ грохнулъ объ-земь — смерть просто. Попробовалъ на лошади зимой кататься, тоже не вышло, потому и такъ-то онъ съ колокольню, а на лошади— это ужь даже если только посмотрѣть, и то опасно: высота безпредѣльная... Выѣхалъ на катанье, сколько ни было народу, всѣ такъ со смѣху и покатились. Сконфузился малый; лошадь испужалась, да въ сторону, онъ брыкъ, развелъ по воздуху ножищами словно рогатиной, да прямо такъ башкой и впился въ снѣгъ... Ну ужь съ этого времени онъ и глазъ не совалъ въ публику. Между тѣмъ замѣчаетъ отецъ, что сынокъ его еще пуще глупѣть сталъ, еще пуще дурашнѣй. Началъ онъ думать, какъ бы это его съ женскимъ поломъ въ знакомство ввесть, чтобы хоть къ чему нибудь онъ покрайней мѣрѣ привязался. Тутъ и прослышалъ онъ про эту, про Глашу (камедіанка-то) и началъ онъ туда къ ней съ сынкомъ похаживать. Дѣвушка она была добрая, даже старику самому полюбилась. Началъ онъ ей подарки дѣлать, переселилъ въ особую квартирку и просилъ ее усердно, чтобы она хоть малость вниманія его сыну оказала, потому собственно, что тутъ изъ жалости дѣло шло. Глаша говоритъ: «Мнѣ все равно теперь что чортъ, что дьяволъ.» Согласны? — «Согласна!» Поселилъ ихъ старикъ вмѣстѣ. Въ ту пору я часто къ ней хаживалъ: сижу, бывало, въ передней на окошникѣ и вижу его, этого олуха-то. Сидитъ онъ на диванѣ, въ полномъ костюмѣ, расчесанъ; ручки сложилъ. — Чтожь вы спать не ложитесь? скажетъ ему Глаша. — Спать? сейчасъ-съ. И пойдетъ спать. А не скажи ему, самъ не догадается. Останемся мы съ ней вдвоемъ-то, а она все про Николая, только про него одного разговоръ у насъ шелъ. Бывало заплачетъ-заплачетъ, бѣдная... Ну, ды и что будешь дѣлать-то! Каково, въ самомъ дѣлѣ, съ сумасшедшимъ человѣкомъ-то жить! Жила она такъ съ этимъ дуракомъ никакъ съ полгода мѣста. На что ужь трудны дѣла ея были, все-таки не въ могуту ей стало себя продавать, отказалась она отъ него... «Не могу, хоть зарѣжьте!» Чѣмъ же вы, говорю, барышня, жить-то будете? они, господинъ совѣтникъ, теперь вамъ помощь оказываютъ, а вѣдь тогда подико-съ, своимъ-то трудомъ немного получите!..—«Лучше я, говоритъ, издохну...» Такъ-таки и отпихнулась отъ него.

Ужь какъ же самъ старикъ-то плакалъ, такъ убивался этимъ отказомъ, что и не пересказать мнѣ вамъ. «Онъ, говоритъ, безъ васъ, Глаша, совсѣмъ околѣетъ...» Ну, Глаша, обнаковенно ничего ему на это не могла присовѣтовать. Такъ и разошлись они. На прощаньи старикъ всунулъ ей деньгами что-то много, она было не соглашалась, однако взяла.

Прошло такъ еще года съ два... Подходитъ срокъ Николаю изъ академіи выходить... Тутъ отъ него письмо получили, — «ѣду, говоритъ...» И пріѣхалъ дѣйствительно въ скорости, ну только совсѣмъ не тотъ. Горькій пьяница!.. Дали ему въ училищѣ мѣсто; началъ было сначала онъ туды ходить исправно, потомъ свихнулъ и запилъ. Въ эту пору онъ тоже ужь запоемъ стегалъ. Только что пріѣхалъ, Глашу отыскалъ. Она ему все подробно, что было... Ну, Николай сталъ опять съ ней жить, съ родными разсорился, только ужь прежняго-то не было!.. Н-нѣтъ! Не воротились развеселые деньки; слезовыя времена наступили! Ужь тутъ онъ даже и съ любезной-то своей не ладилъ, случалось. Сталъ совсѣмъ другой человѣкъ, и горе-то другое у него было какое-то, только никто разобрать не могъ—въ чемъ оно?..

Пилъ, пилъ, да съ тѣмъ и ноги протянулъ... Всего можетъ съ годъ мѣста пожилъ... А человѣкъ былъ!..»

Время между тѣмъ подходило къ вечеру; послѣ шести часовъ въ воздухѣ начинала чувствоваться прохлада. Солнечные лучи потеряли свою полуденную жгучесть, но зато были необыкновенно свѣтлы и ярки. Мѣщанинъ тихо съѣхалъ со двора, хриплымъ, съ просонокъ, голосомъ распростившись съ хозяйкой. Не было ни Филипъ Іоныча, ни его пріятеля. Одинокій наѣздникъ, съ багровымъ отъ водки лицомъ, сидѣлъ на крыльцѣ, держась за столбъ, поддерживающій крылечную крышу; онъ иногда словно хотѣлъ встать, но тѣло его не слушалось. Въ ворота сосѣдняго постоялаго двора въѣзжала рогожная повозка, наполненная множествомъ женщинъ и дѣтей. Хозяинъ постоялаго двора шелъ за повозкой безъ шапки. Живописецъ и его спутникъ виднѣлись уже на

концѣ поселка: они торопились за-свѣтло выбраться на большую дорогу. Жена наѣздника, не смотря на то, что мужъ ея былъ пьянъ мертвецки, съ нѣкоторымъ удовольствіемъ смотрѣла на него.

— Ишь, думала она, мужъ-то; вотъ онъ!

Не съ такимъ удовольствіемъ взиралъ на наѣздника Иванъ; при видѣ фигуры хозяина, онъ чувствовалъ нѣкоторый страхъ, точно сознавалъ, что стоитъ надъ какой-то бездной, въ которую полетитъ непремѣнно; но что всего горше,—Иванъ рѣшительно не зналъ, когда онъ полетитъ туда, и возможно-ли избавиться отъ этой погибели?

Съ тревожными думами отгонялъ онъ хворостиной сосѣдскую собаку, загналъ выскочившую изъ воротъ овцу, и наконецъ, почесывая въ головѣ, робко проговорилъ:

— Федоръ Кузмичъ! Тыкъ какъ же это бачука, ты говоришь,—дижимое и медвижимовое...

— У-уббью! заревѣлъ хозяинъ, покачнувшись впередъ своимъ громаднымъ тѣломъ и ужасающимъ образомъ выпучивъ глаза. Хозяйка погнала оробѣвшаго Ивана отъ крыльца.

— Что ты, чортъ этакой, кричала она ему, аль ты очумѣлъ: хозяина въ такое время безпокоить? Это тебѣ, будь покоенъ, тоже на худѣ зачтется...

— И это?..

Иванъ совсѣмъ ошалѣлъ отъ такого извѣстія.

Глѣбъ Успенскій.

КАРТИНКА.

Слыхала-ль ты, какъ бѣдняки
На этомъ свѣтѣ умираютъ?
Навѣрно ужь подобныхъ драмъ
Вамъ въ институтахъ не читаютъ...

Но я, пожалуй, передамъ
Тебѣ немногими словами,
Какъ умираетъ человѣкъ
Въ борьбѣ съ житейскими нуждами:

Въ каморкѣ сырость: за окномъ
Уныло снѣгъ стекаетъ съ крыши;
Давно обгрызанную кость
Въ углу догрызываютъ мыши;

Въ лохмотьяхъ грязныхъ потолокъ
Виситъ надъ низкими стѣнами;
Окно безмысленно глядитъ
Своими тусклыми глазами.

Темно, какъ въ сумерки; вокругъ,
Повсюду пыль и паутина;
Курносый чайникъ на столѣ
Какъ-будто дразнитъ господина...

Передъ окномъ стоитъ кровать,
На ней больной, ему не спится;
Кровать болѣзненно скрыпитъ,
Когда больной пошевелится.

Вотъ повернулся онъ къ дверямъ,
На лбу означились морщины,
Глаза такъ выпукло глядятъ,
Какъ-будто давятъ въ нихъ пружины.

Ему хотѣлось бы теперь
Сказать кому-нибудь хоть слово,
Но не нашлося никого
Послушать исповѣдь больного...

Вотъ повернулся онъ опять,
Рука чего-то поискала
И не нашла, и тяжело
На мѣсто прежнее упала.

«Воды... воды!» Хрипитъ больной —
И кость покинута мышами:
Бѣдняжки думаютъ, что онъ
Интересуется костями!

И вотъ еще въ послѣдній разъ
Тревожитъ слухъ ихъ скрипъ кровати:
Больной глядитъ на потолокъ
И ждетъ... ждетъ свыше благодати...

Но съ потолка одинъ паукъ
Ползетъ къ нему по нити важно,
Да гдѣ-то котъ на чердакѣ
Мяукнулъ раза два протяжно...

. . . . . .
. . . . . .

Послушай, въ этой драмѣ злой
Еще есть актъ... но, ради Бога,
Не любопытствуй: для тебя
И этого ужъ слишкомъ много!

Омулевскій.

КРЫЛОВЪ, СЛѢДОВАТЕЛЬ ВЪ СИБИРИ.

(Изъ иркутской хроники 1758—1761 года *).

Въ темныхъ иркутскихъ преданіяхъ немного найдется такихъ памятныхъ личностей, какъ петербургскій чиновникъ Крыловъ. Болѣе ста лѣтъ онъ живетъ въ памяти Сибирскаго края и своими безчеловѣчными поступками вполнѣ характеризируетъ эпоху безграничнаго самоуправства. Въ воображеніи суевѣрныхъ людей это была олицетворенная божія кара, посланная на жителей Иркутска за грѣхи ихъ отцевъ; а въ глазахъ историка это одинъ изъ представителей старой русской бюрократіи, воспитанной на крѣпостномъ правѣ и отражавшей на себѣ всѣ его прелести.

Въ 1758 году, іюля 8-го дня, въ Иркутскъ пріѣхалъ коллежскій ассесоръ Петръ Никифоровъ Крыловъ; онъ былъ присланъ сюда на слѣдствіе по случаю несдачи винокуренныхъ заводовъ, или какъ ихъ въ Иркутскѣ называли—*каштаковъ*, какому-то господину Евреинову, довѣренному винаго откупщика Александра Глѣбова, бывшаго тогда оберъ-прокуроромъ Правительствующаго Сената. Съ Крыловымъ прибыли въ Иркутскъ, командированные вмѣстѣ съ нимъ изъ

*) Свѣдѣнія, сообщаемыя въ этомъ отрывкѣ, взяты мною изъ лѣтописей старинныхъ иркутскихъ гражданъ, Щегорина и Сибирякова, а также изъ двухъ дѣлъ Иркутскаго губернскаго архива, теперь, кажется, уже уничтоженныхъ или, попросту, потерянныхъ. Эти матеріалы сохранились въ бумагахъ моего отца, бывшаго директора училищъ Иркутской губерніи. Онъ собираетъ подобныя вещи болѣе полстолѣтія и я, на основаніи ихъ, предпринимаю огромный литературный трудъ подъ названіемъ: «Историко-Статистическая лѣтопись о правителяхъ Иркутской губерніи», которую и не замедлю издать въ свѣтъ послѣ окончательной обработки ея. *Авт.*

Петербурга, секретарь его, два сенатскіе канцеляриста и четыре писца. Слѣдуя лѣтописи, я не буду пропускать и такихъ подробностей объ этомъ дѣлѣ, которыя инымъ могутъ показаться излишними; я разскажу о Крыловѣ все, что мнѣ извѣстно и чего до сихъ поръ почти не было заявлено въ русской печати.

Какъ видно изъ лѣтописи Щегорина, пріѣхавшій чиновникъ предписалъ иркутскому городовому магистрату для открываемаго имъ временнаго присутствія въ городѣ приготовить два-три куска синяго сукна, нѣсколько стопъ бѣлой и синей бумаги, запасъ перьевъ и ведро чернилъ. Магистратъ приготовилъ все, кромѣ чернилъ, отозвавшись, что чернилъ въ Иркутскѣ нельзя найдти. Такимъ образомъ вмѣсто чернилъ приготовлено было нѣсколько палочекъ китайской туши, бывшей во всеобщемъ употребленіи въ иркутской губерніи вмѣсто чернилъ до 1777 года. 9-го іюля Крыловъ предъявилъ указъ Правительствующаго Сената, данный иркутской провинціальной канцеляріи отъ 30-го января 1758-го года. Указъ этотъ состоялся по донесенію, взявшаго на себя винную продажу въ иркутской провинціи, Оберъ-Прокурора Правительствующаго Сената Александра Глѣбова. Въ донесеніи этомъ Глѣбовъ говоритъ о злоупотребленіяхъ, дѣлаемыхъ по выкуркѣ вина иркутской провинціальной канцеляріей, городовымъ магистратомъ, корчемной конторой и иркутскимъ купечествомъ.

Правительство въ концѣ XVII-го столѣтія старалось завести винокуреніе около Иркутска (какъ видно изъ указа 1690-хъ лѣтъ), но тогда никто не вызвался на это дѣло, и до 1728-го года вино привозилось въ Иркутскъ изъ Тобольска т. е. почти за 3,000 верстъ. Указомъ въ декабрѣ 1728-го года винокуреніе предоставлено было въ распоряженіе иркутской городской ратуши и купечества, съ тѣмъ, чтобы за право выкурки и продажи вина они ежегодно вносили въ казну по 40,000 рублей.

Указомъ 19-го іюля 1754 года купцамъ запрещено было имѣть винокуренные заводы, и право выкурки вина предоставлялось только одному дворянству. Указомъ 31-го марта 1755 году купцамъ не дозволялось имѣть винокуренные заводы даже на имя какого-нибудь помѣщика или дворянина. Не смотря на это распоряженіе, иркутскіе винокуренные заводы оставались по-прежнему во владѣніи купцовъ, такъ какъ богатыхъ дворянъ, тѣмъ болѣе помѣщиковъ, не было въ Иркутскѣ, а если они и были, то занимались исключительно чиновничьей службой.

Въ Указѣ отъ 19-го сентября 1755 года сказано было: чтобъ

всѣ винокуренные заводы Имперіи съ новаго 1756 года немедленно отданы были помѣщикамъ и вотченникамъ въ десятилѣтнее арендное содержаніе; тутъ же было пояснено, что въ отдаленныхъ мѣстахъ, гдѣ заводы отданы уже другимъ лицамъ, эти лица по-прежнему владѣютъ своею собственностью. По полученіи этого послѣдняго распоряженія иркутскіе купцы думали, что законъ, запретившій купеческому сословію заниматься винокуреніемъ, можетъ и не распространяться на иркутскую провинцію; но неожиданно пріѣзжаетъ изъ Петербурга довѣренный Глѣбова, Евреиновъ, и требуетъ чтобъ ему сданы были всѣ каштаки, такъ какъ они поступили въ десятилѣтнее владѣніе его довѣрителя. Бывшій тогда въ Иркутскѣ вице-губернаторъ, Вульфъ увидѣлъ въ этомъ распоряженіи ошибку или недоразумѣніе и спрашивалъ объясненій, но представленіе его не было принято петербургскимъ Сенатомъ, безъ сомнѣнія—по проискамъ Глѣбова, и вслѣдъ за тѣмъ явился слѣдователь Крыловъ, для понужденія мѣстныхъ властей къ сдачѣ заводовъ и приведенію въ ясность ихъ счетовъ съ казной.

Изъ письма Глѣбова къ членамъ иркутскаго магистрата, отъ 9 октября 1857 года, видно, что не только вице-губернаторъ Вульфъ, представитель мѣстной администраціи, но и все иркутское общество дѣйствительно сомнѣвались, не по ошибкѣ ли отдана иркутская провинція на откупъ, когда послѣднимъ указомъ въ отдаленныхъ мѣстахъ винокуреніе оставлено на прежнихъ основаніяхъ. Притомъ довѣренный Глѣбова, Андрей Евреиновъ, отбирая каштаки со всѣми постройками, лишалъ прежнихъ ихъ владѣтелей, иркутскихъ купцовъ, ихъ собственности, утвержденной за ними съ 1728 года. Это недоумѣніе продолжалось до пріѣзда Крылова съ комиссіей. Указъ правительствующаго сената отъ 13 января 1758 года предписывалъ, чтобы мѣстныя власти доставляли слѣдователю Крылову немедленное пособіе и удовлетвореніе во всѣхъ его административныхъ требованіяхъ. Крыловъ немедленно потребовалъ изъ Селенгинска двадцать пять человѣкъ солдатъ съ унтеръ-офицеромъ и устроилъ при своей квартирѣ въ Иркутскѣ гауптвахту. Потомъ онъ посѣтилъ дома всѣхъ почетныхъ жителей и старался разузнать степень ихъ матеріальнаго благосостоянія, обращаясь со всѣми чрезвычайно ласково и учтиво. Общество, какъ водится, поднесло ему значительной цѣнности подарки. Содержатели каштаковъ попрежнему продолжали выкурку и продажу вина. Крыловъ послалъ отъ своего имени купить въ Карлуцкомъ каштакѣ бочку вина и, когда

оно доставлялось въ Иркутскъ, приказалъ своимъ чиновникамъ дорогой остановить ее и тѣмъ началъ свое слѣдствіе.

Дѣла иркутской ратуши и городоваго магистрата съ 1728 года по 1758, о питейныхъ сборахъ, Крыловъ приказалъ собрать, сложить въ сундуки, запечатать и приставить къ нимъ караулъ; затѣмъ онъ потребовалъ вѣдомости изъ провинціальной канцеляріи, приказалъ своимъ чиновникамъ, по какимъ-то свѣдѣніямъ только ему одному извѣстнымъ, составить свои вѣдомости и, свѣривъ ихъ съ документами провинціальной канцеляріи, объявилъ, что онъ открылъ расхищеніе казенныхъ денегъ, и потому велѣлъ арестовать весь магистратъ, оцѣпивъ его карауломъ. Послѣ этого Крыловъ велѣлъ привести бургомистра Николая Бречалова и ратмана Семена Верховцева. Угрожая имъ истязаніями, онъ спрашивалъ, не имѣютъ ли они такихъ же вѣдомостей, какъ тѣ, которыя присланы ему изъ разныхъ мѣстъ провинціи. Тѣ отвѣчали, что тѣ самыя вѣдомости, которыя подавались въ провинціальную канцелярію, находятся и въ дѣлахъ ихъ магистрта. Крыловъ отправился съ ними въ магистратъ и, осмотрѣвъ тамъ вѣдомости, приказалъ сложить ихъ въ ящикъ и запечатать. Въ то же время онъ распорядился заковать въ цѣпи и бросить въ острогъ предсѣдателя Глазунова и всѣхъ членовъ магистрата. Затѣмъ у всѣхъ магистратскихъ членовъ и богатѣйшихъ тогда купцовъ запечаталъ дома со всѣмъ имуществомъ и товарами, приставилъ къ домамъ и товарамъ караулы и публичными листами объявилъ въ народѣ всѣхъ арестованныхъ казнокрадами. На другой день велѣлъ привести въ магистратъ всѣхъ окованныхъ членовъ его и арестованныхъ купцовъ и объявилъ имъ, чтобъ они добровольно признавались въ расхищеніи казны, а если не признаются, онъ прикажетъ отвести ихъ въ застѣнокъ (мѣсто пытокъ) и поднять на виску. Купцы въ кандалахъ долго были допрашиваемы чиновниками слѣдственной комиссіи. Крыловъ многихъ изъ нихъ билъ по щекамъ во время допросовъ и, не довольствуясь этимъ, велѣлъ принести изъ застѣнки плетей и приказалъ сѣчь гражданъ, чтобы вынудить признаніе въ томъ, въ чемъ ему хотѣлось, чтобъ они признались. Бургомистръ Бречаловъ, желая избавиться отъ жестокаго истязанія и пытки, первый сдѣлалъ на себя ложное показаніе, что вино, стоившее купцамъ, отъ 50 до 60 коп., они выставляли по рублю и болѣе и что изъ этихъ денегъ, раздѣленныхъ съ другими членами магистрата, онъ получилъ 5,000 рублей (нѣтъ свѣдѣній за какой срокъ времени). Крыловъ, обрадовавшись вынужденному плетьми признанію

Бречалова, приказалъ — всѣхъ арестованныхъ привести въ застѣнокъ, бывшій въ крѣпости, близъ дома магистрата. Здѣсь приказалъ онъ, разложивши ихъ въ разныхъ мѣстахъ, бить плетьми, угрожая мучительными пытками. Избѣгая дальнѣйшихъ мученій, купцы Михаилъ и Максимъ Глазуновы и Василій Ворошиловъ подтвердили показаніе бургомистра Бречалова, но, не смотря на всѣ пытки, ни въ чемъ не признавался первый тогда иркутскій богачъ Иванъ Бичевинъ. Услыша объ участи своихъ родственниковъ, жены, сестры, дѣти и отцы умоляли Крылова избавить несчастныхъ отъ неповинныхъ мученій, но ни просьбы, ни слезы не умилостивили Крылова. При вторыхъ пыткахъ, бывшихъ черезъ нѣсколько часовъ послѣ первыхъ, приведенные мученики, будучи увѣрены, что ничѣмъ уже нельзя отклонить страшныхъ мученій, стали каждый показывать на себя такую сумму, какую кто изъ нихъ въ состояніи былъ выплатить. Говорили тогда въ Иркутскѣ, какъ свидѣтельствуютъ лѣтописи, что купецъ Василій Яковлевъ Елезовъ, подслужившись Крылову съ самаго пріѣзда его, доносилъ ему, съ кого и какую сумму можно получить посредствомъ застѣнка и пытокъ. Эти доносы послужили Крылову руководящей нитью въ его дальнѣйшихъ грабежахъ. На дальнѣйшихъ пыткахъ купцы увеличили свои показанія, т. е. количество денегъ, которое они обязывались заплатить и опять-таки кромѣ непреклоннаго Бичевина, который все время не хотѣлъ клеветать на себя ни передъ какими угрозами.

Крыловъ велѣлъ поднять Бичевина на дыбы, и онъ висѣлъ до тѣхъ поръ, пока слѣдователь Крыловъ, сѣвъ въ карету съ купцомъ Глазуновымъ, не съѣздилъ съ нимъ на чай и водку къ другому брату Глазунову. Понимаетъ ли современный читатель весь ужасъ значенія этого слова «на дыбы», «на виску». Это значитъ вотъ что: къ ногамъ пытаемаго привязывался обрубокъ бревна, или сырая колода, въ родѣ той, на которой наши мясники рубятъ говядину, вѣсомъ отъ пяти до двѣнадцати пудовъ. Мученика поднимали по блоку къ верху за веревки, привязанныя къ кистямъ рукъ и быстро опускали, не давая бревну удариться о землю; потомъ, съ вывернутыми суставами въ рукахъ и ногахъ, онъ висѣлъ впродолженіи времени, опредѣленнаго мучителемъ. Бичевинъ выносилъ свою пытку съ необыкновенной твердостію, но, предвидя скорую смерть, обѣщалъ Крылову заплатить 15,000 рублей; послѣ этого онъ снятъ былъ съ «дыбовъ» и уведенъ домой. Во время допросовъ и истязаній Крыловъ самъ писалъ показанія подсудимыхъ, а два чиновника его переписывали ихъ на-чисто и подписывались

не читая. Зная о богатствѣ Бичевина, который лежалъ при смерти съ синими буграми отъ кнутовъ, избитый, изувѣченный, истерзанный, Крыловъ приходилъ къ нему на домъ и упрашивалъ его увеличить свое показаніе до 30,000 руб. Уже при послѣднемъ издыханіи Бичевинъ подписалъ подложенную ему бумагу, едва ли сознавая, что дѣлаетъ *).

---

*) Вотъ имена иркутскихъ гражданъ, съ означеніемъ количества вымученныхъ у нихъ денегъ. Куда пошли эти деньги—читатель отчасти можетъ увидѣть изъ дальнѣйшаго моего разсказа:

Иванъ Бичевинъ 30,000 р., Николай Бречаловъ 23,000 р., Михайло Глазуновъ 15,000 р., Максимъ Глазуновъ 15,000 р., Иванъ Ворошиловъ 12,000 р., Сергѣй Добрынскій 6,000 р., Иванъ Елезовъ 5,400 р., Василій Ворошиловъ 4,800 р., Василій Сибиряковъ 2,500 р., Алексѣй Шалинъ 2,500 р., Василій Зайцевъ 2,500 р., Василій Елезовъ 2,000 р., Сергѣй Шапошниковъ 1,800 р., Федоръ Власовъ 1,600 р., Петръ Мальцевъ 1,500 р., Семенъ Верховцевъ 1,500 р., Яковъ Перевозкинъ 1,500 р., Алексѣй Сибиряковъ 1,040 р., Иванъ Мясниковъ 1,000 р., Петръ Дудинъ 800 р., Григорій Бородинъ 750 р., Иванъ Дружининъ 700 р., Иванъ Рудаковъ 700 р., Лаврентій Козловъ 700 р., Иванъ Ободуровъ 700 р., Степанъ Чураковъ 650 р., Петръ Лысковцевъ 630 р., Матвѣй Пуляевъ 600 р., Алексѣй Старцевъ 600 р., Никифоръ Перевозкинъ 600 р., Иванъ Верховцевъ 550 р., Андрей Елезовъ 500 р., Николай Переваловъ 500 р., Осипъ Сибиряковъ 500 р., Семенъ Похолковъ 500 р., Яковъ Корюховъ 500 р., Максимъ Пестовскій 500 р., Михайло Паникаровскій 500 р., Герасимъ Подрѣзовъ 500 р., Петръ Звѣдочетовъ 450 р., Михайло Дрюковъ 450 р., Павелъ Зиминъ 450 р., Иванъ Пряничниковъ 400 р., Николай Зубовъ 400 р., Яковъ Никитинъ 370 р., Федоръ Лазаревъ 360 р., Данило Дементьевъ 350 р., Николай Дементьевъ 350 р., Федулъ Новиковъ 350 р., Яковъ Горбовъ 330 р., Иванъ Осокинъ 300 р., Лупъ Похолковъ 300 р., Иванъ Пестовскій 300 р., Петръ Куроптевъ 300 р., Алексѣй Елезовъ 300 р., Иванъ Храмовъ (средній) 270 р., Степанъ Лычаговъ 270 р., Иванъ Калининъ 270 р., Иванъ Храмовъ (старшій) 260 р., Яковъ Дудоровскій 250 р., Семенъ Защихинъ 250 р., Афонасій Кочневъ 234 р. 25 к., Иванъ Каргапольцевъ 225 р., Василій Быковъ 224 р., Яковъ Больниковъ 210 р., Гаврилъ Васильевъ 200 р., Федоръ Сизой 200 р., Даніилъ Глазуновъ 200 р., Федоръ Савельевъ 200 р., Максимъ Калашниковъ 200 р., Иванъ Пѣтуховъ 180 р., Евдокимъ Овсянниковъ 175 р., Иванъ Кочневъ 170 р., Михайло Назаровъ 170 р., Тимофей Шамановъ 160 р., Абрамъ Бичинъ 160 р., Михаилъ Маньковъ 150 р., Елисей Балахонцевъ 150 р., Матвѣй Кудреватый 120 р., Терентій Кабаковъ 110 р., Леонтій Чипизубовъ 100 р., Василій Кириловъ 100 р., Иванъ Смоленскій 100 р., Яковъ Дементьевъ 100 р., Иванъ Безруковъ 100 р., Миронъ Дудоровскій 100 р., Иванъ Красногоровъ 100 р., Василій Поповъ 100 р., Василій Фроловъ 100 р., Федоръ Стрѣкаловскій 100 р., Даніилъ Зиминъ 100 р., Осипъ Шаламовъ 83 р., Прокопій Гусевъ 70 р., Иванъ Квасниковъ 70 р., Иванъ Похолковъ 65 р., Тарасъ Ракитинъ 60 р., Никита Трапезниковъ 60 р., Григорій Кузнецовъ 50 р., Яковъ Партнягинъ 50 р., Осипъ Калашниковъ 50 р., Родіонъ Петчиковъ 50 р., Иванъ Зыряновъ 50 р., Афонасій Стрѣкаловскій 50 р., Родіонъ Цивилинъ 50 р., Парфенъ Гордѣевъ 45 р., Иванъ Бо-

Всего со ста двадцати человѣкъ собрано было 155,295 р. 80 к. Въ сентябрѣ 1759 года, Крыловъ, опасаясь, чтобъ о поступкахъ его не дошло до свѣдѣнія петербургскаго начальства, составилъ отъ имени нашихъ купцовъ просьбу въ сенатъ и заставилъ ихъ подписаться подъ нею; въ этой просьбѣ граждане иркутскіе сознавались будто бы въ расхищеніи упомянутыхъ суммъ и тутъ же высказывали, что они, купцы, никого къ подрядамъ не допускали, что занимались они и корчемствомъ, а потому и не хотѣли сдавать винокуренныхъ заводовъ довѣренному Глѣбова, Евреинову, но что прозорливости Крылова ничѣмъ не могли затмить и честность его подкупить. Купечество, не видя ни отъ кого защиты, принуждено было исполнить всѣ желанія Крылова. Вице-губернаторъ Вульфъ не рѣшался вступиться за своихъ гражданъ, потому что въ указѣ правительствующаго Сената его заподозрили въ потворствѣ купечеству; сверхъ того онъ опасался и личныхъ непріязненныхъ отношеній къ оберъ-прокурору Глѣбову, такъ какъ этотъ былъ лично заинтересованъ въ дѣлѣ Крылова, и потому Вульфъ молчалъ до того времени, пока Крыловъ не коснулся его самого.

Въ августѣ 1759 г. Крыловъ приказалъ купечеству послать въ Петербургъ довѣреннаго, чтобы испросить черезъ него у Глѣбова снисхожденія мнимо-виновнымъ купцамъ въ корчемствѣ и лихоимствѣ. Для этого и избранъ былъ, разумѣется, любимецъ и доносчикъ Крылова Василій Яковлевъ Елезовъ. Кромѣ того общество должно было дать Елезову довѣренность на заемъ отъ иногороднаго купечества и его обществъ, на случай надобности, до 50,000 рублей; Елезовъ конечно не упустилъ случая воспользоваться 30,000 рублей, которые были взяты у какого-то Момонова и впослѣдствіи по предъявленіи документа были уплачены иркутскимъ купечествомъ.

Не смотря на всѣ эти административные ужасы, купечество Иркутска не рѣшалось и подумать обратиться куда либо съ жалобой; всѣмъ было очень хорошо извѣстно, что Крыловъ перехватывалъ бумаги даже самого вице-губернатора; что же бы сталось съ бумагами гражданъ и съ ними самими, если бы кто нибудь изъ нихъ вздумалъ раскрыть злоупотребленія петербургскаго чиновника.

Обезпечивъ себя со стороны оберъ-прокурора и правительствую-

гомоловъ 40 р., Степанъ Рудинъ 30 р., Семенъ Кузовлевъ 30 р., Лука Соловьёвъ 20 р., Иванъ Слатинъ 15 р., Михайло Кудреватый 15 р., Василій Шарышовъ 1 р. 55 к.

щаго Сената, Крыловъ рѣшился употребить новыя жестокости для вымогательствъ денегъ съ тѣхъ, кто не могъ ихъ уплатить по первому его требованію. Кромѣ взысканныхъ въ пользу откупщика Глѣбова, ревизоръ отобралъ и сдалъ въ казну отъ продажи имущества купцовъ 93,120 р.; потомъ онъ же удержалъ слѣдовавшіе купечеству за выкурку вина 8,142 р., съ гражданъ же взыскано на расходы слѣдственной комиссіи 3,780 р. 31 к., не считая отпущенныхъ на содержаніе комиссіи вещей и припасовъ натурою. Кромѣ того отобрано вырученныхъ за продажу вина болѣе 70,000 р. При продажѣ купеческихъ имуществъ Крыловъ былъ самъ продавецъ, самъ оцѣнщикъ, да онъ же и покупщикъ. Изъ имущества замученнаго имъ Ивана Бичевина всѣ дорогія галантерейныя вещи и жемчугъ онъ купилъ за безцѣнокъ и потомъ подарилъ ихъ дочери купца Ивана Ворошилова, Прасковьѣ, которую насильно сдѣлалъ своею любовницею. О богатствѣ купца Бичевина нѣсколько можно судить изъ того, что кромѣ взысканныхъ Крыловымъ 30,000, остальное имущество было имъ продано по самой низкой цѣнѣ за 22,413 р. 26 к. При этомъ надобно замѣтить, что цѣнность тогдашнихъ денегъ сравнительно съ нынѣшними была покрайней мѣрѣ въ десять разъ дороже, если не больше.

Во время продолжавшихся пытокъ, купецъ Алексѣй Сибиряковъ младшій, не имѣвши никакихъ дѣлъ и даже должности по винным дѣламъ, изъ одного только опасенія встрѣчи съ *злодѣемъ* Крыловымъ, какъ его называлъ народъ въ городѣ, рѣшился, втихомолку уѣхать изъ Иркутска, оставивъ домъ, жену и дѣтей. Крыловъ, узнавъ объ этомъ и подумавъ, что Сибиряковъ отправился въ Петербургъ жаловаться, тотчасъ же приказалъ привести въ магистратъ, гдѣ помѣщалась слѣдственная комиссія, жену скрывшагося Сибирякова. Здѣсь, угрожая истязаніями и пыткой, ревизоръ допрашивалъ ее, гдѣ ея мужъ; та, не смотря на угрозы, отвѣчала, что незнаетъ, куда онъ выѣхалъ. Тогда призванъ былъ братъ Сибирякова Осипъ, который показывалъ тоже самое. Принесены были кнуты, плети и пущены въ дѣло, но къ неудовольствію Крылова результатъ былъ все тотъ же. А о пыткахъ жены Алексѣя Сибирякова однакожъ нѣтъ свѣдѣній. Приказавъ заковать Сибирякова и сестру его въ кандалы и посадивъ ихъ обоихъ подъ караулъ, Крыловъ поѣхалъ въ дома Алексѣя и Ивана Сибиряковыхъ съ обыскомъ, вслѣдствіе котораго окончательно убѣдился, что Сибиряковъ бѣжалъ, и бѣжалъ не куда либо, а въ Петербургъ. Причиной думать такъ послужило Крылову то, что онъ увидѣлъ въ библіотекѣ дѣла

Сибиряковыхъ, всѣ указы и узаконенія временъ Петра 1-го и послѣдующихъ государей, которыя Алексѣй Сибиряковъ неоднократно по торговымъ дѣламъ въ Москвѣ и Петербургѣ каждый разъ привозилъ съ собой въ Иркутскъ и присоединялъ къ своей коллекціи всѣхъ новыхъ и старыхъ русскихъ законовъ. Кромѣ того онъ имѣлъ и многія письменныя копіи съ замѣчательныхъ предписаній, получавшихся отъ высшаго петербургскаго начальства сибирскому начальству. Сибиряковъ Алексѣй «младшій» издавна прозывался въ Иркутскѣ законникомъ. А кто зналъ законы, тотъ по тогдашнимъ сибирскимъ, да кажется и русскимъ понятіямъ, былъ непремѣнно ябедникъ, доносчикъ, или во всякомъ случаѣ человѣкъ, непозволяющій себѣ молчать, когда его и братьевъ его давятъ, душатъ и велятъ молчать. Такихъ людей Крыловъ, конечно, не совсѣмъ жаловалъ, когда они были въ его рукахъ, и побаивался, когда они ускользали отъ него.

Вполнѣ убѣдившись, что Сибиряковъ уѣхалъ въ Петербургъ съ жалобами отъ гражданъ, Крыловъ отправилъ за нимъ погоню. Магистратскій ходокъ, Ѳедоръ Донскихъ, получилъ приказаніе догнать Сибирякова до Верхотурья. Посланные доскакали до этого пункта, но нигдѣ бѣжавшаго не видали, и даже не слыхали о немъ дорогой, съ чѣмъ и воротились къ начальнику. Лѣтопись не говоритъ, гдѣ былъ Сибиряковъ, но вѣроятно онъ скрывался гдѣ нибудь въ сторонѣ, въ селеніи или, для большей безопасности отъ преслѣдованія, жилъ даже въ лѣсу въ балаганѣ, какъ это дѣлали и многіе другіе, гонимые сибирскимъ начальствомъ. Чѣмъ объяснить это необыкновенное страданіе и терпѣливость иркутскихъ гражданъ? Нельзя думать, чтобъ это происходило отъ ихъ невѣжества. Иркутскіе купцы, почти ежегодно бывая на ярмаркахъ, нерѣдко посѣщали столицы, въ особенности Москву, какъ ближайшую къ ярмаркамъ и болѣе интересную, покрайней мѣрѣ въ тѣ времена, для далекихъ и любознательныхъ путешественниковъ. Тамъ они проживали по нѣсколько недѣль и даже мѣсяцевъ послѣ ярмарки. Кромѣ того, какъ извѣстно, иркутскіе купцы интересовались чтеніемъ книгъ и газетъ. Такъ, напримѣръ, по объявленіи объ изданіи «ежемѣсячныхъ сочиненій» извѣстнымъ историкомъ Сибири Миллеромъ,— большая часть зажиточнаго иркутскаго купечества стала получать это изданіе. «С. Петербургскія Вѣдомости» многіе еще получали въ Иркутскѣ въ 1730-хъ годахъ. Экземпляры этихъ періодическихъ изданій, хотя и разрозненные, вы встрѣтите и нынѣ въ старинныхъ иркутскихъ домахъ у нѣкоторыхъ библіофиловъ и букинистовъ.

Слѣдовательно, терпѣливость купцовъ надо объяснять не невѣжествомъ, а другими причинами... Большинство иркутскихъ богатыхъ купцовъ, переселившееся въ Сибирь изъ вологодской, а частію архангельской губерніи, перенесло сюда нравы и обычаи тогдашняго русскаго общества. Поэтому-то всѣ жестокости Крылова они считали божіимъ попущеніемъ, карой провидѣнія за ихъ грѣхи и, какъ исконные русскіе люди, старались единственно только смиреніемъ смягчить ужаснаго Крылова. Но Крыловъ, вѣроятно мало зная русскихъ людей, думалъ объ нихъ иначе. Не надѣясь на свою гауптвахту на дворѣ, гдѣ онъ жилъ, онъ развѣшивалъ въ спальнѣ своей цѣлый арсеналъ заряженныхъ ружій и пистолетовъ, хотя въ городѣ не было и слуха, чтобъ кто нибудь рѣшался покуситься на жизнь или собственность его.

Мы говорили до сихъ поръ объ оффиціальной дѣятельности Крылова, теперь для полноты картины состоянія сибирскаго общества того времени и для обрисовки личности его старыхъ административныхъ дѣятелей взглянемъ на частную жизнь слѣдователя Крылова, умалчивая однакожъ о тѣхъ фактахъ ея, о которыхъ даже лѣтописцы наши считаютъ неприличнымъ передать потомству, какъ одинъ изъ нихъ высказался объ этомъ.

Въ сибирской лѣтописи означены годы, мѣсяцы и числа, иногда даже и часы каждому вопіющему поступку Крылову; но имѣя въ рукахъ только краткую выписку изъ этой лѣтописи, мы разскажемъ только о главнѣйшихъ. 1) По пріѣздѣ въ Иркутскъ, Крылову понравился верхній этажъ дома Ивана Афанасьевича Мясникова, который онъ и занялъ безъ всякаго разрѣшенія хозяина и безъ всякаго назначенія и отвода. Домъ этотъ впослѣдствіи принадлежалъ чиновнику Порнякову и, кажется, существуетъ и по настоящее время въ Иркутскѣ. Хозяина дома, съ семействомъ его, Крыловъ переселилъ въ нижній этажъ. Въ этомъ домѣ Крыловъ жилъ все время нахожденія своего въ Иркутскѣ, т. е. около трехъ лѣтъ. При слѣдователѣ были четыре служителя и два магистратскіе дѣльца, выбранные изъ иркутскихъ посадскихъ, а именно: Андрей Иголкинъ и Андрей Нижегородцевъ. У Крылова было постоянно три лошади, еще съ пріѣзда подаренныя кѣмъ-то изъ купцовъ, и карета, тоже некупленная: все это было на полномъ содержаніи хозяина, разумѣется безвозмездно. Кромѣ того Крыловъ постоянно наносилъ разныя оскорбленія хозяину и неслыханно-нахальныя дерзости всѣмъ его домашнимъ, не говоря уже о посторонихъ лицахъ. Объ этомъ будетъ сказано ниже подробнѣе, по пунктамъ.

2) Противъ квартиры Крылова былъ домъ купца Ивана Ворошилова; Крыловъ увидѣлъ изъ окна дочь его и велѣлъ двумъ гренадерамъ привести ее къ себѣ, будто бы по какой-то необходимой надобности—по дѣлу о несдачѣ каштаковъ, а если не пойдетъ, то приказалъ тащить насильно. Дѣвушка спряталась, но была найдена и послѣдняя половина его этого приказанія была исполнена. Развязка понятна. Ворошилова была изнасилована. На жалобу вицегубернатору Вульфу старикъ-отецъ получилъ отвѣтъ, что г. слѣдователь Крыловъ посланъ отъ правительствующаго Сената и мѣстному начальству не есть подчиненъ. Ворошиловъ по-неволѣ умолкъ. Крыловъ потомъ свободно посылалъ за его дочерью, когда это ему было угодно. Этой-то Парасковьѣ Ивановнѣ Ворошиловой и отдалъ онъ разныя золотыя галантерейныя вещи, бриллианты и жемчугъ, отобранныя у семейства богача Бичевина, послѣ его смерти. 3) Семейство купца Мясникова, кромѣ прислуги, состояло изъ хозяина, жены его и матери (мужа или жены — не знаю уже), старухи 55-ти лѣтъ. Крыловъ, встрѣчая старуху на дворѣ, часто уводилъ ее въ свои комнаты и просилъ ее удовлетворить его животной страсти. А какъ Мясникова гнушалась рѣшиться на столь неслыханный поступокъ, то онъ билъ ее и старался силою заставить исполнить его желаніе. Старуха вынуждена была оставить домъ и семейство и только въ отсутствіи постояльца приходила домой. Крыловъ потомъ обратилъ вниманіе на жену хозяина, которую лѣтописецъ называетъ Дарьей Николаевной, онъ часто, поймавъ ее на дворѣ, затаскивалъ въ свои комнаты, и послѣ несогласія ея на его требованіе билъ ее по щекамъ, таскалъ за волосы, а иногда билъ объ стѣну головою, но она все-таки оставалась непреклонною. Отъ нѣсколькихъ истязаній подобнаго рода, хозяйка сдѣлалась больна; когда она выздоровѣла, Крыловъ началъ дѣлать на нее новыя нападенія, но не получивъ и тогда желаемаго результата, онъ угрожалъ цѣлое семейство Мясниковыхъ отодрать кнутомъ. Никакія угрозы не подѣйствовали на эту сибирячку. Однажды, послѣ сильнаго нападенія на хозяйку, онъ призвалъ со двора двухъ гренадеровъ и велѣлъ отправить ее подъ карауломъ въ комиссію. Черезъ нѣсколько минутъ опять приказалъ привести ее къ себѣ и,ославъ за ея мужемъ, Иваномъ Мясниковымъ, продолжалъ бить и при немъ жену его по щекамъ; потомъ велѣлъ Мясникову, за упорство его жены, бить ему ее саморучно ботажьемъ, который принесли солдаты. Хозяинъ, зная Крылова, безпрекословно исполнялъ его приказаніе и билъ жену свою, сколько угодно было его

постояльцу. Лѣтописецъ умалчиваетъ, достигъ ли наконецъ Крыловъ своей цѣли; только этотъ поступокъ Крылова навелъ на домъ Мясникова и весь Иркутскъ невольный страхъ, и каждый житель его невольно убѣдился, что нѣтъ никакихъ границъ для наглостей присланнаго правительствующимъ Сенатомъ слѣдователя.

4) Крыловъ, увидѣвъ изъ окна пробѣгавшую изъ кухни въ нижній этажъ дома, гдѣ онъ жилъ, дѣвочку 10-ти лѣтъ, прислуживавшую при горницѣ, вышелъ на дворъ, приласкалъ ее, зазвалъ ее въ верхній этажъ и насильно растлилъ.

5) Другая дѣвушка, бывшая въ услуженіи у Мясникова, 21-го года, имѣвшая болѣе силы противиться злодѣю, тоже позвана была къ постояльцу и такъ какъ она не соглашалась удовлетворить его желанію, то Крыловъ призвалъ солдатъ изъ своей команды и приказалъ «бить ее нещадно плетьми». Дѣвушка сдѣлалась больна. По выздоровленіи онъ послалъ солдатъ опять привести ее къ себѣ и достигъ своей цѣли.

Сколько Мясниковъ ни употреблялъ средствъ, чтобы избавиться отъ своего постояльца, ничто не помогло, и нигдѣ онъ не могъ найдти себѣ защиты. Все это давало поводъ Крылову еще болѣе усиливать свое буйство и наглости.

6) Убѣдившись, что мѣстное начальство не имѣетъ силъ принять противъ него никакихъ мѣръ, онъ началъ оскорблять даже лицъ, заслуживавшихъ уваженіе иркутскихъ жителей. Были именины матери хозяевъ дома. Старуха, зная, что у нихъ будетъ большая часть высшихъ чиновниковъ губерніи и лучшаго купечества, полагала, что при такомъ собраніи Крыловъ не рѣшится на какія либо дерзости и буйства, но она жестоко обманулась въ своемъ разсчетѣ. Послѣ обѣда, когда голова Крылова наполнилась парами водки, наливокъ и разныхъ винъ, онъ обратился къ гостямъ и сказалъ: «Имянинницу вѣдь надо поздравить съ днемъ ея ангела». Затѣмъ онъ бросился на идущую по горницѣ мать хозяина, повалилъ ее на полъ и хотѣлъ при всѣхъ сдѣлать то, къ чему стремился давно, но безуспѣшно. Городничій Замощиковъ сталъ отнимать старуху, другіе тащили Крылова за ноги. Онъ оставилъ ее, но ударилъ городничаго по щекѣ, потомъ далъ оплеуху другому защитнику хозяйки, проѣзжающему черезъ Иркутскъ казачьему уряднику военной команды каравана, Щукину и, получивъ въ обмѣнъ отъ сбоихъ ихъ по нѣсколько ударовъ, бросился на гостей съ кулаками. Наконецъ, уже съ большимъ трудомъ, присутствующіе утащили его на верхъ въ его комнаты.

7) Изъ двухъ дѣлъ здѣшняго губернскаго архива видно, что Крыловъ не менѣе жестокъ былъ въ обращеніи и съ своими собственными чиновниками. Изъ поданной въ губернскую канцелярію просьбы чиновника его Юрлова узнаемъ о слѣдующемъ поступкѣ съ нимъ Крылова. Когда-то Крыловъ замѣтилъ, что Юрловъ разговаривалъ съ его невольною, постоянною посѣтительницею m-lle Ворошиловой и, подозрѣвая въ этомъ вѣроятно что нибудь нехорошее для себя, съ тѣхъ поръ сталъ гнать этого чиновника и подвергать его разнымъ взысканіямъ. Разъ лѣтомъ, когда было артиллерійское ученіе за городомъ, тамъ было много народу, пріѣхалъ и Крыловъ; проходя, онъ замѣтилъ чиновника Юрлова, подошелъ къ нему и грозно спросилъ, какъ онъ смѣлъ придти сюда безъ всякаго позволенія, и такъ хватилъ его кулакомъ по головѣ, что шляпа его полетѣла въ одну сторону, а самъ онъ въ другую. Крыловъ, не удовлетворясь этимъ, долго еще таскалъ его за волосы, потомъ крикнулъ близъ стоящей черни: «бейте его!» мужики не смѣли не повиноваться приказу, а можетъ быть кто нибудь имѣлъ личное неудовольствіе на Юрлова, и несчастнаго продолжали таскать за волосы, такъ что Юрловъ вынужденъ былъ послѣ этой операціи нѣсколько мѣсяцевъ, какъ значится въ прошеніи его, носить парикъ. Изъ другихъ жалобъ на Крылова видно, что безчинства его происходили отъ пьянства, но онъ былъ такъ крѣпокъ на ногахъ и такъ медленно хмѣлѣлъ, что нельзя было примѣтить его состоянія.

Сохранилось еще преданіе, записанное въ лѣтописи, что вмѣстѣ съ донесеніемъ вице губернатора, наконецъ-таки отправленнымъ къ Сибирскому губернатору въ Тобольскъ, посланъ конвертъ и къ государынѣ отъ епископа Софронія, гдѣ описывались вымученныя признанія купечества и всѣ злодѣянія Крылова. Мѣстный архіерей просилъ Сибирскаго губернатора отправить пакетъ какъ можно поскорѣе по адресу. Этимъ и объясняется, почему оберъ-прокуроръ Глѣбовъ, при всемъ своемъ могуществѣ въ Петербургѣ, не могъ защитить Крылова, и Сенатъ послалъ нарочнаго курьера съ указомъ, повелѣвавшимъ арестовать Крылова и выслать его въ Петербургъ. Но этому событію предшествовало слѣдующее. Въ августѣ мѣсяцѣ 1760 г., когда уполномоченный Крыловъ уже болѣе двухъ лѣтъ бушевалъ и разбойничалъ въ Иркутскѣ, заѣхалъ онъ послѣ обѣдни съ вице-губернаторомъ Вульфомъ и нѣкоторыми чиновниками въ гости къ купцу Василью Зайцеву. Ожидая себѣ награды послѣ благополучно-оконченнаго слѣдствія, Крыловъ довелъ дерзость свою до того, разумѣется предварительно напившись, что

началъ при всей публикѣ, чиновничествѣ и купечествѣ укорять Вульфа въ слабости управленія краемъ и расхищеніи черезъ это государственной казны. Вульфъ сказалъ нѣсколько словъ въ свое оправданіе, насколько счелъ приличнымъ, и высказалъ свое мнѣніе о средствахъ, употребленныхъ Крыловымъ для раскрытія его мнимой истины. Ревизоръ, разгорячившись, приказалъ тутъ же бывшимъ чиновникамъ своимъ взять шпагу у вице-губернатора и объявилъ, что онъ налагаетъ на него арестъ. На другой день Крыловъ циркулярами своими объявилъ всѣмъ мѣстамъ и оффиціальнымъ лицамъ иркутской провинціи, что онъ, по непростительной слабости тамошняго вице-губернатора и по единодушной просьбѣ всѣхъ жителей города, самъ вступилъ въ управленіе иркутскою провинціею, о чемъ и не замедлилъ донести даже сибирскому губернатору съ особымъ курьеромъ. Вульфъ изъ опасенія, чтобы Крыловъ вслѣдствіе вновь присвоенной власти не надѣлалъ какихъ нибудь административныхъ безпорядковъ въ провинціи, постарался присоединить къ провинціальной канцеляріи двухъ ассесоровъ: Ѳедорова и Владыкина, а самъ призналъ себя арестованнымъ и оскорбленнымъ и не рѣшился вступить въ управленіе. Крыловъ же не хотѣлъ и слышать о допущеніи этого коллегіальнаго порядка и удалилъ этихъ чиновниковъ отъ участія въ дѣлахъ канцеляріи, объявивъ, что онъ желаетъ одинъ управлять провинціею. И тогда только Вульфъ рѣшился описать поступки Крылова и тихонько отправить курьера, сержанта Конюхова, съ донесеніемъ къ сибирскому губернатору. 1860 года, ноября 8-го дня Конюховъ возвратился изъ Тобольска и привезъ отъ сибирскаго гражданскаго губернатора указъ объ арестованіи и скованіи слѣдователя Крылова. Надобно удивляться, какъ Крыловъ не узналъ заблаговременно о прибытіи нарочнаго и не принялъ никакихъ мѣръ къ предупрежденію непріятнаго для него распоряженія высшаго сибирскаго начальства. Вульфъ же, опасаясь буйства Крылова, рѣшился въ первую же ночь привести въ исполненіе распоряженіе губернатора и съ нѣмецкою осторожностью сдѣлалъ всѣ нужныя приготовленія къ арестованію Крылова. Въ 1-мъ часу `поцолуночи, Вульфъ, взявши съ собою ассесоровъ Ѳедорова и Владыкина, секретаря Брутенцева и 25 отборныхъ вооруженныхъ казаковъ, тихо подошелъ къ квартирѣ Крылова, гдѣ, какъ выше сказано, была гауптвахта съ 25-ю же солдатами. На крыльцѣ стоялъ караулъ, а ружья лежали во дворѣ на плацу. Вульфъ приказалъ смѣнить караулъ на крыльцѣ, захватить всѣ ружья съ плаца и, приставивъ сильный ка-

раулъ къ людской, гдѣ спали и солдаты и прислуга Крылова, отправилъ для арестованія Крылова извѣстнаго по своей отвагѣ сибирскаго казака-урядника Андрея Подкорытова съ пятью рядовыми, чтобъ обезоружить буйнаго администратора, а самъ слѣдовалъ за этими людьми съ чиновниками своими и остальными казаками въ верхній этажъ дома Мясникова. При входѣ въ комнаты Подкорытова съ казаками, Крыловъ схватилъ висѣвшее на стѣнѣ ружье и хотѣлъ защищаться, но отважный Подкорытовъ легко укротилъ его храбрость. Вошелъ вице-губернаторъ, и секретарь Брутенцевъ прочелъ указъ; Крылову предложены были кандалы, которыми онъ очень недавно угощалъ лучшихъ гражданъ Иркутска. Крыловъ видя, что дѣлать нечего, началъ исчислять свои заслуги и всѣ денежныя пріобрѣтенія въ пользу казны, и сопротивлялся противъ намѣренія заковать его; тогда урядникъ съ казаками силою надѣлъ на него оковы и къ квартирѣ его приставленъ былъ сильный караулъ. На слѣдующій день полученъ былъ указъ правительствующаго Сената съ нарочнымъ, присланнымъ изъ Петербурга отъ 20-го сентября, объ арестованіи Крылова и объ отсылкѣ его на судъ въ Сенатъ. 20-го ноября слѣдователь, коллежскій ассесоръ Петръ Никифоровичъ Крыловъ, подъ крѣпкимъ карауломъ, скованный, препровожденъ былъ изъ Иркутска въ Петербургъ и тѣмъ открытъ былъ широкій путь жалобамъ на всѣ его злодѣйства, притѣсненія, безчинства и взяточничество — со стороны тѣхъ, которые были имъ изувѣчены и оскорблены. Sic transit gloria mundi!

Въ началѣ настоящаго столѣтія въ Иркутскѣ были еще старики, которые знали Крылова лично. Онъ былъ высокъ ростомъ, необыкновенно силенъ, съ большими на выкатѣ глазами и сильнымъ рѣзкимъ голосомъ. — Старожилы разсказывали, что Крылова такъ боялись въ Иркутскѣ, что даже многіе мужчины не смѣли встрѣчаться съ нимъ на улицахъ. По тогдашнему обычаю большая часть домовъ въ Иркутскѣ строилась крыльцами на улицу. Когда видѣли, что Крыловъ идетъ или ѣдетъ гдѣ нибудь — окна и двери запирались, будто бы хозяевъ нѣтъ и не было дома.

Дѣйствія Крылова потому болѣе удержались въ народной памяти, что домъ замученнаго купца Бичевина стоялъ пустъ до начала настоящаго столѣтія; развалины сломаны были только въ 1805 году, когда устроивалась площадь для рынка.

На задахъ этого дома былъ огородъ, а далѣе каменная богадѣльня тихвинской церкви, построенная Иваномъ Бичевинымъ, гдѣ и погребенъ онъ послѣ своей мученической смерти. Въ оградѣ

этого храма и теперь, кажется, сохраняется камень надъ его безвременной могилой.

О богатствѣ Бичевина до начала настоящаго столѣтія сохранялись народныя преданія. Въ амбарахъ его, развалины которыхъ еще видѣли наши старики, хранились золотыя и серебреныя деньги въ боченкахъ, прикованныхъ къ стѣнамъ цѣпями, а мѣдныя деньги стояли въ омулевыхъ бочкахъ, дно которыхъ привинчено было къ полу винтами. Бичевинъ велъ обширную торговлю на берегахъ и островахъ Восточнаго океана. Прикащики его разъѣзжали по Курильскимъ и Алеутскимъ островамъ и привозили оттуда большія партіи морской пушнины. Богатство Бичевина было главнымъ соблазномъ для Крылова.

Чѣмъ кончилось иркутское дѣло лично для Крылова — лѣтопись ничего не говоритъ объ этомъ. Только спустя нѣсколько лѣтъ, сибирскіе купцы, бывшіе въ Петербургѣ, встрѣчали Крылова на улицѣ въ форменномъ платьѣ. Поэтому можно догадываться, что онъ выплылъ сухимъ изъ своего болота. Богатый откупщикъ и оберъ-прокуроръ Глѣбовъ, котораго домъ еще до сихъ поръ красуется на одной изъ главныхъ петербургскихъ улицъ, конечно не далъ въ обиду своего вѣрнаго клеврета.

Черезъ сто лѣтъ даже трудно судить хладнокровно объ этомъ отвратительномъ событіи, особенно намъ, сибирякамъ, предки которыхъ умерли подъ кнутомъ Крылова или до-тла раззорились; но чѣмъ же долженъ былъ казаться этотъ палачъ для тѣхъ, кто испыталъ на себѣ его пытки и оскорбленія! Потому-то имя его глубоко залегло въ памяти сибирскаго края.

Николай Щукинъ.

МОЛОДАЯ УДАЛЬ.

Съ горемъ да съ нуждою
Борешься до боли,
Спать ложишься — молвишь:
«Умереть-бы, чтоли?»

А въ ночи-то снятся
Золотыя грезы,
Какъ роса при солнцѣ
Высыхаютъ слезы.

Раннимъ утромъ встанешь,
Вскинешь кудри бойко,
Передернешь плечи —
Усмѣхнешься только.

Выходи, кто хочешь,
Смѣряемся силой,
Дѣлай, что угодно, —
Не скажу: «помилуй!»

Не убьешь, не сгубишь
Молодую силу,
Не уложишь парня
Заживо въ могилу.

Изъ тюрьмы онъ выйдетъ,
Изъ могилы встанетъ,
Да про удаль пѣсню
Предъ врагами грянетъ.

А. Михайловъ.

СЪ КВАРТИРЫ НА КВАРТИРУ.

(повѣсть.)

I.

Много насъ жило у мадамъ Шморбратенъ. Въ нашихъ трехъ комнаткахъ, раздѣленныхъ перегородками, было мѣсто для всѣхъ, для православныхъ и неправославныхъ, для мальчиковъ и дѣвочекъ, для законнорожденныхъ и незаконнорожденныхъ, но преимуществу же для незаконнорожденныхъ. Послѣдніе всегда приводили меня въ недоумѣніе и я разсматривалъ ихъ съ особеннымъ любопытствомъ, желая подмѣтить въ нихъ какіе-нибудь отличительные признаки, такъ какъ я въ тѣ годы вообще не имѣлъ понятія, какъ родятся люди, и еще того менѣе понималъ, какъ это они незаконно родятся. Поступить на житье къ мадамъ Шморбратенъ было не трудно. Ребенокъ, оставшійся сиротою и имѣвшій въ числѣ дальнихъ родственниковъ или опекуновъ нѣмца, что очень часто случается въ иностранномъ городѣ Petersburg'ѣ, могъ всегда надѣяться, что не сегодня, такъ завтра мадамъ Шморбратенъ подобьетъ этого нѣмца избрать ее матерью сироты или, не имѣя свободнаго мѣста въ своихъ материнскихъ объятіяхъ, отрекомендуетъ сироту одной изъ своихъ знакомыхъ, какой нибудь мадамъ Пфанкухенъ или мадамъ Кноблаухъ, что въ сущности совершенно одно и то же. Было и другое средство попасть въ ея домъ. Какъ кто нибудь изъ русскихъ родственниковъ или опекуновъ привезетъ

отдавать дѣтей въ нѣмецкую Н — скую школу или въ ближайшую отъ нашего шморбратенскаго государства гимназію и выразитъ сожалѣніе, что живетъ онъ далеко, въ другомъ городѣ, а на полный пансіонъ отдать ребятишекъ не имѣетъ средствъ, такъ тотчасъ же инспекторъ училища и посовѣтуетъ:

— Да вы обратились бы къ мадамъ Пфанкухенъ или къ мадамъ Шморбратенъ, лучше къ послѣдней. Прекрасная она женщина, дѣтей на хлѣбы беретъ. Она и дочерей имѣетъ для прохожденія съ малютками заданныхъ уроковъ...

— Неужели? изумляется родственникъ.

— Какъ-же, какъ-же! Прекрасныя барышни! Вы отдайте...

— Не знаю право, сомнѣвается любящій родственникъ.

— Помилуйте, чего же лучше? оскорбляется инспекторъ. Ужь я право и не знаю, чего-же вамъ лучше! Дешево, содержаніе отличное, практика нѣмецкаго языка, ну и музыка тоже, если хотите. Да ужь если бы худо было, то баронъ Вицли-Пуцли не отдалъ бы туда своего сына, то есть это не то чтобы сынъ, а знаете... Впрочемъ баронъ его совершенно за сына считаетъ... Мадамъ Шморбратенъ и пастору Флиту извѣстна, онъ ей всѣхъ своихъ сиротъ отдаетъ; какъ у него явится сирота, такъ онъ и шлетъ за мадамъ Шморбратенъ: «вотъ, говоритъ, вамъ сирота, заступите ему мѣсто матери!..» Богобоязливая женщина!..

— Какъ же условиться съ ней? хлопоты эти...

— Какія хлопоты? Я это дѣло улажу. Я вамъ письмо къ ней дамъ или, если хотите, самъ съѣзжу переговорить съ нею и дамъ вамъ отвѣтъ.

— Помилуйте, столько безпокойства вамъ...

— Что за безпокойство.

— Да нѣтъ, все же...

— О будьте покойны! Я это улажу; вы посмотрите, что я это улажу!

И вытянувъ быстрой аттакой согласіе родственника, инспекторъ прилеталъ съ предложеніями къ мадамъ Шморбратенъ. Случалось это все больше во время вечерняго чая, такъ какъ въ другое время у инспекторовъ занятій по горло. Тутъ-то мадамъ Шморбратенъ развертывалась, подавала разныя закусочки, колбасики, бутербродцы, чай съ ромцомъ. Инспекторъ пошучивалъ:

— А что, мадамъ, сами колбасу дѣлали?

— О нѣтъ! Не такія теперь времена. Вотъ когда у покойнаго батушки была мыза, то у насъ *всѣ* свое было, *всѣ* своебыло. Ахъ, если бы онъ видѣлъ, какъ его дочь теперь бьется, онъ умеръ бы съ горя. И за что я такая несчастная. Вотъ сестра молилась Богу, чтобъ у нея была корова—и есть корова, молилась, чтобъ у нея была мыза—и есть мыза, а я...

— Ну полноте, полноте! перерывалъ инспекторъ нѣмецко-русскую рѣчь хозяйки.

— Нѣтъ, нѣтъ! я себѣ говорю: за что ты, Марія, такая несчастная? Ты, Марія...

— Ну, не ропщите, грѣхъ роптать! А я къ вамъ вотъ новичка хочу пристроить... Ба! что это вы вышиваете? изумлялся инспекторъ, увидавъ начатую подушку, и разсыпался въ благодарностяхъ, когда одна изъ дѣвицъ Шморбратенъ обѣщала прислать ему понравившуюся вышивку по окончаніи работы. Дѣло такимъ образомъ улаживалось, такъ какъ и цѣна за содержаніе и согласіе хозяйки принять новичка не требовали переговоровъ и были извѣстны всѣмъ и каждому. Черезъ три-четыре дня въ наши комнатки тащили узлы съ периною, подушками, платьями, ложками, ножами, вилками и наконецъ за всѣми этими необходимыми вещами появлялся, какъ бы въ придачу къ нимъ, какой нибудь крошечный образчикъ человѣчка. Образчикъ ежился и косился на насъ, точно боялся, что мы, развязавъ вещи, выбросимъ его самого вмѣстѣ съ веревками и оберточной бумагой. Черезъ два дня человѣчка пробовали сдѣлать общежительнымъ членомъ нашего семейства или, лучше сказать, государства, и мадамъ Шморбратенъ говорила ему:

— Генсхенъ, вылейте воду изъ полоскательной чашки въ поганое ведро!

Генсхенъ, — при крещеніи названный Иваномъ и пожалованный своей матерью въ Жана,—подобно юному чиновнику, неполучившему прибавки жалованья, но получившему приказаніе составить бумагу, приходилъ въ телячій восторгъ, что и онъ становится дѣятелемъ, а не паразитомъ въ принявшемъ его обществѣ, бѣжалъ козлиными прыжками перелить грязную воду въ поганое ведро и съ радости разбивалъ полоскательную чашку.

— О Генсхенъ! какой вы неловкій! разомъ кричали мадамъ Шморбратенъ и три ея дочери.—Вамъ ничего не будутъ поручать дѣлать.

Генсхенъ, за минуту походившій на юнаго козлика, дѣлался похожимъ на вареного рака, не теряя впрочемъ сходства съ юнымъ чиновникомъ, испортившимъ бумагу, и покорялся опалѣ съ тяжелымъ чувствомъ сознанія своей негодности. Черезъ нѣсколько минутъ, поразмысливъ о своей судьбѣ, онъ начиналъ успокоиваться и думалъ, что можетъ быть оно и хорошо, если его не будутъ заставлять переливать воду изъ одной посудины въ другую, но онъ еще не понималъ, какое впечатлѣніе произведетъ на другихъ выказанное имъ согласіе къ переливанью воды. Проходилъ день, Генсхену ничего не поручали: сахаръ колятъ другіе, воду выливаютъ другіе, *чайную машину* велятъ ставить другимъ, Генсхену даже не даютъ подать опорожненную имъ чайную чашку, а заставляютъ другихъ взять ее отъ него, потому что онъ такой неловкій, разбить ее можетъ. Генсхенъ возьметъ со стола стаканъ, а ему уже ласково кричатъ четыре довольно жиденькіе голоса:

— Генсхенъ, не разбейте, ради Бога!

— Ахъ, мама, какъ я боюсь, что этотъ Генсхенъ разобьетъ что нибудь у насъ!

— О, этотъ Генсхенъ такой *неосторожный!*

Генсхенъ вздыхаетъ, слушая полунѣмецкія, полурусскія восклицанія хозяекъ, перенося тычки, безчисленные тычки отъ услуживающихъ ему и работающихъ за него товарищей, и думаетъ крѣпкую думу. Результатомъ думы является новая полоскательная чашка, купленная на послѣднія деньги, оставленныя Генсхену матерью, экономкою министра.

— Генсхенъ, это вы купили?

— О, этотъ Генсхенъ, мама, предобрый!

— О, ты ему будешь поручать работу? кричатъ три голоса.

— Да, да, отвѣчаетъ растроганная мадамъ Шморбратенъ. Генсхенъ, вели Катринѣ подать чайную машину.

Генсхенъ приходитъ въ восторгъ отъ порученія и бѣжитъ передать кухаркѣ приказаніе. Его восхищаетъ обращенное къ нему впервые отеческое *ты*, какъ полнѣйшее свидѣтельство о

принятіи его въ члены общества. Но уже въ самой его походкѣ замѣтна осторожность, онъ боится что нибудь разбить, своротить съ мѣста; онъ подобострастно слушаетъ за чаемъ исторію старой, разбитой имъ полоскательной чашки, принадлежавшей еще отцу мадамъ Шморбратенъ; онъ съ благоговѣніемъ смотритъ и на всѣ остальные предметы, предполагая, не безъ основанія, что у каждаго изъ нихъ есть свое великое историческое значеніе, и ему кажется, что даже изъ его стакана выглядываетъ на него бѣлобрысый отецъ хозяйки, этотъ невѣдомый ему, но глубоко уважаемый имъ нѣмецъ. У Генсхена навертываются на глаза слезы умиленія... Такъ-то каждый изъ насъ дѣлался членомъ семьи мадамъ Шморбратенъ, проникался уваженіемъ къ исторической личности ея отца, пріучался приносить свою долю пользы доброй хозяйкѣ, державшей бразды домашняго правленія, и не рѣшался разсуждать о томъ, что для чего же ей услуживать, если она получаетъ за наше содержаніе ежемѣсячную подать.

II.

Я поступилъ къ мадамъ Шморбратенъ изъ Маріеназиля *).

Мнѣ было въ то время одиннадцать лѣтъ. Въ Маріеназилѣ мнѣ приходилось и грядки рыть въ огородѣ весною, и полоть ихъ лѣтомъ, и кортофель копать осенью и масло бить во всякое время. Руки у меня стали жосткими, плечи широкими, лице загорѣлымъ, почти бронзоваго цвѣта, такимъ оно и осталось почти навсегда. По-нѣмецки я говорилъ отлично, хотя мое произношеніе и не было похоже на то, какое слышится въ аристократическихъ кружкахъ, а напоминало произношеніе колонистовъ, ближайшихъ сосѣдей Маріеназиля. По-русски я зналъ плохо, хотя и былъ православнаго вѣроисповѣданія. Послѣднее обстоятельство меня немного изумляло, такъ какъ въ сущности я самъ не зналъ, нѣмецъ ли я или русскій, и если русскій, то почему. Родителей у меня никогда не было, покрайней мѣрѣ я долго

*) Пріютъ для дѣтей близъ Петербурга.

былъ увѣренъ, что я и мои товарищи по Маріеназилю родились сами собою на свѣтъ не отъ родителей, а отъ Маріеназиля. Какъ мнѣ грустно было покинуть этотъ пріютъ, когда пріѣхалъ за мною и повезъ меня къ мадамъ Шморбратенъ какой-то неизвѣстный мнѣ человѣкъ, баронъ Вицли-Пуцли. Я въ себя не могъ придти отъ этого событія и не мудрено: жилъ, жилъ я мирнымъ гражданиномъ, воздѣлывалъ землю и вдругъ пріѣзжаетъ таинственный незнакомецъ, шепчется съ надзирательницей, сажаетъ меня въ карету и увозитъ. «Боже мой, Боже мой, что будетъ съ моимъ картофелемъ!» мысленно восклицалъ я и звѣрски смотрѣлъ на незнакомца, подъѣзжавшаго ко мнѣ съ ласковыми словами... Сурово и недовѣрчиво взглянулъ я на безчисленную семью мадамъ Шморбратенъ и удивился, что у всѣхъ ея членовъ были бѣлыя руки, узенькія плечи, прозрачная кожа и болѣе всего поразилъ меня одинъ трехлѣтній ребенокъ, у котораго шея была похожа на тоненькую стеклянную трубочку, налитую голубоватымъ молокомъ съ водою, на этой полупрозрачной шеѣ сидѣла, покачиваясь съ боку на бокъ, непомѣрно большая голова съ бѣловатыми, больными, именно больными волосами, и тоже голубоватой, какъ жидкое молоко, кожей.

— Ты будешь жить здѣсь, сказалъ мнѣ баронъ Вицли-Пуцли. Учиться ты будешь въ Н—ской школѣ. Если тебѣ понадобятся деньги, то ты можешь спросить у мадамъ Шморбратенъ, я ей оставлю ихъ для твоихъ потребностей.

Я стоялъ и хлопалъ глазами, не зная, на что это могутъ мнѣ понадобиться деньги и зачѣмъ это баронъ поручаетъ мадамъ Шморбратенъ выдавать мнѣ ихъ, когда она будетъ меня поить и кормить. У насъ въ Маріеназилѣ никто не имѣлъ понятія о значеніи денегъ, тамъ всѣ существовали безъ нихъ, никто и не придумалъ бы, на что онѣ годятся, и ужь конечно если кому нибудь хотѣлось добыть молока, то онъ и шелъ за молокомъ къ коровницѣ, а не за деньгами.

— Ну, прощай, учись хорошо! сказалъ баронъ, задумчиво поглядывая на мое озабоченное лицо.

Я молчалъ.

— Поцалуйте же ручку у своего благодѣтеля! воскликнула мадамъ Шморбратенъ.

Она указала мнѣ на барона, и я понялъ, что онъ благодѣтель, и поцѣловалъ впервые руку у посторонняго мужчины, то-есть у мужчины вообще, потому что всѣ они были мнѣ посторонніе, такіе же посторонніе, какъ и всѣ женщины. Долго вечеромъ думалъ я, великъ ли чинъ, выражаемый словомъ: благодѣтель, и никакъ не могъ понять, что это совсѣмъ не чинъ, что я самъ могу изъ Валерьяна Малевина сдѣлаться благодѣтелемъ... Фу, какъ душно спать въ маленькой комнатѣ въ лѣтнюю ночь въ обществѣ нѣсколькихъ ребятишекъ! И какъ темно, точно въ могилѣ, и эти блѣдные люди выглядятъ точно покойники, а этотъ трехлѣтній мальчикъ, съ синеватой головой,— у! какой онъ отвратительно-страшный!.. Но что это? Передо мной начало подниматься у противоположной перегородки, отдѣлявшей отъ насъ дѣвочекъ, какое-то привидѣніе, длинное, длинное, въ бѣломъ саванѣ, стараясь достать руками до верху перегородки!

— Спасите! крикнулъ я. — Спасите!

Всѣ всполошились, привидѣніе свалилось, какъ снопъ, на свою постель, уронивъ на полъ какую-то бумажку, сложенную въ формѣ письма. Начался гамъ и шумъ.

— Мама, ахъ мама, мы горимъ! кричала одна изъ дѣвицъ Шморбратенъ.

— О, какъ мнѣ страшно, мама! ужасалась другая.

Кто-то визжалъ тоненькимъ женскимъ голоскомъ. Двери къ намъ въ комнату внезапно распахнулись и мадамъ Шморбратенъ, худенькая, какъ щепочка, въ болтавшейся около ногъ юбчонкѣ, съ головой не больше кулака, обтянутой въ гладкій ночной чепецъ, явилась на порогѣ.

— Валерка, что съ тобой? крикнула она.

— Покойникъ! отвѣтилъ я, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Гдѣ?

— Тамъ.

— Ты съ ума сошелъ! никакого покойника тутъ нѣтъ. Тутъ Фрицъ спитъ. Фрицъ, вы спите?

— Сплю, мадамъ Шморбратенъ, отвѣтилъ Фрицъ.

— Ну, вотъ видишь, Фрицъ тутъ спитъ. Если ты еще будешь шумѣть, то я пожалуюсь барону. Спи!

— О, мама, какъ этотъ Валерка меня испугалъ!

— Мама, мама, какъ у меня сердце бьется! слышались голоса изъ другой комнаты и въ то же время кто-то визжалъ.

Наконецъ все успокоилось. Я, пристыженный этой сценою, краснѣя за себя, не могъ уснуть; вдругъ на противоположной постели, гдѣ поднималось привидѣніе, приподнялся снова Фрицъ и, крадучись, подошелъ ко мнѣ.

— А ты, щенокъ, вздумалъ ябедничать! грознымъ шопотомъ произнесъ онъ, нагибаясь къ самому моему носу. — Вотъ же тебѣ, вотъ тебѣ! Онъ зажалъ мнѣ рукою ротъ и началъ меня щипать повсюду, гдѣ только ему удавалось захватить мое тѣло. Я не вытерпѣлъ и укусилъ ему руку.

— Чортъ, дьяволъ! прошепталъ онъ и навалился всѣмъ своимъ тѣломъ на меня. Началась борьба. Мнѣ удалось показать свою деревенскую силу, и Фрицъ, уходя на свою постель, вѣроятно раскаивался, что затѣялъ битву. За перегородкой кто-то хихикалъ, должно быть понимая, что означала глухая возня въ нашемъ отдѣленіи.

Утромъ, когда я проснулся, первымъ моимъ дѣломъ было разглядѣть Фрица. Я воображалъ его такимъ же ребенкомъ, какъ я, и удивился, увидавъ молодого человѣка лѣтъ пятнадцати съ бойкими, плутовскими глазами и хорошенькимъ, чисто-русскимъ лицомъ. Онъ косился на меня и изъ-подъ стола показывалъ мнѣ кулакъ. Я гордо показалъ ему два, въ полной увѣренности, что онъ не можетъ отвѣтить мнѣ тѣмъ же, по случаю укушенной ладони.

— Вы гадкій, гадкій мальчишка, сказала мнѣ мимоходомъ бѣлокуренькая Анхенъ, одна изъ воспитанницъ мадамъ Шморбратенъ.

III.

— Вануша, что ты не пьешь чай? нѣжно спрашивала однажды мадамъ Шморбратенъ у прозрачнаго трехлѣтняго ребенка, за-

думчиво сидѣвшаго надъ чашкой жидкаго чая, похожаго цвѣтомъ на мутную воду.

— Булоцки зду, прокартавилъ тихо ребенокъ, не поворачивая своей огромной головы.

— Да вѣдь ты уже скушалъ свою булочку.

— Я и забилъ! отвѣтилъ флегматически ребенокъ и наклонилъ свою больную голову къ чашкѣ.

— О, этотъ Вана! онъ забылъ, что съѣлъ свою булочку! воскликнула одна изъ дочерей хозяйки.

— Сахалцу дайте, печально произнесъ Ваня, заглянувъ на дно чашки.

— Тамъ положено, ты помѣшай, отвѣтила мадамъ Шморбратенъ.

— Полозено, а я и забилъ, снова согласился Ваня и сталъ въ раздумьи мѣшать въ чашкѣ.

— Вы ему не клали сахару, объявилъ я, полагая, что бѣдная мадамъ Шморбратенъ засуетилась и забыла это обстоятельство.

— Заботьтесь о себѣ, если вамъ не дадутъ сахару, а объ Ванѣ есть кому заботиться; мы его любимъ больше всего на свѣтѣ.

— О, этотъ Вана!

— О, поцалуй меня, Вануша! заговорили голоса.

Ваня медленно обернулъ свою головку на тоненькой шейкѣ и подставилъ губы одной изъ дѣвицъ Шморбратенъ. Раздался звонкій поцалуй.

У меня сжалось сердце за Ваню и мнѣ захотѣлось собрать всю ѣду со стола и отдать ему. Дорогой въ школу я заглянулъ на окно булочной и быстро опустилъ руку въ карманъ, но тамъ не оказалось ничего, кромѣ сломаннаго грифеля, я съ горечью швырнулъ его въ сторону. Тутъ я впервые понялъ, что значитъ для голоднаго прохожаго булочная и что значатъ деньги; я готовъ былъ зарыдать, припасть къ чьей нибудь груди, когда въ эту же минуту мимо булочной прошла съ поникшей головой и тусклымъ взглядомъ оборванная, исхудалая женщина, державшая на рукахъ больного ребенка. Господи, не оставь нищихъ и голодныхъ безъ своей помощи въ сытомъ горо-

дѣ! Въ тотъ же день я явился къ мадамъ Шморбратенъ съ требованіемъ выдать мнѣ пятнадцать копѣекъ, объяснивъ, что я завтра не приду домой завтракать. Вечеромъ я тихонько кормилъ булками Ваню и передалъ ему сахаръ купленный мною на пять копѣекъ. Бѣдный ребенокъ еще не умѣлъ распоряжаться и съѣлъ сахаръ, за разъ; на утро онъ снова пилъ мутный кипятокъ безъ сахару и былъ нездоровъ... Я рѣшился опять попросить у хозяйки пятнадцать копѣекъ на завтракъ, но она сказала, что это слишкомъ много будетъ, если я стану тратить по пятнадцати копѣекъ въ день, что я долженъ довольствоваться тремя копѣйками. На эти деньги я могъ купить булку для Вани, но не могъ купить ему сахару, сверхъ того меня мучила мысль, что я самъ умру съ голода, такъ какъ мадамъ Шморбратенъ, давъ мнѣ первыя пятнадцать копѣекъ, не оставила мнѣ къ вечеру ничего, кромѣ молочнаго супа. Одна надежда оставалась у меня на благодѣтеля. Я хотѣлъ объяснить ему дѣло и просить денегъ, потомъ черезъ долгіе годы я понялъ, что надо было просить денегъ и не объяснять дѣла. Онъ пріѣхалъ. Я разсказалъ о своихъ безпокойствахъ за Ваню.

— Пожалуйста, не мѣшайся въ чужія дѣла, сказалъ онъ.— Заботься, чтобы тебя кормили. Всѣхъ, мой другъ, не накормишь, есть дѣти, которымъ еще хуже жить, чѣмъ этому Ванѣ, и помочь имъ у меня и у всѣхъ другихъ людей не достанетъ средствъ. Но ты самъ не голодаешь?

— Нѣтъ, я сытъ. Благодѣтель показался мнѣ въ эту минуту страшно сухимъ человѣкомъ.

— То-то же, ты не скрывай, если тебя плохо кормятъ. Скажи мнѣ. Я тебя перемѣщу въ другое мѣсто.

Я испугался, и мнѣ самому стало удивительно, что я испугался именно того, что меня возьмутъ изъ этого противнаго мнѣ дома. Передо мною, какъ молнія, мелькнулъ образъ умирающаго безъ моей помощи голодной смертью большеголоваго, тонкошеяго Вани, и мое сердце сжалось. Въ тѣ годы я еще мало видѣлъ страданій, не притупилъ своихъ чувствъ и не считалъ счастьемъ возможность жить среди страдающихъ людей, заткнувъ уши и закрывъ глаза отъ ихъ горькаго существованія.

— Нѣтъ-съ, я совсѣмъ сытъ, очень сытъ, солгалъ я, чув-

ствуя бурчанье въ прополосканномъ молочными кушаньями желудкѣ.

— Ну да, но ты учишься дурно. Тебѣ можетъ быть не уютно здѣсь учиться? мягко сказалъ благодѣтель. — Будь откровененъ со мною, какъ съ отцомъ. У меня нѣтъ дѣтей и я люблю тебя, какъ сына. Люби и ты меня, не дичись меня...

Въ звукахъ голоса барона Вицли-Пуцли была въ эту минуту какая-то непзъяснимая и непонятная для меня нѣжность. Со мной и при мнѣ никто не былъ нѣженъ, всѣ мнѣ были чужіе, и я самъ не понималъ, что можно людямъ быть нѣжными другъ съ другомъ.

— Я буду стараться, началъ я.

Лицо барона оживилось.

— ...учиться, кончилъ я.

— Да, да, учиться! задумчиво провелъ онъ рукою по лбу и, холодно отодвинувъ меня отъ себя, вышелъ вонъ.

Я остался въ недоумѣніи на мѣстѣ и не могъ бѣжать проводить его. Что-то непонятное вертѣлось въ моей головѣ, какое-то новое чувство волновало мою грудь. Мое рѣшенье учиться прилежно нелегко было исполнить. Въ комнатѣ у насъ занималось до восьми человѣкъ.

— Русская грамматика учитъ правильно говорить и читать по-русски, бормочетъ въ одномъ углу дѣвочка.

— J'aime, tu aimes, il aime, голоситъ Фрицъ, раскачивая головой изъ стороны въ сторону и заткнувъ уши пальцами.

— Пять, да восемь да семь... Фрицъ, сколько будетъ пять, да восемь да семь? кричитъ Генсхенъ.

— О, этотъ Фрицъ ничего не слышитъ! волнуется за Генсхена одна изъ вышивающихъ дѣвицъ Шморбратенъ.

— Ай, ай, оретъ какъ недорѣзанный поросенокъ, Ваня.—Меня Генсхенъ ущипнулъ!

— Генсхенъ, куда вы его ущипнули? кричитъ другая дѣвица Шморбратенъ.

— Хи, хи, хи. Куда я его ущипнулъ? хохочетъ Генсхенъ, не рѣшаясь назвать то мѣсто, куда ущипнулъ ребенка.

— Тише, тише! кричитъ мадамъ Шморбратенъ, являясь въ комнату. Was ist denn das?

Шумъ, гамъ, разбирательство, — учиться нѣтъ возможности и къ тому же мое вниманіе занято Фрицомъ, который тихонько улизнулъ за воспитанницей, назвавшей меня гадкимъ мальчишкою, и передаетъ ей записочку въ другой комнатѣ. Я вижу это въ отворенную дверь, а Фрицъ показываетъ мнѣ кулакъ, что не мѣшаетъ ему дѣлать нѣжные глазки миленькой Анхенъ. Мадамъ Шморбратенъ между тѣмъ перевела своихъ двухъ посѣтительницъ въ комнату нашихъ занятій, чтобы мы не имѣли возможности шумѣть, и тарантитъ съ гостьями о своихъ дѣлахъ, про покойнаго своего папеньку, про дороговизну содержанія, про жениха своей старшей дочери, про любовника кухарки... Въ комнатѣ дѣйствительно дѣлается тихо и всѣ дѣти превращаются въ слухъ... Среди этого хаоса я, какъ государственный человѣкъ, обремененный сотнями дѣлъ, думаю и подслушать болтовню мадамъ Шморбратенъ, и подсмотрѣть за Фрицомъ, и уроки выучить, и придумать, какъ пріобрѣсти деньги на покупку сахару для Вани. Послѣднее непремѣнно нужно сдѣлать, иначе я не могу покойно учиться, у меня сердце давитъ, когда я вижу, какъ онъ пьетъ мутную кипячоную воду безъ сахару, безъ булокъ. Что такое мнѣ Ваня? Развѣ я ему родня, развѣ я его люблю? Развѣ я люблю вообще кого нибудь изъ людей? Они мнѣ чужіе, они мнѣ ничего, ровно ничего не сдѣлали добраго. Отчего же меня мучаютъ мученія одного изъ нихъ? Эти думы все чаще и чаще съ нѣкоторыхъ поръ стали посѣщать мою голову и хотѣлъ я понять, почему всѣ другія дѣти, всѣ другіе люди, за исключеніемъ кухарки Катерины, смотрятъ на участь Вани не такъ какъ я, а какъ баронъ Вицли-Пуцли.

IV

А Ваня съ каждымъ днемъ дѣлался все прозрачнѣе и прозрачнѣе, все его тѣло сохло и оттого голова и конечности рукъ и ногъ казались все болѣе и болѣе непомѣрно большими. Слово *уродъ* уже очень часто слетало съ устъ посѣтителей при видѣ ребенка, а уродъ начиналъ не на шутку хворать. Мадамъ

Шморбратенъ пригласила благодѣтельнаго доктора нѣмецкой школы, пользовавшагося покровительствомъ пастора Флита и лечившаго даромъ всѣхъ жившихъ въ нашей квартирѣ и въ квартирахъ другихъ нѣмокъ—содержательницъ дѣтей. Всѣ эти люди составляли тѣсное дружескос общество, они были немыслимы безъ Н—ской школы, а она въ свою очередь была немыслима безъ нихъ. Докторъ прописалъ какую-то микстурку и сталъ посѣщать насъ каждый вечеръ во время закуски и чая, служившихъ ему наградой за благодѣянія. Однажды въ это время послышался робкій, едва слышный звонокъ у дверей и черезъ минуту въ передней появилась женщина въ плохой одеждѣ и въ платкѣ на головѣ.

— Можно мнѣ, сударыня, на моего Ваничку взглянуть? робко спросила она у выбѣжавшей въ переднюю хозяйки.

— Можешь, милая.

Мадамъ Шморбратенъ говорила съ нею небрежно и высокомѣрно, чувствуя, что она стоитъ хоть на одну ступеньку выше посѣтительницы.

— Извините, что я васъ вечеромъ безпокою; наше дѣло рабочее, господа утромъ не отпускаютъ, оправдывалась заискивающимъ голосомъ посѣтительница и, крестясь на передній уголъ, гдѣ не было образа, на цыпочкахъ, неловкой походкой забитаго русскаго человѣка вошла въ комнату. Ваня въ эту минуту сидѣлъ у меня на колѣняхъ.

— Мама, мамоцка! крикнулъ онъ и бросился бѣжать къ ней, но слабыя ноги не сдержали его и онъ упалъ на срединѣ комнаты. Большая голова издала глухой стукъ, ударившись объ полъ.

— Ой! вырвалось изъ груди матери.—Голубчикъ, миленькій, ушибся? Плюнь, батюшка,—пройдетъ! заговорила женщина, опустившись на колѣни передъ своимъ сыномъ и повидимому забывъ все на свѣтѣ, кромѣ своего ребенка, который медленно поднялся и прилегъ головою на плечо матери, но не плакалъ. Въ комнатѣ стало тихо, можно бы было разслушать полетъ мухи.

— Онъ не здоровъ, перервала мадамъ Шморбратенъ молчаніе, кажется, мучительное и тягостное даже для ея картофельнаго

сердца, гдѣ вмѣсто крови текло жидкое молоко и жижа габер-супов.

— Что съ тобою, голубчикъ мой ненаглядный? спрашивала мать, поднимаясь съ сыномъ на рукахъ.—Есть ли аппетитъ-то у него, кушаетъ ли онъ?

— Онъ мнѣ булоцки даетъ, указалъ Ваня на меня.

Простая женщина бросила на меня взглядъ полный такой безконечной ласки и благодарности, что я дрогнулъ и поспѣшилъ уйдти въ спальню, чтобы скрыть слезы. Но то были сладкія слезы благодарности, глубокой благодарности къ этой женщинѣ, которая мнѣ казалась выше всѣхъ людей, видѣнныхъ мною до сихъ поръ.

— Да, онъ его все балуетъ, хмуро замѣтила хозяйка.

— Пошли ему Богъ добраго здоровья, всего, всего, чего онъ у Господа проситъ! промолвила женщина.—Ужь поберегите вы моего сына, Господь вашихъ дѣтей сбережетъ за это. Будьте ему матерью, вѣдь не могу я его у себя держать, кто возьметъ кухарку съ ребенкомъ.

— Ахъ, милая, мы заботимся о Ванѣ. Вотъ и докторъ для него призванъ...

— Та, ништего, микстурка маленькій и все проходитъ, произнесъ привилегированный палачъ сиротъ.

— Не надо ли пищи какой нибудь особенной?

— Помилуй, мы его кормимъ отлично. У насъ онъ не первый воспитуется, обидѣлась хозяйка.

— Та, мадамъ Шморбратенъ польше о чужихъ тумаетъ, чѣмъ о сепѣ, ввернулъ эскулапъ, считавшій долгомъ быть союзникомъ всѣхъ содержательницъ дѣтей.

— Простите меня, матушка, вѣдь я знаю, что вы весь вѣкъ о чужихъ дѣтяхъ заботитесь, да вѣдь мать я. Сама не знаю, что брешу... Господи, да если онъ у меня умретъ, такъ что же мнѣ и жизнь тогда? мучительно произнесла женщина.

Я слышалъ весь этотъ разговоръ и поспѣшилъ зарыть голову въ подушки, чтобы не изумить постороннихъ своими рыданіями. Съ той минуты я понималъ, что значитъ честная мать, что значитъ честная семья, и какіе-то блѣдные, измученные призраки смутно пронеслись передо мною, и я прочелъ на нихъ страшныя слова:

бѣдность и труженичество.. Послѣ мнѣ передали дѣти, что наша кухарка посовѣтовала матери Вани отдать сына въ больницу, но та испугалась этой мысли и почему-то говорила, что тамъ живодеры, что Ваню тамъ уморятъ. Всего этого я никакъ не могъ понять въ то время...

Всѣми силами началъ я стараться вытягивать деньги отъ мадамъ Шморбратенъ и кормить Ваню. Это было не легко сдѣлать, такъ какъ хозяйка безъ разбору тратила на свои потребности и платимыя за насъ деньги и деньги, оставленныя на наши прихоти и порученныя на сбереженіе ей. Часто она не давала требуемой суммы только потому, что у нея не было ни гроша. Я спорилъ, требовалъ и считалъ теперь почти своею обязанностью, своимъ долгомъ добывать для Вани деньги, точно его мать своимъ ласковымъ взглядомъ купила мою душу для своего сына...

Въ школѣ между тѣмъ случилась скверная исторія. У одного ученика пропали всѣ книги. Оказалось, что ихъ укралъ другой ученикъ, *муходавъ*, прозванный такъ потому, что любимымъ его занятіемъ въ классѣ была ловля мухъ, которымъ онъ съ звѣрскою радостью надѣвалъ на шею петлю изъ нитки и давилъ ихъ. Это былъ сынъ какого-то бѣдняка ремесленника. Являвшійся въ школу съ синяками подъ глазами отъ отцовскихъ затрещинъ и презираемый всѣми за свою грязную физіономію и рваную одежду.

Муходавъ, какъ узнали при допросѣ, продалъ книги букинисту, чтобы купить себѣ ѣды... «Фи какой гадкій человѣкъ, этотъ господинъ букинистъ! думалъ я. Онъ купилъ украденныя книги. И что такое букинистъ? Неужели это то-же чинъ, какъ и благодѣтель?» Я попросилъ одного изъ товарищей разсказать мнѣ, что значитъ букинистъ и къ концу его объясненія уже сіялъ. Я нашелъ новое средство купить Ванѣ сахару и булокъ; у меня были двѣ книги съ картинами, ихъ подарилъ мнѣ баронъ, нужно ихъ продать и будутъ деньги. «Вѣдь они мнѣ подарены, я ихъ не укралъ, я могу ихъ продать», разсуждалъ я. Первый разъ въ эти три года жизни въ Петербургѣ совершилъ я одинъ далекое путешествіе на Толкучій. Многолюдныя улицы, магазины, снующіе экипажи, все это удивляло меня и,

глазѣя на новые предметы, я получилъ сотни толчковъ, но храбро выдержалъ ихъ, и только иногда мысль о томъ, что я могу заблудиться, остаться совершенно одинокимъ во всемъ городѣ, заставляла меня вздрагивать и оборачивать голову назадъ, чтобы запомнить дорогу. Наконецъ я дошелъ до цѣли своего путешествія. Раза четыре прошелся я передъ лавчонкой, надъ которой красовалась сдѣланная углемъ на доскѣ надпись: «купля и продажа поддѣржанныхъ книгъ?» наконецъ я рѣшился войти, чтобы избавиться отъ какого-то мальчишки, дергавшаго меня за шинель и звонко выкрикивавшаго подъ моимъ ухомъ: «серебра не продаете-ли? старое серебро покупаемъ!»

— Что тебѣ? спросилъ меня красноносый, жирный старикъ въ нахлобученной ватной шапкѣ съ наушниками и въ сальной синей чуйкѣ, похожей на халатъ, опоясанный кушакомъ. Онъ читалъ въ это время замасленную, распухнувшую какъ въ водяной, старопечатную библію.

— Книги, отвѣтилъ я дрожащимъ голосомъ, выставляя изъ подъ полы уголъ книги.

— Покажи!

Я вытащилъ тихонько книги изъ подъ шинели. Старикъ неторопливо загнулъ уголъ въ библіи, взялъ мои книги, поправилъ на носу свои огромныя очки въ мѣдной оправѣ и началъ перелистывать книги одну за другою, держа ихъ всторону, какъ дѣлаютъ косые, и послюнивъ предварительно грязные пальцы.

— Охъ, Господи Іисусе Христе! вздохнулъ онъ и, положивъ книги, снова взялся за библію.

Я стоялъ въ мучительномъ ожиданіи.

— Укралъ, что-ли? грубо и вскользь спросилъ онъ, открывъ библію.

— Нѣтъ, это мои, покраснѣлъ я!

— Что берешь?

— Что дадите.

— Твой товаръ.

Красноносый старикъ уже читалъ въ это время.

— Шестьдесятъ копѣекъ, отвѣтилъ я, соображая, что этой суммы достаточно для фунта сахару и булокъ, и не соображаясь съ настящей цѣной моего товара.

— Сорокъ.

— Нѣтъ шестьдесятъ,

— Ну, бери сорокъ пять, не то вотъ сведу къ отцу, онъ тѣ вспоретъ сидѣнье!

— Мнѣ шестьдесятъ копѣекъ нужно, захныкалъ я.

— Ну, убирайся, вотъ тебѣ полтинникъ! швырнулъ онъ мнѣ деньги, снялъ очки, снова загнулъ уголъ библіи и сталъ устанавливать купленныя книги. Я подобралъ мѣдь и убѣжалъ, радуясь, что продалъ шестирублевыя книги за пятьдесятъ копѣекъ.

— Книги продаете? Баринъ, книги продаете? крикнули мнѣ разомъ четыре голоса и восемь рукъ схватили меня за шинель —Къ намъ пожалуйте, мы сходно покупаемъ! ко мнѣ зайдите, вы у меня прошлый разъ продавали! Покажите, какія у васъ книги?

— Я ихъ продалъ, жалобно отвѣтилъ я, теряясь отъ страха въ рукахъ этихъ людей.

— Зачѣмъ-же-съ? съ сожалѣньемъ и ироніей воскликнулъ кто-то изъ нихъ.

— На сахаръ денегъ надо, съоткровенничалъ я, уже не помня, что говорю.

— Ха, ха, ха! захохотала толпа.—А на чай-съ не надо? На водочку можетъ требуется?

— Го, го, го! молодецъ?

— Пустите, пустите меня, никогда не буду! зарыдалъ я.

— Чяго пристали, сволочь крикнулъ, продавецъ желѣзнаго хлама.—Вороны проклятыя.

— Э, да ты вѣрно воришка! Сляпсилъ гдѣ нибуть? продолжали кричать букинисты.

— Ишь ты, а какой еще махонькій! удивлялся кто-то.

— Мала птичка, да ноготокъ востеръ!

Я рванулся и пустился бѣжать.

— Держи его! го, го, го! раздалось за мною, но я летѣлъ и летѣлъ со всѣхъ ногъ, воображая что за мною дѣйствительно гонятся эти добрые баловники, развлекающіеся разными шуточками.

— Щенокъ, поросенокъ, мозоль отдавилъ! крикнулъ кто-то и вытрепалъ мнѣ ухо; потомъ я снова бѣжалъ, даже не взгля-

нувъ, кто это соблаговолилъ вытрепать меня. Не помню, какъ я прибѣжалъ домой, долго ли искалъ дорогу, у кого объ ней спрашивалъ, кому еще отдавилъ мозоли, кто меня еще вытрепалъ, но только черезъ три недѣли я очнулся вполнѣ... Въ эти три недѣли мнѣ все казалось, что я бѣгу и бѣгу, тщетно отыскивая себѣ уютнаго угла, что кто-то между тѣмъ неотразимо, нещадно давитъ меня, а до слуха долетаютъ жалобныя, надрывающія душу причитанья какой-то женщины, произносимыя ею ласкательныя слова и призыванье кого-то умершаго къ жизни, къ улюбви...

— Слава Богу, слава Богу! шепталъ мнѣ благодѣтель, когда я очнулся,—тебѣ, кажется, лучше. Дитя мое, какъ ты меня напугалъ! онъ взялъ мою исхудалую руку и поцаловалъ ее. Я началъ плакать и просить прощенья.

— Ничего, ничего, не волнуйся! Забудь, если ты что-нибудь сдѣлалъ, толко выздоравливай. Не хочешь ли ты чего нибудь?

— Сахару для Вани купите, вспомнилъ я.

— Хорошо, хорошо.

— Гдѣ онъ? Приведите его ко мнѣ, пусть онъ здѣсь пьетъ чай.

Благодѣтель ввелъ ко мнѣ ребенка... но это былъ не Ваня.

— Это не Ваня! Гдѣ Ваня? взволновался я.

— Ваня умеръ, отвѣтилъ благодѣтель и испугался, услышавъ истерическія рыданія.

— Я все слышалъ,—слышалъ, какъ плакала его мать, какъ его хоронили! рыдалъ я и дѣйствительно мнѣ стало ясно все то, что за минуту казалось смутнымъ бредомъ болѣзни.

— Добрая, честная душа! промолвилъ благодѣтель. На одинъ изъ его орденовъ упала изъ глазъ слеза и исчезла между алмазами, пожалованными ему разными капитулами, какъ исчезаютъ вѣчныя звѣзды неба за дымомъ и блескомъ арлекински пестрыхъ огней дымящаго фейерверка.

— Ради Бога, докторъ, говорилъ онъ въ другой комнатѣ, спасите его, онъ для меня все Если онъ умретъ, я не переживу этого... Вы только взгляните, какое это чудесное, доброе дитя!...

Въ его голосѣ было что-то молящее, что-то напоминавшее голосъ ванниной матери, той простой, бѣдной кухарки, которая купила своимъ взглядомъ мою душу для своего сына.

V.

Медленно выздоравливалъ я и по мѣрѣ выздоровленія все больше и больше привязывался къ новому ребенку, поступившему на голодную смерть къ мадамъ Шморбратенъ, а черезъ него привязывался и къ благодѣтелю, носившему мнѣ деньги, сахаръ и булки для моего любимца и уже неговорившаго, что надобно заботиться объ одномъ себѣ. Это дитя сдѣлалось звеномъ, крѣпко связавшимъ насъ, и сдѣлало, какъ признавался черезъ долгіе годы самъ баронъ, моего благодѣтеля болѣе честнымъ, болѣе человѣчнымъ, чѣмъ онъ былъ прежде.

Можетъ быть ему самому, важному, заслуженному, ни о чемъ не думавшему, холодно глядѣвшему съ высоты своего баронства на страданія глупой трудящейся для другихъ толпы, было странно носить булки одному ребенку по просьбѣ, почти по приказанію другого ребенка, но онъ носилъ и былъ счастливѣе въ эти минуты, чѣмъ въ тѣ дни, когда его имя появлялось въ газетѣ, и міръ узнавалъ, что за его заслуги онъ получилъ такой-то чинъ; его сердце было счастливѣе теперь, чѣмъ въ тѣ минуты, когда онъ шелъ по мягкимъ коврамъ въ будуаръ чужой жены-красавицы и гордо улыбался при мысли о сокрушающей всякія добродѣтели, о покупающей всякія наслажденія, о глумящейся надъ всѣми законами силѣ золота и происхожденія... Все чаще и откровеннѣе были мои ласки при встрѣчѣ съ барономъ, и все рѣже являлся онъ холоднымъ бариномъ; нерѣдко прорывались въ немъ чувства, какія могутъ проглядывать только въ отношеніяхъ отца къ любимому сыну.

— Не хочешь ли ты перемѣнить квартиру? спросилъ онъ меня, когда я поправился совсѣмъ.

— Нѣтъ, но мнѣ хотѣлось бы имѣть отдѣльную комнату.

— Какъ же это сдѣлать?

— Мадамъ Шморбратенъ хочетъ отказать своему жильцу-чиновнику, сказалъ я.

Баронъ условился съ хозяйкой, и у меня явилась особенная комната, явились карманныя деньги, а вмѣстѣ съ ними явилось и гражданское чувство, котораго я и не подозрѣвалъ въ себѣ, находясь въ Маріеназилѣ и голодая первое время въ домѣ госпожи Шморбратенъ. Мнѣ теперь хотѣлось выказать ясно свое превосходство надъ нею, свое презрѣнье къ ней, хотѣлось обращаться съ нею, какъ обращалась она съ кухаркой—матерью Вани.

— Что она — нищая, дрянь! говорилъ я съ жолчью своимъ товарищамъ про хозяйку.—Она безъ нашихъ денегъ съ голоду умерла бы со своими тощими дочерями! Она имъ приданое шьетъ изъ нашихъ денегъ. У нея гроша за душой нѣтъ, все наше, и очень намъ нужны ея распоряженія и наставленія.

И — странное дѣло!—теперь меня слушали какъ оракула, у меня явились друзья-сообщники, съ которыми я былъ ласковъ, но которыхъ уже не уважалъ въ душѣ, какъ не уважалъ хозяйку за ея грубое обращеніе съ бѣдными; это чувство неуваженія къ людямъ было еще смутно, но оно уже было. Я не стѣснялся держать друзей на посылкахъ, заставлять ихъ подсматривать за разными продѣлками хозяйки. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ всѣ мои друзья сдѣлались врагами нашей правительницы и рѣшили, что эти проклятыя нѣмки кормятъ насъ плохо, что надо поднять общее возстаніе и покорить враговъ. Въ одинъ прекрасный день планъ аттаки былъ составленъ. Съ утра все юное населеніе дома поднялось въ воинственномъ настроеніи духа.

— Фрицъ, обратилась мадамъ Шморбратенъ, велите Катринѣ подавать чайную машину.

— У меня дѣла много, мнѣ некогда, отвѣтилъ гробовымъ голосомъ Фрицъ или Федя, какъ онъ называлъ теперь себя, чтобы не быть смѣшаннымъ съ нѣмцами-врагами.

— О, мама, я велю подать чайную машину! вступилась старшая дѣвица Шморбратенъ. — Этому Фрицу некогда, онъ другихъ хочетъ заставлять за себя дѣлать дѣло.

— Я деньги плачу! глухимъ, замогильнымъ тономъ отвѣтилъ Федя.

— О, мама, этотъ Фрицъ упрекаетъ насъ деньгами! онъ думаетъ, что мы безъ него не можемъ жить. Пусть онъ переѣзжаетъ, если хочетъ.

— И переѣду! мрачнымъ басомъ возразилъ Федя.

— Мама, мама, этотъ Фрицъ грубитъ!

— Грублю! было роковымъ отвѣтомъ.

— Генсхенъ, наберите чашки, приказала мадамъ Шморбратенъ.

— У меня мамаша русская, меня зовутъ Иваномъ! жиденькой фистулой и скороговоркой отрапортовалъ Генсхенъ.

— У васъ все глупости на умѣ! Ступайте за чашками.

— Напишите за меня латинскій переводъ.

— Это еще что вы выдумали, развѣ я учусь въ школѣ?

— А развѣ я служу въ кухаркахъ?

— Я вамъ приказываю набрать чашки!

— А учитель мнѣ приказываетъ латинскій переводъ дѣлать.

— Я буду жаловаться на васъ пастору.

— А я напишу мамашѣ, что вы мнѣ латинскихъ переводовъ не позволяете дѣлать, я и инспектору и директору и учителю, всѣмъ, всѣмъ пожалуюсь! звонко кричалъ Генсхенъ.

— Лиза, набирай чашки! приказала мадамъ Шморбратенъ дочери, зная, что Генсхенъ, подобно своей maman, аристократкѣ, по званію министерской экономки, какъ она называла себя, или ключницы, какъ ее называли другіе, былъ охотникъ до жалобъ.

— О, мама, бѣдная мама! убивались картофельныя дѣвицы Шморбратенъ и стали набирать чашки.

Пришло время обѣда. Подали габерсупъ,—никто не сталъ его ѣсть. Подали армериттеръ—никто не дотронулся и до армериттера. Ясно, что онъ отжилъ свой печальный вѣкъ, что теперь требовалось нѣчто болѣе положительное.

— Вы будете голодны, себѣ же хуже, сказала хозяйка.

— Мы уже написали роднымъ, что насъ не кормятъ, отвѣтили пансіонеры.

— Мало ли что вы вздумаете написать, а я скажу и покажу, что я васъ кормлю.

— Нѣтъ не покажете. Армериттера-то и габерсупа не покажете! Мы съ голоду больны. У меня голова болитъ, сказалъ Федя.

— А у меня въ животѣ бурчитъ, вонъ послушайте! захохоталъ Генсхенъ.

— О, мама, какія гадости говоритъ этотъ Генсхенъ.

Насталъ вечеръ, всѣ лежатъ, никто не набираетъ чашекъ, никто не выливаетъ воды въ поганое ведро. На другой день никто не ѣстъ, то есть потихоньку-то всѣ ѣдятъ накупленную въ булочныхъ провизію и дѣйствительно всѣ чувствуютъ себя нездоровыми отъ этой сухой ѣды. Всѣ требуютъ своихъ карманныхъ денегъ у мадамъ Шморбратенъ, которыя у нея издержаны, и пишутъ снова къ роднымъ. Къ вечеру являются различныя особы мужескаго и женскаго пола собрать справки о случившемся.

— Они просто взбунтовались, говоритъ хозяйка, я ихъ отлично кормлю. Это знаетъ самъ пасторъ Флитъ, нашъ докторъ Зейдлеръ и инспекторъ гимназіи Вороновъ, всѣ знаютъ.

— Что-же это въ самомъ дѣлѣ, братецъ? спрашиваетъ отставной воинъ—дядя Феди.—Ты дуришь вздумалъ? У насъ въ полку за это драли солдатъ.

— Помилуйте, дядюшка! Вонъ взгляните, я спряталъ нарочно отъ завтрака кусокъ бутерброда, онъ тоньше бумаги и колбаса воняетъ...

— Маловато, маловато, мадамъ!

— И габерсупы эти нѣмецкіе, дядюшка...

— Ну, это у насъ только въ лазаретѣ давали...

— Да вонъ баронъ Вицли-Пуцли нарочно взялъ отдѣльную комнату для своего воспитанника и велѣлъ его кормить особо, а вѣдь брюхо-то у насъ одинаковое.

— Это точно, мадамъ!

— Ахъ, Боже мой, если баронъ хочетъ на убой кормить своего воспитанника, то онъ за то вдвойнѣ и платитъ.

— А-а? вдвойнѣ? Видишь, Федя, онъ вдвойнѣ платитъ! съ невообразимо глупымъ видомъ сказалъ простодушный воинъ.

— Да здѣсь, дядюшка, одинъ уже умеръ съ голоду... Ужь лучше къ мадамъ Пфанкухенъ переѣхать, та за ту же плату до-сыта кормитъ, сказалъ Федя, знавшій, что госпожа Пфанкухенъ еще хуже кормитъ, такъ какъ пасторъ отдаетъ ей дѣтей, чтобы облегчить ея горькое существованье, отравляемое все пропивающимъ мужемъ.

— А, ну такъ переѣзжай къ ней, ты бы, братецъ, такъ и говорилъ! согласился воинъ и вдругъ посторонился, чтобы уступить мѣсто какому-то, подобно молніи, влетѣвшему въ комнату существу, страшно-шумѣвшему шелковымъ платьемъ, накрахмаленными юбками и еще болѣе страшно кричавшему:

— Гдѣ мой сынъ, гдѣ сынъ мой? Покажите мнѣ моего сына! съ этими раздирающими душу криками влетѣла къ намъ мамаша Генсхена и, увидавъ его розовенькое личико, повисла къ нему на шею.—Голодомъ, голодомъ тебя морятъ, страдалецъ, сирота!

— Разстроиться изволили, сударыня! вздохнулъ воинъ, глядя какъ шумно и вмѣстѣ съ тѣмъ граціозно опустилась на стулъ нервная барыня. Вотъ и я своего племянника перемѣщаю къ другой мадамъ.

— И я, и я! Да я государю жаловаться буду. Я у министра въ экономкахъ живу!.. Я лично, лично жаловаться буду! кричала мамаша Генсхена.—Сына уморили, сына уморили!

— Да, сударыня, былъ у насъ въ полку тоже такой подлецъ-ротный, стервятиной, съ позволенья сказать, солдатъ кормилъ, такъ его бестію этого...

— Жаловаться, жаловаться! кричала экономка министра.—Я лично буду жаловаться! лично!!

Начался шумъ, гамъ и наконецъ мадамъ Шморбратенъ объявила, чтобы подождали еще немного родственники воспитанниковъ и что она улучшитъ пищу.

— И пожалуйста не заставляйте ихъ ничего дѣлать; мой Жанъ не въ лакеи готовится, вздернула голову мать Генсхена.

— Да-съ и моего Федюху тоже не заставляйте. Оно конечно дѣло домашнее, но вы, съ позволенія сказать, чортъ знаетъ какія посудины выносить заставляете! вступился воинъ.—Бѣда съ этими дѣтьми! говорилъ онъ мамашѣ Генсхена, выходя отъ

насъ.—Голову вскружатъ просто! Я не имѣю собственныхъ дѣтей, такъ какъ я холостой, а это племянникъ.

— Ахъ, не говорите, ужасно! сдѣлала мамаша Генсхена глазки старому холостяку-воину.

— Мама, бѣдная мама! восклицали дочери хозяйки по уходѣ посѣтителей. О, эти неблагодарныя дѣти! Diese undankbare Kinder!

— Ахъ, если бы былъ живъ мой отецъ! охала мадамъ Шморбратенъ. Но историческій нѣмецъ мирно спалъ въ гробѣ и не шелъ на помощь живымъ. Онѣ же отъ нечего дѣлать валялись въ обмороки и натирались нашатырнымъ спиртомъ.

VI.

На слѣдующій день вечеромъ къ намъ неожиданно — то-есть неожиданно только для насъ — явились инспекторъ Вороновъ и пасторъ Флитъ. Имъ подалась приличная закуска и начались жалобы на насъ. Послѣдовали увѣщанія.

— Мадамъ Шморбратенъ заступаетъ вамъ мѣсто матери, началъ инспекторъ: — вы должны ее уважать и слушаться. Это вамъ скажетъ и господинъ пасторъ.

Пасторъ вдругъ вытянулъ лицо и сдѣлалъ важный видъ.

— Да, произнесъ онъ на-распѣвъ. — Мадамъ Шморбратенъ честная вдова; она взяла на себя великій и святой трудъ воспитанія чужихъ дѣтей, приняла на себя обязанность матери. Взгляните на ея дочерей, это цвѣты, выросшіе подъ благодѣтельнымъ присмотромъ садовника въ вертоградѣ родительскаго дома. Послушаніе, прилежаніе, покорность составляютъ ихъ красоту, какъ яркія краски лепестковъ и ароматъ, созданные Богомъ, составляютъ украшенія полеваго цвѣтка.

— Слушайте, слушайте, господинъ пасторъ говоритъ вамъ великія истины! ввернулъ инспекторъ, а пасторъ сдѣлалъ скромное лицо.—Чего вы въ носу-то скоблите? Вы лучше слушайте.

— И кто не хочетъ украсить себя этими добродѣтелями, тотъ будетъ крапивой среди благоухающихъ цвѣтовъ христіанской семьи, составляющихъ прелесть и радость міра. Отъ него

побѣжитъ каждый путникъ, боясь обжечь свое тѣло объ его мрачные, отверженные Богомъ листья. Пасторъ сдѣлалъ лицо, выражавшее физіономію бѣгущаго отъ крапивы путника.

Я въ это время принялъ героическое рѣшеніе совершить подвигъ и черезъ нѣсколько минутъ удалился въ переднюю, гдѣ перочиннымъ ножомъ пропоролъ спинку пасторскаго пальто. Совершая этотъ подвигъ, я даже не покраснѣлъ, до того сильно кипѣла во мнѣ злоба на благодѣтельнаго человѣка, кормящаго вдовицу на счетъ сиротъ, обрекаемыхъ голоду, холоду, развращенію и униженіямъ.

Покровители закусили, изрекли еще нѣсколько поученій и пошли, довольные собой.

— Что это у васъ, господинъ пасторъ? изумился инспекторъ, выходя за пасторомъ въ переднюю.

— Что такое? спросилъ Флитъ.

— Дыра-съ! развелъ руками инспекторъ.

Всѣ пришли въ смятеніе. Начался допросъ, усовѣщиванья, угрозы. Ничто не помогло.

— Да, мадамъ Шморбратенъ, вы должны отречься отъ этихъ дѣтей, какъ отрекается пастырь отъ паршивой овцы! воскликнулъ Флитъ, съ кротостью и скорбью возводя очи къ потолку передней.

— А моя-то шинель, моя-то шинель! кричалъ, какъ зарѣзанный, инспекторъ, растягивая свою зеленую, фризовую шинель передъ публикой.

— Что?

— Въ помояхъ!

Всѣ бросились осматривать шинель, оказалось, что она облита водою.

— О, погибшее юношество, что ты дѣлаешь! началъ Флитъ, и воздѣлъ руки къ потолку, потомъ указалъ ими на юношество. — Ты думаешь погубить желающихъ тебѣ добра, но ты заблуждаешься въ ослѣпленіи порока. И пальто, — онъ ткнулъ пальцемъ въ пальто — и шинель — здѣсь онъ указалъ на шинель—вещи тлѣнныя, онѣ замѣнятся новыми, гораздо лучшими, но твоя добродѣтель, зарѣзанная тѣмъ же ножомъ, который рѣзалъ это пальто, загрязненная тою же грязною водою, которою

заливалась эта шинель,—никогда, никогда не обновится! Ты не пальто рѣзало, не шинель марало — ты рѣзало и марало свою добродѣтель! О, придите, какъ блудные сыновья къ своему отцу, да проститъ онъ васъ и дастъ вамъ возможность загладить ваши гнусныя дѣла!

Мы упорно молчали, я удивился, кто это облилъ шинель инспектора, а Федя сквозь зубы бормоталъ: дудки! покайся, чтобъ выдрали!

— Вы не раскаиваетесь? Мадамъ Шморбратенъ, изгоните ихъ отъ себя, настаивалъ Флитъ.

— О да, да! воскликнула глухо хозяйка.

— Васъ изгонятъ! скрѣпилъ Флитъ и величаво удалился съ инспекторомъ.

Мадамъ Шморбратенъ не спала всю ночь и все хотѣла отречься отъ насъ, а дѣвицы Шморбратенъ все сожалѣли ее и охали о тягостномъ бремени ея обязанностей! Эта траги-комедія длилась до утра, и утромъ еще мадамъ Шморбратенъ имѣла слабую надежду на наше покаяніе, но ее поразила наша веселость и беззаботность.

— У меня нѣтъ болѣе силъ переносить отъ васъ муки, мнѣ не по силамъ болѣе исполнять мои обязанности среди неблагодарныхъ дѣтей. Я должна бросить васъ на произволъ судьбы, начала она голосомъ мученицы, свое отреченіе отъ управленія нами.

— Такъ мы станемъ свои вещи связывать, обрадовался Генсхенъ.

— Постойте, я васъ прощаю! воскликнула мадамъ Шморбратенъ.

— О, добрая, добрая мама! воскликнули картофельныя барышни.

— Нѣтъ-съ, мадамъ Шморбратенъ, зачѣмъ же? мы лучше переѣдемъ, засмѣялся Генсхенъ.

— Я переѣзжаю, утвердилъ басомъ Ѳедя.

— И я тоже, отвѣчалъ я.

— Дѣти, дѣти, я васъ такъ люблю!

— Да нѣтъ ужъ! отвѣтили мы.

— О, останьтесь. Я васъ прошу, забудемте всю эту исторію.

Мадамъ Шморбратенъ зарыдала и можетъ быть впервые это были искреннія слезы; передъ нею носился призракъ голода и въ перспективѣ долговое отдѣленіе. Вѣдь она только нами и жила, на наши деньги одѣвалась, откармливалась, благоденствовала. У ней не было ни одного гроша за душой.

— Бѣдная, бѣдная мама!

Намъ стало жаль хозяйку, а Федя шепталъ мнѣ:

— Простимъ ее, а то мнѣ не удастся съ Анхенъ видѣться!

Такъ мы ее и простили...

VII.

А баронъ все-таки перемѣстилъ меня на другую квартиру, узнавъ о послѣднихъ событіяхъ въ домѣ мадамъ Шморбратенъ. Нанялъ онъ мнѣ комнатку у господъ Епифанкиныхъ. Здѣсь впервые я познакомился съ семейной жизнью небогатыхъ людей. У мадамъ Шморбратенъ семейной жизни не было. Тамъ хозяйка была безграничной повелительницей, ея дочери покорными ея помощницами, получавшими въ награду за покорность приданое и сладкій кусокъ за столомъ, а мы, дѣти, приносили и свои деньги, и свою способность выливать грязную воду въ поганое ведро, и свою готовность геройски умирать на габерсупахъ. Тамъ были и свои покровители въ лицѣ инспектора и пастора Флита и свои доктора, готовые подтвердить авторитетомъ науки пользу армериттеровъ и постоянной діэты. Совсѣмъ другую жизнь встрѣтилъ я у Епифанкиныхъ. Это была семья въ полномъ смыслѣ. Состояла она изъ молоденькой госпожи Епифанкиной, ея тридцати-лѣтняго мужа-чиновника и ея девятнадцати-лѣтняго брата. Хозяйка постоянно была въ работѣ, то отпарывала отъ стараго платья аграманты и нашивала на него бахромки, аграманты же нашивала на то платье, отъ котораго отпорола эти бахромки; то перешивала сборчатый лифъ и дѣлала изъ него гладкій; то перекалывала цвѣты подъ шляпкой съ лѣвой стороны на правую и вообще не имѣла минуты

покоя, волнуясь при видѣ одежды новаго фасона. Братъ—юноша—третій годъ приготовлялся въ университетъ и потому постоянно просилъ у сестры, цалуя ея ручки, денегъ на папиросы и книги, что заставляло сестру жаловаться всѣмъ на дороговизну и огромное количество книгъ, потребныхъ для поступленія въ университетъ.

— Ужасно, ужасно! говорила она. У насъ совершенно закрытъ путь въ университетъ для бѣдныхъ людей. Я счетъ этимъ книгамъ потеряла. И какъ не обратятъ на это вниманія? Чего-же смотрятъ?

Слушатели вздыхали въ отвѣтъ на эти либеральныя рѣчи. Но меня болѣе всего занимали въ эти минуты мимическія переговоры брата и мужа либеральной чиновницы. Глаза этихъ людей дѣлали другъ другу какіе-то уморительные знаки и послѣ нѣсколькихъ такихъ знаковъ братецъ откашливался.

— Да, говорилъ онъ послѣ откашливанья, вотъ и сегодня я попрошу у тебя, сестра, два рубля на химію.

Супругъ одобрительно кивалъ головой своему сообщнику.

— Да вѣдь ты же недавно купилъ химію? восклицала хозяйка.

— То другая химія, а теперь мнѣ эту нужно, отвѣчалъ братъ.

Одобрительный кивокъ повторялся снова со стороны сообщника.

— Возьми, вздыхала сестра.

Братъ бралъ деньги и фуражку.

— Ну, я пойду.

— Погоди мнѣ тоже надо идти въ должность, сегодня и вечеромъ дѣло будетъ, произносилъ сообщникъ и, цалуя у жены руку, уходилъ.

— Ужасно, ужасно! восклицала хозяйка. Мой Петя просто отдыха не знаетъ и день и ночь въ работѣ. Теперь вѣрно до часу не придетъ. Какъ на это не обратятъ вниманія, я удивляюсь! Жалованье маленькое, а работы по горло.

На другой день братъ и мужъ хозяйки обмѣнивались взглядами и, какъ только она выходила на мигъ изъ комнаты, шептали съ восторгомъ другъ другу:

— Ловко мы его нажгли!

— Ни одной партіи не взялъ.

— Да, чортъ возьми, славный былъ бы выигрышъ, еслибъ не дернуло меня велѣть подать пива.

— Ну, братъ, это не пиво виновато! Вотъ напрасно ты водки у буфета хлебнулъ.

— Сколько всего-то осталось у тебя?

— Чортъ знаетъ, мелочь какая-то.

При входѣ хозяйки разговоръ прекращался и продолжалась одна мимическая сцена. Братъ выпрашивалъ деньги на папиросы.

— Скверная привычка курить, говорилъ онъ, но я просто мыслей не могу собрать, сосредоточиться надъ книгой не могу безъ папиросы.

Сообщникъ одобрительно кивалъ головой, а его жена выдавала деньги. Комичнѣе всего было то, что деньги, вытягиваемыя у нея мужемъ при содѣйствіи третьяго лица и при помощи обмана, принадлежали вполнѣ этому мужу, составляя его жалованье. Впрочемъ этотъ способъ имѣлъ ту хорошую сторону, что госпожа Епифанкина говорила всѣмъ, что ея мужъ ни одной копѣйки не беретъ изъ жалованья и все отдаетъ ей сполна. Вечернія его отлучки въ трактиръ были прикрываемы флагомъ «должностныхъ занятій» и потому то же вызывали не гнѣвъ, а участіе супруги. Такимъ образомъ она могла постоянно говорить свою любимую фразу.

— Это безчеловѣчно, какое малое награжденіе даютъ у насъ чиновникамъ и сколько труда отъ нихъ требуютъ. Такой образъ дѣйствія со стороны начальства способенъ убить *медленною* смертью человѣка. Да я бы и не перенесла нашихъ недостатковъ и моего постояннаго одиночества, если бы я не была счастлива въ семьѣ, если бы у меня былъ не такой мужъ!

Она дѣйствительно была счастлива и весело перешивала свои платья, поминутно примѣряя ихъ передъ зеркаломъ, засиженнымъ мухами. Обѣды, завтраки, покупка провизіи, уборка комнатъ и все тому подобное лежало на кухаркѣ и потому стоило довольно дорого и выглядѣло довольно дурно. Но маленькія непріятности не мѣшаютъ большому счастію. Семья была счаст-

лива и весела. Какъ только получились деньги отъ барона, такъ тотчасъ же мои хозяева взяли ложу въ театрѣ и пригласили въ нее меня, чему я былъ очень радъ. Я впервые увидѣлъ, какъ люди другихъ людей представляютъ. Двадцать восьмого числа мѣсяца госпожа Епифанкина послала мнѣ обѣдъ въ мою комнату, онъ былъ холодный.

— Отчего это супъ холодный? спросилъ я у кухарки.

— Простылъ, пока изъ трактира несла.

— Какъ изъ трактира?

— Да у самихъ-то денегъ нѣтъ, такъ они безъ ѣды сидятъ, только для васъ и посылали.

Я удивился этому событію, и мнѣ очень было грустно, когда я вечеромъ замѣтилъ, что хорошенькіе глазки госпожи Епифанкиной красны отъ слезъ. На другой день, на третій, хозяева продолжали кормить меня обѣдами изъ трактира, а сами сидѣли на строгой діэтѣ. Зато перваго числа мы всѣ превесело неслись въ театръ и госпожа Епифанкина была особенно мила. Такъ пошли мѣсяцы. Я сблизился съ семьей; иногда угреватый братъ хозяйки занималъ у меня деньги; иногда хозяйка особенно нѣжно смотрѣла на меня, что заставляло меня конфузиться; нерѣдко, окончивъ приготовленье уроковъ, я просиживалъ съ нею вечера. Кто жилъ во дни своего дѣтства на хлѣбахъ въ чужой семьѣ, тотъ знаетъ, какъ быстро сближается мальчикъ съ чужими для него людьми. И какъ не сблизиться? Передъ нимъ извиняются, что сегодня обѣдъ не хорошъ; какъ домашнему человѣку, жалуются на негодную кухарку; онъ невольно дѣлается свидѣтелемъ семейныхъ стычекъ и узнаетъ тайны, вызывающія румянецъ на лицѣ хозяевъ; ему ставятъ горчичники ночью на заболѣвшее мѣсто; его спрашиваютъ на другой день: «ну что, вашъ желудокъ поправился?» и онъ, краснѣя, отвѣчаетъ: «да теперь слава Богу все хорошо!» Какъ же тутъ не сблизиться? Такъ-то постепенно, послѣ нѣсколькихъ дурныхъ обѣдовъ и горчичниковъ, сблизился и я съ семьею Епифанкиныхъ. Однажды—это было двадцать восьмого числа — хозяйка пришла ко мнѣ со слезами на глазахъ.

— Душа моя, милый мой Валерьянъ, я несчастная, несчастная женщина! заговорила она.

Я растерялся отъ этого интимнаго тона и мнѣ стало тяжело смотрѣть на молоденькое заплаканное лицо.

— У меня ничего, ничего нѣтъ, я не могу сегодня сготовить обѣда....

— Какъ-же такъ? спросилъ я, не зная, что говорить.

— Не могу, не могу! Вотъ видите-ли... О, другъ мой, какъ мнѣ тяжело говорить, если бы вы знали, какъ мнѣ тяжело говорить!... Вы знаете, Базиль приготовляется въ университетъ, ему книги нужны, отъ этого зависитъ его счастье, я не разсчитала, дала ему денегъ перваго числа, а теперь у меня ничего нѣтъ! Завтра я заложу что нибудь, послѣднее платье продамъ, но сегодня... Ахъ, мнѣ стыдно на васъ смотрѣть!

— Что-же, вы не плачьте, сказалъ я, у меня есть два рубля, я вамъ дамъ....

— Ангелъ! ангелъ! воскликнула госпожа Епифанкина и скрыла свое лицо на моей груди. Мнѣ было преневолко, я не зналъ, куда дѣвать руки, и стоялъ какъ палка, боясь пошелохнуться и растрепать курточкой прическу моего новаго друга. Наконецъ она успокоилась и горячо поцаловала меня въ лобъ.

— Вы мой другъ, мой братъ! воскликнула она.

Я покраснѣлъ, какъ ракъ, и долго совѣстился выйдти въ столовую, гдѣ подали *сухой обѣдъ*, купленный на мои деньги; за обѣдомъ я не смѣлъ взглянуть на госпожу Епифанкину, а она глядѣла на меня самыми нѣжнѣйшими глазами.

На другой день послѣ этого событія ея мужъ ушелъ въ восемь часовъ утра въ какой-то ломбардъ, и хозяйка все вздыхала за чаемъ. Перваго числа мы снова были въ театрѣ, двадцать восьмого госпожа Епифанкина снова рыдала въ моей комнатѣ на моей груди и заняла денегъ. Съ третьяго разу я совершенно привыкъ къ этому странному образу жизни, и мнѣ даже очень хотѣлось, чтобы миленькая хозяйка пришла въ мою комнату поплакать и разсыпать, подобно Донѣ-Аннѣ Пушкина, «кудри черныя на камень хладный,» то есть на мою грудь. Меня начинало волновать въ эти минуты какое-то сладкое чувство, еще совершенно непонятное для меня, такъ какъ я, не смотря на свои пятнадцать лѣтъ, былъ необыкновенно чистымъ, вѣжимъ созданіемъ.

— Какая у тебя хозяйка смазливая, не уступитъ моей Анхенъ, сказалъ мнѣ однажды Федя, изрѣдка посѣщавшій меня.

Я весь покраснѣлъ.

— Ахъ, ты красная дѣвушка! воскликнулъ онъ. Тебѣ сколько лѣтъ?

— Шестнадцатый.

— Ну, вотъ видишь ли, на этомъ году пора не краснѣть. Ты что читаешь?

— Крестовые походы!

— Дребедень! Ты Пушкина почитай, я тебѣ отмѣчу, что читать. Пальцы оближешь! При этомъ Федя лизнулъ свои.

Федя исполнилъ свое обѣщаніе и отмѣтилъ что читать, но тутъ пришли экзамены, и я не могъ взяться за Пушкина. Прошло это время, мнѣ минуло шестнадцать лѣтъ и баронъ привезъ мнѣ первый сюртучекъ. Сто разъ смотрѣлъ я на себя въ зеркало въ этомъ новомъ нарядѣ. Госпожа Епифанкина назвала меня «душкою», и я дѣйствительно сознавался, что я очень не дуренъ со своими розовыми щеками и вьющимися волосами. Мнѣ стало очень грустно, когда баронъ, пріѣзжавшій ко мнѣ ежедневно хоть на минуту, объявилъ, что я проведу лѣто у него на дачѣ, такъ какъ ему скучно безъ меня: Семья Епифанкиныхъ стала мнѣ почему-то дорога....

VIII.

Я думалъ, что я попалъ въ очарованный замокъ, когда передо мною открылись комнаты дачи барона, до того были онѣ великолѣпны. Его жена, женщина, говорившая всегда по-французски, обращавшаяся съ нимъ холодно, не обратила на меня никакого вниманія. Баронъ въ свою очередь не обращалъ никакого вниманія на свою дочь. Онъ и его жена говорили другъ другу вы, и когда онъ обращался къ прислугѣ, то говорилъ:

— Баронесса велѣла сдѣлать то-то и то-то.

Съ перваго взгляда можно было понять, что имѣніе принадлежитъ ей, что баронъ личность второстепенная въ домѣ. Мнѣ было довольно скучно въ этомъ обществѣ. Пріѣзжавшіе въ гос-

ти мальчики и дѣвочки смотрѣли на меня гордо и рѣдко играли и ходили со мною. Баронесса всячески старалась унизить и оскорбить меня. Одинъ разъ я нашелъ на окнѣ персикъ и съѣлъ его. Черезъ минуту меня позвали къ баронессѣ.

— Ты укралъ ея персикъ, сказала она, указывая на свою дочь.

— Нѣтъ-съ, попробовалъ я для чего-то солгать.

— Негодный мальчишка, ты лжешь, она видѣла.

— Я... я не зналъ.

— Становись въ уголъ! приказала баронесса.

— Простите.

— Становись!

— Право я...

— Иванъ, позвонила баронесса слугѣ. Отведи его въ уголъ.

Лакей взялъ меня за руку выше локтя и отвелъ въ уголъ. Я не плакалъ, но горѣлъ огнемъ. Черезъ четверть часа пріѣхалъ кто-то изъ сосѣдей и удивился, увидавъ меня въ углу.

— Что это съ молодымъ человѣкомъ? засмѣялся онъ.

— Персики вздумалъ воровать.

— Фи! гость сдѣлалъ гримасу.

Прошло еще четверть часа, пріѣхала какая-то барыня съ сыновьями, они были почти однихъ лѣтъ со мною.

Снова вниманіе гостей обратилось на меня...

— Скажите; что-же онъ всегда будетъ у васъ жить? спросила барыня.

— О нѣтъ! отвѣтила хозяйка. — Я не знаю въ сущности, зачѣмъ онъ и теперь здѣсь гоститъ.

Мальчики перешептывались между собою, указывая на меня глазами, и смѣялись.

— Ступайте въ садъ! сказала имъ мать и начала что-то тихо говорить хозяйкѣ, изрѣдка поглядывая на меня прищуренными глазами. Ея благовоспитанные, отлично образованные сыновья гуляли между тѣмъ по террасѣ и, смѣясь, показывали мнѣ языки....

Я не вытерпѣлъ этой мучительной сцены и убѣжалъ изъ комнаты, рыдая какъ безумный.

— Что съ тобой, что съ тобой? воскликнулъ баронъ, только

что возвратившійся домой. Я бросился къ нему на шею и разсказалъ все.

— Успокойся! Полно-же, полно, говорилъ онъ, не выдерживая монхъ слезъ.—Иди ко мнѣ въ комнату.

— Позвольте мнѣ уѣхать къ Епифанкинымъ.

— Какъ, ты хочешь оставить меня?

— Да у меня нѣтъ больше силъ терпѣть, безъ васъ меня здѣсь всѣ, всѣ оскорбляютъ... Я убѣгу!..

— Полно, полно! Я буду брать тебя съ собою, ты не будешь оставаться здѣсь одинъ.

— Но...

— Подожди, подожди, я тебѣ все разскажу, произнесъ онъ взволнованнымъ голосомъ, видя мое упорное желаніе оставить его домъ.

Я просидѣлъ въ его комнатѣ все остальное время дня, туда мнѣ и обѣдать подавали.

Наконецъ пришелъ баронъ. Боже мой, Боже мой, что я открылъ въ этотъ день! У меня голова закружилась, духъ занялся. Я нашелъ отца, у меня былъ отецъ, какъ у всѣхъ другихъ людей, я не отъ Маріеназзля родился! И какой добрый мой отецъ, какъ онъ меня любитъ! Отчего-же я никогда не ласкалъ такъ откровенно, такъ горячо барона-благодѣтеля, какъ ласкалъ теперь барона-отца?

— Другъ мой, я не могу болѣе жить безъ тебя, говорилъ баронъ, я измученный, несчастный человѣкъ, мнѣ нуженъ любящій сынъ. Онъ долженъ быть близко меня, долженъ быть моею поддержкою. Я съ каждымъ днемъ все больше и больше привыкалъ къ тебѣ, все сильнѣе любилъ тебя; теперь не видѣть тебя или видѣть рѣдко—нѣтъ силы.

— Но отчего-же мать меня не любитъ? спросилъ я.

— У тебя нѣтъ матери, промолвилъ баронъ, проводя рукою по лбу, гдѣ выступилъ потъ.

— А баронесса, развѣ она...

— Она не мать тебѣ. Ты не поймешь теперь этого, но ты не можешь называть при другихъ и меня своимъ отцомъ...

Я опустилъ голову.

— А другихъ родныхъ у меня нѣтъ?

— Нѣтъ... то есть да, но дальніе...

— Я хочу ихъ видѣть.

— Нѣтъ, этого нельзя; то есть... Баронъ затруднялся и, не смотря на свои сорокъ два года, краснѣлъ. Не будемъ говорить объ этомъ, мнѣ сегодня не по себѣ...

Онъ тихо опустилъ голову на грудь, я припалъ къ его плечу, и такъ просидѣли мы въ сладкомъ и грустномъ полузабытьи до поздней ночи, не говоря ни слова и наслаждаясь какимъ-то чуднымъ затишьемъ. Баронъ, кажется, забылъ бурную сцену, происходившую въ этотъ день между нимъ и женою изъ-за меня... Я остался жить у него на дачѣ, и меня перестала тревожить холодность баронессы, перестали язвить насмѣшки ея знакомыхъ, видѣвшихъ меня въ углу. Я даже презиралъ ихъ, сознавая, что я важнѣе ихъ, какъ сынъ барона. Голова моя поднималась все выше и выше, я надменно сталъ появляться на гуляньяхъ объ руку съ отцомъ, украшеннымъ орденами. Мнѣ было весело, когда прохожіе заглядывались на нашъ экипажъ, когда важные друзья, сверстники отца, прежніе его собратья по кутежу, называли меня молодцомъ и говорили съ лукавой и добродушной улыбкой:

— Вотъ такими-то и мы были молодцами!

— Да, братъ, прошло то время! улыбался баронъ, полугрустно вздыхая.

— А сходство поразительное.

Баронъ ласково и привѣтно пожималъ ихъ руки.

Потомъ начинался шопотъ о моей будущности и давались обѣщанія вывести меня въ люди.

— Ты привози его зимой къ намъ, мои шалопаи будутъ ему рады, говорилъ потомъ одинъ изъ этихъ господъ въ густыхъ эполетахъ.—Ты давно-бы познакомилъ ихъ!

— Спасибо, спасибо! отвѣчалъ баронъ. И онъ и я въ глубинѣ души мечтали о моей блестящей будущности, о моей дружбѣ съ сыновьями этихъ важныхъ людей, гораздо болѣе важныхъ, чѣмъ кружокъ баронессы, нелюбившей старыхъ товарищей мужа.

IX.

Жены и сыновья старыхъ товарищей барона встрѣтили меня очень радушно, когда я сталъ посѣщать ихъ дома зимою. Жены видѣли во мнѣ интересный плодъ юной несчастной любви, сыновья—молоденькаго, прямодушнаго и ловкаго товарища. Начались балы, ѣзда по театрамъ, катанья по Невскому на лихихъ саняхъ. Я началъ втягиваться въ эту безпутно веселую, опьяняющую жизнь. Баронъ видѣлъ меня постоянно веселымъ и не размышлялъ о томъ, къ чему ведетъ это весельe; его радовала одна мысль, что его сынъ находитъ друзей и покровителей въ томъ кругу, гдѣ вращается онъ самъ. Часто, возвратившись изъ театра, я лежалъ на постели и, отуманенный всѣмъ видѣннымъ мною блескомъ, не могъ уснуть отъ волненія. Въ эти минуты я принимался за чтеніе Пушкина и тѣхъ книгъ, взятыхъ изъ школьной библіотеки, на которыхъ мудрые нѣмцы-наставники написали: Nicht für die Mädchen. Уже давно занимала насъ, мальчиковъ, эта таинственная надпись, и теперь я искалъ ключа для разъясненія загадки: отчего эти книги не для дѣвочекъ? что такое дѣвочки? Гармонія стиховъ, яркія картины, намеки на что-то непонятное для меня, все уносило мое воображеніе куда-то далеко, и юное сердце волновалось новыми чувствами!

— Любовь, любовь, — что такое любовь? спрашивалъ я у себя.

— Другъ мой, другъ мой, у меня опять нѣтъ денегъ, говорила мнѣ на другой день со слезами милленькая госпожа Епифанкина, все еще считавшая меня ребенкомъ.

— Полноте плакать, отвѣчалъ я, краснѣя, и робкой рукой бралъ ее за талію. Теперь такое положеніе казалось мнѣ болѣе удобнымъ, чѣмъ стоянье передъ плачущей женщиной въ видѣ неподвижной палки.

— Ахъ, мнѣ такъ стыдно, такъ стыдно за нашу бѣдность! восклицала она.

— Пустяки! Вѣдь у меня же есть деньги. Располагайте ими! Вѣдь вы меня называете братомъ, значитъ вамъ нечего и стыдиться, уговаривалъ я ее.

— Доброе, милое дитя! восклицала она и цаловала меня въ лобъ. Я весь вспыхивалъ.

Въ одинъ изъ такихъ дней я, во время ея поцалуя въ лобъ, быстро поднялъ голову и звонко поцаловалъ госпожу Епифанкину въ губы. Она испугалась, взглянула на меня съ упрекомъ и, пожавъ мою руку, торопливо вышла изъ комнаты. Я бросился на постель и скрылъ смѣющееся, горящее румянцемъ лицо въ подушку. Мнѣ хотѣлось и прыгать, и хохотать, и сообщить кому нибудь мою *тайну*. За обѣдомъ я потуплялъ глаза передъ нею и передъ ея мужемъ, считая себя преступникомъ въ отношеніи его и боясь, что онъ откроетъ мои замыслы и вызоветъ меня на дуель. По окончаніи обѣда онъ разными таинственными телеграфическими знаками отозвалъ меня въ сторону! Я струсилъ не на шутку.

— Мнѣ нужно съ вами поговорить, шепнулъ онъ мнѣ. — Ступайте въ вашу комнату, я приду туда.

Меня охватила дрожь, но я повиновался и ждалъ у себя соперника.

— Вы меня извините, сказалъ онъ входя ко мнѣ и запирая за собой дверь,—но я нахожусь въ такомъ положеніи, что долженъ объясниться съ вами.

— Что... что вамъ угодно? дрожащимъ голосомъ спросилъ я.

— Денегъ! отвѣтилъ онъ. — Я нахожусь въ такомъ положеніи...

— Извольте, извольте! поспѣшилъ я перебить его и въ то же время подумалъ: фи, какой онъ гадкій!

— Благодарю, молодой человѣкъ! Надѣюсь, что это *останется* между нами, что вы не скажете этого моей женѣ.

— Нѣтъ-съ, зачѣмъ-же, проговорилъ я и чувствовалъ, что мой страхъ прошелъ. Я вполнѣ былъ увѣренъ въ эту минуту, что мой *соперникъ* не опасенъ и сталъ строить разные планы, никакъ не воображая, что сущность и свойства этихъ плановъ вполнѣ доказывали, насколько я неопытенъ и еще чистъ въ дѣлахъ жизни.

— Il est charmant, cet enfant! говорили между тѣмъ мои покровительницы-барыни, когда я появлялся по вечерамъ у пріятелей отца.

— У него славные задумчивые глаза, шептали другія.

— И этотъ румянецъ юности — просто восхитителенъ. Что можетъ быть лучше его? восхищались третьи.

Дѣйствительно въ эти дни мои глаза были какъ-то задумчивы и между тѣмъ блестѣли и сверкали изъ-подъ рѣсницъ лихорадочнымъ блескомъ. Дѣйствительно въ эти дни мои щеки горѣли огнемъ здоровья, юности и страсти. Но—Боже мой!— слѣдовало ли радоваться этой внезапно вспыхнувшей красотѣ? Однако люди восхищались ею, самъ отецъ долго и пристально смотрѣлъ на меня и улыбался довольною улыбкою.

— Онъ формируется, братъ, говорили ему.

— Да, быстро ростутъ дѣти! отвѣчалъ баронъ со вздохомъ.

— Ну, тебѣ вздыхать нечего,—это будетъ лихой юноша!

А мои сверстники шептали мнѣ въ углу:

— Нравится тебѣ моя кузина?

— Видѣлъ ты во французскомъ театрѣ NN въ мужскомъ костюмѣ?

— Нѣтъ, подожди, я тебя кое-куда свезу, когда тебѣ стукнетъ семнадцать! Скажешь спасибо! восхищался одинъ лицеистикъ.

Я ждалъ семнадцати лѣтъ. «Скоро, скоро придутъ они, желанные годы! думалось мнѣ.—И для чего ждать ихъ. Я и теперь совсѣмъ большой!» Точно я былъ большой по росту, по мужественной силѣ, но вся предыдущая жизнь, не смотря на свою пошлость и безпутность, не успѣла развратить меня, и только теперь, опьяненный блескомъ, закружившійся въ вальсахъ, зачитавшійся стиховъ, я начиналъ приближаться робкими шагами къ той пропасти, которую называютъ развратомъ. Но покуда я еще не опустился въ нее, и самое мое стремленіе къ любви было юношески чисто, граціозно,—это было начало весенняго праздника. Прекрасны эти праздники! Солнце заливаетъ своими дѣвственными лучами пробуждающуюся землю, освобожденная рѣка плещетъ разлившимися волнами, на поляхъ и въ лѣсу пробивается первая яркая зелень, въ тихомъ воздухѣ звучно раздаются веселыя пѣсни и щебетанье птицъ, несутся метталлическіе звуки благовѣста, народъ въ праздничной одеждѣ идетъ въ ближайшій храмъ, все торжественно и строй-

но. Но подождите, вы еще услышите въ этотъ день не одну молодую, чудесную пѣсню, полюбуетесь не на одну полную любви парочку людей и все-таки вечеромъ свѣтлый пиръ перейдетъ въ оргію; пьяные крики, грязныя сцены непремѣнно отравятъ въ васъ чувства, пробужденныя праздничнымъ утромъ, и можетъ быть, возвращаясь домой подъ проливнымъ дождемъ, подъ холоднымъ вѣтромъ, обрывающимъ свѣжую зелень, вы увидите, какъ помутившіяся, бурныя волны разлившейся рѣки уносятъ обезображенный въ дракѣ трупъ пьянаго гуляки... Но кто же изъ людей заглядываетъ впередъ? Кто станетъ тревожиться, что граціозный юноша съ искрящимися глазами и яркими щечками уже стоитъ на краю пропасти?

Я сталъ угождать госпожѣ Епифанкиной, началъ читать ей вслухъ любимыя мною стихотворенья, радовался уходу ея мужа и брата, краснѣлъ передъ ними, робко и украдкою пожималъ ей руки и ждалъ съ нетерпѣньемъ, когда ей понадобятся деньги. Она, молоденькое, вѣтряное, скучающее въ одиночествѣ существо, играла со мною, какъ кошка съ мышкой. Ей было весело принимать мои робкіе поцалуи и играть послѣ роль испуганной невинности, потуплять глазки и краснѣть милымъ румянцемъ. Все это было ей тѣмъ болѣе пріятно, что не представляло никакой опасности для нея: я былъ еще такой ребенокъ! Послѣ одного изъ поцалуевъ я катался съ однимъ изъ своихъ новыхъ друзей. Сильныя ощущенія, легкій морозъ солнечнаго мартовскаго дня, быстрая ѣзда, возбуждающіе разговоры, все это необыкновенно оживило меня. Я пріѣхалъ домой съ сіяющимъ лицомъ и въ томъ состояніи, когда юноша готовъ броситься каждому встрѣчному на шею. У меня въ комнатѣ ходилъ изъ угла въ уголъ баронъ.

— А, пріѣхалъ! промолвилъ онъ.

— Здравствуй, папа! обнялъ я его и поцаловалъ нѣсколько разъ звонкими поцалуями.—Какъ чудесно мы катались съ Мишелемъ, у него новый рысакъ, знаешь, вороной....

— Послѣ, послѣ, дитя мое! перервалъ баронъ дрожащимъ голосомъ.

Я взглянулъ на его лицо, оно было блѣдно и озабоченно.

— Что съ тобой, папа, взволновался я.

— Ничего особеннаго... Такъ... Раздѣвайся, намъ нужно поговорить.

Я поспѣшно снялъ пальто и сталъ ходить по комнатѣ рядомъ съ отцомъ. Мы были почти одного роста; моя фигура, мое лицо были олицетвореніемъ молодости, здоровья и силы; все его существо, напротивъ того, носило слѣды преждевременнаго истощенія, тяжелой печали и заботъ. Довольно долго онъ не говорилъ ни слова и, кажется, собирался съ силами.

— Мнѣ нужно объясниться съ тобою, началъ онъ наконецъ. Ты не ребенокъ, ты долженъ узнать нѣкоторыя вещи. Можетъ быть лучше было бы ихъ не знать, но обстоятельства заставляютъ открыть передъ тобою все теперь-же. Ты долженъ выслушать мою исповѣдь...

— Папа, что-же ты передо мною-то хочешь исповѣдоваться? полушутливо, полулукаво улыбнулся я, еще не опразднившись отъ своего праздничнаго настроенія духа и отчасти желая вызвать улыбку на лицо отца.

— Да, мой другъ, плохо, что приходится исповѣдаться не въ постъ и не передъ священникомъ, а передъ своимъ собственнымъ сыномъ, серьезно и задумчиво произнесъ онъ.—Но глупая, безсмысленная жизнь довела и до этого... Собери свои силы, ты услышишь горькія вещи...

Я постарался сдѣлаться серьезнымъ.

X.

— Во время моей молодости я любилъ одну молоденькую женщину, она тоже полюбила меня, началъ баронъ,—а я подумалъ: «это такъ же, какъ мы съ Епифанкиной любимъ другъ друга.»—Я хотѣлъ на ней жениться. Я былъ безпутный, ни о чемъ недумавшій кутила и увлекъ ее, не разсчитавъ, что мой отецъ никогда не согласится на этотъ бракъ и въ случаѣ моего неповиновенія можетъ лишить меня всего имущества, безъ котораго я не могъ существовать, не умѣя трудиться. Отецъ дѣйствительно возсталъ противъ моего желанія. Онъ сказалъ, что онъ выбралъ мнѣ богатую невѣсту, что для поправленія

разстроенныхъ обстоятельствъ я долженъ согласиться на этотъ бракъ, и обѣщалъ позаботиться о любимой мною женщинѣ, такъ какъ ея родители хотѣли жаловаться на меня....

— За что же, папа? развѣ любить нельзя? испугался я, вспомнивъ свою любовь къ Епифанкиной.

— Да, да, ты еще совсѣмъ дитя! потеръ баронъ свой лобъ; его, кажется, терзала неотразимая необходимость исповѣди. Вотъ, видишь ли, эта дѣвушка готовилась быть матерью. Я постыдно покорился волѣ отца. Я, какъ негодяй, какъ преступникъ, сталъ избѣгать любимой женщины, оставивъ ее въ жертву торгующихся на счетъ ея родителей. Ее отдали замужъ за чиновника, служившаго подъ начальствомъ моего отца. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ у нея родился сынъ.... Я въ это время былъ уже женатъ. Чиновникъ, взявшій за себя бѣдную женщину, сталъ требовать отъ меня денегъ на воспитаніе ребенка, сталъ принуждать жену ходить ко мнѣ съ просьбами о помощи. Чтобы избавить себя отъ стыда видѣть эту страдающую женщину и ее отъ горькой необходимости выпрашивать у меня деньги, я принужденъ былъ взять своего сына, отдать его въ чужія руки и назначить ежемѣсячную плату негодяю-чиновнику. Онъ, когда у него такимъ образомъ увеличились средства, началъ пить и кутить. Его выгнали изъ службы. Онъ все нахальнѣе и нахальнѣе требовалъ отъ меня денегъ. Я могъ не давать ихъ ему, но онъ могъ отмстить мнѣ за это, тираня жену и взявъ къ себѣ моего сына, носившаго его фамилію, считавшагося его законнымъ ребенкомъ. Я былъ дрянной человѣкъ, можетъ быть я рѣшился бы отдать на жертву негодяю этихъ людей, если бы я самъ былъ счастливъ. Но я не былъ счастливъ. Жена моя не любила меня, она своимъ богатствомъ сковала меня, она позорно обманула меня..... Какъ?—тебѣ этого не нужно знать,— но это была гадкая, гнусная, бездушная женщина! И чѣмъ хуже были ея поступки, тѣмъ сильнѣе уважалъ я жертву моей подлости, тѣмъ болѣе стыдился встрѣчаться съ нею и тѣмъ сильнѣе любилъ своего сына....

Баронъ остановился и отеръ потъ со своего лба. Его лицо было измученнымъ, страдальческимъ.

— Такъ шли годы, продолжалъ онъ. Теперь приходитъ раз-

вязка... Чиновникъ требуетъ, чтобы его сынъ жилъ у него и не хочетъ выдавать ему паспорта. Онъ говоритъ, что онъ не хочетъ, чтобы деньги, платимые мною за содержаніе этого мальчика, шли въ чужія руки. Онъ говоритъ, что на эти деньги можетъ онъ и кормить мальчика и содержать свою семью. Онъ требуетъ, чтобы его сынъ жилъ у него. Я попробовалъ запугать его тѣмъ, что я не стану платить за своего сына, онъ отвѣтилъ: «Такъ что-жь такое? Я его опредѣлю на службу, пусть кормитъ родителей трудами рукъ своихъ, нечего ему философіи набираться!...» Это погибшая, низкая, наглая личность. Онъ знаетъ, что я сжился съ своимъ сыномъ, что я не могу безъ него жить и пользуется своею властью...

Баронъ умолкъ. Я дрожалъ какъ въ лихорадкѣ и думалъ. Раздумье продолжалось довольно долго; мнѣ трудно было начать говорить.

— Отецъ, это моя исторія? прошепталъ я, собравшись съ силами.

— Твоя! отвѣтилъ отецъ, стараясь не встрѣчать моего взгляда.

— Когда-же я переѣзжаю туда? глухо спросилъ я черезъ минуту.

Баронъ схватился за голову и опустился на кресло, онъ, кажется, плакалъ. Я стоялъ у стола съ поникшей головой и вертѣлъ пуговицу у своего сюртучка. Мой лобъ былъ нахмуренъ, лицо было сурово, я не находилъ на своемъ языкѣ ни одного привѣтнаго слова для утѣшенія отца. Мои плечи и грудь судорожно вздрагивали, сначала рѣдко, потомъ чаще и сильнѣе, наконецъ въ горлѣ начались спазмы, дыханіе сдавило и вдругъ въ истерическихъ рыданіяхъ я во весь ростъ грохнулся на полъ. Когда я очнулся, то около меня суетились баронъ и хозяйка, вспрыскивавшіе меня водою; воротъ моей рубашки былъ растегнутъ, волоса въ безпорядкѣ. Хозяйка вышла, увидавъ, что я пришелъ въ себя.

— Милый мой, прости меня! говорилъ отецъ.

— Охъ, какъ тяжело! произнесъ я едва слышнымъ голосомъ и провелъ рукою по лбу, какъ бы желая удостовѣриться, что все происходившее было не сонъ.

— Ради Бога, пойми, что я плачусь теперь за ошибку молодости, что я всю жизнь старался загладить эту ошибку, что я сдѣлалъ все, что было въ моихъ силахъ. Молодость неопытна, она увлекается, но потомъ приходится искупать увлеченія, терзаться всю жизнь, видя искалеченныхъ нами людей. Мое воспитаніе не научило меня ничему во-время.....

— Отецъ, оставь меня сегодня одного, твердо сказалъ я.— Я на тебя не сержусь, я тебя — это видитъ Господь — очень, очень крѣпко люблю, но оставь теперь меня одного.

Баронъ опустилъ голову, взялъ шляпу и неровной походкой пошелъ къ дверямъ. Я смотрѣлъ ему въ слѣдъ, онъ взялся за ручку двери, я видѣлъ, какъ дрожала его рука, незнавшая куда толкнуть дверь — взадъ или впередъ. Дверь отворилась и онъ съ порога обернулся на меня,— этого взгляда я не выдержалъ, вскочилъ съ мѣста, подбѣжалъ къ отцу и тысячи поцалуевъ покрыли его лицо.

— Спасибо, добрая, честная душа! проговорилъ онъ и вышелъ вонъ.

Я заперъ дверь на ключь и снова бросился на постель, спрятавъ голову въ подушку....

Если бы на семнадцатомъ году можно было посѣдѣть отъ горя, отъ надрывающаго все существо человѣка горя, то за эту ночь я вѣрно сталъ бы сѣдымъ, потому что едва ли кто нибудь перенесъ въ одно время столько различныхъ чувствъ, сколько перенесъ я тогда. Горе, злоба, раскаянье за что-то, ужасъ передъ будущимъ, проклятіе жизни, заставляющей страдать однихъ людей за ошибки другихъ, проклятіе ей за то, что она не предупреждаетъ этихъ ошибокъ, и не-то боязнь, не-то радость передъ будущей встрѣчей съ матерью-то доводили меня до бѣшенства, то вызывали тихія слезы и пламенныя молитвы. Сотни разъ бѣгалъ я изъ угла въ уголъ по комнатѣ, сжималъ кулаки, кричалъ: «не пойду къ нему!» и потомъ въ безсильной злобѣ, въ отчаяньи рыдая, падалъ на постель...

И какъ я пережилъ эту ночь?

XI.

Отъ Таврическаго дворца къ Смольному монастырю тянутся по обѣ стороны улицы, лишенной тротуаровъ, безобразнѣйшія казармы; за ними къ Невѣ стоятъ лѣсные дворы и идутъ какіе-то безъимянные переулки съ поломанными, сгнившими заборами, съ лачугами, вросшими въ землю, стоящими криво, косо и бокомъ. Въ этихъ переулкахъ нѣтъ мостовой, нѣтъ тротуаровъ, рѣдко виднѣются даже мостки. Единственными экипажами появляются въ этихъ мѣстахъ телѣги и роспуски, увозящія лѣсъ, да погребальныя дроги. Карета не появлялась въ этихъ мѣстахъ никогда, дрожки увязли бы тутъ въ грязи. Гнѣздятся здѣсь въ лѣтнее время мужики, пріѣзжающіе на баркахъ, и какіе-то отжившіе выродки человѣческаго рода, негодные ни на что, забытые всѣми, ждущіе своихъ похоронъ. Босые ребятишки снуютъ за щепками; спившіеся съ кругу родители шляются по переулкамъ большею частью по дорогѣ въ кабакъ или изъ кабака, на нихъ надѣты халаты и не надѣто фуражекъ, они одѣты *по домашнему*. Полиціи нѣтъ и признаковъ, фонарей тоже. И что тутъ оберегать? Что освѣщать? Имущества всего этого населенія не достало бы иному барину, играющему въ карты, на одинъ вечеръ... Въ этой-то мѣстности, въ одной изъ лачугъ, въ кухнѣ и комнатѣ, раздѣленной перегородкой, помѣщалась моя семья. Когда я отворилъ дрожащею рукою дверь въ родительское жилище, то меня обдало воздухомъ, пропитаннымъ сыростью, табачнымъ дымомъ, винными испареніями и гнилью. На полу возились двое грязныхъ ребятишекъ, у стола въ кухнѣ сидѣлъ небритый, худой человѣкъ съ отекшими глазами, одѣтый въ рваный халатъ, опоясанный чѣмъ-то въ родѣ веревки.

— А, здравствуй, сынокъ! произнесъ онъ хриплымъ голосомъ и съ выраженіемъ цинизма.—Пора, давно пора было заглянуть къ своимъ, родителей вспомнить. Нечего чужимъ-то благодѣтельствовать! Ишь фертъ какой!

Онъ перевернулъ меня передъ собою и дружески хлопнулъ по плечу. Я трясся всѣмъ тѣломъ. Въ эту минуту изъ комна-

ты вышла блѣдная, худая женщина, едва сохранившая остатки прежней красоты. Она невѣрной походкой и съ смущеніемъ подошла ко мнѣ. Я сотни разъ встрѣчалъ эту женщину въ церкви, сотни разъ удивлялся тому вниманію, съ которымъ она смотрѣла на меня. Одинъ разъ я даже говорилъ съ ней. Это было слѣдующимъ образомъ: она отъ самой церкви шла за мною и, когда я подходилъ къ своему дому, остановила меня вопросомъ:—Вы въ этой улицѣ живете?—Да, отвѣтилъ я.—Не знаете ли вы, гдѣ домъ господина, она не докончила фразы.—Какого? спросилъ я.—Позвольте, я забыла, да—Иванова, произнесла она первую попавшуюся на языкъ фамилію.—Нѣтъ, не знаю, сказалъ я. Она начала извиняться и повидимому не хотѣла кончить разговора и не кончила бы его, если бы я не ушелъ... Теперь мнѣ стало все ясно, я кинулся къ ней. Не берусь описывать, что происходило между нами. Мать совѣстилась, когда я цаловалъ ея руки, она не могла прямо глядѣть на меня и въ то же время тысячу разъ, избѣгая моего взгляда, разсматривала меня...

— Ну, нацалуетесь еще! Чего разрюмилась? грубо произнесъ Малевинъ.—Что у тебя только-то и есть всего движимаго? обратился онъ ко мнѣ, указывая глазами на узелокъ.

— Какого движимаго? спросилъ я.

— Извѣстно, какого! Одежонки тамъ, что ли?

— Мои вещи принесутъ послѣ.

— Ишь ты, самъ не могъ притащить! Много ли платить-то будутъ за тебя? спросилъ онъ, помолчавъ.

— За меня восемнадцать рублей платили.

— Маловато, промолвилъ онъ и отпилъ изъ глинянаго кувшина черезъ край квасу, что заставило меня рѣшиться никогда не пить изъ этого кувшина.—Вотъ что я тебѣ скажу, ты мнѣ гдѣ хочешь возьми, а чтобы деньги всегда были. Шутка ли, шалопай какой вырос, а на службу не идешь. Да я въ твои годы, знаешь ли ты, какія деньги зашибалъ. Фью! Царю и отечеству служилъ, а не то, чтобы что!

Онъ всталъ, потянулся и, захвативъ замасленную фуражку съ кокардой и безъ половины козырька, пошелъ со двора, какъ

былъ, въ халатѣ. Только тутъ моя мать дала полную волю слезамъ.

— На каторгу ты попалъ, лучше бы умереть намъ съ тобою, чѣмъ эту жизнь мыкать! рыдала она. Не упрекай ты только меня, что я тебя загубила...

— Полноте, матушка, полноте! промолвилъ я. Все переживемъ... Это мои братья? поспѣшилъ я перемѣнить разговоръ, боясь заплакать, и указалъ на дѣтей, съ тупымъ изумленіемъ прижавшихся въ уголъ и глядѣвшихъ на меня. Они были грязны, растрепаны.

— Да.

— Подойдите ко мнѣ, позвалъ я ихъ. Они попятились еще дальше въ уголъ. Послѣ нѣсколькихъ усилій мнѣ удалось приманить ихъ къ себѣ.—Ихъ надо вымыть, замѣтилъ я, не имѣя духу поцаловать ихъ грязныя лица.

— Ты не вини меня, съ грустью сказала мать. — Чистота денегъ стоитъ.

— Какъ такъ?

— Вѣдь я все одна дѣлаю, у меня руки устали работать, смотрѣть за ними. Мнѣ самой тяжело, что вотъ они такія брошенныя, оборванныя...

— Учатся они чему нибудь? перемѣнилъ я снова разговоръ.

— Гдѣ учиться? Изъ какихъ доходовъ?

— Я буду съ ними заниматься. Вамъ надо кухарку взять, чтобы отдохнуть.

Мать покачала головой.

— Кто жить-то у насъ станетъ? Не знаешь ты, что здѣсь за безобразія дѣлаются. Господи, Господи, на какую жизнь ты попалъ. Она заплакала снова, я смолкъ и понялъ, что покуда мы не можемъ говорить, что каждое мое слово рѣжетъ ее какъ ножъ по сердцу.

Позднимъ вечеромъ, когда я уже спалъ за перегородкою, меня разбудилъ шумъ. Малевинъ вернулся домой въ пьяномъ видѣ и ругалъ кого-то такими словами, какія можетъ придумать только одно пьяное воображеніе. Меня пробрала дрожь... Пошли дни за днями, это были страшные дни безконечной пытки, безчисленныхъ оскорбленій, безграничныхъ страданій. Ка-

кой-то ужасъ вселяла въ меня циническая фигура Малевина, я почти радовался, если онъ напивался до безчувствія и засыпалъ, потому что трезвый онъ былъ еще отвратительнѣе, еще наглѣе. Я отдыхалъ только въ школѣ, дома я не могъ учиться, не могъ учить братьевъ, не могъ думать, какимъ-то тупымъ палачемъ терзалъ меня этотъ наглый человѣкъ.

— Марья, сходи за косушкой, приказывалъ онъ матери, зазвавъ къ себѣ двухъ товарищей.

Мать собиралась исполнить приказаніе. Я вышелъ изъ за-перегородки.

— Я схожу, сказалъ я.

Мать взглянула на меня умоляющими глазами.

— Ну, сходи, оскалилъ онъ зубы наглой улыбкой. У васъ тамъ видно барыни по кабакамъ не ходятъ, все больше дома по шампанскому проходятся? Ха, ха, ха! Вѣдь онъ у меня философъ, указалъ онъ на меня собесѣдникамъ, всякія науки происходитъ у нѣмцевъ. Хитрыя бестіи — эти нѣмцы.

— Ыы! рыгнулъ одинъ изъ гостей.

— А вотъ мы и не у нѣмцевъ учились, а ничего, живемъ, продолжалъ Малевинъ. — Отечеству, значитъ, служили, вотъ оно что!

Я сходилъ впервые въ кабакъ и, увидавъ, что тамъ происходитъ, твердо рѣшился никогда не допускать мать ходить туда. Я зналъ, что она сотни разъ бывала тамъ, но мнѣ все-таки хотѣлось избавить ее отъ этихъ сценъ, я не вѣрилъ въ то время, что человѣкъ можетъ привыкнуть ко всему, тупо глядѣть на все. И слава Богу, что у меня еще не было этой увѣренности, потому что она первая обращаетъ въ прахъ всѣ стремленія человѣка къ лучшему, заставляетъ его махнуть на все рукою, и онъ начинаетъ говорить: «Люди привыкаютъ ко всему, такъ чего-жь и хлопотать объ улучшеніи ихъ участи? Стерпится — слюбится!»

— Жена, давай денегъ! кричалъ Малевинъ черезъ недѣлю.

— Какихъ тебѣ денегъ? ничего у меня нѣтъ, отозвалась мать.

— Сказано: давай — и давай! хоть роди, да давай, и чтобъ сейчасъ было!

— Говорю я тебѣ...

— Молчать! Зашибу! Слышишь — зашибу! Ты что?

— Послушай...

— Нѣтъ, ты говори мнѣ, что ты такое? Ты мнѣ жена, ну ты и должна...

— Семенъ Семеновичъ, родной...

— Убью! замахнулся онъ на нее.

Я опять вышелъ изъ-за перегородки и остановилъ его.

— Вотъ деньги, возьмите, сказалъ я.

— Ага! Вы у меня будете по одной половицѣ танцовать! Сказано: жена да боится своего мужа и дѣти да повинуются отцу... Слышалъ ты это? а? Гдѣ это писано?

Я молчалъ.

— Ага, языкъ прикусилъ! Ты у меня смотри!

Онъ ушелъ въ кабакъ, произнося тысячи проклятій.

— Ты, голубчикъ мой, не давай ему денегъ, шепнула мнѣ мать.

— Отчего не давать? громко спросилъ я.

— Тссс... произнесла она и выслала дѣтей играть на дворъ.— Ты не говори всего при дѣтяхъ-то, онъ ихъ пріучилъ подслушивать и подсматривать.

Я опустилъ голову. Весь ужасъ положенія нищихъ и загубленныхъ людей сталъ мнѣ понятенъ.

— Ты вотъ пріучишь его вытягивать деньги, говорила мать, такъ онъ и не отойдетъ отъ тебя, все вытянетъ.

— Но вѣдь онъ же драться къ вамъ лѣзетъ...

— Я привыкла, я снесу... Вѣдь все одно, и дашь денегъ, и не дашь, а отъ кулаковъ его не спасешься... Какъ не дашь, такъ онъ самъ гдѣ-нибудь добудетъ.

— Гдѣ же?

— Вотъ теперь скоро мужики съ барками придутъ. Просьбы будетъ писать, дрова ловить...

— Воровать?

Мать отвернулась и заплакала...

Измученный нравственно этими сценами, я какъ-то не могъ выучить урока. Меня оставили въ школѣ за наказаніе, что случалось очень рѣдко съ мальчиками послѣдняго класса, гдѣ

втеченіи послѣднихъ двухъ лѣтъ имъ говорили *вы* и трактовали ихъ, какъ взрослыхъ.

— Что это вы лѣниться начинаете? сказалъ мнѣ гувернеръ.—Васъ даже оставили, какъ мальчишку.

— Ахъ, что мнѣ за дѣло! пусть наказываютъ! грубо отвѣтилъ я и повернулся къ нему спиною.

— Что съ вами, вы грубить начинаете? разсердился онъ.

— Послушайте, если меня оставили, такъ я долженъ урокъ выучить. Что же вы мнѣ мѣшаете? раздражительно произнесъ я и строптиво нахмурилъ брови.

— Вы не выиграете въ жизни съ такимъ характеромъ, проговорилъ гувернеръ.

— Вы можете и не подавать мнѣ милостыни, когда я буду нищимъ, бросилъ я ему еще одну грубость.

На общемъ собраніи учителей гувернеръ настоялъ, чтобы мнѣ сбавили два балла въ поведеніи. Я махнулъ на всю эту дрянь рукой. Меня мучила одна мысль: «гдѣ бы достать денегъ?» У барона я не рѣшался просить, онъ давалъ много, но бездонная пропасть виннаго откупа поглощала все. Я сталъ заниматься перепискою бумагъ, началъ учить дѣтей за самую малую плату и всѣми силами старался не быть дома. Насталъ конецъ зимы, Малевинъ началъ чинить свой челнокъ и пилъ менѣе въ это время.

— Ну-ка ты, философъ, крикнулъ онъ мнѣ со двора: — притащи топоръ. Нечего бѣлоручкой быть!

Я исполнялъ его требованіе.

— Чего киснешь-то въ комнатѣ? говорилъ онъ, заколачивая гвозди въ бока челна. — Ты бы вонъ поработалъ, такъ небось веселѣе бы стало. Нѣмцемъ поджарымъ, *что-ли*, *хочешь быть*? Нѣтъ, ты такъ потрудись, чтобъ горшокъ съ кашей малъ казался, да ночь коротка для отдыха... Ну-ка, поворотимъ-ка на бокъ челночишку. Ишь ты, дуй его горой, какъ все перегнило!

Я поворачивалъ челнокъ и мало по малу сталъ втягиваться въ эту работу. У меня была сила, развитая еще въ Маріензилѣ, теперь она развивалась снова. Когда починка челна окончилась, когда ледъ разошелся, Малевинъ поѣхалъ ловить дрова. Почти каждый день сталъ ѣздить на челнѣ и я. Меня веселила

или, лучше сказать, раззадоривала борьба съ неугомонившимися волнами Невы, я иногда доводилъ себя до изнеможенія этимъ трудомъ и съ какою-то робкою радостью, съ задорнымъ самодовольствіемъ чувствовалъ, что волны не осилили меня, что вотъ завтра я опять поѣду спорить съ ними, наслажусь этимъ споромъ и опять не струшу, если какая нибудь шальная волна обдастъ мое лицо своей пѣной и хлестнетъ въ челнокъ. Потомъ пришли барки. Малевинъ сталъ пробираться на нихъ ловить рыбу, я тоже сталъ заниматься рыбною ловлею и началъ знакомиться съ мужиками. Любилъ я просиживать цѣлые часы на баркѣ, спустивъ ноги надъ водой, и слушать въ вечернемъ затишьи своеобразные разсказы народа о его житьѣ-бытьѣ, любилъ толкаться между овчинными тулупами, сваленнымъ барочнымъ лѣсомъ, свезеннымъ на берегъ сѣномъ, и подъ-часъ какое-то особенное наслажденіе приносило мнѣ помѣриться силой съ мальчишкой-барочникомъ или протащить какую-нибудь доску, облиться потомъ, устать и сѣсть на бревно, не разбирая, есть ли на немъ деготь или нѣтъ. Это не была любовь къ народу или привычка къ этой жизни,—нѣтъ, это было слѣдствіе болѣзненной, мучительной злобы—мнѣ хотѣлось принудить себя жить въ той сферѣ, къ которой я принадлежалъ по положенію моего оффиціальнаго отца. При малѣйшемъ проявленіи моей барской изнѣженности и брезгливости, я казнилъ себя насмѣшкою и принуждалъ себя къ какой-нибудь грязной выходкѣ. Мать страннымъ глазами смотрѣла на меня, когда я, не смотря на ея увѣщанія, выходилъ изъ дому въ рваномъ сюртучишкѣ и съ воняющими рыбой руками. Она не понимала, что я издѣвался надъ самимъ собою.

— Что тебя рѣдко видно у насъ? спрашивали меня дѣти друзей барона.

— А что мнѣ у васъ дѣлать, объ бабьѣ толковать? спрашивалъ я въ свою очередь съ особеннымъ грубымъ акцентомъ въ голосѣ.

— Ты ужь не въ ученость ли погружаешься? смѣялись они.

— Плевать я на нее хотѣлъ!

Они дѣлали гримасы, и дѣйствительно выраженіе моего голоса пахло зипуномъ и лаптями.

— Ты, другъ мой, удаляешься отъ своихъ сверстниковъ, упрекалъ меня баронъ.

— Что мнѣ въ нихъ? они денегъ не дадутъ, а брюхомъ хлѣба не вынесешь съ ихъ пировъ.

Баронъ потеръ лобъ.

— Ты у меня рѣдко бываешь, по мѣсяцамъ я не вижу тебя.

— Дома дѣло есть.

— Тебѣ тяжело тамъ, вздохнулъ онъ.

— Да вѣдь легче не станетъ, если разсказывать, отвѣтилъ я фразою, слышанною тысячу разъ отъ мужиковъ.

— Да, да, задумался онъ.—Не надо ли тебѣ денегъ?

— Вы и безъ того столько даете, что мнѣ досадно. На эту пропасть не напасешься денегъ, отвѣтилъ я.

— Это моя обязанность...

— Что за обязанности, мало ли пьяныхъ на свѣтѣ...

Баронъ снова покачалъ головой и грустно разстался со мною. Я еще рѣже началъ посѣщать его и всячески увертывался отъ его ласкъ, говоря себѣ; «Очень мнѣ нужны его нѣжности!» Дѣйствительно всѣ эти сладенькія нѣжности, плаксивыя ласки, барскія приторности не могли ничего улучшить въ моемъ нешуточномъ горѣ и съ полной справедливостью были заклеймлены мною эпитетомъ «кислятины».

XII.

День ото дня я дѣлался суровѣе и строже, острая боль въ сердцѣ смѣнилась тупою, гнетущимъ чувствомъ недовольства судьбою и враждой къ людямъ. Часто, сидя дома или шагая куда-нибудь на уроки, я думалъ: «На что служатъ эти глупыя науки, географія, исторія, латинскій и греческій языки, которымъ я учусь? Что онѣ принесли мнѣ и другимъ людямъ? Не такъ же ли я несчастливъ, какъ и мужикъ, незнающій даже грамоты? Неужели люди не могли придумать такой науки, которая дѣлала бы всѣхъ счастливыми, научала бы зашибать деньги, не гибнуть въ грязи и не производить на свѣтъ такихъ дѣ-

тей, какъ я? Вотъ эту науку надо выдумать. Я посвящу всю жизнь, чтобы изобрѣсти ее, я пріучу и своихъ братишекъ стремиться отыскать эту науку.» Эта мысль сдѣлалась моею idée fixe. Я сталъ читать всѣ книги, гдѣ былъ хоть намекъ на положеніе человѣка въ обществѣ, на обстоятельства, дѣлающія людей счастливыми и несчастными, я дорывался новыхъ истинъ... Съ каждою минутою, читатель, перемѣняются передъ вами сцены моего разсказа; зъ полчаса вы можетъ быть смѣялись, за четверть часа вы можетъ быть плакали, черезъ десять минутъ вы, по всей вѣроятности, утѣшитесь; я употребилъ недѣлю, только недѣлю для того, чтобы веселить, трогать и развлекать васъ,— но поймите, что для написанія каждой прочитанной въ двѣ минуты сцены мнѣ нужно было пережить дни, недѣли, мѣсяцы и годы, и тогда вамъ станетъ ясенъ тотъ мучительный процессъ измѣненія моего характера, той внутренней ломки, отъ которой остались слѣды на всю жизнь... Я сталъ прилежно заниматься съ моими братьями. Этимъ занятіямъ мѣшалъ Малевинъ, приглашавшій своихъ пріятелей на попойки къ намъ, ругавшій мать и посылавшій ее въ кабакъ, что отрывало меня отъ дѣла, такъ какъ я вступался за нее или шелъ самъ за водкой.

— Послушайте, сказалъ я однажды, это было въ январѣ, идите со своими пріятелями пить въ другое мѣсто, я вамъ дамъ денегъ, но не мѣшайте мнѣ учить вашихъ дѣтей.

Онъ прищурилъ свои пьяные глаза и нахально наклонилъ голову набокъ съ насмѣшливою улыбкою.

— Да ты здѣсь что распоряжаться вздумалъ? спросилъ онъ.

— А потому и распоряжаюсь, что вы живете на мои деньги.

— Ну?

— Ну, и если вы мнѣ будете надоѣдать, я вамъ гроша не дамъ, скажу барону, чтобы онъ за меня не платилъ.

— Фью! ты, птенчикъ, законовъ не знаешь. Мало ты каши на свѣтѣ съѣлъ. Ты еще несовершеннолѣтній, такъ я въ животѣ и смерти твоей воленъ. Велю кормить родителя и будешь кормить!

— Безъ бароновыхъ денегъ отъ меня немного прибыли будетъ.

— Ахъ, ты, пташка пѣвучая, да я тебя тогда служить заставлю. Въ законѣ сказано, что сынъ долженъ кормить отца.

— Ну, большого жалованья мнѣ не дадутъ, вы-же въ убыткѣ будете.

— Да я тебя въ грробъ заколочу, а заставлю добывать деньги. Слышишь ты, въ гррробъ! крикнулъ онъ и сверкнулъ глазами, сжавъ кулаки въ пьяномъ остервѣненіи.

— Самимъ же хуже будетъ.

— Ты у меня помалчивай! Слышишь,—помалчивай!

— Семенъ Семеновичъ, начала мать.

— Разражу! крикнулъ онъ ей.— Всѣхъ убью? какъ послѣднюю собаку его зашибу! какъ послѣднюю соббаку!

Я всталъ. Должно быть я былъ очень обезображенъ яростною злобой и страшенъ въ эту минуту, потому что мать сдѣлала движеніе встать между мною и мужемъ. Я отстранилъ ее рукою.

— Послушай ты, негодяй! заговорилъ я, задыхаясь. — Вѣдь я не даромъ восемнадцать лѣтъ на свѣтѣ прожилъ, силы-то у меня хватитъ съ тобой справиться.

Я подступилъ къ самому лицу Малевина; онъ попятился отъ меня и на его подломъ пьяномъ лицѣ изобразилось чувство трусости, это придало мнѣ силы, какъ придаетъ силы и смѣлости звѣрю трусость человѣка.

— Пей сколько хочешь, продолжалъ я, только не смѣй мѣшать мнѣ. Я съумѣю справиться съ тобою. Не ты меня убьешь, а я тебя раздавлю, гадину, какъ гнилую щепку! Ты видно не на бойкихъ нападалъ! Мать молчала, такъ ты ее и билъ. Дуракъ баронъ не посовѣтовалъ ей развестись съ тобою, такъ ты и думаешь, что я не успѣю заставить ее бросить тебя. Вѣдь тогда ты подъ первымъ заборомъ околѣешь. Слышишь-ли ты? дернулъ я его за воротъ и потрясъ, чтобъ попробовать и показать свою силу. У него вдругъ подогнулись колѣнки и онъ сталъ такимъ жалкимъ и маленькимъ, что я съ отвращеніемъ выпустилъ изъ рукъ его халатъ.

Онъ попятился къ двери, не обращаясь ко мнѣ спиной. Я былъ выше, моложе и здоровѣе его, его силы были давно пропиты и размѣняны на водку въ кабакахъ. Не говоря ни слова,

онъ потянулся за фуражкою и, взявъ воровски молча деньги, брошенныя мною на столъ, задомъ вышелъ изъ комнаты. Мать не смѣла дохнуть, не смѣла благодарить или усовѣщивать меня.

— Чего вы запрятались? грубо сказалъ я дѣтямъ. Не знаете, что учиться надо?

Они боязливо вышли изъ угла и сѣли за книги. Начался урокъ. Довольно долго я не могъ осилить своей расходившейся злобы. Во мнѣ не было и тѣни того граціознаго, смѣющагося отъ перваго поцалуя юноши, какимъ я былъ за годъ тому назадъ.

— Валерьяша, а Валерьяша, робко говорилъ мнѣ, путающимся языкомъ, черезъ нѣсколько дней Малевинъ, осторожно дотрогиваясь до моего плеча.

— Что вамъ? не поднимая глазъ отъ книги, спросилъ я.

— На водочку дай, въ горлѣ пересохло, голубчикъ... Я не того, немного... Только, знаешь, стакашикъ, одинъ, какъ есть одинъ стакашикъ, жмурилъ онъ, какъ котъ, свои глаза.

— Опять налижетесь!

— Ни, ни! И не думай! И... и... ни, ни!

Я съ отвращеніемъ далъ ему денегъ. Черезъ нѣсколько дней онъ снова просилъ меня о выдачѣ ему денегъ.

— Благодѣтель, бла-а-годѣтель! пьянымъ языкомъ говорилъ онъ и тянулся поцаловать меня. Я отшатнулся отъ его поцалуя.

— Ну, ручку дай, дай мнѣ ручку! заговорилъ онъ. Вѣдь я чу-у-вствую, чу-у-вствую... Ска-а-тина я!..

Онъ заплакалъ пьяными слезами и сталъ отирать ихъ замасленной полой дыряваго халата.

— Чортъ, чортъ! кричалъ онъ вечеромъ. У у! вонъ, вонъ, гляди! схватилъ онъ старшаго своего сынишку за руку.—Видишь? постой, постой, я поймаю, по-о-оймаю! онъ началъ красться къ стѣннымъ часамъ, скорчивши свою спину. Въ его глазахъ выражался ужасъ, голосъ былъ мраченъ и зловѣщъ. Сынишка трясся всѣмъ тѣломъ.

Я вышелъ изъ-за перегородки и хотѣлъ подойдти къ нему, онъ вдругъ обернулся и бросился ко мнѣ.

— Поймалъ, поймалъ! кричалъ онъ мнѣ и снова съ выраже-

ніемъ ужаса взглянулъ на мою голову.—Теперь у тебя, у тебя на головѣ!

— Что такое? съ раздраженіемъ спросилъ я.

— Чортъ, чортъ, чортъ! кричалъ онъ.

— Чего вы дурите? спросилъ я, не понимая, что у него началась бѣлая горячка.

— Подавай! денегъ! вдругъ бѣшено кинулся онъ ко мнѣ.

— У меня нѣтъ! отвѣтилъ я.

— Подавай, подавай! Бѣги къ барону!

— Не пойду!

— Ступай, ступай, говорятъ тебѣ—ступай! сжалъ онъ кулаки.

— Не пойду! И никогда не пойду больше, хотъ бы ты съ голоду умеръ! крикнулъ я.

— Что-о? бросился онъ на меня и схватилъ меня за шиворотъ.

Я рванулся въ сторону, что-то треснуло на моемъ сюртукѣ. Малевинъ снова напалъ на меня, я охватилъ его руками, подставилъ ногу и смялъ его подъ себя. У моего рта была пѣна, лицо все было въ поту.

— Веревку дайте! крикнулъ я дѣтямъ, упираясь колѣнкой въ Малевина.

Дѣти, испуганныя пригрезившимися отцу чортиками, теперь испугались еще болѣе. Мать бросилась уговаривать меня.

— Подите прочь! обернулся я къ ней.—Что же вы стоите? говорятъ вамъ: веревку дайте! кричалъ я дѣтямъ. Они повиновались съ боязливыми лицами.

— Да ты что? ты что задумалъ? барахтался подо мной Малевинъ.

— А вотъ ты увидишь, что я задумалъ! съ бѣшенствомъ шепталъ я и, выхвативъ изъ рукъ дѣтей веревку, началъ вязать руки Малевину. Крупныя капли пота лились съ моего лица, грудь прерывисто дышала отъ волненія и усталости. Никогда еще у Малевина не было столько силы, сколько было теперь. Связавъ пьяное созданье, я положилъ его съ помощью призваннаго мною сосѣда на постель.

— Лови, лови! бормоталъ онъ. Вонъ, вонъ съ хвостикомъ! Васька, ло-о-ви! онъ силился освободить связанныя руки, чтобы

поймать мнимаго чорта, представлявшагося его пьяному воображенію.

Я сталъ одѣваться.

— Куда ты? боязливо спросила мать.

— За докторомъ, сухо отвѣтилъ я.

Черезъ часъ я возвратился домой изъ клиники съ докторомъ. Это былъ годовой докторъ барона. Я показалъ ему Малевина.

— У него горячка, сказалъ докторъ.

— Могу ли я привезти его къ вамъ въ больницу? спросилъ я.

— Да, тѣмъ болѣе, что у него не одна горячка, но полное разстройство организма. Онъ едва-ли выздоровѣетъ, сказалъ докторъ по французски. Мать не совсѣмъ еще забыла французскій языкъ, поняла слова доктора и задрожала.

— Неужели? обрадовался я.

Докторъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— Скажите, вы тутъ живете? Это ваши родные? спросилъ онъ съ гримасой.

— Да, родные. Такъ что-же? нагло спросилъ я его, взбѣшенный его гримасой.

— Нѣтъ, я такъ.

— Вотъ вамъ за визитъ, подалъ я ему деньги съ усмѣшкой.

— Но можетъ быть ваши обстоятельства, началъ онъ.

— До нихъ никому нѣтъ дѣла! отвѣтилъ я.

Докторъ вѣжливо и холодно пожалъ мою руку и уѣхалъ. На другой день Малевинъ былъ свезенъ въ больницу.

Я возвращался изъ больницы въ какомъ-то отуманенномъ состояніи. Бодрыя лица студентовъ, попавшихся на Литейномъ мосту, нѣсколько весело мчавшихся артиллеристовъ, нѣсколько троечныхъ саней, бойко уносившихъ кутящую молодежь и роскошно одѣтыхъ камелій, все это породило во мнѣ какую-то тупую, ноющую боль. День былъ яркій, на солнечной сторонѣ таяло. У богатыхъ домовъ стояли на подъѣздахъ надменные швейцары и зубоскалили удалые лакеишки, смѣясь надъ клячами проѣзжающихъ ванекъ-извощиковъ. Я шелъ и шелъ, ничего не думая, ничего не помня и глядя на все съ какою-то безпредметною злобой. Наконецъ я куда-то дошелъ, передо мною былъ домъ, была дверь,—я вошелъ.

— Косушку, сказалъ я.

— Что папенькѣ лучше? спросилъ знакомый мнѣ цаловальникъ.

— Нѣтъ! лаконически отвѣтилъ я и сѣлъ на грязную, залитую разными питіями лавку къ такому же грязному столу, на которомъ хранились круглые и квадратные слѣды стоявшихъ на немъ ежедневно сосудовъ.

Я медленно—шкаликъ за шкаликомъ—пилъ водку...

— Ишь ты совсѣмъ захмѣлѣлъ! слышалось мнѣ. Казалось, этотъ голосъ шелъ откуда-то издалека,

— По родителю вѣрно пойдетъ! отозвался другой голосъ, такой же далекій, какъ и первый.

— Ты бы, молодецъ, домой пошелъ! снова слышался мнѣ голосъ и кто-то трогалъ за плечо.

— Оставь! бормоталъ я.

— Чего оставить? Чай ждутъ дома? говорилъ мнѣ этотъ голосъ.

— Ни-и-чего! Спать хо-очу! моталъ я лежавшей на столѣ головой. Черезъ два или три часа я, шатаясь, шелъ домой. Въ нашей квартиренкѣ было уже темно. Невѣрною рукою отворилъ я дверь...

— Ну, что, голубчикъ? вышла ко мнѣ поспѣшной походкой мать.

Я отстранилъ ее одною рукою и, держась другою за стѣну, прошелъ за перегородку.

— Пьянъ! вырвался дикій крикъ ужаса изъ груди матери.

Я бросился на постель и зарыдалъ, зарыдалъ такъ, какъ вѣроятно не плакалъ никто изъ васъ, счастливые, праздные, мудрые люди!....

XIII.

Все послѣднее время мнѣ приходилось возиться съ Малевинымъ, охранять мать и братьевъ; я запустилъ ученье и рѣдко являлся въ школу; сверхъ того я чувствовалъ во всемъ своемъ существѣ такой упадокъ силъ, что боялся захворать. Первымъ дѣломъ по отправкѣ Малевина въ больницу я поспѣшилъ извѣ-

стить барона, чтобы онъ прислалъ денегъ для нашего переѣзда на другую квартиру. Онъ прислалъ. Я пошелъ искать квартиру и нанялъ очень удобную; черезъ день мы переселились. Мать ни слова не говорила о томъ, что я былъ пьянъ, она со страхомъ и боязнью глядѣла на мое измученное лицо. Изрѣдка посѣщала она мужа, онъ не поправлялся. Баронъ между прочимъ, не видя меня, справился о моемъ ученьи въ школѣ и испугался, что я сталъ лѣнитьсл, что я затянулся въ грязную жизнь и, можетъ быть, дѣлаюсь негодяемъ. Онъ написалъ мнѣ довольно строгое письмо и выговаривалъ, что я не хожу въ школу, только въ концѣ письма сила любви взяла верхъ надъ мудростью старика, и въ этомъ концѣ слышались ласковыя рѣчи, но къ сожалѣнію я прочиталъ этотъ конецъ письма только черезъ мѣсяцъ, швырнувъ отъ себя посланіе при чтеніи начала.

«Благодарю васъ за наставленія, писалъ я въ отвѣтъ, и заботы обо мнѣ. Но въ послѣднее время я пережилъ столько горя, сколько не пережили вы во всю свою жизнь. Не знаете ли вы, кого я долженъ благодарить за это горе? Я не знаю или, лучше сказать, боюсь знать это. Во всякомъ случаѣ горе помогло мнѣ сдѣлаться опытнымъ, и вѣрно я знаю не хуже любого старика, что мнѣ нужно дѣлать. Вы совѣтуете мнѣ посѣщать школу, но вы лучше спросили бы, осталось ли во всемъ моемъ существѣ хоть одно здоровое мѣсто, а мнѣ еще едва минуло восемнадцать лѣтъ... Во всякомъ случаѣ я постараюсь всѣми силами пройдти дома то, что прошелъ бы въ школѣ, и выдержу экзаменъ, чтобы имѣть возможность кормить мать безъ благодѣяній чужихъ людей».

Баронъ не выдержалъ тона этого письма и пріѣхалъ къ намъ. Я постарался избѣжать сцены его свиданія съ моею матерью и вошелъ въ комнату, когда меня позвали. Баронъ ахнулъ: передъ нимъ стоялъ высокій, худой, пасмурный юноша, несохранившій ничего изъ того блеска, которымъ онъ сіялъ за годъ. Отецъ пожалъ мою руку и не сказалъ ни слова о письмѣ, послужившемъ поводомъ къ свиданію. Вечеръ прошелъ какъ-то неловко, и отецъ и мать повидимому совѣстились меня... Я работалъ до-нельзя въ это время и успѣлъ выдержать экзаменъ въ школѣ, дававшій право на поступленіе въ университетъ. Но

за то послѣ этихъ нечеловѣческихъ усилій моя силы совершенно ослабѣли. Однажды я лежалъ на диванѣ, вдругъ пріѣзжаетъ мать изъ больницы. Я взглянулъ на нее и понялъ, что что-то случилось особенное.

— Что? спросилъ я.

— Умеръ, прошептала она, не глядя на меня.

Я ни слова не сказалъ въ отвѣтъ. Она сѣла къ столу и начала плакать, я зналъ, что она плачетъ не объ мужѣ, я зналъ, что она оплакиваетъ всю свою убитую, истерзанную жизнь и не мѣшалъ ей. Мнѣ было тяжело, я искалъ въ душѣ такихъ молитвъ, которыя могли бы облегчить наше горе, изгладить кровавые слѣды прошедшаго и благословить занимающуюся зорю будущаго... Въ душѣ не находилось ничего... Вечеромъ пріѣхалъ баронъ. Ему сказали новость. Онъ провелъ рукою по лбу и задумался. Вечернія сумерки обливали неяснымъ полусвѣтомъ картину нашего молчаливаго раздумья. Въ эту минуту каждый изъ присутствующихъ переживалъ всю свою прошлую жизнь и, можетъ быть, краснѣлъ за себя...

— Какой страшный сонъ наша жизнь! прошепталъ баронъ, какъ бы заканчивая свои размышленья о быломъ.

Мать промолчала и мелькомъ взглянула на меня.

— Да, да, потеръ баронъ рукою свой лобъ, какъ бы понимая этотъ взглядъ. Не сонъ... Сны проходятъ безслѣдно...

Молчаніе воцарилось снова.

— Намъ всѣмъ нуженъ отдыхъ теперь, началъ онъ снова. И первому тебѣ, обратился онъ ко мнѣ.

Я лежалъ на диванѣ и молчалъ.

— Ты можешь располагать моими деньгами, онѣ принадлежатъ тебѣ по праву...

Я все-таки не находилъ словъ. Я даже не могъ благодарить его, потому что меня давила давно мысль: «изломаютъ, а потомъ облагодѣтельствуютъ!» Прежней моей нѣжности не было и слѣда, хотя мучительно больно отзывалось во мнѣ сознаніе, что я не могу приласкать этихъ въ свою очередь несчастныхъ людей.

— Тебѣ не худо бы съѣздить за границу, произнесъ баронъ.

Я оживился, лучъ надежды мелькнулъ передо мною.

— Да, да, живо заговорилъ я.—Разсѣяться, забыть все пережитое...

— Простить всѣхъ, тихо, медленно и кротко окончилъ баронъ.

У меня навернулись на глаза слезы.

— Ты понимаешь, отецъ, что я не могу, началъ я.

— Другъ мой, милый мой, я все теперь понимаю, я тебя ни въ чемъ не упрекаю, не смѣю упрекать. Что бы ни случилось, чѣмъ бы ты ни вышелъ, какъ бы ни смотрѣлъ на насъ съ матерью,—я и она ни въ чемъ не упрекнемъ тебя.

Я наклонился къ братьямъ и поцаловалъ ихъ... поцаловать другихъ изъ присутствующихъ у меня не хватало духу въ эту минуту...

Долго бродилъ я по Европѣ, бродилъ одинъ, бродилъ вездѣ. Заглядывалъ я въ университеты, въ мастерскія художниковъ, наслаждался иногда полнѣйшимъ бездѣйствіемъ на берегахъ Средиземнаго моря, возобновлялъ утраченное здоровье, приводилъ въ нормальное состояніе свою потрясенную душу и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе дорогою становилась мнѣ родина, мучительная любовь пробудилась во мнѣ ко всѣмъ ея страдающимъ дѣтямъ и ярче всѣхъ другихъ образовъ вырисовывался передъ мною одинъ семейный кружокъ, посреди котораго худая, блѣдная женщина, хранящая слѣды страшныхъ, долгихъ мученій, но все еще прекрасная, учитъ двухъ маленькихъ дѣтей и, отрываясь на минуту отъ ихъ книги, протягиваетъ руку серьозному, важному, не рано постарѣвшему человѣку, пришедшему къ ней отдохнуть, провести вечеръ и потолковать о *немъ*, — о человѣкѣ, котораго никто въ семьѣ не называетъ по имени и между тѣмъ всѣ знаютъ, всѣ любятъ, мучительно любятъ...

— Удивляюсь я, какъ это васъ одного отпустили въ этотъ омутъ, говорилъ мнѣ какъ-то одинъ важный старикъ, жившій въ германскомъ университетскомъ городѣ для наблюденія за своими сыновьями, изъ которыхъ одинъ потихоньку переписывался съ какою-то оставленною имъ въ Россіи дѣвушкою.

— Отчего же было и не отпустить? усмѣхнулся я.

— Помилуйте, да вы просто закружиться можете...

— Однако я занимаюсь же, а не кружусь?

— Ну, это исключеніе! Впрочемъ, ваши идеи... Не думаю, чтобы ваши родители порадовались тому направленію, которое приняла ваша мысль. Самонадѣянность, отрицаніе, вольнодумство,—я увѣренъ, что вашъ отецъ раскается за свою опрометчивость. Въ наше время молодые люди вашихъ лѣтъ держались отцами вотъ какъ!

Старикъ, сжавъ кулакъ, показалъ, какъ держали въ его время молодыхъ людей... Все яснѣе и яснѣе послѣ подобныхъ рѣчей и встрѣчь становилась для меня причина всѣхъ поступковъ моего отца, все честнѣе и честнѣе казался мнѣ этотъ любящій человѣкъ, все чаще и чаще я чувствовалъ, что теперь я могу, не опуская, не поднимая черезъ мѣру головы, войдти въ тотъ семейный кругъ, который грезился мнѣ такъ часто въ это время... Но я чего-то ждалъ...

«Баронесса умерла», писалъ мнѣ изъ Петербурга черезъ два года баронъ, и больше ни слова не было объ этомъ событіи, но письмо было нѣжно, горячо, какая-то робость проглядывала въ фразахъ: «Какъ идутъ твои дѣла? Что думаешь *теперь* дѣлать?»

«Завтра я выѣзжаю въ Петербургъ,» было моимъ отвѣтомъ, и всю ночь мнѣ снилась далекая деревня барона, и онъ самъ являлся передо мной уже не вдовцомъ....

А. Михайловъ.

ПОПУЛЯРИЗАТОРЫ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХЪ ДОКТРИНЪ.

I.

Въ статьѣ «Времена метафизической аргументаціи» было брошено нѣсколько отрывочныхъ замѣчаній о французской литературѣ XVIII вѣка. Чтобы выяснить и дополнить эти замѣчанія, я постараюсь теперь опредѣлить общій характеръ того великаго умственнаго движенія, которое положило конецъ средневѣковому порядку вещей.

Во время продолжительнаго царствованія Людовика XIV, французы совершенно разучились сопротивляться королевской власти; волненія фронды были забыты; дворянство служило при дворѣ и танцовало минуэты; парламенту было объяснено разъ навсегда, что Людовикъ XIV не король, а государство; галликанская церковь, въ лицѣ своего величайшаго свѣтила, Боссюэ, провозглашала торжественно, что пассивное повиновеніе королю, на перекоръ всему и всѣмъ, наперекоръ папѣ, наперекоръ здравому смыслу и совѣсти, составляетъ самую священную обязанность настоящаго христіанина. Людовикъ XIV, впродолженіи пятидесяти лѣтъ слишкомъ, дѣлалъ все, что ему было угодно. Хотѣлъ тратить милліоны на постройку версальскихъ дворцовъ—и тратилъ; хотѣлъ вести безтолковыя войны—и велъ; хотѣлъ опустошать въ своемъ собственномъ королевствѣ цѣлыя области, населенныя мирными и трудолюбивыми протестантами — и опустошалъ. Словомъ, запрету не было ни въ чемъ, и удовольствія получались самыя разнообразныя. Дѣло короля состояло въ томъ, чтобы выдумывать затѣи и требовать денегъ; это значило, что король заботится о своей славѣ, поощряетъ промышленность и кормитъ бѣдняковъ, доставляя имъ воз-

можность строить фонтанчики и павильончики, плести кружева, дѣлать огромные парики и вышивать золотомъ атласные жилеты и бархатные кафтаны.

Счастливая Франція, осыпаемая впродолженіи многихъ десятковъ лѣтъ такими истинно-королевскими благодѣяніями, преуспѣла до того, что дальше преуспѣвать было уже невозможно. Дальше оставалась одна только голодная смерть. Тѣ люди, на которыхъ лежала обязанность представлять королю деньги по первому востребованію, видѣли, что съ каждымъ годомъ собираніе доходовъ становится болѣе затруднительнымъ, и что этому горю не помогаютъ никакія военныя экзекуціи. Эти люди занимали сами очень теплыя мѣста, и поэтому они вовсе не были расположены ни къ вольнодумству, ни къ сантиментальности; но и этимъ людямъ нельзя было не замѣтить, что все государственное хозяйство идетъ изъ рукъ вонъ дурно, и что рабочія силы націи находятся при послѣднемъ издыханіи. Министры, интенданты, епископы, генеральные откупщики, всѣ чувствовали болѣе или менѣе смутно, что *такъ* нельзя продолжать. Бѣдность была такъ широко распространена, что она мозолила глаза всѣмъ, кромѣ короля, который ограждался отъ непристойныхъ зрѣлищъ постоянными стараніями раззолоченной и улыбающейся придворной толпы. Когда какая-нибудь печальная истина упорно выглядываетъ на свѣтъ изъ каждой прорѣхи существующаго порядка, когда эту истину нельзя замазать никакою штукатуркою, ни офиціальными софизмами, ни бюрократическими палліативами, ни величественнымъ игнорированіемъ, ни внушительною строгостью, тогда, рано или поздно, эта истина высказывается во всеуслышаніе и овладѣваетъ всѣми умами. Чтобы высказать то, что ощущается всѣми, не надо обладать особенною геніальностью; но чтобы заговорить о такомъ предметѣ, о которомъ всѣ думаютъ и о которомъ никто не смѣетъ произнести ни одного слова, надо отличаться отъ другихъ недюжинною любовью къ истинѣ или къ тѣмъ интересамъ, которые страдаютъ отъ общаго молчанія.

При Людовикѣ XIV общеобязательное молчаніе было нарушено тремя тихими и почтительными голосами. О несовершенствахъ господствующей системы заговорили архіепископъ Фенелонъ, маршалъ Франціи Вобанъ и чиновникъ руанскаго суда Буагильберъ. Всѣмъ тремъ демократическія тенденціи были совершенно не по чину, да и не по темпераменту. Всѣ трое хлопотали не о какихъ-нибудь размашистыхъ теоріяхъ, а только о томъ, чтобы у народа не

совсѣмъ были отняты средства питаться, плодиться, работать и платить подати. Самымъ дерзновеннымъ сочиненіемъ Фенелона были «Приключенія Телемака». Но это сочиненіе, уносящее читателя въ Грецію и въ глубокую древность, казалось столь дерзновеннымъ самому автору, что онъ вовсе не считалъ возможнымъ выпускать его въ свѣтъ. Книга эта была напечатана безъ вѣдома автора, который написалъ ее исключительно для своего воспитанника, герцога бургонскаго, внука Людовика XIV. Печатаніе этой книги было остановлено парижскою полиціею и оказалось возможнымъ только въ голландскомъ городѣ Гагѣ. Ядовитость этой ужасной книги состоитъ въ томъ, что она воспѣваетъ добродѣтели и мудрость такихъ благодѣтельныхъ монарховъ, которые не ведутъ разорительныхъ войнъ и не забавляются великолѣпными постройками, а развиваютъ земледѣліе, поощряютъ торговлю и водворяютъ въ народѣ патріархальную простоту нравовъ. Злостность этого памфлета была такъ очевидна, что Людовикъ XIV отнялъ у Фенелона мѣсто воспитателя и запретилъ ему, какъ обличителю и критикану, являться ко двору. Другой конечно за такое неистовство просидѣлъ бы лѣтъ двадцать въ Бастиліи, но Фенелону, при всей его преступности, многое можно было простить за его архіепископское достоинство. Чрезъ три года послѣ исторіи о Телемакѣ, герцогу бургонскому пришлось проѣзжать черезъ городъ Камбре, въ которомъ находилась епископская резиденція Фенелона. Король былъ такъ великодушенъ, что позволилъ герцогу повидаться съ преступнымъ обличителемъ войнъ и построекъ; но такъ какъ герцогъ былъ очень молодъ, а Фенелонъ очень лукавъ и опасенъ, то имъ строго запрещено было оставаться вмѣстѣ безъ свидѣтелей. Такимъ образомъ разрушительная ярость Фенелона была обуздана.

Другимъ разрушителемъ оказался, на старости лѣтъ, знаменитый инженеръ Вобанъ. Основавши на своемъ вѣку тридцать три новыя крѣпости и перестроивши триста старыхъ крѣпостей, Вобанъ долженъ былъ не только изъѣздить всю Францію вдоль и поперекъ, но еще кромѣ того жить, болѣе или менѣе долго, въ различныхъ мѣстностяхъ своего отечества. Онъ внимательно всматривался во все, что его окружало, вездѣ находилъ бѣдность и злоупотребленія, вездѣ подмѣчалъ одни и тѣ же причины народныхъ страданій и наконецъ рѣшился изложить результаты своихъ наблюденій въ политико-экономическомъ трактатѣ, подъ заглавіемъ: «Projet d'une dîme royale» (Проэктъ королевской десятины). Въ этой книгѣ онъ старался доказать, что основная причина народныхъ бѣдствій за-

ключается въ неравномѣрномъ распредѣленіи налоговъ, т. е. въ томъ, что чернь и бѣдняки платятъ безконечно много, а богатые и знатные люди, духовенство, дворянство и чиновничество избавлены отъ всякихъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей. Эту книгу, въ которой привиллегированные тунеядцы были названы *порожденіемъ ехидны*, старый маршалъ представилъ самому королю, съ тѣмъ трогательнымъ и смѣлымъ простодушіемъ, которымъ отличаются только малолѣтніе ребята и геніальные люди. Вобанъ конечно судилъ короля по самому себѣ; и, разумѣется, онъ оказывалъ Людовику XIV слишкомъ много чести. Книгу Вобана запретили, конфисковали и уничтожили. Старикъ не вынесъ этого удара и умеръ чрезъ одиннадцать дней послѣ уничтоженія книги. Умеръ онъ конечно не отъ того, что на него прогнѣвался повелитель Франціи, не отъ того, что этотъ гнѣвъ могъ преградить ему дорогу къ дальнѣйшему повышенію или даже отнять у него тѣ преимущества, которыми онъ пользовался. Вобана сразило то, что онъ принужденъ былъ въ одну минуту жестоко разочароваться. Вѣрованія всей его жизни погибли передъ его глазами. Онъ былъ увѣренъ, что король не знаетъ и что *порожденія ехидны* отводятъ ему глаза отъ народныхъ страданій. И вдругъ оказалось, что король не хочетъ знать и что всѣ *порожденія ехидны* пользуются его сознательнымъ покровительствомъ. Во что же превращались, при такихъ условіяхъ, всѣ труды и всѣ подвиги честнаго патріота и храбраго солдата Вобана? Какой смыслъ получали его триста тридцать три крѣпости, сто сорокъ сраженій и пятьдесятъ три осады? Онъ думалъ прежде, что онъ сражался за свое отечество. Теперь оказывалось, что своими побѣдами онъ усилилъ и возвеличилъ самыхъ опасныхъ враговъ и самыхъ ненасытныхъ грабителей Франціи. Сдѣлавши такое открытіе, молодой человѣкъ круто повернулъ бы въ противуположную сторону всѣ свои мысли и всю свою жизнь. Но такому старику, какъ Вобанъ, оставалось только назвать себя старымъ дуракомъ и умереть, проклиная день и часъ своего рожденія.

Буагильберъ, въ книгѣ своей «Detail de la France sous le règne de Louis XIV» (подробное описаніе Франціи въ царствованіе Людовика XIV), доказывалъ, подобно Вобану, что для спасенія и благосостоянія, государства необходимо равномѣрное распредѣленіе податей. Финансовое искусство, по еретическимъ мнѣніямъ Буагильбера, должно было состоять не въ выжиманіи денегъ всѣми правдами и неправдами, а въ разумномъ возвышеніи производительныхъ

силъ націи. За эти дерзкія умствованія Буагильберъ потерялъ свое мѣсто, но такъ какъ у него была при дворѣ сильная протекція, то его скоро простили и снова опредѣлили къ прежней должности.

Такимъ образомъ королевская власть, въ лицѣ Людовика XIV, получила свое первое предостереженіе слишкомъ за восемдесятъ лѣтъ до начала революціи. Раскаяться и исправиться было еще очень возможно. Впродолженіи всей первой половины XVIII вѣка политическія стремленія самыхъ смѣлыхъ французскихъ мыслителей были чрезвычайно умѣренны. Просвѣщенный и заботливый деспотизмъ, обуздывающій ярость клерикаловъ и расходующій разумнымъ образомъ государственные доходы,—составлялъ вѣнецъ ихъ желаній. Если бы преемники Людовика XIV были похожи на Петра I, или на Фридриха II прусскаго, если бы они понимали необходимость радикальныхъ преобразованій, то вся литература оказалась бы ихъ усердною союзницею. Руссо сталъ бы воспѣвать высокія совершенства феодальной системы, французскій народъ продолжалъ бы гордиться своими вѣрноподданническими чувствами, и революція сдѣлалась бы ненужною и невозможною. Но Филиппъ Орлеанскій и Людовикъ XV хотѣли наслаждаться жизнью, и не умѣли возвыситься до какихъ бы то ни было твердыхъ и опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій. Ихъ ребяческіе капризы, ихъ скандальная бездарность, ихъ самодовольная фривольность доказали наконецъ французамъ, что возлагать все упованіе на добродѣтели и таланты отдѣльной личности—дѣло очень рискованное и неблагоразумное. Людовикъ XIV, Филиппъ Орлеанскій и Людовикъ XV оказались такимъ образомъ самыми замѣчательными популяризаторами отрицательныхъ доктринъ, такими популяризаторами, безъ содѣйствія которыхъ ни Вольтеръ, ни Монтескье, ни Дидро, ни Руссо не нашли бы себѣ читателей, и даже не вздумали бы приняться за свою критическую дѣятельность. Популяризаторская работа Людовика XIV оказалась до такой степени успѣшною, что народъ обезумѣлъ отъ радости, узнавши о его смерти. Конечно никто, кромѣ самого Людовика XIV, не могъ насадить и воспитать такія нѣжныя чувства въ сердцахъ французскаго народа, гордившагося своею пламенною привязанностью къ династіи Бурбоновъ. А безъ этого основного фундамента, заложеннаго самимъ Людовикомъ XIV, развитіе и распространеніе отрицательныхъ доктринъ было бы невозможно. Смѣлые и проницательные мыслители могли бы правда понимать нелогичности и неточности господствующаго міросозерцанія; они могли бы замѣчать неразумность устано-

вившихся междучеловѣческихъ отношеній; но они постоянно чувствовали бы свое одиночество, и врядъ ли даже рѣшились бы дѣлиться съ массою своими непочтительными размышленіями. Масса не стала бы ихъ слушать. Масса заставила бы ихъ молчать, потому что масса очень охотно мирится со всякими несообразностями, если только она къ нимъ привыкла, и если онѣ не причиняютъ ей черезчуръ невыносимой боли. Но такъ какъ французскіе Людовики и Филиппы позаботились о томъ, чтобы эта боль сдѣлалась дѣйствительно невыносимою, то размышленіе, анализъ и отрицаніе оказались настоятельною потребностью для самыхъ обыкновенныхъ умовъ, и масса, вынужденная своими правителями, направилась по-неволѣ къ древу познанія добра и зла.

II.

Открытіе Америки, кругосвѣтное плаваніе Магеллана и астрономическія изслѣдованія Коперника, Кеплера и Галилея показали ясно всѣмъ знающимъ и мыслящимъ людямъ, что мірозданіе устроено совсѣмъ не по тому плану, который рисовали, впродолженіи многихъ столѣтій, папы, кардиналы, епископы и доктора всѣхъ высшихъ схоластическихъ наукъ. Разрывъ между свободною мыслью изслѣдователей и вѣковыми традиціями католицизма и протестантизма былъ очевиденъ, но очевиденъ только для тѣхъ немногихъ людей, которые серьезно посвящали себя научнымъ занятіямъ. Массѣ до этого разрыва не было никакого дѣла, и она продолжала подчиняться традиціямъ, которыхъ несостоятельность была доказана съ математическою точностью. Увлечь массу вслѣдъ за передовыми мыслителями могла только невыносимая боль, причиненная *ей ея* любезными традиціями. Такая боль дѣйствительно явилась къ услугамъ массы, въ видѣ тѣхъ преслѣдованій, которымъ остроумный король Людовикъ XIV вздумалъ подвергнуть протестантовъ въ концѣ XVII вѣка. Всѣ мы конечно слышали слово *драгоннады*, и всѣ мы знаемъ, что этимъ словомъ обозначаются какія-то скверныя штуки, которыя продѣлывались французскими драгунами надъ французскими протестантами. Но далеко не всѣ мы знаемъ, до какихъ предѣловъ простиралась скверность этихъ штукъ. Представьте себѣ, что на мирныхъ и беззащитныхъ гражданъ напускали солдатъ, которымъ было дано право забавляться надъ ними, какъ угодно, лишь бы только эти граждане не умирали на мѣстѣ отъ солдат-

скихъ увеселеній; представьте себѣ далѣе, что тогдашніе солдаты, получивши такія завидныя права, обнаружили остроуміе и тонкую изобрѣтательность краснокожихъ индѣйцевъ, захватившихъ въ плѣнъ злѣйшаго и опаснѣйшаго врага. Что они насиловали женъ и дочерей протестантовъ въ присутствіи родителей и мужей, это уже само собою разумѣется и составляетъ только добродушно-комическую прелюдію ихъ веселыхъ шалостей. Настоящія же шалости были болѣе серьезнаго характера: солдаты втыкали въ упорныхъ еретиковъ булавки съ ногъ до головы, рѣзали ихъ перочинными ножами, рвали носы раскаленными щипцами, вырывали ногти на пальцахъ рукъ и ногъ, лили въ ротъ кипятокъ, ставили ноги въ растопленное сало, которое постепенно доводилось до кипѣнія. «Одного изъ протестантовъ, говоритъ Бокль, по имени Ріо, они крѣпко связали, сжали пальцы на рукахъ, воткнули булавки подъ ногти, жгли порохъ въ ушахъ, проткнули во многихъ мѣстахъ ляшки, и налили уксусу и насыпали соли въ раны». (Т. I стр. 510). Въ это же самое время, такіе же точно эпизоды разыгрывались, по приказанію Іакова II, въ Шотландіи, надъ тамошними пресвитеріанцами. Такія вещи, совершающіяся не въ глухомъ застѣнкѣ, не по приговору судьи, не по правиламъ уголовной практики, а на улицахъ или въ частныхъ домахъ, по свободному вдохновенію пьяныхъ солдатъ,—могли бы произвести очень непріятное впечатлѣніе даже на такую страну, которая была бы сплошь заселена фанатическими и совершенно невѣжественными католиками. Но Франція Людовика XIV уже гордилась своею блестящею литературою, своимъ высоко-развитымъ искусствомъ, своими утонченными и отполированными манерами. Эта Франція была уже достаточно вылечена отъ средневѣковаго фанатизма страданіями междуусобныхъ войнъ и ужасами варѳоломеевской ночи. Отмѣненіе нантскаго эдикта и драгонады не могли быть особенно пріятны даже и для католическаго населенія страны. Протестанты были народъ трудолюбивый, промышленный, торговый и зажиточный; у нихъ было много дѣловыхъ сношеній и связей со всѣмъ промышленнымъ и торговымъ міромъ Франціи; всѣ эти связи должны были вдругъ оборваться; при этомъ конечно многимъ католическимъ купцамъ и фабрикантамъ пришлось ухватиться за карманъ и усомниться въ излишнемъ усердіи великаго короля. Во всей торговлѣ должно было произойдти такое замѣшательство, которое вѣроятно доказало многимъ искреннимъ католикамъ, что фанатическія преслѣдованія ведутъ за собою чувствительныя неудобства.

Вслѣдъ за отмѣненіемъ нантскаго эдикта, полмилліона протестантовъ выселились изъ Франціи. Они бѣжали въ Голландію, въ Швейцарію, въ Пруссію, въ Англію, и даже въ сѣверную Америку. Можно себѣ представить, какое потрясающее впечатлѣніе должны были производить на всѣхъ ближайшихъ сосѣдей Франціи эти длинныя вереницы переселенцевъ, изъ которыхъ многіе были истомлены нуждою и голодомъ, и изъ которыхъ каждый сообщалъ какія-нибудь новыя подробности о разыгравшихся сценахъ угнетенія, грабежа, насилія и мучительства. Въ томъ поколѣніи, которое видѣло этихъ измученныхъ бѣглецовъ, еще были живы страшныя преданія о насиліяхъ и опустошеніяхъ тридцатилѣтней войны; сближая эти свѣжія преданія съ тѣми картинами, которыя развертывались теперь передъ его глазами, всякій лавочникъ, всякій ремесленникъ, всякій простой мужикъ могъ думать, что подвигается новая тридцатилѣтняя война католиковъ съ протестантами. Такой войны не могъ желать ни одинъ здравомыслящій человѣкъ, тѣмъ болѣе, что слѣды этой войны были еще слишкомъ замѣтны на всемъ пространствѣ германской территоріи. Но, глядя на французскихъ изгнанниковъ, каждый неглупый человѣкъ легко могъ сообразить, что война, подобная тридцатилѣтней, будетъ постоянно, какъ дамокловъ мечъ, висѣть надъ Европой, до тѣхъ поръ, пока протестанты и католики не перестанутъ ненавидѣть и преслѣдовать другъ друга. Когда масса была наведена на подобныя мысли живыми и яркими впечатлѣніями дѣйствительной жизни, тогда проповѣдь всеобщей терпимости становилась въ высшей степени умѣстною, и давнишняя борьба передовыхъ мыслителей противъ фанатизма получала возможность увѣнчаться самымъ блистательнымъ успѣхомъ. Мыслители, опираясь на общеизвѣстные факты, могли сказать массѣ громко и торжественно, что ея страданіямъ и преступленіямъ не будетъ конца до тѣхъ поръ, пока не уничтожится въ ея коллективномъ умѣ то основное заблужденіе, изъ котораго развиваются фанатическій энтузіазмъ и фанатическая ненависть. При всей своей ребяческой нѣжности къ основному заблужденію, несогласному съ дознанными законами природы, масса все-таки была расположена терпѣливо слушать серьезныя поученія мыслителей, потому что воспоминанія о тридцатилѣтней войнѣ и блѣдныя лица французскихъ бѣглецовъ поневолѣ наводили массу на непривычныя для нея размышленія. Католическіе и протестантскіе клерикалы, съ своей стороны, старались по мѣрѣ силъ помогать

мыслящимъ проповѣдникамъ терпимости разными мелкими гадостями и прижимками, которыя каждый день напоминали понемногу массѣ о крупныхъ страданіяхъ и преступленіяхъ, вытекающихъ, вмѣстѣ съ фанатизмомъ, изъ основного заблужденія.

Драгоннады одобрялись безусловно самыми блестящими представителями галликанской церкви.

L'illustre Bossuet былъ ревностнымъ и краснорѣчивымъ панегиристомъ этихъ энергическихъ распоряженій. Либералъ и филантропъ Фенелонъ, часто критиковавшій дѣйствія правительства въ письмахъ къ вліятельнымъ лицамъ, во всю свою жизнь не сказалъ ни одного слова противъ преслѣдованія протестантовъ. Подобные факты постоянно вели общество къ тому убѣжденію, что клерикалы давно и навсегда разучились служить дѣлу любви и милосердія, и что ихъ одряхлѣвшая корпорація съ каждымъ годомъ становится болѣе вредною для общественнаго развитія. На этомъ убѣжденіи разсуждающая масса начала сходиться съ передовыми умами. Мыслители замѣтили признаки такого зарождающагося взаимнаго пониманія, и, пользуясь благопріятными условіями времени, заговорили противъ суевѣрія и фанатизма такимъ смѣлымъ и вразумительнымъ языкомъ, какого никогда еще не слыхала Европа.

Въ то самое время, когда Людовикъ XIV безобразничалъ и неистовствовалъ во Франціи, одинъ изъ его вѣрноподданныхъ, протестантъ Пьеръ Бэйль, издавалъ въ Голландіи журналы, книги и брошюры, въ которыхъ общепонятнымъ, живымъ и увлекательнымъ французскимъ языкомъ провозглашалась полная автономія разума и доказывалась совершенная непримиримость его требованій съ духомъ и буквою традиціонныхъ доктринъ. Живя въ свободной странѣ, Бэйль все-таки не могъ высказываться вполнѣ откровенно. Его убѣжденія испугали и оттолкнули бы его современниковъ. Эти убѣжденія пришлись не по вкусу даже Вольтеру. Поэтому Бэйль не вдаваясь въ доматическое изложеніе своихъ собственныхъ идей, ограничивался постоянно вѣжливою, осторожною, но очень остроумною и язвительною критикою тѣхъ понятій, во имя которыхъ сооружались костры и опустошались цвѣтущія области. Тонъ Бэйля отличался обыкновенно почтительностью и смиреніемъ, но въ этой смиренной почтительности слышится для каждаго мыслящаго читателя бездонная глубина сомнѣнія и отрицанія. Бэйль высказывалъ не все, что думалъ; но даже и то, что онъ высказывалъ, бывало иногда изумительно смѣло. Такъ, напримѣръ, уже

въ 1682 году, онъ утверждалъ печатно, что невѣріе лучше суевѣрія; поэтому онъ требовалъ отъ государства неограниченной терпимости даже и для крайнихъ еретиковъ. Это требованіе повторялось не разъ въ его брошюрахъ, написанныхъ по поводу преслѣдованія французскихъ протестантовъ. Далѣе, тотъ же неустрашимый мыслитель задавалъ себѣ и обсуживалъ съ разныхъ сторонъ вопросъ: можетъ ли существовать государство, составленное изъ атеистовъ? На этотъ вопросъ Бэйль не даетъ прямого отвѣта, но весь процессъ его доказательствъ, очевидно, клонится къ тому результату, что нравственность можетъ существовать независимо отъ культа. — Эти мысли Бэйля остаются очень смѣлыми даже и для нашего времени. Въ журналѣ Бэйля «Nouvelles de la rèpublique des lettres,» забавлялся иногда анти-клерикальными шалостями остроумный писатель Фонтенель. Въ 1686 году, въ то самое время, когда французскіе протестанты терпѣли жестокое преслѣдованіе, въ журналѣ Бэйля появилась сатирическая аллегорія Фонтенеля, въ которой осмѣивался весь споръ католиковъ съ протестантами. «Письмо, говоритъ Геттнеръ, писанное будто бы въ Батавіи, разсказываетъ, что на островѣ Борнео спорили о престолонаслѣдіи двѣ сестры: Меро (Mero, Rome) и Энегъ (Enégue, Genéve), т. е. католицизмъ и протестантизмъ. Меро признана была безъ затрудненія, но скоро невыносимымъ гнетомъ и притѣсненіями оттолкнула отъ себя всѣ болѣе свободные умы; всѣ подданные должны были сообщать ей самыя тайныя свои мысли, приносить ей всѣ свои деньги; высшая милость, которую оказывала королева, было цѣлованіе ноги, но прежде, чѣмъ ихъ допускали къ этому, они должны были преклониться передъ костями умершихъ любимцевъ. Тогда выступила новая королева, Энегъ. Она уничтожаетъ всѣ эти жестокія нововведенія, требуетъ себѣ престола, называетъ себя настоящею дочерью недавно умершей королевы и доказываетъ эти притязанія своимъ сходствомъ съ матерью, между тѣмъ какъ Меро съ своей стороны сильно заботилась о томъ, чтобы скрывать и подмѣнивать портреты матери.» — Въ томъ же 1686 году, появилась книга Фонтенеля: «Entretiens sur la pluralitè des mondes» (Разговоры о множествѣ міровъ). Эта книга развивала въ популярной формѣ тѣ самыя мысли, за которыя въ началѣ XVII столѣтія сгорѣлъ на кострѣ Джіордано Бруно. Фонтенель старался провести въ сознаніе всего читающаго общества астрономическія открытія Коперника и философскія идеи о природѣ,

созданныя творческою фантазіею Декарта. Тутъ, разумѣется, было объяснено подробно, что неподвижныя звѣзды—не лампады, прицѣпленныя къ небесному своду для освѣщенія земли, а великіе центры самостоятельныхъ планетныхъ системъ, составленныхъ изъ такихъ небесныхъ тѣлъ, на которыхъ, по всей вѣроятности, развивается своя собственная, богатая и разнообразная органическая жизнь. Эта мысль, за которую римская инквизиція сожгла Джіордано Бруно, очень благополучно сошла съ рукъ Фонтенелю, не смотря на то, что его книга, изданная при Людовикѣ XIV, произвела на читающую публику сильное впечатлѣніе и понравилась даже легкомысленнымъ свѣтскимъ людямъ, совершенно неспособнымъ къ серьезнымъ умственнымъ занятіямъ. Въ 1687 году Фонтенель издалъ «Исторію оракуловъ,» въ которой онъ разбиралъ хитрости языческихъ жрецовъ, стараясь при этомъ навести читателя на разныя поучительныя размышленія о современной дѣйствительности. Хранители общественной нравственности поняли наконецъ, куда клонятся литературныя забавы Фонтенеля. Тутъ всплыла на верхъ и аллегорія о двухъ царицахъ острова Борнео. Ключъ къ ея пониманію отыскался, и Фонтенелю было поставлено на видъ, что его ожидаетъ Бастилья. Фонтенель тотчасъ же раскаялся, исправился, сталъ изливать на іезуитовъ потоки хвалебныхъ стихотвореній и съ тѣхъ поръ навсегда пересталъ огорчать хранителей общественной непорочности. За такое благонравіе Фонтенель сподобился прожить на свѣтѣ сто лѣтъ. Онъ умеръ въ 1757 году, когда Вольтеръ уже господствовалъ надъ общественнымъ мнѣніемъ всей Европы.

III.

Людовикъ XIV умеръ въ 1715 году. Вольтеру было въ это время съ небольшимъ двадцать лѣтъ, и онъ уже былъ на столько извѣстенъ въ парижскомъ обществѣ своею язвительностью, что, когда по рукамъ стала ходить рукописная сатира противъ покойнаго короля,—эта сатира была приписана Вольтеру, который впрочемъ былъ совершенно неповиненъ въ ея сочиненіи. За это мнимое преступленіе Вольтеръ попалъ на годъ въ Бастилью. Въ 1726 году Вольтеръ еще разъ посидѣлъ въ Бастильѣ за ссору съ шевалье де-Роганомъ, который впрочемъ былъ самъ кругомъ виноватъ и вообще дѣйствовалъ въ отношеніи къ Вольтеру самымъ безчестнымъ

и позорнымъ образомъ. Второе заключеніе Вольтера продолжалось недолго: по словамъ Бокля—полгода, а по мнѣнію Геттнера—всего двѣнадцать дней. Кто изъ нихъ правъ, Бокль или Геттнеръ, этого я не знаю, да это и не важно. Если мы примемъ цифру Бокля, какъ болѣе крупную, то и тогда окажется, что Вольтеръ, прожившій на свѣтѣ почти 84 года и сражавшійся съ самыми сильными человѣческими предразсудками слишкомъ 60 лѣтъ, просидѣлъ въ тюрьмѣ всего полтора года, да и то по такимъ причинамъ, которыя съ его литературною дѣятельностью не имѣютъ ничего общаго. Этими двумя ничтожными заключеніями ограничиваются всѣ враждебныя столкновенія Вольтера съ предержащими властями. Вся остальная жизнь его протекла весело, спокойно, въ почетѣ и въ довольствѣ. Онъ велъ переписку почти со всѣми европейскими государями, въ томъ числѣ и съ папами. Онъ со всѣхъ сторонъ получалъ пенсіи и знаки отличія. Онъ былъ gentilhomme ordinaire de la chambre du Roi; каммергеромъ Фридриха Великаго, официальнымъ исторіографомъ Франціи и членомъ французской академіи. Онъ пускался во всякія спекуляціи, игралъ на биржѣ, принималъ участіе въ государственныхъ займахъ и поставкахъ для войска; онъ хитрилъ, барышничалъ, кляузничалъ и даже мошенничалъ. Онъ нажилъ и сохранилъ большое состояніе. Онъ дошелъ до такихъ извѣстныхъ степеней, которымъ могъ бы позавидовать даже Молчалинъ. И при всемъ томъ онъ постоянно оставался Вольтеромъ, тѣмъ неутомимымъ бойцомъ, тѣмъ великимъ публицистомъ, который не имѣетъ себѣ равнаго въ исторіи, и котораго имя до сихъ поръ наводитъ на всѣхъ европейскихъ піетистовъ самый комическій ужасъ. — Какимъ образомъ могъ Вольтеръ гоняться за двумя зайцами и успѣшно ловить ихъ обоихъ? Какимъ образомъ могъ онъ въ одно и то же время стоять во главѣ философской оппозиціи и пользоваться милостивымъ расположеніемъ всѣхъ высшихъ начальствъ?—Это замѣчательное явленіе, которое теперь сдѣлалось уже навсегда невозможнымъ, объясняется, по моему крайнему разумѣнію, только тѣмъ обстоятельствомъ, что сила человѣческой мысли и возможныя послѣдствія умственнаго движенія были въ то время еще очень мало извѣстны всѣмъ начальствующимъ лицамъ и корпораціямъ.

Правители XVIII вѣка, подобно средневѣковымъ государямъ и папамъ, не боялись мысли и преслѣдовали оппозиціонныхъ мыслителей, не какъ нарушителей общественнаго спокойствія, а какъ нахаловъ, осмѣливающихся думать и говорить дерзости. Наказанія

клонились совсѣмъ не къ тому, чтобы предотвратить вредъ, могущій произойдти отъ дѣятельности писателя; объ этомъ вредѣ никто и не думалъ. Какой, дескать, вредъ можетъ сдѣлать ничтожный и голодный прохвостъ, марающій бумагу для того, чтобы заработать нѣсколько грошей на хлѣбъ и на дрова. Наказанія имѣли только тотъ смыслъ, что, молъ, не смѣй ты, бестія и прощалыга, соваться съ твоими глупыми разсужденіями туда, гдѣ тебя не спрашиваютъ. Наказанія были мщеніемъ за дерзость, и поэтому обусловливались исключительно силою того гнѣва, которымъ обуревалась важная особа, имѣющая власть карать и миловать. Вслѣдствіе этого, самою опасною была для писателей именно та отрасль литературы, которая была всего ничтожнѣе, и всего менѣе могла дѣйствовать на общественную жизнь въ какомъ бы то ни было направленіи. Всего больнѣе доставалось сочинителямъ сатиръ или пасквилей, направленныхъ противъ отдѣльныхъ личностей. Напишите вы, напримѣръ, игривые стишки о томъ, что дворецкій маркиза А обладаетъ сизымъ носомъ и толстымъ брюхомъ—васъ почти навѣрное засадятъ въ тюрьму, потому что маркизъ А сочтетъ себя оскорбленнымъ въ лицѣ своего любимаго лакея, и, пылая благородною амбиціею, непремѣнно выхлопочетъ на ваше имя lettre de cachet. Попробуйте же вы, напротивъ того, не затрогивая брюха и носа, самымъ осязательнымъ образомъ перевернуть вверхъ дномъ вашею книгою всѣ господствующія въ офиціальныхъ сферахъ понятія о юстиціи, о финансовомъ управленіи, о сословныхъ отношеніяхъ, о международномъ правѣ, о какомъ нибудь другомъ предметѣ первостепенной важности—и опасность окажется для васъ гораздо менѣе значительною, чѣмъ въ первомъ случаѣ. Если же вамъ желательно, чтобы эта опасность уменьшилась до нуля, то сдѣлайте вотъ что: посвятите вы вашу книгу тому самому начальствующему лицу, котораго идеи вы подвергаете самой разрушительной критикѣ; кромѣ того разсыпьте въ вашемъ введеніи и въ примѣчаніяхъ множество самыхъ восторженныхъ и самыхъ голословныхъ комплиментовъ всѣмъ тѣмъ сильнымъ особамъ, которыхъ систему вы отрицаете на-повалъ. Книга ваша пройдетъ тогда совершенно безпрепятственно. Всѣ вліятельныя лица скажутъ, что ваши идеи конечно довольно опрометчивы, но что вы сами человѣкъ благовоспитанный, скромный и почтительный, и что слѣдовательно нѣтъ никакой надобности огорчать васъ запрещеніемъ вашей книги или препровожденіемъ вашей особы въ Бастилью.

Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ человѣческія общества, и

вплоть до самаго XVIII вѣка, литература считалась постоянно забавою, очень тонкою и благородною, пожалуй даже возвышенною, но совершенно лишенною всякаго серьезнаго значенія, политическаго или общественнаго. Писатель могъ быть художникомъ или мудрецомъ, но въ глазахъ дѣловыхъ людей онъ всегда оставался балясникомъ, кривляющимся для собственнаго удовольствія и потѣхи публики. Литература стояла на одной доскѣ съ музыкой, живописью и скульптурой. Она могла украшать жизнь фешенебельнаго общества, но никто не повѣрилъ бы, что она можетъ отливать эту жизнь въ совершенно новыя формы.

Въ XVIII столѣтіи чтеніе сдѣлалось насущною потребностью для тѣхъ классовъ общества, которые распоряжаются судьбою народовъ. Тотъ матеріалъ, которымъ удовлетворяется эта новая потребность, получилъ очень важное значеніе. Фабриканты этого матеріала сдѣлались изготовителями общественнаго мнѣнія. Книги, журналы и газеты образовали между тысячами и десятками тысячъ индивидуальныхъ умовъ такую тѣсную и крѣпкую связь, которая до того времени была невозможна и немыслима. Съ тѣхъ поръ, какъ народилось на свѣтъ невиданное диво—общественное мнѣніе цѣлой націи, цѣлой большой страны—съ этихъ поръ, говорю я, писатели сдѣлались для европейскихъ обществъ тѣмъ, чѣмъ были для крошечныхъ греческихъ республикъ ораторы.

«Я думаю, говорилъ въ нижней палатѣ членъ англійскаго парламента, Данверзъ, я думаю, Великобританіею управляетъ власть, о верховномъ преобладаніи которой до сихъ поръ не было слышно ни въ какой вѣкъ, ни въ какой странѣ. Власть эта, сэръ, не состоитъ въ неограниченной волѣ одного государя, ни въ силѣ войска, ни во вліяніи духовенства,—это также и не власть юбокъ; это власть печати, сэръ. Матеріалъ, которымъ наполняются наши еженедѣльныя газеты, читаются съ бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ акты парламента; а мнѣніе каждаго изъ этихъ писакъ имѣетъ въ глазахъ толпы больше значенія, чѣмъ мнѣніе лучшихъ политическихъ людей королевства.» Эти слова были произнесены въ 1738 году, и Бокль говоритъ, что это — самое раннее указаніе на возникающую власть печати, которая въ первый разъ во всемірной исторіи сдѣлалась выразительницею общественнаго мнѣнія. Въ половинѣ XVIII вѣка, Малербъ, директоръ департамента по дѣламъ печати, вступая во французскую академію, говорилъ такъ: «литература и философія теперь снова завоевали себѣ ту свободу, какую онѣ имѣли въ древней Греціи; *онѣ даютъ народамъ законо-*

дателей; благородное одушевленіе овладѣло всѣми умами; пришло время, когда каждый, способный мыслить и писать, *чувствуетъ себя обязаннымъ направить свои мысли къ общему благу.*» Академическія рѣчи всегда переполняются общими мѣстами, пріятными для слушателей, для правительства, для академіи и для всѣхъ вообще присутствующихъ и отсутствующихъ, живыхъ и умершихъ. Поэтому-то именно слова Малерба и должны имѣть въ нашихъ глазахъ особенную знаменательность. Если та мысль, что литература и философія *даютъ народамъ законодателей,* сдѣлалась общимъ мѣстомъ, очень приличнымъ въ офиціальной академической рѣчи, произнесенной важнымъ и солиднымъ чиновникомъ, начальникомъ французской печати, то, разумѣется, взглядъ на писателей какъ на милыхъ забавниковъ окончательно смѣнился тѣмъ серьезнымъ взглядомъ, вслѣдствіе котораго каждый мыслящій писатель *чувствуетъ себя обязаннымъ направить свои мысли къ общему благу.* Если же мы воротимся назадъ, не очень далеко, всего только къ эпохѣ Людовика XIV, то мы увидимъ, что литература все еще продолжаетъ забавлять публику, (divertir le public, какъ говоритъ о самомъ себѣ Пьеръ Корнель) и ни о какомъ общемъ благѣ не смѣетъ подумать. Кто стоитъ на первомъ планѣ во французской литературѣ XVII вѣка? Корнель, Расинъ, Буало, Мольеръ. За какія заслуги? За чувствительныя трагедіи, за веселыя комедіи, за ничтожныя сатиры, и преимущественно за чистоту языка и за изящество стиховъ. Правда, что въ *Тартюфѣ* Мольера можно уже замѣтить отдаленный пророческій намекъ на будущую роль литературы. Кто стоитъ на первомъ планѣ во французской литературѣ XVIII вѣка? Вольтеръ, Монтескье, Дидро, Руссо, Гельвецій, Бомарше. За что? За такія произведенія, которыя затрогиваютъ съ разныхъ сторонъ самые важные и глубокіе вопросы міросозерцанія частной нравственности и общественной жизни. Ясно, стало быть, что перемѣна совершилась именно на рубежѣ двухъ столѣтій, XVII и XVIII. Впечатлѣніе, произведенное книгами Фонтенеля и журналами Бэйля, можетъ считаться поворотнымъ пунктомъ въ великомъ превращеніи литературы изъ милой забавы въ серьезное дѣло. Такъ какъ дѣятельность Вольтера и его ближайшихъ преемниковъ вплоть до 1789 года была первымъ яркимъ проявленіемъ серьезной и вліятельной литературы, превратившейся въ общественную силу, то, разумѣется, отношенія этой дѣятельности къ тогдашнимъ властямъ были еще очень неясны, неопредѣлены и подвержены многимъ колебаніямъ. Власти видѣли, что народилась на

свѣтъ новая сила, но онѣ еще не знали, что это за сила, и чего отъ нея можно ожидать, и до какихъ размѣровъ можетъ дойдти ея развитіе, и какимъ образомъ слѣдуетъ съ нею обращаться. Власти смотрѣли на возрастающую силу литературы не со страхомъ, а скорѣе съ любопытствомъ и даже съ тщеславнымъ удовольствіемъ. Властямъ было пріятно видѣть, что подъ ихъ господствомъ плодятся такія чудеса, о которыхъ прежнія времена не имѣли понятія. Въ простотѣ души своей, тогдашнія власти играли съ великими идеями также весело и беззаботно, какъ невинные дѣти могутъ играть съ заряженными пистолетами. Конечно иногда задавались писателямъ сильныя острастки, но именно эти-то острастки и обнаруживаютъ всю невинность и беззаботность тогдашнихъ властей; въ этихъ острасткахъ не было ничего систематическаго; онѣ давались отъ полноты начальственной досады и для проявленія начальственнаго величія; ихъ можно было всегда предотвратить выраженіями покорности и благовоспитанности, а также вліяніемъ личныхъ связей и сильныхъ протекцій. Словомъ, замѣчая совершенно новое положеніе литературы, тогдашнія власти, по старой привычкѣ, все-таки продолжали обходиться съ этою обновившеюся литературою такъ, какъ взбалмошная барыня обходится съ комнатною собачкою. У тогдашнихъ властей не хватало характера и послѣдовательности ни на то, чтобы обольстить и усыпить писателей постоянною любезностью, ни на то, чтобы запугать и раздавить ихъ желѣзною строгостью. Поэтому писатели очень сильно ненавидѣли правительство, и очень мало боялись его. Бокль съ большимъ негодованіемъ говоритъ о тѣхъ преслѣдованіяхъ, которымъ подвергалась въ прошломъ столѣтіи французская литература. Такое негодованіе какъ нельзя болѣе понятно со стороны англійскаго радикала, для котораго неограниченная свобода печати сдѣлалась насущною потребностью организма. Но отъ глубокомысленнаго историка, подобнаго Боклю, имѣемъ право ожидать и требовать болѣе объективнаго взгляда на дѣло. Если мы просто будемъ сравнивать положеніе современныхъ писателей съ положеніемъ писателей прошлаго столѣтія, то мы найдемъ быть можетъ, что положеніе первыхъ почетнѣе и безопаснѣе. Но если мы вслѣдствіе этого выведемъ заключеніе, что положеніе литературы съ прошлаго столѣтія улучшилось, и что мы должны сокрушаться надъ жестокими страданіями нашихъ предшественниковъ, то мнѣ кажется, что мы сдѣлаемъ ошибку. Какъ граждане болѣе благоустроенныхъ государствъ, современные европейцы дѣйствительно счастливѣе своихъ

дѣдовъ; но какъ писатели, современные европейцы встрѣчаютъ себѣ больше препятствій и терпятъ больше преслѣдованій. Сравните общіе уголовные законы и уголовное судопроизводство прошлаго столѣтія съ общими уголовными законами и уголовнымъ судопроизводствомъ нашего времени. Вы найдете громадную разницу: съ одной стороны пытка и мучительныя смертныя казни; съ другой стороны, почти полное отмѣненіе простой смертной казни, пенитенціарная тюрьма и судъ присяжныхъ. Положимъ, что пенитенціарная система не Богъ знаетъ какое совершенство, но во всякомъ случаѣ гораздо удобнѣе сидѣть въ тюрьмѣ, чѣмъ умирать на колесѣ или на кострѣ. Кромѣ того гораздо удобнѣе защищаться передъ присяжными, чѣмъ давать показанія въ застѣнкѣ. Значитъ, улучшеніе есть и значительное. Спросите же вы теперь, распространяется ли это улучшеніе на писателей? То есть, задайте себѣ два вопроса: поступали ли съ писателями XVIII вѣка по всей строгости тогдашнихъ уголовныхъ законовъ? и поступаютъ ли съ теперешними писателями по всей строгости теперешнихъ уголовныхъ законовъ? На первый вопросъ исторія XVIII вѣка отвѣтитъ вамъ: нѣтъ. На второй вопросъ, современная дѣйствительность отвѣтитъ вамъ: да. Съ теперешними писателями обращаются точно также, какъ съ теперешними обыкновенными преступниками. Съ писателями XVIII вѣка, напротивъ того, обращались гораздо деликатнѣе и гуманнѣе, чѣмъ съ тогдашними обыкновенными преступниками. Значитъ положеніе писателей, а слѣдовательно и литературы, ухудшилось съ прошлаго столѣтія, хотя въ то же время всякому человѣку, писателю и не писателю, жить удобнѣе въ XIX вѣкѣ, чѣмъ въ XVIII. Жить удобнѣе, но писать труднѣе. При этомъ, разумѣется, Англію не возможно принимать въ разсчетъ, потому что въ Англіи писатель, какъ писатель, не можетъ сдѣлаться преступникомъ и не имѣетъ никакого отношенія къ уголовнымъ законамъ. Бокль собралъ много примѣровъ тѣхъ жестокихъ преслѣдованій, въ которыхъ онъ обвиняетъ французскихъ администраторовъ прошлаго столѣтія. Въ чемъ же состоятъ эти преслѣдованія? Въ томъ, что сочиненіе конфискуется или сжигается par la main du bourreau (рукою палача), авторъ сажается въ крѣпость въ тюрьму. На долго ли по крайней мѣрѣ сажается? Лѣтъ на тридцать или двадцать? Увы, нѣтъ! Всего чаще на нѣсколько мѣсяцевъ. Былъ ли хоть одинъ изъ тогдашнихъ писателей сожженъ, колесованъ, повѣшенъ, или по крайней мѣрѣ сосланъ на галеры. Подвергался ли хоть одинъ писатель пыткѣ? Ни одинъ. А между тѣмъ, пытка была

тутъ какъ нельзя болѣе умѣстна. Большая часть самыхъ знаменитыхъ и смѣлыхъ книгъ выходила тогда въ свѣтъ безъ имени автора, и авторъ въ случаѣ переполоха обыкновенно отрекался отъ своего сочиненія. Вотъ тутъ-то бы и слѣдовало вывертывать ему руки и сокрушать ноги для полученія чистосердечнаго признанія.

Если бы въ XVIII столѣтіи смотрѣли на литературу такъ же сурово, какъ смотрятъ на нее въ XIX, то многимъ энциклопедистамъ пришлось бы побывать въ застѣнкѣ.

Самое строгое наказаніе, обрушившееся въ прошломъ столѣтіи на французскаго писателя, изображено у Бокля слѣдующимъ образомъ: «Де-Форжъ, напримѣръ, писавшій противъ ареста претендента на англійскій престолъ, былъ только за это заключенъ на три года въ подземелье, имѣвшее 8 квадратныхъ футовъ.» (Т. I стр. 554) А въ примѣчаніи добавлена та подробность, что свѣтъ доходилъ къ преступнику только сквозь разщелину церковной лѣстницы.» По нашему теперешнему масштабу это очень сильно, но по тогдашнему масштабу это сущіе пустяки. Латюдъ высидѣлъ больше двадцати лѣтъ въ разныхъ тюрьмахъ единственно за то, что, желая пріобрѣсти себѣ протекцію маркизы де-Помпадуръ, пустилъ въ ходъ очень плоскую и непскусную мистификацію. Нѣкоторыя изъ тюремъ Латюда были не лучше того подземелья, въ которомъ сидѣль де-Форжъ. — Драматическій писатель Фаваръ былъ посаженъ въ крѣпость за то, что его жена, актриса Шантильи, не хотѣла сдѣлаться любовницею Морица Саксонскаго. Долго-ли онъ просидѣлъ, этого я не знаю, но ужь и то достаточно выразительно, что его посадили за такую провинность. Наконецъ, надобно еще замѣтить, что lettres de cachet (приказы объ арестованіи) для нѣкоторыхъ важныхъ особъ составляли предметъ выгодной торговли. За извѣстную сумму денегъ можно было получить бланкъ, и написать на немъ имя того лица, которое, по соображеніямъ покупщика, должно было переселиться въ Бастилью. Однажды случилось, что двое супруговъ смертельно надоѣли другъ другу; обѣ заинтересованныя стороны отправились хлопотать о lettres de cachet, и обѣ достигли своей цѣли, такъ что мужа посадили въ тюрьму по ходатайству жены, а жену походатайству мужа. Ясное дѣло, что личная свобода гражданъ ставилась ни во что. Человѣка сажали въ тюрьму, человѣка забывали въ тюрьмѣ на десятки лѣтъ; власти забывали даже, за что былъ посаженъ человѣкъ,—и никто не находилъ этого особенно удивительнымъ. Но мало-мальски извѣстный и замѣчательный писатель не могъ быть такимъ обра-

зомъ забытъ и заброшенъ. Его помнили, объ немъ хлопотали, его вытаскивали на свободу. Словомъ, въ тогдашнемъ обществѣ, въ которомъ было сносно жить только привиллегированнымъ классамъ, писательство было знакомъ отличія, дававшимъ нѣкоторыя льготы и преимущества. Чѣмъ самостоятельнѣе и смѣлѣе былъ писатель, тѣмъ значительнѣе была его извѣстность, и тѣмъ бережнѣе обходились съ нимъ власти, потому что онъ въ ихъ глазахъ получалъ значеніе аристократа. Все это происходило, разумѣется, отъ неопытности властей, но именно вслѣдствіе этой неопытности офиціальныхъ дѣятелей Вольтеръ имѣлъ возможность вести свою пропаганду подъ покровительствомъ важныхъ особъ, охранявшихъ общественную нравственность.

Кому дороги результаты вольтеровской дѣятельности, тотъ не долженъ ставить Вольтеру въ упрекъ его хитрости, ухаживанія и заискиванія. Всѣ эти маневры помогали успѣху главнаго дѣла; сгибаясь часто въ дугу, вмѣсто того, чтобы драпироваться въ мантію маркиза Позы, Вольтеръ въ то же время никогда не упускалъ изъ виду единственной цѣли своей жизни. Онъ льстилъ своимъ высокимъ покровителямъ и превращалъ ихъ въ свои орудія. Вольтеръ былъ достаточно мелоченъ, чтобы искать знаковъ отличія и тщеславиться ими, но его страстная любовь къ идеѣ была такъ сильна, эта любовь такъ безраздѣльно господствовала надъ всѣми его поступками, что онъ невольно, по непреодолимому влеченію и безъ малѣйшей борьбы обращалъ на служенье своей идеѣ всѣ связи и протекціи, которыя ему удавалось пріобрѣтать.—Никому изъ высокихъ покровителей Вольтера даже и не приходило въ голову, чтобы существовала какая нибудь возможность подкупить или обезоружить Вольтера, и отвлечь его ласками или почестями отъ той смертельной борьбы, которую онъ велъ противъ клерикализма. Кто покровительствовалъ Вольтеру, тотъ самъ становился подъ его знамя, подчинялся его могуществу и обязывался, по меньшей мѣрѣ, не мѣшать распространенію раціонализма. Въ мірѣ мысли, Вольтеръ не дѣлалъ никому ни малѣйшей уступки, да никто не осмѣливался и требовать отъ него такихъ уступокъ. За то, въ своихъ пріемахъ и аллюрахъ, Вольтеръ былъ гибокъ и эластиченъ, какъ хорошо закаленная стальная пружина. Въ своей частной жизни, онъ готовъ былъ разыгрывать безпрекословно всѣ тѣ комедіи, которыхъ могло потребовать отъ него окружающее общество. Эта эластичность и гибкость составляетъ одну изъ основныхъ причинъ и изъ важнѣйшихъ сторонъ его значенія. Именно это умѣнье не тратить

силъ на мелочи и не раздражать окружающихъ людей изъ-за пустяковъ доставило его пропагандѣ неотразимое могущество и безпримѣрное распространеніе. На массу робкихъ и вялыхъ умовъ, которые вездѣ и всегда рѣшаютъ дѣло въ качествѣ хора и черноземной силы, дѣйствовало чрезвычайно успокоительно и ободрительно то обстоятельство, что антиклерикальныя идеи проповѣдуются не какимъ нибудь чудакомъ, сорванцомъ или сумасбродомъ, а солиднымъ и важнымъ бариномъ, господиномъ Вольтеромъ, отлично устроивающимъ свои дѣлишки и ведущимъ дружбу съ самыми знатными особами во всей Европѣ. Поэтому нельзя не отдать должной дани уваженія даже и тому чичиковскому элементу, который безспорно занимаетъ въ личности Вольтера довольно видное мѣсто. Чтобы имѣть какое нибудь серьезное значеніе, пропаганда Вольтера должна была адресоваться не къ лучшимъ людямъ, не къ избраннымъ умамъ, а ко всему читающему обществу, ко всему грамотному стаду, ко всевозможнымъ дубовымъ и осиновымъ головамъ, ко всевозможнымъ картофельнымъ и тѣстообразнымъ характерамъ. Всей этой толпѣ надо было говорить впродолженіи многихъ лѣтъ: ослы, перестаньте же вы наконецъ лягать другъ друга въ рыло за такіе пустяки, которыхъ вы сами не понимаете и которыхъ никогда не понимали ваши руководители! — Принимаясь за такое дѣло, стараясь вразумить такихъ слушателей, надо было запастись колоссальнымъ терпѣніемъ и затѣмъ пустить въ ходъ всѣ средства, способныя вести къ успѣху, всѣ безъ исключенія, бѣленькія, сѣренькія и черненькія. Однимъ изъ самыхъ могущественныхъ средствъ была наружная благонадежность и сановитость господина Вольтера. Надо было пріобрѣсти эту внушительную сановитость во что бы то ни стало, хотя бы даже отъ этого произошелъ большой ущербъ для идеальной чистоты характера. Вольтеру это пріобрѣтеніе не стоило большого труда, потому что характеръ его никогда не отличался идеальной чистотою. Этотъ пронырливый характеръ, соединенный съ бойкимъ, острымъ, неутомимымъ, но очень не глубокимъ умомъ, былъ превосходно приноровленъ къ той задачѣ, за которую взялся Вольтеръ. Съ одной стороны, живой умъ, пристрастившійся на всю жизнь къ одной, очень не хитрой идеѣ, спасалъ Вольтера отъ той тины, въ которую тянулъ его чичиковскій элементъ характера; съ другой стороны, чичиковскій элементъ предохранялъ Вольтера отъ смѣшного и вреднаго для общаго дѣла донъ-кихотства, которое могло развиться изъ необузданной любви къ идеѣ. Такимъ образомъ Вольтеру удалось

соблюдать постоянно ту золотую умѣренность, которую презираетъ и отвергаетъ могучій творческій геній, но которая съ неотразимою силою привлекаетъ къ себѣ умы и сердца респектабельной буржуазіи, стоявшей въ то время на-очереди, и составлявшей собою громадную аудиторію знаменитаго популяризатора.

IV.

Геттнеръ очень сильно нападаетъ на Вольтера за различныя проявленія его уклончивости. «И что наконецъ сказать о томъ, спрашиваетъ онъ въ пылу добродѣтельнаго волненія,—что онъ всегда, если приходила опасность, дерзко и лживо отказывался отъ своихъ книгъ, вмѣсто того, чтобы честно и мужественно признавать ихъ своими? 13 Августа 1763 Вольтеръ пишетъ къ Гельвецію: не нужно никогда ставить своего имени; я не написалъ даже и Pucelle. —И этой коварной лживостью онъ пользуется всегда съ изобрѣтательностью не слишкомъ завидной.»

Добродѣтельное негодованіе Геттнера смѣшно до послѣдней степени. Послѣ этого остается только ругать подлецомъ того цыпленка, который съ *коварной лживостью* улепетываетъ отъ повара, вмѣсто того, чтобы *честно и мужественно* стремиться въ его объятія. Конечно поваръ былъ бы очень доволенъ *честностью* и *мужествомъ* добродѣтельнаго цыпленка, но трудно понять, какую бы эта *честность* и это *мужество* могли принести пользу, во-первыхъ, пернатому Аристиду, а во-вторыхъ, всей его цыплячьей породѣ. Положимъ, что Вольтеръ исполнилъ бы желанія Геттнера и признался бы *честно и мужественно* въ своихъ литературныхъ грѣхахъ. Что же бы изъ этого вышло? Вольтера засадили бы въ Бастилію. Кому же бы это было выгодно, философамъ или іезуитамъ? Развѣ вольтеріанцы разгромили бы Бастилію, освободили бы своего предводителя? Ни чуть не бывало. Вольтеръ просидѣлъ бы въ каморкѣ нѣсколько мѣсяцевъ, разстроилъ бы свое здоровье и потратилъ бы даромъ то время, которое онъ могъ бы употребить на дальнѣйшее преслѣдованіе клерикаловъ. И все это только для того, чтобы лишній разъ удивить парижскую полицію *честностью и мужествомъ*. Нечего сказать: цѣль великая и достойная!

Герои свободной мысли такъ недавно выступили на сцену всемірной исторіи, что до сихъ поръ еще не установлена та точка зрѣнія, съ которой слѣдуетъ оцѣнивать ихъ поступки и характе-

ры. Историки все еще смѣшиваютъ этихъ людей съ бойцами и мучениками супранатурализма. Вольтера судятъ такъ, какъ можно было бы судить, напримѣръ, Іоанна Гусса. Когда Вольтеръ уклоняется отъ той чаши, которую Гуссъ спокойно и смѣло выпиваетъ до дна, тогда Вольтера заподозриваютъ и обвиняютъ въ недостаткѣ мужества и честности. Это совершенно несправедливо. Утилитариста невозможно мѣрять тою мѣркою, которая прикладывается къ мистику. Для Гусса отречься отъ своихъ идей значило отказаться отъ вѣчнаго блаженства, и кромѣ того потянуть за собою въ геенну огненную тысячи слабыхъ людей, которыхъ отреченіе Гусса сбило бы съ толку и поворотило бы назадъ къ заблужденіямъ папизма. Поэтому Гуссу былъ чистѣйшій разсчетъ идти на костеръ, повторяя тѣ формулы, которыя онъ считалъ истинными и спасительными. Для Вольтера напротивъ того важно было только то, чтобы его идеи западали какъ можно глубже въ умы читателей, и распространялись въ обществѣ какъ можно быстрѣе и шире. Хорошо. Книга напечатана, раскуплена и прочтена. На книгѣ нѣтъ имени автора, а между тѣмъ она производитъ сильное впечатлѣніе. Значитъ, дѣйствуютъ сами идеи, не нуждаясь въ томъ обаяніи, которое было бы имъ придано именемъ извѣстнаго писателя. Только такое дѣйствіе и соотвѣтствуетъ вполнѣ цѣли и направленію вольтеровской пропаганды. Эта пропаганда должна была пріучить людей къ тому, чтобы они, не преклоняясь передъ авторитетами, цѣнили внутреннюю разумность и убѣдительность самой идеи. Затѣмъ начинается тревога. Разъискиваютъ автора. Призываютъ къ допросу Вольтера. Вольтеръ отвѣчаетъ: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. Скажите на милость, кому и чему онъ вредитъ этимъ отвѣтомъ? Онъ только отнимаетъ у іезуитовъ и у полицейскихъ сыщиковъ возможность помучить оппозиціоннаго мыслителя. Это съ его стороны очень нелюбезно, но вѣдь онъ никогда и не обязывался увеселять своею особою іезуитовъ и сыщиковъ. А читателей отреченіе Вольтера нисколько не обманываетъ и не смущаетъ; читатели посмѣиваются и говорятъ между собою: Какъ же! Держи карманъ! Дурака нашелъ! Такъ сейчасъ онъ тебѣ и признается! Конечно все это очень похоже на тактику бурсаковъ въ отношеніи къ начальству; но что же дѣлать? Бываютъ такіе времена, когда цѣлое общество уподобляется одной огромной бурсѣ. Виноваты въ этомъ не тѣ люди, которые лгутъ, а тѣ, которые заставляютъ лгать.

Описывая старческіе годы Вольтера, Геттнеръ находитъ новую

пищу для добродѣтельнаго негодованія. «Какъ прискорбно, говоритъ онъ, что при всемъ томъ и въ это послѣднее и самое блестящее время Вольтера не было недостатка въ пятнахъ! Онъ попрежнему отпирается отъ своихъ книгъ. Мало того, онъ причащается, ходитъ на исповѣдь, чтобы избавиться отъ клерикальныхъ преслѣдованій, между тѣмъ какъ вся его дѣятельность направлена къ уничтоженію этихъ ученій и обычаевъ. Фаригагенъ несправедливо извиняетъ эти хитрости и притворство, эти засады и внезапныя нападенія, это искусное умѣнье идти впередъ и быстро исчезать,—извиняетъ, какъ позволительныя и необходимыя вспомогательныя средства партизанской войны. Эту временную покорность не только люди благочестивые считали безбожной дерзостью, но даже и люди его партіи осуждали, какъ вещь жалкую и трусливую».

Что *люди благочестивые* были недовольны—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Но я опять таки повторю, что Вольтеръ не подрядился утѣшать *людей благочестивыхъ*. Чтобы узнать, похвальны ли или предосудительны поступки Вольтера, огорчающіе Геттнера, надо только поставить вопросъ: помогали они или мѣшали успѣху его общественной работы? Придется отвѣтить: помогали,—потому что избавляли знаменитаго популяризатора отъ клерикальныхъ преслѣдованій, которыя доставляли бы ему лишнія хлопоты, портили бы ему кровь, разстроивали бы его здоровье, и такимъ образомъ, отвлекали бы его отъ общественныхъ занятій. Значитъ, позволяя себѣ мелкія хитрости, Вольтеръ, сознательно или безсознательно, повиновался естественному чувству самосохраненія.

Здѣсь опять свободные мыслители смѣшиваются съ сектаторами и вѣрующими адептами. Если бы то, что дѣлалъ Вольтеръ, было сдѣлано кальвинистомъ или лютеранномъ, тогда дѣло другое, тогда можно было бы говорить о *вещи жалкой и трусливой*, потому что лютеране и кальвинисты, подобно католикамъ, придаютъ очень важное значеніе всѣмъ внѣшнимъ подробностямъ культа. Но со стороны Вольтера тутъ нѣтъ ничего похожаго на отступничество, потому что Вольтеръ питаетъ самое полное равнодушіе ко всякому культу со всѣми его подробностями. Вольтеръ вовсе не хотѣлъ сдѣлаться основателемъ какой нибудь новой философской религіи; онъ также вовсе не пылалъ фанатическою ненавистью къ существующему культу; онъ ненавидѣлъ только ту своекорыстную или тупую исключительность, которая порождаетъ убійства, религіозныя преслѣдованія, междуусобныя распри и международныя войны. *Терпи-*

мость была первымъ и послѣднимъ словомъ его философской проповѣди. Поэтому онъ, нисколько не краснѣя и не измѣняя самому себѣ, могъ подчиняться всевозможнымъ формальностямъ, предписаннымъ мѣстными законами или обычаями. Геттнеру слѣдовало бы все это знать и понимать, тѣмъ болѣе, что онъ въ своей книгѣ выписываетъ изъ «Essai sur les moeurs et l'esprit des nations» слѣдующія размышленія Вольтера объ англійскихъ деистахъ. «Эти люди согласны со всѣми другими въ общемъ почитаніи единаго Бога; они отличаются только тѣмъ, что у нихъ нѣтъ никакихъ твердыхъ положеній ученія и никакихъ храмовъ, и что они, вѣря въ Божію справедливость, одушевлены величайшей терпимостью. Они говорятъ, что ихъ религія—религія чистая и такая же старая, какъ свѣтъ; у нихъ нѣтъ никакого тайнаго культа, *и потому они безъ угрызеній совѣсти могутъ подчиниться и публичнымъ религіознымъ обычаямъ*».—Кто читалъ Вольтера, тотъ знаетъ, что онъ сочувствовалъ англійскимъ деистамъ больше, чѣмъ какимъ бы то ни было другимъ мыслителямъ; говоря о нихъ и за нихъ, онъ говоритъ о себѣ и за себя; поэтому подчеркнутыя мною слова окончательно рѣшаютъ вопросъ и доказываютъ ясно, что, *подчиняясь публичнымъ религіознымъ обычаямъ*, Вольтеръ не дѣлалъ никакихъ *жалкихъ и трусливыхъ вещей*.

V.

Вольтеръ ненавидѣлъ всякія метафизическія тонкости, которыя,—сказать по правдѣ,—были ему рѣшительно не по силамъ. Вольтера ни подъ какимъ видомъ нельзя назвать великимъ, или даже просто замѣчательнымъ мыслителемъ. Его умъ хваталъ очень недалеко и былъ совершенно неспособенъ прослѣдить какую бы то ни было идею до самаго конца, до самыхъ послѣднихъ и отдаленныхъ ея развѣтвленій. По своимъ умственнымъ силамъ, Вольтеръ стоялъ гораздо ниже многихъ людей, убившихъ всѣ свои прекрасныя дарованія на безплодныя метафизическія построенія. Вольтеръ былъ совершенно застрахованъ отъ всякой метафизической заразы своею—извините за выраженіе!—своею ограниченностью, соединенною съ колоссальнѣйшимъ тщеславіемъ и съ неподражаемымъ искусствомъ персифлированія.

Умъ Вольтера становился въ тупикъ на первыхъ двухъ-трехъ шагахъ отвлеченнаго философствованія; Вольтеръ терялъ возмож-

ность слѣдить за ходомъ мысли, и тутъ немедленно подоспѣвало къ нему на выручку драгоцѣнное тщеславіе. Не могъ же онъ, онъ, Аруэ-де-Вольтеръ, онъ, великій Вольтеръ, признать свое безсиліе и попросить пардона! Поэтому онъ тотчасъ рѣшалъ безапелляціонно, что тутъ совсѣмъ нечего и понимать. Затѣмъ онъ высовывалъ метафизику языкъ и отдѣлывалъ его такъ ловко прелестнѣйшими шутками и насмѣшками, что метафизикъ, который, быть можетъ, былъ гораздо умнѣе Вольтера, оставался въ дуракахъ и окончательно погибалъ во мнѣніи всей читающей публики. Вся дѣятельность Вольтера изображаетъ собою возмущеніе простого здраваго смысла противъ ошибочныхъ увлеченій и безплодныхъ фейерверковъ человѣческой геніальности. Основатели различныхъ метафизическихъ школъ, напримѣръ Декартъ и Лейбницъ, и даже свѣтила схоластики, Фома Аквинскій, Рожеръ Бэконъ, Альбертъ Великій, обладали безспорно громадными умственными силами, но всѣ они имѣли несчастіе, по обстоятельствамъ времени, потратить большую часть, или даже всю совокупность своихъ силъ на такія работы, которыя, во-первыхъ, не могли получить никогда никакого практическаго приложенія, и во-вторыхъ, по своей крайней трудности и головоломности, должны были навсегда остаться непонятными и недоступными для огромнаго большинства обыкновенныхъ или посредственныхъ человѣческихъ умовъ. Человѣческая посредственность, въ лицѣ самаго блестящаго и самаго ловкаго своего представителя, Вольтера, произнесла рѣшительный и безповоротный приговоръ отверженія надъ всѣми этими громадными, титаническими, изумительными, но совершенно безполезными трудами. Задача Вольтера была чисто-отрицательная. Изъ той громадной кладовой, въ которой хранятся умственныя сокровища человѣчества, надо было выкинуть много разнаго добра; вмѣстѣ съ этимъ добромъ надо было выбросить и тѣ шкафы, въ которыхъ оно лежало, выбросить для того, чтобы на будущее время человѣческія силы не тратились больше на обогащеніе этихъ ненужныхъ шкафовъ новымъ содержаніемъ. Чтобы произвести это выбрасываніе съ должною рѣшительностью и безтрепетностью, надо было во всѣхъ осужденныхъ шкафахъ не видѣть ни одной хорошей или привлекательной черты. Надо было ненавидѣть сплошною и цѣльною ненавистью; презирать самымъ чистымъ и искреннимъ презрѣніемъ, неразбавленнымъ никакими проблесками снисхожденія или состраданія. А такимъ образомъ ненавидитъ и презираетъ только *непониманіе*, потому что нѣтъ того человѣческаго чувства, нѣтъ

того человѣческаго поступка, нѣтъ той человѣческой мысли, въ которыхъ при полномъ и всестороннемъ пониманіи нельзя было бы найдти хоть чего-нибудь достойнаго уваженія или любви, или покрайней мѣрѣ теплаго сожалѣнія. Но такъ такъ безпощадное выбрасываніе бываетъ иногда совершенно необходимо, то и непониманіе оказываетъ иногда человѣчеству драгоцѣнныя и незамѣнимыя услуги. Если бы Вольтеръ былъ способенъ понимать логическую красоту и величественность тѣхъ метафизическихъ построеній, которыя ему надо было осмѣять и выбросить, то въ его сарказмахъ не было бы той непринужденности, той неподдѣльной искренности, той самодовольной граціи, той заразительной веселости, которыя сообщали имъ неотразимую силу и обезпечивали собою успѣхъ всей отрицательной работы. Вольтеръ не былъ бы Вольтеромъ, если бы у него было побольше ума и поменьше тщеславія. Въ такомъ случаѣ мысли его были бы болѣе глубоки, а приговоры менѣе рѣшительны. По этимъ двумъ причинамъ дѣйствіе его на толпу было бы менѣе сильно. Такимъ образомъ чуть ли не всѣ недостатки Вольтера, какъ умственные такъ и нравственные, шли на пользу его популяризаторской работы.

Когда Вольтеръ осмѣиваетъ различныя дурачества умныхъ и глупыхъ людей, тогда онъ великолѣпенъ и неотразимъ. Но, когда онъ начинаетъ кропать что-то похожее на собственную систему, когда онъ самъ стремится сооружать и мудрствовать, тогда у читателя съ невѣроятною быстротою увядаютъ уши. Особенно печально становится положеніе читателя тогда, когда Вольтера удручаютъ высшіе вопросы общаго міросозерцанія. Тутъ уже переполняется мѣра читательскаго терпѣнія.

Вольтеръ—деистъ. Это бы еще ничего. Даже трогательно и похвально. Если бы онъ, подобно Магомету, крикнулъ просто во всеуслышаніе: *Аллахъ есть Аллахъ!* все обстояло бы совершенно благополучно и всякія возраженія сдѣлались бы невозможными. Но Вольтеръ, къ несчастію, томится желаніемъ доказывать основной тезисъ своей доктрины. Ему, изволите ли видѣть, какъ философу, никакъ не возможно принимать что бы то ни было на вѣру, а такъ какъ онъ доказывать рѣшительно не умѣетъ, и такъ какъ тутъ вообще на доказательствахъ далеко не уѣдешь, то передъ несчастнымъ читателемъ совершается настоящее столпотвореніе вавилонское. Гипозеты подпираются гипотезами; сравненія, сантиментальныя восклицанія и эффектныя вопросительныя тирады принимаются за доказательства; на какомъ-нибудь одномъ лядащемъ

фактѣ, невѣрно подмѣченномъ и неправильно истолкованномъ, сооружается цѣлая сложная теорія; самъ того не замѣчая, нашъ философъ на каждомъ шагу путается въ грубыхъ противорѣчіяхъ; самъ того не замѣчая, онъ ежеминутно перепрыгиваетъ съ одной точки зрѣнія на другую; словомъ, получается такая мерзость запустѣнія, которая жестоко компрометируетъ почтенный тезисъ, не допускающій и не требующій никакихъ доказательствъ.

Любимымъ конькомъ Вольтера является идея о цѣлесообразности и предустановленности всего существующаго. Въ самомъ дѣлѣ, глазъ созданъ для того, чтобы видѣть, ухо—для того, чтобы слышать, зубы—для того, чтобы жевать, желудокъ—для того, чтобы переваривать пищу. Сдѣлавши заразъ столько открытій, Вольтеръ торжествуетъ побѣду надъ дерзновенными скептиками, и затѣмъ начинаются чувствительныя восклицанія о томъ, какъ это все разсчитано, предусмотрѣно, приспособлено и направлено. Все это очень назидательно и убѣдительно, но только Вольтеру слѣдовало бы набрать побольше примѣровъ и повести процессъ доказательства хотя бы напримѣръ такимъ образомъ: баранъ созданъ для того, чтобы ѣсть траву; волкъ—для того, чтобы ѣсть барана; мужикъ—для того, чтобы убивать и обдирать волка; маркизъ—для того, чтобы тузить и раззорять мужика; а Людовикъ XIV — для того, чтобы сажать маркиза въ Бастилью и конфисковать его наслѣдственное имѣніе. Въ этой лѣствицѣ живыхъ существъ каждый пристроенъ къ своему мѣсту, каждый что-нибудь дѣлаетъ и каждый щедро одаренъ необходимыми для того снарядами или орудіями. Значитъ цѣлесообразность выдержана великолѣпно. Остается только поставить и разрѣшить вопросъ: для кого или для чего нужна эта прекрасная цѣлесообразность, къ чему она ведетъ и съ какой стати сгруппированы эти живыя существа, которыя постоянно обижаютъ и терзаютъ, и даже истребляютъ другъ друга? Для кого сооружена вся лѣствица—для барана, для волка, для мужика, для маркиза или для Людовика XIV? Такъ какъ баранъ, волкъ и мужикъ играютъ тутъ совершенно страдательныя роли, отъ которыхъ они охотно отказались бы, то лѣствица построена очевидно не *для* нихъ, а скорѣе *противъ* нихъ. Значитъ, она построена для маркиза и для Людовика XIV? Прекрасно, но въ такомъ случаѣ только маркизъ, пока онъ не попалъ еще въ Бастилью, и Людовикъ XIV могутъ восхищаться порядкомъ, красотою, гармоніею и цѣлесообразностью природы. Для мужика всѣ эти прелести не существуютъ. Если бы мужику вздумалось философствовать

по Вольтеру, то онъ пришелъ бы къ такимъ результатамъ, которые привели бы Вольтера въ неописанный ужасъ. Если сообразилъ бы мужикъ, что въ природѣ все сдѣлано и дѣлается съ тонкимъ разсчетомъ и съ умысломъ, то стало быть, когда природа заставляетъ насъ страдать, она также поступаетъ умышленно. «Вотъ меня, — продолжалъ бы мужикъ, — эта милѣйшая природа донимаетъ каждый день съ тѣхъ поръ, какъ я себя запомню, то голодомъ, то холодомъ, то палками; такъ это она стало быть все нарочно надо мною куражилась. Спасибо за угощеніе!»—«Позвольте, господинъ мужикъ, — заговорилъ бы Вольтеръ, понимая, что дѣло принимаетъ самый неблагополучный оборотъ, — позвольте! Васъ терзаетъ не природа, васъ терзаютъ люди.» — «Господинъ Вольтеръ,—отвѣчаетъ мужикъ, — людей произвела та же природа. Если въ природѣ все разсчитано, предусмотрѣно и цѣлесообразно, то она можетъ и должна отвѣчать за каждое изъ своихъ созданій.

Читатели мои, я самъ вижу, что мужикъ непстовствуетъ, но увѣряю васъ, что тутъ виноватъ не мужикъ, а Вольтеръ. Ученіе о цѣлесообразности въ природѣ ведетъ за собою ужасныя заключенія, подрывающія, или покрайней мѣрѣ извращающія основный тезисъ вольтеровской доктрины. И отъ этихъ заключеній вы ничѣмъ не отвертитесь до тѣхъ поръ, пока въ мірѣ будетъ существовать страданіе. А страданіе неистребимо, потому что вся органическая жизнь основана на безпрерывномъ взаимномъ истребленіи живыхъ и чувствующихъ существъ. Самъ того не замѣчая и не желая, Вольтеръ подвергаетъ себя опасности пасть ницъ передъ кровожаднымъ Молохомъ или передъ индѣйскимъ Шивою, на которомъ надѣто ожерелье изъ человѣческихъ костей. Вся бѣда состоитъ въ томъ, что вольтеровскую доктрину невозможно *доказать*. Ее можно только *принимать на вѣру*. Кто можетъ—тотъ и вѣрь. Кто не можетъ... ну, тотъ вѣроятно и самъ знаетъ, что ему дѣлать.

Прогуливаясь съ философскими цѣлями по кунсткамерѣ мірозданія, Вольтеръ конечно не могъ оставить незамѣченнымъ такого слона, какъ страданіе или зло. Вольтеръ понималъ, что этотъ слонъ очень опасенъ для его доктрины, и много было потрачено безплоднѣйшихъ усилій на то, чтобы придать проклятому слону сколько нибудь благопристойную и почтенную наружность. Сначала Вольтеръ, идя по слѣдамъ англійскихъ мыслителей, Шэфтсбёри, Попа и Болинброка, старался доказать, что зло совсѣмъ не существуетъ,

и что все на свѣтѣ идетъ такъ, какъ оно должно идти. Тутъ можно было разыгрывать варіаціи на ту тему, что страданія даютъ особенную цѣну наслажденію, и что они также необходимы въ жизни, какъ темныя краски въ картинѣ. Метафоръ и красивыхъ словъ можно было набрать довольно, но сама по себѣ эта позиція была такъ слаба и неудобна, что Вольтеръ впослѣдствіи бросилъ ее, и даже самымъ жестокимъ образомъ осмѣялъ жалкіе и плоскіе софизмы тѣхъ приторныхъ оптимистовъ, которые не съумѣли исправиться и образумиться вмѣстѣ съ нимъ. Что Вольтеръ честно и рѣшительно отказался отъ тѣхъ ошибочныхъ мнѣній, которыя онъ самъ защищалъ очень долго и очень упорно,—это конечно дѣлаетъ величайшую честь его прямодушію. Но ни малѣйшей чести не дѣлаетъ его философской сообразительности то обстоятельство, что для побѣды надъ очевиднымъ заблужденіемъ ему понадобился сильный толчекъ изъ окружающаго міра. Вольтера поразило то знаменитое землетрясеніе, которое въ 1755 году разрушило Лиссабонъ. Задумываясь надъ этимъ ужаснымъ событіемъ, онъ понялъ наконецъ, что зло, существующее въ природѣ, не можетъ быть замаскировано и затушевано никакими сладостными метафорами. Но чтобы додуматься до этихъ заключеній, не было никакой надобности созерцать погибель португальской столицы. Разрушеніе Лиссабона не прибавило рѣшительно ничего существеннаго къ тому запасу опыта, которымъ давно располагали всѣ современники Вольтера, начиная отъ академиковъ и кончая деревенскими старухами. Для кого же могла быть новостью та истина, что силы природы очень часто разрушаютъ человѣческое благосостояніе и посягаютъ на человѣческую жизнь? Градъ, засуха, саранча, наводненія, пожары отъ грозы, скотскіе падежи, моровыя язвы—все это было достаточно извѣстно всему міру за нѣсколько тысячелѣтій до лиссабонскаго землетрясенія. Каждая десятина, выбитая градомъ, каждая хижина, сожженная молніею, каждая телушка, околѣвшая отъ заразы, могли бы сказать Вольтеру точь въ точь тоже самое, что прокричало ему разрушеніе Лиссабона. Вольтеръ поступилъ въ этомъ случаѣ такъ, какъ обыкновенно поступаетъ толпа. Онъ прошелъ спокойно и равнодушно передъ тысячами мелкихъ явленій, и потомъ остановился съ наивнымъ изумленіемъ передъ однимъ крупнымъ фактомъ, въ которомъ не было ничего новаго и удивительнаго, кромѣ величины. Чтобы какъ нибудь примирить несомнѣнное существованіе зла, съ своею основною доктриною, Вольтеръ ухватывается обѣими руками за будущую жизнь. Наконецъ ум-

ствованія утомляютъ Вольтера, и онъ смиряется духомъ. «Вопросъ о происхожденіи зла, говоритъ онъ, остается неразрѣшимой путаницей, отъ котораго нѣтъ другого спасенія, какъ довѣріе къ провидѣнію.» «Высшее существо сильно, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, мы слабы, мы также необходимо ограничены, какъ высшее существо необходимо безконечно; зная, что одинъ лучъ ничего не значитъ противъ солнца, я покорно подчиняюсь высшему свѣту, который долженъ просвѣтить меня во мракѣ міра.» И давно бы такъ слѣдовало распорядиться. Не за чѣмъ было съ самаго начала портить чистый медъ вѣрующаго смиренія гнуснымъ дегтемъ философскаго высокомѣрія.

Вольтеръ, на старости лѣтъ, очень сильно воевалъ съ молодыми французскими писателями, дошедшими до крайняго спектицизма. Не смотря на всѣ эти добродѣтельныя усилія, клерикалы и піетисты всей Европы до сихъ поръ считаютъ Вольтера патріархомъ и коноводомъ французскихъ скептиковъ и матеріалистовъ. И надо сказать правду, клерикалы и піетисты нисколько не ошибаются. На Вольтерѣ воспитывались всѣ молодые люди, способные и желавшіе рѣшать силами собственнаго ума высшіе вопросы міросозерцанія. Благодаря литературной дѣятельности Вольтера, тѣ антиклерикальныя идеи, которыя до того времени переходили потихоньку отъ одного мыслителя къ другому, получили небывалое распространеніе и сдѣлались общимъ достояніемъ всей читающей Европы. По милости Вольтера сомнѣніе проникло въ тысячи свѣжихъ и пылкихъ головъ. Всѣхъ своихъ читателей Вольтеръ хотѣлъ привести къ всеобщей терпимости и остановить на точкѣ зрѣнія деизма. Первая цѣль была достигнута, но вторая была недостижима; всякое движеніе идетъ обыкновенно гораздо дальше, чѣмъ того желалъ первый коноводъ; каждое движеніе обыкновенно вырывается изъ рукъ перваго защитника, который очень часто становится тормазомъ и при этомъ почти никогда не достигаетъ своей цѣли, если только движеніе съ самаго начала было серьезно и соотвѣтствовало дѣйствительнымъ потребностямъ времени и даннаго общества. Въ числѣ тѣхъ многихъ тысячъ, которыя восхищались остроуміемъ вольтеровскихъ памфлетовъ противъ католицизма, непремѣнно должно было оказаться хоть нѣсколько десятковъ серьезныхъ, сильныхъ и послѣдовательныхъ умовъ. Для этихъ умовъ очень скоро сдѣлались невыносимыми тѣ внутреннія противорѣчія, на которыхъ Вольтеру угодно было благодушно почивать, какъ на побѣдныхъ лаврахъ. Эти умы не могли переваривать ту неестественную

смѣсь поклоненія авторитету и знанія, которою упивался Вольтеръ. Имъ надо было что нибудь одно, или credo quia absurdum, или отрицаніе всего того, что не можетъ быть положительно доказано. Имъ надо было или воротиться къ положительнымъ вѣрованіямъ, или миновать всевозможныя Геркулесовы столбы, и выйдти въ открытый океанъ совершенно свободнаго и строго-реальнаго изслѣдованія. За погибшія души этихъ людей долженъ отвѣчать популяризаторъ Вольтеръ, потому что онъ первый взбунтовалъ ихъ противъ клерикаловъ, у которыхъ въ это время, также по наущенію Вольтера, была отнята возможность придерживать и придавливать человѣческую мысль благонадежными мѣрами спасительной строгости. Виновность Вольтера нисколько не уменьшается тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ не одобрялъ крайнихъ выводовъ, добытыхъ его учениками. Поставивши этихъ учениковъ въ такое положеніе, въ которомъ не могутъ удержаться сильные и послѣдовательные умы, Вольтеръ обязанъ отвѣчать за всѣ дальнѣйшія умозрѣнія французскихъ мыслителей. Деизмъ Вольтера составляетъ только станцію на дорогѣ къ дальнѣйшимъ выводамъ Дидро, Гольбаха и Гельвеція.

VI.

Чтобы составить себѣ понятіе о громадныхъ заслугахъ Вольтера, надо судить его не какъ мыслителя, а какъ практическаго дѣятеля, какъ самаго ловкаго изъ всѣхъ существовавшихъ до сихъ поръ публицистовъ и агитаторовъ. Вольтеръ особенно великъ не тѣми идеями, которыя онъ развивалъ въ своихъ книгахъ и брошюрахъ, а тѣмъ впечатлѣніемъ, которое онъ производилъ на своихъ современниковъ этими книгами и брошюрами. Силою этого впечатлѣнія Вольтеръ сдѣлалъ Европѣ такой подарокъ, котораго цѣна растетъ до сихъ поръ и будетъ увеличиваться постоянно съ каждымъ столѣтіемъ. Вольтеръ подарилъ Европѣ ея общественное мнѣніе. Онъ, цѣлымъ рядомъ самымъ наглядныхъ примѣровъ, показалъ европейскимъ обществамъ, что ихъ судьба находится въ ихъ собственныхъ рукахъ и что имъ стоитъ только размышлять, желать и настаивать для того, чтобы управлять по своему благоусмотрѣнію всѣмъ ходомъ историческихъ событій, крупныхъ и мелкихъ, внѣшнихъ и внутреннихъ. Вольтеръ открылъ европейскимъ обществамъ тайну ихъ собственнаго могу-

щества. Вольтеръ доказалъ Европѣ, что она можетъ и должна быть живою, дѣятельною и самосознательною личностью, а не мертвымъ и пассивнымъ матеріаломъ, надъ которымъ различныя канцеляріи, дипломаты и полководцы обнаруживаютъ свои таланты и производятъ свои эксперименты. Что же именно дѣлалъ Вольтеръ для того, чтобы разрѣшить эту громадную задачу, отъ рѣшенія которой зависитъ дальнѣйшая постановка всѣхъ прочихъ общественныхъ задачъ?—Вольтеръ писалъ, но писалъ такъ, какъ до него не умѣли и не смѣли писать; онъ затрогивалъ такіе вопросы, къ которымъ никто изъ его современниковъ не могъ относиться равнодушно; онъ разработывалъ эти вопросы такимъ неотразимо увлекательнымъ образомъ, что его читали десятки, а можетъ быть и сотни тысячъ людей. Знаменитость Вольтера росла и выросла наконецъ до такихъ размѣровъ, до которыхъ никогда, ни прежде, ни послѣ не доходила извѣстность простого писателя. «Русская императрица, говоритъ Кондорсе въ біографіи Вольтера, короли прусскій, датскій, шведскій, старались заслужить похвалу Вольтера и поддерживали его благія дѣла; во всѣхъ странахъ вельможи, министры, стремившіеся къ славѣ, искали одобренія фернейскаго философа (Вольтера), и довѣряли ему свою надежду на успѣхи разума, свои планы распространенія свѣта и уничтоженія фанатизма. Во всей Европѣ онъ основалъ союзъ, котораго онъ былъ душой. Вопиственнымъ крикомъ этого союза было: разумъ и терпимость! Совершена ли была гдѣ нибудь большая несправедливость, оказалось ли кровавое преслѣдованіе, нарушалось ли человѣческое достоинство,—сочиненіе Вольтера передъ всей Европой выставляло виновныхъ къ позорному столбу. И какъ часто рука притѣснителей дрожала отъ страха передъ этимъ вѣрнымъ мщеніемъ.»—Цитируя эти слова Кондорсе, Геттнеръ говоритъ, что они совершенно справедливы. И такъ сила Вольтера была оченъ велика. Но эта сила была основана исключительно на довѣріи и сочувствіи читающаго общества. Значитъ, чѣмъ выше поднимался Вольтеръ, тѣмъ больше вѣсу пріобрѣтали мнѣнія и желанія общества. *Рука притѣснителей дрожала* очевидно не передъ Вольтеромъ. Вольтеръ былъ только докладчикомъ, а судьею являлась читающая Европа. Но для того, чтобы этотъ судъ былъ дѣйствительно страшенъ для притѣснителей, надо было чтобы голосъ докладчика во всякую данную минуту находилъ себѣ десятки тысячъ внимательныхъ слушателей. Чтобы вызвать къ жизни общественное мнѣніе, и чтобы постоянно поддерживать его

дѣятельность тамъ, гдѣ оно еще не привыкло вмѣшиваться постоянно въ общественныя дѣла, и гдѣ весь строй существующихъ учрежденій враждебенъ такому вмѣшательству, — необходима необыкновенная сила таланта и непоколебимая твердость убѣжденій со стороны того человѣка, который, при такихъ невыгодныхъ условіяхъ, осмѣливается принять на себя великія обязанности публициста. Сосредоточивши на себѣ вниманіе всей Европы, Вольтеръ сдѣлалъ возможнымъ существованіе общественнаго мнѣнія, затѣмъ онъ самъ сдѣлался руководителемъ этого вновь созданнаго общественнаго мнѣнія и показалъ, что общество можетъ и обязано контролировать и судить своихъ опекуновъ. А что такое общество? Вы, я, наши братья и сестры, дяди и тетки, отцы и матери, родственники и знакомые, родственники родственниковъ и знакомые знакомыхъ, и такъ далѣе—вотъ вамъ и общество. Каждый изъ насъ порознь слабѣе перваго встрѣчнаго полисмена. Но всѣ мы вмѣстѣ непобѣдимы и неотразимы. Судите же теперь, какою глубокою благодарностью обязаны мы тѣмъ великимъ людямъ, которые соединяютъ насъ между собою обаятельною силою живого и горячаго слова и которые, сплотивши насъ въ одну громадную и неотразимую лавину, ведутъ и направляютъ насъ туда, гдѣ мы можемъ спасать нашихъ братьевъ, или увеличивать и упрочивать нашими приговорами наше собственное матеріальное и умственное благосостояніе. Величайшимъ изъ этихъ великихъ людей надо признать Вольтера, потому что онъ первый соединилъ и повелъ за собою читающую Европу къ свѣтлому будущему, и еще потому, что послѣ его смерти, впродолженіе 88 лѣтъ, не появлялось ни одного человѣка, который былъ бы равенъ ему по глубинѣ и обширности своего вліянія.

Когда, во время революціи, прахъ Вольтера былъ перенесенъ въ Пантеонъ, тогда пьедесталъ его памятника получилъ слѣдующую надпись: «Тѣни Вольтера. Поэтъ, историкъ, философъ, онъ расширилъ предѣлы человѣческаго ума и научилъ его быть свободнымъ. Онъ защитилъ Каласа, Сирвана, де-ла-Барра и Монбальи, онъ сражался съ атеистами и съ фанатиками; онъ внушалъ терпимость, онъ отстаивалъ права человѣка противъ феодальнаго рабства.» —Защищеніе Каласа и другихъ подсудимыхъ поставлено на ряду съ самыми замѣчательными подвигами Вольтера. Такъ оно и должно быть. Роль Вольтера въ этихъ четырехъ уголовныхъ процессахъ имѣетъ громадное общественное значеніе, не говоря уже о томъ, что она дѣлаетъ величайшую честь чело-

вѣколюбію и великодушію Вольтера. Вмѣшательство Вольтера въ первый разъ показало всей Европѣ, что надъ высшими трибуналами есть еще одна инстанція, которая можетъ пересматривать и кассировать приговоры, судить и осуждать недобросовѣстныхъ или тупоумныхъ судей, оправдывать и реабелитировать невинныхъ, пострадавшихъ отъ судейской оплошности или злонамѣренности. Въ Тулузѣ, сынъ Жана Каласа, Маркъ Антонъ, повѣсился въ домѣ своего отца. Жанъ Каласъ былъ протестантъ, а Тулуза—населена самыми ревностными католиками. Наперекоръ всякому здравому смыслу и правдоподобію, какой-то негодяй распустилъ въ городѣ слухъ, что Маркъ Антонъ повѣшенъ своими родителями за намѣреніе перейдти въ католицизмъ. Самоубійцу превратили въ мученика. Трупъ его, выставленный въ церкви, сталъ творить чудеса. Семейство Каласовъ попало въ тюрьму, было заковано въ цѣпи и отдано подъ судъ. Не имѣя никакихъ доказательствъ, кромѣ народнаго говора и чудесъ святого самоубійцы, тулузскій парламентъ приговорилъ Жана Каласа, 72-лѣтняго старика къ колесованію. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе. Дѣти Каласа разосланы по монастырямъ и обращены силою въ католицизмъ. Имѣніе казненнаго конфисковано и вдова его осталась одна, безъ земли и безъ средствъ къ существованію. Значитъ, правосудіе удовлетворено, и дѣло кончено. Некому поднимать его и некуда его вести дальше. Тулузскій парламентъ—верховное судебное мѣсто, и приговоры его, не нуждаясь ни въ чьей конфирмаціи, не могутъ быть оспариваемы правильнымъ апелляціоннымъ порядкомъ. Но Вольтеръ впутывается въ этотъ, благополучно оконченный, процессъ. Вольтеру нѣтъ дѣла до юридической правильности и до канцелярскаго порядка. Вольтеръ раскапываетъ всю исторію съ самаго начала, печатаетъ свое знаменитое сочиненіе о терпимости, излагаетъ въ немъ процессъ Каласа, какъ возмутительный примѣръ католическаго фанатизма, доведеннаго до людоѣдства, пишетъ письма къ знаменитымъ адвокатамъ, къ министрамъ, къ государямъ, словомъ, работаетъ за Каласовъ неутомимо и безкорыстно цѣлые три года, и все это дѣлаетъ Вольтеръ, кумиръ всей мыслящей Европы, слабый и больной семидесятилѣтній старикъ. А ему-то что за дѣло? Что онъ за оберъ-прокуроръ? По какому праву мѣшаетъ онъ тулузскому парламенту колесовать, съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формальностей, тѣхъ французовъ, которые, живя въ Тулузѣ, имѣютъ безразсудство не нравиться ему, всесильному тулузскому парламенту? Такіе вопро-

сы предлагались конечно многими непоколебимыми приверженцами спасительной юридической правильности, и на такіе вопросы пылкіе обожатели Фернейскаго философа отвѣчали, по всей вѣроятности, что Вольтеръ, по праву мыслящаго человѣка и честнаго гражданина, обращается къ верховному суду общественнаго мнѣнія и требуетъ отъ французской націи, чтобы она защищала своихъ дѣтей отъ произвола парламентскихъ совѣтниковъ, ослѣпленныхъ религіозною ненавистью, или запуганныхъ криками фанатической уличной толпы. Подобные разговоры велись вездѣ, гдѣ люди умѣли читать и понимать французскія книги, а въ Парижѣ эти разговоры велись такъ громко, что государственный совѣтъ предписалъ тулузскому парламенту выслать документы по дѣлу Каласа. Весь процессъ былъ пересмотрѣнъ, и приговоръ тулузскаго парламента объявленъ несправедливымъ. Почти въ одно время съ Каласомъ попалъ подъ судъ протестантъ Сирванъ, котораго, также безъ малѣйшаго основанія, подозрѣвали въ томъ, что онъ утопилъ въ колодцѣ свою дочь, насильно обращенную въ католицизмъ мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ. Сирванъ имѣлъ довольно вѣрное понятіе о французскомъ правосудіи, и постарался убѣжать. Его заочно приговорили къ смерти. Имѣніе его конфисковали. «Вольтеръ, говоритъ Геттнеръ, и здѣсь явился защитникомъ и мстителемъ. Правительства бернское и женевское, русская императрица, короли польскій, прусскій и датскій, ландграфъ гессенскій, герцоги саксонскіе, по вызову Вольтера прислали несчастному семейству богатую помощь. Вольтеръ обратился прямо къ тулузскому парламенту, который опять по закону былъ высшей судебной инстанціей въ дѣлѣ Сирвана; исходъ процесса Каласа далъ перевѣсъ свободномыслящей партіи и Сирванъ былъ оправданъ.» Семнадцатилѣтняго мальчика, де-ла-Барра, обвинили въ томъ, что онъ будто-бы, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ д'Эталлондомъ, изломалъ и опрокинулъ деревянное распятіе, стоявшее на мосту въ городѣ Аббевилѣ. Прямыхъ уликъ не оказалось; но за то нашлись добрые и благочестивые люди, которые припомнили съ сокрушеніемъ сердца, что однажды де-ла-Барръ и д'Эталлондъ, встрѣтившись съ процессіею, не сняли передъ нею шляпъ, и что, кромѣ того, де-ла-Барръ, какъ-то разъ, у себя на квартирѣ, пѣлъ легкомысленные куплеты, направленные противъ чести Святой Маріи Магдалины. Показанія добрыхъ и благочестивыхъ людей рѣшили участь безразсудныхъ молокососовъ. Считая ихъ преступленіе вполнѣ доказаннымъ, судъ приговорилъ де-ла-Барра къ колесованію, что и

было исполнено въ 1765 году. Д'Эталлонду же было оказано нѣкоторое снисхожденіе. Судъ приказалъ вырѣзать у него языкъ и отрубить ему руки. Д'Эталлондъ не пожелалъ воспользоваться этими милостями, и ухитрился бѣжать. Прибѣжалъ онъ прямо къ Вольтеру, къ общепризнанному и возлюбленному патріарху всѣхъ европейскихъ вольнодумцевъ. Тутъ онъ съ откровенностью ребенка разсказалъ всѣ подробности дѣла. Вольтеръ препроводилъ д'Эталлонда въ Пруссію и рекомендовалъ его Фридриху II, который принялъ его къ себѣ на службу и далъ ему офицерскій чинъ. Вольтеръ, съ своей стороны, въ превосходномъ мемуарѣ раскрылъ передъ читающею Европою всѣ закулисныя пружины той грязной интриги, которая погубила де-ла-Барра. Эти пружины состояли въ томъ, что одинъ вліятельный господинъ, Беллеваль, началъ строить куры теткѣ де-ла-Барра, настоятельницѣ женскаго монастыря. Получивши на свои авансы презрительный отказъ, Беллеваль рѣшился мстить и направилъ на молодаго вѣтреника де-ла-Барра всѣхъ клерикаловъ и тартюфовъ города Аббевиля и его окрестностей. Въ результатѣ получилось колесованіе. Старуха Монбальи выпила не въ мѣру и умерла отъ апоплексическаго удара. Зѣваки и сплетники города Сентъ-Омера увидали въ этой скоропостижной смерти слѣды насилія и взвели подозрѣніе на сына покойницы и на его жену. Подозрительныя личности были арестованы и отданы подъ судъ. Доказательствъ не нашлось никакихъ, но судьи, стремясь къ исправленію общественной нравственности, не пожелали останавливаться на разныхъ мелочныхъ соображеніяхъ и смѣло приговорили обоихъ обвиненныхъ къ мучительной казни. Монбальи колесовали и сожгли, но казнь его жены была отложена, по случаю ея беременности. Въ это время Вольтеръ послалъ мемуаръ объ этомъ дѣлѣ въ министерство. Процессъ пересмотрѣли, казненнаго Монбальи объявили невиннымъ. Жену его, приговоренную къ смерти, освободили.

Эти четыре процесса слѣдовали одинъ за другимъ, съ очень короткими промежутками времени. Самый ранній изъ нихъ, процессъ Каласа былъ рѣшенъ въ 1762 году и перерѣшенъ въ 1765 году. Самый поздній, процессъ Монбальи, разыгрался въ 1770 году. Едва успѣвало утихнуть волненіе, возбужденное въ обществѣ однимъ вопіющимъ насиліемъ, какъ начинались немедленно толки о новой, такой же очевидной и возмутительной несправедливости. Въ теченіе восьми лѣтъ, раскрылось четыре юридическія убійства, и высшія государственныя власти, за одно съ общественнымъ мнѣ-

ніемъ страны, офиціально признали ихъ убійствами. Два изъ этихъ убійствъ были совершены на югѣ Франціи и два на сѣверѣ. Значитъ суды были одинаково ревностны, проницательны и справедливы на всемъ пространствѣ французской территоріи. Четыре гадости были открыты по иниціативѣ частнаго человѣка, дряхлаго и больного старика. Но сколько же гадостей оставалось въ неизвѣстности? Сколько ихъ совершилось въ послѣднія десятилѣтія. Сколько еще совершится въ ближайшіе двадцать или тридцать лѣтъ? И кто можетъ сказать навѣрное, что эти будущія гадости не обрушатся ни на него, ни на его ближайшихъ родственниковъ и друзей? Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ тащить всѣ рѣшенные процессы къ Вольтеру, да и самъ Вольтеръ все-таки не способенъ воскрешать своими защитительными мемуарами колесованныхъ и сожженныхъ людей. Питая свой духъ такими мрачными и неуспокоительными размышленіями, каждый французъ, способный подмѣчать и обобщать явленія общественной жизни, долженъ былъ придти къ тому результату, что суды его родины какъ двѣ капли воды похожи на аулы предпріимчивыхъ горцевъ, которые, безъ малѣйшей опасности для самихъ себя, распространяютъ ужасъ и опустошеніе по всѣмъ окружающимъ мѣстностямъ. Послѣ этого не трудно было добраться и до того практическаго заключенія, что общество, уже возвысившееся до самосознанія, обязано, изъ чувства самосохраненія, сосредоточить всѣ свои силы противъ этихъ воинственныхъ ауловъ и противъ всего того, что поддерживаетъ и упрочиваетъ ихъ существованіе.

Вступаясь за мучениковъ французскаго правосудія, Вольтеръ не развивалъ никакихъ отвлеченно-широкихъ теорій. Онъ просто и спокойно проводилъ самыя широкія теоріи въ дѣйствительную жизнь. Онъ не разсуждалъ о souveraineté du peuple. Онъ прямо и рѣшительно прикладывалъ ее къ дѣлу. Онъ не проповѣдывалъ противъ стараго зла, а фактически уничтожалъ его. Процессы Каласа и всѣхъ другихъ вольтеровскихъ protégés нанесли старому порядку болѣе жестокіе удары, чѣмъ могли бы то сдѣлать десятки томовъ самой тонкой, остроумной и разрушительной теоретической критики. Защитительные мемуары Вольтера были уже не словами, а дѣлами. Это уже не подготовленіе переворота, а настоящее его начало. Здѣсь живая сила общественнаго мнѣнія, живая воля мыслящаго и энергическаго народа дѣйствительно, на самомъ дѣлѣ, стала выше всѣхъ существующихъ законовъ. Съ этой минуты эти старые, средневѣковые законы могутъ уже считаться

отмѣненными. Затѣмъ остается только облечь совершившійся фактъ въ юридическую форму. Объ этомъ уже позаботились дѣятели учредительнаго собранія, открывшаго свои засѣданія черезъ одинадцать лѣтъ послѣ смерти Вольтера.

Блестящую компанію, открытую Вольтеромъ противъ старыхъ французскихъ судовъ, тѣсно связанныхъ со всею совокупностью старыхъ общественныхъ учрежденій,—закончилъ достойнымъ образомъ Бомарше, знаменитый авторъ «Севильскаго цирульника» и «Свадьбы Фигаро». Бомарше находился въ гораздо менѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ Вольтеръ. Во-первыхъ, Вольтеръ былъ знаменитѣйшимъ человѣкомъ во всей Европѣ, а Бомарше, вступая въ борьбу съ парижскимъ парламентомъ, былъ еще совершенно неизвѣстенъ. Во-вторыхъ, Вольтеръ вступался за другихъ, а Бомарше за самого себя. Въ-третьихъ, вольтеровскіе процессы были процессами уголовными; тутъ шло дѣло о человѣческой жизни и о чести цѣлыхъ семействъ; тутъ являлись, въ видѣ декорацій и аттрибутовъ, цѣпи, застѣнки, орудія пытки, костры и висѣлицы; тутъ было чѣмъ разшевелить въ читающей публикѣ любопытство, сочувствіе и негодованіе. Процессъ Бомарше напротивъ того былъ простымъ тяжебнымъ дѣломъ, возникшимъ изъ-за незначительной денежной суммы и запутаннымъ происками и интригами обѣихъ состязавшихся сторонъ. Бомарше по-настоящему, при обыкновенныхъ условіяхъ, не могъ бы даже разсчитывать на сочувствіе публики, потому что онъ самъ былъ далеко не правъ, хотя, разумѣется, противники его были еще болѣе виноваты. Но ненависть общества ко всѣмъ частямъ стараго государственнаго порядка была такъ безпредѣльна, что общество все простило смѣлому Бомарше и тотчасъ превратило его въ героя и въ великаго дѣятеля, какъ только оно увидѣло въ немъ человѣка, способнаго наносить господствующей системѣ сильные и мѣткіе удары. Дѣло было вотъ какъ. Финансистъ Дюверне, находившійся въ постоянныхъ дѣловыхъ сношеніяхъ съ ловкимъ и предпріимчивымъ Бомарше, умирая, призналъ въ своихъ бумагахъ, что онъ остался долженъ Бомарше пятнадцать тысячь ливровъ. Наслѣдникъ Дюверне, графъ Ла-Блашъ, вздумалъ оспаривать этотъ долгъ. Бомарше, никогда не отличавшійся уступчивостью, началъ процессъ въ концѣ 1771 года. Въ 1772 году дѣло, рѣшенное первою инстанціею въ пользу Бомарше, перешло въ парламентъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ парламента Мопу. Это было собраніе, произвольно созданное королемъ Людовикомъ XV и его министромъ Мопу; оно замѣняло собою париж-

скій парламентъ, который за свою непокорность королевской власти былъ уничтоженъ и отправленъ въ изгнаніе. Бомарше отправился къ докладчику этого парламента, Гезману, но не успѣлъ повидаться съ нимъ и окольными путями получилъ тотъ благой совѣтъ, что для умилостивленія докладчика слѣдуетъ поднести подарокъ его женѣ. Бомарше съ благодарностью принялъ этотъ совѣтъ и представилъ госпожѣ Гезманъ сто луидоровъ, золотые часы съ алмазами и пятнадцать луидоровъ для передачи какому-то секретарю. Бомарше, какъ непобѣдимый кремень и кулакъ, велъ все это дѣло съ такою циническою откровенностью, что обязалъ госпожу Гезманъ отдать назадъ всѣ сокровища, если процессъ будетъ проигранъ. Госпожа Гезманъ, которой подобныя объясненія и сдѣлки были нипочемъ, совершенно согласилась на эти условія. Процессъ проигрался, потому что Ла-Блашъ съ своей стороны порадовалъ докладчика болѣе убѣдительнымъ приношеніемъ. Бомарше потребовалъ назадъ свои дары. Madame Гезманъ отдала ему часы и сто Луидоровъ, но съ пятнадцатью луидорами она почему-то ни подъ какимъ видомъ не хотѣла разстаться. Бомарше, взбѣшенный донельзя проигрышемъ процесса, тотчасъ же такъ громко разблаговѣстилъ скандальную исторію о луидорахъ, что самъ Гезманъ очутился въ очень неудобномъ и опасномъ положеніи. Гезманъ рѣшился на отчаянный маневръ. Рѣшительно отрицая всю исторію о часахъ и о деньгахъ, онъ подалъ въ парламентъ форменную жалобу на Бомарше, какъ на клеветника. Теперь Бомарше очутился въ тискахъ: если съ его стороны не было клеветы, то значитъ была попытка подкупить членовъ суда. Альтернатива была печальная. Дѣло, какъ видите, пакостное во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Бомарше вышелъ изъ этого дѣла побѣдителемъ, героемъ, мученикомъ, любимцемъ всей Европы, добродѣтельнымъ Цицерономъ и чуть-чуть не отцомъ отечества. «Бомарше,—говоритъ Геттнеръ,—обратился къ публикѣ съ четырьмя мемуарами. Неумолимо и съ непреклоннымъ мужествомъ, гнѣвомъ и одушевленіемъ преслѣдуя врага во всѣхъ его убѣжищахъ и укрѣпленіяхъ, остроумный до наглости и шутовства и въ то же время доходящій въ нравственномъ раздраженіи до истинно-поразительной возвышенности, онъ приводитъ цѣлое общественное мнѣніе въ самое живое движеніе, дѣлаетъ свой интересъ интересомъ всѣхъ, становится мстителемъ нарушенной справедливости и съ проницательностью злобы выставляетъ всѣ тѣ страшныя интриги и преступленія, отъ которыхъ страдало тогда французское правосудіе. Впечатлѣніе, произведенное этими мемуа-

рами, прошло всѣ слои населенія, даже всю Европу. Первый мемуаръ въ первые же два дня проданъ былъ въ числѣ десяти тысячъ экземпляровъ; со второго мемуара его процессъ сдѣлался, какъ тогда выражались, la cause de la nation, можно даже сказать, процессомъ всего образованнаго міра». Въ своемъ четвертомъ мемуарѣ Бомарше высказалъ уже самымъ категорическимъ образомъ, какъ общепризнанную истину, мысль о верховномъ господствѣ націи. La nation, — говоритъ онъ, — n'est pas assise sur les bancs de ceux qui prononcent; mais son oeil majestueux plane sur l'assemblée. Si elle n'est jamais le juge des particuliers, elle est en tout temps le juge des juges». (Нація не сидитъ на скамьяхъ тѣхъ людей, которые произносятъ приговоры; но ея величественный взоръ носится надъ собраніемъ. Если она никогда не бываетъ судьею частныхъ лицъ, то она всегда бываетъ судьею судей). Кажется, ясно и выразительно. Слышатся даже ноты той вкрадчивой лести державному народу, безъ которой впослѣдствіи не могла обойдтись ни одна рѣчь революціонныхъ ораторовъ. А между тѣмъ, когда Бомарше писалъ свой четвертый мемуаръ, тогда еще жили на свѣтѣ старики, помнившіе вѣкъ того короля, который считалъ себя государствомъ. Къ числу этихъ стариковъ принадлежалъ и самъ Вольтеръ. Все разстояніе отъ чисто-турецкаго деспотизма до самодержавія народа было пройдено двумя поколѣніями. Крупные то были люди! Умѣли они и веселиться и работать. Парламентъ Мопу въ началѣ 1774 года приговорилъ къ ошельмованію (blâme) какъ госпожу Гезманъ, такъ и ея противника Бомарше. Ошельмованіе это влекло за собою потерю всѣхъ гражданскихъ правъ и состояло въ томъ, что осужденнаго ставили на колѣни, а президентъ произносилъ во всеуслышаніе установленную формулу: «la cour te blâme et te déclare infâme» (судъ шельмуетъ тебя и объявляетъ тебя безчестнымъ). Собственно говоря, рѣшеніе парламента было совершенно справедливо; онъ ошельмовалъ одну сторону за то, что она брала взятки, а другую за то, что она ихъ предлагала. Мудрѣе этого и Соломонъ ничего бы не придумалъ. Но французской націи было въ то время не до мудрости парламентскихъ совѣтниковъ и не до справедливости отдѣльныхъ приговоровъ. Нація стремилась въ то время всею силою своихъ мыслей и желаній къ полному обновленію всѣхъ своихъ учрежденій и къ неограниченному господству надъ всѣми отправленіями своей жизни. Когда, находясь съ такомъ напряженномъ ожиданіи грядущихъ событій, нація слышала сильную и вѣрную музыку, тогда нація называла музы-

канта героемъ и великимъ дѣятелемъ, нисколько не освѣдомляясь о томъ, ведетъ ли этотъ драгоцѣнный музыкантъ трезвую и цѣломудренную жизнь. Нація была права въ своемъ инстинктѣ. Когда цѣлое общество переживаетъ тяжелый и мучительный кризисъ, тогда тихія добродѣтели частной жизни отступаютъ на самый задній планъ, оставляя поле дѣйствій совершенно открытымъ для тѣхъ могучихъ и блестящихъ дарованій, отъ которыхъ зависитъ рѣшеніе великой общественной задачи, поставленной на очередь медленнымъ и грознымъ теченіемъ историческихъ событій. Поэтому немудрено, что нація совершенно забыла проступокъ Бомарше, и запомнила только его великолѣпные мемуары. «Бомарше,—говоритъ Геттнеръ,—явился передъ судомъ; но общественное мнѣніе сдѣлало изъ осужденія Бомарше осужденіе парламента. Бомарше получилъ безчисленное множество визитовъ. На другой же день послѣ осужденія принцъ Конти пригласилъ заклейменнаго на блистательный пиръ. «Nous sommes,—говорилъ принцъ въ своемъ письмѣ,—d'assez bonne maison pour donner l'exemple à la France de la manière dont on doit traiter un grand citoyen tel que vous». (Мы изъ достаточно хорошаго дому, чтобы подать Франціи примѣръ, какимъ образомъ слѣдуетъ обращаться съ великимъ гражданиномъ, подобнымъ вамъ). Вездѣ, куда ни показывался Бомарше, онъ принимаемъ былъ съ восторженными криками. Парламентъ Мопу не могъ долго сопротивляться этому удару. Нападенія въ стихахъ и прозѣ становились все многочисленнѣе и сильнѣе. Онъ влачилъ свое существованіе еще нѣсколько мѣсяцевъ, презираемый и гонимый всѣми.

Принцъ королевской крови Конти не умѣлъ составить себѣ даже и приблизительнаго понятія о томъ результатѣ, къ которому ведетъ блистательная дѣятельность великихъ гражданъ, подобныхъ Бомарше. Въ простотѣ своей доброй души, принцъ Конти во всемъ этомъ дѣлѣ не видѣлъ ничего, кромѣ чувствительнаго пораженія, нанесеннаго парламенту Мопу. Принцъ рѣшительно не понималъ того, что общество, узнавшее свою собственную силу и сломившее этою силою одно изъ важнѣйшихъ государственныхъ учрежденій, войдетъ во вкусъ и будетъ подавлять своимъ могуществомъ все то, что не соотвѣтствуетъ его потребностямъ. Райское простодушіе высшей французской знати, простодушіе, до котораго нашъ испорченный вѣкъ уже не можетъ возвыситься, выразилось еще рельефнѣе по поводу того же великаго гражданина въ дѣлѣ о его знаменитой комедіи: «Свадьба Фигаро». Комедія эта была окончена въ 1781 году. Слухи и толки о ней ходили по всему Парижу. Бо-

марше читалъ ее во многихъ аристократическихъ отеляхъ. Слушатели были въ восторгѣ. Но Людовикъ XVI рѣшительно не позволялъ этой комедіи появиться на сценѣ. Бомарше три года интриговалъ противъ этого запрещенія и наконецъ побѣдилъ сопротивленіе короля и, разумѣется, побѣдилъ только потому, что короля осадили со всѣхъ сторонъ просьбами и воплями—королева, принцы и принцессы, которымъ чрезвычайно желательно было посмотрѣть, какимъ образомъ Фигаро, при всей парижской публикѣ высшихъ и низшихъ сортовъ, будетъ отдѣлывать своими убійственными насмѣшками привиллегію дворянства и всѣ закоренѣлыя несообразности стараго феодальнаго порядка. Геттнеръ замѣчаетъ очень основательно, что «теперь никакая театральная цензура не потерпѣла бы подобной пьесы». Комедія была дана въ первый разъ 27 апрѣля 1784 года. И затѣмъ театральная дирекція, впродолженіе десяти недѣль, каждый день просвѣщала добрыхъ парижанъ «Свадьбою Фигаро». Примѣру Парижа послѣдовали театры всѣхъ большихъ и маленькихъ провинціальныхъ городовъ. Словомъ, по милости принцевъ и принцессъ, критика старыхъ учрежденій сдѣлалась доступною всѣмъ французамъ, имѣвшимъ возможность заплатить какой нибудь четвертакъ за мѣсто въ театральномъ райкѣ. Всѣ эти французы увидѣли ясно, до какой степени всѣ они единодушны въ своей ненависти къ старому злу. Всѣ они почувствовали и поняли, что учрежденія, осужденныя и осмѣянныя цѣлою націею, не могутъ существовать. А между тѣмъ принцы и принцессы продолжали простодушничать. 19 августа 1785 года, они сами разыграли «Свадьбу Фигаро» въ маломъ Тріанонѣ. Королева Марія-Антуанета исполнила роль Розины; а графъ д'Артуа, будущій король, Карлъ X, изобразилъ Фигаро и очень мило осмѣялъ все то, на чемъ основывалось его собственное величіе и благосостояніе. Эти люди утѣшались такими забавами за *четыре года* до того переворота, который однихъ повелъ на эшафотъ, а другимъ приготовилъ раззореніе и двадцатилѣтнее изгнаніе.

VII.

Въ теченіе всей второй половины XVIII вѣка вниманіе французскаго общества сосредоточивается почти исключительно на литера-

турѣ, и притомъ преимущественно на серьезныхъ ея отрасляхъ. Героями дня и властителями думъ являются писатели. У французовъ въ это время нѣтъ ни великихъ полководцевъ, ни смѣлыхъ преобразователей, ни даже благоразумныхъ правителей. Франція Людовика XV гордится только своими книгами. Книгъ у нея дѣйствительно очень много; онѣ быстро и безостановочно появляются одна за другою; онѣ покупаются и читаются на расхватъ; онѣ обсуживаютъ съ самыхъ различныхъ сторонъ самые важные и интересные вопросы; онѣ говорятъ о религіи и о нравственности, о природѣ и о человѣкѣ, о государствѣ и обществѣ, о правахъ и обязанностяхъ, о душѣ и объ умственныхъ способностяхъ, объ англійской конституціи и о республиканскихъ добродѣтеляхъ, о земледѣліи и промышленности, о собственности и о распредѣленіи богатствъ. По всѣмъ этимъ вопросамъ, книги поражаютъ своихъ читателей смѣлостью и неслыханностью сужденій, которыя, при всемъ своемъ разнообразіи, оказываются всѣ до одной совершенно непримиримыми съ общеобязательнымъ кодексомъ традиціонныхъ доктринъ и съ укоренившимися формами государственной и общественной жизни. Ударъ слѣдуетъ за ударомъ. Подъ этими ударами падаютъ, одно за другимъ, въ самыхъ различныхъ областяхъ знанія, коренныя заблужденія, на которыхъ выросли и сложились любимыя привычки, условные идеалы, игрушечныя радости и конѣчныя огорченія читающаго общества. Каждый ударъ вызываетъ бурю разнородныхъ страстей то въ обществѣ, то въ правительственныхъ сферахъ; и безъ какого нибудь удара не проходитъ почти ни одного года, такъ что умы читателей находятся въ постоянномъ напряженіи и въ безвыходной тревогѣ. Чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ обиліи сильныхъ умственныхъ впечатлѣній, которое переживала тогдашняя публика, и о той быстротѣ, съ которою самыя разнообразныя впечатлѣнія смѣняли и тѣснили другъ друга,—надо посмотрѣть, въ какомъ хронологическомъ порядкѣ появлялись на свѣтъ самыя замѣчательныя произведенія отрицательной философіи. Я буду называть только тѣ сочиненія, которыя вошли въ исторію литературы, и вошли не столько за свое абсолютное достоинство, сколько за свое историческое значеніе. Стало быть, мы здѣсь будемъ имѣть дѣло только съ такими книгами, которыя въ свое время произвели на читателей сильное и глубокое впечатлѣніе.

Въ 1784 году, Монтескье издаетъ L'ésprit des lois (духъ законовъ), въ которомъ превозноситъ до небесъ англійскую конституцію, со-

вершенно непохожую на учрежденія старой французской монархіи и составляющую для Франціи самую недостижимую изъ всѣхъ возможныхъ утопій. Книга въ полтора года выдерживаетъ *двадцать два* изданія.

Въ томъ же году Дидро издаетъ свои «Pensées philosophiques» (философскія размышленія). Парламентъ сжигаетъ эту книгу. Ее тотчасъ же издаютъ вновь и распространяютъ тайно.

Вдохновившись *размышленіями* Дидро, Ла-Меттри, около этого-же времени, издаетъ въ Голландіи двѣ книги, проникнутыя такимъ яростнымъ матеріализмомъ, котораго не можетъ выдержать даже голландское общество и изгоняетъ Ла-Меттри изъ своей среды. Непозволительныя его книги называются: «Histoire naturelle de l'âme» (естественная исторія души) и «L'homme-machine»» (человѣкъ машина).

Въ 1749 году, Дидро издаетъ *письма о слѣпыхъ* и попадаетъ за нихъ на три мѣсяца въ Венсенскую крѣпость.

Въ 1749 году, Руссо издаетъ Discours sur les sciences et les arts, въ которомъ онъ доказываетъ, что цивилизація развратила человѣка. Руссо получаетъ премію отъ дижонской академіи и сразу становится европейскою знаменитостью.

Въ 1751 году выходитъ первый томъ *Энциклопедіи.*

Въ 1752 году—второй томъ *Энциклопедіи.* Поднимается жестокая буря. Сорбонна осуждаетъ книгу. Парижскій архіепископъ издаетъ противъ нея (т. е. противъ книги) пастырское посланіе. На оба тома накладываютъ запрещеніе. Вслѣдствіе всего этого *Энциклопедію* покупаютъ и читаютъ, по словамъ современника и очевидца Барбье, всѣ парижскіе лавочники и тряпичники.

Въ 1753 году, Дидро издаетъ Interprétation de la nature (истолкованіе природы), а Руссо издаетъ Discours sur l'origine et les fondements de l'inegalite parmi les hommes (разсужденіе о причинахъ и основаніяхъ неравенства между людьми).

Въ томъ же 1753 году, выходитъ третій томъ *Энциклопедіи.* Поссорившись съ духовенствомъ, правительство стало относиться къ этому изданію довольно благосклонно.

Въ 1754 году, Кондильякъ издаетъ Traité des sensations (Трактатъ объ ощущеніяхъ). Всѣ отправленія психической дѣятельности выводятся изъ чувственныхъ ощущеній. Психологія сводится на физіологію нервной системы.

Въ 1755 году, Морелли издаетъ Code de la nature (Кодексъ природы). Проэктъ новаго общественнаго устройства. Всѣ люди урав-

ниваются въ правахъ. Дѣтямъ дается общественное воспитаніе. Земля и рабочіе инструменты составляютъ общую собственность. Денегъ нѣтъ и быть не должно. Трудъ обязателенъ для всѣхъ. Трудъ соразмѣряется съ силами, а вознагражденіе продуктами съ потребностями каждаго человѣка, по извѣстной формулѣ: à chacun selon ses forces, à chacun selon ses besoins. Любопытно замѣтить, что министръ Войе-д'Аржансонъ, которому въ 1755 году было больше шестидесяти лѣтъ, прочитавши Code de le nature, назвалъ его *книгою книгъ* и поставилъ автора этой книги гораздо выше Монтескье. Это тотъ самый д'Аржансонъ, который принесъ въ засѣданіе Королевскаго совѣта мужицкій хлѣбъ, испеченный изъ мякины и коры, и сказалъ Людовику XV: вотъ, государь, какой хлѣбъ ѣдятъ ваши подданные!—Король отвѣчалъ съ большою находчивостью: будь я на ихъ мѣстѣ, я бы давно взбунтовался.—Если книга Морелли подѣйствовала на шестидесяти-лѣтняго министра, то не трудно себѣ представить, какъ сильно должна была она поразить болѣе молодыхъ и впечатлительныхъ читателей.

Въ 1756 году Вольтеръ издаетъ Essaisur les moeurs et l'esprit des nationes, книгу, за которую Бокль не совсѣмъ основательно называетъ Вольтера величайшимъ изъ всѣхъ европейскихъ историковъ. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что эта книга составляетъ первый опытъ бытовой исторіи и кладетъ основаніе всей новѣйшей исторіографіи. При этомъ Вольтеръ конечно не упускаетъ изъ виду своей любимой идеи, такъ что всю его книгу можно назвать огромнымъ и убійственно-остроумнымъ памфлетомъ противъ суевѣрія, фанатизма, клерикализма и туманныхъ отвлеченностей.

Съ 1754 по 1756 годъ выходятъ четвертый, пятый и шестой томы *Энциклопедіи*. Главные редакторы ея, Дидро и д'Аламберъ, стараются, не измѣняя основной идеѣ, вести дѣло немного осторожнѣе.

Въ 1757 году выходитъ седьмой томъ *Энциклопедіи*, въ которомъ редакторы, ободренные затишьемъ, дѣйствуютъ смѣлѣе. Д'Аламберъ пишетъ къ Вольтеру, что седьмой томъ будетъ сильнѣе всѣхъ предыдущихъ. Вольтеръ кланяется и благодаритъ, но клерикалы бьютъ тревогу во всѣхъ своихъ журналахъ, и правительство принимаетъ ихъ сторону.

Въ 1758 году Гельвецій издаетъ книгу De l' esprit (о разумѣ). Изъ ощущеній физической боли и физическаго удовольствія выводятся всѣ

человѣческія страсти, чувства и поступки. Эгоизмъ признается единственнымъ двигателемъ всякой человѣческой дѣятельности, какъ самой преступной, такъ и самой возвышенно-честной и геропческой. Добромъ называется то, что согласно съ общимъ интересомъ, а зломъ то, что вредитъ этому интересу и подрываетъ существованіе общества. Человѣкъ дѣлаетъ добро и зло вслѣдствіе одинаковыхъ побужденій, т. е. вслѣдствіе того удовольствія, которое доставляетъ или обѣщаетъ ему данный поступокъ. — Противъ этой книги поднимается жестокая буря; іезуиты и янсенисты преслѣдуютъ ее общими силами; парижскій архіепископъ совершенно справедливо видитъ въ ней отрицаніе свободной воли и нравственнаго закона; Сорбонна повторяетъ и усиливаетъ эти обвиненія; государственный прокуроръ усматриваетъ въ книгѣ Гельвеція собраніе самыхъ опасныхъ ученій, пущенныхъ въ ходъ *Энциклопедіей*. Книгою недовольны даже и сами философы; Вольтеръ, Дидро, Бюффонъ и Гриммъ осуждаютъ ее, какъ собраніе парадоксовъ, или отзываются о ней насмѣшливо.

Въ 1759 году книгу Гельвеція публично сжигаютъ по опредѣленію парламента; цензора Терсье, дозволившаго ея печатаніе, отставляютъ отъ службы. Между тѣмъ книга раскупается; въ самое короткое время она выдерживаетъ *пятьдесятъ* изданій; ее переводятъ почти на всѣ живые языки Европы. Гельвецій становится европейскою знаменитостью.

Въ томъ же 1759 году, черезъ мѣсяцъ послѣ сожженія книги Гельвеція, слѣдственная коммисія, наряженная по дѣлу объ *Энциклопедіи*, приводитъ свои работы къ благополучному окончанію. Привиллегія, выданная отъ правительства въ 1746 году на изданіе *Энциклопедіи*, уничтожается; продажа вышедшихъ и слѣдующихъ томовъ запрещается «во вниманіе того, что польза, приносимая искусству и наукѣ, совершенно не соотвѣтствуетъ вреду, приносимому религіи и нравственности.»

Въ томъ же 1759 году, Кенэ издалъ книгу Essai sur l'administraton des terres, которая, вмѣстѣ съ книгою «Tableau économique», изданною въ 1758 году, составляетъ основаніе теоріи *физіократовъ*, т. е. экономистовъ, старавшихся обратить вниманіе правительства на земледѣліе, какъ на единственный источникъ народнаго богатства. Этихъ экономистовъ можно назвать продолжателями Вобана и Буагильбера. Подобно этимъ двумъ писателямъ, они нисколько не возстаютъ противъ деспотизма, не требуютъ никакихъ конституціонныхъ гарантій и желаютъ только, чтобы

правительство сдѣлалось хорошимъ хозяиномъ, понимающимъ свои собственные интересы. Направленіе всей школы характеризируется слѣдующими словами, составляющими эпиграфъ къ главному сочиненію Кенэ, «Tableau économique:» «Pauvres paysans, pauvre royaume; pauvre royaume, pauvre roi.» (Когда бѣдны мужики, тогда бѣдно государство; когда бѣдно государство, тогда бѣденъ король). Средства, предлагавшіяся физіократами для устраненія бѣдности, признаны теперь односторонними и неудовлетворительными; но важное значеніе этихъ писателей обусловливается не положительными ихъ проэктами, а отрицательною стороною ихъ дѣятельности; всѣ они твердятъ обществу постоянно, что Франція бѣдна и быстрыми шагами идетъ къ окончательному раззоренію. Эти слова, подкрѣпленныя множествомъ прилежно собранныхъ фактовъ, дѣйствуютъ на общество и дѣйствуютъ такъ сильно, что уже въ 1759 году Вольтеръ въ своихъ письмахъ жалуется на охлажденіе общества къ изящной словесности. «Грація и вкусъ говоритъ онъ, кажется, изгнаны изъ Франціи и уступили мѣсто запутанной метафизикѣ, политикѣ мечтателей, громаднымъ разсужденіямъ о финансахъ, о торговлѣ, о народонаселеніи, которыя не прибавятъ государству ни одного экю, ни одного лишняго человѣка.» Надо полагать, что *грація и вкусъ* прибавляютъ государству и то, и другое!

Въ 1761 году, Руссо издаетъ свой романъ «La nouvelle Hèloïse.» *Грація и вкусъ* торжествуютъ, не смотря на успѣхи экономистовъ. Романъ распродается съ безпримѣрною и невѣроятною быстротою. Основные мотивы *Новой Элоизы*—любовь, добродѣтель и сельская природа. Знатныя дамы проводятъ надъ этимъ романомъ цѣлыя ночи на пролетъ, забывая о балѣ, который ожидаетъ ихъ, и о запряженной каретѣ, которая стоитъ у подъѣзда. Въ библіотекѣ для чтенія является такое множество читателей, требующихъ себѣ *Новую Элоизу*, что плата назначается за чтеніе этой книги не по днямъ, а по часамъ, за часъ платится по 12 су.

Въ 1762 году, Руссо издаетъ книгу Emile ou de l'èducation (Эмиль или о воспитаніи). Въ этой книгѣ находится знаменитое profession de foi du ricaire savoyard (исповѣданіе вѣры савойскаго викарія), въ которомъ Руссо опровергаетъ клерикаловъ съ одной стороны, и матеріалистовъ съ другой стороны. Блистательный успѣхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ буря въ клерикальныхъ и правительственныхъ сферахъ. Въ парламентѣ начинаютъ говорить, что вмѣстѣ съ книгами слѣдуетъ сжигать и авторовъ. Книгу сжигаютъ; автора посылаютъ арестовать, но онъ бѣжитъ за границу. Женe-

ва, въ которой Руссо ищетъ себѣ пристанища, гонитъ его вонъ. Бернъ поступаетъ точно также. Наконецъ Руссо находитъ себѣ пріютъ въ княжествѣ Нёфшательскомъ, которое въ то время принадлежало Пруссіи. Между тѣмъ отъ всѣхъ этихъ преслѣдованій цѣна *Эмиля* быстро растетъ. Книга, стоившая сначала восьмнадцать ливровъ, продается за два луидора. Ее перепечатываютъ въ Голландіи и распространяютъ въ безчисленномъ множествѣ экземпляровъ. Одинъ офицеръ, увлеченный идеями *Эмиля*, стремится бросить службу и учиться столярному ремеслу. Самъ Руссо отклоняетъ его отъ этого намѣренія. Начитавшись *Эмиля*, знатныя барыни начинаютъ сами кормить своихъ дѣтей. Это кормленіе входитъ въ моду и производится въ гостиныхъ, собственно для того, чтобы посторонніе мужчины видѣли, во первыхъ, сокровища материнской нѣжности, а во вторыхъ красоту обнаженной груди. Въ томъ же 1762 году, Руссо издаетъ книгу: «Du contrat social ou principes du droit politique» (Объ общественномъ договорѣ или принципы государственнаго права). Этою книгою Руссо кладетъ основаніе республиканской школѣ, такъ точно какъ Монтескье своимъ *Духомъ законовъ* положилъ основаніе конституціонной школѣ. Contrat social сдѣлался впослѣдствіи настольною книгою Робеспьера и былъ положенъ въ основаніе той конституціи, которую выработалъ конвентъ въ 1793 году.—*Эмиль* и *Общественный договоръ* доставили своему автору громадную популярность. «Трудно выразить, писалъ Юмъ изъ Парижа въ 1765 году,—даже вообразить народный энтузіазмъ къ нему. Никто никогда не обращалъ на себя въ такой степени народное вниманіе. Вольтеръ и всѣ другіе совершенно затемнены имъ». Въ томъ же 1762 году, Вольтеръ написалъ свое сочиненіе о *терпимости* въ защиту казненнаго Каласа. О впечатлѣніи, произведенномъ этою книгою на весь образованный міръ, уже было говорено выше.

Въ 1764 году, правительство запрещаетъ изданіе какихъ бы то ни было сочиненій по вопросамъ, касающимся государственнаго управленія.

Въ 1766 году, выходятъ послѣдніе десять томовъ *Энциклопедіи*. Клерикалы плачутъ и шумятъ. Правительство сажаетъ книгопродавцевъ на недѣлю въ Бастилью. Продажа книги продолжается. Министръ Шуазель и директоръ книжной торговли Малербъ тянутъ руку энциклопедистовъ и успѣваютъ, разными придворными хитростями, склонить короля къ снисходительности. Правительство рѣшается смотрѣть сквозь пальцы на продажу *Энциклопедіи*, кото-

рая расходится великолѣпно. Уже къ 1769 году было распродано *тридцать тысячъ* экземпляровъ, и чистый барышъ книгопродавцевъ-издателей дошелъ до 2,630,393 ливровъ, не смотря на то, что печатаніе стоило 1,158,958 ливровъ.

Въ томъ же 1766 году Гурнэ издалъ книгу «Essai sur l'esprit de la législation favorable á l'agriculture» (Опытъ о духѣ законодательства, благопріятнаго для земледѣлія.) Гурнэ принадлежитъ къ одному лагерю съ Кенэ. Это опять разсужденія о финансахъ, о бѣдности и о народномъ хозяйствѣ, разсужденія, совершенно враждебныя *граціямъ и вкусу*. Это—протесты противъ барщины, противъ обременительныхъ налоговъ, противъ цеховыхъ стѣсненій, противъ внутреннихъ таможенъ, противъ мелочной и произвольной правительственной регламентаціи.

Въ 1767 году, правительство угрожаетъ смертною казнью каждому писателю, котораго сочиненія клонятся къ волнованію умовъ. Въ тоже время писателямъ запрещается, подъ страхомъ смертной казни, разсуждать о финансахъ.

Въ томъ же 1767 году, Мерсье де-ла-Ривьеръ издаетъ книгу: «L'ordre naturel et essentiel des sociétés politipues» (Естественный и необходимый порядокъ гражданскихъ обществъ). Авторъ обсуживаетъ, съ точки зрѣнія физіократовъ, всевозможные вопросы государственнаго управленія и народнаго хозяйства. Правительственныя запрещенія и угрозы остаются мертвою буквою.

Въ 1768 году, Кенэ издаетъ книгу «Physiocratie ou constitution naturelle du gouvernement le plus avantageux au genre humain» (Физіократія или естественное устройство правленія, самаго выгоднаго для человѣческаго рода). Задача поставлена широко, и на запрещенія правительства обращается мало вниманія.

Въ томъ же 1768 году, Гольбахъ издаетъ книгу: Lettres à Eugenie ou préservatif contre les préjugés (Письма къ Евгеніи или предохранительное средство противъ предразсудковъ). Эта книга, подобно всѣмъ остальнымъ сочиненіямъ Гольбаха, выходитъ въ свѣтъ безъ имени автора, потому что всѣ произведенія этого писателя проповѣдуютъ такой необузданный матеріализмъ, который приводитъ въ ужасъ даже многихъ философовъ вольтеровской школы.

Въ 1770 году Галіани издаетъ «Dialogues sur le commerce des blés» (Діалоги о хлѣбной торговлѣ). Здѣсь начинается полемика съ физіократами, которые сосредоточивали все свое вниманіе на земледѣліи. Галіани выдвигаетъ впередъ вопросъ о промышлен-

номъ трудѣ и о фабричномъ работникѣ. Въ книгѣ Галіани заключаются уже, по мнѣнію Геттнера, зародыши новѣйшей соціальной науки.

Въ 1770 году Гольбахъ издаетъ книгу «Systéme de la nature» (Система природы). Бокль считаетъ появленіе этого сочиненія важною эпохою въ исторіи Франціи. Объ этой книгѣ принято говорить не иначе, какъ съ добродѣтельнымъ ужасомъ и негодованіемъ. Даже Гёте, который никогда не былъ ни клерикаломъ, ни даже деистомъ, говоритъ, что онъ едва могъ выносить присутствіе этой книги и содрогался передъ нею, какъ передъ привидѣніемъ. Вольтеръ, Фридрихъ Великій и д'Аламберъ были глубоко возмущены *Системою природы*. Вольтеръ старался уничтожить ее серьезными аргументами и легкими сарказмами. Однакоже книга устояла, и самъ Вольтеръ былъ принужденъ признаться печатно, что она распространена во всѣхъ классахъ общества и что ее читаютъ ученые, невѣжды и женщины. Изъ всѣхъ первоклассныхъ дѣятелей французской литературы, только одинъ Дидро совершенно одобрилъ книгу Гольбаха.

Въ 1773 году Бомарше печатаетъ свои защитительные мемуары. Ихъ сжигаетъ палачъ, и, разумѣется, они вслѣдствіе этого раскупаются съ удвоенною быстротою.

Въ 1774 году Тюрго, самый замѣчательный изъ физіократовъ, издаетъ свои «Recherches sur la nature et l'origine des richesses» (Изслѣдованіе о природѣ и происхожденіи богатствъ).

Въ томъ же 1775 году Бомарше ставитъ на сцену «*Севильскаго цирюльника*», въ которомъ плебей Фигаро дурачитъ и осмѣиваетъ знатныхъ господъ.

Въ 1776 году, Мабли издаетъ книгу «De la législation ou principes des lois» (О законодательствѣ или принципы законовъ). Всѣ люди, по мнѣнію Мабли, имѣютъ одинаковое право развивать свои способности и наслаждаться своимъ существованіемъ. Кто удерживаетъ для самого себя излишекъ, необходимый для жизни его ближняго, тотъ, по мнѣнію Мабли, вноситъ въ общество понятіе войны, извращаетъ божественный порядокъ міра и оказывается безбожникомъ.

Въ 1778 году старикъ Вольтеръ пріѣзжаетъ въ Парижъ. Его встрѣчаютъ такъ, какъ не встрѣчали никогда владѣтельныхъ особъ. Демонстраціи парижанъ до такой степени замѣчательны и такъ ярко характеризуютъ тогдашнее настроеніе умовъ, что я считаю необхо-

димымъ привести здѣсь слова очевидца Гримма, внесенныя Геттнеромъ въ его «Исторію литературы XVIII вѣка».

«Сегодня, 31 марта, знаменитый старикъ въ первый разъ былъ въ академіи и въ театрѣ. Огромная толпа людей слѣдовала за его экипажемъ даже во дворы Лувра, желая его видѣть. Всѣ двери, всѣ входы академіи были заняты; потокъ раскрылся только, чтобы дать ему мѣсто, и потомъ быстро сомкнулся снова и съ громкой радостью привѣтствовалъ его. Вся академія вышла ему на встрѣчу въ первую залу, — честь, которой не получалъ еще никто изъ ея членовъ, даже никто изъ иностранныхъ государей. Ему назначили мѣсто директора и выбрали его единогласно директоромъ... Когда онъ ѣхалъ отъ Лувра къ театру, это было совершенно похоже на тріумфъ. Все было переполнено людьми обоего пола, всякаго возраста и званія. Едва только показывалась вдали карета, раздавался всеобщій радостный кличъ; съ приближеніемъ его, восклицанія, аплодисменты и восторгъ удвоивались. Наконецъ, когда толпа видѣла уже почтеннаго старика, отягощеннаго столькими годами, столькой славой, видѣла, какъ онъ, поддерживаемый съ обѣихъ сторонъ, выходилъ изъ экипажа, умиленіе и удивленіе достигало высшей степени. Всѣ улицы, всѣ балюстрады домовъ, лѣстницы, окна, были усыпаны зрителями, и едва останавливалась карета, какъ все лѣзло на колеса и на экипажъ, чтобы посмотрѣть вблизи на знаменитаго человѣка. Въ самомъ театрѣ, гдѣ Вольтеръ вошелъ въ каммергерскую ложу, суматоха радости, казалось, стала еще больше. Онъ сидѣлъ между г-жей Дени и г-жей де-Виллетъ. Знаменитѣйшій изъ актеровъ, Бризаръ, подалъ дамамъ лавровый вѣнокъ съ просьбой увѣнчать старика. Но Вольтеръ тотчасъ положилъ вѣнокъ въ сторону, хотя публика громкими криками и рукоплесканіями заставляла его оставить на головѣ. Всѣ дамы стояли. Вся зала наполнилась пылью отъ передвиженія человѣческой массы. Только съ трудомъ можно было начать пьесу. Когда занавѣсъ упалъ, шумъ поднялся снова. Старикъ всталъ съ своего мѣста, чтобы благодарить, и тогда посреди сцены явился на высокомъ пьедесталѣ бюстъ великаго человѣка; его окружили всѣ актеры и актрисы съ вѣнками и гирляндами изъ цвѣтовъ; на заднемъ планѣ стали воины, выходившіе въ пьесѣ. Имя Вольтера раздавалось изъ всѣхъ устъ; это было восклицаніе радости, благодарности и удивленія; зависть, ненависть, фанатизмъ и нетерпимость должны были скрыть свою злобу, и общественное мнѣніе въ первый разъ, быть можетъ, высказалось свободно и въ полномъ бле-

скѣ. Бризаръ положилъ на бюстъ первый вѣнокъ, за нимъ слѣдовали другіе актеры, наконецъ г-жа Вестрисъ обратила къ виновнику торжества нѣсколько стиховъ, написанныхъ маркизомъ Сен-Маркомъ, которые торжественно высказывали, что лавровый вѣнокъ даетъ ему сама Франція. Минута, когда Вольтеръ оставлялъ театръ, была, если можно, еще трогательнѣе, чѣмъ его вступленіе. Казалось, онъ изнемогалъ подъ тяжестью лѣтъ и лавровъ. Кучера просили ѣхать по тише, чтобъ можно было идти за нимъ: большая часть народа провожала его, съ криками: «Да здравствуетъ Вольтеръ!»

Послѣ этого торжества, разумѣется, не осталось во всемъ Парижѣ ни одного блузника, которому было бы неизвѣстно имя Вольтера и который не имѣлъ бы, покрайней мѣрѣ, самаго общаго и неопредѣленнаго понятія о его заслугахъ. Каждый блузникъ зналъ, по меньшей мѣрѣ то, что Вольтеръ—писатель, и что писатель своими трудами можетъ сдѣлаться идоломъ и гордостью цѣлаго народа. Это уже очень важно и многознаменательно, когда одно имя повторяется съ благоговѣніемъ во всѣхъ слояхъ общества.

Черезъ два мѣсяца послѣ своего тріумфальнаго шествія, Вольтеръ умираетъ. Во избѣжаніе всякихъ выразительныхъ демонстрацій, правительство на нѣсколько времени запрещаетъ актерамъ играть драмы Вольтера и не позволяетъ журналистамъ упоминать о его смерти.

Между тѣмъ событія идутъ своимъ чередомъ, и положеніе съ каждымъ годомъ становится болѣе напряженнымъ. Я закончу мой хронологическій перечень слѣдующими тремя фактами.

Въ 1781 году, министръ Неккеръ печатаетъ свой «Comte rendu» (Отчетъ) о состояніи французскихъ финансовъ. Отчетъ этотъ клонился къ тому, чтобы сломить сопротивленіе привиллигерованныхъ классовъ и самого короля давленіемъ общественнаго мнѣнія. Поэтому этотъ отчетъ имѣетъ чисто обличительное направленіе и производитъ на общество потрясающее впечатлѣніе. Болѣе 6,000 экземпляровъ раскупается въ первый же день; а потомъ, постоянная работа въ двухъ типографіяхъ не успѣваетъ удовлетворять всѣхъ требованій изъ столицы, изъ провинцій и изъ-за границы. Отчетъ Неккера лежитъ въ карманѣ у каждаго аббата и на туалетѣ у каждой дамы. Другое сочиненіе Неккера «Administration des finances» расходится въ 80,000 экземпляровъ.

27 апрѣля 1784 года была дана въ первый разъ комедія Бомарше «*Свадьба Фигаро*». «Съ ранняго утра, говоритъ Геттнеръ,

Théatre Français былъ осаждаемъ массами. Знатныя дамы обѣдали въ актерскихъ ложахъ, чтобы обезпечить себѣ хорошія мѣста, въ толпѣ, какъ разсказываютъ достовѣрныя извѣстія, три человѣка были задавлены. Впечатлѣніе было неслыханное въ исторіи сцены. Шестьдесятъ восемь представленій даны были безъ перерыва одно за другимъ».—Гриммъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ значеніе комедій Бомарше: «Много и вѣрно говорено было о великомъ вліяніи Вольтера, Руссо и энциклопедистовъ, самый народъ мало однако читалъ этихъ писателей. Но представленіе *Свадьбы Фигаро* и *Цирюльника* безвозвратно предало правительство, судъ, дворянство и финансовый міръ на осужденіе всего населенія, всѣхъ большихъ и маленькихъ городовъ».

Въ 1787 году, архіепископъ тулузскій, Ломени де-Бріенъ, бывшій въ то время первымъ министромъ, представилъ парижскому парламенту королевскій эдиктъ, предоставлявшій протестантамъ всѣ тѣ гражданскія права, которыми до того времени пользовались только одни католики. Парламентъ, не смотря на свое тогдашнее оппозиціонное настроеніе, безпрекословно внесъ эдиктъ въ протоколъ и придалъ ему такимъ образомъ силу закона. И такъ король, парламентъ и церковь, въ лицѣ архіепископа тулузскаго, признали необходимость полной вѣротерпимости. Такимъ неслыханнымъ чудомъ Франція была обязана исключительно своей литературѣ, которая тихо и незамѣтно переработала всѣ понятія не только въ обществѣ, но даже и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Людовикъ XVI былъ также сыномъ своего вѣка, и роль Людовика XIV была ему не только не по силамъ, но и не по убѣжденіямъ. Старый порядокъ опротивѣлъ даже и самому королю.

VIII.

Сухая и сжатая хроника, наполняющая предыдущую главу, необходима читателю для того, чтобы онъ могъ бросить общій взглядъ на всю совокупность разнообразныхъ умственныхъ впечатлѣній, пережитыхъ читающею Франціею, а вслѣдъ за нею и всею мыслящею Европою, во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Разсматривая внимательно эту хронику, читатель увидитъ три различныя теченія идей—три теченія, дѣйствовавшія на умы съ одинаковою силою и въ одно время.

Во первыхъ, работы экономистовъ Кенэ, Гурнэ, Мерсье-де-ла-Ривьера и многихъ другихъ. Эти люди критикуютъ терпѣливо, внимательно и добросовѣстно тѣ части и отрасли феодальнаго порядка, которыя соприкасаются съ народнымъ хозяйствомъ и дѣйствуютъ на производительныя силы Франціи. Этимъ людямъ часто недостаетъ ширины взглядовъ, но за то они всегда превосходно знаютъ тѣ факты, о которыхъ они говорятъ. Ихъ можно упрекнуть въ односторонности, но никогда нельзя заподозрить въ поверхностномъ диллетантизмѣ.

Во вторыхъ, труды энциклопедистовъ, продолжающихъ дѣло Вольтера и уничтожающихъ послѣднія основанія клерикализма и піетизма.

Въ третьихъ, дѣятельность писателей, рисующихъ яркія картины того всеобщаго благополучія, къ которому должно стремиться человѣчество и которое не можетъ быть достигнуто при существованіи старыхъ учрежденій. Самымъ сильнымъ представителемъ этого послѣдняго направленія является Жанъ-Жакъ-Руссо.

Объ экономистахъ я распространяться не буду, во первыхъ потому, что для этого пришлось бы вдаваться въ очень подробныя изслѣдованія о хозяйственныхъ нелѣпостяхъ старой французской монархіи, а во вторыхъ потому, что уже въ 1776 году идеи французскихъ физіократовъ были совершенно опрокинуты знаменитою книгою Адама Смита о народномъ богатствѣ. Такъ какъ главное сочиненіе Кенэ «Tableau économique» вышло въ 1758 году, то, стало быть, могущество физіократовъ продолжалось всего восемнадцать лѣтъ. Главная же ихъ ошибка состояла въ томъ, что они видѣли въ землѣ единственный источникъ народнаго богатства, и трудъ земледѣльца считали единственнымъ производительнымъ трудомъ, имѣющимъ право на исключительное поощреніе со стороны государства. Слово *физіократія* значитъ *господство природы*. Французскіе экономисты прошлаго столѣтія придали своему ученію это названіе потому, что они старались доставить рѣшительное преобладаніе тѣмъ интересамъ, которые опираются на землю, на почву, на производительныя силы самой природы.

Гораздо обширнѣе было вліяніе представителей общественныхъ теорій и энциклопедистовъ. Ихъ идеи глубоко волновали всю Европу, и, облекаясь постоянно въ новыя формы, продолжаютъ дѣйствовать и развиваться до нашего времени. Поэтому я считаю необходимымъ остановиться здѣсь сначала на дѣятельности Руссо, а потомъ на міросозерцаніи энциклопедистовъ.

Въ настоящее время всѣ или почти всѣ мыслящіе люди убѣждены въ томъ, что человѣчество постоянно идетъ впередъ, совершенствуется и развивается. Кто признаетъ теорію прогресса, тотъ знаетъ также, что этотъ прогрессъ совершается не по произволу отдѣльныхъ личностей, а по общимъ и неизмѣннымъ законамъ природы. Но въ пониманіи обѣихъ великихъ идей — прогресса и законности надо тщательно избѣгать двухъ нелѣпыхъ крайностей, ведущихъ за собою самый безсмысленный оптимизмъ. Человѣчество подвигается впередъ—это вѣрно! но никакъ не слѣдуетъ думать, что каждый шагъ человѣчества есть непремѣнно шагъ впередъ, и каждое движеніе—движеніе къ лучшему. Напротивъ того человѣчество подвигается впередъ не по прямой линіи, а зигзагами; каждый успѣхъ покупается цѣною многихъ ошибочныхъ попытокъ. Правда, что ошибки эти не пропадаютъ совершенно даромъ; онѣ увеличиваютъ запасъ опытности; онѣ до нѣкоторой степени предохраняютъ отъ ошибокъ въ будущемъ; но ошибки все-таки остаются ошибками; и въ ту минуту, когда нація гонится за призракомъ или отворачивается отъ своей существенной выгоды, — никакъ не возможно утверждать, что нація поступаетъ очень благоразумно и что ея дѣла улучшаются.

Тоже самое надо сказать и объ идеѣ законности. Никакъ не слѣдуетъ утверждать, что отдѣльныя личности своими поступками, своими личными качествами, складомъ ума и особенностями характера не могутъ подѣйствовать ни въ дурную, ни въ хорошую сторону на общее теченіе событій. Напротивъ того, отдѣльныя личности постоянно дѣйствуютъ то въ дурную, то въ хорошую сторону, но ихъ вліянія взаимно уравновѣшиваются и становятся незамѣтными, если мы беремъ для разсмотрѣнія достаточно большіе періоды времени, напримѣръ, цѣлыя тысячелѣтія. Если бы мы могли, напримѣръ, взглянуть на положеніе Европы въ 1866 году, то мы, разумѣется, никакъ не могли бы опредѣлить, въ какомъ направленіи подѣйствовали на европейскую цивилизацію личный характеръ и военные таланты Наполеона I. Оказалось бы, что всѣ слѣды его вліянія совершенно изглажены, и Европа прошла въ тысячелѣтіе какъ разъ тотъ путь, который она должна была пройдти по вѣчнымъ и незыблемымъ законамъ природы. Но если вы теперь, въ 1866 году, вздумаете утверждать, что умъ и характеръ Наполеона I не имѣли никакого вліянія на ходъ событій, то вамъ скажутъ, что будь, напримѣръ, у Наполеона I поменьше военныхъ талантовъ и тщеславія, да побольше благоразумія, тогда бы вся Ев-

ропа съ 1807 года наслаждалась бы глубокимъ миромъ, и тогда не было бы той бѣшеной католической реакціи, которая могла развернуться въ полномъ блескѣ только подъ покровительствомъ торжествующаго легитимизма. У Наполеона была своя историческая задача, не особенно завидная и блестящая, но все-таки такая, которую можно было выполнить хорошо и выполнить дурно. Послѣ того какъ революція была остановлена на всемъ ходу, военная диктатура сдѣлалась сначала возможною, а потомъ неизбѣжною; но можно было воспользоваться ею благоразумно, и воспользоваться нелѣпо; то или другое употребленіе доктрины зависѣло уже вовсе не отъ великихъ и общихъ причинъ, а просто отъ личныхъ особенностей диктатора. Наполеонъ выполнилъ свою задачу отвратительно дурно, и тѣ люди, которымъ приходится жить въ ближайшія десятилѣтія, чувствуютъ на себѣ дурныя послѣдствія его ошибокъ. То же самое можно сказать и обо всякой другой исторической задачѣ, достающейся на долю отдѣльной личности; каждая задача можетъ быть рѣшена и очень хорошо, и очень дурно, и съ грѣхомъ пополамъ. Въ половинѣ XVIII вѣка стояла на очереди важная задача. Надо было повернуть противъ феодальнаго государства то отрицаніе, которое въ первой половинѣ столѣтія дѣйствовало исключительно противъ клерикальной партіи. Надо было громко объявить людямъ, что пора перейдти отъ смѣлыхъ мыслей къ смѣлымъ дѣламъ. Эту задачу рѣшилъ Руссо. Слово его было достаточно громко и увлекательно. Люди встрепенулись, и передъ ними открылась перспектива новой жизни. А между тѣмъ нельзя не пожалѣть о томъ, что рѣшеніе этой капитальной задачи досталось именно Жанъ-Жаку Руссо. Нельзя не сказать, что Европа осталась бы въ большихъ барышахъ, если бы Руссо умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ, не напечатавши ни одной строки. Руссо рѣшилъ задачу, но на свое рѣшеніе онъ положилъ грязные слѣды своей бабьей, плаксивой, взбалмошной, расплывающейся, мелочной, и въ то же время фальшивой, двоедушной и фарисейской личности. У Руссо былъ тотъ талантъ, былъ тотъ умъ, были тѣ страсти, которые были необходимы для рѣшенія задачи. Но кромѣ того у Руссо было многое множество болѣзней, слабостей, пошлостей и гнусностей, безъ которыхъ основатель французской соціальной науки могъ бы обойдтись съ величайшимъ удобствомъ для самого себя, и съ огромною пользою для своего дѣла. Такъ, напримѣръ, Руссо не было ни малѣйшей необходимости страдать разстройствомъ мочевого пузыря и хроническою безсонницею. Дѣло все-

общей перестройки очевидно выиграло бы, если бы ея первымъ мастеромъ былъ человѣкъ совершенно здоровый, крѣпкій, веселый, дѣятельный и неутомимый.—Читатели мои ужасаются или смѣются. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, толковать о мочевомъ пузырѣ, когда разсматривается рѣшеніе великой исторической задачи? Что̀ общаго имѣетъ мочевой пузырь Руссо съ идеями *Эмиля* и *Общественнаго договора*?—Къ сожалѣнію эти вещи имѣютъ между собою гораздо больше точекъ соприкосновенія, чѣмъ вы предполагаете, господа идеалисты. Я докажу вамъ это словами самого Руссо. Въ 1752 году была дана, съ большимъ успѣхомъ, на придворномъ театрѣ комическая опера Руссо: «*Деревенскій гадатель.*» Король, которому очень понравилась музыка, выразилъ желаніе, чтобы Руссо былъ ему представленъ. Теперь выступаетъ на сцену мочевой пузырь. «Вслѣдъ за мыслью о представленіи, говоритъ Руссо въ своихъ *признаніяхъ* (которыя г. Устряловъ напрасно назвалъ въ рускомъ переводѣ *Исповѣдью*), я задумался надъ необходимостью часто выходить изъ комнаты, вслѣдствіе моей болѣзни, что̀ заставило меня много страдать въ вечеръ, проведенный въ театрѣ, и что̀ могло мучить меня и на слѣдующій день, когда мнѣ предстояло быть въ галлереѣ или въ комнатахъ короля, среди всѣхъ вельможъ, ожидающихъ появленія его величества. *Эта болѣзнь была главной причиной*, по которой я держалъ себя въ сторонѣ отъ собраній, и которая не позволяла мнѣ ходить въ гости къ женщинамъ. Одна мысль о томъ положеніи, въ которое могла поставить меня эта потребность, была способна усилить ее до такой степени, что мнѣ сдѣлалось бы дурно, или дѣло не обошлось бы безъ скандала, которому я предпочелъ бы смерть. Только люди знакомые съ такимъ состояніемъ могутъ понять, какъ страшно подвергать себя такой опасности»— Самъ Руссо, какъ видите, признается, что *болѣзнь была главною причиною*, удалявшею его отъ людей. Надо замѣтить, что эта болѣзнь была у него врожденною. Значитъ, онъ съ самаго дѣтства чувствовалъ въ обществѣ постоянное безпокойство. Эта совершенно опредѣленная боязнь должна была наконецъ породить въ немъ общую неразвязность и застѣнчивость; эти особенности вызывали шутки и насмѣшки товарищей; отъ этихъ шутокъ и насмѣшекъ робость должна была увеличиваться, и къ ней должна была присоединяться злобная недовѣрчивость къ людямъ и, какъ подкладка этой недовѣрчивости, тоскливо-сантиментальное стремленіе къ какимъ-то лучшимъ людямъ, сладкимъ, чувствительнымъ, нѣжнымъ и слезливымъ. Всѣ *Признанія* Руссо составляютъ одну длиннѣйшую

и скучнѣйшую жалобу на то, что люди не умѣютъ его понимать, не умѣютъ любить, стараются всячески изобидѣть, составляютъ противъ него заговоры и причиняютъ его прекрасной душѣ такія страданія, которыя имъ, простымъ и грубымъ людямъ, даже совершенно недоступны. И Руссо напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы наплевать на людей и удалиться въ пустыню, на лоно природы, которая никому не мѣшаетъ *часто выходить изъ комнаты*. Но Руссо такъ мелоченъ, что онъ никакъ не можетъ дѣйствительно наплевать на людей; его тревожитъ каждая свѣтская сплетня, какъ бы она ни была невинна или глупа; въ каждомъ словѣ и въ каждомъ взглядѣ онъ отыскиваетъ себѣ оскорбленіе; на каждомъ шагу онъ, отшельникъ и мудрецъ, вламывается въ амбицію; лѣзетъ объясняться, выказываетъ свое достоинство, визжитъ, плачетъ, кидается въ объятія и вообще надоѣдаетъ всѣмъ своимъ знакомымъ до такой степени, что всѣ дѣйствительно начинаютъ тяготиться его присутствіемъ. Руссо ненавидитъ то общество, въ которомъ онъ живетъ, но въ этой ненависти нѣтъ ничего высокаго и прекраснаго. Онъ ненавидитъ въ немъ не тѣ крупныя препятствія, которыя парализуютъ полезную дѣятельность; онъ ненавидитъ только какія-то мелкія несовершенства отдѣльныхъ личностей, безчувственность злодѣя Дидро, суровость негодяя Гольбаха, высокомѣріе изверга Гримма, неискренность мерзавки д'Эпине. Въ *Признаніяхъ* радикала Руссо вы не найдете ни одной сильной и глубоко-прочувствованной политической ноты, но зато найдете груды замысловатыхъ соображеній о коварныхъ происках Дидро и Гольбаха противъ репутаціи кроткаго и добродѣтельнаго Жанъ-Жака. Политическая дряблость радикала Руссо была такъ велика, что онъ по какому-то ничтожному личному поводу напалъ печатно на Дидро и объявилъ публикѣ о своемъ разрывѣ съ нимъ въ то самое время, когда Дидро, какъ редакторъ *Энциклопедіи*, несъ на себѣ всю тяжесть правительственныхъ и клерикальныхъ преслѣдованій. Сенъ-Ламберъ, которому Руссо, по старой дружбѣ, послалъ свою ядовитую брошюру, отвѣчалъ ему убійственнымъ письмомъ, котораго не дай Богъ никому получить отъ стараго друга. «Поистинѣ, милостивый государь, пишетъ Сенъ-Ламберъ, я не могу принять вашего подарка. При чтеніи того мѣста вашего предисловія, гдѣ вы, по поводу Дидро, приводите выписку изъ ecclesiasta, книга выпала у меня изъ рукъ... Вамъ не безъизвѣстны преслѣдованія, которыя онъ терпитъ, а вы примѣшиваете голосъ стараго друга къ крикамъ зависти. Не могу скрыть отъ васъ, ми-

лостивый государь, какъ возмущаетъ меня подобная жестокость... Милостивый государь, мы слишкомъ расходимся въ нашихъ принципахъ, чтобъ имѣть возможность сойдтись когда нибудь. Забудьте мое существованіе; это не должно быть для васъ трудно.... Я же, милостивый государь, обѣщаю вамъ забыть вашу особу и помнить только ваши таланты.»—И. Руссо самодовольно выписываетъ это письмо въ своихъ *Признаніяхъ*, считая себя и въ этомъ случаѣ жертвою человѣческой испорченности.—Болѣзнь Руссо развивала въ немъ любовь къ уединенію, а уединеніе развивало мечтательность. Руссо самъ разсказываетъ, какимъ образомъ онъ въ лѣсахъ Монморанси окружалъ себя идеальными существами и проливалъ сладостныя слезы надъ великими добродѣтелями Юліи и Сенъ-Пре, героевъ *Новой Элоизы*. Болѣзнь внушала Руссо отвращеніе къ дѣятельной и тревожной жизни: въ то время, когда все кругомъ Руссо кипѣло ожесточенною борьбою, самъ Руссо мечталъ только о томъ, какъ бы найдти себѣ гдѣ нибудь спокойный уголокъ и устроить вокругъ себя любезную идиллію. Такъ какъ борьба, требующая постоянныхъ и разнообразныхъ столкновеній съ людьми, была рѣшительно не по силамъ больному мечтателю, то онъ и не могъ никогда пристраститься къ такой цѣли, которая можетъ быть достигнута только путемъ упорной и продолжительной борьбы. У Руссо, у этого кумира якобинцевъ, не было въ жизни никакой опредѣленной цѣли. Онъ вовсе не желалъ ввести въ сознаніе общества тѣ или другія идеи. Если бы у него было это желаніе, то онъ, подобно Вольтеру, писалъ бы до послѣдняго издыханія и устроивалъ бы всю свою жизнь такъ, какъ того требовали удобства писанія и печатанія. Но этого не было. Онъ бросилъ литературную дѣятельность, какъ только получилъ возможность жить потихоньку на заработанныя деньги. Выбирая себѣ мѣсто жительства, онъ обращаетъ вниманіе только на красоту окружающей природы, а совсѣмъ не на ту степень свободы, которою пользуется въ данной странѣ печатное слово. Не угодно ли вамъ полюбоваться на идеалъ счастливой жизни, нарисованный рукою самого Руссо. «Лѣта романическихъ плановъ прошли, говоритъ онъ въ *Признаніяхъ*, дымъ пустого тщеславія скорѣе отуманивалъ меня, чѣмъ льстилъ мнѣ, мнѣ оставалась одна послѣдняя надежда—жить безъ принужденія, въ вѣчной праздности. Это жизнь блаженныхъ на томъ свѣтѣ, и я отнынѣ полагалъ въ ней мое высочайшее счастье въ этомъ мірѣ»... «Праздность, которую я люблю,—поясняетъ онъ далѣе,—не есть праздность лѣнивца, который сложа руки остается въ совершен-

номъ бездѣйствіи, ни о чемъ не думая, ничего не дѣлая. Это—праздность ребенка, находящагося безпрестанно въ движеніи и все-таки ничего не дѣлающаго, и праздность болтуна, который мелетъ всякій вздоръ, между тѣмъ какъ руки его остаются въ покоѣ. Я люблю заниматься пустяками, начинать сто вещей и не кончать ни одной, ходить куда вздумается, каждую минуту перемѣнять планы, слѣдить за мухою во всѣхъ ея пріемахъ, желать сдвинуть скалу, чтобы посмотрѣть, что подъ нею, съ жаромъ принять работу, которой хватитъ на десять лѣтъ, и бросить ее черезъ десять минутъ, цѣлый день предаваться бездѣлью безъ порядка и безъ послѣдовательности и во всемъ подчиняться только минутному капризу.» Врядъ ли можно найдти другого знаменитаго человѣка, который съ такимъ искреннимъ самодовольствомъ любовался бы публично своею собственною дрянностью и тряпичностью. Вы видите изъ его словъ, что когда онъ писалъ *Эмиля* и *Общественный договоръ*, тогда онъ только *отуманивалъ себя дымомъ пустого тщеславія*. Теперь дымъ разсѣялся и Руссо понялъ, что *вѣчная праздность ребенка* составляетъ его настоящее призваніе. Не умѣя быть героемъ и бойцомъ, Руссо не умѣетъ также цѣнить и понимать бойцовъ и героевъ. Сила, энергія, смѣлость, настойчивость, эластичность, изворотливость, неутомимость,—всѣ эти качества, драгоцѣнныя съ точки зрѣнія бойца, въ глазахъ Руссо не имѣютъ никакого значенія. Онъ дорожитъ только красивыми чувствами, трогательными изліяніями, чистотою цѣломудреннаго сердца, кротостью голубинаго нрава, способностью созерцать, благоговѣть, ныть и обливаться теплыми слезами восторга.

Онъ влюбленъ въ какую-то добродѣтель и желаетъ, чтобы всѣ люди были по возможности добродѣтельны. Но при этомъ онъ самого себя считаетъ за очень добродѣтельнаго человѣка и даже умиляется до слезъ надъ красотами своей души. Это обстоятельство ясно показываетъ читателю, что возлюбленная добродѣтель Руссо заключается именно *только* въ тонкости прекрасныхъ чувствъ, потому что эта добродѣтель не помѣшала ему отдать пять человѣкъ своихъ собственныхъ дѣтей въ воспитательный домъ и вообще не заставила его сдѣлать ни одного сколько нибудь замѣчательнаго поступка, ничего такого, что́ можно было бы хоть издали сравнить съ великими подвигами человѣколюбія, сдѣланными злымъ насмѣшникомъ Вольтеромъ, который никогда не толковалъ печатно о добродѣтели. И такъ, идеалъ Руссо былъ совершенно ложенъ; та мѣрка, которою онъ измѣрялъ достоинства людей, никуда не

годится. Этотъ ложный идеалъ и эта негодная мѣрка, обязанные своимъ происхожденіемъ болѣзненному состоянію автора, бросаютъ совершенно фальшивый колоритъ на самыя замѣчательныя произведенія Руссо, на *Эмиля* и на *Общественный договоръ*. Въ лицѣ своего идеальнаго воспитанника, Эмиля, Руссо формируетъ не гражданина, не мыслителя, не героя той великой борьбы, которая должна перестроить и обновить общество, а только здороваго и невиннаго ребенка, который съумѣетъ, до конца своей жизни, уберечь отъ козней общества свою невинность и свое здоровье. Руссо боится до крайности, чтобы его Эмиль не провелъ ночи въ объятіяхъ камеліи; но онъ нисколько не боится того, что вся жизнь Эмиля можетъ пройдти безслѣдно, въ сонной идиллической безпечности, которая къ тридцатилѣтнему возрасту превратитъ Эмиля въ Афанасія Иваныча. Въ своемъ *Общественномъ договорѣ*, Руссо считаетъ необходимымъ, чтобы законодатель и правительство дѣлали гражданъ добродѣтельными. Это стремленіе кладетъ въ идеальное государство Руссо зерно злѣйшаго клерикальнаго деспотизма. Руссо думаетъ, что людей надо искуственнымъ образомъ пріучать къ добродѣтели. Это — огромная ошибка. Каждый здоровый человѣкъ добръ и честенъ до тѣхъ поръ, пока всѣ его естественныя потребности удовлетворяются достаточнымъ образомъ. Когда же органическія потребности остаются неудовлетворенными, тогда въ человѣкѣ пробуждается животный инстинктъ самосохраненія, который всегда бываетъ и всегда долженъ быть сильнѣе всѣхъ привитыхъ нравственныхъ соображеній. Противъ этого инстинкта не устоятъ никакія добродѣтельныя внушенія. Поэтому, государству не зачѣмъ и тратить силы и время на подобныя внушенія, которыя въ однихъ случаяхъ не нужны, а въ другихъ безсильны. Государство исполняетъ свою задачу совершенно удовлетворительно, когда оно заботится только о томъ, чтобы граждане были здоровы, сыты и свободны, то есть, чтобы они, на всемъ протяженіи страны, дышали чистымъ воздухомъ, чтобы они раньше времени не вступали въ бракъ, чтобы всѣ они имѣли полную возможность работать и потреблять въ достаточномъ количествѣ продукты своего труда и чтобы наконецъ всѣ они могли пріобрѣтать положительныя знанія, которыя избавляли бы ихъ отъ раззорительныхъ мистификацій всевозможныхъ шарлатановъ и кудесниковъ. Если же государство не ограничивается этими заботами, если оно врывается въ область убѣжденій и нравственныхъ понятій, если оно старается навязать гражданамъ возвышенныя чувства

и похвальныя стремленія, то оно притупляетъ гражданъ, превращая ихъ или въ послушныхъ ребятъ или въ безсовѣстныхъ лицемѣровъ. Офиціальныя хлопоты о добродѣтеляхъ открываютъ широкую дорогу религіознымъ преслѣдованіямъ. Это мы видимъ уже въ теоретическомъ трактатѣ Руссо. Четвертая книга *Общественнаго договора* говоритъ, что въ государствѣ должна существовать религія, обязательная для всѣхъ гражданъ. Кто не признаетъ государственной религіи, того слѣдуетъ выгонять изъ государства, не какъ безбожника, а какъ нарушителя закона. Кто призналъ эту религію и однакоже дѣйствуетъ противъ нея, тотъ подвергается смертной казни, какъ человѣкъ, солгавшій передъ закономъ. Этими двумя принципами можно оправдать и узаконить все, что угодно: и драгонады, и инквизицію, и изгнаніе мавровъ изъ Испаніи, и вообще всевозможныя формы религіозныхъ преслѣдованій. И герцогъ Альба, и Торквемада, и Ле-Теллье могутъ прикрыть всѣ свои подвиги тѣмъ аргументомъ, что они наказываютъ не еретиковъ, а государственныхъ преступниковъ. Именно этимъ аргументомъ и оправдывались въ Англіи, при Елисаветѣ, преслѣдованія, направленныя противъ католиковъ. Руководствуясь принципами Руссо, Робеспьеръ погубилъ на эшафотѣ много такихъ людей, которые были очень полезны Франціи, напримѣръ, Дантона, Демулена, Шомета, Анахарсиса Клоца. Онъ обвинялъ ихъ правда въ различныхъ заговорахъ и сношеніяхъ съ Питтомъ, но врядъ ли даже онъ самъ вѣрилъ въ существованіе этихъ заговоровъ. Настоящею причиною его ненависти къ этимъ людямъ было то обстоятельство, что всѣ они были скептиками, и что вслѣдствіе этого Робеспьеръ, какъ послушный ученикъ Руссо, признавалъ ихъ недостойными жить въ добродѣтельной Французской республикѣ.

IX.

Изъ энциклопедистовъ я возьму только Дидро и Гольбаха. Оба они—здоровые, веселые, трудолюбивые люди, безгранично преданные своимъ идеямъ. Оба они гораздо моложе Вольтера, Дидро—на девятнадцать, а Гольбахъ — на двадцать девять лѣтъ. Дидро воспитывался въ коллегіи іезуитовъ и хотѣлъ сначала поступить въ духовное званіе, но потомъ, когда способности его развернулись,

онъ совершенно отказался отъ этого намѣренія, сталъ заниматься съ особеннымъ жаромъ математикой, древними и новыми языками и наконецъ рѣшительно объявилъ своему отцу, что никогда не выберетъ себѣ опредѣленной профессіи. Отецъ его, богатый и солидный буржуа, разсердился и вздумалъ запугать его лишеніями. Дидро остался въ Парижѣ безъ копѣйки денегъ и началъ заниматься литературными работами по заказу книгопродавцевъ. Потомъ женился по любви на бѣдной дѣвушкѣ и окончательно разсорился съ отцомъ. Наконецъ, въ 1746 году, Дидро сошелся съ книгопродавцемъ Ле-Бретономъ, у котораго была въ рукахъ привиллегія на изданіе англійской Энциклопедіи Чамберса во французскомъ переводѣ, но не было подъ руками людей, способныхъ взяться за переводъ этой книги. Дидро, которому было въ это время 33 года и который уже давно чувствовалъ въ себѣ силы взяться за большой и важный трудъ, посовѣтовалъ Ле-Бретону издать оригинальную французскую энциклопедію и составилъ для этого изданія самый широкій планъ. Онъ задумалъ дать французскому обществу не какую-нибудь простую справочную книгу, не какое-нибудь мертвое собраніе техническихъ терминовъ и отрывочныхъ фактовъ, а такое произведеніе, которое вмѣстило бы въ себѣ всю философію вѣка и показало бы ясно жизненное значеніе новаго міросозерцанія, смѣло объявляющаго войну клерикальному деспотизму. Работа началась съ 1749 года и продолжалась по 1766 годъ. Впродолженіи первыхъ восьми лѣтъ Дидро раздѣлялъ труды редакціи съ д'Аламберомъ, но въ 1757 году, когда седьмой томъ энциклопедіи вызвалъ противъ себя жестокую бурю, д'Аламберъ счелъ благоразумнымъ удалиться отъ такого опаснаго предпріятія, и вся тяжесть редакціонной работы и отвѣтственности упала на одного Дидро. Сотрудники чувствовали ежеминутно припадки трусости, Ле-Бретонъ позволялъ себѣ, во избѣжаніе столкновеній съ властями, смягчать въ статьяхъ слишкомъ рѣзкія выраженія, и Дидро все это долженъ былъ улаживать и устроивать, ободрять сотрудниковъ, обуздывать книгопродавца, хлопотавшаго только о барышахъ, вести дружбу и тонкую политику съ властями, хитрить и уступать въ однѣхъ статьяхъ и потомъ наверстывать сдѣланныя уступки подъ другими рубриками. Все это онъ выполнилъ съ блестящимъ успѣхомъ. При этомъ онъ относился такъ добросовѣстно къ мельчайшимъ подробностямъ своего дѣла, что для удовлетворительнаго описанія различныхъ ремеслъ и промысловъ онъ про-

водилъ цѣлые дни въ мастерскихъ, разсматривалъ съ величайшимъ вниманіемъ различныя машины и усвоивалъ себѣ всѣ техническіе пріемы работниковъ. Книгопродавцы, какъ мы видѣли выше, выручили за Энциклопедію больше двухъ съ половиною милліоновъ ливровъ чистаго барыша, а Дидро за всю свою семнадцатилѣтнюю работу получилъ 20,000 ливровъ единовременно, да по 2,500 ливровъ за каждый томъ. Впрочемъ Дидро былъ некорыстолюбивъ; онъ съ безпредѣльною щедростью помогалъ своимъ друзьямъ деньгами и перомъ; онъ охотно поправлялъ и передѣлывалъ чужія рукописи, приставлялъ къ нимъ предисловія и вообще разбросалъ множество блестящихъ мыслей по-разнымъ книгамъ своихъ единомышленниковъ. Дѣло не въ томъ, говорилъ онъ часто, кѣмъ сдѣлана вещь, мною или другимъ; надо только, чтобы она была сдѣлана, и сдѣлана хорошо. Философскія убѣжденія Дидро дались ему не съ разу. Онъ купилъ ихъ цѣною тяжелыхъ сомнѣній и продолжительной умственной борбы. Его сочиненія указываютъ на три фазы въ его развитіи. Въ 1745 году, въ сочиненіи «Essai sur le mèrite et sur la vertu» (Опытъ о заслугахъ и о добродѣтели) онъ является философствующимъ католикомъ и доказываетъ, что добродѣтель можетъ основываться только на религіи. Въ 1747 году, въ *Прогулкѣ скептика* онъ, по словамъ Геттнера, «*бросается въ пропасть большаго сомнѣнія*»; и утверждаетъ, что нѣтъ въ человѣческой жизни другой цѣли, кромѣ чувственныхъ наслажденій. Затѣмъ начинаются попытки спасти что-нибудь изъ прежнихъ вѣрованій, и Дидро на нѣсколько времени становится деистомъ; но эти попытки не удовлетворяютъ его, и съ 1749 года онъ уже на всю жизнь остается крайнимъ матеріалистомъ. Этими послѣдними убѣжденіями проникнуты всѣ его работы, помѣщенныя въ *Энциклопедіи*. Умирая въ 1784 году, онъ сказалъ, что сомнѣніе есть начало философіи. Это были его послѣднія слова.

Баронъ Гольбахъ, богатый человѣкъ, получившій въ Парижѣ очень основательное образованіе, занимался естественными науками, въ особенности химіею, кормилъ философовъ великолѣпными обѣдами и часто помогалъ имъ своими обширными знаніями. Онъ писалъ для *Энциклопедіи* химическія статьи и печаталъ матеріалистическія книги, никогда не выставляя на нихъ своего имени. Знаменитая его «Systéme de la nature» вышла въ свѣтъ тогда, когда Гольбаху было уже сорокъ семь лѣтъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ этого сочиненія Гольбаху помогалъ Дидро. Принимая въ соображеніе тотъ ужасъ, которымъ эта книга поразила всю философствую-

щую Европу, мы можемъ утверждать положительно, что Système de la nature составляетъ послѣднюю, крайнюю вершину въ развитіи отрицательныхъ доктринъ XVIII вѣка.

Гольбахъ думаетъ, что все совершается въ природѣ по вѣчнымъ и неизмѣннымъ законамъ. Эта идея служитъ фундаментомъ для всѣхъ его остальныхъ построеній. Человѣкъ, по его мнѣнію, не можетъ освободиться отъ законовъ природы даже въ своей мысли. Какъ для чувствованія, такъ и для мышленія необходима, по мнѣнію Гольбаха, нервная система, соприкасающаяся съ внѣшнимъ міромъ посредствомъ органовъ и аппаратовъ зрѣнія, слуха, вкуса, осязанія и обонянія. Безъ органовъ и нервной системы нѣтъ ни мышленія, ни чувствованія, такъ точно какъ безъ музыкальнаго инструмента нѣтъ музыкальнаго звука и слѣдовательно нѣтъ также и отдѣльныхъ качествъ звука нѣжности или пронзительности, пѣвучести или пискливости, протяжности или отрывистости. Представить себѣ мысль, отрѣшенную отъ необходимыхъ условій ея проявленія, то есть, отъ нервной системы, это, по мнѣнію Гольбаха, все равно, что представить себѣ звукъ, существующій независимо отъ инструмента. Это значитъ вообразить себѣ дѣйствіе безъ причины... Матерія, по мнѣнію Гольбаха, неистребима; ниодна частица ея не можетъ исчезнуть; но частицы эти безпрестанно передвигаются, и, вслѣдствіе этого передвиженія, формы и комбинаціи безпрестанно разрушаются и возникаютъ. Передвиженія частицъ совершаются по тѣмъ же вѣчнымъ и неизмѣннымъ законамъ, которыми обусловливается теченіе великихъ небесныхъ свѣтилъ. Это значитъ, что если частица матеріи сто милліоновъ разъ будетъ поставлена въ одинаковое положеніе, то она сто милліоновъ разъ пойдетъ по одному и тому же пути и вступитъ въ однѣ и тѣ же комбинаціи. Тѣ частицы матеріи, которыя входятъ въ составъ человѣческаго тѣла, подчиняются, по мнѣнію Гольбаха, въ своихъ движеніяхъ, такимъ же точно вѣчнымъ и неизмѣннымъ законамъ. Изъ этого правила нѣтъ исключенія. Какъ частицы желудочнаго сока вступаютъ въ химическія соединенія съ частицами пищи *по необходимости*, какъ кровяные шарики поглощаютъ кислородъ *по необходимости*, такъ точно и частицы мозга передвигаются и претерпѣваютъ химическія измѣненія *по необходимости*. Результатомъ этихъ передвиженій и химическихъ измѣненій оказывается процессъ мышленія, который слѣдовательно также, по мнѣнію Гольбаха, отличается всегда характеромъ непреклонной *необходимости*. Человѣкъ поступаетъ такъ

или иначе, потому что желаетъ такъ или иначе; желаніе обусловливается предварительнымъ размышленіемъ, а размышленіе есть неизбѣжный результатъ данныхъ внѣшнихъ впечатлѣній и данныхъ особенностей мозга. Значитъ, что же такое преступленіе и что такое наказаніе? Природа, по мнѣнію Гольбаха, не знаетъ ни того, ни другого; въ природѣ нѣтъ ничего, кромѣ безконечной цѣпи причинъ и слѣдствій, такой цѣпи, изъ которой невозможно выкинуть ни одного звѣна.

Повидимому Гольбахъ долженъ быть самымъ ужаснымъ и отвратительнымъ человѣкомъ. Иначе какимъ образомъ могъ бы онъ быть и матеріалистомъ? Однакоже, къ удивленію всѣхъ любителей доброй нравственности, Гольбахъ оказывается человѣкомъ хорошимъ. «Я, говоритъ Гриммъ, рѣдко встрѣчалъ такихъ ученыхъ и разносторонне образованныхъ людей, какъ Гольбахъ; я никогда не встрѣчалъ людей, у которыхъ было бы такъ мало тщеславія и самолюбія. Безъ живой ревности къ успѣху всѣхъ наукъ, безъ стремленія, ставшаго у него второй природой, сообщать другимъ все, что казалось ему важно и полезно, онъ бы никогда не выказалъ своей безпримѣрной начитанности. Съ его [redacted]ностью было бы тоже, что съ его богатствомъ. Его никогда бы не угадали, если бы онъ могъ ее скрыть, не вредя своему собственному наслажденію и особенно наслажденію своихъ друзей. Человѣку такихъ взглядовъ не должно было стоить большого труда—вѣрить въ господство разума; потому что его страсти и удовольствія были именно таковы, каковы они должны быть, чтобы дать перевѣсъ хорошимъ правиламъ. Онъ любилъ женщинъ, любилъ удовольствія стола, былъ любопытенъ; но ни одна изъ этихъ склонностей не овладѣвала имъ вполнѣ. Онъ не могъ ненавидѣть никого; только тогда, когда онъ говорилъ о распространителяхъ угнетенія и суевѣрія, его врожденная кротость превращалась въ ожесточеніе и жажду борьбы.»

Оканчивая эту статью, я совѣтую читателямъ, заинтересовавшимся умственною жизнью прошлаго столѣтія, прочитать книгу Геттнера: «Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка». Въ этой книгѣ читатели найдутъ толковое, безпристрастное и занимательное изложеніе біографическихъ фактовъ и философскихъ доктринъ, въ связи съ общею картиною времени.

Д. Рагодинъ.

ПѢСНЯ.

Безъ конца, безъ края
Земля протянулась,
Дверь ея предъ силой
Настежь распахнулась.

Ройся подъ горами,
Что идутъ за тучи;
Съ топоромъ бывалымъ
Лѣсъ руби дремучій.

Съ косой вострой въ полѣ
Гуляй отъ разсвѣта;
Прокатися съ тройкой—
Нѣтъ ни въ чемъ запрета!

Всюду твою силу
Въ гости зазываютъ,
Ѣсть усталъ—насильно
Тебя угощаютъ.

Ляжешь спать—не грезишь,
Грезить не досужно;
Живешь полной жизнью,
Такъ и сновъ не нужно.

Встанешь—за работу,
Не тоскуй, не думай:
Грошъ даютъ за дѣло —
Ничего за думы!

А. Михайловъ.

ЧТО ТАКОЕ МАГІЯ?

I.

При изслѣдованіи нѣкоторыхъ моментовъ исторіи развитія человѣка приходится часто, въ видахъ лучшаго разъясненія вопроса, начинать съ глубокой древности. Но если такое начало бываетъ, въ иныхъ случаяхъ, только полезно, то въ отношеніи къ магіи оно необходимо; такъ какъ возникновеніе ея относится къ самой первобытной эпохѣ человѣческой жизни, а процвѣтаніе, къ какому бы времени и мѣсту оно ни принадлежало, доказываетъ уровень развитія, недалеко отходящій отъ той первобытной эпохи. Потому-то, прежде чѣмъ приступить къ изложенію разнообразныхъ проявленій магіи (чтобы дать отвѣтъ на вопросъ, поставленный во главѣ статьи), я позволю себѣ напомнить читателю о жизни человѣка при тѣхъ условіяхъ, когда онъ еще находился въ совершенной зависимости отъ природы.

Испытывая, какъ извѣстно, всевозможныя невзгоды и неудобства, причиняемыя ему природой, человѣкъ естественно долженъ былъ стараться освободиться отъ нихъ. Потребность такого освобожденія и породила первоначальную чисто-эмпирическую технику. Онъ нашелъ средства разводить огонь, изобрѣлъ выдѣлку разныхъ каменныхъ и деревянныхъ орудій, словомъ, нашелъ способы удовлетворенія первымъ потребностямъ своей жизни. Но практическими цѣлями еще не ограничивается отношеніе человѣка къ природѣ: онъ находитъ въ окружаю-

щихъ его явленіяхъ элементы, возбуждающіе его творческую дѣятельность, которая обнаруживается въ томъ, что человѣкъ олицетворяетъ, уподобляетъ себѣ эти явленія, очеловѣчиваетъ ихъ. Такое отношеніе побуждаетъ приписывать полезныя явленія расположенію, любви къ нему природы, а вредныя—ея враждебности, злобѣ. Между человѣкомъ и природой возникаетъ цѣлый рядъ воображаемыхъ отношеній то дружественныхъ, то недружелюбныхъ; онъ старается то умилостивить, то запугать природу:—въ немъ впервые проявляется мистицизмъ. Понятно однако же, что практическое и мистическое отношеніе къ природѣ, будучи только разными сторонами, которыми она представляется человѣку; тѣмъ не менѣе являются одновременно и совершенно сливаются въ одно общее представленіе въ мало сознательномъ разумѣ первобытнаго человѣка. Такимъ образомъ сливаются также въ одну общую совокупность и практическіе пріемы вліять на полезныя и вредныя явленія съ мистическими обрядами, имѣющими притязаніе держать въ зависимости человѣко-подобныя свойства природы. Средства эмпирической техники становятся мистическими и преобразовываютъ эту технику въ таинственные обряды. Эта-то мистическая техника и образуетъ собою то, что, при дальнѣйшемъ своемъ развитіи, получаетъ названіе магіи, которая, хотя и въ весьма измѣненномъ видѣ и часто подъ другими названіями, существуетъ и до настоящаго времени.

Средства первоначальной магіи относились однако же къ предметамъ настолько необходимымъ въ жизни *), что они не могли долго оставаться тайною своихъ изобрѣтателей, сдѣлались скоро общимъ достояніемъ и потеряли свою таинственность.

Но эпоха, когда удовлетвореніе первыхъ потребностей теряетъ свой магическій характеръ, соотвѣтствуетъ уже высшему моменту развитія. Общедоступность способовъ, управляющихъ полезными явленіями и устраняющихъ явленія вредныя, наводитъ естественно на мысль о причинности ихъ, т. е. на разысканіе такихъ явленій, къ которымъ эти послѣднія относятся

*) Im Anfang war alles Wissen Magie, selbst die Wissenschaft, Feuer hervorzulocken, woher die eigentlichen Priester Flamines oder Zünder hiessen. Der Erfinder der Töpferscheibe war ein Wundermann (Bastian II. 163).

какъ слѣдствія. Пытливость ума пробуждается; но, дѣйствуя въ области совершенно неизвѣстной и новой, она даетъ первоначально, вмѣстѣ съ небольшимъ числомъ годныхъ результатовъ, цѣлую массу нелѣпостей и фантастическихъ представленій. Опытъ, лишенный теоріи, еще могъ дать кой-какіе отвѣты на простѣйшіе вопросы, лежавшіе въ основѣ развитія первоначальной техники; но разрѣшеніе многихъ другихъ вопросовъ болѣе сложныхъ, положительный отвѣтъ на которые можетъ дать только наука, оставалось дѣломъ воображенія.

Первое понятіе о природѣ человѣкъ получаетъ посредствомъ зрѣнія; но область этого чувства настолько мала въ сравненіи не только съ цѣлымъ міромъ, но даже и съ пространствомъ, занимаемымъ солнечною системою, что почти ограничивается одною только землею. Тѣмъ менѣе даютъ возможность познавать природу другія чувства человѣка и потому не могутъ ни въ какомъ отношеніи способствовать открытію и разъясненію явленій, лежащихъ за предѣлами атмосферы. Все это отводитъ нашему непосредственному наблюденію самую малую часть вселенной, оставляя всю ея безконечность въ совершенной неизвѣстности. Поэтому естественно, что, составивъ идею о причинности и не находя причины какого нибудь явленія въ сферѣ, подлежащей наблюденію, человѣкъ думалъ найдти эту причину въ неизвѣстной для него области міра. Эта область, ограниченная для человѣка XIX столѣтія открытіями науки, представляется совершенно иною дикарю, стоящему на самыхъ низшихъ ступеняхъ развитія. Нестѣсненному никакими знаніями, творческому воображенію его открывается безконечный просторъ, благодаря которому, онъ переноситъ въ невѣдомую область всѣ причины явленій, находящихся внѣ его наблюденій. Такимъ образомъ, вся эта невѣдомая область является чисто плодомъ его фантазіи.

«Невидимое давленіе вихря съ его разрушительными слѣдствіями, тѣсно связанное со всѣми явленіями внѣшняго міра, сильно поразило его умъ, тѣмъ болѣе, что съ явленіями вихря онъ сблизилъ физіологическій фактъ присутствія дыханія въ живомъ человѣкѣ и отсутствіе въ мертвомъ. Какой нибудь тогдашній мыслитель высказалъ весьма вѣроятную для того времени

догадку, всѣми принятую и быстро усвоенную, что въ атмосферѣ пребываютъ невидимыя существа, проявляющіяся въ вѣтрѣ и преслѣдующія тучи, руководящія планетами, однородныя съ тѣмъ, что дышетъ въ человѣкѣ и что оставляетъ человѣка съ прекращеніемъ дыханія. Духи и души умершихъ наполнили атмосферу, вошли въ народныя повѣрья, потребовали тризнъ, жертвъ. Праотцы окружили потомковъ своими заботами, сдѣлались предметами поклоненія родичей. Невидимыя существа, которымъ давно уже были усвоены человѣческія страсти, облеклись человѣческою формою. Человѣческія, семейныя, родовыя, гражданскія заботы, романы и драмы перенеслись въ міръ невидимыхъ правителей земли. Воданъ полетѣлъ, завывая надъ землею въ зимнія ночи. Увяданіе и оживленіе природы сдѣлалось исторіей Адониса и Озириса. Желаніе человѣка связало этотъ невидимый міръ съ человѣческими требованіями, съ человѣческою жизнью, и Аѳина стала руководительницею героевъ Эллады, Афродита вступила въ бой на стѣнахъ Иліона, Одинъ занялся воспитаніемъ Викинговъ, Вишну воплотился въ героя Кришну для блага человѣчества. Начиная съ сѣверныхъ рунъ до Корана всѣ религіозныя ученія, созданныя человѣкомъ, были ля него откровеніемъ свыше» [1]), по его понятію, и созданіемъ его воображенія въ дѣйствительности. (Здѣсь, конечно, рѣчь не идетъ о христіанствѣ).

Средства вліять на природу обратились въ средства вліять на силы, управляющія природой, на духовъ и демоновъ, которыми населило міръ человѣческое воображеніе.

Магія, какъ техника, усовершенствовалась, расширилась и сдѣлалась въ глазахъ человѣка совокупностью способовъ и обрядовъ, посредствомъ которыхъ можно было вступать въ разнообразныя сношенія съ міромъ демоновъ и духовъ, съ міромъ, царившимъ надъ естествомъ, съ міромъ сверхъестественнымъ. Въ этомъ періодѣ, какъ и въ предыдущемъ, средства и способы вліять на природу были нераздѣльны съ средствами и способами, созданными возбужденнымъ воображеніемъ и заключав-

---

[1]) П. Лавровъ, три лекціи о философіи, стр. 43.

шимися въ заклинаніяхъ, заговорахъ, таинственныхъ формулахъ и т. п.

Естественно однакоже, что общество той эпохи, погруженное въ вѣчные споры и драки, было чуждо этому прогрессу, остававшемуся такимъ-образомъ достояніемъ небольшого кружка людей, поставленныхъ особенными благопріятными обстоятельствами въ исключительное положеніе. Кружокъ этотъ составляетъ жреческую корпорацію, получившую надъ остальной массой власть и имѣвшую вообще чрезвычайное значеніе. Не подлежитъ сомнѣнію, что власть эта и значеніе опирались именно на сравнительно большихъ знаніяхъ и развитіи жрецовъ, дѣйствія которыхъ, не смотря на всю обыкновенность ихъ съ точки зрѣнія настоящей эпохи, были до такой степени непостижимы и удивительны для людей того времени, что считались дѣйствіями сверхъестественными и чудесными, возможными только при помощи силъ высшихъ.

Магія, какъ путь ко всему супранатуральному, отвѣчала стремленію всѣхъ и каждаго въ то время; но пока окончательно не установилась каста жрецовъ и пока магія не получила значительной степени развитія, общеніе съ міромъ высшимъ существовало преимущественно въ воображеніи, въ желаніи. Съ того же времени, какъ жрецы стали доказывать силу свою необъяснимыми для толпы дѣлами, желаніе это получило какъ бы нѣкоторую реальность и могло быть постоянно удовлетворяемо въ храмахъ или жилищахъ маговъ. Съ этого момента всеобщая смутная пытливость къ открытію средствъ общенія съ силами сверхъестественными утоляется въ массахъ и вслѣдствіе того болѣе или менѣе спеціализируется въ кастѣ жрецовъ. Огражденные внушаемымъ имъ уваженіемъ и стѣнами храмовъ отъ напора извнѣ, они развиваютъ магію до значительной степени и начинаютъ наконецъ присвоивать ей названіе тайной науки, обнаруживающейся то въ грозныхъ, то въ благодѣтельныхъ явленіяхъ. Древніе писатели оставили намъ многочисленныя указанія на такія явленія, выдавая ихъ конечно за чудеса. Совершаемыя частью завѣдомо какъ обманъ, частью съ полною вѣрою въ нихъ, чудеса эти, какъ увидимъ ниже, распадаются на два рода явленій. Одни изъ нихъ производились жрецами и

магами, при помощи сравнительно высшихъ знаній; другіе были порождаемы ихъ экзальтированнымъ настроеніемъ. Ясно однакоже, что мы поступили бы крайне опрометчиво, если бы всѣ безъ исключенія факты эти отнесли къ ряду выдумокъ, ради того только, что неумѣвшій объяснить ихъ лѣтописецъ выдаетъ ихъ за чудеса. Нѣтъ сомнѣнія, что большая часть изъ нихъ есть дѣйствительно плодъ вымысла, опиравшагося на невѣжествѣ, легковѣріи и страсти къ чудесному. Но нельзя оспаривать и то, что есть и справедливыя извѣстія. Выдѣлить одни изъ другихъ—дѣло крайне трудное, и мы можемъ только сказать вообще, что совершенно отвергать существованье этихъ фактовъ и относить ихъ всѣ, безъ исключенія, къ разряду выдумокъ мы не можемъ. Основывать суевѣрія исключительно на одномъ обманѣ и вымыслѣ было бы дѣломъ крайне неправдоподобнымъ. *)

Воображеніе человѣка свободно создаетъ призраки сверхъестественнаго міра, его незрѣлый умъ пылко стремится къ общенію съ этимъ міромъ, онъ жадно ищетъ средствъ для этого общенія, ожидая отъ него неисчислимыхъ благъ, и нравственно покоряется человѣку, который съумѣетъ доказать ему свое превосходство, какъ результатъ таинственнаго общенія съ высшими силами. Вообще, когда человѣку приходится переходить изъ вольной сферы творчества къ вытекающимъ изъ нея обыденнымъ, жизненнымъ послѣдствіямъ, принимающимъ форму подчиненія и рабства, онъ можетъ покориться только представителю высшей силы.

Знаніе природы дало жрецамъ эту силу. Огюстъ Контъ замѣчаетъ, что міросозерцаніе этой эпохи возбуждало въ извѣст-

*) Quand l'invraisemblance d'un fait est la principale objection que l'on oppose á sa realité, говоритъ Сальвертъ, les temoignages qui l'attestent reprennent toute leur valeur, si l'on parvient á établir que l'invraisemblance n'est qu'apparente. И далѣе онъ продолжаетъ: que la science autrefois servit à operer des oeuvres merveilleuses, propres à subjuguer l'indocilité et l'incrédulité des peuples, c'est une supposition si naturelle qu'on aurait quelque peine à la repousser, au moins par des raisons solides. Dans les récits merveilleux, qui sont parvenus jusqu'à nous, on peut donc retrouver quelques unes de ces connaissances mysterieuses: en suivre la recherche, c'est travailler à compléter l'histoire des sciences et l'histoire des hommes. E. Salverte. Les sciences occultes: Introduction p. IX.

ной степени первоначальное развитіе духа наблюденія. «Суевѣрія, которыя кажутся намъ въ настоящее время нелѣпѣйшими, говоритъ онъ,—каковы: гаданья по полету птицъ, по внутренностямъ животныхъ и пр., имѣли первоначально, кромѣ важнаго политическаго значенія, философскій характеръ истинно прогрессивный, поддерживая энергическій стимулъ постояннаго наблюденія такихъ явленій, изслѣдованіе которыхъ не могло въ эту эпоху непосредственно и прочно возбуждать любознательность. Къ какому бы химерическому употребленію ни назначались наблюденія всякаго рода, онѣ скоплялись тѣмъ не менѣе заблаговременно для лучшаго пользованія ими впослѣдствіи и конечно не могли быть тогда добыты инымъ путемъ. Не подлежитъ сомнѣнію, напримѣръ, по вѣрному замѣчанію Кеплера, что астрологическія химеры долго служили къ поддержанію обычнаго вкуса къ астрономическимъ наблюденіямъ. Также точно, кажется мнѣ, анатомія должна была почерпнуть свои первые матеріалы въ изслѣдованіяхъ, которые сами собой произошли изъ искусства авгуровъ опредѣлять будущее посредствомъ внимательнаго изслѣдованія печени, сердца, легкихъ и пр. приносимыхъ въ жертву животныхъ. Въ настоящее время даже существуютъ явленія, которыя и до сихъ поръ еще не могли быть подчинены истинно-научной теоріи и которыя заставляютъ нѣкоторымъ образомъ сожалѣть, что это первобытное учрежденіе наблюденій, не смотря на его большую опасность, было уничтожено прежде, нежели оно могло быть надлежащимъ образомъ замѣнено, не обезпечивая при томъ сохраненія добытыхъ уже свѣденій. Таковы въ особенности большая часть метеорологическихъ явленій, и въ особенности явленій грома, которыя въ древности были предметомъ тщательнаго и непрерывнаго изслѣдованія по отношенію къ искусству авгуровъ *).»

Чтобы высказанныя здѣсь мысли не показались голословными, припомнимъ нѣкоторые изъ помянутыхъ фактовъ, которые подлежатъ наименьшему сомнѣнію. Аполлоній Тіанскій видѣлъ въ одномъ изъ храмовъ, въ Индіи, подвижной полъ, который на-

*) A. Comte. Cours de philos. positive. t. V p. 96.

чиналъ обыкновенно подыматься и опускаться по знаку жрецовъ, стучавшихъ своими жезлами. Все это было обстановлено церемоніями и обрядами, маскировавшими обманъ. Правдоподобность этого факта основывается на томъ, что въ Элевзинѣ существуютъ и до настоящаго времени, какъ говоритъ Сальвертъ, развалины храма Цереры, при осмотрѣ которыхъ обнаруживаются признаки двойнаго пола и слѣды машинъ, приводившихъ вѣроятно верхній полъ въ движеніе, подобное тому, которое видѣлъ Аполлоній въ Индіи Плиній говоритъ, что Египетскій лабиринтъ заключалъ въ себѣ нѣсколько зданій, двери въ которыхъ были такъ устроены, что ихъ нельзя было ни отворить ни затворить, не производя внутри зданія страшный грохотъ; подобный раскатамъ грома. Всякому извѣстна статуя Мемнона, издававшая, при первыхъ лучахъ солнца, мелодическіе звуки. Даже въ древности нѣкоторые свободные умы не принимали уже явленія этого за чудо, а приписывали его дѣйствію искусноскрытаго механизма. Сравнительно-высшія знанія жрецовъ доказываются еще тѣмъ, что имъ было извѣстно приготовленіе снадобій, производившихъ на посѣтителей храмовъ усыпляющее и одуряющее дѣйствіе. Нѣкоторыя изъ этихъ снадобій, какъ напримѣръ тѣ, которыми угощали посѣтителей Трофоніевой пещеры, были такъ крѣпки, что всѣ, спускавшіеся въ эту пещеру, выходили оттуда слабыми, изнеможенными, тоскующими и нерѣдко вскорѣ потомъ умирали. Снадобья, извѣстныя жрецамъ, имѣли впрочемъ во многихъ случаяхъ врачебное свойство. Храмы Эскулапа были спеціально посвящены врачеванію, и жрецы этихъ храмовъ — Асклепіи слыли за искусныхъ въ своемъ дѣлѣ. Молва могла конечно преувеличить ихъ познанія, но что они имѣли нѣкоторое значеніе, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ изъ того, что Ипократъ воспользовался составленными ими описаніями болѣзней для своихъ сочиненій. Зрѣлый виноградъ, выносимый жрецами при весеннихъ празднествахъ, наполненіе закрытыхъ сосудовъ виномъ и разные другіе фокусы, отчасти напоминающіе кипѣніе крови Януарія въ Неаполѣ, постоянно производились жрецами и сильно поражали воображеніе народа.

Всѣ эти факты достаточно подтверждаютъ высказанное поло-

женіе, что жрецамъ были не безъизвѣстны нѣкоторыя эмпирическія свѣдѣнія и что только господствовавшее въ массахъ міросозерцаніе могло и можетъ придавать ихъ техникѣ таинственное значеніе, находившее всегда ловкихъ эксплуататоровъ.

Но техника, какъ сказано уже, была только одною стороною магіи. Теперь намъ слѣдовало бы обратиться къ другой, именно къ мистической ея сторонѣ; но я считаю необходимымъ сказать прежде нѣсколько словъ съ цѣлью разъясненія сдѣланнаго выше опредѣленія этой стороны магіи и сообщенія ему большей точности.

II.

Вводя въ опредѣленіе магіи ученіе о связи съ міромъ сверхъестественнымъ, я придаю ей весьма широкій смыслъ и захватываю въ ея область такія явленія, которыя для многихъ могутъ показаться къ ней не относящимися. Я далъ однако понять уже, и покажу далѣе, развивая мою мысль, что сдѣланное мною обобщеніе не только не заключаетъ въ себѣ противорѣчій, но, напротивъ того, уничтожаетъ тѣ, которыя могли явиться въ умѣ послѣдовательно-мыслящаго читателя въ томъ случаѣ, если бы онъ дробилъ одну общую идею магіи. Дробленіе этой идеи и распаденіе ея на части, нерѣдко сливающіяся съ другими сферами идей, происходитъ отъ того, что магія видоизмѣнялась чрезвычайно часто и появлялась въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ подъ разными названіями. Смыслъ этихъ различій былъ не всегда понятенъ и въ представленіяхъ объ объемѣ и развѣтвленіяхъ магіи произошла нѣкоторая путаница. Представленное мною общее опредѣленіе, заключаетъ въ себѣ всѣ проявленія ея, начиная съ грубыхъ суевѣрій фетишистовъ до спиритизма включительно и даетъ возможность читателю открывать ее тамъ, гдѣ онъ, быть можетъ, и не подозрѣвалъ ее прежде. Чтобы еще яснѣе разграничить наше общее опредѣленіе магіи отъ магіи въ тѣсномъ смыслѣ т. е. понимаемой какъ колдовство или сношеніе съ нечистыми духами,—мы скажемъ нѣсколько словъ и объ этой послѣдней.

Ясность небосклона и величественность небесныхъ явленій привлекла въ самой глубокой древности жителей Ассиріи и Вавилона къ созерцанію, а потомъ и наблюденію этихъ явленій. Испытывая постоянно вліяніе солнца и луны, они обоготворили эти свѣтила и по аналогіи приписали подобное же вліяніе и остальнымъ свѣтиламъ. Хаздимы или халдеи, покорившіе первоначальныхъ обитателей Ассиріи и принявшіе ихъ религію, образовали въ средѣ ихъ касту жрецовъ, посвятившую себя изученію небесныхъ явленій, съ цѣлью изучить самыя божества, которымъ они поклонялись. Продолжительное и постоянное наблюденіе привело ихъ наконецъ къ открытію нѣкоторыхъ законовъ, управляющихъ движеніями свѣтилъ. Изученіе неба слилось у нихъ съ изученіемъ высшихъ существъ, отъ чего и произошла ихъ астрономическая теологія, содержавшая ученіе о вліяніи высшихъ силъ, т. е. въ этомъ случаѣ небесныхъ тѣлъ, на судьбу человѣка. Она послужила впослѣдствіи основаніемъ Астрологіи. Впрочемъ изученіе небесныхъ явленій и теологіи не было исключительностью халдеевъ. Они хотя и подчинили всѣ отрасли знанія своей астро-теологіи, но и въ нихъ сдѣлали сравнительно значительныя успѣхи и прослыли поэтому большими чудодѣями. По недостатку данныхъ нѣтъ возможности опредѣлить въ настоящее время, какими средствами они пользовались, но нѣтъ сомнѣнія, что средства эти были основаны на положительныхъ, хотя и отрывочныхъ знаніяхъ. Они предсказывали будущее по внутренностямъ животныхъ; а также пользовались заговорами и чарами и передавали эти свѣдѣнія какъ тайну изъ поколѣнія въ поколѣніе *). Когда побѣды Кира низвергли Вавилонское царство, свѣдѣнія о религіи халдеевъ начали проникать на западъ, и она стала извѣстна Грекамъ. Жрецы этой религіи получили у нихъ названіе маговъ, а тайная наука ихъ назвалась магіею. Таково происхожденіе этого слова и его первоначальное значеніе. Впослѣдствіи къ магіи халдеевъ примѣшались самыя разнообразныя восточныя суевѣрія и подъ нею стали разумѣть цѣлый хаосъ, образовавшійся изъ смѣшенія разныхъ теологическихъ ученій, вѣрованій во

*) См. A. Maury. La Magie et l'Asrtoloqe Chap. II.

вліяніе свѣтилъ, вызыванье духовъ и чудесныя свойства травъ и снадобій. Все это смѣшалось съ обрядами служенія адскимъ божествамъ по нѣкоторому сходству съ ними, и магія наконецъ получила смыслъ адской науки о связяхъ и сообщеніяхъ съ нечистыми духами и о различныхъ чудесныхъ дѣйствіяхъ, совершаемыхъ при ихъ помощи,—смыслъ, который она сохранила болѣе или менѣе навсегда. Итакъ, Грекъ отличалъ мага отъ жреца, отводя тому и другому двѣ не только различныя, но даже какъ бы противоположныя области. Очевидно однако же, что въ дѣйствительности такое различіе есть не болѣе какъ результатъ личнаго взгляда, что оно совершенно произвольно и обусловлено историческими случайностями, опредѣлившими только одно внѣшнее различіе формъ и некоснувшимися сущности. Грекъ, считая жреца представителемъ своихъ религіозныхъ убѣжденій, а мага представителемъ восточныхъ суевѣрій, могъ видѣть между ними громадное различіе. Онъ могъ быть лично глубоко убѣжденъ въ непогрѣшимости, святости и важности своихъ вѣрованій; но мы знаемъ теперь, что его вѣрованія были такія же суевѣрія, какъ и тѣ, которыя онъ относилъ къ магіи. Жрецы, также какъ и маги вызывали духовъ, пророчествовали, дѣлали чудеса и пр.—и дѣлали-ли они это во имя Зевса громовержца или во имя Озириса, или Трисмегиста и пр., это для насъ совершенно безразлично и совершенно одинаково относится къ общей области суевѣрій. Тѣ признаки, которыми мы охарактеризовали магію, точно также характеризуютъ и суевѣріе вообще у какого бы народа и въ какое время оно бы не господствовало. Возбужденное воображеніе и сравнительно-большее развитіе знаній въ небольшомъ кружкѣ, сохраняющемъ ихъ въ тайнѣ отъ большинства,—вотъ постоянныя и неизмѣнныя причины возникновенія и развитія всякихъ суевѣрій и наконецъ магіи, въ томъ смыслѣ, который мы придаемъ ей. Магія въ смыслѣ колдовства должна быть разсматриваема, какъ частный случай магіи вообще. Эта послѣдняя была извѣстна грекамъ ранѣе появленія халдейскихъ жрецовъ, она существовала потомъ рядомъ съ искусствомъ этихъ жрецовъ и не окончила своего существованія далеко позже, когда жрецы эти были уже совершенно забыты.

Я не пишу исторію магіи, а имѣю въ виду только ея характеристику, общее ея опредѣленіе. Не стѣсняясь вслѣдствіе этого историческою послѣдовательностью, я постараюсь собрать въ одно цѣлое всѣ ея отличительныя черты и сдѣлать характеристику ея настолько полною, чтобы читатель, усвоившій мое воззрѣніе, могъ открывать присутствіе магіи тамъ, гдѣ я, вслѣдствіе тѣсныхъ рамокъ моей статьи или по другимъ причинамъ, не могъ ему указать ее.

III.

Я сказалъ уже въ началѣ этой статьи, что человѣкъ находитъ въ окружающихъ его явленіяхъ природы элементы, возбуждающіе дѣятельность его воображенія. Природа служитъ ему какъ бы матеріаломъ, который онъ переработываетъ согласно съ своими внутренними безъотчетными побужденіями, и которому придаетъ форму, взявъ за образецъ ея самого себя. Такимъ образомъ въ различныхъ явленіяхъ природы онъ видитъ проявленіе различныхъ, но въ общихъ чертахъ сходныхъ съ нимъ, силъ другихъ какихъ-то, созданныхъ его фантазіею, существъ, несравненно болѣе чѣмъ онъ могущественныхъ и имѣющихъ надъ нимъ полную власть. Придавая притомъ этимъ мифическимъ личностямъ и всѣ страсти человѣческія, онъ относился къ нимъ совершенно такъ, какъ къ людямъ, и, желая подѣйствовать на нихъ, прибѣгалъ къ тѣмъ средствамъ, которыя были въ ходу между людьми въ его время. И до сихъ поръ еще въ дикихъ и полу-дикихъ странахъ можно пріобрѣсти себѣ милость сильнѣйшаго и заставить его постановлять рѣшенія, согласныя съ желаніямъ просителя, посредствомъ подарковъ и приношеній. Приношенія эти могутъ разнообразиться до чрезвычайности, но въ первобытныхъ обществахъ такого разнообразія быть еще не могло, и всѣ приношенія сводились на то, чѣмъ человѣкъ существовалъ непосредственно т. е. на пищу. Человѣкъ думалъ умилостивить своихъ боговъ, принося имъ разные роды предметовъ, которыми самъ питался, точно также какъ онъ приносилъ ихъ въ случаѣ надобности другимъ людямъ. А

такъ какъ это приношеніе было болѣе или менѣе добровольное и притомъ дѣлалось чаще всего въ видѣ аванса, въ счетъ будущихъ благъ, то оно и получило названіе жертвы или жертвоприношенія. Полагали, что боги, подобно людямъ, принимали эти жертвы и съѣдали ихъ, а потому жертва называлась часто пищею боговъ *).

При выборѣ предметовъ для жертвоприношенія, человѣкъ сообразовался съ ихъ цѣнностью и полагалъ, конечно, что жертва тѣмъ легче достигала цѣли, чѣмъ она была цѣннѣе. Поэтому-то богамъ, какъ существамъ высшимъ, выбирали все то, что только было лучшаго и дорогого. Но для дикаря, питавшагося растеніями и плодами, всего лучше и дороже были эти самые плоды и растенія. И они дѣйствительно были самымъ древнѣйшимъ видомъ жертвы. Впослѣдствіи къ нимъ присоединились и отчасти замѣнили ихъ хлѣбныя зерна, а потомъ, когда и они стали слишкомъ обыкновенны, печенія разнаго рода **). Наконецъ еще позже стали приносить въ жертву животныхъ.

Первоначально, при господствѣ болѣе грубыхъ понятій о божествѣ, всѣ эти предметы предлагались ему въ томъ видѣ, въ какомъ употреблялъ ихъ самъ человѣкъ. Впослѣдствіи ихъ стали сожигать, думая такимъ образомъ превратить грубую пищу людей въ болѣе тонкую и летучую пищу, пригодную богамъ. Первобытный антропоморфизмъ начинаетъ переходить съ этого времени въ мистицизмъ, существенный характеръ котораго—отвлеченность — подлежалъ самому широкому и неопредѣленному развитію. Боги продолжали еще принимать пищу, но они принимали ее невидимо и до извѣстной степени не по человѣчески, противоестественно и слѣдовательно непостижимо. Они глотали, пищу гдѣ-то тамъ въ заоблачномъ пространствѣ и глотали ее въ видѣ дыма и испареній. Веда во многихъ мѣстахъ указываетъ на огонь, какъ на средство, помощью котораго пища людей преобразуется въ вещество, годное для невидимаго, небеснаго существа.

*) Между прочимъ у грековъ. См. Maury. Histoire des Religions, и другихъ народовъ: Lecm Elohim; у Римлянъ Plin. Hist. Nat. II. 5.

**) A. Maury. Histoire des Relig. t. II. 118.

Впрочемъ указанная здѣсь причина сожженія жертвы была не единственною. У тѣхъ народовъ, у которыхъ первоначальнымъ фетишемъ былъ огонь, какъ напр. у древнихъ Семитовъ, пища, буквально отдаваемая этому фетишу, само собою разумѣется, сожигалась: фетишъ пожиралъ пищу на глазахъ у жрецовъ и народа. Когда же огонь сдѣлался только символомъ высшаго существа, обычай сожигать жертвы однако удержался, и ему придали мистическій характеръ, въ общемъ сходный съ приведеннымъ выше. Запахъ сладкій для божества, о которомъ говорили жрецы, ясно указываетъ на это.

Вотъ почему въ самой глубокой древности жертва сожигалась вполнѣ и получила названіе всесожженія. Но такъ какъ эта пища боговъ была священна въ глазахъ вѣрующихъ, то ей и приписали особенную, высшую сверхъестественную силу. Полагали, что можно нѣкоторымъ образомъ уподобиться богамъ т. е. исцѣлиться отъ болѣзней и очиститься отъ грѣховъ, вкусивъ отъ этой чудесной трапезы *). Тогда всякому захотѣлось принимать участіе въ съѣденіи жертвы и ее ужь нельзя было сожигать вполнѣ, а потому и оставлялись нѣкоторыя части, которыя потомъ съѣдались присутствующими.

Мы уже сказали, что для жертвоприношеній выбирались предметы самые цѣнные т. е. имѣвшіе для жертвовавшихъ наибольшую важность. Но что могло быть цѣннѣе хлѣба, домашняго скота и вина для народа не только пастушескаго, но даже и земледѣльческаго. Хлѣбъ и домашній скотъ принадлежатъ къ предметамъ первой потребности; безъ нихъ мыслима только жизнь первобытно-*дикая*, и важное ихъ значеніе для человѣка всегда сознавалось. *Вино было всегда самимъ дорогимъ напиткомъ*, и свойство его развеселять человѣка, придавая ему характеръ чудесности, дѣлало его чѣмъ-то особеннымъ, исключительнымъ, достойнымъ боговъ. Вино приносилось въ видѣ возліяній, которыя имѣли первоначально антропоморфическій характеръ т. е. вино предлагалось богамъ, какъ питье. Впослѣдствіи же ему было дано тоже совершенно мистическое значеніе, и оно употреблялось

*) Richar v. dm. Al. Theolog. Briefe III 60.

въ культѣ, какъ символъ жидкаго начала жизни, тогда какъ хлѣбъ былъ символомъ начала твердаго.

Предметы жертвъ были вообще весьма разнообразны и выборъ ихъ иногда бывалъ даже весьма страненъ *), но несомнѣнно тѣмъ не менѣе, что хлѣбъ, домашній скотъ и вино встрѣчаются почти повсемѣстно и имѣютъ первенствующее значеніе. Полагали, что приношеніе предметовъ столь цѣнныхъ можетъ умилостивить божество и быть источникомъ многихъ благъ для человѣка. Но случалось, что во время войнъ, голода, моровыхъ язвъ и другихъ народныхъ бѣдствій, не только обыкновенныя, но даже и усиленныя дозы жертвоприношеній не приносили желаемыхъ результатовъ. Устроивались такъ называемыя гекатомбы (100 быковъ), но бѣдствіе не миновалось. Въ этихъ случаяхъ надо было имѣть только смѣлость послѣдовательности, чтобы придти къ тѣмъ крайнимъ заключеніямъ, которыя сами собой логически вытекали изъ идеи жертвы. Если божество не склонялось даже и при видѣ гекатомбъ, то приходила мысль, не умилостивится ли оно, получивъ въ жертву нѣчто гораздо драгоцѣннѣйшее — жизнь человѣческую. Казалось, что эта мѣра будетъ особенно дѣйствительна въ тѣхъ случаяхъ, когда жизнь принадлежала дорогимъ сердцу лицамъ, на которыхъ покоилась надежда цѣлыхъ семействъ и даже родовъ, именно дѣтей, въ особенности старшихъ, первородныхъ. И дѣйствительно, человѣкъ не останавливался передъ этимъ ужаснымъ выводомъ. Вообще можно сказать, что гдѣ существовали жертвы, тамъ непремѣнно существовали и человѣческія жертвы, если не по установленію, то по крайней мѣрѣ какъ частные примѣры. У всѣхъ дикихъ народовъ Африки и Австраліи такія жертвы и до сихъ поръ еще въ обычаѣ. Древніе Мексиканцы, Галлы и Арійцы также приносили ихъ. У Финикіянъ былъ праздникъ, на которомъ ежегодно приносились въ жертву дѣти, причемъ, слѣдуя общему понятію о значеніи жертвы, считали необходимымъ въ виду очищенія себя отъ грѣховъ отвѣдывать тѣла и

*) Les Moabites adoraient Baalphègor sur le mont Phègor. Des Rabbins disent, qu'on lui rendait hommage sur la chaise percée et qu'on lui offrait l'ignoble rèsidu de la digestion, comme au dieu Pet au Crèpitus. (Bastian, Der Mensch in der Geschichte II. 110).

крови убитыхъ жертвъ. Ликургъ уничтожилъ существованіе въ Лаконіи человѣческія жертвы и замѣнилъ ихъ тѣмъ, что дѣтей сѣкли до крови у алтаря Артемиды. Легенда объ Ифигеніи основана также на обычаѣ человѣческихъ жертвъ. Такой же обычай существовалъ на о-вѣ Критѣ и почти во всѣхъ областяхъ Греціи, не исключая даже Аттики *). Въ Аркадіи же кромѣ того ѣли принесенное въ жертву тѣло, т. е. относились къ нему какъ ко всякой другой жертвѣ. Римляне, при нападеніи Галловъ, сочли необходимымъ для спасенія города зарыть въ землю двухъ Галловъ и двухъ Грековъ по совѣту оракула. У Аравитянъ до Магомета существовалъ обычай зарывать въ землю живыхъ дѣвочекъ. Въ Индіи до сихъ поръ существуетъ обыкновеніе приносить себя въ жертву за грѣхи **). Наконецъ такіе примѣры, какъ самопожертвованіе Курція, геройскій поступокъ Кодра и другіе отдѣльные примѣры, представляемые исторіею всѣхъ народовъ древности, ясно доказываютъ всеобщность указаннаго выше воззрѣнія на человѣческія жертвы.

Кровь въ древности считалась у многихъ народовъ, у древнихъ Семитовъ между прочимъ, мѣстопребываніемъ души и слѣдовательно благороднѣйшею и тончайшею составною частью человѣческаго тѣла, достойною въ высочайшей степени быть пищею боговъ. Отсюда происходитъ то особенное мистическое значеніе, которое приписывали крови: полагали, что принесенная въ жертву кровь имѣетъ силу примирять человѣка съ прогнѣванными богами. Такимъ образомъ человѣческая кровь заняла первенствующее значеніе въ человѣческихъ жертвахъ и сдѣлалась символомъ искупленія человѣка, посредствомъ примиренія его съ прогнѣваннымъ божествомъ. Отъ пролитія человѣческой крови ожидали великихъ благъ; но надежды эти возростали до ихъ maximum'а, когда проливалась кровь того, котораго считали необыкновеннымъ человѣкомъ, героемъ и т. д. Эти идеи, по ихъ логической связи съ первою идеею жертвы, были не чужды

*) Подробности см. у Maury. Hist. des Relig. I. 184. II. 101 и R. Alm. id. I. 185.

**) Bochinger. La vie askétique des Indous. p. 31.

всѣмъ древнимъ народамъ *) и у нѣкоторыхъ онѣ были связаны съ особенными обрядами. У Арійцевъ, говоритъ А. Мори, существовало сказаніе о происхожденіи напитка, называемаго «Сома», которому приписывали чудесную силу избавлять отъ смерти, укрѣплять здоровье, продолжать жизнь и служить вѣрнымъ залогомъ будущаго блаженства. Сказаніе это прославляло мученическую смерть героя «Сомы», который для искупленія міра дозволилъ истолочь себя въ ступкѣ, видѣлъ члены свои раздробленными и умеръ лишь для того, чтобы снова ожить **).

Такимъ образомъ Сома Арійцевъ представлялся воображенію, замѣчаетъ Мори, какъ геній побѣды и здоровья, какъ посредникъ и пророкъ, который подъ видомъ чувственной внѣшности дозволялъ вѣрующимъ въ него—самого себя принимать въ пищу и тѣмъ поддерживалъ въ сердцахъ ихъ чистоту и добродѣтель. Поэтому Аріецъ вкушалъ Сому до 3 разъ въ день, полагая, что онъ воспроизводитъ такимъ образомъ всякій разъ жертву, принесенную благодѣтельнымъ его геніемъ.

Изъ этого видно, что жертвоприношенія, и также и обряды, воспроизводящіе ихъ символически, какими они являются, напримѣръ, въ культѣ Сомы, имѣя цѣлью непосредственныя сношенія и связь съ высшими существами и претендуя на совершеніе такихъ сверхъ-естественныхъ дѣйствій, какъ искупленіе отъ грѣховъ и исцѣленіе отъ болѣзней, вполнѣ относится къ области магіи и могутъ быть совершенно объяснены ея тенденціями. Разнообразіе и подробности этихъ обрядовъ у разныхъ народовъ и въ разныя эпохи обусловленно разнообразіемъ божествъ, къ которымъ обряды это относились и различіемъ взгляда на средства умилостивленія ихъ или принужденія къ тому или иному дѣйствію. Это приводитъ насъ къ указанію на самыя общія черты, характеризующія духовъ и демоновъ у разныхъ народовъ.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что изъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ, на первомъ планѣ должно быть поставлено зрѣніе по сравнительной обширной обнимаемой имъ сферы и по разно-

*) См Isis, der Mensch und die Welt. II. 117.

**) A. Manry. La Mag. p. 37. примѣчаніе.

образію входящихъ въ нее предметовъ. Поэтому-то зрѣніе имѣетъ для человѣка и всегда служитъ и служило лучшимъ вспомогательнымъ средствомъ въ его борьбѣ со всевозможными препятствіями, представляющимися ему въ жизни. Для первобытнаго же человѣка, у котораго средствъ этихъ было особенно мало, зрѣніе имѣло еще большее, совершенно-исключительное значеніе; теряя его, онъ неизбѣжно долженъ былъ терять бодрость и самостоятельность. Но не одно только лишеніе зрѣнія дѣйствовало на него такимъ образомъ: невозможность пользоваться зрѣніемъ ночью, въ глубокихъ пещерахъ и подземельяхъ, имѣло тѣ же послѣдствія. Ночь въ особенности, представляя явленіе неизбѣжное и безпрестанно перемежающееся съ днемъ, наполнялась для него всѣми, какъ дѣйствительными, такъ и воображаемыми ужасами. Въ эту пору звѣрь незамѣтно подкрадывался къ нему и нападалъ на него въ расплохъ, змѣя невидимо подползала, жалила и часто причиняла смерть *). Наступала ночная прохлада, а за нею и холодъ, и человѣкъ, когда еще онъ не былъ знакомъ съ огнемъ, страдалъ страшно и приписывалъ свои бѣдствія мраку. Наконецъ и послѣ знакомства его съ употребленіемъ огня, яркая противоположность между благами свѣта и теплоты и зломъ мрака и холода представилась ему еще ярче. Такимъ образомъ понятіе о мракѣ слилось у него съ понятіемъ о злѣ, а понятіе о свѣтѣ съ понятіемъ о добрѣ. А такъ какъ всѣ явленія природы не могли быть имъ понимаемы и всегда олицетворялись въ его воображеніи, то онъ и создалъ два различные рода духовъ: добрыхъ духовъ свѣта и злыхъ духовъ тьмы. Доброму духу свѣтлой выси (солнца, звѣзднаго неба, облаковъ) противопоставилъ онъ страшное существо преисподней (подземелья). Все, что возбуждало въ немъ ужасъ, что заставляло зябнуть, приписывалъ онъ мраку, ночи и преисподней; напротивъ, все, что его радовало, грѣло — свѣту, дню, небу.

Сообразно съ этимъ общимъ раздѣленіемъ божествъ, духовъ и демоновъ, раздѣленіемъ, встрѣчаемымъ у всѣхъ народовъ, дѣ-

*) Змѣя — эмблема зла. Подползаніе ея тайкомъ въ удобное для нея время считалось признакомъ ея мудрости. На самомъ дѣлѣ животное это вообще довольно глупо.

лились и жертвы, а также основывались и различія обрядовъ, которыми было обыкновенно обставлено жертвоприношеніе. Такъ, напримѣръ, цвѣта, посвящаемыя разнымъ божествамъ, сообразовались съ явленіями дня и ночи, какъ символами этихъ божествъ: бѣлый, голубой, красный, иногда желтый были цвѣтами добрыхъ духовъ; черный и сѣрый—цвѣтами духовъ злыхъ. Животныя, назначенныя въ жертву, дѣлились по ихъ мастямъ: рыжія (красныя) быки и овцы приносились божествамъ дня, черныя и сѣрыя—божествамъ ночи. Всѣ другіе предметы, цѣнность которыхъ, какъ было объяснено выше, дѣлала ихъ достойными боговъ, раздѣлялись точно также: дерево краснаго цвѣта, красные цвѣты, красныя ткани посвящались добрымъ духамъ, черныя — злымъ. Храмы, жертвенники и разныя принадлежности культа были также окрашиваемы въ красный или черный цвѣтъ. Самое служеніе совершалось различно: добрымъ божествамъ дня — весело и пышно при хвалебныхъ пѣсняхъ, торжественныхъ танцахъ и въ роскошныхъ одеждахъ. Демонамъ преисподней — ночью, и часто сопровождалось разными неистовствами и оргіями.

Въ древней Греціи, когда приносилась жертва богамъ олимпійскимъ, то голову животнаго обращали къ небу, когда же жертвоприношеніе совершалось въ честь боговъ ада, то голову обращали внизъ, къ землѣ. Кромѣ предметовъ, безразлично приносимыхъ всѣмъ богамъ, здѣсь было въ обычаѣ назначать каждому божеству какую нибудь спеціальность, что въ свою очередь весьма разнообразилось въ разныхъ мѣстностяхъ. Кабановъ приносили въ жертву Афродитѣ, поросятъ — Деметрѣ,ословъ — Пріапу, собакъ — Гекатѣ и т. д. *)

Слѣдуя вездѣ установившейся идеѣ о принесеніи въ жертву всего лучшаго, животныя выбирались вездѣ лучшія; въ Греціи существовало особое званіе жреца, на обязанности котораго лежалъ этотъ выборъ. Онъ руководствовался при немъ общепринятымъ понятіемъ о качествахъ животнаго, т. е. выбиралъ его для пищи богамъ точно также, какъ бы онъ дѣлалъ это для стола какого нибудь грека. У индусовъ и евреевъ взглядъ

*) A. Maury. Hist. des Relig. II. 99.

на этотъ вопросъ былъ болѣе мистическій и животныя выбирались по особымъ примѣтамъ, различеніе коихъ было установлено жрецами. Кромѣ жрецовъ существовалъ еще обычай пожертвованій (ex-voto), которыя были разнообразны до безконечности и стоили иногда весьма дорого.

Всѣ эти обряды, потерявшіе въ глазахъ нашихъ всякое значеніе и потому представляющіеся ребяческими и пустыми установленіями, имѣли въ глазахъ невѣжественнаго и суевѣрнаго народа значеніе чрезвычайно важное. Въ нихъ онъ видѣлъ вполнѣ надежныя и совершенно вѣрныя средства для достиженія желаемаго посредствомъ вліянія на божества и потому относился ко всѣмъ этимъ вздорнымъ мелочамъ съ горячимъ чувствомъ, со страстью. Кромѣ того для его ума, лишеннаго маломальски вѣрнаго пониманія своихъ настоящихъ цѣлей и хотя приблизительнаго знанія средствъ къ достиженію этихъ цѣлей и, притомъ еще, запуганнаго суевѣріями и лишеннаго самодѣятельности, обстановка культа представлялась плодомъ глубокой мудрости. Она имѣла для него таинственность, столь привлекательную для невѣжества. Таинственность эта была только оборотомъ медали, изнанкою его собственнаго непониманія, и онъ вѣрилъ, что непонятные для него обряды скрываютъ за собою нѣчто реальное, управляющее его судьбою. Онъ и въ случайномъ движеніи жреца, и даже въ мычаніи подведенной къ жертвеннику скотины—видѣлъ намеки на такія великія истины, предъ которыми онъ заранѣе стирался уже въ прахъ и чувствовалъ все свое ничтожество.

Что же касается до жреца, то въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ обманывалъ народъ, онъ являлся передъ нимъ какъ искусный актеръ и втихомолку пользовался своимъ удобнымъ положеніемъ, какъ могъ или какъ умѣлъ. Тогда же, когда онъ относился ко всему продѣлываемому имъ съ полною вѣрою, онъ дѣйствовалъ по рутинѣ и стоялъ на одномъ уровнѣ съ народомъ. Уровень этотъ не находился однако-жъ въ застоѣ и поднятіе его не оставалось безъ вліянія и на внѣшнія формы культа. Вѣрованія начали мало по малу очищаться отъ грубаго антропоморфизма и потому многіе обряды, несовмѣстные съ новыми воззрѣніями, стали выходить изъ употребленія или измѣняться. На-

мять о происхожденіи многихъ изъ нихъ утратилась и они потеряли значеніе въ смыслѣ непосредственныхъ отношеній къ божеству, лишились, слѣдовательно, своего магическаго характера и остались только какъ воспоминанія, какъ символы мистическихъ отношеній между людьми и богами. Къ нимъ присоединились многіе новые обряды, которые должны были символически представлять смыслъ новыхъ болѣе, отвлеченныхъ, а слѣдовательно и менѣе понятныхъ для толпы воззрѣній. Всѣ эти символическіе, а частію и оставшіеся магическіе обряды соединились съ мистико-драматическими представленіями различнаго происхожденія и такимъ путемъ образовались разныя, такъ называемыя, мистеріи.

Мистеріи встрѣчаются у всѣхъ почти народовъ древности. Мы будемъ говорить здѣсь только о мистеріяхъ греческихъ, какъ о такихъ, которыя достигли наибольшаго развитія и представляютъ поэтому наибольшій интересъ.

Мистико-магическій характеръ этихъ мистерій, кромѣ жертвоприношеній, которыя въ нихъ входили, заключался въ томъ, что черезъ ихъ посредство человѣкъ надѣялся очиститься отъ совершенныхъ имъ преступленій и удостоиться такимъ образомъ блаженства въ будущей жизни. На Самофракійскихъ мистеріяхъ очищеніе это было предоставлено особенному жрецу, такъ называемому Коэсу, который совершалъ это таинство во имя боговъ ада. Ему исповѣдывалъ грѣхи свои тотъ, кто хотѣлъ участвовать въ мистеріяхъ, и получалъ отпущеніе *)

Другая чисто магическая черта этихъ мистерій заключалась въ томъ, что посвященныя въ нихъ, узнавъ таинственныя формулы, открываемыя имъ жрецами, вызывали тѣхъ духовъ или тѣ божества, въ честь коихъ совершалась мистерія. Такъ на

*) Лизандръ, желая принять участіе въ этихъ мистеріяхъ, явился къ Коэсу, который требовалъ отъ него исповѣди въ самомъ большомъ изъ сдѣланныхъ имъ преступленій. — Ты ли требуешь этого самъ, или того требуютъ боги? спросилъ Лизандръ. — Боги! отвѣчалъ жрецъ. — Такъ уйди же прочь, сказалъ Лизандръ, если боги обратятся ко мнѣ съ вопросомъ, я имъ открою всю правду. На подобное же требованіе Анталкидъ отвѣчалъ такъ: „Боги сами знаютъ“.

Самофракійскихъ мистеріяхъ вызывали Кабировъ, и появленію ихъ приписывали чудесное и благотворное вліяніе на человѣка.

Наибольшею славою пользовались въ Греціи Элевзинскія мистеріи, которыя совершались въ Элевзинѣ, неподалеку отъ Аѳинъ. Мистеріи эти раздѣлялись на малыя и большія. Представляя драматически похищеніе Прозерпины или Коры, нисхожденіе ея въ адъ и восшествіе вслѣдъ за тѣмъ оттуда на небо, онѣ символически изображали тѣ метаморфозы, черезъ которыя ежегодно проходила природа, непзмѣнно оживая весною послѣ своего зимняго оцѣпенѣнія. Впослѣдствіи смыслъ ихъ сдѣлался еще болѣе мистическимъ. Кора стала символомъ души человѣческой, временно попадающей въ заключеніе въ темницу тѣла и вновь потомъ возлетающей въ свое небесное жилище. Эта реабилитація Коры совершалась силою брата ея Іакха, символизировавшаго воплощеніе того принципа, которымъ совершилось спасеніе Коры. Мало по малу значеніе Іакха, какъ символа высшаго начала, въ этой мистеріи взяло перевѣсъ и въ послѣднее время существованія элевзиній онъ игралъ первую роль и былъ главной пружиной мистерій.

Вотъ описаніе большихъ элевзиній, такъ какъ они отправлялись въ IV вѣкѣ нашей эры, именно во время пребыванія Юліана (прозваннаго потомъ отступникомъ) въ Аѳинахъ передъ назначеніемъ его цезаремъ.

«Когда Юліанъ прибылъ въ Аѳины, говоритъ Ламэ, время малыхъ элевзиній, на которыхъ праздновалось рожденіе Іакха, уже минуло. Онъ рѣшился прослѣдить большія элевзиніи въ качествѣ миста, т. е. не просто какъ любопытный, но исполняя всѣ обряды, участвуя во всѣхъ таинствахъ, будучи въ одно и тоже время и дѣйствующимъ и зрителемъ. Во все продолженіе мѣсяца, предшествующаго осеннему равноденствію, онъ постомъ, жертвоприношеніями и молитвами приготовлялся къ таинствамъ. За десять дней до равноденствія іерофантъ *) прочелъ шумно собравшейся толпѣ условія, требуемыя для участія въ мистеріяхъ. На другой день берегъ моря покрылся учавствующими,

*) Іерофантъ—главное лицо въ мистеріи. Онъ посвящалъ въ таинства вновь вступающихъ или мистовъ, которые были представлены ему посвященными прежде или мистагогами.

совершавшими предписанныя омовенія. Вслѣдъ за тѣмъ совершено было въ Аѳинахъ торжественное жертвоприношеніе въ храмѣ Цереры. Послѣ него участвовавшіе въ таинствахъ обращались къ Эскулапу съ молитвой о здоровьѣ духа и тѣла. Наконецъ, на слѣдующій день, длинная процессія начала свое шествіе: мистагоги несли изображеніе Іакха, за ними слѣдовали мисты съ вѣтвями въ рукахъ; они исполняли священную пляску и пѣли гимны. Толпа привѣтствовала ихъ криками радости и бросала передъ изображеніемъ Іакха платье вдоль всего священнаго пути, по которому они подвигались. Въ Элевзинъ прибыли уже съ факелами. Слѣдующую за тѣмъ ночь, а также и день продолжалось радостное празднество; но съ наступленіемъ второй ночи начиналось похоронное торжество.

Храмъ Цереры элевзинской былъ построенъ въ самую цвѣтущую эпоху греческаго искуства: размѣрами онъ былъ меньше самой маленькой изъ нашихъ церквей. И въ это время еще онъ отличался чрезвычайнымъ богатствомъ, такъ какъ его еще не успѣли ограбить. Во время элевзиній онъ служилъ для жертвоприношеній и другихъ офиціальныхъ торжествъ греческаго культа. У подножія холма, на верху котораго отчелитво обозначалась его граціозная колоннада, была расположена обширная базилика, спеціально назначавшаяся для совершенія мистерій. Въ ней происходили ночныя бдѣнія и тамъ же на хорахъ мистагоги исполняли драматическія представленія. Вокругъ базилики были разбиты навѣсы изъ пестрой матеріи, подъ которыми во все продолженіе такъ называемой святой недѣли народъ обѣдалъ и спалъ днемъ. Совершеніе мистерій служило поводомъ ярмарочному съѣзду, который располагался съ своими лавочками тутъ же возлѣ базилики. Во все продоженіе дня крикъ купцовъ, говоръ толпы и шумъ всякаго рода придавалъ этой мѣстности самый оживленный видъ; но едва лишь заходило солнце, наставала чрезвычайная тишина и безмолвіе, раздавалось только пѣніе жрецовъ и рыданіе мистовъ.

Первое бдѣніе началось пѣніемъ на одинъ голосъ. Одинъ изъ жрецовъ припомнилъ содержаніе малыхъ элевзиній: Кора, сорвавъ цвѣтокъ нарциса, была погружена во мракъ ада. Тогда и вся земля погрузилась, подобно Корѣ, въ отчаяніе и мракъ

Церера требовала у вселенной возвращенія ей ея дочери, но напрасно. Наконецъ Зевсъ, тронутый ея слезами, посѣтилъ ее, и у нея родился сынъ — Іакхъ, которому предназначалась великая будущность и который долженъ былъ исправить зло, сдѣланное неразумiемъ Коры. Сынъ этотъ выросъ, онъ готовъ былъ уже осыпать человѣка благодѣяніями и вступить въ борьбу съ своими врагами.

Исторія этой борьбы составляла содержаніе большихъ элевзиній. Когда жрецъ окончилъ пѣніе, началось представленіе. Въ древнѣйшія времена оно имѣло форму настоящей драмы; но по мѣрѣ того какъ исчезала наивность этихъ временъ, выходили изъ употребленія и чисто сценическія средства возбужденія религіознаго чувства. Они были замѣнены символическими обрядами: разными условными движеніями, пѣснями и молитвами, въ которыхъ принимали участіе присутствующіе.

Сначала изображалось пребываніе Іакха на землѣ и его мирныя побѣды. Онъ приглашалъ своихъ послѣдователей на пиръ, на которомъ предлагалъ имъ хлѣбъ и вино. Онъ объявлялъ имъ, что онъ родился затѣмъ, чтобы искупить Кору, чтобы снова вознести ее къ богамъ и что этотъ день долженъ быть для всѣхъ людей залогомъ счастья, приготовленнаго имъ богами.

Потомъ начиналась борьба этого божества съ силами тьмы. Однажды, когда Іакхъ проходилъ по берегу моря, морскіе разбойники хотѣли захватить его; но онъ превратился въ льва и заставилъ ихъ спасаться бѣгствомъ. Въ другой разъ, змѣя начала было душить его; но онъ задавилъ ее своими могучими руками. Борьба эта принимала многія другія формы; но наконецъ, Іакхъ погибалъ. Тотчасъ же всѣ факелы погашались въ базиликѣ и толпа расходилась. Во время бдѣнія въ слѣдующую ночь гробъ павшаго въ борьбѣ Іакха воздвигался на хорахъ. При слабомъ свѣтѣ восковыхъ свѣчъ, виднѣлось его тѣло, надъ которымъ распростертъ былъ прозрачный пологъ. Вся ночь проходила въ рыданіяхъ мистовъ. Гробъ покрывали цвѣтами. Женщины стригли себѣ волосы и прикладывались къ ранамъ скончавшагося героя. Слѣдующее за тѣмъ бдѣніе посвящалось похоронамъ Іакха и горести Цереры. Она срывала повязки съ своей головы и покрывала лицо свое покровомъ: тотъ, ко-

торый долженъ былъ возвратить ей дочь ея, похищенную адомъ, лежалъ мертвымъ. Ей не оставалось никакой надежды; обѣщанія Зевса были напрасны, ей самой оставалось только желать смерти. Наклонившись къ гробу своего сына, она взывала къ богамъ; но одни только стоны толпы были отвѣтомъ на ея сѣтованія.

На другой день эта великая скорбь начинала мало по малу получать утѣшеніе. Появлялся Гермесъ и возвѣщалъ убитой горемъ матери, что Зевсъ ничего не забылъ, что онъ самъ сопутствовалъ ея сыну при нисхожденіи его въ адъ. Открывали гробъ и Іакха въ немъ не было. Тогда подруги Цереры становились смѣлѣе; онѣ припоминали тѣ постоянныя благодѣянія, которыми Іакхъ всегда осыпалъ людей: «Люди каждое утро увѣрены, говорили они, что солнце снова появится и однакоже у нихъ есть только одна причина для такой увѣренности—надежда на боговъ. Сынъ Зевса не могъ умереть; онъ конечно вновь появился на небѣ; болѣе счастливый, чѣмъ Орфей, онъ возвратился съ тою, за которою спускался въ адъ.» Тогда Церера, полная надежды и страха, окутывалась въ голубое покрывало и улетала въ жилища боговъ.

Слѣдующій затѣмъ великій и послѣдній день элевзиній былъ вполнѣ посвященъ ликованью. Дѣйствіе переносилось на небо. Церера видѣла тамъ своего сына, шествующаго во всей славѣ своей въ сопровожденіи боговъ, провозглашавшихъ его своимъ владыкой; онъ держалъ Кору за руку и подводилъ ее къ Зевсу. Церера, полная восторга, держала ее долго въ своихъ объятіяхъ. Боги поздравляли ее.

Юліанъ не пропустилъ ни одной подробности этихъ церемоній. Всѣ видѣнные имъ дѣйствія и символы не были лишены для него смысла. Его восторгъ возрасталъ по мѣрѣ того, какъ мистеріи приближались къ концу. Въ Іакхѣ онъ видѣлъ генія, сохраняющаго и размножающаго виды жизни животной и растительной посредствомъ сочетанія половъ; онъ зналъ, что Іакхъ въ другомъ отношеніи былъ небесный посредникъ и даже создатель всего живущаго. Но не столько чувственная, сколько скрываемая ею духовная сторона мистеріи производила на него впечатлѣніе. Онъ зналъ, что Кора была ни что иное, какъ

его безсмертная душа, нѣкогда обитавшая на небѣ и потомъ вслѣдствіе своего неразумія увлеченная на землю и заключенная въ темницу плоти. Но божественный логосъ (слово) не оставилъ ее забытою въ этой темницѣ; онъ также воплотился и освѣтилъ своимъ идеальнымъ свѣтомъ мракъ ея плоти. Онъ обратилъ душу къ небу, ввелъ ее снова во владѣніе безсмертіемъ, боролся за нее и вмѣстѣ съ нею со смертью и вознесъ ее наконецъ къ Зевсу.» *)

Въ числѣ различныхъ обрядовъ, входившихъ въ составъ мистерій, видное мѣсто занимало потрогиваніе и цалованіе различныхъ священныхъ предметовъ. **) Обряды эти имѣли таинственное значеніе и имъ приписывали чудесную силу. Разные предметы, бывшіе въ храмахъ и употреблявшіеся при жертвоприношеніяхъ и мистеріяхъ, имѣли значеніе амулетовъ, т. е. такихъ предметовъ, на которые человѣкъ смотрѣлъ какъ на одно изъ средствъ, связующихъ его съ сверхъестественнымъ и таинственнымъ міромъ духовъ.

Амулеты возникли въ эпоху фетишизма и идея ихъ всего ближе къ этой первобытной формѣ вѣрованій. Для фетишиста, чуждаго отвлеченныхъ понятій, всякій предметъ безъ различія можетъ сдѣлаться предметомъ поклоненія, такъ какъ недостатокъ его дѣйствительнаго значенія для себя онъ всегда восполняетъ воображеніемъ. Но кромѣ фетишей, къ которымъ онъ относился, какъ къ божествамъ, подчиненно, онъ выбиралъ еще себѣ множество самыхъ разнообразныхъ предметовъ, которымъ хотя и приписывалъ почти такую же магическую силу, какъ и фетишамъ, но которые считалъ себѣ подчиненными, которыми распоряжался какъ господинъ. Такого рода предметы, вообще называемые амулетами, встрѣчаются у всѣхъ дикихъ народовъ въ огромномъ количествѣ. Негръ положительно весь бываетъ обвѣшанъ ими и безъ нихъ никакъ не рѣшается выйдти изъ дому. Въ число этихъ амулетовъ или гри-гри, какъ ихъ называютъ негры, попадаютъ всевозможные предметы, начиная отъ раковины или грязной тряпки и оканчивая какой-нибудь европейской вещицей

*) Emile Lamé. Iulien l'Apostat. 80—87.
**) См. Maury Hist; des Relig. II. p. 335.

самой тонкой отдѣлки. Обвѣшиваясь ими, негръ думаетъ избавиться отъ всѣхъ бѣдствій и непріятностей, какія только ему могутъ угрожать, и когда онъ пугается чего нибудь, то сейчасъ же хватается за свои амулеты, какъ за вѣрное спасительное средство. Точно такіе же амулеты встрѣчаются и у другихъ дикарей Африки и Австраліи, у древнихъ германцевъ такое же назначеніе имѣли маленькіе мечи, собачьи зубы и другіе предметы.

При переходѣ къ высшимъ міровоззрѣніямъ—къ политеизму и впослѣдствіи монотеизму, амулеты не изчезаютъ, такъ что можно сказать, что въ этомъ отношеніи человѣкъ не перестанетъ оставаться на самой низкой ступени развитія. Вся разница здѣсь заключается только въ томъ, что предметы для амулетовъ не выбираются такъ безразлично, какъ у фетишистовъ, и между этими предметами и божестами не существуетъ уже того близкаго сродства, которое заставляетъ иногда совершенно смѣшивать гри-гри съ фетишемъ. Впрочемъ, смыслъ и значеніе амулетовъ не измѣняется: они остаются тою-же связью между человѣкомъ и міромъ сверхъ-естественнымъ, какъ и прежде, а потому отъ нихъ продолжаютъ ждать неисчислимыхъ благъ. Амулеты выбираются преимущественно между предметами, исполняющими то или другое назначеніе въ культѣ; но иногда силу ихъ пріобрѣтаютъ разныя другія вещи посредствомъ особенныхъ заклинаній, таинственныхъ формулъ и т. п., и въ такомъ случаѣ они называются талисманами. Амулеты и талисманы извѣстны всѣмъ народамъ. У магометанъ употребляются написанныя на чемъ нибудь главы изъ карона или перечисленія 99 именъ Аллаха. У буддистовъ—фигурки демоновъ; у древнихъ грековъ и у халдеевъ—ожерелья, запястья, кольца съ написанными на нихъ таинственными формулами; у израильтянъ—такъ называемыя филантеріи; у католиковъ — медальоны, статуетки и т. п.; у древнихъ римлянъ — кольца, діадемы и другія вещи съ изображеніями таинственныхъ знаковъ и формулъ и друг. *) У древнихъ египтянъ замѣчатель-

*) Les Romains recouraient, pour combattre l'effet des maléfices, du man-

нѣйшимъ амулетомъ было сдѣланное изъ камня или другаго матеріала изображеніе навознаго жука (scarabeus cantharus). Весьма интересное собраніе такихъ жуковъ можно видѣть въ одной изъ галлерей Эрмитажа.

Замѣчательнѣйшими-же и наиболѣе чтимыми амулетами были всегда, какъ мы замѣтили уже, предметы, употреблявшіеся въ культѣ.

На первомъ планѣ здѣсь надо поставить изображенія боговъ и въ особенности статуи. Между ними и изображаемыми ими божествами всегда предполагалась нѣкоторая таинственная связь, дѣлавшая статуи эти священными. Наиболѣе суевѣрные предполагали даже, что боги иногда обитали въ этихъ статуяхъ. По этимъ причинамъ въ Греціи и въ Римѣ статуямъ поклонялись, какъ предметамъ особенно близкимъ богамъ, и надѣялись вліять посредствомъ поклоненія статуѣ на самое божество. Вслѣдствіе такого взгляда на нихъ богомольные люди старались сколько возможно украсить ихъ и возвысить ихъ цѣну. Ихъ покрывали золотомъ, дорогими тканями, драгоцѣнными камнями, ставили вокругъ нихъ свѣчи и зажигали куренія. Самые суевѣрные, смѣшивавшіе понятіе о божествѣ съ его изображеніемъ, обращались къ нимъ съ молитвами и даже цаловали ихъ. Цицеронъ разсказываетъ, что у одной статуи Геркулеса въ Агригентѣ ротъ и подбородокъ были совершенно истерты поцалуями ревностныхъ поклонниковъ *) Статуи въ качествѣ амулетовъ дѣлали, по народному повѣрью, разныя чудеса и совершали исцѣленіе. Такъ упомянутая выше статуя Геркулеса возвратила зрѣніе одному рыбаку, видѣвшему передъ тѣмъ чудесный сонъ; другія излечивали отъ кашля, подагры и пр. и дѣлали разныя удивительныя вещи, какъ то: измѣняли выраженіе лица, сотрясали бывшими у нихъ въ рукахъ копьями, наводили своимъ видомъ ужасъ на непріятеля и т. п.

Кромѣ статуй сохранялись еще въ храмахъ тѣла и кости героевъ, дѣлавшія неменьшія чудеса чѣмъ статуи. Такъ въ храмѣ

---

vais vein et des sortilèges, au fascinum, sorte d'amulette qui était souvent un phallus, ou à un signe rappellant une idée obscène. Изъ чего можно заключить о разнообразіи амулетовъ. См. Maury. La Magie. p. 72.

*) Maury H. des Relig. II, 50.

Зевса олимпійскаго въ Аѳинахъ сохранялась въ золотомъ ящикѣ кость плеча Пелопса. Не менѣе ее чтились въ Греціи ножной палецъ Пирра, тѣло героя Идаса, воспѣтаго Гомеромъ, тѣло Тезея, голова Орфея и мн. др.

Вещи, которыя, по преданію, принадлежали разнымъ героямъ, также сохранялись и дѣлали чудеса. Въ греческихъ храмахъ такихъ вещей было множество, и такъ какъ обладаніе ими обогощало жрецовъ, то за неимѣніемъ вещей приписывали разнымъ естественнымъ предметамъ чудесное происхожденіе; такъ напримѣръ, въ Трезелѣ показывали оливковое дерево, выросшее изъ палицы Геркулеса, воткнутой въ землѣ.

Возвратимся къ жертвоприношеніямъ.

Мы сказали уже, что обрядъ этотъ былъ связанъ съ идеею чудесности. Идея эта выразилась, какъ мы видѣли, въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ не только въ отношеніи къ самимъ жертвамъ, но даже и ко всему съ ними соприкасающемуся; наконецъ, она развилась до своихъ крайнихъ заключеній въ стремленіи, посредствомъ тѣхъ-же жертвоприношеній, угадывать будущее. Магическіе обряды сдѣлались чудесными средствами для отвѣтовъ на важнѣйшіе вопросы человѣческой жизни. Какъ возстановить нравственную чистоту и найдти примиреніе съ богами т. е. съ своею совѣстью? Какъ умилостивить божество и заставить его благопріятствовать человѣку? Какъ найдти скорое исцѣленіе отъ болѣзней? Какъ отвратить отъ себя грозящее бѣдствіе и вообще найдти себѣ опору въ каждомъ частномъ случаѣ? и наконецъ, какъ угадать будущее и вообще какъ раскрыть тайну всякой неизвѣстности? На всѣ эти вопросы находились отвѣты въ обрядахъ культа, и на послѣдній изъ нихъ въ самомъ процессѣ жертвоприношенія. Когда приносилась жертва, то естественно являлся самъ собою вопросъ о томъ, пріятна-ли она богамъ, будетъ-ли она принята ими, умилостивитъ-ли она ихъ и преклонитъ-ли ихъ на сторону просящихъ! Желая рѣшить этотъ вопросъ, стали наблюдать за всѣми подробностями явленій, которыми сопровождался обрядъ и которыя были внѣ власти приносившихъ жертву. Направленіе и сила огня, его цвѣтъ и другія подробности горѣнія, какъ явленія непонятнаго, и потому таинственнаго, считались указаніями, по которымъ мож-

но было дѣлать заключенія. Наблюдали также за животными, подводимыми къ жертвеннику, и въ ихъ движеніяхъ, голосѣ, положеніи тѣла и т. п. думали найдти такія же указанія. Гаданье по жертвамъ возникло такимъ образомъ изъ мысли о разрѣшеніи вопроса, непосредственно относящагося къ самой жертвѣ. Вопросъ этотъ имѣлъ однако такую важность, что возможность его разрѣшенія привела весьма легко и скоро къ разрѣшенію и разныхъ другихъ вопросовъ, и проникновеніе въ будущее организовалось при храмахъ въ цѣлую систему прорицаній, способы которыхъ съ теченіемъ времени усложнились и стали разнообразны до чрезвычайности.

Упомянутые выше простые способы гаданья по огню жертвъ и виду приносимыхъ въ жертву животныхъ встрѣчаются у Арійцевъ, Пелазговъ, Грековъ и другихъ народовъ. По крайней простотѣ своей они не могли удовлетворить конечно потребностямъ постоянно усложнявшейся жизни, и поэтому начали изобрѣтать новые способы гаданья, достовѣрность которыхъ могла бы быть объяснена непосредственнымъ внушеніемъ божества. Прежде всего не удовлетворились однимъ только наружнымъ видомъ животнаго и передъ тѣмъ, какъ сжечь, стали его вскрывать и гадать по его внутренностямъ. Но и этого было мало; разные предметы въ храмахъ и даже внѣ ихъ дали поводъ жрецамъ къ гаданью. Каждое изъ совершавшихся въ храмахъ чудесъ, о которыхъ было говорено выше, какъ-то сотрясеніе копьемъ статуи какого-нибудь бога и т. п., было считаемо такимъ или инымъ предзнаменованіемъ; сны, которые случалось видѣть остающимся спать въ храмахъ, тоже объяснялись какъ предсказанія; случайные звуки, крики, слова, которыя вырывались при жертвоприношеніяхъ у присутствующихъ, получили тотъ-же смыслъ. Наконецъ изобрѣтены были въ разныхъ мѣстностяхъ особенные своеобразные способы гаданья, такъ напримѣръ, въ одномъ изъ храмовъ Гермеса въ Аркадіи всякій могъ гадать слѣдующимъ образомъ: зажегши куреніе передъ статуею этого бога и положивъ въ указанное мѣсто монету, онъ шепталъ свой вопросъ въ ухо статуѣ; потомъ затыкалъ себѣ уши и уходилъ на площадь, тамъ оттыкалъ уши, и первое услышанное слово считалъ отвѣ-

томъ на свой вопросъ. Въ храмѣ Геркулеса въ Ахаіѣ, всякій гадавшій бросалъ камешки на мраморный столъ и, справившись съ находившейся тутъ объяснительной таблицей, получалъ отвѣтъ сообразно съ положеніемъ брошенныхъ камешковъ.

Такимъ образомъ народныя суевѣрія, находя себѣ опору въ имѣвшихся длянихъ авторитетахъ, представителяхъ культа, создали тѣ безчисленныя формы гаданья, которыя сохранились съ глубокой древности до нашего времени. Толкованіе сновъ, видѣнныхъ въ храмахъ, перешло въ толкованіе всякихъ сновъ; мысль о предзнаменованіяхъ, была связанна со всякими непонятнымя явленіями, стала всеобщею, и появленіе кометъ напр. связалось съ народными бѣдствіями. Вообще воображеніе создавало самыя дикія ассоціаціи идей и считало ихъ истинами, такъ какъ мысль еще дремала и знаніе не являлось съ его могущественною разрушительною силою. Нерѣдко предсказанія и суевѣрія всякаго рода, получая въ глазахъ народа какъ бы подтвержденіе, укрѣплялись и распространялось. Такъ напр. упомянутая выше вѣра во вліяніе кометъ можетъ считаться всеобщею. И неудивительно. Какая же комета въ самомъ дѣлѣ не сопровождалась народными бѣдствіями, когда кометъ такъ мало *), а бѣдствій такъ много?

Не стоитъ здѣсь перечислять разные способы гаданья и вообще распространяться о нихъ. Достаточно было связать это суевѣріе съ общею массою всѣхъ другихъ, о которыхъ говорилось выше, и показать, что этотъ вздоръ родной братъ другому такому-же вздору, который однакоже не разжалованъ и до сихъ поръ въ этотъ рангъ и считается у многихъ *образованныхъ* людей совсѣмъ не вздоромъ. И такъ, сдѣланный нами до сихъ поръ обзоръ магіи показалъ намъ, что начатки знанія, смѣшанныя съ разными суевѣрными обрядами, составляли всегда ея содержаніе. Едва только пробудилось сознаніе въ человѣкѣ, какъ онъ уже инстинктивно чувствовалъ возможность повелѣвать окружающею его природой, и первыя его усилія были направлены именно въ этомъ смыслѣ. Но не имѣя еще идеи объ

*) Нынѣ извѣстно только отъ 500 до 600 кометъ, и то большая часть ихъ не видны невооруженному глазу.

изученіи естественныхъ явленій и открытіи управляющихъ ими законовъ, знаніемъ которыхъ онъ бы могъ пользоваться согласно съ своими желаніями, онъ вообразилъ себѣ природу такою, какою она показалась ему съ перваго взгляда, придумалъ ей хозяевъ, во всемъ подобныхъ себѣ, и надѣялся посредствомъ вліянія на нихъ управлять ею. Сообразно съ такимъ взглядомъ на природу онъ придумалъ систему способовъ, которые должны были подчинить ему духовъ и демоновъ: исполнять его желанія, доставлять ему все нужное, благопріятствовать ему во всемъ и даже открывать будущее.

Такимъ образомъ магія расширилась, распространилась и охватила всѣ потребности жизни. Ихъ всѣхъ мечтала она удовлетворить и, владѣя вполнѣ неразвитымъ и робкимъ умомъ человѣка, замѣняла ему всякое дѣйствительное знаніе и преграждала ему путь къ открытію истины. Такая претензія казалась человѣку тѣмъ болѣе основательною, что явленія внутренняго міра были для него столько-же (если не болѣе) загадочны, какъ и явленія міра внѣшняго, и что въ нихъ онъ находилъ неограниченное удовлетвореніе своего стремленія къ сверхъестественному.

Вл. Лесевичъ.

* * *

Не боюсь я судьбы,
Не боюсь я враговъ:
Сила есть для борьбы,
Руки есть для трудовъ.

Кто изъ насъ побѣдитъ—
Эта рѣчь впереди,
А покуда кипитъ
Жажда жизни въ груди.

Въ головѣ удалой
Много сладостныхъ думъ,
Бури, визги и вой
Заглушаетъ ихъ шумъ.

Пусть на небѣ гроза—
И во тьмѣ для меня
Моей милой глаза
Блещутъ ярче огня.

И чѣмъ дольше и злѣй
Будетъ громъ грохотать,
Тѣмъ отважнѣе съ ней
Будемъ мы пировать.

* * *

Пусть ликуетъ твой врагъ,
Твои силы губя,
Только-бъ было свѣтло
На душѣ у тебя.

Только-бъ въ домъ твой друзья —
Люди честные шли
И на смѣну отцу
Въ немъ младенцы росли.

Только-бъ могъ ты врагу
Смѣло въ очи глядѣть,
Передъ смертью своей
Не дрожать, не блѣднѣть.

Только-бъ зналъ, что пойдетъ
Врагъ за гробомъ твоимъ,
Между честныхъ людей
Рабскимъ страхомъ томимъ,

Что позорнымъ столбомъ
Станетъ памятникъ твой
Для того, кто тебя
Такъ измучилъ враждой.

А. Михайловъ.

РАБОТНИКИ МОРЯ.

РОМАНЪ В. ГЮГО.

КНИГА ПЕРВАЯ.

КАКЪ СОСТАВЛЯЕТСЯ ХУДАЯ МОЛВА.

I.

Одно слово — на бѣлой страницѣ.

Рождество 182* было памятно на островѣ Джерсей. Весь этотъ день шелъ снѣгъ, а на островахъ Ла-Манша зима съ морозами и снѣгомъ составляетъ событіе.

Утромъ въ этотъ день приморская дорога отъ Сэнъ-Пьера до Валла вся была бѣлая. Съ полночи и до зари падалъ снѣгъ. Около девяти часовъ, вскорѣ послѣ восхода солнца, когда еще было рано для англиканцевъ идти въ церковь св. Самсона, и для методистовъ — въ часовню Эльдадъ, дорога была почти пустынна. На всемъ пространствѣ, отдѣляющемъ первую башню отъ второй, виднѣлись только три прохожихъ — мальчикъ, мужчина и женщина. Идя другъ за другомъ на значительномъ разстояніи, они, очевидно, не имѣли между собою ничего общаго. Мальчикъ, лѣтъ восьми, остановился и съ любопытствомъ посмотрѣлъ на снѣгъ; мужчина шелъ позади женщины, шагахъ во ста. Онъ, подобно ей, направлялся къ св. Самсону. На видъ это былъ молодой человѣкъ и казался рабочимъ или морякомъ. Онъ былъ одѣтъ въ обыденную матросскую куртку, изъ толстаго темнаго сукна, въ панталоны съ насмоленными голенищами, почему можно было судить, что не смотря на празднич-

ный день, онъ не пойдетъ въ церковь. Его тяжелые изъ сыромятной кожи башмаки, подбитые огромными гвоздями, оставляли на снѣгу слѣдъ, болѣе похожій на тюремный замокъ, чѣмъ на человѣческую ступню. Женщина напротивъ была одѣта въ праздничный костюмъ; на ней была широкая епанча, на ватѣ и черномъ шелку, подъ которой очень кокетливо обтягивало ея талію платье изъ ирландскаго поплина, убранное бѣлыми и розовыми пуговицами; и если бъ она не была обута въ красные чулки, то ее можно было бы принять за парижанку. Въ походкѣ ея была видна свободная и гордая живость, по которой легко было узнать молодую дѣвушку, еще незнакомую съ опытами жизни. По ея грацiознымъ движенiямъ ясно обозначался тотъ нѣжный перiодъ жизни, когда *начало* женщины незамѣтно сливается съ *окончанiемъ* дѣвственнаго отрочества. Мужчина не замѣчалъ ее.

Вдругъ около куртины зеленыхъ дубовъ, на углу изгородки, она обернулась и движенiе ея заставило мужчину оглянуться на нее. Она остановилась, повидимому на минуту задумалась, потомъ наклонилась, и мужчина замѣтилъ, что она что-то написала пальцемъ на снѣгу. Затѣмъ она выпрямилась, пошла дальше ускореннымъ шагомъ, еще разъ обернулась съ улыбкой на лицѣ, и изчезла влѣво по дорогѣ, между изгородями, ведущими къ замку де-Льеръ. Когда она обернулась во второй разъ, мужчина узналъ въ ней Дерюшетъ, прелестную дѣвушку во всей этой мѣстности.

Ему не было надобности спѣшить и онъ остановился на нѣсколько минутъ близъ дубовой куртины. Мысль о проходившей дѣвушкѣ его болѣе не занимала, и навѣрное онъ забылъ бы ее, еслибъ въ эту минуту попалась ему какая нибудь морская свинка, ныряющая въ море или снигирь, порхающiй въ кустарникахъ. Совершенно случайно онъ опустилъ взоръ на то самое мѣсто, гдѣ останавливалась молодая дѣвушка. Двѣ маленькiя ножки отпечатлѣлись на снѣгу, и тутъ же онъ прочиталъ свое имя: *Джильяттъ*.

Долго онъ простоялъ, какъ вкопанный, разсматривая эту надпись, эти грацiозныя ножки, потомъ задумчивый продолжалъ свой путь.

II.

Заколдованный домъ.

Джиліаттъ обиталъ въ приходѣ св. Самсона. Его не любили сосѣдніе жители, и на это были свои причины. Во-первыхъ хижина, въ которой онъ жилъ, пользовалась недоброй молвой. На островѣ Джерсей, какъ въ деревняхъ, такъ и въ городахъ, случается иногда, проходя какимъ нибудь темнымъ закоулкомъ или многолюдной улицей, встрѣчаться съ полуразвалившимся домомъ; входъ въ него заваленъ, ворота прорастаютъ травой, какія-то безобразныя заплатки изъ досокъ, утыканныхъ гвоздями, закрываютъ нижнія окна; въ верхнихъ этажахъ одни окна отворены, а другія заперты, ставни покрыты червоточиной, а стекла выбиты. Если есть дворъ, его покрываетъ зелень; если есть садъ, въ немъ ростетъ крапива и сорная трава, съ необычайными насѣкомыми. Камины въ этихъ домахъ съ трещинами, крыша дырявая и все, что можно разсмотрѣть внутри комнатъ, покрыто ржавчиной и плѣсенью. По стѣнамъ ползутъ полуистасканные обои, а паутина, усѣянная мухами, показываетъ глубокую тишину пауковъ. Иногда вы увидите разбитый горшокъ на окнѣ. Такіе дома слывутъ заколдованными; ихъ посѣщаютъ ночью нечистые духи.

Домъ, подобно человѣку, можетъ обратиться въ трупъ. Стоитъ только убить его суевѣріемъ; тогда онъ дѣлается жилищемъ страшнымъ. Подобные мертвые дома встрѣчаются нерѣдко на островахъ Ла-Манша.

Деревенское и приморское населеніе заражено сильными суевѣріями. Норманскіе рыбаки крѣпко опасаются разной чертовщины, когда они пускаются въ море. Долго держалось повѣрье, что св. Маклу обиталъ на огромной четырехугольной скалѣ—Ортахъ, и старые моряки въ былое время утверждали, что они часто видѣли издали этого святаго сидящимъ и читающимъ книгу. А мимо проходившіе моряки невольно падали на колѣни передъ этой волшебной скалой, пока басня не разсѣялась и не открылась истина. Теперь каждому извѣстно, что на Ортахѣ обиталъ не свѣтлый, а темный духъ, который ухи-

трился впродолженіи нѣсколькихъ вѣковъ выдавать себя за св. Маклу.

Старики разсказываютъ изъ давно былого времени, что католическое населеніе Норманскаго архипелага находилось въ болѣе тѣсныхъ сношеніяхъ съ чертями, чѣмъ населеніе Гугенотовъ. Почему?—не знаю; извѣстно только, что въ оно время нечистые духи сильно тревожили католиковъ. Это подало поводъ думать, что чортъ болѣе католикъ, чѣмъ протестантъ. Одной изъ самыхъ скверныхъ привычекъ католическаго чорта — были ночные визиты въ супружескія ложа, когда мужъ вполнѣ засыпалъ, а жена только въ половину. Отсюда родилось странное повѣрье, что Вольтеръ былъ плодомъ подобнаго союза... Какъ бы то ни было, но эти ночные визиты чорта сильно стращали католическихъ женъ. Произвести на свѣтъ Вольтера— въ этомъ еще нѣтъ ничего непріятнаго, и потому одна женщина посовѣтовалась съ своимъ духовнымъ отцомъ, какъ бы ей во время узнать эту любопытную исторію. Аббатъ отвѣчалъ ей: «чтобы увѣриться,—съ кѣмъ вы имѣете дѣло—съ чортомъ или съ супругомъ, пощупайте лобъ и, если ощупаете рога, то знайте навѣрное.»—Что знайте?—спросила набожная жена.

Домъ, обитаемый Джиліаттомъ, считался заколдованнымъ, подъ сомнѣніемъ. Всякій знаетъ, что если колдунъ поселится въ такомъ домѣ, чортъ считаетъ излишнимъ посѣщать его и оказываетъ ту единственную любезность, что является, какъ докторъ, только по призыву хозяина.

Домъ Джиліатта стоялъ на краю скалы, у мелководья. Мѣстоположеніе его было почти совершенно одинокое, съ крошечнымъ клочкомъ земли, достаточнымъ для небольшаго сада. Морскіе приливы иногда затопляли этотъ садъ. — Ничего не можетъ быть обыкновеннѣе, какъ колдуны на островѣ Джерсеѣ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ они спокойно отправляютъ свои обязанности, и XIX вѣкъ ничего не можетъ подѣлать съ ними. Практика ихъ поистинѣ гнусная. Они кипятятъ золото; собираютъ травы въ полночный часъ; они портятъ скотъ; къ нимъ обращаются за совѣтами, и они являются съ цѣлебными водами и нашептываютъ на нихъ. Одинъ изъ нихъ околдовалъ хлѣбопека и его печь; другіе за двѣ или за три гинеи берутъ на себя

ваши болѣзни; въ такомъ случаѣ они катаются на своихъ постеляхъ и испускаютъ крики. Въ то время, какъ ихъ корчитъ, вы съ изумленіемъ говорите: «смотри, какъ рукой сняло!» Есть и такіе, которые излечиваютъ больныхъ, обвязывая ихъ платками—средство, столь простое, что удивительно, какъ никто прежде не подумалъ о немъ. Въ прошломъ столѣтіи королевскій дворъ жегъ колдуновъ Гернсея на кострахъ, а въ наше время ихъ осуждаютъ на восьминедѣльное заключеніе въ тюрьмѣ, на воду и хлѣбъ впродолженіи четырехъ недѣль и въ секретную также на четыре недѣли.

Послѣднее сожженіе гернсейскихъ колдуновъ происходило въ 1747 году. Городъ отвелъ для этой церемоніи одну изъ своихъ площадей ; 1565—1700 было изжарено на этой площади одиннадцать колдуновъ. Пытка вымучила у нихъ сознаніе. Та же самая площадь оказала и другія услуги обществу и религіи. Въ царствованіе Маріи Тюдоръ здѣсь сожгли, между прочими гугенотами, одну мать съ двумя дочерями; имя этой матери было Перротень Масси. Одна изъ дочерей была беременна. Она разрѣшилась среди самого пламени. Хроника прибавляетъ, что «животъ у нея лопнулъ». Младенецъ вышелъ оттуда живой и скатился съ пылавшаго костра. Нѣкто Гаузъ поднялъ его, но старшина Гослинъ, благочестивый католикъ, снова бросилъ его въ огонь.

III.

Твоей женѣ, когда ты женишься.

Возвратимся къ Джиліатту.

Разсказывали, что одна женщина, съ маленькимъ ребенкомъ, къ концу революціи, поселилась на островѣ Гернсеѣ. По всей вѣроятности это была англичанка, если только не француженка. Жила она одинокая съ своимъ ребенкомъ, который, по мнѣнію однихъ былъ ея племянникомъ, по мнѣнію другихъ,—сыномъ, по мнѣнію третьихъ,—внукомъ, а нѣкоторые считали его совершенно чужимъ. У нея были кой-какія деньжонки, которыми она могла перебиваться. Она прикупила частичку лута въ Сер-

жантэ и крошечную усадьбу въ Рокъ Греспель. Домъ, въ которомъ она поселилась, считался въ это время заколдованнымъ; лѣтъ тридцать онъ стоялъ пустымъ и обрушился. Садъ, заливаемый морскими приливами, не могъ ничего производить, кромѣ ночнаго шума и свѣта. Онъ особенно былъ страшенъ тѣмъ, что если вечеромъ оставить на его камнѣ шерстяной клубокъ съ иголками или полную тарелку супу, то на другой день утромъ супъ былъ съѣденъ и пара женскихъ перчатокъ лежала на мѣстѣ клубка. Эту полуразвалившуюся лачугу, вмѣстѣ съ обитавшимъ въ ней духомъ, предлагали продать за нѣсколько фунтовъ стерлинговъ. Ее купила эта женщина, очевидно, искушаемая чортомъ или дешевой цѣной.

Этого мало; она поселилась здѣсь вмѣстѣ съ ребенкомъ, и съ той поры домъ успокоился. Ночные визиты чертей прекратились; на зорѣ не было слышно ни какихъ криковъ, а по вечерамъ не было видно никакого свѣта, кромѣ ночника, зажигаемаго хозяйкой.

Существованіе ея обезпечивалось нѣсколькими полосами земли и хорошей коровой, дававшей желтое масло. Она собирала травы и картофель, которыми торговала не на рынкѣ, а продавала ихъ нѣкоему Гильберу Фалліоту.

Домъ былъ кое-какъ поправленъ, такъ что въ немъ можно было жить. Дождь проходилъ въ комнаты только въ самую ненастную погоду; нижній этажъ дома раздѣлялся на три комнаты, — въ двухъ спали, а въ одной обѣдали. Въ верхнемъ этажѣ былъ чердакъ, куда вела лѣстница. Женщина сама стряпала и учила грамотѣ своего ребенка. Въ церковь она не ходила, изъ чего вывели заключеніе, что она должна быть француженка. Однимъ словомъ, это были таинственные жильцы, возбуждавшіе о себѣ самые странные толки.

Очень вѣроятно, что она была въ самомъ дѣлѣ француженка. Революціи, подобно волканамъ, извергаютъ людей, и эти люди какъ съ облаковъ падаютъ, кто въ Германію, кто въ Англію, кто въ Америку. Съ изумленіемъ встрѣчаютъ этихъ выходцевъ туземные жители, называя ихъ эмигрантами, и искателями приключеній. Если они уживаются на новомъ мѣстѣ, ихъ терпятъ; если они уходятъ, этому радуются. Иногда эти бури выбрасы-

ваютъ людей совершенно невинныхъ, особенно женщинъ, непринимавшихъ никакого участія въ событіяхъ, которыя преслѣдуютъ ихъ. Эти люди прививаются тамъ, гдѣ Богъ пошлетъ. Французская революція, болѣе чѣмъ всякая другая, разбросала по всѣмъ концамъ міра подобные отпрыски.

Мадамъ Джиліаттъ, надо полагать, была однимъ изъ подобныхъ отпрысковъ.

Мать старѣлась, а сынъ подрасталъ. Они жили одни и всѣ избѣгали ихъ. Одиночество ихъ и не печалило. Когда мальчикъ подросъ и сдѣлался зрѣлымъ мужчиной, мать умерла. Смерть ея была большимъ горемъ для сына; прежде онъ былъ просто дикъ, а теперь сдѣлался лютъ. Кругомъ его все обратилось въ безконечную пустыню. Это было не одиночество, а совершенная пустота. Вдвоемъ всякая жизнь сноснѣе, и когда человѣкъ остается одинъ, онъ впадаетъ въ отчаяніе.

Джиліаттъ былъ молодъ, и потому рана его мало-по-малу закрылась. Въ этотъ возрастъ горе скоро забывается. Джиліаттъ, увлеченный потокомъ жизни и природы, скоро свыкся съ своимъ уединеніемъ.

IV.

Непопулярность.

Джиліаттъ, какъ мы сказали, не былъ любимъ въ своемъ приходѣ. Антипатія эта была весьма естественна и объяснялась множествомъ причинъ. Во первыхъ, какъ сказано выше, домомъ, гдѣ онъ жилъ. Затѣмъ, его происхожденіемъ. Что это была за женщина? Откуда явилось это дитя? Туземцы не любили загадочныхъ чужестранцевъ. Потомъ, неудовольствіе возбуждали его костюмъ,—костюмъ ремесленника, тогда какъ онъ если и не былъ богатъ, то имѣлъ возможность существовать, ничего не дѣлая,—толстыя книги, которыя онъ читалъ,—наконецъ, разныя другія обстоятельства.

Отчего онъ жилъ такъ уединенно? — Бю-де-ла-Рю было нѣчто въ родѣ лазарета; Джиліатта держали въ карантинѣ;

поэтому весьма естественно, что всѣ удивлялись его удаленію отъ людей и взваливали на него отвѣтственность за одиночество, которымъ другіе окружали его.

Онъ никогда не посѣщалъ часовни. Онъ часто выходилъ ночью. Онъ разговаривалъ съ волшебниками. Разъ его видѣли сидящимъ на травѣ съ удивленною физіономіею. Были люди, которые увѣряли, что собственными глазами видѣли, какъ онъ вѣжливо раскланивался съ «Поющею Скалою.» Онъ покупалъ всѣхъ птицъ, которыхъ приносили къ нему, и выпускалъ ихъ на волю. Онъ привѣтливо обращался съ обитателями улицы св. Самсона, но охотно обходилъ эту улицу. Онъ часто ѣздилъ на рыбную ловлю и всегда возвращался съ добычей. Онъ работалъ въ своемъ саду по воскресеньямъ. У него была свирѣль, купленная имъ у шотландскихъ солдатъ, проходившихъ черезъ Гернсей и онъ игралъ на ней ночью, среди скалъ на берегу моря. Что прикажете дѣлать съ такимъ человѣкомъ?

Что касается книгъ, доставшихся ему отъ умершей женщины и составлявшихъ предметъ его чтенія, — то онѣ были довольно опаснаго свойства. Преподобный Жакменъ Эродъ, ректоръ св. Самсона, видѣлъ эти книги во время похоронъ женщины и прочелъ на корешкахъ ихъ такія заглавія: «*Лексиконъ Розье*», «*Кандидъ*» Вольтера, «*Совѣты народу касающіеся его здоровья.*» Тиссо. Одинъ французскій эмигрантъ—дворянинъ, жившій въ приходѣ св. Самсона, сказалъ: «Это, должно быть, тотъ самый Тиссо, который несъ голову княгини Ламбаль.»

Почтенный священникъ замѣтилъ на одной изъ этихъ книгъ такое заглавіе, дѣйствительно страшное: «De Rhubarbaro.»

Но такъ какъ это сочиненіе было написано по латыни, то трудно было предположить, чтобы Джиліаттъ, не знавшій этого языка, читалъ эту книгу.

Впрочемъ, именно тѣ книги, которыхъ человѣкъ не читаетъ, обвиняютъ его больше всякихъ другихъ. Испанская инквизиція окончательно разрѣшила этотъ вопросъ... Что касается этой книги, она была ничто иное, какъ трактатъ доктора Тилингіуса о ревенѣ, изданный въ Германіи въ 1679 г.

Многіе подозрѣвали, что Джиліаттъ занимался составленіемъ разныхъ зельевъ и снадобьевъ. У него было много склянокъ.

Для чего онъ ходилъ по вечерамъ, а иногда и по ночамъ на берегъ моря? Очевидно для того, чтобы вести бесѣду съ недостойными людьми, появляющимися въ эту пору въ этихъ мѣстахъ.

Разъ онъ помогъ торневальской колдуньѣ, старухѣ Ган, вытащить изъ грязи ея телѣжку.

Когда на островѣ дѣлали перепись и у Джиліатта спросили о родѣ его занятій, онъ отвѣчалъ: «Я рыбакъ, когда есть что ловить»... Кому такіе отвѣты могутъ понравиться?

Бѣдность и богатство—предметы, удобные для сравненія. У Джиліатта были поля и домъ, и въ сравненіи съ тѣми, у кого ничего нѣтъ, онъ былъ человѣкъ не бѣдный. Разъ одна дѣвушка, желая испытать его, а можетъ быть и съ цѣлью завлечь, — (потому что есть женщины, готовыя выйти хоть за чорта, коли онъ богатъ) — сказала ему: «Когда же наконецъ вы женитесь?—Джиліаттъ отвѣчалъ: «Я женюсь, когда «Поющая Скала» выйдетъ за мужъ.»

Эта «Поющая Скала»—большой камень, лежащій на дорогѣ и очень подозрительный. Въ немъ поетъ невидимый пѣтухъ, — вещь чрезвычайно непріятная для слуха. Кромѣ того, дознано и доказано, что его положили на этомъ мѣстѣ злые духи.

Когда ночью гремитъ громъ и въ дрожащемъ воздухѣ, среди красныхъ тучъ, летаютъ люди, — знайте, что это злые духи. Одна женщина, живущая въ окресностяхъ знаетъ ихъ. Однажды вечеромъ, когда эти существа сошлись на одномъ перекресткѣ, эта женщина крикнула одному извощику, не знавшему, въ какую сторону свернуть: «Спросите у нихъ дорогу; это люди добрые, готовые всѣмъ услужить.» Можно пари держать, что эта женщина — колдунья.

Праведный и ученый король Іаковъ I варилъ живыми всѣхъ женщинъ этого рода, потомъ пробовалъ бульонъ изъ нихъ и судя по вкусу этого бульона, говорилъ: «Это была колдунья,»— или: «Это не была колдунья».

Джиліаттъ имѣлъ конечно серьезныя причины вести образъ жизни колдуна. Были люди, слышавшіе, какъ въ одну бурную ночь, Джиліаттъ, ѣхавшій по морю въ лодкѣ совершенно одинъ,

крикнулъ: «Можно тутъ безопасно проѣхать?», — и чей то голосъ отвѣчалъ съ вершины утесовъ: «проѣзжай смѣло!»

Очевидно, что онъ говорилъ съ кѣмъ нибудь, кто ему отвѣчалъ.

Въ другую бурную ночь, такую темную, что хоть глазъ выколи, Джиліаттъ, по увѣренію многихъ, слышавшихъ это, какъ они увѣряли, собственными ушами, участвовалъ въ слѣдующемъ страшномъ разговорѣ, происходившемъ подлѣ Catiau-Roque, двойнаго ряда утесовъ, среди которыхъ колдуны, козы и вѣдьмы танцуютъ по пятницамъ.

— Какъ поживаетъ Везенъ Броваръ? (Такъ звали одного каменьщика, упавшаго съ крыши).

— Ему лучше.

— Вотъ штука! вѣдь крыша, съ которой онъ треснулся, выше этого большаго столба. Чудное дѣло, что онъ ничего не переломилъ себѣ.

— А какъ здоровье Катерины?

— Она очаровываетъ.

Эта «Катерина» очевидно была изъ породы злыхъ духовъ.

Джиліаттъ по всѣмъ признакамъ занимался ночными дѣлами. Покрайней мѣрѣ никто не сомнѣвался въ этомъ.

Иногда онъ поливалъ землю водой изъ своей кружки. А извѣстно, что вода, которою поливаютъ землю, образуетъ рисунки чертей.

На дорогѣ, ведущей въ св. Самсонъ, стоятъ три камня, расположенные въ видѣ лѣстницы. Люди, вполнѣ достойные вѣры, утверждали, что они видѣли какъ Джиліаттъ разговаривалъ подлѣ этихъ камней съ змѣею. Но такъ какъ въ Гернсеѣ нѣтъ змѣй, а всѣ они водятся въ Джерсеѣ, то эта змѣя вѣроятно приплыла изъ Джерсея, чтобы поговорить съ Джиліаттомъ; разговоръ ихъ былъ очень дружескій.

Доказательство справедливости этихъ фактовъ заключается въ этихъ трехъ камняхъ, которые до сихъ поръ лежатъ на томъ же мѣстѣ. Сомнѣвающіеся люди могутъ сами видѣть ихъ и надо быть недобросовѣстнымъ человѣкомъ, чтобы оспаривать ихъ существованіе на этомъ мѣстѣ. Все это служило во вредъ Джиліатту.

Нерѣдко поселяне вели между собою такого рода разговоръ:
— Не правда ли, сосѣдъ, что у меня отличный быкъ?
— Онъ не столько толстъ, сколько обрюзглый.
— А вѣдь вы правы.
— На немъ больше сала, чѣмъ мяса.
— Такъ, такъ, сосѣдъ.
— Увѣрены ли вы что Джиліаттъ не сглазилъ его?

Джиліаттъ останавливался на поляхъ подлѣ земледѣльцевъ и въ садахъ подлѣ садовниковъ и нерѣдко говорилъ такія таинственныя слова: Когда цвѣтетъ скабіоза, собирайте озимую пшеницу. — Ясень покрывается листвой, мороза не будетъ. — Если погода на шестой день послѣ новолунія будетъ такая же, какъ на четвертый или пятый, то въ первомъ случаѣ она не измѣнится изъ двѣнадцати разъ девять; а во второмъ—изъ двѣнадцати одинадцать, до слѣдующаго новолунія. — Слѣдите за сосѣдями, имѣющими съ вами тяжбу.—Берегитесь интригъ.—Если свинью напоить теплымъ молокомъ, она околѣетъ.—Лягушки выходятъ изъ воды—пора сѣять дыни.—Липа цвѣтетъ, косите луга.—Табакъ цвѣтетъ, закрывайте парники.

И—страшно сказать!—кто слѣдовалъ его совѣту, у того дѣло шло очень хорошо.

Въ одну іюньскую ночь, когда онъ игралъ на своей свирѣли на берегу моря, рыбная ловля совсѣмъ не удалась. Разъ у одной дѣвочки изъ сосѣдней деревни завелись вши. Джиліаттъ отправился въ св. Петра, вернулся оттуда съ мазью и натеръ ею ребенка; вши пропали отъ мази Джиліатта, а это служитъ явнымъ доказательствомъ, что надѣлилъ ими дѣвочку тоже Джиліаттъ.

Всѣмъ извѣстно, что есть такое колдовство, посредствомъ котораго можно надѣлять людей вшами.

Говорили, что Джиліаттъ заглядывалъ въ колодцы, а это опасно, когда у того, кто смотритъ, нехорошій глазъ. Случилось однажды, что въ мѣстечкѣ Аркюлонъ подлѣ св. Пьера, вода въ одномъ колодцѣ испортилась. Женщина, которой принадлежалъ этотъ колодезь, сказала Джиліатту: «Посмотрите-ка на эту воду». Джиліаттъ согласился, что вода не хороша. Женщина сказала ему: «Ну, такъ исправьте ее». Джиліаттъ сталъ ее распра-

шивать: есть-ли у нея стойла для скота, есть-ли въ этомъ стойлѣ помойная яма, не сообщается ли эта яма съ колодцемъ? Женщина отвѣчала утвердительно. Джиліаттъ вошелъ въ стойло, вычистилъ помойную яму, прекратилъ ея сообщеніе съ колодцемъ и вода въ колодцѣ исправилась. Въ народѣ пошли разные слухи. Безъ причины вода въ колодцѣ не можетъ испортиться и потомъ опять сдѣлаться хорошей; никто не счелъ болѣзнь этого колодца за естественную и, дѣйствительно, трудно не повѣрить, что Джиліаттъ заколдовалъ эту воду.

Въ деревняхъ собираютъ справки о человѣкѣ; изъ этихъ справокъ составляется мнѣніе о немъ.

Однажды Джиліатта застали въ то время, когда у него шла кровь изъ носу. Это показалось очень важнымъ. Хозяинъ одной лодки, много путешествовавшій, объѣхавшій почти весь свѣтъ, увѣрялъ, что въ тунгузской землѣ у всѣхъ колдуновъ идетъ изъ носу кровь. Однако разсудительные люди замѣтили на это, что то, что характеризуетъ колдуновъ въ тунгузской землѣ, можетъ не характеризовать ихъ въ такой же степени въ Гернсеѣ.

Однажды, по разсказамъ очевидцевъ, онъ остановился на одной лужайкѣ подлѣ большой дороги, засвистѣлъ, — и черезъ минуту на этотъ свистъ пришла ворона, и еще черезъ минуту — сорока. Этотъ фактъ былъ засвидѣтельствованъ однимъ весьма почтеннымъ и сановнымъ человѣкомъ.

Въ селеніи Гамель были старухи, увѣрявшія, что онѣ слышали какъ однажды утромъ, на разсвѣтѣ, ласточки звали по имени Джиліатта.

Прибавьте ко всему этому, что у него было недоброе сердце.

Разъ одинъ бѣдный человѣкъ билъ своего осла. Оселъ не подвигался впередъ. Хозяинъ ударилъ его нѣсколько разъ ногою въ животъ и оселъ упалъ. Джиліаттъ подбѣжалъ и сталъ поднимать осла,—онъ оказался мертвымъ. Джиліаттъ далъ пощечину бѣдному человѣку.

Въ другой разъ, увидѣвъ, что одинъ мальчишка слѣзъ съ дерева съ гнѣздомъ птичекъ, только что вылупившихся изъ яйца, Джиліаттъ отнялъ это гнѣздо у мальчика и простеръ злость до того, что отнесъ птичекъ обратно на дерево. Проходившіе тутъ люди стали упрекать его, онъ ограничился тѣмъ, что указалъ

нмъ на отца и мать этихъ птичекъ, жалобно кричавшихъ на деревѣ. У него была особенная слабость къ птицамъ. Это признакъ, по которому вообще узнаютъ колдуновъ.

Дѣти любятъ раззорять гнѣзда чаекъ и другихъ морскихъ птицъ на берегу. Они приносятъ оттуда множество яицъ голубыхъ, желтыхъ и зеленыхъ, которыми поселянѣ украшаютъ свои печи. Такъ какъ эти берега скалистые, то часто дѣти падаютъ и убиваются на смерть. Ничего не можетъ быть красивѣе ширмъ, украшенныхъ яицами морскихъ птицъ. Джиліаттъ пускался на всевозможныя выдумки, лишь бы повредить кому нибудь. Съ опасностью собственной жизни, онъ взлѣзалъ на морскіе утесы, ставилъ на вершинѣ ихъ клоки сѣна, украшенные старыми шляпами и всевозможными пугалами, дѣлая это для того, чтобы мѣшать птицамъ вить въ этихъ мѣстахъ гнѣзда, а слѣдовательно отымать у дѣтей поводъ лазить туда.

Вслѣдствіе всего этого Джиліатта почти ненавидѣли въ странѣ.

V.

Другія, темныя стороны Джиліатта.

Общественное мнѣніе установилось совершенно прочно на счетъ Джиліатта.

Почти всѣ причисляли его къ породѣ «марку»; нѣкоторые считали его даже «камбіономъ». Камбіономъ называется сынъ женщины и чорта.

Когда у женщины родятся отъ мужчины семь дѣтей мужескаго пола, одинъ вслѣдъ за другимъ, то седьмой называется *марку*. У этихъ марку всегда есть на какой нибудь части тѣла изображеніе лиліи. Марку водятся во всей Франціи и преимущественно въ Орлеанѣ. Каждое селеніе въ округѣ Гатинэ имѣетъ своего марку. Для излеченія больныхъ достаточно, чтобы марку дунулъ на больное мѣсто или прикоснулся къ нему своею лиліей. Такія исцѣленія особенно удаются въ пятницу на страстной недѣлѣ. Лѣтъ десять тому назадъ, въ Гатинэ игралъ большую роль марку, прозванный Прекраснымъ; ремесломъ онъ былъ

бочарь, а звали его Фулонъ. Для прекращенія его чудесъ были вынуждены прибѣгнуть къ помощи жандармовъ. Изображеніе лиліи было у него подъ лѣвой грудью. У другихъ марку оно въ иныхъ мѣстахъ.

Марку водятся въ Жерсеѣ, въ Орнеи и въ Гернсеѣ. Это происходитъ конечно отъ правъ, которыя Франція имѣетъ на на герцогство Нормандское. Иначе къ чему бы здѣсь быть изображенію лиліи?

На островахъ ла-Манша много золотушныхъ; вслѣдствіе этого присутствіе марку въ этихъ мѣстахъ необходимо.

Люди, купавшіеся однажды въ морѣ съ Джиліаттомъ, замѣтили на его тѣлѣ изображеніе лиліи. Когда его спросили объ этомъ, онъ вмѣсто всякаго отвѣта сталъ смѣяться. Потому что иногда онъ смѣялся, какъ и всѣ люди. Съ тѣхъ поръ уже никто не видѣлъ его купающимся; онъ купался только въ опасныхъ и уединенныхъ мѣстахъ, и вѣроятно, ночью, при лунномъ свѣтѣ. А это, согласитесь, подозрительно.

Тѣ, которые утверждали, что онъ изъ породы камбіоновъ, т. е. сыновей чорта, очевидно ошибались. Имъ слѣдовало бы знать, что камбіоны водятся только въ Германіи. Но пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ селенія Валь и св. Самсонъ пребывали въ полномъ невѣжествѣ.

Считать кого-нибудь сыномъ чорта, значитъ видимо преувеличивать вещи.

Съ Джиліаттомъ совѣтовались именно потому, что его боялись. Поселяне со страхомъ разсказывали ему о своихъ болѣзняхъ. Этотъ страхъ заключаетъ въ себѣ довѣріе; въ деревнѣ чѣмъ подозрительнѣе врачъ, тѣмъ вѣрнѣе лекарство. У Джиліатта были свои лекарства, перешедшія къ нему отъ старой, умершей женщины; онъ давалъ ихъ всякому, кто просилъ, и не хотѣлъ брать за нихъ деньги. Нарывы онъ излечивалъ припарками изъ травъ; лихорадку — однимъ элексиромъ; аптекарь въ св. Самсонѣ полагалъ, что этотъ элексиръ вѣроятно декогтъ изъ хинины. Враги Джиліатта сознавались, что онъ довольно хорошо поступалъ съ больными, когда у него просили обыкновенныхъ лекарствъ; но въ качествѣ марку, онъ не хотѣлъ и слышать никакихъ просьбъ; если какой-нибудь золотуш-

ный просилъ Джиліатта прикоснуться къ нему своею лиліей, Джиліаттъ просто выталкивалъ его; на предложенія дѣлать чудеса, онъ всегда отвѣчалъ упорнымъ отказомъ, что крайне смѣшно видѣть въ колдунѣ. Ужь коли ты колдунъ, такъ и не отказывайся отъ своего ремесла.

Было нѣсколько человѣкъ, не раздѣлявшихъ общей ненависти къ Джиліатту. Господинъ Ландуа былъ письмоводитель въ приходѣ св. Петра и завѣдывалъ метрическими книгами и списками бракосочетающихся и умершихъ. Этотъ Ландуа гордился происхожденіемъ отъ Пьера Ландэ, главнаго казначея Бретани, повѣшеннаго въ 1485 году. Однажды Ландуа, купаясь, зашелъ слишкомъ далеко въ море и началъ тонуть. Джиліаттъ бросился въ воду, тоже чуть не утонулъ и спасъ Ландуа. Съ этого дня Ландуа пересталъ дурно отзываться о Джиліаттѣ. Людямъ, которыхъ это удивляло, онъ отвѣчалъ: «Съ какой стати я буду ненавидѣть человѣка, который не сдѣлалъ мнѣ ничего дурнаго и оказалъ мнѣ услугу?» Письмоводитель даже полюбилъ отчасти Джиліатта. Этотъ письмоводитель былъ человѣкъ безъ предразсудковъ. Онъ не вѣрилъ въ колдуновъ. Онъ смѣялся надъ людьми, боявшимися привидѣній. Что касается до него самаго, то онъ имѣлъ лодку, ѣздилъ въ свободные часы на рыбную ловлю и никогда не видѣлъ ничего необыкновеннаго; только разъ при лунномъ свѣтѣ замѣтилъ онъ какую-то бѣлую женщину, прыгавшую по водѣ; да и въ этомъ онъ не былъ вполнѣ увѣренъ. Старуха Гап, торневальская колдунья, дала ему мѣшечекъ, который обыкновенно носится подъ галстухомъ и служитъ защитою отъ привидѣній; Ландуа смѣялся надъ этимъ мѣшечкомъ и не зналъ, что заключалось въ немъ; тѣмъ не менѣе, онъ носилъ его, потому что чувствовалъ себя болѣе безопаснымъ, когда эта вещь висѣла у него на шеѣ.

Нѣкоторые смѣльчаки, по примѣру Ландуа, отважились находить въ Джиліаттѣ кой-какія качества, напримѣръ трезвость, отвращеніе къ табаку, — и иногда отзывались о немъ въ слѣдующихъ лестныхъ выраженіяхъ: «Онъ не пьетъ, не куритъ и не нюхаетъ табаку.»

Но трезвость можетъ считаться хорошимъ качествомъ только тогда, когда она соединена съ другими качествами.

Джиліаттъ пользовался общимъ отвращеніемъ.

Какъ бы то ни было, а въ качествѣ марку, Джиліаттъ могъ оказывать услуги. Однажды въ срастную пятницу, въ полночь, т. е. въ день и часъ, когда обыкновенно производится леченіе золотушныхъ болѣзней, всѣ золотушные острова пришли къ Джиліатту и начали умолять его излечить ихъ. Онъ отказалъ. Въ этомъ увидѣли доказательство его злости.

VI.

Шлюбка.

Таковъ былъ Джиліаттъ.

Дѣвушки находили его безобразнымъ.

Онъ не былъ безобразенъ. Онъ даже былъ хорошъ. Въ профилѣ его было что-то напоминавшее древняго варвара. Въ минуты отдохновенія, онъ былъ похожъ на дакійца трояновой колонны. Уши его были маленькія, изящныя и имѣли удивительную акустическую форму. Между глазами его проходила та гордая вертикальная морщина, по которой можно узнать смѣлаго и настойчиваго человѣка. Углы его рта опускались внизъ; лобъ былъ благородный и свѣтлый, зрачекъ смотрѣлъ прямо и открыто, смѣхъ былъ задушевный и привлекательный. Зубы могли поспорить бѣлизною съ слоновой костью. Но лице загорѣло такъ, что онъ сдѣлался похожимъ на негра. Постоянное знакомство съ океаномъ, бурею и тьмою не проходитъ для человѣка безнаказанно; въ тридцать лѣтъ онъ казался сорока-пяти. Вѣтры и море надѣли на него свою мрачную маску.

Его прозвали Джиліаттомъ-Хитрымъ.

Въ одной индѣйской сказкѣ говорится: «Однажды Брама спросилъ у Силы: кто сильнѣе тебя? Сила отвѣчала: Ловкость.» Китайская пословица говоритъ: «Чего бы не могъ сдѣлать левъ, еслибъ онъ былъ обезьяной?» Джиліаттъ не былъ ни львомъ, ни обезьяной, но вещи, которыя онъ дѣлалъ, подкрѣпляли китайскую пословицу и индѣйскую сказку. Будучи обыкновеннаго роста и обыкновенной силы, онъ, съ помощью своей изобрѣ-

тательной и удивительной ловкости, поднималъ колоссальныя тяжести и являлся изумительнымъ атлетомъ.

Гимнастическая способность была сильно развита въ немъ; онъ одинаково ловко дѣйствовалъ правою и лѣвою рукою.

Онъ не охотился, но ловилъ рыбу. Онъ щадилъ птицъ, но не рыбъ. Горе нѣмымъ! Плавалъ онъ превосходно.

Уединеніе дѣлаетъ людей или талантливыми или идіотами. Джиліаттъ являлся тѣмъ и другимъ. По временамъ на лицѣ его видѣли то выраженіе тупаго удивленія, о которомъ мы говорили и въ эти минуты его можно было принять за идіота. Въ другое время взглядъ его заключалъ въ себѣ нѣчто чрезвычайно глубокое. Въ древней Халдеѣ были такіе люди; въ извѣстные часы толстая оболочка пастуха дѣлалась прозрачною и сквозь нее ясно видѣлся волхвъ.

Вообще Джиліаттъ былъ повидимому обыкновенный человѣкъ, умѣвшій читать и писать. Привычка лазить по утесамъ, по морю во всякую погоду, управлять всевозможными судами, пускаться днемъ и ночью въ самыя опасныя мѣста, сдѣлала изъ него удивительнаго моряка, хотя онъ не пользовался этимъ и занимался морскимъ дѣломъ только для своего удовольствія. Онъ былъ рожденъ кормчимъ. Глядя на искуство, съ которымъ онъ обходилъ подводные камни Архипелага, можно было подумать, что у него въ черепѣ лежитъ карта морскаго дна. Онъ зналъ все и боролся со всѣмъ.

Удивительныя познанія его въ мореходствѣ обнаружились во время одной изъ морскихъ гонокъ въ Гернсеѣ. Задача заключалась въ томъ, чтобы одинъ человѣкъ, сидя въ четырехъ-парусномъ суднѣ, повелъ его изъ св. Самсона къ острову Герму, лежащему въ разстояніи одной мили и оттуда снова вернулся въ св. Самсонъ. Справиться одному съ четырехъ-парусным судномъ дѣло не трудное и каждый рыбакъ сдѣластъ это. Но вотъ въ чемъ заключалось затрудненіе: во-первыхъ, самое судно было одною изъ тѣхъ широкихъ и плотныхъ шлюбокъ стараго времени, которыя на языкѣ моряковъ прошедшаго вѣка назывались «голландскими шлюбками». До сихъ поръ еще можно встрѣтить на морѣ эти древнія суда, плотныя и широкія, имѣющія на обоихъ концахъ по крылу, изъ которыхъ то одно, то

другое опускается, смотря по вѣтру, и которыя замѣняютъ собою киль; во-вторыхъ, затрудненіе состояло въ возвращеніи изъ Герма; туда приходилось ѣхать порожнякомъ, а оттуда возвращаться съ грузомъ камней. Призомъ побѣдителю назначалась эта шлюбка. Прежде она служила для кормчихъ; кормчій, ѣздившій на ней въ продолженіи двадцати лѣтъ, былъ самымъ сильнымъ человѣкомъ изъ всѣхъ моряковъ ла-Манша. Послѣ его смерти не нашлось никого, кто былъ бы въ силахъ управлять ею, и было рѣшено сдѣлать ее призомъ для гонки. Конкуррентовъ явилось много; работа предстояла трудная, но призъ былъ очень заманчивъ. Семь или восемь рыбаковъ вступили въ состязаніе; это были самые сильные люди всего острова. Но ни одинъ изъ нихъ не могъ доплыть до Герма. Послѣдній изъ состязавшихся былъ извѣстенъ тѣмъ, что однажды въ бурю переплылъ страшный проходъ, раздѣляющій Серкъ и Брекъ-Гу. Но и онъ несовладалъ; — облитый потомъ, вернулся онъ назадъ и сказалъ: «Это невозможно». Тогда Джиліаттъ вошелъ въ шлюбку, взялся за весло и поплылъ. Черезъ три четверти часа онъ былъ въ Гермѣ, а черезъ три часа, не смотря на то, что поднялся сильный южный вѣтеръ, шлюбка возвратилась въ св. Самсонъ съ грузомъ камней. Для шутки и въ видѣ украшенія онъ прибавилъ къ этому грузу еще маленькую бронзовую пушку, изъ которой жители Герма стрѣляли ежегодно 5 ноября въ ознаменованіе своей радости по поводу смерти Гюи-Фака.

Замѣтимъ мимоходомъ, что этотъ Гюи-Факъ умеръ двѣсти шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ;—значитъ, эту радость нельзя назвать кратковременною.

Съ такимъ грузомъ, не смотря на то, что въ шлюбкѣ стояла еще пушка Гюи-Фака, а въ паруса ея дулъ южный вѣтеръ,—Джиліаттъ привелъ, можно даже сказать принесъ, судно обратно въ св. Самсонъ.

Увидѣвъ это, Летьери, воскликнулъ: Вотъ смѣлый матросъ!

И онъ протянулъ руку Джиліатту.

Мы еще поговоримъ о Летьери.

Шлюпку присудили Джиліатту.

Это приключеніе еще болѣе оправдало данное Джиліатту прозвище хитраго.

Нѣкоторые изъ зрителей показали, что во всемъ этомъ не было ничего необыкновеннаго, ибо Джиліаттъ спряталъ въ лодкѣ вѣтку дикой.... Но такое показаніе осталось не доказаннымъ.

Съ этого дня выигранная шлюбка сдѣлалась единственнымъ судномъ Джиліатта. Въ ней онъ ѣздилъ на рыбную ловлю. Онъ привязывалъ ее къ маленькой пристани, устроенной имъ исключительно для себя у стѣны его дома. Съ наступленіемъ ночи онъ забрасывалъ сѣти на спину, выходилъ изъ своего сада, перепрыгивалъ съ камня на камень, со скалы на скалу, вскакивалъ въ шлюбку и пускался въ открытое море.

Онъ ловилъ много рыбы, но люди толковали, что въ лодкѣ его всегда лежала вѣтка..... Никто не видѣлъ этой вѣтки, но всѣ были убѣждены въ ея присутствіи.

Рыбу, которая оказывалась для него лишнею, онъ не продавалъ, но отдавалъ даромъ.

Бѣдные люди брали эту рыбу, но сердились на Джиліатта все за ту-же заколдованную вѣтку. Такъ не слѣдъ поступать. Море не годится обманывать.

Онъ былъ рыбакъ, но не исключительно рыбакъ. Самоучкой и для собственнаго развлеченія онъ выучился тремъ или четыремъ ремесламъ. Онъ былъ столяръ, кузнецъ, колесникъ и даже немножко механикъ. Но никто не могъ лучше его починить колесо. Свои рыболовные снаряды онъ приготовлялъ самъ и по своей методѣ. У него была маленькая наковальня, и такъ какъ шлюбка его была снабжена только однимъ якоремъ, то онъ, безъ всякой посторонней помощи, сдѣлалъ второй. Этотъ второй якорь оказался превосходнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ по размѣру, такъ и по силѣ.

Вообще, онъ сдѣлалъ въ своей шлюбкѣ много улучшеній, и по временамъ ѣздилъ въ ней, на одинъ или два мѣсяца, въ какое нибудь уединенное сосѣднее мѣсто. Въ это время люди говорили: «А Джиліаттъ-то уѣхалъ!» Это не огорчало рѣшительно никого.

VII.

Жилецъ-мечтатель въ домѣ, посѣщаемомъ духами.

Джиліаттъ былъ мечтатель. Этимъ объясняется его отвага; здѣсь же источникъ его боязливости. У него были свои собственныя идеи.

Можетъ быть онъ былъ подверженъ галюцинаціямъ и былъ отчасти илюминатомъ. Галюцинаціи такъ же посѣщаютъ крестьянина, въ родѣ Мартина, какъ и короля, въ родѣ Генриха IV. Непзвѣстное изумляетъ по временамъ человѣка неожиданностями. Иногда тьма негаданно разрывается и даетъ увидѣть невидимое, потомъ она сгущается снова. Эти видѣнія иногда могутъ преображать людей; они дѣлаютъ изъ погоньщика верблюдовъ—Магомета и изъ пастушки овецъ—Жанну д'Аркъ. Одиночество производитъ извѣстное число высокихъ заблужденій. Это дымъ горящей купины. Слѣдствіемъ его является таинственное колебаніе идей, обращающее доктора въ ясновидящаго, поэта въ пророка. Чаще всего подобное восторженное состояніе подавляетъ и приводитъ человѣка въ оцѣненѣніе. Восторженность можетъ довести и до скотскаго положенія. Для факира его видѣнія такое же бремя, какъ для кретина его зобъ. Лютеръ, разговаривающій на чердакѣ въ Виртембергѣ съ чертями, Паскаль, заслоняющійся отъ ада кабинетными ширмами, обійскій негръ, переговаривающійся съ блѣднолицымъ богомъ—Босумомъ, все это одно и то же явленіе, только оно различно отразилось на различныхъ мозгахъ, смотря по ихъ качеству и количеству. Лютеръ и Паскаль были и остаются великими, а негръ идіотомъ.

Джиліаттъ не стоялъ ни такъ высоко, ни такъ низко. Онъ былъ просто мечтателемъ и не болѣе.

Онъ смотрѣлъ на природу немного странно.

Ему нѣсколько разъ неожиданно случалось находить въ совершенно прозрачной морской водѣ довольно большихъ животныхъ разнообразныхъ формъ изъ семейства медузъ. Они внѣ воды походили на жидкій хрусталь, если же ихъ бросали снова

въ воду, то они сливались съ нею безслѣдно, имѣя съ нею и одинаковый цвѣтъ и одинаковую прозрачность. Джиліаттъ заключилъ изъ этого то, что другія прозрачныя тѣла, столь-же живыя, какъ эти, могутъ населять воздухъ. Птицы не жители воздуха; онѣ его амфибіи. Джиліаттъ не вѣрилъ въ пустынность воздуха. Онъ говорилъ: если море наполнено, то почему атмосферѣ быть пустою? Созданья воздушнаго цвѣта легко могутъ изчезать въ лучахъ и ускользать отъ нашего взгляда; но кто намъ докажетъ, что ихъ нѣтъ? Аналогія доказываетъ, что воздухъ долженъ имѣть своихъ рыбъ, какъ море имѣетъ своихъ; эти рыбы воздуха должны быть прозрачными, этого требуетъ предусмотрительность созидающей силы, какъ для нашего, такъ и для ихъ блага; пропуская черезъ себя лучи дня и не отбрасывая отъ себя тѣни, онѣ остаются неизвѣстными для насъ и мы не можемъ уловить ихъ. Джиліаттъ воображалъ, что если бы можно было въ воздухѣ ловить рыбу сѣтями, какъ ее ловятъ въ моряхъ, то въ немъ нашлось бы много удивительныхъ существъ. И, прибавлялъ онъ въ своемъ мечтаніи, много вещей объяснилось бы тогда.

Такого рода были всѣ мечты Джиліатта.

VIII.

Кресло Гильдъ-Гольмъ-Уръ.

Напрасно стали бы мы искать теперь въ заливѣ Гуме домъ Джилліата, его садъ и бухточку, куда онъ заводилъ свою лодку. Его домъ не существуетъ болѣе. Маленькая коса, гдѣ стоялъ этотъ домъ, погибла подъ ломомъ каменьщиковъ, разрушившихъ утесъ, и возы за возами перетащили ея обломки на корабли торговцевъ гранитомъ. Въ столицѣ она превратилась въ набережныя, въ храмы или дворцы. Вся эта цѣпь береговыхъ скалъ уже давно переселилась въ Лондонъ.

Эти выступы скалъ въ море съ ихъ расщелинами и зубца-

ми представляютъ настоящія цѣпи маленькихъ горъ. Глядя на нихъ, вы получаете то же впечатлѣніе, какое произвели бы Кордильеры на гиганта. На мѣстномъ нарѣчіи ихъ называютъ балками. Эти балки имѣютъ разнородныя формы. Каждая изъ скалъ представляетъ какое-нибудь позвоночное животное, однѣ походятъ на хребетъ человѣка, другія на кости рыбы, третьи на пьющаго крокодила.

На краю балки Бю-де-ла-Рю была большая скала, туземные рыбаки звали ее Рогомъ Звѣря. Эта скала, нѣчто въ родѣ пирамиды, походила на Пинакль Гернсея, хотя и была гораздо ниже его. Во время прилива волны отдѣляли ее отъ балки и Рогъ стоялъ совершенно одиноко. Во время отлива туда можно было пройдти по тропинкѣ небольшаго перешейка. Достопримѣчательностью этой скалы со стороны моря было что-то похожее на кресло, выдолбленное волнами и отполированное дождемъ. Кресло было предательски коварно. Незамѣтно привлекалъ васъ къ нему чудесный видъ; вы останавливались тамъ изъ «любви къ перспективѣ», какъ говорятъ на Гернсеѣ; что-то удерживало васъ; есть какая-то прелесть въ необъятномъ горизонтѣ. Это кресло предлагало вамъ свои услуги; оно походило на нишу въ фасадѣ верхней части скалы; вскарабкаться къ нишѣ было легко; море, выточившее ее, нанесло плоскихъ камней и расположило ихъ въ видѣ удобной лѣстницы; бездна часто дѣлаетъ подобныя услуги, но не довѣряйте ея вѣжливости. Кресло искушало васъ, вы взбирались къ нему, садились на него, вамъ было покойно. Ничего не могло быть проще, какъ позабыться на этомъ мѣстѣ; вашему взору открывалось все море; вы слѣдили, какъ приходили и уходили вдали корабли; вы могли провожать глазами парусъ до тѣхъ поръ, пока онъ не изчезалъ по другую сторону Каскэ; вы удивлялись, наслаждались, чувствовали ласки морского вѣтерка и брызги волнъ... Въ Каэннѣ есть летучая мышь веспертиліо, знающая, что она дѣлаетъ, которая усыпляетъ васъ въ сумерки нѣжнымъ и тихимъ вѣяньемъ своихъ крыльевъ,—вѣтеръ—это невидимая летучая мышь: когда онъ не разрушаетъ, тогда онъ убаюкиваетъ. Вы созерцали, вы прислушивались къ вѣтру, вы не чувствовали, что вами овладѣло восторженное забытье. Когда глаза

наглядѣлись съ избыткомъ на блескъ и красоту, тогда закрыть ихъ—сладострастіе. Но вдругъ вы просыпались. Уже было поздно. Приливъ мало по малу набѣжалъ, вода окружила скалу.

Вы погибли.

Ужасна блокада прибывающаго моря.

Приливъ сначала набѣгаетъ незамѣтно, потомъ сильнѣе. Добѣжавъ до скалъ, онъ приходитъ въ ярость, клокочетъ пѣной. Не всегда удается спастись вплавь среди прибоя. Превосходные пловцы не разъ тонули у Рога Бю-де-ла-Рю.

Въ извѣстныхъ мѣстахъ, въ извѣстные часы смотрѣть на море—ядъ. Это то же, что иногда глядѣть на женщину.

Старинные жители Гернсея называли прежде эту нишу кресломъ Гильдъ-Гольмъ-Уръ или *Кидормуръ*. Это слово, говорятъ, кельтическое и всѣ, знающіе кельтическій языкъ, не понимаютъ его, а понимаютъ тѣ, которые знаютъ французскій. Qui-dort-meurt *), вотъ его простонародный переводъ. По другому переводу Гильдъ-Гольмъ-Уръ значитъ Halte de troupes d'oisau **).

Выбирайте любой переводъ.

Во время прилива кресло вовсе не видно. Вода совсѣмъ покрываетъ его. Оно было близкимъ сосѣдомъ Бю-де-ла-Рю. Джилліатъ зналъ его и часто снижвалъ на немъ. Размышлялъ ли онъ тамъ? Нѣтъ. Мы уже сказали, что онъ мечталъ въ полузабытьи. Однако, онъ никогда не давалъ приливу застать его врасплохъ.

---

*) Кто засыпаетъ—умираетъ.

**) Роздыхъ птичьихъ стай.

КНИГА ВТОРАЯ.

I.

Тревожная жизнь и спокойная совѣсть.

Мессъ Летьери, значительный человѣкъ въ улицѣ св. Самсона, былъ отчаянный морякъ. Онъ совершилъ много морскихъ путешествій. Онъ былъ юнгой, паруснымъ, рулевымъ, боцманомъ, начальникомъ экипажа, кормчимъ. Теперь онъ сдѣлался судохозяиномъ. Не было человѣка, который зналъ бы море лучше его. Онъ былъ неустрашимъ при спасеніи погибающихъ. Въ бурные дни онъ прохаживался вдоль прибрежья, поглядывая на горизонтъ. Что тамъ такое вдали? Не погибаетъ ли кто нибудь? Былъ ли то люгеръ изъ Веймута, была ли то яхта лорда, былъ ли на ней французъ или англичанинъ, бѣднякъ или богачъ, или даже самъ чортъ, все равно, — онъ бросался въ лодку, призывалъ двухъ или трехъ смѣльчаковъ, а при нуждѣ обходился и безъ нихъ, отвѣчая за всѣхъ; отвязывалъ канатъ, брался за весло, выходилъ въ открытое море, поднимался, опускался, нырялъ между волнами, скрывался въ вихрѣ и мчался на встрѣчу опасности. Его видѣли вдали среди шквала, стоящимъ на лодкѣ, облитымъ дождемъ, освѣщеннымъ молніями, съ лицомъ льва, у котораго вмѣсто гривы сверкаетъ морская пѣна. Нерѣдко проводилъ онъ такъ цѣлый день среди опасности, среди волнъ, подъ градомъ, подъ вѣтромъ, приставая къ гибнущимъ судамъ, спасая людей, спасая грузъ, вызывая на споръ самую бурю. Вечеромъ онъ ворочался домой и вязалъ чулокъ.

Онъ велъ такую жизнь впродолженіи пятидесяти лѣтъ, съ десяти и до шестидесяти, пока былъ молодъ. На шестидесятомъ году онъ замѣтилъ, что онъ не можетъ болѣе поднять одной рукою наковальню кузнеца Варклена; эта наковальня вѣсила триста фунтовъ. Около той же поры осилили его ревматизмы. При-

шлось отказаться отъ моря. Отъ героизма онъ перешелъ къ патріархальности: теперь это былъ старикъ-добрякъ.

Въ одно и то же время онъ достигъ ревматизмовъ и довольства. Эти два произведенія труда охотно идутъ рядомъ другъ съ другомъ. Въ тотъ мигъ, когда человѣкъ дѣлается богатымъ, его разбиваетъ параличъ, что и служитъ вѣнцомъ жизни.

Будемъ наслаждаться настоящимъ.

На островахъ, подобныхъ Гернсею, народонаселеніе состоитъ изъ людей, которые всю жизнь проходили за плугомъ вокругъ своего поля, и изъ людей, всю жизнь путешествовавшихъ вокругъ свѣта. Это два рода пахарей, одни на землѣ, другіе на морѣ. Мессъ Летьери былъ изъ послѣднихъ. Но онъ зналъ и землю. Его жизнь была жизнью труженика. Ему пришлось путешествовать по континенту. Одно время онъ былъ корабельнымъ плотникомъ въ Рошфорѣ, потомъ въ Сэтѣ. Мы упомянули выше о кругосвѣтномъ плаваніи: онъ совершилъ путешествіе и по Франціи въ качествѣ плотника. Онъ работалъ надъ черпалками для соловаренъ во Франшъ-Конте. Этотъ честный человѣкъ провелъ жизнь искателемъ приключеній. Во Франціи онъ научился читать, думать и имѣть свою волю. Онъ принимался за все, и изо всего, за что онъ принимался, выносилась честность. По природѣ онъ былъ матросъ. Вода была его стихія. Онъ говаривалъ: рыбы у меня *дома*. Вообще все его существованіе, за исключеніемъ двухъ-трехъ лѣтъ, было отдано океану, *спущено на воду*, какъ говорилъ онъ. Совершивъ плаваніе по большимъ морямъ, по Атлантическому и Тихому, онъ сталъ предпочитать имъ ла-Маншъ. Вотъ-то такъ дикое море! восклицалъ онъ съ любовью. Здѣсь онъ родился, здѣсь хотѣлъ и умереть. Послѣ одного или двухъ кругосвѣтныхъ плаваній возвратился онъ на Гернсей и не трогался болѣе оттуда, ограничивъ свои путешествія Грэнвиллемъ и Сенъ-Мало.

Мессъ Летьери былъ гернсейцемъ, то есть нормандцемъ, то есть французомъ, то есть англичаниномъ. Въ немъ соединились четыре родины, погруженныя и какъ бы утонувшія въ его величайшей родинѣ, океанѣ. Всю свою жизнь и вездѣ онъ сохранялъ нравъ нормандскаго рыбака.

Это не мѣшало ему при случаѣ открывать книгу, находить въ ней удовольствіе, знать имена философовъ и поэтовъ и понемногу коверкать всѣ языки.

II.

Одна изъ его слабостей.

Джилліатъ былъ дикарь. Мессъ Летьери былъ тоже дикарь въ своемъ родѣ.

Этотъ дикарь имѣлъ свои утонченныя прихоти.

Онъ былъ разборчивъ на счетъ женскихъ рукъ. Въ юности, почти еще ребенкомъ, считаясь не то матросомъ, не то юнгой, онъ услышалъ восклицаніе судьи Сюфрена: *вотъ красивая дѣвушка, но что за чертовски длинныя, красныя руки!* Слово адмирала—всегда приказанье, чего бы оно ни касалось. Приказаніе выше всякихъ изреченій оракула. Восклицаніе судьи Сюфрена сдѣлало Летьери деликатнымъ и требовательнымъ въ дѣлѣ маленькихъ, бѣлыхъ рукъ. Его собственная рука была лопата, цвѣта краснаго дерева, дубина по легкости, клещи при пожатіи и, сжимаемая въ кулакъ, разбивала камни мостовой.

Онъ никогда не женился. Можетъ быть, онъ не искалъ, можетъ быть, не нашелъ на комъ. Можетъ быть это случилось потому, что этотъ матросъ искалъ рукъ, достойныхъ герцогини. Но такихъ рукъ не встрѣчается у портбальскихъ рыбачекъ.

Впрочемъ разказывали, что въ Рошфорѣ, или въ Шарантѣ, онъ нашелъ какую-то гризетку, осуществлявшую его идеалъ. Это была красивая дѣвушка съ красивыми руками. Она злословила и царапалась. Къ ней нельзя было подступиться. Ея ногти, при случаѣ когти, отличались опрятностью и были безъ страха и упрека. Эти милые ноготки восхитили Летьери, потомъ безпокоили его; и, боясь никогда не сдѣлаться господиномъ своей возлюбленной, онъ рѣшился не водить ее къ мэру.

Въ другой разъ, въ Обиньи, ему понравилась дѣвушка. Онъ уже подумывалъ о свадьбѣ, когда одинъ тамошній житель сказалъ ему: *поздравляю васъ. Вы пріобрѣтете въ ней хорошую навозницу.* Летьери попросилъ объяснить ему эту похвалу. Оказалось, что

въ Обиньи есть одинъ обычай. Берутъ коровій навозъ и бросаютъ его объ стѣну. На это нужно особенное умѣнье. Когда навозъ высохнетъ, онъ падаетъ и имъ топятъ печи. Сушеный навозъ называется *стружками*. На дѣвушкѣ женятся только тогда, когда она извѣстна за хорошую навозницу. Этотъ талантъ обратилъ Летьери въ бѣгство.

Вообще же въ дѣлахъ любви или любовныхъ интрижекъ у него былъ запасъ простой деревенской философіи, мудрости матроса, котораго можно поймать, но нельзя приковать; онъ хвасталъ тѣмъ, что въ молодости охотно позволялъ побѣждать себя «юбкамъ». То, что прежде называлось «юбкой», замѣнилось нынче кринолиномъ. Оба слова болѣе или менѣе означаютъ женщину.

Эти грубые моряки нормандскаго архипелага не глупы. Почти всѣ они умѣютъ читать и писать. По воскреснымъ днямъ вы увидите маленькихъ восьми-лѣтнихъ юнговъ, сидящихъ на связкахъ канатовъ съ книгами въ рукахъ. Во всѣ времена эти моряки были большими остряками и, какъ говорится, за словомъ въ карманъ не лезли. Одинъ изъ нихъ, отважный кормчій Керипель, сказалъ Монгомери, укрывшемся на Джерзеѣ послѣ неудачнаго удара пикой Генриха II, извѣстную остроту: Безумная голова сломала пустую голову.

III

Человѣкъ легко уязвимъ въ томъ, что онъ любитъ.

Мессъ Летьери имѣлъ сердце, что называется, на ладони; широкая была у него ладонь и великое сердце. Его главнымъ недостаткомъ было чудесное качество, довѣрчивость. У него былъ свой особенный способъ принимать на себя обязательства; онъ говорилъ: *я даю въ томъ мое честное слово милосердому Богу*. Сказавъ это, онъ исполнялъ все до конца. Онъ вѣрилъ въ милосердаго Бога и ни во что больше. Рѣдкія его посѣщенія церкви были дѣломъ вѣжливости. Въ морѣ онъ былъ суевѣренъ.

И все-таки никогда буря не заставила его отступить: это происходило оттого, что онъ мало обращалъ вниманія не противо-

рѣчія. Онъ такъ же не терпѣлъ ихъ отъ океана, какъ и отъ всякаго другого. Онъ требовалъ повиновенія; тѣмъ хуже для моря, если оно сопротивлялось, когда нибудь оно должно же было смириться, такъ какъ Летьери не уступалъ никогда. Ни поднимающейся вверхъ волнѣ, ни спорящему сосѣду не удавалось остановить его. Что было сказано разъ, то было сказано навсегда; что задумано, то сдѣлано. Онъ не гнулся ни передъ возраженіями, ни передъ бурей. *Нѣтъ* не существовало для него ни въ устахъ человѣка, ни въ рокотѣ громовой тучи. Онъ шелъ впередъ, не позволяя, чтобы ему отказывали. Отсюда его настойчивость въ жизни и безстрашность на океанѣ.

Онъ охотно самъ приправлялъ свою уху, зная нужную для того порцію перцу, соли и кореньевъ, и столько же тѣшился за приготовленіемъ обѣда, сколько за его истребленіемъ. Представьте себѣ существо, которое украшаетъ матросская куртка, а сюртукъ дѣлаетъ глупо-смѣшнымъ, существо, похожее съ распущенными по вѣтру волосами на Жана Барта, а въ круглой шляпѣ на Жокрисса, неловкое въ городѣ, странное и грозное на морѣ; у него спина носильщика, на языкѣ нѣтъ ни божбы, ни проклятій, въ немъ очень рѣдко закипаетъ гнѣвъ, его очень мягкій голосъ обращается въ громъ при помощи рупора; представьте крестьянина, прочитавшаго энциклопедію, гернсейца, видѣвшаго революцій, очень свѣдущаго невѣжду, отсутствіе ханжества и способность вѣрить въ разныя видѣнія, силу Полифема, логику флюгера, силу воли Христофора Колумба, нѣчто воловье и нѣчто ребяческое, носъ почти курносый, щеки крѣпкія, ротъ хранившій всѣ свои зубы, складки почти на всей фигурѣ, лице какъ бы залитое волнами, обвѣянное вѣтромъ въ теченіи сорока лѣтъ, слѣды бурь на лбу, румянецъ похожій на цвѣтъ скалы, омываемой моремъ, теперь придайте этому жосткому лицу добрый взглядъ и вы будете имѣть Летьери.

Мессъ Летьери любитъ двухъ, одну звали Дюранда, другую Дерюшетта.

(Окончаніе въ слѣдующемъ томѣ).

О ДОИСТОРИЧЕСКОМЪ ЧЕЛОВѢКѢ.

Мнѣ кажется, что при взглядѣ на исторію происхожденія человѣка, прежде всего надо указать на то, въ какомъ состояніи находится наука относительно этого вопроса. Конечно, здѣсь не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы говорить, какъ о чемъ-то законченномъ, о такомъ предметѣ, который въ настоящее время возбуждаетъ самыя ревностныя попытки къ его разъясненію. Гораздо важнѣе отыскать выдающіеся факты, которые могли бы служить границами, между которыми легко размѣстить второстепенныя открытія. Конечно, мы не должны скрывать, что подобный выборъ имѣетъ свои трудности, потому что съ одной стороны количество новыхъ открытій увеличивается со дня на день и при томъ сильномъ рвеніи, съ которымъ производятся изслѣдованія, оно скоро возрастетъ до страшной массы; съ другой стороны тѣ факты, которые при своемъ открытіи могли казаться незначительными и маловажными, могутъ получить совершенно неожиданно огромную важность вслѣдствіе новыхъ открытій.

Нельзя также забывать и того, что относительно этого вопроса болѣе, чѣмъ относительно всякого другого, наши познанія отрывочны и что мы при сведеніи результатовъ въ одно цѣлое отчасти походимъ на художника, который изъ груды маленькихъ, разноцвѣтныхъ камней долженъ снова составить мозаикъ, когда-то служившій цѣльной картиной. Въ подобной работѣ легко ошибаться при размѣщеніи отдѣльныхъ камней, и одно новое открытіе можетъ уничтожить длинную, часто трудную комбинацію всего рисунка. Впрочемъ и это не безполезно, потому

что научаетъ осторожности и заставляетъ вѣрнѣе изслѣдовать отдѣльные факты.

Я намѣренъ говорить о древнѣйшихъ, извѣстныхъ намъ, памятникахъ существованія человѣка, не переходя въ тѣ времена, которыя имѣютъ уже отношеніе къ переданнымъ намъ историческимъ преданіямъ.

Я положительно заканчиваю временемъ знакомства съ металлами или такъ называемымъ бронзовымъ періодомъ и занимаюсь исключительно каменнымъ, когда главную роль играли камни, кости и дерево, изъ которыхъ и приготовляли преимущественно всѣ орудія. Я гораздо менѣе забочусь о томъ, чтобы группировать самые факты, чѣмъ о томъ, чтобы опредѣлить съ помощью критическаго анализа, какую степень довѣрія заслуживаютъ сдѣланныя уже открытія, какимъ образомъ мы можемъ изъ найденныхъ уже результатовъ прослѣдить послѣдовательность цивилизаціи въ древнѣйшія времена существованія человѣка. Я вовсе не намѣренъ такъ рѣзко отдѣлять различные періоды—каменный, бронзовый, мѣдный и желѣзный, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи.

Я думаю, что собственное размышленіе уже указываетъ, что введеніе новаго элемента цивилизаціи не могло разомъ уничтожить старые.

Была ли бронза открыта совершенно самостоятельно въ нашей части свѣта или, что кажется въ настоящее время вѣрнѣе, свѣденія о ней были переданы намъ народами, опередившими насъ въ просвѣщеніи и жившими у средиземнаго моря; можетъ быть даже жителями африканскихъ береговъ—этотъ вопросъ находится еще подъ сомнѣніемъ; но достовѣрно извѣстно то, что бронза медленно входила въ употребленіе и что костяныя и каменныя орудія долго еще были въ ходу даже послѣ того, какъ бронза достигла всеобщаго распространенія и нѣкоторыя бронзовыя орудія были не только ввозимы торговлею, но и приготовляемы на мѣстныхъ фабрикахъ, и такимъ образомъ распространялись даже между низшими классами народа.

Герои Гомера, знавшіе уже о существованіи бронзы и желѣза, тѣмъ не менѣе бросали другъ другу въ головы громад-

ные полевые камни, и праща еще долгое время была законнымъ боевымъ орудіемъ.

Изъ множества фактовъ видно, что послѣ того какъ каменныя издѣлія были вытѣснены уже изъ всеобщаго употребленія металическими, первые продолжали считаться священными, такъ что во время религіозныхъ обрядовъ употреблялись каменные ножи и топоры, потому что металическія орудія считались не чистыми, такъ какъ металлъ подвергался предварительной обработкѣ.

Но развѣ изъ этого перехода одной эпохи въ другую, можно заключать, какъ дѣлали это нѣкоторые изъ новыхъ изслѣдователей, что предшествующей эпохи вовсе не существовало и что если въ открытыхъ мѣстахъ не нашли бронзовыхъ вещей, а только каменныя и костяныя—то это показываетъ только то, что бронза случайно не попала туда; нѣтъ сомнѣнія, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это дѣйствительно такъ и было. Но когда разносторонніе изслѣдованія, согласныя по своимъ результатамъ, доказываютъ, что были цѣлые періоды цивилизаціи, въ которыхъ не видно и слѣда знакомства съ металлами и что металлическія орудія повсемѣстно замѣнялись каменными и костяными, то это должно было бы служить неотразимымъ доказательствомъ для безпристрастныхъ судей, что такая эпоха дѣйствительно существовала, и что въ ней можно даже замѣтить различныя степени развитія, свидѣтельствующія объ успѣхахъ человѣческой культуры. Очень можетъ быть, что кладбище, въ которомъ нашли только каменныя издѣлія, принадлежитъ все таки къ позднѣйшему періоду, такъ какъ эти каменныя орудія могли быть положены въ гробницы съ религіозною цѣлью. Но характеръ случайности видимо теряетъ всякое значеніе, когда открываются цѣлыя колоніи, деревни или станціи, сотни пещеръ или кладбищъ, въ которыхъ не только не находятъ металловъ, но гдѣ и другіе признаки, какъ напримѣръ, кости не встрѣчающихся тамъ породъ животныхъ свидѣтельствуютъ объ общемъ состояніи культуры, подобно тѣмъ дикарямъ, жилища которыхъ изслѣдованы въ прошедшемъ столѣтіи.

И такъ какъ я здѣсь упоминаю именно о дикихъ, то я позволю себѣ вставить еще одно замѣчаніе: на сколько

можно утверждать, что періоды: каменный, бронзовый и желѣзный представляютъ только относительно различныя эпохи; на столько же нельзя утверждать, что эти эпохи цивилизаціи, должны были одновременно развиваться въ различныхъ мѣстахъ земнаго шара. Этого нельзя сказать даже о значительномъ пространствѣ, занимаемомъ Европою. Вдоль морскихъ и рѣчныхъ береговъ могли существовать народы, сдѣлавшіе уже шагъ впередъ въ цивилизаціи, знавшіе металлы и умѣвшіе пользоваться ими, между тѣмъ, какъ во внутренности страны, въ тоже время, можетъ быть, въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій существовали племена, неимѣвшія и понятія о металахъ. Вспомнимъ, какъ еще въ недавнее время, дикіе обитатели многочисленныхъ острововъ кое-какъ защищались камнями до тѣхъ поръ, пока европейцы не перевезли къ нимъ желѣзо, олово и порохъ. И потому, я думаю, совершенно не возможно сопоставлять рядомъ сдѣланныя въ различныхъ мѣстностяхъ открытія; можно только разсматривать ихъ сравнительно и изъ окружающихъ явленій приблизительно опредѣлять время извѣстной эпохи цивилизаціи. Напримѣръ, ничего нѣтъ мудренаго, что въ альпійскомъ плоскогоріи, а именно на сѣверномъ склонѣ альпъ въ Швейцаріи и въ сосѣднихъ съ нею странахъ металлы были вовсе не извѣстны жителямъ селеній, построенныхъ на сваяхъ, въ то время, какъ въ окрестностяхъ Средиземнаго моря, а именно на его восточныхъ и южныхъ берегахъ они уже давно вошли въ употребленіе и распространились.

Съ того времени, какъ я кончилъ мои лекціи о человѣкѣ, которые далеко не представляли ничего цѣльнаго и замкнутаго, сдѣлано чрезвычайно много новыхъ открытій во всѣхъ странахъ.

На сѣверѣ, на югѣ, на востокѣ и на западѣ Европы съ одинаковымъ рвеніемъ стараются изслѣдовать землю и погребенныя въ ней сокровища, такъ что ежедневно добываютъ новые факты, дополняющіе старый матеріалъ. Хотя мнѣ и придется иногда возвращаться къ старому, но я буду дѣлать это только для того, чтобы не нарушать послѣдовательности и въ тѣхъ случаяхъ, когда это дѣйствительно необходимо.

Точныя изслѣдованія пещеръ, съ заключающимися въ нихъ остатками, очень ревностно производятся во Франціи; въ Ита-

ліи и Бельгіи также повсюду замѣтны стремленія обогатить первыя страницы геологіи новыми фактами и прослѣдить по нимъ послѣдовательность событій.

Къ сожалѣнію, для современнаго геолога послѣдовательность фактовъ и выводовъ составляетъ единственный камень преткновенія, потому что къ какой бы области онъ ни устремилъ свои изслѣдованія, вездѣ онъ встрѣчается съ такими громадными затрудненіями, которыя можетъ преодолѣвать только самая проницательная и глубокая критика. А потому большинствомъ геологовъ руководитъ случай или счастіе въ открытіяхъ и простыя догадки въ выводимыхъ ими заключеніяхъ. Это замѣчаніе вполнѣ прилагается и къ изслѣдованію пещеръ.

Во многихъ пещерахъ мы видимъ, что пласты образовавшіеся подъ вліяніемъ естественныхъ причинъ, остались въ томъ же видѣ, въ какомъ они отложились сначала. Напротивъ, во многихъ другихъ пещерахъ первоначальные пласты сильно измѣнились и перемѣшались съ произведеніями новаго и даже новѣйшаго времени. Многія пещеры служили кладбищами и убѣжищами для охотниковъ и пастуховъ, а также и жилищами въ спокойное время. Въ землѣ вырывали углубленія для того, чтобы опускать туда покойниковъ. Живые оставляли въ земляныхъ убѣжищахъ слѣды своихъ очаговъ, своей трапезы, посуду, инструменты и все это перемѣшалось съ произведеніями древнѣйшихъ временъ. Большіе и маленькіе хищные звѣри иногда сами вырывали въ землѣ свои логовища, а иногда выбирали для этого пещеры, куда для прокормленія своихъ дѣтенышей они приносили куски животныхъ, на которыхъ они нападали, и, которыхъ побѣждали. Есть пещеры, которыя представляютъ хаотическую смѣсь продуктовъ доисторическихъ и историческихъ эпохъ, и легко могутъ навести на сомнѣніе въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ и ослабить силу ихъ доказательствъ.

Гдѣ ясно и отчетливо сохранились известковые покровы, обыкновенно отдѣляющіе отложенія одно отъ другого, гдѣ нельзя замѣтить никакого слѣда послѣдующихъ проломовъ, тамъ навѣрное открытія совершенно правильны и основанныя на нихъ заключенія могутъ считаться рѣшительными, особенно если факты таковы, что ясно указываютъ на различныя эпохи, въ

которыя происходили отложенія. Итакъ на сколько важны открытія въ пещерахъ, на столько нужна очень строгая критика, чтобы избѣжать самыхъ рѣзкихъ ошибокъ.

Гдѣ возбуждается хоть малѣйшее сомнѣніе въ томъ, имѣемъ ли мы передъ собою неразрушенныя, первоначальныя отложенія, тамъ нужно какъ можно больше остерегаться выводить заключенія изъ данныхъ фактовъ. Но зато намъ просто кажется глупымъ не придавать никакого значенія результатамъ своихъ изслѣдованій на томъ основаніи, что геологу случается открывать пещеры, уже дѣйствительно перерытыя и разрушенныя.

Мнѣ кажется, что это было бы тоже самое, какъ если бы кто нибудь, по двумъ или тремъ кладбищамъ, на которыхъ по прошествіи 10-ти или менѣе столѣтій, употребляли въ дѣло старыя могилы, вздумалъ бы утверждать, что всѣ старыя кладбища должны заключать въ себѣ остатки людей, умершихъ въ позднѣйшія времена. Тѣмъ не менѣе есть кладбища, въ которыя уже въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій не опускали ни одного покойника и потому можно быть увѣреннымъ, что всѣ предметы, находящіеся тамъ, принадлежатъ къ такой эпохѣ, которая предшествовала запустѣнію кладбища. Тоже самое можно отнести къ пещерамъ. Еслибы мы нашли напримѣръ, на днѣ пещеры слой, содержащій только кости пещернаго медвѣдя, пещерной гіены и современныхъ имъ животныхъ, покрытый хорошо сохранившимся известковымъ слоемъ, и сверхъ его слой, содержащій кости сѣвернаго оленя и другихъ животныхъ, которыя встрѣчаются вмѣстѣ съ сѣвернымъ оленемъ, то это было бы неоспоримымъ доказательствомъ двухъ послѣдующихъ одна за другою эпохъ, которыя представляютъ существенныя различія по своимъ главнымъ характеристическимъ чертамъ. Не менѣе важны изслѣдованія различныхъ наносныхъ слоевъ, какъ ихъ очень мѣтко называютъ дилювьяльными эпохами, хотя значеніе этого слова имѣетъ совершенно другой смыслъ въ геологіи новѣйшаго времени. Дѣйствительно, ничѣмъ нельзя подтвердить того мнѣнія, что въ историческое время было всеобщее наводненіе; напротивъ того, всѣ факты указываютъ, что затоплялись только долины, такъ что наводненіе могло казаться значительнымъ для извѣстной мѣстности, но не

было общимъ для всей земной поверхности. Теперь неоспоримо доказано, что такъ называемые дилювіальные періоды продолжались чрезвычайно долго, и что бывшее въ это время большое передвиженіе глетчеровъ, которое повлекло за собою важныя перемѣны въ земной поверхности средней Европы и которое, на сколько извѣстно, предшествовало появленію человѣка, продолжалось сравнительно не долго. Если мы обратимъ вниманіе на климатъ этой эпохи, о которомъ можемъ судить по нѣкоторымъ фактамъ, то увидимъ, что въ то время большая часть средней Европы въ отношеніи климата и зависящихъ отъ него флоры и фауны имѣла островной климатъ, похожій на климатъ южныхъ острововъ Новой земли. Глетчеры могли скатываться съ вершинъ горъ въ долины, гдѣ царствовала южная растительность и у подножья ихъ могли жить слоны и носороги и находить нужныя условія для своего существованія, не смотря на близость ледяныхъ массъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ окрестностяхъ альпъ, въ наносахъ, образованныхъ этими глетчерами, находятъ такое множество костей слоновъ, что нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ то время тутъ обитали эти большія толстокожія. Если изслѣдованіе пещеръ имѣетъ свои трудности, то и изслѣдованіе наносовъ также не легко, что достаточно доказываютъ оживленные споры, которые велись по этому предмету между членами французской Академіи.

Здѣсь надо обращать вниманіе на два затрудненія. Во-первыхъ, на мѣстныя измѣненія самихъ слоевъ; при этомъ надо сказать, что не только каждая страна, но каждая рѣчная область, даже каждая долина подчиняется своимъ особеннымъ законамъ. Въ одномъ мѣстѣ происходили отложенія, тогда какъ въ другомъ царствовало полнѣйшее спокойствіе, и къ тому же характеръ этихъ наносовъ (камней, песку, илу и т. д.) такъ разнообразенъ и перемѣнчивъ, что наносы, находимые въ сосѣднихъ областяхъ и виды ихъ, образовавшіяся въ одно и тоже время, совершенно разнятся другъ отъ друга.

И такъ очень трудно провести паралель между различными наносами, которыя характеризуютъ первую эпоху и потому почти невозможно опредѣлить хронологическую послѣдовательность различныхъ слоевъ въ разныхъ мѣстностяхъ въ особенности потому,

что слоевой порядокъ, такъ хорошо сохранившійся въ старыхъ геологическихъ періодахъ, совершенно перепутанъ въ наносахъ и не можетъ служить надежной опорой для геологическихъ выводовъ. Второе затрудненіе было указано въ Etudes de Beaumont. Наносы образуются постоянно; каждый новый островокъ увлекаетъ въ глубь нѣсколько частицъ земли. Эти безпрерывныя измѣненія въ состояніи углубленій, это безпокойство земныхъ частицъ, если можно такъ выразится, подъ водяными притоками, заставили обратить особенное вниманіе на изслѣдованіе старыхъ кладбищъ, при чемъ убѣдились, что достаточно небольшой пустоты въ могилѣ для того, чтобы внутри ея скопились новыя частицы и не только вытѣснили бы кости изъ ихъ первоначальнаго положенія, но давленіемъ измѣнили даже ихъ форму.

Слѣдовательно нельзя отрицать, что и въ настоящее время могутъ образоваться такіе наносы, въ которыхъ сильно перемѣшаны продукты древняго и новаго времени; такъ наприм. рѣка, протекая по песчанымъ слоямъ, отложившимся въ различныя эпохи, уноситъ часть этихъ слоевъ и образуетъ изъ нихъ новый наносъ.

Впрочемъ только вѣрныя изслѣдованія мѣстныхъ условій могутъ дать удовлетворительный отвѣтъ на подобнаго рода вопросы. Если же на этихъ наносахъ находятся позднѣйшіе слои, носящіе ясный отпечатокъ новѣйшаго времени, то можно сказать утвердительно, что нижніе слои относятся къ болѣе древней эпохѣ.

Торфяныя болота даютъ также богатѣйшіе результаты для изслѣдованія древнихъ періодовъ культуры, но конечно они имѣютъ значеніе только для извѣстнаго періода.

Въ древнѣйшія времена они были необитаемы и потому не могутъ дать свѣденій о томъ времени; но въ нихъ сохранились предметы позднѣйшихъ эпохъ. Конечно и здѣсь можетъ возникнуть цѣлый рядъ ошибокъ, такъ какъ тяжелыя вещи глубоко осядали въ торфяныхъ болотахъ и потому могутъ быть найдены въ гораздо болѣе низкихъ слояхъ, чѣмъ тѣ, въ которыхъ они первоначально осѣли. Впрочемъ нельзя же ссылаться на такое пониженіе тамъ, гдѣ осѣли цѣлыя поселенія со вбитыми въ землю сваями. Если и можетъ быть сомнѣніе относительно подобныхъ построекъ подъ водой, то

единственное исключеніе можетъ быть сдѣлано относительно свай, найденныхъ въ нидаурскомъ болотѣ, о которомъ еще такъ недавно Franz-Maurer поднялъ такой торжественный шумъ; но такіе факты теряютъ всякое значеніе въ сравненіи съ общераспространенными явленіями. Итакъ, если торфяныя болота могутъ дать полныя удовлетворительныя свѣденія о той эпохѣ, въ продолженіе которой происходили отложенія, то я принужденъ еще разъ повторить, что въ торфяныхъ болотахъ и только въ нихъ однихъ можно искать вѣрнаго опредѣленія того періода, когда существовали напр. деревни на сваяхъ.

Даже еслибъ мы могли въ настоящее время съ помощью ботаники и химіи и объяснить себѣ подробности строенія торфа, то во всякомъ случаѣ вопросъ о его наслоеніи до поры до времени еще не можетъ быть окончательно рѣшенъ.

Мы не знаемъ даже приблизительно, въ продолженіи какого времени можетъ вырости слой торфа толщиною въ футъ и не имѣемъ основанія для опредѣленія количества торфянаго мху, наростающаго въ извѣстное время, въ какомъ бы то ни было болотѣ.

Но я все-таки повторяю, что только точныя изслѣдованія отдѣльныхъ торфяныхъ болотъ, изслѣдованія, въ которыхъ до сихъ поръ еще чувствуется положительный недостатокъ, могутъ дать намъ возможность опредѣлить эпоху, къ которой относятся свайныя постройки.

Изслѣдованіе наносовъ въ открытыхъ озерахъ даетъ гораздо менѣе точные и вѣрные результаты, чѣмъ изслѣдованіе торфяныхъ болотъ. Хотя эти изслѣдованія производятся съ страстнымъ увлеченіемъ, но всякій легко пойметъ, что открытое положеніе озеръ, находящихся на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде были поселенія, неминуемо благопріятствуетъ смѣшенію произведеній различныхъ эпохъ.

Знаменитая каменная гора близъ Neden служила со времени каменнаго и до желѣзнаго періода мѣстомъ непрерывныхъ поселеній, и потому невозможно съ полною точностію опредѣлить, къ какому времени относятся найденные тамъ предметы.

Послѣднимъ источникомъ нашихъ до историческихъ свѣденій слу-

жатъ древнія кладбища. При дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ будетъ все болѣе и болѣе ясно, что въ древнѣйшія времена не имѣли никакого понятія о кладбищахъ и что всякая заботливость объ умершемъ показываетъ уже успѣхъ цивилизаціи, а поэтому кладбища и ихъ содержимое, даже допуская многія хронологическія сомнѣнія, представляютъ намъ тѣмъ не менѣе существенный интересъ, дѣлая возможными антропологическія открытія, такъ какъ рѣдкость череповъ въ остальныхъ отложеніяхъ заставляетъ насъ искать ихъ преимущественно въ могилахъ.

Вопросъ о времени очень важенъ. Всѣми принято, что изслѣдованія, о которыхъ мы говоримъ здѣсь, относятся къ такой эпохѣ, о которой не осталось въ Европѣ ни одной легенды или мифа. Точно также неоспоримо, что существованіе человѣка началось въ такую эпоху, когда на нашей планетѣ жили уже вымершія породы животныхъ. Но между этимъ началомъ существованія человѣка и историческими свѣденіями о немъ лежитъ цѣлый рядъ періодовъ и эпохъ, которые частью должны еще быть разграничены, а частью должны быть опредѣлены въ хронологическомъ порядкѣ.

Какія же вспомогательныя средства имѣемъ мы для этого опредѣленія и какіе результаты уже достигнуты въ этомъ отношеніи?

Я уже доказывалъ въ моихъ лекціяхъ, что хронологическія опредѣленія, сдѣланныя въ Швейцаріи Gilleron, Morlet и др., не имѣютъ научной точности и, хотя нельзя сказать того же самаго объ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ съ помощію бурава, въ Египтѣ Hakim Beys и о вычисленіяхъ доктора Dowle въ новомъ Орлеанѣ, однако и они могутъ подвергнуться критикѣ.

Всѣ эти попытки почти можно отнести къ области мечтательныхъ предпріятій, и хотя я увѣренъ, что числа, къ которымъ они приводятъ, не преувеличены, однако я не хочу слишкомъ сильно упираться на эти сомнительные результаты. Впрочемъ, до настоящаго времени это единственныя попытки представить дѣйствительную хронологію доисторическаго времени, и потому они все-таки заслуживаютъ нашего вниманія.

Хотя мы такимъ образомъ совершенно не имѣемъ хронологическихъ опредѣленій, но я упомяну все-таки о томъ методѣ, который находитъ всеобщее примѣненіе въ геологіи. Мы не спра-

пиваемъ въ геологіи, сколько прошло лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ образовался тотъ или другой пластъ? Не спрашиваемъ объ этомъ по той простой причинѣ, что если бы отвѣтъ и былъ возможенъ, то наши измѣренія слишкомъ малы. Но мы спрашиваемъ, образовался ли извѣстный пластъ прежде, послѣ или въ одно время съ другимъ? Для отвѣта на этотъ вопросъ мы имѣемъ вспомогательныя средства, которыя должны намъ служить въ геологіи и примѣняются при опредѣленіи эпохъ доисторической человѣческой жизни.

Опредѣленіе тѣхъ относительныхъ періодовъ, къ которымъ надо отнести доисторическія отложенія, можетъ быть сдѣлано единственно только по геологическому методу, и я не затрудняюсь приписать тѣ противорѣчія, которыя встрѣчаются относительно этого предмета, незнанію геологическаго метода. Мы постараемся уяснить себѣ вспомогательныя мѣры, принятыя во вниманіе геологіей и ихъ относительную важность.

Геологическій характеръ занимаетъ первое мѣсто. Вотъ у меня пластъ краснаго песчаника, лежащій надъ пластомъ дымчато-сѣраго извѣстняка и подъ пластомъ свѣтло-зеленой извести. Въ нѣкоторомъ отдаленіи я нахожу тотъ же самый красный песчаникъ и въ томъ же положеніи относительно обоихъ известковыхъ пластовъ. Я, конечно, не затрудняюсь предположить, что оба пласта песчаника принадлежатъ къ одному и тому же времени и къ одной и той же эпохѣ, что они отложились прежде свѣтло-зеленой извести и послѣ дымчато-сѣраго извѣстняка.

Такимъ образомъ геологическій характеръ опредѣляется частью по минералогическому строенію, частью по положенію пласта относительно другихъ, уже извѣстныхъ. Конечно, тоже самое дѣлается и при опредѣленіи различныхъ наносныхъ слоевъ.

Если профессоръ Fulrott указываетъ, что въ одной изъ пещеръ долины Неандеръ, въ такъ называемой Чортовой комнатѣ, находится глинянный пластъ, заключающій множество костей животныхъ, булыжниковъ, и вполнѣ соотвѣтствующій тому глинистому слою, въ которомъ невдалекѣ находился знаменитый черепъ долины Неандеръ, то такое согласованіе геологическихъ фактовъ представляетъ если не положительныя доказательства,

то, по крайней мѣрѣ, большую вѣроятность того, что этотъ черепъ относится къ той же эпохѣ, въ которую жили животныя, кости которыхъ были найдены въ Чортовой комнатѣ.

Въ глазахъ каждаго геолога это заключеніе будетъ считаться вѣрнымъ, если только будетъ доказано, что ни кости, ни черепъ не были занесены впослѣдствіи въ глиняный пластъ, а попали туда въ одно время съ булыжниками. Итакъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что геологическій характеръ пріобрѣтаетъ очень важное значеніе, если только имъ опредѣляются близколежащія мѣстности, подчиненныя одинаковымъ условіямъ. Тотъ же самый геологъ, который изъ сходства слоевъ Чортовой комнаты и пещеры заключаетъ объ ихъ одновременномъ образованіи, потому что они находятся очень близко другъ отъ друга въ устьи той же самой долины, на разстояніи менѣе дного километра,—тотъ же геологъ отвергъ бы это заключеніе, если бы оно было разпространено на какой нибудь гротъ, существующій въ Бельгіи или на пещеру, находящуюся во Франціи, просто потому, что онъ знаетъ по опыту, что слой болѣе или менѣе окрашенной глины съ валунами кварцеваго камня образовался въ различное время въ различныхъ мѣстахъ. Въ этомъ и заключается ограниченность геологическаго характера, который въ примѣненіи къ маленькому пространству даетъ чрезвычайно вѣрные результаты, но не имѣетъ значенія для большихъ разстояній. Гораздо болѣе вѣрнымъ считаю я палеонтологическій характеръ, или другими словами, заключенія, составленныя по органическимъ остаткамъ, находящимся въ доисторическихъ пластахъ. Намъ надо объясняться точнѣе въ этомъ отношеніи. Распредѣленіе животныхъ и растеній на землѣ не зависитъ отъ пустого случая, оно зависитъ отъ извѣстныхъ мѣстныхъ условій и историческихъ данныхъ. Именно благодаря вліянію втораго условія въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, не смотря на благопріятныя условія, нѣкоторыя породы животныхъ все-таки не развились. Опытъ трехъ столѣтій доказалъ намъ, что Америка имѣетъ вполнѣ благопріятныя условія для существованія лошадей, между тѣмъ какъ до ея открытія въ ней совсѣмъ не было породы однокопытныхъ животныхъ.

Открытіе лошадиныхъ костей въ американскихъ наносахъ не-

опровержимо доказываетъ, что эти наносы отложились уже послѣ открытія страны европейцами, т. е. послѣ введенія туда лошадей; отсутствіе же въ Америкѣ лошадинаго типа доказываетъ намъ, что въ то время, когда въ старомъ свѣтѣ образовалась порода однокопытныхъ, между старымъ и новымъ свѣтомъ еще не существовало никакого удобнаго для лошадей сообщенія. Вымершія и выселившіяся породы животныхъ, существующія еще въ настоящее время въ другихъ мѣстностяхъ этой части свѣта, а также домашнія животныя, приручаемыя мало по малу, представляютъ самое вѣрное доказательство для рѣшенія вопроса о послѣдовательности различныхъ періодовъ. Кости животныхъ, находимыя въ различныхъ слояхъ, ясно доказываютъ, что эти животныя жили во время образованія именно того слоя, въ которомъ они найдены, и служатъ такимъ образомъ лучшимъ масштабомъ для опредѣленія извѣстной эпохи.

До сихъ поръ мы не можемъ приписывать туже силу доказательствъ антропологическому характеру или, говоря иначе, состоянію человѣческихъ костей и преимущественно череповъ. Правда, что все болѣе и болѣе дѣлается яснымъ, что съ самаго начала появленія человѣка, сколько мы въ настоящее время знаемъ объ этомъ появленіи въ средней Европѣ, различные типы череповъ, рѣзко отличающіеся другъ отъ друга, смѣнялись одинъ другимъ въ различныхъ мѣстностяхъ. Но ясно, что при скудныхъ матеріалахъ краніологіи древнѣйшихъ временъ и при измѣнчивости типовъ различныхъ череповъ, которые сохранялись въ смѣси съ переселившимися племенами, нельзя опредѣлить древность извѣстныхъ типовъ по анализу одного или даже немногихъ. Образцовыя изслѣдованія Фонъ-Гиса и Рютимейера швейцарскихъ череповъ и разнообразіе ихъ въ древне-римскихъ владѣніяхъ доказываютъ намъ, какъ могутъ быть громадны результаты подобныхъ изслѣдованій, но и они не даютъ намъ вѣрныхъ свѣдѣній о той эпохѣ, когда появились эти черепа. Возьмемъ для примѣра черепъ изъ долины Неандеръ, о которомъ такъ много уже говорено и древность котораго очевидно доказана геологическимъ путемъ. Еще до сихъ поръ спорятъ о томъ: нормальное ли это явленіе или паталогическое, происшедшее отъ сростанія швовъ. Кажется, первое предположеніе вѣрнѣе, во-первыхъ, потому, что

есть много череповъ съ сросшимися швами, но форма которыхъ не похожа на черепъ долины Неандеръ; во-вторыхъ, потому, что есть другіе черепа очень близко подходящіе къ этому, но въ которыхъ не видно сростанія швовъ.

Итакъ мы готовы думать, что этотъ черепъ принадлежитъ особенному, очень древнему типу. Но значитъ ли это, что каждый подобнаго рода черепъ долженъ принадлежать къ тому же времени? Конечно нѣтъ. Народъ долины Неандеръ размножался также, какъ и всѣ остальные; онъ болѣе или менѣе перемѣшался съ другими народами и хотя исчезъ, какъ племя, могъ сохраниться въ отдѣльныхъ типахъ и, быть можетъ, какъ остатокъ древности, перешелъ даже въ новѣйшее время.

Наконецъ надо еще обратить вниманіе на промышленный характеръ, если можно такъ выразиться; во всякомъ случаѣ онъ имѣетъ значеніе, такъ какъ введеніе металловъ—бронзы, а впослѣдствіи и желѣза сдѣлали радикальный переворотъ въ жизни и въ домашнемъ быту человѣка. Конечно этотъ переворотъ совершался мало по малу и употребленіе прежнихъ орудій продолжалось еще долго послѣ того, какъ сдѣлались извѣстными болѣе удобныя орудія. Даже теперь, въ наше быстро стремящееся впередъ время, мы видимъ, что гораздо легче измѣнить строй государства, чѣмъ способъ отопленія въ мѣщанской семьѣ. Разграничивая каменный, бронзовый и желѣзный періоды, придали кажется, ошибочно слишкомъ большое значеніе промышленному характеру. Если будутъ еще далѣе идти въ этомъ направленіи, и изъ выдѣлки каменныхъ орудій, напримѣръ, изъ ихъ полировки и шлифовки выводить заключеніе, что они относятся къ различнымъ эпохамъ этого же перваго періода, то это будетъ противурѣчить всѣмъ основнымъ правиламъ точныхъ изслѣдованій.

Безъ сомнѣнія, съ каждымъ новымъ шагомъ въ своемъ благосостояніи, человѣкъ стремится еще болѣе улучшить свое существованіе и сдѣлать его пріятнѣе; а потому при первой возможности, онъ будетъ полировать и шлифовать тѣ первобытныя орудія, которыми прежде пользовался въ ихъ грубомъ видѣ; и тѣмъ прилежнѣе дѣлаетъ человѣкъ все это, чѣмъ болѣе его положеніе и борьба за существованіе оставляютъ ему время на

эти занятія, кажущіяся сначала безполезными. Но подобно тому, какъ во время нашей цивилизованной эпохи находится множество мѣстностей, гдѣ у человѣка все его время уходитъ единственно на то, чтобы удовлетворять первымъ и необходимымъ потребностямъ жизни, точно также и въ древнѣйшія времена должно было существовать подобное соціальное различіе, такъ что въ одной долинѣ просвѣщеніе могло уже дойти до умѣнья отдѣлывать орудія, тогда какъ въ другомъ сосѣднемъ съ нею поселеніи удовлетворялись еще грубыми первоначальными формами.

Изъ всего вышесказаннаго вытекаетъ то общее положеніе, что никакой отдѣльный фактъ не имѣетъ положительнаго значенія самъ по себѣ, и что дѣйствительно основательные выводы могутъ быть сдѣланы только изъ такого соединенія этихъ фактовъ, когда обращаютъ вниманіе на всѣ подобныя обстоятельства и притомъ стараются ограничиваться по возможности небольшими мѣстностями. Только когда будетъ собрано столько фактовъ, что сѣть ихъ покроетъ и гѣ земли, которыя до настоящаго времени не были изслѣдованы и между которыми иныя значительно опередили въ цивилизаціи изслѣдованныя уже части свѣта,—только тогда можно будетъ смѣло сорвать тайну съ происхожденія человѣческаго рода.

Теперь мы перейдемъ къ полученнымъ уже результатамъ.

Если мы, не смотря на высказанные нами взгляды, все таки раздѣлимъ относящіеся сюда факты на рѣзко разграниченные періоды, то мы это сдѣлаемъ не потому, что не вѣримъ въ существованіе переходныхъ, промежуточныхъ эпохъ, а единственно потому, чтобы установить какую нибудь послѣдовательность и по возможности сгруппировать эти факты.

Слѣдовательно, когда мы говоримъ о времени пещернаго медвѣдя и о времени сѣверныхъ оленей, то мы заранѣе отклоняемъ возраженіе въ томъ, что будто мы думаемъ, что въ день смерти послѣдняго пещернаго медвѣдя родился первый сѣверный олень. Мы убѣждены, что пещерный медвѣдь мало по малу измѣнился въ простаго бураго медвѣдя; что сѣверный олень, жившій отчасти въ одно время съ пещернымъ медвѣдемъ, только мало по малу получилъ особенное значеніе для человѣка и что

также постепенно, какъ исчезалъ пещерный медвѣдь, сѣверный олень удалялся изъ южныхъ странъ въ свое теперешнее отечество. Но мы различаемъ эти эпохи по ихъ главному характеру и, признавая переходность періодовъ, останавливаемся на серединѣ эпохи, видя въ ней собраніе всѣхъ характеристическихъ признаковъ. Древнѣйшіе слѣды человѣка, сколько намъ извѣстно въ настоящее время, открыты г-мъ Денойэ въ странѣ Сен-Преста, близъ Шартра. Эта песочная яма лежитъ на берегу Eure; сверху она покрыта толстымъ слоемъ глины; потомъ показывается пластъ кремневыхъ валуновъ и округленныхъ песчаниковыхъ и кремнистыхъ пудинговъ, затѣмъ бѣлый песокъ, перемѣшанный съ этими камнями, и наконецъ совершенно тонкій бѣлый песокъ, который непосредственно лежитъ на мѣловомъ слою.

Положеніе этихъ слоевъ доказываетъ, что песчаный слой, въ которомъ встрѣчаются кости большихъ млекопитающихъ, несомнѣнно древнѣе наносныхъ пластовъ, встрѣчающихся, какъ здѣсь такъ и въ другихъ мѣстностяхъ Франціи, и что эти слои принадлежатъ къ верхне-третичнымъ пластамъ, распространеннымъ въ долинѣ Арно, а во Франціи и въ Англіи въ различныхъ мѣстностяхъ.

Такъ какъ первые, вѣрные слѣды человѣка, состоящіе въ первобытныхъ кремневыхъ орудіяхъ, такъ называемыхъ топорахъ и ножахъ, а впослѣдствіи и въ нѣсколькихъ костяхъ, найдены впервые въ наносныхъ пластахъ, а именно въ долинѣ Сомы, то мы сначала и займемся этими пластами. Древнѣйшія отложенія этого рода мы можемъ означить именемъ эпохи пещернаго медвѣдя и мамонта.

Въ настоящее время не подлежитъ уже болѣе никакому сомнѣнію, что всѣ пласты средней Европы, въ которыхъ находятся цѣлые скелеты и члены мамонта и носорога, относятся къ той эпохѣ, когда въ окрестностяхъ альпъ громадные глетчеры начали снова отодвигаться. Но хотя это и достовѣрно, а все-таки могли бы возникнуть сомнѣнія: дѣйствительно ли тѣ пласты, въ которыхъ находятся кремневыя орудія, одновременны съ этими пластами; не занесены ли въ нихъ потоками кости и зубы толстокожихъ изъ другихъ болѣе древнихъ пластовъ. Слѣдовательно геологическій характеръ и въ этомъ

отношеніи остается подъ сомнѣніемъ; полагали, что тѣ наносные пласты, въ которыхъ найдены кремневыя орудія, образовались изъ разрушенныхъ мамонтовыхъ пластовъ и потому принадлежатъ къ гораздо позднѣйшему времени.

Это воззрѣніе могло казаться совершенно вѣрнымъ; такъ какъ эти наносные пласты въ разныхъ долинахъ носятъ характеръ пластовъ, нанесенныхъ потоками, и всѣ безъ исключенія состоятъ изъ валуна, кремней, песку и гравія и выказываютъ перепутанное строеніе, образовавшееся подъ вліяніемъ измѣняющейся силы толчковъ и теченія.

Громадность новыхъ слоевъ, налегающихъ на песчаные пласты, содержащіе кремневыя орудія, нельзя было приводить въ доказательство древности песчаныхъ слоевъ, такъ какъ извѣстно, что рѣки въ низменныхъ странахъ часто мѣняютъ русло и въ немногія столѣтія могутъ нанести туда цѣлыя толщи, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ въ это же время онѣ уносятъ громадныя массы и осаждаютъ ихъ ниже.

Безъ сомнѣнія геологи, изучавшіе, напримѣръ, строеніе французскихъ почвъ, имѣли основаніе ссылаться на полную параллель слѣдующихъ одинъ за другимъ слоевъ. Но всѣ эти возраженія придавали ихъ мнѣніямъ только силу большей или меньшей вѣроятности, а не достовѣрности. Одинъ итальянскій изслѣдователь, Гастальди былъ все-таки правъ, когда утверждалъ, что кремневые топоры и клыки мамонта, найденные вмѣстѣ, еще не доказываютъ ихъ одновременнаго существованія, и что это будетъ доказано только тогда, когда подобно тому, какъ въ Италіи, найдутъ цѣлый скелетъ мамонта или покрайней мѣрѣ нѣсколько членовъ его въ ихъ нормальномъ строеніи; отдѣльные же клыки и другія кости могли быть такъ же, какъ и кремневые валуны, нѣсколько разъ уносимы потоками изъ ихъ вмѣстилищъ и осаждаемы дальше, но кости въ ихъ нормальномъ положеніи во всякомъ случаѣ доказывали бы, что весь трупъ или, покрайней мѣрѣ, члены, удерживаемые кожею, мускулами и сухожиліями, были занесены сюда и осадились здѣсь. Гастальди вѣроятно не зналъ, что именно въ долинѣ Сомы уже давно было найдено то, о чемъ онъ говоритъ. Дѣйствительно, эти пласты уже со времени Кювье считались богатѣйшимъ мѣстомъ открытія мамонтовъ

и костей носорога, и еще за 30 лѣтъ господинъ Буальонъ открылъ въ песчаномъ пластѣ одной мѣстности заднюю ногу носорога, кости котораго все еще находились въ ихъ относительномъ нормальномъ положеніи; изъ этого Буальонъ вполнѣ справедливо заключилъ, что во время ихъ осажденія кости должны были быть скрѣплены сухожиліями, связками и даже мускулами. Скелетъ всего этого животнаго, нога котораго была открыта, лежалъ недалеко отъ нея. Когда это открытіе было сдѣлано и объявлено, тогда еще вовсе не подозрѣвали о присутствіи кремневыхъ топоровъ въ этомъ пластѣ. Слѣдовательно при этомъ не могло быть упомянуто объ этихъ уже позднѣйшихъ открытіяхъ и изслѣдованіе, значитъ, не было подвергнуто тщательному анализу.

Промышленный характеръ этого періода ограничивается различной сдѣланной изъ кремня утварью. Не смотря на многія разнорѣчія, въ обработкѣ этой утвари во многихъ мѣстахъ уже замѣтны признаки искусства; на ней замѣчаются слѣды политуры и шлифовки и, что высѣченныя изъ камня въ форму, которую далъ имъ случай или ловко направленный ударъ, они были обработаны окончательно. Но сохрани насъ Богъ заключать изъ этого обстоятельства, что всѣ грубообтесанные, кремневые инструменты или оставшіеся отъ обработки куски, только по этой причинѣ принадлежатъ къ первой эпохѣ. Еще въ древнѣйшія времена человѣческаго общества существовало въ извѣстной степени раздѣленіе труда, и потому можно съ полнымъ правомъ принять мѣстности, въ которыхъ находилось много кремневой утвари, за фабрики, гдѣ каменные люди (люди каменнаго періода) первоначально обработывали натуральные кремни, чтобы впослѣдствіи ихъ полировать, пробивать въ нихъ ушки и т. д. Если для опредѣленія древности этихъ грубообработанныхъ кремневыхъ кусковъ недостаетъ особенныхъ характеристическихъ признаковъ, то конечно можно вполнѣ справедливо сомнѣваться въ ихъ древности, пока не будутъ представлены болѣе удовлетворительныя доказательства. Я упоминаю здѣсь, для примѣра, объ извѣстныхъ большихъ кремневыхъ обломкахъ, называемыхъ «камеями», изъ-за которыхъ велся въ послѣднее время такой горячій споръ между членами академіи и господиномъ Мортилье. Эти громадныя скалы совершенно особеннаго состава и строе-

нія, изъ которыхъ очевидно вырублены длинные кремневые ножи, найденные впослѣдствіи непосредственно подъ почвой, принимались нѣкоторыми учеными за остатки кремневой фабрики, которая, быть можетъ, существовала до *новѣйшаго времени*.

Это мнѣніе было вполнѣ опровергнуто какъ на основаніи историческихъ, такъ и фабричныхъ данныхъ, такими компетентными судьями, какъ г. Пенгвиль Ларидонъ, директоръ парижскаго артилерійскаго музеума и г-мъ Джонъ Ивансъ.

Я могъ убѣдиться, какъ по доказательствамъ, собраннымъ г-мъ Мартильо, такъ и по собственнымъ наблюденіямъ, что при обработкѣ стальными инструментами кремней для ружей и пистолетовъ, которые со времени изобрѣтенія кремневыхъ курковъ и до изобрѣтѣнія пистоновъ были въ значительномъ употребленіи во Франціи и въ Англіи,—никогда и ни въ какомъ случаѣ не могли остаться куски, подобные найденнымъ, вѣсившимъ часто болѣе фунта, и что такіе кремни не могли быть употребляемы для ружей, потому что состояли изъ особеннаго грубаго кремня, который блеститъ, какъ позолоченный.

Кромѣ того, съ помощью археологовъ доказано, что въ Пресснины никогда не существовало фабрикъ для ружейныхъ кремней. Съ другой стороны присутствіе подобныхъ камней въ старинныхъ стѣнахъ, построенныхъ за долго до употребленія кремней, достаточно доказываетъ, что они относятся къ древнѣйшему времени. Слѣдовательно, если все это удовлетворительно опровергаетъ мнѣніе о недавнемъ происхожденіи этихъ кремней и высѣченныхъ изъ нихъ кремневыхъ клинковъ, изъ которыхъ многіе также были изломаны, то и съ другой стороны расположеніе пласта ничего не говоритъ въ пользу того уже высказаннаго мнѣнія, что остатки фабрики кремневыхъ ножей принадлежатъ къ эпохѣ мамонта. То обстоятельство, что въ окрестностяхъ нашли нѣсколько полированныхъ камней, какъ утверждаетъ Ивансъ, гораздо болѣе указываетъ на позднѣйшую ихъ фабрикацію.

Я привелъ здѣсь этотъ примѣръ для того только, чтобы показать, какъ должно остерегаться изъ *неопредѣленныхъ* фактовъ и частныхъ характеристическихъ чертъ, неимѣющихъ даже на-

учнаго достоинства, выводить положительныя опредѣленія о древности эпохи. Кремневый ножъ, который при обработкѣ полировали, долженъ былъ быть непременно обточенъ и находка такого ножа, точно также какъ и обломка, изъ котораго его высѣкли, еще не доказываетъ, что эти куски не были впослѣдствіи полированы и обработаны. Я не привожу здѣсь дальнѣйшихъ разнообразныхъ открытій необработанныхъ и обработанныхъ кремневыхъ инструментовъ, найденныхъ въ различныхъ мѣстностяхъ—частью на поверхности или подъ почвой, частью въ пескахъ и гравіи. Можетъ быть, позднѣйшія наблюденія, при помощи открытій другихъ положительныхъ характеристическихъ чертъ, доставятъ имъ вѣрное значеніе въ исторіи; но пока эти черты еще не открыты, то гораздо лучше принимать всѣ эти открытія ad referendum, чѣмъ пускаться въ разсужденія о вещахъ, по которымъ въ настоящее время нельзя требовать научной вѣрности.

Перейдемъ къ пещерамъ; дѣлаемыя здѣсь открытія гораздо важнѣе. Сравнительно со всѣмъ другимъ можно съ радостью привѣтствовать вѣрное опредѣленіе древности черепа въ долинѣ Неандеръ, сдѣланное намъ теперь г. Fuhrott. Этимъ опредѣленіемъ сразу наносится ударъ всѣмъ возставшимъ противъ древности этого черепа и доказывается его современность съ черепомъ Engis, древность котораго положительно опредѣлена. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны обратить вниманіе на то, что эти извѣстные намъ черепа, которые, за исключеніемъ непзслѣдованнаго еще черепа Moulin Guignon'a древнѣе всѣхъ остальныхъ, непремѣнно принадлежатъ къ племени длинноголовыхъ. Такъ какъ то мнѣніе, что первые люди принадлежали къ короткоголовымъ, выведенное изъ разсматриванія череповъ сѣверныхъ людей каменнаго періода, все еще имѣетъ приверженцевъ, то не излишне напомнить о тѣхъ фактахъ, которые совершенно разбиваютъ эту теорію Геологическій характеръ можетъ быть замѣченъ въ пещерѣ только при особенномъ вниманіи, и то большею частью отрывочно.

Трудно составить себѣ вѣрное понятіе о томъ, какъ пещеры наполнялись. Кремневые камни, глина и песокъ одинаково доказываютъ, что въ образованіи пещерныхъ пластовъ вода играла зна-

чительную роль. Большинство изслѣдователей слишкомъ склонно къ тому, чтобы предполагать громадные водяные потоки тамъ, гдѣ тоже дѣйствіе могло быть произведено постепеннымъ вливаніемъ воды. Наблюденія, сдѣланныя Broca и др. надъ наполненіемъ каменныхъ гробницъ, надъ выдвиженіемъ костей изъ ихъ нормальнаго положенія медленнымъ давленіемъ песку и земли, надъ тѣмъ, какъ кремень проникаетъ черезъ трещины во внутреннія полости какого нибудь тѣла, напр., черепа, могутъ быть примѣнимы и къ пещерамъ; какъ я уже доказалъ въ своихъ лекціяхъ о человѣкѣ, наполненіе пещеры медвѣдей близь Штосъ легкой землей, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не было водянаго потока, служитъ примѣромъ того, что пещеры могутъ наполняться отъ вліянія атмосферной влаги очень постепенно вслѣдствіе незамѣтнаго передвиженія землистыхъ частицъ, которыя могутъ увлекать за собою кремни и валуны. Sternstrup, руководимый своимъ остроуміемъ и воспользовавшись громаднымъ матеріаломъ, собраннымъ въ Копенгагенѣ, представилъ въ новѣйшее время очень важный фактъ для опредѣленія геологическаго характера; онъ доказалъ, что множество измѣненій въ костяхъ, находящихся въ пещерахъ и наносныхъ пластахъ, не зависятъ отъ обработки человѣкомъ, а просто изгрызаны хищными звѣрями. Сравнивъ тысячи костей изъ пещерныхъ остатковъ Штернштрупъ былъ пораженъ тѣмъ фактомъ, что извѣстныхъ костей, какъ напримѣръ, позвоночныхъ почти постоянно недостаетъ, такъ что, напр., на нѣсколько тысячъ бедеръ не придется почти ни одного позвонка; другія же кости повреждены постоянно на однѣхъ и тѣхъ же мѣстахъ; такъ напр., длинныя кости повреждены всегда въ сочлененіяхъ, а нѣкоторыя, напримѣръ горизонтальная вѣтвь нижней челюсти, постоянно цѣла. То, что онъ видѣлъ на сѣверѣ, подтвердилось и на югѣ, на костяхъ, которыя Marcel de Serres и его послѣдователь открыли въ окрестностяхъ Монпелье. Слѣдовательно здѣсь былъ общій законъ, въ поврежденіяхъ была замѣтна система, причина которой легко могла быть найдена изъ опыта. Всѣ хищные звѣри огладываютъ кости млекопитающихъ и птицъ, достигшихъ извѣстнаго возраста, при этомъ они оставляютъ болѣе твердые куски и напротивъ того совершенно

перетираютъ и пожираютъ кости губчатаго строенія, содержащія жиръ и такія мѣста, къ которымъ прикрѣплялись мускулы. Конечно, кости молодыхъ животныхъ составляютъ исключеніе, потому что они еще не на столько отвердѣли, чтобы зубы хищныхъ звѣрей не могли совладать съ ними. Напротивъ того человѣкъ обращается съ костями совершенно иначе. Онъ разбиваетъ самыя крѣпкія и длинныя кости, которыми пренебрегли хищные звѣри, для того, чтобы вынуть изъ нихъ жиръ или изъ другихъ длинныхъ, крѣпкихъ костей выдѣлываетъ орудія. Наконецъ, перемѣна сырого и сухого воздуха производятъ и другія поврежденія, какъ-то, щели и трещины, которыя довольно часто представляютъ видъ совершенныхъ расщепленій костей. Слѣдовательно Штернштрупъ могъ безошибочно полагать, что тѣ кости, которыя были найдены въ пещерахъ близь Монпелье и въ которыхъ Марсель-де-Серръ (Marcel de Serres) видитъ доказательство дѣйствія воды, были повреждены зубами хищныхъ животныхъ, что поэтому и самыя пещеры были наполнены жертвами звѣриной ярости, что открытые концы костей, принимаемые Буше-де-Пертесомъ за топорища, въ которыхъ съ каждой стороны былъ утвержденъ топоръ, на самомъ дѣлѣ были обглоданы хищными животными, а не приналовлены къ употребленію человѣка; наконецъ, что расщепленіе костей, найденныхъ въ Антибесѣ близь Ниццы, всего легче объяснить продолжительнымъ ихъ лежаніемъ на открытомъ воздухѣ. Приглядываясь внимательно къ фигурѣ бычачьяго скелета, на которой Штернштрупъ означилъ штрихами дѣйствія человѣка и звѣрей на отдѣльныя кости,—я не прочь придти къ тому мнѣнію, что поврежденія нижнихъ челюстей въ остовахъ медвѣдей, выкопанныхъ изъ пещеры близь Шерма, произведены также зубами животныхъ, быть можетъ, той же медвѣжьей породы, хотя Гарригонъ, за неимѣніемъ лучшаго объясненія, и называлъ эти поврежденія первобытными орудіями человѣка.

Особенную важность представляютъ тѣ пещеры, въ составѣ которыхъ замѣчается отчетливая формація пластовъ и рѣзкое разграниченіе костей по различнымъ отдѣламъ млекопитающихъ. Повторяю сказанное уже прежде, что намъ необходимо знать не только *что* было найдено въ той или другой пещерѣ, но и

какъ оно было найдено, въ какомъ положеніи. Ранѣе или позже пещеры могли быть отчасти или совершенно занесены спокойными обвалами (absatze), причемъ обвалы древнихъ эпохъ могли быть вновь разрыты и перемѣшаны съ новѣйшими земляными наносами, наконецъ самъ человѣкъ, хороня свои пожитки или своихъ мертвецовъ, могъ произвести значительныя помѣси въ пещерахъ, прежде обитаемыхъ хищными звѣрями или наполненныхъ отчасти какими нибудь иными остатками. Поэтому необходимо слѣдить со всевозможной зоркостью и критикой, въ какомъ положеніи была найдена каждая косточка, какими явленіями сопровождалась эта находка и въ какой именно пещерѣ была она откопана. Если всѣ эти обстоятельства выпускаются изъ виду, то въ большинствѣ случаевъ трудъ и время оказываются напрасно потраченными.

Таковы результаты раскопокъ Буржуа, которыя онъ предпринялъ въ горной разсѣлинѣ близь Каоэса (Caoes), неподалеку отъ Амбуаза; здѣсь геологъ встрѣтилъ три различные пласта и именно внизу былъ слой глинистаго мергеля со многими крупными костями, сверху слои песку и крупныхъ камней (Rollsteine) съ безчисленными мелкими косточками. Добыча ученаго состояла изъ костей пещерной гіены, пещернаго тигра, пещернаго волка, лисицы, барсука, ласки, особой породы мыши (Scheermaus), лошади—вѣроятно сюда упавшей—далѣе изъ кости насорога, дикаго кабана, зубра, торфянаго оленя и еще другого оленя, изъ костей лягушекъ и рыбъ, наконецъ изъ нѣсколькихъ прѣсноводныхъ раковинъ. Но, собравши всѣ эти раскопанные остатки, бѣдный изслѣдователь не зналъ, въ какомъ слоѣ были имъ найдены кости той или другой породы, — вмѣстѣ или отдѣльно другъ отъ друга лежали кости лошади и пещернаго тигра. При этомъ недостаткѣ наблюдательности, вся его находка лишилась почти всей своей цѣны для науки.

Но этой научной торопливости и невниманію мы можемъ противопоставить добросовѣстныя изслѣдованія маркиза Oibragi въ такъ называемой *пещерѣ волшебницъ* близь Аре (Arey), а также господъ Фильоля (Filhol) и Гарригона въ пещерѣ близь Масъ-д'Азиля (Maz-d'Azil) въ Аріежѣ. Первый изъ нихъ указываетъ на три различные слоя, изъ которыхъ нижній, достигая въ пѣ-

сколькихъ мѣстахъ толщины въ полтора метра, застилаетъ неровности дна въ известковыхъ, очень длинныхъ и извилистыхъ пещерахъ. Слой этотъ содержитъ въ себѣ отчетливо расположенныя кости пещернаго медвѣдя, пещерной гіены и носорога или, быть можетъ, бизона (bos priscus) и адамсовой лошади (equus adamiticus). Здѣсь же была найдена и человѣческая челюсть, имѣвшая совершенно одинаковый внѣшній видъ съ костями медвѣдя. Средній пластъ состоитъ изъ обломковъ извести, которые представляютъ одинаковое строеніе съ потолкомъ и стѣнами пещеры и покрыты краснымъ, песчано-глинистымъ цементомъ, какъ это обыкновенно попадается при всѣхъ раскопкахъ костей въ южной Франціи. Въ этомъ пластѣ находится въ особенности множество костей жвачныхъ животныхъ, именно сѣверныхъ оленей вмѣстѣ съ лошадиными, бычачьми костьми и грубыми кремневыми ножами, принявшими красный оттѣнокъ подъ давкою огромной массы желѣзистыхъ наносовъ. Наконецъ верхній слой, состоящій изъ песчанаго мергеля заключаетъ въ себѣ только остатки животныхъ, еще сохранившихся въ той мѣстности,—лисицы, барсука, мыши и другихъ. Кромѣ этихъ правильныхъ слоевъ были найдены здѣсь и другія воронкообразныя углубленія, очевидно служившія прежде очагами; въ нихъ попадаются куски угля, острія для копій и стрѣлъ, выдѣланныя изъ оленьихъ костей и роговъ, которыя очень хорошо различаются отъ нетронутыхъ наносовъ. Въ пещерѣ Масъ-д'Азиля также были открыты Фильолемъ и Гарригономъ три послѣдовательныхъ пласта, изъ которыхъ нижній содержитъ кости пещернаго медвѣдя и пещернаго тигра, но никакого намека о человѣкѣ, за исключеніемъ просверленнаго медвѣжьяго пальца, въ которомъ можно видѣть искусственную работу человѣка. Средній пластъ употреблялся, быть можетъ, для насыпей улицъ, такъ какъ естествоиспытатели нашли, что кости слона и единорога были измельчены тяжелыми телѣгами. Онъ заключаетъ въ себѣ почти исключительно кости этихъ двухъ толстокожихъ животныхъ; наконецъ верхній пластъ, кромѣ множества обдѣланныхъ оленьихъ костей, содержитъ въ себѣ большое количество грубыхъ кремневыхъ орудій.

Подобныя наблюденія, разумѣется, представляются не на как-

домъ шагу, и кромѣ указанныхъ выше я не могу сослаться ни на одну, въ той же мѣрѣ успѣшную раскопку пещеры. Но уже и эти наблюденія наводятъ на довольно точныя заключенія объ относительной древности наносовъ. Въ гротѣ близь Ареи замѣчается рѣзкая грань между эпохами пещернаго медвѣдя и сѣвернаго оленя; въ пещерѣ близь Масъ-д'Азиля между этими двумя эпохами помѣщается еще пластъ слоновъ и носороговъ, которыхъ кости въ другихъ пещерахъ перемѣшаны съ остатками медвѣдя. Это послѣднее наблюденіе могло бы послужить основаніемъ для разграниченія двухъ эпохъ — пещернаго медвѣдя и мамонта, но и это наблюденіе нуждается въ силѣ дальнѣйшихъ доказательствъ, безъ которыхъ оно, при своей отдѣльности, можетъ быть принято исключительной, мѣстной случайностью, результатомъ совершенно особенныхъ обстоятельствъ.

При изслѣдованіи пещеръ не надобно никогда выпускать изъ виду, что ихъ внутренній составъ вполнѣ зависитъ отъ мѣстныхъ явленій, что наполненіе ихъ одинакимъ матеріаломъ (красной или темной песчаной глиной съ кремнями или мусоромъ) могло произойти совершенно въ различныя эпохи, наконецъ, что даже сосѣднія пещеры могли быть наполнены очень разновременно.

Въ послѣднее время эти наносы подверглись вполнѣ вѣрной оцѣнкѣ, благодаря изслѣдованіямъ Касіана де-Прадо на берегу Мансанареса близъ Мадрита и невдалекѣ отъ Санъ-Исиоро. Вотъ въ какомъ видѣ представились эти наносы. Непосредственно подъ самимъ верхомъ? лежитъ безпорядочно накопленная масса песку и щебня съ немногими камнями, имѣющая въ толщину 7 метровъ и 80 сантиметровъ; подъ нею пролегаетъ слой глины съ очень немногими изгибами, представляющій по всей длинѣ одинакую толщину въ тридцать сантиметровъ; за нимъ слѣдуетъ пластъ песчаной глины въ 70 сантиметровъ толщины; въ 1850 году былъ найденъ въ этомъ пластѣ почти совершенно полный скелетъ слона, котораго кости все еще сохраняли отчасти свое правильное относительное положеніе. Четыре года или пять лѣтъ предъ тѣмъ, въ этомъ самомъ пластѣ изъ песчаной глины отыскались кости мамонта, которыя также еще не совсѣмъ утратили правильное размѣщеніе. Безъ всякаго сомнѣнія полные

трупы этихъ громадныхъ животныхъ были снесены сюда водою, и пластъ образовался, слѣдовательно, въ то время, когда мамонты еще жили въ окрестностяхъ Мадрита. Уже подъ этимъ пластомъ лежитъ масса изъ камней толщиною до трехъ метровъ; въ этихъ камняхъ, занесенныхъ сюда съ лежащаго внизу терціарнаго дна, были найдены кремневые топоры, совершенно схожіе съ отысканными въ долинѣ Сомы, неполированные и нешлифованные, а просто высѣченные изъ кремневыхъ глыбъ: *эта-то находка и порождаетъ недоумѣнія.* Судя по однимъ верхнимъ слоямъ, мы могли бы прійдти къ заключенію, что человѣкъ, сдѣлавшій эти кремневые топоры, и именно обсѣкая одинъ кремень другимъ, жилъ еще до мамонта, если бы повсюду мы не видѣли доказательствъ, что пласты, имѣющіе снизу кремнистыя породы, а сверху мягкій матеріалъ, образовались, хотя и въ различныя послѣдующія времена, но въ одну и ту же эпоху.

Палеонтологическій характеръ этой первой эпохи обозначается отчетливо наравнѣ съ геологическимъ и потому я не вижу надобности распространяться объ этомъ предметѣ болѣе. Я уже изложилъ въ моихъ лекціяхъ, что эти наносы характеризуются мамонтомъ, носорогомъ, малорослымъ гиппопотамомъ, ископаемой лошадью, большимъ бобромъ и что кромѣ нихъ въ аллювіальныхъ слояхъ нерѣдко попадаются олени разныхъ породъ, быки, козы, овцы, тогда какъ различные пещерные звѣри, напримѣръ медвѣдь, гіэна, тигръ и леопардъ—принадлежащіе всѣ къ вымершимъ породамъ—встрѣчаются въ намывныхъ пластахъ за величайшую рѣдкость и наполняютъ своими костями пещеры.

Относительно одновременности этихъ двухъ мѣстъ накопленій можно было бы конечно усумниться, если бы въ намывныхъ пластахъ съ одной стороны не попадались большія кости плотоядныхъ звѣрей, а съ другой—если бы въ пещерахъ не были находимы кости толстокожихъ и жвачныхъ животныхъ, занесенныхъ сюда хищными, которые нерѣдко оставляли слѣды своихъ страшныхъ зубовъ на останкахъ жертвъ своего хищничества.

Въ только что полученномъ мною небольшомъ сочиненіи A. Rаujou (Recherches sur l'âge de pierre quaternaire etc.) я нахожу

извѣстіе, что Ларте, дѣлитъ первый періодъ на четыре отдѣльныя эпохи—именно, на эпохи пещернаго медвѣдя, мамонта, сѣвернаго оленя и зубра.

Признаюсь, я не совсѣмъ ясно вижу основанія для такого дѣленія. Пещерный медвѣдь и мамонтъ находятся постоянно вмѣстѣ; еще Шмерлингъ между пещерными остатками въ Бельгіи упоминаетъ о костяхъ мамонта и носорога; кости эти были отысканы въ тѣхъ самыхъ пещерахъ, которыя доставили столько медвѣжьихъ череповъ. Нѣтъ ни одного факта, на который можно было бы опереться, какъ на доказательство, что одна изъ этихъ звѣриныхъ породъ вымерла ранѣе другой; даже отысканіе всѣхъ мамонтовъ и носороговъ въ наносной сибирской землѣ ничего не сказало бы въ пользу того мнѣнія, что эти животныя вымерли въ сравнительно болѣе позднее время. Быть можетъ мы находили бы въ нашихъ странахъ не только скелеты, но и самыя трупы слоновъ, если бы образованіе ледниковъ у насъ увеличилось, вмѣсто того, чтобы уменьшаться. Сказанное слѣдуетъ также примѣнить и къ разграниченію двухъ позднѣйшихъ эпохъ сѣвернаго оленя и зубра. Оба они появляются уже вмѣстѣ съ пещернымъ медвѣдемъ и мамонтомъ (еще Шмерлингъ находилъ оленьи рога въ бельгійскихъ пещерахъ); оба они удаляются на сѣверъ и, подобно человѣческимъ расамъ, переживаютъ своихъ древнѣйшихъ современниковъ. Правда, зубръ, по видимому, жилъ во Франціи ранѣе сѣвернаго оленя, — однако мы не можемъ доказать ни однимъ достаточно осязательнымъ фактомъ, чтобы по удаленіи сѣвернаго оленя, зубръ характеризовалъ собою особенную, до-историческую эпоху.

Здѣсь же я долженъ опять обратить вниманіе читателя и на то обстоятельство что многія изъ вымершихъ породъ, которыхъ кости мы находимъ въ средней Европѣ, удалясь на сѣверъ, прожили тамъ, очевидно, гораздо долѣе, чѣмъ на прежнихъ мѣстахъ жительства, тогда какъ другія породы, именно — сѣверный олень (Rennthier), лось, зубръ, бизонъ, росомаха, сонливая бѣлка (сонуля), хорекъ, дикая коза и серна — частію переселились на сѣверъ, частію же ушли въ горныя страны, а многія другія животныя, какъ олень (Edelhirsch) волкъ, нѣкоторыя породы быковъ и свиней остались на прежъ-

нихъ мѣстахъ въ дикомъ или ручномъ состояніи. Обращаясь къ *антропологическому* содержанію намывныхъ слоевъ, мы видимъ, что онъ ограничивается знаменитой челюстью Moulin Guignon и найденнымъ въ послѣднее время, но еще не описаннымъ, черепомъ. Прочіе же остатки костей и зубовъ, отысканные тамъ и сямъ, не болѣе челюсти важны для вопроса о расахъ.

Бельгійскія пещеры въ этомъ отношеніи представляютъ довольно замѣчательныя наведенія. Шмерлингъ, занимавшійся изслѣдованіемъ пещеръ въ провинціи Лютьень болѣе чѣмъ двадцать лѣтъ тому назадъ, повсюду находилъ пещернаго медвѣдя, притомъ, въ такомъ значительномъ количествѣ, что кости и зубы этого животнаго составляли существенную часть раскопокъ.

Въ прошедшемъ году нѣкоторые бельгійскіе ученые обратили вниманіе на пещеры въ провинціи Namna и сообщили довольно замѣчательные результаты; но всѣ до сихъ поръ раскопанные пещеры принадлежатъ къ эпохѣ сѣвернаго оленя и въ своихъ грудахъ костей обнаруживаютъ слѣды только обыкновеннаго бураго медвѣдя, а не пещернаго. Между тѣмъ пещеры эти находятся по сосѣдству съ пещерами люттихской провинціи, миляхъ въ двадцати разстоянія!

Дюпонъ, занимающійся геологическими работами въ обширномъ смыслѣ, подобно тому, какъ Бенеденъ посвятилъ себя спеціальному изученію костей,—Дюпонъ увѣрялъ меня въ частномъ разговорѣ, что онъ не можетъ объяснить себѣ этого обстоятельства и склоненъ думать, что Шмерлингъ случайно напалъ на пещеры, которыхъ внутренній составъ неоднократно подвергался подмываньямъ водою и разбрасываньямъ.

Быть можетъ это и справедливо,—но я почти готовъ обратиться ко мнѣнію, что здѣсь-то и скрывается разница, что не смотря на полнѣйшее тождество геологическаго содержанія тѣхъ и другихъ пещеръ, на одинакій внѣшній видъ костяной глины и обваловъ, на одинакое расположеніе ущелій и горъ, въ которыхъ повторяются тѣ же ингредіенты — уголь и известка, наконецъ не смотря на довольно сходное образованіе долинъ и углубленій,—пещеры эти были наполнены въ совершенно различные моменты времени.

Но если такое мнѣніе окажется основательнымъ, то изъ него можно убѣдиться, съ какою осторожностью надобно составлять общіе выводы по одному генеалогическому составу. Если въ какой нибудь пещерѣ подъ сталактитовымъ навѣсомъ открыты илъ, песчаная глина, съ каменнымъ щебнемъ, и кости; потомъ, если въ разстояніи десяти, двадцати, пятидесяти миль находятся другія пещеры съ тѣмъ же внутреннимъ составомъ, то чувствуешь непреодолимое желаніе обобщать эти явленія и предполагать необходимость потопа, который когда-то покрылъ всю землю до ста или болѣе метровъ высоты надъ нынѣшнимъ уровнемъ воды и затопилъ всѣ пещеры. Однако, при болѣе внимательномъ обсужденіи этаго вопроса, мы должны убѣдиться, что земля могла быть заливаема только мѣстными проливными дождями, ограничивавшими свое дѣйствіе то въ той, то въ другой долинѣ, подобно тому, какъ это случается и въ наше время. Историкъ, которому пришло бы въ голову приписывать и германцамъ, и гуннамъ, и монголамъ, и туркамъ одновременное вторженіе въ Европу, былъ бы также страненъ, какъ и геологъ, думающій, что наполненія пещеръ отъ терціарной эпохи и до нашей, или даже, что различные наносы аллювіальнаго времени образовались благодаря какому нибудь единичному феномену. Чѣмъ далѣе простираются наши наблюденія, тѣмъ серьознѣе должно становиться наше вниманіе къ частностямъ, которыя мы должны изучить основательно, прежде чѣмъ приступимъ къ составленію общихъ выводовъ. Никогда не надобно забывать, что совершенно различныя причины могутъ породить совершенно одинакія послѣдствія, что киноварь можно добыть и сухимъ и мокрымъ путемъ, что полевой шпатъ можно отдѣлить посредствомъ кристаллизаціи и изъ воды, и изъ огненной струи, что какъ полевыя, такъ и морскія растенія одинаково могутъ послужить поводомъ къ образованію каменнаго угля, наконецъ, что пещеры могли быть наполнены и путемъ медленнаго просачиванья, и вторженіемъ хищныхъ звѣрей, и руками человѣка, при томъ, въ совершенно различныя времена, въ теченіе разныхъ, продожительныхъ періодовъ.

Но бѣда-то именно въ томъ, что люди, подмѣтивъ какое-ни-

будь отдѣльное явленіе, уже воображаютъ себѣ, будто ими найденъ волшебный ключъ ко всѣмъ завѣтнымъ тайнамъ.

Палеонтологическій характеръ тѣхъ пещеръ, которыя обнаруживаютъ пласты только одной эпохи, раздѣляетъ эти пещеры, смотря по нахожденію или ненахожденію остатковъ пещернаго медвѣдя, на двѣ опредѣленныя группы, и потому можетъ быть принятъ мѣриломъ при геологической оцѣнкѣ. Не разъ было замѣчено, что первая фауна аллювіальныхъ пластовъ не только заключаетъ въ себѣ всѣ породы дикихъ млекопитающихъ, водящихся въ Европѣ, но даже богаче современнаго царства звѣрей, такъ какъ въ эту фауну вошли вымершія и переселившіяся породы. Поэтому, здѣсь эпохи различаются не появленіемъ той или другой породы, какъ это нерѣдко имѣетъ мѣсто въ области палеонтологіи, а наоборотъ исчезновеніемъ извѣстнаго животнаго, что, разумѣется, самому характеру придаетъ отрицательное значеніе, которое никогда не можетъ имѣть силы положительнаго.

Такимъ образомъ, кости пещернаго медвѣдя будутъ постоянно означать время древнѣйшаго образованія пещеры, тогда какъ отсутствіе этихъ костей послужитъ доказательствомъ,—разумѣется не безусловнымъ, а только относительнымъ, что пещера наполнилась въ сравнительно позднее время. Впрочемъ и другія породы должны приниматься въ соображеніе для подкрѣпленія извѣстнаго доказательства.

Современники пещернаго медвѣдя—гіэна, тигръ, мамонтъ и носорогъ играютъ довольно важную роль въ наносахъ того времени, тогда какъ волкъ, барсукъ, рысь, особенно овцы, козы и быки появляются въ значительномъ количествѣ только съ сѣвернымъ оленемъ, и въ медвѣжьихъ пещерахъ попадаются довольно рѣдко и разрозненно.

До сихъ поръ въ Германіи извѣстны одни медвѣжьи пещеры, которые почти исключительно встрѣчаются также на западѣ и въ центрѣ Франціи, хотя ихъ можно видѣть въ Лангедокѣ и Пиринеяхъ. Точно также въ Англіи и западной Бельгіи находятся однѣ медвѣжьи пещеры или имъ соотвѣтствующіе наносы, какова знаменитая пещера гіэны близь Киркдэля. (Kirkdale). На югѣ альпійскихъ и пиринейскихъ горъ, чрезъ которыя

пещерный медвѣдь не переходилъ, пещеры и разсѣлины, наполненныя преимущественно костями бегемота и другихъ слоновыхъ породъ (Elephas meridionalis et E. antiquus), быть можетъ, соотвѣтствуютъ сѣвернымъ медвѣжьимъ пещерамъ.

Какъ уже справедливо замѣтилъ д'Аршіакъ (d'Archiac), фауна прибрежья Средиземнаго моря въ аллювіальное время отличалась отъ сѣверной гораздо рѣзче, чѣмъ теперь, и можно указать только на немногія породы млекопитающихъ, да и то на мелкія, а не на большія и важныя, которыя принадлежали одинаково обѣимъ фаунамъ. Кромѣ пещеры близь Масъ-д'Азиля, о которой уже была рѣчь, я не могу указать ни на одинъ фактъ, который бы ясно убѣждалъ, что мамонтъ и носорогъ появились въ средней Европѣ позже пещернаго медвѣдя. Такъ какъ и другія стороны изслѣдованія не даютъ никакого повода къ разграниченью эпохъ, то по моему мнѣнію два періода Ларте, отведенные имъ для пещернаго медвѣдя и мамонта, могутъ слиться въ одинъ безъ нарушенія истины.

Намъ извѣстны только два черепа изъ Энгиса (Engis) и неандерской долины сохранившіеся отъ этого періода. Ориньярское кладбище, обѣщавшее разрѣшеніе столькихъ загадокъ, ускользнуло отъ антрпологическихъ изслѣдованій, благодаря невѣжеству провинціальнаго лекаря. Черепъ, находящійся въ Мюнхенѣ и добытый въ одной изъ французскихъ пещеръ, представляетъ довольно сомнительныя данныя относительно своей древности, такъ какъ онъ былъ найденъ не въ самомъ слоѣ костей, а въ сталактитовой массѣ; притомъ же онъ рѣшительно не годится для антропологическихъ наблюденій, потому что его никакъ нельзя освободить отъ приставшей къ нему сталактитовой массы, о чемъ профессоръ Оппель говорилъ мнѣ лично.

Если бы, по имѣющимся уже раскопкамъ, мы вздумали заключить о степени цивилизаціи этого современника пещернаго медвѣдя и мамонта—длинноголоваго и, судя по черепу изъ Неандерталя, великорослаго и сильнаго первобытнаго человѣка,—то увидѣли бы, что онъ почиталъ своихъ мертвецовъ и хоронилъ ихъ повидимому въ сидячемъ положеніи въ пещерахъ, заложенныхъ простыми каменными плитами; быть можетъ также, онъ снабжалъ ихъ кусками мяса для предстоящаго путешествія

въ царство тѣней и даже надѣлялъ оружіемъ и украшеніями. Онъ зналъ, кажется, употребленіе огня и устроивалъ очаги, на которыхъ, вѣроятно, жарилъ мясо, но это только предположенія, такъ какъ до сихъ поръ мнѣ удалось напасть на очень немногіе слѣды горшковъ и глиняныхъ кувшиновъ. Онъ разбивалъ кости большихъ млекопитающихъ по особой, опредѣленной системѣ, чтобы полакомиться мозгомъ изъ костей и черепа. Его инструменты и оружіе состоятъ изъ грубыхъ каменныхъ топоровъ и ножей, высѣченныхъ изъ кремня посредствомъ другого камня и приставляющихъ лезвее, которое разбиваетъ крупные камни одною силою тяжелыхъ ударовъ,—далѣе изъ обдѣланныхъ костей, приноровленныхъ къ ручному употребленію, къ царапанью, клинообразному вколачиванью и прокалыванью. Тѣ кусочки, которыя можно принять за острія копій и стрѣлъ, никогда не представляютъ зубчатой формы и выровнены съ боковъ гладко. Этотъ дикій первобытный человѣкъ, на дикость котораго достаточно намекаютъ рѣзкіе бровяные изгибы, тѣмъ не менѣе старался украшать свою особу маленькими просверленными кораллами и зубами дикихъ животныхъ. Онъ одѣвался въ звѣриныя шкуры и облупленную древесную кору, такъ какъ найденныя шила и иглы могли быть употреблены при изготовленіи одежды только изъ такихъ матеріаловъ и рѣшительно не годились бы для сшиванья тканей. До сихъ поръ объ этомъ предметѣ, также какъ и о различной пищѣ изъ мяса дикихъ животныхъ, мы не имѣли никакихъ опредѣленныхъ намековъ. Найденные до настоящаго времени во всѣхъ пещерахъ кремневыя орудія, съ тѣхъ поръ, какъ на нихъ было обращено вниманіе, приводятъ къ тому заключенію, что этотъ человѣкъ былъ распространенъ во всей центральной Европѣ по сю сторону Альпъ, но въ одной ли племенной формѣ или въ нѣсколькихъ различныхъ типахъ—рѣшить нельзя, пока въ нашихъ рукахъ не соберется болѣе обширная коллекція череповъ.

Переходя къ *эпохѣ сѣвернаго оленя*, мы должны сказать, что ближайшимъ и болѣе точнымъ съ ней знакомствомъ мы обязаны научному духу послѣдняго времени, особенно неусыпнымъ изслѣдованіямъ Ларте въ Парижѣ. До сихъ поръ она извѣстна

намъ только по гротамъ и пещерамъ, а также и изъ особаго костянаго обвала близь Madeline въ департаментѣ Дордоны. Самый западный, извѣстный мнѣ складъ оленьихъ костей находится близь Salève неподалеку отъ Женевы, самый сѣверный въ пещерѣ графства намюрскаго въ Бельгіи, именно возлѣ Фурфооза (Furfooz) вблизи Динана (Dinant). Изъ другихъ мѣстъ на оленьи кости указываютъ до сихъ поръ въ центрѣ Франціи и въ Лангедокѣ.

Палеонтологическій характеръ этой эпохи опредѣляется довольно отчетливо. Быть можетъ, мамонтъ и носорогъ появляются еще чрезвычайно рѣдко, но рослые сѣверные олени уже окончательно исчезли и замѣнились только бурыми медвѣдями съ ихъ спутниками—*сервалемъ* (животное кошачьей породы), волкомъ, рысью и хорькомъ. Бизонъ и туръ (bison europaeus и bos primigenius), козуля и другихъ породъ олени водятся тамъ же, гдѣ серны и дикія козы. Двѣ послѣднія породы, повидимому, указываютъ на холодную температуру долинъ, заслоненныхъ горными ледниками. Въ эту же эпоху водятся лошадь и оселъ, дикая свинья и заяцъ, кротъ и полевая мышь, однако ни между хищными, ни между травоядными животными еще не замѣчается никакихъ слѣдовъ ручныхъ, и кости всѣхъ этихъ звѣрей, очевидно служившихъ пищею человѣку, представляются разбитыми и расколотыми, а черепа рогатыхъ животныхъ по прежнему продолблены на мѣстахъ лобовыхъ вертлюговъ, какъ это было въ предшествовавшій періодъ.

Пещеры близь Eyzier, Langeries—basses, Bruniquet, Lombrioc, Massat, Lourdes, Figeac, Bize и Brengues, почти всѣ лежащія въ южной Франціи, вмѣстѣ съ фурфоозской пещерой въ Бельгіи, образуютъ до сихъ поръ типъ пещеръ оленьей эпохи, представляющихъ обыкновенно только одинъ пластъ, покоящійся на кремневой или грубой песчаной подстилкѣ, которой образованіе, безъ достаточныхъ доказательствъ, относятъ къ времени пещернаго медвѣдя. Только въ одной изъ этихъ пещеръ, близь Lorades въ пиринейскихъ горахъ, были открыты, по увѣреніямъ Гарригона и Мартена, два слоя. Верхній изъ нихъ, еще до изслѣдованій этихъ ученыхъ перерытый Ларте и Альфонсомъ Мильнъ-Эдвардсомъ, содержитъ въ себѣ очень много костей би-

зона и зубра, нѣсколько менѣе, но все еще достаточно, остатковъ сѣвернаго оленя и лошади, но очень мало костей лисицы дикой свиньи, обыкновеннаго оленя (Hirsch), серны, дикой козы и мелкой бычачьей породы.

При этомъ нашлось много обдѣланныхъ и даже украшенныхъ рѣзьбою костей, о которыхъ мы будемъ говорить послѣ. Въ нижнемъ пластѣ, кости котораго, казалось, были древнѣе и разложились болѣе, нашлись преимущественно кости сѣвернаго оленя, но вмѣстѣ съ ними и кости бизона, лошади, оленя болѣе мелкой породы, быковъ, каменнаго барана, овцы и двухъ грызуновъ, кремневыя орудія всѣхъ родовъ, но всѣ нешлифованныя, каменные инструменты, на одномъ изъ которыхъ была вырѣзана рыба. Изслѣдователи заключаютъ изъ этого, что оба пласта принадлежатъ двумъ различнымъ эпохамъ, верхній принятой Ларте эпохѣ зубра, или бизона, нижній—эпохѣ сѣвернаго оленя. Я же, при всемъ желаніи, не вижу тутъ никакой разницы. Породы животныхъ въ обоихъ пластахъ однѣ и тѣ же; вещи, найденныя тамъ, не разнятся другъ отъ друга; а то, что кости внизу разложились болѣе, чѣмъ вверху, могло легко зависѣть отъ мѣстныхъ вліяній.

Мы имѣемъ человѣческія останки въ довольно значительномъ количествѣ изъ всѣхъ пещеръ эпохи сѣвернаго оленя; но это большею частію только отдѣльные куски, суставы пальцевъ, ребра, трубчатыя кости, зубы, куски черепа, изъ которыхъ одинъ, изъ грота Брюнике, настолько великъ, что видно, что онъ принадлежалъ короткоголовому; но череповъ, годныхъ для измѣреній, мы имѣемъ только четыре, два изъ Ломбріокской пещеры, о которыхъ я не стану говорить подробно, такъ какъ уже описывалъ ихъ въ моихъ лекціяхъ, и два изъ пещеры Фюрфозъ (Furfooz); я не имѣю еще точнаго измѣренія послѣднихъ, но хорошими фотографическими снимками съ нихъ обязанъ г. Дюпону. Углубленіе, гдѣ лежали эти черепа, находится метрахъ въ сорока выше русла Лессы (Lesse), и содержитъ, кромѣ человѣческихъ, кости бураго медвѣдя, быка, лошади, бобра, россомахи, козы, много птичьихъ и рыбьихъ костей, много улитокъ и перловицъ, водящихся еще и теперь въ окрестностяхъ, но въ особенности кости сѣвернаго оленя, изъ которыхъ нѣ-

которыя обдѣланы, но безъ изображеній, другія обуглены и перемѣшаны съ углемъ и грубыми горшечными обломками. Человѣческія кости разбросаны въ безпорядкѣ, длинныя кости лежатъ горизонтально, нѣкоторыя изъ нихъ защищены камнями, внутренняя полость одного изъ череповъ наполнена до половины камнями, едва проходящими сквозь затылочную дыру. Тамъ гдѣ просачивалась вода, кости разложились до извѣстной степени, тамъ, гдѣ этого не было, сохранились хорошо, — нашлось болѣе полудюжины нижнихъ челюстей, но только два цѣльныхъ черепа. Шейный позвонокъ сильно былъ придавленъ къ лопаткѣ, отъ этого сломался одинъ изъ его боковыхъ отростковъ.

Авторы заключаютъ по всѣмъ этимъ даннымъ, что пещера была наполнена водою,—мнѣ же кажется, хотя я вовсе не желаю дѣлать своего предположенія авторитетомъ, что обитатели пещеры и медленное ея засыпаніе землею могли оказать то же дѣйствіе.

Передо мною фотографіи обоихъ череповъ; они во многомъ отличаются другъ отъ друга, но схожи плоскостью области лба и значительнымъ развитіемъ задней части головы. Первый очень хорошо сохранился, кости блестящи и крѣпки, по фотографіи онъ похожъ на совершенно свѣжій черепъ. Это настоящій брахикефалъ съ чрезвычайно широкимъ основаніемъ и правильно закругленною съ боковъ верхушкою, линія лба которой, если смотрѣть на нее сверху, слабо округляется впереди. Рѣзцы вертикальны. Если бы этотъ черепъ былъ найденъ въ какой нибудь южно-нѣмецкой могилѣ, то его не задумываясь причислили бы къ аллеманскому племени, хотя бы такая высота лба и плоскость его по направленію кзади и сдѣлали бы изъ него «глупаго шваба». Съ другимъ черепомъ не то. Поверхность кажется испорченною; на задней части головы не достаетъ нѣсколькихъ кусковъ; у перваго изъ череповъ длина относится къ ширинѣ какъ 100: 83—у втораго какъ 100: 80. Если смотрѣть сверху, то довольно широкій лобъ представляется срѣзаннымъ косо, по направленію почти прямой линіи, концы которой совпадаютъ съ отростками скуловой части.

Но что болѣе всего поражаетъ, эта страшная косозубость, которую представляетъ верхняя челюсть, лишенная рѣзцовъ.

Линія верхней челюсти образуетъ съ линіею зубовъ уголъ только въ 60° (измѣреніе сдѣлано по фотографическому снимку) и, какъ у обезьянъ, даже нѣсколько выпукла, между тѣмъ какъ она, даже у самыхъ косозубыхъ негровъ, немного вогнута. Если смотрѣть сзади, то черепъ посрединѣ возвышается въ видѣ кровли, бока которой почти плоски, поэтому онъ выше другого и основаніе его соразмѣрно съ вышиною довольно узко.

Достаточно ли этихъ различій, чтобы принять различіе породъ и смѣшеніе двухъ племенъ? Я думаю, что едва ли. Косозубость рѣзко выказывается и болѣе обезьяно-подобно, чѣмъ я когда либо видѣлъ на какомъ нибудь черепѣ, но мы знаемъ, что даже у народовъ, въ высшей степени прямозубыхъ, появляются отдѣльные примѣры ненормальнаго для нихъ положенія, что можно было бы считать доказательствомъ Дарвинова atavism'a. Различія въ направленіи подобной линіи и въ отношеніи вышины къ ширинѣ также не представляютъ ничего необыкновеннаго. Напротивъ, если не обращать на это вниманіе, то видъ сверху, съ необыкновенно-далеко отодвинутымъ назадъ большимъ діаметромъ, у обоихъ череповъ такъ сходенъ, что я склоняюсь къ тому, чтобы, не смотря на различія, причислить оба черепа къ одной и той же расѣ, пока новыя открытія не покажутъ моей ошибки и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшенія двухъ типовъ.

Я описалъ Ломбріокскіе черепа подробнѣе въ моихъ «Лекціяхъ», такъ что могу теперь ссылаться на нихъ. Ихъ діаметръ (100:82 для ребенка, 100:75 для женщины) сходенъ съ діаметромъ черепа изъ Фурфозъ (Furfooz)—точно такая же почти прямая линія лба, при разсматриваніи сверху, и далеко сзади отодвинутое положеніе большого діаметра. Но если это сходство и указываетъ на тождество породъ, то съ другой стороны не слѣдуетъ забывать, что Ломбріокскіе черепа, по образованію области лба, по правильной округлости и выпуклости всего черепа, представляютъ облагороженную форму, высшую степень развитія ума и вслѣдствіе почти совершенно слившихся бровныхъ дугъ большій шагъ къ цивилизаціи, чѣмъ черепа изъ Фурфозъ. Это кажется еще тѣмъ замѣчательнѣе, что промышленный характеръ періода сѣвернаго оленя во Франціи и Бельгіи съ этимъ совпадаетъ.

Г-нъ Турнамъ (Thurnam) замѣчаетъ въ своемъ необыкновенно богатомъ содержаніемъ и замѣчательномъ сочиненіи о старыхъ британскихъ и галльскихъ черепахъ, которое появилось въ первой части бесѣдъ антропологическаго общества въ Лондонѣ (Abhandlungen der anthropologischen Geselschaft), что «ничего нѣтъ въ строеніи этихъ череповъ такого, что могло бы заставить насъ отличать ихъ отъ короткоголовыхъ череповъ или суббрахикефаловъ, которые находятъ въ старинныхъ галльскихъ гробницахъ или въ круглыхъ гробницахъ старыхъ бриттовъ». Это сравненіе тѣмъ вѣрнѣе, что оно противорѣчитъ именно взгляду самого Турнама, по которому въ Англіи длинноголовые предшествовали короткоголовымъ, а Ломбріокскіе черепа во всякомъ случаѣ старѣе всѣхъ найденныхъ до сихъ поръ въ Англіи череповъ, происходящихъ какъ изъ длинныхъ, такъ и изъ круглыхъ могилъ. При этомъ я желалъ бы еще, чтобы вниманіе было обращено на то, что я въ моихъ лекціяхъ, основываясь на недостаточныхъ данныхъ, вѣроятно слишкомъ поторопился провести параллель между головами Басковъ и Ломбріокскими черепами. Подробныя изслѣдованія, впослѣдствіи сдѣланныя Брока, показали, что Баски скорѣе принадлежатъ къ длинноголовымъ и значительно отдаляются отъ Ломбріокскихъ череповъ отношеніемъ лба къ затылку.

Если мы станемъ дѣлать окончательный выводъ изъ этихъ, конечно очень скудныхъ, фактовъ, то увидимъ, что въ періодъ оленя средняя и южная Франція и Бельгія были обитаемы не очень многочисленнымъ, короткоголовымъ народомъ съ слабымъ развитіемъ скелета, и что характеръ череповъ указываетъ на высшую степень цивилизаціи на югѣ.

Этотъ народъ былъ окруженъ только дикими звѣрями, за которыми охотился и остатки которыхъ складывалъ внутри и вокругъ своихъ пещеръ, подобно тому какъ гренландцы, еще во времена Ганса Эгедеса (Gans Egedes) складывали остатки употребленныхъ въ пищу животныхъ внутри и вокругъ своихъ хижинъ, такъ что, какъ выражается епископъ: «каждый гренландецъ жилъ на собственной живодернѣ». До сихъ поръ еще не найдено никакого слѣда домашнихъ животныхъ; сѣверный олень, бизонъ, лошадь доставляли главную и существенную пищу, но

люди этого періода ѣли и плотоядныхъ, трубчатыя кости которыхъ расколоты для того, чтобы достать изъ нихъ мозгъ. До сихъ поръ существуетъ полнѣйшее сходство съ временемъ пещернаго медвѣдя. Но тѣмъ не менѣе обработка оружія и инструментовъ свидѣтельствуютъ о значительномъ шагѣ впередъ въ цивилизаціи. Гончарное ремесло распространено гораздо болѣе. Находятъ сосуды различныхъ родовъ, слѣпленные чрезвычайно грубо изъ глины, перемѣшанной съ голышами и пескомъ, и высушенные на солнцѣ или въ крайнемъ случаѣ на огнѣ очага, и негодные для того, чтобы варить въ нихъ что нибудь или долго сохранять жидкости, но красивой формы, часто украшенные различными чертами и изображеніями и снабженные ручками. Также нельзя не замѣтить значительнаго успѣха въ изготовленіи каменныхъ инструментовъ. Человѣкъ періода сѣвернаго оленя не довольствовался грубою формою обломка, отколотаго нѣсколькими ударами отъ каменной глыбы; онъ старается, обтесывая его до извѣстной степени, дать ему болѣе красивую форму. Особенно замѣчательны въ этомъ случаѣ небольшіе, узкіе обломки, такъ называемые ножи, острія которыхъ отбивались также, какъ теперь отбиваютъ косы.

Но люди періода сѣвернаго оленя были особенно искусны въ обработкѣ костей и преимущественно роговъ сѣвернаго оленя. Въ большомъ количествѣ находятъ наконечники для копій и стрѣлъ, снабженные крючьями; ножи и кинжалы различныхъ формъ, употреблявшіеся, кажется, для скобленія кожъ и т. д.; шила и иглы чрезвычайно тонкія, съ ушками для продѣванья нитокъ, рукоятки, чисто выдѣланныя, и также полуобработанные куски камня, по которымъ можно судить о трудности, съ которою выдѣлывались эти инструменты.

Особеннаго интереса заслуживаютъ художественныя наклонности жившаго во Франціи племени въ періодъ сѣвернаго оленя. Украшенія многихъ горшковъ и инструментовъ прямыми, угловатыми и перекрещенными линіями указываетъ на извѣстное развитіе чувства изящнаго, но еще болѣе удивленія возбуждаютъ найденныя господами Ларте и Гарригономъ изображенія животныхъ, выдолбленныя большею частью на костяхъ и на сланцовыхъ плитахъ. Найденные г. Гарригономъ

куски представляютъ рыбьи головы и хвосты, находящіеся же у г. Ларте — большихъ млекопитающихъ, между которыми по рогамъ можно узнать сѣвернаго оленя. Большая часть этихъ изображеній едва стоитъ на ряду съ тѣми, которыя школьникъ мажетъ на стѣнахъ, чтобы, какъ выражается одинъ изъ моихъ маленькихъ племянниковъ, доставить людямъ удовольствіе; во многихъ можно вообще только узнать рогатое жвачное животное, при взглядѣ на которое вамъ представляется выборъ между быкомъ, овцою и козою; у другихъ же отдѣльныя части на столько характеристичны, что животное узнать можно, не смотря на его непропорціональность. Но лучше, что есть въ коллекціи Ларте, это рукоять, вырѣзанная изъ вѣтви рога сѣвернаго оленя, работа достойная скульптора, такъ какъ туловищу животнаго дано такое положеніе, что оно дѣйствительно образуетъ рукоять, годную впрочемъ только для дѣтской руки. Всѣ другія изображенія врѣзаны глубокими чертами въ поверхность кости и по формамъ линій видно, что художникъ при работѣ вертѣлъ кость изъ стороны въ сторону.

Со многими изъ этихъ рисунковъ, Ларте и Кристе (Christez) уже познакомили публику въ своемъ сочиненіи о Перигорскихъ пещерахъ, но я могу сказать потому, что самъ видѣлъ, что въ коллекціи существуетъ еще многіе и отчасти очень характеристичные предметы. Такъ я еще недавно видѣлъ у моего друга Дезора (Desor) два гипсовыхъ слѣпка съ вещей, найденныхъ въ кучѣ костей Мадлены при Турцѣ. Это что-то въ родѣ кухонныхъ объѣдковъ у подошвы скалы, имѣющихъ около 15 метровъ длины, 7 ширины и $2\frac{1}{2}$ вышины—въ срединѣ нашлось нѣсколько человѣческихъ останковъ Одна изъ этихъ двухъ вещей — бедро лебедя—у изображеннаго на немъ животнаго,—съ короткимъ толстымъ хвостомъ, прямою длинною спиною и туловищемъ,—не достаетъ головы и концовъ ногъ. Ломаная линія грубо представляетъ видъ, который сѣверный олень имѣетъ лѣтомъ, когда линяетъ и послѣдняя зимняя шерсть клочьями виситъ на его спинѣ, между тѣмъ какъ на брюхѣ уже видна болѣе короткая и темная лѣтняя шерсть. Нѣсколько тонкихъ чертъ изображаютъ гриву. Вторая—обломокъ бедра или голени. Она представляетъ двухъ бѣгущихъ одинъ за другимъ сѣверныхъ оленей,

изъ которыхъ перваго легко можно узнать по отросткамъ роговъ. Безъ сомнѣнія дальнѣйшія изслѣдованія этого сокровища увеличатъ число произведеній искусства періода сѣвернаго оленя.

Особенно замѣчательно въ этомъ случаѣ, если взять въ разсчетъ время и мѣсто, желаніе постоянно ограничиваться наблюденіемъ и воспроизведеніемъ природы и именно всего живаго въ природѣ. Стремленіе это не встрѣчалось ни раньше, ни позже.

Изслѣдуя самый бронзовый періодъ, мы находимъ только геометрическія фигуры, линіи, углы, трехугольники, круги и пр. какъ образцы искуственнаго украшенія. Исключая одной глиняной вещи, находящейся въ собраніи полковника Шваба въ Билѣ и представляющей изображеніе столь же похожее на птицу, какъ и на всякое другое существо,—мы не встрѣтили ни одного намека на пластическое изображеніе природы въ древнѣйшія времена и въ бронзовомъ періодѣ, включительно, покрайней мѣрѣ въ его началѣ. Искуственное подражаніе природѣ также быстро исчезаетъ, какъ и возникаетъ, и только гораздо позже оно воскресаетъ снова. Этотъ фактъ также замѣчателенъ тѣмъ, что эти подражанія ограничиваются одною мѣстностью, такъ какъ образчики эти находятся только во Франціи въ пещерахъ сѣвернаго оленя и больше нигдѣ; даже въ Бельгіи, не смотря на ревностные поиски, не нашли ничего подобнаго. Мѣсто нахожденія слѣдовательно очень ограниченно и совершенно изолировано.

Теперь мнѣ придется возвратиться къ двумъ пунктамъ, требующимъ подробныхъ объясненій. Жерве, основываясь на томъ, что сѣверные олени находятся въ южной Франціи, высказалъ гипотезу, будто сѣверные народы лапландцы и финны прошли туда съ своими оленями. Путешествіе это совершилось конечно въ глубокой древности, такъ какъ уже во времена грековъ и римлянъ не было и слѣдовъ этихъ переселеній.

Но мнѣ это предположеніе кажется неправдоподобнымъ по многимъ причинамъ. Прежде всего слѣдуетъ подумать о томъ, что олени, какъ домашнія животныя, немыслимы безъ собакъ, которыя положительно необходимы для того, чтобы пасти стада и встрѣчаются вездѣ, гдѣ есть прирученные олени. Кто видѣлъ когда либо стадо сѣверныхъ оленей, тотъ согласится со

мной, что безъ собаки человѣкъ не справился бы и съ однимъ оленемъ, а тѣмъ болѣе съ цѣлымъ стадомъ. До сихъ поръ однако между костями періода сѣверныхъ оленей не нашли и слѣдовъ прирученной собаки или другого какого нибудь домашняго животнаго, тогда какъ въ непосредственно слѣдовавшихъ за тѣмъ датскихъ кухонныхъ остаткахъ и также въ свайныхъ постройкахъ встрѣчаются другія домашнія животныя, которыя, какъ доказалъ Рютимейеръ отличаются отъ дикихъ строеніемъ костей. Если бы сѣверный человѣкъ, имѣвшій впослѣдствіи прирученныхъ собакъ, предпринялъ путешествіе съ своими стадами чрезъ весь европейскій континентъ, то собака сопровождала бы его. Далѣе, противъ этого предположенія говоритъ вся сѣверная горная фауна, которая сопровождаетъ сѣвернаго оленя. Человѣкъ, пустившійся въ странствованіе, умышленно или неумышленно ведетъ за собой нѣкоторыхъ животныхъ, и извѣстно, что такимъ образомъ распространилось на землѣ нѣсколько дикихъ породъ, особенно мелкихъ млекопитающихъ, какъ напр. грызуновъ.

Но чтобы цѣлая фауна, серна и каменный баранъ, *мускусный* быкъ и россомаха, бизонъ и лемингъ также прошли за нимъ—этого нельзя предположить. Вся эта фауна естественно существовала рядомъ съ человѣкомъ и сѣвернымъ оленемъ, и могла существовать рядомъ съ породами, которыя мы находимъ теперь только на югѣ, точно такимъ же образомъ, какъ климатъ острова Ньюфаундленда позволяетъ тропической растительности и ледникамъ уживаться вмѣстѣ. Наконецъ противъ этого говоритъ также то, что тамъ встрѣчаются найденные до сихъ поръ черепа. Они имѣютъ съ черепами каменнаго датскаго періода ту общую черту, что также брахифекалы, между тѣмъ какъ, насколько я могу судить, разнятся отъ нихъ въ самыхъ существенныхъ чертахъ. Также и разница въ жизни и привычкахъ, насколько мы можемъ прослѣдить ее, говоритъ противъ мнѣнія Жерве. Человѣкъ каменнаго періода датскихъ кухонныхъ остатковъ и свайныхъ построекъ, обитавшій впослѣдствіи и во Франціи, какъ доказалъ Гарригонъ, жилъ въ низменныхъ мѣстахъ, гдѣ строилъ себѣ подпертыя сваями хижины надъ болотами и водою; человѣкъ же періода сѣвернаго оленя

жилъ въ пещерахъ и гротахъ, встрѣчавшихся въ почти недосягаемыхъ утесахъ.

Мнѣ кажется, что въ приведенномъ изъ Турнама мѣстѣ, заключается намекъ, заслуживающій дальнѣйшаго изслѣдованія. Турнамъ, основываясь на богатомъ матеріалѣ и обширныхъ и важныхъ изслѣдованіяхъ, предположилъ, что въ продолговатыхъ гробницахъ преимущественно встрѣчаются длинноголовые, а въ круглыхъ коротко-головые, сходные съ нашими предками изъ періода сѣвернаго оленя, и что, покрайней мѣрѣ въ Англіи, первые древнѣе послѣднихъ. Я перешелъ бы за границы этой статьи, если бы вздумалъ подробнѣе заняться доказательствами, на которыхъ Турнамъ основываетъ свое мнѣніе, но я не могу не обратить общаго вниманія на то, что между длинноголовыми помѣщены имъ и настоящіе короткоголовые, которые и внесены въ его таблицу, какъ найденные въ продолговатыхъ гробницахъ, и что самъ Турнамъ принужденъ сознаться, что установленный имъ для Англіи законъ, не имѣетъ значенія для материка. Но если бы это даже и такъ такъ, то не мыслимо, чтобы такъ далеко распространенный типъ, какъ типъ человѣка періода сѣвернаго оленя, не имѣлъ бы потомковъ въ смѣси народовъ, и легко возможно, что рѣдкія короткоголовые, появляющіеся въ длинныхъ англійскихъ гробницахъ, были первыми изъ пришельцевъ, распространившихся впослѣдствіи и вытѣснившихъ мало-по-малу первобытный длинноголовый типъ прежнихъ обитателей Великобританіи, и уже господствовавшихъ тамъ въ бронзовый періодъ. Но не смотря на это вытѣсненіе, длинноголовые не совершенно исчезаютъ въ Англіи, и таблицы Турнама показываютъ, что и въ круглыхъ гробницахъ нашлось нѣсколько череповъ, которые прямо можно причислить къ длинноголовымъ.

Только за періодомъ сѣвернаго оленя слѣдуютъ: каменный періодъ, періодъ куконныхъ остатковъ, датскихъ гробницъ, древнѣйшія и новѣйшія свайныя постройки, древнѣйшіе дольмены, бронзовый періодъ съ его успѣхами въ разведеніи домашняго скота, шлифованіи каменныхъ ножей, въ воздѣлываніи почвы и знакомствѣ съ металлами. Подробнѣе говорить о нихъ я буду въ другой статьѣ, для которой теперь еще собираю матеріалы. Здѣсь будетъ достаточно того, что я показалъ, какъ всѣ характери-

стическіе признаки, значеніе и важность которыхъ для изученія и разбора древнѣйшихъ временъ центральной Европы мы хотѣли указать, соединяются въ двухъ разграниченныхъ періодахъ — въ періодѣ пещернаго медвѣдя, отличающемся, вымершимъ впослѣдствіи, громаднымъ сѣвернымъ оленемъ и толстокожими, грубо высѣченнымъ каменнымъ оружіемъ, неуклюже обработанными костями и длинною формою черепа могучаго человѣческаго племени, и въ періодѣ сѣвернаго оленя, характеризуемаго сѣверною фауною холоднаго климата, выбивнымъ каменнымъ оружіемъ, красиво вырѣзанными и украшенными костями и короткими, круглыми черепами нѣжно-сложеннаго, но вѣроятно очень способнаго племени.

Карлъ Фогтъ.

Добавленіе. Изъ числа антропологическихъ богатствъ Италіи попали мнѣ два черепа. Объ одномъ изъ нихъ въ скоромъ времени выйдетъ сочиненіе профессора Локки (S. Locchi) во Флоренціи. Черепъ этотъ найденъ въ боковой долинѣ Арно, въ пластѣ образовательной глины, заключающей въ себѣ кости слоновъ, медвѣдей и другихъ вымершихъ породъ животныхъ. Это необыкновенно большой и широкій черепъ, задней своей частью онъ совершенно сходенъ съ неандерскимъ, но отличается отъ него болѣе высокимъ лбомъ и меньшимъ развитіемъ бровныхъ дугъ. Длинникъ его равняется 197 миллиметрамъ. Отношеніе большей длины къ наибольшей ширинѣ выразится приблизительно отношеніемъ 100 : 87, но совершенно точно вымѣрить этого нельзя. Другой черепъ, который показывалъ мнѣ профессоръ Бартоломео Гастальди въ Туринѣ, былъ найденъ въ наносныхъ пластахъ рѣки По въ Mezzana Corte вблизи Турина, глубже былъ найденъ превосходный черепъ исполинскаго оленя (Megaceros). Послѣдній изъ человѣческихъ череповъ гораздо меньше (наибольшая длина равняется 176 миллиметрамъ; отношеніе длинника къ поперечнику, какъ 100 : 80 и по характеру своего строенія принадлежитъ къ такъ называемой лигурійской расѣ, которая встрѣ-

чается въ черноземѣ (Terramare) полуострова. При этомъ я не могу не упомянуть о благосклонной внимательности, съ какою названные профессора во Флоренціи и Туринѣ, также какъ господа Фіоретти въ Неаполѣ, Гоццадини въ Болоньѣ, Раффаеле Форези въ Туринѣ показывали мнѣ свои антропологическія драгоцѣнности.

К. Фогтъ.

Женева. 1-го Февраля 1866 г.

ФРАНЦУЗСКІЕ НАТУРАЛИСТЫ—ПОПУЛЯРИЗАТОРЫ.

Между астрономическими и физическими явленіями съ одной стороны, и общественными съ другой, существуетъ, какъ извѣстно, тѣсная связь, всегда замѣтная, хотя не всегда объясняемая; такимъ образомъ голодъ, вслѣдствіе размноженія саранчи и опустошенія ею полей, случается главнымъ образомъ въ іюльскіе жары, около времени лѣтняго солнцестоянія; напротивъ того размноженіе изданій и появленіе множества книжекъ всевозможныхъ размѣровъ, достоинствъ и цѣнъ, замѣчается почти исключительно въ рождественскіе морозы, около времени зимняго солнцестоянія. Въ этомъ отношеніи между литературой и саранчей замѣчается даже нѣкоторый антагонизмъ;—онѣ, какъ кажется, исключаютъ одна другую;—явленіе это, сколько мнѣ извѣстно, еще не было замѣчено, и я обращаю на него особенное вниманіе наблюдателей. Плодовитость издателей и множество изданій въ періодъ морозовъ дѣйствительно изумительны, и огромное большинство появляющихся въ это время книжекъ относится главнымъ образомъ къ двумъ отдѣламъ литературы,—къ популярной естественно-научной и къ дѣтской. Статистика появляющихся книгъ могла-бы даже на первый взглядъ ввести въ заблужденіе; можно подумать, что общество чувствуетъ главнымъ образомъ потребность въ популяризаціи естественныхъ наукъ и распространеніи знаній по этому предмету, и въ хорошемъ воспитаніи дѣтей. Но обольщаться такими сладкими мечтами не надо, потому что рядомъ съ такими книгами являются еще болѣе великолѣпныя изданія: «Contes du petit chateau», «Contes de Perault» и т. д. Здѣсь дѣло вовсе не въ содержаніи книги, а въ рисункахъ, которые можно къ ней приложить; текстъ есть только поводъ къ изданію рисунковъ. Но надо обладать значительнымъ запасомъ гражданскаго мужества и независимостью харак-

тера и ума, чтобы рѣшиться говорить безпристрастно о книгахъ, выходящихъ къ новому году. Почти всѣ эти книги, принадлежащія къ такъ называемой «Neujahrsliteratur», каково бы ни было ихъ дѣйствительное достоинство, изданы такъ изящно, съ такими красивыми рисунками, что невольно подкупаешься въ своемъ сужденіи внѣшностью книжки. Впрочемъ къ нынѣшнему новому году популярныхъ книгъ по естественнымъ наукамъ вышло сравнительно не очень много, а Германія въ этомъ отношеніи отличилась даже положителеной бѣдностью, такъ что большинство книжекъ въ изящныхъ оберткахъ и съ красивыми виньетками принадлежатъ французскому издѣлію.

Между французскими фирмами, говоря языкомъ Абу, самая видная, конечно,—фирма Фигье, ученость котораго уступаетъ развѣ только его же скромности, ярко блистающей въ предисловіи къ его новой книгѣ: «Vie et moeurs des animaux». Фигье извѣстенъ уже большимъ числомъ изданныхъ имъ популярныхъ книгъ, отличающихся красивой внѣшностью, множествомъ рисунковъ, такимъ-же множествомъ промаховъ и нестерпимой болтовней, и часто болтовней съ извѣстной тенденціей, что еще хуже. Такимъ образомъ его «La terre avant le déluge» повтореніе старой попытки связать библейское преданіе и геологію,—попытки, отъ которой, можно надѣяться, уже отказались сторонники обоихъ ученій.

Давно уже мизантропы говорятъ, что для успѣха въ жизни нужно имѣть не талантъ, а безстыдство; Фигье глубоко проникся этимъ афоризмомъ,—и, дѣйствительно, ему все сходитъ съ рукъ,—и даже удается. Гримаръ, добросовѣстный спеціалистъ-ботаникъ, написалъ свою книгу «La Plante;» Фигье, едва имѣя понятіе о ботаникѣ, пишетъ глупую и скучную «Histoire de Plantes», которую Гашетъ издаетъ съ великолѣпными рисунками, и которая расходится отлично. Академикъ Мокенъ-Тандонъ написалъ «Le monde de la mer»; Фигье пишетъ «*Vie et moeurs des animaux*», о которыхъ онъ ничего не знаетъ,—Гашетъ опять издаетъ съ рисунками, и книга опять идетъ превосходно.

Фигье называетъ себя vulgarisateur scientifique, и опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ значеніе научнаго вульгаризатора:

«Ужасный ребенокъ, прелестный ребенокъ (un enfant terrible, un enfant charmant) говорилъ мнѣ:

— Говорятъ, что ты научный вульгаризаторъ. Что это такое?

Я взялъ на руки этого ужаснаго ребенка, этого прелестнаго ребенка, принесъ его къ окну, гдѣ стоялъ кустъ розановъ, и ска-

залъ ему, чтобъ онъ нарвалъ цвѣтовъ. Ребенокъ сдѣлалъ свою благовонную жатву, больно исцарапалъ себѣ при этомъ руки о шипы растенія; затѣмъ онъ своими окровавленными рученками роздалъ розаны присутствовавшимъ.

— Ты вульгаризаторъ, сказалъ я ребенку, потому что ты берешь на свою долю шипы, а другимъ даешь цвѣты! (Vie et moeurs des animaux. Preface, XI).

Такимъ образомъ читатель уже съ первыхъ страницъ предупрежденъ, что у него въ рукахъ находятся, такъ сказать, розы зоологіи,—розы, съ которыхъ Фигье заботливо снялъ всѣ шипы, но нужно объяснить, въ чемъ состоятъ цвѣты, и въ чемъ эти шипы, которые такъ больно колятъ (épines douloureuses).

Что составляетъ занимательность, привлекательность науки? Фигье глубоко убѣжденъ, что исключительно-слогъ, которымъ написано руководство, а хорошимъ слогомъ онъ называетъ *цвѣтущій* слогъ, т. е. изысканный, аффектированный, съ множествомъ восклицательныхъ знаковъ и громкихъ словъ; шипы-же, по его мнѣнію, составляетъ всякій, хотя-бы самый умѣренный умственный трудъ, а снять шипы значитъ предложить такую книгу, при чтеніи которой у читателя ни разу не шевельнулись бы мозги. Этого онъ достигъ, вычеркнувъ изъ зоологіи все, что касается общихъ выводовъ, законовъ,—всего, что могло бы навести на пониманіе животнаго царства, жизни животныхъ, ихъ организаціи, связи отдѣльныхъ семействъ, физіологическихъ процессовъ и т. д. Прочитавъ книгу, незнающій вынесетъ, пожалуй, нѣсколько названій, нѣсколько образовъ, но положительно никакого дѣйствительнаго представленія о низшихъ животныхъ, и тѣмъ менѣе объ ихъ «жизни и нравахъ». Впрочемъ заглавіе книги не должно брать слишкомъ буквально;—оно составляетъ не больше какъ цвѣтокъ *стиля*, поставленный здѣсь, чтобы избѣгнуть слишкомъ ученаго слова «зоологія». Говоря о мягкотѣлыхъ, Фигье предупреждаетъ, что «держась той-же программы какъ и въ описаніи животно-растеній, онъ умолчитъ о всякихъ общихъ разсужденіяхъ о моллюскахъ, объ ихъ организаціи, нравахъ, географическомъ распредѣленіи, о промышленномъ примѣненіи этихъ животныхъ, и ограничится только тѣмъ, что познакомитъ читателя съ самыми любопытными видами» (стр. 247). «Pour faire un civet de lièvre, prenez un lièvre», говорится въ повареиныхъ книжкахъ, но Фигье забылъ это мудрое правило. Казалось бы, что точно также для популяризаціи зоологическихъ свѣденій нужно имѣть ихъ,—но это старый методъ, которому слѣду-

ютъ только такіе отсталые люди, какъ Мокенъ-Тандонъ и Гримаръ; рецептъ Фигье для стряпанія популярныхъ книгъ совершенно другой. «Возьми самый тупой учебникъ зоологіи, вычеркни все, что относится къ анатоміи и физіологіи, вставь нѣсколько отрывковъ изъ какого нибудь *краснорѣчиваго* писателя, напримѣръ Мишле, пересыпь все восклицательными знаками и громкими фразами, наставь какъ можно больше прилагательныхъ въ родѣ «граціозный», «прелестный», «изящный» и т. д., и издавай съ рисунками». Впрочемъ въ этомъ случаѣ Фигье можетъ служить представителемъ цѣлой школы популяризаторовъ, которые думаютъ, что съ публикой надо говорить такъ, какъ въ былыя времена говорили съ дѣтьми, забавлять ее, и главнымъ образомъ оберегать отъ труда думать. Поэтому въ книгахъ, писаныхъ подобными господами, нѣтъ ни анатоміи, ни физіологіи животныхъ, которыя, между тѣмъ, конечно любопытнѣе скучнаго перечня животныхъ,—хотя бы этотъ перечень и сопровождался множествомъ рисунковъ. Льюисъ въ своей «Физіологіи обыденной жизни» поступилъ иначе; онъ не боялся не только вдаваться въ подробности, но даже полемизировать, и, наткнувшись на спорный вопросъ, представляетъ читателю аргументы обѣихъ сторонъ, и доказываетъ собственное мнѣніе,—и это не только не мѣшаетъ успѣху его книги, но напротивъ составляетъ главное ея достоинство.

Почти всѣ учебники и руководства зоологіи отличаются сухостью, —и это понятно. Въ нихъ авторъ задаетъ себѣ обыкновенно цѣлью представить читателю, не общую картину животнаго царства, не жизнь и нравы животныхъ, а ихъ организацію и по возможности большее число видовъ, такъ чтобы руководство было помощью для учащагося, при осматриваніи зоологическаго музея. Поэтому въ учебникахъ зоологіи описывается большею частью не общій видъ животнаго, но нѣкоторыя, часто чрезвычайно мелкія подробности, служащія для опредѣленія его, т. е. для отличія отъ другого сосѣдняго и схожаго вида... Отъ популярной книги по зоологіи требуется совершенно другое, она не есть руководство, по ней никому въ голову не придетъ опредѣлять животное, но она должна дать общее и ясное понятіе о предметѣ, о состояніи нашихъ знаній относительно его, о выводахъ, къ которымъ пришла наука, и о главнѣйшихъ поднятыхъ вопросахъ. Въ низшихъ животныхъ зоологія и зоотомія не раздѣлимы, и всѣ мыслящіе естествоиспытатели стремятся къ тому, чтобы какъ можно тѣснѣе связать эти двѣ науки, или, лучше сказать, эти два воззрѣнія и относительно

высшихъ животныхъ, и потому-то такъ хлопочутъ о составленіи такъ называемой естественной системы, т. е. такой, гдѣ животные классифицировались бы не по какимъ нибудь частнымъ особенностямъ, но на основаніи всей ихъ организаціи. Между тѣмъ у Фигье едва говорится нѣсколько словъ о строеніи животныхъ, и изъ числа 385 рисунковъ нѣтъ ни одного анатомическаго,—и даже самыя анатомическія свѣдѣнія часто совершенно невѣрны; въ этомъ отношеніи книга составлена въ высшей степени безсовѣстно и небрежно.

Извѣстно, что животныя имѣютъ два главныхъ стремленія, а слѣдовательно и занятія, — поддерживаніе жизни индивидуума и существованія вида, т. е. питаніе и размноженіе. Чѣмъ животное стоитъ выше, чѣмъ организація его совершеннѣе, тѣмъ ярче выступаетъ его индивидуальность, тѣмъ забота о личности сильнѣе, и тѣмъ меньшую роль играютъ въ его жизни половыя отправленія. Напротивъ того чѣмъ ниже животное по своему строенію, тѣмъ важнѣе значеніе половыхъ отправленій въ его физіологіи, нравахъ и жизни. Притомъ у высшихъ размноженіе есть только слѣдствіе совершенно личнаго, эгоистическаго наслажденія при сближеніи половъ—и здѣсь зоологія подтверждаетъ, что это сближеніе должно быть дѣломъ личнаго стремленія, безъ всякихъ племенныхъ соображеній о поддержаніи рода, и что всякое совокупленіе, совершенное вслѣдствіе другихъ побужденій, низводитъ обоихъ на степень животныхъ; у низшихъ напротивъ,—у многихъ покрайней мѣрѣ,—этого сближенія нѣтъ, и во всякомъ случаѣ актъ размноженія не сопровождается, повидимому, никакимъ личнымъ наслажденіемъ для животнаго, и часто, вѣроятно, совершается совершенно безсознательно для животнаго, напр. при почкованіи. Размноженіе для нихъ составляетъ скорѣе неизбѣжный процессъ, какъ рожденіе, какъ смерть, чѣмъ слѣдствіе личнаго влеченія; поэтому понятно, какъ важно для пониманія животнаго царства хотя-бы имѣть ясное понятіе объ этомъ процессѣ у низшихъ животныхъ; между тѣмъ у Фигье объ этомъ нѣтъ ни одного слова, — вѣроятно изъ приличія. Каково-же общество, для котораго размноженіе инфузорій и моллюсковъ составляетъ скабрезный предметъ!

Какъ цѣломудренно воображеніе и какъ хороша нравственность людей, которыхъ зоологія наводитъ на клубничныя мысли!

Говоря о корненожкахъ, Фигье совершенно умолчалъ о поднятомъ въ послѣдніе года вопросѣ о «протоплазмѣ»,—первоначальномъ пластическомъ веществѣ; повидимому онъ и не подозрѣваетъ

что этотъ вопросъ чрезвычайно важенъ и для микроскопической анатоміи высшихъ животныхъ, и для объясненія происхожденія, жизни и индивидуализаціи низшихъ. Но Фигье самъ впрочемъ говоритъ, что онъ руководствовался Дюжарденомъ, — и вѣроятно, «имѣя много дѣлъ, въ иныя книги не глядѣлъ». Въ инфузоріяхъ онъ едва упомянулъ о половомъ ихъ размноженіи, открытомъ Бальбіани, и о произвольномъ зарожденіи, надѣлавшемъ столько шуму въ послѣднее время, онъ замѣтилъ только, что это вопросъ спорный, не приводя впрочемъ ни одного доказательства ни *за*, ни *противъ*, и даже не объяснивъ, въ чемъ состоитъ это произвольное зарожденіе по объясненію гетерогенистовъ. Въ этомъ случаѣ онъ опять руководился тою мыслью, что популярная книга должна быть сборникомъ любопытныхъ, но голыхъ фактовъ, и что въ ней должно тщательно избѣгать всего спорнаго, и вообще не заставлять читателя задумываться. Очевидно, что съ такими двумя условіями — ничего не говорить о размноженіи, и избѣгать какъ общихъ выводовъ, такъ и анатомическихъ подробностей, — можно было только составить иллюстрированный перечень животныхъ. Этотъ упрекъ былъ сдѣланъ Фигье уже по поводу его Histoire des Plantes, но для зоологіи низшихъ животныхъ, особенно озаглавивъ ее «Жизнь и нравы», такая безцеремонность еще болѣе непростительна, тѣмъ болѣе, что этотъ способъ изложенія даетъ самое ложное представленіе о животномъ царствѣ. Незнающій, прочтя подобное руководство, непремѣнно вынесетъ мнѣніе, что животныя составляютъ одну непрерывную цѣпь, гдѣ каждое звѣно стоитъ по организаціи своей выше предъидущаго, и ниже послѣдующаго. Чтобы избѣгнуть подобной ошибки, надо, говоря о животныхъ, непремѣнно объяснить его строеніе, и тогда читатель самъ увидалъ бы, что высшіе виды низшаго типа стоятъ гораздо выше низшихъ видовъ высшаго типа; такъ напр. иглокожіе (echinodermata), хотя и принадлежатъ къ низшему типу лучистыхъ, но тѣмъ не менѣе стоятъ по своей организаціи, образу жизни и психическимъ способностямъ ниже мшанокъ (bryozoa) напримѣръ и оболочниковъ (tunicata), хотя тѣ и принадлежатъ къ высшему типу мягкотѣлыхъ (mollusca).

Если бы книга Фигье была и хороша во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, то уже достаточно было-бы этихъ пропусковъ, чтобы сдѣлать ее никуда негодною. Но Фигье точно задалъ себѣ задачу по возможности опошлить свою работу,—и, пропуская всю серьезную и дѣйствительно-любопытную сторону зоологіи, подъ предлогомъ

недостатка мѣста, цитируетъ цѣлыми страницами идіотскія разсужденія Мишле, которыя, кромѣ своей возмутительной пошлости и приторности, еще положительно вредны въ томъ отношеніи, что даютъ совершенно фальшивое, ложное представленіе о животныхъ. Оригинально, что Фигье выбралъ для цитатъ своихъ именно Мишле; Фигье тщательно избѣгаетъ даже всякаго намека на половыя отправленія, такъ что, прочтя его книгу, читатель остается въ прежнемъ невѣденіи относительно полового размноженія низшихъ животныхъ, т. е. самой важной части ихъ жизни; Мишле, напротивъ, на всю природу смотритъ исключительно съ точки зрѣнія половой любви, такъ что всѣ описанія его отличаются поразительно-клубничнымъ характеромъ.

Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій въ зоологіи составляетъ, конечно, то странное размноженіе, при которомъ животное производитъ не себѣ подобное молодое, но другое, часто совершенно непохожее, какъ напримѣръ полипы и медузы, и которое, въ свою очередь, производитъ животное, похожее на его мать, т. е. на свою бабушку. Между тѣмъ объ этомъ явленіи, т. наз. Gènèration alternante у Фигье едва сказано нѣсколько словъ. Что же послѣ этого онъ называетъ жизнію и нравами животныхъ, если подобныя явленія не подходятъ подъ эту рубрику? Между тѣмъ подробное описаніе попеременнаго размноженія было бы, безъ сомнѣнія, и полезнѣе, и любопытнѣе всей поэтической клубнички Мишле и пошлыхъ избитыхъ остротъ о зоологическомъ коммунизмѣ полиповъ. Напрасно Фигье думаетъ, что цвѣтистый слогъ и отсутствіе подробностей составляютъ необходимое условіе популярной книги; Льюисъ и въ своей физіологіи, и въ зоологическихъ этюдахъ «*На берегу моря*» смѣло вдавался не только въ анатомическія подробности, но даже въ полемику, а громадный успѣхъ этихъ книгъ показалъ, что читающая публика вовсе не такъ глупа, какъ думаютъ французскіе популяризаторы.

Характеристика у Фигье отличается особенной оригинальностью; такъ напримѣръ о медузахъ онъ говоритъ, что онѣ *не совершенно лишены нервной системы;* такое замѣчаніе крайне странно. Далѣе объ иглокожихъ онъ замѣчаетъ только, что у нихъ нервная система находится въ зачаточномъ состояніи, а о системѣ водянистыхъ сосудовъ, о Полгіевыхъ пузырькахъ и о каменистомъ каналѣ морскихъ звѣздъ не говоритъ ни слова; относительно столь странныхъ метаморфозъ этого класса онъ упомпнаетъ только о метаморфозѣ Бапинкаріи въ морскую звѣзду,—но проходитъ совершенно молчаніе

емъ не менѣе замѣчательное обращеніе auriculari въ голотурію, pluteus въ морскую кубышку и т. д. Онъ даже не далъ рисунка этихъ оригинальныхъ личинокъ.

Затѣмъ говоря, что морскія звѣзды ломаются, когда ихъ схватишь рукою, а голотуріи выбрасываютъ вонъ свои внутренности, онъ объясняетъ это тѣмъ, что животное рѣшило убить себя, и удивляется, что человѣкъ и эти низшія животныя имѣютъ одни только во всемъ животномъ царствѣ способность къ самоубійству,— способность, которой нѣтъ ни у лошади, ни у собаки. Но здѣсь онъ крайне ошибается, «коробочка далеко хватила». Случаи самоубійства собакъ и лошадей слишкомъ извѣстны, чтобъ ихъ можно было отрицать, — что же касается самоубійства иглокожихъ, то это совершенно невѣрно. Если схватить грубо этихъ животныхъ, то они отъ испуга судорожко сокращаютъ мышцы, но если дѣлать это осторожно, не пугая животнаго, то можно почти всегда сохранять ихъ въ цѣлости. Это требуетъ нѣкотораго навыка съ голотуріями, но я помню, что очень скоро научился брать ихъ такъ осторожно, что съ моими голотуріями случаевъ подобнаго китайскаго *самоубійства* выбрасываніемъ кишекъ почти никогда не случалось.

Относительно присутствія глазъ у морскихъ звѣздъ Фигье напрасно сомнѣвается, и напрасно отрицаетъ, что въ этихъ пигментныхъ пятнахъ есть хрусталикъ. Haehel (Zeitschrif. Wissenschaftliche Zoologie Siebold. u. Kölliker X) еще въ 1859 году доказалъ, что глаза морскихъ звѣздъ не только имѣютъ хрусталикъ, но даже состоятъ изъ множества простыхъ глазъ, и такимъ образомъ представляютъ нѣкоторую аналогію съ глазами насѣкомыхъ. Неприлично не знать такихъ вещей, если пишешь популярную зоологію, или неприлично писать зоологію и учить другихъ, не зная предмета. Странно также, говоря о семействѣ Clypeastride, не указать, какъ въ немъ лучистый типъ приближается къ боковому симметричному; но подобныя объясненія, по мнѣнію Фигье, показались бы скучными читателю, и онъ полагаетъ, что гораздо любопытнѣе покажется очень важный вопросъ, почему онъ, Фигье, ѣлъ съ аппетитомъ морскихъ кубышекъ въ 1845 году въ Марсели, въ ресторанѣ Rèserve. «Вслѣдствіе ли хорошаго провансальскаго приготовленія скромныя кубышки показались мнѣ такими вкусными, или великолѣпный видъ, которымъ я наслаждался, былъ косвенной причиной этого? Нѣжная и прелестная задача (problème tendre et charmant) и т. д.» (стр. 228).

Но перечислять всѣ промахи, ошибки, пропуски, и пошлости г-на Фигье нѣтъ никакой надобности; изъ немногаго сказаннаго читатель можетъ уже видѣть, что это за книга; я замѣчу только еще, что своими пошлыми восклицаніями удивленія и умиленія Фигье затемняетъ дѣло. Говоря напримѣръ, что корненожка дѣлаетъ себѣ въ случаѣ надобности ногу, которая потомъ снова сливается съ тѣломъ, онъ восклицаетъ: «а человѣкъ, со всѣмъ своимъ геніемъ, не можетъ сдѣлать себѣ волоска!» Точно также удивляется онъ вездѣ, гдѣ случается, что одинъ и тотъ же органъ служитъ для двухъ физіологическихъ цѣлей,—и этимъ онъ какъ будто показываетъ, что подобныя явленія составляютъ исключеніе изъ общаго правила. Между тѣмъ въ животномъ царствѣ существуетъ законъ (законъ раздѣленія физіологической работы Мильнъ-Эдварда, законъ дифференцированія органовъ Бронна), что чѣмъ ниже стоитъ животное въ системѣ, тѣмъ перемѣнчивѣе его форма, тѣмъ непостояннѣе его органы, и тѣмъ чаще такъ называемые физіологическіе займы, такъ что подобныя явленія составляютъ никакъ не исключенія, а общее правило, о которомъ слѣдовало бы упомянуть, и человѣкъ именно потому и великъ, что не фабрикуетъ себѣ органовъ по мѣрѣ необходимости, а имѣетъ ихъ всегда готовыми.

Внѣшность книги Фигье самая заманчивая, рисунки прекрасно сдѣланы, —такъ что можно только пожалѣть, что Гашетъ не нашелъ себѣ человѣка болѣе знающаго, и менѣе заботящагося о поднесеніи читателямъ розы безъ шиповъ. Впрочемъ книга во Франціи имѣла успѣхъ, и журналы расхвалили ее, что, между прочимъ, не говоритъ въ пользу ни публики, ни журналовъ. Но нашихъ издателей надо предупредить, чтобы они не соблазнялись красивой внѣшностью и заглавьемъ, потому что книга сама по себѣ крайне плоха, и о главномъ, т. е. о жизни и нравахъ животныхъ трактуетъ менѣе всего.

Но въ одномъ отношеніи книга Фигье представляетъ дѣйствительный интересъ,—и объ этомъ-то я и хочу сказать нѣсколько словъ. Фигье довольно подробно описалъ, или лучше сказать заимствовалъ довольно подробное описаніе ловли животныхъ, имѣющихъ какое нибудь примѣненіе, такъ напримѣръ губокъ, голотурій, устрицъ и т. д., и искуственнаго разведенія нѣкоторыхъ изъ нихъ. Извѣстно, что съ размноженіемъ человѣческаго рода всѣ животныя служащія въ пищу человѣку или имѣющія техническое примѣненіе, быстро уничтожаются, а слѣдовательно уменьшается количество пищевого вещества.—Это справедливо, конечно, только

относительно дикихъ животныхъ, домашнія-же размножаются такъ, какъ никогда не размножались бы на свободѣ, потому что имъ въ домашнемъ состояніи уже не приходится бороться за существованіе.—Недостатокъ животной пищи пополняется растительною, и человѣкъ изъ охотничьяго состоянія переходитъ въ земледѣльческое. Но количество мяса, получаемаго отъ домашнихъ животныхъ, и хлѣба регулируются количествомъ луговъ, служащихъ для пастбищъ, и полей, годныхъ для хлѣбопашества. Въ этомъ отношеніи мальтузіанцы правы, что при такихъ данныхъ и при нормальномъ увеличеніи населенія и средствъ къ пропитанію непремѣнно настанетъ время, когда пищи будетъ слишкомъ мало. Мальтусу возражали, что нѣтъ причины, почему-бы число людей возрастало въ геометрической прогрессіи, а число селедокъ и рѣдисокъ въ ариѳметической,—но отвѣтъ на это возраженіе, конечно, очень простъ:—потому что люди ловятъ и ѣдятъ селедокъ всегда, тогда какъ селедки не ловятъ и не ѣдятъ людей никогда. Но Мальтусовъ законъ вѣренъ только въ томъ случаѣ, если вѣренъ законъ Рикардо о поземельной рентѣ; эти два закона тѣсно связаны между собою, и существованіе перваго обусловливаетъ существованіе второго. Почти всѣ экономисты (въ томъ числѣ и русскіе),—какъ поклонники, такъ и противники Мальтуса, принимаютъ эти законы теоретически вѣрными,—и если возражаютъ противъ нихъ, то или съ точки зрѣнія *чувства*,—или стараются доказать, что катострофа еще далека. Кэри былъ одинъ изъ очень немногихъ, которые возражали противъ самой сущности этихъ законовъ, а не противъ ихъ подробностей; онъ блистательно опровергъ Рикардо, утверждавшаго будто люди селились на самыхъ богатыхъ почвахъ и съ размноженіемъ переходили на болѣе бѣдныя,—Кэри доказалъ фактами, что земледѣліе вездѣ начиналось съ бѣднѣйшей и безплоднѣйшей земли, воздѣлываніе которой было легче, и потому болѣе по силамъ первымъ поселенцамъ, и что только съ возрастаніемъ народонаселенія и богатства люди постепенно переходили къ воздѣлыванію болѣе плодоносныхъ почвъ. Далѣе Кэри доказалъ, что съ увеличеніемъ народонаселенія и богатства механическій трудъ человѣка уменьшается, а вознагражденіе увеличивается; въ этомъ отношеніи особенно краснорѣчивы таблицы Мороде-Жонеса въ Statistique de l'agriculture de France и масса примѣровъ и доказательствъ, приведенныхъ Кэри; у Энглендера, въ его исторіи рабочихъ ассоціацій во Франціи, также приведенъ очеркъ состоянія рабочаго класса въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Но рабочій классъ хотя медленно, но вѣрно идетъ къ уничтоженію эконо-

мическаго безпорядка, и постепенно завоевываетъ себѣ *приборъ на пиръ природы*; и если современемъ приборовъ не хватитъ, то уже никакъ не ему. И такъ предсказаніе катастрофы оказывается—ошибкой, сказалъ бы я, если бы здѣсь не было другого умысла. Викторъ Менье очень справедливо замѣчаетъ, что Мальтусова теорія — старая пѣсня, переложенная только на другую музыку, такъ какъ прежняя уже потеряла всякій кредитъ.

«Счастливы тѣ, кого нужда гонитъ къ труду съ пѣньемъ пѣтуха, счастливы живущіе подъ добродѣтельнымъ соломеннымъ кровомъ или на чердакахъ, счастливы, употребляющіе свой здоровой умъ на пріобрѣтеніе насущнаго хлѣба!

«Счастливы бѣдные! Имъ не нужно отказываться отъ своего имѣнія, чтобы упрочить за собой въ раю первоклассное мѣсто; и чтобы вспомнить что они вышли нагими изъ чрева матери, имъ стоитъ только взглянуть на себя. Каждая капля ихъ пота, падающая на воздѣлываемую землю, составляетъ зерно, посѣянное въ раю, которое дастъ имъ богатую жатву.

«Счастливы тѣ, кто пользуется всѣмъ согласно естественному его назначенію, —желудкомъ, чтобы узнать рѣзь въ немъ отъ голода, мыслью, чтобы убить ее вѣрою, стадами жирныхъ, животныхъ чтобы ѣсть постное 365 дней въ году; имъ уготовано неизрѣченное блаженство. (T. Menier. Science et democratie).

Вотъ эту-то душеспасительную пѣсенку и переложилъ Мальтусъ на экономическую теорію о недостающемъ приборѣ на пиру природы для бѣдняка. Но рано или поздно бѣднякъ займетъ свое мѣсто или просто выгонитъ кого нибудь изъ праздно-пирующихъ за общимъ столомъ природы.

Помимо всего этого, каждое новое изобрѣтеніе, каждое примѣненіе науки къ практической жизни быстро увеличиваетъ количество продуктовъ, и настолько-же уменьшаетъ трудъ человѣка. Въ 1827 году всѣ имѣвшіяся паровыя машины представляли трудъ 200 милліоновъ человѣкъ; въ 1833 году они уже представляли трудъ 400 милліоновъ,—и съ того времени, какъ извѣстно, число паровыхъ машинъ возросло въ гигантскихъ размѣрахъ. Въ виду такого факта трудно утверждать, что «желудки требуютъ столькоже пищи, а руки производятъ меньше».

Въ настоящее время во Франціи дѣлаются опыты непосредственнаго увеличенія количества питательныхъ веществъ,—я говорю объ искусственномъ разведеніи устрицъ, ракушекъ (mytilus), и рыбъ. Разведеніе устрицъ конечно не новость,—еще римляне за-

нимались имъ, а во Франціи ракушки въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ разводятся еще съ XIII столѣтія,— но все это дѣлалось въ очень небольшихъ размѣрахъ и притомъ такъ грубо, что число устрицъ постоянно уменьшалось. Въ послѣдніе года, благодаря иниціативѣ Коста, или, лучше сказать, его кредиту въ высшихъ правительственныхъ мѣстахъ, правительство, а вслѣдъ за нимъ и частныя лица, принялись за систематическое разведеніе устрицъ и рыбъ, и полученные уже результаты даютъ самыя блестящія надежды.

Молодыя устрицы развиваются изъ яицъ въ раковинѣ матери, которая потомъ выкидываетъ ихъ цѣлымъ роемъ; волны, теченія, вѣтры уносятъ огромное большинство молодыхъ въ открытое море, гдѣ они и погибаютъ; другая часть умираетъ, занесенная иломъ и тиной, и только остальныя развиваются, но и то получаютъ отъ ила дурной вкусъ. Надо было помѣстить въ море какія-нибудь твердыя тѣла, на которыя молодыя устрицы могли-бы садиться и развиваться, и которыя не позволяли бы теченіямъ уносить ихъ въ открытое море. Лучше всего достигается это *подвижнымъ коломъ*, палисадами и фашинами, опущенными въ воду на веревкѣ; устрицы тысячами покрываютъ, такъ что въ извѣстное время стоитъ только вытянуть напримѣръ изъ воды фашину, снять взрослыхъ устрицъ, и опустить фашину снова. Такимъ образомъ совершенно безплодныя береговыя части моря даютъ богатый запасъ пищи, притомъ безъ всякаго труда, и, что еще важнѣе, съ такой ничтожной затратой, что она доступна каждому крестьянину, каждому рыбаку. Теперь Костъ думаетъ попытаться разводить также гомаровъ и другихъ морскихъ раковъ, которые, конечно, упадутъ тогда настолько въ цѣнѣ, что будутъ доступны бѣднѣйшему поденщику.

Извѣстно также, какъ быстро бѣднѣютъ рѣки рыбой, какъ скоро берега ихъ начинаютъ воздѣлываться; теперь рыба въ Европѣ почти совершенно недоступна бѣдному классу. Костъ предложилъ правительству заселить всѣ рѣки Франціи рыбой, не только той, которая водилась въ нихъ прежде, но даже такой, которой въ нихъ никогда не было, и такимъ образомъ «настолько увеличить количество пищевыхъ веществъ, чтобы оно соотвѣтствовало потребностямъ». Правда, Костъ въ этомъ случаѣ воспользовался мыслью простого рыбака Фреми,—старая исторія.

Le page tua le sanglier,
Le prince en eût la gloire.

Но не все-ли равно, если только онъ осуществитъ мечту Фурье,

и дѣйствительно дастъ бѣднякамъ устрицы, омаровъ, форелей и т. д., что скажутъ тогда *положительные* и *серьезные люди*, хохотавшіе надъ сумасшедшимъ мечтателемъ Фурье и его дынями? Многое простится тогда Косту, и, не смотря на все смѣшное и нехорошее въ его жизни—такъ напримѣръ. Карлъ Фогтъ подразумѣваетъ его, разсказывая въ Altes und Neues, какъ нѣкто вышелъ въ люди и попалъ въ академію, высиживая собственнымъ тѣломъ куриныя яица—имя его, конечно, сохранится дольше и будетъ громче имени Людовика Наполеона, который писалъ объ уничтоженіи пауперизма, а между тѣмъ, сдѣлавшись императоромъ, съумѣлъ только перестроить Парижъ и разстратить милліоны народныхъ денегъ на нелѣпое вмѣшательство въ дѣла Рима и Мексики, откуда теперь долженъ со стыдомъ отступить. Что дѣйствительно скажутъ положительные и серьезные государственные люди и политики, когда наука понизитъ цѣну всѣхъ необходимыхъ жизненныхъ припасовъ?...

De la physionomie et des mouvements d'expressions—» посмертное сочиненіе Грасіоле, прошло почти незамѣченнымъ. Грасіоле, роялистъ и католикъ до фанатизма, былъ однимъ изъ немногихъ, къ счастію, уже вымершихъ поклонниковъ чистаго спиритуализма; самая замѣчательная его работа, анатомія нервной системы, написана съ вовсе нескрываемою тенденціею низвергнуть унизительную, по его мнѣнію, для человѣчества теорію его родства съ обезьянами. Работа эта сдѣлана въ сообществѣ съ знаменитымъ психіатромъ Лёре, авторомъ «Du traitement moral de la folie,» гдѣ онъ доказываетъ, что на умалишенныхъ должно смотрѣть не какъ на больныхъ, а какъ на людей ошибающихся. Исходя изъ этой, очевидно ложной, мысли, онъ отрицаетъ пользу медицинскаго леченія, и сдѣлалъ попытку создать леченіе нравственное. Это нравственное леченіе состояло въ томъ, что Лёре начиналъ убѣждать больного, что его идеи нелѣпы, и если тотъ не соглашался, ему дѣлали душу холодной воды и повторяли это до тѣхъ поръ, пока больной не откажется отъ своихъ сумазбродныхъ представленій и не сознается, что онъ сумасшедшій. Это сознаніе служило для Лёре исходною точкою леченія; онъ напримѣръ начиналъ стыдить больного, что тотъ уступилъ силѣ, и, возбуждая въ немъ самолюбіе, заставлялъ его уже не изъ одного страха отказываться отъ прежняго безумья; затѣмъ къ больному подсылались сестры милосердія, посѣтители и т. п., которые будто-бы жалѣли его, обвиняли Лёре и вызывали больного на откровенный разговоръ. Если больной впадалъ опять

въ прежній бредъ, его снова *убѣждали* душами и такимъ образомъ заставляли смотрѣть за собою и быть осторожнѣе. Гризингеръ называетъ такую систему не леченіемъ, а нравственной дрессировкой больного, и дѣйствительно Лёре не лечилъ сумасшествіе, а только подавлялъ его проявленія. Въ настоящее время система эта совершенно оставлена,—и это очень жаль, потому что нельзя отрицать, что она очень полезна въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ при такъ назыв. частномъ помѣшательствѣ послѣ острыхъ болѣзней, напр. тифа, воспаленія легкихъ и т. д., во всякомъ случаѣ она совершенно ошибочна и вредна въ огромномъ большинствѣ случаевъ.

Но пора, однако, возвратиться къ Грасіоле; это былъ самый полный представитель старой школы, — спиритуалистъ, приверженецъ неизмѣняемости видовъ и противникъ Дарвина, приверженецъ теоріи единства человѣческихъ расъ, другъ порядка (онъ даже былъ представленъ къ ордену почетнаго легіона *за отличіе въ дѣлѣ противъ работниковъ* въ іюньскіе дни 1848 г.); сверхъ того онъ блисталъ «благородствомъ стиля» своихъ лекцій. Дѣйствительно, и лекціи, и сочиненія отличаются тѣмъ цвѣтистымъ и изысканнымъ слогомъ, который такъ нравится французамъ и который такъ отвратителенъ намъ, какъ всякая аффектація. Книга его «De la physionomie» есть очень скучное, очень длинное описаніе мимическихъ проявленій нѣкоторыхъ чувствъ, описаніе, сдѣланное его обыкновеннымъ изысканнымъ слогомъ, и не только неимѣющее никакого научнаго значенія, но даже непредставляющее интереса и для публики. Но, не смотря на все это, Грасіоле былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ ученыхъ послѣдняго времени и притомъ честный и независимый человѣкъ; работы его, помимо тенденцій нѣкоторыхъ изъ нихъ, сдѣлали ему громкое имя въ наукѣ. Смерть его (онъ умеръ 16 февраля 1865 года) надѣлала много шуму, не столько какъ смерть ученаго, сколько какъ смерть жертвы непотизма и несправедливости академіи. Дѣйствительно, странная была его судьба. Его первыя работы по анатоміи человѣка обратили на него вниманіе Бленвиля, бывшаго тогда профессоромъ въ Музеумѣ въ Сорбоннѣ; онъ далъ ему въ 1842 году мѣсто препаратора при музеумѣ, съ жалованьемъ 900 фран. Въ 1844 году Бленвиль передалъ Грасіоле кафедру въ музеумѣ, т. е. передалъ только право и обязанность читать лекціи, оставивъ за собой жалованье; лекціи Грасіоле имѣли огромный успѣхъ, и аудиторія его была всегда полна, что

однако не помѣшало ему оставаться при своихъ 900 фран. жалованья до 1853 года, до самой смерти Бленвиля. Казалось, что кафедра въ музеумѣ по всѣмъ правамъ должна была принадлежать Грасіоле, тѣмъ болѣе, что и Бленвиль указалъ на него академіи, какъ на своего наслѣдника. Но противъ Грасіоле былъ Мильнъ-Эдвардсъ, — и кафедра Бленвиля перешла къ ничтожному Дювернуа, который былъ уже академикомъ и профессоромъ въ Collège de France. Дювернуа конечно не могъ исполнять столькихъ обязанностей, и потому передалъ свои лекціи въ Collége de France Грасіоле, оставивъ за собою жалованье и званіе профессора. Наконецъ онъ умеръ, оставивъ двѣ кафедры; Грасіоле занималъ ихъ обѣ, но не получилъ ни одной. Мѣсто въ музеумѣ занялъ Серръ, переставшій уже давно работать и недавно опозорившій себя своимъ Principes de zoogènie, d'embryogènie et de teratogénie, гдѣ онъ поддерживаетъ давно отжившую гипотезу, что каждое высшее животное въ своей исторіи развитія проходитъ черезъ формы низшаго, такъ что человѣкъ наприм. зарождается въ видѣ инфузоріи, потомъ дѣлается постепенно лучистымъ червемъ, моллюскомъ, ракомъ, насѣкомымъ, рыбой и т. д.; сверхъ того Серръ былъ уже профессоромъ антропологіи. Кафедру въ Collège de France получилъ Флуранъ, уже профессоръ и членъ двухъ академій,—Грасіоле сдѣлали aide-naturaliste при музеумѣ съ жалованьемъ 1800 франковъ.

Въ 1861 году умеръ Исидоръ Жоффруа Сентъ-Илеръ, оставивъ двѣ кафедры и мѣсто въ академіи; Грасіоле имѣлъ полное право на это наслѣдство, но, благодаря Мильнъ-Эдвардсу, не получилъ ничего; академическое кресло и кафедру въ музеумѣ занялъ Бланшаръ, выведенный въ люди Мильнъ-Эдвардсомъ, и самый неспособнѣйшій изъ смертныхъ. О немъ Менье очень мѣтко замѣтилъ, что онъ читаетъ о насѣкомыхъ, точно произноситъ имъ надгробное слово. Бланшаръ составилъ себѣ имя въ наукѣ больше курьезами, чѣмъ дѣйствительными заслугами; онъ доказывалъ, что кровь насѣкомыхъ выливается изъ сердца не прямо въ полость тѣла, а въ промежутокъ между двумя оболочками дыхательныхъ трубочекъ, между тѣмъ какъ діаметръ кровяныхъ шариковъ въ 3—8 разъ больше этихъ промежутковъ. Въ своемъ великолѣпномъ изданіи Organisation du régne animal, сдѣланномъ съ неслыханною роскошью, и о которомъ говорятъ, что въ немъ болѣе ошибокъ чѣмъ словъ, онъ нарисовалъ такія инсекціи кровеносныхъ сосудовъ паукообразныхъ, какихъ не могъ никому еще показать in natura,

и которыя дѣйствительно невозможны. Затѣмъ онъ началъ также великолѣпное изданіе о насѣкомыхъ, вредныхъ для *земледѣлія*,— и началъ съ живущихъ на—*розѣ*! И для такого субъекта пожертвовали Грасіоле! Наконецъ въ 1863 году. Грасіоле получилъ кафедру, и умеръ въ февралѣ 1865 г. На его могилѣ было сказано много рѣчей, трогательныхъ и краснорѣчивыхъ, даже Мильнъ-Эдвардсъ, бывшій главною причиною его смерти, не постыдился наговорить жалкихъ словъ, но рѣчь его была скорѣе оправданіемъ, тѣмъ болѣе что Фреми, говорившій отъ имени Шеврёля, раскрылъ присутствовавшимъ часть горькой истины.

Грасіоле не первый, и вѣроятно не послѣдній, испыталъ на себѣ, что значитъ не кланяться сильнымъ; химики Лоранъ и Жераръ въ свое время тоже могли убѣдиться горькимъ опытомъ, что и въ наукѣ есть свои генералы; Лоранъ умеръ отъ чахотки, нажитой въ сыромъ подвалѣ монетнаго двора, гдѣ онъ, и то по протекціи, получилъ мѣсто пробирщика.

Но смерть Грасіоле, и всеобщее негодованіе, возбужденное несправедливостью къ нему академіи (не поздно ли?), не остались безъ благодѣтельныхъ послѣдствій; и бѣдное наслѣдство Грасіоле, и богатое наслѣдство, оставленное Валансіенномъ, распредѣлены уже равномѣрнѣе. Валансіеннъ между прочимъ можетъ служить примѣромъ, до какой наглости доходили погоня за мѣстами и протекціонизмъ у французскихъ ученыхъ; это ничтожество, сдѣлавшее карьеру, благодаря протекціи Кювье, человѣкъ, котораго даже въ надгробной рѣчи не помянули ничѣмъ добрымъ, имѣлъ *четыре* профессорскія кафедры, и сверхъ того былъ членомъ академіи!

Пушé и Жоли прошли такой же школой, какъ и Грасіоле; они уже никогда не попадутъ въ академію и вообще въ Парижъ, но это объясняется хоть какъ-нибудь. Они гетерогенисты, т. е. защитники произвольнаго зарожденія, слѣдовательно противники не только оффиціальной доктрины и науки, но даже религіи и нравственности, по словамъ Пастера и прочихъ членовъ парижской академіи, отличающихся не столько своими работами, сколько хорошимъ поведеніемъ. Дѣйствительно Пастеръ, возражая на теорію произвольнаго зарожденія, между тѣмъ приводилъ какъ одно изъ самыхъ сильныхъ доказательствъ то, что, допустивъ эту теорію и теорію Дарвина, уже нѣтъ надобности принимать непосредственное вмѣшательство творящей силы и «подумайте, господа, какое торжество для матеріализма!» Впрочемъ надо от-

дать справедливость гетерогенистамъ, они съ негодованіемъ отвергали подобное обвиненіе въ матерьялизмѣ, и, доказывая, что въ теоріи гетерогеніи нѣтъ ничего, безнравственнаго сослались на бордосскаго архіепископа и заключили желаніемъ, чтобы невѣріе само занялось естественными науками, потому что тогда оно перестанетъ быть невѣріемъ...

Но не смотря на эти увѣренія, не смотря на то, что гетерогенисты, дѣйствительно, люди умѣренные и аккуратные, о чемъ Флуранъ даже публично заявилъ академіи (говоря объ отвѣтѣ Пуше Пастеру, онъ считалъ нужнымъ прибавить, что хотя Пуше и пишетъ такія сомнительныя вещи, но что это человѣкъ очень *нравственный*), не смотря на всѣ *поэтическія страницы* разныхъ защитниковъ гетерогеніи, академія очень хорошо понимала, что непосредственное слѣдствіе этой теоріи, первый выводъ изъ нея не будетъ особенно согласоваться съ оффиціальной истиной, и потому понятно, что она преслѣдуетъ ихъ и не позволяетъ имъ занять видныя кафедры музеума и Collège de France. Но какимъ образомъ Грасіоле могъ заслужить немилость членовъ академіи—это было рѣшительно непостижимо; онъ твердо вѣровалъ въ неизмѣнность видовъ, въ верховное превосходство человѣка надъ обезьяной и т. д.;—казалось бы, что для такого человѣка двери академіи должны открыться настежъ, но на академію напала какая-то слѣпота,—и своя своихъ не познаша. Академія не возвысилась даже до злобы изъ-за принциповъ, хотя бы эти принципы и не имѣли никакого отношенія къ наукѣ; несправедливости, сдѣланныя Грасіоле, были дѣломъ личной ненависти, зависти и прочихъ столь же достойныхъ уваженія чувствъ, со стороны Флурана, Бланшара, но главное—Мильнъ-Эдвардса.

Въ началѣ я сказалъ, что въ книгахъ, выходящихъ къ новому году, суть составляютъ большею частію рисунки, текстъ же есть болѣе или менѣе благовидный предлогъ, такъ сказать необходимый суррогатъ. Это въ особенности можно сказать о книжонкѣ Вильфрида-де-Фонвилля «*Чудеса невидимаго міра.*» У издателя, вѣроятно, залежались рисунки, которые надо было пустить въ ходъ,—онъ и нанялъ Фонвилля написать ему текстъ къ этимъ картинкамъ,—я говорю *нанялъ*, потому что такія книжонки пишутся только по найму, и то когда человѣкъ находится въ бѣдственномъ положеніи,—напримѣръ безъ дровъ зимой или въ разорванныхъ сапогахъ. Но плата, предложенная Гашетомъ, вѣроятно, была очень невелика, потому что Фонвилль уже не церемонился ни съ издателемъ, ни съ читателями. Бѣда, если сапоги точаетъ пирожникъ, а пироги

печетъ сапожникъ; бѣда, если поэтъ сунется въ науку; печальнымъ примѣромъ такого неосновательнаго и легкомысленнаго поступка можетъ служить le grand poète Мишле, разыгравшій въ своихъ l'Insecte, l'Oisaux, la mer незавидную роль пьянаго илота, котораго выводили показывать спартанскому юношеству, чтобы наглядно убѣдить его, какъ отвратителенъ человѣкъ въ подобномъ состояніи. Дѣйствительно, всѣмъ этимъ поэтамъ-популяризаторамъ слѣдовало-бы почаще почитывать Мишле, чтобы понять, какъ отвратительны всѣ эти сапожники, принимающіеся печь пироги, и какъ неудобосваримы испеченные ими пироги. Удивительно, право, зачѣмъ это писатели-поэты, писатели-художники берутся за предметы, гдѣ требуется и кой-что́ знать, и умѣть шевелить мозгами. Брали бы они примѣръ съ Ламартина, — вотъ истинный поэтъ, не замаравшій своей лиры ни одной мыслью, и своихъ сочиненій не одной живой идеей... Фонвилль человѣкъ со вкусомъ, у него микроскопъ — поэтическій приборъ,—и онъ очень образно сравниваетъ его съ телескопомъ, — не правда ли какое богатое и смѣлое сравненіе. Иногда микроскопъ дѣлается даже фантастическимъ конемъ, на которомъ наблюдатель уносится въ невѣдомый для него міръ *безконечно малыхъ*, къ которымъ Фонвилль причисляетъ между прочимъ даже муравьевъ. Какъ муравьи попали въ книгу о невидимомъ мірѣ, и по какому случаю разсказано, что они доятъ тлю и прочія, давно извѣстныя, избитыя и надоѣвшія всѣмъ подробности, которыя можно найдти въ каждой дѣтской книгѣ,— объяснить очень трудно,—вѣроятно оставались доски съ рисунками отъ какихъ нибудь прежнихъ изданій, и Гашетъ хотѣлъ пустить ихъ въ ходъ.

Всѣ эти полуфантастическія описанія и поэтическая фразировка не составляли бы еще большого несчастія, если бы изъ-за нея не забывалось дѣло. Но увлеченный своимъ бойкимъ перомъ, Фонвилль забылъ разсказать, что такое реальный микроскопъ, т. е. не микроскопъ-гипографъ, уносящій наблюдателя въ невѣдомые міры, а микроскопъ—оптическій инструментъ, употребляемый для разсматриванья очень (а не безконечно) малыхъ предметовъ, такъ что если бы читатель, насладившись чтеніемъ «Чудесъ невидимаго міра», вздумалъ полюбоваться на нихъ de visu, и для этого пріобрѣлъ микроскопъ, то этотъ чудесный міръ остался бы для него дѣйствительно невидимымъ.

Затѣмъ одна статья посвящена поляризаціи, но объ этомъ можетъ догадаться только уже знающій; для незнающаго-же остает-

ся совершенной загадкой, о какихъ «играхъ свѣта» идетъ дѣло. Далѣе встрѣчается неизбѣжная капля воды, изъ описанія которой читатель впрочемъ не вынесетъ ровно ничего; это какая-то странная болтовня о томъ, что животныя, живущія въ каплѣ воды, и которыхъ Фонвилль не потрудился даже описать, очень малы, что конечно всякій могъ сообразить и самъ. О кристалахъ онъ сказалъ, если возможно, еще меньше, едва привелъ два примѣра кристализаціи; а больше занялся вопросомъ о томъ, что если бы Байронъ былъ микроскопистомъ, то отгадалъ-ли бы онъ, о чемъ думаетъ «одинокій камешекъ, лежащій на берегу океана.» Вопросъ этотъ конечно имѣетъ тоже свой интересъ,—правда болѣе поэтическій, нежели практическій, но не должно же упускать изъ виду, что въ книгѣ о невидимомъ мірѣ не мѣшало бы сказать что нибудь о томъ, что видитъ человѣкъ подъ микроскопомъ. Недурно было-бы, чтобъ подобные господа прикладывали этого рода вопросы въ концѣ книги, въ видѣ прибавленія, какъ въ ариѳметикѣ задачи;—кто захочетъ, тотъ можетъ заняться спеціально разрѣшеніемъ этихъ важныхъ вопросовъ, которые въ этомъ случаѣ не отвлекали бы отъ дѣла людей, интересующихся болѣе инфузоріями, нежели соображеніями о томъ, что было-бы, если бы...и т. д.

Одна статья въ этой книгѣ дѣйствительно и любопытна, и полезна,—это статья о поддѣлкѣ разныхъ пищевыхъ веществъ и о способѣ узнать эту поддѣлку помощью микроскопа. Но рисунки, приложенные при этомъ, такъ плохи, а описанія или, лучше сказать, перечни такъ коротки и неясны, что читатель едва-ли извлечетъ себѣ какую-нибудь пользу. Далѣе уже идетъ сборъ всякаго вздора, безъ всякой системы и цѣли, и даже безъ всякаго интереса,—волосы, кость, хрусталикъ глаза, лапки мухи, сосальце комара, блоха,—все однимъ словомъ, что показываютъ солнечнымъ микроскопомъ на ярмаркахъ. Во всемъ этомъ много ошибочнаго, много ложнаго, много непонятнаго для незнающихъ людей, — и безполезнаго для знающихъ. Чтобъ увеличить книжонку, Фонвилль прибавилъ къ этому разсказы о муравьяхъ, паукѣ и т. п. неимѣющихъ уже никакого отношенія къ микроскопу и къ *невидимому* міру,—но это пошло уже вѣроятно на затычку. Впрочемъ книжонка такъ мала, такъ дешева (2 франка), и все-же написана такъ живо, что можно только пожалѣть, зачѣмъ это достоинство досталось на долю такой безсовѣстной спекуляціи?!

Въ прошломъ году Фонвилль написалъ еще одну книжку—L'homme fossile, о которой я буду говорить позже.

Всѣ книги, о которыхъ я говорилъ, отличаются однимъ общимъ недостаткомъ—кромѣ множества индивидуальныхъ,—это цвѣтистостью и скучнымъ, тупымъ, такъ называемымъ поэтическимъ, фразерствомъ; но нигдѣ эта несносная болтовня не достигаетъ такихъ гигантскихъ размѣровъ, какъ въ «Merveilles célestes» Камила Фламмаріона, «автора Pluralitè des Mondes habitès», какъ онъ самодовольно написалъ на оберткѣ. Впрочемъ это еще добросовѣстно съ его стороны; всякій, имѣвшій въ рукахъ его Pluralité des Mondes habités, конечно уже не купитъ «Небесныхъ чудесъ». Этотъ Фламмаріонъ пріобрѣлъ во Франціи довольно незавидную репутацію своею защитою братьевъ Давенпортовъ, такъ нагло и такъ неудачно пытавшихся эксплуатировать спиритизмъ и идіотовъ-спиритовъ. Надо замѣтить, что во Франціи въ послѣднее время спиритизмъ сталъ процвѣтать, что мало говоритъ въ пользу французскаго общества; въ особенности же безцеремонно онъ выступилъ на сцену послѣ спиритическихъ сеансовъ въ Тюльери, и когда императоръ, и въ особенности императрица, которая, какъ извѣстно, очень плохо образована и очень суевѣрна, открыто приняли его подъ свою защиту. Братья Давенпорты, надѣясь воспользоваться модой и собрать деньги съ парижанъ за ихъ суевѣріе, взялись за дѣло такъ неудачно, смошенничали такъ неловко, что публика тутъ-же изломала ихъ шкапъ, а сами они дали тягу. Это, впрочемъ, случается съ ними не въ первый разъ; въ Англіи они не отдѣлались такъ дешево, и, послѣ сеансовъ въ Манчестерѣ, ихъ скулы, кажется, долго блистали всѣми цвѣтами радуги. Печатно защищать такихъ промышленниковъ—дѣло довольно смѣлое, но еще болѣе неразсчетливое; это значитъ показать себя или ихъ сообщникомъ, или уже такимъ идіотомъ, какого съ фонаремъ поискать; Фламмаріонъ взялъ на себя эту, покрайней мѣрѣ, неблагодарную обязанность, и конечно не доказалъ этимъ большого остроумія, въ чемъ впрочемъ публика убѣдилась уже изъ его «Pluralité des Mondes habités», гдѣ онъ доказываетъ, что всѣ міры обитаемы потому, что нельзя доказать противнаго, что всѣ планеты, даже планеты другихъ солнечныхъ системъ, имѣютъ свои человѣчества (humanités), что всѣ эти человѣчества—братія, и что нѣкоторыя слова апостола Павла могутъ служить намекомъ, что таинство искупленія относится не только къ жителямъ земли, но къ жителямъ всѣхъ міровъ. Эти положенія, которыя можно выразить въ двухъ строчкахъ, и доказать (?) на двухъ страничкахъ, растянуты на цѣлую книгу, пересыпаны стихами, цитатами изъ разныхъ полусвѣтскихъ, полудуховныхъ пи-

сателей въ родѣ Шатобріана, и собственными поэтическими порывами въ родѣ того, что «о вы! наши братія въ религіи, разумѣ и человѣчествѣ, вы, отдѣленные отъ насъ милліонами льё разстоянія» и т. д. Въ своихъ «Небесныхъ чудесахъ» Фламмаріонъ остался вѣренъ этой манерѣ писать; книга начинается стихами (впрочемъ каждая глава неизмѣнно начинается стихами) и затѣмъ идетъ слѣдующее: «О ночь, какъ языкъ твой высокъ для меня!... Бываютъ ли души, для которыхъ видъ (слѣдовало бы перевести *зракъ*; это болѣе подходило бы къ языку книги) звѣздныхъ ночей не составлялъ бы краснорѣчивой рѣчи? какія думы не останавливаются иногда въ присутствіи этихъ лучистыхъ міровъ, несущихся надъ нашей головой, и не стараются отгадать великую загадку мірозданія?»

Вся книга написана въ этомъ родѣ, и небесныя бабочки, или равносильныя выраженія, встрѣчаются на каждомъ шагу. Глава о міровомъ пространствѣ, — начинающаяся, само-собою, стихами, — состоитъ изъ пяти страничекъ, изъ которыхъ болѣе полуторы занято стихами, — но это еще умѣренно, есть цитаты въ двѣ, три, даже четыре страницы, — и все больше изъ Юнга, Шатобріана, Ламартина и т. п. Книга въ сущности вовсе не есть популярная астрономія,—объ астрономіи Фламмаріонъ не имѣетъ никакого понятія,—это длинный, предлинный гимнъ во славу ночи, звѣздъ, закона всемірнаго тяготѣнія и т. д. Гимнъ этотъ разбитъ на главы, которыя неизбѣжно начинаются стихами, заключаютъ два-три отрывка изъ какого нибудь писателя повыспреннѣе и поглупѣе, и большею частью заканчиваются переложеніемъ изъ стиховъ въ прозу—Байрона, Томаса Мура и др. Странное и неблестящее понятіе составляетъ себѣ иностранецъ, видя что во Франціи подобныя книги, какъ произведенія Фламмаріона, не только могутъ появляться, но даже выдерживать нѣсколько изданій.

Фламмаріонъ задалъ, какъ кажется, себѣ задачей, написать не популярную астрономію,—для этого книга и слишкомъ мала, и заключаетъ слишкомъ мало фактовъ, — но скорѣе остроумную, по его понятію, и милую поэтическую causerie. Въ концѣ книги, онъ не забылъ приложить и нѣсколько страницъ извлеченія изъ «Pluralité des Mondes habités», такъ что книга вышла ученическимъ упражненіемъ въ «стилѣ».

Надо замѣтить, что Фламмаріонъ особенно несчастливъ въ своихъ сочиненіяхъ уже потому, что они появляются не во время, двумя годами позже, чѣмъ слѣдовало-бы. Его «Merveilles célestes» можетъ быть и покупались бы, за неимѣніемъ лучшаго, еслибъ они

вышли раньше сочиненія Гольмена «Le Ciel», но теперь Фламмаріонъ, съ своими стихами, восклицаніями и т. д., играетъ крайне жалкую роль. Точно также и «Pluralitè des Mondes habitès» составили автору довольно скандальную репутацію, выйдя почти одновременно съ знаменитой уткой о муміи съ планеты Марсъ. Утка эта имѣла огромный успѣхъ въ Парижѣ, благодаря ученому виду, приданному ей газетой «Patrie». Дѣло было вотъ въ чемъ: извѣстно, что давно уже идетъ споръ объ обитаемости небесныхъ тѣлъ, и отъ времени до времени появлялись или теоретическія соображенія по этому предмету, или фантастическія путешествія на луну, солнце, Сиріусъ и разныя планеты нашей солнечной системы, — послѣднія больше какъ сатиры или критики земли. Въ 1835 году американецъ Локкъ пустилъ знаменитую утку о жителяхъ луны, увѣряя, что всѣ подробности ему сообщилъ помощникъ Гершеля, занимавшагося въ это время астрономическими наблюденіями на мысѣ Доброй Надежды. Локкъ разсказывалъ, что Гершель построилъ телескопъ такой величины, что луна казалась всего во ста шагахъ отъ наблюдателя, — и чего не видѣлъ онъ на лунѣ! Козъ съ золотистыми рогами, единороговъ, шарообразныхъ земноводныхъ,—надо замѣтить, что на лунѣ, или, покрайней мѣрѣ, на сторонѣ ея, обращенной къ земному шару, нѣтъ воды,—розовыя скалы, деревья съ перьями вмѣсто листьевъ, наконецъ крылатыхъ людей, летавшихъ какъ летучія мыши по воздуху. Людьми этими Гершель конечно занялся преимущественно, изслѣдовалъ ихъ образъ жизни, нравы, обычаи, такъ что могъ даже подмѣтить самыя интимныя подробности, до того интимныя, что обыкновенно ихъ скрываютъ «подъ покровомъ ночи». Эта нелѣпая утка имѣла такой успѣхъ, что наконецъ нужно было оффиціально объявить ее пуфомъ, и защищать Гершеля отъ подозрѣнія въ участіи въ немъ.

Послѣднее время занимались много вопросомъ объ аэролитахъ, ихъ происхожденіи и химическомъ составѣ; извѣстно, что аэролиты не представляютъ ни одного элемента, т. е. химически простого тѣла, котораго мы не имѣли бы на землѣ, но что нѣкоторыхъ соединеній, встрѣчаемыхъ въ нихъ, нѣтъ на земномъ шарѣ, что указываетъ на совершенно различныя химическія условія мѣстъ происхожденія этихъ аэролитовъ. Впрочемъ надо замѣтить, что аэролиты принадлежатъ вѣроятно къ числу мелкихъ планетъ, обращающихся вокругъ солнца, и по малости своей привлеченныхъ землей, мимо которой они проходили. Въ такомъ случаѣ очень понятно, что они не имѣли своей атмосферы, а слѣдовательно и сво-

боднаго кислорода, на отсутствіе котораго указываютъ нѣкоторыя химическія соединенія, представляемыя ими, но по этому никакъ еще нельзя заключать, чтобъ и большія планеты тоже не имѣли свободнаго кислорода въ своей атмосферѣ; всѣ эти соединенія впрочемъ легко могутъ быть приготовлены въ нашихъ лабараторіяхъ.

Планета Марсъ была также предметомъ долгихъ споровъ, а именно ея кривизна и сжатость у полюсовъ; одни совершенно отрицаютъ эту сжатость, другіе напротивъ того утверждаютъ, что Марсъ гораздо болѣе сплюснутъ чѣмъ земля. Генесси показалъ вычисленіемъ, что на сферическомъ или слегка эллиптическомъ тѣлѣ, какъ земля, материки должны расположиться къ полюсамъ, а океанъ подъ экваторомъ, и обратно—на очень сферическомъ тѣлѣ. Марсъ представляетъ въ этомъ отношеніи большое сходство съ землей, материки его лежатъ болѣе у полюсовъ, которые покрыты точно также бѣлыми блестящими массами,—очевидно снѣгами и льдами, отчасти таящими весной и лѣтомъ, между тѣмъ какъ на противоположномъ полушаріи, гдѣ въ это время бываетъ зима, пятна эти увеличиваются.

Сверхъ того, какъ извѣстно читателю, вопросъ объ ископаемомъ человѣкѣ, поднятый очень недавно, обратилъ на себя особенное вниманіе ученаго—и даже неученаго міра. Изъ этихъ трехъ элементовъ — аэролиты, планета Марсъ и ископаемый человѣкъ,—составили знаменитую утку, будто въ Америкѣ нѣкто Покстонъ, отыскивая петроль, нашелъ уже въ первичныхъ слояхъ огромный черный и блестящій камень, признанный «*геологами Дивэсомъ* и *Мерчиссономъ* за аэролитъ. Подъ наружнымъ чернымъ слоемъ оказался гранитъ, въ которомъ была высѣчена пещера, а въ пещерѣ лежала *мумія* (!), обложенная известью. Это былъ человѣкъ,—такъ, покрайней мѣрѣ, должно его назвать, — четырехъ футовъ роста, съ треугольнымъ черепомъ, безъ волосъ, хоботомъ вмѣсто носа, маленькимъ ртомъ, плоскимъ съ боковъ и острымъ спереди лицомъ и длинными руками. При этой муміи лежали бѣлая металлическая амфора и серебряная пластинка, на которой нарисованы носорогъ, пальма, разные другіе предметы, и наконецъ солнечная система; планеты были расположены очень правильно, въ должномъ разстояніи отъ солнца и между собою, но только планета Марсъ значительно больше, чѣмъ слѣдуетъ, изъ чего можно догадаться, что эта мумія прилетѣла къ намъ съ Марса. «Patrie» описала все это происшествіе въ подробности, и эта пошлая и нелѣпая утка имѣла огромный успѣхъ. Интересно между прочимъ, что во всѣхъ этихъ описаніяхъ, во всѣхъ пуфахъ, люди не могли придумать новыхъ

несуществующихъ на землѣ формъ, а старались только скомбинировать по возможности странно уже существующія,—еще одно замѣчаніе въ пользу сенсуальнаго происхожденія понятій.

Замѣчательно, какъ мало хорошихъ книгъ вышло къ новому году,—и еще замѣчательнѣе, какъ рѣдко французы умѣютъ писать просто, какъ порядочные люди, безъ пошлаго фразерства, безъ поэтическихъ восклицаній и безъ упражненій въ слогѣ. Всѣ книги, о которыхъ я говорилъ, отличаются необыкновенной бѣдностью фактическаго содержанія, и даже приведенные въ нихъ факты, замаскированные «слогомъ» и фразами, остаются разрозненными и непонятными; поэтому читатель можетъ себѣ представить, съ какимъ наслажденіемъ послѣ всей этой дряни читается умная, простая и хорошая книга «*Превращенія насѣкомыхъ*» (Métamorphoses des insectes, par Maurice Girard) Жирара, вицепрезидента французскаго энтомологическаго общества, написанная просто и безъ лишнихъ фразъ. Это чрезвычайно полный очеркъ превращеній насѣкомыхъ и даже частью ихъ нравовъ, писанный человѣкомъ, вполнѣ знающимъ предметъ, и, къ счастію читателей, неодареннымъ или пренебрегающимъ красотой слога; Жираръ не добивается rendre la science aimable,—это онъ предоставляетъ самой наукѣ, а разсказываетъ просто и ясно факты, которые онъ большею частью видѣлъ самъ, и этотъ простой разсказъ оказался такъ занимательнымъ, что отъ него трудно оторваться, между тѣмъ какъ разныхъ Фламмаріоновъ, Фигье, Грасіоле, всѣхъ этихъ maîtres dans l'art de bien dire, читаешь только вслѣдствіе горькой необходимости, и чтобы предупредить другихъ, что этихъ господъ читать не слѣдуетъ. Можно только пожалѣть, что Жираръ слишкомъ мало говоритъ о нравахъ животныхъ и совсѣмъ ничего не говоритъ объ ихъ строеніи, но только пожалѣть, и никакъ не упрекнуть, потому что Жираръ и не задавалъ себѣ задачей говорить о нихъ; впрочемъ это почти сводится на упрекъ, зачѣмъ онъ ограничился только превращеніями, а не написалъ полной энтомологіи,—и дѣйствительно, энтомологія, написанная имъ, была бы лучшимъ, можетъ быть, изъ всей этой массы популярныхъ сочиненій, появляющихся въ такомъ изобиліи. Не дурно было бы всѣмъ Фламмаріонамъ и Фигье, всѣмъ этимъ популяризаторамъ-поэтамъ, т. е. болтунамъ и невѣждамъ, повнимательнѣе прочесть книгу Жирара. Они увидали бы вещь, которая конечно привела бы ихъ въ немалое удивленіе; они убѣдились бы, что наука, что факты, переданные человѣкомъ, вполнѣ знакомымъ съ ними, чрезвычайно ин-

тересны и любопытны сами по себѣ, и рѣшительно не нуждаются въ подкрашиваніи болтовней и пошлымъ фразерствомъ. Они узнали бы, что если предметъ дѣйствительно извѣстенъ писателю, и если писатель—человѣкъ умный, то ему не нужно цвѣтистаго, изысканнаго слога, не нужно пересыпать свою книгу восклицаніями, стихами и цитатами, чтобы сдѣлать ее интересною. Одинъ только упрекъ можно сдѣлать Жирару, — онъ слишкомъ слегка коснулся parthenogenesis пчелъ, не сказалъ, что отъ величины клѣточки зависитъ, будетъ ли яйцо матки оплодотворено или нѣтъ, и слѣдовательно, что изъ него разовьется, трутень или рабочая пчела, и что вообще онъ умолчалъ о столь любопытномъ и столь оспариваемомъ открытіи Дзорзоне и Зибольда. Но это конечно мелкая подробность, и книгу Жирара можно было бы особенно порекомендовать русскимъ переводчикамъ и издателямъ.

О «Физической географіи» Мори собственно говоря надо было бы только упомянуть,—имя ея автора слишкомъ громко и составляетъ лучшую рекомендацію книгѣ, которая поэтому не нуждается въ похвалахъ; но я считаю не лишнимъ указать на нѣкоторые недостатки такого замѣчательнаго сочиненія, какъ «Физическая географія» Мори, тѣмъ болѣе, что она переведена на русскій языкъ. Мнѣ извѣстенъ только французскій переводъ Цюрхера и Марголле, англійскаго оригинала я не видалъ, но говорятъ, что онъ хуже этого перевода.

Мори задалъ себѣ задачей написать *курсъ* Физической географіи, и потому обращается къ читателю, какъ къ ученику въ школѣ, предполагая, что всѣмъ взрослымъ, переставшимъ уже посѣщать училища, физическая географія извѣстна, покрайней мѣрѣ, въ этомъ объемѣ. Очевидно, что въ Россіи такое предположеніе крайне ошибочно, — да и не въ одной Россіи, и потому хорошо было бы дать книгѣ менѣе афористическую форму, менѣе школьный тонъ, и въ особенности выпустить всѣ «упражненія», въ родѣ того, что «ученикъ долженъ показать по картѣ всѣ главные хребты горъ, рѣки и озера» и т. д. Не мѣшало бы также нѣсколько расширить рамку, которую взялъ себѣ Мори; какъ творецъ метеорологіи и физической географіи моря, Мори обратилъ все вниманіе исключительно на тѣ стороны физической географіи, гдѣ преобладаетъ вліяніе чисто метеорологическихъ и физическихъ условій, напр. на расширеніе воздуха отъ теплоты и происхожденіе, вслѣдствіе этого, вѣтровъ, на нагрѣваніе воды и происхожденіе теченій, на теплоемкость водяного пара и на зависимость климата странъ отъ этихъ

условій,—но онъ совершенно упустилъ изъ виду другіе, не менѣе крупные факты, напр. происхожденіе горныхъ хребтовъ. Эли де-Бомонъ доказалъ, что кряжи горъ, происшедшіе одновременно, т. е. принадлежащіе къ одной и той же геологической эпохѣ, параллельны между собою и какому-нибудь большому кругу земли, такъ что это даетъ возможность дѣлать, до извѣстной степени, заключенія о геологической древности горныхъ хребтовъ по ихъ направленію. Такимъ образомъ, цѣпь Монъ-Блана и Западныхъ Альпъ, поднявшаяся одновременно, параллельна дугѣ большого круга, проходящаго черезъ Марсель и Цюрихъ; такъ какъ Бразильскіе Кордильеры и горный хребетъ, раздѣляющій Швецію и Норвегію, идутъ тоже параллельно этому кругу, то можно уже предполагать, что поднятіе ихъ современно поднятію Монъ-Блана; правило это было провѣрено на Аллеганскихъ горахъ, которые, какъ параллельные Пиринеямъ и Аппенинамъ, должны были подняться одновременно съ ними,—и дѣйствительно, геологическое описаніе ихъ дѣлаетъ эту современность крайне вѣроятною. Мори объ этомъ не сказалъ ни слова, и вообще ограничился только объясненіемъ главныхъ атмосферическихъ движеній и ихъ значенія, такъ что его «Физическая географія» вышла чрезвычайно неполною. Вообще вся геологическая сторона, и наконецъ вся чисто-описательная часть у Мори совершенно пропущена, и было бы очень хорошо, если бы этотъ недостатокъ былъ пополненъ въ русскомъ переводѣ. Напрасно говоритъ Мори о процессахъ органической жизни и о взаимодѣйствіи организмовъ; эти предметы ему очень мало знакомы; онъ говоритъ о нихъ больше по-наслышкѣ, и потому дѣлаетъ промахи, непріятно поражающіе въ его книгѣ. Такимъ образомъ онъ говоритъ напр., что всѣ частицы человѣческаго организма обновляются въ теченіе семи лѣтъ; кромѣ того онъ впадаетъ также въ общую ошибку, приписывая чистоту атмосферы исключительно тому, что животные поглощаютъ кислородъ и выдыхаютъ углекислоту, а растенія, обратно, выдыхаютъ кислородъ и поглощаютъ углеродъ отъ углекислоты, и утверждаетъ, что эти два противуположные процесса уравновѣшиваются, и что слѣдовательно атмосфера постоянно имѣла такой же составъ, какъ въ настоящее время.

Странно также въ серьозной, и безъ того уже слишкомъ сокращенной книгѣ, встрѣтить длинное разсужденіе о томъ, какъ поэтично, что запахъ цвѣтовъ защищаетъ ихъ отъ охлажденія вслѣдствіе испусканія лучистаго теплорода. Послѣднія замѣчанія конечно

мелочны, и я никакъ не хочу сказать, чтобы эти ошибки составляли серьозные недостатки,—но книга Мори представляетъ другую серьозную ошибку, именно ея мистическій характеръ. Мори повидимому ревностный поклонникъ теоріи конечныхъ цѣлей природы,—теоріи, по которой все существующее и совершающееся устроено природою съ извѣстною цѣлью, такъ что въ виду каждаго новаго явленія приходится спрашивать прежде всего не *почему*, а *для чего?* Такая теорія, въ особенности высказанная въ краткомъ учебникѣ, какъ будто бы она была несомнѣннымъ выводомъ науки, даетъ ученику,—да и взрослому читателю, самое превратное понятіе о природѣ и ея пріемахъ. Такимъ образомъ Мори восхищается гармоніей природы, и дѣйствительно, если принимать какую-то личную природу, имѣвшую извѣстныя цѣли, то нельзя не удивляться, какъ хорошо подобраны и выполнены отдѣльныя подробности для составленія одного общаго цѣлаго. Но такой взглядъ на явленія природы не только ошибоченъ, но даже вреденъ, потому что онъ отвлекаетъ отъ научнаго изслѣдованія причинъ къ лирическому восхищенію результатами. Напримѣръ, если природа задала себѣ цѣлью дать умѣренный климатъ Скандинавскому полуострову, лежащему такъ высоко на сѣверѣ, то вся масса средствъ, пущенныхъ въ ходъ для достиженія этого результата, можетъ дѣйствительно привести въ изумленіе. Для чего природа дала водѣ свойство расширяться отъ теплоты, водяному пару дала большую теплоемкость, устроила подъ тропикомъ глубокій Мексиканскій заливъ и заперла его островами, такъ что онъ принялъ видъ котла; въ этомъ котлѣ нагрѣвается вода, выходитъ Гольфъ-Штремомъ черезъ Флоридскій каналъ въ Атлантическій океанъ, и, протекая вдоль береговъ Норвегіи, даетъ Скандинавскому полуострову его умѣренный климатъ. Но все это фантастическое объясненіе сводится на простой законъ причинности и теряетъ свой фантастическій характеръ, если принять другой ходъ изслѣдованія. Наклонность эклиптики къ экватору даетъ Мексиканскому заливу его жаркій климатъ; самый Мексиканскій заливъ произошелъ вслѣдствіе извѣстныхъ геологическихъ условій, а Гольфъ-Штремъ и умѣренный климатъ сѣверо-западной Европы есть только неизбѣжное слѣдствіе этихъ двухъ условій. Чтобы придать какой нибудь смыслъ этому воззрѣнію, нужно принять множество еще другихъ, совершенно фантастическихъ гипотезъ, напр. такъ какъ Лабрадоръ, лежащій южнѣе Скандинавскаго полуострова, имѣетъ страшно суровый климатъ, вслѣдствіе того, что вдоль его береговъ идетъ холодное

полярное теченіе, то должно принять, что природа почему-то имѣла особое влеченіе, пристрастіе въ Швеціи и, обратно, ненавидѣла Лабрадоръ. Извѣстно, что есть цѣлая школа, неостанавливающаяся передъ самыми вопіющими несообразностями, чтобы только провести этотъ мистико-лирическій элементъ въ наукѣ; вмѣсто того чтобы объяснять напримѣръ низкій уровень образованія какого нибудь народа физическими условіями страны, школа эта предположила, что нѣкоторые народы пользуются особымъ расположеніемъ судьбы, другіе навлекли на себя ея гнѣвъ и ненависть, и поэтому она дала первымъ «благораствореніе воздуховъ и обиліе плодовъ земныхъ,» а другимъ суровый климатъ и бѣдную почву. Такое объясненіе принесло много вреда въ наукѣ, но оно проявлялось преимущественно въ исторіи, и можно только пожалѣть, что Мори пытается провести его и въ физической географіи.

Но логика—великая вещь. Если положеніе ложно, она непремѣнно приведетъ къ такимъ нелѣпымъ выводамъ, что уже самая безсмысленность ихъ покажетъ, что въ построеніи гдѣ нибудь есть ошибка, и если результатъ былъ выведенъ вѣрно, то должно уже заключить, что исходная точка была выбрана ошибочно. Къ подобнымъ нелѣпымъ выводамъ неизбѣжно долженъ былъ придти и пришелъ дѣйствительно Мори; такъ напримѣръ въ главѣ «Подснѣжникъ,» вставленной совершенно не кстати, безъ нужды, онъ говоритъ, что рука Всевышняго измѣрила весь земной шаръ, и создала нужную зависимость между его радіусомъ и величиной волокна подснѣжника, т. е. ввелъ цѣлую систему фантастическихъ зависимостей и факторовъ для объясненія факта, который при другомъ взглядѣ объясняется чрезвычайно просто и естественно. Этотъ странный, неумѣстный мистическій взглядъ проведенъ у Мори вездѣ. Говоря о томъ, что̀ морская вода заключаетъ въ растворѣ соли, онъ прибавляетъ, что человѣкъ никогда не будетъ въ состояніи сказать, откуда взялись эти соли, и что мы можемъ изслѣдовать только *зачѣмъ* онѣ находятся въ морской водѣ, какую роль предопредѣлено морю играть въ механизмѣ земныхъ измѣненій. Довольно странно поручиться заранѣе, на какой вопросъ человѣкъ отвѣтитъ, и на какой нѣтъ,—всѣ эти рамки, поставленныя человѣческому генію, всегда оказывались узкими, и пора уже бросить эту неудачную роль вѣчно ошибающагося пророка; но еще страннѣе относиться такимъ образомъ въ научныхъ вопросахъ. Знаніе, откуда взялись соли въ морѣ, чрезвычайно важно, и если этого нельзя еще рѣшить совершенно, то во всякомъ случаѣ недурно

было бы передать хотя то, что уже извѣстно по этому предмету; постановка же второй части вопроса,—какую роль предопредѣлено играть морю,—совершенно противорѣчитъ методу научнаго изслѣдованія и логикѣ,—должно было спросить, какое будетъ слѣдствіе присутствія солей въ морѣ для атмосферныхъ измѣненій, какое вліяніе будетъ оно имѣть на весь механизмъ земныхъ явленій. Здѣсь дѣло вовсе не въ фразахъ, не въ формѣ, а въ томъ представленіи о природѣ и ея методахъ, въ томъ взглядѣ на мірозданіе, къ которому пріучается изслѣдователь, а слѣдовательно въ методахъ его будущихъ изслѣдованій, что, кромѣ интеллектуальной, имѣетъ еще чисто практическую важность. Оптимизмъ Панглоса и Кондида, забавный въ жизни, справедливый во взглядѣ на будущее нѣкоторыхъ политическихъ и экономическихъ вопросовъ, дѣлается тупоуміемъ и препятствіемъ къ разумному изслѣдованію въ естественныхъ наукахъ, гдѣ онъ становится на мѣсто закона причинности, замѣняя законы природы произволомъ и цѣлесообразными дѣйствіями провидѣнія. Сказавъ въ нѣсколькихъ словахъ о вліяніи солей въ морской водѣ на климатъ, Мори забавно прибавляетъ, что не будь этихъ солей, въ климатѣ нѣкоторыхъ странъ, а слѣдовательно и въ географическомъ распредѣленіи растеній и животныхъ, произошли бы значительныя измѣненія,—и такъ хорошо, что морская вода солона, заключаетъ онъ. Такая наивность непріятно поражаетъ въ книгѣ Мори, тѣмъ болѣе, что она встрѣчается не одинъ, не два раза, а составляетъ цѣлую систематизированную теорію. Теорія эта приводитъ Мори къ такимъ пошлымъ замѣчаніямъ, передъ которыми блѣднѣютъ всѣ анекдотическія замѣчанія разныхъ умѣренныхъ и аккуратныхъ ученыхъ. Одинъ профессоръ замѣтилъ своимъ слушателямъ на лекціи, что міръ устроенъ необыкновенно хорошо; напр., это очень хорошо, что есть постоянныя температуры кипѣнія и таянія, такъ какъ безъ этого мы не могли бы регулировать наши физическіе инструменты; другой удивлялся мудрости провидѣнія, которое начало органическую жизнь не прямо съ нашей эпохи, а предпослало длинный рядъ геологическихъ эпохъ, растительность которыхъ, погибая, составила пласты каменнаго угля. Провидѣніе знало, что человѣкъ, по своему неблагоразумію, уничтожитъ лѣса, и такимъ образомъ приготовило ему богатый запасъ топлива. Все это конечно курьезы, но чѣмъ же они лучше слѣдующихъ словъ Мори: «Если бы въ морѣ не было теченій, то оно стало бы высыхать, и мы не имѣли бы океана съ строго опредѣленными границами, представляющаго инженерамъ постоянный уро-

вень, къ которому они относятъ свои измѣренія?» Всѣ эти умиленія и восхищенія въ особенности странны въ физической географіи земного шара, потому что если французъ, англичанинъ, итальянецъ, и т. д., могутъ восхищаться мудростью природы и географическаго устройства земли, то гренландецъ, бушманъ, остякъ и т. п. едва ли будутъ того же мнѣнія, и едва ли найдутъ, что все къ лучшему въ лучшемъ изъ міровъ.

Напрасно также Мори привелъ свои соображенія относительно другихъ предметовъ, некасающихся физической географіи, и въ которыхъ онъ особенно несчастливъ, тѣмъ болѣе, что соображенія эти совершенно не нужны и не кстати. Такъ напримѣръ, говоря о томъ, что моря составляютъ хорошій путь для сношеній, онъ замѣчаетъ, что поэтому мы чувствуемъ себя близкими и друзьями всѣхъ приморскихъ жителей, отъ Индіи и Америки до антиподовъ Австраліи. Конечно это дѣло спорное, но едва ли англичане чувствуютъ себя друзьями индѣйцевъ, китайцевъ, ново-зеландцевъ, французовъ, мексиканцевъ и т. д. Если на земномъ шарѣ нѣтъ еще прославленнаго братства, которое наступитъ вмѣстѣ съ появленіемъ лимонадныхъ морей Фурье, то объ этомъ можно, пожалуй, пожалѣть, но безполезно утверждать, что оно есть, и говорить о какихъ-то чувствахъ, которыхъ у насъ еще нѣтъ. Странно также, что Мори и не кстати почему-то вдругъ нашелъ лучшимъ прибѣгнуть къ фантастической формѣ изложенія и начинаетъ толковать о какомъ-то великомъ волшебникѣ съ жезломъ, которымъ онъ измѣняетъ удѣльный вѣсъ и плотность воды; оказывается, что этотъ волшебникъ—теплота. Это манера Берту, который разсказываетъ о насѣкомыхъ не иначе, какъ примѣшивая къ этому сказки о волшебникахъ, фантастическихъ Ваничкахъ и Машенькахъ и т. д. Точно также совсѣмъ не кстати вставлена статейка въ нѣсколько строкъ о томъ, что въ морѣ нѣтъ *музыки*, нѣтъ *пѣнья*, и что всѣ животныя, живущія въ морѣ, нѣмы. Впрочемъ этотъ *пассажъ* такъ курьезенъ, что его лучше привести цѣликомъ.

«*Даръ пѣнія.*»

«Нужно также обратить вниманіе на то обстоятельство, что въ морѣ нѣтъ музыки, что ни одинъ изъ его жителей не имѣетъ дара пѣнія. Тоже должно сказать о земныхъ животныхъ и пресмыкающихся. Животныя, одаренныя голосомъ, издаютъ крики стра-

данія и радости, привязанности и гнѣва; только птицы и человѣкъ поютъ». Прочтя такую *главу*, становится какъ-то неловко, какъ бываетъ, когда кто-нибудь скажетъ глупость, на которую не знаешь, что отвѣтить. Къ сожалѣнію такихъ промаховъ въ книгѣ Мори не мало, впрочемъ вездѣ, гдѣ онъ отвлекается отъ своего прямого предмета, выходитъ или странная, ненужная болтовня, или просто невѣжественные промахи, въ родѣ напр. слѣдующаго. «Насѣкомыя,—подразумѣвая подъ этимъ названіемъ всѣ созданія, слишкомъ маленькія, чтобъ быть причислены къ звѣрямъ (bêtes), птицамъ и рыбамъ, — одни уже гораздо многочисленнѣе» и т. д., и затѣмъ говоритъ о низшихъ морскихъ животныхъ. Такимъ образомъ медузы напр. причислены къ насѣкомымъ, и изъ *звѣрей* (bêtes) сдѣланъ отдѣльный классъ. Впрочемъ въ этомъ случаѣ ошибка на половину принадлежитъ, вѣроятно, французскому переводчику, незнавшему настоящаго значенія англійскаго слова insect; во всякомъ случаѣ такая фраза показываетъ странное невѣжество, поражающее тѣмъ болѣе, что вся статья о «жизни тропическихъ насѣкомыхъ» вставлена совершенно эпизодически, безъ всякой нужды. Она напоминаетъ подобный-же промахъ академіи, опредѣлявшей въ своемъ лексиконѣ рака, какъ маленькую рыбу, ходящую задомъ,—l'ecrevisse est un petit poisson qui marche a reculons, гдѣ почти столько-же ошибокъ, сколько словъ.

Въ концѣ французскаго перевода приложено нѣсколько страницъ о работахъ Мори, о Брюссельской международной конференціи въ 1853 г. для метеорологическихъ наблюденій и т. д. Въ настоящее время сверхъ того есть большое метеорологическое общество, даже не одно,—а наблюденія дѣлаются въ очень многихъ мѣстахъ; это даетъ средство предсказывать громъ и бури, и такимъ образомъ оказывать огромную услугу мореплаванію. Подобное-же общество устраивается въ настоящее время во Франціи и для земледѣлія, но обо всемъ этомъ я буду говорить послѣ, когда придется разбирать что-нибудь изъ Цюрхера и Марголле.

П. Лачинкинъ.

ПОГИБШІЕ И ПОГИБАЮЩІЕ.

I.

Сравнительный методъ одинаково полезенъ и необходимъ, какъ въ анатоміи отдѣльнаго человѣка, такъ и въ соціальной наукѣ, которую можно назвать анатоміею общества.

Въ анатоміи человѣка сравнительный методъ можетъ прикладываться къ дѣлу или такъ, что сравниваются между собою одинаковые органы различныхъ животныхъ, или же такъ, что для сравненія берутся различные органы одного и того же животнаго. Въ анатоміи общества умѣстны и употребительны оба видоизмѣненія сравнительнаго метода. Можно сравнивать между собою соотвѣтственныя учрежденія различныхъ обществъ, напримѣръ, суды Франціи съ судами Англіи, Пруссіи, Россіи и такъ далѣе; и можно также сопоставлять и разсматривать въ связи между собою различныя учрежденія одного и того же общественнаго организма, напримѣръ, французскую армію и французскіе финансы, прусскую палату депутатовъ и прусское чиновничество, англійское землевладѣніе и англійскіе workhouses (рабочіе дома для нищихъ).—Въ этой статьѣ я намѣренъ представить читателю сравнительно-анатомическій этюдъ, произведенный по этому второму способу. Я намѣренъ сопоставить русскую школу съ русскимъ острогомъ. Результаты получатся неожиданные и довольно поучительные.

Берусь же я именно за эту задачу собственно потому, что мы имѣемъ въ нашей новѣйшей литературѣ два замѣчательныя сочиненія: «Очерки бурсы» Помяловскаго, и «Записки изъ Мертваго дома» г. Достоевскаго,—два сочиненія, изъ которыхъ можно почерпнуть самыя достовѣрныя и самыя любопытныя свѣдѣнія о рус-

ской школѣ и о русскомъ острогѣ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ.

Читателямъ покажется, быть можетъ, что, называя бурсу русскою школою, я придаю бурсѣ слишкомъ обширное значеніе. Читатели скажутъ, что гимназіи, корпуса, лицеи, университеты и академіи непремѣнно должны быть признаны русскими школами, что бурсы составляютъ самую послѣднюю категорію русскихъ школъ, и что слѣдовательно, употребляя общее выраженіе *русская школа*, надо брать не низшій сортъ, а средній выводъ, который, разумѣется, долженъ оказаться значительно лучше этого низшаго сорта.— Это правда. Надо брать средній выводъ. Но тутъ есть одно маленькое затрудненіе; тотъ средній выводъ, на который указываетъ возраженіе читателей, изображаетъ собою совсѣмъ не русскую школу, а только школу русскаго привиллегированнаго меньшинства. Настоящій средній выводъ, настоящая русская школа остаются неизвѣстными, по той простой причинѣ, что несоразмѣрно-громадное большинство русскаго народа обходится до сихъ поръ совсѣмъ безъ школъ. Если же мы, во что бы то ни стало, непремѣнно желаемъ составить себѣ приблизительное понятіе о томъ, чѣмъ могла бы быть русская школа, школа открытая и доступная для большинства, то мы должны удариться въ область предположеній. Хорошо, ударимся. Положимъ, что, при сохраненіи всѣхъ существующихъ условій нашей общественной жизни, въ каждой русской деревнѣ открыто, покрайней мѣрѣ, по одному училищу. Въ какомъ же родѣ будутъ эти училища? Чему они будутъ обучать своихъ воспитанниковъ? Отвѣчать на этотъ вопросъ не трудно, если только мы желаемъ оставаться въ границахъ правдоподобнаго. Самые пылкіе просвѣтители, не только у насъ, но даже и за границей, въ самыхъ пылкихъ своихъ мечтаніяхъ, осмѣливаются доходить только до того требованія, чтобы всѣ ихъ соотечественники и соотечественницы умѣли читать, писать и считать. Дальше этого нейдутъ покуда ни ихъ желанія, ни ихъ надежды. При настоящихъ условіяхъ дальше идти дѣйствительно невозможно, потому что не на что: денегъ не хватитъ. И такъ, въ деревенскихъ училищахъ будутъ читать, писать и считать. Въ бурсѣ этимъ не ограничиваются; стало быть, уровень преподаванія немедленно понижается, какъ только школа начинаетъ дѣлаться доступною для большинства. Такое же точно пониженіе допускается и въ личномъ составѣ учителей; въ бурсѣ учительствуютъ кандидаты и магистры духовныхъ академій, или по меньшей мѣрѣ люди, окон-

чившіе курсъ въ семинаріи; въ деревенскихъ училищахъ будутъ господствовать волостные писаря, безсрочно-отпускные солдаты, пономари, и вообще такіе люди, для которыхъ буква *ъ* составляетъ вѣчный камень преткновенія, а дѣленіе простыхъ чиселъ—крайнюю границу человѣческой премудрости. Чѣмъ невѣжественнѣе преподаватель, тѣмъ менѣе имѣетъ онъ средствъ сдѣлать ученіе привлекательнымъ для учениковъ; а чѣмъ скучнѣе и несноснѣе ученіе, тѣмъ сильнѣе долженъ быть педагогическій терроръ, потому что, разумѣется, только боль и страхъ могутъ сколько нибудь противодѣйствовать тому естественному отвращенію, которое внушаютъ отрокамъ и юношамъ безсмысленные уроки, непонятные даже самому преподавателю. Стало быть, въ предполагаемыхъ деревенскихъ училищахъ должно непремѣнно совершиться одно изъ двухъ: или водвориться терроръ, еще болѣе сильный, чѣмъ въ бурсѣ; или же, если развитію террора помѣшаютъ какія-нибудь внѣшнія гуманно-либеральныя вліянія,—все преподаваніе окажется безплоднымъ, и ученики будутъ выходить изъ школы съ тѣми же самыми знаніями, съ которыми они въ нее вступали.

Въ матеріальномъ отношеніи содержаніе учениковъ также будетъ еще хуже, чѣмъ содержаніе бурсаковъ. Какъ живутъ наши мужики, во что они одѣваются, что ѣдятъ—это, я думаю, до нѣкоторой степени извѣстно, хотя и по слухамъ, моему человѣколюбивому читателю. Какъ ни скромно, какъ ни мизерно внутреннее устройство бурсы, описанной Помяловскимъ, однако же въ этой завалящей бурсѣ есть кое-какіе предметы роскоши, неизвѣстной и недоступной огромному большинству нашихъ соотечественниковъ. Такъ, напримѣръ, бурсаки учатъ уроки при свѣтѣ дрянной лампы, которая одна освѣщаетъ большую комнату, вмѣщающую въ себѣ болѣе сотни учениковъ. Эта дрянная лампа составляетъ чистѣйшую роскошь, потому что въ мужицкихъ избахъ горитъ по вечерамъ не лампа, и даже не сальная свѣча, а лучина, при свѣтѣ которой читать книжку и заниматься наукою еще гораздо мудренѣе. Далѣе, у каждаго бурсака есть кровать съ тюфякомъ, съ подушкой и съ одѣяломъ; это уже огромная роскошь: большинство нашихъ соотечественниковъ спитъ на лежанкахъ, на лавкахъ, на палатяхъ, подкладывая подъ голову зипунъ и покрываясь въ холодное время какимъ нибудь дырявымъ полушубкомъ. Если мы предположимъ, что ученики деревенскихъ школъ живутъ у своихъ родителей и приходятъ въ школу только на классное время, то окажется, что огромное большинство этихъ экстерновъ живетъ,

ѣстъ и одѣвается хуже бурсаковъ, изображенныхъ у Помяловскаго. Если же мы предположимъ, что въ каждой деревнѣ устроенъ особый пансіонъ, въ которомъ постоянно живетъ учащееся юношество, то этотъ пансіонъ своею мизерностью и неопрятностью далеко превзойдетъ бурсу Помяловскаго. Кромѣ того, даже этотъ мизернѣйшій и грязнѣйшій пансіонъ для многихъ сельскихъ общинъ окажется совершенно непосильнымъ бременемъ.

На содержаніе бурсака казна отпускаетъ *немного;* значительная часть прилипаетъ обыкновенно къ рукамъ смотрителя, инспектора, эконома и училищной прислуги; остаткомъ поддерживается бренное существованіе бурсака; остатокъ этотъ составляетъ уже очень незначительную горсточку земныхъ благъ; но даже и по такой горсточкѣ наше общество никакъ не можетъ тратить ежегодно на *каждаго* изъ своихъ подрастающихъ членовъ. Бурсакъ живетъ очень, бѣдно и грязно; но у него есть тысячи ровесникомъ, которые живутъ еще бѣднѣе и грязнѣе; между этими тысячами, составляющими большинство русскаго молодого поколѣнія, есть очень много и такихъ, которыхъ бѣдность и грязь доводятъ до преждевременной смерти. Поэтому назвать бурсу русскою школою вовсе не значитъ обидѣть русскую школу. Разсматривая внутреннее устройство бурсы, мы вовсе не должны думать, что имѣемъ дѣло съ какимъ нибудь исключительнымъ явленіемъ, съ какимъ нибудь особенно-темнымъ и душнымъ угломъ нашей жизни, съ какимъ нибудь послѣднимъ убѣжищемъ грязи и мрака. Ничуть не бывало. Бурса — одно изъ очень многихъ, и притомъ изъ самыхъ невинныхъ проявленій нашей повсемѣстной и всесторонней бѣдности и убогости.

И такъ, будемъ разсматривать бурсу и мертвый домъ; проведемъ параллель между русскою школою и русскимъ острогомъ.

II.

Обитатели мертваго дома, или проще каторжники, занимаются, какъ извѣстно, обязательными казенными работами, которыя составляютъ одну изъ важнѣйшихъ составныхъ частей наложеннаго на нихъ наказанія. «Самая работа, говоритъ г. Достоевскій, показалась мнѣ вовсе не такъ тяжелою, *каторжною*, и только довольно долго спустя я догадался, что тяжесть и *каторжность* этой работы— не столько въ трудности и безпрерывности ея, сколько въ томъ, что

она *принужденная*, обязательная изъ-подъ палки.» (Т. I, стр. 33). Далѣе, г. Достоевскій соображаетъ очень основательно, что эта обязательная работа сдѣлалась бы еще болѣе ужасною и даже совершенно невыносимою, если бы ей былъ приданъ характеръ совершенной, полнѣйшей безполезности и безсмыслицы, то есть, если бы напримѣръ арестанта заставили переливать воду изъ одного ушата въ другой, а изъ другого въ первый, толочь песокъ, перетаскивать кучу земли съ одного мѣста на другое, и обратно.

Спрашивается теперь, есть ли въ жизни бурсаковъ какое нибудь занятіе, соотвѣтствующее обязательной работѣ каторжниковъ? Каждый бывшій бурсакъ и даже каждый читатель, знакомый съ очерками Помяловскаго, отвѣтитъ не задумываясь, что всѣ учебныя занятія бурсаковъ похожи, какъ двѣ капли воды, на обязательную работу каторжниковъ. Остается только рѣшить вопросъ, на какую именно работу похожи умственные труды бурсаковъ, на ту ли, которая дѣйствительно существуетъ въ мертвомъ домѣ, или же на ту, въ которой г. Достоевскій справедливо видитъ ужасный и, къ счастію, неосуществленный идеалъ каторжной работы? Мнѣ кажется, что работа бурсаковъ подходитъ довольно близко къ послѣдней категоріи, то есть къ мучительному переливанію воды изъ одного ушата въ другой, а изъ другого въ первый. Каждому бурсаку, еще не совсѣмъ потерявшему способность размышлять, бурсацкое зубреніе должно казаться и дѣйствительно кажется занятіемъ совершенно безсмысленнымъ, совершенно безполезнымъ, и слѣдовательно такимъ же мучительнымъ и невыносимымъ, какъ напримѣръ, безцѣльное переливаніе воды туда и обратно. Всѣ мы знаемъ очень хорошо, что бурсаки зубрятъ, или, покрайней мѣрѣ, зубрили жестоко. Но мнѣ кажется, немногіе изъ насъ отдаютъ себѣ совершенно ясный отчетъ въ томъ, что такое зубреніе или долбленіе. При поверхностномъ и невнимательномъ взглядѣ на предметъ можетъ показаться, что между простымъ запоминаніемъ и ожесточеннымъ вызубриваніемъ урока существуетъ только количественное различіе. Профаны могутъ разсуждать такъ: прочтите урокъ два или три раза, вы его запомните и будете въ состояніи пересказать его своими словами; а прочтите тотъ же урокъ разъ десять или пятнаддать,—и вы его вызубрите, то есть, будете знать его слово въ слово.—Профаны эти ошибаются. Запоминать и зубрить—это два совершенно различные процесса, и каждый изъ этихъ процессовъ имѣетъ свои специфическіе пріемы. Тотъ неопытный и несчастный смертный, который вздумалъ бы зубрить урокъ,

читая его со смысломъ и съ толкомъ отъ начала до конца, потратилъ бы даромъ oleum et operam. Запоминать значитъ вглядываться въ мысли и отдавать себѣ отчетъ въ томъ, какимъ образомъ одна мысль связывается съ другою или вытекаетъ изъ нея. Зубрить, напротивъ того, значитъ пріучать свой языкъ, свои губы, и всѣ другіе органы слова къ тому, чтобы они выдѣлывали бойко, безошибочно и въ неизмѣнной послѣдовательности тотъ длинный рядъ сложныхъ движеній, который соотвѣтствуетъ писаннымъ или печатнымъ словамъ даннаго урока. Вся штука и весь букетъ состоятъ именно въ томъ, чтобы эти движенія выдѣлывались сами собою, чтобы первое движеніе съ неодолимою силою тянуло за собою второе, третье, четвертое и такъ далѣе до самаго конца, и чтобы весь этотъ рядъ движеній совершался независимо отъ размышленія; если вы, пустившись въ эти движенія, принуждены припоминать и соображать, то это значитъ, что результатъ не достигнутъ, и что урокъ непремѣнно начнетъ высказываться собственными словами, сообразно съ вашимъ личнымъ складомъ ума и съ вашимъ индивидуальнымъ оттѣнкомъ краснорѣчія. Если вы хотите что нибудь вызубрить, то вы должны, въ какіе нибудь полтора часа совершить надъ собою ту операцію, которая въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ совершается надъ фабричнымъ, пріучающимся дѣлать, машинально, руками или ногами, тѣ или другія эволюціи. Навыкъ работника состоитъ въ томъ, что извѣстныя сочетанія движеній дѣлаются у него безъ напряженія вниманія, безъ постояннаго участія воли и размышленія. Именно такіе навыки приходится пріобрѣтать зубрящему человѣку въ самое короткое время. Если каждый день у бурсака имѣется по четыре урока, то аккуратно каждый вечеръ бурсакъ долженъ пріобрѣтать себѣ по четыре совершенно различныхъ навыка, изъ которыхъ каждый не въ примѣръ сложнѣе и замысловатѣе единственнаго навыка, пріобрѣтаемаго рабочимъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Пріобрѣтаются эти навыки слѣдующимъ образомъ: вы дѣлаете сначала первыя десять движеній, то есть произносите первые три или четыре слова урока, произносите нѣсколько разъ до тѣхъ поръ, пока они у васъ срастаются между собою на глухо; къ этимъ упроченнымъ движеніямъ вы приставляете пять или шесть новыхъ движеній, которыя черезъ нѣсколько минутъ прирастаютъ къ первымъ; затѣмъ вы оставляете въ сторонѣ образовавшуюся группу словъ, и точно такимъ же манеромъ устраиваете изъ слѣдующихъ словъ урока новую группу; затѣмъ производится склеиваніе обѣихъ группъ въ одно цѣлое;

когда склейка оказывается настолько солидною, что вы нисколько не задумываясь произносите подъ рядъ обѣ группы, тогда вы идете дальше, постоянно приклеивая къ затверженному началу урока новыя комбинаціи звуковъ. Взгляните со стороны на занимающихся учениковъ, и вы при нѣкоторой наблюдательности тотчасъ замѣтите, который изъ нихъ учитъ урокъ съ размышленіемъ и который зубритъ. Размышляющій ученикъ читаетъ книгу глазами; губы его не шевелятся, а только изрѣдка сжимаются, когда онъ, наморщивъ лобъ и прищуривъ глаза, вдумывается, припоминаетъ и резюмируетъ прочитанную страницу; онъ иногда останавливается, повертываетъ страницу назадъ, перечитываетъ вновь тѣ мѣста, въ которыхъ заключается исходная точка послѣдующихъ мыслей; на лицѣ его видна живая смѣна ощущеній; онъ обнаруживаетъ признаки недоумѣнія, онъ чего-то ищетъ, онъ чѣмъ-то озабоченъ, онъ нахмуривается; потомъ онъ нападаетъ на слѣдъ той мысли, которую онъ искалъ, физіономія его проясняется въ глазахъ проблескиваетъ лучъ радости и живого пониманія, и юный мыслитель нашъ спокойно и весело продолжаетъ свою пріостановившуюся работу. — Зубрило, напротивъ того, постоянно шевелитъ губами, и, покачиваясь всѣмъ туловищемъ, быстро вышептываетъ одно за другимъ роковыя слова урока; чѣмъ сильнѣе становится его зубрильный пафосъ, тѣмъ яростнѣе шевелятся губы, тѣмъ громче произносятся слова и тѣмъ неукротимѣе качается туловище; зубрило шалѣетъ, глаза его мутятся, и весь онъ становится похожъ на человѣка, опившагося дурманомъ, или на дервиша, закружившагося до помраченія разсудка.

Помяловскій, видавшій на своемъ вѣку множество самыхъ чистокровныхъ зубрилъ и отвѣдавшій самъ прелести этого занятія, рисуетъ очень яркими чертами процессъ бурсацкой каторжной работы и вліяніе этой работы на матеріальное и умственное здоровье бурсаковъ. «Ученики, говоритъ онъ, сидя надъ книгою, повторяли безъ конца и безъ смыслу: стыдъ и срамъ, стыдъ и срамъ, стыдъ и срамъ... потомъ, потомъ... постигли, стигли, стигли... стыдъ и срамъ... потомъ.. постигли... Такая египетская работа продолжалась до тѣхъ поръ, пока на вѣки нерушимо не запечатлѣвался въ головѣ ученика стыдъ и срамъ. Сильно мучился воспитанникъ во время урока, такъ что ученіе здѣсь является физическимъ страданіемъ, которое выразилось въ пѣснѣ: сколь блаженны тѣ народы». (Стр. 56).

«Что же удивительнаго, говоритъ онъ далѣе, что такая наука

поселяла только отвращеніе въ ученикѣ, и что онъ скорѣе начнетъ играть въ плевки или продѣнетъ изъ носу въ ротъ нитку, нежели станетъ учить урокъ? Ученикъ, вступая въ училище изъ-подъ родительскаго крова, скоро чувствовалъ, что съ нимъ совершается что-то новое, никогда имъ неиспытанное, какъ будто передъ глазами его опускаются сѣти одна за другою, въ безконечномъ рядѣ, и мѣшаютъ видѣть предметы ясно; что голова его перестала дѣйствовать любознательно и смѣло и сдѣлалась похожа на какой-то аппаратъ, въ которомъ стоитъ пожать пружину—и вотъ ротъ раскрывается и начинаетъ выкидывать слова, а въ словахъ—удивительно! - нѣтъ мысли, какъ бывало прежде». (Стр. 58) «Вонъ Данило Песковъ, продолжаетъ Помяловскій,—мальчикъ умный и прилежный, но рѣшительно неспособный долбить слово въ слово, просидѣвъ надъ книгою два часа съ половиною, поводитъ помутившимися глазами... и что же?... онъ видитъ, многіе измучились еще болѣе, чѣмъ онъ, многіе еще доканчиваютъ свою порцію изъ учебниковъ, озабоченно вычитывая урокъ и поднявъ голову кверху, какъ пьющія куры. Иные чуть не плачутъ, потому что невысокій баллъ будетъ выставленъ противъ ихъ фамиліи въ нотатѣ. Одинъ, желая возбудить въ себѣ энергію, треплетъ самъ себя за волоса»... (Стр. 59).

По мучительности своей, ученая бурсацкая работа далеко превосходитъ работу арестантовъ, которая, по словамъ г. Достоевскаго, сама по себѣ нисколько не обременительна. Съ точки зрѣнія обязательности или подневольности, работа бурсаковъ также перещеголяла работу арестантовъ. Въ первомъ томѣ своихъ «Записокъ» отъ стр. 147 до стр. 152, г. Достоевскій описываетъ арестантскую работу, ломаніе старой барки; придя на рѣку, арестанты разсаживаются по бревнамъ и закуриваютъ трубки; потомъ начинаютъ разсуждать о томъ, кто догадался ломать эту барку; потомъ критикуютъ проходящихъ мужиковъ, потомъ любезничаютъ съ калашницей и просятъ у нея того, чего мыши не ѣдятъ. Тутъ является приставъ надъ работами и приглашаетъ публику приступить; публика проситъ себѣ урока, говоритъ, что скорѣй скораго не сдѣлаешь, и начинаетъ дѣйствовать такъ вяло, что приставъ считаетъ необходимымъ плюнуть и отправиться за кондукторомъ, который исполняетъ желаніе публики и задаетъ ей урокъ.»—Такимъ образомъ работники нисколько не надрываются; они резонируютъ, благодушествуютъ, дѣлаютъ кейфъ, и даже торгуются насчетъ работъ съ своимъ ближайшимъ начальствомъ; по-

ложеніе этихъ работниковъ конечно очень тяжело и незавидно, потому что они лишены свободы и принуждены заниматься такимъ дѣломъ, которое не доставляетъ имъ ни удовольствія, ни личной выгоды; но неволя арестантовъ легка въ сравненіи съ неволею бурсаковъ; надъ послѣдними контроль по работамъ несравненно строже; арестантовъ никто не подвергаетъ взысканію за то, что они балагурятъ въ рабочее время; бурсака, напротивъ того, порятъ очень аккуратно за каждый невыученный урокъ; а что значитъ выучить урокъ—это я показалъ выше, объясняя и анализируя процессъ зубренія. Притомъ надо замѣтить, что бурсака порятъ не гуртомъ за общую неисправность работы, а порознь за каждый невыученный урокъ; при такой раздробительной системѣ воздаянія, на долю одного бурсака можетъ придтись въ одинъ день по нѣскольку сѣченій, чего съ арестантомъ уже никакимъ образомъ случиться не можетъ, такъ какъ въ острогѣ право казнить и миловать принадлежитъ одному начальству, а въ бурсѣ это право распредѣляется между многими учителями. «Когда приходилось, говоритъ Помяловскій, что три описанные учителя занимали уроки въ одинъ и тотъ же день, то одного и того же ученика сѣкли нѣсколько разъ. Такъ Карася, случалось, отдирали четыре раза въ одинъ день (впродолженіи всей училищной жизни непремѣнно разъ четыреста)». (Стр. 114). Далѣе, по своей занимательности, работа бурсака стоитъ положительно ниже ломанія барки или дѣланія кирпича, и можетъ быть поставлена на одну доску съ переливаніемъ воды изъ ушата въ ушатъ. Если мнѣ возразятъ, что бурсакъ въ этой работѣ можетъ видѣть средство добиться хорошаго аттестата и составить себѣ каррьеру, то я отвѣчу, что и арестантъ, посаженный въ острогъ на извѣстное число лѣтъ, можетъ видѣть въ исправномъ переливаніи воды дорогу къ освобожденію. Въ самомъ дѣлѣ, если бы арестантъ, осужденный на переливаніе воды, вздумалъ заупрямиться, и отказался бы отъ своей безплодной и мучительно-скучной работы, то его стали бы наказывать, а если бы дисциплинарныя наказанія не сломили его упрямства, то его вторично отдали бы подъ судъ за дурное поведеніе, и время его заключенія увеличилось бы въ болѣе или менѣе значительныхъ размѣрахъ. Точно также поступаютъ и съ лѣнивымъ бурсакомъ: сначала его отечески наказываютъ, а потомъ его исключаютъ, то есть, у него отнимаютъ аттестатъ и каррьеру. Стало быть, интересъ работы одинаковъ для бурсака, зубрящаго «*стыдъ и срамъ*», и для арестанта, переливающаго воду изъ ушата въ ушатъ, по-

тому что первый за небрежное выполненіе работы лишается нѣкоторыхъ выгодъ, а второй за то же самое подвергается нѣкоторымъ невыгодамъ. Цѣль бурсака состоитъ въ томъ, чтобы доплестись всѣми правдами и неправдами до выпускного экзамена; цѣль арестанта въ томъ, чтобы безпакостно дожить до дня освобожденія. Обѣ эти цѣли до такой степени отдаленны, что онѣ нисколько не могутъ освѣтить и украсить собою обязательную работу. Человѣкъ можетъ работать охотно и весело только тогда, когда онъ постоянно извлекаетъ себѣ изъ работы немедленную выгоду, или когда самый процессъ работы доставляетъ ему непосредственное удовольствіе. Когда работа сама по себѣ имѣетъ какой нибудь внутренній смыслъ, понятный для работника, тогда возможно увлеченіе работою, хотя бы даже и обязательною. Но такъ какъ затверживаніе *стыда и срама* не имѣетъ никакого внутренняго смысла, и въ то же время требуетъ очень сильнаго напряженія энергіи и вниманія, то далекая перспектива аттестата и карьеры становится совершенно недѣйствительною, и юношество подвигается впередъ по узкому и скорбному пути бурсацкой премудрости при содѣйствіи такихъ героическихъ средствъ, которыя могли бы испугать даже обитателей мертваго дома, и которыя даже въ мертвомъ домѣ оказались бы необходимыми только въ томъ немыслимомъ случаѣ, если бы начальству вздумалось пріурочить арестантовъ къ безсмысленному переливанію воды семо и овамо.

III.

Другая сходная черта бурсы и мертваго дома состоитъ въ мизерности того содержанія, которое получаютъ обитатели этихъ двухъ, одинаково воспитательныхъ или одинаково карательныхъ заведеній. Здѣсь опять пальма первенства остается за бурсою, покрайней мѣрѣ за тою бурсою, которую, описалъ Помяловскій. Что ѣдятъ бурсаки и что ѣдятъ арестанты? Качества ихъ щей, каши и такъ далѣе, мы, разумѣется, сравнивать не можемъ, потому что къ сочиненіямъ Помяловскаго и г. Достоевскаго не приложено, въ видѣ pièces justificatives, образчиковъ этихъ деликатныхъ кушаній; оба говорятъ, что скверно, а что хуже, объ этомъ по описанію судить мудрено. Но есть одинъ осязательный пунктъ, который доказываетъ, что бурсакамъ было хуже жить, чѣмъ арестантамъ. Какъ

бы ни былъ дуренъ обѣдъ, но во всякомъ случаѣ, если только хлѣба дается въ волю, до-отвалу, то человѣкъ обезпеченъ, покрайней мѣрѣ, противъ голода. Чѣмъ отвратительнѣе обѣдъ, тѣмъ важнѣе становится вопросъ о хлѣбѣ, который при дурномъ обѣдѣ дѣлается самою главною статьею питанія. И—какъ бы вы думали?—хлѣбъ въ бурсѣ выдавался счетомъ, а въ мертвомъ домѣ давалось хлѣба, сколько угодно. «Большинство, говоритъ Помяловскій, не желало дѣлиться съ нимъ (съ воспитанникомъ, оставленнымъ безъ обѣда) запаснымъ хлѣбомъ: впрочемъ, и дѣлиться было не изъ чего: утреннихъ и вечернихъ фрипшиковъ въ бурсѣ не полагалось; *за обѣдомъ выдавали только по два ломтя хлѣба*, изъ которыхъ одинъ съѣдался въ столовой, а другой уносился въ карманѣ про запасъ». (Стр. 123). По моему мнѣнію, эти скверные *два ломтя*, эта низкая плюшкинская скаредность, выжимающая сокъ изъ молодыхъ желудковъ, несравненно отвратительнѣе всевозможныхъ мордобитій и сѣченій *на воздусяхъ*. Мнѣ кажется даже, что эта скаредность вреднѣе жестокихъ наказаній по своимъ послѣдствіямъ, какъ матеріальнымъ, такъ и нравственнымъ.

Въ мертвомъ домѣ дѣло продовольствованія велось гораздо благопристойнѣе.

«Впрочемъ, говоритъ г. Достоевскій, арестанты, хвалясь своею пищею, говорили только про одинъ хлѣбъ и благословляли именно то, что хлѣбъ у насъ общій, а не выдается съ вѣсу. Послѣднее ихъ ужасало; при выдачѣ съ вѣсу, треть людей была бы голодная; въ артели же всѣмъ доставало. Хлѣбъ нашъ былъ какъ-то особенно вкусенъ и этимъ славился во всемъ городѣ». (Стр. 35 I тома).

Изъ разговоровъ между арестантами видно, что они питаютъ глубокое уваженіе къ своему хлѣбу.—«Бирюлина корова! говоритъ одинъ арестантъ другому,—ишь отъѣлся на острожномъ *чистякѣ*. (I, 37)».—На волѣ не умѣли жить, говорится далѣе, — рады, что здѣсь до *чистяка* добрались (I. 41). «*Чистякомъ*, объясняетъ г. Достоевскій въ подстрочномъ примѣчаніи,—назывался хлѣбъ изъ чистой муки, безъ примѣси».—Это названіе очень выразительно. Оно показываетъ лучше всякихъ политико-экономическихъ разсужденій, какіе мы богатые люди. Хлѣбъ, испеченный изъ чистой муки, безъ примѣси разныхъ неудобоваримыхъ гадостей, въ родѣ отрубей, мякины, лебеды и древесной коры, долженъ у насъ отличаться особеннымъ хвалебнымъ именемъ отъ того обыкновеннаго хлѣба, которымъ питаются сплошь и рядомъ наши рабочіе классы. Этимъ

чистякомъ арестанты колятъ другъ другу глаза, выражая ту мысль, что-молъ ты, свинья, на свободѣ и не нюхалъ такихъ отборныхъ и утонченныхъ кушаній. Въ этихъ взаимныхъ попрекахъ, какъ вообще во всякихъ ругательныхъ выходкахъ, есть непремѣнно своя доля преувеличенія; но для того, чтобы такой попрекъ могъ сформироваться, ему надо все-таки имѣть нѣкоторое основаніе въ общихъ и общензвѣстныхъ фактахъ русской жизни. Арестантъ не станетъ попрекать своего товарища тѣмъ, что вотъ-молъ ты на свободѣ голый ходилъ, а теперь радъ, что добрался до казенной рубашки. Такой попрекъ не произвелъ бы никакого эффекта на острожную публику, потому что такой попрекъ совершенно неправдоподобенъ. Голыхъ людей въ Россіи дѣйствительно не имѣется, но людей, набивающихъ себѣ желудокъ разною дрянью, имѣется во всякое время очень достаточное количество. Во всякомъ случаѣ спасибо мертвому дому за *чистякъ*, на которомъ можно отъѣсться. Сравнивая этотъ *чистякъ* съ несчастными *двумя лоттями* бурсы, мы узнаемъ ту поучительную истину, что въ нашей великой и обильной странѣ даже добросовѣстная раздача хлѣба должна вызывать къ себѣ нѣкоторое уваженіе, и считаться едва ли не за патріотическій подвигъ.

Если начальство бурсы рѣшалось соблюдать мудрую экономію даже при раздачѣ простого хлѣба, то, разумѣется, съ остальными предметами первой необходимости и подавно нечего было церемониться, такъ что бурсаки во всѣхъ отношеніяхъ должны были уподобляться гарнизону осажденной крѣпости или экипажу корабля, застигнутаго безвѣтріемъ въ открытомъ морѣ. Отопленіе и освѣщеніе бурсы производились съ самою примѣрною бережливостью. «Въ классѣ совершенно темно, говоритъ Помяловскій, потому что начальство изъ экономическаго разсчета зажигало лампу только въ часы занятій». (Стр. 39). «Начальство, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, печей не топило по недѣлѣ; ученики воровали дрова, но это не всегда случалось, и товарищество, ложась подъ холодныя одѣяла, должно было покрываться своими шубами и шинелями». (Стр. 65). Обитатели мертваго дома не испытывали ни одного изъ этихъ двухъ неудобствъ, — ни темноты, ни холода. «Плацъ-маіоръ или караульные, говоритъ г. Достоевскій, являлись иногда въ острогъ довольно поздно ночью, входили тихо и накрывали и играющихъ, и работающихъ, и лишнія свѣчки, которыя можно было видѣть еще со двора». (Стр. 95, т. I). *Лишними свѣчками* здѣсь называются собственныя свѣчи арестантовъ. Выше

на стр. 93, было сказано, что «каждый держалъ свою свѣчу и свой подсвѣчникъ, большею частью деревянный». Но если были *лишнія* свѣчи, то, стало быть, были и не лишнія, казенныя, которыми казарма должна была освѣщаться постоянно, отъ вечерней зари до утренней. Говоря о различныхъ непріятностяхъ острожной жизни, г. Достоевскій упоминаетъ о мефитическомъ воздухѣ, о нечистотѣ, о множествѣ насѣкомыхъ, но о сырости и холодѣ не сказано ни слова. Значитъ, надо полагать, что топили хорошо. Разумѣется, на это были свои мѣстныя причины; на берегахъ Иртыша дрова несравненно дешевле, чѣмъ на берегахъ Невы. «Дрова въ городѣ, говоритъ г. Достоевскій, продавались по цѣнѣ ничтожной, и кругомъ лѣсу было множество». (I, 139). Но каковы бы ни были причины, во всякомъ случаѣ это нисколько не измѣняетъ того печальнаго факта, что бурсаки страдали отъ сырости и отъ холода, и, въ этомъ отношеніи могли завидовать обитателямъ мертваго дома. Что же касается до мефитическаго воздуха, до нечистоты, и до паразитовъ, то здѣсь бурса и мертвый домъ нисколько не уступаютъ другъ другу. Впрочемъ кажется и тутъ можно отыскать одно обстоятельство, оставляющее пальму первенства за бурсою. «Наконецъ, — говоритъ г. Достоевскій, описывая жизнь въ гошпиталѣ,—уже послѣ вечерняго посѣщенія доктора, вошелъ караульный унтеръ-офицеръ, сосчиталъ всѣхъ больныхъ, и палату заперли, внеся въ нее предварительно ночной ушатъ. Я съ удивленіемъ узналъ, что этотъ ушатъ останется здѣсь всю ночь, тогда какъ настоящее ретирадное мѣсто было тутъ же въ корридорѣ, всего только два шага отъ дверей». (II, 16). Такъ какъ разсказчикъ попалъ въ гошпиталь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего поступленія въ острогъ, то его удивленіе по поводу ушата было бы немыслимо, если бы такой же точно обычай былъ заведенъ и въ казармѣ. Удивленіе разсказчика показываетъ ясно, что въ казармѣ ночныхъ ушатовъ не было.—У Помяловскаго же бурсацкія спальни описываются слѣдующимъ образомъ: «Съ дома, особенно съ деревень, привозились въ запасъ огромные бѣлые хлѣбы, масло, толокно, грибы въ сметанѣ, моченыя яблоки. Отъ этихъ припасовъ отдѣлялись особаго рода запахи и наполняли собою воздухъ; съ этими запахами мѣшались нецензурные міазмы; отъ стѣнъ, промерзавшихъ зимою въ сильные морозы насквозь, несло сыростью, сальныя свѣчи въ шандалахъ дѣлали атмосферу горькою и ѣдкою, и ко всему этому надо прибавить, что въ углу у дверей стоялъ огромный ушатъ, наполненный до половины какою-то жидкостью и замѣнявшій мѣ-

сто нечистотъ. Къ такой ядовитой атмосферѣ долженъ былъ привыкать ученикъ, и повѣритъ ли кто, что большинство, живя въ зараженномъ воздухѣ, утрачивало наконецъ способность чувствовать отвращеніе къ нему». (Стр. 65). Здѣсь ушатъ составляетъ постоянное явленіе, которое уже никого не удивляетъ. Пребываніе ушата въ госпитальной палатѣ объясняется тѣмъ, что палату велѣно на ночь запирать; а запираютъ ее для того, чтобы арестанты ночью какъ нибудь не ухитрились убѣжать. Г. Достоевскій доказываетъ очень убѣдительно, что убѣжать нѣтъ возможности, но во всякомъ случаѣ чрезмѣрная мнительность начальства, при всей своей неосновательности, до нѣкоторой степени понятна; такъ какъ побѣги дѣйствительно случаются, и случаются иногда при такой обстановкѣ, при которой ихъ повидимому невозможно было предположить, то, разумѣется, болѣзненная мнительность поддерживается, и начальство, которому не приходится дышать вмѣстѣ съ арестантами зараженнымъ воздухомъ, запираетъ ихъ на всю ночь вмѣстѣ съ ушатомъ, придерживаясь того правила, что лишняя предосторожность, хотя бы и совершенно безсмысленная, испортить дѣла не можетъ. Въ казарму ушата вносить не зачѣмъ, и тамъ онъ дѣйствительно не вносится. Это различіе происходитъ отъ того, что, находясь у себя въ острогѣ, арестантъ окруженъ со всѣхъ сторонъ самымъ бдительнымъ надзоромъ; сдѣлавшись больнымъ, арестантъ напротивъ того приходитъ въ общій военный госпиталь, въ которомъ только одна арестантская палата караулится такъ, какъ положено караулить острогъ. Поэтому больного арестанта лишаютъ даже той доли свободы, которая предоставлена здоровому арестанту. Здоровый можетъ ходить днемъ по всему острогу, а ночью по всей своей казармѣ; больной напротивъ того остается почти безвыходно въ той комнатѣ, которая въ госпиталѣ служитъ представительницею острога. Все это очень тяжело, но понятно. Что же касается до ушата, украшающаго спальню бурсаковъ, то его уже невозможно объяснить никакою начальственною мнительностью и никакими глубокомысленными плацъ-маіорскими соображеніями. Тутъ сіяетъ во всей своей красотѣ одно голое свинство... Если бы бурсаки вздумали просить начальство объ удаленіи ушатовъ, то можно сказать навѣрное, что просителей перепороли бы за вольнодумство. Въ самомъ дѣлѣ, думаютъ, ушатъ поставленъ въ спальню начальствомъ, слѣдовательно къ ушату надо питать глубокое уваженіе, и возставать противъ ушата значитъ сомнѣваться въ начальственной благости

и въ начальственной мудрости. Первый шагъ строптиваго юношества на этомъ гибельномъ пути отрицанія можетъ повести за собою неисчислимыя послѣдствія. Поэтому начальство непремѣнно должно отстаивать ушатъ, какъ видимое проявленіе и вещественный знакъ невещественной отеческой заботливости, предусмотрительности и распорядительности, украшающей жизнь бурсака всевозможными высокими и плодотворными наслажденіями.

О невѣроятномъ изобиліи насѣкомыхъ г. Достоевскій и Помяловскій сообщаютъ одинаково любопытныя свѣдѣнія. «Блохи, говоритъ г. Достоевскій, кишатъ міріадами. Онѣ водятся у насъ и зимою, и въ весьма достаточномъ количествѣ, но начиная съ весны разводятся въ такихъ размѣрахъ, о которыхъ я хоть и слыхивалъ прежде, но, не испытавъ на дѣлѣ, не хотѣлъ вѣрить. И чѣмъ дальше къ лѣту, тѣмъ злѣе и злѣе онѣ становятся. Правда, къ блохамъ можно привыкнуть, я самъ испыталъ это; но все-таки это тяжело достается. До того бывало измучаютъ, что лежишь наконецъ словно въ лихорадочномъ жару и самъ чувствуешь, что не спишь, а только бредишь». (II, 112).

«Этихъ насѣкомыхъ (вшей), говоритъ Помяловскій, было огромное количество въ бурсѣ. Не повѣрятъ, что одинъ ученикъ былъ почти съѣденъ ими; онъ служилъ какимъ-то огромнымъ гнѣздомъ для паразитовъ; цѣлыя стада на виду ходили въ его нестриженой и нечесаной головѣ; когда однажды сняли съ него рубашку, и вынесли ее на снѣгъ, то снѣгъ зачернѣлся отъ нихъ. Вообще неопрятность бурсы была поразительна; золотуха, чесотка и грязь ѣли тѣло бурсака». (Стр. 18).

IV.

Теперь декораціи обрисованы; надо познакомиться съ физіономіями и характерами дѣйствующихъ лицъ. Такъ какъ мы замѣтили поразительное сходство въ тѣхъ условіяхъ, которыми обставлено существованіе бурсаковъ и арестантовъ, то нужно ожидать уже заранѣе, что обнаружится сходство и въ тѣхъ нравственныхъ послѣдствіяхъ, которыя развиваются изъ данныхъ условій.

Гнетъ, обязательная работа, лишенія и грязь—вотъ тѣ неудобства, которыя въ большей или меньшей степени отравляютъ собою существованіе арестантовъ и бурсаковъ. Что же изъ этого должно получиться? И въ какихъ формахъ должно здѣсь выразиться то

неистребимое чувство самосохраненія, которое вездѣ и всегда является самымъ сильнымъ двигателемъ отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ обществъ?

Представьте себѣ, что въ одну тѣсную кучу собрано нѣсколько десятковъ людей, которыхъ насильно держатъ впроголодь, и которымъ не даютъ вообще самыхъ необходимыхъ принадлежностей матеріальнаго благосостоянія. При этомъ, этихъ людей занимаютъ съ утра до вечера такими работами, отъ которыхъ нисколько не можетъ улучшиться ихъ невыносимое положеніе. Спрашивается, о чемъ должны думать эти люди, и что они должны чувствовать? Отвѣчать, кажется, не трудно. Они должны думать о томъ, нельзя ли какимъ нибудь образомъ промыслить себѣ какой нибудь лакомый кусокъ, или беремя дровъ для печки, или вообще такую штуку, которая въ данную минуту доставила бы мимолетное облегченіе организму, измученному различными лишеніями. Всѣ помыслы и всѣ желанія должны быть постоянно устремлены туда, куда указываютъ неудовлетворенныя потребности организма. Осуществленіе этихъ естественныхъ и неизбѣжныхъ желаній до крайности затруднительно. Ему постоянно мѣшаютъ тѣ люди, которые наблюдаютъ за неуклоннымъ выполненіемъ обязательныхъ работъ. Отсюда, разумѣется, должна развиться глухая, но ожесточенная борьба между наблюдателями и работниками. Отсюда рождаются между тѣми и другими взаимная ненависть и взаимное недовѣріе. Наблюдатели дѣйствуютъ открытою силою; работники, какъ люди подначальные, поднимаются на разныя хитрости; замѣтивъ эти хитрости, наблюдатели стараются ихъ проникнуть и разрушить; для этого пускается въ ходъ шпіонство, болѣе или менѣе утонченное и замысловатое. Словомъ, свирѣпствуетъ война во всѣхъ своихъ видоизмѣненіяхъ и со всѣми своими неизбѣжными нравственными послѣдствіями. Но все это — только одна сторона дѣла. Прежде всего надо конечно обмануть наблюдателей, увернуться на нѣсколько времени изъ-подъ ихъ надзора, сбросить съ плечъ тяжесть обязательной работы, но затѣмъ, своротивъ съ дороги это препятствіе, надо еще предпринять что нибудь такое, вслѣдствіе чего получились-бы продукты, соотвѣтствующіе потребностямъ истомленнаго организма. Словомъ, надо выработать или похитить. Послѣдній способъ пріобрѣтенія конечно не одобряется ни сводомъ законовъ, ни ученіемъ моралистовъ, ни даже общепринятыми житейскими обычаями. Къ сожалѣнію надо сознаться, что организмъ, принужденный бороться съ обществомъ за свое собственное

существованіе, становится обыкновенно внѣ всякихъ законовъ и обычаевъ. Органическая потребность, долго ненаходящая себѣ удовлетворенія, доводитъ желанія до такой крайней степени напряженія, что наконецъ для желающаго субъекта всѣ средства становятся безразличными, лишь бы только они вели къ предположенной цѣли. Всѣ фанатики, какъ бы ни были противоположны ихъ стремленія, сходны между собою по своей неразборчивости въ средствахъ, а фанатизмъ—не что иное, какъ любовь къ какой нибудь идеѣ, дошедшая до степени непреодолимой органической потребности. Поэтому можно сказать навѣрное, что человѣкъ, измученный голодомъ и холодомъ, будетъ для удовлетворенія своихъ потребностей работать или воровать, смотря потому, который изъ этихъ двухъ промысловъ окажется для него болѣе сподручнымъ и производительнымъ. Съ особеннымъ наслажденіемъ онъ будетъ воровать у тѣхъ людей, которые заставляютъ его голодать и терпѣть холодъ; здѣсь воровство будетъ ему казаться только необходимымъ возстановленіемъ нарушенной справедливости; легко можетъ случиться, что и другіе люди, непричастные къ этому воровству, произнесутъ объ немъ почти такое же сужденіе. Что бы вы сказали, напр., если бы голодные бурсаки пошли воровать хлѣбъ у того экономa, который выдаетъ имъ за обѣдомъ по два ломтя? Быть можетъ, вы сказали бы, что поступокъ бурсаковъ, по внѣшней формѣ своей, конечно неправиленъ, но что настоящимъ воромъ въ этомъ дѣлѣ оказывается экономъ, хотя онъ и не пускаетъ въ ходъ неприличныхъ воровскихъ пріемовъ. Впрочемъ я, по добротѣ души моей, не совѣтую вамъ отваживаться на такія рискованныя умствованія. Я предупреждаю васъ, что этотъ путь очень скользокъ и опасенъ. Чтобы не съѣхать по этому пути въ невѣдомую вамъ глубину мучительныхъ соціальныхъ вопросовъ, держитесь крѣпко, держитесь руками и зубами за внѣшнюю форму человѣческихъ поступковъ. Въ данномъ случаѣ немедленно приговаривайте къ розгамъ и къ исключенію тѣхъ бурсаковъ, которые посягнули на казенный хлѣбъ, и такъ же немедленно приглашайте къ себѣ въ домъ, какъ знакомаго и друга, того искуснаго экономa, который изъ казеннаго хлѣба умѣетъ выкраивать шелковыя платья для своей супруги и для своихъ дочерей.

Кто усвоилъ себѣ техническую сторону хищничества, и кто при этомъ постоянно голодаетъ и зябнетъ, тотъ непремѣнно постарается развернуть свои таланты во всей ихъ обширности, и никакъ не

захочетъ ограничивать ихъ приложеніе узкою сферою казеннаго буфета.

Кто началъ свое поприще съ набѣговъ на казенныя дрова и на казенный хлѣбъ, тотъ пойдетъ дальше, если только нужда будетъ угнетать его по прежнему. Привычка и умѣнье красть ставятъ человѣка въ разрѣзъ съ законами и обычаями; попавши разъ въ это оппозиціонное положеніе, человѣку трудно остановиться; если онъ оправдалъ въ своихъ собственныхъ глазахъ кражу хлѣба у экономa, то онъ съумѣетъ оправдать кражу съѣстныхъ припасовъ въ мелочной лавочкѣ; основная причина воровства, голодъ, продолжаетъ существовать и подавляетъ очень легко робкія возраженія совѣстливости, деликатности и справедливости. Лавочникъ конечно ни сколько не виноватъ въ томъ, что бурсака дурно кормятъ; но вѣдь и самъ бурсакъ въ этомъ также нисколько не виноватъ; на него навалпваютъ мученія голода ни за что, ни про что; съ нимъ самимъ поступаютъ несправедливо, и это онъ чувствуетъ; поэтому онъ и старается перебросить на перваго встрѣчнаго, хоть, напримѣръ, на лавочника часть той подавляющей тяжести, которую онъ, бурсакъ, несетъ совершенно безвинно, по волѣ благодѣтельнаго начальства. Пріучившись красть съѣстное, бурсакъ сообразитъ безъ особеннаго труда, что, посредствомъ обмѣна, всевозможные предметы могутъ быть превращаемы въ булки и въ калачи. Тогда начнется сплошное похищеніе всего, что имѣетъ какую нибудь мѣновую цѣнность. Постоянное упражненіе въ хищничествѣ разовьетъ въ данномъ субъектѣ именно тѣ качества и способности, которыя совершенно неумѣстны въ благоустроенномъ обществѣ. Чрезмѣрное развитіе этихъ противуобщественныхъ способностей и наклонностей задушитъ всякое расположеніе къ правильному и спокойному труду. Данный субъектъ пустится обирать всѣхъ, своихъ и чужихъ, начальниковъ, сосѣдей и даже товарищей. Наконецъ онъ попадется; его отпорятъ и выключатъ; онъ очутится на улицѣ безъ аттестата, безъ ремесла, съ пустымъ желудкомъ и съ очень замѣчательными хищническими инстинктами и способностями. Живи такой субъектъ въ XVI столѣтіи, онъ отправился бы въ запорожскую сѣчь и сдѣлался бы лучшимъ украшеніемъ тамошняго казачества. Но такъ какъ въ наше прозаическое время казацкіе подвиги строго запрещены уголовными законами, то предпріимчивый юноша, по выходѣ изъ бурсы, не превратится въ знаменитаго героя и будетъ тихо и скромно заниматься мазурничествомъ до тѣхъ поръ, пока его беззако-

нія не переполнятъ мѣры полицейскаго долготерпѣнія. Когда же, не смотря на его похвальную скромность, его возрастающая слава обратитъ на себя вниманіе мѣстнаго начальства, тогда его препроводятъ, для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ, въ одинъ изъ многихъ мертвыхъ домовъ, находящихся въ европейской или азіятской Россіи. Мертвый домъ не испугаетъ нашего юношу, который въ своемъ новомъ жилищѣ увидитъ знакомыя картины, способныя освѣжить въ его памяти дни его печальнаго отрочества. Если юноша окажется способнымъ окинуть все свое прошедшее общимъ философскимъ взглядомъ, то онъ, вѣроятно, сообразитъ, что мертвый домъ составляетъ для него естественное продолженіе и логическій результатъ бурсы.

V.

Въ предыдущей главѣ была проведена та мысль, что, еще очень недавно, бурса систематически направляла нѣкоторыхъ изъ своихъ питомцевъ къ мертвому дому. Въ подкрѣпленіе этой мысли я правда не могу привести никакихъ статистическихъ фактовъ, потому что подобные факты еще не собраны: мы рѣшительно не знаемъ, изъ какихъ элементовъ слагается населеніе нашихъ мертвыхъ домовъ и какъ велико число бурсаковъ, погибшихъ для общества, въ сравненіи съ общимъ числомъ юношей, обучавшихся въ былые годы въ духовныхъ училищахъ. Достовѣрныя статистическія цифры рѣшили бы вопросъ, но когда нѣтъ цифръ, тогда слѣдуетъ принимать въ соображеніе такіе матеріалы, какъ «Очерки бурсы» Помяловскаго, котораго до сихъ поръ еще ни одинъ бывшій бурсакъ не рѣшался уличать въ искаженіи фактовъ или въ ложности основнаго колорита. «Надобно замѣтить, говоритъ Помяловскій, характеристическую черту бурсацкой морали: воровство считалось предосудительнымъ только относительно товарищества. Было три сферы, которыя по нравственному отношенію къ нимъ бурсака были совершенно отличны одна отъ другой. Первая сфера — товарищество, вторая—общество, то есть все, что было внѣ стѣнъ училищныхъ, за воротами его: здѣсь воровство и скандалы одобрялись бурсацкою коммуной, особенно когда дѣло велось хитро, ловко и остроумно. Но въ такихъ отношеніяхъ къ обществу не было злости или мести: позволялось красть только съѣдобное: поэтому обо-

красть лавочника, разнощика, сидѣльца уличнаго—ничего, а украсть, хоть бы на сторонѣ, деньги, одежду и тому подобное, считалось и въ самомъ товариществѣ мерзостью. Третья сфера—начальство: ученики гадили ему злорадостно и съ местью. Такъ сложилась бурсацкая этика.... Теперь также понятно, отчего это въ бурсацкомъ языкѣ такъ много самобытныхъ фразъ и рѣченій, выражающихъ понятіе кражи: вотъ откуда всѣ эти *сбондили, сляпсили, сперли, стибрили, объегорили* и тому подобныя». (Стр. 83.) Нельзя сказать, чтобы эти общепризнанныя нравственныя правила бурсы отличались особенною строгостью. Но любопытно замѣтить что эта теорія все-таки стоитъ выше той житейской практики которую изображаетъ самъ же Помяловскій.

По теоріи, воровство относительно товарищества считается предосудительнымъ. А на практикѣ, Аксютка обворовываетъ своихъ товарищей, пользуется между ними репутаціею извѣстнаго мазурика и въ то же время не подвергается съ ихъ стороны никакимъ преслѣдованіямъ; съ нимъ обращаются, какъ съ хорошимъ товарищемъ и какъ лихимъ удальцомъ. Самъ онъ постоянно веселъ, развязенъ и самодоволенъ, чего никакъ не могло бы быть, если бы все товарищество обращалось съ нимъ, какъ съ негодяемъ и отверженцемъ. А что бурсацкое товарищество дѣйствительно умѣетъ преслѣдовать тѣ преступленія, которыя возбуждаютъ его негодованіе, что можно усмотрѣть изъ трагической исторіи фискала Семенова, выведеннаго на сцену въ первомъ очеркѣ Помяловскаго. Этого Семенова въ одинъ вечеръ избили, обокрали, высѣкли и наконецъ чуть-чуть не задушили дымомъ горящей ваты. Къ этому надо еще прибавить, что съ нимъ никто не говорилъ съ той минуты, какъ его огласили фискаломъ. Сравнивая печальную судьбу фискала Семенова съ постояннымъ ликованіемъ вора Аксютки, я прихожу къ тому заключенію, что воровство въ бурсѣ не считалось предосудительнымъ даже относительно товарищества. Что Аксютка не ограничивался похищеніемъ съѣстныхъ припасовъ—на это у Помяловскаго имѣется также достаточное количество доказательствъ. Первый шагъ Аксютки на глазахъ читателя состоитъ въ томъ, что онъ крадетъ ночью у товарища волчью шубу, которая, при поголовной бурсацкой бѣдности, должна была считаться великою драгоцѣнностью. Что такая покража совершилась, въ этомъ нѣтъ еще ничего особенно удивительнаго и характернаго. Подобные случаи возможны даже въ самыхъ приличныхъ и благоустроенныхъ заведеніяхъ, потому что въ семьѣ не

безъ урода. Но замѣчательно то, что пропажа шубы осталась безъ всякихъ послѣдствій; описавши воровскую продѣлку Аксютки, Помяловскій уже не возвращается больше къ этому предмету; шуба канула въ воду, и на другой день въ бурсацкомъ товариществѣ объ этомъ событіи не было даже никакого разговора. Значитъ, приходится предположить, что подобные случаи очень нерѣдки, и что владѣлецъ украденной шубы, быть можетъ, ждетъ только слѣдующей ночи, чтобы наверстать свою потерю на комъ-нибудь изъ своихъ безпечныхъ товарищей. Если это предположеніе сколько нибудь основательно, то бурсацкая этика, о которой говоритъ Помяловскій, оказывается въ совершенномъ разладѣ съ фактами дѣйствительной бурсацкой жизни, или, по крайней мѣрѣ, не обнаруживаетъ на эти факты никакого регулирующаго вліянія. Мнѣ кажется, настоящая бурсацкая этика состоитъ только въ томъ, что нѣкоторыми воровскими подвигами можно хвастаться во всеуслышаніе, а другіе слѣдуетъ покрывать благоразумнымъ молчаніемъ. Оно и понятно. Если вы обокрали вашего товарища, то не можете же вы въ его присутствіи разсказать вашу продѣлку, за которую оскорбленный собственникъ можетъ тотчасъ же вступить съ вами въ рукопашный бой. Что же касается до общественнаго мнѣнія бурсы, то оно, повидимому, относится совершенно равнодушно ко всякимъ неправильнымъ передвиженіямъ собственности, гдѣ бы они ни совершались и въ какихъ бы формахъ они ни обнаруживались. Тебя обокрали, говоритъ общество, — ты самъ и вѣдайся съ воромъ, самъ разыскивай его, самъ отнимай у него твою собственность и самъ наказывай его за нарушеніе твоего спокойствія. Если же у тебя на все это не хватитъ умѣнья и силы, если воръ вторично одурачитъ тебя или намнетъ тебѣ же бока, то намъ, постороннимъ зрителямъ, до этого не будетъ никакого дѣла, и мы сами очень добродушно будемъ смѣяться надъ твоею неловкостью и надъ твоимъ безсиліемъ.—Такъ разсуждаютъ обыкновенно всѣ первобытныя общества, и было бы очень удивительно, если бы бурса разсуждала иначе. Помяловскій разсказываетъ, что нѣкоторые бурсаки умилостивляли и задобривали подарками знаменитаго вора Аксютку, чтобы онъ пощадилъ ихъ достояніе. Вотъ видите! А почему же тѣ же бурсаки и не думали умилостивлять и задобривать фискаловъ, несмотря на то, что фискалъ, находящійся въ союзѣ съ начальствомъ, гораздо опаснѣе вора, котораго начальство, разумѣется, не станетъ поддерживать? Потому что въ борьбѣ съ фискаломъ

каждая отдѣльная личность чувствовала за собою единодушную, горячую и энергическую поддержку всего бурсацкаго общества; фискалъ былъ всегда одинокимъ явленіемъ, поразительною аномаліею, гнуснымъ уродомъ, котораго безобразіе бросалось въ глаза всему окружающему обществу; почти каждый бурсакъ, положа руку на сердце, могъ смѣло сказать, что онъ самъ нисколько не фискалъ; поэтому всеобщее негодованіе противъ фискала было такъ неподдѣльно и неудержимо, что оно не допускало и мысли о какихъ бы то ни было компромиссахъ съ преступникомъ. Съ воромъ, напротивъ того, каждому надо было бороться одинъ на одинъ; публика въ воровскомъ поступкѣ видѣла преимущественно его изящную сторону; публика любовалась отвагою и хитростью похитителя, почти каждый бурсакъ, положа руку на сердце, долженъ былъ признаться, что онъ также способенъ учинить похищеніе; поэтому, союзъ всего общества противъ вора былъ невозможенъ, и знаменитый воръ въ бурсацкомъ мірѣ могъ играть роль грознаго божества, умилостивляемаго посильными жертвоприношеніями.

Въ мертвомъ домѣ умилостивленій не было, но воровство процвѣтало, и такъ какъ арестанты были отгорожены отъ внѣшняго міра крѣпкими стѣнами и частоколами, то это воровство имѣло совершенно междуусобный характеръ. Воронъ очень смѣло выклевывалъ глаза ворону, или, говоря по французски, les loups se mangeaient entre eux (волки ѣли другъ друга.)

«Вообще, говоритъ г. Достоевскій, всѣ воровали другъ у друга ужасно. Почти у каждаго былъ свой сундукъ, съ замкомъ для храненія казенныхъ вещей. Это позволялось; но сундуки не спасали. Я думаю, можно представить, какіе тамъ были искусные воры. У меня одинъ арестантъ, искренно преданный мнѣ человѣкъ (говорю это безъ всякой натяжки), укралъ библію, единственную книгу, которую позволялось имѣть въ каторгѣ; онъ въ тотъ же день мнѣ самъ сознался въ этомъ, не отъ раскаянія, но жалѣя меня, потому что я ее долго искалъ.» (I, 28).

Кромѣ воровства въ мертвомъ домѣ и въ бурсѣ процвѣтало съ безпримѣрною силою ростовщичество. «Нѣкоторые, говоритъ г. Достоевскій, съ успѣхомъ промышляли ростовщичествомъ. Арестантъ, замотавшійся или раззорившійся, несъ послѣднія свои вещи ростовщику и получалъ отъ него нѣсколько мѣдныхъ денегъ, за ужасные проценты. Если онъ не выкупалъ эти вещи въ срокъ, то онѣ безотлагательно и безжалостно продавались; ростовщичество до того

процвѣтало, что принимались подъ закладъ даже казенныя смотровыя вещи, какъ то: казенное бѣлье, сапожный товаръ и проч.,— вещи, необходимыя всякому арестанту во всякій моментъ.» (I, 28.)

Въ томъ же томѣ, на стр. 191, г. Достоевскій даетъ намъ понятіе о величинѣ каторжнаго процента. Острожный ювелиръ и ростовщикъ, Исай Фомичъ Бумштейнъ, подъ залогъ какихъ-то старыхъ штановъ и подвертокъ, даетъ взаймы другому арестанту семь копѣекъ, съ тѣмъ, чтобы тотъ черезъ мѣсяцъ заплатилъ ему десять копѣекъ. Три копѣйки на семь копѣекъ, это значитъ 43 процента въ мѣсяцъ. Въ годъ получится, стало быть, 516 процентовъ, то есть, капиталъ увеличится слишкомъ въ шесть разъ. Это очень не дурно, но, въ сравненіи съ бурсацкими процентами, это умѣренно. Бурсаки и въ этомъ отношеніи умудрились перещеголять каторжниковъ. «Ростъ въ училищѣ, говоритъ Помяловскій, при нелѣпомъ его педагогическомъ устройствѣ былъ безсовѣстенъ, наглъ и жестокъ. Въ такихъ размѣрахъ онъ нигдѣ и никогда не былъ и не будетъ. Вовсе не рѣдкость, а напротивъ норма, когда *десять копѣекъ*, взятыя на *недѣльный срокъ*, оплачивались *пятнадцатью копѣйками*, т. е. по общепринятому займу на годъ это выйдетъ *двадцать пять* (вѣрнѣе двадцать шесть) *разъ капиталъ на капиталъ*.» (Стр. 14.) На стр. 216 и 217 мы видимъ сдѣлку между Карасемъ и Тавлею. Карась въ среду проситъ у Тавли пять копѣекъ. Тавля къ воскресенью требуетъ семь копѣекъ. Но Карась оставленъ безъ отпуска и поэтому желаетъ уплатить долгъ не въ ближайшее, а въ слѣдующее воскресенье.—Тогда десять, говоритъ Тавля. И такъ капиталъ удвоивается въ одинадцать дней. — Ростовщичество поддерживалось въ бурсѣ взяточничествомъ, которое въ свою очередь было порождено остроумною выдумкою начальства, создавшаго изъ старшихъ учениковъ цѣлую систему контроля надъ младшими. Одинъ изъ этихъ старшихъ учениковъ, *цензоръ*, долженъ былъ смотрѣть за поведеніемъ своего класса; другіе, *авдиторы*, выслушивали уроки и ставили ученикамъ баллы, на основаніи которыхъ учитель производилъ надлежащія вразумленія; третьи, *секундаторы*, были сами орудіями этихъ вразумленій; на ихъ попеченіи находились розги, и они же сами, по приказанію учителя, сѣкли своихъ лѣнивыхъ или шаловливыхъ товарищей. Эти сановники занимались своимъ дѣломъ методически и съ любовью. «У печки, говоритъ Помяловскій, сѣкундаторъ, по прозванію Супина, учился своему мастерству: въ рукахъ его отличныя лозы; онъ помахивалъ ими и выстегивалъ въ воздухѣ полосы, которыя должны

будутъ лечь на тѣло его товарища.» (Стр. 27.) Всѣ эти владыки, цензора, авдиторы и сѣкундаторы, держались на одинаковомъ продовольствіи съ остальными бурсаками: всѣ они голодали, а между тѣмъ имъ была дана власть надъ массами; цензоръ и авдиторы могли во всякую данную минуту подвести любого изъ своихъ товарищей подъ розги; а сѣкундаторъ могъ сѣчь бережно или во всю ивановскую; каждый изъ этихъ властителей понималъ свою силу и давалъ ее чувствовать тѣмъ подчиненнымъ, которые осмѣливались сомнѣваться въ ея сокрушительности. Подчиненные принуждены были подольщаться къ сановникамъ и откупаться отъ ихъ взысканій деньгами и различными приношеніями. «Цензора, авдиторы, старшіе и сѣкундаторы, говоритъ Помяловскій, получили полную возможность дѣлать что угодно. Цензоръ былъ чѣмъ-то въ родѣ царька въ своемъ царствѣ, авдиторы составляли придворный штатъ, а второкурсные (оставшіеся въ классѣ на второе двухлѣтіе) — аристократію. (Стр. 13)». Тавля, въ качествѣ второкурснаго авдитора, притомъ въ качествѣ силача, былъ нестерпимый взяточникъ, дралъ съ подчиненныхъ деньгами, булками, порціями говядины, бумагой, книгами. Ко всему этому Тавля былъ ростовщикъ».... «Необходимость въ займѣ всегда существовала. Цензоръ или авдиторъ требовали взятки; не дать—бѣда, а денегъ нѣтъ, вотъ идетъ первокурсный къ своему же товарищу, но ростовщику, согласенъ на какой угодно процентъ, лишь бы избавиться отъ прежестокихъ грядущихъ розгачей. Кредитъ обыкновенно гарантируется кулакомъ, либо всегдашнею возможностью нагадить должнику, потому что рисковали на ростъ только второкурсники». (Стр. 14). Этого источника деморализаціи въ мертвомъ домѣ не было; арестанты могли обворовывать другъ друга, но взяточничество было для нихъ не возможно, потому что ни одинъ изъ нихъ не могъ подводить своихъ товарищей подъ наказанія. Когда арестантъ занималъ у ростовщика, то онъ тратилъ эти деньги на свои собственныя надобности или удовольствія, а не на то, чтобы отвратить отъ своей спины карающую десницу, вооруженную *прежестокими розгачами*. Поэтому, вѣроятно, каторжный процентъ былъ впятеро ниже бурсацкаго. Неимовѣрная высота послѣдняго объясняется преимущественно тѣмъ страхомъ, подъ вліяніемъ котораго находился ученикъ въ то время, когда онъ обращался къ ростовщику.—Обирая своихъ подчиненныхъ, классные сановники въ то же время и развращали ихъ, пріучая ихъ къ самому безотвѣтному раболѣпству, и подвергая ихъ самымъ возмутительнымъ униженіямъ. «Пошлая, гнилая и

развратная натура Тавли, говоритъ Помяловскій, проявилась вся при теспотизмѣ второкурсія. Онъ жилъ бариномъ, никого знать не хотѣлъ ему писались записки и вокабулы, по которымъ онъ учился; самъ, не встанетъ для того, чтобы напиться воды, а кричитъ: «Эй, Катька, пить!» Подъавдиторные чесали ему пятки, а не то велитъ взять перочинный ножъ и скоблить ему между волосами въ головѣ, очищая эту поганую голову отъ перхоти, которая почему-то называлась плотью; заставлялъ говорить ему сказки, да непремѣнно страшныя (проявленіе эстетическаго чувства!), а не страшно, такъ отдуетъ (проявленіе критической разборчивости!); да и чѣмъ только при глубокомъ развратѣ Тавли не служили для него подъавдиторные?» (Стр. 15.) Въ послѣднихъ словахъ заключается довольно ясный намекъ на—какъ бы выразиться поутонченнѣе?—на сократическую любовь...

VI.

Человѣческая природа до такой степени богата, сильна и эластична, что она можетъ сохранять свою свѣжесть и свою красоту посреди самаго гнетущаго безобразія окружающей обстановки. Чистыя и свѣтлыя личности, подобныя Добролюбову и Помяловскому, выходятъ иногда изъ бурсы, такія же личности проходятъ иногда не загрязнившись, черезъ мертвый домъ. Но и въ бурсѣ, и въ мертвомъ домѣ, на одного устоявшаго приходится всегда по нѣскольку десятковъ погибшихъ, развращенныхъ, разслабленныхъ, растерявшихъ здоровье, энергію и умственныя способности. Устоять противъ бурсы, должно быть, во всякомъ случаѣ гораздо труднѣе, чѣмъ удержаться невредимымъ въ мертвомъ домѣ. Въ бурсу поступаютъ малолѣтніе ребята, которыхъ силы и способности, какъ бы онѣ ни были велики и блистательны, могутъ быть направлены и въ хорошую, и въ дурную сторону, и на полезный трудъ, и на подлое надувательство, смотря потому, какимъ вліяніямъ подчинятся формирующійся характеръ и развивающійся умъ. Въ мертвый домъ, напротивъ того, попадаютъ обыкновенно взрослые люди, которые или окончательно испорчены жизнью, или уже до такой степени закалены въ борьбѣ съ враждебными обстоятельствами, что никакія постороннія вліянія не покачнутъ ихъ убѣжденій ни вправо, ни влѣво. Первыхъ уже нечего портить, а вторыхъ испортить невозможно. Къ этимъ двумъ крайнимъ разрядамъ надо впрочемъ

прибавить третій, очень многочисленный разрядъ людей, попавшихъ на каторгу случайно, за какое нибудь такое преступленіе, въ которомъ нельзя подмѣтить ни радикальной испорченности, ни фанатической любви къ непозволительной идеѣ. Къ этому третьему разряду принадлежатъ преимущественно убійцы, потому что убійство очень часто обусловливается такими страстями и порывами, которые во всякую данную минуту могутъ разыграться въ самомъ спокойномъ и кроткомъ человѣкѣ. Въ этомъ третьемъ разрядѣ могутъ попадаться люди самыхъ разнообразныхъ характеровъ, между прочимъ и такіе, которые, безъ какой нибудь несчастной случайности, безъ какого нибудь совершенно непредвидимаго и неотвратимаго стеченія обстоятельствъ, прожили бы непремѣнно до глубокой старости по всѣмъ правиламъ строжайшаго благочинія. Разнообразію характеровъ соотвѣтствуетъ въ мертвомъ домѣ безконечное разнообразіе той жизни, которую вели его обитатели раньше своего соединенія подъ гостепріимною кровлею острога. При такомъ разнообразіи стремленій, понятій, воспоминаній и надеждъ,—у взрослыхъ людей, собранныхъ въ острогъ со всѣхъ концовъ Россіи и расположенныхъ заранѣе подозрѣвать другъ въ другѣ отъявленныхъ мерзавцевъ,—не можетъ проявляться особенно сильная наклонность къ взаимному сближенію. Корпоративный духъ въ острогѣ долженъ быть очень слабъ. Яркія и крѣпкія личности должны конечно, подчинять своему вліянію людей безцвѣтныхъ и ничтожныхъ, такъ точно, какъ это дѣлается само собою во всякомъ обществѣ; но въ мертвомъ домѣ не должно существовать такой силы, которая пригоняла бы къ одному общему идеалу и шлифовала бы на одинъ образецъ всѣ индивидуальные умы и характеры. Острожное общество такъ рыхло и разсыпчато, въ немъ такъ мало однородности и компактности, что оно, какъ общество, не можетъ подчинить своихъ членовъ никакимъ общеобязательнымъ законамъ, запрещеніямъ или предписаніямъ. Это полное безсиліе общества особенно ярко выражается въ томъ обстоятельствѣ, что это общество даже не пробуетъ защищать себя противъ своихъ собственныхъ измѣнниковъ и шпіоновъ. Во II томѣ своихъ записокъ, отъ стр. 150—168, г. Достоевскій разсказываетъ, какимъ образомъ арестанты заявляли претензію, то есть жаловались плацъ-маіору на дурное качество пищи. Большинство сговорилось между собою, выстроилось на острожномъ дворѣ, и черезъ унтеръ-офицера послало доложить маіору, что «желаетъ говорить и лично просить его насчетъ нѣкоторыхъ пунктовъ». Маіоръ пріѣхалъ и

тотчасъ началъ ругаться; арестанты не произнесли ни одного слова, и претензія разстроилась, потому что многіе струсили и объявили себя довольными. Кромѣ того нѣсколько человѣкъ во время претензіи оставались въ кухнѣ и не хотѣли принимать въ общей демонстраціи никакого участія. Когда все дѣло кончилось, и когда маіоръ перепоролъ тѣхъ людей, которыхъ ему угодно было считать зачинщиками, тогда арестанты не обнаружили никакого неудовольствія, ни противъ тѣхъ, которые сидѣли въ кухнѣ, ни противъ тѣхъ, которые первые объявили себя довольными и разстроили общее предпріятіе. Явная измѣна, подводившая подъ розги смѣлыхъ и стойкихъ товарищей, осталась такимъ образомъ совершенно безнаказанною. Это обстоятельство очень удивляетъ автора записокъ, потому что авторъ совершенно ошибочно примѣняетъ къ мертвому дому тѣ понятія о товариществѣ, которыя мы обыкновенно выносимъ съ собою въ жизнь изъ учебныхъ заведеній. Но эти понятія къ населенію мертваго дома совершенно непримѣнимы. Гдѣ существуетъ хоть какое нибудь товарищество, тамъ непремѣнно должны существовать ненависть и презрѣніе къ фискальству. Безъ этого условія товарищество немыслимо, и солидарность между отдѣльными личностями невозможна. А въ мертвомъ домѣ не было ничего похожаго на преслѣдованіе доносчиковъ. «Что же касается вообще доносовъ, говоритъ г. Достоевскій, то они обыкновенно процвѣтаютъ. Въ острогѣ доносчикъ не подвергается ни малѣйшему униженію; негодованіе къ нему даже немыслимо. Его не чуждаются, съ нимъ водятъ дружбу, такъ что, если бы вы стали въ острогѣ доказывать всю гадость доноса, то васъ бы совершенно не поняли». (I, 68).

Не можетъ быть, чтобы то лицо, которое само страдаетъ отъ доноса, не чувствовало ненависти противъ доносчика. Это было бы совершенно неестественно. Боль всегда вызываетъ злобу противъ причины боли. Но тутъ-то именно и обнаруживается разница между товариществомъ и такимъ обществомъ, въ которомъ нѣтъ солидарности. Въ товариществѣ боль одного лица отражается на всѣхъ остальныхъ; всѣ заступаются за одного, и одинъ долженъ дѣйствовать, какъ всѣ; доносчикъ оказывается общимъ врагомъ, и съ нимъ не смѣютъ водить дружбу даже тѣ люди, которымъ его поступокъ не внушаетъ особенно сильнаго отвращенія. Въ такомъ обществѣ, какъ населеніе мертваго дома, дѣло идетъ совсѣмъ иначе: тутъ всякій злится и мститъ собственными средствами только за свои собственныя обиды. Очень можетъ быть, что многіе пре-

зираютъ и ненавидятъ доносчика, но эти чувства обнаруживаются въ разсыпную, урывками, такъ что выраженія этихъ чувствъ сливаются съ общимъ потокомъ ругательствъ, безпрестанно оглашающихъ собою различныя обители мертваго дома. Изъ того, что доносчиковъ не преслѣдуютъ, никакъ нельзя выводить то заключеніе, что всѣ арестанты — подлецы, способные сами, при первомъ удобномъ случаѣ, превратиться въ фискаловъ. Ничуть не бывало. Терпимость въ отношеніи къ доносчикамъ доказываетъ только, что между арестантами нѣтъ единодушія и взаимнаго довѣрія. Каждый держитъ себя особнякомъ и думаетъ про себя: это не мое дѣло. Сунусь я одинъ ругать или бить доносчика—а вдругъ меня никто не поддержитъ, и останусь я въ дуракахъ; надо мною же всѣ будутъ смѣяться, да и шпіонъ нагадитъ мнѣ по-своему.

При полномъ отсутствіи товарищества въ мертвомъ домѣ, каждый можетъ совершенно безпрепятственно оставаться самимъ собою, можетъ также, слѣдуя собственному влеченію, совершенствоваться или развращаться. Никому до этого не будетъ дѣла; каждый занятъ самимъ собою и каждый требуетъ только съ своей стороны, чтобы имъ какъ можно меньше занимались другіе; весь тонъ арестантскихъ разговоровъ носитъ на себѣ печать общей скрытности и несообщительности; арестанты болтаютъ, шутятъ, смѣются, ругаются, но разговоръ и брань вертятся постоянно на самыхъ незначительныхъ предметахъ, вовсе незатрогивающихъ за живое тѣхъ людей, которые разговариваютъ и бранятся; кромѣ того смѣхъ и шутки большинству арестантовъ рѣшительно не нравятся; ровная и сдержанная угрюмость составляетъ въ мертвомъ домѣ преобладающій колоритъ именно потому, что эта угрюмость всего лучше соотвѣтствуетъ внутренней разъединенности такихъ людей, которые принуждены жить вмѣстѣ въ одной комнатѣ, не чувствуя никакихъ взаимныхъ симпатій и не желая имѣть другъ съ другомъ никакихъ общихъ интересовъ. Въ бурсѣ отношенія между обществомъ и отдѣльною личностью складываются совсѣмъ не такъ, какъ въ мертвомъ домѣ. Въ бурсѣ товарищество очень сильно, быть можетъ, даже сильнѣе, чѣмъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Всякое школьное товарищество есть, въ большей или въ меньшей степени, оборонительный и наступательный союзъ учениковъ противъ начальства. Чѣмъ свирѣпѣе начальство и чѣмъ сильнѣе ненавидятъ его ученики, тѣмъ тѣснѣе смыкаются они между собою, чтобы выручать другъ друга въ бѣдѣ и чтобы общими силами причинять непобѣдимому врагу множество мелкихъ

непріятностей. Такъ какъ свирѣпость и скаредность бурсацкаго начальства доходила до фантастическихъ размѣровъ, то союзъ противъ этого начальства былъ совершенно необходимъ для спасенія здоровья и даже, можетъ быть, жизни учениковъ. Союзъ этотъ, разумѣется, былъ очень тѣсенъ, потому что общая ненависть была велика, а общая опасность постоянно висѣла, какъ дамокловъ мечъ, если не надъ головами, то, покрайней мѣрѣ, надъ спинами всѣхъ бурсаковъ. Начальство мертваго дома было также достаточно свирѣпо и скаредно, и спины арестантовъ находились также въ постоянной опасности, но союза однако же не было, во-первыхъ потому, что арестанты, какъ люди опытные, понимали непобѣдимость общаго врага, а во-вторыхъ потому, что слишкомъ большое разнообразіе уже сформированныхъ характеровъ и умовъ заранѣе уничтожало всякую возможность соглашенія. Бурсаки, напротивъ того, лѣзли въ неравный бой со всею неразсчетливою заносчивостью молодости; имъ прежде всего хотѣлось насолить начальству, не обращая вниманія на то, что за это соленіе будетъ расплачиваться ихъ собственная шкура; страсть брала верхъ надъ благоразуміемъ, и легко можетъ быть, что именно эти взрывы страсти спасали бурсаковъ отъ окончательнаго отупѣнія и отъ неизлечимаго идіотизма. Далѣе, заключеніе и поддерживаніе тѣснаго товарищескаго союза было особенно удобно и легко потому, что въ бурсѣ, какъ въ чисто-сословномъ заведеніи, было очень мало внутренняго разнообразія. Въ бурсу поступали дѣти, выросшія при очень сходныхъ условіяхъ, воспитанныя въ одинаковыхъ понятіяхъ, учившіяся читать по однимъ и тѣмъ же книгамъ, игравшія дома въ однѣ и тѣ же игры, слышавшія отъ взрослыхъ одни и тѣ же нравоученія, словомъ, въ бурсу поступали цвѣтки одной и той же почвы, или одного поля ягоды. Имъ было уже очень не трудно спѣться между собою и выработать, при содѣйствіи начальственнаго гнета, одинъ общій идеалъ, который для всѣхъ вновь поступающихъ учениковъ сдѣлался уже строго-обязательнымъ. Хотя идеалъ былъ выработанъ при самыхъ каторжныхъ условіяхъ жизни, однако же бурсаки горячо полюбили этотъ идеалъ и стали имъ гордиться, продолжая въ то же время ненавидѣть и презирать бурсу, то есть ту форму, въ которую ихъ возлюбленный идеалъ былъ отлитъ. Бурсацкій идеалъ имѣетъ свои хорошія стороны; его можно назвать превосходнымъ оборонительнымъ оружіемъ, посредствомъ котораго богатая и сильная натура можетъ защитить себя отъ притупляющаго вліянія бурсацкой атмосферы, соз-

данной тупоумной рутиной. Единственная обязанность идеальнаго бурсака состоитъ въ томъ, чтобы безгранично и неутомимо ненавидѣть гнетущую силу, проводя эту ненависть во всѣ поступки жизни и дѣйствуя постоянно наперекоръ всѣмъ начальственнымъ приказаніямъ и запрещеніямъ.

Суровый и дикій идеалъ бурсаковъ хорошъ именно тѣмъ, что поддерживаетъ въ своихъ поклонникахъ мужество, энергію, стойкость, расторопность, свободу сужденій, и вообще такія качества, которыя были бы безпощадно истреблены начальственною системою безгласности, раболѣпства и чинопочитанія. Но во-первыхъ, бурсацкій идеалъ не всякому по силамъ; а во-вторыхъ, этотъ идеалъ многими своими сторонами могъ прямо къ человѣку на-глухо и совершенно изуродовать на всю жизнь умъ и характеръ даннаго субъекта. Въ бурсу поступало много дѣтей слабаго сложенія, кроткаго и уступчиваго характера; эти личности, робкія, нѣжныя, стыдливыя, чувствительныя, пріученныя къ материнскимъ ласкамъ и способныя плакать на-взрыдъ отъ сердитаго взгляда или отъ насмѣшливаго слова, попадали въ бурсѣ подъ перекрестный огонь, который совершенно сбивалъ ихъ съ толку и въ короткое время превращалъ ихъ въ подлецовъ или идіотовъ, не смотря на то, что они, по своимъ природнымъ задаткамъ, могли бы сдѣлаться людьми честными и очень неглупыми. Съ одной стороны, этихъ дѣтей тиранило начальство; съ другой стороны, ихъ презирало товарищество за то, что въ нихъ не было бурсацкой суровости и воинственности. Начальство требовало отъ этихъ простодушныхъ младенцевъ того, чего оно не рѣшилось бы требовать отъ закаленныхъ или *оттыхъ* бурсаковъ; изъ такихъ птенцовъ, ошеломленныхъ бурсацкими нравами, начальство, при пособіи кое-какихъ коварно-ласковыхъ словъ, очень легко могло изготовить себѣ фискаловъ. Первое фискальство можетъ быть сдѣлано случайно, вслѣдствіе ребяческой довѣрчивости, вслѣдствіе неумѣнья отмалчиваться и отнѣкиваться; но когда первый шагъ сдѣланъ, тогда душа уже продана чорту, и отступленіе становится невозможнымъ, потому что товарищество не умѣетъ прощать, и въ раскаяніе фискаловъ не вѣритъ. Тогда несчастному мальчику приходится уже, изъ чувства самосохраненія, городить ложь на ложь и подлость на подлость, до тѣхъ поръ, пока наушничество и пролазничество не сдѣлаются для него второю натурою. Надо сказать правду, что, кромѣ начальства, въ развращеніи такихъ личностей виновато и само товарищество, которое на первыхъ порахъ отталки-

ваетъ и озадачиваетъ робкаго новичка своею суровостью и неумолимостью. Тѣмъ матушкинымъ сынкамъ, которымъ удастся избѣгнуть сѣтей начальства, въ бурсѣ предстоитъ также незавидная участь. Примкнувши къ товариществу, они стараются поддѣлаться подъ его замашки, напускаютъ на себя искуственное ухарство, отдаютъ себя въ полное распоряженіе настоящихъ удальцовъ, съ которыми у нихъ по натурѣ нѣтъ ничего общаго, и такимъ образомъ, отказавшись отъ всякой нравственной самостоятельности, пріучаются на всю жизнь плясать по чужой дудкѣ и носить маски, совершенно несоотвѣтствующія природнымъ наклонностямъ. Подъ ихъ напускнымъ молодечествомъ скрывается самая жалкая безцвѣтность, которая и обнаружится немедленно, какъ только эти недоразвившіяся личности выйдутъ изъ подъ вліянія товарищества и вступятъ въ дѣйствительную жизнь. Для сильныхъ характеровъ, для настоящихъ головорѣзовъ, бурсацкій идеалъ опасенъ тѣмъ, что онъ можетъ наградить ихъ на всю жизнь буйными инстинктами и дикими привычками, совершенно неудобными въ цивилизованномъ обществѣ и до крайности тяжелыми для всѣхъ окружающихъ людей. Если бурсакъ, вырвавшись изъ бурсы на свободу, останется вѣренъ своему идеалу,—то онъ рискуетъ сдѣлаться горькимъ пьяницею, уличнымъ буяномъ, дикимъ самодуромъ въ семействѣ и несноснѣйшимъ человѣкомъ для всѣхъ своихъ знакомыхъ и друзей. А между тѣмъ ему очень трудно отрѣшиться отъ такого идеала, передъ которымъ онъ благоговѣлъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Для того, чтобы это отрѣченіе сдѣлалось возможнымъ, бурсаку необходимо встрѣтиться съ такими людьми и съ такими идеями, которые идутъ прямо въ разрѣзъ всѣмъ бурсацкимъ преданіямъ и убѣжденіямъ. Тогда пелена спадетъ съ глазъ умнаго, даровитаго и энергическаго бурсака, которому бурса дала драгоцѣнную способность терпѣть, злиться и выжидать благопріятную минуту. Тогда, и только тогда, здоровая бурсацкая сила, взлелѣянная всевозможными невзгодами, перестанетъ тратиться на глупые подвиги ухарства и, пристроившись къ полезному дѣлу, развернется во всю свою ширину. Это значитъ, что бурсакъ, какъ бы онъ ни былъ уменъ, даровитъ и крѣпокъ, можетъ сдѣлаться свѣтлою личностью только за предѣлами бурсы. Въ самой же бурсѣ лучшіе изъ бурсаковъ подавлены своимъ идеаломъ, а мы уже видѣли, что этотъ идеалъ очень хорошъ для борьбы, но никуда не годится при обыкновенныхъ условіяхъ мирной трудовой жизни. Не годится онъ также и для той высшей борьбы, въ которой умные и честные люди пора-

жаютъ заблужденія и разбиваютъ софизмы своихъ недальновидныхъ или недобросовѣстныхъ современниковъ. Но хорошъ и великъ бурсацкій идеалъ тѣмъ, что онъ, какъ твердая скорлупа, охраняетъ до поры до времени и сберегаетъ для великой житейской борьбы такія силы, которыя, оставаясь безъ прикрытія, непремѣнно испортились бы въ затхлой атмосферѣ зубренія и слѣпого послушанія.

VII.

Послѣ всего, что было говорено выше, читателя уже не должно удивлять то обстоятельство, что въ мертвомъ домѣ встрѣчается больше привлекательныхъ и симпатичныхъ характеровъ, чѣмъ въ бурсѣ. Въ тѣхъ четырехъ очеркахъ, которые успѣлъ написать Помяловскій, выведено на сцену нѣсколько сильныхъ натуръ, одаренныхъ блестящими способностями и желѣзною волею, но эти натуры находятся постоянно въ осадномъ положеніи, онѣ вѣчно враждуютъ не только съ начальствомъ, но и между собою; добродушію, дружелюбію, мягкимъ и нѣжнымъ чувствамъ человѣческой природы въ бурсѣ рѣшительно нѣтъ мѣста; всѣ игры бурсаковъ— *постные*, *скоромные*, *швычки*, *щипчики*, и т. д. основаны на томъ, чтобы наносить другъ другу боль самыми разнообразными средствами; во время рекреаціи, ученики старшаго класса, отъ нечего дѣлать, отправляются *дуть приходчину*, т. е. колотить младшій классъ; идя въ баню, бурсаки наровятъ изобидѣть всякаго встрѣчнаго, и монастырскаго сторожа, и ломового извощика, и барочныхъ мужиковъ, и уличныхъ собакъ, и даже жильцовъ тѣхъ домовъ, мимо которыхъ лежитъ ихъ путь. «Шествіе ихъ, говоритъ Помяловскій, знаменуется порчею разныхъ предметовъ, безъ всякаго смысла и пользы для себя, а просто изъ эстетическаго наслажденія разрушать и пакостить». «Старуха бросается отъ нихъ опрометью на другую сторону улицы и шепчетъ съ ужасомъ: «Господи! да это никакъ бурса тронулась!» «Хорошо, прибавляетъ Помяловскій, что она догадалась перейдти на другую сторону, а то нашлись бы охотники сдѣлать ей *смазь*, и *верховную*, и *боковую*, и *всеобщую*». (Стр. 74). Подъ вліяніемъ тяжелой жизни, наполненной лишеніями, нравственными обидами и физическими страданіями, въ бурсакѣ развивается и созрѣваетъ хроническая потребность срывать зло

на правыхъ и на виноватыхъ, на людяхъ и на животныхъ, и вообще на всемъ, что можно растерзать и исковеркать. Разумѣется, эта потребность сама себя питаетъ и поддерживаетъ; бурсаки всего чаще срываютъ его другъ на другѣ, и, увеличивая собственными безобразіями массу своихъ страданій, увеличиваютъ въ то же время и количество того зла, которое должно быть сорвано. Это очень откровенно и наглядно выражено Помяловскимъ по поводу избіенія приходчины. «Впрочемъ, говоритъ онъ, въ такихъ случаяхъ большинство только удовлетворяло своей потребности побить кого нибудь, дать вытряску, лупку, волосянку, отдуть, отвалять, взъерепенить, отмордасить, чтобы чувствовать, что въ твоихъ рукахъ пищитъ что-то живое, страдаетъ и проситъ пощады, и все это дѣлается не изъ мести, не изъ вражды, а просто изъ любви къ искусству». (Стр. 46). Опредѣленной вражды тутъ дѣйствительно нѣтъ, но любовь къ искусству *ерепенить* и *мордасить* развилась именно отъ того, что бурсакъ постоянно озлобленъ на всѣхъ и на все. Теперь представьте же вы себѣ, какова должна быть злость той приходчины, которая должна пищать, страдать и просить пощады. Что должна чувствовать эта приходчина послѣ ухода истребителей?

Она должна клокотать и задыхаться отъ злости, тѣмъ болѣе, что злость ея безсильна, и что многіе изъ этой избитой приходчины навѣрное въ тотъ же день уже были высѣчены учителями, которымъ также ничѣмъ нельзя было отмстить. Что же это за жизнь! Утромъ поретъ учитель, вечеромъ лупятъ ученики. И куда же долженъ вылиться весь запасъ накипѣвшей злости? А разумѣется, онъ выльется въ нѣдра той же избитой и пересѣченной приходчины. Ученики начнутъ придираться другъ къ другу; затѣятся междуусобныя потасовки, и озлобленіе будетъ постоянно возростать, вмѣсто того, чтобы успокоиваться. Было бы очень удивительно, если бы при такихъ условіяхъ, въ бурсѣ могли выработаться или только сохраниться кроткіе и любвеобильные характеры.

Самыми яркими и замѣчательными личностями въ очеркахъ Помяловскаго являются Аксютка и Гороблагодатскій. Съ Аксюткой мы уже отчасти знакомы: онъ знаменитый воръ, мастеръ своего дѣла, веселый и остроумный изобрѣтатель мазурническихъ продѣлокъ и притомъ человѣкъ, освободившійся отъ всякихъ предразсудковъ, такой человѣкъ, который крадетъ все и у всѣхъ: у лавочника онъ тащитъ булки, малиновое варенье, картофель, и при этомъ не забываетъ наплевать, для пущей игривости, въ кадушку

съ капустой; у товарищей онъ крадетъ книги, бумагу, платье и тутъ же кладетъ на мѣсто украденныхъ вещей камни или грязь, чтобъ оскорбить собственника не только убыткомъ, но еще и насмѣшкой; укравши у товарища мѣшокъ съ толокномъ, Аксютка, ради глумленія, самъ же подчуетъ собственника его же добромъ; у училищнаго солдата Аксютка воруетъ голенищи и потомъ самъ же дразнитъ его голенищами; у своей невѣсты похищаетъ шелковый платокъ и три мѣдныхъ гривны.

Впрочемъ, собственно говоря, у Аксютки даже никакой невѣсты и не было, и однако же несомнѣнно то, что онъ былъ «уволенъ въ городъ для свиданія съ своею невѣстою, Ириною Вознесенскою,» у которой онъ и укралъ вышеупомянутыя вещи. А какимъ образомъ Ирина Вознесенская, въ одно и то же время, можетъ быть и не быть невѣстою Аксютки — это исторія хитрая и любопытная, которую стоитъ разсмотрѣть внимательно, тѣмъ болѣе, что она, съ своей стороны, бросаетъ нѣсколько лучей свѣта на причины бурсацкой дикости и наглости. Дѣло все въ томъ, что за дьячковскою дочерью Ириною Вознесенскою закрѣплено мѣсто ея покойнаго отца; это значитъ, что ея мужъ сдѣлается дьячкомъ въ томъ приходѣ, гдѣ служилъ ея отецъ; такъ какъ приходъ не можетъ долго оставаться безъ дьячка, то Ирина Вознесенская должна выходить замужъ немедленно, тотчасъ послѣ смерти отца. А чтобы найдти жениха, Ирина, вмѣстѣ съ матерью, отправляются въ разсадникъ жениховъ, то есть, въ бурсу, валятся въ ноги инспектору, какъ сторожу этого прекраснаго вертограда, подносятъ ему ливанъ и смирну, или точнѣе, ромъ, чай, сахаръ, грибы, яблоки, холстъ и серебряный рубль, и наконецъ, задобривъ цербера медовыми лепешками, умоляютъ его одолжить жениха и даже не *жениха*, а *женихов*ъ... «да не озорниковъ какихъ, батюшка!» прибавляетъ старуха, продолжая выражаться *во множественномъ числѣ*. Просьба старухи показываетъ, что достоинства бурсаковъ достаточно извѣстны русскому духовенству. Инспекторъ черезъ цензора вызываетъ къ себѣ женихов, которыхъ оказывается пять человѣкъ. Двоихъ инспекторъ бракуетъ, одного за нетрезвое поведеніе, другого за несовершеннолѣтіе. Остальные трое одобряются инспекторомъ и получаютъ отъ него отпускные билеты, гдѣ прописано, что каждый изъ нихъ уволенъ въ отпускъ для свиданія съ своею невѣстою, Ириною Вознесенскою. Такимъ образомъ Ирина Вознесенская, въ одинъ и тотъ же день, по волѣ бурсацкаго начальства, оказалась

невѣстою троихъ женихoвъ. Въ число одобренныхъ претендентовъ попалъ Аксютка, о которомъ инспекторъ повидимому думалъ, что онъ совсѣмъ не озорникъ. На другой день женихи всѣ вмѣстѣ отправляются къ невѣстѣ, но къ сожалѣнію Помяловскій пропускаетъ сцену смотринъ и прямо сообщаетъ читателю окончательные результаты. Оказывается, что претенденты размежевались полюбовно: Аксютка отправился къ *своей невѣстѣ* собственно за тѣмъ, чтобы поѣсть и украсть; поэтому онъ совершенно удовольствовался угощеніемъ, шелковымъ платкомъ и мѣдными гривнами. Другой претендентъ, Васенда, имѣлъ болѣе серьезныя намѣренія, но ему не понравились ни невѣста, ни приданое, ни закрѣпленный приходъ. Третій, Азинусъ, женился. Такимъ образомъ дѣло обошлось благополучно. Но вѣдь могло оно разыграться совершенно иначе. Можно себѣ представить два любопытные случая: во-первыхъ тотъ, что ни одинъ изъ женихoвъ не пожелалъ бы обвѣнчаться съ дѣвицею Вознесенскою, а во-вторыхъ тотъ, что всѣ трое прельстились бы невѣстою, приданымъ и закрѣпленнымъ приходомъ. Въ первомъ случаѣ чрезвычайно интересно было бы знать, что предпринялъ бы инспекторъ. «Чтожь вы, подлецы,—сказалъ бы онъ вѣроятно,—въ дуракахъ меня что ли оставить хотите? Нѣтъ, врете; сунулись въ женихи, такъ теперь и вѣнчайтесь, такіе-сякіе!» Но тутъ инспекторъ вспомнилъ бы, что вѣдь ихъ, подлецовъ или женихoвъ, все-таки нѣсколько, и что нельзя же ихъ всѣхъ перевѣнчать съ Ириною Вознесенскою, какъ бы ни было такое наказаніе полезно и внушительно въ педагогическомъ отношеніи. Надо непремѣнно выбрать одного, чтобы этого избраннаго сдѣлать козломъ отпущенія. Но какимъ же образомъ выбрать? Приказать имъ развѣ, чтобы они кинули между собою жребій, и чтобы Ирина Вознесенская досталась тому, кому измѣнитъ счастье? Или, можетъ быть, просто принять въ соображеніе списокъ балловъ и обречь на жертву того, кто учится и ведетъ себя хуже всѣхъ остальныхъ? Женить человѣка за дурное поведеніе, наказать человѣка женитьбою—это конечно очень мило, остроумно и даже водевильно, но и тутъ есть серьезное затрудненіе. Женихъ въ церкви непремѣнно долженъ самъ сказать: *да*, и очень легко можетъ случиться, что озорникъ, осужденный на женитьбу, въ пику начальству, скажетъ *нѣтъ*, презирая всѣ могущіе воспослѣдовать прежестокіе розгачи. Чѣмъ хуже онъ ведетъ себя, и слѣдовательно чѣмъ больше онъ заслуживаетъ наказаніе, тѣмъ правдоподобнѣе, что онъ, по озорству своему, осмѣлится отъ него уклониться. Скажетъ *нѣтъ*, и кончено дѣло, хоть

ты колъ на головѣ теши! Что тутъ прикажете дѣлать? Не знаю, рѣшительно не знаю. Я никогда не былъ инспекторомъ бурсы, и поэтому никакъ не могу себѣ представить, что бы я сталъ предпринимать, если бы упорство моихъ питомцевъ лишило меня возможности презентовать Иринѣ Вознесенской жениха, за котораго я уже получилъ наличную плату деньгами, вещами и колѣнопреклоненіями. Второй возможный случай также достаточно интересенъ, хотя и менѣе затруднителенъ для инспектора бурсы. Спрашивается, какимъ образомъ примирить притязанія троихъ молодцовъ, которые, опираясь на свои отпускные билеты, всѣ трое захотѣли бы серьезно считать себя женихами Ирины Вознесенской? Можно было бы, пожалуй, предоставить рѣшеніе вопроса самой невѣстѣ, но какія же она можетъ имѣть основательныя причины для того, чтобы выбрать себѣ одного изъ троихъ юношей, которыхъ она видитъ въ первый разъ въ жизни? А между тѣмъ проживаться въ городѣ ей не приходится; кромѣ того, дьяческое мѣсто не можетъ стоять вакантнымъ, покуда Ирина Вознесенская будетъ изучать своихъ претендентовъ; наконецъ и бурсаковъ не станутъ же отпускать къ ней въ гости до тѣхъ поръ, пока она соблаговолитъ рѣшиться; однимъ словомъ, надо выбирать немедленно, имѣя въ виду и тотъ шансъ, что любезный супругъ, въ первый же день медоваго мѣсяца, можетъ подбить своей сожительницѣ оба глаза или стащить въ кабакъ ея заячій салопъ, или проворовaться и попасть подъ судъ. Если нѣтъ возможности сдѣлать выборъ съ полнымъ знаніемъ дѣла, если бракъ совершается при такихъ условіяхъ, при которыхъ не можетъ возникнуть чувство, способное заглушить всякія опасенія,—то невѣстѣ всего лучше оставаться совершенно пассивнымъ лицомъ до самаго конца всей исторіи. Тогда, покрайней мѣрѣ, въ случаѣ неудачи, ей можно будетъ плакаться на судьбу, а не на собственную оплошность. Можно будетъ, во время подбиванія глазъ или пропиванія салопа, утѣшать себя тѣмъ размышленіемъ, что не было другого выхода и что все это сдѣлалось помимо ея воли. Жизнь Ирины Вознесенской,—бѣдной, некрасивой и уже очень немолодой дочери деревенскаго дьячка,—уже давно должна была пріучить ее къ той безотвѣтной и полусонной покорности, которая составляетъ послѣднее утѣшеніе или, покрайней мѣрѣ, послѣднее убѣжище забитыхъ и затертыхъ личностей, обиженныхъ природою и людьми. Для такой личности, махнувшей рукой на себя и на жизнь, каждое проявленіе энергіи и самостоятельности

составляетъ очень тяжелый и даже мучительный трудъ. Поэтому Ирина Вознесенская врядъ ли согласилась бы воспользоваться правомъ выбора, если бы такое право было ей предоставлено претендентами и начальствомъ бурсы. Но такой утонченной деликатности нельзя даже и ожидать ни отъ претендентовъ, ни отъ начальства. Инспекторъ знаетъ очень хорошо, что Ирина наглухо прикрѣплена къ своему мѣсту, безъ котораго ей нечѣмъ будетъ кормиться; знаетъ онъ также очень твердо, что судьба Ирины въ его рукахъ, и что отъ него зависитъ наградить Ириною достойнѣйшаго изъ претендентовъ, если только Ирина дѣйствительно въ какомъ-нибудь отношеніи можетъ исправлять должность награды. Этого права инспекторъ, вѣроятно, не захочетъ выпустить изъ своихъ рукъ, потому что власть и могущество, во всѣхъ своихъ мельчайшихъ проявленіяхъ, веселятъ сердце и возвышаютъ духъ всякаго начальствующаго человѣка. Бурсаки, съ своей стоны, желая вырваться изъ бурсы и, влюбившись въ прелести прихода, приданаго и независимой жизни, вовсе не будутъ великодушничать и отдаваться на произволъ Ирины. Они будутъ спорить между собою, оставляя невѣсту въ пассивно-выжидательномъ положеніи, и споръ ихъ, по всей вѣроятности, будетъ рѣшенъ или какою нибудь полюбовною сдѣлкою, съ распитіемъ нѣсколькихъ косушекъ насчетъ счастливаго соперника, или, что еще правдоподобнѣе, безапелляціоннымъ приговоромъ инспектора, который въ этомъ случаѣ превратитъ Ирину въ премію низкопоклонства, искуснаго лицемѣрія и, быть можетъ, даже усерднаго фискальства. Въ разсказѣ Помяловскаго всѣ эти затрудненія сглаживаются сами собою, но любопытно обратить вниманіе на тѣ причины, которыя отклонили отъ брака одного изъ претендентовъ, Васенду, имѣвшаго серьезное намѣреніе жениться. «Васенда,—говоритъ Помяловскій,—какъ человѣкъ положительный и практическій, нашелъ невыгоднымъ закрѣпленное мѣсто, приданое и обязательства, а невѣсту черезчуръ заматорѣвшую во днѣхъ своихъ, на видъ рябою, длинною и черствою. Онъ рѣшился остаться въ камчаткѣ (*камчаткою* назывались заднія скамейки класса, составлявшія жилище неисправимыхъ лѣнтяевъ) до лучшей суженой» (стр. 164). Эти слова даютъ вамъ нѣкоторое понятіе о красотѣ той сцены, которая называется *смотринами*, и въ которой живая и свободная человѣческая личность продается и покупается съ соблюденіемъ всѣхъ торговыхъ правилъ и ухватокъ толкучаго рынка. Эта сцена особенно миловидна тѣмъ, что тутъ сразу даже и не разберешь, кто кого покупаетъ, кто

кого продаетъ, кто кого забираетъ въ кабалу. Всѣ дѣйствующія лица (кромѣ Аксютки, пришедшаго ѣсть и красть) играютъ роль страдательную, зависимую и подневольную. Всѣ они подавлены какою-то высшею силою, которая заставляетъ ихъ насиловать самыя естественныя и неистребимыя наклонности человѣческой природы. Стоитъ только сличить то, чего хотятъ всѣ дѣйствующія лица этой сцены, съ тѣмъ, что они дѣлаютъ, — чтобы убѣдиться въ томъ, что всѣ они—жертвы, всѣ, кромѣ Аксютки, и что всѣхъ ихъ, кромѣ того же Аксютки, продаетъ, покупаетъ и кабалитъ, давитъ и унижаетъ внѣшняя сила, неимѣющая въ данной сценѣ ни одного представителя.—Въ самомъ дѣлѣ, чего хочетъ старуха Вознесенская? Она хочетъ добыть для своей дочери смирнаго, честнаго, трезваго и работящаго мужа. А что́ она дѣлаетъ? Поступаетъ ли она сообразно съ своимъ желаніемъ? Напротивъ того. Она привлекаетъ къ своей дочери бурсаковъ, которыхъ она сама же считаетъ озорниками, и отъ которыхъ она навѣрное перебѣжала бы на другую сторону улицы, подобно старухѣ, попавшейся на встрѣчу бурсакамъ, во время ихъ побѣднаго шествія въ баню. Она бросаетъ свою дочь на шею такому человѣку, котораго обѣ онѣ, и старуха и дочь, видятъ въ первый разъ. Она встрѣчаетъ разомъ троихъ гостей, и передъ всѣми тремя разсыпаетъ одинаковыя любезности, потому что каждый изъ нихъ можетъ оказаться тѣмъ суженымъ, которому достанется право карать и миловать ея дочь. Положеніе старухи, какъ видите, совершенно пассивно и до послѣдней степени зависимо. Тутъ съ ея стороны нѣтъ ничего похожаго на обыкновенную ловлю жениховъ; она ловитъ то, чего ей вовсе не хочется поймать; ловитъ то, въ чемъ она боится найдти несчастіе для себя и для своей дочери.—Чего хочетъ эта дочь? Подобно всякой другой дѣвушкѣ, Ирина хочетъ пріобрѣсти себѣ мужа красиваго, веселаго, кроткаго, расторопнаго, способнаго хорошо кормить и одѣвать ее, вообще такого, который бы понравился ей и полюбилъ ее.—А что́ она дѣлаетъ? Она принимаетъ съ заискивающимъ видомъ и съ стереотипною улыбкою всѣхъ уродовъ и всѣхъ негодяевъ, которыхъ заблагоразсудитъ прислать къ ней въ гости инспекторъ бурсы. Наружность посѣтителей можетъ ей не нравиться; она можетъ думать про себя, что они по всей вѣроятности окажутся негодяями, но все это ровно ничего не значитъ; не смотря на свое отвращеніе, не смотря на свои мучительныя предчувствія, она съ невозмутимымъ смиреніемъ должна изображать своею особою вещь,

которую пришли разсматривать и оцѣнивать покупатели. Въ ея роли нѣтъ также ни малѣйшей активности и ничего похожаго на завлеканіе поклонниковъ. Чего хотятъ покупатели, Васенда и Азинусъ? Но во-первыхъ, какіе же они покупатели? На какіе достатки могутъ они купить человѣка? Какъ бы ни были дешевы въ наше время человѣческое счастье, человѣческая жизнь, человѣческая любовь, человѣческая совѣсть,—все же эти вещи дороже трехъ-копѣечной сайки, а Васендѣ и Азинусу даже и трехъ-копѣечная сайка обыкновенно оказывается не по карману. Васендѣ и Азинусу, для совершенія купли, надо заложить, закабалить или продать собственныя особы. Они приходятъ къ госпожѣ Вознесенской именно для того, чтобы устроить такую сдѣлку. Одно это обстоятельство уже достаточно устраняетъ всякое помышленіе о ихъ активности. Но во всякомъ случаѣ, чего же они хотятъ? Подобно всѣмъ другимъ молодымъ людямъ ихъ возраста, они желали бы, чтобы ихъ любила и ласкала молодая и красивая женщина. Это физіологическое влеченіе къ молодости, къ свѣжести и къ красотѣ не можетъ быть истреблено ни однимъ изъ тѣхъ талисмановъ, которыми располагаетъ бурса: ни голодомъ, ни грязью ни розгами, ни даже тамошнею наукою. Это влеченіе несомнѣнно существуетъ въ обоихъ претендентахъ, являющихся къ Иринѣ Вознесенской. А между тѣмъ, что дѣлаютъ эти претенденты? Познакомившись въ своею *общею невѣстою*, они видятъ прежде всего, что Ирина—дѣвица, *заматорѣвшая во днѣхъ своихъ, на видъ рябая, длинная и черствая*. Тогда они оба кладутъ на одну чашку вѣсовъ карявую наружность и преклонныя лѣта Ирины, а на другую начинаютъ накладывать стаметовыя юбки, шелковые платки, заячьи салопы, коровъ и овецъ, доходы закрѣпленнаго мѣста и всѣ другія сокровища, принадлежащія невѣстѣ. Уложивши все, какъ слѣдуетъ, Васенда находитъ, что первая чашка все-таки перетягиваетъ; поэтому онъ отступается отъ невѣсты. Но если бы вы на вторую чашку вѣсовъ прибавили нѣсколько стаметовыхъ юбокъ, двѣ-три коровы, два-три десятка рублей годового дохода,—то Васенда, *какъ человѣкъ практическій и положительный*, переломилъ бы свое физіологическое отвращеніе къ рябой и черствой дѣвицѣ и, скрѣпя сердце, отдалъ бы себя въ кабалу за очень дешевую цѣну. Азинусъ поступилъ именно такимъ образомъ, и, разумѣется, не потому, что рябое лицо казалось ему привлекательнымъ, и также не потому, что влеченіе къ красотѣ и къ молодости въ немъ не существовало. Рѣшился онъ на свой неблестящій

бракъ потому, что и въ бурсѣ оставаться было скверно и впереди не предвидѣлось ничего утѣшительнаго. Браки по разсчету, покупки и продажи живыхъ и полнокровныхъ человѣческихъ личностей, совершаются каждый день въ самыхъ богатыхъ и знатныхъ слояхъ европейскихъ обществъ. Но эти торговыя сдѣлки имѣютъ такъ же мало общаго съ поступками Азинуса и Васенды, какъ мало общаго имѣютъ дѣйствія Ирины и старухи Вознесенской съ кокетствомъ богатыхъ барышень и съ маневрами богатыхъ маменекъ. Въ блестящихъ бракахъ по разсчету обѣ стороны по своему остаются въ выигрышѣ, то есть, обѣ получаютъ дѣйствительно то, къ чему онѣ стремились: одна сторона покупаетъ себѣ красоту и наслаждается ею; другая за противныя старческія ласки вознаграждаетъ себя блестящими нарядами, каретой, балами и театрами, словомъ, всѣми прелестями утонченнаго комфорта. Но что́ же получаютъ другъ отъ друга monsieur и madame Азинусъ? Ни красоты, ни довольства, ни того, что наполняетъ жизнь наслажденіемъ, ни того, что́ дѣлаетъ пустую жизнь сколько-нибудь сносною. Оба собираются взаимно отравить другъ другу жизнь, оба предвидятъ, что не принесутъ другъ другу ничего, кромѣ заботъ, обидъ и огорченій, и оба дѣлаютъ рѣшительный шагъ, получая отъ общества, за весь этотъ подвигъ хроническаго самоистязанія, возможность жить въ дрянной избенкѣ, одѣваться въ дрянныя ветошки и набивать животъ чуть-чуть не сѣномъ. Такой бракъ слѣдуетъ назвать не бракомъ по разсчету, а бракомъ изъ-подъ палки, и палкою является тутъ для обѣихъ сторонъ бѣдность, не та мнимая бѣдность, при которой нельзя завести себѣ собственныхъ лошадей и французскаго повара, а та настоящая, неприличная бѣдность, при которой можно голодать и зябнуть, нищенствовать и воровать, страдать отъ болѣзни и обходиться безъ медицинской помощи, безъ мягкой постели, безъ чистаго и сухаго воздуха. «Въ свѣтскихъ искуственныхъ бракахъ, говоритъ Помяловскій, бо́льшею частію оскорбляется женщина; но въ бурсацкихъ—и женщина и мужчина. Въ свѣтскихъ мужчина говоритъ: «я сытъ и есть у меня имя, иди за меня—ты будешь сыта и получишь имя;» въ бурсацкихъ же не то; женихъ кричитъ: «ѣсть нечего;» невѣста кричитъ: «съ голоду умираю»—и исходъ одинъ: соединиться обѣимъ сторонамъ. (Стр. 131.) И соединиться для того, чтобы, грызя другъ друга взаимными попреками, прожить всю жизнь впроголодь. Исходъ прелестенъ, и прелести этого исхода достаточно извѣстны бурсакамъ, насмотрѣвшимся

на семейныя заботы и семейные раздоры, какъ въ домѣ своихъ родителей, такъ и у всѣхъ своихъ ближайшихъ знакомыхъ. И однакоже, вообразите себѣ, что этотъ исходъ, этотъ бракъ изъ-подъ палки, это отвратительное взвѣшиваніе стаметовыхъ юбокъ и карявой наружности, являются въ жизни бурсаковъ радостнымъ и счастливымъ событіемъ, которое воодушевляетъ цѣлый классъ, возбуждаетъ ликованіе въ Камчаткѣ, наводитъ на всѣхъ учениковъ веселыя думы, и охватываетъ трепетомъ наслажденія все училище «*отъ двѣнадцатилѣтняго мальчика до двадцати-двухъ годовалаго парня, отъ послѣдняго лѣнтяя до перваго ученика.*» Женихи считаются *героями дня*. Камчатка гордится ими. *Магическое слово: женихи—быстрѣе ласточки облетаетъ по всѣмъ классамъ, сладостно волнуя бурсацкія души.* Все, что подчеркнуто, принадлежитъ Помяловскому.—Это всеобщее ликованіе составляетъ, разумѣется, только слабое отраженіе гордой и непомѣрной радости, переполняющей сердца женіховъ, которые дѣйствительно сами считаютъ себя *героями дня*, и въ тяжелой сценѣ *смотринъ*, унизительной для всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ, видятъ одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и блестящихъ эпизодовъ своей жизни. Быть женихомъ изъ-подъ палки—такая великая честь, и попасть на смотрины—такое несказанное благополучіе, что, забывая свой возрастъ, къ этой чести и къ этому благополучію порывается даже четырнадцатилѣтній мальчикъ, котораго забраковалъ инспекторъ и жестоко осмѣяли за эту преждевременную прыткость товарищи. Что же все это значитъ? Неужели же бурсакъ неспособенъ влюбиться въ женщину? Неужели въ бурсакѣ дѣйствительно истреблено влеченіе къ молодости и красотѣ? Это невозможно, такъ точно какъ невозможно истребить въ человѣкѣ влеченіе къ здоровой и обильной пищѣ, къ теплому и удобному платью, къ мягкой и чистой постели. Влеченіе къ удобствамъ жизни не исчезаетъ никогда, и человѣкъ всегда сохраняетъ способность отличать пріятное отъ непріятнаго, и даже различать довольно тонкіе оттѣнки въ своихъ пріятныхъ ощущеніяхъ. Но когда человѣкъ поставленъ въ такое положеніе, при которомъ самыя пріятныя ощущенія для него рѣшительно недоступны, тогда онъ по неволѣ привыкаетъ пробавляться тѣмъ вторымъ, третьимъ или четвертымъ сортомъ наслажденій, который оказывается для него сподручнымъ. Спускаясь на нижнія ступеньки общественной лѣстницы, мы находимъ тамъ такія положенія, при которыхъ человѣкъ страдаетъ съ утра до вечера, и съ вечера до утра, то отъ холода, то отъ голода, то отъ копоти,

то отъ насѣкомыхъ, то отъ непомѣрной и однообразной работы, то отъ грубаго обращенія. Для такого человѣка облегченіе привычныхъ страданій оказывается уже наслажденіемъ, хотя намъ съ вами это наслажденіе показалось бы очень ощутительнымъ страданіемъ. Бурсакъ можетъ считать счастливымъ тотъ день, когда его не оставили безъ обѣда, не прибили и не высѣкли, но если бы насъ съ вами заставили прожить штукъ десять такихъ счастливыхъ дней, то мы считали бы себя очень жестоко наказанными. Когда общій колоритъ жизни мраченъ и грязенъ, когда глубокія, сильныя и чистыя наслажденія недоступны, тогда человѣкъ привыкаетъ считать пустою прихотью тѣ изъ своихъ собственныхъ законныхъ потребностей, которыя при данныхъ условіяхъ не могутъ найдти себѣ удовлетворенія. Такія суровыя отношенія человѣка къ самому себѣ необходимы, потому что они одни даютъ ему силы переносить тяжесть безотраднаго существованія; давая волю своимъ неудовлетворимымъ стремленіямъ, и въ тоже время не имѣя возможности выбиться изъ подъ гнета тѣхъ условій, которыя мѣшаютъ удовлетворенію,—человѣкъ домучилъ бы себя до съумасшествія и до самоубійства. Но если, при данныхъ условіяхъ, человѣку необходимо насиловать, переламывать, истощать и уродовать свою природу, то во всякомъ случаѣ невозможно находить эти крутыя мѣры полезными для человѣческаго совершенствованія. Осажденный гарнизонъ поступаетъ очень благоразумно, если, въ ожиданіи скорой помощи, онъ тратитъ съѣстные припасы съ самою крайнею скупостью, но эта скупость, необходимая при данныхъ обстоятельствахъ, во всякомъ случаѣ дѣйствуетъ на здоровье людей разрушительнымъ образомъ. Тоже самое можно сказать и о бурсакахъ. Они были бы невыносимо несчастливы, если бы грязь и безобразіе ихъ существованія постоянно поражали ихъ такъ же сильно, какъ они могутъ поражать свѣжаго человѣка, смотрящаго на дѣло со стороны. — Привычка къ грязи и примиреніе съ тусклыми и мутными удовольствіями составляютъ для бурсаковъ единственное спасеніе отъ самаго убійственнаго отчаянія. Но это спасеніе достается имъ не даромъ. Они должны обезобразить себя для того, чтобы приноровиться къ условіямъ жизни, невыносимымъ для нормальнаго человѣка. Отказываясь по необходимости отъ высшихъ наслажденій, человѣческая природа бѣднѣетъ, вянетъ и черствѣетъ. Становясь непомѣрно суровымъ къ самому себѣ, называя прихотью свое собственное законное желаніе, человѣкъ пріучается быть неумолимымъ въ отно-

шеніи къ другимъ. Онъ топчетъ въ грязь чужія чувства такъ точно, какъ его собственныя чувства топтались въ грязь желѣзнымъ гнетомъ обстоятельствъ. Что скажетъ, напримѣръ, Азинусъ, когда лѣтъ черезъ двадцать,—сынъ его захочетъ жениться на любимой дѣвушкѣ, несоотвѣтствующей финансовымъ или политическимъ планамъ родителя? Азинусъ припомнитъ свои смотрины и тотъ восторгъ, съ которымъ онъ летѣлъ въ домъ совершенно незнакомой дѣвушки, и ту неустрашимость, съ которою онъ отнесся къ рябой физіономіи Ирины Вознесенской.—Дуракъ, скажетъ онъ своему сыну. Развѣ жь тебѣ не все равно, что одну взять дѣвку, что другую. За тебя нашъ благочинный хочетъ свою Степаниду отдать, а ты рыло воротишь. Глупъ ты, молодъ, мало каши ѣлъ, мало вѣниковъ объ тебя изломали,—оттого и дуришь. А ты бы посмотрѣлъ, какъ я на твоей матери женился. И рожа-то у нея хуже Степанидиной была, и старше-то она была лѣтъ на семь, и добра-то за нею никакого не было, — да взялъ же я ее, да еще земли подъ собой не слышалъ отъ радости. А ты рыло воротишь! Меня передъ благочиннымъ погубить стараешься! Ну не оселъ ли ты послѣ этого? На моемъ мѣстѣ другой отецъ съ тобой языкомъ-то и говорить бы не сталъ.—И за тѣмъ начинается крикъ, шумъ, избіеніе непокорнаго сына, и все это происходитъ отъ того, что человѣкъ всегда прикидываетъ чужія чувства и страсти на собственный аршинъ, укороченный или изломанный враждебными обстоятельствами. Разсмотрѣвши исторію Аксюткиной невѣсты, я теперь возвращаюсь къ самому Аксюткѣ и къ Гороблагодатскому.

VIII.

Великъ и славенъ Аксютка своими воровскими подвигами, но еще больше славы и величія доставляетъ ему та кровопролитная война, которую онъ ведетъ съ жестокимъ учителемъ Лобовымъ. Эта война ведется самымъ оригинальнымъ образомъ и оказывается кровопролитною для одного Аксютки. Обладая отличными способностями, Аксютка начинаетъ вдругъ превосходно учиться. Лобовъ восхищается его успѣхами и сажаетъ его на первую скамейку. Аксютка тотчасъ перестаетъ учиться и постоянно получаетъ нули въ авдиторскихъ нотахъ. Лобовъ начинаетъ его пороть и, въ про-

долженіи нѣсколькихъ недѣль, проливаетъ его кровь за каждый невыученный урокъ. Аксютка съ непоколебимою стойкостью выдерживаетъ лобовскія внушенія и наконецъ отсылается въ Камчатку, въ страну безнадежныхъ лѣнтяевъ, которыхъ начальство уже не удостоиваетъ сѣченія. Повидимому, всего выгоднѣе для Аксютки было бы успокоиться въ Камчаткѣ и навсегда забыть о существованіи учебныхъ книгъ и учительскихъ розогъ. Но Аксютка на это рѣшиться не можетъ. Ему непремѣнно надо лицедѣйствовать въ классѣ, обращать на себя вниманіе и изумлять товарищество своимъ геройствомъ. Попавши въ Камчатку, онъ снова начинаетъ учиться, и появляется въ нотахъ съ полными баллами. Покаялся, думаетъ Лобовъ и переводитъ Аксютку на первую скамейку. Но Аксютка обнаружилъ признаки раскаянія только для того, чтобы завязать съ Лобовымъ новую борьбу. Начинается опять рядъ нулей; надъ Аксюткой свистятъ лобовскія розги; Аксютку гонятъ въ Камчатку, и опять разыгрывается съ начала та же самая исторія. Наконецъ Лобовъ видитъ ясно, что Аксютка, жертвуя собственною спиною, дразнитъ и дурачитъ его для потѣхи всего лихого бурсачества. Тогда Лобовъ, уславши Аксютку въ Камчатку, рѣшительно запрещаетъ ему учиться.

— Ты, животное, говоритъ Лобовъ, потѣшаешься надо мною; когда тебя порютъ, у тебя въ нотатѣ нули, когда шлютъ въ Камчатку— пятки? Знаю я тебя: ты добиваешься того, чтобы опять перейдти на первую парту, чтобы потомъ снова бѣсить меня нулями? Врешь же! Не бывать тебѣ на первой партѣ, и пока у тебя снова не будутъ нули, до тѣхъ поръ не ходи въ столовую. Каково должно быть торжество Аксютки, когда Лобовъ произноситъ эти слова? Учитель признается публично, при всемъ классѣ, что Аксютка *потѣшается надъ нимъ*, что Аксютка *нарочно бѣситъ его нулями.* Учитель разсказываетъ публично всю тактику Аксютки. Значитъ, учитель понялъ наконецъ и объявилъ всѣмъ ученикамъ, что Аксютка рѣшительно не боится его, Ивана Михайловича Лобова, передъ которымъ трепещетъ вся неустрашимая бурса. Лобовъ сдается на капитуляцію и проситъ себѣ только милости: храбрый Аксютка, оставь меня въ покоѣ и позволь мнѣ не пороть тебя!— Ни за что! возражаетъ Аксютка и, сидя въ Камчаткѣ, учится отлично, единственно для того, чтобы добраться снова до лобовскихъ розогъ. Лобовъ старается истребить аксюткино прилежаніе голодомъ, но Аксютка непобѣдимъ и съ этой стороны. Онъ не ходитъ въ столовую, но воруетъ съ удвоеннымъ искусствомъ все, что можно украсть, под-

держиваетъ кое-какъ свое существованіе и, на зло Лобову, продолжаетъ учиться великолѣпно. Чѣмъ кончается эта изумительная борьба—объ этомъ Помяловскій не говоритъ, но довольно и того, что было разсказано до сихъ поръ. Этихъ фактовъ совершенно достаточно для того, чтобы почувствовать самое почтительное изумленіе передъ громадною силою аксюткина характера. Человѣкъ терпитъ голодъ и розги, человѣкъ самъ напрашивается на розги, человѣкъ учится и старается для полученія розогъ, и всѣ эти удивительныя эволюціи производятся съ тою единственною цѣлью, чтобы сказать себѣ и товарищамъ: «а я все-таки поставилъ на своемъ! Хочу дурачиться, и буду дурачиться, и никакой Лобовъ меня не испугаетъ». Чѣмъ ничтожнѣе цѣль, тѣмъ изумительнѣе та настойчивость, съ которою эта цѣль преслѣдуется. Если человѣкъ, ради пустѣйшаго изъ своихъ капризовъ, добровольно и неоднократно подвергаетъ себя очень сильной физической боли, то передъ чѣмъ же отступитъ этотъ человѣкъ, когда въ немъ заговоритъ настоящая страсть, и когда онъ увидитъ передъ собою дѣйствительное наслажденіе? Чѣмъ вы запугаете такого человѣка, который въ бурсѣ, безъ всякихъ средствъ обороны, нарочно дразнитъ и бѣситъ учителя, вооруженнаго всѣми орудіями школьной инквизиціи и имѣющаго полную возможность запороть до полусмерти непочтительнаго ученика? Заставьте такого человѣка, какъ Аксютка, полюбить полезное дѣло, съумѣйте найдти приложеніе для его громадной энергіи, бросьте въ его свѣтлый умъ плодотворныя мысли—и этотъ училищный воръ былъ бы великимъ человѣкомъ. Гибель такихъ умныхъ, даровитыхъ, блестящихъ и энергическихъ личностей, какъ Аксютка, неизбѣжна, но неизбѣжна она только потому, что огненный потокъ великихъ людей, очищающихъ и увлекающихъ за собою все, что способно мыслить, желать и увлекаться, — до сихъ поръ не проложилъ себѣ дороги въ низшіе, бѣднѣйшіе и грязнѣйшіе слои нашего общества. Но пока солнышко взойдетъ, до тѣхъ поръ роса глаза выѣстъ, и многія сотни Аксютокъ сгніютъ на нарахъ мертвыхъ домовъ, въ ожиданіи очищающихъ, обновляющихъ и увлекающихъ идей.

Другой сильный характеръ бурсы, Гороблагодатскій, обреченъ также на вѣрную гибель, не смотря на то, что въ немъ имѣется гораздо больше хорошихъ качествъ, чѣмъ въ мазурикѣ-Аксюткѣ. Въ Гороблагодатскомъ мы видимъ самое чистое и самое прекрасное воплощеніе дикаго бурсацкаго идеала. Ненависть этого человѣка къ угнетающей рутинѣ безпредѣльна; честность его въ отношеніи къ това-

рищамъ безпредѣльна. «Онъ,—говоритъ Помяловскій,—не взялъ ни одной взятки, безпристрастно и справедливо отмѣчалъ подъавдиторнымъ баллы, не куражился надъ ними, часто защищалъ слабосильныхъ, любилъ вмѣшиваться въ ссоры и хотя дѣспотически, но всегда справедливо рѣшалъ ихъ; онъ постоянно солилъ ростовщикамъ и взяточникамъ. Товарищество его любило и уважало» (стр. 21). Но въ ненависти своей страстный и сильный характеръ Гороблагодатскаго доходитъ до безпощадной свирѣпости, для которой бурса, переполненная всѣмъ, что способно возмущать честнаго человѣка, — представляетъ конечно самое обширное поприще. Первый очеркъ Помяловскаго («Зимній вечеръ въ бурсѣ») показываетъ намъ, какимъ образомъ Гороблагодатскій доѣзжаетъ двухъ подлецовъ, ростовщика Тавлю и фискала Семенова.

Желая насладиться мученіями Тавли, Гороблагодатскій играетъ съ нимъ въ камушки со щипчиками. Интересъ игры состоитъ въ томъ, что выигравшій имѣетъ право щипать руку проигравшаго. Такъ какъ Тавля и Гороблагодатскій — оба силачи, то щипчики ихъ ужасны и называются *съ пылу горячіе*. Отъ этихъ щипчиковъ краснѣетъ, синѣетъ, чернѣетъ и пухнетъ рука побѣжденнаго партнера. Гороблагодатскій проигрываетъ. Тавля закатываетъ ему сотню жесточайшихъ щипчиковъ и потомъ насмѣшливо спрашиваетъ у него, не хочетъ ли онъ сыграть еще партію. Гороблагодатскій говоритъ: «Давай!»—и выигрываетъ.—Съ пылу горячіе!—провозглашаетъ побѣдитель такимъ зловѣщимъ голосомъ, что товарищамъ становится страшно. — Конца не будетъ! произноситъ Гороблагодатскій, и начинается истязаніе. Товарищи смотрятъ и молчатъ. У Тавли душа уходитъ въ пятки. Получивши сотню баснословныхъ щипчиковъ, Тавля начинаетъ отпрашиваться. «Послѣ двухъ сотъ проси пощады», отвѣчаетъ истребитель ростовщиковъ. Тавля продолжаетъ уговаривать побѣдителя, но побѣдитель велитъ ему молчать: «Скажи только слово,—говоритъ Гороблагодатскій,—еще двѣсти закачу». Тавля начинаетъ плакать. Послѣ двухъ сотъ, Гороблагодатскій приказываетъ Тавлѣ просить прощенія и побѣждаетъ его упрямство жестокимъ щипкомъ. Истерзанный Тавля смиряется и при всей собравшейся публикѣ проситъ прощенія.

Гороблагодатскому этого мало. Страданія и покорность Тавли нисколько не укрощаютъ его ненависти. Черезъ нѣсколько времени Тавля играетъ *въ постные*. Эта игра состоитъ въ томъ, что одинъ изъ играющихъ, закрывши голову руками, подставляетъ спину подъ удары и старается угадать, кто его ударилъ. Угадалъ—

тогда ложится ударившій; не угадалъ—ложись опять прежній страдалецъ. Въ этой занимательной игрѣ Тавлѣ пришлось лечь подъ удары. Тогда къ кучкѣ играющихъ примкнулъ Гороблагодатскій, а за нимъ потянулись и другіе силачи класса. Тавлѣ не повезло. Онъ четыре раза ошибся при угадываніи, и поэтому получилъ пять такихъ ударовъ, которые чуть-чуть не переломили ему становой хребетъ. Онъ сталъ протестовать: «Чтожь это, братцы? Убить что ли хотите?» Протестъ и слово *братцы* не тронули черстваго сердца Гороблагодатскаго. Онъ отвѣчалъ кровавою насмѣшкою: «Значитъ, любимъ тебя, почитаемъ». Тавля возражаетъ: «Другихъ такъ не бьютъ.»—«А тебя вотъ бьютъ!» отвѣчаетъ ему кто-то, по всей вѣроятности тотъ же его неизмѣнный доброжелатель, потому что проще, осторожнѣе и свирѣпѣе этого отвѣта трудно что-нибудь придумать.

Наконецъ Тавля угадываетъ и говоритъ съ неудовольствіемъ, что онъ не хочетъ больше играть. Гороблагодатскій на прощаніе ввертываетъ ему еще шпильку: «Отчего же, душа моя?» спрашиваетъ онъ добродушно и ласково.

Въ тотъ же вечеръ, во время темноты, сберегающей казенное масло, бурсаки сѣкутъ очень сильно фискала Семенова. Ему даютъ семьдесятъ розогъ, и при этомъ товарищескомъ подвигѣ Тавля играетъ одну изъ главныхъ ролей. Онъ зажимаетъ рукою ротъ Семенова. Семеновъ, терпя горькую муку, кусаетъ его за руку и узнаетъ его голосъ, потому что укушенный Тавля начинаетъ ругаться. Послѣ сѣченія Семеновъ идетъ къ инспектору и доноситъ ему на Тавлю. Инспекторъ приходитъ въ классъ съ четырьмя солдатами и даетъ Тавлѣ полтораста розогъ. Тутъ повидимому всѣ симпатіи Гороблагодатскаго должны склониться на сторону Тавли, который, такъ сказать, положилъ животъ за бурсацкое отечество и потерпѣлъ мученичество за величіе и славу товарищеской общины. Но не тутъ-то было. Свирѣпость Гороблагодатскаго такъ велика, что его ненависть къ инспектору и къ его креатурѣ Семенову нисколько не мѣшаетъ ему ненавидѣть въ эту же минуту и Тавлю и радоваться его неудачѣ. Помяловскій говоритъ, что Гороблагодатскій «съ наслажденіемъ смотрѣлъ на Тавлю, который не могъ ни стать, ни сѣсть послѣ экзекуціи» (стр. 63).

Теперь читатель можетъ себѣ вообразить, до какой степени неудобно фискалу Семенову сидѣть въ одной конматѣ съ Гороблагодатскимъ, безпощаднымъ истребителемъ всякихъ мерзостей. Встрѣтившись съ Семеновымъ, Гороблагодатскій даетъ ему затрещи-

ну (стр. 26). Потомъ, во время игры *въ постные*, Гороблагодатскій схватываетъ Семенова сзади и насильно кладетъ его подъ жестокіе удары, которые валятся на Семенова безъ счета, и не въ очередь, потому что его бьютъ не какъ играющаго, а какъ фискала, исключеннаго изъ всякихъ товарищескихъ забавъ и стоящаго внѣ закона.

Черезъ нѣсколько времени Семенова сѣкутъ. Кѣмъ придумана такая необычайная штука—это оставлено у Помяловскаго во мракѣ неизвѣстности. Но мудрено себѣ представить, чтобы такое патріотическое дѣло совершилось безъ участія Вани Гороблагодатскаго. Всего правдоподобнѣе даже то, что ему принадлежитъ первая мысль объ этой кровавой экзекуціи. Мое предположеніе совершенно соотвѣтствуетъ какъ серьезности его характера, такъ и блестящимъ способностямъ его изобрѣтательнаго ума. Когда инспекторъ, при содѣйствіи четырехъ сильныхъ солдатъ, отнялъ у Тавли возможность стоять и сидѣть, тогда Гороблагодатскій такъ сильно прочувствовалъ наказаніе, данное Тавлѣ, что вознамѣрился «*идти къ Семенову и избить его окончательно*». Но онъ раздумалъ, потому что въ головѣ его родился новый и болѣе удобный планъ мщенія. Онъ устроилъ Семенову *пфимфу*. *Пфимфою* называется въ бурсѣ свертокъ бумаги, въ видѣ конуса, набитый ватою. Трое заговорщиковъ отправились ночью, подъ предводительствомъ нашего Вани, къ постели спящаго Семенова, осторожно вставили ему въ носъ отверстіе *пфимфы*, зажгли вату съ широкаго конца и начали дуть въ этотъ конецъ. Послѣ двухъ дуновеній, Семеновъ, обожженный и прокопченный дымомъ до самой глубины легкихъ, лишился чувствъ. На другой день его замертво стащили въ больницу, гдѣ онъ никакъ не могъ объяснить причины своей болѣзни. Если Семенову послѣ этой передѣлки удалось выздоровѣть, и если онъ не догадался покинуть навсегда враждебную бурсу, то можно сказать навѣрное, что Гороблагодатскій не оставилъ его въ покоѣ. Изъ всѣхъ сообщенныхъ подробностей читатель видитъ ясно, что этотъ человѣкъ не могъ и не умѣлъ прощать.

Любопытно было бы узнать, какимъ образомъ Гороблагодатскій относится къ Аксюткѣ. Эти двѣ личности, одинаково умныя и сильныя, но не одинаково честныя, должны жестоко ненавидѣть другъ друга. Постоянныя столкновенія между ними тѣмъ болѣе неизбѣжны, что они сидятъ въ одномъ классѣ. Эта борьба между двумя самыми блестящими личностями, представителями бурсацкой цивилизаціи наполнена самыми оригинальными и занимательными

эпизодами. Къ сожалѣнію, Помяловскій не сообщаетъ объ этой борьбѣ рѣшительно никакихъ свѣдѣній. Аксютка и Гороблагодатскій совсѣмъ не встрѣчаются между собою, точно будто они живутъ на двухъ разныхъ планетахъ. Въ первомъ очеркѣ Помяловскаго господствуетъ Гороблагодатскій; тутъ не упоминается ни разу даже имя Аксютки. Въ двухъ слѣдующихъ очеркахъ царствуетъ Аксютка; тутъ имя Гороблагодатскаго упоминается мимоходомъ, раза два или три. Если бы «Очерки бурсы» были совершенно законченнымъ сочиненіемъ, то молчаніе Помяловскаго объ отношеніяхъ двухъ героевъ бурсы оказалось бы со стороны автора очень важною ошибкою. Но такъ какъ Помяловскій хотѣлъ написать около десяти или двѣнадцати очерковъ, а успѣлъ написать только четыре, то осуждать автора за пробѣлы было бы несправедливо; и слѣдовательно остается только пожалѣть о томъ, что замѣчательный трудъ Помяловскаго не могъ быть доведенъ до конца.

По выходѣ изъ бурсы Гороблагодатскій навѣрное погибаетъ такъ или иначе. Попадетъ ли онъ въ мертвый домъ—этого я не знаю. Но что онъ не сноситъ своей буйной головы и шибко напакоститъ себѣ и другимъ—это врядъ ли можетъ подлежать сомнѣнію. Гороблагодатскій придетъ къ погибели конечно не тѣмъ путемъ, по которому бѣжитъ Аксютка. Гороблагодатскій останется навсегда безукоризненно-честнымъ человѣкомъ. Кто терпѣлъ голодъ, имѣлъ подъ руками возможность взяточничать и не пользовался выгодами своего положенія, тотъ навѣрное выйдетъ чистъ и невредимъ изъ всевозможныхъ испытаній. Кого въ молодыхъ лѣтахъ не развратила бурса, того врядъ ли развратитъ послѣдующая жизнь. Но Гороблагодатскаго, честнаго, умнаго и сильнаго человѣка, загубятъ вынужденная праздность, дикое безобразіе пьянаго разгула и безтолковыя схватки съ мелкими проявленіями общественнаго зла. Гороблагодатскій учится въ бурсѣ хорошо. Поэтому для него есть надежда получить аттестатъ. Хорошо. Получитъ онъ аттестатъ, пристроится къ мѣсту, возьмется за добросовѣстное исполненіе своихъ почтенныхъ обязанностей. Но развѣ же эти обязанности, очень почтенныя, но очень скромныя, тихія и однообразныя, могутъ удовлетворить Гороблагодатскаго? Къ этимъ обязанностямъ можно только привыкнуть, въ эту идиллію можно только втянуться, а Гороблагодатскому необходимо пристраститься. Ему нужна борьба. Его кипучая природа требуетъ себѣ такой жизни, которая держала бы въ постоянномъ напряженіи всю нервную

систему такой жизни, въ которой цѣною великихъ трудовъ и тяжелыхъ страданій покупались бы минуты невыразимаго наслажденія, непонятнаго и недоступнаго для мелкихъ и вялыхъ людишекъ. Не имѣя возможности создать себѣ такую полную и дѣятельную жизнь, Гороблагодатскій, подавленный избыткомъ своихъ собственныхъ непристроенныхъ силъ, будетъ поневолѣ разгонять свою хроническую скуку тѣми нехитрыми средствами, которыя окажутся у него подъ руками. Прежде всего подъ руками окажется водка; нашъ скучающій богатырь приметъ ее въ соображеніе, тѣмъ болѣе, что онъ и въ бурсѣ считалъ ее вѣрнѣйшимъ средствомъ *отъ всѣхъ скорбей*. Далѣе, въ пьяныя минуты, подъ руками будетъ оказываться жена, пріобрѣтенная вмѣстѣ съ закрѣпленнымъ мѣстомъ, и слѣдовательно, врядъ ли способная внушать мужу особенно сильную привязанность. Въ этой женѣ Гороблагодатскій будетъ усматривать различные пороки, за искупленіе которыхъ онъ примется съ свойственною ему энергіею; борьба съ недостатками супруги будетъ служить Гороблагодатскому очень сильнымъ средствомъ развлеченія, но отъ этой борьбы получится немного пользы, какъ для семейнаго счастья нашего героя, такъ и для всего направленія его жизни. Живя въ какомъ нибудь бѣдномъ сельскомъ приходѣ, Гороблагодатскій будетъ встрѣчаться съ различными, очень возмутительными проявленіями насилія, произвола, несправедливости и вымогательства. Какъ честный и страстный человѣкъ, онъ будетъ протестовать, не жалѣя и не выгораживая самого себя. Протесты эти, при всей своей искренности и безкорыстности, будутъ очень узки, поверхностны и безплодны. Гороблагодатскій, подобно всѣмъ неразвитымъ людямъ, будетъ сражаться съ внѣшними симптомами зла, съ недобросовѣстными или тупоумными личностями, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать противъ настоящихъ причинъ зла, противъ тѣхъ общихъ условій и идей, вслѣдствіе которыхъ тупоумныя и недобросовѣстныя личности могутъ играть важныя роли и отравлять жизнь своихъ умныхъ и честныхъ ближнихъ. Донъ-Кихотская борьба Гороблагодатскаго съ подлецами и съ дураками окончится полнѣйшимъ пораженіемъ нашего героя; его замнутъ, затрутъ, отрѣшатъ отъ должности, сошлютъ куда нибудь на покаяніе, у него отнимутъ насущный хлѣбъ; его доведутъ до самаго нищенства, и эта погибель будетъ тѣмъ болѣе ужасна, что она останется совершенно безплодною. Тысячи такихъ безалаберныхъ погибелей проведутъ по одной лишней мор-

щинкѣ на лицѣ тѣхъ самодовольныхъ идіотовъ, съ которыми боролись эти побѣжденные протестанты.

Чего же недостаетъ Гороблагодатскому для того, чтобы сдѣлаться полезнымъ дѣятелемъ и занять, въ ряду мыслящихъ работниковъ то мѣсто, на которое онъ имѣетъ право по своимъ способностямъ и по желѣзной силѣ своего характера? На этотъ вопросъ я смѣло отвѣчаю, что ему недостаетъ *развитія*, или проще, *знаній*. Отвѣчаю я такъ, не смотря на то, что меня еще въ прошломъ году упрекали печатно, изъ дружескаго лагеря, въ зловредныхъ стремленіяхъ основать на умственномъ развитіи новую аристократію. Если считать такой упрекъ за что нибудь серьезное, то его пришлось бы распространить на всѣхъ тѣхъ людей, которые желаютъ и требуютъ для народа грамотности. Сила грамотности очевидно заключается не въ тѣхъ каракулькахъ, которыя человѣкъ разбираетъ въ книгѣ или выводитъ перомъ на бумагѣ, а въ тѣхъ знаніяхъ, къ которымъ каракульки открываютъ доступъ. Но знанія поверхностныя, шаткія или ограниченныя, неразрушающія въ умѣ человѣка ни одного стараго заблужденія и не обогащающія его новыми идеями, —составляютъ только лишній балластъ для памяти. Значитъ, желая для народа грамотности, мы требуемъ для него такихъ знаній, изъ которыхъ могли бы выработаться прочныя положительныя убѣжденія. Грамотность драгоцѣнна для насъ только какъ дорога къ развитію. Но если мы желаемъ народу развитія, то, разумѣется, мы считаемъ это развитіе за благо, потому что съ какой же стати мы стали бы желать народу того, что само по себѣ не имѣетъ никакого достоинства. Если же развитіе есть благо, то приходится согласиться, что меньшинство, обладающее этимъ благомъ, стоитъ въ болѣе выгодномъ положеніи и можетъ работать на общую пользу съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ то большинство, которое не пріобрѣло себѣ этого сокровища. Гдѣ же тутъ аристократизмъ?— Никто не думаетъ говорить, что всякій развитой человѣкъ честнѣе и умнѣе всякаго неразвитаго. Я говорю только, что умъ и честность развитаго человѣка приносятъ обществу и самому обладателю этихъ качествъ гораздо больше пользы и наслажденій, чѣмъ умъ и честность человѣка неразвитаго. Эту мысль, которая, по своей простотѣ и очевидности, похожа даже на общее мѣсто, можно повести дальше и выразить болѣе опредѣленнымъ образомъ. Можно сказать, что безъ развитія сильный умъ и сильный характеръ становятся не только безполезными, но даже вредными,

какъ для общества, такъ и для самаго даннаго субъекта. Посредственность уживается лучше генія съ такою обстановкою, при которой умъ и страсти осуждены на бездѣйствіе. Тихій и скромный бурсакъ Васенда проживетъ на свѣтѣ гораздо приличнѣе, благоразумнѣе и безобиднѣе для себя и для всѣхъ, чѣмъ даровитый и замѣчательный Гороблагодатскій, который насолитъ себѣ, насолитъ другимъ, и въ то же время, не произведетъ никакой существенной перемѣны во всемъ томъ, что стѣсняло, волновало и бѣсило его. Это неумѣнье сильныхъ натуръ мириться съ пошлостями жизни драгоцѣнно тѣмъ, что оно выводитъ замѣчательныхъ людей на лучшую дорогу, заставляетъ ихъ искать и иногда помогаетъ имъ найдти тѣ знанія, при содѣйствіи которыхъ они могутъ развернуть въ полезной работѣ всѣ свои силы. Но для тѣхъ людей, которымъ выходъ на лучшую дорогу не удается, это неумѣнье помириться становится обильнымъ источникомъ мученій и ошибокъ. Гороблагодатскій не можетъ сдѣлаться Васендою; онъ не можетъ урѣзать отъ своего ума и отъ своихъ страстей тѣ излишки, которымъ некуда дѣваться при данныхъ условіяхъ. Но если нѣтъ возможности превратить себя въ тихую и приличную посредственность, за то есть полная возможность убить въ себѣ дикимъ разгуломъ всѣ порывы къ лучшей жизни и, вмѣстѣ съ этими неумѣстными порывами, убить всѣ способности своего ума; словомъ, можно превратить себя въ ходячую развалину, и эту операцію продѣлываютъ надъ собою такъ или иначе почти всѣ замѣчательные люди, которые, нуждаясь въ знаніяхъ, сами не умѣютъ понять, чего именно имъ недостаетъ. Такимъ людямъ нечѣмъ успокоить свою тревогу, потому что знанія составляютъ единственный ключъ ко всякой широкой и разумной дѣятельности, какая бы она ни была, теоретическая или практическая, ученая или соціальная.

IX.

Бурса распоряжается съ своими даровитѣйшими воспитанниками очень безцеремонно: однихъ она развращаетъ голодомъ, на подобіе Аксютки; другимъ, неприступнымъ съ нравственной стороны, она навсегда засоряетъ головы и загораживаетъ дорогу къ обра-

зованію. Такимъ образомъ молодая жизнь, такъ или иначе, оказывается изломанною. Блестящія исключенія изъ этого правила не должны подкупать насъ въ пользу бурсы, во первыхъ потому, что эти исключенія очень малочисленны, а во вторыхъ потому, что всѣ они относятся къ такимъ личностямъ, которыя, по выходѣ изъ бурсы, сворачивали въ сторону съ торной бурсацкой дороги. Эти личности, подобныя Добролюбову и Помяловскому, развиваются и совершенствуются именно только тогда, когда стараются какъ можно быстрѣе и полнѣе забыть все то, чѣмъ наградила ихъ alma mater бурса. Только эти блестящіе ренегаты бурсы и привлекли вниманіе общества на замкнутый бурсацкій міръ. Принимая этихъ ренегатовъ за образчики, общество расположено было думать, что бурса—таинственная лабораторія, въ которой рутинныя педагогическія средства, на удивленіе всей почтенной публики, даютъ превосходнѣйшіе результаты и выковываютъ *сердца изъ золота и стали*. Общество забывало, что бурсу слѣдуетъ судить по тѣмъ ея продуктамъ, которые остаются навсегда въ предначертанной для нихъ колеѣ. Объ этихъ продуктахъ я распространяться не желаю; но замѣчу мимоходомъ, что ими не совсѣмъ доволенъ былъ г. Иванъ Аксаковъ, который въ этомъ дѣлѣ можетъ быть болѣе компетентнымъ судьею, чѣмъ я.

Посмотримъ теперь, какъ дѣйствуетъ на своихъ воспитанниковъ мертвый домъ. Объ одномъ изъ обитателей этого дома г. Достоевскій говоритъ не только съ уваженіемъ, но даже съ самымъ горячимъ восторгомъ. «Его мѣсто на нарахъ, говоритъ авторъ «Записокъ,» было рядомъ со мною. Его прекрасное, открытое, умное и въ то же время добродушно-наивное лицо, съ перваго взгляда привлекло къ нему мое сердце, и я такъ радъ былъ, что судьба послала мнѣ его, а не другого кого нибудь въ сосѣди. Вся душа его выражалась на его красивомъ, можно даже сказать, прекрасномъ лицѣ. Улыбка его была такъ довѣрчива, такъ дѣтски простодушна; большіе черные глаза были такъ мягки, такъ ласковы, что я всегда чувствовалъ особое удовольствіе, даже облегченіе въ тоскѣ и въ грусти, глядя на него». (Стр. 99). «Трудно представить себѣ, говорится далѣе о томъ же каторжникѣ, какъ этотъ мальчикъ во все время своей каторги могъ сохранить въ себѣ такую мягкость сердца, образовать въ себѣ такую строгую честность, такую задушевность, симпатичность, не загрубѣть, не развратиться. Это впрочемъ была сильная и стойкая натура, не смотря на всю видимую свою мягкость. Я хорошо узналъ его впослѣдствіи. Онъ былъ цѣ-

ломудренъ, какъ чистая дѣвочка, и чей нибудь скверный, циническій, грязный или несправедливый, насильственный поступокъ въ острогѣ зажигалъ огонь негодованія въ его прекрасныхъ глазахъ, которые дѣлались отъ того еще прекраснѣе. Но онъ избѣгалъ ссоръ и брани, хотя былъ вообще не изъ такихъ, которые бы дали себя обидѣть безнаказанно и умѣлъ за себя постоять. Но ссоръ онъ ни съ кѣмъ не имѣлъ: его всѣ любили и всѣ ласкали. Сначала со мной онъ былъ только вѣжливъ. Мало-по-малу я началъ съ нимъ разговаривать; въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ выучился прекрасно говорить по русски, чего братья его не добились во все время своей каторги. Онъ мнѣ показался чрезвычайно скромнымъ и деликатнымъ, и даже много уже разсуждавшимъ. Вообще скажу заранѣе: я считаю Алея далеко не обыкновеннымъ существомъ и вспоминаю о встрѣчѣ съ нимъ, какъ объ одной изъ лучшихъ встрѣчъ въ моей жизни. Есть натуры, до того прекрасныя отъ природы, до того награжденныя Богомъ, что даже одна мысль о томъ, что они могутъ когда нибудь измѣниться къ худшему, вамъ кажется невозможною. За нихъ вы всегда спокойны. Я и теперь спокоенъ за Алея. Гдѣ-то онъ теперь?» (Т. I. Стр. 100, 101). Этотъ Алей, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, сдѣлался бы навѣрное украшеніемъ и гордостью отборнаго кружка, составленнаго изъ самой лучшей, самой умной и самой честной университетской молодежи. Характеристика Алея возбуждаетъ собою два вопроса: во-первыхъ, какимъ образомъ такая личность дошла до каторги, а во-вторыхъ, какими средствами этотъ двадцати-лѣтній юноша могъ сохранить въ острогѣ свои превосходныя качества. Алей—младшій сынъ дагестанскаго татарина; у него было на родинѣ пять старшихъ братьевъ, которымъ онъ, по молодости своихъ лѣтъ, повиновался безпрекословно; однажды эти старшіе братья повезли его съ собою на грабежъ. «Уваженіе къ старшимъ, говоритъ г. Достоевскій, въ семействахъ горцевъ такъ велико, что мальчикъ не только не посмѣлъ, но даже и не подумалъ спросить, куда они отправляются». (I, 99). Набѣгъ удался, но потомъ вся исторія раскрылась; Алея вмѣстѣ съ братьями осудили, подвергли тѣлесному наказанію и сослали въ каторгу; впрочемъ, принимая въ соображеніе молодость его лѣтъ, судъ назначилъ Алею *только* четыре года каторжной работы; но послѣ этихъ четырехъ лѣтъ, Алею предстояло поселиться въ Сибири; возвращеніе на родину, подъ прекрасное небо Дагестана, къ матери и сестрамъ, было навсегда отрѣзано бѣдному мальчику за избытокъ его послушности,

въ которой впрочемъ онъ рѣшительно не могъ отказать своимъ старшимъ родственникамъ. Итакъ, скажемъ вмѣстѣ съ читателемъ: подѣломъ вору мука! и перейдемъ ко второму вопросу: что поддерживало Алея на каторгѣ? — Мнѣ кажется, что его, съ одной стороны, спасалъ отъ развращенія постоянный трудъ, а съ другой стороны, что и товарищи его по каторгѣ вовсе не были такими заразительно-скверными людьми, какихъ мы, добропорядочные и сытые граждане, привыкли себѣ воображать подъ именемъ каторжниковъ или арестантовъ.—Алей трудился постоянно; у него, какъ и у большей части его товарищей, была своя работа, совершенно отличная отъ казенной или обязательной. «Между прочимъ,—говоритъ г. Достоевскій,—у него было много способностей механическихъ; онъ выучился порядочно шить бѣлье, тачать сапоги, и впослѣдствіи выучился, сколько могъ, столярному дѣлу.» (I, 103). Трудъ не былъ запрещенъ; но запрещалось имѣть при себѣ въ острогѣ инструменты, безъ которыхъ работа невозможна; но инструменты все-таки имѣлись, и работа принимала такимъ образомъ характеръ запрещеннаго плода. Арестанты принуждены были спасать себя отъ праздности и деморализаціи, вопреки распоряженіямъ начальства. При такихъ условіяхъ арестантская промышленность не могла развиваться; надо было ограничиваться такими отраслями труда, которыя не требуютъ большихъ и громоздкихъ инструментовъ; надо было вести работу такъ, чтобы во всякую данную минуту можно было скрыть всѣ слѣды и признаки ея; кто попадался съ инструментами или съ деньгами, тотъ терялъ все свое достояніе и кромѣ того ложился подъ розги. «Но, послѣ каждаго обыска, тотчасъ же пополнялись недостатки, немедленно заводились новыя вещи, и все шло по старому.» (I, 27) Борясь постоянно съ этими искусственно-созданными трудностями и опасностями, арестанты нетолько продолжали работать, но даже умѣли выучиваться новымъ ремесламъ. «Многіе изъ арестантовъ приходили въ острогъ ничего не зная, но учились у другихъ, и потомъ выходили на волю хорошими мастеровыми. Тутъ были и сапожники, и башмачники, и портные, и столяры, и слесаря, и рѣзчики, и золотильщики.» (I, 26). Тѣхъ людей еще нельзя считать безнадежно-погибшими, у которыхъ проявляется такое сильное стремленіе къ труду. Но любопытно замѣтить, что, выучиваясь ремеслу и пріобрѣтая себѣ возможность сдѣлаться честнымъ и полезнымъ гражданиномъ, арестантъ нарушалъ приказанія начальства. Арестанта можно и должно было сѣчь за то, что онъ на будущее вре-

мя старался избавить себя отъ печальной необходимости воровать и грабить. Впрочемъ арестанты, по своей скотской безчувственности, не боялись розогъ и оказывались неисправимыми, несмотря на добросовѣстныя старанія острожнаго начальства отвадить ихъ отъ ремесленной дѣятельности. Они чувствовали, что работа спасала отъ преступленій, и что безъ работы арестанты, по выраженію г. Достоевскаго, поѣли бы другъ друга, какъ пауки въ стклянкѣ. Начальственное преслѣдованіе рабочихъ инструментовъ обусловливалось, по всей вѣроятности, тѣмъ опасеніемъ, что арестанты могутъ передраться и искалѣчить другъ друга разными ножами, ножницами, шилами и другими острыми орудіями; нельзя сказать, чтобы это опасеніе было совершенно неосновательно; самъ г. Достоевскій разсказываетъ, что однажды одинъ арестантъ пырнулъ своего товарища шиломъ; но опираться на такіе случаи и преслѣдовать изъ-за нихъ рабочія орудія, значитъ пускать въ ходъ такое лекарство, которое оказывается хуже самой болѣзни. Осуждая арестантовъ на праздность и на скуку, начальство значительно усиливало въ нихъ задорное настроеніе; если бы начальству удалось окончательно очистить острогъ отъ рабочихъ инструментовъ, то драки стали бы затѣваться каждый день и за неимѣніемъ острыхъ орудій арестанты ухитрились бы наносить другъ другу тяжелыя раны полѣнами или даже просто кулаками. Главное соображеніе, мѣшавшее развитію ссоръ между каторжниками, состояло въ томъ, что каждый изъ нихъ имѣлъ свои тайны, которыя могли быть раскрыты обыскомъ; поэтому всѣ старались отвращать такіе скандалы за которыми должно было послѣдовать появленіе разгнѣваннаго начальства. Когда начиналась ругань между двумя арестантами, то масса публики тщательно наблюдала за тѣмъ, чтобы противники словеснаго препирательства не переходили къ кулачнымъ упражненіямъ. Диспутантовъ прерывали именно тогда, когда они входили въ азартъ; все это дѣлалось потому, что каждый берегъ себя и свое собственное трудовое гнѣздо. У каждаго были кое-какія крошечныя удобства, которыми онъ дорожилъ и которыя онъ могъ потерять въ случаѣ начальственнаго разгрома. Поэтому, всѣ вмѣстѣ, общими силами, унимали другъ друга и поддерживали у себя миръ и благочиніе. Эта причина, предотвращавшая безчисленное множество дракъ и скандаловъ, совершенно перестала бы дѣйствовать, если бы начальство достигло своей цѣли и конфисковало всѣ орудія, необходимыя для работы.

Страдая отъ самой безвыходной скуки и потерявши уже все,

что только можно было потерять, арестанты дѣйствительно поѣли бы другъ друга, какъ пауки въ банкѣ. Другая причина, побудившая начальство преслѣдовать орудія, могла состоять въ томъ предположеніи, что арестанты своими инструментами перепилятъ желѣзныя рѣшетки, проломаютъ каменныя стѣны, прорoютъ подземныя галереи и наконецъ разбѣгутся на всѣ четыре стороны. Противъ этого соображенія можно возразить, что геній побѣговъ дается очень немногимъ, и что эти немногіе избранные, подобные барону Тренку или Латюду, умѣютъ устроивать побѣги при такихъ обстоятельствахъ, которыя въ глазахъ обыкновенныхъ людей считаются непреодолимыми препятствіями. Побѣждая то, что кажется непобѣдимымъ, эти люди конечно ухитрятся промыслить или даже смастерить себѣ то орудіе, въ которомъ они нуждаются. Поэтому отбирать орудія у цѣлаго острога только для того, чтобы удержать отъ побѣга какого-нибудь геніальнаго бѣгуна, способнаго просверлить незамѣтнымъ образомъ цѣлыя каменныя горы, — значитъ стѣснять и деморализировать сотни невинныхъ для того, чтобы доконать одного виновнаго, который все-таки съумѣетъ поставить на своемъ. Кромѣ того, и это самое важное, побѣгъ изъ казармы невозможенъ, потому что всѣ предварительныя операціи, перепиливаніе рѣшетокъ или ломаніе стѣнъ, должно производиться въ присутствіи нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ самаго разнокалибернаго характера. Въ такомъ обществѣ никакой заговоръ не можетъ составиться и никакая тайна не можетъ удержаться. Г. Достоевскій описываетъ одинъ побѣгъ, окончившійся поимкою бѣжавшихъ арестантовъ; но этотъ побѣгъ устроился безъ всякихъ романическихъ проломовъ и подкоповъ. Двое арестантовъ просто подговорили конвойнаго ефрейтора и убѣжали вмѣстѣ съ нимъ. Рабочіе инструменты нисколько не содѣйствовали этому побѣгу. Впрочемъ я, можетъ быть, совершенно напрасно тружусь надъ пріисканіемъ общепонятныхъ причинъ, внушавшихъ начальству мертваго дома тѣ или другія распоряженія. Начальство того мертваго дома, о которомъ пишетъ г. Достоевскій, распоряжалось часто такъ оригинально, что невозможно пріискать никакихъ причинъ, кромѣ начальственнаго желанія и добродѣтельной ненависти къ нарушителямъ закона, лишеннымъ всѣхъ правъ состоянія. Такъ напримѣръ, г. Достоевскій разсказываетъ, что плацъ-маіоръ врывался въ острогъ иногда даже по ночамъ, и если замѣчалъ, что арестантъ спитъ на лѣвомъ боку или навзничь, то на утро его наказывалъ: «Спи, дескать, на правомъ боку, какъ я приказалъ.» (I, 49). Не

смотря на такія нашествія, не смотря на всѣ трудности, опасности наказанія, арестанты все-таки работали на себя, по собственному желанію и для собственной выгоды. Это обстоятельство даетъ арестантамъ огромное преимущество надъ бурсаками, у которыхъ обязательная работа была, а собственной работы никакой не было и быть не могло. Впрочемъ, въ свободные часы, когда арестанты могли считать себя до нѣкоторой степени безопасными со стороны начальственныхъ визитовъ,—казармы каторжниковъ превращались въ огромныя мастерскія. Каждый углублялся въ мирное, честное и разумное занятіе; каждый желалъ, чтобы ему не мѣшали другіе, и, вслѣдствіе этого, каждый, въ свою очередь, старался не мѣшать сосѣдямъ. Въ такія минуты мертвый домъ былъ несравненно приличнѣе и благообразнѣе, чѣмъ бурса во время рекреаціи. Вѣрнѣе было бы сказать, что мертвый домъ въ свободные часы былъ совершенно приличенъ, между тѣмъ какъ бурса не знала, куда дѣвать свое свободное время, и доходила, въ минуты рекреаціоннаго мрака, до фантастическихъ нелѣпостей. «Въ классѣ такъ темно,—говоритъ Помяловскій,—что за два шага не распознать лица человѣческаго. Всякія игры прекращались въ эти часы, и бурсакъ могъ развлекаться звуками странными и разнообразными. Общее впечатлѣніе было дико. Звуки мѣшаются. Раздается крикъ какого-то несчастнаго, которому вѣроятно *въѣхали въ загорбокъ*; слышенъ напѣвъ на *Господи воззвахъ гласъ осьмый*; вырывается изъ концерта патетическая нота въ *верхнее* ге; кого-то еще треснули по рожѣ; у печки поютъ: «отроцы симинаріи, посредѣ кабака стояще, пояху: подавай, наливай; мы книги продадимъ, тебѣ деньги отдадимъ;» слышенъ плачъ; *грогочетъ* какая-то тварь, т. е ржетъ по лошадиному, выдѣлывая: и-и-го-го-го-го! Ругань виситъ въ воздухѣ, крики и хохотъ, козлогагольствуютъ, грогочутъ, поютъ на гласы и вкушаютъ затрещины.» (Стр. 40). Тутъ же придумывается для разнообразія избіеніе приходчины. Такихъ явленій въ мертвомъ домѣ нѣтъ, и возможны такіе эпизоды только въ бурсѣ и, въ слабѣйшей степени, въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, возможны собственно потому, что педагоги считаютъ полную праздность превосходнымъ отдыхомъ послѣ умственныхъ занятій. Полная праздность всегда порождаетъ дикія развлеченія, которыя не доставляютъ ни пользы, ни удовольствія самимъ развлекающимся субъектамъ. Этими дикими развлеченіями медленно и нечувствительно, но неизбѣжно уродуются умы и характеры. Заставьте человѣка выдерживать каждый день, въ продолженіе пяти или шес-

ти лѣтъ, часа по три бурсацкой рекреаціи, и этотъ человѣкъ непремѣнно огрубѣетъ и ожесточится. Если бы Алей попалъ въ бурсу, то вся его грація, воспѣтая г. Достоевскимъ и устоявшая противъ вліянія мертваго дома, истрепалась и уничтожилась бы въ водоворотѣ смазей, салазокъ и затрещинъ, отъ которыхъ невозможно увернуться и за которыя непремѣнно надо расплачиваться тою же монетою. Каторжники работаютъ; поэтому каждый изъ нихъ хочетъ и можетъ сосредоточиваться въ самомъ себѣ, и уединяться отъ товарищей, продолжая сидѣть съ ними въ одной комнатѣ и на однихъ нарахъ. Бурсаки напротивъ того развлекаются, т. е., озарничаютъ другъ надъ другомъ, вслѣдствіе чего обособленіе личности становится невозможнымъ.

X.

Г. Достоевскій говоритъ, что Алея *всѣ любили и всѣ ласкали.* Это значитъ, что каторжники умѣли цѣнить красоту тѣхъ качествъ, которыми отличался Алей. Это значитъ, что каторжники вообще были способны любить безкорыстно чистое, свѣжее, кроткое и прекрасное существо. Это обстоятельство въ значительной степени помогло Алею сохранить себя во всемъ блескѣ своей нравственной чистоты. Это же обстоятельство показываетъ ясно, что товарищи Алея были не Богъ знаетъ какіе безнадежно-гнусные люди. Мыслящему читателю врядъ ли есть надобность доказывать, что преступникъ, лишенный всѣхъ правъ состоянія, все-таки не перестаетъ думать и чувствовать по-человѣчески. Но не всѣхъ читателей можно называть мыслящими, и поэтому говорить о человѣческомъ достоинствѣ каторжниковъ въ наше время не только необходимо, но даже и до нѣкоторой степени опасно. Если вы скажете, что каторжникъ не лютый звѣрь и не грязная гадина, что въ немъ не замерли лучшіе инстинкты человѣческой природы, что онъ способенъ подняться на ноги и начать новую жизнь, то суровые мудрецы, солидные моралисты и непогрѣшимые censores morum сочтутъ себя оскорбленными до глубины души; они подумаютъ, что вы ставите ихъ на одну доску съ презрѣннымъ каторжникомъ; они закричатъ во все горло, что вы унижаете добродѣтель и прославляете порокъ; они обвинятъ васъ въ томъ, что вы потворствуете воровству, поощряете убійство и стараетесь по-

дорвать авторитетъ закона, карающаго похитителей чужой собственности и чужой жизни. Въ виду такого жалкаго неразумія, заявляющаго себя публично и торжественно, съ апломбомъ и съ величественнымъ самодовольствомъ, становится необходимымъ говорить подробно, но съ нѣкоторою осторожностью, о тѣхъ истинно-человѣческихъ чувствахъ, которыя подмѣчены г. Достоевкимъ въ несчастныхъ обитателяхъ мертваго дома. Описывая человѣческія чувства каторжниковъ, я постоянно долженъ упрашивать читателя, чтобы онъ не увлекался примѣромъ арестанта и не старался подражать его преступленіямъ. При такихъ условіяхъ интересы истины будутъ соглашены съ требованіями осторожности, и самые строгіе цѣнители литературныхъ заслугъ не рѣшатся заподозрить меня въ посягательствѣ на чистоту и непорочность читающей публики. — Хорошія черты, собранныя г. Достоевскимъ, особенно драгоцѣнны потому, что онѣ вырываются у него почти невольно, и что онъ сообщаетъ ихъ читателю безъ всякой предвзятой мысли. Большая часть этихъ подробностей брошена мимоходомъ, такъ что авторъ самъ не вглядывался въ нихъ, и не ставилъ ихъ въ заслугу каторжникамъ.—И такъ: *первая черта*— любовь каторжниковъ къ Алею.—*Вторая черта.* На каторгѣ былъ одинъ старикъ изъ раскольниковъ, безукоризненно честный и чрезвычайно добродушный. «Во всѣмъ острогѣ, говоритъ г. Достоевскій, старикъ пріобрѣлъ всеобщее уваженіе, которымъ нисколько не тщеславился. Арестанты называли его дѣдушкой и никогда не обижали его.» (Стр. 61, Т. I.). «Вотъ этому-то старику мало по малу почти всѣ арестанты начали отдавать свои деньги на храненіе. Въ каторгѣ почти всѣ были воры, но вдругъ всѣ почему-то увѣрились, что старикъ никакъ не можетъ украсть.» (I, 62.) Это уваженіе къ старости и къ честности, это безграничное довѣріе, это слово *дѣдушка* заключаютъ въ себѣ такъ много глубоко-трогательной теплоты и задушевности, что мой добродѣтельный читатель рискуетъ увлечься и расчувствоваться, если я, соблюдая долгъ осторожности, не напомню ему о надлежащемъ презрѣніи къ клейменымъ лицамъ и къ бритымъ головамъ. *Третья черта.* «Помню, говоритъ г. Достоевскій, какъ однажды одинъ разбойникъ, хмѣльной (въ каторгѣ иногда можно было напиться) началъ разсказывать, какъ онъ зарѣзалъ пятилѣтняго мальчика, какъ онъ обманулъ его сначала игрушкой, завелъ куда-то въ пустой сарай, да тамъ и зарѣзалъ. Вся казарма, доселѣ смѣявшаяся его шуткамъ, закричала какъ одинъ человѣкъ, и разбойникъ

принужденъ былъ замолчать; не отъ негодованія закричала казарма, а такъ, потому что *не надо* было *про это* говорить, потому что говорить *про это* не принято.» (I. 15.) Фактъ замѣчателенъ, но объясненіе, прибавленное авторомъ, ровно ничего не объясняетъ и рѣшительно не выдерживаетъ критики. Почему авторъ знаетъ, что казарма закричала *не отъ негодованія?* И что это за резонъ выраженъ словами: *а такъ?* И если разсказъ разбойника ни въ комъ не возбуждалъ негодованія и отвращенія, то почему же *не надо* и *не принято* было говорить о такихъ предметахъ?— На эти вопросы авторъ опять отвѣтитъ: *такъ*, но кто же удовлетворится подобнымъ отвѣтомъ?—Мнѣ кажется, что казарма закричала именно отъ негодованія, потому что ей показалось черезчуръ отвратительнымъ, во-первыхъ, умерщвленіе беззащитнаго ребенка, а во-вторыхъ, наглое хвастовство. Слушатели почувствовали, что это хвастовство глубоко оскорбляетъ ихъ человѣческое достоинство. За кого же, дескать, этотъ оселъ насъ принимаетъ, если онъ думаетъ, что мы будемъ любоваться такими мерзостями? Г. Достоевскій полагаетъ, что «*про это* говорить не принято.»—То есть, про что же именно? Про какое *это?* Если подъ словомъ *это* г. Достоевскій подразумѣваетъ вообще убійство, то онъ ошибается и самъ себя опровергаетъ. Въ томъ же томѣ, на стр. 182 и 183, Лучка разсказываетъ товарищамъ очень подробно, какъ онъ зарѣзалъ одного сердитаго плацъ-маіора, и всѣ его слушаютъ, и никто на него не кричитъ. Значитъ, объ убійствѣ говорить можно, и, значитъ, крикъ казармы, въ первомъ случаѣ, былъ направленъ не противъ нарушенія каторжнаго этикета, а противъ отвратительности разбойническихъ изліяній. — *Четвертая черта.* Арестанты любятъ докторовъ за ихъ гуманное обращеніе и вспоминаютъ со вздохами и съ умиленіемъ о тѣхъ начальникахъ, въ которыхъ замѣтны были хоть какіе-нибудь проблески добродушія.—Душа человѣкъ! Отца не надо! говорятъ арестанты, вспоминая поручика Смекалова (II, 44), который однако наказывалъ ихъ за провинности, но только при этомъ не смотрѣлъ на нихъ, какъ на отверженцевъ, и не придирался ко всякимъ пустякамъ. «Даже, говоритъ г. Достоевскій, подъ часъ какой-то маниловщиной отзывались воспоминанія о добрѣйшемъ поручикѣ.» (II, 47.) Значитъ, самая ничтожная ласка находитъ себѣ доступъ къ сердцу арестанта. Гдѣ же тутъ закоренѣлость и неисправимость? Но при этомъ осторожность все-таки заставляетъ меня напомнить читателю, что подражать арестантамъ не годится.

Пятая черта. Наканунѣ Рождества во всемъ острогѣ господствуетъ торжественная тишина. Всѣ арестанты ведутъ себя особенно чинно и спокойно. Нѣтъ ни балагурства, ни каторжной игры. Кто нарушаетъ общее строгое спокойствіе, того унимаютъ и бранятъ за неуваженіе къ празднику. Словомъ, арестанты хотятъ, чтобы у нихъ въ ихъ тѣсной и душной острожной сферѣ, было то же самое, что̀ дѣлается въ мірѣ свободныхъ и добропорядочныхъ людей. Арестанту очень хочется поддержать въ своихъ собственныхъ глазахъ свое человѣческое достоинство, и онъ приступаетъ къ этой задачѣ съ тѣми средствами, которыя даетъ ему въ руки его нероскошное умственное развитіе. Въ какихъ бы формахъ ни проявлялось это стремленіе уважать въ самомъ себѣ человѣка, — оно во всякомъ случаѣ показываетъ, что, не смотря на всю безвыходную грязь и тоску острожнаго прозябанія, арестантъ все-таки не хочетъ и не можетъ окончательно махнуть на себя рукою. *Шестая черта.* Въ самый день Рождества изъ города привозятъ и приносятъ въ острогъ цѣлыя горы подаяній, въ видѣ всевозможныхъ сдобныхъ печеній. Начинается дѣлежъ. «Не было ни спору, ни брани, говоритъ г. Достоевскій; дѣло вели честно, по-ровну. Что пришлось на нашу казарму, раздѣлили уже у насъ; дѣлилъ Акимъ Акимычъ и еще другой арестантъ; дѣлили своей рукой и своей рукой раздавали каждому. Не было ни малѣйшаго возраженія, ни малѣйшей зависти отъ кого нибудь; всѣ остались довольны; даже подозрѣнія не могло быть, чтобъ подаяніе можно было утаить или раздать его не поровну». (I, 222). *Седьмая черта.* На святкахъ арестанты устроили театръ. «Унтеръ-офицеръ взялъ съ арестантовъ слово, что все будетъ тихо, и вести будутъ себя хорошо. Согласились съ радостью и *свято исполняли обѣщаніе*; *льстило тоже очень, что вѣрятъ ихъ слову*». (I, 241). Это все прекрасно; но ты, читатель, все-таки не забывай что ты, въ лицѣ арестантовъ, обязанъ ненавидѣть и презирать порокъ и преступленіе. *Восьмая черта.* Ссыльные поляки, гнушаясь арестантами, не хотѣли ходить на ихъ театральные спектакли. Наконецъ, изъ любопытства, они рѣшились одинъ разъ посмотрѣть на арестантскія затѣи. «Брезгливость поляковъ ни мало не раздражала каторжныхъ, а встрѣчены они были четвертаго января очень вѣжливо. Ихъ даже пропустили на лучшія мѣста». (I, 247). Такое спокойное и простое великодушіе могло бы сдѣлать честь даже какому нибудь очень образованному и блестящему обществу. *Девятая черта.* Театромъ своимъ арестанты восхища-

ются, какъ дѣти. Ихъ наивная радость, превосходно описанная въ XI главѣ I тома, доказываетъ двѣ вещи: во-первыхъ то, что вся ихъ прежняя жизнь была чрезвычайно однообразна и бѣдна пріятными впечатлѣніями, а во-вторыхъ, что эти люди, не смотря на свой каторжническій санъ, представляютъ собою, въ умственномъ отношеніи, совершенно дѣвственную почву, на которой искусный воспитатель, при нѣкоторомъ стараніи, могъ бы возрастить богатую жатву хорошихъ мыслей, великодушныхъ чувствъ и честныхъ намѣреній. Если для нихъ ново и драгоцѣнно самое ничтожное эстетическое наслажденіе, то, значитъ, ясно, что умъ ихъ спалъ глубокимъ сномъ во все то время, когда они совершали преступленія. А если умъ ихъ ничѣмъ не былъ пробужденъ и затронутъ съ самаго ихъ рожденія, то спрашивается, какую же силу они могли противупоставить тѣмъ искушеніямъ, которыя осаждаютъ со всѣхъ сторонъ голоднаго и безпомощнаго бѣдняка? Далѣе, если для нихъ новы *всѣ впечатлѣнія бытія*, то можно ли ихъ считать погибшими людьми? Погибшимъ можно назвать только того человѣка, который весь поглощенъ одною страстью, вредною для общества. Плюшкинъ, для котораго не существуетъ на свѣтѣ ничего, кромѣ денегъ, погибшій человѣкъ, хотя онъ никогда не попадетъ на каторгу. Но каторжникъ, способный отдаваться всевозможнымъ впечатлѣніямъ съ порывистою страстностью ребенка, можетъ воскреснуть и начать новую жизнь, лишь бы только общество рѣшилось дружелюбно протянуть ему руку помощи. Но вы, читатели, разумѣется, подобной глупости не сдѣлаете, потому что вы обязаны помнить то огромное разстояніе, которое отдѣляетъ васъ, честныхъ людей, отъ презрѣнныхъ обитателей мертваго дома. *Десятая черта.* Преступниковъ, наказанныхъ шпицрутенами, приводили обыкновенно въ гошпитальную палату, и тутъ больные арестанты, принимая ихъ на свое попеченіе, ухаживали за ними самымъ тщательнымъ образомъ. «Всю ночь ухаживали за нимъ арестанты, говоритъ г. Достоевскій о наказанномъ разбойникѣ Орловѣ, перемѣняли ему воду, переворачивали его съ боку на бокъ, давали лекарство, точно они ухаживали за кровнымъ роднымъ, за какимъ нибудь своимъ благодѣтелемъ». (I, 89). «Молча помогали несчастному и ухаживали за нимъ, особенно если онъ не могъ обойдтись безъ помощи. Фельдшера уже сами знали, что сдаютъ битаго въ опытныя и искусныя руки. Помощь обыкновенно была въ частой и необходимой перемѣнѣ смоченной въ холодной водѣ простыни или рубашки, которою одѣвали истерзанную

спину, особенно если наказанный самъ уже былъ не въ силахъ наблюдать за собой, да кромѣ того въ ловкомъ выдергиваніи занозъ изъ болячекъ, которыя за-частую остаются въ спинѣ отъ сломавшихся объ нее палокъ». (II, 14). Если бы я захотѣлъ приводить здѣсь всѣ хорошія черты, подмѣченныя г. Достоевскимъ въ отдѣльныхъ личностяхъ, то мнѣ еще долго не пришлось бы кончить. Но я нарочно ограничился только тѣми чертами, которыя относятся къ общей массѣ каторжниковъ, и характеризуютъ собою господствующее настроеніе. Взятыя порознь, эти черты очень мелки и незначительны; но если сложить ихъ всѣ вмѣстѣ, и если дополнить ихъ тѣми нравственными свойствами, съ которыми эти мелкія черты неразрывно связаны, то получится общій результатъ, далеко не отвратительный. Говоря о каторгѣ, слѣдуетъ перевернуть извѣстную пословицу: «не мѣсто краситъ человѣка, а человѣкъ мѣсто», пословицу, которая впрочемъ нигдѣ и никогда не оказывается вѣрною. О каторгѣ можно сказать, что тутъ не люди портятъ мѣсто, а мѣсто портитъ людей. Острогъ ужасенъ не тѣмъ, что въ немъ живутъ ужасные люди, а тѣмъ, что эти люди, совсѣмъ не ужасные, терпятъ въ немъ значительныя лишенія и стѣсненія, которыя притупляютъ ихъ умы, и портятъ ихъ характеры. Когда начальству угодно будетъ устранить нѣкоторыя изъ этихъ лишеній, тогда острогъ, превращаясь по-немногу въ мастерскую и въ ремесленную школу, утратитъ большую часть своей отвратительности, и начнетъ приносить дѣйствительную пользу тѣмъ заключеннымъ, которымъ не удалось пріобрѣсти себѣ на свободѣ ни техническихъ знаній, ни житейской сноровки. Мертвый домъ, описанный г. Достоевскимъ, заключаетъ въ самомъ себѣ задатки своего усовершенствованія. Эти задатки развернутся, и нравственность арестантовъ улучшится, какъ только имъ дадутъ возможность смѣло и открыто заниматься собственною работою.

Въ бурсѣ, описанной Помяловскимъ, я не замѣтилъ такихъ задатковъ развитія. Начальство можетъ конечно замѣнить розги карцеромъ, а карцеръ еще какимъ нибудь другимъ болѣе деликатнымъ наказаніемъ. Начальство можетъ улучшить столъ воспитанниковъ, истребить сырость и грязь, вентилировать комнаты, и зажигать лампы на цѣлый вечеръ. Все это конечно значительно облегчитъ участь бурсаковъ, но основное зло бурсы останется нетронутымъ, потому что оно неизлечимо. Это основное зло заключается въ той антипатіи, которая существуетъ между умами учениковъ и бурсацкою наукою. Эту антипатію невозможно искоре-

нить, потому что бурсацкую науку невозможно сдѣлать привлекательною. Всѣ лучшія силы общества устремлены совсѣмъ не на тѣ занятія, которыя могутъ сформировать хорошихъ бурсацкихъ преподавателей. Общество интересуется совсѣмъ не тѣмъ, что интересовало его нѣсколько столѣтій тому назадъ. То, что оставляется безъ вниманія лучшими умами и самыми блестящими талантами, поневолѣ облекается въ такія сухія и черствыя формы, которыя никому не могутъ нравиться, и которыя приходится навязывать ученикамъ насильно, посредствомъ розогъ, или посредствомъ карцера, или при содѣйствіи какихъ нибудь еще болѣе утонченныхъ и облагороженныхъ средствъ угнетенія. Ученики воспринимаютъ неохотно, забываютъ немедленно, и выносятъ съ собою въ жизнь вмѣсто полезныхъ знаній отвращеніе къ умственному труду. Очень жаль, но счастливыя времена Абеляра все-таки остаются невозвратимыми.

Д. Писаревъ.

НЕУДОБСТВА РУССКАГО ОСТРОГА

и

МНѢНІЯ О ПРЕОБРАЗОВАНІИ ЕГО.

Какъ въ офиціальномъ мірѣ, такъ и въ общественномъ сознаніи наши остроги пользуются самой несчастной репутаціей. Въ понятіяхъ народа острогъ ничѣмъ не отличается отъ мертваго дома. Дѣйствительно, настоящая обстановка острожнаго заключенія наводитъ на эту паралель. Факты, собранные начальниками губерній и представленные въ министерство внутреннихъ дѣлъ, при всей ихъ офиціальной скромности, составляютъ довольно убѣдительное подтвержденіе того общепринятаго мнѣнія, что между острогомъ и мертвымъ домомъ нѣтъ никакой разницы. Факты эти касаются преимущественно матеріальнаго состоянія тюремъ и въ общемъ результатѣ рисуютъ такую мрачную картину, что невольно удивляешься, какъ вынослива человѣческая натура и какъ можетъ еще арестантъ выходить изъ острога неискалеченнымъ навѣки. Все это безъ сомнѣнія не дѣлаетъ чести нашимъ острогамъ и полицейскимъ арестантскимъ, и при всемъ томъ все это еще не особенно ужасно. Матеріальныя лишенія въ тюремной жизни составляютъ самый не важный вопросъ; и если англійскимъ заключеннымъ дается утромъ, вмѣсто чаю, какао, то это происходитъ только отъ того, что тюремное положеніе составляли тамъ либералы и филантропы, проживающіе тысячь по шестидесяти въ годъ. Эти господа менѣе всего способны понимать сущность человѣческихъ страданій и, весьма правильно сочувствуя бѣдности свободнаго человѣка, неимѣющаго возможности выпивать за обѣдомъ рюмку хересу, они жестоко оши-

баются, если думаютъ осчастливить заключеннаго даже цѣлой бутылкой. Въ тюрьмѣ человѣкъ ѣстъ мало и аппетитъ его ослабѣваетъ, а вкусъ притупляется, и многимъ заключеннымъ однообразная тюремная пища пріѣдается до того, что они не ѣдятъ ничего кромѣ хлѣба. «Ахъ какъ это ужасно!—хлѣба!» воскликнетъ чувствительный либералъ, привыкшій, какъ нѣжная барышня, уплетать только сдобныя булки. И въ этой-то нѣжной чувствительности либераловъ и филантроповъ и заключается все бѣдствіе обитателей тюремъ и остроговъ. Нѣжное чувство либераловъ къ сдобнымъ булкамъ, къ соусамъ, къ голландскому бѣлью и къ лайковымъ перчаткамъ и полное, безмятежное равнодушіе къ умственной и нравственной жизни дѣлаетъ ихъ способными читать только то, что происходитъ въ человѣческихъ желудкахъ, а не то, что происходитъ въ головѣ и сердцѣ. Отъ этого каждый посѣтитель острога — офиціальный или такъ просто любопытствующій отъ праздности—смотритъ только на чистоту половъ и наръ, пробуетъ хлѣбъ и арестантскіе щи и если откроетъ гдѣ нибудь жалкаго клопа или тощаго таракана, то проникается такою гордостію, точно онъ совершилъ крестовый походъ или какой нибудь необычайный подвигъ человѣколюбія. Я этимъ вовсе не хочу сказать, чтобы заключенные чувствовали къ клопамъ особенную нѣжность и любили вареныхъ и запеченыхъ въ хлѣбѣ таракановъ. Я говорю только то, что матеріальный уровень нашего простонародья такъ невысокъ, что тараканъ, возмущающій изящное чувство либерала, не возмущаетъ ровно никакого чувства въ томъ, кто переѣхалъ въ острогъ прямо изъ курной избы; что крестьянинъ-простолюдинъ, привыкшій на свободѣ спать на голыхъ доскахъ или на землѣ и питаться чортъ-знаетъ чѣмъ, не чувствуетъ себя нисколько несчастнымъ, встрѣчаясь въ острогѣ съ тѣми же самыми удобствами жизни. Если заключенные жалуются начальству на дурное содержаніе, то они дѣлаютъ это совсѣмъ не потому, чтобы они ожидали при правильномъ исполненіи казеннаго положенія получить астраханскій виноградъ и куличи на розовой водѣ, но въ нихъ возмущено чувство справедливости и задѣтъ эгоизмъ: пропадай это не доходящее добро такъ, не доставаясь никому, арестантъ не выразилъ бы ни малѣйшаго неудовольствія, но зачѣмъ оно идетъ въ карманъ смотрителя или кого нибудь другого—вотъ что досадно. Наконецъ заключенный заявляетъ начальству только однѣ хлѣбныя претензіи потому, что ни о чемъ другомъ съ начальствомъ и говорить невозможно и ни о чемъ другомъ оно и не спрашиваетъ. Для заклю-

ченнаго единственный интересный вопросъ есть его собственное дѣло; но что же можетъ сказать ему петербургскій ревизоръ, или чиновникъ губернатора, когда иногда и самъ судъ не знаетъ ничего. Вотъ почему все административное величіе офиціальныхъ посѣтителей проявляется только въ импонированіи и въ отыскиваніи таракановъ и клоповъ. Разумѣется, тараканы не придаютъ особеннаго вкуса хлѣбу, а блохи и клопы спокойствія сну; разумѣется, было бы лучше, если бы и на свободѣ и въ тюрьмѣ нашъ простолюдинъ жилъ съ большими матеріальными удобствами; но для тѣхъ, кто попадаетъ въ остроги, есть вопросъ поважнѣе, вопросъ, на который ревизоры по своей невинности не обращаютъ никакого вниманія и по причинамъ, о которыхъ я изъ деликатности умолчу, даже и не могутъ понять — вопросъ этотъ: какъ освободиться изъ острога.

Изъ статистическихъ свѣдѣній, приложенныхъ къ «Матеріаламъ», изслѣдующимъ тюремный вопросъ, видно, что въ трехлѣтіе 1857—1859 г. среднимъ числомъ было заключенныхъ 156,107 ч. въ годъ.

Изъ нихъ:

Выслано въ Сибирь и въ арестантскія роты . .	18,615
Подвергнуты исправительнымъ наказаніямъ и за тѣмъ освобождены	18,857
Оставлены въ подозрѣніи	11,124
Освобождены отъ суда	19,178
Итого . .	67,774.

Изъ этихъ цифръ слѣдуютъ выводы самые неутѣшительные для нашихъ судебныхъ и полицейскихъ властей. Если изъ 156 т. заключенныхъ состоялись приговоры только о 67 т., значитъ 89 т. въ теченіе года не дождались окончанія своихъ дѣлъ; если изъ 67 т. только 37 подверглись наказаніямъ, а 30 т. освобождены, значитъ эти 30 т. человѣкъ сидѣли въ тюрьмахъ и острогахъ напрасно или изъ общаго числа заключенныхъ 47% могли бы быть вовсе не заключаемы. Кто и за что заключилъ всѣхъ этихъ бѣдняковъ, и неужели лишеніе свободы такая мелочь въ глазахъ нашихъ чиновниковъ, что каждаго мужика можно сажать безнаказанно въ острогъ? Вотъ что, читатель, возмутительно, а не тараканы въ острожномъ хлѣбѣ или грязныя нары. Но и этотъ процентъ ниже дѣйствительнаго; въ общей цифрѣ осужденныхъ значится 18,857 человѣкъ, подвергнутыхъ исправительнымъ наказаніямъ и затѣмъ освобожденныхъ или, говоря проще, высѣченныхъ розгами. Точно ли всѣхъ этихъ людей

слѣдовало сажать въ острогъ? По неважности вины—нѣтъ (объясню это дальше), и потому, присоединяя эти 18 т. къ 47%, получимъ 48 т. изъ 67 или 70% подвергавшихся тюремному заключенію, когда бы ихъ можно было избавить отъ этого удовольствія. Теперь будетъ понятно читателю, почему въ нашихъ тюрьмахъ такъ тѣсно. Тѣсно въ нихъ не потому, чтобы было мало помѣщеніе, а потому что сажаютъ на 70% больше народу, чѣмъ слѣдуетъ.

По степени любезности, въ этомъ отношеніи, первое мѣсто занимаетъ Бессарабская область, въ которой изъ числа 3665 заключенныхъ только 411 присуждены къ ссылкѣ и къ арестантскимъ ротамъ; подвергнуто исправительнымъ наказаніямъ 290, оставлено въ подозрѣніи 672 и освобождено отъ суда 2093 человѣка. Это значитъ, что положительно напрасно было заключено 60% и могло бы быть не заключено 27%, всего же было заключено болѣе дѣйствительной въ томъ необходимости 87%. Я не хочу ради картинности употреблять никакихъ красивыхъ фразъ, ни ставить знаковъ восклицанія, ни дѣйствовать на чувствительность читателя; думаю, что самый близорукій читатель съумѣетъ сообразить, какъ велика должна быть гражданская безопасность и какими достоинствами обладаютъ лица, имѣющія право сажать въ острогъ, въ такой мѣстности, гдѣ изъ ста заключенныхъ 87 сидятъ напрасно.

Порядочной долей тюремнаго гостепріимства отличаются еще слѣдующія губерніи: Витебская, гдѣ изъ 2091 заключенныхъ только 143 присуждены къ Сибири и къ арестантскимъ ротамъ, 343 къ исправительнымъ наказаніямъ, 231 оставлены въ подозрѣніи и 978 освобождены отъ суда, или 74% лицъ, которыхъ бы можно и не заключать въ острогъ.

Вологодская,	гдѣ изъ 390 зак.	70	въ Сиб. и въ ар. р.	и напрасно заключ.		70%
Могилевская,	—— 2118 —	290	— — —	и ——	——	63%
Курляндская,	—— 4274 —	296	— — —	и ——	——	59%
Орловская,	—— 1974 —	107	— — —	и ——	——	56%
Екатеринославская	4394 —	335	— — —	и ——	——	52%

По Оренбургской губерніи въ статистической таблицѣ показаны довольно странныя цифры; общее число всѣхъ заключенныхъ 2331, изъ нихъ присуждено въ Сибирь и въ арестантскія роты 68, приговорены къ исправительнымъ наказаніямъ 62, оставлены въ подозрѣніи 47 и освобождены отъ суда 18, или всего 195; если присоединить къ этому 39 человѣкъ, высиживающихъ сроки послѣ суда, то все-таки разницу составляетъ 2097. Въ «Матеріалахъ» же, правда не за тѣ года (1857—1859), а за 1862 годъ, показаны по

Оренбургской губерніи слѣдующія данныя: всѣхъ заключенныхъ было 578 человѣкъ, изъ нихъ сосланы въ Сибирь, водворены въ отдаленныя губерніи, отданы въ арестантскія роты и заключены въ тюрьму и въ рабочій домъ 210, освобождено по невинности и оставлено въ подозрѣніи 351 человѣкъ, осталось въ тюрьмѣ къ 1863 г. 17. Слѣдовательно число напрасно заключенныхъ составляетъ 62%.

Какая же причина, что наши тюрьмы такъ переполняются людьми и что самое главное—людьми невинными?

По закону содержаніе въ тюрьмѣ должно употребляться: какъ средство къ охраненію лицъ, обвиняемыхъ въ преступленіи и проступкахъ во время производства надъ ними слѣдствія и суда, до постановленія и исполненія приговора; — какъ мѣра исполненія наказанія и—какъ мѣра взысканія съ неисправныхъ должниковъ. Въ другомъ мѣстѣ законъ разъясняетъ, что слѣдуетъ содержать: всѣхъ состоящихъ подъ слѣдствіемъ и судомъ, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, по которымъ опредѣляется лишеніе всѣхъ правъ состоянія или же потеря всѣхъ особо, какъ лично, такъ и по состоянію, присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылка на житье въ Сибирь или другія отдаленныя губерніи, или же отдача въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства, или въ рабочій домъ, особенно когда подсудимые уже осуждены въ первой степени суда, также и тѣхъ, кто, обвиняясь въ другихъ менѣе важныхъ преступленіяхъ, не можетъ представить по себѣ порукъ: — осужденныхъ на временное заключеніе въ наказаніе за проступки и преступленія;—неисправныхъ должниковъ.

Заключать въ тюрьму слѣдуетъ, соображаясь съ важностію обвиненія, съ силою уликъ, съ званіемъ обвиняемаго и съ большимъ или меньшимъ подозрѣніемъ въ намѣреніи сдѣлать побѣгъ. Строгость содержанія слѣдуетъ соразмѣрять съ дѣйствительною необходимостію и точно также съ званіемъ обвиняемаго, съ силой обвиненія и съ степенью подозрѣнія учинить побѣгъ.

Такимъ образомъ по закону слѣдуетъ заключать только однихъ *обвиняемыхъ* и не за всѣ проступки и преступленія, а лишь за тѣ, за которыя назначены наказанія, перечисленныя выше т. е. самыя строгія.

Но кого слѣдуетъ считать обвиняемымъ? И на этотъ вопросъ наши уголовные законы даютъ точный отвѣтъ. Законъ говоритъ, что «обвиняемыми при производствѣ слѣдствія считаются тѣ, кои взяты на самомъ преступленіи и кои по собственному сознанію, или же по неопровержимымъ доказательствамъ, исключаютъ всякую

возможность къ показанію невинности.» Значитъ тюремному заключенію можетъ быть подвергнутъ только тотъ, чья вина не только несомнѣнна, но и такого рода, что виновный будетъ подлежать одному изъ тяжкихъ наказаній. Отчего же, не смотря на такое точное указаніе закона, изъ 67 т. заключенныхъ только 18 т. заключены правильно, а 49 т. или невинныхъ или по размѣру вины неподлежащихъ заключенію? Въ этомъ виновата наша собственная неразвитость и привычка къ произволу въ административныхъ распоряженіяхъ.

Для большинства нашихъ полицейскихъ чиновниковъ и судебныхъ слѣдователей совершенно не понятно, что значитъ свобода, и они рѣшительно не въ состояніи сообразить, какое моральное и экономическое значеніе можетъ имѣть заключеніе человѣка для общественнаго и частнаго быта. Если предположить, что 49,000 т. е. средняя цифра за трехлѣтіе оставалась ежегодно постоянной, и что каждый изъ заключенныхъ выработалъ бы на свободѣ не больше 100 рублей, то отъ напраснаго заключенія людей вынималось по легкомыслію чиновниковъ изъ народнаго капитала 4,900,000 рублей, и какъ подобное легкомысліе существуетъ не вчера и не сегодня, а повторялось изъ года въ годъ съ незапамятныхъ временъ, то не будетъ большой ошибкой, если мы предположимъ, что въ теченіе нынѣшняго столѣтія господа полицейскіе чиновники, слѣдователи и вообще всѣ тѣ, кто имѣлъ право заключать въ тюрьмы и въ полицейскія арестантскія, нанесли своей странѣ убытокъ въ 5,318,500,000 рублей. Кромѣ того и казна несла напрасный расходъ на содержаніе этихъ невинно заключенныхъ. Предполагая въ день только 3 к. на человѣка, за то же время было истрачено казной совершенно напрасно 35,035,000 рублей. А какъ пять милліардовъ и 35 милліоновъ вовсе не щепки и какъ вѣрность выведеннаго мною разсчета опровергнуть не возможно, то судебнымъ и полицейскимъ чиновникамъ не мѣшало бы подумать объ этомъ вопросѣ, если они и нынче отличаются подобнымъ же легкомысліемъ.

По закону лица привиллегированныхъ сословій, какъ-то—чиновники, канцелярскіе служители, дворяне, духовенство, почетные и личные граждане и оберъ-офицерскіе дѣти, если бы они состояли на службѣ и попали бы невинно подъ судъ съ заключеніемъ подъ стражу, получаютъ за все время не только полное жалованье, но и семейства этихъ лицъ, во время содержанія ихъ подъ стражей, пользуются кормовыми, въ размѣрѣ половиннаго жалованія. Нако-

нецъ уголовнымъ судомъ вмѣнено въ обязанность постановлять въ рѣшеніи о вознагражденіи за невинную подсудность. Но если семейство чиновника, находящагося подъ стражей, желаетъ пить и ѣсть, то можно предположить подобную же слабость и въ семействѣ простолюдина, сидящаго въ острогѣ, потому что какъ оберъ-офицерскій, такъ и мужицкій желудокъ одинаково нуждаются въ удовлетвореніи своихъ потребностей. А въ такомъ случаѣ пробѣлъ въ нашемъ уголовномъ законѣ очевиденъ, и потому полицейскимъ и судебнымъ властямъ слѣдовало бы быть особенно деликатными въ отношеніи арестовъ простыхъ людей, чтобы личной щепетильной осторожностію пополнить то,чего нѣтъ въ законѣ.

Правда, что невинно заключенному законъ предоставляетъ право искать вознагражденія убытковъ, и чиновники, поступавшіе неправильно, подвергаются весьма строгой отвѣтственности. Къ сожалѣнію однако, законъ этотъ не осуществлялся на практикѣ по двумъ причинамъ. Первая и главная причина въ томъ, что ни одинъ простолюдинъ, просидѣвшій понапрасну въ тюрьмѣ, никогда, никому на это не жаловался. А не жаловался онъ потому, что благодарилъ Бога за свободу и за то, что не случилось съ нимъ еще чего нибудь худшаго, и потому еще, что «съ сильнымъ не тягайся». Наконецъ если бы онъ и вздумалъ потягаться, то изъ этого не вышло бы для него никакого проку. Приносить жалобы или тягаться по судамъ для крестьянина слишкомъ дорогая вещь; придется отрываться отъ своего дѣла и тратить деньги; не извѣстно еще, будетъ ли вознагражденіе выгоднѣе этихъ потерь; а въ такомъ случаѣ вмѣсто единицы убытка будетъ двѣ; еще болѣе не извѣстно, выиграетъ ли простолюдинъ свой процессъ. Дѣло его будетъ въ рукахъ чиновниковъ, и разумѣется, что чиновникъ будетъ не на его сторонѣ, а станетъ отстаивать своего собрата и оправдаетъ его, потому что собрату, на основаніи присвоенныхъ ему правъ, одинаково легко лишать людей насильственно свободы и оправдаться въ этомъ насиліи, прикрывшись закономъ объ арестованіи по подозрѣніямъ. Ну а развѣ можетъ существовать такое дѣло, по которому нельзя было бы сочинить подозрѣній на лицъ прикосновенныхъ, хотя и вовсе невинныхъ? Что же выиграетъ напрасно арестованный въ случаѣ признанія его невинности? Чиновникъ прикроется своими подозрѣніями, судъ признаетъ ихъ неосновательными, положимъ даже глупыми; но развѣ глупость преступленіе или вина? Можетъ быть, простолюдинъ всего этого и не знаетъ; можетъ быть, онъ и не въ состояніи представить себѣ всѣхъ

тонкихъ комбинацій, по которымъ чиновникъ, заключившій его напрасно въ тюрьму, окажется правъ; а онъ, высидѣвшій годъ или больше въ острогѣ, останется ни при чемъ; но простолюдинъ, какъ практическій человѣкъ, помнитъ твердо, что чиновникъ большая сила, сила, которая можетъ его и все его семейство пустить по міру, и изъ всего этого выйдетъ только то, что на большихъ дорогахъ явится нѣсколько странствующихъ пустыхъ кошелей, а авторъ такой экономической комбинаціи будетъ попрежнему процвѣтать благополучно, нисколько не подозрѣвая величія своихъ экономическихъ подвиговъ. Впрочемъ для оправданія неправильныхъ дѣйствій чиновниковъ можно прибавить, что одной статьей уголовнаго закона у слѣдователя отнимается право составлять мнѣнія и заключенія по дѣлу, которыя предоставлены только судебнымъ мѣстамъ, а другими статьями онъ уполномоченъ составлять самое важное заключеніе, т. е. рѣшать вопросъ о взятіи обвиняемаго подъ стражу и о размѣрѣ строгости содержанія. Изъ этого выходитъ то, что слѣдователь правъ и въ томъ случаѣ, когда не арестуетъ обвиняемаго, и въ томъ случаѣ, когда арестуетъ его напрасно, ибо въ первомъ случаѣ онъ прикроется тѣмъ, что не имѣетъ никакого права составлять заключеній; а во второмъ—тѣмъ, что по его соображеніямъ обвиняемаго заключитъ слѣдовало.

Такимъ образомъ вопросъ объ арестованіи — какъ я уже говорилъ выше—переносится въ область личныхъ соображеній слѣдователей и въ большинствѣ случаевъ зависитъ исключительно отъ степени разсудительности чиновника. Умный чиновникъ и поступитъ умно, а глупый — поступитъ такъ, какъ поступаютъ дураки. Я не буду доказывать, что возможность толковать тѣ или другія статьи закона въ свою пользу представляетъ административныя удобства и служитъ гарантіей гражданской безопасности народа; но также невозможно требовать отъ закона, чтобы онъ училъ людей мыслить правильно и поступать честно, по совѣсти. Если законъ возьметъ на себя роль наставника-руководителя и опекуна, опредѣляющаго исполнительнымъ органамъ каждый ихъ шагъ, то изъ этого являются два неудобства: во-первыхъ громадная масса законоположеній, инструкцій, правилъ, въ которыя, вслѣдствіе ихъ изобилія, вкрадутся неизбѣжно противорѣчія, и законъ потеряетъ свою стойкость и нравственное значеніе; а во-вторыхъ, исполнительные органы получатъ привычку думать не своей головой и всѣ свои ошибки, намѣренныя погрѣшности и даже злоупотребленія прикрывать тѣмъ же самымъ закономъ. Какъ бы ни

были законы полны, онѣ не въ состояніи предначертать такой путь исполнительной власти, при которомъ ей бы не пришлось употреблять въ дѣло собственную сообразительность. Если бы явилась даже возможность осуществленія на практикѣ этого теоретическаго положенія, то вслѣдъ за тѣмъ для управляемаго народа начался бы рядъ невообразимыхъ бѣдствій. Исполнительные органы превратились бы въ автоматовъ, и за тѣмъ послѣдовали бы всѣ печальныя послѣдствія подобнаго превращенія. Извѣстно, что каждая администрація стремится быть разумной; а разумность ея заключается именно въ умѣньи понимать законъ и пополнять его пропуски, недомолвки и въ крайнемъ случаѣ даже противорѣчія такой исполнительностію, которая была бы выгодна для страны и не дѣлала бы никого несчастнымъ. Съ началами самоуправленія, вводимыми повсюду, законъ долженъ терять свой инструкторскій характеръ и многотомность; онъ будетъ указывать только главныя основы, на которыхъ данный народъ строитъ свой гражданскій и общественный бытъ; что же касается до приложеній, до мелочныхъ подробностей и всѣхъ частныхъ случаевъ, которыхъ никакой законъ, никакая инструкція предвидѣть не могутъ, то они будутъ порѣшаться уже согласно обстоятельствамъ и условіямъ даннаго момента. Такимъ образомъ по мѣрѣ развитія общественной самодѣятельности должны возвышаться способности исполнительныхъ органовъ, расширяться ихъ кругозоръ и тактъ соображенія. Въ примѣненіи къ намъ изъ всего сказаннаго слѣдуетъ вотъ что: русскій законъ давалъ слѣдователямъ такую власть, что они могли сажать и не сажать въ тюрьмы. По какимъ-то обстоятельствамъ вошло въ полицейскую практику обыкновеніе *сажать*, и наши тюрьмы были переполнены постоянно людьми, которыхъ настоящее мѣсто было на свободѣ. Какой нравственный и матеріальный вредъ происходитъ для страны отъ того, что 49 т. невинныхъ людей сажались ежегодно въ тюрьмы понапрасну, господа сажатели сообразить въ состояніи не были, хотя это лежало на прямой ихъ обязанности. Въ настоящее время у насъ сдѣланъ первый шагъ къ самоуправленію; это значитъ между прочимъ, что кругъ дѣятельности исполнительныхъ органовъ получаетъ предѣлы, а какъ только большому кораблю и большое плаваніе, то очевидно, что расширеніе предѣла власти людей можетъ обусловливаться только возвышеніемъ ихъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ. Иначе сказать, новыя учрежденія требуютъ и исполнителей съ лучшими способностями, и старая исполнительность теперь уже не годится. Но откуда воз-

мутся эти высшія способности, если ихъ не было до сихъ поръ? Частью привлеченіемъ лучшихъ людей, силы которыхъ шли при прежнихъ условіяхъ на другія дѣла; а частью установленіемъ для низшихъ способностей такихъ рамокъ, въ которыхъ онѣ будутъ уже не въ состояніи проявлять своихъ вредныхъ сторонъ. Эти рамки частью установлены судебной реформой. По новому порядку лишеніе свободы будетъ производиться только по опредѣленію суда. Несомнѣнно, что эта мѣра значительно убавитъ число заключенныхъ. Но вопросъ все-таки въ томъ, какой взглядъ на тюремное заключеніе будетъ господствовать въ коллегіальныхъ рѣшеніяхъ и въ какой степени легко или разсудительно будутъ относиться къ тюремному вопросу члены суда.

Трудно предполагать, чтобы люди, воспитавшіеся въ извѣстной практикѣ и при извѣстныхъ общественныхъ условіяхъ, могли измѣнить мгновенно свое міровоззрѣніе, и потому весьма вѣроятно, что при рѣшеніи вопроса, кого слѣдуетъ заключить въ тюрьму и кого нѣтъ, въ разныхъ судахъ, смотря по развитію и разсудительности членовъ, явятся разныя воззрѣнія. Поэтому кромѣ указанныхъ судебнымъ положеніемъ общихъ основаній необходимо, чтобы явилось единство взгляда на соціальную и юридическую роль тюрьмы.

Если тѣ, кто рѣшаетъ вопросъ — заключить или нѣтъ обвиняемаго, будутъ анализировать психологическій процессъ, происходящій въ нихъ во время этого рѣшенія, то замѣтятъ, что главнымъ дѣйствующимъ въ нихъ агентомъ является злобное чувство. Какъ бы они не разбирали вопросъ повидимому спокойно и разсудочно, но подкладкой каждой мысли будетъ все-таки то чувство безсознательной мести, которое лежитъ въ основѣ современнаго уголовнаго права. Это чувство бываетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ преступленіе возбуждаетъ большій ужасъ. Поэтому воришка и мазурикъ или ловкій плутъ, вся жизнь котораго была рядомъ самыхъ скверныхъ дѣлъ, и по сравненію съ которыми убійца по страсти можетъ изображать изъ себя почти невиннаго человѣка, не только не возбудитъ злобнаго чувства, вызывающаго желаніе засадить его въ тюрьму, но въ нѣкоторыхъ людяхъ вызоветъ даже симпатію. Напротивъ убійца, разбойникъ и вообще всякій преступникъ, выказавшій большее или меньшее насиліе, возбудитъ въ своихъ судьяхъ тѣмъ большее злобное чувство, чѣмъ въ его преступномъ дѣйствіи заключается большій элементъ, наводящій ужасъ. Только въ этомъ чувствѣ и въ вызванномъ имъ инстинктѣ самосохраненія,

выражающемся въ актѣ юридической мести, лежитъ начало того порядка, по которому явилось заключеніе преступниковъ. Такъ какъ наиболѣе важными преступленіями считаются всѣ акты насилія, и изъ нихъ смертоубійство на первомъ планѣ, то и заключенію на время уголовнаго процесса подвергаютъ по преимуществу людей, совершившихъ наиболѣе страшныя преступленія. Если такимъ образомъ основаніемъ заключенія служитъ боязнь, чтобы преступникъ не укрылся отъ наказанія, то очевидно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда подобная боязнь можетъ быть устранена другой мѣрой, тюремное заключеніе становится излишнимъ. Замѣняющей мѣрой въ такомъ случаѣ могутъ быть поруки, полицейскій надзоръ и надзоръ общества, къ которому принадлежитъ обвиняемый. Читатель, привыкшій къ тому, чтобы встрѣчать въ тюрьмахъ людей невинныхъ, можетъ испугаться такой либеральной мысли. Но, многоуважаемый читатель, не будьте такъ легкомысленны и трусливы. Не бойтесь, что отъ этой мѣры вашей жизни и вашему кошельку будетъ угрожать бо́льшая опасность, чѣмъ какая имъ угрожаетъ нынче. Повѣрьте, что отъ этого не прибавится ни одного убійцы больше того, сколько ихъ есть, и ни однимъ убійствомъ больше того, сколько ихъ дѣлается. Убійство вовсе не такая вещь, которая бы составляла постоянную практику извѣстнаго рода спеціалистовъ, принимающихся тотчасъ же за убійства, какъ только ихъ спустятъ съ тюремной цѣпи. Убійство преступленіе рѣдкое, исключительное, вызываемое особыми обстоятельствами. Во всей Европѣ (кромѣ Турціи) въ 1856—1861 г. среднимъ числомъ въ годъ было только 10,576 смертоубійствъ или 1 на 25,000 жителей. Въ Россіи (съ Польшей и Финляндіей) въ 1857—58 г. было совершено 5,192 убійства, слѣдовательно изъ 30 человѣкъ, заключавшихся въ тюрьмахъ, только одинъ былъ убійца. Этихъ цифръ, полагаю, достаточно, чтобы убѣдить читателя въ томъ, какъ слабо вѣроятіе, чтобы его жизнь подверглась насилію. Кромѣ того слѣдуетъ обратить вниманіе еще и на то, что у насъ убійства совершаются большею частію «по несчастію», т. е. въ страстномъ порывѣ; а спеціалистовъ убійства, занимающихся имъ, какъ ремесломъ, очень мало. Для большаго убѣжденія читателя представлю ему еще тотъ фактъ, что въ Нерчинскомъ округѣ главное населеніе состоитъ изъ убійцъ и ихъ потомства. Послѣ трехлѣтняго тюремнаго заключенія всѣ ссылаемые туда убійцы живутъ на свободѣ, въ своихъ домахъ, своимъ хозяйствомъ; прислугу у служащихъ составляютъ тоже убійцы и тяжкіе преступники; но изъ этого вовсе

не слѣдуетъ, чтобы въ Нерчинскомъ округѣ безопасность была меньше, чѣмъ въ какой нибудь Вологодской губерніи и чтобы жизнь живущихъ тамъ висѣла на волоскѣ. Въ томъ домѣ, гдѣ я жилъ, былъ слугой клейменый убійца, вынесшій плети на эшафотѣ, а во всемъ округѣ проживало можетъ быть нѣсколько десятковъ, если не двѣ сотни убійцъ, и, не смотря на то, всѣ обитатели мѣстечка не только ложились спокойно спать, безъ всякой боязни быть зарѣзанными; но у нихъ даже никогда не запирались на ночь двери. Изъ всего этого слѣдуетъ тотъ выводъ, что въ непремѣнномъ заключеніи каждаго убійцы на время уголовнаго процесса нѣтъ необходимости. Между убійцами есть много кроткихъ, добросердечныхъ людей, вся вина которыхъ въ томъ, что страстность переспливаетъ въ нихъ интеллектъ, и которые могли сдѣлаться убійцами только въ моментъ страстнаго порыва. Какъ только порывъ кончился, люди эти дѣлаются попрежнему добрыми и кроткими, и безъ всякой боязни ихъ можно оставить на свободѣ, съ полною увѣренностію, что они никуда не убѣгутъ и никого не убьютъ. Чувство мести, являющееся въ юридической формѣ въ видѣ тюремнаго заключенія, по отношенію къ подобнымъ людямъ есть великая несправедливость, доказывающая великое неразвитіе тѣхъ, въ комъ оно рождается. Страстные люди, способные на поступки, требующіе большой энергіи и силы характера, бываютъ обыкновенно люди хорошіе, нравственные. Отъ этого въ Восточной Сибири, куда ссылаютъ такъ называемыхъ злодѣевъ, жить гораздо безопаснѣе, и нравственность населенія выше, чѣмъ въ Сибири Западной, куда ссылаются мелочные воры, мазурики и всякіе негодяи. Всѣхъ убійцъ того сорта, о которыхъ я говорю, можно смѣло оставлять дома на порукахъ или подъ надзоромъ общества или полиціи, не подвергая ихъ наказанію заключенія до признанія судомъ ихъ виновности.

Еще меньшее основаніе подвергать тюремному заключенію лицъ прикосновенныхъ, которыя во многихъ случаяхъ оказываются совершенно невинными.

Если ужь допускать необходимость подслѣдственнаго тюремнаго заключенія, то скорѣе слѣдуетъ подвергать ему воровъ, мошенниковъ и негодяевъ, чѣмъ убійцъ; потому что убійца, особенно страстный, другой разъ убивать не станетъ, тогда какъ воръ воровать будетъ непремѣнно. И причина этого въ томъ, что убійство есть обыкновенно случайность, тогда какъ воровство — промыслъ, ремесло, кусокъ насущнаго хлѣба.

Предварительное тюремное заключеніе можетъ имѣть только одну юридическую необходимость: когда только при посредствѣ его можетъ быть раскрыта истина. Если же преступникъ взятъ на мѣстѣ преступленія и не отрицаетъ своей вины, зачѣмъ арестовать его?

Моралисты прежде всего должны заботиться о томъ, чтобы тюрьма не служила мѣстомъ воспитанія въ безнравственности, слѣдовательно, чтобы она принимала въ свои стѣны только того, кого совершенно невозможно оставить на свободѣ. При существующемъ же порядкѣ выходитъ какъ разъ на выворотъ. Въ началѣ статьи я дѣлалъ примѣрный разсчетъ экономическаго убытка, причиняемаго Россіи заключеніями невинныхъ. И подобный разсчетъ не труденъ. Но кромѣ экономическаго тюрьма наноситъ еще и нравственный убытокъ, котораго всѣ математики въ мірѣ, взятые вмѣстѣ, вычислить будутъ не въ состояніи. Убытокъ этотъ въ томъ вліяніи, какое мазурики и негодяи обнаруживаютъ на образъ мыслей простодушныхъ, нетвердыхъ въ убѣжденіяхъ и неразвитыхъ людей. И въ этомъ отношеніи опять убійцы не опасны, потому что убійству не научишь; но мошенничеству, плутнѣ, изворотливости научить можно, ибо легче всего оподлить человѣка. По принятому правилу убійцъ и разбойниковъ держатъ отдѣльно отъ другихъ арестантовъ, тогда какъ ихъ скорѣе, чѣмъ записныхъ плутовъ, можно держать съ простодушными новичками или съ невинно-подозрѣваемыми людьми. Настоящій злодѣй, хладнокровно убивающій человѣка, какъ курицу, оттолкнетъ отъ себя; убійца же по страсти возбуждаетъ участіе, потому что онъ не злодѣй. Мошенникъ иное дѣло; онъ обыкновенно тонкій софистъ и ловкій діалектикъ, умѣющій незамѣтно войдти въ довѣріе и убѣждающій доводами изъ практической жизни, опровергнуть которые не для всѣхъ легко. Если въ теченіе полустолѣтія въ нашихъ тюрьмахъ перебывало по 49 т. въ годъ невинныхъ арестантовъ и людей, оставленныхъ въ подозрѣніи, изъ которыхъ многіе могли быть вѣроятно профессорами своего дѣла, а вся масса такихъ арестантовъ составляетъ 3,185,000 человѣкъ, то спрашивается, что могла выиграть народная нравственность, если тюремная школа давала постоянно воспитаніе такому огромному числу людей, вносившему вновь пріобрѣтенное міровоззрѣніе въ окружающую ихъ сферу и практически воспитавшему въ нихъ своихъ дѣтей?

Что тюрьма кромѣ порчи нравственности и физическаго разстройства заключенныхъ не обнаруживала на нихъ никакого другого вліянія—это такой общеизвѣстный фактъ, который нѣтъ ни-

какой необходимости доказывать и невозможно опровергать. Что тюрьма кромѣ того наносила народному хозяйству и государственной экономіи огромный убытокъ, читателю тоже ясно. Для чего же существовала тюрьма въ той формѣ, въ какой она существовала? Юристы отвѣтятъ — для того, чтобы держать въ ней преступниковъ, приговоренныхъ судомъ къ тюремному заключенію; для того, чтобы держать въ ней тѣхъ обвиняемыхъ, преступленія которыхъ безъ этой мѣры не могутъ быть приведены въ необходимую юридическую ясность. Прекрасно, держите этихъ людей и теперь; но не запирайте невинныхъ и тѣхъ, кто хотя совершилъ повидимому великое преступленіе, но въ нравственномъ отношеніи можетъ быть много выше тѣхъ, кто пользуется полной свободой.—Тюремныя власти жалуются, что наши тюрьмы тѣсны, что въ нихъ приходится помѣщать впятеро больше людей, чѣмъ можно — и тюремныя власти правы. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что тюремныя помѣщенія наши не въ состояніи удовлетворить дѣйствительной въ нихъ потребности. Они тѣсны не потому, чтобы ихъ было мало; а потому, что въ нихъ сажаютъ безразлично впятеро больше народу, чѣмъ слѣдуетъ по совѣсти и справедливости. Какъ только наши слѣдователи и судебныя власти отрѣшатся отъ слабости запирать въ тюрьму всякаго, кто попадаетъ въ ихъ руки,— въ новыхъ тюремныхъ помѣщеніяхъ и въ расширеніи существующихъ не будетъ никакой нужды.

II.

Въ Москвѣ, при университетѣ, существуетъ юридическое общество, занимающееся разрѣшеніемъ вопросовъ по гражданскому и уголовному праву. «Кромѣ обсужденія этихъ вопросовъ общество занималось примѣрнымъ рѣшеніемъ уголовныхъ дѣлъ по новому судопроизводству, говорились обыкновенныя и защитительныя рѣчи, постановлялись приговоры присяжныхъ, словомъ, говоритъ корреспондентъ «Журнала М. Ю.», происходилъ гласный судъ съ соблюденіемъ малѣйшихъ подробностей его устройства, согласно судебнымъ уставамъ.» «Признавая большое значеніе за дѣятельностію общества, продолжаетъ тотже корреспондентъ, выражающееся въ обсужденіи и рѣшеніи различныхъ практическихъ вопросовъ — за тѣмъ слѣдуютъ другія похвалы, высказанныя вѣроятно для подсла-

щенія слѣдующей за тѣмъ горькой истины—мы не можемъ вмѣстѣ съ тѣмъ не замѣтить въ нихъ одного важнаго пробѣла: почти совершеннаго отсутствія теоріи гражданскаго и уголовнаго права и почти исключительнаго господства чисто-практическаго разбора вопросовъ по дѣйствующему законодательству. *Научно-теоретическія соображенія высказываются изрѣдка и выказываютъ почти всегда не высокій уровень теоретическихъ знаній.* Глубокое и основательное знаніе дѣйствующаго русскаго законодательства въ преніяхъ общества объясняется тѣмъ, что всѣ почти члены общества, бывающіе на засѣданіяхъ и участвующіе въ преніяхъ—практическіе юристы.» Такой низкій уровень теоретическихъ знаній и исключительное преобладаніе практики существуетъ въ обществѣ, учрежденномъ въ одномъ изъ главнѣйшихъ центровъ русской умственной дѣятельности, въ обществѣ, считающемъ болѣе 150 членовъ—профессоровъ университета, сенаторовъ, предсѣдателей и засѣдателей палатъ, оберъ-секретарей и секретарей сената, судебныхъ слѣдователей, адвокатовъ, практическихъ юристовъ и вообще цвѣта теоретической и практической учености, обитающей въ въ Москвѣ.—Если такое, какъ выражается деликатно корреспондентъ «Ж. М. Ю», основательное знаніе дѣйствующаго русскаго законодательства или проще знаніе статей Свода законовъ, безъ теоретическихъ познаній, выказываютъ наши лучшія юридическія силы, то понятно, что въ мѣстностяхъ болѣе отдаленныхъ, куда лучшимъ силамъ стремиться нѣтъ никакой выгоды, перевѣсъ знанія статей уголовнаго закона надъ теоріей уголовнаго права долженъ быть значительно болѣе. Въ большинствѣ нашихъ провинціальныхъ судовъ главными дѣятелями простые практическіе юристы, пріобрѣтшіе юридическія познанія долголѣтней практикой и отличающіеся дѣйствительно замѣчательнымъ знаніемъ XV т. и уложенія о наказаніяхъ. Другая отличительная черта провинціальныхъ практическихъ юристовъ—сухой формализмъ и строгое слѣдованіе буквѣ закона. Вотъ одинъ фактъ изъ милліона. Я могъ бы назвать уголовную палату и фамилію предсѣдателя, но не вижу въ этомъ необходимости. Отставной 69-лѣтній солдатъ, уволенный изъ полка за ранами, увѣчьемъ и по разстроенному здоровью, человѣкъ одинокій и бѣдный, сдѣлалъ въ сильную стужу самовольную порубку въ казенномъ лѣсу. Становой приставъ, человѣкъ, какъ видно, разсудительный, обнаружилъ изъ дѣла, что къ самовольной порубкѣ принудила бѣднаго старика нужда и холодъ. Но уголовная палата, не обративъ вниманія ни на одно

изъ этихъ обстоятельствъ, основываясь на статьѣ закона, что порубщиковъ слѣдуетъ сѣчь и ссылать, приговорила солдата къ тѣлесному наказанію и къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Палата Госуд. Им. оказалась человѣколюбивѣе и сообразивъ, что искалеченный 69-лѣтній старикъ, сдѣлавшій кражу по крайней нуждѣ, стоитъ снисхожденія, протестовала противъ рѣшенія уголовной палаты и просила перенести дѣло въ Сенатъ. Сенатъ согласился съ мнѣніемъ П. Г. И. и отмѣнилъ рѣшеніе У. П. Палата эта была одной изъ лютыхъ, любила жестокія наказанія и прописывала ихъ всегда въ высшей мѣрѣ. Подобнымъ характеромъ отличалась уголовная дѣятельность не одной этой палаты, но и многихъ другихъ, и кромѣ извѣстнаго рода безчувственности, выражавшейся въ сухомъ формализмѣ, причина жестокости заключалась еще и въ боязни отступить отъ буквы закона и позволить себѣ толкованія, могущія показаться высшей власти юридическимъ вольнодумствомъ и потворствомъ преступленію. Такимъ образомъ строгостію приговоровъ выражалось служебное усердіе и служебное безпристрастіе. Кромѣ того подобная система дѣйствій обусловливалась еще и существовавшими воззрѣніями на сущность и происхожденіе преступленій и на роль наказанія, имѣвшаго въ глазахъ нашихъ практическихъ юристовъ исключительно карательное значеніе. Западное ученіе объ исправительной роли наказанія проникало къ намъ медленно и, какъ теоретическое ученіе, неимѣвшее ровно никакого практическаго примѣненія, было извѣстно только молодымъ юристамъ, составлявшимъ самую ничтожную долю въ личномъ составѣ сословія юристовъ. Еще ограниченнѣе были юридическія познанія лицъ хотя и непринадлежавшихъ къ судебному составу, но имѣвшихъ съ нимъ болѣе или менѣе близкую связь, напримѣръ, слѣдователи, тюремное начальство. Поэтому, когда М. В. Д. потребовало въ послѣднее время отъ провинціальныхъ властей мнѣній и соображеній по вопросу о преобразованіи тюрьмъ, то за немногими т. е. самыми немногими исключеніями, явились соображенія, недѣлающія особенной чести познаніямъ тѣхъ, кто ихъ составилъ.

Прежде всего бросается въ глаза наивный взглядъ провинціи на причины преступленій. Напримѣръ, владимірская губернія высказываетъ по этому поводу слѣдующія замѣчательныя мысли: «При болѣе обезпеченномъ содержаніи конечно на эту должность (смотрителя) нашлись бы нравственные люди, которые съ любовью посвятили бы себя той высокой, нравственно-христіанской службѣ,

которую составляютъ обязанности смотрителя. Ошибочно было бы думать, что смотритель долженъ дѣйствовать на заключенныхъ исключительно строгостію и что это есть необходимое условіе порядка. Конечно строгость необходима, но соединенная съ сильнымъ нравственнымъ вліяніемъ. Сообщаясь постоянно съ арестантами и имѣя въ виду, что труды оцѣниваются и достаточно вознаграждаются, смотритель тюрьмы можетъ сдѣлать много добра и удобно содѣйствовать къ искорененію дурныхъ началъ, зародившихся въ душѣ заключеннаго. Нельзя же предполагать, чтобы всѣ лица, заключенныя въ тюрьмѣ, были закоренѣлые преступники, чуждые уже всякаго человѣческаго достоинства. Заключеніемъ въ тюрьмѣ законъ караетъ преступника за сдѣланное имъ преступленіе, это есть возмездіе за беззаконное дѣяніе; но возмездіе это должно имѣть въ своемъ конечномъ результатѣ исправленіе преступника и доведеніе его до сознанія, что сдѣланное имъ преступленіе было униженіемъ человѣческаго достоинства и противно началамъ правды, началамъ законнаго общежитія. Способомъ такой кары, соединенной съ исправленіемъ арестанта, служитъ тюремное заключеніе, ибо для другихъ лицъ, поправшихъ святѣйшія права человѣчества и государства и которыхъ затѣмъ законъ признаетъ нетерпимыми въ обществѣ по той сильной степени зла, которое они причинили, существуетъ другой видъ вмѣненія: законъ удаляетъ ихъ изъ того общества, какъ негодныхъ членовъ. Помощникомъ или даже равносильнымъ дѣятелемъ съ ближайшимъ начальникомъ тюрьмы, въ дѣлѣ исправленія арестантовъ, должно быть духовное лицо. Въ настоящее время, если и есть при нѣкоторыхъ немногихъ тюрьмахъ священники, то они мало занимаются арестантами. Между тѣмъ постоянныя бесѣды съ арестантами образованнаго духовнаго лица, преподаваніе началъ нравственности, или даже просто ученіе грамотѣ, благодѣтельно вліяло бы на нихъ. Конечно всякій хорошій священникъ, за обезпечивающее содержаніе, согласится посвятить себя исключительно подобнаго рода занятіямъ. Что касается до самой тюрьмы осужденныхъ, то нынѣ существующія тюрьмы недостаточны, и если будетъ введена система келейнаго содержанія осужденныхъ, какъ напримѣръ въ тюрьмахъ берлинской и парижской, то для этого должно устроить особое зданіе, которое бы по своему устройству могло быть приспособлено для исполненія условій этой системы». Ну еще бы! Выписка вышла велика, но она такъ любопытна, что сокращеніе ея или изложеніе другими словами лишили бы мысль автора всей ея силы. Судя по

ссылкамъ на берлинскую и парижскую тюрьму, авторъ предположенія долженъ быть или ученый юристъ или человѣкъ, знакомый съ трудами и мнѣніями сторонниковъ одиночнаго заключенія. Вслѣдствіе этого онъ страдаетъ ихъ ошибками. Авторъ говоритъ, что обязанность смотрителя есть нравственно-христіанская;—очень хорошо,—и что за приличное вознагражденіе такихъ христіанъ найдти не трудно. Но обязанность судьи, судебнаго слѣдователя и другихъ членовъ суда тоже нравственно-христіанская, да и жалованье этимъ лицамъ дается весьма приличное, отчего же такъ обыкновенны плохіе судьи и слѣдователи? Очевидно, что однимъ жалованьемъ еще не создашь способностей. Предположимъ однако, что каждому тюремному смотрителю будетъ дано по полторы тысячи жалованья (что конечно неосуществимо) и на эти должности поступятъ самые христіаннѣйшіе люди, настоящіе миссіонеры. Поступивъ, они должны заняться исправленіемъ нравственности арестантовъ, потому что только эту обязанность авторъ проэкта и возлагаетъ на тюремнаго смотрителя. Какъ же онъ станетъ исправлять заключенныхъ? Авторъ объ этомъ умалчиваетъ, считая болѣе легкимъ привести нѣсколько общихъ фразъ, чисто-утопическаго характера, совершенно неприличныхъ въ устахъ солиднаго человѣка и юриста, какимъ слѣдуетъ предполагать автора. Вы хотите, чтобы смотритель острога довелъ заключеннаго до сознанія, что сдѣланное имъ преступленіе противно началамъ правды? Ну, а какъ преступникъ предложитъ смотрителю вопросъ: *что такое правда?* Что отвѣтитъ ему смотритель? Хотя бы въ той же берлинской тюрьмѣ, упоминаемой авторомъ, исправленіе заключенныхъ производится множествомъ лицъ и духовныхъ и свѣтскихъ; производится не одними бесѣдами, но и темными, смирительными куртками, лишеніемъ пищи и т. д.,—однако тюрьма эта не исправила никого; какъ же предполагаемыхъ блистательныхъ результатовъ авторъ думаетъ достигнуть всего съ однимъ смотрителемъ, положимъ, что очень христіаннѣйшимъ и получающимъ хорошее жалованье и хорошія награды, но вѣдь все-таки однимъ? Считая тюрьму только легкимъ наказаніемъ и школой исправленія легкихъ преступниковъ, авторъ хочетъ злодѣевъ, *поправшихъ святѣйшія права человѣчества и государства*, изгонять изъ общества, какъ негодныхъ членовъ. И это мысль хорошая; только вопросъ въ томъ, гдѣ же на земномъ шарѣ авторъ думаетъ найдти такую точку, гдѣ бы не было общества? Если какой-нибудь злодѣй попретъ святѣйшія права человѣчества въ городѣ А, то за что же вы, уда-

ливъ его изъ этого общества, отправите въ городъ или деревню Б? Положимъ, что для злодѣя это скверно; но чѣмъ виноваты мирные граждане Б, у которыхъ до вашего приговора было все хорошо и благополучно и вдругъ точно съ неба свалился злодѣй и началъ ихъ попирать. Далѣе авторъ полагаетъ необходимымъ найдти за хорошее жалованье хорошаго священника, — вообще авторъ, какъ видно, любитъ деньги и полагаетъ, что способности и хорошіе люди только потому пребываютъ у насъ гдѣ-то въ неизвѣстности, что мало жалованья выдается чиновникамъ... О, глубокомысленный мыслитель! Спѣшите въ Англію, тамъ очень много богатыхъ людей; научите ихъ, за какую сумму можно имѣть другого Шекспира и умнаго государственнаго министра, — англичанамъ ужасно хочется имѣть того и другого.—Положимъ, что хорошій священникъ, уча заключенныхъ просто грамотѣ, повліяетъ на нихъ такъ, что всѣ они сдѣлаются добродѣтельными. Ну, а что же произойдетъ съ арестантами, если хорошій священникъ будетъ преподавать имъ еще и начала нравственности? Такимъ образомъ хорошее жалованье должно создать хорошихъ смотрителей и хорошихъ священниковъ, а они произведутъ преступниковъ въ хорошихъ людей. Все дѣло, значитъ, въ хорошемъ жалованьи, и остается только удивляться, какъ это человѣчество не могло придумать до сихъ поръ такого простого средства для искорененія зла и преступленій. Изъ этого разбора юридическихъ воззрѣній владимірской губерніи читатель видитъ, что теорія, на которой они построены, очень проста въ своемъ основаніи: человѣкъ преступенъ потому, что никто не вложилъ въ него правилъ нравственности и не объяснилъ ему, что такое правда; но какъ только такое объясненіе будетъ сдѣлано злодѣю, то онъ мгновенно превращается въ человѣка добродѣтельнаго; наказаніе есть возмездіе — авторъ, требуя отъ тюремныхъ смотрителей христіанской нравственности, самъ себя не считаетъ обязаннымъ проповѣдывать ее хотя въ теоріи и предлагаетъ ветхозавѣтный принципъ — око за око, — но въ конечномъ результатѣ оно и исправленіе, ибо съ человѣкомъ, въ моментъ его наказанія, занимаются нравственными разговорами. Такое воззрѣніе не принадлежитъ исключительно владимірской губерніи, если обратимъ вниманіе на то, что Англія, Франція и Германія, населенныя неоспоримо большимъ числомъ знающихъ людей, чѣмъ Россія, держатся отсталой практики и даже въ теоріи отличаются отсталостью и непослѣдовательностью, то откуда же явиться прогрессивнымъ мыслямъ изъ глубины русской провинціи?

Поэтому нисколько неудивительно, что во всѣхъ мѣстныхъ предположеніяхъ, въ той или другой формѣ, въ болѣе или менѣе осторожномъ изложеніи, проведены тѣ же мысли, которыя во владимірскомъ изложеніи странны больше потому, что авторъ ихъ вообразилъ, будто бы онъ долженъ преподать Министерству Внутреннихъ Дѣлъ элементарныя понятія о теоріи наказанія въ томъ видѣ, какъ ее знаютъ отсталые люди, и что безъ помощи владимірскаго автора министерство будетъ находиться въ затруднительномъ положеніи. Тотъ же авторъ, приписывающій такое большое значеніе хорошему жалованью и краснвымъ фразамъ, говоря о необходимости организаціи въ тюрьмахъ работъ, замѣчаетъ, что «пріобрѣтенныя ими (арестантами) въ острогѣ познанія (собственно ремесленныя) могутъ *сдѣлать* въ нихъ *моральный переворотъ* и обратить ихъ изъ преступниковъ въ честныхъ гражданъ». Если это такое магическое средство — хотя двумя страницами ранѣе моральные перевороты долженъ былъ производить тюремный смотритель — то отчего попадаютъ въ тюрьмы кузнецы, сапожники, портные и слесаря? Вологодская губернія, придерживающаяся тѣхъ же юридическихъ основъ, идетъ нѣсколько дальше. Не отвергая пользы ремесленныхъ знаній, она думаетъ, что для назиданія въ нравственности необходимо допустить болѣе обширный выборъ книгъ, а еще лучше «завести *газеты* при тюрьмахъ, которыя скорѣе всего пробудятъ въ арестантахъ охоту къ чтенію». Мысль эта конечно либеральная, и издатели нашихъ газетъ будутъ очень благодарны вологодской губерніи за увеличеніе числа ихъ подписчиковъ. Ковенская губернія, исходя изъ тѣхъ же принциповъ, полагаетъ, что «*если* при преобразованіи нынѣшнихъ тюремъ будутъ соблюдены всѣ условія, *необходимыя для дѣйствительнаго исправленія* преступника, т. е. *если* арестанты будутъ строго распредѣлены по полу, возрасту, званію, роду преступленій и степени преступной дѣятельности, *если* матеріальныя условія будутъ обезпечивать самыя необходимыя нужды преступника, какъ человѣка, не вредя его здоровью и нравственности; *если* будетъ обращено особенное вниманіе на выборъ какъ духовныхъ лицъ, такъ и надзирателей, служащихъ въ тюрьмѣ, и наконецъ *если* арестанты будутъ заняты работами, результатъ которыхъ давалъ бы имъ возможность начать, по выходѣ изъ тюрьмы, честную и трудовую жизнь, то нѣтъ сомнѣнія, что число дѣйствительно исправляющихся значительно увеличится, а съ тѣмъ вмѣстѣ уменьшится и число такихъ преступниковъ, которые прежде были уже судимы и будучи освобождены отъ наказанія един-

ственно по своему запирательству и недостатку юридическихъ доказательствъ, вновь впали въ преступленіе». Однимъ словомъ, если бѣдному человѣку дать милліонъ, то онъ можетъ открыть банкирскую контору.

Другія губерніи высказываютъ свои соображенія опредѣлительнѣе, указывая даже на систему тюремнаго заключенія. Такъ какъ теорія ирландской системы не успѣла еще, по отдаленности Россіи отъ Ирландіи, проникнуть въ глубь нашей провинціи, то тамъ и вѣруютъ пока безусловно въ системы пенсильванскую и оборнскую, впрочемъ сочувствуя больше самому строгому одиночному заключенію. Хотя мнѣнія по этому предмету выражены не безъ робости, съ очевиднымъ сомнѣніемъ—которымъ, впрочемъ, не страдаетъ владимірская губернія, рѣшившаяся читать лекціи высшему начальству, тѣмъ не менѣе совершенно ясно и нѣжное влеченіе нашихъ провинціальныхъ юристовъ-практиковъ къ системѣ наиболѣе одиночнаго изъ всѣхъ одиночныхъ заключеній съ весьма замѣтнымъ оттѣнкомъ моднаго юридическаго либерализма, переходящаго нерѣдко въ утопію. Напримѣръ, астраханская губернія замѣчаетъ, что одиночное заключеніе принадлежитъ *безспорно* къ лучшей системѣ заключенія. Такое положительное завѣреніе показываетъ только полное нежеланіе астраханцевъ слышать то, что можетъ быть несогласнымъ съ ихъ наклонностями; что до Астрахани еще не дошли брошюры и сочиненія противниковъ одиночнаго заключенія; наконецъ, что имъ неизвѣстно, что французское правительство противъ системы одиночнаго заключенія, а въ Англіи по закону оно не можетъ быть продолжительнѣе *девяти* мѣсяцевъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что несомнѣнность превосходныхъ качествъ одиночнаго заключенія, считаемая астраханской губерніей безспорной, опровергается вполнѣ приведенными выше фактами и что весьма неосторожно говорить тономъ положительной увѣренности о вопросахъ не достаточно коротко извѣстныхъ. Не меньшей рѣшительностію тона отличается воронежская губернія. По ея словамъ: «систему одиночнаго заключенія преступниковъ можно признать самою лучшею, вѣрнѣе гарантирующею цѣль устройства заведеній — нравственное исправленіе заключенныхъ. Ничто не можетъ скорѣе подѣйствовать на заключенныхъ, какъ одиночное заключеніе въ свободное отъ труда время, въ которое они, неразвлекаемые ни чьимъ сообществомъ, должны, при *продолжительномъ* заключеніи, предаться *собственнымъ* размышленіямъ о причинѣ заключенія ихъ и отторженія отъ семействъ и обществъ. Не пользуясь ни чьими по-

сторонними, часто вредными внушеніями, отторженные отъ общества и удаленные отъ всякаго соблазна и дурныхъ примѣровъ безнравственности, они постоянно будутъ имѣть возможность заглянуть внимательнѣе въ самихъ себя и отыскать причины своего несчастнаго положенія. Они вскорѣ прійдутъ къ убѣжденію, что они сами въ томъ виновны, что причина заключенія ихъ вытекла изъ ихъ нравственнаго паденія и что они не имѣютъ никакого основанія обвинять ни строгость закона, не всегда имъ извѣстнаго, ни общество, ни обстоятельства, сложившіяся не въ ихъ пользу (уступки прогрессистамъ). Наконецъ трудъ приличный и соразмѣрный званію, полу и возрасту, суровая, строго-монастырская жизнь, при участіи въ нихъ общества и членовъ тюремныхъ комитетовъ, при добромъ обращеніи съ подающими надежду къ исправленію, при пастырскомъ увѣщаніи, наставленіи въ вѣрѣ, терпѣніи, въ необходимости понести заслуженное наказаніе, довершатъ нравственное исправленіе ихъ». Чтобы говорить съ такой миттермайеровскою увѣренностію, нужно или самому посидѣть продолжительное время въ одиночномъ заключеніи, или подобно Гольцендорфу забраться въ душу заключеннаго, или наконецъ сослаться на какой нибудь безспорный авторитетъ. Въ противномъ случаѣ подобное картинное изображеніе процесса нравственнаго перерожденія, свершающагося будто бы въ тюрьмахъ оборнской системы, похоже больше на юридическую фантазію очень нѣжнаго идиллическаго характера. Не о томъ рѣчь, что заключенные не будутъ имѣть возможности заглянуть въ самихъ себя; для этого у нихъ достанетъ времени и днемъ, въ мастерской, и ночью, въ своей кельи; но вопросъ въ томъ, станутъ ли они въ себя заглядывать, а если станутъ, то что они въ себѣ увидятъ и что изъ этого произойдетъ? Оборнская система, на которую указываетъ воронежское начальство, есть не болѣе, какъ подражаніе; еще въ 1772 г. была устроена во Фландріи тюрьма, въ которой заключенные днемъ работали вмѣстѣ, а ночью запирались въ отдѣльныя кельи; потомъ американцы, по той же системѣ, устроили въ Оборнѣ тюрьму, но въ видѣ нововведенія, съ самымъ строгимъ молчаніемъ; это было въ 1820 г. Съ тѣхъ поръ утекло много воды: явилась система англійская, въ 1854 году смѣнила ее система ирландская; слѣдовательно очевидно, что писать вариаціи на старую, отжившую тэму, не значитъ во главѣ прогресса идти; а значитъ плестись, понуривъ голову и съ печальнымъ лицомъ, сзади. Подобное же печальное путешествіе желаетъ свершить и могилевская губернія. Доказывая недостатки пенсильванской системы, кото-

рые уже давно наказаны, могилевцы, въ видѣ новости, сообщаютъ М. В. Д., что слѣдовало бы предпочесть систему общаго занятія днемъ и отдѣльнаго заключенія каждаго арестанта на ночь», или короче систему оборнскую. Далѣе они думали ввести принудительныя работы, упуская изъ виду то обстоятельство, что принудительная работа озлобляетъ человѣка; а при озлобленіи невозможно исправленіе. Достойно замѣчанія, что въ предположеніяхъ нѣкоторыхъ губерній замѣтны всѣ признаки молодой крови, и не смотря на то мракомъ и холодомъ вѣетъ отъ нихъ. Такъ по тверской губерніи говорится, что работы арестантовъ принесутъ пользу правительству только при системѣ одиночнаго заключенія и молчанія. «Сколько вы ни употребите денегъ и стараній, но если арестанты будутъ сидѣть въ общихъ комнатахъ, какъ теперь, въ своемъ пріятномъ обществѣ, работы будутъ безуспѣшны. И въ добавокъ къ тому арестанты, по истеченіи срока, на который они посажены, изъ острога выйдутъ несравненно хуже, чѣмъ они въ него вошли. Эта истина, дознанная опытами вѣковъ (и зачѣмъ такая красивая фраза, когда въ тюремномъ вопросѣ опытъ вѣковъ не играетъ ровно никакой роли, по той простой причинѣ, что онъ сдѣлался общественнымъ вопросомъ всего только въ нынѣшнемъ столѣтіи) въ настоящее время уступаетъ свое мѣсто другой истинѣ, испытываемой уже почти цѣлое столѣтіе величайшими друзьями человѣчества и мыслителями, именно той, что исправленіе арестантовъ возможно только при системѣ одиночнаго заключенія, молчанія, умственнаго и нравственнаго развитія и труда. Здѣсь не приводится описаніе этой системы одиночнаго заключенія, потому что правительству оно очень хорошо извѣстно, и оно всегда можетъ послать способныхъ людей за границу изучить ее до мельчайшихъ подробностей.» Какъ правительство должно быть благодарно тверскому юристу за подобный совѣтъ: ну кому бы могла придти въ голову подобная блистательная мысль? «Даже не нужно далеко ѣздить, продолжаетъ авторъ: въ Берлинѣ есть превосходная келейная тюрьма»—и въ скобкахъ авторъ ставитъ Moabit, вѣроятно затруднившись выговорить это слово по-русски, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для того, чтобы показать, что онъ видѣлъ и за границей или читалъ описаніе ея въ иностранныхъ сочиненіяхъ. Но вотъ что позабылъ сказать авторъ: говоритъ ли онъ объ этой тюрьмѣ въ томъ видѣ, какъ была въ ней организована дисциплина въ 1844 году, или въ томъ видѣ, какой она получила внутренній порядокъ съ 1849 г. или наконецъ о порядкѣ введенномъ съ 1856 года? По

ссылкамъ на мазасскую тюрьму и по завѣренію, что «нашъ апатичный народъ не будетъ сходить съ ума» слѣдуетъ заключить, что авторъ посѣщалъ моабитскую тюрьму или читалъ о ней въ недавнее время. А въ недавнее время она изображаетъ изъ себя слѣдующій ужасъ: арестанты подвергаются самому строжайшему одиночному заключенію, они никогда не видятъ другъ друга въ лицо; въ церкви, въ школѣ, на прогулкѣ они являются въ шапкахъ съ козырьками, опущенными на лицо въ видѣ масокъ. Въ церкви и школѣ каждый заключенный сажается въ особенную клѣточку, изъ которой онъ не можетъ видѣть ниодного изъ товарищей заключенія. Чтобы во время перехода въ церковь или въ школу арестанты не могли говорить другъ съ другомъ, ихъ заставляютъ идти гусемъ, на полторы сажени одинъ отъ другого. Надзоръ за арестантами ввѣренъ братьямъ суроваго дома, особой духовной конгрегаціи, скрывающей подъ личиной протестантизма принципы католическаго духовнаго братства. И зачѣмъ ссылка на величайшихъ друзей человѣчества и на мыслителей? Дѣйствительно, систему эту придумали друзья человѣчества — квакеры, но вѣдь это было еще въ прошедшемъ столѣтіи, и когда филадельфійская система была принята Америкой, то тогда же была доказана не только непрактичность новой системы, но и вредное вліяніе ея на заключенныхъ. Неужели для изученія такой отжившей системы автору показалось необходимымъ дать правительству косвенный совѣтъ послать способныхъ людей за границу? Помилосердуйте! ну за что способные люди должны заниматься изученіемъ вздора? Наконецъ обратите вниманіе еще и на то, что моабитская тюрьма была выстроена чисто по прихоти короля Фридриха-Вильгельма IV и что ни въ одной прусской тюрьмѣ не продѣлываются такія смѣшныя и обидныя для человѣческой разсудительности ребячества. И за что намъ русскимъ нужны непремѣнно ужасы и безчеловѣчіе?

Въ приведенныхъ фактахъ видна только отсталость и желаніе навязать Россіи тѣкія учрежденія, несостоятельность которыхъ давно уже доказана. Но вотъ фактъ непослѣдовательности. Вслѣдствіе того, что въ витебскомъ тюремномъ замкѣ содержится до 60 политическихъ преступниковъ—кромѣ того еще больше 30 человѣкъ помѣщены въ особыхъ зданіяхъ внѣ тюремнаго замка — мѣстная власть полагаетъ необходимымъ, «чтобы при витебскомъ тюремномъ замкѣ устроены были постоянныя помѣщенія для арестантовъ политическихъ, долженствующія быть одиночными и удовлетворять нѣкоторымъ потребностямъ того класса людей, которые

совершаютъ означенныя преступленія.» Послѣднее весьма гуманно; но только почему политическіе преступники должны быть подвергаемы одиночному заключенію? Конечно витебская губернія не станетъ отрицать того, что утверждаютъ другія губерніи; а другія губерніи, если онѣ касаются вопроса о наказаніи, говорятъ, что наказаніе, кромѣ карательнаго элемента, должно заключать еще и элементъ исправительный. Если это вѣрно, если тюрьма должна наказывать и исправлять всякаго преступника, она должна наказывать и исправлять преступника и политическаго. Въ чемъ же заключается сущность этого исправленія? Филантропы говорятъ— въ нравственномъ перевоспитаніи; въ сообщеніи человѣку новой доброй воли, вмѣсто старой, злой; въ превращеніи воровъ и мазуриковъ въ честно трудящихся гражданъ, и убійцъ и разбойниковъ въ безопасныхъ людей. Насколько примѣнимо такое требованіе къ политическимъ преступникамъ; насколько они воры, мазурики, убійцы и разбойники? Я не считаю необходимымъ объяснять читателю, что значитъ политическій преступникъ, предполагая въ читателѣ достаточную зрѣлость понятій для пониманія этого вопроса и безъ моихъ объясненій. Думаю также, что читателю извѣстно, что политическій преступникъ не воръ, не мазурикъ и не разбойникъ. Вообще теорія о злой и доброй волѣ имѣетъ къ политическимъ преступникамъ нѣсколько иное примѣненіе, потому что главнымъ двигателемъ въ политическомъ преступленіи является убѣжденіе, положимъ ошибочное, но не злое... Поэтому въ передовыхъ государствахъ возбуждался уже нѣсколько разъ вопросъ о томъ, чтобы политическихъ преступниковъ не наказывать смертью, если бы они сдѣлали даже убійство; Беккера, за покушеніе на убійство прусскаго короля, подвергли только тюремному заключенію; въ Америкѣ политическихъ преступниковъ судятъ обыкновенными судами, а не военными... Поэтому нравственное исправленіе, въ примѣненіи къ политическимъ преступникамъ, получаетъ совсѣмъ иное значеніе. Политическія убѣжденія составляются результатами извѣстныхъ знаній; они формируются долгимъ размышленіемъ, изученіемъ исторіи и современной общественной жизни. Слѣдовательно человѣкъ, сложившій себѣ извѣстное политическое міровоззрѣніе, признаетъ его научной истиной и держится его, какъ истины. Если къ подобному человѣку примѣнять теорію исправленія, въ томъ видѣ, какъ примѣняютъ ее къ ворамъ и мазурикамъ, то пришлось бы заставить его отрѣчься отъ того, что онъ выработывалъ себѣ долгимъ трудомъ и ученьемъ, заставить его признать ложью то, что онъ признавалъ истиной. Но возможно

ли это? Конечно есть легкомысленные люди, легко увлекающіеся всякими воззрѣніями и у которыхъ политическое поведеніе не имѣетъ никакихъ твердыхъ основъ. Объ этихъ людяхъ я не говорю ничего, потому что они неспособны быть политическими дѣятелями, а служатъ для настоящихъ дѣятелей только орудіями. Исправленіе этихъ орудій конечно возможно, но только ими не стоитъ заниматься, потому что подобныя орудія какъ телеграфы и желѣзныя дороги передаютъ все, что имъ велятъ передавать и перевозятъ всякій товаръ, какимъ ихъ нагрузятъ. Что же касается до людей убѣжденія и знаній, то тюрьма не можетъ имѣть для нихъ никакого воспитательнаго значенія. Они будутъ сидѣть и болѣть; но думать будутъ все по старому и еще крѣпче закалятся въ своихъ убѣжденіяхъ. Тюрьма, пугающая слабаго, дѣлаетъ сильнаго и мыслящаго болѣе сильнымъ и увѣреннымъ въ правильности своихъ мнѣній. Такимъ образомъ второй элементъ, исправительный, отпадаетъ и остается только элементъ карательный, который и дѣйствуетъ на заключеннаго. Карательное дѣйствіе, разсчитанное на физическое страданіе, достигаетъ своей цѣли; человѣкъ страдаетъ точно. Но въ такомъ случаѣ наказаніе теряетъ весь свой юридическій смыслъ. Если оно должно состоять непремѣнно изъ двухъ элементовъ, а одинъ элементъ отъ него отнять, то оно превращается въ неразумное дѣло, несогласное ни съ христіанскими принципами, о сохраненіи которыхъ такъ заботятся повсюду, ни съ современными теоріями уголовнаго права. Выводъ, который слѣдуетъ изъ всего сказаннаго, можетъ показаться читателю парадоксальнымъ, но теоретически онъ будетъ самый правильный. Если тюремное заключеніе, лишенное своего исправительнаго элемента, превращается въ дѣйствіе, неоправдываемое теоріями, которыхъ держатся современные цивилизованные народы, то ему, разумѣется, не слѣдуетъ и существовать, а нужно исчезнуть, какъ исчезнула пытка, тѣлесное наказаніе, негласный судъ, рабство и т. д. Зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ такая мѣра, которая по теоріи хотя и должна сначала умягчить душу преступника и приготовить его къ раскаянію, а потомъ измѣнить все его міровоззрѣніе; но въ дѣйствительности нисколько не умягчаетъ души и не сообщаетъ человѣку новаго міровоззрѣнія? Одно изъ двухъ: или должна исчезнуть тюрьма, или же уголовная теорія должна отказаться отъ своихъ нравственно-исправительныхъ притязаній и вооружиться исключительно карающимъ мечомъ.

По отношенію къ политическимъ преступникамъ вопросъ о нев-

мѣняемости можетъ быть разсмотрѣнъ еще и другимъ образомъ. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ борьба политическихъ партій допущена государственными учрежденіями, политическихъ преступниковъ не бываетъ, потому что борьба происходитъ на словахъ, и побѣжденная партія, видя, что ея силы слабы, подчиняется, до времени, партіи побѣдителей, чтобы, собравшись съ силой, вступить въ новую борьбу. Тамъ же, гдѣ существуетъ порядокъ противуположный, партіи негосподствующія ведутъ обыкновенно подземную работу и, чтобы дать перевѣсъ своимъ стремленіямъ и идеямъ, прибѣгаютъ иногда къ средствамъ открытаго возстанія и насилія. Такой способъ дѣйствія считается преступнымъ и вызываетъ преслѣдованія господствующей партіи, выражающіяся въ мѣрахъ уголовнаго характера и сопровождающіяся болѣе или менѣе тяжкими наказаніями. Въ подобной борьбѣ, возбуждающей страсти, является всегда большее или меньшее озлобленіе съ той и другой стороны, и побѣдители рѣдко отличаются великодушіемъ. Вотъ почему преслѣдованіе побѣжденной партіи со стороны побѣдителей принимаетъ всегда характеръ мести, и юридическія теоріи, по возможности примѣняемыя къ другимъ преступникамъ, по отношенію къ политическимъ теряютъ свое значеніе. Тутъ не преслѣдованіе, являющееся слѣдствіемъ побѣды, останавливаетъ побѣжденную партію, а сознанная ею невозможность борьбы, предшествовавшая преслѣдованію. Что выводъ этотъ совершенно правиленъ, читатель можетъ убѣдиться изъ тѣхъ многочисленныхъ случаевъ амнистіи, которые представляетъ новѣйшее время. Амнистіи не вели ни къ какимъ новымъ столкновеніямъ и имѣли единственнымъ результатомъ опорожненіе тюремъ. А изъ этого слѣдуетъ тотъ же выводъ, который былъ уже сдѣланъ выше, но другимъ путемъ, т. е. что преслѣдованіе и тюремное заключеніе политическихъ преступниковъ можетъ быть оправдано только теоріей возмездія, а исправительности оно въ себѣ никакой не заключаетъ и заключать не можетъ. Вслѣдствіе всего сказаннаго есть совершенно несомнѣнное основаніе предполагать, что заявленіе витебской мѣстной власти о непремѣнной необходимости для политическихъ арестантовъ одиночнаго заключенія могло явиться только потому, что въ ея глазахъ заключеніе есть исключительно печальная мѣра.

Изъ другихъ соображеній объ устройствѣ тюремной части любопытно предположеніе г. Измайлова (?) объ учрежденіи въ г. Твери, вмѣсто рабочаго и смирительнаго домовъ, исправительной

земледѣльческой фермы. Допуская необходимость наказанія исправительнаго и лучшей мѣрой для этого считая рабочіе дома, г. Измайловъ находитъ, что въ томъ видѣ, какъ они существуютъ у насъ, они не могутъ достигнуть своей цѣли, потому что не могутъ дать занятій всѣмъ заключеннымъ особенно на короткій срокъ, «а потому полезно бы было устроить рабочій домъ такъ, чтобы заключенные въ немъ могли постоянно имѣть занятія, нетребующія особаго знанія и искусства и близкія имъ по ихъ общественному положенію, каковымъ у насъ преимущественно можетъ быть земледѣліе». Повидимому, мысль правильная, но какъ ее осуществить, когда необходимо согласить три такихъ невяжущихся вмѣстѣ требованія: наказаніе, исправленіе и экономическую выгоду. Г. Измайловъ, не пугаясь этой задачи, разрѣшаетъ ее на бумагѣ весьма храбро. Онъ покупаетъ идеально, подлѣ Твери, землю и устраиваетъ на ней земледѣльческую ферму, съ маленькими красивыми домиками, напоминающими лѣтнія дачи или, какъ выражается самъ авторъ проэкта, имѣющими видъ сельскихъ построекъ. Въ этихъ красивыхъ домикахъ размѣщается тюремное населеніе по возрасту (это не трудно) и нравственному состоянію (кто и какимъ аршиномъ будетъ его мѣрить), женщины поселяются «въ отдѣльной сторонѣ». Военнаго караула г. Измайловъ не устраиваетъ, но нанимаетъ надзирателей. Такъ какъ жители фермы обязаны жить своимъ трудомъ, и на идеальной фермѣ г. Измайлова ихъ имѣется 30 человѣкъ, а земли пашенной 30 дес. и сѣнокосной тоже 30; то на 10 десятинахъ онъ сѣетъ 15 четвертей ржи, взявъ навозъ даромъ изъ города; урожай получается самъ-пятъ, слѣдовательно 60 четвертей чистыхъ, которыя всѣ и потребляются мѣстными жителями въ видѣ хлѣба. Овса г. Измайловъ сѣетъ 30 чет. и изъ урожая (самъ-четвертъ) 10 оставляетъ на домашній обиходъ, а 80 продаетъ. На эти деньги и на выручку отъ другихъ земледѣльческихъ продуктовъ, г. Измайловъ шьетъ заключеннымъ одежду и обувь и выдаетъ награды болѣе трудолюбивымъ; *кромѣ того извѣстный процентъ съ дохода выдается ежегодно смотрителю*. (О, г. Измайловъ, зачѣмъ вы такъ неосмотрительно роете своему проекту яму?!). На фермѣ г. Измайловъ держитъ 30 головъ рогатаго скота, 5 лошадей и кромѣ того овецъ и свиней. Заботясь особенно усердно, чтобы праздность, эта извѣстная мать порока, не заглянула какимъ нибудь контрабандным образомъ на ферму, г. Измайловъ придумалъ цѣлый рядъ самыхъ многочисленныхъ работъ. Вотъ онѣ: «обработка земли, кошеніе

сѣна, чистка лѣса, осушеніе болотъ, очистка луговъ, удобреніе земли примѣсью къ оной разныхъ сортовъ грунтовъ, устройство канавъ и дорогъ, уходъ за скотомъ (причемъ скотъ и въ лѣтнее время долженъ быть на дворѣ, чтобы чрезъ пастьбу не давать возможности арестантамъ проводить время въ праздности, а кормъ долженъ быть косимъ), пряденіе льна и шерсти, тканье холста и сукна, а затѣмъ и другія необходимыя работы, какъ-то: шитье бѣлья, одежды и обуви». Къ этому длинному списку работъ можно бы еще прибавить: приготовленіе стеариновыхъ свѣчей, дѣланіе керасиновыхъ лампъ, фарфоровой посуды, приготовленіе шерсти прямо изъ травы, которой питаются овцы — послѣднее дало бы большую экономію, потому что не нужно бы совсѣмъ заводить овецъ—и. т. д. Какъ ни гуманно, какъ ни прогрессивно заведеніе, придуманное г. Измайловымъ, но вотъ какое можетъ родиться сомнѣніе: ну а какъ арестанты, разосланные для разныхъ хозяйственныхъ надобностей во всѣ концы фермы, возьмутъ да убѣгутъ? Г. Измайловъ, предвидя подобное возраженіе, принялъ правда свои мѣры: у него постановлено, что при побѣгѣ тотчасъ увѣдомляется общество подсудимаго для взятія его и пересылки на ферму». А если онъ убѣжитъ не въ свое общество, а отправится въ Новороссійскій край? Или къ каждому арестанту приставить особаго надзирателя, и слѣдовательно въ случаѣ повсемѣстнаго устройства подобныхъ фермъ на 100,000 заключенныхъ завести 100,000 надзирателей? Но пусть г. Измайловъ такой волшебникъ, что у него никто бѣгать не станетъ: является однако другое сомнѣніе — ну если заберется на ферму мать всѣхъ пороковъ-праздность? Пошлетъ ли г. Измайловъ арестанта накосить пудъ сѣна, а тотъ накоситъ только фунтъ; пошлетъ ли онъ нажать 60 четвертей хлѣба, а ему принесутъ только тридцать, и такъ во всемъ. Чѣмъ будутъ тогда питаться жители дачныхъ домиковъ и въ какія одежды станутъ они облачаться? Выдачей смотрителю извѣстнаго процента съ дохода г. Измайловъ думаетъ пробудить въ арестантахъ трудолюбіе и энергію. Но кто же станетъ работать на другого, не получая самъ никакой выгоды? Или прилежаніе создастъ надзоръ за работами надзирателей? Худо вы знаете, г. Измайловъ, направленіе и духъ арестантовъ: перепортятъ они вамъ весь скотъ и наконецъ изведутъ его; не накосятъ и не нажнутъ они вамъ ни былинки, а когда на вашей фермѣ наступитъ голодъ — разбѣгутся всѣ ваши арестанты по всѣмъ сторонамъ, и посмотримъ, какъ вы ихъ поймаете. Работы у арестантовъ можно устроивать только скученнымъ образомъ, казарменнымъ

или фабричнымъ порядкомъ, съ выдачей извѣстной платы за трудъ; а сельское хозяйство, съ его разнообразіемъ и сложными манипуляціями, неподчиняющееся звонку или барабану, дѣло вовсе неарестантское, особенно если его превратить въ каторжную работу. Мысль г. Измайлова вовсе не новая, хотя онъ можетъ быть и ничего не зналъ о заграничныхъ попыткахъ этого рода. Но за-границей не та система хозяйства; тамъ арестанты не чистятъ лѣсовъ и не осушаютъ болотъ; тамъ они не изображаютъ собой какъ бы вольныхъ рабочихъ, а заключены въ пенитенціаріи, напримѣръ въ тюрьмѣ близь Турина, для малолѣтнихъ преступниковъ; тамъ наконецъ заводится всего одинъ какой нибудь пенитенціаріи подобнаго рода — и только. Но у насъ пришлось бы мысль г. Измайлова обобщить, чего онъ повидимому и желаетъ, указывая на земледѣльческое сословіе, составляющее по преимуществу населеніе нашихъ тюремъ; а въ такомъ случаѣ невозможность исправительныхъ фермъ становится очевидной.

Читатель можетъ мнѣ замѣтить, что въ доказательство не слишкомъ высокаго уровня юридическихъ познаній нашей провинціи я сдѣлалъ всего ссылки на 5-6 губерній, тогда какъ ихъ у насъ 50. Замѣчаніе было бы справедливо, если бы всѣ эти 50 губерній, подобно приведеннымъ 5-6, пускались бы въ начертаніе проэктовъ. Къ счастію этого не случилось, потому что, судя по тѣмъ цвѣткамъ предположеній, которые возрастили нѣкоторыя губерніи, можно вообразить себѣ, какой бы вышелъ цвѣтокъ, если бы подобнымъ дѣломъ занялись всѣ губерніи! Значительное большинство губерній занялось только критикой существующаго, что не представляло особыхъ затрудненій по крайней очевидности недостатковъ. Замѣчанія повсюду одинаковы и повсюду повторяется одно и тоже, потому что повсюду существуютъ однѣ и тѣ же недостатки, о которыхъ я уже говорилъ въ первой статьѣ, т. е., что тюрьмы тѣсны, грязны, ветхи; что арестанты скучены, безъ соблюденія раздѣленій, указанныхъ закономъ; что арестанты проводятъ время въ праздности, и организовать работы во многихъ случаяхъ совершенно невозможно. Разумѣется, замѣчанія эти имѣютъ свою цѣну. Но сущность вопроса все-таки въ томъ, чтобы указать практическіе способы къ устраненію существующихъ недостатковъ и къ устройству чего нибудь хорошаго и дѣйствительно-полезнаго. А какъ только наши провинціальные предполагатели, оставивъ поле дѣйствительности, пускаются въ начертаніе будущаго, то обнаруживаютъ такую наивность понятій и такое полное незнаніе

природы человѣка и того, что дѣлается у передовыхъ народовъ, что недоумѣваешь, какъ это люди позволяютъ себѣ относиться свысока къ тюремнымъ смотрителямъ или порицать дѣйствія духовныхъ лицъ. Только московская и оренбургская губерніи составили дѣльныя описанія и, прочитавъ ихъ, можно смѣло не читать ничего остальнаго, потому что новаго уже ничего не встрѣтишь. А впрочемъ этотъ низкій уровень теоретическихъ познаній нашей провинціи имѣетъ и хорошую сторону, потому что предохраняетъ отъ лукавыхъ мудрствованій западныхъ филантроповъ и ученыхъ юристовъ. Пусть западъ дѣлаетъ филантропическіе эксперименты съ своими заключенными; пусть запираетъ онъ ихъ по пенсильванской, оборнской или по какой угодно другой системѣ; но пусть сія горькая чаша минуетъ насъ. Намъ выгоднѣе подождать цѣлыхъ полстолѣтія и взять за образецъ что нибудь точно опредѣленное и порядочное, чѣмъ затрачивать деньги на устройство такихъ заведеній, въ пользѣ которыхъ еще никто не увѣренъ. Если въ Англіи, гдѣ всегда можно найдти знающихъ людей, нѣтъ способныхъ смотрителей и смотрительницъ; то что же станется съ нравственнымъ перевоспитаніемъ преступниковъ въ нашихъ пенитенціаріяхъ, когда у насъ недостаетъ знающихъ и развитыхъ людей даже на высшія юридическія должности. Ужь если тюрьма, какъ карательная мѣра, неизбѣжна, то пусть остается въ своей силѣ нашъ существующій острогъ; пусть его только передѣлаютъ и устроятъ согласно требованіямъ дѣйствующаго закона, потому что законъ довольно гуманенъ по отношенію къ арестантамъ и хочетъ, чтобы имъ жилось тепло, опрятно и сытно; да пусть не сажаютъ въ тюрьмы невинныхъ людей. Что же касается до грандіозныхъ пенитенціаріевъ, то зачѣмъ намъ, бѣднымъ людямъ, тратиться на такія дорого стоющія и безполезныя филантропическія забавы?

ЭДВИНЪ БРОТЕРТОФТЪ.

РОМАНЪ

ТЕОДОРА УИНТРОПА.

I.

Какъ только показывался пуританскій полковникъ Бротертофтъ, съ своимъ отрядомъ на бѣлыхъ лошадяхъ, кавалеры постоянно обращались въ бѣгство. Такъ они обратились въ бѣгство съ проиграннаго поля сраженія, при Горнкэстли, во дни великаго возстанія, и полковникъ погнался за ними.

На сѣверъ и западъ гнался онъ за ними, по полямъ и равнинамъ своего родного Линкольншайра. Съ каждымъ шагомъ онъ все болѣе и болѣе удалялся отъ остроконечныхъ башенъ своего бротертофтскаго замка, лежавшаго на полъ-пути между линкольнскимъ соборомъ и Бостономъ на Уитамѣ.

Поздно ночью, усталый, вернулся онъ въ Горнкэстль. Прежде всего онъ озаботился, чтобъ его славнымъ лошадямъ былъ заданъ хорошій кормъ, потомъ, завернувшись въ плащъ, легъ спать, подлѣ Кромвеля и Галифакса.

Вдругъ въ городъ прискакалъ какой-то молодой всадникъ, на бѣлой лошади, прямо направился къ чистенькому домику, занимаемому полковникомъ, и сталъ громко требовать доступа къ нему. Бротертофтъ выглянулъ изъ окна. При слабомъ свѣтѣ, онъ узналъ молодого Гальсуорси, сына одного изъ самыхъ богатыхъ

своихъ фермеровъ и самыхъ преданныхъ слугъ. «Королевское войско напало на замокъ,—кричалъ молодой человѣкъ,—милэди и ея вѣрные слуги еще защищаютъ его. Я пріѣхалъ просить помощи.»

Черезъ минуту, толпа всадниковъ была уже на лошадяхъ и быстро неслась по направленію къ югу. Десять миль пути. Знакома имъ эта дорога. Тѣсно прижавшись другъ къ другу, двадцать бѣлыхъ лошадей скачутъ ровнымъ, мѣрнымъ галопомъ — величественное зрѣлище въ ясную, морозную октябрскую ночь!

Заря уже румянила востокъ, какъ вдругъ багровое зарево освѣтило и южный горизонтъ. Сердце полковника подсказало ему, чей домъ охватило это пламя. Они понеслись во весь духъ, но путь былъ далекъ, и красное пламя опережало ихъ.

Полковникъ Бротертофтъ не говорилъ ни слова. Онъ пришпоривалъ лошадь, отрядъ слѣдовалъ за нимъ по пятамъ, огонь отражался на ихъ латахъ и свѣтился въ глазахъ ихъ лошадей.

Спасены! да, пусть гибнетъ домъ — но его жена внѣ опасности, внѣ опасности его милый сынъ, его маленькій тезка Эдвинъ на рукахъ матери.

Мужественная женщина отбила мародеровъ. Но тщетно боролась она съ огнемъ, только одинъ уголъ дома уцѣлѣлъ. Это «новое, замѣчательное четырехугольное зданіе съ башнями на каждомъ углу, съ двумя большими дворами, съ прекрасной библіотекой, лежитъ въ живописной мѣстности; роскошный замокъ, во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательный—какъ описываетъ его дорожникъ 1620 г.—погибъ жертвою преданности своего господина дѣлу свободы.

— Безъ жертвъ нельзя служить дѣлу, спокойно замѣтилъ утромъ полковникъ, стоя съ прекрасной Люціей, своей женой передъ дымящимися развалинами.

Онъ окинулъ взоромъ родные холмы, зеленѣвшіе на западѣ, необозримыя болота, растилавшіяся на востокѣ и покрытыя густою травою,—и вся эта прежде близкая сердцу картина показалась ему теперь незнакомой, непривѣтной.

Но ему не было времени предаваться сожалѣніямъ; много дѣла предстояло впереди ему и его Бротертофтскимъ лошадямъ. Онъ долженъ оставить жену подъ покровительствомъ надежной стражи и спѣшить назадъ.

Настала минута разлуки. Красивая жена, самоотверженный воинъ, бѣлый конь, ребенокъ разбуженный, чтобы проститься съ отцемъ и испуганный его блестящими латами, все это представляло картину, достойную художнической кисти.

Полковникъ отправился на западъ, на встрѣчу парламентской арміи, и по мѣрѣ приближенія его къ тремъ линкольнскимъ башнямъ, онѣ заговорили съ нимъ на законномъ ему языкѣ соборнаго колокола Большого Тома.

Съ самаго дѣтства линкольнскій «Большой Томъ», тогда такой громкій и звучный, возбуждалъ, предостерегалъ, успокоивалъ и утѣшалъ его, напѣвая съ западнымъ вѣтромъ, то благочестивые гимны, то веселые романсы, то плѣнительные мадригалы, то страстныя пѣсни, которыя передать было бы невозможно даже тогда, «если бы на крыльяхъ всѣхъ линкольнскихъ гусей выросли чиненыя перья» и каждое перо превратилось бы въ поэта или музыканта.

А теперь у «Большого Тома» былъ одинъ только припѣвъ:

«На западъ, въ новый домъ за моремъ!»

Этотъ суровый призывъ грустно отзывался въ ушахъ пуританскаго полковника, потрясеннаго кровавыми ужасами войны.

— Да, мой старый оракулъ, отвѣчалъ онъ на этотъ призывъ, если наше дѣло будетъ проиграно, если мы утратимъ свободу здѣсь, я послушаюсь тебя и отправлюсь искать ее въ новомъ свѣтѣ.

Одно время дѣло казалось выиграннымъ. Англія завоевала свою свободу. Бротертофтъ спокойно вернулся въ свой домъ. Но его прежнее виликолѣпіе не могло быть возстановлено. Патріотъ потерялъ большую часть своего состоянія. Онъ былъ слишкомъ великодушенъ, чтобы требовать отъ своей торжествующей партіи вознагражденія за то, чѣмъ такъ охотно пожертвовалъ для блага народа. Онъ жилъ скромно и разсчетливо. Одну только роскошь дозволилъ онъ себѣ, въ воспоминаніе прежняго величія: онъ поручилъ Антонію Ванъ-Дику представить себя, жену, сына и бѣлаго коня въ ту минуту, когда онъ, на другое утро послѣ пожара, прощался съ своимъ семействомъ.

Тода смѣнялись годами, зеленый плющъ покрылъ развалины,

а линкольнскій Большой Томъ не повторялъ ни разу своего печальнаго призыва.

Время шло. Великій Оливеръ умеръ. Въ жилахъ кроткаго Ричарда не текла кровь протектора. Онъ не въ состояніи былъ управлять страною. «Да здравствуютъ кавалеры! Да здравствуетъ веселый король! Долой пуритане! Долой круглоголовые! Милости просимъ сюда, головорѣзы!»

Мрачные цвѣта смѣнились пестрыми тряпками, и герои — лакеями. Въ тюрьму, непреклонный Джонъ-Будаянъ! На службу, слабый Семъ-Пеписъ! Назадъ, въ твой ученый кабинетъ, слѣпой Джонъ-Мильтонъ! — пиши свой Потеряный рай. Въ Уайтголъ, Джонъ-Уильмотъ, графъ Рочестерскій, кропай *свою* поэму «Ничтожество». Да, прочь ханжи, ваши ботфорты воняютъ! Милости просимъ, надушенные прелаты въ батистѣ! Англійскіе колѣни преклоняются предъ любовницей короля. Гуди линкольнскій Большой Томъ, гуди твою заунывную похоронную пѣсню свободѣ!

Звучи торжественно, линкольнскій Большой Томъ, повтори полковнику Бротертофту твой суровый призывъ!

И мѣрно звучитъ въ воздухѣ приговоръ изгнанія:

«На западъ, въ новый домъ за моремъ».

Съ каждымъ днемъ нація падала все ниже и ниже.

Съ каждымъ днемъ большой колоколъ все настойчивѣе и настойчивѣе уговаривалъ лорда Бротертофта отрясти прахъ отъ ногъ своихъ и удалиться изъ рабски-малодушной страны. Погибли его юношескія надежды. Его старые товарищи или убиты, или молчатъ. Онъ рѣшился ѣхать.

И въ то самое время, въ 1665 г., когда послѣдняя искра свободы потухла въ Англіи, Уинтонъ конектикутскій писалъ своему другу въ бротертофтскій замокъ: «Мы овладѣли провинціей въ Новыхъ Нидерландахъ. Земля хорошая, расположена по берегамъ большой, широкой рѣки. Продавай свой замокъ, забирай всѣхъ своихъ людей и пріѣзжай къ намъ. Нашимъ новымъ колоніямъ нужны такіе люди, какъ ты. У насъ вдоволь и свинины, и псалмопѣній, мало только джентльменовъ и лэди.»

Прощай, Англія, проклятая, развращенная страна! Линкольнскій Большой Томъ прозвучалъ послѣднее: *прощай*, и величавая

башня св. Ботофа въ Бостонѣ была свидѣтельницей отъѣзда добровольныхъ изгнанниковъ.

II.

Голландскій бригъ съ неуклюжимъ носомъ и толстою, какъ шишка, кормою, бросилъ якорь въ Нью-Іоркской гавани. Онъ привезъ въ этотъ ясный осенній день 1665 г. новыхъ переселенцевъ изъ Англіи. Пассажиры сходятъ на берегъ; полковникъ Бротертофтъ съ семействомъ. Добро пожаловать рыцарь-джентельменъ въ эту непривѣтную страну! Вы и люди нашего сословія нужны здѣсь. Вслѣдъ за полковникомъ сходитъ на берегъ толпа линкольншайерцевъ, его старыхъ фермеровъ и солдатъ.

Сойдя на берегъ они, какъ всѣ новопріѣзжіе, съ недоумѣніемъ озираются по сторонамъ. Потомъ садятся на свои чемоданы, и какъ бы имъ хотѣлось снова быть на родинѣ. Глаза ихъ останавливаются на городской висѣлицѣ, самомъ выдающемся предметѣ на набережной, и они убѣждаются, что преступленіе по пятамъ слѣдуетъ за человѣкомъ. Угрюмый индѣецъ подплываетъ къ берегу, и при видѣ его волосы у нихъ становятся дыбомъ.

Хитрый голландецъ—прародитель нынѣшнихъ мелкихъ торгашей,—подходитъ къ нимъ съ соблазнительнымъ приглашеніемъ: «Пива, пива!» Они рѣшительно качаютъ головами и отвѣчаютъ: «Не надо!»

Полковникъ Бротертофтъ былъ принятъ съ подобающимъ почетомъ губернаторомъ Никольсомъ и маіоромъ Миллетомъ. Старый Петеръ Стювесантъ пересталъ жалѣть, что голландцевъ отсылаютъ по домамъ курить и тупѣть, видя, что такіе люди, какъ этотъ поселенецъ, занимаютъ ихъ мѣста.

Полковникъ осмотрѣлъ «большую, широкую рѣку,» которую такъ расхваливалъ Уинтропъ конектикутскій въ письмѣ къ нему. Онъ могъ выбирать любое мѣсто въ этой прекрасной долинѣ. Земли отдавались за бездѣнокъ.

Лордъ Бротертофтъ выбралъ для своего новаго бротертофтскаго замка мѣсто въ Уестчестерскомъ графствѣ на границѣ Гудсоновой возвышенности. Спутники его также скоро нашли себѣ

землю. Но имъ, привыкшимъ къ болотамъ, не по душѣ пришлись горы, и потому большая часть ихъ переселилась въ равнину.

Состояніе новаго землевладѣльца было весьма значительно для Америки. Часть его онъ употребилъ на постройку новаго дома, по образцу той части стараго замка, которую пощадилъ пожаръ. Страннымъ, экзотическимъ растеніемъ казался этотъ домъ среди окружавшей его пустыни. Замѣчательное каменное зданіе, съ своею естроконечною башнею, съ своимъ стрѣльчатымъ окномъ и великолѣпнымъ портикомъ, являлось какой-то оригинальной странностью среди пней срубленнаго лѣса.

Такой же аномаліей была и жизнь, которую велъ здѣсь добровольный изгнанникъ. Онъ окружилъ себя прежней обстановкой стараго братертофтскаго замка: повѣсилъ на стѣнѣ картину Ванъ-Дика, на столѣ его красовался списокъ новой поэмы Мильтона: «Потерянный Рай!»

Но юношеская сила и пылкость полковника исчезли безвозвратно. Рабство родины давило его сердце тоской. Грубая прозаическая обстановка жизни переселенца тяготила его.

Теперь, когда онъ покинулъ Англію и переселился со всѣмъ своимъ родомъ въ Новый свѣтъ—ему ничего болѣе не оставалось дѣлать въ жизни. Вся дѣятельность и всѣ надежды на будущее принадлежали его сыну.

Основатель бротертофтскаго замка умеръ. Главою семьи сталъ второй Эдвинъ, молодой Астіанаксъ Вандиковой картины.

Ему наслѣдовалъ третій Эдвинъ, третьему—четвертый и наконецъ въ 1736 году родился пятый Эдвинъ Бротертофтъ.

Онъ былъ единственнымъ сыномъ, какъ и каждый изъ его предковъ. На этихъ страницахъ мы передадимъ его радости и печали, разскажемъ о великомъ кризисѣ его жизни. Съ исторіями подобнаго рода можно теперь встрѣтиться на каждомъ шагу, но его исторія скрывается въ полумракѣ недавняго прошлаго.

Бротертофты не разбогатѣли въ Новомъ Свѣтѣ. Съ каждымъ Эдвиномъ количество родовой земли уменьшалось, замокъ дряхлѣлъ и обсыпался, мебель изнашивалась и ломалась, имя ста-

новилось менѣе и менѣе извѣстнымъ среди быстро развивающихся колоній.

Но каждый Эдвинъ съ мечомъ и портретомъ перваго американскаго прадѣда передавалъ еще болѣе драгоцѣнное фамильное наслѣдіе—незапятнанную честь, нѣжное сердце, щедрую руку, однимъ словомъ, всѣ тѣ физическія и нравственныя качества, которыя украшаютъ джентльмена.

Каждый изъ нихъ считалъ своей обязанностью служить типомъ джентльмена своего времени.

Можетъ быть, этого было и довольно. Можетъ быть, судьба нарочно удалила ихъ отъ всякой другой дѣятельности. Судьба такъ тщательно вырабатывала въ теченіи многихъ поколѣній типъ истиннаго мерзавца—неужели употребитъ она меньше усилій для выработки противоположнаго типа?

Всѣ жены Бротертофтовъ были женственными образцами того же джентльменскаго типа. Всѣ онѣ вполнѣ соотвѣтствовали своимъ мужьямъ. Потомки ихъ были, такъ сказать, отлиты въ одну форму. Ни одинъ изъ сыновей Бротертофтовъ не могъ сдѣлаться отцомъ новаго сильнаго рода съ непреклонною волею, предназначенною къ великимъ подвигамъ отъ самой колыбели.

Они не только не были въ состояніи присвоить себѣ чего нибудь чужого, но и не умѣли сохранить своего. Каждый изъ нихъ сознавалъ въ себѣ присутствіе какой-то скрытой силы, но такъ и оставлялъ ее скрытою. Всѣ они отличались слабымъ тѣлосложеніемъ и умирали въ молодости, подобно нѣжнымъ, экзотическимъ растеніямъ. То была кроткая, апатичная, бездѣятельная, вырождающаяся раса, богато одаренная всѣмъ, что очаровываетъ и плѣняетъ, но вполнѣ лишенная всякой энергіи.

Но оставимъ этотъ длинный рядъ тѣней, и перейдемъ къ живому герою!

III

Пятый Эдвинъ Бротертофтъ, провелъ два года въ Оксфордѣ, среди мирныхъ занятій и сладкихъ иллюзій молодости.

У богатыхъ семействъ было въ то время обыкновеніе посылать молодыхъ людей въ Англію учиться и англизироваться.

Новый свѣтъ производилъ великолѣпныхъ землепашцевъ и лѣсовщиковъ; колонисты отличались практическою смѣткою и знали, что дважды два—четыре. Но классическая, многотомная ученость—была не въ характерѣ этой страны. На фабрикахъ Массачусета и Кенектикута, въ Горвардѣ и Айлѣ, фабриковалась, сравнительно довольно сносная, но все-таки весьма посредственная ученость для домашняго обихода, — и потому, люди зажиточные отдавали, въ этомъ случаѣ, предпочтеніе англійскому уму. Эдвинъ отправился въ Англію дѣлаться англоманомъ. Но судьба судила иначе. Студенческая его карьера въ Оксфордѣ кончилась самымъ неожиданнымъ образомъ.

Онъ получилъ отъ отца письмо слѣдующаго содержанія: «Я умираю раннею смертью Бротертофтовъ. Я былъ такъ глупъ, что растратилъ остатки нашего состоянія. Возвращайся домой и прости меня».

Очаровательный Оксфордъ! Величественные шпицы и башни, древніе монастыри, мрачныя капеллы, роскошные дворцы, зеленѣющіе сады, густыя, вязовыя аллеи, располагающія къ мечтательности, сотоварищество серьезныхъ умовъ, спокойная, правильная жизнь, борьба безъ страданій,—какъ тяжело было молодому человѣку покинуть все это!

Въ половинѣ января 1757 года вернулся онъ въ родной домъ.

Унылая картина представилась его глазамъ. Рѣка замерзла; Дундербергъ и вся окрестность была покрыта снѣгомъ; деревья, какъ бы тротестующія противъ зимняго холода, одѣлись поблекшею листвою; полу-развалившійся замокъ ясно свидѣтельствовалъ о бѣдственномъ положеніи его владѣльцевъ.

— Владѣльцевъ, по чужой милости! говорилъ отецъ сыну, въ той самой залѣ, гдѣ висѣла картина Вандика.

— По чьей милости? спросилъ Эдвинъ.

— По милости полковника Биллопа.

— Я никогда не слыхалъ этого имени.

— Это одинъ отставной офицеръ на половинномъ жалованьи, бывшій подрядчикъ арміи, сухой, жестокій человѣкъ. Онъ нажилъ большое состояніе, какъ всѣ подобные люди..

— Что же, отецъ, слѣдовать и мнѣ его примѣру? Вѣдь и мнѣ нужно поправить свое состояніе.

— А какъ ты думаешь, можешь ты торговать съ индѣйцами, какъ онъ,—горсть бисеру, штофъ водки за цѣлый возъ бобровыхъ шкуръ?

— Едва ли.

— А позволитъ тебѣ твоя совѣсть кормить солдатъ кониной?

— Ну нѣтъ, я слишкомъ люблю лошадей, чтобы позволять ихъ пожирать,

— А можешь ты сдѣлаться ростовщикомъ, тянуть съ бѣдняка послѣднюю копѣйку, пользуясь его стѣсненными обстоятельствами?

— Развѣ онъ это дѣлаетъ?

— Еще бы. А къ довершенію всего могъ ли бы ты завлечь довѣрчиваго друга въ заманчивую спекуляцію, взвалить на его плечи всю отвѣтственность по дѣлу, и когда спекуляція лопнетъ дать ему средство уплатить убытки, взявъ подъ залогъ все его имущество? Такъ онъ поступилъ со мной. Ну что же, сынъ мой, можешь ты слѣдовать его примѣру? спросилъ Эдвинъ старшій, съ истинно-джентльменскимъ презрѣніемъ.

— Нѣтъ, я не рожденъ для подлости и корысти, отвѣчалъ Эдвинъ младшій, съ истинно-джентльменскимъ негодованіемъ. Неужели можетъ пойдти въ прокъ состояніе, нажитое подобнымъ образомъ?

— Биллопу оно не пойдетъ въ прокъ. Его наслѣдникамъ достанется то состояніе, котораго лишится мой сынъ.

Эдвинъ не могъ спокойно думать о смерти отца, и чтобы удержаться отъ слезъ, онъ продолжалъ распросы.

— Такъ у него есть наслѣдники, у нашего жалкаго преемника?

— Одинъ, дочь или сынъ, не помню навѣрное.

— Во всякомъ случаѣ, надѣюсь, новый владѣлецъ съумѣетъ сберечь наше древнее помѣстье до тѣхъ поръ, пока я снова не возвращу его вамъ.

— Какъ ты утѣшилъ меня, другъ мой, сказалъ отецъ, и улыбка мелькнула на его истощенномъ, печальномъ лицѣ. Я думалъ, что наше разореніе страшно поразитъ тебя.

— Меня приводитъ въ восторгъ самая мысль о трудѣ, съ гордостью отвѣчалъ сынъ.

— Нужда всегда могла возбудить къ дѣятельности Бротертофтовъ, сказалъ отецъ, какъ бы въ оправданіе себѣ и своимъ предкамъ.

— Ну такъ нужда познакомитъ насъ съ успѣхомъ Я добьюсь его, и вы раздѣлите его со мной.

— Душой, а не тѣломъ. Но довольно объ этомъ. Гдѣ же начнешь ты свою новую дѣятельность?

— Здѣсь или тамъ. Онъ указалъ на Вандикову группу, изображавшую полковника съ семьей. Предокъ съ любовью глядѣлъ на своихъ потомковъ. Оба они такъ походили на нѣжнаго героя-джентельмена.

— Здѣсь, или въ странѣ нашихъ предковъ? продолжалъ отецъ. Ты можешь выбирать. Эти тупые, развратные ганноверцы на англійскомъ тронѣ доведутъ насъ до революціи, какъ Стюарты довели родину нашихъ предковъ.

— Такъ Уестчестеру нуженъ будетъ Бротертофтъ, какъ онъ былъ нуженъ Линкольншайру, вскричалъ Эдвинъ съ жаромъ. Щеки его пылали, глаза блестѣли, казалось, самъ полковникъ ожилъ во всей силѣ своей молодости и сошелъ съ полотна.

Сердце отца замерло отъ восторга. Жизнь, переданная такому сыну, не могла считаться пропащею.

— Не станемъ предаваться мечтамъ, другъ мой, прибавилъ онъ спокойнѣе,—благоразуміе должно брать верхъ надъ увлеченіемъ—человѣкъ съ твоими способностями, съ твоимъ образованіемъ, съ твоей наружностью можетъ составить себѣ блестящую карьеру въ Англіи. Тамошніе друзья не забываютъ насъ, какъ ты знаешь, не смотря на наше долгое отсутствіе. Когда я умру, когда замокъ перейдетъ въ чужія руки,—ничто не будетъ привязывать тебя къ Америкѣ.

— Я люблю Англію! отвѣчалъ Эдвинъ. Я люблю Оксфордъ! Въ немъ сосредоточена вся исторія, вся поэзія, вся надежда Англіи. Но, (онъ обратился къ портрету) полковникъ перевезъ насъ въ Новый свѣтъ. Онъ никогда не простилъ бы намъ, если бы мы промѣняли большой корабль на маленькую шлюпку.

Очевидно, что молодой джентльменъ еще не сдѣлался англома-

номъ. Онъ продолжалъ весело развивать свою мысль:—Правда, говорилъ онъ, большой корабль везетъ только сосновый лѣсъ, экипажъ его состоитъ изъ однихъ грубыхъ индѣйцевъ, а шлюпка напротивъ нагружена брильянтами, рулемъ ея правитъ король, паруса натягиваютъ пэры, но все-таки я житель материка, принадлежу материку по своимъ мнѣніямъ, идеямъ и стремленіямъ и никогда не соглашусь сдѣлаться островитяниномъ. И оба джентльмена весело принялись развивать эту тему и строить радужные планы насчетъ будущаго. Они боялись говорить серьезно, чтобы не расшевелить своего горя.

Но горе было неизбѣжно. Они чувствовали, что за этимъ свиданіемъ настанетъ длинный рядъ прощаній.

Какъ росла и крѣпла взаимная любовь отца и сына въ эти короткія зимнія недѣли! Умирающій чувствовалъ, что его земное существованіе дополняется любовью сына. Онъ велъ до сихъ поръ такую уединенную жизнь. Неотесанная грубость его сосѣдей-землевладѣльцевъ отталкивала его. Ранняя смерть жены глубоко потрясла его и оставила совершенно одинокимъ. Послѣ этого не случилось ничего, что бы могло возбудить и оживить потухавшую энергію этого человѣка.

— Можетъ быть, говорилъ онъ, я бы не велъ такой пассивной апатичной жизни, если бы была жива твоя мать. Она помогла бы мнѣ осуществить на дѣлѣ мои благородныя стремленія. Любовь это великій двигатель жизни. Люби разумно сынъ мой. Иначе жизнь твоя будетъ рядомъ неудачъ, паденій и позора.

Казалось предсмертное провидѣніе внушило умирающему эти пророческія слова. То было послѣднее предостереженіе отца сыну.

Подъ теплымъ мартовскимъ вѣтромъ растаялъ снѣгъ на кладбищѣ Бротертофтскаго замка; немного снѣгу нужно было разчистить передъ входомъ въ фамильный склепъ, куда положенъ былъ четвертый Эдвинъ Бротертофтъ, рядомъ съ своими предками.

IV.

Четверо богатыхъ землевладѣльцевъ почтили своимъ присутствіемъ похороны Эдвина. Это были: Ванъ-Кортлэндъ, Филиппсъ

съ своимъ зятемъ Беверлеемъ Робинзономъ и Левингстонъ изъ Гайлэнда.

Проводивъ своего друга въ склепъ, они вернулись въ замокъ, попить и поѣсть за упокой усопшаго.

Негръ рѣзалъ кушанья и раскупоривалъ бутылки; онъ имѣлъ важный видъ и распоряжался ножомъ и пробочникомъ съ большимъ достоинствомъ. Звали его Вольтеромъ, и, кажется, онъ гордился именемъ этого великаго мыслителя.

Гости кушали съ большимъ аппетитомъ, потомъ взялись за стаканы и тяжело вздохнули о смерти еще одного изъ «своихъ».

— Вѣдь я слышалъ, что все его имущество въ залогѣ, сказалъ Филиппсъ, стараясь настроить свой голосъ на печальный тонъ.

— Биллопъ все приберетъ къ своимъ рукамъ, проклятый ростовщикъ, прибавилъ Ванъ-Кортлэйдъ, смотря мрачно на своихъ товарищей и нѣжно на свой стаканъ.

— Ну, онъ слишкомъ далеко отсюда, чтобы могъ прибрать что нибудь къ своимъ рукамъ. Чортъ взялъ его къ себѣ. Онъ умеръ три дня тому назадъ, сказалъ Беверлей Робинзонъ.

— Прекрасная Дженни Биллопъ сдѣлается теперь богатой наслѣдницею, возразилъ Ливингстонъ. Смотрите, Филиппсъ, опасная соперница для вашихъ дочерей!

— Мои дочери, милостивый государь, не соперничаютъ съ подобными людьми.

— Полноте, джентльмены, весело вмѣшался Ванъ-Кортлэндъ. Выпьемте еще по стакану за здоровье нашего друга, жаль что его самого нѣтъ здѣсь; но бѣднягѣ нужно выплакаться на-единѣ. Какъ намъ помочь ему? Вѣдь мы должны постоять за свое сословіе.

— Да, сословіе это еще крѣпко, когда оно можетъ производить такихъ preux chevaliers, какъ онъ, сказалъ Ливингстонъ. Какъ намъ помочь ему? Возьмите его въ зятья, Филиппсъ! Вѣдь, я думаю, ваша прелестная Мери еще свободна. Георгъ Вашингтонъ изъ Виргиніи уѣхалъ, кажется, ни съ чѣмъ. Отрѣжьте двадцать, тридцать акровъ отъ вашего помѣстья, пожените молодыхъ людей, и дѣло будетъ устроено! Вы ужь слишмомъ богаты для здѣшней страны и для нашего вѣка.

Эта шутка разсердила Адольфа Филиппса.

— Господинъ Ливингстонъ, началъ онъ пыхтя и побагровѣвъ.

— Полноте, джентльмены, вскричалъ примиритель, Ванъ-Кортлэндтъ, у меня родился въ головѣ великолѣпный планъ, насчетъ молодого Бротертофта!

— Какой? спросили всѣ въ одинъ голосъ.

— Онъ долженъ жениться на Дженни Биллопъ.

— Онъ долженъ жениться на Дженни Биллопъ! сказали всѣ въ одинъ голосъ.

— Еще по стакану! за хорошую выдумку!—вскричалъ Ванъ-Кортлэндъ.

— Еще по стакану, восторженно вторило ему дружное эхо.

— За здоровье красавицы! провозгласилъ Ванъ-Кортлэндтъ, чокаясь съ Филиппсомъ.

— За здоровье богатой наслѣдницы! возразилъ Филиппсъ, тоже чокаясь.

— За сироту и единственную дочь! сказалъ Робинсонъ, чокаясь съ своимъ сосѣдомъ.

— Пью за плѣнительныя шестнадцать лѣтъ! сказалъ Ливингстонъ, посылая воздушные поцѣлуи, и довершая кругъ чоканья.

Эти молодые кутилы, старые и молодые, принадлежали къ расѣ уже угасавшей, подобно татуированнымъ племенамъ, мѣсто которыхъ она заступила. Прежде всего явились сюда красножіе номады и разсыпались по всему континенту. Потомъ—эти богатые землевладѣльцы, прибравшіе къ своимъ рукамъ всю страну. И наконецъ—беззаботный джентльменъ нашихъ дней,—номадъ въ молодости, осѣдлый житель—въ зрѣлости, но вообще ничѣмъ непривязанный къ мѣсту, неимѣющій никакого опредѣленнаго жилища, всегда готовый переходить съ мѣста на мѣсто, безъ всякой поклажи, кромѣ остроумія въ головѣ, и купоновъ—въ карманѣ.

— Окончивъ поминки, джентльмены пошли попрощаться съ Эдвиномъ. Его глубокая печаль дѣлала совершенно неумѣстными всякіе намеки насчетъ предположеннаго сватовства.

Но веселому Ванъ-Кортлэндту очень хотѣлось сказать моло-

дому человѣку, положивъ по-пріятельски руку на его плечо,—«не грустите», omnes morituri—какъ мы говорили въ школѣ. Послушайте-ка лучше, какую славную невѣсту мы вамъ нашли. Когда этотъ маленькій спичъ составился въ его головѣ, онъ сообщилъ его Ливингстону.

— Оставьте его, сказалъ этотъ «magister morum». Вы также много смыслите въ любви, какъ и въ латынѣ. Свадьба эта, безъ сомнѣнія, уже рѣшена на небесахъ. Дѣло сдѣлается само собою. Я замолвлю о немъ словечко Дженни, и сдѣлаю для него все, что могу. Я люблю джентльменовъ!

— И я, конечно, сказалъ Ванъ; и затѣмъ онъ по пріятельски пригласилъ въ свой замокъ молодого человѣка, удостоеннаго такого лестнаго титула.

Остальные гости послѣдовали его примѣру, и предложили къ его услугамъ свои дома, свой очагъ, свои сердца. Потомъ они сѣли на лошадей и разъѣхались по своимъ дорогамъ.

А Эдвинъ Бротертофтъ сидѣлъ одинокій въ своемъ уединенномъ домѣ,—домѣ уже не принадлежавшемъ ему больше.

Одинокій, одинокій!

Пусто было мѣсто у камина, гдѣ обыкновенно сидѣлъ его отецъ. Пусто было въ комнатѣ, гдѣ онъ лежалъ столько дней, медленно разставаясь съ жизнью. Повсюду царствовало гробовое безмолвіе,—безмолвіе, не нарушаемое болѣе ни тихими словами любви, ни нѣжными увѣщаніями, ни полувнятнымъ шопотомъ леденѣющихъ губъ. Нѣтъ уже той руки, которую онъ такъ любилъ пожимать. Нѣтъ дорогого лица, такъ сладко улыбавшагося ему, при пробужденіи. Не слышно родного голоса,—повсюду пустота и безмолвіе въ этомъ уединенномъ домѣ.

А если иногда, въ минуту забытья, ему казалось, что отецъ снова сидитъ на старомъ мѣстѣ,—какая грусть и отчаяніе свѣтились въ чертахъ знакомаго лица! Такъ много еще нужно было сказать,—такъ много осталось на вѣки недосказаннымъ!

А иногда казалось, что другое горе омрачало лицо отца; и Эдвинъ думалъ: «онъ умеръ, не узнавъ, какъ горячо я его любилъ! Никогда, кажется я не былъ къ нему холоденъ или невнимателенъ! А, между тѣмъ, это печальное лицо какъ будто упрекаетъ меня за недостатокъ сыновней привязанности»!

Все мрачнѣе и мрачнѣе становился уединенный домъ.

Вскорѣ отъ м-ра Скатса, повѣреннаго и душеприкащика полковника Биллопа, получено было письмо слѣдующаго содержанія: «Неисповѣдимое провидѣніе отозвало полковника Биллопа изъ этой жизни. Мнѣ бы не хотѣлось, при настоящихъ обстоятельствахъ, безпокоить васъ, м-ръ Бротертофтъ. Однако мнѣ желательно бы было, какъ можно скорѣе, вступить во владѣніе замкомъ.

Съ искреннимъ почтеніемъ и проч.
Скервей Скатсъ.

Все было заложено, даже безцѣнный портретъ пуританскаго полковника. Безчеловѣчная корысть на все наложила свою безжалостную руку.

Эдвинъ не желалъ быть свидѣтелемъ, какъ какой нибудь Скервей Скатсъ станетъ описывать его родовое имущество. Онъ поручилъ сквайру Дьюнту покончить за него дѣла съ повѣреннымъ новаго владѣльца.

Нью-Іоркъ начиналъ уже въ это время пріобрѣтать значеніе. Торговля его оживлялась подвозомъ хлѣба съ Гудсона. Эдвинъ твердо былъ увѣренъ, что тамъ, съ его головою и руками, можно будетъ заработать кусокъ хлѣба.

Онъ уже совсѣмъ собрался въ дорогу, когда къ нему пришелъ старый и вѣрный Сэмъ, съ кошелькомъ гиней и красивою, бѣлою кобылою, линкольншайрской породы, въ родѣ той кобылы, на которой обыкновенно ѣздилъ полковникъ Бротертофтъ, обращая въ бѣгство солдатъ принца Рюперта.

— Сквайръ Дьюнтъ сказалъ мнѣ, что вы собирастесь въ Іоркъ пѣшкомъ, началъ Сэмъ.

— Да, отвѣчалъ Эдвинъ; у меня здоровыя ноги.

— По контракту я былъ обязанъ поставлять ежегодно сверхъ ренты жеребца, продолжалъ Сэмъ; а при каждомъ пріѣздѣ наслѣдника замка приводить ему шестигодовалую кобылу. Въ теченіе послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ отецъ вашъ не бралъ отъ меня жеребцовъ. Онъ говорилъ, что стоитъ противъ всякихъ поборовъ и вычеркнулъ эту статью изъ моего контракта. Но я откладывалъ ему на чорный день то, что стоилъ каждый жеребецъ. Въ этомъ кошелькѣ—цѣна двѣнадцати жеребцовъ, а эта кобыла доказы-

ваетъ вамъ, что я признаю васъ законнымъ владѣльцемъ и моей фермы и всего замка. И кобыла, и доллары ваши, мистеръ Эдвинъ.

Эдвинъ покачалъ головой.—Вы очень добры, Сэмъ, но въ моихъ жилахъ течетъ отцовская кровь, и я также противникъ всякихъ поборовъ.

— Сорокъ лѣтъ любилъ я вашего отца, неужели же я потерплю, чтобы сынъ его ушелъ отсюда пѣшкомъ. Возьмите кобылу, не то она у меня совсѣмъ застоится, я слишкомъ тяжелъ для нея.

Эта преданность омягчила гордость Эдвина.

— Я возьму ее, Сэмъ, благодарю васъ. И дайте мнѣ пенни на счастье изъ вашего кошелька.

— Такъ вы не хотите взять всѣхъ денегъ? возразилъ Сэмъ жалобнымъ тономъ.

— Нѣтъ.

На слѣдующее утро грустный Эдвинъ покинулъ отцовскій домъ.

Холодный, рѣзкій мартовскій вѣтеръ дулъ ему въ спину, заметая хвостъ хобылы между ногъ. Дурное предзнаменованіе.

Но когда на другой день, рано утромъ, проѣхавъ королевскій мостъ, онъ вступилъ въ страну, гдѣ должна была начаться его новая дѣятельность; гольфстремскій вѣтерокъ, принося съ собою благоуханіе банановъ и шелестъ пальмовыхъ листьевъ, пахнулъ ему въ лицо дружескимъ привѣтомъ и предвѣстіемъ успѣха.

V.

Молодой, красивый, съ англійскимъ образованіемъ, съ сердцемъ и манерами истиннаго джентльмена, съ саблею пуританскаго полковника, явился Эдвинъ Бротертофтъ въ Нью-Іоркъ,— пробивать раковину своей устрицы.

«Покоясь въ мрачномъ безмолвіи» — свѣтъ, эта устрица, лежитъ въ своей раковинѣ, недоступный ножу подлецовъ.

Но при первомъ прикосновеніи Эдвина раковина раскрылась.

Какъ отрадно юношѣ, когда раковина сама открывается и сама предлагаетъ ему лакомый кусокъ.

Она всегда готова раскрыться для Эдвиновъ Бротертофтовъ. Они, такая рѣдкость,—истые джентельмены!

Да, рѣдкостью они были въ то время, рѣдки и теперь, также рѣдки, какъ великіе поэты, великіе живописцы, великіе пророки, великіе дѣятели. Если бы я ихъ вздумалъ перечислять, то ихъ оказалось бы меньше, чѣмъ пальцевъ на моей правой рукѣ. Зато, начни я считать всѣхъ современныхъ негодяевъ,—мнѣ не хватило бы рукъ и десяти Бріаріусовъ. Такъ много приходится тѣни на каждый лучъ свѣта!

Появленіе молодого Бротертофта въ Нью-Іоркѣ обратило на него всеобщее вниманіе.

— Вотъ онъ, смотрите, слышалось отовсюду, какъ хорошъ, какъ граціозенъ, какъ онъ кланяется, какія изящныя манеры, онъ обезоруживаетъ всякаго противника! Но онъ не будетъ злоупотреблять своимъ превосходствомъ. Онъ великодушенъ и имѣетъ какія-то старинно-рыцарскія понятія о чести! Онъ свято держится того правила, что лежачаго не бьютъ. По его мнѣнію, врагамъ слѣдуетъ прощать, а друзей поддерживать во что бы то ни стало! Ничего, такія бредни простительны молодому аристократу.

И Нью-Іоркъ принялъ молодого аристократа также дружелюбно, какъ онъ принимаетъ подобныхъ людей и теперь, когда его народонаселеніе увеличилось чуть-ли не во сто разъ.

Знаменитѣйшій изъ городскихъ адвокатовъ явился къ нему съ своими предложеніями: «не желаете ли вы поступить въ мою контору и заняться перепискою бумагъ, за фунтъ стерлинговъ въ недѣлю. Черезъ годъ вы сдѣлаетесь въ тюрьмѣ Гортензіемъ?»

Богатѣйшій изъ городскихъ купцовъ сказалъ ему:

Если вы въ состояніи выносить запахъ рому, трески и бобровыхъ шкуръ, то поступайте въ мою контору,—я дамъ вамъ 100 ф. въ годъ; займитесь моей корреспонденціей. Конечно я не могу еще обѣщать вамъ ничего положительнаго, но, очень можетъ быть, мнѣ понадобится вскорѣ компаньонъ».

Губернаторъ и начальникъ городской стражи,—тупоумные и невѣжественные, какъ большая часть чиновниковъ,—призывали

къ себѣ молодого Бротертофта и говорили ему съ таинственнымъ видомъ: «я приготовилъ декретъ, просмотрите его, разставьте знаки препинанія, вклейте нѣсколько фразъ о Греціи, Римѣ, о Великой Хартіи, приведите нѣсколько латинскихъ цитатъ; и, ручаюсь, я отыщу вамъ тепленькое мѣстечко!».

Ливингстонская партія предлагала выбрать его въ депутаты, если онъ будетъ бороться противъ Де-Лансе. Де-Лансейцы въ свою очередь говорили ему: «будьте нашимъ представителемъ, и замажьте рты этимъ радикаламъ!»

Лордъ Лудонъ, главный начальникъ войска, клялся, что Бротертофтъ—единственный джентльменъ изъ всѣхъ провинціаловъ. «Вы, говорилъ онъ ему, такъ хорошо знаете и по-ирокезки и по-французски,— будьте моимъ секретаремъ; и... чортъ меня возьми, если я не достану вамъ мѣста въ арміи!»

Королевская коллегія, только что открытая для распространенія просвѣщенія въ колоніяхъ, пригласила молодого оксфордца, занять каѳедру математики, языковъ, литературы, или вообще какую ему вздумается; туземные ученые мало смекали въ этихъ наукахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, весь провинціальный міръ преклонился передъ счастливымъ юношею, и умолялъ его:

— Будьте нашимъ представителемъ, молодой американецъ! Убѣдите нашу несправедливую мать-родину:

Что мы не говоримъ въ носъ;

Что нашъ языкъ—самостоятельный языкъ;

Что мы не рабы всемогущаго Вампума;

Что у насъ водятся не только обширныя озера, длинныя рѣки, глубокія пещеры и дикія пустыни, но и изящнѣйшіе джентльмены!

Цѣлыя мели устричныхъ раковинъ окружали нашего героя.

Но, увы, онъ предпочелъ жемчужину!

VI.

Прекрасной Джени Биллопъ нуженъ былъ мужъ. Зеркало говорило ей, что она красавица, завѣща ніе отца — что она бога-

тая наслѣдница. Она рѣшилась разставить сѣти при первомъ удобномъ случаѣ. «Онъ долженъ быть знатенъ, мечтала молодая лэди, онъ долженъ обѣщать мнѣ сдѣлаться великимъ человѣкомъ. Онъ долженъ любить меня до безумія. Я ненавижу имя Биллоповъ! Ко мнѣ такъ пойдетъ вѣнчальное платье!» Она была еще очень молода и развита не по лѣтамъ, оставшись безъ матери одна съ грубымъ отцомъ, разбогатѣвшимъ плутнями. Богатые негодяи всегда воображаютъ, что дѣти унаслѣдуютъ только ихъ богатство, а не ихъ пороки. Они удивляются, когда ихъ нравственная низость отразится на какой нибудь новой чертѣ характера ихъ потомства. Лучше не воруйте и не тѣсните бѣдныхъ, нѣжные родители, если хотите, чтобы дочери ваши были невинны, а сыновья честны. Полковнику Биллопу не удалось узнать, какого рода наслѣдницу породила его безжалостная скупость.

«Надо мнѣ познакомиться съ молодымъ Бротертофтомъ, продолжала мечтать Джени. Бѣдняжка, мнѣ досталось все его состояніе! Мистеръ Скатсъ говоритъ, что онъ очень изящный джентльменъ и будетъ однимъ изъ первыхъ людей въ провинціи. Онъ очень хорошъ собой и знаетъ разныхъ лордовъ и лэди въ Англіи! Посмотримъ! Я нигдѣ не могу встрѣтиться съ нимъ теперь, такъ скоро послѣ похоронъ. Но онъ можетъ придти ко мнѣ по дѣлу. Я представлюсь, что мнѣ такъ скучно и страшно одной! Что у меня нѣтъ ни одного друга. Всѣ льстятъ мнѣ, потому что я богата, а между тѣмъ презираютъ меня, потому что отецъ самъ нажилъ себѣ состояніе.»

Полковникъ Биллопъ старательно училъ дочь дѣловому порядку и соблюденію всѣхъ, самыхъ мелочныхъ приличій.

Она сѣла къ столу и твердымъ мужскимъ почеркомъ написала слѣдующую записку:

«Мистеръ Скатсъ, повѣренный миссъ Биллопъ, имѣетъ честь покорнѣйше просить мистера Бротертофта пожаловать завтра въ одинадцать часовъ утра въ Валь-Стритъ. Мистеръ Скатсъ узналъ, что въ замкѣ находится картина, дорогая для м. Бротертофта, и ему было бы весьма пріятно, если бы она осталась у прежняго владѣльца.»

Ловкая Джени! Для нея Вандикъ былъ только большая кар-

тина. Она запечатала письмо печатью полковника Биллопа съ его наивнымъ motto: «Per omnia ad apes» и отослала его.

Эдвинъ былъ въ восторгѣ при мысли, что портретъ прадѣда вернется къ нему. Сильное вліяніе производитъ портретъ предка, который смотритъ на наслѣдника своего имени, и говоритъ ему со всѣмъ краснорѣчіемъ неподвижнаго взора: «Я былъ радикаломъ въ свое время; слѣдуй моему примѣру! Я презиралъ старый деспотизмъ и старые предразсудки, я боролся за новую свободу, за новую вѣру; моя свобода и моя вѣра можетъ быть уже стали деспотизмомъ и предразсудкомъ въ твое время; ты борись за новыя! Я поклонялся истинному Богу моего времени;— можетъ быть другой, болѣе истинный, Богъ открылся твоему; служи ему всѣмъ сердцемъ».

Такой совѣтникъ безцѣненъ. Эдвинъ съ самымъ пріятнымъ расположеніемъ духа постучался у дверей въ Валь-Стритѣ.

Въ настоящее время здѣсь находится банкъ. Величественно и мрачно смотрятъ его гранитныя колонны. Въ скрипѣ его, то и знай отворяющихся и затворяющихся, дверей, какъ будто слышится счастливому заимодавцу: «Добро пожаловать!» а несчастному заемщику: «Прочь поди!»

На этомъ-то мѣстѣ стоялъ Эдвинъ Бротертофтъ, задумчиво созерцая мѣдную скобку у дверей.

Двери открылись, и его провели въ гостиную, убранную по модѣ того времени.

Но гдѣ же м-ръ Скервей Скатсъ?

Вмѣсто гаденькаго, худенькаго повѣреннаго, здѣсь былъ самъ его принципалъ—прелестная, смѣлая, энергическая молодая женщина, одѣтая въ глубокомъ траурѣ, который скрывалъ ея роскошную красоту и скрадывалъ свѣжій румянецъ ея щекъ.

При встрѣчѣ молодые люди нѣсколько сконфузились.

Онъ сконфузился отъ неожиданнаго появленія прелестной дѣвушки, вмѣсто отвратительнаго Скатса; она — при видѣ прекраснаго духа, вызваннаго ею. Онъ вдругъ почувствовалъ угрызеніе совѣсти за невольное предубѣжденіе, которое онъ питалъ къ неизвѣстной ему наслѣдницѣ, отнявшей у него отцовское достояніе; она сейчасъ же рѣшила, что этотъ юноша именно

и есть тотъ человѣкъ, котораго она должна поймать въ свои сѣти.

Станемъ ли мы здѣсь передавать ихъ дѣтскій лепетъ? Пожалуй, мы могли бы наполнить имъ цѣлую страницу, — и вышла бы очень веселая страница. Но въ нашемъ разсказѣ мы не можемъ долго останавливаться на всѣхъ подробностяхъ этого еще полудѣтскаго періода жизни нашихъ героевъ. Мы хотимъ только подготовить читателя къ ихъ дѣятельности, въ болѣе зрѣломъ возрастѣ.

Какъ только Эдвинъ Бротертофтъ вышелъ изъ гостиной наслѣдницы, она тотчасъ же подошла къ тому пюпитру, за которымъ сочинила приглашеніе отъ имени Скатса, взяла листъ чистой бумаги и написала:

Джени Бротертофтъ.

Потомъ то же самое съ росчеркомъ и безъ росчерка, потомъ старательно вывела весь титулъ:

Лэди Джени Бротертофтъ, изъ Бротертофтъ-Галля.

Послѣ этого она съ самоувѣреннымъ выраженіемъ въ лицѣ бросила пророческій автографъ въ огонь и не отводила отъ него глазъ, пока онъ не сгорѣлъ.

Надъ каминомъ висѣло зеркало, раздѣленное на три части позолоченными перекладинами. На верху сидѣлъ вызолоченный орелъ; двѣ гирлянды изъ луковицъ, въ видѣ гранадъ ниспадали отъ его клюва, по обѣ стороны зеркальной рамки. Цѣлый легіонъ толстенькихъ, маленькихъ херувимчиковъ, вызолоченныхъ и вычищенныхъ, цѣплялся за гирлянду, какъ бы вдыхая ароматъ цвѣтовъ. Джени посмотрѣла на себя въ зеркало, и внезапная краска еще болѣе увеличила яркій румянецъ ея щекъ. Казалось, каждый херувимъ лукаво улыбался; Джени скорчила гримасу, и въ это время взоръ ея упалъ на портретъ отца, который тоже, какъ будто смотрѣлъ на нее. Отецъ Джени принадлежалъ къ числу такихъ родителей, отъ которыхъ дѣти имѣютъ полное право отказаться, если кто нибудь спроситъ: «Что это за отвратительный человѣкъ, съ красною рожею, съ злыми, постоянно подмигивающими глазками?» Художникъ, черезъ-чуръ уже подкрасивъ его лице и набѣливъ его манжеты,

придалъ ему такой свирѣпый видъ, какого онъ не имѣлъ вѣроятно даже въ дѣйствительности.

Джени Биллопъ подошла къ портрету и обернула его къ стѣнѣ.

— Нечего тебѣ смотрѣть на меня и говорить, что я ухаживаю за Эдвиномъ Бротертофтомъ, говорила она сама съ собой:—Да, я ухаживаю за нимъ и рѣшилась женить его на себѣ. Онъ такъ хорошъ; но я почти ненавижу его; онъ заставляетъ меня сознавать мое невѣжество, грубость и пошлость. Да, я и не хочу заслуживать его уваженія. Впрочемъ, я думаю, что вся эта изящная утонченность—только маска, и онъ похожъ на всѣхъ остальныхъ людей. Кажется, онъ вполнѣ увѣренъ въ своемъ успѣхѣ въ свѣтѣ. Мы сдѣлаемся важными людьми въ провинціи. Куда бы ни переѣхали, повсюду будетъ раздаваться: вотъ знаменитый сэръ Эдвинъ Бротертофтъ и его блистательная супруга, лэди Джени. Люди перестанутъ смотрѣть на меня свысока, потому только, что мой отецъ умѣлъ наживать деньги, въ то время, какъ дураки ихъ проматывали. У меня будетъ такой же замокъ, какъ и у васъ, миссъ Мери Филиппсъ. И я гораздо красивѣе васъ и не старая дѣва. Щенокъ, маіоръ Кругеръ, не посмѣетъ тогда относиться ко мнѣ съ покровительственнымъ тономъ, а гордая Юлія Смитъ — задирать передо мною свой дряннoй носишко. Всѣ онѣ станутъ добиваться приглашенія на балъ лэди Бротертофтъ, когда окончится трауръ. Какъ они будутъ завидовать мнѣ за моего Эдвина! Какъ восхитительно онъ кланяется? Какой чудный голосъ! И іюнь — это самый лучшій мѣсяцъ для свадьбы!

Эдвинъ нашелъ свою жемчужину, или вѣрнѣе роскошный, блестящій рубинъ. Блескъ этого рубина ослѣпилъ его. На сердцѣ у него было такъ легко, что онъ не чувствовалъ ногъ подъ собою; ему казалось, что онъ можетъ вскочить на шпицъ колокольни Святой Троицы, въ Валь-Стритѣ. Онъ вышелъ изъ гостиной миссъ Биллопъ въ какомъ-то чаду, упоенный своимъ блаженствомъ,—онъ былъ не въ состояніи анализировать его.

Но едва онъ дошелъ до угла, какъ сердце заговорило въ немъ, заговорило—другимъ языкомъ, чѣмъ сердце Джени Биллопъ.

«Какая ослѣпительная красота! Съ какимъ истинно-женскимъ чутьемъ она поняла, что портретъ дорогъ для меня! Какъ великодушно и деликатно предложила она мнѣ его! А я еще смѣлъ чувствовать къ ней предубѣжденіе. Зато, какъ высоко станетъ она теперь въ моемъ мнѣніи, съ какою нѣжностью стану я о ней теперь думать!

«Бѣдное дитя! Одинокая сирота, какъ и я самъ! Изъ всего ея разговора видно было, какъ она жаждетъ сочувствія. И мое—она будетъ имѣть его; нѣтъ, болѣе—мою любовь! Да, да, мою любовь! Но я скрою ее въ глубинѣ своего сердца, я не выдамъ себя ни однимъ словомъ, пока моя будущность не будетъ вполнѣ обезпечена!

«Эта святая любовь подкрѣпитъ мою энергію и поддержитъ во мнѣ всѣ мои благородныя и чистыя стремленія. И ей-то я обязанъ этимъ благотворнымъ вліяніемъ. Не смотря на всеобщее расположеніе ко мнѣ, я все-таки чувствовалъ себя одинокимъ, тоска щемила мое сердце! Теперь мнѣ весело! Всякій мнѣ другъ,—всѣхъ я люблю. Звоните громче и радостнѣе, колокола Троицы! На что вы сзываете народъ? На свадьбу? Счастливый успѣхъ, счастливая невѣста! Я также принадлежу теперь къ братству любви! Звоните громче и радостнѣе. Вашъ трезвонъ—счастливое для меня предзнаменованіе».

VII.

Монологи, подобные описаннымъ въ предыдущей главѣ, теперь дали поводъ къ разговору такого же содержанія.

Молодая женщина продолжала выводить перомъ прежній коротенькій романъ или, лучше сказать, заглавіе этого романа: «Лэди Джени Бротертофтъ изъ Бротертофтъ-Галля».

Любовникъ съ своей стороны былъ не промахъ. Онъ скоро замѣтилъ, что ему слѣдовало только придумывать слова и положенія для избраннаго заглавія, чтобы способствовать успѣшному развитію интриги.

И эта интрига росла неимовѣрно быстро.

Зеленые отпрыски тюльпановъ были разбросаны по землѣ въ городскихъ цвѣтникахъ, когда молодые люди впервые увидѣлись; тюльпаны отцвѣли свое время, превратились въ зеленые сѣменники съ маленькими у верхушекъ бахромками, и розы показали свои молоденькія почки, когда первый актъ описываемой драмы былъ уже оконченъ.

Красавица далеко не могла быть названа такою стыдливою, какъ Галатея, воспѣтая въ эклогахъ, и воздыхатель ея, пожалуй, охладѣлъ бы къ ней нѣсколько, если бы припомнилъ себѣ, что она милостиво выслушивала не одного волокиту. Но это былъ преданный, слѣпой, пылкій, молодой воздыхатель, совершенно утѣшенный фанатизмомъ своей страсти. Если бы даже онъ, посреди своего блаженства, и могъ увидѣть трезвыми глазами, что молодая женщина черезъ-чуръ податлива на сочувствіе, то и тогда это подтвердило бы для него ту мысль, что они оба повинуются только предопредѣленію свыше. Какой же молодой воздыхатель не заискиваетъ сочувствія отъ своей возлюбленной?

— Я знаю съ первой же минуты нашей встрѣчи, что мы должны любить другъ друга, говорилъ онъ ей при случаѣ. Мы созданы одинъ для другого, какъ двѣ половины одного и того-же цѣлаго; но вы — его лучшая доля. Уже въ то счастливое мгновеніе, которое, благодаря портрету, свело насъ вмѣстѣ, я зналъ, что мы будемъ спутниками въ жизни. Конечно я не смѣлъ надѣяться, но въ сердцѣ своемъ былъ увѣренъ, что небесная благость не допуститъ меня любить безнадежно самою безпредѣльною любовью.

Это милое увлеченіе казалось ей правда нѣсколько смѣшнымъ, однако оно было ей по сердцу. Она поглядывала въ зеркало, украшенное маленькими вѣнчанными амурами, слушая нѣжности Эдвина; она улыбалась сначала самой себѣ, потомъ ему и наконецъ проговорила:

— Браки устраиваются на небѣ.

— Увѣряю васъ, сказалъ онъ, что я вычеркнулъ слово *можетъ быть* изъ моего будущаго. Теперь, когда впереди мнѣ готовится каррьера богатства и отличій, когда вы мнѣ улыбаетесь—счастье само вѣшается мнѣ на шею. Главный Судья

(Greatlawyer) предлагаетъ мнѣ учетверить мое содержаніе и обѣщаніе вчетверо сократить время, въ которое я долженъ сдѣлаться счастливымъ Гортензіемъ. Глава купечества сразу сулитъ мнѣ триста фунтовъ въ годъ, какое-то промышленное товарищество и обѣщаетъ бросить свою треску для болѣе благовонныхъ предпріятій.

При этомъ они весело захохотали. Небольшая примѣсь остроумія всегда возбуждаетъ веселость любовниковъ.

— Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы посвятили себя общественной жизни, замѣтила она: вы бы скоро сдѣлались великимъ человѣкомъ.

— Я сдѣлаюсь, кѣмъ вамъ угодно, только полюбите меня.

— Мнѣ такъ пріятно, что я богата: вѣдь всѣ эти великія дѣла можно осуществить при помощи денегъ.

— А я бы отказался отъ вашего богатства, если бы не могъ разсчитывать на свои собственныя силы. Въ жизни есть болѣе могущественные двигатели, чѣмъ деньги.

— Да, произнесла она небрежно.

Но эта небрежность ускользнула отъ его вниманія, потому что онъ совершенно увлекся декламаціями о своихъ блестящихъ надеждахъ на будущность. То было время, когда пылкая молодежь уже предвидѣла революцію и независимость. Все это увлеченіе занимало ее повидимому очень мало.

— Мнѣ гораздо пріятнѣе, сказала она, когда вы говорите объ Англіи и о знатныхъ лицахъ, которыхъ вы тамъ знали.

— Скажите, пожалуйста, похоже ли бротертофтское помѣстье на хорошее англійское сельское убѣжище?

— Конечно; но если бы за нимъ былъ надлежащій уходъ, то, право, въ цѣлой Англіи нельзя было бы найдти уголка, болѣе замѣчательнаго по прелести и величію природы.

Затѣмъ молодой человѣкъ началъ другую поэтическую тираду о помѣстьи, его жителяхъ, о рѣкѣ и прелестномъ мѣстоположеніи.

Она съ удовольствіемъ прислушивалась къ краснорѣчію своего обожателя, хотя и не могла проникнуться его энтузіазмомъ. О рѣкахъ она и прежде наслышалась, какъ о гидравлической силѣ или какъ о водныхъ путяхъ сообщенія; горы назывались вообще въ биллопскомъ имѣніи безполезнымъ бременемъ хоро-

шей почвы; вышина лѣсовъ мѣрялась футами; о фермерахъ молодая женщина слышала, что они—подчиненные люди, обязанные платить высокую ренту и рабски повиноваться землевладѣльцамъ.

Все это однако не мѣшало ей тѣшиться внутренно пылкимъ восторгомъ, съ какимъ Эдвинъ рисовалъ ей картину ея новой собственности и изъ каждаго мѣстнаго фермера дѣлалъ героя пастушеской идиллiи. Помѣстье, описанное такими яркими красками, должно было стоить дороже, чѣмъ она предполагала.

— Я начинаю сгорать нетерпѣніемъ видѣть помѣстье, сказала она съ неподдѣльнымъ интересомъ; я также должна поблагодарить этого милаго, толстенькаго старичка Сэма Гальсуорси, одолжившаго вамъ лошадь.

— Почему же бы вамъ туда и не съѣздить въ началѣ іюня.

— Да вѣдь мистеръ Скатсъ не будетъ имѣть возможности ознакомиться со всѣми этими прекрасными мѣстами.

Одно мгновеніе они поглядѣли другъ на друга: она—смѣло и повелительно, онъ—робко и нѣжно.

— Ахъ, если-бы я смѣлъ! проговорилъ онъ.

— Мужчины всегда смѣютъ, развѣ—вы не знаете? отозвалась она безцеремонно.

— Вамъ скучно здѣшнее одиночество? спросилъ онъ.

— Невыносимо, если васъ нѣтъ. А вы также скучаете?

— Убійственно, когда васъ не вижу.

Другой обмѣнъ взглядовъ; но теперь она глядѣла теплѣе подъ вліяніемъ тягостнаго воспоминанія о внезапной, безмолвной, неожиданной смерти своего отца; Эдвинъ, измѣряя ея потерю своею собственною, также смотрѣлъ на нее кротко, даже нѣжнѣе, чѣмъ прежде, хотя и не съ тою уже робостью.

— Оба мы находимся въ одинаковомъ положеніи, продолжалъ онъ, улыбаясь; но вѣдь два отрицанія равняются утвержденію. Скажите, любите ли вы меня?

— Боюсь, что уже позволила себѣ это.

— Почему бы намъ не соединить вмѣстѣ наши двѣ одинокія жизни и не составить одно общество.

— Почему бы и не такъ!

— Мистеръ Скатсъ не можетъ быть для васъ хорошимъ спутникомъ въ бротертофтское помѣстье.

— Да къ чему тутъ мистеръ Скатсъ? сказала она съ нетерпѣніемъ, точно хотѣла прогнать кошку: — вѣдь мы о немъ не говорили.

— Нѣтъ, видите ли, я только хотѣлъ отрекомендовать вамъ болѣе опытнаго чичероне.

— Кого же бы это, позвольте узнать?

— Вашего покорнаго слугу!

— Ба!

— Въ бротертофтскомъ помѣстьи можно было бы съ наслажденіемъ провести медовый мѣсяцъ.

— Да, мнѣ самой сильно хочется взглянуть на это помѣстье послѣ вашего описанія.

— Іюнь тамъ восхитителенъ.

— Іюнь! Но теперь еще май!

— Такъ поѣдемъ-те же туда со мной въ іюнѣ, мое счастье!

— Пожалуй, Эдвинъ!

Всѣ комеражи провинціи единодушно согласились—и не солгали,—что бракъ этотъ возникъ не изъ матеріальнаго разсчета. Съ обоихъ сторонъ были молодость и красота, какихъ же было ожидать еще болѣе естественныхъ результатовъ, какъ не любви и брака? Потомъ комеражи взялись приравнивать имя Бротертофтовъ къ карману Биллоповъ и произнесли, что фунты врядъ ли перетянутъ родословную: въ тѣ времена Нью-Іоркъ любилъ не въ мѣру ухаживать за знатностью породы.

Обѣ партіи были погружены въ глубокое уныніе. Разумѣется, здѣсь нельзя было ожидать роскошной свадьбы, однако все женское порядочное населеніе провинціи толпилось въ церкви св. Троицы, желая видѣть совершеніе обряда. Мальчишки весело кричали, когда карета Биллоповъ, одна изъ трехъ или четырехъ, имѣвшихся въ городѣ, повернула къ церковной паперти и изъ своихъ дверецъ, украшенныхъ девизомъ Биллоповъ «per omna ad apes», высадила раскраснѣвшагося жениха и его невѣсту. Полицейскій чиновникъ — тогдашняя гордость нашей родины— унялъ мальчишекъ и очистилъ брачной четѣ дорогу къ алтарю. Здѣсь кстати упомянутъ, что самый алтарь и налои, представ-

лявшіеся глазамъ молодыхъ, были облечены въ малиновую камчатную одежду «наилучшаго и драгоцѣннѣйшаго сорта», за который въ Англіи платится сорокъ два фунта одинадцать шиллинговъ и три пенса.

Достопочтенный ректоръ Барклей отправлялъ богослуженіе съ небольшимъ индійскимъ акцентомъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ странствовалъ въ качествѣ миссіонера между многоуважаемымъ племенемъ Могоковъ, убѣдилъ своихъ учениковъ отказаться отъ многоженства и ограничиться только двумя сожительницами. Замѣтимъ мимоходомъ, что рѣчь идетъ не о породѣ людей, которые колонизировались въ Лондонѣ подъ именемъ Могоковъ. Преподобный Самюэль Очмьюти помогалъ ректору, отвѣчая ему, гдѣ слѣдовало, восклицаніемъ «аминь»!

Великіе сановники провинціи не могли отправиться отъ своихъ дѣлъ въ такое время, но зато купцы, находившіеся тогда въ городѣ, всѣ собрались на церемонію, чтобы почтить свое сословіе.

Хорошенькихъ дѣвушекъ набралось такъ много, что ихъ именами и описаніемъ ихъ прелестей можно было бы наполнить не одну страницу.

Здѣсь была и плутовочка миссъ Джэ, происходившая изъ того стараго, достойнаго гугенотскаго дома, который до сихъ поръ отважно протестуетъ противъ злоупотребленій церкви и государства; здѣсь были и чувствительная миссъ Шейлеръ, и миссъ, Бикмэнъ, и благовоспитанная миссъ Ренслеръ, миссъ Уйнтропъ, безукоризненнаго нрава и туалета, и миссъ Моррисъ съ наслѣдственнымъ преобладающимъ носомъ своей фамиліи, и популярная миссъ Стэйвезантъ, и амазонка-кокетка миссъ Лавингстонъ, и хорошенькая Мери Филиппсъ съ ея кругленькимъ подбородкомъ, и Джуліа Пертри Смитъ съ ея обычнымъ nez en l'air, наконецъ многое множество другихъ дѣвушекъ, не менѣе хорошенькихъ и заслуживающихъ быть записанными въ фэшенэбельную хронику.

— Бѣдняжка Эдвинъ Бротертофтъ! говорила Пертри Смитъ, когда дѣвушки, по совершеніи обряда, выходили изъ церкви:— слышали ли вы, какъ нахально молодая произнесла: «я, Джени, называю тебя, Эдвина, своимъ супругомъ», — точно хотѣла,

чтобъ ее слышали на хорахъ, гдѣ помѣщается органъ. Эти необразованныя дѣвушки понимаютъ только политику кратковременныхъ брачныхъ обязательствъ и нисколько не желаютъ выходить замужъ по чувству. Однако доброе согласіе не можетъ же въ этомъ случаѣ продолжаться вѣчно. Бѣдненькій Бротертофтъ! Почему онъ не выбралъ для себя болѣе зрѣлую женщину? (Замѣтимъ, что Джуліа была уже черезъ-чуръ заражена добродѣтелью зрѣлости и, по слухамъ, сама имѣла виды на новобрачнаго). Такія, какъ она, молоденькія дѣвушки еще не имѣли времени составить свой идеалъ. Она составитъ его на счетъ мужа. Она найдетъ недостатки въ своемъ благовѣрномъ и вообразитъ себѣ, что другой былъ бы ей больше по сердцу. Вѣдь женщины должны нѣсколько лѣтъ повѣтренничать, пока еще не вступятъ въ семейную жизнь. Эти малолѣтніе браки никогда не выходятъ удачными. Что значатъ брачныя условія на нѣсколько недѣль для этой богатой и спѣсивой барышни, настоящей дочки своего папеньки? Бѣдняжка, Бротертофтъ: придется испытать ему много несчастій и горя!

Говоря это и сильно желая быть похожей на Кассандру, миссъ Джуліа поспѣшила к[illegible] выходу.

Но Эдвина Бротертофта не мучили никакія тяжелыя предчувствія. Если онъ и замѣчалъ въ своей возлюбленной кое-какія неровности характера или взгляды, несогласовавшіеся съ его убѣжденіями, то утѣшалъ себя такими мыслями: «моя преданная любовь нѣжно назоветъ ей недостатки или укажетъ на ошибки, а ея любовь дружески ихъ исправитъ».

Карета Биллоповъ возвращалась изъ церкви по Крѣпостной улицѣ (Wall Street). Священнослужитель Барклей, спрятавъ въ карманъ свою достаточную выручку, разсыпался въ желаніяхъ всякаго благоденствія новобрачнымъ. Все общество одобрительно шушукало; мальчишки горланили, что было мочи; веревка усердно подергивала колокольные языки, и при каждомъ такомъ подергиваніи музыкальный звонъ отдавался въ безмятежномъ воздухѣ и расходился по шумной землѣ, какъ бы говоря: «счастье, радость новобрачнымъ! Въ полномъ счастьи утопать! Горя жъ въ жизнь свою не знать!..

Грохотъ экипажей, восторги горожанъ, неумолкаемый звонъ

колоколовъ—все это было до того оглушительно, что Эдвину оставалось только плотнѣе придвинуться къ щекѣ своей жены и нѣжно нашептывать.

—Мы были одиноки, и Богъ назначилъ насъ быть другъ для друга спутниками жизни. Мы оба сироты, и потому должны стараться все найдти одинъ въ другомъ. Предъ нами лежитъ долгій, долгій рядъ все болѣе и болѣе свѣтлыхъ лѣтъ безграничнаго, взаимнаго довѣрія и любви, — такой любви, о какой едва ли мы могли и грезить. Какъ мы счастливы съ нашими прекрасными надеждами, съ благородными порывами честолюбія, какъ мы счастливы при нашемъ серьозномъ взвѣшиваніи жизни! Ахъ, милая, могу ли я достаточно заплатить тебѣ моей любовью за твой даръ этой блаженной минуты, за обѣщанія еще болѣе отраднаго, лучшаго будущаго?

VIII.

Кассандра не ошиблась. Бракъ оказался неудачнымъ. Это было повтореніе старой-старой и однак овѣчно новой исторіи!

Но какая же именно это была исторія изъ числа вѣчно старыхъ и вѣчно новыхъ? Вѣдь ихъ такъ неисчислимо много.... Впрочемъ, всѣ человѣческія трагедіи можно заключить въ одну трилогію. Въ нашей жизни есть только три рода страданій:

Страданія, которымъ самъ человѣкъ подвергаетъ свое тѣло или душу, или и то, и другое вмѣстѣ.

Страданіе, которымъ человѣкъ подвергаетъ своего ближняго въ общемъ значеніи слова.

Страданія, вытекающія изъ отношеній мужчины къ женщинѣ.

Наша старая и новая исторія беретъ свой матеріалъ изъ послѣдняго разряда страданій.

При обстоятельномъ изложеніи, изъ нея можно было бы сдѣлать длинную и по-истинѣ мучительную исторію. Въ цѣломъ рядѣ главъ можно было бы описать постепенное разочарованіе, сначала маленькій разладъ, потомъ болѣе серьезное охлажденіе, медленный путь къ горю—шагъ за шагомъ, день за днемъ,—

небольшое колебаніе у предѣла бездны и наконецъ безумное, отчаянное, неудержимое паденіе стремглавъ....

Но описывать всѣ эти подробности—дѣло довольно грустное. Такъ пусть же лучше всѣ эти печальныя главы сократятся въ одну.

Описываемому семейному горю предшествовало одно роковое обстоятельство: женщина была существо грубое, мужчина, наоборотъ, имѣлъ нѣжную душу. Никакія смягчающія вліянія не окружали ея въ дни податливаго дѣтства и не направляли ея болѣе благородную натуру къ возможному совершенству. Ея глаза встрѣчали только грубаго человѣка и его грубыя стремленія; уши ея привыкли только къ языку невѣжественныхъ людей; ея умъ съузился до пошлости ихъ соображеній. Сердце ея было воспитано въ стремленіяхъ къ дешевымъ благамъ людского общества—къ деньгамъ, роскоши, титуламъ, положенію въ свѣтѣ, знатности, и не могло оцѣнить высокихъ, неувядаемыхъ сокровищъ честной жизни, мира, довольства и любви. Ей недоступно было пониманіе чьей бы то ни было души, которой тѣло не называлось милордомъ, сэромъ Эдвиномъ, и не носило какой нибудь игрушки въ родѣ звѣзды на груди или повязки у колѣна.

Бѣдное дитя! Она была такъ молода, что могла только повиноваться. Но безумное блаженство медоваго мѣсяца въ бротертофтскомъ помѣстьи миновало, и къ ней подступили докучливыя воспоминанія о первомъ свиданіи съ ея обожателемъ.

— Я думаю, что онъ хочетъ дать мнѣ почувствовать мою неопытность и вульгарность, разсуждала она про себя, а потомъ водить меня за носъ. Однако это ему неудастся. Я хочу быть госпожей. Мнѣ опротивѣли его нѣжныя внушенія. Нѣтъ, сэръ, меня не осѣдлаешь: я съумѣю постоять за себя.

Такимъ образомъ, раздражаясь при столкновеніи съ непонятною для нея деликатностью чувства, она упорно прикрывалась своею грубостью иногда изъ досады, а иногда ради злого самоутѣшенія. Ея безчувственная натура постоянно глумилась надъ убѣжденіями мужа.

— Милая Джэни, сказалъ онъ ей въ Бротертофтѣ, не мо-

жешь ли ты внушить мистеру Скатсу обращаться немножко милосерднѣе съ фермеромъ нашего помѣстья?

— Обязанность мистера Скатса — собирать ренту для нашихъ нуждъ.

— Но вѣдь эти люди привыкли къ болѣе кроткому обхожденію

— Да, имъ позволяли увертываться отъ взноса денегъ и жить даромъ, сколько кому было угодно.

— Нынѣшнимъ лѣтомъ они много пострадали отъ засухи.

— Да и для насъ, послѣ всѣхъ нашихъ тратъ, это было убыточное лѣто.

Когда они переселились въ Нью-Іоркъ, нашлась новая пища для непріятнаго разговора.

— Я хотѣлъ бы, душечка Джени, сказалъ мужъ, чтобы ты обращалась немножко вѣжливѣе съ моими друзьями, бостонскими патріотами.

— Я не терплю людей, говорящихъ черезъ носъ.

— Прости ихъ гнусливость ради ихъ здраваго смысла.

— Хорошъ здравый смыслъ! Мнѣ онъ кажется только несноснымъ ворчаньемъ. Я ненавижу слово «притѣсненіе» и презираю кличку «патріотъ».

— Но вспомни, милое дитя мое, что я раздѣляю мнѣніе этихъ джентльменовъ.

— Да. Но этимъ-то ты и вредишь своей репутаціи и карьерѣ. Носящій имя Бротертофта долженъ быть консерваторомъ и защитникомъ своего сословія.

— Я стараюсь быть консерваторомъ справедливости и стою на сторонѣ чести, доблести и вѣрности свободѣ.

— Опять пустился въ свою туманную метафизику!

Въ одинъ день онъ пришелъ съ довольно тревожнымъ видомъ и сказалъ:

— Милая моя, къ своему прискорбію я узналъ отъ мистера Скатса, что помѣстье твоего отца имѣло третью долю «Краснаго Корсара».

— Какую долю? спросила она небрежно.

— Я былъ увѣренъ, что ты объ этомъ ничего не знала,

иначе ты сама была бы возмущена не менѣе, чѣмъ я теперь. Вѣдь это судно занимается торгомъ невольниками.

— Эка бѣда! я часто слышала, какъ мой отецъ называлъ это судно «лакомой собственностью» и говорилъ, что оно окупило себя уже двѣнадцать разъ.

Онъ не могъ растолковать ей все свое отвращеніе къ этой безчестной промышленности, не могъ объяснить ей, что всѣ софизмы, которыми пошлые люди стараются защищать этотъ торгъ, внушали ему, какъ джентльмену, глубокое презрѣніе.

Къ счастію однако «Красный Корсаръ» не долго оставался предметомъ супружескихъ споровъ. Во время его послѣдняго плаванья, разъяренные негры отлично ему удружили, пзжаривъ въ огнѣ капитана и его экипажъ. Наконецъ, такъ какъ негры пріучены плавать только на мелкихъ челнокахъ, то люди, находившіеся на этомъ суднѣ, забыли выкачать воду помпами—и оно пошло ко дну, доставивъ акуламъ хорошее пиршество.

Въ этомъ постоянномъ разладѣ мнѣній грустно прошелъ первый годъ счастливаго брака. Однако послѣ было одно время, когда опечаленный супругъ и его неговорчивая жена думали, что ихъ прежняя любовь еще можетъ вновь воскреснуть.

Въ 1758 году Эдвинъ Бротертофтъ, богатый аристократъ и либералъ, гордость колоніи, какъ представитель ея передовой молодежи, былъ посланъ въ Англію съ порученіемъ представить метрополіи прошеніе и предостереженіе Америки.

Подобныя бумажныя пересылки черезъ Океанъ въ то время были довольно часты: обѣ стороны перестрѣливались цѣлыми стопами бумаги, пока обратились къ свинцовымъ пересылкамъ.

Итакъ уполномоченный явился въ Англію съ своей очаровательной женою. Они встрѣтили тамъ тотъ же почетный пріемъ, какой до сихъ поръ оказывается молодымъ знатнымъ американцамъ, пріѣзжающимъ изъ Бенисіи и другихъ мѣстностей.

— Ура! былъ общій радостный крикъ:—они не гнусятъ сквозь носы, какъ мятежники.

— Ура! они говорятъ по-англійски, а не на языкѣ индійскихъ вигвамовъ.

— Ура! Женушка хороша, какъ ангелъ, и расписана по-

кусной природой бѣлымъ и розовымъ цвѣтомъ, а не выпачкана охрой!

— Ура! Молодой мужъ милъ, какъ Адонисъ! Онъ любезнѣе Честерфильда и остроумнѣе Сельвина!

Мистриссъ Бротертофтъ гордилась своимъ мужемъ и была ему благодарна за то, что онъ пріучилъ къ хорошимъ манерамъ дочь Биллопа.

Какое это было блестящее путешествіе!

Всѣ либеральные государственные люди—Питтъ, Генри Фоксъ, Конвей, медоточивый Моррей—наперерывъ спѣшили осыпать ласками молодого американца.

Суровый докторъ Самюэль Джонсонъ, мучилъ его своими шестистопными словами, но безъ всякаго злого умысла и только ради выраженія пріязни. Въ кругу доброй молодежи, онъ также умѣлъ, когда этого ему хотѣлось, прикинуться добрымъ старичкомъ.

Молодому мистеру Бёрку было очень отрадно, что его другъ изъ высокой и прекрасной гемисферы по достоинству оцѣнилъ его новый трактатъ о высокомъ и прекрасномъ.

Молодой мистеръ Джозуа Рейнольдсъ былъ восхищенъ тѣмъ, что юный иноземецъ благосклонно согласился у него присѣсть, и за это художникъ старался снять съ него портретъ какъ можно покрасивѣе.

Молодой докторъ Оливеръ Гольдсмитъ, бѣдный богемецъ, знавшій съ грѣхомъ по-поламъ музыку и медицину, спрашивалъ, не можетъ ли свѣдущій, но безмѣстный человѣкъ пріютиться гдѣ нибудь въ Америкѣ.

Мистеръ Гаррикъ, исполняя роль Рэнджара, чуть не лишился чувствъ, когда мистриссъ Бротертофтъ въ первый разъ принесла въ театръ пару черныхъ, огненныхъ глазъ и пламенныхъ щекъ; артистъ могъ придти въ себя не прежде того, какъ публика, замѣтивъ его волненіе, привѣтствовала одобрительнымъ смѣхомъ какъ его, такъ и высокую посѣтительницу.

Великій диллетантъ—Горасъ Уальполь угостилъ чету восхитительнымъ dejeuner въ Страберри-Гиллѣ и по этому случаю прочиталъ въ всеуслышаніе и съ большою разстановкою—какъ это джентльмены-диллетанты продолжаютъ дѣлать и до сего дни—

произведенія своего друга мистера Грэя—только что отпечатанную изящную «Элегію на сельскомъ кладбищѣ». Послѣ этого литературнаго угощенія, мистеръ Горасъ сказалъ:

— Ну-ка, поразскажите мнѣ что нибудь о вашемъ даровитомъ молодцѣ-адютантѣ Уашингтонѣ, который даровалъ ирокезцу Брэддаку привиллегію умеретъ неоскальпированнымъ! Это—славный человѣкъ: честь вашей родины, сэръ! Въ числѣ гостей былъ и извѣстный умникъ—мистеръ Джорежъ Сельвинъ. Онъ поглядѣлъ коварно своими «цѣломудренными взорами» и произнесъ:

— Вы забываете, Гарри, что сами же вы обыкновенно величали маіора Уашингтона «фанфарономъ», и осмѣивали его за то, что онъ называлъ свистъ ядеръ «прелестною мелодіей».

Мистеръ Горасъ немножко сконфузился, засмѣялся и сказалъ:

— Дай Богъ, чтобы у насъ въ арміи было побольше такихъ фанфароновъ.

Но вельможный сплетникъ не проронилъ ни слова о томъ, что въ письмѣ къ сэру Горэсу Мэнну онъ старался объяснить это насмѣшливое прозвище и въ хорошемъ и въ дурномъ смыслѣ.

Всѣ эти объясненія вмѣстѣ со многими другими второстепенными остротами можно и до сихъ поръ читать въ корреспонденціи того же сэра Горэса Мэнна.

Да, въ ту блестящую пору Англіи наша молодая чета сдѣлала туда самую пріятную поѣздку!

Тогда какъ Бротертофтъ, въ свободные часы отъ хлопотъ по американскимъ дѣламъ, разсуждалъ о высокихъ и прекрасныхъ мечтахъ философіи, тогда какъ онъ толковалъ объ искусствѣ съ мистеромъ Рейнольдсомъ, о поэзіи съ докторомъ Гольдсмитомъ и de omnibus rebus съ докторомъ Джонсономъ, жена его собрала вокругъ себя свой маленькій дворъ. Своею смѣлою, капризною красотою, повелительнымъ американизмомъ своего характера она произвела особенное, прежде невѣдомое впечатлѣніе, которое совершенно вытѣснило всѣ преданія о Мэри Уортли Монтэгю и ея турецкомъ костюмѣ, какъ только мистриссъ Бротертофтъ появилась на маскарадѣ въ костюмѣ племени Покагонтасъ—лосиномъ платьи въ складкахъ, обшитомъ бахромами,

и головномъ нарядчикѣ изъ выдровой шкуры, украшенномъ орлинымъ перомъ.

— Что это, она, кажется, играетъ индѣйскимъ ножомъ, которымъ дикари скальпируютъ черепа? сказалъ герцогъ Горгойль, глядя на разряженную американку:—клянусь Георгомъ, по физіономіи видно, что она способна употребить и въ дѣло свою игрушку.

Потомъ старый, отвратительный монстръ и другіе blasés окружили колоніальную красавицу, осыпая ее усердной лестью.

Поддалась ли она вліянію этой лести?..

— Милочка Эдвинъ, сказала она во время ихъ непродолжительной поѣздки въ Линкольншаръ къ развалинамъ стараго дома Бротертофтовъ—выкупимъ себѣ назадъ это помѣстье и покинемъ навѣки нашу противную Америку. Ты вступишь членомъ въ парламентъ, произнесешь пару увлекательныхъ рѣчей и скоро будешь перомъ со звѣздами и подвязками.

— Развѣ подвязка съуживаетъ ногу? Будто звѣзда облагораживаетъ сердце? Послушай, мой другъ, неужели въ твоихъ ушахъ не раздается голосъ великаго Тома Линкольна, который предостерегаетъ меня теперь, какъ давнымъ давно предостерегалъ моего предка: «возвращайся домой, Бротертофтъ: свободѣ угрожаетъ опасность!»

— Нѣтъ, сказала она запальчиво, честный голосъ не можетъ нашептывать такихъ предательскихъ внушеній; вотъ что я только слышу: «возвращайся къ себѣ, Бротертофтъ, лордъ прежнихъ владѣній!» Зарядилъ одно: свобода, свобода... Какъ ты надоѣлъ мнѣ своими безтолковыми бреднями! Къ чему тебѣ отказываться отъ имени и славы?

— Я постараюсь завоевать ихъ опять, такъ какъ они тебѣ дороги, но я сдѣлаю это не иначе, какъ путемъ своего долга.

Честолюбіе этой женщины обнаруживало довольно опасныя стремленія, но склонный къ мечтательности мужъ соображалъ:

— Что жъ тутъ мудренаго, если ея головка закружилась отъ человѣческой угодливости, на которую моя очаровательная жена имѣетъ полное право! Но теперь блескъ столицы померкнетъ, не станетъ омрачать ея глазъ: когда у насъ ро-

дится ребенокъ—залогъ примиренія и любви—она пойметъ, что есть на свѣтѣ болѣе высокія и нѣжныя обязанности.

Посольство Бротертофта увѣнчалось общественнымъ успѣхомъ и политической неудачей.

Старый, выжившій изъ ума развратникъ — король отвѣчалъ одними «уфъ!» и «фу!» на прошеніе и предостереженіе американцевъ.

— Вы имѣете полное право на удовлетвореніе, отозвался Питтъ, но мнѣ, увѣряю васъ, не худо въ моемъ креслѣ премьеръ-министра. Теперь я могу быть пока только вашимъ молчаливымъ другомъ.

— Возвращайтесь домой и выжидайте, сказалъ Бенъ-Франклинъ, хитрый и старый бостонецъ, проживавшій тогда въ Лондонѣ и любившій забавляться бумажными змѣями, ключниками и головными нарядами; — подождите немножко! При моемъ долговременномъ знакомствѣ съ громами, мнѣ доводилось слышать, что люди издѣвались надъ тучами и молнію называли обыкновеннымъ воспламенѣніемъ теплоты. Но скоро они станутъ прятаться отъ нихъ въ подвалахъ и защищаться перинами.

Бротертофты вернулись на родину; Англія о нихъ забыла и опять обратилась къ прежнимъ своимъ повѣрьямъ, которыя можно представить въ слѣдующемъ порядкѣ:

Англійскіе колонисты на новомъ материкѣ не могутъ оставаться даже полуобразованными существами (yengeese) и обращаются въ полнѣйшихъ «янки».

Ихъ поклоны похожи на конвульсіи, а улыбка—на гримасы. Ихъ языкъ—не языкъ, а гнусливое англо-ирокезское кудахтанье. Ихъ по-справедливости должно потчивать гербовыми пошлинами и поить чайными налогами, при чемъ зубы ихъ должны разнимать своими саблями Томъ Гэджъ и Джэкъ Боргойнъ. Только одинъ видимый, осязательный и важный результатъ остался отъ поѣздки Бротертофта въ Англію.

Родилась малютка—Люси Бротертофтъ—залогъ воскресшей любви.... нѣтъ, залогъ любви, воскресшей для того, чтобы умереть навѣки и изгладиться безслѣдно!

Если бы эта женщина сколько нибудь могла назваться доб-

рой женой, то съ какимъ восторгомъ она удвоила бы свою привязанность къ мужу, какъ къ отцу своей малютки! Колыбель служила имъ мѣстомъ свиданій: почему бы не протянуть возлѣ нея другъ другу руку и не возобновить прежніе обѣты? Почему бы, глядя на невиннаго, кротко улыбающагося ребенка, родителямъ не оживить и своихъ лицъ улыбкой любви и мира?

Нѣтъ, не суждено имъ было это блаженство....

Такъ загудите же вы заунывно, колокола Троицы! Совершается обрядъ крещенія. Увы! Обыкновенно звонъ, привѣтствующій вступленіе дочери въ лоно церкви, вторитъ тому благовѣсту любви, который раздается у очага, гдѣ она должна расти и укрѣпляться....

Кончился торжественный обрядъ. Пошла своимъ чередомъ старая, старая исторія. Медленно, незамѣтно, коварно росла ненависть жены къ мужу; печально, плачевно, съ сокрушеннымъ сердцемъ онъ привыкалъ только соболѣзновать о своей спутницѣ.

Поѣздка въ Англію еще болѣе привязала ее къ утѣхамъ знатнаго свѣта. Ей необходима была лесть милорда и сэра Гарри, любовью и одобреніемъ мужа она уже не могла удовлетвориться.

Сказавши это—мы все сказали.

Самая утонченная жестокость во времена пытокъ заключалась въ томъ, что живого человѣка привязывали къ трупу: поблекшіе уста къ живымъ, умолкшее сердце къ бьющемуся жизнію; стекляныя глаза мертвеца приставлялись близко къ пораженному ужасомъ глазу живого человѣка, который, хотя ихъ и не видѣлъ, но чувствовалъ на себѣ ихъ мертвый, матовый взглядъ.

Вотъ какъ связывали грозную смерть съ жизнью, которая сама изнывала въ предсмертныхъ мукахъ.

Но будто бы и мы не видѣли подобныхъ мученій съ тѣхъ поръ, какъ миновало время тѣлесныхъ истязаній. Развѣ мы не знаемъ, что часто благородная душа женщины изнываетъ въ оковахъ негодяя? Развѣ мы не можемъ указать случаевъ, какъ высоко-нравственная личность мужчины, связанная съ

грубымъ, пошлымъ остовомъ женщины, погибала въ объятіяхъ этого ледяного трупа?

Неугомонное людское общество разсердилось, когда молодой человѣкъ, на котораго оно возложило столько надеждъ, потерялъ всякую охоту стремиться къ великимъ цѣлямъ.

— Стыдъ и позоръ! зажужжала въ негодованіи провинція, мы единодушно выбрали Эдвина Бротертофта представительнымъ джентльменомъ. Онъ былъ горячъ и мечтателенъ, но мы простили ему эти недостатки. Онъ былъ сладкорѣчивъ, черезъ-чуръ ученъ и напыщенъ, а мы гладили его по головкѣ. Мы были немножко плебеи и нуждались въ отважномъ молодомъ аристократѣ, которому можно было бы поручить нести наше знамя,—и мы всунули древко въ его руку. Стыдись, Бротертофтъ! Ты обманулъ насъ. Извѣстное дѣло: скороспѣлки никуда не годятся. Заяцъ спитъ, а черепаха выигрываетъ закладъ. Къ работѣ, вы, труженики! Пойдемъ медленно, но вѣрно. А ты, опозоренный Бротертофтъ, ступай на задній дворъ, одѣнься въ лохмотья и благодари небо, если мы выдаемъ тебѣ пособіе, чтобы ты не околѣлъ съ голоду.

— Бѣдняжка Джени Биллопъ, говорила Джулія Пертри Смитъ, водившая теперь большую дружбу съ этой дамой. Я всегда говорила, что это должно было случиться. Я знала, что ее ждетъ одно горе и оскорбленія. Бротертофты были всегда безхарактерными людьми. Этотъ корыстолюбивый молодой человѣкъ увлекъ ее, настоящаго ребенка, въ бракъ, послѣ обязательства на нѣсколько недѣль. Разумѣется, она должна была его презирать. Съ своей стороны я презираю его отъ всего сердца. Нечего сказать, хорошъ союзъ! Я думаю, не отобьетъ ли она у меня еще кого нибудь другого. Ахъ, Богъ мой! Да кому же я-то достанусь?

Братья-патріоты также по своему объясняли причины удаленія Бротертофта въ безвѣстную жизнь.

— Эти нѣжныя поэтическія натуры, говорилъ нашъ старый пріятель патронъ Ливингстонъ, слишкомъ глубоко чувствуютъ позоръ политическаго рабства. Понятное дѣло, что вождь поникнетъ головой, когда его сподвижники станутъ прятаться. Я утверждаю, джентльмены, что, по милости нашей собствен-

ной робости, нашъ другъ упалъ духомъ. Если бы у насъ достало храбрости собраться вокругъ него и закричать «смерть или свобода!», то онъ опять сдѣлался бы человѣкомъ,— да такимъ человѣкомъ, съ которымъ трудно было бы тягаться лучшему изъ насъ. Когда-то я дождусь, какъ загорятся его глаза и онъ опять закричитъ звучнымъ голосомъ!... Я люблю джентльмена только въ томъ случаѣ, когда онъ достаточно проникнется необходимостью свободы.

Но кто могъ бы заглянуть въ глубину этого измученнаго сердца, тотъ прочиталъ бы тамъ болѣе грустную исторію, чѣмъ ранній отцвѣтъ скороспѣлки, болѣе ужасный позоръ, чѣмъ политическое рабство, болѣе жестокое, грызущее нечастіе, чѣмъ измѣна сподвижниковъ.

Совершилось наконецъ это роковое несчастіе, финалъ тягостныхъ отношеній между мужчиной и женщиной, катастрофа перваго акта этой старой, старой трагедіи.

Страницы эти отказываются отъ подробностей въ изображеніи рокового семейнаго горя.

Точная передача фактовъ преступленія нужна только человѣческимъ сплетнямъ и судамъ, насъ же можетъ занимать вопросъ, къ чему стремились послѣ преступленія раненый и ранившая, такъ какъ въ его рѣшеніи скрывается одинъ изъ наиболѣе полезныхъ жизненныхъ уроковъ.

IX.

Красный цвѣтъ сдѣлался теперь преобладающимъ въ салонахъ мистриссъ Бротертофтъ, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ.

Надменные офицеры въ красныхъ мундирахъ, называвшіеся генераломъ или милордомъ, другіе офицеры также въ красныхъ мундирахъ, полковникъ и сэръ Гарри, уже намъ извѣстные, поправляли свои галстуки передъ зеркаломъ или безпечно зѣвали, разлегшись по диванамъ.

Этихъ господъ въ Нью-Іоркѣ собралось тогда многое множество, и домъ мистриссъ Бротертофтъ всѣмъ имъ радушно отво-

рялъ свои двери. Полковой разговоръ, несравненно болѣе скучный и безтолковый, чѣмъ какая угодно лавочная болтовня, вращался на мадерѣ хозяйки, на ея обѣдахъ,—большихъ или en familli, famille bien entendu.

По временамъ какой нибудь гнусливый патріотъ съ юго-востока, или патріотъ изъ Филадельфіи, всѣхъ называющій «ты,» стучались въ дверь и спрашивали мистера Бротертофта.

— Нѣтъ въ городѣ, отвѣчалъ обыкновенно курчавый негръ.

— Когда же вы ждете его назадъ?

— Не могу знать, сэръ, говорилъ привратникъ тоскливо.

Патріотъ уходилъ, а негръ запиралъ дверь со вздохомъ,—съ тяжелымъ вздохомъ стараго слуги семейства.

— Нѣтъ, бормоталъ негръ, я не знаю, когда онъ вернется. Пожалуй, онъ не вернется и въ жизнь свою, если узнаетъ, что дѣлается въ этомъ домѣ. Одна миссъ Люси притягиваетъ его сюда. Да вотъ она спускается съ лѣстницы; заговорю-ка я съ ней. Миссъ Люси!

Хорошенькая, граціозная маленькая дѣвочка, настоящій типъ Бротертофта, обернулась внизу лѣстницы и проговорила:

— Что тебѣ, Вольтеръ?

— Не знаете ли вы, миссъ, гдѣ теперь вашъ папаша?

— Право не знаю, отвѣчала она полугрустно, полухолодно.

— Вотъ только что какой-то джентльменъ спрашивалъ, когда онъ возвратится.

— Онъ никогда не извѣщаетъ насъ о своихъ отлучкахъ.

Ей повидимому хотѣлось увернуться отъ этого разговора, какъ будто она считала его неприличнымъ.

Вольтеръ поглядѣлъ безнадежно ей вслѣдъ, когда она направилась въ гостиную, потомъ съ ожесточеніемъ показалъ кулакъ большимъ, развѣсистымъ рогамъ лося, прибитымъ въ передней для вѣшанья фуражекъ. На правомъ рогѣ висѣла военная треугольная шляпа, а на лѣвомъ красовалась маленькая, щегольская походная фуражка.

— Скверно, произнесъ Вольтеръ.

Подражанье чернокожему косноязычію сдѣлалось уже довольно несноснымъ въ литературѣ, и потому Вольтеръ будетъ стараться не впадать въ свое нарѣчіе—въ это милое *Томбигби*,

— Скверно, продолжалъ вопіющій въ пустынѣ гласъ Вольтера, что эти недостойные господа вѣшаютъ здѣсь свои шапки, а настоящій господинъ, достойный джентльменъ съ позоромъ выгнанъ изъ своей родины, изъ-подъ своего крова.

— Скверно, взывалъ онъ въ отчаяніи, что такую добренькую леди, какъ миссъ Люси, научаютъ считать своего отца негоднымъ мотомъ или того хуже. Мадамъ никогда не позволяетъ ей видѣть его одного. Бѣдненькое дитя слишкомъ слабо и вѣритъ всему, что ей разсказываютъ. Не удивительно, что она всегда весела и довольна. Что тутъ дѣлать, что тутъ дѣлать! Пойду-ка я внизъ и поговорю съ Сафо.

Эта дама была не въ примѣръ чернѣе любезной Сафо, которая когда-то должна была почернѣть при крикѣ Фаона: «поди прочь!» Но изъ глазъ и устъ нашей Сафо свѣтила простодушная веселость, подобно тому, какъ свѣтленькія искорки вылетаютъ изъ отверстій закоптѣлой трубы внизу самовара.

— Скверно идутъ дѣла въ этомъ домѣ, сказалъ Вольтеръ:— Только въ твоей кухнѣ и моей кладовой все находится въ добромъ порядкѣ. Господинъ съ позоромъ выгнанъ, и теперь гдѣ нибудь набираетъ защитниковъ свободы. Госпожа... ну, да объ ней лучше не говорить ни слова.

Сафо покачала головой и размѣшала свой супъ.

— Но миссъ Люси скоро будетъ взрослой барышней. Ея мамаша старается поселить въ ней недовѣріе къ отцу; друзей у ней нѣтъ. Что-то ей готовится въ будущемъ?..

Сафо отвѣдала супу, онъ оказался вкуснымъ.

— Вольтеръ, сказала она, стараясь говорить на языкѣ достойномъ ея имени, Вольтеръ, тебѣ нужно имѣть побольше вѣры. Ты не проникнутъ вѣрой, какъ свободный цвѣтной человѣкъ, членъ одной изъ древнѣйшихъ фамилій во всемъ Уэстчестерѣ. У тебя вѣры, право, не больше, чѣмъ у негровъ Момбо-Джомбо, принадлежавшихъ Биллопамъ и скрывшихся на «Красномъ Корсарѣ.» Оставь ты миссъ Люси на попеченіе Господа. Она достойна его небесной благости.

— Такъ, но дьяволъ завладѣлъ всѣмъ этимъ домомъ.

— Если бы ты былъ поваръ, то имѣлъ бы въ своемъ сердцѣ больше вѣры. Попробуй-ка теперь, хорошъ ли супъ. Ну что?

— Что хорошъ, то хорошъ, отозвался Вольтеръ, подувъ въ ложку и отвѣдавши.

— Ну-ка, попробуй ты, Платонъ, сказала она, вынимая изъ горшка другую ложку супу и подавая ее своему сыну—наслѣднику философской важности батюшки и прелестнаго лица матушки, напоминавшаго античнаго Сократа. Каковъ супъ?

— Супъ отличный! засвидѣтельствовалъ второй гастрономъ.

— Ну, теперь скажите, какая самая нужная вещь для супа?

— Эта шутка слишкомъ глупа, особенно для дамы, произнесъ свысока Вольтеръ.

— Ага! Видишь ли, не можешь отгадать!

— Да вѣдь отгадать-то не трудно, сказалъ онъ: говядина!

— Нѣтъ. Ну-ка, отгадай ты, Платонъ.

— Кипятокъ! закричалъ тотъ, совершенно увѣренный въ правильности своего рѣшенія.

Сафо покачала головой.

— Наваръ изъ индюка! предложилъ, горячась, Вольтеръ.

— Лукъ! вскрикнулъ Платонъ съ одушевленіемъ.

— Нѣтъ, сказала Сафо; самое главное—вѣра!

— Я только что хотѣлъ самъ сказать—вѣра! увѣрялъ безсовѣстно Платонъ.

— Вотъ видите ли, объясняла Сафо: я беру говядину—хорошо! Беру кипятокъ—отлично! Беру потроха индюка, луковицъ и множество другихъ припасовъ. Все это я кладу въ горшокъ, который ставлю на огонь. Потомъ я беру вѣру...

— Что ты, что ты! кричитъ Вольтеръ: вѣдь вѣра-то находится внутри тебя.

— Потомъ я беру вѣру, повторила Сафо, не обращая вниманія на возраженіе Вольтера, и при ея помощи всѣ эти предметы, которыхъ нельзя никакъ назвать супомъ, превращаются въ супъ, когда Господу будетъ угодно, и замѣтьте всегда дѣлаются супомъ.

— Да еще какимъ! произнесъ Платонъ съ видомъ знатока.

— И такъ, сказала Сафо, продолжая свою лекцію, супъ, жареные гуси, паштеты и пироги, всходящіе цѣлую ночь, научили меня держаться пословицы: терпи, душа,—спасена будешь!

Слѣдовательно, на счетъ миссъ Люси мы можемъ быть совершенно спокойны.

Эта логика убѣдила двухъ тезокъ философовъ: они понесли обѣдъ въ грустномъ, но терпѣливомъ расположеніи духа.

Сегодня въ этомъ домѣ обѣдали и милордъ, и сэръ Гарри.

— Скажите, пожалуйста, куда дѣвался мужъ нашей хозяйки, спросилъ милордъ, когда оба они безпечно уходили послѣ обѣда.

— Старается поднять какое-то глупое возмущеніе въ провинціяхъ, отвѣчалъ сэръ Гарри. Я думаю, что этотъ дуракъ Гэнъ платитъ нѣсколько шиллинговъ въ недѣлю за редакцію его «Меркурія,» если Бротертофтъ находится въ Нью-Іоркѣ.

— На мѣстѣ губернатора Трайона я бы, право, запретилъ изданіе этой грязной газеты.

Такъ вотъ каковы были семейныя дѣла Бротертофта въ началѣ администраціи Трайона.

Впрочемъ Эдвинъ Бротертофтъ не отрекся навсегда отъ своего стараго дома по двумъ причинамъ: онъ жалѣлъ свою преступную жену и обожалъ свою невинную дочь. Онъ не хотѣлъ еще на вѣки проститься съ надеждой, что быть можетъ женѣ понадобится его прощеніе, когда порокъ ей опротивѣетъ. Онъ никогда не могъ рѣшиться совершенно бросить свою дочь въ жертву окружающимъ ее вреднымъ вліяніямъ. Правда, освободить ее теперь былъ не въ силахъ этотъ, упавшій духомъ, опозоренный человѣкъ, оглашенный вездѣ безполезнымъ тунеядцемъ.

Грустно себѣ вообразить, еще грустнѣе описывать постепенный ростъ этого крайняго несчастія, совершавшійся въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Кто станетъ описывать ежедневное горе въ этомъ несчастномъ домѣ? Кто можетъ пересчитать всѣ жестокіе, тихіе звуки кинжала, который жена назначала для конечнаго удара? Чья громадная память можетъ передать всѣ козни жены, которыми она старалась убить спокойствіе мужа,—и убить такъ рѣшительно, чтобы онъ твердо зналъ, что оно зарѣзано, убито, убито, убито... и не досаждалъ ей своей терпѣливой надеждой воскресить лучшее минувшее...

Ея состояніе сдѣлалось для нея оружіемъ—дикимъ оружіемъ въ такихъ грубыхъ рукахъ; силу эту она употребляла съ самой вопіющей наглостью, подобно всѣмъ низкимъ душамъ. Ей было бы до-нельзя пріятно думать, что онъ женился на ней для денегъ, о чемъ она нерѣдко лгала въ лице ему самому. Часто она сваливала на него одного вину всей своей пошлости.

— Развѣ я для того вышла за васъ, кричала она, чтобы заглохнуть въ ничтожествѣ и темнотѣ, какъ самая незамѣтная тварь на свѣтѣ? Вы должны были сдѣлаться знатнымъ лицомъ—по смыслу нашихъ обоюдныхъ условій. Вы знали, что я честолюбива,—и я имѣла на это полное право. Вы имѣли все для блестящей карьеры—рѣшительно все!

— Нѣтъ, не все, отвѣчалъ онъ печально: любви не доставало!

Жалкая женщина! Сроднившись съ обманомъ и преступленіемъ, она чѣмъ дальше, тѣмъ все яростнѣе ненавидѣла своего мужа.

Ненависть эта доходила до сумасшествія. На него же самого она обрушала весь грѣхъ своихъ неразборчивыхъ предпочтеній.

— Не я, а онъ одинъ въ этомъ виноватъ, убѣждала она себя. Онъ долженъ былъ командовать мною, и тогда я не сдѣлала бы того, что заставляетъ меня краснѣть, когда я смотрю въ его глупую рожицу. Ему слѣдовало говорить прямо: «ты должна, ты не должна,» вмѣсто того, чтобы цѣдить свои притворности: «благоразумно ли это, Джени? Деликатно ли это? Сообразно ли это съ твоей благородной душою?» Мнѣ не нужно подобныхъ внушеній: мнѣ нуженъ былъ деспотъ! Если бы онъ хоть вполовину былъ мужчиной, то взялъ бы плеть... да отхлесталъ бы меня, вытолкалъ бы всѣхъ моихъ друзей въ шею и самъ бы сталъ господиномъ въ домѣ.

Эта бѣшеная ненависть росла все болѣе, и наконецъ дошла до такихъ размѣровъ, что мистриссъ Бротертофтъ совершенно обращалась въ сумасшедшую, когда мужъ находился передъ ея глазами и приводилъ ее въ изступленіе своей терпѣливой, унылой, но все-таки вѣжливой наружностью. Вотъ какова была тѣнь горячаго, рыцарскаго Эдвина Бротертофта минувшаго времени.

— Почему бы не убить этого труса и негодяя, думала она, или не распорядиться, чтобъ его убили. Для него лучше уме-

реть, чѣмъ жить оплеваннымъ. Освободившись отъ него, я бы повезла въ Англію свою красоту и свои сокровища, да и зажила бы наконецъ знатной барыней. Лэди Бротертофтъ изъ Бротертофтъ-Галля! Я имѣла полное право разсчитывать на эту фамилію. Онъ долженъ былъ мнѣ ее дать—вѣдь онъ былъ такъ тупъ! Однако всѣ говорятъ, будто ему стоитъ только захотѣть, чтобы быть, чѣмъ ему угодно. Почему же онъ не хочетъ привязаться къ существеннымъ вещамъ, имѣть роскошный домъ, множество невольниковъ, имя, титулъ, вмѣсто того, чтобы пошло бредить о свободѣ. Чепуха—вся эта ихъ свобода! Да если только онъ и его слабоумные пріятели вздумаютъ взяться за оружіе и мятежничать,—то онъ можетъ погибнуть. Тогда я буду свободна и наконецъ-то восторжествую. Короли влюблялись въ женщинъ, которыхъ красота—сущій вздоръ въ сравненіи съ моею.

И съ безстыдными, раскраснѣвшимися щеками она глядѣла на себя въ зеркало. Ненависть къ препятствію, — къ мужу бушевала въ ней все сильнѣе.

Это была безумная ненависть, требовавшая крови. Часто ей казалось, что въ воздухѣ вокругъ нея носились фуріи, подстрекавшія ее къ совершенію преступленія. Фуріи летали передъ ея глазами, подавали ей осязательное оружіе,—какое-то странное, древнее оружіе, похожее на то, которое она видала и брала въ свои руки, когда посѣщала англійскіе музеумы. Теперь она припомнила себѣ, съ какимъ удовольствіемъ, выслушивая какую нибудь страшную исторію, она играла съ оружіемъ и знала, откуда взялись на его лезвеѣ кровавыя пятна.

— Убей его! кричали ей фуріи. Этотъ крикъ былъ похожъ на слабое отдаленное завываніе, которое запоздалый прохожій слышитъ иногда въ лѣсу, ночной порою, и не знаетъ, человѣческій ли то голосъ или вой дикаго звѣря.

— Не теперь! отвѣчала она громко на этотъ крикъ, выходившій изъ мрачной глубины ея замысловъ.

Эта отсрочка все-таки имѣла силу положительнаго обѣщанія—и вотъ она видитъ, что толпа безтѣлесныхъ фурій подлетѣла къ ней ближе.

— Не теперь! она говоритъ—не теперь! кричали фуріи другъ другу.

Такимъ образомъ ея ненависть все ближе и ближе граничила съ сумасшествіемъ, подобно всякой изступленной, пошлой страсти, хотя бы самой вздорной, если только ее долго лелѣетъ сердце.

Мистриссъ Бротертофтъ хорошо поняла, что самый жестокій ударъ оскорбленному мужу она можетъ нанести въ его дочери.

— Люси — вылитая Бротертофтъ, а не Биллопъ, говорила Джуліа Пертри Смитъ:—вѣдь это не хорошо. Она должна быть похожа на болѣе сильнаго изъ своихъ родителей, а не слабодушнаго.

Старая кокетка не знала, что есть на свѣтѣ сила, которую оцѣнить она не способна; не знала она также и о той естественной преемственности нравственныхъ качествъ, которая всегда одерживаетъ побѣду надъ грубымъ матеріальнымъ насиліемъ. Люси была вылитая Бротертофтъ. Въ самомъ нѣжномъ дѣтствѣ она не обнаруживала ни одной черты характера своей матери. Оттого мать тѣмъ легче могла надъ ней господствовать. Дитя любило свою мать хотя другою, но такою же сильною любовью, какую ея отецъ питалъ къ своей, по его мнѣнію, благороднѣйшей спутницѣ. Отецъ такъ поразительно былъ схожъ во всемъ съ своей дочерью, что она могла понять его не прежде того, какъ созрѣла до пониманія себя самой. Рѣзкія противоположности ранѣе всего замѣчаются, оцѣниваютъ другъ друга и сближаются, какъ въ характерѣ, такъ и въ искусствѣ.

И такъ мистриссъ Бротертофтъ располагала безпрекословнымъ повиновеніемъ Люси. Она наставляла свое дитя любить ее и питать къ ней исключительное довѣріе. Но она ненавидѣла свое дитя, она ненавидѣла дочь Эдвина Бротертофта. Подростая, дѣвушка съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе была похожа на отца. Та же улыбка отца, манеры отца, его голосъ, даже его ласковыя выраженія, безпрестанно мучившія мать напоминаніемъ минувшаго времени.

Позорная женщина! Она привыкла бояться своей дочери,—страшиться того неизбѣжнаго дня, когда эта непорочная душа

стряхнетъ съ себя ея оковы. Коварно заглядывала она въ милое личико ребенка. Когда-то убѣжитъ съ него выраженіе безграничной привязанности? Когда-то оно омрачится негодованіемъ? Когда-то эти кроткіе, каріе глазки догадаются, что наглые, черные глаза избѣгаютъ съ ними встрѣчи? Когда-то эти нѣжныя щечки загорятся краской мучительнаго стыда?..

— Когда эта дѣвчонка осмѣлится жалѣть меня, какъ это позволяетъ себѣ негодяй—батюшка? думала мать.

Это нѣжное, покорное, робкое существо сдѣлалось теперь для своей матери ангеломъ мщенія. Не видя ее около часу, мистриссъ Бротертофтъ никогда не могла послѣ взглянуть на свою дочь безъ невольнаго содроганія и ужаса.

— Ужь не догадалась ли она? Быть можетъ, ей извѣстно, кто я? Ужь не шепнулъ ли ей объ этомъ какой нибудь уличный говорунъ. Въ самомъ воздухѣ я слышу повтореніе одного имени: дошло ли это имя и до ея слуха? Спала ли она сегодня ночью и не открыло ли ей сновидѣнье, кто такова ея мать? Если она поцѣлуетъ меня—я спокойна.

Желаніе ея исполнялось. Нѣжная Люси всегда съ готовностью давала ей этотъ залогъ своей привязанности! Она окружала такой дѣтски-наивной любовью тѣхъ, къ кому питала довѣріе, что сама тѣшилась своими ощущеніями, не измѣряя искренности обратныхъ поцѣлуевъ.

Преступница мать! Предательница, коварно шутившая и съ материнскимъ чувствомъ и съ супружеской любовью! Она поставила себѣ задачей сочить ядъ недовѣрія къ отцу въ душу дочери. Если бы они хотя немного могли понять другъ друга, если бы они обмѣнялись хотя однимъ, слабымъ вздохомъ взаимнаго довѣрія, если бы она—ихъ врагъ—открыла какой нибудь слѣдъ ихъ презрѣнія къ ней.... что сталось бы тогда?

Но этотъ мучительный вопросъ надобно было удалить изъ своей головы. Она должна была предупредить сближеніе, сдѣлать взаимное довѣріе невозможнымъ; ей нужно было воспитывать и направлять по своему презрѣніе дочери.

И съ какимъ упорствомъ, хитростью и знаніемъ дѣла она выполнила эту задачу! Какъ медленно она сочила обильный ядъ недовѣрія въ душу ребенка! Часто непорочныя губы старались

увернуться отъ черной отравы. Въ одинъ день такъ вотъ и казалось, что она откажется пить ядъ, но на другой ея мать, эта опытная отравительница, одерживаетъ побѣду.

— Ты должна мнѣ вѣрить Люси, говоритъ преступница, глядя въ сторону и поднося своей жертвѣ чашу съ отравой:—если тебѣ грустно слышать подобныя вещи объ отцѣ, то представь же себѣ, какъ мнѣ тяжко о нихъ разсказывать!

Но эти страницы опять отказываются отъ подробностей этого втораго злодѣйства. Набросимъ же и на него покрывало!

И такъ—заперты двери! Жена объявила наконецъ, что ея мужъ падалъ все ниже и ниже, сдѣлался чуждымъ всякаго понятія о чести, что она должна выгнать его изъ своего дома. По ея приказанію дочь сама должна была сообщить своему отцу, что ей желательно было бы никогда съ нимъ не видаться.

Заперты двери,—въ то время, какъ невинная дѣвочка бросается въ объятія преступной матери и, заливаясь слезами, обѣщаетъ повиноваться.

Заперты двери—и одинъ Богъ можетъ видѣть и слышать, какъ одинокая Люси въ своей комнаткѣ молитъ небо простить ея отца и облегчить ея больное, измученное сердце!

Заперты двери—и никто не видитъ страдальческаго, спящаго лица прелестной дѣвочки, а между тѣмъ ея сновидѣніе уже смущаетъ этотъ страшный призракъ-порокъ, который едва ли не свирѣпѣе нападаетъ и днемъ, и ночью на тѣхъ, кто его боится, чѣмъ на людей, съ нимъ невраждующихъ...

Въ одно дождливое апрѣльское утро 1775 года происходила окончательная семейная размолвка.

— Объясните мнѣ одно обстоятельство, сказалъ Эдвинъ Бротертофтъ съ спокойствіемъ привычнаго страдальца:—дочь моя рѣшилась, кажется, никогда со мной не видаться?

— Да, отвѣчала мистриссъ Бротертофтъ.

Охъ, какъ спокойно, какъ жестоко-радостно было произнесено это словечко! Радость эта однако была смѣшана съ ужасомъ такихъ мыслей:

«Я хорошо выдрессировала дочку; но она все еще можетъ возмутиться. Она можетъ опомниться, броситься ему на шею, —

и тогда вдвоемъ они пойдутъ противъ меня, станутъ указывать на меня пальцами и торжествовать побѣду.»

— Не могу ли я дождаться отъ васъ отвѣта, спросилъ онъ дочь.

— У меня нѣтъ для васъ другого отвѣта, отвѣчала Люси.

— Никакого? спросилъ онъ опять.

— Никакого.

Ея холодность была результатомъ страшной путаницы мыслей и душевнаго изнеможенія, тогда какъ онъ считалъ эту холодность признакомъ грубаго и безнадежно зачерствѣлаго сердца.

Это—низкая дочь преступной матери, думалъ онъ: стоитъ ли о ней и думать?!..

Удивительно ли это! Припомнимъ себѣ, какъ легко умираетъ меньшее довѣріе, послѣ того, какъ погибла первая великая вѣра. Душа, которой вы отдались всецѣло и безгранично, сказывается лживой душой: тогда и всѣ люди дѣлаются въ вашихъ глазахъ лгунами.

Тогда обманутый, если онъ мелкодушенъ, старается забыться на нѣкоторое время въ цинизмѣ разврата; если же онъ честный человѣкъ, то посвящаетъ свою вѣру великимъ дѣламъ, великимъ идеямъ, пользѣ общественнаго большинства. Семейныя преступленія поставляютъ сподвижниковъ въ великую армію общественной правды.

— Эта дѣвочка, соображалъ Эдвинъ Бротертофтъ, не можетъ быть такъ слѣпа, чтобы не понимать причины разлада между мной и ея матерью А между тѣмъ она выбираетъ ее, прогоняетъ меня. Я зналъ, что женщина, бывшая когда-то моей женой, уже никогда ею не будетъ. Я зналъ, что наши губы никогда уже не сольются вмѣстѣ, наши руки никогда не встрѣтятся въ дружескомъ пожатіи. Но я надѣялся,—да, я убаюкивалъ себя тою несбывшеюся надеждой, что когда преступленіе и скорбь достаточно исправятъ насъ своими тяжелыми уроками, —мы опять можемъ подойдти другъ къ другу чрезъ посредство дочери, которую мы оба одинаково горячо любимъ. Я былъ отцомъ, жена моя была матерью въ честное, далеко отлетѣвшее, время. Наше дитя могло бы соединить отца съ матерью иной лю-

бовью,—не плотской, а нравственной. Вотъ какова была моя надежда. Богъ съ ней! Зачѣмъ я долженъ выдерживать эту непосильную борьбу съ людьми, которые исковеркали мою жизнь? У меня нѣтъ болѣе дочери. У меня никогда не было жены. Да проститъ мнѣ Богъ, если я нарушаю мои обязанности, и да дастъ онъ мнѣ возможность опять выполнить ихъ, если на то будетъ его небесная воля!

Когда онъ, погруженный въ эти грустныя размышленія, проходилъ по Крѣпостной улицѣ, вдругъ раздался голосъ, назвавшій его по-имени.

— Мистеръ Бротертофтъ!

Этотъ окликъ выходилъ чрезъ носъ какого-то поспѣшно шедшаго человѣка, который, только что обогнувши уголъ улицы Смити — нынѣшней улицы Уильэма,—направлялся къ дому мистриссъ Бротертофтъ, но здѣсь повстрѣчался съ ея мужемъ.

— Мистеръ Бротертофтъ! прогнусилъ онъ опять вслѣдъ за уходившимъ мужемъ. Въ этихъ носовыхъ звукахъ была какая то странная смѣсь военнаго воззванія къ торжествамъ побѣды.

— Пожалуйста, называйте меня другимъ именемъ, сказалъ, оборачиваясь, шедшій: — какъ хотите, но только не такъ, какъ прежде!

— Ба! отозвался тотъ на бостонскомъ нарѣчіи и чрезъ свой крупный бостонскій носъ: вамъ не нравится, когда васъ зовутъ по фамиліи, ну такъ вы будете капитанъ, и баста объ этомъ. Такъ вотъ что, капитанъ, продолжалъ онъ сильно гнусить въ свой гобой, мы уже сами пролили и другимъ пустили первую кровь за независимость. Это случилось 19-го Апрѣля; близъ Лексингтона мы пролили свою кровь, а близь Корнкода пустили другимъ. Теперь вы можете отправиться въ Бостонъ, если хотите попасть въ такое мѣсто, гдѣ на дняхъ ждутъ отличнаго кровопусканія и гдѣ въ патріотахъ нуждаются до-зарѣзу.

Гудите же вы, колокола Троицы! Другіе, слушая вашъ звонъ, станутъ пробуждаться изъ своей дремоты, а не тотъ, кого когда-то звали Эдвиномъ Бротертофтомъ. Онъ уже отправился въ путь, чтобы принять участіе въ стародавней—вѣчно старой и вѣчно новой—борьбѣ свободы съ тиранніей, новыхъ идей съ старыми неправдами!

— И такъ, вашъ муженекъ, мадамъ Бротертофтъ, хочетъ быть разстрѣляннымъ или повѣшеннымъ, говорилъ черствый сэръ Гарри:—чтожь, туда ему и дорога!

— Хорошенькая вдовушка не выплачетъ своихъ глазокъ, прибавилъ милордъ, по обыкновенію ухмыляясь.

Эта фамильярность немножко покоробила мистриссъ Бротертофтъ.

Подобно многимъ другимъ, держащимся правила «deteriora sequar», она думала идти ко злу смѣлой поступью, съ дерзко поднятой головой. Законы вѣчной правды этого не допускаютъ.

Безстыдная женщина! Теперь-то она поняла, какъ неизмѣримо высоко стоялъ обезчещенный ею мужъ въ сравненіи съ избранными ею бездушными воздыхателями!

Теперь, когда онъ скрылся безвозвратно, она почувствовала желаніе съ нимъ видѣться.

Не заговорилъ-ли въ ея сердцѣ блѣдный призракъ умершаго чувства? Не шевельнулось ли въ ней что нибудь похожее на раскаянье, на слезы, на надежду прощенія?

Не тронулась ли она наконецъ страданіями мужа? Быть можетъ ея супружеская ненависть граничила слишкомъ близко съ любовью и вытекала изъ той ненависти къ самой себѣ, которая разбиваетъ могущество любви и за эту утрату изливаетъ всю свою месть на существо, наиболѣе драгоцѣнное сердцу, наиболѣе способное упрекнуть это сердце въ его бѣдствіи? Быть можетъ она поступала безсознательно, повинуясь голосу подобной страсти!

И когда это безотрадное ощущеніе минуетъ, поселится ли наконецъ миръ въ ея сердцѣ? Оставятъ ли ее фуріи въ покоѣ? Замолчитъ ли въ ней призывъ къ убійству? Будетъ ли она теперь преслѣдовать свои цѣли съ спокойствіемъ свободной женщины?

Эдвинъ Бротертофтъ изчезъ. Перебѣжчики изъ мятежнической арміи не могли доставить никакихъ извѣстій о человѣкѣ этого имени

Джуліа Пертри Смитъ нерѣдко утѣшала свою подругу отрадной мыслью, что мужа ея не стало.

Но мистриссъ Бротертофтъ не могла этому повѣрить. Какой-то тайный шопотъ твердилъ ей, что второй актъ долженъ прибавиться къ драмѣ ея супружеской жизни.

ЧАСТЬ II.

I.

Свѣтложелтый и голубой цвѣта.

Вѣрные, вѣчно любезные сердцу! Никогда вы не внушали такой вѣры, такого мужества, какъ когда украшали собою мундиръ маіора Скерретта, — старый мундиръ 1777 года.

— Голубые шивы, края съ свѣтложелтымъ кантомъ, бормоталъ маіоръ Скерреттъ, оглядывая себя въ маленькомъ треугольномъ зеркалѣ: надобно будетъ заказать себѣ новый мундиръ, если только мнѣ посчастливится найдти портного, который захотѣлъ бы получать приказанія отъ богини свободы. А, мое нижайшее почтеніе, мистриссъ Бэрдселль!

— Здравствуйте, сэръ, отвѣчала мистриссъ Бэрдселль, выбѣгая изъ кухни съ своимъ кухмистерскимъ каткомъ, на которомъ лежалъ кусокъ раскатаннаго тѣста, весь усѣянный масляными пятнами, какъ порфира черными горностаевыми хвостиками.

Она посмотрѣла на него, когда онъ выходилъ на улицу деревни, при чемъ первымъ ея движеніемъ былъ—женскій вздохъ, вторымъ — женское любопытство.

— Какой красивый молодой человѣкъ! сказала она своей достопочтенной особѣ. Какіе ляшки! А волоса-то! Цвѣтомъ похожи ни дать, ни взять на спѣлые каштаны. Только мнѣ не нравится этотъ хвостикъ на его верхней губѣ... Я часто слышала отъ поповъ, что борода и усы явились на человѣкѣ вмѣстѣ съ грѣхомъ Адама, и потому непремѣнно должны быть сбриты. Но, право, я отдала бы цѣлый паштетъ, чтобъ только узнать, зачѣмъ это за нимъ присылалъ генералъ Уашингтонъ? А очень жаль, что онъ не прислалъ за нимъ чуточку раньше. Этотъ старый чудакъ генералъ Путнамъ не допустилъ бы сэра Генри-Клинтона строить по горамъ укрѣпленія, если бы нашелъ подъ рукою такую славную поддержку, какъ этотъ молодецъ!

Маіоръ Скерреттъ по дорогѣ остановился на одну минутку,

чтобы полной грудью втянуть въ себя струю свѣжаго октябрскаго воздуха,—новаго американскаго, несравненно болѣе пріятнаго напитка, чѣмъ октябрскій воздухъ старой Англіи.

Напитокъ маіора былъ и дешевле и слаще! То была струя свободы. Для этой благодатной жидкости не нужно было ни боченка, ни втулки, ни оловянной кружки. Маіору Скерретту стоило только открыть ротъ и дышать вольно. И онъ съ жадностью втянулъ въ себя Богъ вѣсть сколько бутылокъ этого медоваго, многоцѣннаго нектара, который называютъ воздухомъ американскаго октябрскаго утра и который былъ такимъ же совершенствомъ напитковъ въ 1777 году, какъ и теперь въ 1860 году.

— Много пришлось мнѣ повидать свѣта и упиваться всякими жидкостями, разсуждалъ самъ съ собою маіоръ Скерреттъ, пародируя Одиссею, но никогда, ни внѣ, ни внутри бутылки не доводилось мнѣ пить эдакой благодати. О лиліи и розы — что за ароматъ! О персики, о нѣжныя зернышки — какое наслажденіе! О орѣшина, о свѣжесть лѣсовъ—какое благоуханіе! Подливай еще, Геба, еще и еще! Дай мнѣ упиться! Прости мнѣ мою жадность, но другіе пьютъ штофами, а мнѣ нужны ведра и бочки!

Въ то время, какъ онъ предается этому простительному пьянству, попробуемъ отвѣчать на вопросъ мистриссъ Бэрдселль: «зачѣмъ присылалъ за нимъ генералъ Уашингтонъ?»

— Питеръ, дружески сказалъ Уашингтонъ маіору Скерретту, своему адъютанту, нѣсколько разъ я писалъ настойчиво генералу Путнаму, чтобы онъ поспѣшилъ прислать мнѣ подкрѣпленія. А между тѣмъ подкрѣпленій нѣтъ, какъ нѣтъ.

Главнокомандующій, повидимому, былъ не совсѣмъ въ своей тарелкѣ, разбивъ свой лагерь близь Пеннибекерсъ-Милля на Перкіоми-Крикѣ, въ двадцати миляхъ отъ Филадельфіи, въ исходѣ сентября 1777 года.

— Думаю, отозвался маіоръ, что онъ не хочетъ выкинуть изъ головы свой глупый планъ нападенія на Нью-Іоркъ, на это «логовище самоубійства», какъ называетъ его Алекъ Гамильтонъ.

— Мнѣ нужны до-зарѣзу люди. Необходимо загладить нашу неудачу при Брэндивайнѣ.

— Это такъ. Сэръ Уильэмъ Гау уже достаточно прискучилъ теперь въ Филадельфіи. Военная вѣжливость требуетъ, чтобы мы подрались съ нимъ и прогнали его на болѣе удобныя для него квартиры.

— Я не хочу драться съ нимъ, если мнѣ не пришлютъ еще тысячь двухъ солдатъ. А вотъ вамъ, маіоръ, нужно было бы проѣздиться въ Пикскилль къ старому Путу [1]) и поторопить его присылкой подкрѣпленія.

— Солдатъ долженъ повиноваться, но ему грустно, что быть можетъ онъ упуститъ случай участвовать въ какой нибудь военной свалкѣ или приключеніи.

— Э, Питеръ, приключенія сами собой выростаютъ подъ пятами такихъ странствующихъ рыцарей, какъ вы. Пикскилль находится невдалекѣ отъ мѣста одной изъ романическихъ исторій моей ранней молодости.

И честный старикъ на минуту замолчалъ, погружаясь въ воспоминанія о хорошенькой Мери Филиппсъ, лѣтъ за девятнадцать назадъ.

— Эту помощь нужно вырывать, замѣтилъ онъ, точно больные зубы изо рта. Старый Путъ — какъ, бишь, вы называли его когда-то по латыни Лафайетту?

— Tenax propositi, отвѣчалъ Скерреттъ.

— По англійски—упрямъ какъ мулъ. Ахъ, любезный Скерреттъ! Мы, бѣдные землемѣры, странствующіе по мѣстамъ съ нивелирами да компасами, плохо смекаемъ по-латыни и еще хуже по-гречески. Вотъ вы еще какъ-то отзывались по-латыни, говоря объ этой почтенной особенности характера генерала Путнама...

— Nec vultus instantis tyranni, mente quatit solida, продекламировалъ Скерреттъ, то есть: И деспотъ самъ, сверкнувъ очами, никакъ не можетъ поселить страхъ въ его упрямѣйшихъ мозгахъ, перевелъ онъ экспромтомъ.

---

[1]) Такъ въ шутку называли генерала Путнама.

Уашингтонъ захохоталъ; Скерреттъ залился еще болѣе громкимъ смѣхомъ.

Маіоръ находился въ той горячей порѣ возраста, когда жизнь разражается избыткомъ хохота. Молодые люди его лѣтъ бываютъ или черезъ-чуръ скучны или необыкновенно веселы.

Еще грѣхъ не великъ, если скучная наружность—не вывѣска загрубѣлаго сердца; веселость молодого человѣка, даже если бы онъ черпалъ ее не въ безукоризненно порядочномъ обществѣ, рѣдко переходитъ въ вульгарный, непріятный хохотъ.

— Не знаю, право, Питеръ, сказалъ Уашингтонъ, чтобы я сталъ дѣлать въ эти смутныя времена безъ вашей неудержимой смѣлости. Всѣ вы, друзья мои,—вы, Гамильтонъ, Лафайэттъ и Гарри-Ли, поддерживаете во мнѣ бодрость. Мнѣ до смерти надоѣли плаксивые возгласы, упреки и неодобренія нѣкоторыхъ бабъ, одѣтыхъ въ штаны, носящихъ съ боку шпаги и подающихъ свои голоса.

— Быть можетъ вы найдете поэтому невозможнымъ командировать меня въ Пикскилль? хитро замѣтилъ маіоръ.

Отецъ отечества улыбнулся.

— Нѣтъ, другъ мой, поѣзжайте, сказалъ онъ, но не заставляйте себя долго ждать. Одна ваша голова можетъ принести старому Путу гораздо больше нользы, чѣмъ цѣлый полкъ. Благодаря походной жизни, которой онъ посвятилъ себя очень рано, въ немъ начинаютъ обнаруживаться припадки очень злого кашля; притомъ и попивать-то онъ сталъ болѣе, чѣмъ слѣдовало бы такому почтенному человѣку.

— Мы, молодежь, видѣли при осадѣ Бостона, какъ вы, генералъ, содержали вашу голову въ постоянной свѣжести, питаясь печеными яблоками и молокомъ.

— Я употреблялъ эту пищу, потому что она мнѣ нравилась, мой дружокъ. Она не отуманиваетъ мозга. При случаѣ вы будете стараться водворить согласіе между генераломъ Путнамомъ и этимъ взбалмошнымъ Ла-Радьеромъ. Старый генералъ рѣшительно не можетъ забыть, какъ отлично прощупали ему ребра французы съ ихъ индійцами въ 1758 году, въ Канадѣ.

— Да ему хочется даже, чтобы и другіе объ этомъ никогда не забывали. Я готовъ держать закладъ, что онъ начнетъ раз-

сказывать мнѣ эту исторію, прежде чѣмъ я пробуду съ нимъ четверть часа.

— Ну, такъ до свиданія! Съѣздите духомъ! Скажите ему, чтобы онъ собралъ по своимъ мѣстамъ милиціонеровъ. Передайте ему, что онъ *долженъ* отстоять горную мѣстность. Если онъ будетъ не въ силахъ сладить съ сэромъ Генри Клинтономъ, пока Гэтсъ не смѣнитъ Джэка Боргойна, то мнѣ и вамъ, Питеръ, останется только вымазаться розовой краской и присоединиться къ племени Тускарора.

Послѣ этого разговора съ главнокомандующимъ, который вовсе не казался тою накрахмаленной куклой, какою сдѣлали его современные бумагомаратели, маіоръ Скерреттъ отправился по своему назначенію. Онъ оставилъ главную квартиру за нѣсколько дней передъ этой безпорядочной битвой при Джерментаунѣ.

Скерреттъ былъ молодой, горячій наѣздникъ. На слѣдующій же день лошадь его захромала, а на пріисканіе другой онъ долженъ былъ потратить нѣкоторое время. Вечеромъ восьмого октября, когда онъ приближался къ Сѣверной-Рѣкѣ, чтобы переѣхать въ Пикскилль, поселяне предостерегали его, извѣщая, что шестого числа сэръ Генри Клинтонъ завладѣлъ горными укрѣпленіями и что Путнамъ отступилъ къ Фишкиллю.

— Скверныя вѣсти! подумалъ Скерреттъ. Теперь-то генералъ Уашингтонъ окрасится въ цвѣтъ племени Тускарора.

Скерреттъ сдѣлалъ объѣздъ въ сѣверномъ направленіи, перебрался чрезъ Гудсонъ у Ньюбурга и видѣлся съ генераломъ Путнамомъ 9-го октября при захожденіи солнца на фермѣ Фанъ-Ункъ, расположенной на равнинѣ, около мили сѣвернѣе горъ Фишкилля. Впереди поднимались горныя вершины, точно крѣпостная стѣна въ тысячу футовъ вышиною.

Старый Путъ, прихрамывая, поплелся встрѣчать адъютанта Уашингтона. Это былъ извѣданный ветеранъ, съ переломленной костью ноги и начинавшимися припадками паралича; теперь онъ выглядывалъ особенно тоскливо, по причинѣ своихъ неудачныхъ подвиговъ послѣдняго времени.

— Тяжелое времячко, Скерреттъ, сказалъ онъ съ унынiемъ. Я ужь отгадываю, что начальникъ посылаетъ васъ ко мнѣ за подкрѣпленіемъ. Да, онъ—настоящій каннибалъ, не въ мѣру ла-

комый до человѣческаго мяса! Пожалуйста, не мучьте меня хотя сегодня ночью: завтра я соберу военный совѣтъ и посмотрю, что можно будетъ сдѣлать. Вѣдь вы, я думаю, знаете, что случилось?

— Да, такъ слегка.

— Ну, вотъ видите ли: ясно, что капитану удастся соединиться съ этимъ парадным шутомъ, Джэкомъ Боргойномъ. Вмѣсто того, чтобы торчать здѣсь безполезно, право, мнѣ пріятнѣе было бы вернуться домой и прохлаждаться въ какомъ нибудь погребкѣ въ Помфретѣ. Начиная со вчерашняго дня, «Yankee Doodle» будетъ раздаваться не такъ громко, какъ «God save the King». Всему виною былъ этотъ бѣсовскій туманъ — цѣлый день шестого числа у насъ былъ такой густой туманъ, что зги не видно было. Я полагаю, что англійскіе корабли привезли его въ мѣшкахъ изъ своей родины. Они закутали своимъ туманомъ все протяженіе рѣки, и въ то время, какъ я поджидалъ врага за Пикскиллемъ, онъ съ другого конца овладѣлъ фортами. Ничего не подѣлаешь!

Путнамъ замолчалъ, чтобы испустить вздохъ негодованія.

Скерреттъ улыбнулся подъ вліяніемъ краснорѣчія стараго генерала. Когда Путнамъ былъ чѣмъ нибудь взволнованъ, янкеизмы его молодости опять къ нему возвращались, и онъ начиналъ шепелять еще сильнѣе. Никто не зналъ, было ли то природное шепелянье или насильственное, произведенное ударомъ ружейнаго приклада по челюсти, которую ему повредилъ какой-то невѣжливый галлъ въ 1758 году при осадѣ форта Ти. Его янкеизмы, его косноязычіе, его шутки и непроницательность его плановъ дѣлали изъ этого эксцентричнаго старика самую полнѣйшую комическую фигуру въ эпоху первыхъ дней американской революціи.

— Воображаю, продолжалъ старый Путъ, какъ-то растопыритъ свою здоровенную верхнюю губу этотъ противный пеликанъ—Джэкъ Боргойнъ, когда узнаетъ о случившемся: оставивъ поле сраженія, онъ обратится къ своей собственной спеціальности и напишетъ фарсъ, въ которомъ янки будетъ говорить только: «вотъ тебѣ разъ! Славно насъ отдубасили, клянусь всѣми долларами!»

— А развѣ вы не помните, генералъ, сказалъ Скерреттъ:— какъ дѣло при Бонкеръ-Гиллѣ остановило представленіе одного изъ его фарсовъ? Очень можетъ быть, Гэтсъ и позволитъ ему оттопыривать губу, какъ позволилъ и прежде, когда онъ увидѣлъ, какъ вы наводили добрый конгресъ изъ мортиръ на него, Боргойна и на Бостонъ съ высоты Проспектъ-Гилля. Неужто вы это забыли? Онъ глядѣлъ тогда въ зрительную трубку, и вы сказали, что онъ сильно былъ похожъ на пеликана, набравшаго въ свой зобъ рыбы. Кстати, когда вы видѣли пеликановъ?

— Въ 1762 году, когда мы хотѣли завладѣть островомъ Кубой и не завладѣли имъ. Я разскажу вамъ эту исторію, когда буду немного здоровѣе; мы потерпѣли кораблекрушеніе и цѣлыхъ двое сутокъ кормились одними пеликанами,—мясо жестоко воняетъ рыбой!

— Главное, не надобно приходить въ отчаянье, сказалъ Скерреттъ, видя, что старый генералъ немного развеселился.

— Кто говоритъ про отчаянье? отозвался Путнамъ.—Я увѣряю васъ, мой милый, что мы будемъ вдвоемъ кушать въ Помфретѣ коннектикутскій паштетъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ. Жаль, что на ужинъ у насъ нѣтъ этого блюда.

— Да вѣдь для него здѣсь имѣется довольно сырого матеріала, замѣтилъ Скерреттъ, взглянувъ на множество кислыхъ ягодъ, которыя валялись между снопами и улыбались подъ лучами заходящаго солнца.

— Все это такъ, но здѣсь — штатъ Іоркъ, а какъ только коннектикутскій паштетъ переходитъ за предѣлы родной почвы, то дѣлается Богъ знаетъ чѣмъ—какой-то лосиной шкурой. Не безпокойтесь, пріятель, а мы будемъ сидѣть всякій подъ своимъ стогомъ, на своей землѣ и въ волюшку насвистывать «Yankee Doodle.» Теперь мнѣ гораздо веселѣй, чѣмъ во дни Тикондероги. Разсказывалъ ли я вамъ, какъ французы и ихъ проклятые индійцы удружили мнѣ тамъ?

— Ну, запѣлъ свою старую пѣсенку, подумалъ Питеръ при самомъ началѣ фразы генерала:—какъ жаль, что я не догадался захватить съ собой хлопчатой бумаги, чтобъ законопатить ею себѣ уши!

— Впрочемъ, продолжалъ Путъ, не дожидаясь отвѣта маіора,

я разскажу эту исторію въ другой разъ, вонъ мой ординарецъ несетъ къ моей подписи бумаги. Вы помните, Скерреттъ, сержанта Линкольна?

— Немного бы пришлось мнѣ помнить на этомъ свѣтѣ, если бы онъ не спасъ мнѣ жизни, а вмѣстѣ съ нею и памяти. Хотите-ли, я вамъ разскажу вкратцѣ *мою* исторію. Сцена I. Бонкеръ-Гилль. Какой-то негодяй-британецъ направляетъ остріе своего штыка на мятежническія пуговицы Питера Скерретта, на лѣвой сторонѣ его груди. Мятежникъ, сержантъ Линкольнъ, описываетъ въ воздухѣ кругъ прикладомъ своего мушкета. Сцена II. Бонкеръ-Гилль. Негодяй-британецъ, лежа на спинѣ, созерцаетъ звѣзды и направляетъ свой штыкъ на эти мѣдныя пуговицы голубого неба. Не въ далекомъ разстояніи видны двѣ пары уходящихъ ногъ — вотъ эти, прибавилъ онъ, ударивъ себя по ногамъ,—и ваши, сержантъ Линкольнъ. Вотъ что я называю образцовымъ разсказомъ.

— Безъ всякаго сомнѣнія, — ne quid nimis, не щадя словъ, сэръ, замѣтилъ сержантъ, взявши протянутую ему руку Питера.

Это былъ жиденькій, тихій и повидимому не очень молодой мужчина. Быть можетъ впрочемъ, его болѣе состарило горе, походы или раны, чѣмъ лѣта; онъ подалъ генералу бумаги и удалился.

— Кажется, во всей континентальной арміи только я одинъ имѣю ординарца, смекающаго по-латыни, сказалъ Путъ съ видомъ необыкновеннаго удовольствія, какъ будто это обладаніе его самого производило въ Юлія Цезаря:—Линкольнъ былъ, вѣроятно, учителемъ, прежде чѣмъ сталъ въ ряды арміи.

— Что-то отъ него однако не пахнетъ березовой кашей, возразилъ Скерреттъ:—можетъ быть онъ взялся за мечъ, сойдя съ кафедры проповѣдника.

— Ну, однако онъ владѣетъ мечемъ не совсѣмъ духовно: онъ очень храбръ.

— Но не кровожаденъ, замѣтилъ Питеръ.

— О, нѣтъ. У насъ есть вдоволь молодцовъ, которымъ ни почемъ прицѣлиться въ красный мундиръ, спровадить его въ преисподнюю и закричать: «ура! еще однимъ негодяемъ меньше!» Но очень-очень немногіе изъ нашихъ, подобно моему ординарцу,

могутъ разсказать, почему красный мундиръ достоинъ прозванія негодяя и почему, убивая его, мы выполняемъ только свой долгъ въ отношеніи къ Богу и человѣчеству. Увѣряю васъ, что въ рядахъ нашей арміи онъ болѣе способенъ внушить бодрость, болѣе достоинъ уваженія, чѣмъ многіе изъ извѣстныхъ мнѣ генераловъ, украшенныхъ жирными эполетами.

— Такъ почему же онъ не желаетъ выдвинуться изъ рядовъ и самъ украситься эполетами.

— Онъ давнымъ давно уже имѣетъ на нихъ право. Но онъ какъ-то конфузится играть болѣе видную роль. Я догадываюсь, что его мозгъ подвергся когда нибудь сильному потрясенію и что всѣ возможныя нечистоты прилипли къ больному мѣсту.

— Да защититъ меня свобода отъ такого несчастія, съ жаромъ сказалъ Питеръ. Но скажите мнѣ, сержантъ находился при васъ впродолженіи всего этого времени?

— Да, при моемъ отрядѣ. Но въ Уэстчестерѣ его со мной не было. Я оставлялъ его здѣсь для присмотра за складочными магазинами и для набора рекрутъ. Теперь, маіоръ, позвольте мнѣ заглянуть въ эти бумаги. Являйтесь завтра на военный совѣтъ и помогите намъ своимъ разумнымъ словомъ. Мы терпимъ во всемъ недостатокъ. Положеніе дѣлъ становится часъ отъ часу хуже. Даже сегодня утромъ эта бѣшеная собака—генералъ Трайонъ разбойничалъ по сю сторону Пикскилля и сжегъ какую-то жалкую деревушку у подошвы горъ.

— Пожаръ—довольно безчестнее средство, сказалъ, отклоняваясь, Питеръ.

II.

Скерреттъ былъ человѣкъ съ необыкновенно впечатлительной душою.

— Что-то не спорится дѣло правды, подумалъ онъ, выйдя на слѣдующее утро въ своемъ желто-голубомъ мундирѣ—довольно мрачномъ мундирѣ для такого разбитного героя—подышать октябрскимъ воздухомъ съ тѣмъ же наслажденіемъ, съ какимъ онъ уже дышалъ имъ, какъ мы видѣли, выходя изъ домика мистриссъ Бэрдселль.

— Древо свободы немножко подстрижено, продолжалъ онъ размышлять: теперь, я думаю, всѣ подточенные червями члены отпадутъ отъ насъ; но мы, здоровые и спѣлые каштаны, ухватились за самыя надежныя вѣтви и не разстанемся съ ними до тѣхъ поръ, пока не воздадимъ хвалу Всевышнему.

— Великолѣпное сравненіе! Поэзія, чортъ возьми! Да и какъ не сдѣлаться поэтомъ среди подобной поэмы утра! Эй ты, Лукуллъ, старый, жалкій обжора съ твоими пирами и рвотными средствами! Взгляни, какъ я дышу и пыхчу, пыхчу и дышу— понимаешь ли ты эдакое наслажденіе.

— Ура! Теперь-то я вдохнулъ въ себя, съ многоцѣннымъ вздохомъ, самую восхитительную бодрость.

И вотъ онъ идетъ, рѣзвый, полный жизни молодецъ! Ничья мятежническая фигура, разгуливая по родной землѣ безъ петли на шеѣ, не представляла такого привлекательнаго вида. На загорѣломъ лицѣ маіора вился русый, шаловливый усикъ.

Маркизъ де-Шастелю, главный, если не единственный авторитетъ въ дѣлѣ революціонныхъ усовъ, не упоминаетъ въ своемъ «Путешествіи по Америкѣ» объ усахъ маіора Скерретта. Быть можетъ недосмотръ этотъ надобно приписать чувству зависти. Но неоспоримо то, что Усы Скерретта (большое *у*—не опечатка), съ точки зрѣнія цвѣта и завитковъ, были настоящими чадами своего времени. Многіе изъ его товарищей-офицеровъ обрили въ отчаяньи свои верхія губы, когда взглянули на усы маіора. Это-то обстоятельство, можетъ быть, и породило множество безъусыхъ портретовъ нашихъ героевъ.

— Сегодня что нибудь да должно случиться необыкновенное, размышлялъ маіоръ.—Я что-то ужь черезъ-чуръ веселъ. Эта веселость, вѣрно, разразится какой нибудь глупостью до наступленія ночи. Я нахожусь въ томъ уморительномъ расположеніи духа, когда человѣкъ любитъ ближняго, какъ самого себя, увѣренъ въ побѣдѣ и хочетъ драться съ вѣтряными мельницами. А, октябрь! Я упился тобою, вызываю цѣлый свѣтъ помѣряться со мною силами! Эй, удержите меня кто нибудь, а не то я перепрыгну чрезъ горы, схвачу сэра Генри Клинтона за волосы, потомъ въ одинъ скачокъ путешествую въ Саратогу, потащу за собой Джэка Боргойна и, стукнувъ этихъ обоихъ

джентльменовъ головами, переброшу ихъ чрезъ Атлантическій океанъ...

При такомъ волненіи крови и бодрости духа ноги человѣка чуть дотрогиваются до земли, и маіоръ употребилъ самую незначительную часть вѣчности, чтобы перешагнуть чревъ довольно обширную воздѣланную равнину, лежавшую между деревней Фишкиллемъ и главной квартирой генерала Путнама. Дѣйствительно, проспавъ довольно долго послѣ своего путешествія, онъ долженъ былъ теперь поторопиться. Военный совѣтъ, пожалуй, уже собрался, и его члены уже потираютъ свои лбы, обсуждая критическое положеніе арміи.

Домъ на фермѣ Фанъ-Уикъ былъ обращенъ тогда, какъ и теперь, переднимъ фасадомъ къ мѣстности Гайлэндса (Highlands—горная страна), а задней стороной къ пролегавшей тамъ дорогѣ.

— Ну, однако не очень-то шумна, пышна и грозна армія этого израиля—Путнама, думалъ Скерреттъ.—Да гдѣ же здѣсь палатки? А, вѣроятно, люди размѣщены по гумнамъ или спятъ подъ скирдами съ тыквами вмѣсто подушекъ. Да и часовыхъ-то не видно! Впрочемъ у этихъ господъ быть можетъ постоянно протерты глаза и насторожены уши, такъ что топотъ британскихъ башмаковъ и ботфортовъ ихъ не застанетъ врасплохъ.

Однако у открытаго входа, продѣланнаго въ развалившемся полисадникѣ хуторнаго двора, былъ поставленъ часовой, который, завидя маіора Скерретта, обернулся спиной и промаршировалъ по всему протяженію своего поста.

— Ага, подумалъ маіоръ, Джиркъ Деуиттъ по прежнему зорко видитъ... Онъ хочетъ отъ меня увернуться! Бѣдняга! Вѣрно ужь побесѣдовалъ съ бутылочкой. Почему это люди не хотятъ ограничиться атмосферой и упиваются алькоголемъ?!

Скерреттъ вошелъ въ открытые ворота и закричалъ:

— Джиркъ!

Часовой повернулся и отдалъ военную честь.

Бутылкой отъ него такъ и разило! Островъ Ямайка былъ несравненно болѣе могущественнымъ союзникомъ Великобританіи въ эпоху революціи, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Бѣда была бы еще не такъ велика, если бы люди употребляли невыдѣланный

ромъ, въ видѣ патоки, и обмакивали бы въ эту неочищенную сахарную жидкость свой жалкій хлѣбъ изъ гречневой муки!..

— Джиркъ, сказалъ маіоръ ласково. Вѣдь ты обѣщалъ мнѣ не пить.

— Я и не пилъ, отвѣчалъ солдатъ, налагая на себя уголовное наказаніе повѣшеніемъ головы.—Я былъ твердъ, какъ лордъ-канцлеръ, пока мнѣ не довелось быть дома въ Пикскиллѣ, неподалеку отсюда. Тамъ я узналъ, что жена моя сдѣлалась негодяйкой...

Бѣдный парень остановился. Порочная жена—пренепріятная микстура.

— Мы росли вмѣстѣ, сэръ, въ имѣніи Бротертофтовъ. Ее зовутъ Бильсби; это одна изъ самыхъ старыхъ фамилій. Жена моя была чудо какая рѣзвая, миловидная дѣвушка. Вотъ мы обвѣнчались и зажили дружно и были всѣмъ довольны. Хорошо. Когда я поступилъ на службу, лэди Бротертофтъ, вдова нашего господина, предложила моей женѣ ѣхать съ ней въ Нью-Іоркъ и быть ея горничной. Для жены Деунтта, котораго отецъ носилъ званіе сквайра, было немножко унизительно обѣдать на чужой кухнѣ. Ну да это еще ничего, а скверно было то, что домъ лэди Бротертофтъ былъ не въ хорошей славѣ. Женщины, поступавшія туда на службу, всегда дѣлались развратными. Гостиныя тамъ набиты красными мундирами—куда ни глянешь, вездѣ красные люди. Говорятъ, что поэтому-то господинъ ушелъ изъ дома и самъ наложилъ на себя руки. Кто его знаетъ. А жена-то моя и разбаловалась.

Подъ вліяніемъ этого разсказа, веселость Скерретта сдѣлалась нѣсколько умѣреннѣе. Въ словахъ молодого солдата чувствовалось такъ много неподдѣльной, простодушной любви, что маіоръ могъ достаточно понять всю тяжесть его семейнаго горя.

— Вотъ это-то и заставило меня обратиться къ рому, продолжалъ мрачно часовой. Рота, въ которой я служу, получила приказаніе идти въ Пикскилль, чтобы присоединиться къ отряду стараго Пута, и когда я опять увидѣлъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ прежде протекла моя счастливая любовь, когда я увидѣлъ, какъ сладко моя сестра Кэтъ улыбалась своему любезному и цаловала его,—мое ретивое также попросило любви. Всѣ убѣждали меня

не ходить къ женѣ, но, какъ вы можете себѣ представить, я не хотѣлъ еще совершенно вѣрить моему горю. И такъ я отправился въ господскій домъ и увидѣлъ тамъ свою жену: она не смѣла глядѣть мнѣ въ лицо открыто. Нужно было утопить гдѣ нибудь свое горе, и я утопилъ его въ ромѣ. Я не могу напиваться, какъ свинья,—это не въ моемъ характерѣ,—но вѣрите ли, я не былъ трезвъ и одного часу, пока мы не пришли сюда въ Фишкилль.

— Отстань же хоть теперь, Джиркъ, отъ своего пьянства.

— А какая изъ этого польза?

— Вотъ какая. Мы всѣ дорожили тобою, какъ полезнымъ человѣкомъ. Ты намъ нуженъ. Ты не хуже меня знаешь, какое дѣло мы защищаемъ своимъ оружіемъ. Это дѣло нуждается въ тебѣ. Такъ работай же своимъ ружьемъ, какъ честный человѣкъ, противъ короля Георга и старой Ямайки.

Эти ласковые слова и дружескій голосъ ободрили часового.

— Попробую, сказалъ часовой, чтобъ только вамъ угодить, маіоръ Скерреттъ.

Голова его приподнялась, бодрость вновь оживилась.

— Ну то-то же, замѣтилъ маіоръ.—Прежде чѣмъ я отсюда уѣду, намъ, братъ, еще придется вмѣстѣ подраться съ врагомъ и поподчивать его порохомъ.

— Послѣ такой бесѣды нужно втянуть въ себя еще струю октябрскаго нектара, думалъ маіоръ, направляясь къ фермерскому дому.

Онъ шелъ медленно и обозрѣвалъ окрестную мѣстность.

Видъ октября былъ такъ же чудно-хорошъ, какъ упоителенъ его запахъ, а Скерреттъ отъ природы любилъ разнообразіе красокъ.

— Какой дивно расписанный, сверкающій ландшафтъ,—размышлялъ маіоръ:—сколько красокъ, сколько благодатнаго свѣта.. Здѣсь собрались всѣ цвѣта солнечнаго луча—фіолетовый, синій, голубой, зеленый, желтый, оранжевый, красный.... Холмики въ фіолетовой дали, синяя высь неба, голубой небосклонъ у горныхъ вершинъ, зеленыя пастбища, желтые вязы, каштановыя деревья и ясени, оранжевыя тыквы, красные клены! Пламя, краски, блескъ.... О, возьми всю мою кровь, дорогая сердцу

родина, и прости, что я предлагаю тебѣ такой ничтожный даръ за всѣ твои очарованія!..

Картина, которою такъ восторженно любовался маіоръ, представляла двѣ характеристическія части—равнину и возвышенную мѣстность. Кругомъ вольно разстилалась обширная тучная поляна, усѣянная фермами. Впереди, на разстояніи полумили, внезапно поднимались горы, закутанныя въ свои разноцвѣтные плащи—красные, пурпуровые, съ золотою у подошвы бахромой; на вершинахъ правильными переливами перемежались разныя тѣни тѣхъ же цвѣтовъ, а по всей поверхности горъ были разбросаны сосны и кедры въ ихъ вѣчно-юной, вѣчно-зеленой одеждѣ..

Утреннее солнце, выглядывая изъ-за вершинъ, привѣтствовало маіора своимъ блескомъ, какъ бы говоря: «найди-ка, другъ Скерреттъ, подобную картину въ какомъ хочешь климатѣ, на какомъ угодно материкѣ, если можешь!

Маіоръ, прищуривъ оба глаза, обернулся назадъ и восторженно вскричалъ:

— Нѣтъ, не найдти мнѣ нигдѣ такой картины! О, лучезарное! Нѣтъ, не найдти, не найдти...

Когда онъ открылъ свои глаза, ослѣпленныя солнечнымъ свѣтомъ, и оглядѣлся кругомъ, то ему показалось, будто по полю блещутъ безчисленныя, маленькія солнца, тамъ и сямъ собираясь вмѣстѣ, подобно кучамъ блестящихъ золотыхъ ядеръ. То, конечно, были не солнца, а тыквы, желтѣвшія на нивахъ или сваленныя въ большія кучи; ихъ жирные бока, лежа другъ на другѣ, представляли чрезвычайно лакомую наружность.

— Нѣтъ, мы должны удалить отсюда громъ оружія, думалъ маіоръ:—о, свобода, укрѣпи мою десницу на защиту этого благодатнаго края!

Эта пламенная молитва была прервана звукомъ разговаривавшихъ вблизи голосовъ. Въ то-же самое время изъ-за угла дома показался сержантъ Линкольнъ въ сопровожденіи какого-то, до безсовѣстности курчаваго, негра.

— Экая знатная особа! подумалъ Скерреттъ, когда предъ нимъ обрисовалась громадная фигура чернокожаго:—когда меня сдѣлаютъ судьею, я постараюсь завладѣть черепной кожей этого

стараго молодца, чтобы носить ее на своей головѣ вмѣсто парика. Но манеры его тоже довольно странны! Кажется, будтобы онъ тѣломъ и душой принадлежитъ сержанту, точно его вѣковѣчная собственность. Право, загадочная личность — этотъ ординарецъ, говорящій по-латыни.... Я желалъ бы познакомиться съ нимъ покороче и предложить ему свое соболѣзнованіе, если въ самомъ дѣлѣ онъ страдаетъ тѣмъ потрясеніемъ, о которомъ говоритъ старый Путъ. Вѣдь я у него въ долгу и обязанъ вылечить его въ благодарность за то, что онъ избавилъ меня отъ смерти.

Собесѣдники прошли мимо, занятые чрезвычайно оживленнымъ разговоромъ, и Скерреттъ, повернувъ по своему направленію, вошелъ въ домъ фермера, гдѣ офицеры арміи Путнама уже воздыхали о прошлыхъ неудачахъ и составляли проэкты грядущихъ подвиговъ.

Шелковый мундиръ Питера былъ свѣжестью и роскошью въ сравненіи съ износившеюся обмундировкой, которую онъ теперь увидѣлъ. Сподвижники нашей революціи были бодры духомъ, но по ветхости мундировъ они вполнѣ заслуживали прозваніе Вальтеровъ-безсеребренниковъ.

III.

— Ah mon camarade, ma belle moustache! Дружокъ Питеръ! кричалъ полковникъ Ла-Радьеръ при входѣ Скерретта;—Soyez le bien venu.

Пылкій инженеръ, родомъ парижанинъ, побѣжалъ впередъ и съ жаромъ обнялъ своего молодого друга.

— Очень пріятно васъ видѣть, Питеръ, сказалъ капитанъ Ливингстонъ, сухощавый человѣкъ, сынъ зажиточнаго барина. Ну, Радьеръ, этотъ юноша такъ молодецки говоритъ по-французски, что разобьетъ васъ въ-пухъ и прахъ со всѣми вашими sacrebleus. Moi et Anthony, nose sammes fatigués à vous fairé écho.

— И такъ, господа, къ дѣлу, произнесъ старый Путъ.

Прочіе офицеры также поздоровались съ Скерреттомъ, и затѣмъ началось военное пустословіе.

Быть можетъ кому нибудь захочется узнать, о чемъ говорилось на этомъ совѣтѣ и что онъ сдѣлалъ хорошаго.

Чтобы удовлетворить это желаніе, попробуемъ вызвать тѣнь полковника Гомфриса, бывшаго тогда послѣднимъ правителемъ Дерби и Коннектикута, послѣднимъ членомъ Йель-Колледжа, послѣднимъ опекуномъ помѣстья Филлиповъ. Будучи адьютантомъ Путнама, онъ написалъ его біографію. Онъ явился какъ неисправимый стихоплетъ и впослѣдствіи игралъ роль чуть не паряднаго шута при особѣ президента Уашингтона. Въ качествѣ уполномоченнаго онъ ѣздилъ въ Мадритъ, возвратился домой, отличался необыкновеннымъ благонравіемъ и былъ извѣстенъ между своими соотечественниками подъ именемъ посланника изъ Дерби.

Тѣнь Гомфриса услышала вызовъ и является.

— Ну-ка, призракъ, повѣдай намъ кратко и толково, не прибѣгая къ твоимъ любезнымъ шестистопнымъ выкрикиваньямъ, голосомъ стентора, — что творилось на томъ военномъ совѣтѣ? Только, пожалуйста, потолковѣе!

— Молодой человѣкъ, я доложу о вашей грубости Джорджу Уашингтону и Христофору Колумбу въ елисейскихъ поляхъ. Колумбъ скажетъ: «провались, материкъ»! — Джорджъ возгласитъ: «погибни, свобода»! если только окажется, что ваша шишка вѣжливости недостаточно развита.

— Э, пожалуйста, старикашка, безъ наставленій! Раскажи, что же вы дѣлали на томъ совѣтѣ?

— Да правду сказать, ровно ничего, ваше превосходительство — девятнадцатое столѣтіе! отвѣчаетъ пристыженый духъ. Мы обсуждали, дѣлали предложенія и окончательно положили, что не надобно было ничего дѣлать и предоставить непріятелю двигаться, куда ему заблагоразсудится. А тотъ послалъ генерала Вогана сжечь Кингстонъ.

— Довольно, довольно... Убирайся вонъ, призракъ!

Гомфрисъ уходитъ съ твердымъ намѣреніемъ передать Колумбу и Уашингтону, что американцы подѣлались страшными грубіянами.

— Ну-съ, сказалъ напослѣдокъ Путнамъ, мы спорили и обсуждали довольно долго, но я, право, ума не приложу, что

намъ дѣлать съ непріятелемъ. Развѣ кто нибудь изъ васъ, друзья, рѣшится переплыть чрезъ рѣку съ факеломъ въ зубахъ и поджечь одинъ изъ фрегатовъ, находящихся у подошвы горнаго берега. Что вы объ этомъ думаете?

— Погода-то не больно тепла для купанья, отозвался Ливингстонъ.

— Ну такъ придумайте сами что нибудь молодецкое, рѣшилъ Путнамъ. Когда я былъ въ 1758 году близъ форта Ти, и сраженіе намъ наскучало, мы часто творили такія штуки съ индійцами.

— Позвольте мнѣ сказать слово, вмѣшался маіоръ Скраммель, второй адъютантъ Путнама, входя въ комнату послѣ непродолжительнаго отсутствія.

Скраммель былъ красивый мужчина съ некрасивой физіономіей. Такія черты лица и форма носа пророчатъ всегда что нибудь зловѣщее. За неимѣніемъ усовъ, онъ привыкъ подергивать себя за носъ. Быть можетъ онъ подвергалъ свой органъ обонянія этой операціи для того, чтобы означить угрожающія впереди несчастія.

— Пожалуйста, не мямли, Скраммель! сказалъ генералъ. У тебя въ головѣ вѣчно какая нибудь непріятная чертовщина.

— Негръ и дворецкій лэди Бротертофтъ находятся здѣсь съ самыми свѣжими о ней извѣстіями. Я только что говорилъ съ нимъ.

— Неужели, Скраммель? произнесъ Ливингстонъ jotto voce. Нѣтъ ли съ нимъ какого нибудь billet-doux отъ очаровательной миссъ Люси?

— La plus belle personne en Amerique! вздохнулъ Радьеръ.

— А вы не дѣлаете исключенія въ честь ея матушки, этой зрѣлой, роскошной амазонки? спросилъ Ливингстонъ

— Нѣтъ, отвѣчалъ французъ, и затѣмъ принялся склеивать слово къ слову галло-американскую поговорку:—ея матушка съ родни лэди Макбетъ. Я представляю себѣ, что въ ея хорошенькой, бѣленькой ручкѣ блеститъ острый-преострый кинжалъ, который она направляетъ въ мое сердце. Мнѣ такъ и кажется, что она подсыпаетъ ядъ въ тарелку, въ стаканъ, въ бокалъ...

Я говорю самъ себѣ: «ей берегись, Радьеръ! Эта дама, на все способна. Mais мисеъ Люси! Ah, c'est autre chose!

— Бога ради, поторопись, Скраммель, сказалъ съ нетерпѣніемъ Путнамъ; мы всѣ ожидаемъ твоихъ извѣстій.

— Негръ явился сюда по какому-то своему дѣлу,—довольно загадочному, потому что онъ не говоритъ о немъ ни слова; но за то онъ разсказалъ мнѣ, что его г-жа быстро утѣшилась послѣ нашей неудачи, когда мы, потерявъ форты, должны были отступить отъ Пикскилля. Какъ только мы ретировались, она не замедлила собрать у себя въ домѣ своихъ короткихъ знакомыхъ, которыхъ у ней много на британскихъ судахъ, въ арміи Клинтона.

— Я думаю, что это — опаснѣйшая изъ всѣхъ торіевъ, живущихъ въ Уэстчестерѣ, замѣтилъ генералъ: — надобно будетъ принять противъ нея мѣры.

— Какъ, генералъ! Послѣ всѣхъ тѣхъ обѣдовъ, которыми она угощала насъ! сказалъ Ливингстонъ.

— Я желалъ бы, чтобы всѣ ея обѣды вышли изъ меня наружу и внутрь никогда бы не входили, смиренно отозвался старый Путъ: — мнѣ кажется, мы ужь черезъ-чуръ долго болтали о ея мадерѣ.

Военный совѣтъ, повидимому, былъ того же мнѣнія, что засвидѣтельствовалъ тотъ взглядъ, которымъ перебросились между собою его члены.

Въ основаніи этого многознаменательнаго взгляда легла цѣлая бездна важныхъ фактовъ. Представимъ себѣ, что мы вкапываемся въ мозгъ одного изъ этихъ офицеровъ,— хоть бы, для примѣра, въ мозговую область отважнаго Ливингстона —съ цѣлью отрыть нѣсколько извѣстій о мистриссъ Бротертофтъ, относящихся къ началу этой второй части нашей исторіи.

И такъ, снимаемъ скальпъ Ливингстона и верхнюю часть его черепа! Здѣсь, между изворотами мозговой массы мы отыскиваемъ много впечатлѣній, помѣченныхъ клеймомъ: «мистриссъ Бротертофтъ»; стучимся въ свинцовую крышку и находимъ мѣшочекъ. Эко подумаешь, какъ тѣсно человѣческій мозгъ укладываетъ свои мысли! Да иначе и быть не можетъ, потому что онъ долженъ вмѣстить въ себѣ милліоны милліоновъ впечатлѣній жизни. Мы читали исторію о томъ, какъ веревка въ тысячу миль длиною

помѣстилась въ орѣшной скорлупѣ. Мы видѣли самые миніатюрные фотографическіе снимки объявленія американской независимости. Но въ головѣ мысли укладываются далеко тѣснѣе: тутъ каждый клубочекъ мыслей представляетъ такую мелкую, убористую работу, что до употребленія въ дѣло микрометра необходимо обратиться къ помощи микроскопа. Посвѣти же, пожалуйста, Спріусъ, ближайшее къ намъ изъ солнцъ вѣчности, пособи своими лучами нашимъ слабымъ стекламъ и озари нашу работу! Спасибо, голубчикъ Спріусъ! Теперь такъ... теперь хорошо видно! Вотъ эта темная точка выросла въ длину и ширину... Да здѣсь цѣлый омутъ самаго бѣшенаго сладострастья, отъ котораго да пощадитъ насъ небо!!..

Отзывъ Ливингстона-младшаго о мистриссъ Бротертофтъ. Отрывки изъ его воспоминаній.

— Клянусь скальпами и томагоками,—что за дивная женщина! Лѣтомъ 1777 года ей должно исполниться тридцать шесть или тридцать пять лѣтъ; она находится въ полномъ цвѣтѣ своихъ прелестей. Нѣкоторые говорятъ, что сердце въ ней такъ же черно, какъ и ея коса, что она измучила душу своего мужа, который, по ея милости, отправилъ себя въ лучшій міръ. Говорятъ, что ее съѣдаетъ честолюбіе. Этому я вѣрю. Говорятъ, что она — запионая тори и держитъ сторону непріятеля. Ну, разумѣется. Она употребляетъ свой полъ, какъ защиту, красоту, какъ мышеловку. Она, сколько угодно, можетъ увѣрять:— «я хочу только защитить свою собственность и пристроить дочь. Женщины ничего не понимаютъ въ политикѣ и ненавидятъ всякое кровопролитіе.» Вздоръ! Она руководится политикой Катерины Медичи. Ненавидитъ кровопролитіе, скажите пожалуйста! Да она способна зарѣзать человѣка и наслаждаться его предсмертными корчами! Но за то она даетъ превкусные обѣды, напоминающіе Англію болѣе всѣхъ другихъ пиршествъ въ Америкѣ. Бѣдняжка Путъ — этотъ честный, безхитростный, простодушный старикашка! Поглядите на него, какъ онъ разлегся возлѣ нея на софѣ, по горло налившись ея мадерой! Она хорошо знаетъ, какъ близко можно допустить къ своимъ плечикамъ его грубый рукавъ и свѣтложелтые отвороты. А тотъ разсказываетъ ей всѣ свои планы, которые она потомъ шепнетъ одной

маленькой птичкѣ — бацъ! Въ одинъ прекрасный день на насъ обрушиваются красные мундиры— то есть на насъ и на ея диваны!.. Только она садится къ нимъ поближе, чѣмъ прежде къ старому Путу. Объ ней ходитъ много скандальныхъ слуховъ. Старая сплетница — Джуліа Пертри Смитъ, поссорившись съ нею, стала ужь отзываться о ней, какъ обыкновенно отзываются старые сплетницы о своихъ прежнихъ подругахъ. Положимъ, что мистриссъ Бротертофтъ вполнѣ скандальная женщина, но все-таки пріятно видѣть, какъ гордо презираетъ она дурную о себѣ молву. И многіе изъ насъ, бравой молодежи, не хотятъ ни слышать, ни говорить о скандалахъ въ томъ домѣ, гдѣ живетъ прелестная Люси—этотъ нѣжный, чистый, непорочный ангелъ. Носятся слухи, будто мать думаетъ выгодно обвѣнчать ее съ какимъ нибудь краснымъ мундиромъ, какъ-только пріищетъ подходящаго человѣка. Мамаша желаетъ пріобрѣсть такого зятя, который, не смотря на всю ея скандальную жизнь, могъ бы всунуть ее въ общество звѣздъ и подвязокъ Англіи, когда ея имѣнія будутъ совершенно ограждены отъ опасностей войны. Вотъ это не совсѣмъ ладно. Право, не будь я такъ безсовѣстно лѣнивъ, я бы рѣшился отправиться туда и похитить эту невинную, безотвѣтную жертву. Скраммель, съ своей стороны, былъ бы не прочь сыграть какую нибудь подлую штуку, чтобы завладѣть дѣвушкой. Между всѣми нами, молодыми въ желто-голубыхъ мундирахъ, онъ почти одинъ находился въ немилости у миссъ Люси. Мамаша благоволила къ нашему мундиру только въ томъ случаѣ, когда подъ его пуговицами таились кое-какіе нечистые секреты. Ея черные глаза, очень вѣроятно, по физіономіи Скраммеля отгадали въ немъ порядочнаго негодяя, и потому-то она обходилась съ нимъ очень ласково. Бѣдненькая Люси! Положеніе ея изъ рукъ вонъ какъ скверно... А между тѣмъ ея дѣтская привязанность никогда не позволитъ ей увидѣть ясными глазами, что за птица ея матушка.

Довольно Ливингстонъ! Спасибо за эту черту вашего характера! Вотъ вамъ клочекъ вашихъ воспоминаній, помѣченный: «мистриссъ Бротертофтъ!» Теперь завинтите вашъ черепъ, надвиньте кожу на темя и слушайте, что разсказываетъ Скраммель!

— Старый негръ говоритъ мнѣ, продолжаетъ онъ, что послѣ взятія фортовъ Клинтонъ и Монгомери, сэръ Генри Клинтонъ и его адъютантъ преспокойно ночевали въ домѣ Бротертофтовъ.

— Ну, значитъ, ихъ ночлегъ былъ пріятнѣе нашего, когда мы улепетывали по протяженію Гайлэндса, замѣтилъ генералъ. Защищать нашихъ друзей мы не въ силахъ; если непріятель захотѣлъ только расположиться на пріятномъ ночлегѣ, вмѣсто того, чтобы сжечь домъ Бротертофтовъ за оказанное намъ гостепріимство,—тѣмъ лучше для хозяйки.

— Да она сама обрадовалась своимъ гостямъ: старый негръ думаетъ, что она ихъ къ себѣ поджидала.

— Клянусь Джорджемъ и конгрессомъ! вскричалъ Путъ, топнувъ ногою;—да если мнѣ когда нибудь случится быть въ Пикскиллѣ...

— По словамъ ея дворецкаго, она предполагаетъ, что вы никогда не должны туда вернуться, отрѣзалъ Скраммель.

— Если это—всѣ новости, которыя вы припасли для поддержанія въ насъ мужества, то право, сэръ, вамъ бы лучше было молчать, сердито замѣтилъ Путнамъ.

— Еще не всѣ-съ, утѣшалъ его Скраммель:—негръ полагаетъ, что непріятель готовится къ новой противъ насъ экспедиціи. Во всякомъ случаѣ однако адъютантъ не будетъ въ ней участвовать и на нѣсколько дней останется въ помѣстьѣ.

— Кто тамъ у нихъ адъютантъ — лордъ Раудонъ, кажется? спросилъ Путъ:—ну, это очень порядочный джентльменъ, непринадлежащій къ числу тѣхъ бѣшеныхъ, дерзкихъ собакъ, которыя поносятъ насъ своимъ лаемъ...

— Нѣтъ, не Раудонъ. Онъ долженъ былъ получить это мѣсто, но благодаря фамильной претензіи его получилъ маіоръ Керръ.

— Керръ! Ce chien n'est ce pas? шепнулъ Радьеръ Ливингстону.

— Да, отвѣчалъ капитанъ, и надобно вамъ сказать — очень злая собака. До начала войны въ Нью-Іоркѣ онъ очень больно укусилъ Скраммеля за картами. Скраммель не умѣетъ прощать. Онъ ненавидитъ Керра и желаетъ укусить его въ свою очередь. Вотъ послушайте, какъ онъ теперь ворчитъ!

— Достопочтенный маіоръ Керръ, продолжалъ Скраммель, третій сынъ лорда Бендига, генералъ-адъютантъ арміи Клинтона, ненавидитъ, оскорбляетъ насъ и жестоко обращается съ нашими плѣнными. Но это офицеръ съ большимъ значеніемъ въ непріятельскомъ войскѣ. Онъ пробудетъ нѣсколько дней единственнымъ гостемъ въ домѣ Бротертофтовъ. Это — миляхъ въ двадцати отсюда, никакъ не дальше.

Послѣднія слова онъ произнесъ особенно рѣзко, окинувъ взглядомъ всѣхъ членовъ совѣта. Его глаза наконецъ остановились на Ливингстонѣ.

— А, вотъ что! сказалъ этотъ джентльменъ: теперь я начинаю его понимать. Вы хотите отъ маіората Бротертофтовъ той же услуги, какую Принсъ оказалъ въ Нью-Іоркѣ полковнику Бартону. Въ глухую полночь курчавая голова негра просовывается въ дверь спальни, гдѣ изволитъ опочивать маіоръ Керръ. Затѣмъ входитъ Скраммель, приставляетъ пистолетъ къ виску своего плѣнника и уводитъ его въ Фишкилль. Браво! Belle idée, n'est ce pas, mon colonel?

— Magnifique, отвѣчалъ Радьеръ:—поздравляю тебя, мой, Scaramelle!

— Вотъ это, друзья мои, похоже на что нибудь дѣльное, сказалъ Путъ. Для поддержанія въ насъ бодрости намъ необходимо захватить какого нибудь знатнаго плѣнника, въ родѣ Керра, и притащить его въ нашъ лагерь. Дѣло не трудное и успѣхъ почти вѣренъ. Если бы съ меня скинуть десятка два годковъ, то—будь я генералъ или не генералъ, а, право, самъ бы отправился въ эту экспедицію. Ну-ка, кто хочетъ взять въ плѣнъ адъютанта?

— Я помню, сказалъ съ озабоченнымъ видомъ Радьеръ, что нашъ главнокомандующій послалъ сэру Клинтону очень сжатую и довольно рѣзкую записочку. Въ этой записочкѣ говорилось, что какого-то Эдмонда Пальмера наши захватили какъ шпіона, судили какъ шпіона и повѣсили какъ шпіона. Сэръ Клинтонъ выжидаетъ благопріятнаго случая, чтобы отвѣтить на эту записочку, и мнѣ было бы довольно грустно прочесть въ его отвѣтѣ тѣнь одного изъ моихъ друзей, взятаго и повѣшеннаго, какъ шпіона.

— Да почему бы самому Скрамелю не привести въ исполненіе свой проэктъ? спросилъ Ливингстонъ.

— У меня есть свои обязанности, отвѣчалъ адъютантъ.

— Э, сдѣлайте милость, не безпокойтесь, прикрикнулъ генералъ. На время васъ можетъ замѣстить Скерреттъ. Да наконецъ и Гомфрисъ могъ бы оставить свою виршеманію и исправлять двойную службу.

Скраммело, повидимому, не хотѣлось оставлять свое мѣсто вакантнымъ или заглушать намордникомъ музу своего собрата—другого адъютанта.

— А вы, Ливингстонъ, отчего не хотите отличиться въ этомъ дѣлѣ? спросилъ онъ. Вы хорошо знакомы съ мѣстностью, знаете расположеніе дома и, кажется, слышали, какъ взяли въ плѣнъ Прескотта въ Нью-Портѣ.

— Я не нуждаюсь въ составленіи себѣ репутаціи, отвѣчалъ тотъ надменно. Дѣйствительно, его беззаботное мужество было всѣмъ извѣстно:—но я безсовѣстно лѣнивъ, прибавилъ онъ и опять не солгалъ, такъ какъ этотъ недостатокъ капитана ни для кого не былъ тайною.

Другіе молчали. Наконецъ всѣ глаза устремились на тѣ русые усы, о которыхъ молчитъ маркизъ де-Шастелю и которые на этихъ страницахъ пишутся большимъ У, какъ усы, вполнѣ заслуживающіе историческаго уваженія.

Еще прежде обладатель этого тѣлеснаго украшенія былъ произведенъ въ героп извѣстной баллады, начинавшейся такъ:

«Шелъ ночью дождь—британцы пили,
Двѣнадцать было ихъ въ числѣ,—
Вдругъ голосъ звучный и ужасный
Раздался гдѣ-то въ черной мглѣ.

«Вставай, сдавайся и въ дорогу!
Такъ грозный Скерреттъ закричалъ,
Мнѣ Уашингтонъ, во имя правды,
Забрать всѣхъ въ плѣнъ васъ приказалъ...

Далѣе баллада разсказывала въ цѣломъ рядѣ мелодическихъ строфъ, какъ британскіе воины арміи его величества нарѣзались до положенія ризъ на одномъ форпостѣ близъ Филадельфіи,

котораго не защищалъ ни одинъ часовой. Американскій капитанъ —apple jack, сильно понравившійся англичанамъ, также удостоился здѣсь хвалебнаго пѣснопѣнія. «Зачѣмъ тебя пьютъ эти герои? спрашиваетъ баллада, обращаясь къ національному напитку:— куда жь дѣвались въ эту ночь болѣе благородные соки — портвейнъ, хересъ и шампанское?» Потомъ баллада переходитъ къ изображенію несчастныхъ плѣнниковъ: «дождь ливмя лилъ; красные мундиры испачкали своей краской ихъ спины; пыль на ихъ головахъ обратилась въ размокшій клейстеръ, и изъ обуви ихъ выглядывали пальцы». Въ концѣ стихотворенія Уашингтонъ похваляетъ этотъ подвигъ, говоря: «ты — козырь, другъ мой, Скерреттъ; ты первый тузъ во всей колодѣ. Поспѣши же въ Пеннибекерсъ-Милль, а ужь я угощу тебя на славу нашимъ роднымъ напиткомъ!»

Волей-неволей, а вѣчно полѣзай въ герои, кто хоть разъ пожелалъ отличиться въ какомъ нибудь отважномъ дѣлѣ? Общество глядитъ на такого человѣка всякій разъ, какъ хочетъ обратиться къ помощи «deus ex machina».

Въ настоящемъ затрудненіи всѣ глаза впились въ Питера Скерретта, отважнаго плѣнителя и козырнаго туза Уашингтона.

— Генералъ, сказалъ онъ, кажется, я одинъ не имѣю теперь никакого опредѣленнаго занятія. Возложенное на меня порученіе неисполнимо, а между тѣмъ я терпѣть не могу праздности. Позвольте мнѣ отправиться въ эту командировку, если вы приписываете ей какую нибудь важность.

Старый Путъ сталъ глядѣть чрезвычайно серьезно.

— Вѣдь вы рискуете жизнью, сказалъ онъ. Если попадетесь въ ихъ сѣти, вамъ не сдобровать.

— Я зналъ еще утромъ, думалъ маіоръ, что мнѣ до вечера суждено было совершить какую нибудь глупость... Я не ошибся!

— Не безпокойтесь, генералъ, сказалъ онъ громко; — мнѣ это дѣло по сердцу. Чуть-ли не легче быть повѣшеннымъ, чѣмъ проститься съ своей милой головою.

— Ахъ, Скерреттъ! съ унынiемъ сказалъ Ливингстонъ:—Эта

баллада выроетъ вамъ когда нибудь могилу. Вы будете козырять и козырять, пока васъ самихъ жестоко не обремизятъ.

Замѣтимъ, что спустя годъ послѣ объявленія независимости, въ Америкѣ процвѣтали всевозможные каламбуры и остроты. Но хвала небу и прогрессу! Остроты того времени теперь считаются уже отжившими и, какъ преданіе, сохраняются только на столбцахъ еженедѣльныхъ періодическихъ изданій...

Скраммель не былъ восхваленъ въ виршахъ, и ни одинъ лирикъ не назвалъ его героемъ.

— Вашъ пріятель, повидимому, имѣетъ пристрастіе къ похищеніямъ молоденькихъ дѣвочекъ, сказалъ онъ Ливингстону, пошло улыбаясь и дергая себя за носъ.

— Онъ имѣетъ пристрастіе дѣлать то, на что ни одинъ трусъ не рѣшится, отвѣчалъ капитанъ:—впрочемъ, вашъ носъ находится отъ него въ полной безопасности, даже если бы онъ васъ и слышалъ.

— Послушайте, Скерретъ, я стряхну съ себя свою лѣнь, и иду съ вами. Я знаю эту мѣстность вдоль и поперегъ.

— Нѣтъ, Гарри, генералъ Путнамъ не можетъ разстаться съ своимъ остроумцемъ. Довольно и одного офицера. За адъютанта я беру къ себѣ Джирка Деунтта, который отлично знакомъ со всѣми мѣстными особенностями бротертофтскаго помѣстья.

— Налейте Джирка ромомъ, закупорьте и запечатайте его— тогда это будетъ для васъ кладъ.

— Ну, ужь коли вамъ непремѣнно хочется идти въ этотъ походъ—съ Богомъ! сказалъ Путъ:—кстати, если вамъ нуженъ человѣкъ, одаренный твердымъ, неизмѣннымъ мужествомъ, — возьмите съ собой сержанта Линкольна. Не знаю почему, но онъ такъ отлично изучилъ ту мѣстность, какъ будто ползалъ по ней съ колыбели. А гдѣ же этотъ негръ лэди Бротертофтъ, Скраммель?

— Я оставилъ его въ то время, какъ онъ былъ занятъ разговоромъ съ Линкольномъ. Маіору Скерретту не трудно будетъ его надйти.

— А, такъ это та курчавая особа, которую я видѣлъ, подумалъ Скерретъ.

— Смотрите же, непремѣнно захватите Керра, сказалъ Ливингстонъ: — ему нужно дать воспитаніе янки, какъ слѣдовало бы дать его и всей Англіи.

— Да, прибавилъ Радьеръ, надобно прошколить этого Керра и поучить его вѣжливости сквозь наши гнусливые, мятежническіе носы. Надобно пороть этихъ людей розгами, отрѣзанными отъ древа свободы. Пусть отвѣдаютъ нашей свинины и нашихъ бобовъ. Съ Богомъ, дружокъ Скерреттъ! Помоги тебѣ свобода и пошли она тебѣ удачу и счастье!

Всѣ прочіе офицеры также пожелали ему всякаго успѣха, а Гомфрисъ, генералъ отъ виршеманіи, началъ барабанить по своимъ мозгамъ, точно по литаврамъ, чтобы извлечь изъ нихъ заранѣе побѣдную пѣснь въ честь торжественнаго возвращенія героя.

— На обѣдъ вамъ оставаться не зачѣмъ, кричалъ Путъ:— сегодня у насъ солонина съ яблочнымъ соусомъ, да этотъ проклятый іоркскій паштетъ изъ лосиной шкуры — то ли дѣло коннектикутскій паштетъ!

— Да, сказалъ Ливингстонъ,—притомъ я видѣлъ сегодня утромъ, генералъ, какъ вашъ поваръ до тѣхъ поръ гонялся за птицей, пока она не издохла отъ усталости.

— Ахъ, милый Скерреттъ! со вздохомъ сказалъ Радьеръ:— оцѣнитъ ли потомство наши жертвы! Вспомнитъ ли когда нибудь это неблагодарное, забывчивое потомство о тѣхъ французахъ, которые простились съ парижскими cuisines, чтобы питаться свининой и бобами á discrétion, глотать всякую гадость безъ приправъ и пить вашъ противный Appel-Jacques!

Нѣтъ, не почтитъ оно нашу память мраморнымъ мавзолеемъ съ такою надгробною надписью:

Ci — gît La Radiére, colonel;
У него было доброе сердце
И засоренный желудокъ;
Онъ пролилъ все свое пищавареніе
За свободу.

Скерреттъ захохоталъ.

— Я доложу о вашихъ жертвахъ потомству, полковникъ, сказалъ онъ, — и эти страницы исполняютъ обѣщаніе маіора.

Потомъ, не желая, чтобы слѣдъ его поросъ негодной травою, маіоръ повернулся спиной къ обѣду, о которомъ въ ту самую минуту было доложено, и закуснлъ своими собственными соображеніями о предстоящемъ подвигѣ.

— Оставьте меня, воскликнулъ онъ въ глубинѣ души, вы, соблазны лосиноваго паштета и жаркого изъ курицы, издохлой отъ воспаленія легкихъ, благодаря неутомимости ногъ повара! Не искушайте меня, пиршества сибарита, пока не раздастся побѣдный громъ моей артиллеріи!

IV.

Маіоръ Скерреттъ остановился на крыльцѣ фермерскаго дома.

— И такъ, подумалъ онъ, мнѣ нуженъ будетъ Джиркъ Деунттъ;—вонъ онъ какимъ бравымъ солдатомъ стоитъ на часахъ. Видно мои дружескія убѣжденія на него подѣйствовали: доброе слово ничего не стоитъ, а помогаетъ много. Теперь надо поискать Линкольна и негра.

У самой окраины насыпи передъ фермерскимъ домомъ Скерреттъ увидѣлъ сидѣвшаго сержанта.

Голова его покоилась въ рукахъ, согнутое положеніе его спины выражало глубокое отчаянье; шестъ, которымъ изъ колодца поднимаютъ воду, склонившись надъ нимъ, казалось, хотѣлъ пролить въ душу сержанта бальзамъ утѣшенія.

Окрестный ландшафтъ сверкалъ по прежнему; жирныя тыквы продолжали улыбаться; маіоръ находился въ томъ же восхитительномъ расположеніи духа.

— Все выглядываетъ такъ радостно, думалъ онъ,—и только одинъ человѣкъ, этотъ сержантъ борется съ какимъ-то горемъ. На него, пожалуй, нашло то потрясеніе, о которомъ говоритъ Путъ: нужно его развеселить. Кто смѣетъ тосковать въ присутствіи Скеррета?

— Послушайте вы, ординарецъ, сказалъ маіоръ, подходя къ грустившему и опуская на его плечо свою руку: не надобно, голубчикъ, такъ вѣшать носъ! Что съ вами! Чѣмъ я могу вамъ пособить?

Сержантъ приподнялъ свою голову и замоталъ ею безнадежно.

— Благодарю васъ, сказалъ онъ,—но помочь мнѣ уже поздно!

— Поздно! Вотъ это—время, котораго не показываютъ мои часы. Дѣйствительно, всѣ движенія Скерретта обладали эластичностью прыжковъ и тою правильностью баланса, когда человѣкъ знаетъ только одно время—настоящую пору!

Сержантъ поблагодарилъ его улыбкой и необыкновенно граціознымъ поклономъ, но потомъ опять повторилъ свои грустныя слова! «уже поздно.»

— Поздно самого себя отправлять на тотъ свѣтъ, замѣтилъ Питеръ, — а мы перерѣжемъ себѣ глотки развѣ только послѣ дождика въ четвергъ. Да и можете ли вы объяснить мнѣ, скажите Бога ради, что поздно и что *не* поздно? А вотъ я хотѣлъ съ вами немного потолковать. Генералъ сообщилъ мнѣ, что вамъ хорошо извѣстна эта мѣстность.

— Къ несчастью даже слишкомъ хорошо.

— Вотъ изволите видѣть, я предпринимаю походъ противъ непріятеля, находящагося миляхъ въ двадцати отсюда.

Это, повидимому, сильно заинтересовало ординарца.

— Въ двадцати миляхъ отсюда? Никто лучше меня не знаетъ тѣхъ мѣстъ.

— Ужь не тутъ ли скрывается причина его потрясенія? подумалъ маіоръ.

— А, такъ вы для меня самый нужный человѣкъ, продолжалъ Скерреттъ, не обращая вниманія на сильное уныніе своего собесѣдника: — я, видите ли, хочу поохотиться на одного интереснаго звѣрька; при этомъ мнѣ понадобится знаніе всякой тропинки, пролегающей по Гайлэндсу, чтобы убраться восвояси благополучно съ своимъ звѣрькомъ, если только мнѣ посчастливится залучить его въ свои сѣти. Маіоръ Скерреттъ остановился на минуту, изумленный выраженіемъ самаго сосредоточеннаго вниманія и даже какого-то восторга на лицѣ ординарца.

— Продолжайте, продолжайте, сказалъ тотъ повелительнымъ голосомъ, которымъ скорѣе могъ бы говорить главнокомандующій, чѣмъ простой сержантъ.

Какъ и прежде, Скерреттъ почувствовалъ на себѣ и теперь какое-то особенное, чарующее вліяніе этого загадочнаго ординарца, говорившаго по-латыни и кланявшагося съ привычной граціей вельможи.

— Я вызвался, продолжалъ маіоръ, захватить въ плѣнъ одного знатнаго британскаго офицера, проживающаго въ домѣ землевладѣльца, какъ я сказалъ, миляхъ въ двадцати отсюда. Вы мнѣ можете очень пригодиться въ этомъ случаѣ. Васъ рекомендуетъ генералъ Путнамъ.

— Кто же этотъ офицеръ? Его имя, поскорѣе — его имя! задыхаясь, вскричалъ ординарецъ.

— Маіоръ Керръ, отвѣчалъ равнодушно Скерреттъ.

— Подождите, одну только минутку подождите! произнесъ въ изступленномъ волненіи ординарецъ.

Онъ побѣжалъ къ окраинѣ насыпи, откуда вилась тропинка, выходившая на дорогу, которая вела въ мѣстность Гайлэндса; тропинка эта терялась въ опушкѣ лѣса, окаймлявшей подошву горныхъ возвышенностей. Тамъ онъ остановился и закричалъ неистовымъ голосомъ: «Вольтеръ! Вольтеръ!»

Но ни разрушительный философъ этого имени и никакой американскій его тезка не откликались на этотъ призывъ; тогда ординарецъ пустился бѣгомъ внизъ по отлогости. Шляпа его улетѣла съ головы, а напудренная его коса ударялась сзади о воротникъ мундира.

Онъ изчезъ въ чащѣ деревьевъ, но маіоръ слышалъ, какъ шелестѣли его шаги, перебираясь по сухимъ листьямъ, и какъ голосъ его не переставалъ громко выкрикивать: «Вольтеръ! Вольтеръ!»

— Ужь не рехнулся ли онъ! подумалъ Скерреттъ. Великій Вольтеръ, по дряхлости лѣтъ, едва ли станетъ теперь путешествовать, а тревожить его, безъ особенной надобности, не совсѣмъ прилично, потому что это — воинъ «emeritus» нашего праведнаго дѣла. Онъ пробудилъ отъ сна всю Францію. Мы ему обязаны тѣмъ, что эта Франція посылаетъ къ намъ на подмогу своихъ гражданъ Но врядъ ли онъ услышитъ этотъ сумасшедшій крикъ въ своемъ Фернеѣ. Здѣсь между нами, Ла-

Файеттъ, Радьеръ и другіе представляютъ, какъ могутъ, сердце и желудокъ своего учителя.

— Надо слѣдить за бѣглецомъ, продолжалъ онъ раздумывать: — очевидно, его сильно поразила фамилія Керра: очень можетъ быть, что этотъ господинъ порядкомъ насолилъ чѣмъ нибудь нашему ординарцу, и тутъ кроется какая нибудь личина мщенія — итальянское vendetta. А я-то воображалъ себѣ, что этотъ кроткій старичокъ отказался навсегда отъ всякихъ личныхъ стремленій ради патріотизма; я думалъ, что онъ принесъ въ жертву идеѣ всѣ свои симпатіи и антипатіи, дружбу и ненависть, словомъ всѣ свои частныя побужденія.

Маіоръ Скерреттъ направился быстрыми шагами къ окраинѣ насыпи, гдѣ съ самаго начала сержантъ Линкольнъ кликнулъ отсутствующаго философа.

Уже онъ было готовился идти по тропинкѣ, но въ это самое время раздались шаги между деревьями. Черезъ минуту показался ординарецъ; весь запыхавшись, онъ вбѣжалъ вверхъ по отлогости, сопровождаемый другой особою, которая подвигалась медленнѣе и дышала еще тяжелѣе. Это былъ тотъ самый, старый, курчавый негръ, безпрекословно повиновавшійся сержанту, какъ еще прежде замѣтилъ маіоръ Скерреттъ.

— А, такъ вотъ это—Вольтеръ! подумалъ маіоръ:—ну, однако въ первый разъ мнѣ приходится убѣдиться, что дьяволъ чернѣе, чѣмъ его рисуютъ.

Ординарецъ опустился на землю, въ сильномъ волненіи и не переводя духъ.

Вольтеръ взобрался безъ шляпы на вершину отлогости и, сильно уставши, принялся было сдергивать съ головы свой сѣдой парикъ, но такъ какъ онъ оказался приросшимъ къ черепной кожѣ, то негръ оставилъ его in vitu, а самъ раскланялся съ тою развязностью, какая только возможна для чернокожаго, послѣ довольно порядочнаго моціона ногъ.

— Еще такъ недавно, сказалъ сержантъ Линкольнъ, я былъ въ отчаяньи и думалъ, что помочь моему горю уже поздно. Но быть можетъ еще не такъ поздно. Я вѣрю, что самъ Богъ выбралъ васъ, маіоръ Скерреттъ, своимъ орудіемъ для облегченія нашихъ страданій.

— Говоритъ, какъ библія, подумалъ Скерреттъ:—чего добраго, этотъ черный Вольтеръ состоитъ при немъ въ званіи евангелиста. Что-жь это дѣло похвальное.

— Да разскажите мнѣ наконецъ, дружокъ сержантъ, что все это значитъ? сказалъ онъ громко:—намъ нужно поторопиться; вѣдь птичка-то моя можетъ вспорхнуть и улетѣть, если я стану безполезно тратить время.

— Мнѣ довольно грустно сознаться вамъ, мой юный другъ, сказалъ, вставая на ноги, пожилой сержантъ, что я былъ невольно вынужденъ обманывать другихъ; но дѣлать нечего—это сознаніе необходимо. До сихъ поръ вы знали меня подъ ложнымъ именемъ: Я не Линкольнъ, а Бротертофтъ—Эдвинъ Бротертофтъ.

— Какъ? Другъ моего отца! съ жаромъ сказалъ Скерреттъ, схватывая его за руку, тотъ самый Бротертофтъ, на котораго такъ много разсчитывало наше народное дѣло и въ которомъ такъ ошиблось... Скажите же мнѣ, пожалуйста...

Маіоръ Скерреттъ остановился и началъ склеивать въ своемъ умѣ разрозненныя воспоминанія, помѣченныя надписью: «семейство Бротертофтовъ.» Отдѣльные клочки этихъ воспоминаній совершенно пришлись другъ къ другу, и теперь мозгъ его сталъ читать въ нихъ съ тою быстротою, съ какой другой читаетъ цѣлую милю телеграфическихъ знаковъ.

И въ то время, какъ одинъ его глазъ, закатившись внутрь, галопировалъ по клочкамъ воспоминаній, въ то время, какъ онъ вращался съ непостижимою быстротою, дѣлая до милліона оборотовъ въ одну минуту, — другой пристально глядѣлъ на мистера Бротертофта или на сержанта Линкольна, стоявшаго передъ маіоромъ.

Это печальное, болѣзненное, терпѣливое, но все-таки привлекательное лицо, съ своей стороны, помогало памяти маіора и проливало свѣтъ на темныя обстоятельства въ воспоминаніяхъ маіора Скерретта о семейной жизни Бротертофтовъ. Глазъ, смотрѣвшій наружу, помогалъ глазу, заглядывавшему внутрь. Внезапно, благодаря этому косоглазію, маіоръ увидѣлъ ясно то, что смутно представлялось въ его сознаніи. Теперь только онъ

понялъ, какимъ образомъ этотъ кроткій джентльменъ могъ дойдти до такого унынія и обратиться въ ничтожнѣйшее существо на бѣломъ свѣтѣ.

— Часто доводилось мнѣ слышать и читать о подобныхъ тяжелыхъ страданіяхъ, думалъ Питеръ, — но я беззаботно смѣялся надъ возможностью ихъ существованія,—да проститъ мнѣ этотъ смѣхъ небо! Теперь я вижу передъ собой такого страдальца, — и кровь во мнѣ стынетъ! Мнѣ становится какъ-то безнадежно грустно. Но странно однако, что видъ этого человѣка, знакомящій меня съ чувствомъ страданія, внушаетъ мнѣ также мысль, что страдальцу нужно мое участіе. Мнѣ кажется, что я сдѣлался серьознѣе, чѣмъ былъ минуты двѣ тому назадъ— какъ будто постарѣлъ и сталъ чувствовать глубже. Право, я не прочь былъ бы назваться его сыномъ.

— Другъ мой! сказалъ Эдвинъ Бротертофтъ, отвѣчая медленно и грустно, въ то время какъ мозгъ маіора прочитывалъ воспоминанія и торопливо сколачивалъ мысли: — быть можетъ вы спросите меня, отчего жизнь моя пошла не по тому пути, на которомъ хотѣли видѣть ее люди? Эта исторія слишкомъ длинна, слишкомъ тяжела, и можетъ заставить болѣзненно сжаться сердце молодого человѣка.

Но не смотря на весь грустный тонъ этихъ словъ, въ нихъ не чувствовалось никакой жалобы. Онъ смотрѣлъ на событія своей жизни, повидимому, нѣсколько мутными глазами, какъ будто призывая къ себѣ на помощь участіе другого человѣка.

— Но прошлое—умерло! продолжалъ онъ: — а между тѣмъ мнѣ грозятъ новыя несчастія.

— Новыя несчастія! сказалъ маіоръ, чувствуя, что подъ его національнымъ мундиромъ засуетилось сердце отважнаго, пылкаго Питера Скерретта:—а нельзя ли мнѣ съ ними справиться? Какія такія несчастія?

Онъ взглянулъ настоящимъ героемъ. Его усы, о которыхъ упорно молчатъ страницы маркиза де-Шастелю, такъ дерзко выглянули изъ-подъ носа, а ротъ принялъ выраженіе такого рьянаго мужества, что самъ Бротертофтъ, при всемъ своемъ унынiи, не могъ не проникнуться чувствомъ радостнаго удивленія.

Многимъ изъ читателей безъ сомнѣнія извѣстны волшебныя вывѣски. Когда вы идете по улицѣ, то еще издали читаете на вывѣскѣ слово «уксусъ». Вамъ этотъ продуктъ не нуженъ, и потому вы съ нетерпѣніемъ начинаете отворачивать вашу голову отъ лавки. Но по мѣрѣ вашего приближенія, глаза ваши застилаются какимъ-то туманомъ. Вѣдь на вывѣскѣ ясно было написано «уксусъ»,—и вдругъ вы читаете «сахаръ». А вамъ именно нуженъ былъ сахаръ,—и вотъ вы закупаете множество рубленаго сахара, боченокъ сахарнаго песку и нѣсколько головъ, которыхъ коническіе лысые верхи прикрыты бумажными колпаками, окрашенными тирскимъ багрянцемъ.

Эдвину Бротертофту сначала виднѣлась впереди одна надпись—«отчаянье». При словахъ Скерретта онъ подошелъ на шагъ ближе, поднялъ глаза и увидѣлъ, что *отчаянье* смѣнилось болѣе отраднымъ словомъ—*надежда*.

— Назвавъ по имени Керра, сказалъ онъ, вы назвали человѣка, замышляющаго одно зло противъ меня и противъ дорогихъ моему сердцу. Схватите его—и зло изчезнетъ. Я и мой вѣрный старый другъ, Вольтеръ, попробуемъ разсказать вамъ нашу грустную исторію.

Вольтеръ, считая эти слова предисловіемъ, довольно церемонно поклонился.

— Послушайте, Вольтеръ! вы черезъ-чуръ тучны, слишкомъ здоровы и не такъ злы, чтобы носить имя знаменитаго французскаго классика. Я былъ въ Фернеѣ и увидѣлъ этого заклятаго врага ханжества въ ночномъ колпакѣ и халатѣ; онъ показался мнѣ до такой степени морщинистымъ, высохшимъ, однимъ словомъ великимъ, что сильно напомнилъ своею наружностью одну изъ сибиллъ Микель-Анджело. Я вѣрю, что вы не менѣе его преданы дѣлу свободы, но пользуетесь гораздо лучшимъ тѣлеснымъ здравіемъ.

Скерреттъ говорилъ все это съ цѣлію дать старому негру время перевести духъ, а также и для того, чтобы вызвать улыбку на печальное лицо Бротертофта.

— Да, сэръ, отвѣчалъ чернокожій опять съ поклономъ, я—Вольтеръ, главный начальникъ кладовыхъ въ помѣстьи Бротертофтовъ. Меня прежде звали Аннибаломъ, но услышавъ, что

мистеръ Бенъ Френклинъ называлъ Вольтера величайшимъ смертнымъ, я присвоилъ и себѣ это имя.

Онъ замолчалъ и улыбнулся. Его ослѣпительно бѣлые зубы сверкнули поперегъ лица, подобно тому, какъ бѣлый чулокъ прорывается сквозь лакированный сапогъ, слишкомъ тѣсный у подъема.

— Здѣсь въ Фишкиллѣ я пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ, сказалъ Бротертофтъ, и сначала хотѣлъ изгнать изъ своей головы всякую мысль о семействѣ. Но потомъ близость родныхъ мѣстъ произвела свое дѣйствіе. Я предупредилъ вотъ этого преданнаго друга обо всемъ, что касалось до моего положенія, и теперь онъ принесъ ко мнѣ первые вѣсти о моей семьѣ, съ того самаго времени, какъ я оставилъ домъ при разнесшейся молвѣ о лексингтонской битвѣ.

— Да, тому будетъ уже болѣе двухъ лѣтъ, замѣтилъ Скерреттъ.

— А въ эти два года, продолжалъ Эдвинъ, дочь моя изъ дѣвочки превратилась въ женщину.

— А, вонъ оно что! подумалъ Питеръ:—такъ въ этой исторіи играетъ роль и его дочь—la plus belle Радьера. Мои глаза, заглядывавшіе въ Европу, заставили меня почти совершенно забыть о существованіи этой личности. Интересно знать — на кого она больше похожа—на папеньку или на маменьку?

— Да, сэръ, изъ дѣвочки въ женщину, подтвердилъ Вольтеръ, и я увѣряю васъ, что другой подобный лэди нельзя отыскать во всей провинціи—извините, въ цѣломъ государствѣ.

Браво, Вольтеръ! Ты отказываешься говорить на уродливомъ нарѣчіи негровъ! Ты все еще не забываешь своего нерасположенія къ этому жаргону. Смотри же, продолжай помнить, что на этихъ страницахъ ты представляешь типъ той расы, которою такъ интересуется общество! Кристи выводитъ въ своихъ «Minstrels» свой чернокожій типъ въ лицѣ Джима Крау, невозможнаго паяца. Дядя Томъ госпожи Бичеръ Стоу изображается какимъ-то исключительнымъ святымъ; мистеръ Фредерикъ Дугласъ выходитъ на сцену съ поклономъ придворнаго и краснорѣчіемъ оратора; духъ Джона Кальгуна необходимо рвется впередъ и хочетъ быть похожимъ на дикаго гориллу. И такъ

souviens toi, Voltaire, о твоемъ представительномъ значеніи и не заговаривай, пожалуйста, на своемъ patois!

— Оставляя домъ, заключилъ Бротертофтъ: — я думалъ, что все кончено между мной и дочерью, которая отъ меня отреклась. Но я убѣдился, что человѣкъ не въ силахъ навсегда перестать любить свою плоть и кровь.

— Такъ же, какъ плоть и кровь не могутъ перестать любить человѣка, отъ котораго родились, порѣшилъ негръ:—другимъ людямъ доступна только ненависть, но миссъ Люси умѣетъ только любить.

Fort bien, Voltaire! Произношеніе немножко страдаетъ, ну да это вздоръ!

— Только за день или за два до взятія фортовъ мое запоздалое рѣшеніе объ уступкѣ имѣнія дошло до моего друга, сказалъ ex-господинъ.

— И дошло какъ разъ во время, прибавилъ этотъ другъ.

— Дай-то Богъ, вздохнулъ ординарецъ Путнама.

— Да, сэръ, сказалъ негръ, обращаясь къ Скерретту:—нужно было рѣшиться или теперь, или никогда. Вотъ я и пожертвовалъ роскошнымъ обѣдомъ. Сэръ Генри Клинтонъ и его свита должны были у насъ сегодня обѣдать.

— Честная компанія! отозвался маіоръ, думая, что всякому надобно отдать должную дань почтенія.

— Да, сэръ Генри Клинтонъ, повторилъ съ важностью дворецкій. — Однако я не хотѣлъ тамъ оставаться. Моя жена Сафо стряпаетъ на славу, а сынъ мой Платонъ можетъ служить за столомъ, какъ нельзя лучше. Но куда дѣвается весь порядокъ, когда меня нѣтъ на мѣстѣ? Кто подастъ вмѣсто меня сигналы? «Разставляй тарелки! Клади салфетки! Снимай салфетки! Приборы въ кладовую—маршъ!» Кто можетъ искуснѣе меня раскупорить бутылки и разлить мадеру, такъ чтобы она не казалась мутнымъ осадкомъ?

Онъ остановился и вздохнулъ.

Эдвинъ Бротертофтъ молчалъ. Разсказъ о пирахъ красныхъ мундировъ въ помѣстьи, очевидно, не былъ ему пріятенъ.

— Ну, однако мы не больно шибко подвигаемся впередъ, подумалъ Скерреттъ: — эдакъ, пожалуй, не далеко уйдешь.

Надобно поторопить моихъ сподвижниковъ. Имъ извѣстна мѣстность и предстоящія тамъ опасности, тогда какъ я рѣшительно ничего не знаю въ этомъ дѣлѣ. Похлопочу-ка я, чтобы въ пять минутъ его исторія была кончена.

— Послушайте, Вольтеръ, сказалъ онъ: — пусть они всѣ подавятся своими обѣдами. Нельзя ли поскорѣе окончить вашу исторію, а то вы возбуждаете во мнѣ самый мучительный аппетитъ вашими лакомыми разсказами.

— Ха-ха-ха! расхохотался дворецкій, когда уже изчезло видѣніе, въ которомъ онъ представлялъ себя Ганимедомъ, наливающимъ божественный нектаръ громовержцу — сэру Клинтону: — ха-ха-ха! продолжалъ онъ заливаться, опять возвращаясь съ своему чернокожему нарѣчію:—всѣ эти господа въ помѣстьи думаютъ, что я натянулъ ночной колпакъ на голову и лежу больной въ постели.

Затѣмъ старикъ разсказалъ, какъ вчера, притворясь больнымъ, онъ вышелъ подъ вечеръ изъ дому и шелъ проселочными дорогами всю ночь чрезъ Гайлэндсъ; какъ по немъ стрѣляли англійскіе пикеты, заслышавъ стукъ его шаговъ; какъ ноги его спотыкались о валявшіеся камни, а пальцы страдали отъ многихъ попадавшихся по дорогѣ пней; наконецъ, какимъ образомъ, послѣ многихъ опасностей, онъ нашелъ своего господина въ званіи ординарца и увѣдомилъ его о новомъ преступленіи въ домѣ Бротертофтовъ, о томъ преступленіи, которое завершало собою цѣлый рядъ прежнихъ злодѣяній.

Удивительно ли послѣ всего этого, какимъ образомъ мистеръ Бротертофтъ могъ впасть въ такое безмѣрное отчаянье, что оно выражалось даже въ положеніи его спины, что даже колодезный шестъ старался его утѣшить, склонясь надъ его головою?

Удивительно ли, что онъ грустно повторялъ: «уже поздно», и не могъ вѣрить въ лучшее время, означенное на часахъ Скеретта?

Но въ чемъ же заключалось это новое преступленіе? О немъ мы разскажемъ нѣсколько сжато, такъ какъ негодованію предстоитъ раскусить здѣсь довольно горькій орѣшекъ.

V.

— Однимъ словомъ, произнесъ Вольтеръ, возвращаясь къ своему разсказу:—мадамъ Бротертофтъ хочетъ обвѣнчать миссъ Люси съ маіоромъ Керромъ послѣ завтра вечеромъ.

— Обвѣнчать! повторилъ Скерреттъ:—значитъ, эта барышня сама не желаетъ выходить за него замужъ?

— Рѣшительно не желаетъ. Онъ ей противенъ, сэръ!

Вотъ, сэръ Питеръ, вашему негодованію уже и нужно раскусить прегорькій орѣшекъ!

Въ глубинѣ души Питеръ былъ до-нельзя влюбчивымъ мужчиной. Въ немъ неугасимо теплилась «животная искра небеснаго пламени», но она была далеко запрятана подъ оболочкой его мундира, подобно тому, какъ огонь скрывается въ кремнѣ, пока рѣзвый мальчуганъ не извлечетъ изъ него искры посредствомъ огнива.

Для людей судьба также родила эдакаго шаловливаго мальчугана, который тѣмъ только и занимается, что ударяетъ человѣческія сердца одно о другое, отчего получается любовь — тотъ хорошенькій пурпуровый огонекъ, то розовое пламя, по милости котораго щеки покрываются болѣе яркою краской и глаза загораются болѣе живымъ блескомъ, чѣмъ это было прежде. Это могущественное пламя, поселясь въ чистыхъ сердцахъ, превращаетъ ихъ въ ослѣпительно блестящіе брилльянты съ неисчислимыми и привѣтливо улыбающимися гранями; но за то дурныя сердца, послѣ работы этого сильнаго пламени, становятся кучами отвратительнаго сѣраго пепла. Вотъ какъ пошаливаетъ этотъ мальчишка, котораго зовутъ купидономъ, иначе Эротомъ. Уже нѣсколько разъ онъ сталкивалъ сердце Питера Скеретта съ другими разными сердцами, на которыхъ были налѣплены ярлычки: «сердце Анны», «сердце Белинды», «сердце Вероники», «Сердце Гертруды» и такъ далѣе, до самаго конца азбуки. Однако отъ этой операціи до сихъ поръ не получалось особенно яркой искры любви, быть можетъ потому, что мальчишка заставлялъ женское сердце яростно нападать на сердце мужчи-

ны, вмѣсто того, чтобы уравновѣшивать силу ихъ взаимнаго столкновенія. Очень можетъ быть также, что онъ извлекалъ свою искру не въ достаточно темномъ мѣстѣ: вѣдь темнота необходима для яркаго блеска огня такъ же, какъ въ основѣ любви всегда лежитъ страданіе.

Какъ бы то ни было, но Питеръ Скерреттъ таилъ сокровище своей любви подъ оболочкой мундира. Онъ не испыталъ никакихъ любовныхъ разочарованій, никакихъ болѣзненныхъ сжиманій сердца. Его иллюзіи не теряли своей силы, и онъ упорно вѣрилъ, что любовь составляетъ только необходимое условіе брака. Этотъ наивный юноша считалъ бракъ безъ любви ужаснымъ преступленіемъ.

Когда онъ услышалъ разсказъ Вольтера, скрытое сокровище его любви возопило: «позоръ!» Краска негодованія выступила на его щеки, глаза загорѣлись огнемъ негодованія и наконецъ сами усы взволновались негодующими завитками. Подъ вліяніемъ этого негодованія, онъ безсознательно швырнулъ плоскій камешекъ въ птичку, невинно чирикавшую на вблизи желтѣвшей тыквѣ, и затѣмъ предложилъ цѣлый рядъ обстоятельныхъ разспросовъ.

— Убѣждены ли вы, мистеръ Бротертофтъ, въ томъ, что ваша дочь не любитъ маіора Керра?

— Положительно. Она сама мнѣ это объявила.

— А онъ ее любитъ?

— Ему она нужна.

— Это зачѣмъ?

— Да, помилуйте, она красавица и богатая наслѣдница!... Выгоды, кажется, очевидныя.

— Гмъ! Но знаетъ ли она, что Керръ—фатъ и развратникъ, безъ сомнѣнія эгоистъ, очень можетъ подлецъ и навѣрное—человѣкъ безъ сердца?

— Она знаетъ только то, что разсказываетъ ей мать. Истинные друзья изгоняются изъ этого дома.

— Да развѣ она сама ни о чемъ не можетъ догадаться? Развѣ ей такъ трудно найдти какую нибудь причину для отказа? Извините, сдѣлайте одолженіе, если въ моихъ словахъ обнаруживается сомнѣніе въ искренности молодой дѣвушки, но...

— Но вы можете назвать столько женщинъ, которымъ вскружили головы чины и красные мундиры, — хотите вы сказать? Мой другъ, я самъ былъ къ ней неправъ—болѣе, чѣмъ вы можете себѣ представить. Я думалъ, что мое родное дитя заразилось вредными вліяніями. Мы не могли понимать другъ друга. Роковая злоба одного человѣка протянула между нами черную завѣсу, я же съ моимъ израненнымъ сердцемъ не могъ проникнуть истины. Я лишился своей великой вѣры. Я думалъ, что дочь моя всосала въ себя ядъ вмѣстѣ съ молокомъ матери. Я не сомнѣвался, что дочь моя охотно выслушивала мать, которая внушала ей меня презирать и ненавидѣть. И я покинулъ свое дитя. Роковая, несчастная и теперь слишкомъ жестоко наказанная ошибка! За мое уныніе, мою поспѣшность и раннее отчаянье, судьба горько отомстила мнѣ опасностью милой моей дочери! Я несчастный не умѣлъ оцѣнить ее въ моемъ измученномъ сердцѣ!.. Теперь я знаю ее лучше,—теперь, когда быть можетъ уже поздно протянуть ей руку спасенья. Благодаря преданному слугѣ и другу, я понялъ наконецъ мою дочь. Онъ не отходилъ отъ нея, когда я ее покинулъ. Боже, сжалься надо мной, Боже, прости меня!

И чѣмъ болѣе это признаніе выливалось изъ его души, тѣмъ сильнѣе овладѣвало имъ отчаянье. Вдругъ онъ обернулся и схватилъ Скерретта за плечо.

— Что же намъ дѣлать? вскричалъ онъ.

— О, многое! сказалъ спокойно Скерреттъ, одерживая верхъ надъ своей тоскою, возбужденною страданіями отца:—не забывайте, что бракосочетаніе должно совершиться только послѣзавтра, а я вызвался отрекомендовать на этихъ дняхъ нареченнаго жениха генералу Путнаму. Ужь не воображаете ли вы, что я откажусь отъ своего обѣщанія, будь оно противно церковнымъ правиламъ или нѣтъ?

Однако на самомъ дѣлѣ увѣренность его далеко не имѣла той силы, какою были проникнуты его слова. Пока вопросъ заключался только въ томъ, чтобы попытаться захватить плѣнника, Скерреттъ могъ глядѣть на это дѣло равнодушными глазами. Удача приплела бы только одинъ лавровый листокъ къ его corona triumphalis, неудача сорвала бы оттуда одинъ кро-

шечный листочикъ. Захвати онъ плѣнника, раздались бы новыя побѣдныя вирши; нѣтъ плѣнника—нѣтъ и виршей, дѣло обычное. Самая попытка могла бы на время развлечь генерала Путнама и его паладиновъ, пока ихъ хвосты поджаты и пока груди ихъ не наполнятся новымъ воинственнымъ жаромъ:—вотъ и вся исторія.

Но теперь эта экспедиція принимала новый характеръ. Кровь героя заклокотала, сердце запрыгало. Шутка ли—дѣло шло о счастьи женщины!

— Чортъ возьми! размышлялъ маіоръ,—я сохранялъ все свое спокойствіе, когда весь подвигъ заключался въ томъ, чтобы немножко пріободрить упавшихъ духомъ витязей захватомъ плѣнника, который послѣ пошелъ бы въ обмѣнъ, съ неожиданной пощечиной врагу. Но теперь эта исторія заставляетъ меня призадуматься не на шутку. Въ случаѣ неудачи, я само собою разумѣется лишаюсь лавровъ, тогда какъ на несчастную женщину надѣнутъ вѣнокъ изъ оранжевыхъ цвѣтовъ противъ ея воли. Если не поймаю звѣря, красавица достанется Керру. Мнѣ не воспоютъ побѣдной оды, а поэма ея жизни обратится въ панихиду. Нѣтъ, перестану объ этомъ думать, чтобы какъ нибудь не лишиться мужества.

— И такъ, если не ошибаюсь, повершилъ онъ, обращаясь къ отцу, который глядѣлъ на него съ безпокойствомъ, теперь моей защитѣ ввѣряется дѣвичье сердце. Признаюсь вамъ, это дѣло для меня не совсѣмъ ясно. Она не любитъ извѣстнаго человѣка. Эта нелюбовь дала поводъ къ примиренію отца съ дочерью. Да гдѣ же дѣлось ея «не хочу?» Я слышалъ, что женщины прибѣгаютъ къ этому оружію, потрясаютъ имъ и ранятъ даже не при такихъ серьозныхъ обстоятельствахъ.

— Она дѣйствуетъ не свободно, отозвался Бротертофтъ, и находится во власти матери, которая принуждала ее отречься отъ отца. Она также хочетъ приневолить ее и къ этому браку. Люси привыкла повиноваться впродолженіи всей своей жизни. Я думаю и надѣюсь, что если бы ее освободили изъ этой неволи, или хотя на одну минуту поддержали въ ея справедливомъ неповиновеніи, то характеръ ея показалъ бы, что и онъ отъ природы не былъ лишенъ самостоятельности. Но она по

прежнему останется мягкимъ воскомъ въ рукахъ своей матери, а ужь если эта мать, почему бы то ни было, рѣшилась устроить этотъ бракъ, то погубить дочь ей ничего не стоитъ.

— Но какія причины могутъ оправдывать это насиліе?

— Я подозрѣваю здѣсь кое-какія метафизическія причины, о которыхъ позвольте мнѣ умолчать. Мнѣ очень больно, мой юный другъ, что я вынужденъ былъ говорить неодобрительно о матери моей дочери. Быть можетъ и она дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ изъ желанія добра и только ошибается на счетъ личности Керра.

— Нѣтъ, сказалъ Питеръ, подобный господинъ не можетъ обмануть ни одну женщину въ мірѣ.

— Но съ другой стороны и онъ можетъ быть надежнымъ, сильнымъ другомъ.

— Да, особенно когда эта другая сторона очутится сверху, а мы снизу. Я понимаю, что эта барыня разсчитываетъ спасти отъ конфискаціи свои обширныя имѣнья. Она хочетъ прикинуться нейтральною, повидимому желаетъ успѣха свободѣ, но въ то же время хлопочетъ о пріисканіи себѣ такого зятя, который могъ бы вступиться за ея десятины, если бы свобода попала на висѣлицу.

— Вотъ эти-то соображенія и привели ее къ настоящему шагу. Керръ подвернулся какъ разъ кстати. Клинтонъ одержалъ побѣду. Бѣдную дѣвушку заставили на все согласиться, не давая ей много времени на обдумыванья.

— Но для ея спасенья мы должны поторопиться. Я немедленно принимаюсь за осуществленія моихъ плановъ. Только мнѣ хотѣлось бы узнать обстоятельнѣе все то, что теперь разсказывалъ Вольтеръ.

— Душевно благодарю васъ за участіе къ убитому горемъ страдальцу и къ людямъ, которые для него такъ дороги.

Щеки Питера были слишкомъ смуглы и потому не легко покрывались яркой краской, а на бѣлый лобъ его была надвинута треугольная шляпа. Но въ сердцѣ своемъ онъ почувствовалъ сильный жаръ крови, нужды нѣтъ—разливался ли этотъ жаръ съ внѣшней стороны тѣла или не разливался. Дѣйствительно, имъ овладѣло сердечное влеченіе къ этой слабой дѣвушкѣ; ему суждено было явиться на ея небѣ огненной хвос-

татой кометой, готовой разрушить собиравшееся вокругъ нея празднество. И чѣмъ болѣе онъ хотѣлъ скрыть свой внутренній жаръ, тѣмъ это было для него труднѣе, и жаръ разлился наконецъ заревомъ по его наружности.

Въ каждой порѣ его бѣлаго лба трещало это пламя, подобно тому, какъ рѣзвые пузырьки искрятся на поверхности стакана, налитаго пѣнистымъ клико. Такимъ розовымъ заревомъ прежде не горѣло его лицо, когда щеки Анны, Белинды, Вероники, или Гертруды вызывали его зардѣться сочувственнымъ румянцемъ. Одна мысль объ имени, которое начиналось буквою, стоявшею гораздо ниже въ азбучномъ порядкѣ, зажигала его несравненно болѣе яркимъ пламенемъ, освѣщавшимъ бѣдственное положеніе Люси.

Печальный отецъ, конечно, не могъ замѣтить этого жара такъ же, какъ и Вольтеръ, приступившій теперь къ окончанію своего разсказа.

Надобно опасаться однако, что почтенный старичокъ можетъ возвратиться къ своему неудобоваримому просторѣчію, по милости котораго духъ Джона Кальгуна придетъ въ неописанный восторгъ и станетъ изрыгать разные насмѣшливые идіотизмы негровъ изъ устъ своего типа черной расы — Дикаго Гориллы. Это заставляетъ насъ разсказъ Вольтера приписать третьему лицу. Такимъ образомъ пропуски могутъ быть наполнены, мы получимъ право заглянуть въ сердечко Люси Бротертофтъ и увидимъ, сохранили ли ее небесныя силы, о чемъ уже давно предсказывала повариха Сафо такъ утвердительно.

VI.

Ни одна вѣдьма не представляется очаровательной гуріей своей fille de chambre.

Мистриссъ Бротертофтъ, прелестная вѣдьма, была по достоинству оцѣнена семействомъ Вольтера. Въ этомъ безъ сомнѣнія заключалась часть возмездія за черноту кожи и зависимость положенія.

Миловидную Люси въ кухнѣ также хорошо понимали, и между тремя вѣрными слугами происходилъ не одинъ разговоръ, проникнутый участіемъ къ бѣдненькой барышнѣ.

Глупый вопросъ Сафо «какая самая важная вещь для супа?» не разъ предлагался въ этой семьѣ, хотя Вольтеръ постоянно протестовалъ противъ подобныхъ мужичьихъ умствованій. Платонъ всегда отгадывалъ: «вѣра!» и божился, что прежде онъ никогда не слышалъ этой загадки.

— Вѣра, конечно, нужна, говорилъ Вольтеръ на языкѣ, достойномъ подражанія для своего сына: — но вѣра безъ дѣлъ мертва: гдѣ же тѣ дѣла, которыя могли бы пособить миссъ Люси.

— Только нужно вѣрить, возражала его жена, а дѣла сами явятся, когда настанетъ день оправданія.

Такимъ образомъ Люси, подростая, становилась серьозной, грустной, одинокой молодой дѣвушкою. Сердце ея не могло развернуться, потому что кромѣ матери ей некого было любить. И она любила свою мать невознагражденнымъ чувствомъ. Мать принимала и не отталкивала любовь дочери; впрочемъ, этого было довольно для нѣжной натуры миссъ Люси. Но дружескаго сочувствія между ними никогда не существовало.

— Мнѣ кажется, что она ко мнѣ невыносимо холодна, тогда какъ я люблю ее такъ сильно, говорила сама себѣ Люси:—но развѣ я должна этому удивляться? Преступное поведеніе моего отца разбило ея сердце. Жизнь ея превратилась въ безконечное страданіе. Да и моя жизнь была бы не лучше, если бы я такъ ошиблась въ томъ, кого полюбила. Впрочемъ, мнѣ и теперь такъ тяжело!

Сердце несчастной дѣвушки сжималось, глаза наполнялись слезами и будущность представлялась ей чѣмъ-то необыкновенно мрачнымъ. Печально и одиноко было ея существованіе. Она никогда не могла быть веселою, подобно другимъ дѣвушкамъ. Ея душу вѣчно, безпрестанно тревожило сознаніе какого-то горя. Мнимыя преступленія ея отца — эти невѣдомыя чудовища — надрывали ей сердце. Она думала, что, благодаря имъ, многіе честные люди стали избѣгать домъ Бротертофтовъ. Она не могла не сознавать какой-то необъяснимой разницы между

домомъ ея матери и тѣми домами, куда ей позволялось входить украдкой. Зачѣмъ здѣсь были радушно приняты многіе, вполнѣ отвратительные люди? Когда семейство проживало въ городѣ, она могла скрываться цѣлый день отъ этихъ людей въ своей комнатѣ; никѣмъ незамѣченная, одинокая, она развлекалась чтеніемъ или рукодѣліемъ. Но какимъ образомъ ея мать терпѣла вокругъ себя общество этихъ грубыхъ людей съ ихъ пошлымъ, казарменнымъ разговоромъ?

Конечно, по обстоятельствамъ военнаго времени, мистриссъ Бротертофтъ должна была, при всѣхъ своихъ благородныхъ симпатіяхъ, слѣдовать внушеніямъ благоразумія. «И она думаетъ, быть можетъ, основательно», соображала Люси, «если хочетъ показать свое нравственное благородство единственнымъ, возможнымъ для женщины путемъ — гостепріимствомъ. Но я все-таки совершенно довольна, что она не принуждаетъ меня участвовать въ развлеченіи ея гостей. Мнѣ очень пріятно, что я еще дѣвочка. Кажется, мнѣ никогда не суждено быть женщиной.»

Жизнь ея принимала довольно мрачный характеръ. Она точно была сдавлена жесткими тисками, въ которыхъ двигалась по цѣлымъ днямъ, какъ погибшее и пренебреженное созданіе.

— Странно! говорила о ней Джулія Пертри Смитъ:—у ней здѣсь немножко пусто, продолжала Джулія, дотрогиваясь рукою до своего лба, какъ разъ подъ своими каштановыми волосами:— вѣдь она изъ рода Бротертофтовъ, а извѣстно, что этотъ родъ всегда отличался слабоуміемъ. А впрочемъ, можетъ быть, для ней же лучше, заговорила Джулія почти шопотомъ, если она остается простушкой въ этомъ домѣ. Право, эта глупенькая дѣвчонка не шутя любитъ свою мамашу и считаетъ ее добренькою. Я ужь было пробовала намекнуть ей слегка о добродѣтеляхъ мамаши, но эта дурочка сильно озлилась и назвала меня старой, безстыдной сплетницей, — «старой», скажите пожалуйста!

Такъ поживала Люси, нисколько не подозрѣвая въ своемъ дѣтски-невинномъ сердцѣ, какія тяжелыя испытанія готовились ей въ будущемъ. Въ этой голубиной невинности есть что-то грустно-прекрасное и трогательное. Облако, залитое луннымъ

серебромъ, скользя вверху, надъ улицами огромнаго, развратнаго города, останавливаясь надъ мрачными дворцами— гнѣздилищами порока и преступленія, заглядывая въ мутныя струи рѣки, которая при восхожденіи мѣсяца скрыла тѣло самоубійцы,—эта нѣжная облачная ткань смотритъ на всю грязь и мерзость подлунной съ тою же безсознательной непорочностью, съ какою Люси глядѣла на грозу, собиравшуюся надъ ея головою. Облако не теряетъ своего чистаго, луннаго серебра и скользитъ впередъ, горя незапятнаннымъ свѣтомъ; Люси была вполнѣ проникнута своей нравственной бѣлизной и дѣвственной вѣрой. Ея непорочность нельзя было назвать жаркимъ лучезарнымъ свѣтиломъ; нѣтъ, она окружила дѣвушку тихимъ, кроткимъ свѣтомъ страданья.

Трогательная невинность! Еще трогательнѣе становится она, когда вспомнишь, что характеру предстоитъ развитіе: когда онъ дозрѣетъ до пониманія житейскаго горя и стыда, — тогда-то глаза ясно увидятъ горе и стыдъ тамъ, гдѣ прежде ихъ не замѣчали.

Послѣ этой бѣглой оцѣнки положенія Люси—горькой жизни, несогрѣтой лучемъ любви, Вольтеръ продолжаетъ свой разсказъ далѣе. Вольтеръ думалъ, что мистриссъ Бротертофтъ составила планъ обвѣнчать миссъ Люси съ маіоромъ Керромъ еще весною, передъ ихъ выѣздомъ изъ города. Впрочемъ объ этомъ планѣ она стала говорить открыто только съ того времени, какъ переселилась въ деревню. Вѣроятно, она знала, что теперь нареченные не будутъ видѣться часто другъ съ другомъ.

— Я помню тотъ день, сказалъ негръ, въ который миссъ Люси начала грустить очень сильно. Розы цвѣли вездѣ въ изобиліи. Прежде она любила весь домъ заваливать ими. Часто она напѣвала пѣсенку, собирая ихъ въ букеты. Но съ того дня она уже не дотрогивалась до цвѣтовъ и забыла свою пѣсенку. Крѣпко стала ужь печалиться.

Вольтеръ скоро открылъ причину этой перемѣны.

Люси возненавидѣла розы и всю роскошь весны съ тѣхъ поръ, какъ рука лживаго купидона, самаго заклятаго врага истиннаго Эрота, стала угрожать ея головкѣ противными оранжевыми цвѣтами. Ея тихіе напѣвы умолкли, потому что въ груди ея

болѣло сердце. Въ домѣ поджидали жениха, а мамаша приказала ей запастись самою очаровательною изъ своихъ улыбокъ. Это приказаніе было отдано на лаконическомъ языкѣ мамашинаго деспотизма. Ни съ одной изъ двухъ сторонъ не послѣдовало объясненій. Люси приготовилась повиноваться; она не сопротивлялась бы даже въ томъ случаѣ, если бы ей было приказано занозить себѣ ногу или проглотить уголь. Конечно, она была очень несчастна, но могла быть еще несчастнѣе, если бы судьба не наслала на нее этого невыносимаго потрясенія. Маіоръ Керръ не былъ ей такъ противенъ, какъ другіе изъ числа сообщниковъ ея матери.

Все-таки будущее не сулило ничего отраднаго. Розы весны потеряли въ ея глазахъ всю свою прелесть, и съ ея щекъ сошелъ румянецъ, когда-то соперничавшій съ прелестью розъ. Невѣста не умѣла улыбаться. Улыбка только тогда и можетъ казаться привлекательною, когда исходитъ изъ сердца; она обращается въ плаксивую гримасу, если человѣка хотятъ заставить улыбаться противъ воли.

Когда же наконецъ долженъ былъ явиться женихъ? На этотъ вопросъ онъ самъ не могъ отвѣчать опредѣлительно, хотя и былъ адъютантомъ сэра Генри Клинтона. «Мы скоро намѣрены сдѣлать нападеніе на Гайлэндсъ: тогда вы меня и увидите,» писалъ онъ, прислявъ этотъ отвѣтъ въ серебряной пулѣ. Эти серебряныя пули, склеенныя орѣшныя скорлупы, наполненныя вмѣсто зерна важными извѣстіями, и другіе способы измѣнническої пересылки поддерживали сообщенія между бротертофтскимъ имѣніемъ и форпостами красныхъ мундировъ. Проговаривался ли какъ нибудь этотъ старый, слюнявый Путъ, когда подъ его мундиромъ накоплялось слишкомъ много вина изъ погреба бротертофтскаго имѣнія, приносилъ ли съ собой Скраммель вѣрныя или ложныя извѣстія за честь сидѣть на софѣ миссъ Люси,—всѣ подобные факты заботливо хранились въ карманѣ молоденькой Бильсби или другихъ проживавшихъ въ помѣстьи торіевъ.

— Я видѣлъ, говорилъ Вольтеръ, какъ миссъ Люси унывала все болѣе, но чѣмъ я могъ ей помочь? Какъ нѣмая жаба,

спрятался я въ своей кладовой, откуда миссъ Люси казалась мнѣ ребенкомъ, готовящимся наступить на гремучую змѣю.

Вѣра Вольтера, неподкрѣпленная дѣлами, уже готовилась умереть.

Молоденькая Бильсби явилась въ бротертофтское имѣніе съ извѣстіями объ экспедиціи Клинтона, предпринятой для подкрѣпленія Боргойна, вѣроятно, въ то самое время, когда мистеръ Бротертофтъ увѣдомилъ Вольтера о своемъ пребываніи въ Фишкиллѣ.

— Я не смѣлъ извѣстить миссъ Люси, сказалъ дворецкій, что ея отецъ находится такъ близко, пока мы не увидѣли четвертаго числа, къ нашему удивленію, кораблей его величества короля Георга. Скоро послѣ того изъ-за горъ къ намъ пожаловалъ маіоръ Керръ, красный, какъ свекла.

Когда явился этотъ гость, миссъ Люси въ первый разъ хорошо поняла, какую страшную грозу на нее накликала материнская воля.

Вольтеръ нашелъ ее въ слезахъ и глубокомъ унынiи. Но вѣра скоро подсказала ему слова; нѣмая жаба съумѣла квакнуть: «берегись гремучей змѣи!» — Вы замужъ выходите, миссъ Люси? спросилъ онъ.

Она такъ нуждалась въ участiи, бѣдное, одинокое дитя! Какъ только онъ началъ говорить, можно было видѣть трагическую картину и сцену: она склонила свою голову на плечо старика — это картина; она залилась слезами — это сцена.

Курчавая голова и черная образина прильнули къ прекраснымъ волосамъ и блѣдному личику. Нѣжныя губки дочери стараго, благороднаго линкольншпрскаго дома шептали жалобу; толстыя губы стараго сына Африки произносили слова религіознаго утѣшенія; нѣжная, граціозная ручка, окрашенная благородной кровью (sangre azul — лазоревой кровью, какъ говорятъ испанцы) чувствовала пожатіе шершавой, чернокожей лапы. Бѣдное, бѣдное дитя! Она нуждалась въ другѣ и не судила слишкомъ строго о цвѣтѣ кожи.

— Замужъ! повторила она, когда рыданія позволили ей говорить:—да, Вольтеръ, дня черезъ три или четыре.

— Срокъ короткій—точно вкусный пирожокъ Сафо.

— Мать говоритъ, продолжала молодая дѣвушка, что мнѣ нуженъ покровитель. Теперь маіоръ гоститъ пока у насъ, но его не сегодня—завтра могутъ услать куда нибудь. Мать говоритъ, что само провидѣніе посылаетъ намъ это счастіе и что надобно поспѣшить свадьбой. Она вовсе не глядѣла невѣстой: такъ грустно и испуганно казалось ея личико.

— А вы любите маіора Керра? спросилъ Вольтеръ, нѣсколько ломаннымъ языкомъ.

— Люблю ли я его, Вольтеръ? Не знаю. Говорятъ, что я полюблю его, когда выйду за него замужъ. Такъ мнѣ говорила мать. Она объясняла мнѣ, что обрядъ вѣнчанья и кольцо совсѣмъ меня измѣнятъ. Она говоритъ, что выбрала мнѣ превосходную партію и что я должна быть довольна. О, Вольтеръ! Можетъ быть это грѣшно говорить, но право мнѣ кажется, что моя мать обращается со мной грубо и холодно. Но, вѣроятно, я и не понимаю. Если бы мнѣ Богъ послалъ еще хоть одного друга!

— Онъ у васъ есть, сказалъ Вольтеръ.

— Ты, — я это знаю, отвѣчала она ласково.

— Нѣтъ, этотъ другъ гораздо ближе къ вамъ, чѣмъ я.

— Кто же онъ? Можетъ быть одинъ изъ нашихъ добрыхъ и преданныхъ сосѣдей?

Люси мысленно перебрала имена своихъ немногочисленныхъ доброжелателей; но всѣ наиболѣе порядочные люди были изгнаны изъ дома строгой цензурой матери или обратились въ формѣнныхъ знакомыхъ.

— А вы забыли про вашего батюшку?

— Какъ это можно—забыть! Нѣтъ, когда никто не видитъ, я каждый день приподнимаю занавѣсъ, который скрываетъ портретъ работы Ванъ-Дика. Нашъ предокъ какъ двѣ капли воды похожъ на отца. Я гляжу на портретъ и молю Бога простить моего отца за всѣ его пороки и за то, что онъ оскорбилъ сердце моей матери.

— Это неправда!

Люси въ сильномъ волненіи отступила назадъ, точно передъ нею кто нибудь выстрѣлилъ изъ пушки.

— Неправда! вырвалось опять изъ негодующей груди Воль-

тера:—если въ этой семьѣ и былъ кто нибудь пороченъ, такъ это не онъ; если чье нибудь сердце и было оскорблено, такъ это его сердце.

Въ первую минуту Люси и въ голову не пришло, что въ этихъ словахъ заключалась укоризна ея матери.

— Какъ, Вольтеръ! вскричала она: — такъ онъ не умеръ? Онъ не злой человѣкъ? Онъ не мятежникъ?

— Мятежникъ! повторилъ тезка французскаго радикала;— развѣ онъ мятежничаетъ противъ свободы? Злой человѣкъ! Онъ не такъ золъ, чтобы выдавать свою дочь за перваго встрѣчнаго, лишь бы отъ нея отвязаться! Умеръ! Нѣтъ, миссъ Люси, онъ живехонекъ, находится теперь въ Фишкиллѣ и поручилъ мнѣ передать вамъ свою отцовскую любовь, если вы въ ней нуждаетесь.

Любовь—это слово, даже дурно выговариваемое негромъ— прилетѣла къ ней такимъ отраднымъ, свѣтлымъ ангеломъ, что Люси подняла головку и привѣтствовала этого друга улыбкой. Но улыбаться было еще очень рано.... Безконечная нахмуренная погода сулила впереди однѣ бури. Такъ пусть же разольются слезы,—горькія слезы! Пусть привольно текутъ онѣ, дорогая сестра! Вѣдь не миновала еще повѣсть горя!...

— Неужели онъ меня любитъ? Правда ли все это? Такъ онъ былъ честнымъ человѣкомъ? Такъ меня обманули? Но почему же онъ живетъ не вмѣстѣ съ матерью? За что она его выгнала? Кому я должна вѣрить? Неужели всѣ люди лгутъ? Что все это значитъ? Отвѣчай же мнѣ, Вольтеръ! Отвѣчай, или я право умру....

Вольтеръ смотрѣлъ на нее и молчалъ. Отвѣчать этой невинной дѣвушкѣ значило бы разоблачать ей ужасныя тайны.

Вѣра привела стараго негра къ очень жестокимъ дѣламъ.

— Говори же! сказала Люси, еще болѣе взволнованнымъ голосомъ, который показывалъ зарожденіе новой силы въ ея сердцѣ;—говори! Что ты скажешь о моей матери? Здѣсь кроется какое-то новое несчастіе.... Говори же мнѣ о немъ, а не то я задохнусь....

Опять эти страницы отказываются написать нѣсколко пла-

чевныхъ словъ его отвѣта. Робкимъ шопотомъ онъ сообщилъ ей тайну преступной жизни ея матери.

— Я не вѣрю этому, вскричала въ ужасѣ дѣвушка.

Но она повѣрила.

Она касалась таинственнаго ключа. Съ этихъ поръ она поняла прошедшее и настоящее, конечно смутно, на сколько чистая душа можетъ проникнуть въ позорныя тайны преступленія.

Сначала ею овладѣло отчаянье, гораздо болѣе мучительное, чѣмъ прежде.

Она почувствовала мощную руку судьбы, хотя еще и не могла постигать, что это ощущеніе знаменовало первый шагъ души на пути безсмертнаго сознанія и что теперь въ ея душѣ неизбѣжно должно возникнуть желаніе побѣдоносной борьбы съ судьбою.

— Что же мнѣ дѣлать? вскричала она, боязливо озираясь вокругъ комнаты, какъ будто каждый предметъ въ этомъ домѣ казался ей соумышленникомъ преступленія.

— Бѣгите со мною къ вашему отцу, подсказалъ Вольтеръ.

Она слабо покачала головою. Ея дѣтская воля была неизмѣримо далека отъ такого рѣшительнаго шага.

— Нѣтъ, сказала дѣвушка, я должна повиноваться матери. Въ этомъ мой нрямой долгъ. Она обѣщала мою руку, и я должна согласиться на этотъ бракъ. Я должна повиноваться.

Опять слезы, бѣдное дитя! Вѣдь въ ней такъ сильно вкоренилась прежняя безсознательная невинность.

— Но представьте себѣ, что вашъ отецъ захочетъ, чтобы вы повиновались ему и не соглашались на этотъ бракъ, замѣтилъ Вольтеръ:—представьте себѣ, что онъ поможетъ вамъ убѣжать отсюда!

— Какимъ образомъ?

— Сегодня ночью я думаю пробраться къ нему тайкомъ въ Фишкилль.

— Но ты рискуешь жизнью!

— Тьфу!

Однако, мистеръ Вольтеръ, ваше «тьфу» не совсѣмъ умѣстно въ разговорѣ съ молоденькой барышней; но можетъ быть ни одно другое слово не обладаетъ той силой, съ какою это

некрасивое междометіе выражало все презрѣніе негра къ своей жизни, когда дѣло шло о счастьи бѣдненькой лэди.

— Но, разумѣется, мнѣ не слѣдовало слишкомъ запугивать миссъ Люси, сказалъ онъ маіору, и потому я сталъ увѣрять ее, что въ Гайлэндсѣ мнѣ бояться было нечего и что здѣсь маіоръ Скраммель навѣрное не захочетъ разстрѣлять меня, какъ шпіона.

При этихъ словахъ онъ взглянулъ необыкновенно ехидно.

Питеръ Скерреттъ опять почувствовалъ жаръ на щекахъ, пламя на лбу, но цѣломудренная муза исторіи докладываетъ, что «онъ произнесъ фразу, звучавшую неудовольствіемъ и сомнѣніемъ»

Наконецъ онъ сказалъ самъ себѣ:

— Проклятый Скраммель!

Именно, что проклятый! Но не надобно забывать, что мысль объ этой экспедиціи возникла въ головѣ Скраммеля. Вольтеръ сообщилъ ему о предполагавшемся бракѣ. Послѣ нашихъ наблюденій надъ мозгомъ милѣйшаго Ливингстона мы видѣли, что Скраммель могъ отважиться на всякую подлость, чтобы самому занять мѣсто жениха, а подобные замыслы, очевидно, должны были недружелюбно глядѣть на другія брачныя предположенія.

И такъ безхитростная Люси Бротертофтъ отважилась на свой первый заговоръ. Ея соумышленникъ долженъ былъ взвалить ея слабость на плечи любящаго отца. А до того времени ее заставляли принять участіе въ большомъ пиршествѣ и притворяться первый разъ въ жизни.

И какимъ виновнымъ чувствовало себя это чистое сердце! Какъ боялась она, чтобы неосторожное слово или взглядъ не выдали ея тайны! Какою пыткой сдѣлался для нея жаркій румянецъ щекъ, когда она стала понимать женщину, которую должна была называть своею матерью?

Какъ дрожала бѣдная дѣвушка при страшной мысли, что мать можетъ заглянуть своимъ жестокимъ глазомъ въ ея грудь, прочитать ея сокровенныя думы и, забывая о назначенномъ срокѣ, немедленно отдать ее въ распоряженіе пылкаго жениха! Она знала, что ей нужно было молчать и повиноваться. Теперь, когда въ ней впервые пробудилось сознаніе собственной воли, она увидѣла, какъ робка и ничтожна была эта воля. Бо-

язнь матери, отвращеніе къ нареченному поперемѣнно мучили ея слабое сердце. То ей казалось, что она молитъ о пощадѣ эту женщину, но она ее отталкиваетъ; то ей представлялось, что она умоляетъ жениха сжалиться надъ нею, а онъ, безчувственный, торжествуетъ съ грубымъ злорадствомъ. Несчастная дѣвушка! Только одинъ другъ жалѣлъ о ней—это старый, безстрашный негръ, шагавшій ночью чрезъ Гайлэндсъ, натыкавшійся на часовыхъ и рисковавшій полакомиться пулей, — летучимъ, свистящимъ, смертельнымъ произведеніемъ военной стряпни.

Но не пошли судьба двухъ маіоровъ — Скраммеля съ его замысломъ и Скеррстта съ его исполнительной энергіей—самоотверженіе Вольтера не привело бы ни къ чему утѣшительному. При извѣстіи о страшной опасности дочери, Эдвинъ Бротертофтъ впалъ въ тяжелое отчаянье.

— Чѣмъ я могу пособить? горько сказалъ онъ своему старому слугѣ: — ничѣмъ, — рѣшительно ничѣмъ! Развѣ генералъ Путнамъ, послѣ своего недавняго пораженія, захочетъ отважиться на новую экспедицію туда же, для освобожденія моей дочери? Времена рыцарства миновали безвозвратно. Рыцари уже не слетаются по первому зову, когда молодыя дамы находятся въ опасности; я же безсиленъ и не могу ей помочь. Если она не можетъ защитить себя своими силами, то и ея сердце, подобно моему, будетъ разбито. Эта низкая женщина искалечитъ и ея жизнь, какъ мою искалечила. Зачѣмъ ты ко мнѣ явился! Ты принесъ мнѣ вѣсть, что я могу любить мою дочь только для того, чтобы эта новая привязанность сдѣлалась источникомъ еще болѣе горькихъ мученій моего сердца. Зачѣмъ ты донесъ мнѣ объ этомъ оскорбленіи непорочной женщины — моей дочери? Я и безъ того страдалъ такъ много! Иди назадъ! Что я могу ей передать? Она не нуждается въ безплодномъ утѣшеніи, что я ее люблю, но чѣмъ пособить ей—не знаю. Иной, болѣе здоровый мозгъ, чѣмъ мой, способенъ выдумывать планы; иное, болѣе крѣпкое сердце, можетъ отваживаться на геройскіе подвиги; я же могу только предаваться отчаянью. Я—исковерканный, сраженный человѣкъ, горько живущій день за днемъ и опозоренный безсиліемъ. Былъ когда-то и я другимъ существомъ,

и нерѣдко я чувствую, какъ во мнѣ загорается прежній огонь. Но я—безсиленъ. Дочери моей готовится моя участь. Иди же, Вольтеръ, и оставь меня въ жертву моему горю и отчаянью!

Но какъ только онъ разстался съ негромъ и повернулъ людямъ свою грустно-согнутую спину, откуда ни возьмись, къ нему подошелъ Питеръ Скерреттъ, какъ это мы уже прежде видѣли. Вотъ онъ — могучій плѣнитель, герой пѣснопѣній! Вотъ онъ — воплощеніе рыцарства, молодости, отваги, силы, увѣренности и побѣды,—соединеніе всѣхъ доблестей въ одномъ человѣкѣ, украшенномъ восхитительнѣйшими *Усами* во всей континентальной арміи! Вотъ герой, котораго часовая стрѣлка никогда не показывала: «ужь поздно!» Онъ является для того, чтобы исключить величину Керра изъ задачи бротертофтскаго помѣстья и уравненіе Керръ + Люси = счастью сдѣлать на время невозможнымъ.

Ободрись же, Эдвинъ Бротертофтъ, несчастный, безсильный страдалецъ, возблагодари небо за то, что твое ружье распластало мозги британскаго негодяя подъ Бонкеръ-Гиллемъ и спасло отъ остраго штыка Скерретта, который теперь тебѣ такъ пригодился!

VII.

— Послѣ этого разсказа мнѣ необходимы кое-какія топографическія свѣдѣнія, сказалъ Скерреттъ:—не можете ли вы мнѣ набросить общій планъ вашего дома?

Этотъ живой скелетъ—Бротертофтъ могъ начертить планъ на бумагѣ безъ особеннаго волненія. Но говорить обо всѣхъ подробностяхъ расположенія дома, которыя неизгладимо запечатлѣлись въ его памяти, — для него было бы невыносимо. Стѣны дома, его внутреннее убранство назойливо мучили его воображеніе, представляясь страшнымъ театромъ трагическихъ событій.

Когда онъ чертилъ свой планъ, ему такъ и казалось, что изъ-за навѣса явится обликъ роковой женщины, грозящей покончить драму этой семейной жизни какимъ-нибудь ужаснымъ финаломъ.

— Вотъ этотъ флигель направо, замѣтилъ Скерреттъ: — вѣроятно, возведенъ не такъ давно?

— Онъ былъ пристроенъ настоящей госпожей дома, холодно отозвался прежній владѣлецъ.

— А, вотъ здѣсь конюшни, продолжалъ маіоръ, указывая на планъ: — къ нимъ обращены окна столовой; вотъ разросшіеся кусты, гдѣ право можно устроить засаду. Ну, Вольтеръ, если бы намъ удалось застать вечеромъ, хотя завтра, маіора Керра одного, вотъ въ этой столовой, то я бы съумѣлъ захватить его безъ тревоги.

— Конечно, радостно сказалъ дворецкій:—это дѣло ужь заранѣе рѣшенное.

— Значитъ, Керръ любитъ просиживать здѣсь до поздняго времени? Эка, подумаешь, какъ я хорошо угадываю его привычки.

— Да развѣ онъ можетъ быть любезнымъ кавалеромъ? отозвался съ презрѣніемъ Вольтеръ:—дамы любятъ, чтобъ за ними ухаживали, это я знаю по собственному опыту; а онъ только и думаетъ, какъ бы налить себя по горло виномъ.

— Отчаянный кутила, должно быть?

— Да всякій день, какъ только дамы повстаютъ изъ-за стола, онъ начинаетъ потирать себѣ руки — Вольтеръ сталъ передразнивать маіора Керра—и говоритъ: «эй, курчавая голова, выпьемъ за здоровье моей милашки Люси. Да процвѣтаетъ невѣста Керра?»

При этой фразѣ Питеръ Скерреттъ гнѣвно нахмурился.

— Потомъ, продолжалъ старый негръ: — онъ кладетъ свою пьяную голову на столъ и спитъ до четырехъ часовъ; тогда онъ опять просыпается и сердито оретъ: «эй ты, черное пугало! Слушай ухомъ, а не брюхомъ! Давай другую бутылку, да только если ты ее взболтнешь, я вырву изъ тебя твое черное сердце.» Онъ выпиваетъ эту бутылку и опять начинаетъ: «старый шррртъ... Живѣй, ты, шррртъ... Дрргую бттыыку... Я хшшу выпить за здрррровье, старый шррртъ...» Потомъ онъ немного поетъ и обыкновенно ходитъ скорыми шагами.

— Пусть бы лучше ходилъ медленнѣе, замѣтилъ Питеръ.

— Ну, это ничего! со смѣхомъ сказалъ негръ и потомъ шеп-

нулъ самъ себѣ: — если маіоръ думаетъ, что для благого дѣла и для миссъ Люси его слѣдуетъ накатить мертвецки, я ужь подолью ему въ мадеру нѣсколько капель нашей французской розовой водки... Небось, утихомирится, шелковый будетъ... Ужь это моя забота! Я никому не разсказываю своихъ секретовъ: у меня съ кладовой свои тайные замыслы.

— Право, я ничего здѣсь не могу понять, замѣтилъ Скерреттъ:—вѣдь никакой честный джентльменъ не долженъ мѣшать любви другого человѣка.

— Неужели вы называете святымъ словомъ любви гнусный заговоръ грубаго человѣка съ преступной женщиной, недостойной имени матери? сказалъ Бротертофтъ.

— Нѣтъ, я далекъ отъ этого. Къ счастью, молоденькая дѣвушка не дается въ обманъ. Мнѣ было бы очень непріятно объявить красавицѣ, что она полюбила скота. Но эта красавица, повидимому, сохранила свое сердце слишкомъ чистымъ и не лишилась того прекраснаго, дѣвичьяго инстинкта, который внушаетъ ей отвращеніе къ мерзавцу. Однако, бросимъ эту метафизику: къ чорту всѣ сомнѣнія! Керръ недостоинъ, чтобы съ нимъ обращались, какъ съ джентльменомъ. Англія не должна была бы высылать изъ дому подобныхъ господъ, если только ей не хотѣлось лишать насъ всякаго уваженія къ монархіи. И такъ, мистеръ Бротертофтъ, предположимъ, что я не буду «повѣшенъ, какъ шпіонъ», и захвачу моего плѣнника: освобождаетъ ли этотъ подвигъ вашу дочь отъ всякихъ опасностей?

— Мнѣ хотѣлось бы, если окажется возможнымъ, чтобы послѣ дочь моя была со мною.

— Постараемся сдѣлать это возможнымъ, хотя предпріятіе мое нѣсколько усложняется этимъ обстоятельствомъ. Я могу напасть на Керра, схватить его и убраться по-добру, по-здорову. Подвигъ былъ бы совершенъ, непріятель получилъ бы пощечину, а у нашихъ воиновъ немножко отлегло бы на сердцѣ. Однако можетъ случиться и не совсѣмъ такъ. Клинтонъ, чего добраго, выдастъ головою какого-нибудь американскаго маіора съ придачей нѣсколькихъ капитановъ своему адъютанту, достопочтенному и проч., и проч. Тогда этотъ скотъ опять начнетъ мучить красавицу.

— Спасите только мою дочь, ради Бога, если это можно.

— Попробую. Теперь, Вольтеръ, — вниманіе!

Тотъ открылъ ротъ отъ избытка вниманія.

— Какіе люди будутъ находиться завтра вечеромъ въ домѣ, кромѣ двухъ дамъ и маіора Керра,—я говорю о прислугѣ, понимаешь ли?

— О, теперь насъ такъ немного, смѣшно сказать даже! Когда намъ нужно больше прислуги, мы беремъ простыхъ поселянъ.

— Ну, для успѣха моихъ плановъ очень недурно, что васъ тамъ мало: меня нисколько не забавляетъ многочисленность дворни; да кто тамъ у васъ служитъ?

— Я, Сафо и Платонъ — всѣ трое патріоты: жена Джирка Деуитта и ея сестра, Салли Бильсби—обѣ изъ торіевъ, то есть женщины, ухаживающія за красными мундирами больше, чѣмъ бы слѣдовало.

— А не можешь ли ты устроить такъ, чтобы завтра вечеромъ этихъ двухъ бабъ тамъ не было?

— Это не трудно. Онѣ будутъ рады, если ихъ отпустятъ немножко побѣситься.

— Есть ли въ вашей конюшнѣ лошади, дружокъ Вольтеръ?

— Шесть лошадокъ, —всѣ изъ завода Гарріета Геріота. Вы помните, мистеръ Бротертофтъ?

Эдвинъ Бротертофтъ съ грустью припомнилъ себѣ послѣднюю великодушную услугу стараго Сэма Гэльсуорти. Печальной памятью погрузился онъ въ далекое минувшее, когда ѣхалъ верхомъ, радостно привѣтствуемый южными вѣтрами, напоенными ароматомъ тропическихъ пальмъ, — то время осталось далеко позади: тогда вѣра его была слѣпа, а надежда — такъ юна!..

— Шесть бѣлыхъ кониковъ, подтвердилъ Вольтеръ:—четыре упряжныхъ, верховая лошадь мистриссъ Бротертофтъ и кобылка миссъ Люси, — посмотрѣли бы вы, какъ хороша на ней миссъ Люси!

— Можетъ быть и посмотрю. Скажи Платону, чтобы завтра онъ подсыпалъ побольше овса кобылкѣ: ея госпожѣ, быть можетъ, вздумается покататься вечеркомъ, — а, какъ думаешь, Вольтеръ?

Тотъ улыбнулся.

— Передай миссъ Люси поклонъ отъ ея батюшки, продолжалъ Скерреттъ:—и скажи, что онъ будетъ поджидать ее къ себѣ на лугу, возлѣ окна столовой, завтра въ девять часовъ,— чтобы потомъ ѣхать съ ней въ Фишкилль. Попроси ее быть какъ можно бодрѣе, благоразумнѣе и скажи, чтобы она, отговорившись головной болью, не выходила изъ своей комнатки, пока ее не кликнутъ. А ты, Вольтеръ, любя ее, будь остороженъ, непроницаемъ и гляди въ оба!

При словахъ «будь остороженъ» старый негръ сильно замигалъ глазами; при словѣ «непроницаемъ», онъ плотно закрылъ свои вѣки, а вмѣстѣ съ восклицаніемъ «гляди въ оба», бѣлки его глазъ выпучились такъ страшно, что могли бы ослѣпить самаго зоркаго охотника.

— Ну, слушай, Вольтеръ!

Тотъ опять во всю ширину раскрылъ свой ротъ, какъ будто въ каждой его жилѣ была протянута барабанная перепонка.

— Посмотри на меня внимательно.

Негръ закрылъ ротъ и расширилъ глаза до размѣра чайныхъ блюдечекъ.

— Какъ ты думаешь, узналъ бы ты меня въ красномъ мундирѣ?

Ротъ опять раскрылся зіяющей пропастью.

— Разумѣется, сэръ.

— А безъ усовъ — узналъ бы?

Онъ слегка покрутилъ эту драгоцѣнность. Хорошенькіе кончики усовъ нѣжно обвились вокругъ его пальцевъ.

— Неужели этому суждено случиться? вздохнулъ маіоръ: — о доля рыцарства! о свобода! о свобода! о родина! Какихъ страшныхъ жертвъ вы отъ меня требуете!

Вольтеръ отвѣчалъ, что онъ узналъ бы героя даже съ женоподобной верхней губою.

— И такъ, завтра около восьми часовъ вечера, когда, благодаря второй бутылочкѣ, маіоръ Керръ начинаетъ скоро прохаживаться, я постучусь въ вашу гостепріимную дверь — безъ усовъ, въ красномъ мундирѣ—и буду просить ночлега для запоздалаго британскаго сержанта.

— Васъ должны впустить, сказалъ дворецкій, принимая осанку важнаго барина.

— Со времени проигранной нами битвы при Брэндивайнѣ, эти губы смачивались только нашимъ роднымъ апль-джакомъ и шампанскимъ изъ Джерзи; поэтому ты, разумѣется, подашь мнѣ бутылку хорошей мадеры и накроешь ужинъ для меня и маіора въ столовой.

— О, не шутите съ нимъ! вскричалъ Вольтеръ, внезапно ужаснувшись. Маіоръ Керръ имѣетъ всегда при себѣ длинную, острую саблю и пару пистолетовъ съ золотыми ручками; пуль у него много—много... Всякій разъ во время своего пьянства, онъ кладетъ все оружіе при себѣ сбоку и кричитъ: «слушай и смотри, старый оселъ! Если явится какой нибудь проклятый мятежникъ, я проколю его—вотъ такъ! Я пострѣлю его — вотъ такъ! Нѣтъ, не губите себя, мистеръ Скерреттъ!

(Умѣрь свой страхъ и вмѣстѣ свое чернокожее краснорѣчіе, старый дворецкій!)

— А не можешь ли ты украсть у него оружіе и спрятать его въ своей постелѣ? спросилъ маіоръ.

— Въ моей постелѣ! повторилъ Вольтеръ, опять возвращаясь къ правильному континентальному языку: то есть въ нашей перинѣ? Ну, а что если моя Сафо, легши въ постель и почувствовавъ холодное желѣзо, захочетъ имъ позабавиться, — что тогда?

— Восторженная пѣвица не должна умѣть играть на этой кровавой лирѣ. Отдай Платону и, когда я приду, поставь его въ караулъ у столовой. Скажи ему, что онъ защищаетъ такую образцовую республику, о какой его древній тезка никогда не могъ и бредить. Бротертофтъ улыбнулся при этой классической ссылкѣ. Радушная бесѣда, какъ и ожидалъ молодой маіоръ, нѣсколько ободрила Эдвина.

Никто изъ нихъ не предвидѣлъ, что вооруженіе Платона должно было дать поводъ къ страшному приключенію.

VIII.

— Теперь, Вольтеръ, чѣмъ скорѣе ты принесешь утѣшенія и

предостереженія твоей молоденькой лэди, тѣмъ лучше, сказалъ Скерреттъ. Мнѣ право жаль твоихъ ногъ, которыя ночью должны будутъ маршировать чрезъ Гайлэндсъ.

— Не жалѣйте моихъ ногъ, отвѣчалъ Вольтеръ съ видомъ мученика, потому что они принадлежатъ моей родинѣ и миссъ Люси.

Онъ нѣжно провелъ рукою по бокамъ своихъ кривыхъ ногъ, какъ будто отыскивая саблю, чтобы отразить ударъ. Какъ эти ноги были грустны и измучены! Теперь опять имъ предстояла тяжелая работа, колючіе кустарники и толстыя колоды, разсѣянные на пространствѣ двадцати миль, которыя онъ опять долженъ былъ пройдти во время своего труднаго отступленія.

— И такъ, до свиданья, мой полновѣсный козырь, сказалъ маіоръ:—помни же—будь остороженъ, непроницаемъ и гляди въ оба!

Послѣдовала прежняя пантомима.

— Ну, если мистриссъ Бротертофтъ догадается о чемъ нибудь изъ нашихъ плановъ, то намъ придется разыграть трагедію, продолжалъ Питеръ.

Другіе соглашались съ нимъ и невольно дрожали при этой мысли.

— Я пройдусь немного съ моимъ другомъ, сказалъ Бротертофтъ: теперь мнѣ можно послать болѣе утѣшительную вѣсточку моей милой дочери.

Питеръ глядѣлъ на эти двѣ фигуры, такъ сильно непохожія одна на другую, пока онѣ не изчезли въ чащѣ разноцвѣтнаго лѣса.

— Какъ онъ кротокъ—этотъ пожилой джентельменъ! подумалъ Скерреттъ:—да, слово «кроткій» идетъ къ нему всего лучше. Эта моя первая встрѣча съ израненымъ сердцемъ, и встрѣча эта надолго умѣритъ мою веселость. Впродолженіе всей нашей бесѣды я чувствовалъ на глазахъ слезы, и не расплакался только благодаря этой траги-комической чернокожей особѣ, съ которой я разговаривалъ въ довольно игривомъ тонѣ. Интересно знать, можетъ ли больное сердце выздоровѣть?... Эти женщины вѣчно проказятъ такъ безчеловѣчно. Но въ настоящемъ случаѣ женщина испортила, женщина и должна поправить. Дочь долж-

на возвратить то, что похитила жена. Она должна быть спасена, какъ для нея самой, такъ и для него, хотя бы по милости этой исторіи мнѣ и было суждено вынести ампутацію головы. Право не понимаю, какимъ образомъ находятся люди, неумѣющіе выпутаться изъ бѣды своей собственной энергіей? Но здѣсь фактъ убѣждаетъ меня, что такіе люди дѣйствительно бываютъ. Вотъ для ихъ защиты судьба, какъ я полагаю, и произвела на свѣтъ множество подобныхъ мнѣ взбалмошныхъ рыцарей. Не знаю, удалось ли бы женщинѣ разбить мое сердце! Желательно было бы мнѣ знать, ужь не приглянулся ли миссъ Люси кто нибудь изъ нашихъ молодцевъ, почему она и смотритъ на Керра съ большимъ презрѣніемъ, чѣмъ онъ заслуживаетъ. Но ей не могъ понравиться ни этотъ подлецъ — Скраммель, ни Радьеръ съ его засореннымъ желудкомъ, ни Ливингстонъ, страдающій недостаткомъ сантиментальности, ни Скерреттъ, котораго она никогда не видала и котораго увидитъ въ безъусомъ положеніи. Да, главнокомандующій былъ совершенно правъ, говоря, что меня должно постичь здѣсь какое нибудь особенное приключеніе. Но чтожь дѣлать: каша заварена — приходится хлебать ее!

Онъ подошелъ къ Джирку Деуитту, до сихъ поръ стоявшему у воротъ въ караулѣ; въ эту самую минуту пришла смѣна, и часовой получилъ наконецъ свободу.

— Знакомы ли тебѣ, Джиркъ, эти два человѣка, съ которыми я говорилъ у колодца? спросилъ Питеръ.

— Разумѣется, сэръ: одинъ изъ нихъ былъ сержантъ Линкольнъ, другой—дворецкій лэди Бротертофтъ. Желалъ бы я знать, зачѣмъ явился сюда старый Вольтеръ?

— А такъ онъ не узнаетъ бывшаго своего господина, подумалъ Скерреттъ: — ну, слѣдовательно, и никто не узнаетъ. У этого Джирка глаза всегда имѣли способность видѣть лучше въ темнотѣ и не жмуриться при ослѣпительномъ блескѣ; видно горе завѣсило плотнымъ покрываломъ лице моего друга.

— Вѣдь ты, Джиркъ, я думаю, хорошо знаешь имѣнье Бротертофтовъ и расположеніе ихъ дома.

— Еще бы мнѣ не знать, сэръ! Кажется, наизустъ знаю! Я началъ съ того, что ловилъ тамъ клоповъ и сверчковъ, заг-

лядывая во всѣ закоулки дома. Потомъ я сталъ охотиться на змѣй, гонялся за кроликами и познакомился съ самой мѣстностью. Напослѣдокъ я ловилъ рыбу въ каждомъ ручьѣ, взлѣзалъ на каждую орѣшину, высматривалъ куликовъ въ каждомъ болотѣ, искалъ куропатокъ за каждымъ хворостомъ, однимъ словомъ исходилъ по всему имѣнью вдоль и поперегъ. Я знаю тамъ всякій лѣсочикъ, всякую поляну, всѣ холмики, ложбины, нивы, засѣянныя хлѣбомъ и порожнія земли. Не разъ доводилось мнѣ тамъ скакать верхомъ на лошади, конечно, гдѣ это было можно, потому что мѣстность тамъ большею частью покрыта буграми и завалена здоровенными камнями. Кажется, трудно найдти тамъ какой нибудь лѣсокъ, гдѣ бы я не охотился за оленями, а когда они убѣжали въ Гайлэндсъ, я и туда погнался за ними и познакомился также хорошо со всѣми мѣстами въ Гайлэндсѣ. Еще когда я былъ мальчишкой, мнѣ часто случалось бродить по горамъ, надъ рѣкой, гдѣ я выбиралъ себѣ мѣсто для поселенія. Но теперь я не желаю нигдѣ поселяться въ томъ краѣ. Очень нуженъ человѣку пріютъ и даже самая жизнь, когда его жена занимается развратомъ!

Маіору Скерретту не хотѣлось остановить этотъ потокъ воспоминаній. «Джиркъ, подумалъ онъ, такъ же страдаетъ, по своему, какъ и его прежній господинъ.»

— Ну, а расположеніе дома тебѣ хорошо извѣстно? спросилъ онъ.

— Да, отъ чердака и до погреба. Мой отецъ сквайръ Деуиттъ былъ въ Англіи и говорилъ, что этотъ домъ гораздо болѣе похожъ на англійскія постройки, чѣмъ какой нибудь другой изъ нашихъ небольшихъ домовъ. Да, такъ я сказалъ—отъ чердака и до погреба. Этотъ погребъ я особенно хорошо знаю. Разъ какъ-то мнѣ пришлось туда спрятаться, когда я былъ еще мальчуганомъ и шалилъ возлѣ дома. Войдя въ винный подвалъ, я такъ усердно принялся за напитки, что ромъ чуть навѣки мнѣ не опротивѣлъ—и жаль, что такъ не случилось. Меня поймали, и госпожа велѣла высѣчь меня до крови. Мистеръ Бротертофтъ началъ было за меня просить, но она немного обращала на него вниманія, и чѣмъ болѣе онъ просилъ, тѣмъ меня сѣкли больнѣе. Однако я черезъ-чуръ разболтался, а вы, маіоръ, хотите мнѣ

что-то сказать, ужь я это по вашимъ глазамъ вижу. Зачѣмъ вы стали разспрашивать меня о бротертофскомъ помѣстьи?

— Вотъ видишь ли, тамъ гоститъ теперь одинъ британскій офицеръ, никогда еще непробовавшій бобовъ и свинины; я и обѣщалъ генералу Путнаму привезти этого офицерика къ намъ на обѣдъ.

— Ура! Это—хорошее дѣло! Нашихъ милиціонеровъ всегда надобно чѣмъ нибудь развлекать, иначе они подумаютъ, что война такой же пустякъ, какъ всякое будничное занятіе, и, чего добраго, разбредутся по домамъ, когда имъ надоѣстъ таскаться съ оружіемъ.

— Я хотѣлъ сдѣлать тебя своимъ адъютантомъ. Сержантъ Линкольнъ также идетъ со мною. Но мнѣ нужны еще три человѣка, которыхъ ты потрудись самъ выбрать. Каждый такой молодецъ долженъ стоить цѣлой сотни людей; всѣ наши ребята должны знать мѣстность такъ же хорошо, какъ дорогу къ своему рту. Поищи-ка, голубчикъ Джиркъ!

— Извольте. Во первыхъ Айкъ фонъ-Вартъ. Если бы къ нему прибавить Джэка Польдинга и Дэва Уильямса — тогда у насъ было бы какъ разъ три парня. Но жаль, что Джэка изловили недруги, и онъ теперь содержится въ корабельной тюрьмѣ близъ Іорка. Дэвъ находится теперь въ отпуску и сѣетъ озимую пшеницу своего папаши, чтобы на лѣто было, что провѣять.

Слѣдовательно изъ этого знаменитаго тріо одинъ только Исаакъ фонъ-Вартъ, котораго муза преданія любезно прозвала «деньщикомъ маіора Андре», присоединился къ Скерретту въ его отважномъ предпріятіи.

— Значитъ, мы имѣемъ одного Айка, продолжалъ Деуиттъ:— ну, а вторымъ будетъ Гэльсуортн, старичокъ Сэмъ Гэльсуорти, третьимъ Гендрикусъ Канади, сынъ лекаря, по моему мнѣнію лучшій человѣкъ въ цѣломъ свѣтѣ. Всѣ они—добрые старожилы бротертофтскаго помѣстья, люди мужественные и крѣпкіе сердцемъ. Стрѣляйте въ нихъ пулями, колите ихъ штыками— имъ это ни по-чемъ! Пули имъ такъ же страшны, какъ плевки класснымъ школярамъ, а штыковъ они боятся не больше, чѣмъ вѣдьмы булавокъ.

— Такъ ужь ты, Джиркъ, соберн всѣхъ ихъ здѣсь черезъ

часъ времени. Я присоединюсь къ вамъ, всѣ мы потолкуемъ о нашемъ дѣлѣ, а вмѣстѣ съ захожденіемъ солнца пустимся, благословясь, въ дорогу!

Скерреттъ вообразилъ себя лошадью, побѣжалъ рысью назадъ въ Фишкилль, написалъ прощальныя письма своей матери и брату, затѣмъ нацарапалъ Уашингтону нѣсколько тѣхъ задушевныхъ строкъ, которыя герой такъ любилъ получать отъ своихъ сподвижниковъ, и которыя онъ цѣнилъ гораздо болѣе всего хлама оффиціальныхъ донесеній. Донесеніе говоритъ о фактахъ безстрастно,—будь они отрадны или печальны, тогда какъ рѣзвыя, мужественныя строки носятъ на себѣ печать ума, котораго не помрачатъ траурныя извѣстія, не унизятъ славныя событія. «Пока у меня есть такіе молодцы, какъ Питеръ Скерреттъ», размышлялъ великій Джорджъ, божіею милостью отецъ отечества, получивъ эту записку черезъ двѣ недѣли послѣ тревожной битвы при Джерментаунѣ,—«до тѣхъ поръ я могу прятать свою розовую краску и тускарорскую грамматику въ сѣдельныхъ сумкахъ.»

— Теперь, думалъ Питеръ: — я сдѣлалъ свое духовное завѣщаніе и отправилъ, какъ слѣдовало, депешу: надобно наряжаться въ красный мундиръ.

Онъ развернулъ мундиръ британскаго сержанта, взятый имъ съ собою, на случай необходимости, во время своего послѣдняго одинокаго похода.

— Вотъ мундиръ, сказалъ онъ, приподнимая его съ видомъ уваженія кверху: — въ карманахъ котораго звучали королевскіе шиллинги; а твои карманы, родной, желто-голубой костюмъ, никогда не знались съ презрѣннымъ металломъ, хотя и были напичканы дешевымъ хламомъ континентальныхъ бумагъ.

Онъ снялъ свой національный мундиръ; но ярко-красная изношенная обновка была слишкомъ тѣсна для такого плотнаго героя. Онъ понатужился, перевелъ духъ, опять понатужился и наконецъ кое-какъ влѣзъ въ эту непріятную оболочку.

Потомъ, взявъ маленькое треугольное зеркальце мистриссъ Бэрдселль, вмѣщавшее съ каждой стороны не болѣе трехъ дюймовъ, и выставивъ его впередъ во всю длину руки, онъ принялся осматривать всѣ части своего тѣла.

— Цвѣтъ этого наряда ужь вовсе не присталъ къ моей наружности, замѣтилъ онъ, оглядывая свою голову и шею:—мундиръ рѣшительно не застягивается на моей мощной груди, и мнѣ придется связать его борты веревочками, продолжалъ онъ, осматривая эту принадлежность своего корпуса.—Эти хвостики смѣшны до невозможности,—онъ поднесъ ихъ къ своему зеркальцу.

— Словомъ, закончилъ онъ, проводя зеркальцемъ сверху до низу, я — настоящее чучело de carâpied. Теперь меня не узнала бы сама свобода. Нечего сказать, пріятно показаться въ эдакомъ нарядѣ молоденькой дамочкѣ! О, женщины, женщины! Зачѣмъ эти жены разбиваютъ сердца мужей? Зачѣмъ разцвѣтаютъ богатыя красавицы, становясь приманками для скотовъ? Ахъ, миссъ Люси Бротертофтъ! Не знаете вы, къ какому безчестному плутовству долженъ обратиться Питеръ Скерреттъ по вашей милости! Но худшее еще впереди, о Боже, худшее-то впереди!

Поднявъ зеркальце, онъ поглядѣлъ одну минуту на свое лицо съ видомъ нерѣшительности.

Здѣсь на своемъ обычномъ мѣстѣ красовались русые, геройски завитые усы, ласкавшіе его энергическій носъ, оттѣнявшіе и обрисовавшіе его молодецкую физіономію.

Скерреттъ взглянулъ, вздохнулъ—и смолкъ.

Укрѣпи его, свобода! Вдохнови его, долгъ рыцарства!

Лицо его подернулось пасмурнымъ выраженіемъ.

Онъ схватилъ клинокъ съ отломленнымъ кончикомъ, но съ чудовищно-острымъ лезвеемъ.

То былъ клинокъ бритвы.

— Чт... чт... чт... И одинъ изъ усовъ слетѣлъ съ своего почетнаго мѣста. Посмотрите, какъ грустно онъ держитъ этотъ трофей въ своей рукѣ и оплакиваетъ плоды своей побѣды!

Но будетъ ли его рѣшительность достаточно тверда, чтобы отважиться на вторичное нападеніе? Или онъ останется искалеченнымъ—съ свѣтлымъ усомъ подъ одной ноздрей и чуть примѣтной щетинкой подъ другою?

— Чшшш!.. Совершилось!

Его верхняя губа оскальпирована. Между носомъ и ртомъ

помѣстилась почтенная лысина. Восторгъ изчезъ съ его лица! Верхняя губа, освободившись отъ своего обычнаго баласта, теперь уже вздергивается кверху и собирается морщинистыми складками.

А на столѣ лежатъ его усопшіе усы!

Да, они лежатъ бокъ-о-бокъ, правый усъ къ лѣвому, точь въ точь какъ на своемъ прежнемъ мѣстѣ — печальные останки сраженнаго героя!

Питеръ обернулся слабо и медленно, какъ остриженный Симеонъ.

— О, свобода! о, рыцарское служеніе! стоналъ онъ: — неужели этимъ русымъ останкамъ никто не воздастъ послѣдняго долга?

Но если вѣрить преданію, усы были найдены его хозяйкой, которая, спрятавъ ихъ въ старой коробочкѣ для трупа, предала погребенію на кладбищѣ деревни Фишкилля; гдѣ они и покоятся между другими бренными остатками — руками, ногами, безголовыми туловищами и всѣми возможными трупами героевъ той славной эпохи.

Теперь становится понятнымъ, почему де-Шастелю не хотѣлъ обезсмертить усовъ Скерретта. Быть можетъ верхняя губа Питера соблюдала свой трауръ до самой сдачи Корнуаллиса; быть можетъ — увы! — она никогда уже больше не обростала!

— Ну, теперь потребуются цѣлыя тонны октябрскаго нектара, чтобы разсѣялось мое уныніе, размышлялъ на ходу маіоръ Скерреттъ.

Медовый воздухъ—мягкій, блестящій, благоуханный, нѣжно щекоталъ его губы. Онъ сталъ жадно вдыхать въ себя эту вольную воздушную влагу и наконецъ дошелъ до мѣста условленнаго свиданія въ самомъ восхитительномъ расположеніи духа.

Ординарецъ-Бротертофтъ — сидѣлъ, поджидая маіора и глядя на высоты Гайлэндса, какъ на горы, пригрезившіяся ему въ сновидѣніи. Онъ сохранялъ свой страдальческій видъ, но уже не казался безнадежнымъ.

Джиркъ Деуиттъ и его трое молодцовъ, точно веселые жаворонки, стрекотали на нивѣ, засѣянной тыквами. Двадцать лѣтъ тому назадъ, мы видѣли, какъ эти же самые молодцы, еще бу-

дучи дѣтьми, играли въ чихарду и рѣзвились между надгробными памятниками бротертофтскаго кладбища, въ день похоронъ послѣдняго владѣльца,—въ тотъ самый день, когда старый фонъ-Кортландъ, ставъ въ позу дельфійскаго оракула, предсказалъ, среди веселаго чоканья бокаловъ, этотъ бракъ, начавшійся свѣтлыми упованіями и окончившійся самымъ мрачнымъ горемъ.

Наши четыре молодца всѣ уродились въ своихъ почтенныхъ отцовъ. Мы знакомы уже нѣсколько съ Джиркомъ Деуиттомъ, который разсказалъ намъ, что помѣшало ему оставаться вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ.

Завидя маіора Скерретта, онъ выпустилъ изъ рукъ желтую тыкву, которую готовился уже швырнуть въ голову одного изъ своихъ товарищей, и повелъ шеренгу этихъ молодцевъ къ смотру своего главнаго начальника.

— Вотъ вамъ, маіоръ, нумеръ первый — Айкъ фонъ-Вартъ, сказалъ Джиркъ. Его глаза смотрятъ лучше, чѣмъ чьи бы то ни было другіе на всемъ протяженіи тринадцати штатовъ.

Айкъ дотронулся до своей треугольной шляпы,—единственной, имѣвшейся на немъ принадлежности военнаго туалета, — и немилосердно поднялъ кверху плечи.

Это была худощавая особа, носившая на лицѣ выраженіе лукавства и даже ханжества. Благодаря военнымъ обстоятельствамъ, онъ сдѣлался довольно расторопнымъ солдатомъ. Судьбѣ было угодно даровать ему кличку деньщика маіора Андре. Но на лицѣ его такъ и высказывалось желаніе быть церковнымъ старшиной и хористомъ. Дѣйствительно, онъ умеръ старшиной и хористомъ перваго пресвитеріанскаго прихода въ Гринбургѣ — уэстчестерскомъ.

— Правое плечо впередъ, Айкъ! скомандовалъ Джиркъ: — старый Сэмъ Гэльсуорти, скорымъ шагомъ—маршъ! Вотъ этотъ, доложу вамъ, настоящій кремень, если только кремни ростутъ въ толщину. Въ немъ есть только одинъ недостатокъ — слишкомъ доброе сердце.

Старый Сэмъ выступилъ впередъ и засмѣялся. Но по милости этого смѣха, послѣдняя пуговица отлетѣла отъ его мундира, который былъ черезъ-чуръ тѣсенъ для такого объемистаго туловища. Исторія послѣдней отлетѣвшей пуговицы долго

была предметомъ самыхъ одушевленныхъ разговоровъ того времени. Личность добраго стараго Сэма можно уяснить себѣ лучше, если мы обратимъ вниманіе на его многочисленныхъ потомковъ нашей эпохи — тѣхъ же Сэмовъ, повторяющихся до безконечности. До тридцати лѣтъ они погоняютъ лошадей, запряженныхъ въ экипажи дилижансовыхъ обществъ. Ихъ легко узнать по краснымъ щекамъ, обросшимъ подбородкамъ, грязной одеждѣ и шапкамъ, украшеннымъ позолоченной пуговкой. Они занимаются своимъ дѣломъ неусыпно и мирно. Всѣ называютъ стараго Сэма добрымъ человѣкомъ. Да, но онъ живетъ и наживается, заростаетъ мясомъ и начиняется долларами. Когда ему минуетъ тридцать лѣтъ, онъ женится, обращается въ почтеннаго Гэльсуорти, покупаетъ землю близъ рѣки, занимается распложеніемъ румяныхъ яблокъ и дѣтей, заводитъ гнѣдыхъ коней, и когда является ежегодно въ Буллсъ-Гэдъ, чтобы продать лошадку, знающіе люди держатъ и выигрываютъ пари, что старый сквайръ Сэмъ вѣситъ безъ сюртука по крайней мѣрѣ двѣсти-пятьдесятъ фунтовъ.

— Правое плечо впередъ, Сэмъ! закричалъ фельдфебель: — Гендрикусъ Канади,—маршъ! Не правда ли, маіоръ, онъ выглядываетъ немного кисло, точно вышелъ изъ лазарета? Его отецъ, индійскій лекарь, кормилъ его одними пилюлями, пока онъ наконецъ отъ него не бѣжалъ и не просунулся въ ряды арміи. Но я вызываю всѣ тринадцать штатовъ показать мнѣ болѣе дюжаго парня и съ болѣе широкимъ лбомъ. Я увѣренъ, что онъ попадетъ на конгрессъ, прежде чѣмъ загнуситъ въ свой носъ: «умираю!»

Гендрикусъ Канади, въ свою очередь, заслуживаетъ наше вниманіе. Это была желтая, аптекарская физіономія; его блѣдныя, исхудалыя щеки оканчивались внизу острымъ подбородкомъ. Но туловище его было затянуто въ опрятный мундиръ, а смѣлые глаза какъ будто говорили каждому: «стой и объяснись, кто ты!» Онъ, дѣйствительно, будетъ гнусить въ свой носъ до тѣхъ поръ, пока не перейдетъ въ лучшій міръ, гдѣ, за отсутствіемъ носовъ, гнусливость не въ модѣ. Но рѣшительные люди неоцѣнимы для общества, нуждающагося въ опекѣ, и блуд-

ный сынъ лекаря сдѣлался членомъ конгресса, прежде чѣмъ носъ его долженъ былъ прогнусить: «нынѣ отпущаеши!»

— Ну, друзья, сказалъ Скерреттъ:—мнѣ нравятся ваши лица и тѣ отзывы, которые сдѣлалъ о васъ капитанъ Джиркъ. Вамъ извѣстно, съ какою цѣлью мы собрались: знайте же и то, что она должна быть достигнута. Повинуйтесь приказаніямъ Джиркa и ступайте съ Богомъ,—только не всѣ вмѣстѣ, а въ разсыпную. Общій сборъ назначается вамъ передъ восходомъ мѣсяца, на гумнѣ отца Джиркa, въ бротертофтскомъ помѣстьи. Завтра цѣлый день мы будемъ обозрѣвать мѣстность, а ночью примемся за самое дѣло. Теперь, пожмите другъ другу руки и будьте молодцами!

ЧАСТЬ III.

I.

Первый разъ въ своей жизни Люси Бротертофтъ не хотѣла поцаловать свою мать утромъ того дня, въ который у нихъ долженъ былъ обѣдать сэръ Генри Клинтонъ.

Сердце преступной женщины забило тревогу.

Она догадалась, что дочь наконецъ-то ее оцѣнила по заслугамъ! Позорная женщина! Она не смѣла съ упрекомъ взглянуть на Люси своими большими, черными глазами и попросить забытаго поцалуя.

Она даже не имѣла духа сказать ей нѣжно: «что съ тобой, моя милая, не сердишься ли ты на меня?»

Она не осмѣливалась подойдти къ дочери и приложить свои недостойныя губы къ ея дѣвственнымъ устамъ.

Въ первую минуту грудь ея забилась тревожной любовью; она почувствовала угрызеніе совѣсти. Ей хотѣлось броситься передъ своей дочерью на колѣни, скрыть свое лицо на груди Люси и, заливаясь слезами мучительнаго раскаянія, закричать:

— О, дитя мое родное! Пощади меня, не презирай меня за всю ложь моей жизни! Ты не знаешь, какъ тяжело носить въ своемъ сердцѣ тайну преступленія! Тебѣ неизвѣстны всѣ пытки притворства! Ты не можешь понимать, какъ мучительно быть любимой за злодѣянія, считаться честнымъ и добродѣтельнымъ существомъ, когда каждую минуту новая грязь лжи ложится поверхъ цѣлой бездны моихъ преступныхъ обмановъ! Ты не повѣришь, какъ мы, скрытные лжецы, желаемъ высказаться и какъ дрожимъ отъ стыда и ужаса, когда наступитъ часъ признанія... И ты, моя свѣтлая, чистая дочь, была орудіемъ моего мщенія. Выслушай же теперь все! Прежній мой стыдъ исчезъ,

ужасъ подавленъ. Я каюсь передъ тобой, живымъ портретомъ моего мужа, когда онъ еще былъ полонъ молодой жизни и надеждъ, я признаюсь въ моемъ позорномъ злодѣяніи. Я была позорной женой, лживой матерью. О, не презирай меня, Люси! Я много страдала и осуждена страдать до самаго гроба...

— О! Благодари небо, дитя мое, что ты не можешь понимать и половины моего позора! Пусть мои терзанія, на которыя ты теперь смотришь, будутъ для тебя на всю жизнь страшнымъ урокомъ! Я скрываю свое лицо на твоихъ колѣняхъ и осмѣливаюсь говорить о твоемъ отцѣ, моемъ честномъ, благородномъ супругѣ. Какъ онъ былъ великъ, какъ нѣженъ, какъ чистъ! А я, позорная, стала ненавидѣть его за то, что душа его была благородна, а моя — груба. И я рѣшилась сдѣлать его жертвою моего грубаго мщенія.

— Безумная! Зачѣмъ я не оцѣнила эту чистую, высокую натуру! Позорная! Да, я должна ползать и пресмыкаться между самыми позорными тварями! Жестокая! Я попирала его моими нечистыми ногами! Подлая женщина! Сколько адскихъ насмѣшекъ, сколько утонченныхъ оскорбленій я пустила въ ходъ, чтобъ его обезславить, чтобъ до конца истерзать его возвышенное, рыцарское сердце! Мнѣ кажется, что впродолженіи всѣхъ этихъ лѣтъ я поступала, какъ самая яростная сумасшедшая!

— Но теперь взгляни, дочь моя, взгляни же на мои рыданія? Я каюсь. Душа моя полна горькаго раскаянья и гнушается этимъ трупомъ низкой, ползающей передъ тобой женщины! Я кончила. Я открыла тебѣ, кто я, и теперь поднимаю свои глаза. Я ищу на твоемъ личикѣ всепрощающаго, сострадательнаго взгляда твоего отца. О, поцалуй меня, Люси! Не эти осквернённыя губы, но мой лобъ согрѣй поцалуемъ мира и прощенія!

Такова была дикая агонія любви и раскаянья, охватившая душу преступной женщины.

Но она подавила, задушила ее и торжествовала.

Низкая преступница повалила и зарѣзала каявшуюся грѣшницу.

Ни вздоха, ни слезинки, ни тѣни раскаянья. Она презирала лекарство отъ позора.

Но присутствіе Люси ее стѣсняло. На это кроткое, серьезное лицо она могла смотрѣть только украдкою, изъ подлобья, глазами убійцы.

Старыя подруги — фуріи закружились передъ нею плотной массою тѣней. Въ воздухѣ послышался шопотъ. Видны ли были другимъ эти мрачные призраки? Слышали ли другіе ихъ шопотъ?...

Но она явственно различала эти адскія рѣчи.

— Убей эту глупую дѣвчонку! Избавь себя отъ этого шпіона. Какъ она смѣетъ вѣчно торчать передъ тобою, словно обличеніе твоего позора! — Вотъ что внушали ей фуріи своимъ мрачнымъ шопотомъ.

Преступница не замедлила имъ отвѣчать:

— Да развѣ я и такъ ее не убиваю? Посмотрите, вотъ мой наемный палачъ, мой будущій зять — достопочтенный маіоръ Керръ—le bel homme! Онъ ужь постарается замучить эту глупую куклу, наполняя ея голову страшными мыслями. Посмотримъ, долго ли она будетъ оставаться такою кроткою и послушной. Посмотримъ, чѣмъ Бротертофты лучше другихъ людей. Дѣвчонка стала наконецъ смотрѣть на меня подозрительно, — ну, да я это давно предвидѣла и изготовилась. Послѣ завтра ихъ обвѣнчаютъ, и я навсегда избавлюсь отъ этой добродѣтельной дуры.

При такомъ яростномъ движеніи страстей, утренній завтракъ въ бротертофтскомъ помѣстьи прошелъ не особенно пріятно въ тотъ день, когда Клинтонъ былъ приглашенъ къ обѣду и когда Путнамъ бесѣдовалъ съ своимъ военнымъ совѣтомъ. Мать и дочь не нарушали молчанія. Керръ отъ скуки барабанилъ ножемъ и вилкой.

II.

Послѣ завтрака Люси сейчасъ же вышла изъ столовой.

— Сегодня моя миленькая Люси страдаетъ, кажется, мигренемъ, замѣтилъ маіоръ Керръ: — Это вовсе нейдетъ къ лицу хорошенькой невѣсты.

— Она вздыхаетъ о той минутѣ, когда Адонисъ назоветъ ее своею, сказала мать, полуулыбаясь.

— Однако это скучно, мадамъ! Вы, я полагаю, надо мной издѣваетесь, проворчалъ загорѣлый Адонисъ.

Онъ всталъ изъ-за стола и пошелъ къ камину тяжелыми, неуклюжими шагами.

Вѣроятно, ему никогда не доводилось видѣть, какъ хищная птица—стервятникъ, наѣвшись падали да отвалу, уходитъ отъ нея, еле передвигая ноги; но маіоръ безсознательно подражалъ этой непривлекательной птицѣ.

Его объѣдки, шелуха уничтоженныхъ имъ припасовъ были навалены неживописной кучей на столѣ, давая знать, что здѣсь упражнялся въ ѣдѣ порядочный обжора.

Онъ сталъ передъ каминомъ. Это была громадная, красная фигура,—типъ многихъ англичанъ, явившихся къ намъ въ эпоху революціи, чтобы поселить въ насъ самое непобѣдимое отвращеніе къ монархіи. Можно держать пари сто противъ одного, что всякій англичанинъ—непремѣнно джентльменъ; наша мать родина въ то время заботливо поочистила свое военное и гражданское управленіе отъ многихъ скотовъ, обратившихъ впослѣдствіи всю свою тупую ярость противъ континентальныхъ гражданъ.

Керръ стоялъ передъ огнемъ въ живописной, по своему мнѣнію, позѣ. Красивое животное! Многія женщины могли давать ему кличку bel homme, даже не прибѣгая къ презрительному тону мистриссъ Бротертофтъ. Повидимому онъ велъ тѣсную дружбу съ артистами хмѣльной школы — водкой и прочей, ей подобной братьею. Эти артисты усердно расписали его рожу, не скупясь на багровую краску для носа. Въ своей форменной красной куртке онъ казался необыкновенно рослымъ дѣтиной. Напрасно бы однако стали въ немъ искать, развязности, веселости, даже глупости простодушнаго человѣка. Это былъ олицетворенный нахалъ. Ему ничего не стоило придушить своимъ пальцемъ ребенка; онъ могъ раздавить бабочку, уничтожить какое нибудь нѣжное, слабое существо, даже не поморщась...

Такъ, кажется, думала о немъ мистриссъ Бротертофтъ, осматривая эту стоявшую передъ ней фигуру.

Потомъ она улыбнулась и мысленно сказала себѣ.

— Вотъ этотъ распутный негодяй такъ хорошо будетъ развлекать Люси, что она перестанетъ бѣсить меня своей цѣломудренной рожицей.

— Клянусь дьяволомъ! продолжалъ Керръ—въ то время дьяволъ былъ вѣрнымъ спутникомъ людей подобнаго рода, — вы, кажется, хотите намекнуть мнѣ, что эта дѣвочка меня не любитъ!

— Да помилуйте, она васъ обожаетъ! Посмотрите, какъ она ревнива: она не можетъ оставить васъ ни на одну минуту.

— Не смотря на всѣ ваши улыбки, скажу вамъ, мадамъ, что меня любили женщины и почище вашей дочки.

— Почему же Адонисъ не оставался у себя дома, вмѣсто того, чтобы странствовать по нашей провинціи?

— О, да вы знаете почему! Вѣдь я не дѣлаю секретомъ моихъ долговъ и грѣшковъ моей юности. Вы меня также хорошо знаете, какъ я васъ, мамашечка!

Эта грубая фамиліарность заставила ее слегка содрогнуться. Подобное обращеніе было также ея неизбѣжнымъ возмездіемъ. О, съ какою горечью, выслушивая эти пошлыя слова, она вспомнила о любящей деликатности своего мужа! Какъ онъ былъ сострадателенъ и нѣженъ, даже когда она его опозорила, уже не говоря о томъ времени, когда честь его еще оставалась незапятнанной!

Но она подавила въ себѣ эти воспоминанія и въ душѣ ея еще сильнѣе заговорила мстительная ненависть къ дочери.

— Согласитесь, сказалъ Керръ, что я достался вамъ очень дешево.

— Дешево? Съ вашими долгами и грѣшками! Съ вашей трусостью и прочими недостатками.

— Кто смѣетъ говорить, что я трусъ? заревѣлъ Керръ: — я знаю, что эту сплетню пустилъ про меня этотъ пошлый франтикъ — Джэкъ Андре! Ему хочется получить мое мѣсто адъютанта при сэрѣ Генри. Проклятый лавочникъ, паяцъ, стихоплетъ! Ему бы слѣдовало не раскрывать своего лакейскаго рта и не порочить англійскаго нобльмена.

— Нобльмена! повторила за нимъ хозяйка: — а я до сихъ поръ думала, что вы только третій сынъ пера.

Ей видимо было пріятно помучать своего соумышленника.

— Между мной и графскимъ титуломъ стоятъ только три человѣка—старый подагрикъ, негодяй Томъ и пьяница Дикъ. Ваша дочь не сегодня-завтра можетъ сдѣлаться графинею Бендигъ, и я посовѣтовалъ бы вамъ обращаться со мною поделикатнѣе.

— Помилуйте, какъ же съ вами еще обращаться? Я даю вамъ первую красавицу во всей провинціи и притомъ съ самымъ лакомымъ приданымъ.

— Да сколько же разъ вамъ повторять, что не всякій захочетъ жениться на вашей дочери? Пожалуйста, не глядите такъ страшно,—я не изъ робкихъ!

Но она продолжала глядѣть страшно. Эта belle sauvage посматривала, нѣтъ ли гдѣ индійскаго кинжала!

Да и не удивительно. Разговоръ былъ крайне тяжолъ для обоихъ собесѣдниковъ.

Скверное дѣло они затѣяли вмѣстѣ! Видно ненависть къ дочери была слишкомъ сильна въ сердцѣ матери, если она рѣшилась отдать свое дитя этому пошлому, безмозглому негодяю. Она не хотѣла даже замѣчать робкихъ намековъ на лучшія качества, проглядывавшихъ въ Керрѣ, при всей его грубости, пошлой спѣси, при всѣхъ его грязныхъ побужденіяхъ. Первымъ, настойчивымъ ея желаніемъ было во что-бы то ни стало освободиться отъ Люси.

Но возможность сбыть дочку за надежнаго союзника изъ партіи роялистовъ, за человѣка, который могъ бы втереть мамашу въ англійское общество, — представлялась мистриссъ Бротертофтъ довольно соблазнительной приманкой.

Ну, да довольно объ этомъ заговорѣ.

Посмотримъ, хватитъ ли у отца и этого отважнаго героя достаточно мужества и времени, чтобы его разрушить?

III.

Place aux hèros!

Сегодня лэди Бротертофтъ угощаетъ обѣдомъ въ своемъ помѣстьи сэра Генри Клинтона и его свиту.

Если бы генералъ Путнамъ вздумалъ когда нибудь возвра-

титься сюда и сталъ упрекать ее въ излишней любезности съ врагомъ, то она сказала бы, что ей по-неволѣ нужно было защитить себя посредствомъ этого вынужденнаго гостепріимства,

Однако для этого вынужденнаго гостепріимства все было приготовлено на самую роскошную ногу.

Сафо варитъ великолѣпный супъ; около жаровни животрепещетъ благородный осетръ; «альбанская говядина», приготовленная въ видѣ вкуснаго палтуса, съ бѣлой подливкой, представляется всякому вкусу обворожительно вкусной рыбой; озера предлагаютъ огромный запасъ своихъ форелей; лѣсистыя горы снабжаютъ столъ самой вкусной дичью; помѣстье, съ своей стороны, приноситъ въ жертву самаго тучнаго теленка, самаго сладкаго барашка, самаго гордаго индѣйскаго пѣтуха, выкормленнаго сладкими кузнечиками. Подается пломпуддингъ величиной въ огромную тыкву, какъ жаль, что ни одинъ патріотъ не будетъ допущенъ ко всѣмъ этимъ божественнымъ яствамъ!

Все уже готово, и лэди Бротертофтъ—она любитъ, чтобы ее всегда такъ называли—поджидаетъ своихъ знатныхъ гостей, разряженная со всею возможною пышностью.

Но при всемъ спокойствіи и великолѣпіи ея внѣшней осанки, сердце ея наполняется то мучительнымъ ужасомъ, то свирѣпой ненавистью. Она не перестаетъ нашептывать себѣ самой:

— Люси меня не поцаловала. Это случается еще первый разъ въ ея жизни. Значитъ, дочь Эдвина Бротертофта разгадала мою душу. Ужь не выдалъ ли онъ моей тайны, пригрезившись ей во снѣ?

Потомъ она старалась поднять свои глаза до высоты этихъ нѣжныхъ ручекъ, сложенныхъ на груди ея дочери, но не дальше, не дальше.... чтобы не встрѣтиться съ глазками Люси.

Глядя на ея руки, мать думала о брачномъ кольцѣ, которое по ея милости скоро должно охватить одинъ изъ этихъ бѣленькихъ пальчиковъ. При этой мысли она съ большимъ усиліемъ живо сдерживала крикъ преступной радости.

Вотъ что скрывалось подъ спокойной осанкой матери. Дочь также поджидаетъ гостей, погрузившись въ какое то полусонное состояніе. Маіоръ Керръ расхаживаетъ съ необыкновенной

важностью, любуется своими ногами, чувствуетъ непріятное замѣшательство при видѣ своей молчаливой невѣсты и, поглядывая на свои часы, бормочетъ: «Уже половина второго, а обѣдать будемъ въ три—экая досада! Пропалъ мой супъ, если они не явятся сейчасъ-же!»

Но гости уже начинаютъ показываться на палубѣ приставшихъ къ берегу кораблей. Одѣвшись въ ярко-красные шитые золотомъ мундиры, гости выходятъ изъ своихъ каютъ. Черный корабельный народъ, стоя на форкастелѣ, сторонится передъ каждой пышно разодѣтой фигурой, боясь выпачкать или провонять ее своимъ дегтемъ. Запоздалые крикливо зовутъ свою прислугу: «Эй ты, олухъ, поскорѣй давай мнѣ пудру! Да отчего на моемъ рукавѣ случилось пятно, чортъ ты эдакій? Зачѣмъ ты, не накрахмалилъ моихъ манжетъ?»

Но вотъ послѣдній запоздалый гость облекаетъ себя въ тѣсные брюки, натягиваетъ на ноги шелковые чулки и бальныя башмаки. Выходитъ сэръ Генри Клинтонъ въ сопровожденіи командира Готама. Часовые—на караулъ! Вотъ они спускаются внизъ по черному борту судна. Сколько огня, перьевъ, великолѣпія! Но вы бы, право, сэръ Генри, осмотрѣли хорошенько вашу шпагу, а не то, вмѣсто обѣда, вамъ, чего добраго, зададутъ лихую баню! Вотъ они усаживаются по мѣстамъ въ шлюпкѣ. Гребцы, одѣтые по праздничному, подсмѣиваются исподтишка надъ этими знатными господами, называя ихъ «морскими раками» и «сухопутными олухами».

И вотъ веселая компанія входитъ въ столовую залу мистриссъ Бротертофтъ.

Вся компанія вспыхнула ярко краснымъ пламенемъ мундировъ. Эти сверкающіе герои, безъ всякаго сомнѣнія, уничтожатъ теперь малѣйшій слѣдъ мятежной арміи. Одинъ или два взмаха этими парадными шпажонками—и защитники свободы, опустивъ мечи, сами просунутъ въ петлю свои шеи. Каждый изъ роскошныхъ, любезныхъ джентльменовъ этой мишурной компаніи увѣнчанъ лаврами побѣды, сорванными еще недавно, по ту сторону рѣки, при взятіи фортовъ Клинтона и Монгомери. Когда Джекъ Боргойнъ пришлетъ и свою порцію лавровъ, то всѣ они

будутъ связаны въ одинъ огромный букетъ и отосланы виндзорскому помѣщику—Георгу въ услажденіе его носа и сердца.

Сэръ Генри Клинтонъ — этотъ Caesar ipse удостоиваетъ рукопожатья великую барыню и садится съ правой ея стороны. Какъ блеститъ его круглая физіономія, съ какимъ наслажденіемъ его энергическій носъ начинаетъ втягивать въ себя пары роскошнаго обѣда!

— Вы, адмиралъ, сядете возлѣ меня съ лѣвой стороны, говоритъ хозяйка плотному джентльмѣну въ мундирѣ морской службы.

— Благодарю за предпочтеніе, отвѣчаетъ командиръ Готэмъ, опускаясь на свое мѣсто.

И такъ на главномъ мѣстѣ въ концѣ стола садится пышная и прелестная лэди Бротертофтъ, имѣя по бокамъ двухъ главныхъ начальниковъ. Прочіе лавровѣнчанные витязи размѣщаются съ обѣихъ сторонъ стола по всему его протяженію.

Маіоръ Керръ садится на противоположномъ концѣ стола. Люси сидитъ съ правой стороны маіора. Какъ? И она также весела, одѣта по воскресному? Неужели она такъ скоро выучилась притворяться и составлять заговоры? Быть можетъ, эта лицемѣрка весело хохочетъ и смѣло кокетничаетъ? Весело хохочетъ! Да, но подъ этимъ смѣхомъ скрыты горькія слезы. Если сносить комплименты этого молодого капитана, сидящаго у ней справа, значитъ кокетничать — то она дѣйствительно кокетничаетъ, чтобы только не обнаружить всего отвращенія, которое внушалъ ей нареченный.

Но кто же этотъ молодой капитанъ, этотъ молоденькій двадцати-шестилѣтній джентльменъ съ правильными чертами своего овально очерченнаго лица, нѣсколько гордымъ выраженіемъ губъ, съ ямочкой на подбородкѣ и тщательно напудренными волосами, собранными сзади въ косу? Кто этотъ элегантный petit-maitre?

Съ какимъ необыкновенно-тонкимъ вкусомъ надѣты на немъ манжеты! Какъ онъ мило болтаетъ! Какъ легко сочиняетъ поэтическіе экспромты! Онъ говоритъ по-французски, какъ на своемъ родномъ языкѣ. Онъ улыбается и вздыхаетъ, какъ самый извѣданный похититель женскихъ сердецъ! Кто же онъ!

Заслышавъ его веселую болтовню, маіоръ Эмерикъ, гессенскій стрѣлокъ, шепчетъ на ухо своему сосѣду лорду Раудону:

— Посмотрите на этотъ *глюпи* паяцъ, Чэкъ Антре: какъ онъ ухаживаетъ за карошенькой Люси! Маіоръ Керръ ему откуситъ галава.

— Керръ можетъ сердиться и выглядывать людоѣдомъ, отвѣчалъ Раудонъ также шопотомъ, но онъ не откуситъ головы Джэка Андрѣ, пока на столѣ будутъ оставаться объѣдки этой дичи.

— А я думаль, што Чэкъ былъ у Пенсильванія или Черзи, сказалъ Эмерикъ, вытирая свои громадные усы, — это грубое гессенское украшеніе, прикрывавшее, подобно срубу деревьевъ, бездну его пасти.

— Да, онъ тамъ былъ, отвѣчалъ Раудонъ, и я самъ не могу сообразить, какимъ образомъ онъ очутился здѣсь такъ скоро. Впрочемъ, быть можетъ, это — его двойникъ, странствующій какъ тѣнь въ Гамлетѣ. Вѣроятно онъ узналъ о сватовствѣ Керра на богатой наслѣдницѣ и прилетѣлъ сюда съ намѣреніемъ занять открывающуюся ваканцію адъютанта. Онъ не зналъ, что я долженъ былъ еще прежде занять это мѣсто. Джэку во чтобы то ни стало хочется занимать почетныя должности. Погубитъ его когда нибудь это тщеславіе.

И такъ сантиментальный капитанъ былъ нѣкто Джэкъ Андрѣ. Онъ носилъ хорошенькую мордочку, отъ которой однако пахло висѣлицей; красиво повязанный галстукъ принималъ подъ лѣвымъ ухомъ какое-то зловѣщее направленіе. Ахъ, Джэкъ! Раудонъ правъ, говоря, что твое тщеславіе выроетъ тебѣ когда нибудь могилу! Положимъ даже, что мистриссъ Эджвартъ, урожденная Снейдъ, съ тобой кокетничала, но не торопись этимъ тщеславиться и важничать, а не то — ей будетъ довольно непріятно сознаться, что она любила достопочтеннаго Ричарда, а не тебя, мой говорливый Джэкъ! Откажись отъ своей лавочной честности: никто ее въ укоръ тебѣ не выставляетъ. Не пробуй добиваться до бригадирскаго чина и титула сэра Джона путемъ подлыхъ подкуповъ или посредствомъ корреспонденціи, спрятанной въ коробкѣ разнощика!

Не забывай также, Джэкъ, что географическая широта бротертофтскаго помѣстья для тебя очень нездорова осеннею по-

рой! Щеголю вовсе не пристало быть повѣшеннымъ въ воздухѣ за шею; притомъ куда какъ пріятно знать, что изъ-за какого нибудь глупѣйшаго подвига память человѣка увѣковѣчивается позорнымъ столбомъ Уэстминстерскаго аббатства. Капитанъ Андрѐ нашептывалъ миссъ Люси разный любезный вздоръ.

И не смотря на гнѣзные, молніеносные взгляды Керра, она слушала его, къ удовольствію Эмерика и Раудона. Счастье для дочери, что мамаша, сидя въ концѣ стола, не замѣчала всей этой интриги! А то бы, пожалуй, она усмотрѣла здѣсь возмущеніе и ускорила свадьбу. Одного часа было достаточно, чтобы позвать капеллана;—и Люси, неперестававшая покорно нести иго прежняго деспотизма, пролепетала бы обѣтъ «любить, почитать и повиноваться до смерти.»

Однако, она не всегда внимательно выслушивала своего словоохотливаго сосѣда. Повременамъ она взглядывала на свою мать, сидѣвшую во всей своей славѣ между арміей и флотомъ; щечки дочери загорались краской стыда при этихъ взглядахъ. Ей бы хотѣлось убѣжать отъ всего этого блеска въ такой уголокъ, гдѣ бы она могла призвать къ себѣ всю свою непорочность и выплакать все горе своего больного сердца. Если-бы она не была слишкомъ потрясена внутренней борьбою страха и надежды, шумной веселостью обѣда, злословіемъ и любезностью, смѣшаннымн въ болтовнѣ Джэка Андре, то ея понятія о правдѣ и неправдѣ могли бы оставаться въ крайне печальномъ смущеніи. Дѣйствительно чрезъ ея головку пробѣгали такіе вопросы:

«Какъ она можетъ сидѣть здѣсь въ своемъ надменномъ величіи и блескѣ своей красоты? Какъ можетъ она казаться такою спокойною и твердою? Какъ у ней достаетъ духа сносить наглость всѣхъ этихъ взглядовъ и поддерживать разговоръ съ такою силою? Она руководитъ и управляетъ каждымъ изъ своихъ гостей. Они удивляются ея остроумію; они выслушиваютъ почтительно ея мнѣнія. Политическіе вопросы она обсуживаетъ чуть ли не лучше ихъ всѣхъ. Вотъ что говоритъ ей сэръ Генри:—если бы вы, мадамъ, были королевой Англіи, то всѣ эти мятежныя колоніи скоро бы смирились.—Конечно это комплиментъ гостя хозяйкѣ, но въ этомъ комплиментѣ болѣе, чѣмъ на

половину правды: она въ полной силѣ женщина. Неужели зло придало ей эту силу и ясность пониманія? Неужели женщины должны быть порочными, чтобы быть сильными? Какъ можетъ она засѣдать здѣсь, зная о себѣ такъ много дурного, зная, что и для другихъ это дурное — не тайна? Нѣтъ, она, повидимому, торжествуетъ. Увы! Торжествуетъ... Не лучше ли ей было бы— предаться молчанію и уединенію, завѣсить покрываломъ свою преступную красоту и молить Бога о помилованіи за все сдѣланное зло, за всѣ пороки сердца! Неужели возможно подобное лицемѣріе? Но можетъ быть я обманута? Быть можетъ она—вполнѣ достойная женщина? Быть можетъ она одарена свѣтлой головой и благороднымъ сердцемъ? Быть можетъ не она, а я — лицемѣрка? Быть можетъ для моего же блага, она желаетъ сдѣлать моимъ мужемъ знатнаго и сильнаго человѣка, который могъ бы быть моимъ защитникомъ въ наше трудное время? Не должны ли назваться мои подозрѣнія—неопытностью ребенка, мои заговоры—строптивыми внушеніями сердца, непокорнаго долгу? О Боже, сжалься надо мной, веди меня...»

Люси чувствовала, какъ, при этихъ грустныхъ мысляхъ, на ея глаза навертывались слезы, и потому она опять старалась принудить себя слушать пустую болтовню Джэка Андре.

Джэкъ разсказывалъ въ это время уморительную исторію о набѣгѣ, который онъ, въ кампаніи съ другими товарищами-офицерами, предпринялъ изъ Нью-Іорка на одинъ птичный дворъ въ Стэтенъ-Айлэндѣ. Какая-то старая баба вооружилась метлой, вышла на бой съ этими курятными мародерами, и Джэкъ съ большимъ юморомъ принялся копировать ея крикливый голосъ.

— Затѣмъ, продолжалъ Джэкъ, къ намъ вышелъ капитанъ Рамбуллетъ, держа въ рукѣ ржавый мушкетъ своего предка— гугенота Рамбулье и защищая свой куриный насѣстъ вонью хлѣбнаго виски [1]).

Эту сцену Джэкъ передалъ не менѣе комично, гнуся въ носъ и немилосердно вскрикивая, посреди всеобщаго хохота и громкихъ одобреній маіора Эмерика: «карошо! карошо!»

Но Люси не смѣялась. Она сразу поняла, что все ея сочув-

[1]) Whiskey—родъ крѣпкаго хлѣбнаго вина.

ствіе принадлежало этимъ мятежникамъ съ ихъ гнусливыми носами и прочими несовершенствами. «Мой отецъ находится между ними, думала она:—отъ брачнаго союза съ этимъ пошлымъ обжорой меня можетъ спасти только мятежникъ. Путнамъ и его офицеры были не такъ парадны, какъ эти господа, но за то въ нихъ билось настоящее человѣческое сердце.»

— Мнѣ рѣшительно не удается васъ развлечь, прелестная лэди, сказалъ Андре вполголоса:—всѣ ваши мысли отданы этому счастливчику, сидящему возлѣ васъ справа.

Говоря это, онъ взглянулъ съ полуулыбкой на Керра, который усердно бесѣдовалъ съ бутылкой во славу остроумія.

Чувство невыразимаго отвращенія охватило бѣдную Люси, когда она, повернувъ невольно голову, также взглянула на это животное.

— Неужели въ свѣтѣ нѣтъ ни одного джентльмена? подумала она: — неужели мужчины осмѣливаются и другихъ женщинъ развлекать такими же взглядами и такой бесѣдой?

— Посмотрите на карошенькой миссъ, говоритъ Эмерикъ, поднимая стаканъ съ виномъ и заслоняя свой лѣсистый срубъ: она не кажется весела ни съ Чэкъ, ни съ Керръ.

— Многіе молодые люди лучшаго происхожденія, чѣмъ Джэкъ и болѣе чистой нравственности, чѣмъ Керръ, отвѣчалъ Раудонъ изъ-за своего стакана, давно бы уже посѣщали этотъ домъ съ добрыми намѣреніями. Дочь нѣжна и чиста, какъ лилія. Но кому пріятно навязать себѣ эдакую тещу? При этихъ словахъ онъ выразительно пожалъ плечами, оборотясь къ хозяйкѣ.

Такую ли застольную бесѣду ведемъ мы и теперь, nous autres?

Но вотъ хозяйка приподнимается и кивастъ головой своей дочери.

— Предлагаю вамъ, джентльмены, заняться вашими тостами и прошу маіора Керра быть моимъ представителемъ, сказала она.

Она пошла къ двери. Армія и флотъ, Альбіонъ и Гессенъ—все засуетилось, желая на-перерывъ отворить ей выходъ. Когда хозяйка удалялась, красота и величественная ея осанка возбудили всеобщій шопотъ удивленія. Лэди Бротертофтъ повидимому достигла апогея своего величія.

Разумѣется, Керръ не желалъ медлить тостами.

Вотъ встаетъ сэръ Генри Клинтонъ, съ его блестящей звѣздой, краснымъ носомъ и другими достоинствами; онъ предлагаетъ выпить «здоровье нашей хозяйки!»

Бокалы чокаются, голоса ликуютъ.

Потомъ съ ужаснымъ шумомъ быстро слѣдуютъ другъ за другомъ радостные выстрѣлы.

— За славу арміи! Ура! Ура! Спичъ за вами, лордъ Раудонъ!

— За славу флота! Виватъ, командиръ Готамъ!

— За доблестное взятіе фортовъ!

Всѣ выпили молча, отдавая долгъ вѣчной памяти полковника Кампбелля и графа Грабовскаго, убитыхъ при этомъ взятіи.

— Всякаго успѣха Джэку Боргойну!

— Этому сердитому Джэку! подхватилъ Андре. Да будетъ онъ втулкой Шюйлера, да переброситъ онъ Гэтса чрезъ брустверъ въ ровъ!

Смѣхъ, радостные возгласы и оглушительное чоканье бокаловъ по всей длинѣ стола.

— За благополучное завтрашнее плаванье генерала Вогана вверхъ по рѣкѣ! Да прибавитъ онъ новую мораль къ эзоповымъ баснямъ!

— За славу Брэндивайна, гдѣ мистеру Уашингтону пришлось испить довольно горькую чашу! [1])

Такъ ли веселы современные тосты и застольное остроуміе нашихъ дней?

Керръ поднялся и хотѣлъ было предложить знаменитый тостъ, извѣстный подъ названіемъ четырехъ правилъ ариѳметики. Но пьяный маіоръ совершенно перековеркалъ этотъ тостъ и важнымъ, густымъ голосомъ, словами, которыя трудно было бы раздѣлить на слоги, предложилъ:

— Сложеніе — вигамъ! Вычитаніе — торіямъ! Умноженіе— врагамъ короля! Раздѣленіе — друзьямъ его величества и... при-

---

[1]) Игра словъ. Brandywine буквально значитъ водка—вино. При рѣкѣ этого названія американскій герой потерпѣлъ чувствительную неудачу.

Прим. Пер.

бавилъ совершенно обезумѣвшій Керръ, шрртъ бы пипбрра... всѣхъ и кждго!

Джэкъ Андре язвительно захохоталъ. Чтобы какъ нибудь прикрыть всеобщее траги-комическое изступленіе, произведенное словами Керра, Эмерикъ всталъ и возгласилъ:

— Шентльмены! Я пью здоровы маіоръ Керръ и его карошеньки невѣста!

Всѣ бокалы подняты. Разнеслось нескончаемое ура! со всѣми возможными модуляціями.

Всѣ зазвенѣли стаканами, вилками, щипцами для орѣховъ. Какой-то энтузіастъ бросилъ стаканъ надъ своей головой и вдругъ попросилъ слабымъ голосомъ капитана Андре спѣть его «Жалобу любовника.» Только одинъ лордъ Раудонъ видѣлъ въ этомъ обстоятельствѣ дурное предзнаменованіе.

Джэкъ, не заставляя себя долго просить, запѣлъ пріятнымъ голосомъ:

«Вернитесь вы, часы святого упоенья,
Когда я Делію моею называлъ...»

и такъ далѣе. Въ этой пѣсенкѣ, которой слова и музыка принадлежали самому капитану, заключалось до двѣнадцати строфъ самаго трогательнаго содержанія. Всѣмъ какъ-то взгрустнулось, когда этотъ милый, очаровательный Джэкъ закончилъ свою пѣсенку послѣдней, сладко дрожавшей, нотой. Среди общества наступила минутная пауза.

Въ подобныя паузы молодые джентльмены, предпочитающіе ухаживанье пьянству, отстаютъ отъ своихъ товарищей и присоединяются къ дамамъ.

Послѣдуемъ и мы этому примѣру. Кутежъ, которымъ заправлялъ Керръ, легко можетъ обратиться въ отвратительную оргію. И такъ мы застаемъ мать и дочь, сидящими на-единѣ въ гостиной

IV.

Въ это время октябрское солнце уже скрылось за раззоло-

ченными лѣсами и холмами. Было сумрачно, и обѣ дамы сидѣли въ гостиной, тускло освѣщаемой огнемъ камина.

Они были однѣ, и только духъ перваго Эдвина Бротертофта глядѣлъ на нихъ съ портрета, рисованнаго Ванъ-Дикомъ и висѣвшаго на стѣнѣ комнаты.

Эта дивная картина неизмѣнно сохранила свое прежнее мѣсто. Болѣе столѣтія она молча глядѣла на семейныя радости Бротертофтовъ. Ни одно провинціальное пачканье не оскорбляло своимъ сосѣдствомъ это великое произведеніе искусства.

Каждый послѣдовательный Бротертофтъ съ гордостью зналъ, что его лицо, въ свою лучшую пору, было повтореніемъ наружности предка.

Каждый потомокъ говорилъ: «Ванъ-Дикъ нарисовалъ всѣхъ насъ въ лицѣ нашего прадѣда. Если на свѣтѣ родится другой полковникъ Бротертофтъ или другой Ванъ-Дикъ, только тогда этой картинѣ можно будетъ осмѣлиться дать подругу.»

Такимъ образомъ одно великое созданіе искусства устраняло собой цѣлую галлерею бездарныхъ портретныхъ изображеній.

Послѣдняя мистриссъ Бротертофтъ постоянно не любила эту картину, которою она воспользовалась, какъ предлогомъ, для призванія къ себѣ въ первый разъ своего мужа. Когда она опозорила этотъ домъ, картина стала пугать ее своимъ молчаливымъ упрекомъ. Глаза полковника глядѣли грустно и строго, какъ будто вѣчно ее преслѣдуя.

Кроткое лицо его жены гнѣвно хмурилось; даже невинный ребенокъ, нарисованный на полотнѣ, казалось читалъ тайны ея преступнаго сердца.

Желая скрыться отъ этихъ нѣмыхъ взглядовъ, она рѣшилась наконецъ задернуть портретъ шелковой завѣсой малиноваго цвѣта.

— Работа Ванъ-Дика, сказала она,—слишкомъ рѣдка и драгоцѣнна; ее не слѣдуетъ отдавать въ жертву мухамъ.

Много лѣтъ уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ предки были оставлены краснѣть подъ яркой завѣсой.

Сегодня передъ обѣдомъ гости просили показать имъ это великое произведеніе великаго художника.

Никто изъ нихъ не отгадалъ ужаса, возникшаго въ ея серд-

цѣ при этой просьбѣ; никто не замѣтилъ, какъ побѣлѣло ея лицо, когда она отыскивала шнурокъ, и какъ оно внезапно побагровѣло, когда она отдернула къ сторонѣ завѣсу.

Всѣ отозвались искренними или принятыми въ подобномъ случаѣ выраженіями восторга.

Картина представляла семью, собравшуюся въ старомъ бротертофтскомъ помѣстьи послѣ битвы при Горнкэстлѣ, въ эпоху великаго возстанія.

Когда завѣса была отдернута и всѣ увидѣли три изображенныя лица, Люси взглянула на свою мать. Для гостей то было произведеніе искусства, но мать и дочь видѣли въ нарисованныхъ фигурахъ молчаливыхъ актеровъ прежде разыгранной трагедіи. Люси примѣтила, какъ судорожно и робко ея мать взглянула на эти лица, отъ которыхъ скрывалась такъ долго. Теперь Люси могла понять, отчего лицо мистриссъ Бротертофтъ, когда она взглянула на картину, приняло выраженіе необыкновенной злобы и сдѣлалось похожимъ на лицо прекрасной Горгоны болѣе, чѣмъ когда бы то ни было прежде.

— Да, это настоящій chef-d'oeuvre! сказалъ сэръ Клинтонъ, прикрывъ глаза рукою и всматриваясь въ картину съ видомъ знатока.

— Какія краски! Какія тѣни! Какая драпировка! воскликалъ Джэкъ Андре.

— Никто изъ художниковъ не могъ превзойдти Ванъ-Дика въ изображеніи знатныхъ лицъ? замѣтилъ лордъ Раудонъ.

— Славная картинка! рѣшилъ маіоръ Эмерикъ. Вы смѣло можете гордиться, мадамъ, нося это доблестное историческое имя! поздравлялъ честный командиръ Готамъ, незнакомый съ скандальной жизнью хозяйки.

Въ то время, какъ этотъ взрывъ одобреній безостановочно раздавался со всѣхъ сторонъ, Платонъ доложилъ о поданномъ обѣдѣ. Гости вышли, и картина осталась незадернутою. Она оставалась въ томъ же положеніи и послѣ обѣда, когда мать и дочь сидѣли въ сумрачной комнатѣ. Сверкнувшее и опять замиравшее пламя придавало движеніе нарисованнымъ фигурамъ и облекало ихъ какою-то сверхъ-естественной жизнью.

Люси глядѣла на лицо своей матери, — то мрачное и дале-

кое, то рѣзко выступавшее изъ темноты при свѣтѣ занимавшагося пламени.

— Моя мать, думала она, конечно никогда не была такъ страшно прелестна!

Она не ошиблась. Наружность, манеры и осанка—все обличало въ ея матери женщину съ непреклонной волей. Какъ величественъ былъ ея смѣлый, прямой носъ, ея полный подбородокъ, здоровый цвѣтъ кожи, дерзкіе глаза, повелительныя брови, наконецъ ея черные волосы, возведенные башенкой, сообразно тогдашней модѣ, и ниспадавшіе густой массой на ея шею! При большей дородности тѣла и яркости краски, мистриссъ Бротертофтъ превратилась бы въ женщину дюжаго, грубаго сложенія. Неужели волненіе нечистой совѣсти сообщаетъ красотѣ нѣжныя очертанія? Неужели грубое существо должно принимать ядъ порока, а благородное—пить чашу страданія, чтобы убить животный элементъ своей натуры? Неужели есть люди, для которыхъ необходимо нести на себѣ впродолженіи всей жизни пятно безчестья?

— Можетъ ли быть все это? раздумывала Люси: — неужели сердце, лишенное мира, можетъ быть скрыто подъ прелестной наружностью—эмблемою мира? Неужели же миръ не оставлялъ ея сердца?

Миръ! И какъ бы въ отвѣтъ на это раздумье, вспыхнувшее пламя вдругъ освѣтило сердитое, жесткое лицо матери. Оно дышало суровостью, не миромъ!

Люси отвернулась и просила участія у нарисованныхъ предковъ.

— Вы мнѣ ближе, мысленно взывала она, чѣмъ эта жестокая женщина, называющая себя моей матерью. О доблестный джентльменъ! О, кроткая лэди! Ободрите, поддержите меня! Сердце мое разрывается въ этой борьбѣ сомнѣній, заговоровъ и опасностей!

Обѣ женщины молча сидѣли у огня. Сквозь открытыя двери двухъ комнатъ доносился шумъ ликовавшихъ гостей, которые, разражаясь хохотомъ, апплодировали пьянымъ тостамъ Керра, пѣсни Андре и нѣмецкой безцеремонности, съ какою маіоръ Эмерикъ коверкалъ языкъ старой Англіи.

Но вотъ раздался болѣе пронзительный шумъ веселости: Люси вздрогнула, откинулась назадъ и взглянула въ безстрастное лицо матери,—которой оно служило такой праведной маскою!

Мистриссъ Бротертофтъ также взглянула вверхъ и встрѣтилась съ глазами Люси. Одно мгновеніе онѣ глядѣли другъ на друга. Только одно мгновеніе длилась мысленная борьба нѣжной натуры съ грубой, запятнаннаго существа съ непорочнымъ. Ихъ души перешли въ глаза и вступили въ кратковременный бой, тогда какъ пламя пылало, подобно факеламъ.

Пламя погасло, въ комнатѣ опять стало темно. Но прежде, чѣмъ угасъ огонь, преступные глаза лишились смѣлости, порочная душа отступила. Мистриссъ Бротертофтъ глядѣла по сторонамъ, какъ бы желая скрыться отъ дочери, которой невинное сердце она замыслила утопить въ безднѣ позора.

Повернувъ голову, она бросила взглядъ на картину, попрежнему стороживщую ее съ холодностью далекаго но грознаго судьи. При этомъ видѣ, постоянная, скрытая тревога ея преступнаго сердца выступила наружу и лицо ея потеряло выраженіе безстрастной маски.

Вдругъ Люси видитъ, что прекрасное лицо ея матери зажглось огнемъ сумасшествія.

Мистриссъ Бротертофтъ причудилось, что фуріи, — тѣ подруги, которыя такъ долго уже поучали ее своими совѣтами, стремительно окружили ее, воплотились въ ея собственное тѣло, въ ея душу.

Она встала и подошла къ незавѣшенному портрету.

Одно мгновеніе она глядѣла на него молча и сама казалась нарисованною на мрачномъ фонѣ комнаты, освѣщаемой вспышками пламени.

Какъ дивно хороши были ея бѣлоснѣжныя плечи, ея ослѣпительная грудь, оттѣняемая чернымъ цвѣтомъ шелковаго платья съ низкой и круглой вырѣзкой спереди, по требованіямъ тогдашней моды! Какъ чудно были выточены ея прекрасныя, обнаженныя руки! Брильянтъ на ея шеѣ горѣлъ огнемъ яростнаго змѣинаго глаза!

Она подняла свою бѣлую правую руку и указала ею на полковника — парламентариста.

При свѣтѣ огня, казалось, какъ будто полковникъ, все еще державшій за узду своего ретиваго бѣлаго коня, понялъ данный ему знакъ и вышелъ изъ рамы, чтобы вступить въ эту бесѣду.

Дикое изступленіе и жестъ матери привели въ ужасъ Люси. Нарисованный джентльменъ теперь особенно казался поразительно вѣрнымъ портретомъ ея отца, но въ глазахъ его было что-то суровое, чего на родномъ, страдальческомъ лицѣ она не могла себѣ припомнить.

Дочь вздрогнула при этомъ необычайномъ свиданіи своихъ родителей, одной — въ плоти, другого — подъ оболочкой прозрачнаго видѣнія.

— Сэръ! сказала мистриссъ Бротертофтъ, все еще указывая на картину. Въ голосѣ ея слышался гнѣвъ и затаенный ужасъ.

Люси не выдержала и залилась слезами.

Но при первомъ ея всхлипываньи, мать подошла къ своей дочери.

Огонь сумасшествія изчезъ съ ея лица въ сильномъ конвульсивномъ потрясеніи. Она опустила свою бѣлую, выточенную руку. Холодная дрожь пробѣжала по всему ея тѣлу. Фуріи повидимому удалились изъ нея и на одну минуту остановились въ мерцаніи пламени, подобно мрачнымъ, движущимся формамъ.

Наконецъ они изчезли туда, гдѣ въ нихъ имѣлась надобность. Мистриссъ Бротертофтъ задернула картину завѣсой и отошла прочь.

Но такъ какъ она не смѣла уже глядѣть на картину, то и не замѣтила, что при сильномъ задергиваньи шнурокъ оборвался и одна изъ половинъ завѣсы спустилась внизъ, отчего головы воина и его бѣлаго коня не были закрыты.

И вотъ эти головы ожидаютъ, точно выглядывая изъ окошка. Казалось, что и конь и его господинъ хотятъ только воспользоваться первой удобной минутой, чтобы выпрыгнуть въ мрачную комнату, освѣщаемую вспышками умирающаго пламени.

Мистриссъ Бротертофтъ обернулась и положила свою руку на плечо рыдающей дочери.

— Ты, кажется, взволнована, моя милая, точно на тебя нашла истерика, сказала она ей почти ласково: — не лучше ли

тебѣ было бы скрыть свои слезы въ подушкѣ? Нѣкоторое время мы не будемъ видѣться съ нашими шумными друзьями.

Опять глаза ихъ встрѣтились на одно мгновеніе. Но мать не поняла умоляющаго взгляда Люси. Она лишилась способности угадывать выраженіе невинныхъ лицъ. Ей вообразилось, что она прочла презрѣніе и торжество тамъ, гдѣ нѣжность и любовь хотѣли воскреснуть съ новой силой. Она отошла назадъ и, уступая грубому голосу своей души, сказала:

— Иди же, Люси, и спрячься на сегодняшній вечеръ. Мы не должны страдать краснотою глазъ и опухолью щекъ, когда Адонисъ возвратится отъ обѣда къ своей миленькой невѣстѣ съ кучею любезностей.

Въ сильномъ замѣшательствѣ и негодованіи Люси поднялась и, оставляя гостиную, не сказала «покойной ночи».

Если бы вмѣсто двухдневнаго былъ назначенъ двухнедѣльный срокъ до брака, то эта нѣжная душа сама успѣла бы приготовить для себя освобожденіе. Но покорность все еще представляется Люси добродѣтелью. Нѣмой, внутренній протестъ противъ несправедливости не развиваетъ воли. Только изъ борьбы воля выноситъ силу, а ея воля страдала хронической апатіей. За свою слабость молодая дѣвушка была теперь наказана, какъ за преступленіе. Пробѣжавъ чрезъ шумную столовую, она взобралась на верхъ, въ свою комнату, помѣщавшуюся въ башнѣ сѣверозападнаго угла дома. Среди кроткой, прозрачной лунной ночи она могла видѣть желтую осень между деревьями, окружавшими господскій замокъ. А далѣе свѣтлая рѣка опоясывала далекую мѣстность. Огни британскихъ фрегатовъ, подобно драгоцѣннымъ камнямъ, сверкали въ этомъ серебряномъ поясѣ. Огромный и туманный Дундербергъ заслонялъ пространство на западѣ, гдѣ ночь заняла мѣсто сумеречнаго полусвѣта. На сѣверѣ ландшафтъ замыкался горами Гайлэндса, мрачными какъ надежды Люси.

Ахъ! почему возлѣ нея не было ясновидящей сестры Анны, которая могла бы закричать ей: «вотъ кто-то приближается», которая могла бы сказать этой горестной дѣвушкѣ, озирающей изъ окна непривѣтливую ночь, что помощь уже идетъ, что

она спѣшитъ къ югу, раздѣлившись на три отряда, такъ скоро, какъ только позволяютъ камни, болота и лѣсистыя трущобы.

Но здѣсь не было сестры Анны, не было друга ни въ домѣ, ни внѣ его. Рыдай же свободно и молись, бѣдное дитя! Страдай, страдай, юное сердце! Страдай и крѣпись!..

Заперты наконецъ двери и все спокойно въ замкѣ. Пѣсни утихли. Пиршество миновало. Гости ушли тою походкой, какая отличаетъ людей, предавшихся слишкомъ усерднымъ возліяніямъ. Тамъ и сямъ часовые получили отвѣтные пароли, сказанные не совсѣмъ трезвымъ голосомъ. Шлюпные гребцы, продрогши и проскучавши, благодаря продолжительному ожиданію, отчалили «раковъ» на фрегаты и встащили ихъ на палубу. Джентльмены завалились по каютамъ въ свои койки, нѣкоторые—увы!—даже въ брюкахъ. Они должны проспать свой хмѣль какъ можно скорѣе и съ разсвѣтомъ быть ужь на ногахъ, потому что генералъ Воганъ поплыветъ вверхъ по рѣкѣ со своей флотиліей. Почти всѣ изъ подгулявшихъ, не смотря на свою убійственную головную боль, должны отправиться съ генераломъ, чтобы предать сожженію Эзопа, то есть Кингстонъ, самое тлетворное гнѣздо мятежниковъ.

Итакъ все тихо на Тартарѣ, Престонѣ и Меркуріи, качающихся на своихъ якоряхъ посреди безмятежной рѣки. Все тихо въ домѣ помѣстья! Но здѣсь нѣтъ спокойнаго ночного отдыха—души матери и дочери борятся другъ съ другомъ, и обѣ изнемогаютъ, истомляются этой постыдной борьбою.

V.

Во время утренняго завтрака въ бротертофтскомъ замкѣ три лица страдали головной болью.

Толстый черепъ маіора Керра трещалъ немилосердно. У него голова болѣла отъ пьянства. Это очень хорошо было ему извѣстно. Противъ этого недуга онъ употреблялъ уже всѣ способы леченія, кромѣ трезвости. Содовая вода не приносила ему су-

щественной пользы. Водолечебные пріемы, обливанья и прессы, оказывались также безполезными.

— Не нужно было пить послѣдней бутылки, которая меня такъ ошеломила, разсуждалъ съ собой Керръ: — а все этотъ Джэкъ Андре съ своими безтолковыми романсами. Я никогда не могъ устоять противъ поэзіи.

И вотъ онъ спустился внизъ къ завтраку; маіоръ своимъ сложеніемъ сильно смахивалъ теперь на Рубенса, но вдвое его пасмурнѣе.

Обильныя слезы поселили боль въ головкѣ Люси. Она выплакала слезъ такъ много, что ими можно было бы наполнить двѣ урны.

Страданія ея увеличились, когда она увидѣла немилосердно краснаго и до-нельзя угрюмаго Адониса. Теперь онъ показался ей отвратительнымъ въ послѣдней степени.

— Неужели это животное — да, повторяю, это животное — осмѣлится подойдти ко мнѣ? подумала она.

Слишкомъ грубое словцо для молоденькой лэди, но совершенно умѣстное. Всякому не мѣшаетъ имѣть маленькій лексиконичикъ бранныхъ выраженій. Колкимъ словамъ присвоена мораль и приложеніе, такъ же какъ и ласковымъ.

И такъ остается головная боль мистриссъ Бротертофтъ. Все утро эта дама была блѣдна и нездорова. Вотъ это, мадамъ, немножко скверно! Пожалѣйте ваши прелести! Вѣдь имъ не трудно увянуть, если вы станете такъ сильно разстроивать вашу голову!

Завтракъ прошелъ еще безмолвнѣе, чѣмъ третьяго-дни. Каждый страдавшій головной болью не заискивалъ соболѣзнованія другихъ паціентовъ.

Люси не проронила ни одного слова. Она усѣлась за столъ противъ воли и боялась присутствія своей матери. Она боялась ея отсутствія еще больше. Люси страдала замѣшательствомъ неопытнаго заговорщика. Она думала, что заговоръ былъ написанъ на ея личикѣ; она дрожала при каждомъ на нее взглядѣ. Но между тѣмъ ей было легче, когда она могла смотрѣть въ лицо своихъ недруговъ. Бѣдненькое дитя! Если бы ей дали

выплакаться свободно и въ уединеніи, то цѣлой дюжины большихъ урнъ не хватило бы для ея слезныхъ потоковъ.

Пасмурная мистриссъ Бротертофтъ также не нарушаетъ молчанія.

Она считаетъ неприличнымъ затрогивать сегодня своего зятя. Ея аттакѣ отвѣтитъ не козырь, а самая низкая карта. Послѣдняя бутылка утопила возможность защиты. Въ прошлую ночь маіоръ Керръ былъ слишкомъ хмѣленъ, чтобы отвѣчать связно утромъ. Трудно было ожидать приличнаго поклона или вѣжливаго слова отъ героя при его levée, когда при своемъ couchée онъ былъ оттащенъ, куда слѣдуетъ, Платономъ и двумя мужиками, которые всѣ также были не совсѣмъ въ своей тарелкѣ и въ нормальномъ положеніи ногъ, благодаря любезности маіорскаго каблука. Хозяйкѣ вовсе не хотѣлось вызвать своими докучливыми разспросами, напримѣръ, такіе милые отвѣты:

— Да, покорно васъ благодарю; вмѣсто чаю я пью какую-то сыворотку: вмѣсто яйца—пью катель, вмѣсто жаркого—подошву; вмѣсто масла—свиное сало; эти пирожки изъ гречневой муки такъ же вкусны, какъ клейстеръ! Все это горько и воняетъ мадерой. А проклятая голова чуть не лопнетъ!

Подобное краснорѣчіе нисколько не сдѣлало бы любовника обворожительнѣе. Пусть его уничтожаетъ и перевариваетъ свой завтракъ, какъ знаетъ!

Мистриссъ Бротертофтъ не считала также благоразумнымъ заговаривать съ своей дочерью о вчерашнемъ обѣдѣ и почетныхъ гостяхъ, принимавшихъ въ немъ участіе. Всякое замѣчаніе вызываетъ отвѣтъ. Сегодня утромъ Люси опять не хотѣла поцаловать мамашу. Вмѣсто прежней теплой, нѣжной ласки, которой достало бы для двухъ дочерей, Люси обнаруживала теперь холодность и желаніе держать себя въ отдаленіи.

Мистриссъ Бротертофтъ замѣчаетъ, что возмущеніе уже вкралось въ сердце ея дочери. Она не желаетъ дать ему развиться при помощи противорѣчій самой Люси. Если она, мать, замѣтитъ: «какое прекрасное утро!» Люси можетъ отвѣтить: «а мнѣ холодно, какъ въ Гренландіи.» Если она предложитъ: «милая моя, прикажи осѣдлать лошадей и поѣзжай съ маіоромъ Керромъ полюбоваться видомъ Кедровыхъ-Горъ»!» Люси безъ

сомнѣнія отзовется: «маіоръ Керръ не любитъ природы, а я боюсь мародеровъ.»—Если она выразитъ такое мнѣніе:—«какой прекрасный, доблестный человѣкъ—этотъ маіоръ Эмерикъ! Какъ милъ его акцентъ! Какъ много величественной красоты въ его усахъ!», Люси можетъ закусить свою хорошенькую губку и отвѣтить: «нечего сказать—прекрасный, доблестный! Да это просто—косматое чудовище! Что до его произношенія, то я не нахожу въ немъ прелести, потому что не понимаю по-нѣмецки и не люблю, когда слово—хорошо произносятъ «карашо» или когда картинами, цвѣтами, супомъ, Сѣверной-рѣкой—всѣмъ на свѣтѣ восторгаются при помощи одного слова «карошеньки.» Усы вообще не заключаютъ въ себѣ ничего привлекательнаго, да если бы какіе нибудь между ними и могли назваться красивыми, то ужь конечно не эти большіе черные хвосты.» Мать вовсе не хотѣла также сказать ей: «я увѣрена, что ты нашла капитана Андре очень любезнымъ», чтобы не получить такой отвѣтъ дочери: «пожалуйста, лучше не говорите о немъ ни слова! Мнѣ до смхъ поръ тошно отъ его сантиментальности. Это—фатъ, болтающій безъ умолку, не удивительно, что онъ такъ опротивѣлъ миссъ Гонорѣ Снейдъ своими приторными улыбками и остротами».

Вотъ какъ навѣрное отвѣчала бы во время завтрака Люси, если бы къ этому была вынуждена говорливостью матери. И неужели подобные отвѣты не согласовались бы съ тяжкимъ горемъ и сильнымъ ужасомъ, терзавшими сердце дѣвушки? Наши страсти, какъ и наши особы, не всегда находятся en grande tenue. Если человѣкъ можетъ капризничать, то это вѣрный признакъ, что сердце его еще не окончательно разбито. Хлопушка родила ружье. Маленькія стычки и поддразниванья предшествуютъ великой борьбѣ на жизнь и на смерть.

Это хорошо сознавала мистриссъ Бротертофтъ, и потому ей нисколько не хотѣлось, чтобы Люси услышала свое собственное «нѣтъ.» Если бы Люси хотя разъ вышла на дорогу отрицанія, то даже въ этотъ поздній часъ ея маленькій зародышъ самообладанія могъ бы прозябнуть. Завтра же она могла бы проснуться съ свободной, разумной волей, развившейся ночью до колоссальныхъ размѣровъ. Одно безсвязное, безнадежное «нѣтъ» пожалуй протянулось бы цѣлой арміей побѣдоносныхъ отрицаній. Нѣтъ,

нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... помноженное на себя нѣсколько разъ, привело бы ее наконецъ, къ такому неприступному положенію, котораго не одолѣли бы врата адовы нареченнаго. Но такъ не должно было случиться.

Мать не знала, что Люси уже подала знакъ къ возстанію и что она была почти готова спустить свой флагъ съ низкой мачты и вздернуть его на главную мачту своего бунта. Этого мистриссъ Бротертофтъ никакъ не могла ожидать отъ своей покорной, кроткой дѣвочки! О посольствѣ Вольтера она ровно ничего не знала. Но вдругъ, сегодня утромъ, ею овладѣло такое смущеніе и ужасъ, что она съ трудомъ узнавала въ себѣ прежнюю безстрашную женщину. Все болѣе и болѣе начала она робѣть передъ невинностью своей дочери.

Всѣ эти причины удаляли отъ нея всякое желаніе начинать бесѣду.

И такъ въ бротертофтскомъ замкѣ грустно и молчаливо длился завтракъ. Каждый изъ сидѣвшихъ безмолвно нагнулъ къ чайной чашкѣ свою больную голову. Маіоръ Керръ пережевывалъ кусокъ сухого жаркого, вмѣсто того, чтобы вести себя всеядным животнымъ.

Слѣдовательно мы не можемъ сообщить ни веселаго, ни печальнаго разговора между завтракавшими.

Но живая картина нерѣдко бываетъ драмматичнѣе словесныхъ объясненій.

Какая-то фигура подходитъ къ двери, взглядываетъ на это несообщительное тріо и хорошо видитъ живую картину.

Это — старый Вольтеръ вышедшій, прихрамывая, изъ кухни.

Люси первая его увидѣла, такъ какъ лице ея было обращено къ двери кладовой.

Вдругъ Люси просвѣтлѣла и чуть не разразилась цѣлымъ ливнемъ слезъ, когда передъ ней показалась эта черная туча, обремененная сильнымъ электричествомъ.

Молнія! Сверкнули глазные бѣлки и зубы Вольтера.

То былъ мгновенный блескъ, успѣвшій однако показать Люси сквозь покрывало ея унынія фигуру, спѣшившую къ ней на помощь, фигуру человѣка, въ которую она вѣрила,— ея отца. Но бѣлая молнія черной тучи не говорила ей о другихъ рекрутахъ

ея мятежной арміи. И такъ они должны оставаться ей неизвѣстными съ своими лицами и именами, пока она не найдетъ случая переговорить съ своимъ соумышленникомъ.

Но какая жгучая агонія надежды загорѣлась въ ея сердцѣ при взглядѣ и знакѣ головы Вольтера!

— Надобно удержаться, чтобы не вскрикнуть отъ радости, думала она: — я должна подавить въ себѣ этотъ неугомонный, противный, торжествующій хохотъ, должна остерегаться, чтобы не вспрыгнуть и не задавить въ своихъ объятіяхъ этого добраго старика. Слава Богу, мой чай горячъ, поэтому я могу закрыться и кричать.

Подумано и сдѣлано; потомъ подъ прикрытіемъ салфетки она опять надѣла на свое лицо обычную маску.

Эта прелестная ученица прилежно брала уроки въ томъ притворствѣ, которому женщины обрекаютъ свои лица, именно—казаться холодною, когда сердце горитъ огнемъ; казаться глупенькою, когда мозгъ былъ только что выточенъ на оселкѣ остроумія; казаться откровенною, когда при одномъ взглядѣ на душу оказывается, что она вся исписана таинственными гіероглифами; казаться ручною, когда въ сердцѣ бушуетъ ярость тигра; казаться спокойною, когда душа полна тревоги; казаться нѣжною и кроткою, какъ свѣжее молочко, когда кровь клокочетъ и угрожаетъ изломать преграды самообладанія. Коварное общество! Безхитростная молодая женщина! Теперь-то ты должна покориться молчанію и притворству, чтобы мамаша не подмѣтила трепетныхъ біеній твоего сердца: тогда твой едва оперившійся планъ бѣгства лишится своихъ нѣжныхъ перышекъ, или — что еще хуже—останется съ свороченной шейкой. Вольтеръ подалъ, прихрамывая, блюдо съ пирожками, испеченными изъ гречневаго тѣста. Ихъ мать — гречиха еще въ послѣднее лѣто бѣлѣла по отлогостямъ Уэстчестера, а осенью застилала нивы пурпуровой скатертью. Пироги были круглы, какъ дублоны или какъ мѣсяцъ во время полнолунія. Края ихъ были остры, а не оборваны и залѣплены кверху. Своимъ цвѣтомъ напоминали самаго деликатнаго мулата. Пузырчатую массу ихъ можно было бы сравнить съ дорожкой, оставляемой на водѣ пароходомъ. Верхній пирожокъ казался величайшимъ созданіемъ искусства, и едва ли

глаза смертнаго созерцали что нибудь подобное,—впрочемъ и ближайшій на блюдѣ пирогъ вовсе не былъ похожъ на вещество водянистое и безвкусное. Однимъ словомъ каждый пирожокъ казался поэмой, мадригаломъ, воспѣтыми въ честь простоты и изящества, которыми прославилъ себя кулинарный геній Сафо.

Эти перлы Вольтеръ поставилъ передъ господами.

Но никто изъ нихъ не отвѣдалъ пирожковъ, никто не оцѣнилъ ихъ, никто не замѣтилъ. Аппетитъ трехъ заболѣвшихъ головами окончательно умеръ и возбудить его было невозможно.

Старикъ уже отходилъ отъ стола, но въ это время мистриссъ Бротертофтъ сказала ему сурово:

— Кажется, я повышу Платона, а тебя, Вольтеръ, смѣщу, если ты будешь болѣть такъ не во-время.

— Виноватъ, мисиссъ. Животомъ нездоровъ былъ, мисиссъ. Ничего не подѣлаешь. Я знаю, что нехорошо.

Наружность негра обезоружила ея подозрѣнія. Послѣ своего путешествія Вольтеръ явился измученнымъ, грязнымъ человѣкомъ.

Никто, взглянувъ на него, не отгадалъ бы, что у него страдали органы передвиженія, а не пищеварительные каналы, что у него болѣла изцарапанная нога, свихнутый палецъ и натруженная икра. Желудокъ же его, на который онъ смотрѣлъ какъ на мѣсто поселенія честныхъ обмановъ, наслаждался полнѣйшимъ здравіемъ.

VI.

Когда Пирамъ и Тисбея, когда Ричардъ-Львиное-Сердце и Блондель хотѣли говорить другъ съ другомъ, то стѣны представляли имъ «многочисленныя щели и отверстія для ихъ дружнаго шопота и обмѣновъ взглядами».

Завтракъ окончился. Вольтеръ стучалъ въ кухнѣ тарелками и кастрюлями, подавая сигналъ Люси, которая ждала только удобной минуты, чтобы поспѣшить на этотъ призывъ и укрѣпить свои надежды силою достовѣрности.

— Я иду на верхъ, Люси, сказала ей мать, и дамъ женѣ Деунтта послѣднія указанія относительно твоего подвѣнечнаго платья. Приходи же поскорѣй и примѣрь его.

Она вышла, оставивъ однихъ—влюбленнаго и его невѣсту.

Керръ стоялъ передъ каминомъ въ своей любимой позѣ. Лицо его было багрово, куртка—красна. Онъ производилъ эффектъ какой-то грубо-намалеванной, ярко красной фигуры во вкусѣ—въ ужасномъ mauvais genre. Этого огромнаго дуралея стѣсняла собственная фигура. Спокойная наружность молодой дѣвушки его конфузила. Онъ зналъ, что его ухаживанья были для нея оскорбительны. Онъ видѣлъ, что громадный его ростъ нисколько ее не прельщалъ; ни его щеки, ни плечи, ни икры ногъ не трогали ея сердца. Самолюбіе его было больно уязвлено, и потому онъ чувствовалъ пошлую радость торжества при мысли, что она находится въ его власти.

Сегодня утромъ онъ стыдился самого себя. Право для людей было бы несравненно утѣшительнѣе, если бы они, ложась спать пьяными, не пріобрѣтали утромъ головной боли и не лишались самоуваженія. Впрочемъ, когда спустится мракъ ночи, дѣла могутъ принять совсѣмъ иной оборотъ.

Керръ злился на самого себя и былъ въ большомъ замѣшательствѣ. Ему хотѣлось заговорить, чтобы скрыть неловкость своего положенія, но онъ не зналъ съ чего бы начать бесѣду. Это непріятное затрудненіе повторяется на свѣтѣ довольно часто.

— Вѣдь она, разумѣется, знаетъ, думалъ онъ, что сегодня хорошій день и слѣдовательно этимъ извѣстіемъ ее не удивишь. О вояжѣ Вогана по рѣкѣ всѣмъ ужь прожужжали уши. Я сѣострилъ на счетъ Эзопа и его басенъ: эту остроту вчера повторилъ лордъ Раудонъ, но моя невѣста даже не улыбнулась. Почему судьба не дала мнѣ языка Джэка Андре. Однако у меня чешутся руки вырвать изо рта языкъ этого проклятаго болтуна, ухаживавшаго за ней такъ безцеремонно. Теперь, кажется, очередь ухаживать за мной. Но непріятно то, что она никогда не подпускаетъ меня къ себѣ достаточно близко, почему я и не могу выразить ей любовь по-своему. Однако надобно же что нибудь сказать. Ну-ка, начнемъ! Гмъ-гмъ! Люси! миссъ Люси!

— Сэръ!

— Сегодня очень хорошій день.

— Очень.

— Знаетъ!--Даже необыкновенный день для здѣшняго непріятнаго климата. Молчаніе.

— Ну, если бы она называлась мистриссъ Керръ, подумалъ маіоръ, я бы прочистилъ уши этой глухарки! Однако не надо, чтобы она молчала. Попробуемъ заговоритъ о другомъ. Гмъ! Миссъ Люси! Не угодно ли вамъ выйдти со мной подышать свѣжимъ воздухомъ?

— Благодарю. Позвольте мнѣ не задерживать васъ.

— Но вѣдь вы, кажется, знаете, что завтра мы будемъ обвѣнчаны. Вамъ не слѣдуетъ меня такъ дичиться.

— Моя мать ожидаетъ меня у портнихъ.

— Ну, если вамъ такъ необходимо идти—я васъ не стѣсняю, сказалъ Керръ съ доволно кислымъ видомъ.

Онъ вышелъ изъ дома на лужокъ. Азотно-девяти-кислородный воздухъ былъ чистъ и крѣпителенъ. Маіоръ жадно началъ его въ себя впивать, какъ будто воздухъ казался ему жидко разведеннымъ грогомъ.

Люси тайкомъ поспѣшила къ мѣсту свиданія, гдѣ главный заговорщикъ ожидалъ ее посреди кострюль и тарелокъ.

— О, Вольтеръ! Скажи мнѣ все! вскричала она. Но слезы прервали ея голосъ и полились съ такой силой, какъ будто она хотѣла своей урною выбрать самую большую кострюлю.

— Не кричите, миссъ Люси, сказалъ старикъ:—я пришелъ къ вамъ съ добрыми вѣстями.

Но эти слова еще болѣе усилили ея рыданія.

Не будучи слишкомъ свѣдущимъ въ химіи слезъ, Вольтеръ однако замѣчалъ, что потокъ ихъ утѣшалъ и успокоивалъ молодую дѣвушку. Желая заговорить съ нею о самыхъ интересныхъ предметахъ, пока не уймется первый взрывъ ея горести, Вольтеръ сказалъ ей:

— Я видѣлъ въ Фишкиллѣ маіора Скраммеля, миссъ Люси. Онъ освѣдомлялся о вашемъ здоровьи.

— Благодарю за вниманіе.

Это имя повидимому произвело дѣйствіе ушата холодной воды. Всѣ эти маіоры страшно ей опротивѣли. Янки—Скраммель, нѣмецъ—Эмерикъ, британецъ—Керръ—всѣ надоѣли ей хуже

горькой рѣдки. Маіорскій чинъ началъ внушать ей отвращеніе.

— Мой отецъ! произнесла она такимъ голосомъ, въ которомъ всецѣло сказалась вся ея душа:—говори мнѣ о немъ! Онъ не забылъ меня? Онъ меня любитъ? Онъ спасетъ меня отъ этой... этой... Новое рыданіе заглушило рѣзкій эпитетъ.

— Онъ любитъ васъ всѣмъ своимъ нѣжнымъ сердцемъ, отвѣчалъ Вольтеръ, по своему обыкновенію, немилосердно коверкая эти драгоцѣнныя слова утѣшенія.

Когда этотъ великій фактъ любви со всѣми отрадными его послѣдствіями былъ выраженъ одной фразой, Люси, какъ женщина, пожелала узнать, была ли она достаточно оцѣнена этимъ новымъ любящимъ сердцемъ. Прежде чѣмъ интересоваться своими собственными опасностями, ей хотѣлось, во что бы то ни стало, быть увѣренной, что она пріобрѣла полное уваженіе своего новаго друга.

— Разсказалъ ли ты ему, вскричала она съ жаромъ, что я не была злой дочерью, что я была обольщена, обманута этой жестокой женщиной?

Слезы опять полились изъ ея глазъ при мысли, какъ много долженъ былъ выстрадать отецъ, благодаря безчестной жизни своей жены. Негодованіе противъ матери осушило ея слезы, и по слѣднюю фразу она произнесла голосомъ глубокаго раздраженія.

— Онъ знаетъ все это, сказалъ старый гонецъ.

— Каковъ онъ изъ себя? Вѣдь не очень грустенъ, я думаю? разспрашивала Люси.

Опять, какъ женщина, она хотѣла бы видѣть извѣстное лицо собственными глазами. Прежде чѣмъ слышать присланныя имъ слова утѣшенія, она желала бы взглянуть на него, какъ на осязательный предметъ, согрѣть его всего безконечной любовью, состраданіемъ, всѣми надеждами своего сердца,

— Онъ много постарѣлъ, миссъ Люси:—его волосы посѣдѣли. Для него это рано, потому что ему немного больше сорока лѣтъ, значитъ, онъ еще молодой мужчина. Онъ успѣлъ бы сдѣлать новую карьеру. Но съ виду онъ сильно постарѣлъ и крѣпко пріунылъ. Теперъ онъ надѣлъ мундиръ сержанта вмѣсто генеральскаго, но по лицу его видно, что онъ такъ же ученъ,

какъ и генералы, да, пожалуй, будетъ и много поученѣе генераловъ.

— Милый, родной мой! говорила Люси во время этого описанія. Она раздумывала, какъ велико было бы ея счастье, если бы она могла обновить и освѣжить эту замученную жизнь.

— Теперь, скажи мнѣ, Вольтеръ, спросила она, можетъ ли онъ за меня заступиться?

— Да мы объ этомъ только и говорили. Онъ рѣшительно не зналъ, какъ пособить этой бѣдѣ и сказалъ мнѣ, что онъ слишкомъ убитъ горемъ и не въ силахъ ни для кого придумывать средства къ спасенію.

Бѣдная Люси! Отъ этихъ немногихъ словъ разлетѣлись всѣ ея надежды! Она могла почти слышать, какъ внутри ея разрывалось сердце.

— И такъ, продолжалъ старый Вольтеръ, коверкая то или другое слово, я уже уходилъ отъ него въ сильной печали, увѣряю васъ, миссъ Люси, въ самой горькой печали. Войдя въ лѣсъ, я сѣлъ на землю и сталъ высматривать, нѣтъ ли гдѣ норы бѣлки: въ эту нору я хотѣлъ залѣзть и издохнуть, какъ животное. Но какъ только я отыскалъ себѣ такой гробъ—вдругъ слышу, что кто-то кричитъ сумасшедшимъ голосомъ: «Вольтеръ! Вольтеръ!» Сначала я подумалъ, что то были святые ангелы, а потомъ воображалъ, что тамъ бродила нечистая сила. Я оглядѣлся кругомъ въ лѣсу съ большимъ страхомъ; вдругъ каштаны захрустѣли, раздался прежній страшный крикъ, и вашъ отецъ бѣжалъ ко мнѣ съ горы, что стало духу. Онъ потащилъ меня за собою назадъ, какъ малаго ребенка. Я ровно ничего не понималъ изъ всего этого, но онъ встащилъ меня на верхъ къ колодцу, находящемуся противъ фермерскаго дома сквайра Ванъ-Вика,—и здѣсь я увидѣлъ....

Въ этомъ мѣстѣ своего оживленнаго разсказа Вольтеръ долженъ былъ остановиться и дать роздыхъ своимъ старымъ легкимъ.

— И увидѣлъ?.. вскричала Люси съ неменьшей живостью, заселяя свое воображеніе во время этого перерыва цѣлымъ легіономъ воскресшихъ надеждъ, которыя представлялись ей въ видѣ старыхъ, добрыхъ континентальныхъ героевъ, затя-

нутыхъ въ желто-голубые мундиры, честныхъ людей съ головы до пятокъ. Но такъ какъ ей никогда не доводилось ихъ видѣть, то воображеніе и не могло облечь ихъ въ лица.

— Увидѣлъ маіора Скерретта, сказалъ Вольтеръ, задыхаясь.

Весь легіонъ надеждъ, родившихся въ воображеніи Люси, внезапно собрался въ одинъ геройскій континентальный призракъ, у котораго вмѣсто лица было вывѣшено имя Скерретта. Она вѣрила, что имя этого незнакомца означало *помощь*. Она чувствовала, какъ ея сердце, разрывавшееся въ эту минуту, старалось привязать себя къ цѣпи, въ которой звеньями были буквы имени Скерретта.

— Опять маіоръ! сказала она полу-сердито.

Въ этомъ маленькомъ протестѣ противъ незнакомца уже проглядывала тѣнь кокетства. Женщина еще не успѣла умереть въ ней окончательно.

— Да, опять маіоръ, только — Ѳедотъ, да не тотъ. Его создалъ милосердый Богъ, а не дьяволы.

— Ахъ, Вольтеръ, не говори такимъ образомъ!

Слова эти могли относиться къ физіологическому замѣчанію или дурному произношенію негра.

Переведя духъ, Вольтеръ принялся описывать ей новаго героя съ большимъ увлеченіемъ. Его очерки были грубы, но выразительны, — какъ рисунокъ, набросанный углемъ.

— Маіоръ Скерреттъ — прелесть, а не человѣкъ, миссъ Люси: — какіе у него были усы, Боже ты мой милостивый! Цвѣтомъ они, знаете, были похожи на желтые каштановые листья и съ обѣихъ сторонъ завивались внизъ, вотъ-такъ!

Черная рука провела съ каждой стороны черныхъ губъ извилистыя дорожки.

Люси не прерывала разсказчика. Ей нуженъ былъ правильный обликъ новаго актера, прежде чѣмъ она могла интересоваться его ролью. Она догадалась уже, что этотъ актеръ вовсе не былъ похожъ на хилаго Гамлета.

Первое ея представленіе о новомъ героѣ выразилось фигурою, одѣтою въ континентальный мундиръ и имѣвшею, вмѣсто лица, имя Скерретта.

Второе представленіе: Люси видитъ, что одно голое имя изче-

заетъ. Два каштановые листа, щедро раззолоченные октябремъ, широкіе по срединѣ, тупые съ верхняго конца, заостренные съ нижняго и зазубренные по длинѣ краевъ,—рисуются ея воображенію въ воздухѣ, образуя пару усовъ.

Она глядитъ на эту изолированную принадлежность нашего тѣла и думаетъ: «вотъ это будетъ покрасивѣе усовъ Эмерика.»

— Носъ прямой, продолжаетъ Вольтеръ, не останавливаясь.

Люси вставляетъ прямой носъ въ пустое пространство, нѣсколько повыше носа. Третье представленіе.

— На его щекахъ и подбородкѣ нѣтъ ни одного прыщика, объявляетъ разскащикъ.

Ни одинъ прыщикъ не обезображивалъ никогда щекъ, которыя Люси размѣстила по обѣимъ сторонамъ носа и подбородка, приставленнаго ею внизу каштановыхъ листьевъ. Четвертое представленіе.

— Глаза голубые, какъ вотъ это блюдечко, говоритъ Вольтеръ, указывая на прекрасный китайской фарфоръ, и глядятъ такъ хорошо, какъ святые ангельскіе взоры.

Въ воображаемыя отверстія Люси вставила пару шариковъ, похожихъ на блюдечко цвѣтомъ, но не формой, — и придала имъ блаженное, ангельское выраженіе. Она взглянула на этотъ, уже нѣсколько очерченный, портретъ своими свѣтлыми, карими глазками—«перлами хорошенькой женщины»—и нашла обрисовавшееся передъ ней лицо вполнѣ прелестнымъ.

— Кожа очень смуглая, продолжаетъ разсказчикъ-портретистъ.

Люси погрузила свою кисть въ умбру и окрасила щеки, подбородокъ и носъ темнымъ цвѣтомъ, который рѣзко обрисовалъ прекрасные, золотистые усы героя.

— Свѣтлые волосы подъ треугольной шляпой.

Услужливая мысль Люси поспѣшила надѣть шляпу на фигуру.

— Косы нѣтъ.

Воображаемая коса, подвязанная свороченной черной ленточкой, уже болталась въ воздухѣ, возлѣ мозжечка героя. Люси отрубила ее съ презрительнымъ жестомъ и отправила вертѣться въ невидимомъ пространствѣ.

— Теперь, сказалъ Вольтеръ, прибавьте ко всему вѣрность,

честность и мужество; вообразите себѣ его улыбку, отъ которой самое горькое сердце дѣлается сладкимъ пряникомъ; придайте его глазамъ тотъ взглядъ, который заставляетъ даже вывихнутые пальцы бѣгать, кружиться и выдѣлывать разные антраша, который какъ будто прикладываетъ пластырь къ каждой царапинѣ на ногахъ стараго, свободнаго джентльмена цвѣтной кожи,—и вы можете думать, что видите этого маіора, передъ которымъ свобода и ангелы божіи снимаютъ шапки, а черти убѣгаютъ, какъ только его завидятъ. Припомните все, что я сказалъ, миссъ Люси,—и вы составите себѣ понятіе о маіорѣ Скерреттѣ.

Портретъ былъ оконченъ. Люси приколола вѣрность, справедливость, мужество и другія, родственныя имъ, добродѣтели къ смуглымъ щекамъ, подобно тому, какъ матросъ накалываетъ изображеніе якоря или имя дорогой Мэри на рукѣ своего товарища. Она придала лицу героя такую благовонную, медовую и вкусную улыбку, что подъ вліяніемъ этой улыбки самое грустное, кислое сердце должно было дѣйствительно превратиться въ лакомый пряникъ. Глазамъ своего идеала она сообщила особый, хирургическій взглядъ, способный излечивать ноги и располагать къ танцамъ самые замученные пальцы. Теперь она провела рукою по каштановымъ листьямъ, игравшимъ роль усовъ, чтобы пригладить книзу ихъ зазубринки. Портретъ готовъ. Люси поглядѣла на него одно мгновеніе и покраснѣла при мысли, что передъ ней находился такой маіоръ, которому могла бы поклониться женщина и ангелы.

Бѣдная простенькая дѣвушка сконфузилась самой себя и немножко устыдилась своего желанія убѣдиться, похожъ ли живой человѣкъ на составленный ею идеалъ.

Это дитя — вспомнимъ, что ей было только восемнадцать лѣтъ и что, благодаря самой себѣ и своей мамашѣ, она оставалась ребенкомъ до настоящаго времени—это дитя еще не успѣло создать себѣ идеалъ героя; она знала только, что герои ни въ чемъ не могутъ быть похожими на Керра. Мы видѣли уже, какого мнѣнія она была о британскихъ офицерахъ. Изъ подчиненныхъ Путнама — Скраммель не внушалъ ей никакого довѣрія; Радьера она охотно назвала бы своимъ другомъ, если

бы этотъ пересоленный галлъ не страдалъ такъ сильно засореніемъ желудка и брюзгливостью характера; Гомфрисъ былъ черезъ-чуръ смѣшонъ съ своею надутою важностью и прозаическою поэзіей, Ливингстонъ забавлялъ ее—voilà tout!

— Но можетъ ли этотъ джентльменъ помочь мнѣ? спросила она серьозно, какъ только весь призракъ возникъ передъ ея мысленными глазами.

— Помочь-то можетъ-ли? сказалъ Вольтеръ:—чтожь вы думаете, что съ вами шутятъ? Ужь предоставьте это дѣло его головѣ!

Затѣмъ негръ вкратцѣ разсказалъ о планѣ, имѣвшемъ цѣлію завладѣніе особой Керра и ея освобожденіе.

Въ одно мгновеніе Люси все поняла.

— Маіоръ Скерретъ поручилъ передать вамъ совѣтъ, миссъ Люси, сказалъ счастливый курьеръ, заключая свои донесенія.

— Мнѣ? удивилась дѣвушка, подавляя въ себѣ мысль, что быть можетъ невѣстѣ Керра не прилично выслушивать совѣты другихъ маіоровъ:—благодарю его за вниманіе! Что же онъ велѣлъ тебѣ передать?

— Вотъ его слова: «скажи миссъ Бротертофтъ, чтобы она была бодра, благоразумна и чтобы въ своей комнатѣ заболѣла головной болью, пока все не будетъ готово къ отъѣзду.»

— Теперь я бодра и благоразумна уже потому, что имѣю такого сильнаго друга, которому могу довѣриться. Но голова у меня больше не болитъ. Я еще никогда не чувствовала себя такою здоровою и счастливою.

— Взгляните на него! замѣтилъ Вольтеръ, указывая на Керра сквозь окно кладовой:—этотъ видъ можетъ заставить болѣть все ваше тѣло—отъ головы до пятокъ

Она взглянула и внезапно прониклась болью усилившагося негодованья и отвращенья.

Прислонясь изнеможенно къ дереву, Керръ жадно дышалъ азотно-шести-кислороднымъ воздухомъ. Золотые холмы, синяя рѣка и горы—синія и золотыя вмѣстѣ — не имѣли въ глазахъ его никакой прелести. Онъ раздумывалъ:

— Теперь уже, пожалуй, около семи часовъ. Ну, однако завт-

ра утромъ врядъ ли я буду въ силахъ пить что нибудь покрѣпче жидко разсиропленнаго грога. Ахъ, проклятая голова!

— Нечего сказать—хорошъ женишокъ для моей молоденькой лэди! замѣтилъ Вольтеръ съ не особенно правильнымъ произношеніемъ, но съ совершенно основательнымъ негодованіемъ.

Вѣрный негръ становится теперь въ позу Отелло, разсказывающаго о своихъ приключеніяхъ. Онъ сообщаетъ, въ формѣ траги-комическаго эпизода, какъ ему приходилось быть «на волосъ отъ смерти», какъ «настигалъ его дерзкій врагъ», что случалось съ нимъ впродолженіи всего путешествія и какъ велики были страданія его голеней и пятокъ, между жестокими камнями, «по скатамъ и буграмъ» за Антони-Нозомъ, въ то время, какъ онъ пробирался ночью по окольнымъ дорогамъ.

Люси «подарила ему милліонъ вздоховъ» и «сердечно благодарила его за вѣрную службу посреди столькихъ опасностей.»

— Теперь, сказалъ въ заключеніе честный слуга, я хочу и вамъ предложить маленькую заботу.

— Какую? спросила Люси, дрожа при мысли объ отвѣтственности.

— Отошлите жену Деуитта и Салли Бильсби къ себѣ домой! Пусть немного повеселятся послѣ такой трудной возни съ вашимъ подвѣночнымъ нарядомъ. Сегодня ночью мы должны завладѣть этимъ домомъ.

— Сегодня ночью! Сердце Люси то прыгало, то замирало. Да, въ эту ночь она должна была завоевать свободу или завтра утромъ склониться подъ ярмо рабства.

— Вѣдь двое изъ нихъ, миссъ Люси, были уже здѣсь передъ восходомъ солнца, сказалъ Вольтеръ.

— Не ма... она не рѣшалась договорить.

— О, нѣтъ, не маіоръ! Сюда приходили старый Сэмъ Гэльсуорти и Гендрикусъ Канади. Вы ихъ знаете. Они были здѣсь для обозрѣнія мѣстности.

— Мать зоветъ, я должна идти, сказала Люси дрожащимъ голосомъ.

Чрезъ окно она взглянула на Керра, прислонившагося въ изнеможеніи къ дереву. Обильный океанъ листьевъ, окрашенныхъ подъ цвѣтъ усовъ Скерретта, сыпался на него сверху. Люси

представлялось, что унылыя миріады смуглыхъ лицъ, съ прямыми носами, безъ прыщей, съ ангельскими голубыми глазами и съ печатью вѣрности и мужества въ каждой чертѣ выглядывали на нее изъ-за дерева, говоря: «будьте бодры и благоразумны!»

VII.

Впродолженіи всего утра Вольтеръ велъ себя относительно Сафо какимъ-то непріятно таинственнымъ образомъ, а вѣдь для успѣха кулинарныхъ, такъ же какъ и химическихъ экспериментовъ, главное условіе — совершенное спокойствіе.

Бѣдная Сафо, озадаченная странностями своего супруга, когда тотъ стремглавъ вбѣжалъ въ кухню, смотрѣлъ таинственно и изступленно повторялъ: «тсссс...», была похожа на нервическаго профессора химіи, приведеннаго въ недоумѣніе тѣмъ, что ученики скалятъ зубы при его опытахъ съ кислотами или отворачиваютъ непокорные носы отъ вони хлористо-углеводороднаго газа.

Великій экспериментъ стряпни Сафо оказался неудачнымъ. Супъ она засыпала сахаромъ, пуддингъ—солью. Вмѣсто индѣйскаго перца, она клала обыковенный — зерновый, и обратно. Она переваривала то, что должно было оставаться недоваренымъ; шкурку гуся зажаривала до твердости кирасы, а исподней коркѣ пирога сообщала неудобоваримость уэстчестерскаго шифера. Вчерашній обѣдъ былъ божественно вкусенъ, сегодняшній не могъ оказаться и сноснымъ. Заговоры извращаютъ домашнюю экономію, также какъ и политическую.

Встревоживъ своими темными намеками жену, Вольтеръ захотѣлъ помучить и сына.

Платонъ состоялъ въ званіи лорда-штальмейстера. Время было военное.

Уэстчестеръ начиналъ нести наказаніе за свое нейтральное положеніе, представлявшее приманку для грабежей, и мятежниковъ, и торіевъ. Рента собиралась въ бротертофтскомъ имѣніи очень медленно и когда наконецъ собиралась, то оказывалась незначительною. Нужно было держаться экономіи; этотъ ска-

редный совѣтникъ убѣждалъ уволить въ отставку трехъ помощниковъ Платона по завѣдыванью конюшней и взвалить на него тройную службу. Впрочемъ ему были приданы на подмогу Бильсби juvenissimus и еще другой мальчишка изъ помѣстья «для легкой черной работы». Это были сверхштатные attachés, служившіе изъ любви къ искусству, неполучавшіе жалованья, но пользовавшіеся правомъ жевать сѣно между лошадьми, днемъ набивать брюхо свининой и пуддингомъ, а ночью предаваться на чердакѣ отдохновенію.

Вольтеръ пошелъ въ конюшню. Шесть бѣлыхъ коней знаменитой линкольнширской породы стояли по три съ каждой стороны. Ихъ длинные хвосты по временамъ сгоняли обезсилѣвшихъ послѣднихъ мухъ, оставшихся отъ лѣта.

Вольтеръ отправился къ двери сарая, чтобы выгнать изъ него шумную ватагу цыплятъ. Неуклюжій экипажъ допотопнаго времени стоялъ въ отдаленномъ углу; каждый старый фамильный сарай непремѣнно обладаетъ подобнымъ, сѣвшимъ на мель, ковчегомъ, котораго не сдвинетъ уже съ мѣста ни одна лошадиная сила.

— Тому въ іюнѣ окончилось уже девятнадцать лѣтъ, подумалъ старый слуга Бротертофта:—какъ я прокатилъ въ этомъ экипажѣ мистера Эдвина и молодую Биллопъ въ церковь Троицы на вѣнчаніе отъ ея дома въ Вилль-Стритѣ—всей-то и дороги было не больше двухсотъ аршинъ. Я хорошо слышалъ, какъ говорили колокола Троицы: «Не женись ты, Эдвинъ Бротертофтъ, на этой Биллопъ!» Даже кости мои чувствовали, что она будетъ дѣлать одни подлости. Ея кошелекъ накликалъ на насъ такую бѣду, какой мы прежде никогда не знали. А хорошаго до сихъ поръ пока мало.

— Платонъ! сказалъ онъ, войдя въ большую живописную конюшню, полу-освѣщенную солнцемъ, полу-мрачную, заваленную сѣномъ, пахучимъ, какъ поля въ первыхъ числахъ іюля.

— Сэръ! отозвался Платонъ, вытягиваясь въ струнку и отдавая честь по-военному. Въ послѣднее время онъ вдоволь насмотрѣлся на военныхъ и былъ не прочь поиграть въ солдатики. Эта черта быть можетъ обличала остатокъ подражательной страсти гориллы.

— Твои мальчуганы, кажется, не совсѣмъ здоровы.

Вольтеръ указалъ на Бильсби и его товарища, пережевывавшихъ солому. То были два лукавые идіота, подобно почти всѣмъ маленькимъ мужичонкамъ. Они могли съ поразительной смѣлостью сказать, чѣмъ отличается свинья отъ барана, но все-таки принадлежали къ числу тѣхъ ребятишекъ, которые дѣлаются хитрыми ваньками-дурачками, когда у нихъ еще молоко на губахъ не обсохло.

— Нѣтъ, они, кажись, ничего — не хворы, живутъ въ добромъ здоровьи, какъ быть слѣдуетъ, замѣтилъ Платонъ.

— Разсказывай ты, — по лицамъ видно, что они больны, подтвердилъ заговорщикъ:—просто на силу на ногахъ держатся! Да я въ жизнь свою не видалъ такихъ исхудалыхъ дѣтей! Имъ нужно бы покушать каштановъ. Они больны глистами. У малыхъ ребятъ всегда заводятся глисты, если они по горло не наѣдаются каштанами.

Маленькіе бездѣльники выплевывали солому, поблѣднѣли и почувствовали, что въ ихъ желудкахъ пробудились ползающіе черви.

— Ну, дѣтвора, сказалъ Вольтеръ съ отеческимъ участіемъ: — если вамъ хочется избавиться отъ червей, бѣгите сейчасъ же въ лѣсъ и жрите до весь ротъ каштаны.

— Да въ каштанахъ тоже есть черви, возразилъ Бильсби.

— Это-то и хорошо: тѣ черви поѣдятъ вашихъ. Ну, ступайте же маршъ-маршемъ. Заночуйте у себя дома и завтра не приходите сюда раньше полдня. Веселитесь, сколько вашей душенькѣ угодно. Жрите сегодня цѣлый день, да набивайте карманы и на завтра. Вѣдь такимъ хорошимъ ребятамъ помирать еще рано.

Дѣти повиновались и убѣжали съ торжествующею радостью. Только одни каштаны могли спасти ихъ отъ червя неумирающаго. Итакъ въ рощахъ бротертофтскаго имѣнія два мальчика усердно грызли въ этотъ день каштаны. Вольтеръ подмигнулъ обѣими глазами и неистово расхохотался.

— Не спрашивай меня ни о чемъ, Платонъ, сказалъ старикъ: — и не воображай въ своей головѣ никакихъ глупостей. Я хотѣлъ поочистить маленько кухню отъ старыхъ и малыхъ

бездѣльниковъ; вотъ за тѣмъ-то я и отпустилъ этихъ мальчишекъ, ха-ха-ха! Ну что, Платонъ, какъ ты думаешь, вѣдь я сыгралъ съ тобою смѣшную штуку?

Платонъ выпустилъ хвостъ Воланты, который разчесывалъ, и насторожилъ уши.

— Скажи мнѣ, что дѣлаетъ молодая лэди, если не хочетъ вѣнчаться съ первымъ, назначеннымъ ей мужемъ?

— Повѣнчается и съ другимъ, весело отгадалъ Платонъ.

— Ну, какъ же тебѣ не стыдно, Платонъ! Чтожь ей за двухъ-то выходить замужъ, что ли?

Пристыженный грумъ отвѣчалъ отрицательно.

— Вотъ видишь, ты самъ понялъ, что сказалъ чушь, сказалъ спрашивавшій:—отлично. Такая лэди требуетъ къ себѣ своего конюха—странно, что его зовутъ Платономъ—и говоритъ ему: «Платонъ!»

— Чего изволите? отозвался другой негръ.

— Э, да ты не перебивай рѣчи-то, прикрикнулъ Вольтеръ:—она говоритъ ему: «Платонъ, вѣдь ты знаешь мою кобылку?» А онъ ей и говоритъ: «Вашу кобылку, Воланту, миссъ?» Странно, что кобылку тоже зовутъ Волантой, а она ему и говоритъ: «Возьми же ты и засыпь ей сейчасъ въ ясли побольше овса, осѣдлай ее и посмотри, исправны ли подпруги и уздечка.» А потомъ она ему и говоритъ: «Ты не спрашивай, Платонъ, что значитъ эта штука и куда это твоя лэди собирается ѣхать, а спокойно жди, пока не откроется седьмая печать.»

При этомъ тезка фернейскаго мыслителя многозначительно мигнулъ обоими глазами.

Тезка другого философа также затмилъ свои бѣлки отмиганьемъ. Теперь онъ отгадалъ, гдѣ странствовалъ его папенька впродолженіи тридцати-шести часовъ; въ прошлую ночь онъ кивнулъ караульнымъ, чтобы они тайкомъ пропустили его родителя; онъ зналъ о его свиданіи съ старымъ Сэмомъ Гэльсуорти и Гендрикусомъ Канади за часъ до восхода солнца и настолько постигъ весь заговоръ, что могъ отгадывать его каждый день, какъ самую интересную шараду, и вѣрить, что семь печатей тайны сломаются постепенно одна за другою.

Вольтеръ, прихрамывая, опять поплелся въ домъ и въ свой

буфетъ. Его физіономія дворецкаго сильно осунулась, когда онъ взглянулъ на бутылки, опорожненныя во время вчерашняго пиршества. Онъ могъ даже всю эту посуду до горлышка налить влагою печали, если бы зналъ, какой химическій способъ обращалъ въ вино соленыя слезы.

— Эка, подумаешь, какъ знатно пьютъ эти красномундирники! пробормоталъ онъ: — пропалъ до конца нашъ погребъ, если еще случится такое нападеніе. Однако надо принести на сегодня свѣжаго вина и немножко водки, чтобъ ею удружить маіору Керру.

Вольтеръ зажегъ свѣчу и сошелъ въ погребъ.

— Ну, однако не совсѣмъ осторожно, подумалъ онъ, — спускаться сюда со свѣчей, невставленной въ фонарь — вишь сколько навалено соломы и разнаго сору. Ужь какъ тутъ займется огонь — не скоро его утушишь. Впрочемъ, вѣдь исключая меня, никто сюда не входитъ.

Дѣйствительно, открытое пламя свѣчи, свободно разбрасывающее свои искры, было довольно опасно въ этой берлогѣ. Кому не случалось видѣть подобной легко-воспламеняющейся мины подъ старымъ, запущеннымъ сельскимъ зданіемъ? Это необходимая, но опасная принадлежность дома представляетъ большія удобства для дѣтской игры въ прятки. Какъ густо мрачные угды заселены здѣсь разными страшилищами! И спрятавшійся и его преслѣдователь одинаково дрожатъ отъ страха въ этомъ угрюмомъ подземельѣ, приходятъ въ восторгъ, когда отыщатъ другъ друга и, взявшись за руки, торопливо выбѣгаютъ на свѣтъ божьяго солнца...

Привычка или быть можетъ цвѣтъ кожи Вольтера, гармонировавшій съ мракомъ подвала, держали негра вдали отъ всякихъ ужасовъ этого мѣста. Онъ прошелъ вдоль погреба, заботливо прикрывая пламя свѣчи огромной черной лапой съ ярко-красной ладонью.

Горящая свѣча слабо мерцала посреди этого опаснаго хлама. Здѣсь были свалены ящики, засыпанные соломой, которою когда-то были обворочены бутылки, налитые виномъ; здѣсь можно было видѣть ящикъ, наполненный деревянными стружками, другой—съ разнымъ совершенно ветхимъ тряпьемъ, третій —

съ крупчатой мукою, молотою на мельницахъ помѣстья Филлипсовъ, четвертый—съ душистыми яблоками, пятый—съ луковицами, издававшими острый запахъ, шестой—съ бѣлыми красивыми рѣпами и наконецъ большой закромъ съ безобразнымъ картофелемъ, называвшимся кучею земляныхъ глыбъ. Здѣсь же стояла бочка отъ пива, которой обручи и доски еле-еле держались другъ возлѣ друга, подобно охладѣвшимъ членамъ скончавшейся партіи. Пустая бочка, поившая когда-то цидромъ, зѣвала сквозь свои боковыя смычки, какъ вытащенная изъ воды баржа. Казалось, что въ этой бочкѣ собрался конгрессъ всякаго сора, точно будто бы грязь и нечистота во всѣхъ ихъ проявленіяхъ прислали сюда своихъ депутатовъ. Для старой мебели былъ отведенъ особый уголъ. Грустно было глядѣть на эти продавленныя кресла, въ которыхъ сидѣли люди, давнымъ-давно уже отошедшіе въ вѣчность, на эти обломки старыхъ кроватей, дремавшіе въ безпорядочной кучѣ, на эти дряхлые столы, видѣвшіе въ свое время такъ много пиршествъ и теперь желавшіе повалиться внизъ въ пьяномъ изнеможеніи. Далѣе, сюда же попало обветшалое платье господъ и чернокожихъ, уныло поднимавшее рукава и полы, какъ будто призывая къ себѣ участіе ветошника. Словомъ, это было угрюмое, заплѣсневѣлое подземелье, и блѣдное пламя свѣчи Вольтера озаряло это пространство робкимъ, туманнымъ полусвѣтомъ.

Старый буфетчикъ отворилъ дверь виннаго склада. Цѣлыя баттареи запыленныхъ бутылокъ обратили къ нему изъ своихъ казематовъ головки, покрытыя желтыми печатями.

— Ну-ка, еще три послѣднія бутылочки для маіора Керра, сказалъ онъ:—и одну самую лучшую для маіора Скерретта, когда онъ къ намъ пожалуетъ. Надобно прихватить съ собой еще одну бутылочку нашей французской розовой водочки, такъ для приправы. Съ тѣхъ поръ, какъ у насъ поселился маіоръ Керръ, ряды между бутылками здѣсь страшно опустѣли. Нужно будетъ завтра ихъ пополнить: вѣдь бутылки любятъ жаться другъ къ дружкѣ, да и вино отъ этого дѣлается вкуснѣе.

Руки стараго слуги были такъ нагружены, что онъ не могъ запереть дверь, какъ слѣдуетъ, и потому оставилъ ее незатво-

ренною до слѣдующаго визита, который онъ хотѣлъ сдѣлать сюда для пополненія убыли.

Онъ взобрался на верхъ, прихрамывая и подсмѣиваясь надъ удобовоспламеняющимися предметами. Ни одна искорка, ни одна пылинка пепла не упала со свѣчки. Нельзя было позволить огню—этому неугомонному шалуну—поиграть съ старымъ хламомъ.

Какимъ образомъ Вольтеръ выполнилъ свою частную задачу изъ общаго плана заговора, приправивъ мадеру маіора Керра коньякомъ — это обстоятельство остается тайной его буфета, и мы рѣшительно не нуждаемся въ ея разоблаченіи. Зачѣмъ подкапывать нравственныя начала 1866 года увѣковѣченіемъ забытыхъ козней? Слава бахусу, подмѣшиванья винъ сдѣлались въ наше время анахроническимъ упражненіемъ! Теперь мы пьемъ только чистые соки. Въ нашъ честный вѣкъ намъ продаютъ только честныя вина за наши честные доллары.

Изъ погреба мы взойдемъ вверхъ по лѣстницѣ въ ту комнату, гдѣ Пенелопа,—нѣтъ, не Пенелопа, потому что эта безутѣшная вдовица была честнаго поведенія — гдѣ мистриссъ Бротертофтъ и ея камеристки усердно трудились надъ sambenito *) для завтрашняго auto-da-fé.

VIII.

Если въ 1777 году и процвѣтала у насъ какая-нибудь знаменитая модистка, то она, разумѣется, давно уже откланялась въ лучшій міръ и память объ ней покрылась плѣсенью исторіи.

Да впрочемъ, если бы такая знаменитость и процвѣтала въ маленькомъ Нью-Іоркѣ того времени, то ее безъ всякаго сомнѣнія не пригласили бы шить sambenito или подвѣнечное платье для миссъ Бротертофтъ.

Средства госпожи были достаточны. Мистриссъ Бротертофтъ могла заказать платья по своему вкусу; мистриссъ Деуиттъ умѣла выполнить этотъ заказъ. Салли Бильсби также помогала, гдѣ только хватало ея умѣнья. Бильсби младшей, во время одного изъ ея предательскихъ путешествій въ Нью-Іоркъ, было при-

*) Такъ называлась верхняя одежда, въ которую наряжали еретиковъ, присужденныхъ къ сожженію, въ эпоху испанской инквизиціи.

казано накупить шелку, бѣлаго и плотнаго съ особымъ, отличительнымъ шорохомъ невѣсты.

Оставивъ Вольтера въ кладовой, о чемъ мы уже сообщили, Люси взбѣжала по лѣстницѣ и смѣло взглянула на свой брачный нарядъ, отъ котораго вообще не блѣднѣютъ щеки молоденькой барышни. Всякій согласится, что когда невѣста глядитъ въ первый разъ на бѣлые лилейные покровы, приготовленные для ея свадебнаго жертвоприношенія, то въ сердцѣ ея разцвѣтаетъ болѣе яркая роза, чѣмъ обыкновенный цвѣтъ этого имени, и жаркое пламя охватываетъ все тѣлесное пространство отъ шеи и до начала головнаго пробора.

Но Люси и не поблѣднѣла, и не покраснѣла.

Въ ея ушахъ безпрестанно звучали слова предостереженія: «будьте бодры! будьте благоразумны!», произнесенныя ея невидимымъ покровителемъ. Бодрые не блѣднѣютъ, благоразумные не краснѣютъ. И такъ она спокойно присоединилась къ хлопотливому кружку женщинъ, взяла иголку и принялась немилосердно колоть ею свое брачное платье.

Она хотѣла убить время въ этомъ безжалостномъ упражненіи и, въ ожиданіи лучшаго прибѣгнуть къ «утѣшенію шнурованной иглы» и разнаго другого оружія модистки.

«Швы, рубцы стегай! Нитка не зѣвай!»

— Ахъ! думала она, — какъ много развлеченія доставляетъ работа! Я выплакала всѣ мои слезы. Если бы я должна была сидѣть сложа руки, то право могла бы впасть въ отчаянье. Если бы я постоянно думала о моемъ несчастьи, то могла бы взбунтоваться слишкомъ рано. Одинъ взглядъ на мою мать приводитъ меня въ ужасъ. Я знаю, что ей не трудно и теперь подчинить меня своей власти. О, Боже великій! Поддержи меня въ эти послѣдніе часы моей опасности! Только теперь я увидѣла всю глубину приготовленной мнѣ бездны. Конечно, я ждала несчастія, но мнѣ никогда и въ голову не приходило, чтобы меня хотѣли сдѣлать позорной жертвой этого человѣка. Я стыжусь, — горько стыжусь, припоминая себѣ тѣ беззлобныя минуты, когда я еще его терпѣла — когда онъ не казался мнѣ такимъ пошлымъ и грубымъ. Молю Бога, чтобы святыня моей души оставалась незапятнанною.

При этой мысли тяжелое страданіе проникло въ ея дѣвственную грудь. Она ревностнѣе занялась своей работой; ей было хорошо извѣстно, что за ней слѣдилъ зоркій глазъ матери. Не подавая вида, она прислушивалась къ болтовнѣ дѣвушекъ.

— Бѣгай же быстро, моя маленькая иголочка! говорила она мысленно:—измѣряй продолжительность этой паузы моей жизни. Каждая петелька набрасывается въ одну секунду; шестьдесятъ секундъ составляютъ минуту. Изъ минутъ выростаютъ часы, а часы унесутъ съ собою этотъ постылый день, послѣ котораго настанетъ вечеръ. Мнѣ стоитъ только быть бодрой и благоразумной, чтобъ увидѣть отца, его благороднаго друга и избавиться изъ неволи.

Вмѣстѣ съ раздраженіемъ ея мысли иголка ея заходила живѣе, мистриссъ Бротертофтъ поглядѣла на нее и, смѣясь въ душѣ, подумала:

— Миленькая дѣвочка! Она, кажется, утѣшилась. Нашъ хмѣльной, красноролій женихъ представляется намъ блѣднымъ и интереснымъ сквозь брачное покрывало. Нѣжное прикосновеніе бѣлаго шелка изгоняетъ всѣ ея опасенія. Ага, румяная невѣста покоряется своему счастью! А я еще боялась этой смазливой, безтолковой дѣвчонки! Какъ была я глупа, думая, что она не похожа на другихъ придурковатыхъ дѣвокъ! Такъ вотъ гдѣ скрывалась причина всего ея жеманнаго лукавства и головной боли! Слышите ли — головка болитъ! Теперь-то пусть сколько хочетъ болитъ этотъ чердакъ ея мыслей! Поняла я наконецъ тебя, хорошенькая плутовка! Твои нѣжные пальчики нетерпѣливо просятъ колечка! Лети же, милая птичка, на грудь твоего супруга. Онъ можетъ быть и не съѣстъ твоего бѣднаго, глупенькаго сердечка. Скажите, я же еще ее и боялась! Она въ такомъ восторгѣ отъ своего свадебнаго убранства, что безъ сомнѣнія опять разцалуетъ меня изъ благодарности, да еще гораздо нѣжнѣе чѣмъ прежде. Впрочемъ мнѣ опротивѣла ея наивность. Если бы она сама не держала себя на благородной дистанціи, то я, кажется, задушила бы ее за разныя приторности въ родѣ «миленькой мамы.» Въ послѣднее время она еще больше стала похожа на этого Эдвина Бротертофта.

— Ваше платье можно уже примѣрить, миссъ Люси, сказала мистриссъ Джиркъ Деуиттъ.

Вотъ послышался сильный шелестъ и безголовый, безрукій остовъ, сшитый изъ плотной шелковой матеріи бѣлаго цвѣта, поднялся вверхъ, опираясь на свой нижній край. Работа мадамъ Деуиттъ оказалась безукоризненной. Ахъ, если бы эта искусная портниха могла также назваться женщиной честнаго характера! Но она заслуживала только славу безстыдной развратицы, да и Салли, ея сестра, была нисколько не лучше. Tel maître, tel valet. Одна положительно дурная женщина губитъ множество другихъ, дурныхъ только отрицательно, и судьба поступила бы совершенно справедливо, если бы, воспользовавшись зломъ, сдѣланнымъ женѣ Джирка Деуитта, отомстила госпожѣ чрезъ посредство женщины, погибшей по ея милости.

Люси все еще осматривала свой брачный нарядъ, нисколько не смущаясь. Она быть можетъ даже думала, что ужь если ей суждено погибнуть, то лучше лечь на гильотину въ приличномъ костюмѣ. Очень можетъ быть, что женщины нерѣдко утѣшаютъ себя такими мыслями: «сердце мое разбито, но за то на моемъ корсетѣ нѣтъ складокъ.»

Пожалуй, женщина и можетъ такъ думать, но вѣдь есть женщины и женщины. Люси могла, не смущаясь, любоваться платьемъ и совершенно спокойно говорить о немъ, зная, что оно не будетъ ея подвѣнечнымъ нарядомъ.

— Прикажете разшнуровать васъ, миссъ Люси? спросила камеристка.

Да, да, разумѣется, разшнуровать,—какъ только эти мужественные глаза, занятые душой молодой дѣвушки, а не ея туалетомъ, поймутъ приличіе и скроются изъ комнаты.

IX.

Клянусь всѣми портнихами! Какой лучезарный блескъ красоты!

Когда окончилось это разшнурованье и за нимъ вторичное зашнурованье, мужественные глаза, которымъ было опять позволено явиться въ дѣвственной головкѣ, свѣтились милымъ, со-

чувственнымъ блескомъ. Вотъ она — молоденькая женщина въ безукоризненномъ нарядѣ; вотъ она красавица, вызывающая три знака удивленія!!!

Непорочная восемнадцатилѣтняя молодость можетъ смѣло открывать свою шею даже и при дневномъ свѣтѣ.

Борьба, которую она вела въ своемъ сердцѣ со всѣми сильными движеніями ужаса и надежды, придавали ея наружности ту же прелесть, какая сообщается другимъ лицамъ въ присутствіи любопытныхъ свадебныхъ гостей, при шелестѣ ризы, электрическомъ прикосновеніи золотого кольца и первомъ рукопожатіи молодого супруга.

А ты — о, Питеръ Скерреттъ, ты сбрилъ свои усы, напялилъ тѣсный мундиръ, сдѣлалъ изъ себя параднаго шута, отправляясь на первое свиданіе съ этимъ ангеломъ!

Но слѣдуетъ ли здѣсь припоминать и оцѣнивать тѣ личныя прелести, которыми она быть можетъ уже произвела впечатлѣніе? Нѣтъ не слѣдуетъ, потому что на ея улицѣ еще нѣтъ праздника. Если съ нея и будетъ снятъ фотографическій портретъ, то это можетъ случиться только въ свѣтлый, а не въ мрачный день ея жизни. Такъ пусть же она еще немного дозрѣетъ до подробнаго описанія! При взглядѣ на нее не трудно догадаться, что это — дочь Бротертофта. Въ ней смѣшаны характеристическія особенности лицъ ванъ-диковой картины — нѣжныя черты дамы вмѣстѣ съ спокойнымъ достоинствомъ джентльмена. Но неужели въ ея лицѣ нѣтъ и слѣдовъ энергіи другой, материнской крови?.. Портретъ, снятый теперь, быть можетъ не схватилъ бы ея окончательнаго взгляда.

— Вы хороши, какъ ангелъ, миссъ Люси, сказала мистриссъ Деуиттъ, — и сказала правду.

На одно мгновеніе воцарилась невозмутимая тишина.

Три злыя женщины — безстыдная дѣвка, невѣрная жена и надменная госпожа помѣстья—глядѣли на дѣвушку въ нѣмомъ восторгѣ.

Опять заговорило прежнее страданіе въ груди матери. Опять хотѣла она броситься къ ногамъ дочери и умолять о прощеніи; но опять она одержала постыдную побѣду надъ женскимъ воплемъ своего сердца и подавила въ себѣ слабость раскаянія.

Огонекъ сумасшествія опять началъ блуждать на ея лицѣ; ей стоило большого труда сдерживать свою дикую ярость, подстрекавшую ее прыгнуть впередъ и изорвать въ куски невинное лицо и дѣвственную грудь, которыя казнили ее невыносимымъ позоромъ.

— Да, миссъ Люси, вы право какъ двѣ капли воды похожи на ангела, подтвердила Эбби Деуиттъ съ видомъ connaisseuse въ дѣлѣ женскихъ прелестей: — а тебѣ, какъ кажется, Салли?

И затѣмъ обѣ они принялись расточать неумолкаемыя любезности.

— Ваша работа показываетъ въ васъ опытную мастерицу, Деуиттъ, сказала Люси: — скажите, мама, не можемъ ли мы отпустить Эбби и Салли на ферму сегодня на ночь: вѣдь они имѣютъ право немного отдохнуть послѣ такой усидчивой работы. А завтра опять имъ предстоитъ много хлопотъ.

— Разумѣется, можно, моя милая, если онѣ сами этого желаютъ, сказала мистриссъ Бротертофтъ, которой было очень пріятно поставить дочь въ обязательныя къ себѣ отношенія посредствомъ согласія на ея просьбу.

Женщины опять немилосердно забарабанили языками, разсыпаясь въ изъявленіяхъ благодарности. Онѣ всегда были готовы побѣситься, какъ говорилъ о нихъ Вольтеръ. Люси улыбнулась самой себѣ при мысли объ успѣхѣ ея военной хитрости. Она облегчала свой побѣгъ, не возбуждая ни малѣйшаго подозрѣнія.

— Какимъ я сдѣлалась коварнымъ заговорщикомъ! подумала она:—ага! какова эта глупенькая Люси, этотъ ребенокъ, презрѣнная, никуда негодная тряпка!.. Нѣтъ, она съумѣетъ посмѣяться надъ подлыми противъ нея замыслами. Когда эти противныя женщины уйдутъ, то на пространствѣ цѣлой мили вокругъ дома останутся только одни ея союзники.

Послѣ завтрака того дня, который слѣдовалъ за днемъ пиршества, обѣдъ былъ поданъ довольно поздно.

Азотно-шести-кислородная атмосфера, втягиваемая полными легкими, поддержала разстроенный организмъ маіора Керра; его аппетитъ къ кушаньямъ и жажда къ напиткамъ возстановились

тѣмъ яростнѣе, чѣмъ невыносимѣе были его утреннія страданія.

— Какой я счастливый плутишка, сказалъ онъ: — вѣдь мнѣ удалось увернуться отъ экспедиціи Вогана! Вы видите во мнѣ воина, миссъ Люси, которому надоѣлъ громъ оружія.

— Да вы, кажется, немного хлопочете о лаврахъ, замѣтила мистриссъ Бротертофтъ съ своей полуулыбкой.

— Разумѣется, когда могу срывать розы.

При этихъ словахъ онъ послалъ Люси такой взглядъ, что у ней зардѣлись щеки.

— Нѣтъ, знаете ли, продолжалъ онъ, я не прочь былъ бы пособить жечь дома бунтовщиковъ надъ ихъ головами, да и ихъ самихъ хотѣлъ бы пережарить въ ихъ постеляхъ. Чортъ ихъ всѣхъ побери! Пусть раздается громъ побѣдъ Джэка Борройна! Я ненавижу мужицкую сволочь! Но все-таки мнѣ бы не хотѣлось проститься съ хорошимъ обѣдомъ ради фейерверковъ! Вѣдь я знаю, гдѣ мнѣ хорошо и гдѣ будетъ еще лучше. Какъ вы думаете, миссъ Люси?

Сердце ея начало сильно трепетать, и голова заболѣла сразу.

— Однако у этого гуся шкурка такъ толста, какъ дубовая кора, продолжалъ храбрый застольный разрѣзыватель, занося ножъ:—дайте мнѣ другой кусокъ мяса—красный, жирный, сочный, и словомъ похожій на мою дорогую мамашу. Мнѣ нужно быть крѣпкимъ мужчиной, когда попъ откроетъ огонь своей баттареи—а, какъ вы думаете, миссъ Люси?.. «Я обручаюсь съ тобою этимъ кольцомъ и все мое мірское достояніе...» Ну, впрочемъ, у меня его пока немного. Я уступаю вамъ всѣ мои мірскіе долги за поручительствомъ жидовъ—ха, ха, ха!

И онъ разразился бурнымъ хохотомъ.

Эта пошлая веселость отозвалась эхомъ отвращенія въ сердцѣ Люси.

Какъ хотѣла она бросить въ его лицо перчатку ненависти!

Но терпѣніе! Она почти раскусила на двое это слово между своими плотно сжатыми зубами. Одно неосторожное выраженіе могло бы погубить ее, а между тѣмъ негодованіе, горячее какъ до-красна раскаленное желѣзо, жгло ей сердце. Она замѣтила, что въ ея лексиконѣ стали появляться термины довольно энер-

гическаго значенія. Это показалось ей теперь важнымъ обстоятельствомъ. Наконецъ-то она начинала себя понимать. Накаляющійся котелъ чувствуетъ силу скрытаго внутри пара.

— Неужели я — прежнее существо? раздумывала она: — неужели во мнѣ еще осталась та слабодушная кротость, въ которой я сама себя упрекала, которую оплакивала такъ долго? Нѣтъ, мое безсознательное ничтожество изчезло. Я даже почти недовольна, что ко мнѣ спѣшитъ помощь извнѣ. Теперь мнѣ хочется смѣло поднять голову и сказать: «я не хочу судить о васъ, мадамъ, какъ о женщинѣ, но какъ мать вы меня тиранили, и потому я не намѣрена вамъ повиноваться. Я не хочу знать ни васъ, ни этого негодяя, все-таки впрочемъ далеко васъ лучшаго, которому вы осмѣливались дать святое имя женіха, котораго вы призвали къ себѣ на помощь, чтобы общими силами обезчестить вашу родную дочь». Да, я могла бы теперь сказать ей это. Но возможны ли такія низости? Неужели женщина такъ яростно можетъ ненавидѣть женщину? Я никогда не чувствовала святыни моего женскаго достоинства до сихъ поръ, когда противъ нея составленъ этотъ гнусный заговоръ.

Это смѣлое негодованіе сильно въ ней бушевало.

Но вдругъ, когда она взглянула на Керра, покраснѣвшаго отъ обжорства и усердныхъ возліяній, покрывавшаго смѣхомъ свои собственныя пошлыя шутки и осыпавшаго ее грубыми, вульгарными комплиментами, потомъ, когда она, въ противоположность ему, представила себѣ фигуру другого маіора, нарисованную ея воображеніемъ,—чувство отвращенія овладѣло ею такъ неистово, что она вскочила, отговорилась головной болью и убѣжала въ свою комнату, чтобы здѣсь на-единѣ ожидать и надѣяться, сомнѣваться и молиться.

— Опять мигрень, угрюмо сказалъ женихъ, когда она изчезла: — признаюсь вамъ, это мнѣ не нравится. Вѣдь она вчера не бѣгала отъ Джэка Андре.

— О, пусть себѣ развлекается головной болью, если это ей нравится, сказала лэди. Ужь я хорошо поняла этого ребенка. Я сегодня видѣла ее поутру, когда она примѣривала подвѣнечное платье. Она ждетъ не дождется счастливой минуты, какъ самая пылкая влюбленная!

— Такъ вы думаете, что ея робость — одно притворство?

— Ну, разумѣется, отвѣчала мистриссъ Бротертофтъ, которой также хотѣлось вѣрить своимъ словамъ.

— И такъ, спокойной ночи, милое созданіе! Пусть себѣ идетъ наверхъ и наслаждается мыслью, какъ она завтра будетъ прелестна въ своихъ шелковыхъ кружевахъ! Вы же что это, мамаша, тоже уходите?

— Да. Пейте себѣ спокойно ваше вино. Ужинать мы будемъ сегодня поздно. Я пойду немножко вздремнуть въ гостиной. Прошлую ночь мнѣ снились все какіе-то страшные сны.

— Клянусь Георгомъ! сказалъ Керръ, когда она затворила за собой дверь: — какая аппетитная женщина! Да, она будетъ вдвое лучше герцогини Горгойль! Однако она думаетъ, что Керры будутъ ей протежировать, когда она отправится въ Англію! Дудки! Мы до этого не унизимся. Все, что я могу для васъ, сударыня, сдѣлать — это жениться на вашей дочери — и баста! Ну-ка, теперь промочимъ глотку. Оно на-единѣ и пользительнѣе.

X.

И такъ, въ бротертофтскомъ помѣстьи два заговора враждебно стоятъ другъ противъ друга. Но что же въ это время дѣлалъ честный заговоръ внѣ дома?

Если бы Эдвинъ Бротертофтъ и Питеръ Скерреттъ шли черезъ Гайлэндсъ при дневномъ свѣтѣ, то нашъ разсказъ, слѣдя за ними, могъ бы нарисовать множество прекрасныхъ предметовъ, видѣнныхъ путешественниками. Но бѣда именно въ томъ, что они, какъ благоразумные люди, прокрадывались ночью и только видѣли надъ собой звѣзды, а внизу робкій слѣдъ тропинки. Величественные виды не овладѣвали ихъ вниманіемъ. Природа вовсе не занимательна тому, чья голова занята какою-нибудь исключительною мыслію. Къ счастію однако исключительныя мысли поселяются въ человѣческихъ головахъ не на вѣки. Мозгъ разрѣшается отъ бремени, и тогда человѣкъ, одумавшись, извиняется передъ природой, которую не удостоилъ своего удивленія.

А природа, вѣчно занятая своимъ дѣломъ, вовсе не трогается ни комплиментами, ни оскорбленіями.

Опасность служитъ для благоразумныхъ школою осторожности. Маіоръ Скерреттъ и его вожатый окончили свое путешествіе безъ всякихъ несчастныхъ приключеній. На разсвѣтѣ довольно морознаго дня они были уже между холмами позади Пикскилля, съ упрекомъ глядѣли на раскаленную окраску деревьевъ, нисколько ихъ негрѣвшую, и поджидали Джирка Деуитта.

Наконецъ онъ явился, какъ говорится, въ веселомъ ударѣ.

— Мы пришли сюда очень кстати, сказалъ онъ: — красные мундиры натѣшились здѣсь въ волюшку. Они запугали всякаго человѣка и завтра съ восходомъ солнца собираются плыть въ Кингстонъ. Если имъ будетъ угодно заняться поджигательствомъ, то генералъ Гэтсъ вѣроятно повернетъ спину Боргойну и поспѣшитъ за нимъ съ своей пожарной командой.

— Пафъ! гаркнула пушка съ форта Монгомери, возвѣщая утреннюю зорю.

— Пафъ! пафъ! пафъ! отвѣчали три фрегата.

Дундербергъ сердито отозвался шумнымъ эхомъ. Онъ привыкъ просыпаться при пѣньи птичекъ и, какъ честный американецъ, угрюмо протестовалъ противъ торжествующаго грохота британскихъ орудій.

— Вишь, какъ ясно разстилается передъ нами берегъ, сказалъ Джиркъ: — точно мы живемъ въ мирное время: теперь, если вы хотите идти за мною, то я вамъ покажу между деревьями, въ одной мили отъ дома, такую берлогу, гдѣ вы можете удобно расположиться, какъ птицы на каштановомъ стволѣ, и обозрѣвать мѣстность. На походѣ я разскажу вамъ и о прочемъ, что мнѣ извѣстно.

Они взвалили на плечи свои ружья и сумки, готовясь за нимъ слѣдовать. Утренній свѣтъ былъ пріятенъ для глазъ и нѣженъ; осеннія краски веселили сердце; бѣлый иней покрывалъ отлогости и сверкалъ на каждомъ листочкѣ деревьевъ, собравшихся въ рощѣ.

Это была земля имѣнья. Здѣсь каждое мѣсто напоминало Эдвину Бротертофту, какъ онъ въ былые дни дѣтства занимался раскрытіемъ законовъ и тайнъ природы. Они шли около часу, и

Бротертофтъ почти развеселился подъ вліяніемъ воспоминаній о своемъ нѣжномъ возрастѣ.

— Видите ли вы эту блестящую полосу между деревьями? спросилъ Джиркъ, останавливаясь: — это рѣка. Пройдите еще десять шаговъ и вы увидите самый домъ. Теперь, маіоръ, я пойду провѣдать своихъ ребятъ, а около полудня явлюсь къ вамъ за приказаніями.

Джиркъ повернулъ обратно въ лѣсъ. Маіоръ съ одушевленіемъ зашагалъ впередъ. Одинъ его глазъ любовался красотою ландшафта, другой глазъ—глазъ военнаго чиновника—не упускалъ случая поглядѣть на мѣстность, которая могла сдѣлаться театромъ военныхъ дѣйствій.

Десять шаговъ привели маіора къ окраинѣ отлогости. Передъ нимъ вдругъ развернулся восхитительный видъ, залитый яркими красками.

На первомъ планѣ разстилалось волнообразное гористое пространство, все разубранное октябрской живописью. Далѣе извивалась рѣка, подобно рѣзкой полосѣ на флагѣ, которой тихое дыханіе вѣтра сообщаетъ струйчатое движеніе. Еще далѣе, позади, на протяженіи Гайлэндса,—гдѣ глазъ не былъ пораженъ яркой краской передняго пространства, ослѣпительной лазурью рѣки и безцвѣтностью неба,—тихо переливались и повторялись всѣ, впереди щедро разбросанныя, красоты.

Онъ обернулся, желая обмѣняться впечатлѣніями съ своимъ товарищемъ. Мистеръ Бротертофтъ сидѣлъ вдали отъ него подъ навѣсомъ деревьевъ.

— Идите ко мнѣ, сэръ! закричалъ Скерреттъ въ восторгѣ:— я такъ пораженъ этой дивной панорамой, что мнѣ необходимо слышать восхищеніе другого человѣка, который бы убѣдилъ меня, что я не во снѣ вижу все это! Идите же сюда! Здѣсь мы въ совершенной безопасности.

— Другъ мой! сказалъ Бротертофтъ:—одну минуту я колебался, собираясь подавить въ себѣ мою странную радость. Вы любуетесь мѣстностью, которая была для меня такъ дорога и такъ безотрадна! Я не могу, подобно вамъ, глядѣть на нее глазами посторонняго человѣка. Мнѣ она представляется сценой трагедіи. Я не могу еще сказать вамъ, чтобы рана моя нѣ-

сколько поджила и чтобы я имѣлъ силы сносить видъ мѣста, гдѣ впервые ее почувствовалъ,

Онъ пошелъ впередъ и сталъ рядомъ съ маіоромъ. Впродолженіи одной минуты длилось между ними молчаніе.

Такимъ образомъ молодой человѣкъ, въ своемъ буйномъ увлеченіи красотами природы, не думалъ оживить ихъ еще болѣе отдаленнымъ внутреннимъ смысломъ. Онъ воспринималъ краски и формы, подобно тому, какъ голодный ребенокъ жадно утоляетъ голодъ и жажду. Но вдругъ онъ почувствовалъ въ первый разъ, что эта живопись связана съ исторіей, что эта прелестная сцена полна мрачнаго значенія. Онъ проникся печалью своего друга и сквозь это грустное покрывало глядѣлъ на золото, блескъ и цвѣтные переливы. Его чисто физическое наслажденіе этимъ роскошнымъ потокомъ красокъ—изчезло. Красота подняла голову и пробралась въ его сердце. Желая подмѣтить впечатлѣнія своего товарища, онъ окинулъ его взглядомъ.

— Мнѣ кажется, сказалъ Бротертофтъ:—что я все еще люблю эту дорогую, старую картину. Румяное раздолье и яркость этого блестящаго времени года охватываютъ всю мою душу. Я въ такомъ упоеніи, что готовъ былъ бы и свои собственныя ошибки и оскорбленія другихъ покрыть словомъ прощенія. Хорошо чувствовать себя опять такимъ молодымъ и бодрымъ.

На одну минуту глаза его зажглись огнемъ отваги и все существо одушевилось новой силой. Но вдругъ огонь погасъ и сила изчезла.

Опять это былъ тотъ же замученный человѣкъ, преждевременно состарѣвшійся подъ тяжелой ношей страданія.

— Но, сынъ мой, продолжалъ старшій изъ двухъ товарищей:—я не въ силахъ поддерживать въ себѣ эту бодрость. Я гляжу на домъ моихъ предковъ, думаю о дочери и—мучусь сомнѣніемъ.

Слѣдя по направленію его глазъ, Скерреттъ увидѣлъ домъ помѣстья, возвышавшійся на небольшой площадкѣ въ подумилѣ отъ рѣки и посреди обширной мѣстности имѣнія. Во всей Америкѣ того времени нельзя было бы отыскать другого, подобнаго дома. Да и въ наше время, между всѣми возможными городскими и сельскими зданіями, загородными дачами и пышными дворцами,

немного найдется такихъ домовъ, которыхъ двери неизгладимо обличали бы присутствіе настоящаго джентльмена.

Первый Эдвинъ Бротертофтъ возвелъ домъ по образцу своего стараго, дорогого сердцу и разрушеннаго замка въ Линкольншир'ѣ, съ тою только разницею, что въ размѣрѣ новый домъ составлялъ не болѣе четвертой части прежняго зданія. Глядя на него, Скерретъ могъ любоваться четырьмя красивыми фронтонами, размѣщенными по два съ лицевой и задней стороны, толстыми, дымящимися трубами и угловой башней съ ея остроконечной вершиной, — башней, построенной во вкусѣ временъ Джэмса Перваго. Видъ дома былъ очень хорошъ посреди картинной мѣстности.

Уже около столѣтія домъ стоялъ на своемъ мѣстѣ. Втеченіи этого столѣтія архитектура его сильно устарѣла, и онъ глядѣлъ уже отжившимъ анахронизмомъ въ ряду другихъ своихъ товарищей. Сто лѣтъ могли сдружить этотъ домъ и его пристройки съ окрестной мѣстностью. Гдѣ только нужны были деревья для тѣни или живописнаго вида, они имѣли время выбрать себѣ мѣсто и разрости правильно. Щедушные стволы, годные только для плотничьихъ подѣлокъ, давнымъ-давно были уже срублены и искоренены. Здѣсь нельзя было видѣть некрасивыхъ кустарниковъ, выбравшихъ неудобныя для нихъ мѣста, но встрѣчались правильные маленькіе кустики, съ вѣчно зелеными деревцами, они разрослись тамъ, гдѣ могли найдти пріютъ или гдѣ нужно было оправить край поляны въ зеленую рамку. Ползучія растенія прикрыли части стѣнъ, нуждавшіяся въ защитѣ отъ холода и зноя, поднимаясь до самыхъ оконъ и пробираясь поверхъ дверей. Маленькій голландскій кирпичъ, краснѣвшій по бокамъ дома, и каменныя плиты угловъ и архитектурныхъ орнаментовъ были подмалеваны кистью временъ года впродолженіи столѣтія, и теперь такъ же хорошо гармонировали съ окрестной живописью, какъ и природныя скалистыя украшенія. Цѣлое столѣтіе безукоризненный хорошій вкусъ царитъ въ бротертофтскомъ помѣстьѣ, и его результаты были вполнѣ оцѣнены владѣльцами.

Благодаря этому хорошему примѣру, оказавшемуся удачнымъ на самомъ дѣлѣ, настоящая госпожа помѣстья перестала увлекаться пышной пестротою. Она не дѣлала въ зданіи никакихъ

измѣненій, и старалась согласовать всѣ свои починки и пристройки съ прежними образцами.

Во время этихъ наблюденій Питера Скерретта ландшафтъ, окружавшій домъ, щеголялъ всею роскошью своего убранства. Каждый кленъ въ рощахъ облекся въ свою яркую, темно-красную и пурпуровую одежду, или чудно расписалъ свои листья, которыхъ каждая пленочка сверкала полированнымъ золотомъ. Вязы закутались самыми желтыми или самыми плотными, темными тканями, а ихъ сосѣди—серьезные, мужественные каштаны, старались перенять у нихъ, если не грацію, то покрайней мѣрѣ игру красокъ. Тамъ и сямъ возвышался большой дубъ, презирая пеструю праздничную одежду и сохраняя во всей свѣжести свой зеленый плащъ, одѣвавшій его цѣлое лѣто, но молоденькіе господчики той же фамиліи, не желая отстать отъ моды, тѣснились вокругъ своего предка въ щегольскихъ темно-красныхъ камзолахъ. Каждый отпрыскъ, каждый кустикъ казался золотымъ узоромъ на зеленомъ фонѣ поляны, а ползучія растенія сверкали по стѣнамъ, поднимая къ окнамъ, въ видѣ огненныхъ языковъ, свои темно-красныя пряди.

— Славное, почтенное мѣсто! сказалъ Питеръ Скерреттъ: — право мнѣ бы хотѣлось пожаловать сюда гостемъ среди бѣлаго дня. Впрочемъ, послѣ войны я еще буду имѣть къ тому случай, разумѣется, если инсургенты не захотятъ сжечь этотъ домъ за гостепріимство, оказанное сэру Генри Клинтону.

— Да, дорогое, почтенное мѣсто, повторилъ Бротертофтъ: — и я люблю его еще больше съ тѣхъ поръ, какъ оно сдѣлалось для меня школой страданія. Ни одинъ человѣкъ не можетъ твердо вѣрить въ свое безсмертіе, пока душа не вынесетъ многихъ смертельныхъ ударовъ, отъ которыхъ однако она не умираетъ. Я вижу мѣста, гдѣ мое спокойствіе подвергалось самымъ тяжелымъ нарушеніямъ — и между прочимъ чувствую въ себѣ присутствіе новой силы, рождающейся изъ внутренняго убѣжденія, что еще не все убито въ моей душѣ окончательно. Озирая поле старой битвы, я вижу, что не былъ и никогда не буду разбитъ на голову.

Онъ произнесъ эти слова тономъ монолога. Питеръ Скерреттъ былъ слишкомъ молодъ для того, чтобы вполнѣ понимать своего

друга. Притомъ же онъ чувствовалъ адскій голодъ, совершенно идущій къ лицу героя.

— Ну, сэръ, сказалъ онъ:—позавтракаемъ, что ли? Я замѣтилъ, что это очаровательное утро возбуждаетъ аппетитъ немилосердно. Заглянемъ-ка въ сумку и полюбопытствуемъ, чего тамъ для насъ напичкалъ поваръ генерала Путнама?

Поваръ былъ щедръ, насколько позволяли средства кладовой мятежника.

Герои покушали исправно и потомъ, подъ прикрытіемъ деревьевъ, провели въ наблюденіяхъ все утро.

Они видѣли, какъ шлюпки высаживали людей съ фрегатовъ для военной муштровки или для сбора провизіи въ деревнѣ Пикскиллъ. Мѣстами какой-нибудь фермеръ, будучи отважнѣе или глупѣе своихъ сосѣдей, пахалъ и засѣвалъ землю на лѣто, точно война проходила отъ него въ ста миляхъ. Телѣги робко тащились по большой дорогѣ; рогатый скотъ пасся, казалось, съ большой осторожностью и понюхивалъ по всѣмъ сторонамъ, какъ-будто боясь быть прогнаннымъ вражьими пастухами. Вся мѣстность носила характеръ стѣсненія и страха. Бротертофтское помѣстье разсчитывало жить въ мирѣ съ обѣими воюющими сторонами и не внушало довѣрія ни одной. Жители помѣстья обыкновенно хотѣли думать, что британскіе фрегаты, стоявшіе въ рѣкѣ, явились только съ цѣлію нагрузиться ихъ яйцами и цыплятами. Люди, неустановившіе твердо своихъ мыслей ни на чемъ, только тяготятъ собою божью землю.

— Мнѣ кажется, сказалъ Скерретъ,—что я могъ бы назвать здѣсь всякаго встрѣчнаго торіемъ или нейтральнымъ.

День шелъ своимъ чередомъ, и въ этомъ временномъ бездѣйствіи джентльмены могли предаться всей искренности взаимныхъ душевныхъ изліяній. Это была бесѣда отца съ сыномъ. Каждый изъ нихъ получалъ отъ другого то, въ чемъ нуждалось его сердце.

Молодой человѣкъ, лишившійся отца, внутренно сознавалъ, что умъ его сталъ воспринимать глубже въ присутствіи человѣка, изслѣдовавшаго самое дно мысли.

Онъ сталъ чувствовать серьезнѣе и теплѣе при видѣ своего собесѣдника, такъ глубоко вѣрившаго въ истину души, при видѣ

этого кроткаго, снисходительнаго страдальца, быть можетъ ослабѣвшаго подъ гнетомъ житейскаго горя, но незнакомаго съ раздраженіемъ.

Пожилой человѣкъ, неимѣвшій сына, сказалъ:

— Ахъ, Скерреттъ, другъ мой, Скерреттъ! Вы — дубъ молодой! Если бы вы служили мнѣ подпорой, то у меня хватило бы еще силы цвѣсти и виться. Ваше веселое сердце заставляетъ всѣхъ смѣяться — не празднымъ, но задушевнымъ хохотомъ.

Въ полдень Джиркъ Деуиттъ явился съ донесеніями. Онъ и его товарищи благополучно успѣли скрыться на гумнѣ его отца.

— Айкъ обыкновенно спитъ, сказалъ Джиркъ:—Сэмъ играетъ въ карты съ своей собственной особой, а Гендрикусъ все пишетъ какія-то коротенькія строчки, начинающіяся большими буквами—должно быть стишки. Вѣдь онъ по части наукъ собаку съѣлъ.

Опять они принялись обсуживать свои планы, и приказанія были отданы.

— Такъ вотъ какъ мы сдѣлаемъ, сказалъ Джиркъ:—я буду поджидать васъ на перекресткѣ дороги съ моими молодцами и съ батюшкиной лошадкой для плѣнника. Насъ можетъ одно только задержать.

— Что же такое? спросилъ маіоръ.

— Да если лэди Бротертофтъ догадается о чемъ-нибудь, прежде чѣмъ мы изготовимся къ побѣгу,—пропала тогда наша головушка! Развѣсятъ они насъ здѣсь всѣхъ до одного между желудями.

Сказавъ это, Джиркъ удалился не только съ «твердостію лорда-канцлера», но даже съ проворствомъ змѣи, изгибающейся между травою.

Время послѣ полудня шло не такъ скоро, какъ утромъ.

— Что-то солнце не больно торопится скрыться за горами, сказалъ Скерреттъ:—а право не худо бы ужь ему убраться на покой. Мнѣ сильно хочется поскорѣй одержать эту побѣду.

— Ваша мужественная увѣренность поддерживаетъ меня, отозвался Бротертофтъ:—я очень счастливъ, что между нами есть человѣкъ, которому не измѣнитъ отважное сердце. При одной

мысли — какое несчастіе угрожаетъ моей дочери, я лишаюсь всей надежды.

— Я долженъ держать себя съ холодностью посторонняго человѣка, замѣтилъ Питеръ, и ограничиться въ этомъ дѣлѣ ролью странствующаго рыцаря.

Но не по силамъ ему была такая задача! Отецъ до такой степени овладѣлъ его сочувствіемъ, что уже для него одного сердце молодого человѣка согрѣлось братскимъ участіемъ къ дочери этаго несчастливца. Онъ такъ легко могъ себѣ представить, какъ она, сидя въ своей комнаткѣ, менѣе чѣмъ въ милѣ разстоянія, глядитъ слезливыми глазками по направленію къ горамъ, изъ-за которыхъ ожидаетъ помощи. Онъ такъ хорошо могъ представить себѣ ея личико — живой образъ ея отца, разцвѣтающій молодой жизнію и еще неотмѣченный печатью страданія, ея характеръ — отраженіе кротости отца, которая, быть можетъ, его обезсилила, но въ дочери сдѣлалась плѣнительной чертою женскаго сердца. Питеръ ясно видѣлъ теперь всю романическую сторону своего предпріятія. Скрытая влюбчивость его натуры часто заговаривала въ немъ съ необыкновенной силой. Онъ думалъ, что одерживалъ постоянно верхъ надъ этимъ неугомоннымъ чувствомъ — и, быть можетъ, думалъ безошибочно. Но справедливость требуетъ сказать, что онъ нерѣдко жалѣлъ о своихъ усахъ, презиралъ свой уродливый мундиръ и утѣшалъ себя только тѣмъ, что «ночью она не увидитъ его хорошенько.» Когда наступилъ вечеръ, Питеръ Скерреттъ замѣтилъ, что желаніе его освободить прелестную жертву изъ когтей злыхъ и низкихъ палачей—обратилось въ настоящую страсть. Онъ увидѣлъ также, что этотъ внутренній жаръ сообщалъ ему холодное мужество.

Наконецъ, среди всеобщей тишины, закатилось солнце. Развязка приближалась. Сомнѣнія тѣснились въ душѣ Эдвина Бротертофта. Онъ озиралъ далеко разстилавшуюся мѣстность, великолѣпный горизонтъ — и вдругъ предъ нимъ воскресло все его прошлое, расписанное мрачными, надрывающими душу, красками.

— О, мое чудное дѣтство! раздумывалъ онъ:—о, моя пылкая молодость, о, моя стремительная возмужалость, о, мое раз-

битое настоящее! Жизнь ты моя, въ конецъ побитая, какъ только можетъ быть побито существованіе человѣка,— и все одной ею! Все ею, все-то этой женщиной, которую я обожалъ, какъ святыню! О, Боже, не дай намъ встрѣтиться этой ночью! Не дай намъ встрѣтиться до ея грознаго часа раскаянья. Когда же самъ порокъ глазъ на глазъ предстанетъ предъ нею во всемъ своемъ безобразіи, когда она сознаетъ свое пораженіе, худшее, чѣмъ всѣ муки моей жизни—тогда, о Боже, дай мнѣ силы поспѣшить къ ней съ словами полнаго и вѣчнаго прощенья!

— Посмотрите! тихо сказалъ Скерреттъ: — уже смерклось. Вонъ огонекъ блеститъ въ окнѣ вашей дочери. Вѣдь мы къ ней идемъ!

— И да благословитъ насъ небо! произнесъ отецъ.

XI.

Театръ представляетъ внутренность гумна, принадлежавшаго сквайру Деуитту.

Сѣно по сторонамъ, сѣно позади и огромныя кучи сѣна торчатъ въ верхнемъ мрачномъ пространствѣ навѣса.

Посрединѣ стоитъ Джиркъ Деуиттъ, только что вернувшійся отъ маіора Скерретта послѣ свиданья съ нимъ, происходившаго въ полдень.

По лѣвую руку сидитъ и дремлетъ, открывъ ротъ, Айкъ Ванъ-Вартъ.

Быть можетъ, подобно Вольтеру, онъ слышалъ отчасти своими шейными желѣзами.

Съ правой стороны Сэмъ Гэльсуорти убиваетъ время карточной игрой. Его рука за минуту ударила по лѣвой и выиграла шесть зеренъ овса.

Гендрикусъ Канади украдкою подходитъ къ дремлющему съ открытымъ ртомъ; онъ держитъ въ свой рукѣ головку тимофеевой травы—растеніе, которое, какъ мы видимъ, въ военное время могло бы съ большою пользою быть употреблено для выбаниванья орудій. Гендрикусъ просовываетъ головку этой травы

въ ротъ Ванъ-Варта и начинаетъ щекотать розовыя желѣзки и небо спящаго.

Въ это время входитъ хорошенькая Кэти Деуиттъ, вся закраснѣвшись и улыбаясь. Ее сопровождаетъ благоуханіе, что впрочемъ и неудивительно, такъ какъ она приноситъ обѣдъ—глубокую желтую миску съ свининой и бобами, да хорошо зажареный пирогъ съ тыквой.

Чувствительный Джиркъ Деуиттъ сразу вспомнилъ о своей женѣ, которая въ минувшее счастливое время вкусно жарила для него свинину и пекла сладкіе пироги.

Гендрикусъ бросилъ свою траву въ ротъ Ванъ-Варта, вскочилъ на ноги и поспѣшилъ пособить своей возлюбленной. Ея миленькія улыбочки просвѣтили радостью и его лицо,—широкое, добродушное, хотя все еще зачахлое, благодаря прежнимъ пилюлямъ. Его нѣжное вниманіе вызвало румянецъ на ея щечки. Казалось, будто эта прелестная краска освѣтила внутренность стараго гумна и засыпала давно скошенное сѣно свѣженькими, розовыми головками гвоздики.

Бѣдный Джиркъ Деуиттъ вспомнилъ, что между нимъ и другой дѣвушкой также происходили когда-то обмѣны веселыхъ улыбокъ и нѣжныхъ, упоительныхъ взглядовъ.

Бѣдняжка! Обѣдъ не разсѣялъ его печали. Онъ становился все задумчивѣе и задумчивѣе. Маленькая отрадная сцена между его сестрой и Гендрикусомъ уколола его въ самое сердце. Онъ не могъ ни спать, подобно Ванъ-Варту, ни играть въ карты съ Гэльсуорти, ни поболтать весело съ Гендрикусомъ. Онъ сѣлъ и погрузился въ свои мрачныя мысли. Твердость характера въ немъ ослабѣвала. Онъ не могъ сбросить съ себя всю тяжесть старой обиды. Его такъ сильно давило жестокое, смутное горе, что онъ боялся окончательно упасть духомъ.

— Ну, если бы я только могъ видѣть эти скверныя мысли, какъ живой предметъ, думалъ онъ: — право я сцѣпился бы съ ними въ драку и повалилъ бы ихъ на землю. Однако, надобно чѣмъ нибудь развлечься, а не то я, безъ шутокъ могу рехнуться. Пойду-ка я тихонько промежь деревьями къ тому мѣсту, откуда можно видѣть домъ стараго Бильсби и каштанъ, подъ которымъ Эбби въ первый разъ призналась мнѣ, что я ей не про-

тивенъ. Глядя на эти лица, я могу вытащить изъ себя мою печаль и бросить ее на нихъ.

Такъ какъ британскія войска отправились съ Воганомъ въ экспедицію, то Джиркъ, пробираясь между деревьями помѣстья, могъ чувствовать себя въ совершенной безопасности. Онъ оставилъ своихъ товарищей на гумнѣ и осторожно побрелъ по направленію къ старому красному дому своего тестя — фермера. Джирку представлялось, что онъ былъ своей собственной тѣнью, которая бродила на мѣстѣ его умерщвленія.

Тихая погода привѣтствовала захожденіе солнца. Золотое сіянье вечера озаряло деревья. Лѣсъ стряхивалъ съ себя на землю свои раззолоченныя листья, точно весь таялъ золотыми пылинками подъ горизонтальными лучами замирающаго солнца.

Джиркъ прокрадывался впередъ, пока не вышелъ на небольшую прогалину, пересѣкаемую тропинкой. Большой каштанъ одинъ завладѣлъ всѣмъ этимъ открытымъ мѣстомъ; болѣе слабыя растенія были безъ труда отброшены назадъ его мощными, тѣнистыми вѣтвями, а лѣсныя его братья потѣснились добровольно, желая знать, что-то станетъ дѣлать ихъ родичъ съ своею размашистой удалью. Каштанъ поступилъ благородно. Онъ показалъ и деревьямъ и людямъ премудрый примѣръ того, какъ надобно держаться своими собственными корнями, согрѣваться только своими лучами солнца и роскошно расти, какъ прилично честному, старому дереву.

Этотъ каштанъ служилъ для Джирка мѣстомъ любовныхъ свиданій въ то время, когда еще слагалась пастушеская поэма его жизни—по одной пѣсни каждый день. Подъ этимъ самымъ каштаномъ, въ одинъ лѣтній вечеръ, когда все дерево казалось огромнымъ букетомъ цвѣтовъ, Джиркъ рѣшился выговорить свой вопросъ замирающимъ голосомъ. Жирненькіе ряполовы, сидя на этихъ самыхъ вѣтвяхъ, прощебетали «да» его возлюбленной, переводя этотъ сладкій звукъ для повторенія всѣмъ птичкамъ и зефирамъ.

Скрывшись въ густотѣ лѣса, Джиркъ привѣтливо глядитъ на это старое дерево. Онъ улыбался, припоминая любовныя подъ нимъ свиданія, когда онъ былъ еще робкимъ, неловкимъ обожателемъ. На одно мгновеніе всѣ эти сладостныя воспомина-

нія, между которыми много было и забавныхъ, разсѣяли тоску мужчины, обманутаго невѣрной женщиной.

Но вдругъ онъ услышалъ шумъ, вовсе непохожій на шелестъ падающихъ листьевъ съ упавшими. Звукъ шаговъ и человѣческій говоръ дошли до его слуха. Джиркъ отошелъ нѣсколько назадъ и насторожилъ вниманіе. На тропинку вышли двѣ женщины, слѣдовавшія за своими длинными тѣнями. Это были его жена и ея сестра, отпущенныя на вечеръ домой и шедшія туда вмѣстѣ.

Джиркъ замѣтилъ, что вся исторія имъ прежде любимой женщины была написана на ея лицѣ, — на этой правдивой страницѣ, куда записываются всѣ человѣческія исторіи для прочтенія знакомымъ съ этими письменами. Онъ не чувствовалъ въ себѣ никакого желанія исключать или провѣрять послѣднія главы этой исторіи. Его жена попрежнему оставалась грубой, безстыдной женщиной, — вѣрнымъ повтореніемъ своей госпожи въ болѣе низкой сферѣ.

Бѣдный Джиркъ! Его какъ будто нарочно что-то тянуло къ этому мѣсту, гдѣ онъ долженъ былъ увидѣть убійцу и опять почувствовать холодъ нравственной смерти. Онъ затрепеталъ всѣмъ тѣломъ. Ему казалось, что снѣгъ повалитъ на него, какъ только скроется солнце. За минуту до этой встрѣчи, на дворѣ стояла конечно не весна и не лѣто, но довольно сносная осень; теперь же пришла зима—холодная, надрывающая сердце... И какъ постылъ ему этотъ непривѣтливый, предательскій людской свѣтъ! Сознаніе позора глубоко запало въ его душу. Онъ былъ вполнѣ несчастенъ, а этотъ старый капитанъ не стыдился дразнить его, напоминая о погибшихъ надеждахъ и счастьи!

— Гдѣ нибудь да надо искать утѣшенія, подумалъ Джиркъ.

Когда горе уже черезъ-чуръ налягаетъ на человѣка и утѣшеніе дѣлается настоятельной необходимостію, люди обращаются въ этомъ случаѣ къ разнымъ смягчающимъ или возбуждающимъ средствамъ. Въ подлунной ихъ имѣется очень богатый ассортиментъ, но изъ нихъ особенно четыре пользуются всеобщимъ употребленіемъ. Вотъ эти средства:

Табакъ, алкоголь, женитьба и смерть.

Бѣдному Джирку во что бы то ни стало нужно было утѣ-

шеніе. Дымъ его трубки не обладалъ достаточно концентрированной силой, а ждать, пока двуженство обнаружитъ свои цѣлебныя качества — ему было невозможно.

— Ромъ или вотъ это! вскрикнулъ онъ дико. Возможность замѣнить ромъ «вотъ этимъ» повидимому заинтересовала его на короткое время. Онъ выхватилъ изъ-за пояса ножъ и повалился на холодную окраину лѣса. Ужь не хотѣлось ли ему обратиться къ самому сильному наркотическому средству — къ смерти?

Страшное слово — смерть. Онъ дотронулся до лезвея своего ножа. Мѣстность окуталась уже темнотою. Золотыя деревья казались желтыми привидѣньями. Молчаніе, такое страшное, какого онъ не могъ себѣ припомнить, становилось мертвѣе и мертвѣе, пока наконецъ ему не причудилось, что вся природа смолкла, чтобы подслушать послѣдній вздохъ самоубійцы.

Но вотъ предъ нимъ развертывается картина, созданная его же воображеніемъ. Утро. Огромный каштанъ красуется на прогалинѣ. Подъ нимъ лежитъ человѣкъ. Первые лучи солнца обращаютъ въ воду морозный иней, покрывающій его волосы. Должно быть, онъ крѣпко спитъ, потому что какая-то птичка уже выклевала хлѣбныя крошки изъ его кармановъ и, усѣвшись посреди его лба, спокойно щебечетъ надъ своимъ завтракомъ. Мистриссъ Джиркъ Деуиттъ проходитъ по прогалинѣ. Она видитъ спящаго, вздрагиваетъ и подходитъ къ нему осторожно. Она всматривается пристально въ его лицо и потомъ глядитъ вверхъ съ дерзкой, отвратительной улыбкой радости и презрѣнія. Въ спящемъ она узнала своего мужа, но онъ заснулъ на вѣки, и ножъ торчитъ въ груди покойника.

— Нѣтъ! прошепталъ Джиркъ, удаляя отъ себя эту картину:—не будетъ *она* наслаждаться моей смертью.

— Ромъ! Мнѣ ромъ нуженъ, или я помѣшаюсь, продолжалъ онъ: — бутыль старика стоитъ на своемъ прежнемъ мѣстѣ въ кухонномъ шкапу. Какъ хищный звѣрь, сталъ онъ быстро пробираться промежь деревьями. Тяжелая агонія его сердца замерла на одну минуту. Во избѣжаніе сумасшествія, онъ долженъ былъ забыть о ней и думать о предстоявшемъ ему печальномъ утѣшеніи.

Было уже довольно темно, но Джиркъ шелъ совершенно безъ-заботно. Онъ остановился передъ кухоннымъ окномъ въ домѣ своего отца и заглянулъ въ кухню.

Семейство сидѣло за ужиномъ. Въ первые годы революціи война еще не успѣла въ конецъ разорить этого края. Сквайръ Деуиттъ все еще былъ зажиточнымъ хозяиномъ. Какъ старый, честный патріархъ, онъ сидѣлъ на главномъ мѣстѣ за своей гостепріимной трапезой; противъ него помѣстилась кроткая мать семейства. Продолжительная жизнь, исполненная любви и теплаго сочувствія къ супругу, придала ея наружности выраженіе, почти тождественное съ чертами лица ея мужа. Хорошенькая Кэти, дочь и утѣшеніе родителей подъ старость лѣтъ, хлопотала возлѣ кушаній и съ удовольствіемъ думала, что ея Гендрикусъ уже не чувствовалъ голода. Другая сестра Джирка — вдова—вызвала на круглое лицо своего маленькаго сына Томми вмѣсто одной цѣлыхъ двѣ улыбки, подаривъ ему пряникъ вкуснѣе обыкновеннаго. Расположившись подъ кухоннымъ столомъ, домашній котъ высматривалъ каждый кусочикъ, каждый глотокъ своими кошачьими, воровскими глазами.

Эта семейная картина не только не облегчила душу бѣднаго Джирка, но даже заставила его страдать еще сильнѣе.

— Будь проклята женщина, которую я назвалъ своей женою. Она лишила меня домашняго крова и очага, лишила счастливой поры и дѣтей, которыя бы меня любили и уважали. Пусть же она будетъ проклята за то, что сдѣлала мнѣ жизнь ненавистною.

Онъ обернулся съ выраженіемъ въ лицѣ пошлости и свирѣпаго изступленія, потомъ подкрался къ шкапу задней дверью.

Не надобно забывать, что мы говоримъ о томъ времени, въ которое кувшинъ и самопрялка еще не уступали мѣста болѣе артистическимъ развлеченіямъ. Въ каждой кладовой фермера стоялъ каменный кувшинъ съ толстенькимъ брюшкомъ голландца.

Онъ высовывалъ изъ окна свою плотно закупоренную головку, съ презрѣніемъ поглядывая на старое дубовое ведро. Не была ли закупорена патока въ этомъ кувшинѣ? Да, но то была крѣпкая патока рома. Колодезный шестъ двигался туго отъ недостатка упражненія, мохъ покрывалъ сухое, сгнившее ведро,

зеленая плѣсень невозмутимо застилала стоячую воду колодца, а кувшинъ съ ромомъ безостановочно отправлялъ свою веселую службу и наполнялся новой провизіей съ такою аккуратностью, что никогда не страдалъ пустотою. Трудно вообразить себѣ теперь подобное времячко, такъ какъ наши привычки съ тѣхъ поръ рѣзко измѣнились. Наша водка изсякла, нашъ ромъ обратился въ постыдное бѣгство, однимъ словомъ наша родина не течетъ уже млекомъ и медомъ.

И такъ Джиркъ съ воровской осторожностью прокрался къ буфету. Здѣсь изстари стоялъ огромный кувшинъ—сѣрый, каменный съ голубыми крапинками. Его отверстію былъ приданъ видъ лица, раздвинутаго чудовищной улыбкой, которая какъ бы говорила: «ищи утѣшенія здѣсь!» не признаваясь однако, какою непродолжительной и пошлой жизнію прозябаютъ люди, обращающіеся къ подобнымъ утѣшеніямъ. Джиркъ поднялъ эту неуклюжую тяжесть, пристроилъ ее къ своимъ губамъ и началъ сосать свое утѣшеніе.

Да, именно сосать—не надо брезгать этимъ выраженіемъ—этотъ патріотъ принялся жадно всасывать въ себя хмѣльную влагу. Конечно, въ этомъ было немного патріотическаго или,—при обстоятельствахъ, окружавшихъ молодого человѣка, — честнаго, да и вообще это было дико и неблагоразумно; но такъ какъ въ наше время неизвѣстны подобныя страданія, то мы и не можемъ объяснить себѣ его отчаяннаго самозабвенія.

Если бы еще онъ умѣлъ во-время остановиться! Въ нашу утѣшительную эпоху мы никогда не употребляемъ неумѣренно нашихъ смягчающихъ и возбуждающихъ антидотовъ. Одна травка, одинъ стаканъ грогу, одна жена, одинъ милліонъ, одно президентское кресло,—но когда мудрость шепнетъ намъ «satis», мы останавливаемся и отзываемся эхомъ: «satis—баста!» Во время Джирка мудрость была еще въ пеленкахъ. Если ея младенческій голосъ и дѣлалъ ему наставленія, то пьяное «буль-буль-буль» въ глоткѣ не допускало никакихъ назиданій къ его барабанной перепонкѣ. Бѣдный юноша зѣло натянулся! Простите ему и вспомните, что черная, зловѣщая волчица перешла чрезъ его дорогу.

Есть въ кодексѣ одинъ почтенный законъ, ограничивающій воровское истребленіе фруктовыхъ садовъ словами: «ѣшь во весь

ротъ, но кармановъ не набивай!» Неосмотрительный Джиркъ нарушилъ и это мудрое правило. Онъ спряталъ въ карманъ флягу съ своимъ горестнымъ утѣшеніемъ. Онъ нашелъ пустую бутылку съ ярлычкомъ, на которомъ помѣщалась надпись: «масло для волосъ». До фабрикаціи макассарскаго масла, на человѣческія головы изливались разные безъименные елеи, и одинъ изъ нихъ когда-то наполнялъ эту бутылку. Джиркъ налилъ ее ромомъ изъ кувшина и благополучно скрылся въ гумно отъ Кэтъ, которая въ эту самую минуту разносила ужинъ семьѣ и своему милому Гендрикусу

Кончился ужинъ. Спустилась темнота, Джиркъ отправился съ своими товарищами на условное мѣсто соединенія. Опасность была довольно значительна, такъ какъ каждаго пойманнаго неминуемо ожидала висѣлица. Поэтому они смотрѣли въ оба, напрягали слухъ и тихо ступали по землѣ, стараясь внушить ту же предосторожность и маленькой лошадкѣ.

На перекресткѣ дорогъ ихъ встрѣтили маіоръ Скерреттъ и его товарищъ. Темная ночь поселилась уже между деревьями. Красная полоса умершаго дня, за Дундербергомъ, пристально глядѣла на заговорщиковъ.

— Теперь, сказалъ шопотомъ маіоръ, я пойду въ домъ одинъ, какъ уже между нами было условлено. Негръ впуститъ меня въ столовую. А вы будьте на лугу подъ окномъ въ половинѣ восьмого! Въ это время уже достаточно стемнѣетъ для успѣха нашего предпріятія. Когда я отворю окно и свисну, врывайтесь въ домъ и хватайте плѣнника. Вотъ мой планъ. Если что нибудь случится не такъ, какъ слѣдуетъ,—я измѣню его, впрочемъ все должно пойдти хорошо. И такъ, до свиданья!

Онъ скрылся отъ нихъ въ темнотѣ ночи; его команда, оставаясь между деревьями, прислушивалась къ вечернимъ звукамъ. Было очень прохладно.

Джиркъ пятился назадъ все дальше и прикладывался къ своей бутылкѣ съ масломъ для волосъ. Ему было страшно совѣстно, что онъ нарушилъ обѣщаніе, данное маіору. «Но, говорилъ онъ съ своей особой, я пью настолько, чтобы запастись бодростью и сдѣлаться опять человѣкомъ, послѣ того, какъ видъ этой женщины обратилъ меня въ малаго ребенка».

Вотъ для чего онъ только пилъ! Печальный долгъ—разоблачать ошибки минувшаго! Но, любя историческую истину, мы должны открыто завѣрить, что бѣдный молодой человѣкъ былъ пьянъ болѣе необходимаго, когда, въ половинѣ восьмого, скрылъ своихъ товарищей въ кустахъ на лугу предъ домомъ бротертофтскаго помѣстья.

XII.

Въ восемь часовъ вечера маіоръ Керръ попивалъ мадеру, сидя въ столовой дома Бротертофтовъ.

— Зачѣмъ торчатъ здѣсь восемь свѣчь? спросилъ онъ Вольтера.

— Только четыре, сэръ, отвѣчалъ дворецкій, ставя на столъ два подсвѣчника.

— Ну, а я вижу восемь,—нѣтъ, шестнадцать. И прекрасно! Пусть ихъ горятъ. Къ чорту экономію! Эй, ты, негръ!

— Чего изволите, сэръ? Вольтеръ замѣтилъ, что его разрушительное средство оказалось дѣйствительнымъ: въ глазахъ Керра двоилось, а языкъ его путался немилосердно.

— Мнѣ прискучилось сидѣть здѣсь одному. Спой-ка ты мнѣ пѣсенку!

— Прежде-то, сэръ, я пѣвалъ, словно птица пѣвчая, а съ тѣхъ поръ, какъ у меня выпалъ передній зубъ, только слюна течетъ сквозь мою скважину, вмѣсто сладкаго пѣнія. Вотъ только-что къ намъ въ кухню пришелъ какой-то сержантъ въ красномъ мундирѣ. По лицу видно, что онъ—бойкій запѣвало. Прикажете позвать его?

— Зови, пожалуй. Я вѣдь не гордый человѣкъ. Керръ можетъ вести знакомство, съ кѣмъ ему угодно.

Оставляя комнату, Вольтеръ стащилъ со стола маіорскую саблю и пистолеты.

Платонъ былъ поставленъ на часы въ корридорѣ передъ дверью въ гостиную, гдѣ уединенно сидѣла госпожа помѣстья; отецъ передалъ ему оружіе. Семь печатей тайны были сломаны, и Платонъ принялъ дѣятельное участіе въ заговорѣ.

— Возми-ка, дружокъ, вотъ это, сказалъ Вольтеръ, и изготовься.

Но къ чему нужно было изготовиться—никто изъ нихъ не зналъ. Платонъ взялъ оружіе и былъ произведенъ въ генералиссимусы своимъ собственнымъ мнѣніемъ. Помахивая саблей, онъ наносилъ ею удары какому-то воображаемому противнику. Потомъ онъ поднималъ кремневый пистолетъ и прицѣливался. Смѣшно было видѣть, какъ онъ разыгрывалъ свою пантомиму въ мрачномъ корридорѣ. Онъ кидался впередъ, отбивалъ удары, опускалъ остріе, нагибался съ ловкостью записного учителя фехтованья. Прицѣливаясь изъ пистолета, онъ очень любезно раскланивался, какъ бы говоря: «après vous, monsieur!» потомъ прикасался къ спуску, поглядывалъ съ полу-торжествующимъ, полу-озабоченнымъ видомъ и улыбался, прикладывая руку къ сердцу, какъ обыкновенно улыбаются люди, отомстившіе за оскорбленіе чести. И все это онъ производилъ, не издавая ни малѣйшаго звука.

Въ то время, какъ Платонъ упражнялся въ этой беззвучной гимнастикѣ, Вольтеръ провелъ сержанта чрезъ буфетъ къ маіору Керру.

Безъ усовъ и въ своемъ нарядѣ, непомѣрно тѣсномъ для ногъ и плечъ, Сжерреттъ несравненно болѣе выглядывалъ теперь героемъ, чѣмъ въ то время, когда онъ въ первый разъ является на нашихъ страницахъ. Сказать правду, онъ даже не чувствовалъ въ себѣ особеннаго героизма въ эту минуту.

Онъ плылъ подъ ложнымъ флагомъ. Онъ прикрывался обманомъ. Ему не нравилась теперь экспедиція, какова бы ни была побудительная къ ней причина. Усѣвшись противъ вражескаго маіора, онъ раздумывалъ:

— Ну, если хорошая игра актера можетъ назваться драгоцѣнностью, то въ эту минуту я выглядываю настоящимъ страхомъ, оправленнымъ въ томпакъ.

— А, сержантъ, милости просимъ! заговорилъ Керръ хмѣльнымъ голосомъ;—ну-ка ты, негръ, попотчуй его винцомъ! Славное винцо здѣсь въ домѣ: куда лучше вашего казеннаго грога, сержантъ!

Мнимый сержантъ поддакнулъ и яростно напалъ на свой ужинъ.

— Здоровье короля, сержантъ! Чокнемся! провозглашаетъ Керръ, держа наклонно свой стаканъ и проливая нѣсколько капель.

— Чокнемся! отвѣчаетъ другой

— Будь прррроклята вся ихъ политика! Пусть разсѣются всѣ ихъ подлости! пѣлъ Керръ:—мятежные замыслы, понимаешь, сержантъ, а? Шрррръ ихъ побррри... Выпьемъ!

— Выпьемъ! отвѣчалъ Скерреттъ, все еще недовольный принятой на себя ролью.

— Послушай, сержантъ, заговорилъ Керръ; — я хочу сказать одинъ секретъ.

Скерреттъ удвоилъ вниманіе.

— Я женюсь завтра, другъ мой, говорю откровенно.

— А!

— Не говори: «а!» сержантъ;—«а!» выражаетъ сомнѣніе; «скажи: О!» сержантъ, пожалуйста, скажи: «О!»

— О!

— Вотъ это дѣло. «О!» выражаетъ поздравленіе. Не беремся описывать, какъ онъ произнесъ это послѣднее слово.

— Да, сержантъ, миленькая, славненькая дѣвочка,—хорошенькій, аппетитный кусочекъ. Хочешь ее видѣть, сержантъ?

— Нѣтъ, благодарю васъ.

— Неправда, сержантъ,—хочешь. Полно вздоръ молоть. А вѣдь какой я счастливчикъ, сержантъ! Мнѣ всегда везло въ любви. Я ее кликну въ гостиную, а ты можешь поглядѣть на нее сквозь щелку. Ну, ужь какъ она меня любитъ, сержантъ! Вотъ теперь она пошла наверхъ посмотрѣть на свое брачное платье и распорядиться, чтобы къ завтрему все было готово.

Эти слова, произнесенныя пьянымъ голосомъ и сопровождаемыя разными подсмѣиваньями, разсѣяли всѣ недоумѣнія маіора Скерретта.

— Тьфу, плюнулъ онъ мысленно:—всякая хитрость позволительна противъ подобнаго скота. До сихъ поръ я не понималъ, какой ужасъ ожидалъ нѣжную женщину въ союзѣ съ такимъ негодяемъ. Вся жизнь ея обратилась бы въ безконечный позоръ, и каждый день приносилъ бы съ собою новый стыдъ, свѣжее униженіе. Тьфу! тьфу! Меня пронимаетъ тошнота отъ его раз-

говора,—а вѣдь я человѣкъ бывалый и попривыкшій къ разнымъ людскимъ мерзостямъ. Я не могу допустить мысли, чтобы какая нибудь женщина—даже пережившая весну своей дѣвичьей непорочности—могла быть брошена въ грязныя объятія этого негодяя. Нѣтъ, не достанется ему чистая дочь мистера Бротертофта,—хоть бы для этого я долженъ былъ застрѣлить его, Керра, здѣсь же; хоть бы я вынужденъ былъ зарѣзать ея матушку.

Питеръ посмотрѣлъ на часы. Время еще не приходило. Онъ долженъ былъ потопить свое негодованіе въ бутылкѣ.

Благодаря усерднымъ возліяніямъ, Керръ становился все откровеннѣе.

Фу! сколько онъ отпустилъ плоскихъ шутокъ, сколько пропѣлъ романсовъ! Какъ онъ подмигивалъ, какъ заливался своимъ безмысленнымъ хохотомъ! Какъ много разсказывалъ о своихъ побѣдахъ въ любви и на войнѣ! Тьфу на этихъ скотовъ, которые нерѣдко успѣваютъ низводить чистыя, нѣжныя натуры до своего уровня! Вѣдь не выводятся же эти пресмыкающіяся съ лица земли, а художникъ, вынужденный условіями своей работы, по-неволѣ долженъ рисовать подобныхъ уродливыхъ силеновъ, хотя они тошны ему самому и хотя его кистью водитъ чувство личнаго отвращенія и ненависти...

И такъ два маіора сидѣли въ столовой, госпожа помѣстья дремала предъ каминомъ въ гостиной, Люси, которой Вольтеръ шепнулъ о появленіи героя, безпокоилась и дрожала въ своей комнатѣ, Воланта была осѣдлана, наконецъ Платонъ разыгрывалъ пантомиму съ саблей и пистолетами. Теперь поглядимъ, что дѣлали заговорщики внѣ дома.

XIII.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ они были заняты?

Всѣ они, исключая Джирка Деунтта, стоятъ въ удобныхъ положеніяхъ, ожидая сигнала начальника. Старый Сэмъ Гэльсуорти положилъ свою руку на морду лошаденки; при малѣйшей ея

попыткѣ зарядить въ отвѣтъ на ржаніе Воланты, стоящей въ конюшнѣ, Сэмъ затыкаетъ ей ноздри большими пальцами и сжимаетъ челюсти лошади своей сильной рукою. Айкъ Ванъ-Вартъ, опершись на ружье, глядитъ сумрачно. Гендрикусъ Канади, также подпирая себя ружьемъ, смотритъ очень бойко. Сержантъ Линкольнъ-Бротертофтъ старается изгнать всѣ мысли изъ своей головы, потому что думать о чемъ нибудь—значило бы сомнѣваться въ успѣхѣ, а сомнѣваться — все равно что проиграть дѣло. Разумѣется, въ эту-то минуту Джиркy Деунтту и слѣдовало показать себя твердымъ, какъ «лордъ канцлеру, «болѣе ловкимъ, чѣмъ лордъ архи-акробатъ, стойкимъ, какъ колокольня, и молчаливымъ, какъ могильщику.»

Но въ эту-то самую минуту Джиркъ-Деуттъ—пьянъ и безконечно веселъ. Ему уже становится непріятно ждать и притворяться трезвымъ. Имъ овладѣваетъ одна сильная мысль. На ной чортъ стоять, какъ пню, и держаться за холодный спускъ ружья? Можно развлечься чѣмъ нибудь и повеселѣе.

— Послушайте, ординарецъ, шепнулъ онъ Линкольну-Бротертофту, обойду-ка я вокругъ дома и погляжу, все ли благополучно; передаю вамъ команду. Глядите въ оба, а я сбѣгаю духомъ.

Джиркъ сталъ пробираться въ темнотѣ.

Воспоминанія о прежнихъ подвигахъ на этихъ же мѣстахъ оживили отуманенный его мозгъ.

— Масло для волосъ все высохло, думалъ онъ:—если бы мнѣ удалось пробраться въ погребъ этого стараго дома, то талъ я угостилъ бы себя разными напитками такъ же хорошо, какъ десять лѣтъ тому назадъ, когда лэди Бротерторфтъ поймала и отпорола меня,—за то, что я туда ворвался. Клянусь конгрессомъ—стоитъ попробовать? Желѣзныя рѣшетки на окнахъ погреба были прежде не больно крѣпки. Худа изъ того никому не будетъ, если я повытащу гдѣ нибудь желѣзные болты. Удастся мнѣ вытащить хоть одинъ, тогда провалюсь внизъ, выпью немного для храбрости и вернусь назадъ, прежде чѣмъ маіоръ вздумаетъ меня кликнуть.

Не ручаемся, чтобы фантазія его выражалась такъ связно, но знаемъ, что онъ ей повиновался. Онъ проползъ тихонько

возлѣ дома и сталъ отыскивать желѣзную рѣшетку ближайшаго погребного окна. Всѣ эти окна были на одномъ уровнѣ съ землею.

— Нѣтъ, нейдетъ! сказалъ онъ: попробуемъ другое! Опять неудача.

У третьяго окна рѣшетка оказалась непрочною и одинъ болтъ шатался. Джиркъ подкопалъ ножомъ мѣсто въ стѣнѣ возлѣ упора желѣза и принялся выдергивать болтъ, который однако все таки не подавался. Тогда Джиркъ началъ давать ему наставленія пьянымъ шопотомъ:

—Какъ тебѣ не стыдно, глупый, ржавый кусокъ желѣза, не допускать патріота къ имуществу торіевъ. Ну будь же молодцомъ, пропусти, а не то вѣдь ты выведешь меня изъ терпѣнія.

Дѣйствительно, болтъ перешелъ на сторону патріотовъ и не сопротивлялся. Рука Джирка выдернула это холодное желѣзо и положила на траву, покрытую инеемъ. Теперь онъ могъ вынуть и камень, въ который этотъ болтъ былъ вставленъ. Попытка увѣнчалась успѣхомъ, послѣ чего и конецъ слѣдующаго болта сталъ шататься. Онъ пригнулъ его въ сторону и сквозь продѣланное такимъ образомъ пространство могъ просунуться въ погребъ.

Онъ осторожно спустился туда спиной къ стѣнѣ.

Сказано—пьяному море по колѣно! Трезвый человѣкъ не отважился бы на подобный подвигъ. Нравоученье: не соблюдайте чрезмѣрной трезвости въ головѣ или сердцѣ, если хотите имѣть удачу въ слишкомъ отважныхъ предпріятіяхъ.

Джиркъ сдѣлалъ шагъ впередъ среди киммерійскаго мрака погреба. Онъ споткнулся и упалъ на кучу того хлама, который мы видѣли утромъ при свѣчѣ Вольтера.

—Нужно поменьше шума, думалъ Джиркъ: одно паденіе припишутъ за возню крысъ, а за другимъ лэди Бротертофтъ можетъ сойдти внизъ по лѣстницѣ. Мнѣ вовсе не хотѣлось бы увидѣть ее здѣсь со свѣчой въ одной рукѣ и съ ножомъ въ другой. Эта баба можетъ заколоть меня, какъ поросенка. Нѣтъ нужно вырубить огня: тогда я буду знать, куда мнѣ идти.

Онъ вынулъ зубами втулку своего порохового рожка и высыпалъ одинъ зарядъ на каменный полъ этого подземелья.

— Самъ порохъ не знаетъ, сколько-то онъ перестрѣляетъ красныхъ мундировъ, высыпаясь изъ этого рожка, думалъ Джиркъ: славная штука этотъ порохъ!

Его огниво зазвенѣло о кремень посреди мрака:

Вылетѣла искра. Fiat lux! Порохъ вспыхнулъ.

Киммерійскіе углы, ящики со стружками и лохмотьемъ, бочки съ развалившимися обручами и досками, изломанная мебель— все это грязное богатство подвала внезапно освѣтилось и почти испугало любопытнаго пришельца. Искра освѣтила все пространство своимъ лукавымъ блескомъ и потомъ опять угасла. Прежняя темнота завладѣла непривлекательной картиной.

Джиркъ думалъ, что онъ приглядѣлся къ каждому предмету въ этой мрачной норѣ при мгновенномъ свѣтѣ искры. Онъ примѣтилъ всю сцену, которая уже навсегда засѣла въ его представленіи. Теперь ему хотѣлось пробраться только къ винному складу. Фейерверки освѣщали ему туда дорогу. Онъ увидѣлъ также, что дверь была отворена; такъ оставилъ ее Вольтеръ утромъ.

Теперь онъ пошелъ впередъ, не спотыкаясь и не падая. Ощупью отыскивалъ онъ дорогу къ винному складу. Здѣсь онъ дотронулся рукою до запыленныхъ стѣнокъ множества валявшихся бутылокъ. Одну изъ этихъ бутылокъ онъ схватилъ за горлышко и ловкимъ ударомъ объ полку снесъ бутылочную головку, покрытую желтой печатью.

— Пали! сказалъ онъ, поднося это оружіе къ своимъ губамъ.

Буль-буль-буль..

Онъ остановился, чтобы перевести духъ и опять почувствовалъ въ себѣ молодецкія силы. Вино было такъ же вкусно, какъ и десять лѣтъ тому назадъ, когда онъ въ первый разъ познакомился съ погребомъ и былъ за то наказанъ.

— Теперь-то онъ ужь меня не смѣетъ отодрать, бормоталъ онъ:—а ну-ка еще приложимся.

Опять пронесся тотъ же звукъ, къ которому, казалось, прислушивался весь погребъ.

Но въ то время, какъ янтарная рѣка струилась между бѣлыми сталактитами и сталагмитами челюстей Джирка, въ то

время, какъ она омывала розовый сталактитъ, называемый небомъ, прежде чѣмъ готовилась излиться въ пещеру его глотки,—вдругъ...

На верху раздался пронзительный крикъ, стукъ ногъ, выстрѣлъ и шумъ какой-то суматохи.

Джиркъ оторопѣлъ въ одно мгновеніе. Онъ сталъ прислушиваться. Бутылка, для которой онъ дезертировалъ съ своего поста, вывалилась изъ-подъ его дрожащихъ пальцевъ и разбилась на полу въ дребезги.

Этотъ звукъ заставилъ его нѣсколько опомниться. Онъ обернулъ спину и бросился прыжкомъ къ окну, въ которое влѣзъ и которое казалось полу-мрачнымъ параллелограмомъ сравнительно съ густой темнотой погреба.

Съ пьяной неловкостью, дрожа отъ стыда и тревоги, онъ взобрался въ углубленіе окна и началъ пробираться спиной между болтами. Пригнутый конецъ болта сцѣпился съ его мундиромъ.

Въ то время, какъ онъ старался высвободиться изъ этихъ тисковъ, глаза его подозрительно заглянули въ погребъ. Онъ увидѣлъ посреди темноты чуть замѣтное пятнышко краснаго пламени.

— Ага! подумалъ онъ:—вѣрно мой порошекъ зажегъ какую-нибудь сухую тряпку въ этой кучѣ хлама. Ну чтожь, огонь съѣстъ, что уже нашелъ, но потомъ погаснетъ на каменномъ полу погреба. Да если и не погаснетъ — пусть себѣ горитъ въ волюшку! Пропадай старый домъ — подлое гнѣздо торіевъ! Сгинь ты, окаянный! Госпожа отодрала меня, какъ собаку! Пусть сгоритъ домъ—эка важность! Мою жену здѣсь испортили, а она меня погубила! Гори домъ жарче! Пусть горитъ до-тла и освѣщаетъ намъ дорогу изъ этого края!

Джиркъ оторвалъ мундиръ отъ желѣзнаго болта, выскочилъ, подхватилъ свое ружье и пробрался пьяными, но осторожными шагами къ своей командѣ.

XIV.

Товарищи Джирка Деунтта ждали его возвращенія, сначала молча, потомъ съ замѣтнымъ безпокойствомъ.

Время шло, а онъ не являлся.

— Я не думаю, чтобъ онъ съигралъ съ нами какую-нибудь подлую штуку! прошепталъ Ванъ-Вартъ.

— Нѣтъ, онъ на это неспособенъ! сказалъ честный Сэмъ Гэльсуорти.

— А я вамъ вотъ что скажу, друзья, сказалъ сынъ лекаря: — Джиркъ сегодня подгулялъ знатно, такъ сказать, влилъ въ себя красной мятежной водицы. Ну, вотъ онъ и пошелъ прогуливаться. Когда мы шли сюда изъ гумна, то я понялъ, что ноги-то его были немножко не въ порядкѣ. А здѣсь онъ стоялъ на вытяжку, точно аршинъ проглотилъ — такъ не стоятъ трезвые люди. Я думаю, вѣдь вамъ извѣстна его исторія. Съ тѣхъ поръ, какъ жена его обманула, онъ крѣпко подружился съ ромомъ. Правда онъ клялся маіору Скерретту, что не будетъ пить. Но видно онъ клялся не отъ души, или можетъ быть что-нибудь особенное откупорило его глотку.

— Если это такъ, сказалъ Линкольнъ-Бротертофтъ: — то я долженъ идти за нимъ и присматривать, чтобы онъ не рисковалъ ни собой, ни нами. Будьте осторожны и не забывайте, что дѣло идетъ о жизни!

— Пусть кто хочетъ называетъ его ординарцемъ-Линкольномъ, сказалъ Гендрикусъ Канади, когда тотъ скрылся за домомъ:—но, я думаю, что онъ—Томми Джефферсонъ или какой-нибудь другой членъ конгресса. Онъ говоритъ по-книжному. Да при томъ, какъ это онъ знаетъ здѣшній край вдоль и поперегъ, точно здѣсь выросъ?

Тяжело и грустно было для Эдвина Бротертофта пробираться возлѣ дома своихъ предковъ, подобно ночному вору.

Отыскивая Джирка, онъ шелъ вдоль задней стѣны дома. Знакомые предметы глядѣли на него холодно и непривѣтливо. Стѣны были сѣры, окна затянулись темнотой, и все зданіе какъ будто говорило ему: «Ты — изгнанникъ и непрошенный посѣтитель!»

Впрочемъ, онъ не могъ терять времени въ чувствительныхъ сожалѣніяхъ. Обогнувъ сѣверный фасадъ дома, онъ подошелъ къ башнѣ и увидѣлъ свѣтлый огонекъ въ комнатѣ Люси. Онъ могъ видѣть, какъ позади занавѣса двигалась неясная фигура.

— Дитя мое! подумалъ онъ: — черезъ нѣсколько минутъ мы увидимся.

Но Джирка Деунтта нигдѣ не было видно! Туманный обликъ его дочери пробудилъ въ Эдвинѣ безпокойство. Напрягая зрѣніе въ темнотѣ, онъ обошелъ уголъ башенки и остановился противъ оконъ гостиной, выходившихъ на лицевую сторону зданія. Ставня была не затворена. Слабый свѣтъ, какъ будто отъ внутри разведеннаго огня, проходилъ сквозь окна и сугливо мерцалъ посреди туманной ночи. Окна гостиной находились на грудной высотѣ человѣка.

— Здѣсь мы обыкновенно сидѣли вмѣстѣ, я и моя жена, шепталъ онъ: — здѣсь у огня, въ давнымъ-давно минувшіе осенніе вечера, я слѣдилъ за ея умирающей любовью, за моей умирающей жизненной силой—за любовью и силой, обращавшимися въ груды пепла.

На одну минуту имъ овладѣлъ деспотизмъ прежней любви и горечь въ его сердцѣ нѣсколько смягчилась. Эти мѣста, которыя были для него когда-то такъ дороги, опять сдѣлались ему любезными мѣстами. Онъ простилъ имъ безсознательное участіе въ трагедіи его жизни.

— Я хочу еще разъ заглянуть въ эту комнату, думалъ онъ:—мое воспоминаніе о ней будетъ оставаться тяжелымъ привидѣніемъ въ моей головѣ, пока я не успокою себя самой дѣйствительностью.

Тихонько прошелъ онъ по кудрявой, мороной травѣ и осторожно заглянулъ въ окно комнаты.

Мистриссъ Бротертофтъ сидѣла одна передъ каминомъ. Преступленіе должно прятаться и жить уединенно. Для преступныхъ сердецъ уединеніе составляетъ необходимость и наказаніе. Вѣрными друзьями могутъ быть только честные и чистые люди, а ихъ-то преступленіе боится и ненавидитъ. Мистриссъ Бротертофтъ сидѣла одна въ комнатѣ, залитой пламенемъ камина; это было за минуту до того, какъ глаза ея мужа могли различить внутри находившіяся предметы. Чувство участія и прощенія заглушало воспоминанія о всѣхъ прежнихъ оскорбленіяхъ. Эдвинъ сознавалъ, что, ведя съ женой войну ради дочери, онъ все-таки питалъ къ своему врагу самое нѣжное уча-

стіе. Вдругъ она обернула къ нему свое ядовитое лицо, начала тревожно всматриваться въ темноту ночи и примѣтила ночного скитальца.

Заслышала ли она его робкіе шаги по жесткой травѣ и сухимъ листьямъ? Дошелъ ли до ея слуха слабый вздохъ страдальца, въ то время, какъ она сидѣла, погрузясь въ свое угрюмое молчаніе? Почувствовала ли она магнитизмъ вблизи стоявшаго человѣка—этотъ невидимый взглядъ души, израненной ея преступленіями? Или быть можетъ настоящее тревожное время пріучило ее къ постоянной чуткости и осторожности?

Одно мгновеніе она стояла, какъ вкопанная.

Потомъ, когда она судорожно прыгнула къ окну и неистово закричала о помощи, Эдвинъ обернулся и побѣжалъ вдоль задней стѣны дома къ тому мѣсту, гдѣ оставилъ своихъ товарищей.

XV.

Половина восьмого. Два маіора все еще сидятъ vis-à-vis въ столовой.

— Это однако скучно, думалъ Скерретъ: — довольно, кажется, я проглотилъ уже стакановъ, принимая пьяныя приглашенія этого господина. Только ради несчастной дѣвушки я сдерживалъ въ границахъ мое терпѣніе. Каждое слово, каждый взглядъ этого негодяя напоминали мнѣ о необходимости заступиться за нее всѣми силами. Да, да, Вольтеръ! Нечего, братъ, кивать головой и подавать знакъ, что она совсѣмъ готова и ожидаетъ съ замираніемъ сердца! Надобно обождать еще десять минутъ, чтобы мои молодцы не опоздали,—и тогда, маіоръ, съ помощію богини свободы, я разрушу ваши брачныя предположенія и потащу васъ за собою. Жаль мнѣ васъ, хотя вы и отъявленная скотина! Чего добраго! вамъ не понравится трезвая штабъ-квартира стараго Пута.

Чудовищно долго тянулись эти послѣднія десять минутъ! Каждая минута казалась тысячью для Питера Скерретта, и въ головѣ его стали мелькать робкія сомнѣнія.

Кому не извѣстно, къ какимъ печальнымъ результатамъ приводило нерѣдко промедленіе! Ему представлялось, какъ будто что-то такое виситъ на одномъ волоскѣ надъ его головою или будто онъ самъ повисъ на волоскѣ надъ бездною. Терпѣніе, Питеръ Скерреттъ! Маятникъ стучитъ свой «тикъ-такъ» и безостановочно отсчитываетъ минуты.

И въ то время, какъ убѣгаютъ эти минуты, пьяный Джиркъ распоряжается въ погребѣ, желая потопить въ винѣ оскорбленіе, нанесенное ему этимъ преступнымъ домомъ.

Десять минутъ уже почти окончились, когда Бротертофтъ пустился въ погоню за пропавшимъ безъ вѣсти проводникомъ,— за этой другой жертвой порочной женщины.

Въ концѣ послѣднихъ десяти минутъ, мистриссъ Бротертофтъ внезапно обернулась и увидѣла неясное лицо, глядѣвшее на нее въ то время, какъ она сидѣла въ полусумрачной гостиной.

Время наконецъ прошло. Маіоръ Скерреттъ хладнокровно подошелъ къ окну, отворилъ форточку и свиснулъ.

Только три человѣка изъ его команды ворвались въ домъ по этому сигналу

XVI.

Чрезъ окно столовой пролѣзли Айкъ Ванъ-Вартъ, старый Сэмъ Гэльсуорти и Гендрикусъ Канади.

Въ то же самое мгновеніе по всему дому пронесся крикъ мистриссъ Бротертофтъ, звавшей на помощь. Джиркъ Деуиттъ слышалъ его въ погребѣ, Люси слышала его въ своей башенкѣ, а Платонъ, находясь въ корридорѣ, могъ слышать этотъ крикъ подъ самымъ ухомъ.

Платонъ, все еще стоя на часахъ, разыгрывалъ свою пантомиму съ оружіемъ. Принявъ грозную позу, онъ прицѣливался изъ своего пистолета въ воображаемаго противника. Ему представлялось, что онъ дерется на дуэли. Выстрѣлъ его антагониста пронесся мимо. Теперь очередь стрѣлять была за нимъ.

Взведя курокъ на оба взвода, онъ поднялъ пистолетъ въ уровень съ своимъ невидимымъ противникомъ.

— Не угодно ли вамъ извиниться, сэръ, шопотомъ сказалъ Платонъ: — или...

Въ это время раздался неистовый крикъ мистриссъ Бротертофтъ, призывавшій на помощь.

Платонъ оторопѣлъ.

Мистриссъ Бротертофтъ ворвалась въ комнату.

Здѣсь неподвижно, какъ статуя, стоялъ негръ, протягивавшій къ ней свое оружіе, которое она выхватила своей рукою.

Внезапный ея ужасъ смѣнился дикимъ бѣшенствомъ. Вѣдь это была безстрашная, жестокая женщина. Прикосновеніе смертельнаго оружія пробудило въ ней жажду крови. Она услышала суматоху въ столовой.

— Что же вы? шептали ей прежнія подруги-фуріи, замыкая ее въ свой кружокъ и опять воплощаясь въ ея тѣло и душу:— пользуйтесь своимъ оружіемъ! Къ вамъ пожаловали мародеры, мятежники! Положите хоть одного изъ нихъ на мѣстѣ! Упражняйте ваши силы при этомъ случаѣ! Покрайней мѣрѣ васъ не будетъ пугать видъ крови и вы отдѣлаетесь убійствомъ отъ ненавистныхъ вамъ людей, которые становятся поперегъ вашей дороги! Смѣлѣе, мадамъ!

Вотъ какія мысли быстро зашевелились къ ея головѣ.

Она отворила дверь столовой.

Ея крикъ далъ знать нападающимъ, что ихъ присутствіе въ домѣ было открыто. Быстро скрутили они руки маіора Керра, который сидѣлъ въ пьяномъ изумленіи, бормоча напрасныя оправданія и еще болѣе напрасныя угрозы.

Ни одинъ изъ возившихся съ плѣнникомъ не замѣтилъ госпожи дома, тихонько отворившей дверь.

Другое лицо ее замѣтило.

Запоздавшій Эдвинъ Бротертофтъ также перелѣзъ черезъ окно и присоединился къ своимъ товарищамъ.

Онъ увидѣлъ свою жену въ отворенной двери комнаты. Ее нужно было удалить отъ опасности какого-нибудь выстрѣла или удара въ этой суматохѣ. Такъ подсказывалъ Эдвину Бротер-

тофту его внутренній голосъ. Быстро прыгнулъ Эдвинъ впередъ, чтобы нѣжно вывести ее изъ комнаты.

Но госпожа дома въ ту же минуту выстрѣлила въ приближавшагося къ ней человѣка.

Онъ упалъ.

Да, онъ зашатался и упалъ.

Его голова ударилась о ножку стола, и онъ лежалъ здѣсь безъ движенія, съ лицомъ, обращеннымъ кверху, и вискомъ, облитымъ кровью.

Это былъ ея мужъ! Она узнала его сразу.

Кроткое, задумчивое лицо было освобождено отъ прикрывавшихъ его жидкихъ, сѣдыхъ волосъ, и на лицѣ этомъ все еще почивалъ тотъ мягкій, всепрощающій взглядъ, который она помнила такъ хорошо и ненавидѣла такъ яростно. Вотъ человѣкъ, оскорбленный ею при жизни и наконецъ убитый, — да, повидимому, убитый на повалъ ея же собственною рукою.

— Мой мужъ! сказала она съ страннымъ, спокойнымъ удовольствіемъ.

Все смолкло на минуту, когда она смотрѣла на дѣло своихъ рукъ къ дикой улыбкой.

Итакъ она хорошо сдѣлала, что выжидала терпѣливо. То неосязаемое оружіе, котораго призракъ она ловила, сдѣлалось теперь осязаемымъ. Да, она ждала благоразумно. Это было не убійство, а огражденіе себя отъ опасности. Ея торжество не могло назваться преступленіемъ.

— Ты захотѣлъ шататься здѣсь, какъ бродяга, и слѣдовательно по-дѣломъ застрѣленъ, сказала она, какъ будто, кромѣ ея и трупа, въ комнатѣ никого не было.

Она съ презрѣніемъ оттолкнула его ногою.

Эта низость, сломивъ въ ней послѣдніе предѣлы женскаго чувства чести, пробудила въ ея душѣ дикую радость свободы, безумный восторгъ могущества. Теперь она могла на все рѣшиться. Всякая послѣдующая жестокость была для нея вздоромъ. Она гордилась своимъ дѣломъ, какъ умышленнымъ убійствомъ мужа.

Она подняла голову. Люди, окружавшіе Керра, всѣ впились

въ нее глазами. Она захохотала радостно, дико, безумно, и швырнула свой пистолетъ въ маіора Скерретта.

Тотъ подхватилъ оружіе на лету рукою.

— Вы съ ума сошли, что ли? сказалъ онъ: — развѣ вы не знаете, что вы убили своего мужа? Эй, молодцы, отведите ее въ смежную комнату.

— Пожалуйте, мадамъ, сказалъ вѣжливо Гэлѣсуортн:—вѣдь вы сами этого не знали. Какъ досадно, что вы не убили кого-нибудь изъ насъ, вмѣсто вашего супруга. Всѣ мы люди здѣшніе, пришли взять въ плѣнъ британскаго офицера и не хотимъ никому и ничему вредить въ этомъ домѣ.

— Будьте вы всѣ прокляты! крикнула она, схватывая рукою честное лицо Сэма: я не думаю печалиться, напротивъ я рада, рада, рада! Всѣхъ васъ ждетъ, такая участь, или нѣтъ,—васъ повѣсятъ, повѣсятъ, какъ шпіоновъ!

— Уведите ее прочь, молодцы! повторилъ Скерреттъ. Надобно держать ее подъ карауломъ, только не здѣсь съ этимъ трупомъ. Однако обходитесь съ ней повѣжливѣй,—такъ вѣжливо, какъ только можете; не забывайте, что вѣдь она женщина!

— Женщина? сказалъ Канади, защищая свое лицо отъ ея пальцевъ:—нѣтъ, клянусь континентальнымъ конгрессомъ,—это вѣдьма лютая!

— Врядъ ли заживетъ такая ранка, сказалъ маіоръ, наклоняясь надъ Бротертофтомъ и разсматривая его окровавленный лобъ:—онъ, кажется, убитъ на-повалъ. Присматривай-ка за нимъ, Сафо! А ты, Ванъ-Вартъ, не оставляй маіора Керра, пока я не распоряжусь съ самой госпожею.

— Сержантъ, бормоталъ Керръ, я все прощаю это была ошибка!

Не смотря на яростное сопротивленіе мистриссъ Бротертофтъ, два человѣка оттащили ее въ гостиную и силою усадили въ кресло передъ каминомъ.

Скерреттъ послѣдовалъ за ними. Платонъ находился въ корридорѣ, сильно напуганный несчастьемъ, котораго былъ причиной.

— Бѣги, Платонъ, и выведи кобылку миссъ Люси. Ну а ты, Вольтеръ, чего глядишь, какъ шальной съ-переполоху? Намъ,

братецъ, надо побольше бодрости. Сведи-ка ты внизъ молоденькую лэди какимъ нибудь заднимъ ходомъ, только такъ, чтобы она не видѣла ни отца, ни матери! Ужасно, ужасно все это! Страшный конецъ всей этой плачевной, позорной исторіи!

Онъ вошелъ въ гостиную.

Мерцавшее пламя облизало всѣ находившіеся здѣсь предметы какою-то призрачной жизнью. Казалось, будто они шевелились, двигались впередъ и отступали. Роскошная, старая фамильная мебель, повидимому, хотѣла принять участіе въ трагическомъ представленіи этого вечера.

Въ этомъ полусвѣтѣ маіоръ Скерреттъ примѣтилъ висѣвшую на стѣнѣ картину Ванъ-Дика. Оторванная половина завѣсы не была приведена въ порядокъ и попрежнему обнажала верхній уголъ картины, откуда выглядывали головы полковника Бротертофта и бѣлаго коня-спутника его боевой жизни. Въ настоящую минуту портретъ представлялъ поразительное сходство съ лицомъ мертвеца, лежавшаго по другую сторону корридора. Казалось даже, какъ будто духъ покойника, желая взглянуть съ горестнымъ участіемъ на мѣста своихъ земныхъ страданій и радостей, и на лица, еще здѣсь двигавшіяся, вошелъ въ картину и оттуда слѣдилъ за ходомъ происшествій!

Эти мысли и впечатлѣнія овладѣли маіоромъ Скерреттомъ при первомъ взглядѣ. Потомъ онъ обернулся къ хозяйкѣ дома, которая съ безсильной злобой и сверкающими глазами сидѣла въ креслѣ, придерживаемая двумя заговорщиками.

— Мадамъ, сказалъ съ достоинствомъ Скерреттъ, извините, если я вынужденъ буду употребить противъ васъ насиліе. Вы обнаружили самыя враждебныя намѣренія и угрожали новыми несчастіями. Я не могу взять васъ съ собой ради нашей собственной безопасности. Если я оставлю васъ на свободѣ, то вы направите на насъ погоню, насъ переловятъ и перевѣшаютъ, въ чемъ и заключаются ваши желанія. Привяжите ее, молодцы, къ креслу, только не больно. Привязывайте осторожнѣе, чтобы она не могла двигать руками и ногами.

Набросивъ ей веревку на поясницу, они плотно привязали ее къ креслу. Она безумно сопротивлялась и осыпала своихъ вра-

говъ такой не женской бранью, какая неизвѣстна ни одной женщинѣ.

— Теперь, мадамъ, сказалъ Гэльсуортн, отходя назадъ, вы сидите крѣпко; вы не чувствуете никакой боли, а между тѣмъ будете не въ силахъ наносить вредъ ни себѣ, ни другимъ.

Скерреттъ собралъ въ кучу огонь, чтобы заставить его горѣть медленно и постоянно. Потомъ съ необыкновенной вѣжливостью онъ набросилъ шаль на плечи мистриссъ Бротертофтъ.

— Признаюсь вамъ, мадамъ, сказалъ онъ опять, мнѣ очень тяжело принимать противъ васъ суровыя мѣры. Я старался сдѣлать вамъ неволю сноснѣе. Ночь очаровательна. Этотъ огонь будетъ горѣть до самаго утра. Всѣхъ вашихъ людей я долженъ забрать съ собою, для огражденія себя отъ преслѣдованій. Но какъ только мы будемъ внѣ опасности, они возвратятся сюда, чтобы освободить васъ и—здѣсь голосъ его зазвучалъ грустнѣе—похоронить вашего мужа, котораго вы застрѣлили и котораго смерть для васъ такъ радостна.

Она не отвѣчала. Все струившееся изъ камина пламя не могло поколебать того выраженія холодной ненависти, которымъ дышала теперь ея прекрасная наружность. Щеки ея лишились своей краски. Черные волосы, безпорядочно разбросанные въ минуту ея сопротивленія, оттѣняли это лицо, казавшееся мъ морнымъ изваяніемъ медузы

Маіоръ замолчалъ на одну минуту, ожидая, не скажетъ ли она ему нѣсколько словъ.

— Оно не совсѣмъ вѣжливо оставлять ее въ этомъ положеніи, думалъ онъ, ну да чтожь прикажете съ ней дѣлать? Она мало-по-малу успокоится и заснетъ. Есть мѣста, гдѣ вовсе не такъ пріятно ночевать, какъ въ удобномъ креслѣ и передъ добрымъ каминомъ гостиной.

— Спокойной ночи, сказалъ онъ безъ малѣйшихъ слѣдовъ насмѣшливаго тона.

При мысли о невозможности дальнѣйшей борьбы, холодный взглядъ ея смѣнился выраженіемъ самаго дикаго изступленія и ярости.

— Въ походъ, молодцы! скомандовалъ Скерреттъ и пошолъ вслѣдъ за ними.

Въ дверяхъ онъ остановился, чтобы еще разъ взглянуть на оставляемую сцену. Разыгранная здѣсь трагедія нагнала на него самыя тяжелыя ощущенія.

Въ креслѣ сидѣла госпожа дома, которой отчетливый профиль былъ освѣщенъ пламенемъ. Теперь она была спокойна, а изъ рамъ картины съ тѣмъ же безстрастіемъ глядѣли на нея головы воина и его бѣлаго боевого коня.

Єкерреттъ тихонько притворилъ дверь.

Выйдя изъ дома, онъ на одну минуту остановился и сталъ прислушиваться. Быть можетъ ея сердце смягчится? Быть можетъ онъ услышитъ рыданіе и потомъ раздирающій душу вопль мучительнаго раскаянія, когда, предоставленная самой себѣ, она глубоко поразмыслитъ объ этомъ страшномъ случаѣ, который сама же она назвала преступленіемъ?

Онъ прислушивался. Все замерло...

Нельзя было больше стоять ни одной минуты, и маіоръ поспѣшилъ за своей командой.

XVII.

Впродолженіи всего этого времени Люси съ замираніемъ сердца ожидала въ своей комнатѣ, помѣщавшейся въ башнѣ.

Когда спустились сумерки, она окинула прощальнымъ взглядомъ рѣку, отлогости, рощи и горы. Съ кончиною дня вся эта дорогая картина ярче нарисовалась въ ея памяти.

Наконецъ явился Вольтеръ и шепнулъ ей:

— Они пришли. Будьте готовы, когда я позову.

Она была готова. Въ эту минуту, прежде чѣмъ ей нужно было погасить свѣчу и бѣжать отсюда, она взглянула съ новой любовью на всѣ знакомые предметы.

Ей казалось, какъ будто всѣ наблюденія ея минувшей жизни были полусознательны и туманны.

Быстрое развитіе ея характера въ борьбѣ съ преступленіемъ укрѣпило всѣ ея душевныя отправленія.

Обыкновенные предметы ей уже не представлялись обыкно-

военными. Каждая вещь въ ея комнатѣ пріобрѣла особое, внутреннее значеніе. Она прощалась съ каждою вещью.

Вдругъ, когда она, стоя, ожидала сигнала къ бѣгству, раздался пронзительный крикъ ея матери, нарушившій молчаніе вечера.

При этомъ зловѣщемъ звукѣ Люси задрожала и на одну минуту предалась отчаянью.

Потомъ слухъ ея былъ пораженъ рѣзкимъ пистолетнымъ выстрѣломъ, который возвратилъ ей бодрость. Этотъ звукъ пробудилъ всю энергію ея сердца.

— Я не хочу прятаться здѣсь, въ то время, какъ они ради меня подвергаютъ себя опасности, я не могу сражаться, но могу подать помощь страдающимъ.

Еще одинъ послѣдній взглядъ вокругъ комнаты; потомъ она затворила за собой дверь и кинулась въ широкій просторъ божьяго міра.

Когда она была на верху лѣстницы, шумъ схватки донесся до нея снизу. Она остановилась и затрепетала. Не изъ страха за себя, нѣтъ: робость, повидимому, была исключена изъ числа ея ощущеній. Она задрожала отъ сильнаго негодованія.

Она узнала голосъ своей матери. Она слышала ея вскрикиванья и проклятія. То были слова женщины, которая отреклась отъ своей женственности и обратилась въ дикаго звѣря. Женскій стыдъ умеръ въ ней окончательно, и теперь это существо показалось тѣмъ, что медленно сдѣлалъ изъ него ядъ порочной жизни.

— Какое постыдное злодѣйство могла она совершить? подумала Люси.

Перегнувшись осторожно чрезъ перила, она стала глядѣть на суматоху, происходившую въ корридорѣ. Тяжелая сцена для дочери! Невиданное зрѣлище въ этомъ гордомъ домѣ, отличавшемся строгимъ порядкомъ! До сихъ поръ здѣсь покрайней мѣрѣ всегда царствовало внѣшнее приличіе! Но преступленіе, въ своемъ естественномъ развитіи, должно было наконецъ быть остановлено грубымъ насиліемъ.

Поблѣднѣвъ и дрожа отъ волненія, но проникнувшись вновь рожденнымъ въ ней чувствомъ справедливости и непобѣдимой,

сердечной ненавистью къ преступленію,—Люси наклонилась впередъ и увидѣла, что мать ее борется съ двумя изъ пришельцевъ. Она увидѣла встревоженныхъ негровъ. Она увидѣла джентльмена, котораго съ перваго же взгляда приняла за ожидаемаго героя, она слышала его серьезный голосъ, когда онъ приказывалъ Платону приготовить ея лошадь, а Вольтера посылалъ на верхъ за нею. Она слышала, какъ маіоръ сказалъ:

— Страшный конецъ всей этой плачевной, позорной исторіи!

Люси повторила шопотомъ эти слова себѣ самой.

— Страшный конецъ! Что хотѣлъ онъ этимъ сказать? Но я отца моего не вижу! Можетъ ли быть? Неужели она въ него выстрѣлила! Неужели она убила его тѣло, какъ постаралась убить душу?

Люси побѣжала внизъ по лѣстницѣ, прошла мимо Вольтера и явилась въ столовую.

Здѣсь сидѣлъ маіоръ Керръ, напрасно расточавшій безсвязныя убѣжденія передъ своимъ безстрастнымъ часовымъ.

А на полу лежалъ какой-то человѣкъ, у котораго струей бѣжала изъ виска кровь, обагрившая его сѣдые волосы. То былъ—ея отецъ!

Надъ нимъ рыдала Сафо.

Люси почти свирѣпо оттолкнула ее въ сторону. Изъ ея груди вылетѣлъ раздирающій крикъ отчаянья. Она стала передъ нимъ на колѣни и приподняла своими руками его почтенную голову.

Ошеломленный внезапнымъ, сильнымъ ударомъ пули и тяжелымъ паденіемъ, Эдвинъ Бротертофтъ лишился чувствъ, но черезъ минуту опять пришелъ въ себя; открывъ глаза, онъ увидѣлъ надъ собой склоненное лицо дочери и почувствовалъ вокругъ своей шеи ея руки. Да, ея нѣжныя ручки обнимали его, — губы ея прильнули къ губамъ роднаго человѣка.

Ахъ, то была минута святого восторга, когда загоравшаяся жизнь увидѣла, что любовь пришла ее привѣтствовать, чтобы окрестить ея рожденіе въ купели слезъ счастья!

Теперь на сценѣ является и Джиркъ Деуиттъ.

Тревога подѣйствовала на него, какъ ведро воды на пьяную голову. Онъ отрезвился достаточно и могъ понимать, что ему необходимо будетъ оправдаться въ самовольной отлучкѣ и заста-

вить другихъ забыть о своемъ дезертирствѣ. Онъ загляну[illegible] въ окно, хорошо затвердилъ свою роль и потомъ влѣзъ въ [illegible]нату съ необыкновенно гладкой физіономіей. Конечно онъ [illegible]рилъ не совсѣмъ связно и переставлялъ ноги такъ странно, какъ будто полъ трепеталъ подъ нимъ отъ радости, ну, да развѣ поспѣшность и усердіе не могутъ затормазить языкъ и ноги?

— Ура, Айкъ! крикнулъ онъ:—я, братъ, тамъ на дворѣ отлично распорядился. Платонъ именно теперь выводитъ вашу лошадь, миссъ. Спасибо вамъ, миссъ, что вы заботитесь о нашемъ сержантѣ, продолжалъ Джиркъ, неловко опускаясь на колѣни возлѣ мистера Бротертофта:—ну, что какъ вы себя чувствуете, сержантъ? Ничего, до свадьбы заживетъ! Васъ пуля немножко поцаловала — ну, вздоръ! Налейте капельку рому на кусочикъ бумажки—ромъ, доложу вамъ, всегда помогаетъ—и приложите къ вашей ранѣ: все какъ рукой сниметъ! Что, небось голова побаливаетъ, а? Ну, разумѣется, вотъ мы васъ вытащимъ на свѣжій воздухъ. Ну-ка, приподнимитесь немножко! Благодарю васъ, миссъ. Ну, еще. Да помилуйте, вы такъ же крѣпки на ногахъ, какъ и я. Теперь, миссъ, поддержите его съ этой стороны, а я пойду съ другой—твердо, какъ лордъ канцлеръ! Какъ вы думаете, сержантъ, можете ли вы спуститься съ окна? Вамъ тамъ отлично! Ну, вотъ мы съ вами и на свѣжемъ воздухѣ. А вонъ стоитъ и конюхъ съ лошадью. Безподобно! Чудесно, маіоръ! Мы всѣ здѣсь и васъ поджидаемъ.

Послѣднія слова относились къ маіору Скерретту, который поспѣшно вышелъ по слѣдамъ своихъ товарищей.

— Слава Богу! Вы не смертельно ранены, сказалъ онъ, схватывая руку своего друга.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Эдвинъ, все еще неоправившійся отъ слабости послѣ своего сильнаго потрясенія,—Богъ не попуститъ такого ужаса. Однако, что вы сдѣлали съ ней?

— Я оставилъ ее подъ арестомъ въ гостиной. Тамъ мы ее привязали, какъ только можно нѣжно. Ея особа ограждена отъ всякихъ страданій.

— Быть можетъ будетъ лучше, если вы мнѣ поручитесь въ этомъ вашимъ честнымъ словомъ.

— Извольте! Однако намъ нельзя мѣшкать. Какой нибудь

бродяга могъ слышать пистолетный выстрѣлъ и, пожалуй, пойдетъ отыскивать наши слѣды. Ну-ка, молодцы, усадите маіора на его лошадку!

— Моя дочь, Скерреттъ, хочетъ протянуть вамъ свою руку за ваше доброе дѣло, сказалъ отецъ.

Посреди туманной ночи она не могла ясно разглядѣть своего паладина, такъ же, какъ и онъ не могъ полюбоваться ею. Время было неудобно для благодарныхъ изліяній и комплиментовъ. Люси не успѣла бы отыскать самый нѣжный женскій взглядъ или сказать самое теплое слово для выраженія своей страстной благодарности. Она подала ему руку, въ которой заключалась покрайней мѣрѣ одна доля ея сердца; онъ пожалъ ей эту ручку, и такъ какъ въ его ладони безъ сомнѣнія также находилась часть его сердца, то при этомъ пожатіи вѣроятно произошелъ торжественный обмѣнъ сердечныхъ частичекъ.

— Поднимай, Сэмъ! крикнулъ Гендрикусъ Канади, хватаясь за одну изъ кривыхъ ногъ маіора Керра.

— Ой, ой, ой! отозвался Гэльсуорти, храбро нападая съ другой стороны на неуклюжій корпусъ плѣнника, въ то время, какъ Айкъ Ванъ-Вартъ держалъ подъ уздцы лошадку; эти британцы пьянѣютъ, кажись, сильнѣе нашего брата, когда подгуляютъ.

— Мы такъ плотно налились спиртомъ 76 года, что ужъ никакой другой напитокъ намъ не по вкусу.

— Послушайте, возьмите кого нибудь другого, пьянымъ голосомъ убѣждалъ Керръ:—я нуженъ сэру Генри Клинтону.

— Ахъ, маіоръ! Очень можетъ быть, что вы и нужны сэру Генри, да то бѣда, что никто и слушать не хочетъ вашей тарабарщины, которой подражать и у насъ уже нѣтъ никакого желанія!

— Мы не должны терять ни одной минуты, сказалъ маіоръ Скерреттъ: надобно ковать желѣзо, пока оно горячо. Я завладѣлъ своимъ плѣнникомъ, а вы, мистеръ Бротертофтъ, освободили вашу дочь. Теперь каждый изъ насъ долженъ хлопотать о своемъ дѣлѣ. Первыя десять миль намъ лучше ѣхать врозь, я съ моимъ пріятелемъ маіоромъ поѣду прямой дорогой, а вы будете пробираться поодаль, проселками, какъ мы уже условились.

Если и случится погоня, то развѣ только за нами, а мы всѣ умѣемъ драться. Я передаю подъ вашу команду всѣхъ неспособныхъ къ бою. Ты, Вольтеръ, со всѣмъ твоимъ семействомъ поѣдешь съ твоимъ господиномъ.

— Да, сэръ, сказалъ Вольтеръ, мы совсѣмъ не желаемъ видѣть этотъ домъ въ другой разъ. Женщины поутру придутъ и разрѣжутъ ей веревки.

— Ну, это дѣло вашего господина. Пока миссъ Люси не будетъ находиться внѣ опасности, вы должны при ней оставаться. А куда дѣвался, Джиркъ Деунттъ?

— Я здѣсь, сэръ, откликнулся Джиркъ позади Воланты.

— Джиркъ обманулъ меня и былъ пьянъ!

— Что правда, то правда, маіоръ, отвѣчалъ кающійся грѣшникъ:—я увидѣлъ нечаянно мою жену и весь свѣтъ показался мнѣ до того гнуснымъ, что я долженъ былъ немножко выпить, чтобъ не пырнуть въ себя ножомъ. Ну, теперь я совсѣмъ поправился. Повѣрьте мнѣ еще хоть разъ въ моей жизни!

— Разумѣется, вѣрю! Поѣзжай съ молодой лэди. Если довезешь ее благополучно, то я забуду то, что ты самъ забылся.

Два отряда простились словами:

— До свиданья! Счастливой дороги!

Маіоръ Керръ хотѣлъ было выговорить: «au revoir, миссъ Люси!» но его пьяныя согласныя не находили своихъ мѣстъ между пьяными гласными, и потому его вѣжливая фраза вышла чѣмъ-то вовсе не-человѣческимъ.

Скерреттъ остановился и слѣдилъ глазами за Волантой между пожелтѣвшими деревьями, пока ни одинъ волосокъ ея хвоста не былъ видѣнъ сквозь прозрачный туманъ холодной, звѣздной октябрской ночи.

— Славная лошадка! Прелестная лэди! раздумывалъ онъ:—я приношу большую жертву, отказывая себѣ въ наслажденіи сопровождать и защищать эту милую дѣвушку. Хорошо, что она будетъ въ безопасности, а мой долгъ велитъ мнѣ находиться при плѣнникѣ. Но не долженъ ли я возвратиться назадъ и сообщить женѣ, что она не убила своего мужа? Нѣтъ, время не терпитъ. При томъ она разразилась бы одной бранью и сказала бы, что она душевно сожалѣетъ о своемъ промахѣ. Нѣтъ, мнѣ проти-

венъ впдъ этой женщины, въ которой нѣтъ ничего женскаго! Мнѣ даже тяжело вспомнить, это эта жестокая баба—мать этого прелестнаго созданія. Нѣтъ, пусть ее сидитъ одна и считаетъ себя убійцею! Быть можетъ она почувствуетъ угрызенія совѣсти въ глухую ночь, быть можетъ раскаянье охватитъ ея душу среди святой тишины разсвѣта!

Въ послѣдній разъ Питеръ взглянулъ на домъ, который, сумрачно, словно привидѣніе, подымаясь среди тумана, погрузился въ гробовое молчаніе. Маіоръ нагналъ своихъ людей, потомъ быстро и спокойно понесся вдоль по дорогѣ. Но все еще его не оставляло смутное опасеніе, что быть можетъ въ эти времена насилія какое нибудь несчастіе обрушится на этотъ опустѣвшій домъ и на его безпомощную жилицу. Уже пробираясь въ дальнихъ, мрачныхъ ущеліяхъ Гайлэндса, онъ посмотрѣлъ по направленію къ югу.

Каждый звукъ среди молчаливой ночи казался ему призывомъ на помощь, вылетавшимъ изъ груди этой прекрасной фуріи, оставленной имъ передъ мерцающимъ огнемъ въ виду портрета, сторожившаго ее своими мертвыми глазами.

А бѣдный Керръ? Сначала онъ издавалъ жалобные звуки, потомъ сталъ угрюмъ, потомъ раздражителенъ и наконецъ впалъ въ уныніе. Маленькая лошаденка, разставляя ноги, очень низко присѣдала къ землѣ и вытрясла всю неуклюжесть маіорскаго туловища. Все добродушіе враговъ не могло улучшить его положенія. Когда отрядъ выѣзжалъ изъ-за горъ Гайлэндса, нѣсколько позже восхода луны, плѣнникъ совершенно упалъ духомъ и ослабѣлъ тѣломъ. Маіоръ Скерреттъ вынндалъ только той минуты, когда на равнинѣ Фишкилля показались наконецъ тыквы, лежавшія уединенно или въ обществѣ и подставлявшія свои щеки холодному поцалую блѣдной, ущербленной луны. Тогда онъ передалъ плѣнника Ванъ-Варту и Гэльсуорти, которые должны были проводить его на ночлегъ въ штабъ-квартиру Путнама, а самъ вмѣстѣ съ Гендрикусомъ повернулъ назадъ, чтобы соединиться съ другими бѣглецами.

Теперь прослѣдимъ ихъ путь изъ бротертофтскаго помѣстья.

XVIII.

Другая партія бѣглецовъ поѣхала въ объѣздъ, направляясь къ востоку, по слабо заселенной мѣстности.

Воланта подвигалась съ большимъ достоинствомъ и поднимала уши, какъ бы желая узнать по слуху извѣстныя ей страшилища и допросить незнакомые пни и камни, ужь не лакомы ли они до лошадинаго мяса.

Бротертофтъ ѣхалъ сбоку дочери. Только изрѣдка, среди этого торопливаго бѣгства, онъ могъ взять ея руку и сказать или услышать какое нибудь задушевное, нѣжное слово. Но для нихъ было достаточно обоюдной увѣренности, что они находятся вмѣстѣ и что ихъ связываетъ вновь родившееся, святѣйшее изъ всѣхъ человѣческихъ влеченій. И когда они сустливо неслись среди туманной ночи, смутное блаженство проникало въ ихъ души. Оба они избѣгали мысли о ненависти, оставшейся позади, — о той воплощенной, безпомощной ненависти, которая одна сторожила домъ бротертофтскаго помѣстья.

Негры ѣхали рысью, развлекая другъ друга комической болтовней. Джиркъ Деунттъ подвигался впередъ, не нарушая молчанія.

— Я никогда не осмѣлюсь посмотрѣть въ глаза маіора Скеретта, раздумывалъ онъ, если не проконвоирую этихъ господъ благополучно. Теперь я настолько отрезвѣлъ, что могу видѣть дорогу, если стану къ ней приглядываться зорко. Я не долженъ смотрѣть ни на что другое, даже не хочу думать о чемъ нибудь иномъ, а не то, чего добраго, эта дорожка начнетъ крутиться во всѣ стороны, разойдется разными тропинками и пожалуй поведетъ на деревья. Старый Вольтеръ говоритъ, что ему не совсѣмъ хорошо извѣстны эти проселочныя дороги. Если я потеряю этотъ слѣдокъ, то не знаю, куда занесетъ насъ нелегкая.

Въ описываемое время мѣстность, лежавшая въ милѣ разстоянія отъ сѣвернаго берега рѣки, была покрыта лѣсами, которые мѣстами перемежались съ полянами. Часто наши бѣглецы должны были пробираться по дорогѣ дравосѣковъ, по тропинкѣ, проложенной стадомъ коровъ, наконецъ по старому, заброшенному слѣду. Огромные стоячіе пни и сваленныя колоды загражъ-

дали дорогу. Нерѣдко нужно было остерегаться, чтобы не заѣхать въ болотистыя мѣста и лѣсистыя трущобы.

Довольно непріятно ѣхать чрезъ лѣсъ ночной порою. Джиркъ зналъ это, какъ нельзя лучше, и потому старался не развлекать своего вниманія разговоромъ или воспоминаніемъ о происшествіяхъ этого вечера. Оба глаза и всѣ свои мысли онъ устремилъ на дорогу, боясь потерять ее изъ виду, если она начнетъ раздѣляться или вести впередъ извилистымъ слѣдомъ. Это сосредоточенное вниманіе укрѣпило его мозгъ. Мало-по-малу онъ отрезвѣлъ окончательно. Благовонные пары мадеры, которою онъ угостилъ себя въ бротертофтскомъ погребѣ, улетучились. Болѣе грубые газы отцовскаго рома протиснулись между швами его черепа.

Чрезъ часъ, который представлялся кому однимъ мгновеніемъ, кому цѣлымъ тысячелѣтіемъ, наши путешественники добрались до подножія Кедровой-Горы, лежавшей миляхъ въ трехъ пути отъ дома помѣстья.

Съ этой горы открывается восхитительная панорама. «Чего нельзя видѣть отсюда, то не стоитъ и вниманія», говорятъ мѣстные жители. Гора поднимается на триста футовъ надъ уровнемъ рѣки, и, подобно двулицому Янусу, съ сѣверной стороны глядитъ на волнистую горную мѣстность, а съ южной обозрѣваетъ возвышенныя плоскости и низменныя равнины.

Задолго до того, какъ Гендрикусъ Гудсонъ окрестилъ Сѣверную Рѣку своимъ именемъ, Кедровая-Гора была священной высотой,—Сіономъ краснокожихъ. Огонь выжегъ лѣса на ея вершинѣ и обнажилъ два бугристыя возвышенія, представлявшія видъ двухъ стереоскопныхъ предметовъ, раздѣленныхъ маленькимъ углубленіемъ, въ которомъ росъ единственный кедръ, старый, какъ холмы самой почтенной древности. Вокругъ этого дерева цѣлыя поколѣнія грязныхъ, дикихъ индѣйцевъ производили свои религіозныя бѣснованія и танцовали свои уродливые минуеты. Многіе плѣнники претерпѣли у этого кедра мученичество св. Себастьяна и оросили его корни своей мѣднокрасной кровью. Лакомые объѣдки изжаренныхъ прокезцевъ утучнили почву. Питаемое этой отвратительной пищей и обуреваемое каждый годъ холоднымъ зимнимъ вѣтромъ, дерево затянулось

слоемъ жесткаго, краснаго мяса, распухло, перестало расти, выглядывало злымъ людоѣдомъ и сдѣлалось такимъ же шершавымъ и шишковатымъ, какъ и то старое тисовое дерево, которое, по преданію, служило тростью Іосифу Аримаѳейскому, и было посажено имъ въ Фаунтенсъ-Эббп (Fountains Abby) въ то время, какъ онъ предпринималъ туда путешествіе, чтобы обратить косматыхъ бриттовъ изъ Angli въ Angeli (изъ англовъ въ ангеловъ).

Когда путники уже проѣхали это пространство безъ всякихъ непріятныхъ приключеній, Джиркъ Деунттъ пріободрился. Теперь онъ могъ нѣсколько ослабить свое ревностное вниманіе къ обязанностямъ конвойнаго и опять отдаться на произволъ своихъ смутныхъ мыслей.

Онъ остановился на склонѣ горы въ томъ мѣстѣ, гдѣ оканчивался лѣсъ и откуда на горизонтѣ показались обнаженные бугры съ приземистымъ кедромъ. Здѣсь онъ сталъ поджидать къ себѣ Вольтера.

Это была уже третья ночь, проведенная старымъ, честнымъ негромъ въ дорогѣ. Настоящій походъ становился для него довольно чувствительнымъ. Остановившись по знаку Джирка, онъ дышалъ громко и протяжно. Другіе продолжали подниматься по скату горы, и бѣлая кобылка казалась свѣтлымъ пятнышкомъ, сверкавшимъ въ воздухѣ.

— Вольтеръ, шепнулъ Джиркъ, вѣдь я нигдѣ не видѣлъ госпожи, когда мы вышли изъ дома. Не знаешь ли, что съ ней сталось?

— Да гдѣ же вы были, что ее не видали? спросилъ Вольтеръ, тяжело вздыхая и выпуская воздухъ послѣ каждаго слова.

— Ну да это мое дѣло! Отвѣчай же, куда она дѣлась?

— Вы знаете (уфъ!), что она выстрѣлила (фу!) въ господина (разрывъ легкихъ и вздохъ) изъ пистолета, и всѣ думали (сопѣнье), что она убила его наповалъ. При этомъ Вольтеръ зачерпнулъ въ себя цѣлую бочку ночного воздуха и сталъ выпускать его наружу медленно, крошечными порціями, въ видѣ цѣпи газообразныхъ кружковъ, такихъ же бѣлыхъ, какъ если бы они выходили изъ легкихъ человѣка чистѣйшей кавказской породы.

Слова негра открыли Джирку только половину тайны. Его любопытство повидимому сдѣлалось еще тревожнѣе.

— Да, да, я знаю, заговорилъ онъ съ безпокойствомъ, между тѣмъ, какъ онъ узналъ это только въ настоящую минуту:— ну, а какъ съ ней поступили послѣ? Вѣдь меня тамъ не было: я распоряжался внѣ дома.

— Какъ, вы не были въ домѣ? удивился Вольтеръ, мало-помалу пріобрѣтая способность говорить безъ одышки:—а я знаю, что васъ спрашивали въ комнатахъ?

— Человѣкъ не можетъ быть занятъ въ двухъ мѣстахъ. Зачѣмъ же они меня спрашивали?

— Васъ звали эти молодцы—сынъ лекаря и Сэмъ Гэльсуорти. Такихъ проворныхъ ребятъ мнѣ право не доводилось еще видѣть! Здоровые, крѣпкіе и ловкіе люди! Однако имъ пришлось таки повозиться съ госпожею, которая все звала и царапалась своимъ руками—вотъ такъ! Вотъ они и хотѣли подмоги, ну а впрочемъ, подъ конецъ они ее ловко привязали.

— Такъ ее привязали? Какъ?

— Да что это вы меня такъ торопите? Дайте перевести духъ-то.

— Ну, ну, хорошо, только, пожалуйста, кончай поскорѣй: что они съ ней сдѣлали? Тамъ оставили ее, а?

— Гмъ! Тамъ! Да гдѣ же было ее оставить-то? сказалъ Вольтеръ, возвращаясь къ своему чистѣйшему patois. Ее привязали къ большому креслу, которое стоитъ въ гостиной. И она тамъ останется на всю эту чудесную ночь, ни дать, ни взять точно индюкъ, котораго связали, чтобъ зажарить.

Послѣ этихъ словъ онъ засмѣялся тихо и радостно, какъ будто приводя себѣ на память жестокое обращеніе съ нимъ госпожи въ минувшее время.

Джиркъ не отвѣчалъ. Ему повидимому также нужно было перевести духъ, какъ и негру. Онъ слегка вздохнулъ и быстро побѣжалъ вверхъ по отлогости.

За нимъ тихонько поплелся Вольтеръ въ сильномъ недоумѣніи.

Въ то время, какъ они бесѣдовали вмѣстѣ, другіе путешественники взобрались на вершину подъема и остановились для роздыха возлѣ стараго кедра, загораживавшаго дорогу.

Туда же, весь запыхавшись, добрался наконецъ и Джиркъ Деуиттъ.

Онъ обернулся кругомъ и торопливымъ глазомъ окинулъ неясный просторъ дремавшей внизу мѣстности.

Туманныя полосы застилали маленькія равнины. Далѣе виднѣлась широкая, прозрачная гладь рѣки, казавшаяся какимъ-то пустымъ пространствомъ. Еще далѣе, на западѣ, толпились черныя горы. Тамъ и сямъ въ смутной дали крошечный огонекъ обозначалъ домъ фермера. Фонари британскихъ фрегатовъ мерцали, какъ отраженіе звѣздъ въ рѣчной влагѣ...

Быть можетъ это была игра воображенія, но Люси показалось, будто она слышитъ отдаленный звонъ колокола, возвѣщавшаго четырьмя ударами десять часовъ на палубѣ Тартара, и будто этотъ звонъ повторили и другіе товарищи фрегата.

Джиркъ продолжалъ пристально всматриваться въ темноту ночи.

Его видимое безпокойство сообщилось и другимъ путешественникамъ.

— Что съ вами? спросилъ Бротертофтъ: не боитесь ли вы погони?

— Нѣтъ! прошепталъ Джиркъ.

Этотъ односложный звукъ заставилъ содрогнуться всѣ сердца.

Въ этомъ одномъ словѣ чувствовался скрытый вопль,—тайна какого-то ужаснаго, ожидавшаго ихъ несчастія.

— Надо посмотрѣть дальше, сказалъ Джиркъ тѣмъ же потрясающимъ голосомъ.

Онъ вскочилъ на бугристое возвышеніе съ правой стороны.

Эдвинъ Бротертофтъ послѣдовалъ за нимъ, повинуясь впечатлѣнію этого непонятнаго ужаса.

Уже онъ былъ въ разстояніи десяти футовъ отъ вершины, и передъ нимъ разстилался болѣе широкій кругозоръ,—но вдругъ Джиркъ спрыгнулъ внизъ и судорожно схватилъ его за плечи. Джиркъ перевелъ духъ; потомъ, приставляя свое лицо къ самому лицу Бротертофта, онъ сказалъ шипящимъ голосомъ:

— Боже милосердый! Вѣдь я зажегъ домъ!.. Мы оставили эту женщину связанною: она сгоритъ!..

XIX.

Эдвинъ Бротертофтъ оттолкнулъ отъ себя судорожно схватившія его руки и испуганными глазами взглянулъ по направленію къ югу.

На мрачной линіи горизонта былъ видѣнъ матовый блескъ, похожій на свѣтъ луны при ея восходѣ.

Въ ту самую минуту, когда Эдвинъ вперилъ глаза въ ту сторону, блескъ сдѣлался ярче. Черная масса дома обрисовалась при свѣтѣ этого зарева. По всему было видно, что домъ горѣлъ съ задней стороны и снизу. Пушечный выстрѣлъ съ фрегата, давая знать о тревогѣ, сердито нарушилъ молчаніе ночи.

Въ то время, какъ бѣглецы были поражены паническимъ ужасомъ, Эдвинъ спрыгнулъ съ бугра, торопливо свелъ свою дочь на землю и самъ вскочилъ на ея лошадь съ быстротою мысли.

— Я долженъ спасти ее—твою мать, мою жену! вскричалъ онъ.

И онъ ускакалъ.

Не болѣе секунды они могли видѣть свѣтлое пятно лошади, бросившейся стремглавъ внизъ по отлогости. Потомъ она скрылась въ туманѣ, и еще черезъ одну секунду они слышали только звяканье копытъ Воланты

Они стояли въ нѣмомъ оцѣпенѣніи.

Съ каждымъ мгновеніемъ огонь повидимому занимался сильнѣе.

Весь свѣтъ скрылся изъ глазъ нашихъ испуганныхъ наблюдателей, исключая одно красное пятно на далекомъ югѣ, казавшееся луной, восходившей не на своемъ мѣстѣ.

Но пожаръ еще не совсѣмъ завладѣлъ домомъ. Почемъ знать?

Всей-то и дороги туда только три длинныхъ мили! Онъ еще успѣетъ спасти ее. При томъ и другіе могутъ придти на помощь.

Еще разъ поглядѣла Люси на это туманное пространство, съ которымъ боролся ея отецъ; потомъ быстро, но спокойно, она схватила за руку бѣднаго Джирка Деуитта.

— Послушайте, сказала она, покажите мнѣ кратчайшую дорогу къ дому. Я не хочу отставать отъ моего отца.

XX.

Бротертофтъ несся внизъ по горѣ быстрымъ галопомъ. У него не было ни хлыста, ни шпоръ, но кобылка сама прониклась его тревогой и летѣла впередъ съ безумной быстротою. Они не нуждались въ удобныхъ объѣздахъ! Они мчались прямой дорогой къ дому.

Три мили отъ Кедровой Горы — нужно было проѣхать три мили!

И еще по какой мѣстности — все одни холмы да рытвины! Даже среди бѣлаго дня ни одинъ человѣкъ съ полнымъ разсудкомъ не рѣшится тамъ галопировать. А о ночной ѣздѣ по такой дорогѣ могла бредить только больная фантазія сумасшедшаго.

И въ то время, какъ они неслись галопомъ, мысли всадника также галопировали. Часто они выражали какое нибудь громкое ободреніе лошади, никогда не высказывавшись ни однимъ словомъ, но впродолженіи всего пути бушевали въ такомъ дикомъ безпорядкѣ:

«Впередъ Воланта! Прямо на югъ къ тому свѣтлому зареву! Пожаръ развивается быстро. Надо ѣхать скорѣе. Вѣдь только три мили,—а тамъ она, связанная, сидитъ и видитъ приближающееся пламя,—она, которую я когда-то любилъ,—одинъ Богъ знаетъ,—съ какою силою чувства! Въ галопъ, въ галопъ, Воланта!

«Вотъ умница! Теперь мы внизу горы. Ну же, пронесись лихо по этой маленькой, гладкой полянѣ! Хорошо. Видишь ли эту черную линію? Это каменная ограда. Измѣрь ее глазами, Воланта! Не будетъ и четырехъ футовъ высоты! Вотъ теперь первый нашъ барьеръ! Ну-ка, изготовься, ну, смѣлымъ Богъ владѣетъ! Ура! Мы перепрыгнули и однимъ футомъ тутъ остается меньше! Славная лошадка! А вѣдь я служилъ только усерднымъ пѣхотинцемъ! Однако, я все еще могу ѣздить молодецки

верхомъ, въ сѣдлѣ и безъ сѣдла! Бротертофтъ не можетъ забыть кавалерійскаго наѣзднчества.

«Мы выиграемъ наше дѣло.

«Что съ тобой Воланта? Нечего бояться этой бѣлой полоски въ долинѣ! Вѣдь то ничтожный ручеекъ. Нужно перескочить чрезъ какіе нибудь двѣнадцать футовъ. Экая бѣда, что немножко темно и что нужно немножко прыгнуть. Вспомни, что вѣдь жена моя сгоритъ, если мы станемъ мѣшкать! Ну, соберись съ духомъ! Ура! Перенесъ Богъ! Немножко брызнула въ насъ вода, но за то мы перескочили и мчимся дальше!

«Вотъ другая безлѣсная поляна. Стыдись, Воланта! Развѣ ты землю пашешь, что засѣла въ этой рытвинкѣ? Видишь ли это ужасное зарево на горизонтѣ? Вотъ оно опять скрылось за лѣсомъ. Подлый лѣсъ! Зачѣмъ его не выжгли до корней лѣтъ сто тому назадъ? Все надъ нами издѣвается! Нѣтъ, Воланта, не гляди въ сторону, на этотъ стогъ сѣна! Скачи, перепрыгивай и несись дальше! Да, здѣсь крутой скатъ, но мы помчимся внизъ маршъ-маршемъ. Не спотыкайся! Что это такое: другой заборъ и повыше? И ты ужь испугалась! Не смѣй бояться! Она не должна сгорѣть. Ну, помоги, Господи. Теперь куда—внизъ? Нѣтъ, наверхъ и дальше! Ура!

«Какъ мы успѣли проѣхать уже эти двѣ мили! А вотъ дорога. Намъ ѣхать будетъ легче, если ты припрыгнешь только чрезъ этотъ деревянный заборъ. Его верхніе колья сгнили, я въ этомъ увѣренъ. Славный барьеръ, добрая моя кобылка! Напряги всѣ свои усилія! Ну, покажи себя! Видишь ли, я зналъ, что мы перескочимъ благополучно! Стыдись, Воланта, ты хромаешь, ты совсѣмъ раскисла? Вѣдь по такой дорогѣ и барышня можетъ прогуливаться на лошадкѣ въ лѣтній вечеръ! Ободрись, Воланта! Похвастайся своимъ быстрымъ бѣгомъ! Покажи свою линкольнширскую кровь! Вѣдь въ этой скачкѣ выигравшій получаетъ въ призъ жизнь, слышишь ли ты—*жизнь*. Эй, проснитесь, фермеры! Спѣшите на помощь! Пожаръ въ бротертофтскомъ имѣніи. *Пожаръ!*

«Быстрѣй, быстрѣй! Ужь не опоздали ли мы? Нѣтъ, никогда! Я вижу, что по небу разливается зарево; однако ночь спокойна, какъ могила. Огонь будетъ развиваться медленно. Мы погля-

димъ на поворотѣ дороги. Быстрѣй же! Она не должна погибнуть, сидя связанною, среди бушующаго пламени на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ я глядѣлъ на нее, когда она сидѣла у привѣтливаго камина въ минувшіе годы! А вѣдь любилъ-то я ее какъ сильно! Какъ вѣрилъ въ нее! Мы были молоды. Жизнь была такъ упоительно хороша! Господь глядѣлъ на насъ милосердыми очами! Зачѣмъ она такъ жестоко оскорбила меня, зачѣмъ надорвала свою душу еще съ большей жестокостью! Но я простилъ ее. О, если бы я имѣлъ силы ее спасти, чтобы только встрѣтить ее привѣтствіемъ мира и прощенія! Она не должна погибнуть въ пламени! Еще нѣсколько шаговъ — и мы увидимъ самый домъ! Можетъ быть это огромное зарево охватило конюшню. Нѣтъ,—все горитъ! Огонь,—куда не взглянешь! Поздно! поздно!.. Нѣтъ, никогда! Я самъ сгорю, но спасу несчастную!»

Какъ молнія пронесся онъ вдоль луга.

XXI.

Мистриссъ Бротертофтъ сидѣла въ гостиной опустѣвшаго дома,—одна, связанная, безпомощная.

Послѣ упорной борьбы съ врагами, силы ея наконецъ истощились. Умственное раздраженіе измучило ея голову.

Когда маіоръ Скерреттъ притворилъ дверь, оставивъ госпожу дома одну въ гостиной, непродолжительный сонъ, подобный обмороку, пришелъ ее утѣшить.

Но должно быть онъ длился не болѣе минуты, потому что, когда она проснулась, послѣдніе шаги уходившихъ бѣглецовъ еще отдавались по песчаной дорогѣ.

Она прислушивалась внимательно. Звукъ шаговъ замеръ. Въ домѣ не было слышно ни одной человѣческой души. Все молчало вокругъ нея, и только огонь въ каминѣ, какъ заключенная стихія, шипѣлъ и трещалъ, протестуя противъ насилія.

Этотъ минутный сонъ, казалось, провелъ рѣзкую черту между двумя періодами въ жизни мистриссъ Бротертофтъ.

Послѣ этого кратковременнаго, но успокоительнаго отдыха, она могла взглянуть на свою прошлую жизнь отдѣльно отъ на-

стоящаго. Грубая физическая сила наконецъ вмѣшалась въ произволъ ея существованія и оставила послѣ себя глубокій слѣдъ, подобный разсѣлинѣ, произшедшей на равнинѣ послѣ внезапнаго землетрясенія.

Сидя передъ удобнымъ каминомъ съ плотно, хотя и не больно, связанными членами, она имѣла досугъ поразмыслить о своемъ поведеніи и оцѣнить его безпристрастно. Теперь она могла задать себѣ вопросъ, почему наспіе стало поперегъ ея дороги и какіе законы она нарушила, чтобы заслужить этотъ арестъ, это унизительное наказаніе, которымъ общество караетъ своихъ преступниковъ.

Въ ея жизни настала пауза, какая дается всѣмъ заблудшимъ и преступнымъ душамъ нѣсколько разъ при ихъ земномъ существованіи и всѣмъ душамъ передъ смертью,—пауза, въ которую человѣкъ можетъ спокойно заглянуть въ минувшее зло и, если онъ этого хочетъ, сдѣлать его источникомъ спасительнаго раскаянья для своего земного или загробнаго будущаго.

Быстрою мыслію она обняла всѣ свои дѣйствія и безъ труда поняла заговоръ, имѣвшій цѣлію захватъ въ плѣнъ Керра и освобожденіе Люси. Ей было досадно, что она была осмѣяна этой «глупой дѣвчонкой», какъ она называла свою дочь. Однако въ настоящую минуту она старалась объ этомъ не думать: болѣе серьозныя мысли занимали ея голову.

Она раздумывала о своемъ мужѣ, лежавшемъ въ столовой и убитомъ, какъ она все еще предполагала, ея собственной рукою.

Потомъ въ ея душѣ загорѣлась яростная, страшная битва.

— Вы свободны! шептали ей прежнія подруги—фуріи:—вы освободились отъ этого домового—вашего мужа. Это торжество достаточно вознаграждаетъ васъ за нѣсколько непріятныхъ часовъ унизительнаго, связаннаго положенія.

Но потомъ, тихій внутренній голосъ, казалось, мучилъ ея упрекомъ:

— Торжество! Можно ли назвать торжествомъ ту дерзость, съ какою ты попрала чистоту женскаго сердца и умертвила человѣка, который платилъ тебѣ любовью и участіемъ за всѣ твои оскорбленія?

— Гордитесь своимъ дѣломъ, прелестная лэди! шептали фу-

ріи:—вы могущественная, богатая, независимая и геніальная женщина; передъ вами открывается блестящая каррьера.

— Преклони голову предъ Богомъ и своей собственной душой, жалкая преступница! взывалъ внутренній голосъ:—кайся, или тѣнь убитаго человѣка будетъ вѣчно тебя преслѣдовать!

— Вы должны были отомстить ему за всѣ ваши обманутыя ожиданія! внушали ей злые духи:—Если бы онъ не былъ слабодушнымъ сонливцемъ, полнымъ безтолковой нерѣшимости и подложнаго честолюбія, то всѣ желанія вашего сердца были бы удовлетворены. Онъ обманулъ васъ самымъ безчестнымъ образомъ.

Онъ обѣщалъ сдѣлать все—и ровно ничего не сдѣлалъ.

Онъ былъ гордостью провинціи—а погрязъ въ ничтожествѣ.

Презрѣнный нуль? Уже изъ одного сожалѣнія вы должны были прекратить эту жалкую, никому не нужную жизнь!

— Видѣла ли ты его кроткое лицо, когда онъ повалился? допрашивалъ добрый голосъ. Какъ онъ устарѣлъ, какъ посѣдѣлъ, бѣдный! Помнишь ли ты его? Еще такъ недавно онъ былъ полонъ надеждъ,—святыхъ упованій своего сердца! Ты по временамъ его любила: развѣ ты не чувствуешь, что то были благороднѣйшія минуты въ твоей жизни? Развѣ ты не сознаешься, что другія твои минуты были отданы ложному честолюбію и празднымъ фантазіямъ! Развѣ настоящія несчастныя происшествія и твои униженія не были порождены твоей первой шуткой съ порокомъ и послѣдующимъ къ нему пристрастіемъ! Твоя жестокость, безчестная женщина,—если только ты женщина, а не злой духъ—тебѣ же приготовила позоръ и пораженіе! Пользуйся настоящей минутой спокойнаго размышленія? Видишь ли, какъ нарушенный законъ мститъ за себя жестоко?

— Да, мадамъ, прервали другія голоса, вы не можете обойдтись безъ того, что ваша слабость назвастъ позоромъ. Вы никогда не будете въ силахъ влачить постыдное существованіе. Пошлые дураки никогда не примутъ васъ въ свое общество. Презирайте ихъ. Не мучьте себя неосновательными сожалѣніями. Будьте по прежнему отважной, независимой героиней!

Фуріи переспорили. Преступныя мысли болѣе и болѣе заглушали въ ней голосъ женской чести. Иногда она сидѣла спокойно. По-временамъ она приходила въ ярость и напрасно старалась

разорвать свои веревки. Было бы страшно видѣть посреди полусумрачной гостиной это лицо, на которомъ проглядывали слѣды ея внутренняго безумнаго боренья.

Вяродолженіи всего этого времени, дрова въ каминѣ горѣли медленно; теперь имъ пора уже было вспыхнуть сильнѣе и они вдругъ занялись широкимъ пламенемъ.

Мистриссъ Бротертофтъ взглянула вверхъ и увидѣла себя въ зеркалѣ надъ каминомъ. Но едва ли она имѣла время проникнуться сладкимъ чувствомъ самообожанія. Пламя, осѣтившіи ея лицо, озарило также отраженіе портрета, висѣвшаго у ней за спиною. Она увидѣла, головы полковника и его бѣлаго коня, выглядывавшія изъ-за оторванной завѣсы. Со времени ея вчерашней исторіи съ картиной, она не смотрѣла въ ту сторону. Ей былъ противенъ видъ предмета, напоминавшаго о ея измѣнѣ. Но теперь картина заставила ее посмотрѣть на себя невольно. Эта женщина была связана, а тамъ надъ ея головою образовалась въ зеркалѣ страшная тѣнь,—но чья? Былъ ли то ужасный призракъ души ея мужа? Не вошла ли это душа сама въ рамы картины? Не явилась ли она сюда, оставивъ мертвую массу, бывшую тѣломъ и лежавшую въ нѣсколькихъ шагахъ за двумя смежными дверьми? Не самъ ли почившій мужъ сторожитъ жену въ этой комнатѣ? Но отчего лицо его не оживлено этой радостной улыбкой? Вѣдь онъ такъ рѣдко улыбался въ своей печальной жизни и никогда не смѣялся такъ злобно, какъ это лицо на картинѣ. Даже это животное—бѣлый конь, казалось, радовался вмѣстѣ съ своимъ господиномъ ея неволѣ: ноздри его раздувались, и онъ какъ будто жадно вбиралъ въ себя воздухъ, чтобы привѣтствовать побѣду веселымъ ржаніемъ.

Одну минуту она глядѣла на это неясное отраженіе съ сильнымъ волненіемъ. Но видъ отраженной картины доставлялъ ей какое-то особенное, смутное утѣшеніе. Это тѣнь умерщвленнаго мужа могла внушать ужасъ, но она явилась посредницей между ея спорившими голосами, раздѣлившими душу преступницы на два воюющихъ лагеря. Этотъ призракъ предсталъ, какъ грозный обличитель, чтобы оказать помощь честнымъ силамъ ея души, почти разбитымъ на-голову, и внушить имъ мужество въ борьбѣ съ безстыднымъ, торжествующимъ безумiемъ порока, кото-

рое угрожало одержать рѣшительную побѣду и все ея существо потопить въ своей безднѣ.

Съ этой ли цѣлію явился призракъ? Не хотѣлъ ли онъ сказать: «жена! Прежнія узы не могутъ быть разорваны: Я пришелъ убѣдить тебя, чтобы ты не заглушала въ своемъ сердцѣ голоса честной женщины, не отталкивала отъ себя спасительной части раскаянья и не оставалась бы неизлечимой, закоснѣлой грѣшницей»? Не эти ли слова участія принесъ ей призракъ?

И въ то время, какъ она въ своей испуганной головѣ задавала себѣ эти вопросы, все еще глядя на два отраженія въ зеркалѣ—на свое лицо и фигуру портрета,—вдругъ пламя въ каминѣ потухло. Вѣтеръ, проникая сверху, вогналъ въ комнаты бѣлые клубы дыма.

Мистриссъ Бротертофтъ начала напрягать зрѣніе въ темнотѣ. Ея собственное отраженіе еще было видно въ зеркалѣ, когда она повернула голову, другое—изчезло. Но въ эту самую минуту въ комнатахъ послышался какой-то странный шорохъ.

Пока ея товарищъ—странный призракъ былъ видѣнъ, она сдерживала свой ужасъ. Но теперь, когда она могла только знать о его присутствіи, но не видѣла его въ темнотѣ,—сильный страхъ овладѣлъ ею. Она начала корчиться въ своихъ веревкахъ, чтобы повернуть лицо къ стѣнѣ и взглянуть на портретъ, висѣвшій сзади. Но при всѣхъ своихъ усиліяхъ, она могла увидѣть только небольшой уголъ завѣсы.

Ужь не пошевельнулась-ли картина? Неужели какая-то неземная сила, оставивъ эти мрачныя рамы, захотѣла вдругъ пугать ее шорохомъ?

Одну минуту она прислушивалась и потомъ громко закричала.

Звукъ собственнаго голоса нѣсколько ободрилъ ее. Она грубо захохотала и потомъ произнесла дикій монологъ, въ которомъ уже не слышался кроткій голосъ лучшихъ внушеній ея сердца.

— Какъ я глупа, тревожа себя кускомъ полотна, расписаннаго красками! Но я сожгу эту картину,—да, сожгу завтра же утромъ. Этотъ человѣкъ умеръ, и всякій предметъ, напоминающій о немъ или о его имени, также долженъ стереться съ лица земли. Я хорошо могу себѣ представить, какъ онъ лежитъ тамъ;—этотъ мертвецъ, лицомъ кверху! Какъ! Неужели мертвые двигаются! Да онъ, кажется, пошевельнулся. Какъ вы смѣете ука-

зывать на меня пальцемъ! Я имѣла право стрѣлять въ разбойниковъ. Опустите, сэръ, вашъ палецъ! Не хотите? Ну, какъ вамъ угодно, только вы меня не испугаете. Я васъ сожгу, сожгу,—слышите ли вы?

— Однако, какъ сильно пахнетъ дымомъ. Ну, да вѣдь это изъ камина, откуда же больше! Боюсь, какъ бы мнѣ не прозябнуть подъ утро, но теперь у меня какой-то лихорадочный жаръ. Въ воздухѣ я чувствую особенную теплоту и сухость. Вѣроятно это связанное положеніе сильно меня разстроило. Однако, чѣмъ объяснить этотъ неумолкаемый шорохъ? Иногда мнѣ кажется, что онъ выходитъ изъ погреба, а иногда слышится вотъ здѣсь вблизи. Эй, кто тамъ въ комнатѣ! Отзовись же! Деуиттъ, Сара,—это вы пришли изъ дома? Нѣтъ отвѣта. А шорохъ раздается все слышнѣе. Вѣрно гдѣ нибудь въ другомъ каминѣ также задымило. Я насилу дышу. Попробую-ка я немножко соснуть, а не то я право еще до утра могу помѣшаться, оставаясь съ мертвецомъ въ этомъ домѣ, опустите вашъ палецъ, сэръ! Не указывайте на меня, какъ школьникъ! Удивительно! Онъ, кажется, ко мнѣ подходитъ! Ужь не его-ли шаги раздаются въ корридорѣ? Ну, такъ ему стоитъ только сдѣлать два шага къ двери, пять—чрезъ корридоръ и шага два здѣсь: тогда онъ можетъ опереться на кресло и нашептывать мнѣ, что ему заблагоразсудится.

Нѣсколько времени она прислушивалась къ страннымъ звукамъ, раздававшимся внизу и потомъ продолжала:

— Если ты, Эдвинъ Бротертофтъ, захочешь придти сюда и говорить со мной, то я, не шутя, могу помѣшаться. Мнѣ противно слышать твою сладенькую размазню. Лежи смирно на своемъ мѣстѣ до утра, а потомъ, если ты пожелаешь, я предамъ тебя погребенію. Сжечь тебя было бы, пожалуй, немного жестоко. Утро не за горами. Теперь должно быть около десяти часовъ. Но если этотъ дымъ не перестанетъ все болѣе наполнять комнату, то мнѣ придется задохнуться. А этотъ страшный шумъ становится громче и громче! Что бы могъ значить этотъ трескъ? Не идетъ ли мертвецъ? Спасите! спасите! Удержите его! Мистеръ Бротертофтъ, Эдвинъ, если ты меня любишь, прошу тебя, перестань шумѣть за этой дверью! Вѣдь ты всегда былъ такъ снисходителенъ къ моимъ маленькимъ капризамъ.

— Не входи сюда, будь такъ добръ! Я боюсь, Эдвинъ, боюсь. Я горю невыносимымъ лихорадочнымъ жаромъ отъ этихъ веревокъ, которыми меня связали проклятые розбойники! Меня душитъ дымъ. Эй, кто тамъ! Дайте мнѣ немного воды! Только не заглядывайте въ ту комнату, что находится за коррндоромъ, когда будете идти. Тамъ лежитъ сѣдой мертвецъ. Онъ скажетъ, что я его убила; не обращайте на это вниманія: онъ всегда былъ слабоумнымъ человѣкомъ. Онъ начнетъ разсказывать, что я оскорбила, унизила, обезчестила его, и сдѣлала ему жизнь позорнымъ бременемъ. Не слушайте, какъ онъ станетъ клеветать на женщину! Но принесите мнѣ каплю, одну только каплю воды, чтобы освѣжить мнѣ горло: я вся чувствую нестерпимую горячку!

Если этотъ страшный шумъ внизу и вездѣ вокругъ меня не уймется, то я рѣшительно помѣшаюсь. Что это значитъ?

Я слышу такой страшный шумъ, какъ будто сюда пришло цѣлое войско. Право мнѣ въ эту минуту не хочется принимать вашихъ пріятелей, мистеръ Бротертофтъ, если я слышу ихъ шаги и голоса. Отъ этого дыма мои глаза краснѣютъ, а вѣдь вамъ самимъ извѣстно, какъ вы гордились всегда моей красотой. Что это? Неужели всѣ эти призраки зажгли въ корридорѣ свои факелы? Или быть можетъ, это луна такъ ярко свѣтитъ въ комнатѣ. Нѣтъ. Боже великій! *Пожаръ!* Я сгорю... О, Люси, Люси! Эдвинъ!

Помогите!

XXII.

Быстрымъ галопомъ домчался Эдвинъ до самаго зарева. Что же, выигралъ ли онъ призъ въ этой скачкѣ—жизнь?

Кобылка безумно рвалась впередъ, какъ бы желая протиснуться въ самый центръ этого шумнаго пиршества.

Огонь повсюду! Толпа жадныхъ, прикливыхъ, свирѣпыхъ огненныхъ языковъ суетилась въ погребѣ и нижнемъ этажѣ. Каждое окно, мирно пропускавшее до сихъ поръ солнечные лучи, было объято пламенемъ со внутренней стороны, или выбрасывало наружу огромныя сердитыя полосы огня, ярко пылавшія посреди мрака ночи. Огонь окутывалъ подножіе башенки. Проворное пламя карабкалось по ея стѣнамъ и, соединяясь съ маленькими,

рѣзвыми огоньками, зажегшими воющіяся растенія надъ окномъ въ комнаткѣ Люси, заглядывало въ оконныя стекла, высматривая для себя лакомую поживу.

Мужъ обогнулъ уголъ дома и въ галопъ помчался къ тому окну, гдѣ за часъ предъ тѣмъ видѣлъ гордое, дышавшее ненавистью лицо женщины, которую онъ любилъ съ такимъ отчаяньемъ въ сердцѣ.

Бѣлая лошадка и ея всадникъ заглянули въ окно.

Когда внезапно вырвавшаяся струя воздуха унесла съ собою клубы дыма, лошадь и всадникъ однимъ быстрымъ, но широкимъ, взглядомъ ужаса окинули всю комнату.

Въ это самое мгновеніе, на противоположной стѣнѣ, двѣ головы картины уже становились жертвою бушевавшаго вокругъ ихъ пламени. Маленькіе отпрыски огня пробивались сквозь полъ, тонкія, огненныя змѣйки извивались по дверямъ, замыкая тѣснѣе кружокъ возлѣ фигуры, находившейся въ ихъ центрѣ. Тамъ сидѣла она посреди иллюминаціи, какъ будто нарочно зажженной въ честь ея красоты.

Воздухъ, проникая въ комнату, приподнялъ дымъ, какъ будто завѣсу, здѣсь сидѣла эта красавица съ ея черными волосами, возвышавшимися надъ блѣднымъ лицемъ, съ ея бѣлыми руками, привязанными къ креслу, съ ея брилльянтомъ, сверкавшимъ на бѣлоснѣжной груди ярко-краснымъ отливомъ.

Дымъ почти задушилъ ее. Но внезапная струя воздуха нѣсколько ее оживила, когда разсыпалась сгорѣвшая дверь. Она повернула голову къ окну — не шепнулъ ли ей внутренній голосъ, что сердце, ею раненное, находится близко? Когда мужъ ея бросился впередъ, она подняла свою слабую голову; ему казалось, что посреди всего этого рева пламени, онъ слышалъ ея стоны: «помоги, Эдвинъ, помоги!»

Отпрыски пламени, пробиваясь сквозь полъ, выростали въ большія деревья, огненныя полоски, подобно вьющимся усикамъ какого-то волшебнаго винограда, быстро разбѣгались по-всѣмъ направленіямъ, дымъ опять сгустился, заслалъ всю комнату и сидѣвшую въ ней фигуру.

По огненному ковру, въ комнату, объятую пламенемъ, гдѣ висѣли и развивались знамена краснѣе самой яркой осени, сквозь

густой, ослѣпляющій, тяжелый, свирѣпый дымъ — Эдвинъ Бротертофтъ бросился спасать свою жену.

И за всю эту сильную любовь да поддержитъ его помощь неба!

Въ это же время съ британскихъ фрегатовъ матросы спѣшили въ шлюпкахъ на пожарище. Они думали, что имъ такъ же будетъ легко управиться съ огнемъ, какъ свернуть гротъ-марсовый парусъ при сильномъ вѣтрѣ. Фермеры—сосѣди того же помѣстья, съ своей стороны, поспѣшали съ добродушнымъ намѣреніемъ выбрасывать за окна зеркала и хозяйственную посуду.

Матросы Тартара восхищались великолѣпной картиной бушующаго пламени. Дѣйствительно, это была дикая, энергическая живопись. Изъ каждаго окна огненные пальцы указывали людямъ, чѣмъ они могли полюбоваться. На башенкѣ Люси развернулось теперь яркое знамя пожара, подобно тому какъ красный флагъ развивается надъ замкомъ, въ которомъ владѣлецъ задаетъ праздникъ. Матросы дошли до окраины луга. Онѣ были приведены въ восторгъ великолѣпіемъ картины, и съ крикомъ «ура!» бросились къ дому. Но вдругъ передніе изъ нихъ остановились и попятились назадъ. Что же такое случилось?

Мрачная фигура, несшая какую-то тяжелую ношу, показалась въ единственномъ окнѣ съ лицевой стороны, еще не залитомъ потоками пламени до самаго верху.

Фигура эта подвигалась впередъ, бодро выдерживая борьбу съ опасностью. Огонь ревѣлъ вокругъ и охватывалъ со всѣхъ сторонъ эту фигуру. Клубы дыма застилали передъ ней дорогу. Эта человѣческая фигура зашаталась и упала. Моряки ничего не могли видѣть ни внутри — въ этой страшно пылавшей печи, ни снаружи — въ спокойномъ, ночномъ воздухѣ. Они съ жаромъ рвались впередъ, но въ этотъ разъ веселость ихъ изчезла. Только самые храбрые изъ нихъ подъ начальствомъ командира Готэма отваживались бороться съ пламенемъ и выносить жгучія ласки огненной стихіи, желая узнать, что сталось съ человѣкомъ, котораго они видѣли.

Этотъ человѣкъ былъ ими найденъ: онъ лежалъ подъ большимъ окномъ и въ объятіяхъ своихъ держалъ какую-то обгорѣлую, почернѣвшую массу,—должно быть женщину, какъ предположили матросы. Они отнесли его на такое мѣсто, гдѣ воздухъ былъ прохладенъ, и узорчатый морозный иней, покрывав-

шій траву, не растаялъ отъ дѣйствія жара. Человѣкъ этотъ дышалъ и испускалъ стоны. Никто не зналъ его лица, покрытаго чернымъ слоемъ дыма.

Вмѣстѣ съ сосѣдями мистриссъ Деунттъ также прибѣжала на пожаръ и присоединилась къ этой группѣ.

— Посмотрите, сказала она, содрогаясь:—вѣдь это была моя госпожа! Она всегда носила этотъ брилльянтъ по вечерамъ на своей шеѣ. Она мертва; нѣтъ, она еще дышетъ!

Да, этотъ брилльянтъ горитъ ярко-краснымъ отраженіемъ пламени. Только одинъ часъ тому назадъ этотъ остовъ считался красавицей, и брилльянтъ; предметъ удивленія, какъ бы говорилъ: «поглядите на эту бѣлоснѣжную шею и на эту лебединую грудь!» Но прелести эти погибли, и драгоцѣнный камень дѣлалъ эту утрату еще болѣе достойною плачевнаго сожалѣнія!

Кто-то подвелъ Воланту, всю измученную и бѣлѣвшую пѣной. Въ этомъ несчастіи, очевидно, скрывалась какая-то тайна.

— Отвезите этихъ обгорѣлыхъ людей въ ближайшій домъ, сказалъ Готэмъ: — теперь, ребята, одни изъ васъ пусть попробуютъ спасти конюшни, а съ прочими я войду въ домъ; вѣдь тамъ были еще и другіе люди.

Моряки боролись съ пожаромъ. Нѣкоторые изъ нихъ отнесли два тѣла въ домъ фермера Бильсби. Пламя освѣщало имъ дорогу между деревьями, которыхъ листья краснѣли октябрскимъ румянцемъ.

То же яркое пламя привело Люси къ дому, бывшему такъ недавно ея роднымъ кровомъ.

Но еще гораздо прежде, чѣмъ она успѣла дойдти до мѣста пожара, ревъ и бѣшенство огня были побѣждены. Отъ дома Бротертофта остались одни голыя стѣны, да груды красныхъ развалинъ. Такъ былъ онъ наказанъ за то, что служилъ убѣжищемъ преступленію и пороку.

Караулъ моряковъ подъ начальствомъ лейтенанта охранялъ жалкіе остатки имущества, уцѣлѣвшіе отъ пожара. Отъ этихъ-то караульныхъ Люси узнала, какъ неизвѣстный человѣкъ спасъ ея мать отъ смерти посреди пламени.

Она поручила Вольтеру разсказать вымышленную исторію о томъ, какъ ее похитили неизвѣстные люди и какъ другимъ удалось ее освободить въ то самое время, когда былъ видѣнъ

пожаръ, происшедшій отъ огня, нечаянно зажженнаго похитителями. Сама же Люси спѣшила къ нѣжно любимому отцу и къ матери, о которой она такъ глубоко сожалѣла.

Джиркъ Деуиттъ проводилъ ее до двери Бильсби.

— Идите съ Богомъ, Джиркъ! сказала она:—я вся дрожу, глядя на васъ и припоминая себѣ, что вы были причиной этого страшнаго несчастія. Идите и разскажите о всемъ случившемся маіору Скерретту.

— А скажете ли и вы, миссъ Люси, моей женѣ, что она поступила безчестно, погубивъ меня своимъ безнравственнымъ поведеніемъ и что мы оба виноваты въ этомъ страшномъ происшествіи?

Люси обѣщала.

Она вошла въ домъ фермера, куда призывалъ ее священный долгъ любви къ родителямъ.

Джиркъ поспѣшилъ на встрѣчу къ маіору Скерретту, чтобы сообщить ему плачевную исторію этой ночи и убѣдить его оставить эту мѣстность, въ которой съ разсвѣтомъ дня начнутся поиски и острые штыки станутъ ощупывать похитителей въ стогахъ сѣна и дуплахъ деревьевъ.

Грустный молодой человѣкъ могъ пройдти теперь не далѣе Кедровой-Горы. Здѣсь онъ увидѣлъ, что съ дальняго горизонта на него глядѣлъ, словно одноглазый циклопъ, красный, тлѣвшій пепелъ сгорѣвшаго дома. Джиркъ лишился присутствія духа и повалился на землю въ ужасѣ и изнеможеніи у корня стараго, непривѣтливаго кедра.

Скерреттъ и Канади, съ безпокойствомъ пробираясь впередъ, нашли здѣсь при восходѣ солнца Джирка, который спалъ и почти окоченѣлъ отъ холода. Они разбудили его и услышали всѣ подробности пожара.

Только одна маленькая полоска дыма носилась въ воздухѣ надъ пепелищемъ сгорѣвшаго зданія. Съ этой горы и до того мѣста мчался Эдвинъ Бротертофтъ въ своемъ ночномъ галопѣ. Кровь застыла въ жилахъ маіора Скерретта, когда онъ узналъ объ этой дикой ѣздѣ и когда воображенію его представилась бѣлая лошадка, стремительно разсѣкавшая темноту ночи въ этомъ благородномъ полетѣ состраданія.

Другой пожалуй сказалъ бы: «чортъ съ ней! Пусть ее го-

ритъ! Она мучила меня сильнѣе, чѣмъ огонь будетъ ее мучить! отозвался Гендрикусъ: — другой поѣхалъ бы въ объѣздъ и добрался бы до дома уже тогда, какъ отъ него остались бы одни кучи золы; иной побоялся бы быть узнаннымъ и разстрѣляннымъ, какъ мятежникъ. Я слышалъ про нашего господина, что онъ будто бы не изъ особенно храбраго десятка; однако онъ рѣшился на молодецкое дѣло, и я горжусь, что родился съ нимъ на одной землѣ; дай Богъ, чтобы я могъ имѣть хоть половину его хорошихъ качествъ.»

И такъ, они уже не могли ничѣмъ пособить горю, а бродить въ той мѣстности было опасно. Они возвратились втроемъ въ отрядъ Путнама. Впродолженіи этого и многихъ другихъ дней Питеръ Скерреттъ размышлялъ объ этомъ страшномъ финалѣ порока и преступленія въ бротертофтскомъ имѣніи. Внимательный и устрашенный мыслію онъ слѣдилъ за всѣми различными путями, которые привели мщеніе на голову преступницы, и видѣлъ, какъ старательно ея преступленіе само приготовило для себя кару. «Дай Богъ, говорилъ онъ, чтобъ она осталась въ живыхъ и узнала, какъ мужественно любовь и состраданіе вырвали ее изъ когтей лютой казни.»

XXIII.

Но оживетъ ли это изуродованное, обожженное существо— нѣкогда прелестная миссисъ Бротертофтъ, покрайней мѣрѣ для того, чтобы испросить и получить прощеніе отъ мужа?

Люси не смѣла на это надѣяться, она глядѣла на дышащій трупъ, ожидая каждую минуту, что смерть положитъ конецъ его тѣлеснымъ страданіямъ.

Эдвинъ Бротертофтъ не былъ сильно обожженъ пламенемъ. Однимъ прыжкомъ пронесся онъ чрезъ пылавшее пространство, въ которомъ горѣла его связанная жена. Онъ вытащилъ ее оттуда, въ одно мгновеніе развязалъ ее и употреблялъ всѣ усилія, выпрыгнуть въ окно комнаты. Дымъ стѣснилъ его дыханіе, но поврежденія отъ огня на его тѣлѣ были незначительны. Въ нѣсколько дней онъ совершенно выздоровѣлъ и уже находился у изголовья своей жены.

Онъ одинъ могъ понимать особенно тоскливый, надрывающій

душу тонъ ея болѣзненныхъ жалобъ. Ея полусонная душа, находясь въ тѣлѣ, лишенномъ всѣхъ чувствъ, казалось, замѣчала при помощи духовнаго осязанія, когда онъ былъ возлѣ нея или уходилъ отъ ея изголовья. Услышитъ ли она еще его слова участія?

Красные, спѣлые листья уже перезрѣли и, падая, похоронили октябрь. За нимъ настали первые ноябрскіе дни съ ихъ яснымъ, рѣзкимъ сіяніемъ солнца, съ ихъ густою синевой неба и массивными бѣлыми облаками, принесенными сѣверозападнымъ вѣтромъ за мѣсяцъ до образованія снѣжныхъ сугробовъ. Далѣе послѣдовало благодатное индійское лѣто (*).

Его тихіе южные напѣвы шопотомъ повторяли забытый романсъ изъ времени розъ и яркаго солнечнаго блеска.

Эдвинъ Бротертофтъ сидѣлъ у окна возлѣ больной жены въ одинъ изъ сумеречныхъ вечеровъ этого задумчиваго времени года.

Въ его жизни совершился поворотъ съ той самой ночи, въ которую онъ вынесъ свою жену изъ пламени. Этотъ одинъ геройскій подвигъ вывелъ его изъ прежней слабости. Онъ чувствовалъ, что въ душѣ его поднялись забытыя силы. Его продолжительное горе показалось ему тою болѣзнію, изъ которой человѣкъ выходитъ обновленнымъ и чистымъ.

Въ этомъ расположеніи духа, глядя на лежавшую передъ нимъ мрачную мѣстность, гармонировавшую съ его собственной печальной жизнью,—глядя на яркое вечернее небо—этотъ символъ яснаго, широкаго простора, который открывался теперь для дѣятельности его ума,—въ этомъ расположеніи духа Эдвинъ сдѣлался къ своей женѣ еще гораздо нѣжнѣе, чѣмъ прежде.

Не земною любовью къ ней было согрѣто его сердце. Это чувство давнымъ давно уже скончалось. Уязвленное ея обманомъ, оно было окончательно добито ея невѣрностью. Опора страсти сломилась. Онъ счелъ бы себя глубоко оскорбленнымъ, если бы ему напомнили, какою горячею любовью онъ окружалъ въ былое время женщину, заплатившую ему вѣроломствомъ. Но теперь, заглядывая въ прошлое, онъ называлъ какъ ея оскорбленія, такъ и свои ошибки—неизбѣжными фактами, одинаково достойными сожалѣнья. Онъ ясно понялъ, что натуры, въ родѣ

(*) *Индійскимъ лѣтомъ* (Snolian summer) называютъ въ Соединенныхъ Штатахъ періодъ теплой погоды въ позднее осеннее время. Пр. пер.

его жены, обыкновенно стремятся къ какому нибудь крупному нарушенію предвѣчныхъ законовъ, къ дерзкому испытанію божьей силы, къ своему же конечному и поучительному пораженію. Законъ вѣрности въ любви и уваженія брачныхъ узъ также будетъ нарушенъ женщиной, имѣющей склонность къ нарушенію законовъ.

Жена его нарушила этотъ законъ, но мужъ отгадалъ ея внутреннюю борьбу; онъ подмѣтилъ въ ней то сознаніе пораженія и позора, которое сдѣлалось для нея нравственной карой,—болѣе жестокой, чѣмъ всѣ эти послѣднія мученія ея тѣла.

Проникая въ ея сердце и читая ея мысли, онъ простилъ ей отъ всей души, согрѣтой однимъ чувствомъ участія.

Да и какое зло она ему сдѣлала? Никакого — думалъ онъ самъ. Если бы не постигло его это безмѣрное горе, окунувшее его въ холодъ разочарованья, онъ могъ бы только жить и умереть человѣкомъ большого свѣта. Когда его поэтическій жаръ остылъ бы съ лѣтами, онъ ограничился бы скромной ролью зажиточнаго джентльмена, пересталъ бы гоняться за геройзмомъ и мученическимъ вѣнцомъ, улыбался бы радостно, насмѣхался или дрожалъ бы подъ крикъ свободы, огласившій всю родину. Не сокруши его это великое горе,—благодаря своимъ свѣтскимъ талантамъ, онъ могъ бы сдѣлаться записнымъ придворнымъ, тонкость его манеръ перешла бы въ приторность, онъ выучился бы преклоняться предъ statu quo, какъ предъ кумиромъ, и потомъ, когда настала бы пора самопожертвованій, онъ измѣнилъ бы благороднымъ внушеніямъ своего сердца. Теперь же онъ избѣжалъ этой низости и пошлости, а это уже значило одержать побѣду при той увѣренности, съ какою онъ, положа руку на сердце, самъ могъ назвать себя вполнѣ честнымъ человѣкомъ. Пусть себѣ общество поетъ свою старую пѣсенку о надеждахъ, которыя онъ обманулъ, пусть оно себѣ толкуетъ: «онъ обѣщалъ быть нашимъ блестящимъ вожатымъ— и впалъ въ ничтожество.»

Но оно никогда не посмѣетъ сказать: «взгляните на этого Бротертофта! Онъ былъ горячимъ патріотомъ; но золото ослѣпило его, дворъ его подкупилъ, и онъ низко насъ оставилъ!»

— Жизнь моя, думалъ онъ, была какимъ-то отрицаніемъ: я испыталъ неудачу въ общественномъ дѣлѣ. Мнѣ не суждены

были тихія радости семейнаго очага. А между тѣмъ я не кляну мою долю. Я ни на одну минуту не измѣнялъ вѣчной правдѣ, а это утѣшеніе стоитъ всѣхъ общественныхъ успѣховъ.

Послѣднія слова онъ произнесъ громко и услышалъ, что жена его повернулась и забормотала, какъ бы желая отвѣтить.

Онъ обернулся къ ней и въ полумракѣ могъ видѣть, какъ жизнь ея вырывалась изъ когтей смерти и собирала всѣ силы, чтобъ умереть. Голосъ и слова опять къ ней возвратились.

— Эдвинъ! позвала она его изнеможенно.

— Джени! отвѣчалъ онъ.

Въ ея умоляющемъ крикѣ, въ нѣжной интонаціи его немногословнаго отвѣта, ихъ души переглянулись. Имъ было не нужно болѣе продолжительное объясненіе. На ея вопль о прощеніи и любви, имя ея, произнесенное его губами, сердечно напутствовало ее и прощеніемъ и любовью...

Она судорожно стала отыскивать его руку. Онъ съ нѣжностью схватилъ руку умирающей. И здѣсь-то, посреди сумеречнаго вечера, они на время разстались. Смерть разлучила ихъ. Она проснулась въ вѣчности. А онъ остался еще на короткое время обольщаться сновидѣніемъ жизни.

XXIV.

Простимся въ нѣсколькихъ словахъ съ маіоромъ Керромъ.

Плохое, скверное житье настало для него въ Фишкиллѣ.

Онъ могъ кушать почти одну свинину и бобы, пить—только американскій apple-jack и думать исключительно о своемъ злополучномъ жребіѣ.

Пришлось и ему познакомиться со стыдомъ.

Маіоръ получилъ письмо отъ Люси Бротертофтъ; она объясняла свои настоящія къ нему чувства въ возможно ласковыхъ выраженіяхъ и описала ему печальную трагедію той ночи, въ которую онъ лишился свободы.

Убѣжденіе, что онъ велъ себя порядочнымъ негодяемъ, проникло сквозь грубость натуры Керра. Онъ былъ благодаренъ Люси за то, что она не чувствовала къ нему презрѣнія. Но ея тонкая деликатность упрекала его въ безчестномъ поведеніи относительно этой дѣвушки, и онъ сталъ сокрушаться всѣмъ сердцемъ

Генералъ Боргойнъ былъ довольно замѣчательнымъ дѣйствующимъ лицомъ внѣ сцены нашей трагедіи. Въ то время, какъ наши актеры дѣйствовали и страдали, этотъ драматургъ-дилеттантъ и генералъ трудился надъ исторической драмой, которую онъ хотѣлъ озаглавить: «Саратога или послѣдній изъ мятежниковъ.» Здѣсь было нѣсколько удачныхъ сценъ и вся публика ждала развязки, задыхаясь отъ волненія. Драма заключилась великолѣпной картиной сдачи оружія, но, ко всеобщему удивленію, не Гораціо Гэтсъ, а самъ Джэкъ Боргойнъ отдалъ свою шпагу и уступилъ пальму первенства.

Эти вѣсти прилетѣли въ Фишкилль въ промежуткѣ десяти дней послѣ плѣненія маіора Керра.

Несчастный маіоръ узналъ о великомъ забраніи британскихъ и гессенскихъ офицеровъ. Онъ началъ бояться, что враги, набравъ плѣнниковъ, какъ мелкой дряни, цѣлыми коробами, закормятъ его континентальнымъ провіантомъ до окончательной погибели желудка.

— Напишите сэру Генри Клинтону, шутливо сказалъ старый Путъ: — не согласится ли онъ, соразмѣрно вашей стоимости, получить васъ въ обмѣнъ на нѣсколькихъ янки, взятыхъ имъ въ гайлэндскихъ фортахъ.

Керръ отправилъ къ своему генералу плачевное донесеніе о своемъ плохомъ продовольствіи и о угрожавшемъ ему засореніи желудка.

— Надо выручить его, сказалъ сэръ Генри: — адъютантомъ еще можно назначить кого-нибудь другого, но во всей арміи его величества никто лучше Керра не можетъ разрѣзать грудины барашка или вынуть ребрышко.

«Обмѣнъ» Керра состоялся. Маіоръ былъ отвезенъ на бортъ Тартара, находившагося противъ бротертофтскаго помѣстья. Онъ отплылъ во-свояси болѣе серьезнымъ и болѣе разсудительнымъ человѣкомъ. Его плѣнъ достигъ своей цѣли, развеселивъ пріунывшихъ витязей Путнама. Генералъ могъ написать Уашингтону: «Мы лишились гайлэндскихъ фортовъ, но захватили въ плѣнъ адъютанта». Гомфрисъ сочинилъ вирши, начинавшіяся такимъ воззваніемъ:

Воспой, о муза, симъ перомъ,
Какъ растравилъ врагамъ ихъ вередъ

И устрашилъ гордыню ихъ
Маіоръ великій Питеръ Скерреттъ!

Бѣдный Керръ! Впродолженіи всего пути до Нью-Іорка его не оставляла скорбь объ утратѣ невѣсты. «Ну, чтожь, поищите другую!» Вотъ все, что можно присовѣтовать въ подобныхъ обстоятельствахъ. Какой-нибудь другой, менѣе пышный цвѣтокъ можетъ замѣнить розу.

У капитана Бэлора, бывшаго китопромышленника и теперь главнаго торговца жирами въ Нью-Іоркѣ, была дочка Бэтти — жирненькая, приземистая дѣвочка. Руки ея болтались по сторонамъ не очень красиво, ноги напоминали плавательныя перья рыбы, бюста — никакого. Но зато она побрякивала золотомъ, а эта музыка часто прельщаетъ слухъ Пигмаліона.

Здѣсь маіоръ приволокнулся и благое дѣло скоро было слажено.

Капитанъ Бэлоръ залилъ жирами долги своего зятя. Керръ отказался отъ адъютантской должности и возвратился на родину вмѣстѣ съ своей женушкой.

Подагра доконала теперь стараго, пухлаго графа Бендига.

Молодой жеребецъ лишилъ братца Тома головы, перебросивъ его черезъ барьеръ. Братецъ Дикъ былъ задушенъ Бахусомъ. Гарри Керръ, — нашъ знакомецъ, сдѣлался шестымъ графомъ офъ-Бендигъ.

Его жирная графиня выучилась въ Англіи хорошимъ манерамъ, и личико ея покрылось очаровательною томностью субретки. Съ утра и до утра руки ея были всунуты въ безбожнотѣсныя перчатки. Благовонныя воды изливались на нее цѣлыми бочками. Но это была честная, бойкая баба, которая не потерпѣла бы съ собой грубаго обращенія. Она держала Керра въ рукахъ и наконецъ ухитрилась-таки сдѣлать изъ него порядочнаго человѣка.

Движимый горячею благодарностью къ супругѣ за свое семейное счастіе, онъ разыскалъ въ геральдикѣ гербъ Бэлоровъ и соединилъ его съ своимъ собственнымъ. Еще и теперь можно видѣть на щитѣ Керровъ, вѣтвь фамиліи Бендиговъ этотъ присоединенный гербъ, гдѣ на взволнованномъ, зеленомъ морѣ представленъ плывущій, выпускающій изъ себя воду Левіоѳанъ, а далѣе видны шлемъ и рука, вооруженная гарпуномъ. Девизъ: «Hic spirat — здѣсь онъ дышетъ.»

XXV.

Генералъ Воганъ, весь пропитанный смрадомъ пожара, вернулся внизъ по рѣкѣ изъ-подъ Кингстона. Сэръ Генри Клинтонъ срылъ гайлэндскіе форты и отступилъ въ Нью-Іоркъ. Континентальные форпосты опять заняли Пикскилль.

Съ ними пришелъ сюда и Питеръ Скерреттъ, котораго верхняя губа была уже покрыта недѣльной щетинкой.

Онъ немедленно поспѣшилъ на ферму Бильсби, гдѣ Бротертофты нашли убѣжище. По дорогѣ онъ завернулъ въ сторону, желая поглядѣть на развалины сгорѣвшаго зданія.

Октябрь попрежнему сверкалъ своей красою. Если деревья, поспѣшившія нарядиться въ свои малиновыя и пурпуровыя покровы, теперь стояли поблекшими и обнаженными, то запоздалые ихъ товарищи еще поддерживали яркость картины. Дѣйствительно рослые дубы только теперь признали наступавшую перемѣну погоды. Сильные морозы одни могли заставить ихъ сбросить съ себя зеленую одежду лѣта.

Лѣса показались Питеру Скерретту такими же прекрасными, какъ и въ тотъ разъ, когда онъ любовался ими въ день своего подвига. Все оставалось попрежнему, и только одно черное пятно нагоняло уныніе. Тамъ, на мѣстѣ стараго, прекраснаго зданія, виднѣлись политыя росою кучи пепла и обгорѣлаго мусора,—трагическій памятникъ трагическаго событія.

— Онъ хорошо сдѣлалъ, что погибъ! думалъ Скерреттъ: — онъ скрывалъ преступленіе. Его нравственная атмосфера была отравлена.

Отсюда бѣжали чистые. Счастье никогда не могло здѣсь пріютиться.

Питеръ стоялъ, прислонясь къ большому дубу, и озиралъ картину мѣстности. Осенніе листья порхали вокругъ него, собирались густыми толпами и припадали къ лону земли. Онъ былъ въ нерѣшительности, онъ медлилъ и лѣнивыми глазами слѣдилъ за пахучими листьями, которые, кружась и летая въ спокойномъ воздухѣ, какъ бы высматривали, куда бы упасть на землѣ и умереть спокойно.

Еще такъ недавно онъ торопился; теперь же онъ медлилъ,

колебался, хотѣлъ отсрочить свиданіе, котораго ожидалъ съ такимъ пылкимъ нетерпѣніемъ.

Онъ помогъ спасти эту прелестную дѣвушку отъ горькой участи, и лицо ея, видѣнное имъ украдкой, при тускломъ мерцаніи звѣздъ, навсегда поселилось въ его воображеніи. Эта юная жизнь, такъ рано преслѣдуемая горемъ, внушала ему самое глубокое сочувствіе. И въ то время, какъ онъ о ней раздумывалъ, скрытая, истинная любовь его души раскрылась.

Теперь, стоя на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ впервые ее увидѣлъ въ минуту опасности, гдѣ почувствовалъ благодарное пожатіе ея руки, Питеръ сознавалъ, что изъ этого чуть замѣтнаго начала выросла широкая, могучая страсть.

Онъ боялся той встрѣчи, которой прежде желалъ такъ пламенно.

Теперь-то долженъ былъ рѣшиться вопросъ, дѣйствительная ли любовь зажгла его сердце, или это была мелкая, вѣтренная страстишка въ родѣ многихъ прежнихъ.

Даже та мысль, что сердце его было согрѣто истинной, глубокой любовью,—что при взглядѣ на ея лицо, при пожатіи ея руки, при новомъ звукѣ ея голоса, душа его узнала бы свою родственную душу,—и эта мысль внушала ему другое опасеніе.

Если для человѣка такъ непзъяснимо сладко любить и предвидѣть взаимное чувство, послѣ долгаго испытанія честности его сердца, то это свиданіе могло бы сдѣлаться для Питера источникомъ перваго, тяжелаго страданія, если бы, разоблачивъ его истинную любовь, оно показало при помощи особыхъ знаковъ, что онъ никогда не долженъ разсчитывать на сочувствіе другого сердца.

Не удивительно поэтому, что онъ ждалъ, слѣдилъ за полетомъ падующихъ листьевъ и выдумывалъ въ своей головѣ тысячи предлоговъ къ отсрочкѣ часа свиданія

Въ этомъ положеніи простоялъ онъ до теплаго, солнечнаго полудня, слыша, какъ въ развалинахъ осыпался обожженный мусоръ, и какъ вокругъ него не переставали шелестѣть опадавшіе листья.

Но вдругъ на сухой насыпи дороги, пролегавшей сзади его, раздался болѣе отчетливый шумъ. Послышались медленные шаги, приближавшіеся къ этому унылому мѣсту. Скерретту показа-

лось, что онъ отгадалъ, кто приближался сюда, чтобы еще разъ воспользоваться суровымъ урокомъ развалинъ.

Онъ отошелъ нѣсколько впередъ, не желая испугать прохожаго внезапнымъ появленіемъ своего лица изъ-за дуба. Онъ не хотѣлъ обернуться.

Эта робость и желаніе увернуться отъ опасности были новыми ощущеніями въ сердцѣ этого браваго, пылкаго юноши.

Все чаще раздавался звукъ шаговъ, — очевидно, женскихъ. Еще чрезъ одну минуту онъ уже слышалъ сладкій голосъ, называвшій его по имени.

Этотъ робкій, боязливый призывъ, какъ нѣжная нотка, дрожавшій посреди солнечнаго блеска, весь воздухъ обратилъ въ міръ гармоніи.

Ея голосъ! Тотъ голосъ, которымъ онъ такъ хотѣлъ и такъ боялся насладиться. Но теперь онъ уже его не боялся. Онъ вѣрилъ, что теперь начинались для него святыя радости, и этотъ трепетъ его души, откликнувшійся на ея дрожащій призывъ, не могъ быть предчувствіемъ грядущихъ страданій.

Опять онъ увидѣлъ ея лицо, озолоченное счастливыми солнечными лучами и болѣе прелестное, чѣмъ онъ его себѣ воображалъ; опять онъ почувствовалъ благодарное пожатіе ея руки и услышалъ отъ нея слова теплой признательности.

Они говорили немного о трагической жизни ея матери—онъ съ сокрушеннымъ сердцемъ, она — со слезами. Эти горестныя воспоминанія сдѣлали его любовь нѣжнѣе. Замѣтивъ это, она подошла къ нему ближе, обнаруживая слабые, но какъ онъ думалъ, надежные зародыши ихъ взаимнаго, тихо созрѣвавшаго счастія.

Потомъ, она повела маіора къ его другу — своему отцу.

Вечерніе горизонтальные лучи освѣщали предъ ними дорогу. Друзья изчезли между деревьями, залитые потоками золота солнечнаго свѣта. Деревья, какъ бы предзнаменуя ихъ блаженство, засыпали весь воздухъ своими раззолоченными листьями.

Да эта минута казалась началомъ неувядаемой любви.

Но что ожидало ихъ впереди? Вѣрность, радость, постоянство и миръ,—или сомнѣнія, разочарованья, позоръ и прощеніе?...

СОДЕРЖАНІЕ.

Келейная тюрьма. Статья . . . . . *Н. В. Шелгунова*
Спектакль съ благотворительною цѣлью. Провинціальныя сцены . . . . . *С. Н. Федорова.*
Совѣтъ. Стихотвореніе. . . . . *Омулевскаго.*
Уѣздный городъ. Изъ семейныхъ воспоминаній. *Д. И. Стахѣева.*
*** (съ итальянскаго). Стихотвореніе. . . . *Н. Д.*
Реализмъ въ примѣненіи къ народной экономіи. *А. П. Щапова.*
Узники. (Съ итальянскаго). Стихотвореніе. . *Н. Д.*
Перепутье. Лѣтнія сцены. . . . . *Г. И. Успенскаго.*
Картинка. Стихотвореніе. . . . . *Омулевскаго.*
Крыловъ, слѣдователь въ Сибири. (Изъ иркутской хроники 1758—1761 года) . . . . . *Н. Щукина.*
Молодая удаль. Стихотвореніе. . . . . *А. Михайлова.*
Съ квартиры на квартиру. Повѣсть. . . . . *А. Михайлова.*
Популяризаторы отрицательныхъ доктринъ. . *Д. Рагодина.*
Пѣсня. Стихотвореніе. . . . . *А. Михайлова.*
Что такое магія? . . . . . *В. Лесевича.*
*** Стихотвореніе. . . . . *А. Михайлова.*
Работники моря. Романъ В. Гюго. Часть I-я. Книга 1 и 2. Переводъ съ французскаго.
О доисторическомъ человѣкѣ. Статья. . . . *К. Фогта.*

Французскіе натуралисты-популяризаторы. . . *П. Личинкина.*
Погибшіе и погибающіе. . . . . *Д. И. Писарева.*
Острогъ и мнѣнія объ улучшеніи его. . . . *Т. З.*

Эдвинъ Бротертофтъ. Романъ изъ американской жизни, Теодора Уинтропа. Переводъ съ англійскаго.

